БОЛЬШИЕ ФФ КНИГИ

Генри Каттнер

РОБОТ-ЗАЗНАЙКА

и другие фантастические истории

«АЗБУКА»

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Генри Каттнер, публиковавшийся не только под своей настоящей фамилией, но и под доброй дюжиной псевдонимов, считается одним из четырех или пяти ведущих американских фантастов 1940-х. Легендарные жанровые журналы, такие как «Future», «Thrilling Wonder», «Planet Stories» и «Weird Tales», более чем охотно принимали произведения, написанные им самостоятельно или в соавторстве с женой, известным мастером фантастики и фэнтези Кэтрин Люсиль Мур; бывало, что целый выпуск журнала отводился для творчества Каттнера. Почти все, созданное этим автором, имеет оттенок гениальности, но особенно удавалась ему «малая литературная форма»: рассказы о мутантах Хогбенах, о чудаковатом изобретателе Гэллегере и многие другие, сдобренные неподражаемым юмором, нескольким поколениям читателей привили стойкую любовь к фантастике. В этот сборник вошли двадцать девять знаменитых произведений Каттнера, в том числе научно-фантастический роман «Ярость». Рассказы «Твонки» и «Все тенали бороговы…» были удостоены премии «Хьюго».

- Генри Каттнер
  - ○
  - ○
  - ○
  - ○ Хроносейф
  - ○ Этот мир – мой!
  - ○ Робот-зазнайка
  - ○ Гэллегер-Штрих
  - ○ Ex machina
  - ○ С приветом, автор
  - ○ Твонки
  - ○ Лучшее время года
  - ○ De Profundis
  - ○ Порочный круг
  - ○ Жил-был гном
  - ○ Сим удостоверяется…
  - ○ «Все тенали бороговы…»
  - ○ Большая Ночь
  - ○ Только не смотрите!
  - ○ Нет больше той любви
  - ○ Алмазная свинка
  - ○ Не сегодня, так завтра

- Жилищная проблема
- Невероятная догадка
- Соглядатай
- Нимб
- Железный стандарт
- Пленник разума
- Мокрая магия
- Андроид
- Хеппи-энд
- И вечность впереди…
- Ярость

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32

- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65

Генри Каттнер «Робот-зазнайка» и другие фантастические истории (сборник)

Henry Kuttner
TIME LOCKER © Henry Kuttner, 1943
THE WORLD IS MINE! © Henry Kuttner, 1943
THE PROUD ROBOT © Henry Kuttner and C. L. Moore, 1943
GALLEGHER PLUS © Henry Kuttner and C. L. Moore, 1943
EX MACHINA © Henry Kuttner, 1948
COMPLIMENTS OF THE AUTHOR © Henry Kuttner and C. L. Moore, 1942
THE TWONKY © Henry Kuttner and C. L. Moore, 1942
VINTAGE SEASON © Henry Kuttner and C. L. Moore, 1946
DE PROFUNDIS © Henry Kuttner and C. L. Moore, 1953
DEADLOCK © Henry Kuttner and C. L. Moore, 1942
A GNOME THERE WAS © Henry Kuttner and C. L. Moore, 1941
BY THESE PRESENTS © Henry Kuttner, 1952
MIMSY WERE THE BOROGOVES © Henry Kuttner and C. L. Moore, 1943
THE BIG NIGHT © Henry Kuttner, 1947
DON'T LOOK NOW © Henry Kuttner, 1948
NO GREATER LOVE © Henry Kuttner, 1943
PIGGY BANK © Henry Kuttner and C. L. Moore, 1942
RAIN CHECK © Henry Kuttner and C. L. Moore, 1946
HOUSING PROBLEM © Henry Kuttner, 1944
A WILD SURMISE © Henry Kuttner and C. L. Moore, 1953
PRIVATE EYE © Henry Kuttner and C. L. Moore, 1949
THE MISGUIDED HALO © Henry Kuttner, 1939
THE IRON STANDARD © Henry Kuttner and C. L. Moore, 1943
THE PRISONER IN THE SKULL © Henry Kuttner and C. L. Moore, 1949
WET MAGIC © Henry Kuttner, 1943
ANDROID © Henry Kuttner and C. L. Moore, 1951
HAPPY ENDING © Henry Kuttner, 1948
TIME ENOUGH © Henry Kuttner and C. L. Moore, 1946
FURY © Henry Kuttner and C. L. Moore, 1947
All rights reserved
© В. И. Баканов, перевод, 1991
© Н. Б. Берденников, перевод, 2007
© А. В. Глебовская, перевод, 1992

© Н. М. Евдокимова (наследник), перевод, 1968
© Б. М. Жужунава (наследник), перевод, 2006, 2007
© О. Г. Зверева, перевод, 2006
© А. С. Киланова, перевод, 2022
© Г. Л. Корчагин, перевод, 2016, 2022
© Г. Л. Олди, перевод, 1992
© А. С. Полошак, перевод, 2022
© В. А. Скороденко (наследник), перевод, 1968
© А. Н. Тетеревникова (наследник), перевод, 2022
© И. А. Тетерина, перевод, 2007
© А. В. Третьяков, перевод, 2022
© Л. А. Черняховская, перевод, 1976
© С. А. Григорьев, иллюстрация на обложке, 2016
© Серийное оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022
Издательство Азбука®
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022
Издательство АЗБУКА®

* * *

Генри Каттнер (1915–1958) прожил недолго, но успел сделать и в фантастике, и для фантастики столько, что иному и не сделать, доживи он хоть до мафусаиловых лет. Юмор и внешняя простота, за которой скрывается напряженная писательская работа, доброта и человечность – вот качества его как писателя и как человека. Не говоря уже о влиянии Каттнера на многие имена, ставшие впоследствии звездными (Рэй Бредбери, Роджер Желязны). Часть из созданного писателя сделана в соавторстве с женой, Кэтрин Мур, и это ни для кого не тайна. В России первый сборник Каттнера вышел в знаменитой «эзэфке» в 1968 году. Писатель и историк Роман Подольный отозвался о книге так: «Творчество Каттнера дошло до нас, «как свет давно умерших звезд». Ошибся он лишь в одном: звезда Каттнера живет до сих пор.

* * *

Пусть мои слова покажутся богохульством, но я все же признаюсь, что не скоро прощу Господа Бога за то,

что в 1958 году забрал у нас Генри Каттнера… Это абсолютно неправильный поступок, потому что этот писатель обладал очень необычным, особенным талантом.

Наше общество привыкло считать, что в нем полно непризнанных гениев. Судя по моему опыту, это глубокое заблуждение. Генетически обусловленный интуитивный талант – редкая штука. Настоящих творцов крайне мало, и они разбросаны по всему миру… Большинство писателей похожи друг на друга как две капли воды, их можно с легкостью заменить одного на другого, и наша культура не изменилась бы ни на йоту. Нас окружают полчища посредственностей, людей, неспособных к созиданию, поэтому Генри Каттнер – исключительно своеобразный писатель, маниакально одержимый творчеством, – всегда был для меня предметом восхищения.

Рэй Бредбери

Хроносейф

Галлоуэй Гэллегер играл на слух. И это было бы совершенно нормально, выбери он стезю музыканта, но его угораздило стать изобретателем. Пусть сумасбродным, пусть всегда нетрезвым, но, безусловно, толковым. Он хотел заниматься техническими разработками и на этом поприще наверняка добился бы успеха – была в нем, как ни крути, жилка гениальности. А вот чего не было, так это средств, чтобы получить серьезное научное образование. Поэтому Гэллегер, по профессии оператор интегрирующей машины, домашнюю лабораторию держал исключительно развлечения ради.

Ей-богу, более дурацкой лаборатории вы бы не нашли ни в этом штате, ни в пяти-шести соседних. Большую часть помещения занимала штуковина, которую Гэллегер назвал алкогольным орга́ном; на ее сборку он потратил аж полгода. Зато теперь мог блаженствовать на удобном мягком диване, нажимая на клавиши и перекачивая в луженую глотку спиртное превосходного качества – в любом количестве и в завидном разнообразии. А поскольку конструировался этот орган в период продолжительного запоя, Гэллегер так и не смог потом вспомнить основные принципы действия своего изобретения. Печально, что и говорить.

В лаборатории было много всякой всячины, по большей части едва ли здесь уместной. У реостатов имелись юбочки, как у балерин, и нелепо ухмыляющиеся керамические рожицы. На большом генераторе бросалась в глаза табличка «Монстр», а другой генератор, куда меньше размером, довольствовался прозвищем Бурчун. В стеклянной реторте сидел фарфоровый кролик, и только Гэллегер знал, как безделушка оказалась там. Сразу у двери высился чудовищный чугунный пес, по замыслу изготовителя предназначавшийся для викторианских газонов, а может быть, для врат ада. Как бы то ни было, сейчас его полые уши служили гнездами для пробирок.

– Но как же все-таки ты это делаешь? – спросил Вэннинг.

Тощий, долговязый Гэллегер, развалившийся возле алкогольного органа, перекачал себе в рот двойной мартини.

– Чего?

– Ты слышал. Я могу обеспечить тебе прибыльную работенку – при условии, что ты будешь применять с толком свои вывихнутые мозги. Или хотя бы научишься пускать пыль в глаза.

– Я пытался, – пробормотал Гэллегер. – Ничего не выходит. Не могу я работать сосредоточившись… Разве что с механикой

какой-нибудь возиться. Должно быть, у моего подсознания коэффициент интеллекта повыше, чем у сознания.

Вэннинг, плотно сбитый коротышка со смуглым, в шрамах, лицом в сердцах ударил Монстра каблуками. Подчас Гэллегер нешуточно его бесил. Никак не возьмет в толк этот рохля, что нельзя закапывать в землю такой ценный талант. Во всяком случае, ценный для Хораса Вэннинга, коммерческого юрисконсульта.

Само собой, эта «коммерция» велась за пределами закона, но усложнившиеся в 1970-х условия торговли все же оставили немало лазеек для мозговитых людей вроде Вэннинга. Да, надо сказать откровенно: свои недюжинные способности он поставил на службу жуликам. Потому что жулики хорошо платили. В те времена прочное знание юриспруденции было редкостью, правовые нормы сплелись в такой тугой клубок, что желающему стать законником требовались годы подготовки еще до поступления на юридический факультет. Но Вэннинг располагал командой опытных экспертов, а также колоссальной библиотекой протоколов, судебных решений и тому подобных сведений, так что за приемлемую плату он бы самого доктора Криппена[1] научил, как выйти сухим из воды.

Теневая сторона этого бизнеса содержалась в сугубой приватности и обходилась без помощников. Взять, к примеру, нейропистолет. Это замечательное оружие соорудил Гэллегер, причем так и не осознал его важности. Просто смастачил однажды вечерком на скорую руку, а детали скреплял лейкопластырем, потому что сломался сварочный аппарат. А Вэннинг выпросил изделие. Владел он нейропистолетом недолго, но выручил тысячи кредитов, сдавая его напрокат потенциальным убийцам. Чем вызвал у полицейского управления сильнейшую головную боль.

Человек осведомленный приходил к Вэннингу и говорил:

– Слышал, ты с мокрым дельцем можешь пособить. Предположим, мне нужно…

– Что-о?! Да за кого вы меня принимаете?

– Э-э… Но…

– Теоретически я могу предположить, что идеальное убийство осуществимо. Допустим, изобретен пистолет определенного типа, и допустим – исключительно теоретически, для примера, – что он лежит в камере хранения на Ньюаркском стратодроме.

– Э-э…

– Я просто теоретизирую. Ячейка номер семьдесят девять, комбинация тридцать-синий-восемь. Эти мелкие детали прибавляют наглядности примеру, вы согласны?

– Ты хочешь сказать…

– Разумеется, если наш убийца возьмет из ячейки воображаемый пистолет и воспользуется им, ему хватит ума иметь при себе посылочную коробку с адресом… ну, скажем, Бруклинский порт, ячейка сорок. Убийца упакует пистолет, пойдет к ближайшему почтовому конвейеру и избавится от улики. Но все это, конечно, теоретически. Сожалею, что не смог вам помочь. Гонорар за консультацию – три тысячи кредитов. Секретарша примет ваш чек.

Выдвинуть потом обвинение будет невозможно. Потому что суд округа Иллинойс, приняв решение 87-М по делу «Штат против Дупсона», создал прецедент. Факт насильственной смерти должен быть установлен. Элемент случайности должен быть учтен. К примеру, на суде по делу «Сандерсон против Сандерсон» в защиту женщины, обвинявшейся в убийстве свекрови, прозвучали такие доводы: «Несомненно, прокурор, располагающий штатом экспертов-токсикологов, обязан это знать… Короче говоря, ваша честь, я со всем уважением требую прекратить этот процесс по причине отсутствия события и состава преступления…»

Гэллегер так и не узнал, что его нейропистолет – не игрушка, а опасное оружие. Зато Вэннинг теперь частенько наведывался в захламленную лабораторию, проявляя живейший интерес к бессознательному изобретательству своего приятеля. Не раз и не два он приобретал удачные плоды творчества Гэллегера.

Проблема заключалась в том, что это творчество нельзя было поставить на поток.

Гэллегер опять глотнул мартини, затем покачал головой и распрямил тощие ноги. Хлопая глазами, подковылял к заваленному разным барахлом верстаку и принялся рассеянно возиться с кусками проводов.

– Что-то конкретное мастеришь? – спросил Вэннинг.

– Не-а. Просто балуюсь. Вот так и бывает: соединяешь разные штучки-дрючки, глядишь, оно и заработало. Правда, никогда заранее не угадать, как оно будет работать. Да ну, к черту! – Гэллегер бросил провода и вернулся на диван.

До чего же странный тип, подумал Вэннинг. Абсолютно беспринципный – и абсолютно чужой в чересчур сложном мире. Он как будто с лукавым весельем в глазах смотрит на этот мир с выбранного им самим шестка, редко чем-то интересуясь всерьез. И делает такие удивительные вещи…

Но всегда исключительно забавы ради.

Вэннинг тяжело вздохнул и обвел взглядом лабораторию. Сущая свалка! Как же она шокирует его упорядоченный разум!

Машинально он подобрал с пола мятый рабочий халат и поискал крючок. Конечно, не нашел. Гэллегер, когда у него иссяк запас проводящих металлов, недолго думая, посрывал крючки и вмонтировал их в какое-нибудь устройство.

Этот так называемый ученый уподобился коматознику – лежал не двигаясь, полузакрыв глаза. Вэннинг прошел в угол и отворил дверцу металлического шкафчика. Крючков и там не оказалось, поэтому Вэннинг аккуратно сложил халат и пристроил его на полу шкафчика.

И вернулся на свой насест, то есть на Монстра.

– Хлебнешь? – спросил Гэллегер.

Вэннинг мотнул головой:

– Нет, спасибо. Завтра мне надо быть в суде.

– Так у меня же тиамин есть. Впрочем, это такая дрянь… Мне куда лучше помогают надувные подушки – я ими башку обкладываю.

– Спасибо, не надо.

– Просто навык нужен, – бормотал Гэллегер. – Любой его может приобрести, если захочет… На что это ты пялишься?

– На… шкафчик, – ответил Вэннинг, озадаченно морща лоб. – Что за…

Он встал. Неплотно закрытая дверка распахнулась. Но где же халат, помещенный Вэннингом в это металлическое хранилище? Исчез без следа.

– Это краска, – сонно объяснил Гэллегер. – А может, дело в гамма-частицах, я ими облучил шкафчик. Но все равно он ни на что не годится.

Вэннинг подошел к шкафчику и направил в него свет лампы дневного света. Он ошибся – шкафчик не пустовал. Но вместо халата на дне лежало нечто бледно-зеленого цвета и приблизительно сферической формы.

– Он что, плавит? – спросил Вэннинг, разглядывая шарик.

– Да не сказал бы… Давай-ка, вынь.

Вэннинг не решился сунуть руку в шкафчик. Но и не растерялся: нашел длинный держатель для пробирок и с его помощью извлек ком.

Что происходит?!

Он аж глаза отвел, не в силах смотреть на происходящее. Зеленый шарик менялся в цвете, размере и форме, медленно расползаясь лишенным всякой геометрии пятном. Держатель заметно отяжелел.

Ничего удивительного – его оттягивал рабочий халат.

– Вот так оно и происходит, – рассеянно проговорил Гэллегер. – И этому тоже должна быть причина. Кладешь вещь в

шкафчик, она уменьшается. Вынимаешь, и она снова большая. Может, удастся продать какому-нибудь эстрадному фокуснику. – Последнее было сказано с сомнением.

Вэннинг сидел, ощупывал халат и таращился на металлический шкафчик. Параллелепипед размерами примерно три на три на пять футов был внутри обрызган из краскопульта серой краской. Снаружи он был черным, лоснящимся.

– На каких принципах он работает?

– Чего? А-а… Не знаю, я просто возился. – Гэллегер качнул в рот коктейля «зомби». – Может, дело в искаженной размерности. Под воздействием гамма-лучей в шкафчике изменились пространственно-временные соотношения. Еще бы понимать, что это означает. – И тихо пробормотал в сторону: – Ну и словечки – жуть от них пробирает.

Вэннингу на ум пришел тессеракт.

– Ты к тому, что внутри он больше, чем снаружи?

– Парадокс, парадокс, ай да чудный парадокс… Я тебе вот что скажу. Сдается, внутренность шкафчика находится вообще не в нашем пространственно-временном континууме. Засунь-ка туда скамейку, увидишь, что будет. – Гэллегер махнул рукой в направлении упомянутого предмета мебели.

– Я и так вижу. Ничего не выйдет: скамейка больше, чем шкафчик.

– Нет, ты все-таки засунь. Помаленьку, начни с угла. Попробуй.

Вэннинг ухватился за скамью. При своем малом росте он был очень мускулист.

– Поставь ее на попа, так легче будет.

– Ладно… Фух… Ну, что теперь?

– Теперь наклони и засовывай.

Вэннинг озадаченно сощурился на собеседника, но затем пожал плечами и подчинился. Скамейка, конечно же, не поместилась в шкафчик. Пролезла только краем и, естественно, уперлась, застряла под косым углом, угрожая рухнуть.

– Ну и?

– Подожди.

Скамья пришла в движение. Она медленно опускалась. С отвисшей от изумления челюстью Вэннинг смотрел, как громоздкая мебелина уходит в шкафчик с неспешностью не слишком тяжелого предмета, погружающегося в воду. Нет, ее не засасывало. Она как будто плавилась. Та часть, что снаружи, оставалась прежней, только уменьшалась по длине.

Вэннинг согнулся, чтобы заглянуть внутрь. Опять это рябящее неразличимое пятно. То, что находилось в шкафчике, меняло

свои контуры, съеживалось, превращалось в этакую ступенчатую пирамидку густого фиолетового цвета.

И шириной не более четырех дюймов.

– Поверить не могу, – пролепетал Вэннинг.

Гэллегер с ухмылкой изрек:

– Как сказал герцог Веллингтон своему подчиненному: «Это была чертовски маленькая бутылочка, сэр».

– Минутку! Как, дьявол тебя побери, можно уместить восьмифутовую скамью в пятифутовом шкафчике?

– Скажи спасибо Ньютону, – ответил Гэллегер. – Гравитация… Возьми-ка пробирку, наполни ее водой, и я тебе покажу.

– Ладно, сейчас… Готово. Что дальше?

– Доверху налил? Отлично. Вон в том выдвижном ящике с табличкой «Фитили» ты найдешь кусковой сахар. Положи кусочек на пробирку так, чтобы уголок оказался в воде.

Вэннинг проделал требуемую манипуляцию.

– И?..

– Что видишь?

– Ничего. Сахар намокает… и тает.

– Вот то-то и оно! – с чувством воскликнул Гэллегер.

Вэннинг недоумевающе посмотрел на него и перевел взгляд на пробирку. Кусочек сахара быстро уменьшался, растворяясь.

И вот он исчез.

– Вода и воздух – это разные физические условия. В воздухе кусочек сахара может существовать как кусочек сахара. В воде он существует как раствор. Уголок, погруженный в воду, переходит в жидкое состояние. Он изменяется физически, но не химически. Остальное делает гравитация.

– А пояснее нельзя?

– Да куда уж яснее, тупица? Вода – это аналогия с особыми физическими условиями, созданными внутри шкафчика. Вместо сахара – скамейка. А теперь слушай внимательно! Сахар впитывает воду и постепенно растворяется, и по мере растворения гравитация опускает его в пробирку. Понятно?

– Вроде да. Скамейка впитывает в себя… физические условия, которые существуют внутри шкафчика. Так? И эти условия сжимают ее…

– Частично, а не полностью. Понемногу. Ну это как растворять человеческое тело в небольшом объеме серной кислоты. Дюйм за дюймом.

– Ага, – произнес Вэннинг, косясь на шкафчик. – А можно вернуть скамейку?

– Валяй. Просто сунь туда руку и вытащи.

– Сунуть руку? Чтобы она растаяла?

– Не растает. Ты же сам видел: это не мгновенный процесс. Если держать руку внутри меньше минуты, не получишь никакого вреда. Сейчас покажу.

Он неохотно встал, огляделся, взял пустую бутылку и бросил ее в шкафчик.

Действительно, воздействие сказалось не вдруг. Бутылка медленно менялась в размерах и форме, пока не превратилась в параллелепипед с кривыми гранями величиной с кусочек сахара. Гэллегер вынул его и положил на пол.

Параллелепипед принялся расти. И превратился обратно в бутылку.

– А теперь скамейка. Гляди.

Он извлек пирамидку. Из нее восстановилась скамья.

– Вот видишь? Компания по обслуживанию складов наверняка заинтересуется. В этот шкафчик можно запихать всю мебель Бруклина, вот только как доставать потом? Физические изменения, понимаешь ли…

– Схема размещения нужна, – задумчиво предложил Вэннинг. – Рисуешь вещь, как она выглядит внутри, и отмечаешь, что она собой представляет.

– Юрист всегда юрист, – оценил Гэллегер. – А я хочу выпить. – Он вернулся на диван и мертвой хваткой вцепился в кран алкогольного органа.

– Даю шесть кредитов за шкафчик, – сказал Вэннинг.

– Продано! Все равно он занимает слишком много места. Жалко, не удалось придумать, как поместить его в самого себя. – Ученый захихикал, довольный остротой. – Смешно, правда?

– Да неужели? – Вэннинг вынул из бумажника банкноты. – Куда положить?

– Запихни в Монстра, это мой банк… Спасибо.

– Пожалуйста. Вот что, объясни-ка мне малость эту тему с сахаром. Ведь не только из-за гравитации он погружается в пробирку. Еще и вода в него впитывается…

– Ты совершенно прав. Осмос! Нет, я глупость сказал. Осмос – это что-то связанное с яйцами. Может, овуляция? Проводимость? Конвекция? Абсорбция! Эх, зря я физику не учил, а то знал бы термины. Дубина стоеросовая, вот я кто. Мне б жениться на дочери бога виноделия… – невнятно закончил Гэллегер и присосался к крану.

– Абсорбция? – Вэннинг наморщил лоб, соображая. – Только тут не сахар впитывает воду… В данном случае твоя скамья впитывает в себя физические условия, существующие в шкафчике.

– Ага… Как губка или промокашка.

– Ты о скамье?

– О себе, – кратко ответил Гэллегер и погрузился в блаженное молчание, время от времени прерываемое бульканьем спиртсодержащей жидкости, поступающей в закаленный пищевод.

Вэннинг вздохнул и повернулся к шкафчику. Аккуратно закрыл дверку на засов, прежде чем поднять покупку мускулистыми руками.

– Уходишь? Ну пока-пока…

– Спокойной ночи.

– Прощай, мой друг, не забывай… – меланхолично пропел изобретатель и перевернулся на бок, явно вознамерившись уснуть.

Вэннинг снова вздохнул и вышел в прохладную мглу. Небо искрилось звездами; только на юге их скрадывало сияние Нижнего Манхэттена. Светящиеся белые башни-небоскребы складывались в зубчатый абрис. Авиареклама расхваливала достоинства Вамбулина: «Ничто так не бодрит!»

У тротуара ждал припаркованный спидер. Вэннинг запихнул шкафчик в багажник и направился к Гудзонской водной трассе – кратчайшей дороге до делового центра. Ему вспомнился рассказ Эдгара По об украденном письме, которое не могли найти, потому что похититель вывернул его наизнанку, сложил заново и написал новый адрес. То есть изменил его внешний облик. Ух ты! Да этот шкафчик – идеальный сейф! Никакому медвежатнику его не взломать по абсолютно очевидной причине: он не запирается и не вызывает желания обчистить его. Можно набить этот сейф банкнотами; все они станут неузнаваемыми, как только окажутся внутри. Идеальное хранилище для наличности.

Но как же, черт возьми, эта штука работает?

Пытать Гэллегера бесполезно. Он играет на слух. Для него растущий у реки первоцвет – просто первоцвет, а не примула вульгарис. Ему чужды силлогизмы. К своим открытиям он приходит напрямик, не утруждаясь анализом важных или пустяковых фактов.

Вэннинг напряженно размышлял. Так не бывает, чтобы два предмета одновременно занимали один и тот же объем пространства. Следовательно, в шкафчике содержится какое-то другое пространство…

Но Вэннинг решил не спешить с выводом. Есть другой ответ, правильный. Просто он еще не пришел на ум.

Вэннинг припарковал спидер перед офисным зданием, где арендовал этаж, и понес шкафчик к грузовому лифту.

Но на своем этаже не направился в кабинет – там шкафчик бросался бы в глаза. Нет, Вэннинг поставил его в подсобке, а

чтобы частично прикрыть, передвинул каталожное бюро. Ни у кого из клерков не возникнет надобность сюда соваться.

Отступив от шкафчика, Вэннинг задумался. Что, если…

Он не сразу услышал приглушенный звонок. Спохватившись, прошел в кабинет и нажал кнопку на видеофоне Уинчелла. Экран заполнило суровое седобородое лицо барристера Хэттона.

– Привет, – сказал Вэннинг.

Хэттон кивнул:

– Я тебе домой звонил – молчок. Решил, что ты в конторе…

– А я не ждал твоего звонка. Слушание завтра. Поздновато для дискуссий, не находишь?

– «Сыновья Дугана» настояли, чтобы я с тобой поговорил. Я был против.

– Ну и?..

Хэттон сдвинул густые седые брови:

– Ты же понимаешь, что я буду добиваться максимально сурового приговора. Улик против Макильсона предостаточно.

– Это только по твоим словам. Но присвоение чужих финансовых средств доказать нелегко.

– Надеюсь, ты не станешь возражать против скопирования?

– Еще чего! Не позволю колоть моему клиенту сыворотку правды.

– Это настроит против вас присяжных.

– Не настроит, потому что на нашей стороне медицина. Я получил врачебное предположение: скопирование причинит вред здоровью Макильсона.

– Вред – вот правильное слово! – Голос Хэттона зазвучал резче. – Твой клиент причинил вред компании, стянув ее облигации, и я смогу это доказать.

– На круг двадцать пять тысяч кредитов, да? Для «Сыновей Дугана» сумма не пустяковая. А как насчет гипотетической мировой, о которой я упоминал? Предположим, двадцать тысяч будут возвращены…

– Это защищенная линия? Не записывается?

– Само собой. Вот прерыватель. – Вэннинг показал провод с металлическим наконечником. – Все строго sub rosa[2].

– Вот и отлично, – ухмыльнулся барристер. – Значит, я могу безбоязненно назвать тебя бездарным пройдохой.

– То есть?

– Твой трюк – старье, проеденное молью. Макильсон умыкнул пять тысяч в облигациях, которые можно продать за деньги. Аудиторы начали проверку, Макильсон кинулся к тебе. Ты ему присоветовал взять еще двадцать тысяч, а теперь предлагаешь вернуть их «Сыновьям Дугана» в обмен на отзыв иска. Потом вы с

Макильсоном поделите пять тысяч, а это по нынешним временам не кот начхал.

– Я ничего подобного не признаю.

– Конечно, не признаешь, даже в разговоре по защищенной линии. Но ведь и так все на виду. Я же сказал, это старый фокус. Мои клиенты не станут играть в твои игры. Процесс будет доведен до конца.

– Ты мне позвонил только для того, чтобы это сообщить?

– Нет, надо уладить вопрос насчет присяжных. Надеюсь, ты не возражаешь против скопирования при их отборе?

– Не возражаю, – ответил Вэннинг.

Свою тактику он строил на технических аспектах законодательства, поэтому состав завтрашнего жюри его не интересовал. Если запасные присяжные заседатели пройдут скопирование, шансы уравняются. И при таком соглашении не придется тратить дни, а то и недели, на споры и отводы.

– Хорошо, – буркнул Хэттон. – Готовься, я тебя без штанов оставлю.

Вэннинг ответил умеренной непристойностью и отключился.

Надо было сосредоточиться на предстоящей схватке в суде, поэтому он выбросил из головы мысли о покупке. У него еще будет вдоволь времени, чтобы изучить возможности удивительного шкафчика. Вэннинг поехал домой, там велел слуге принести стаканчик виски с содовой и улегся в кровать.

На следующий день он выиграл дело. Ставка на сложную техническую аргументацию и мутные судебные прецеденты оправдала себя. Защита строилась на том факте, что облигации не были конвертированы в государственные кредиты, – Вэннинг это доказал, продемонстрировав мудреные финансовые графики. Конвертация даже пяти тысяч кредитов вызвала бы заметный скачок, а таковых не наблюдалось. Эксперты из конторы Вэннинга умели докапываться до самых мельчайших деталей.

Для установления вины Макильсона необходимо было доказать, прямо или косвенно, что облигации существуют с двадцатого декабря этого года, то есть с того дня, когда они были учтены в последний раз. Прецедентом служило дело «Донован против Джонса».

Хэттон взвился на ноги:

– Ваша честь, Джонс позднее признался в присвоении чужих средств!

– Что не повлияло на принятое судом решение, – невозмутимо парировал Вэннинг. – В данном случае закон обратной силы не имеет. Присяжные вынесли вердикт «не

доказано».

– Адвокат защиты, продолжайте.

И адвокат защиты продолжил строить красивую и хитроумную конструкцию из казуистической логики.

– Ваша честь! – не вытерпел Хэттон. – Я не…

– Если мой многоопытный оппонент продемонстрирует облигацию – всего одну из тех, о которых идет речь, – я признаю поражение, – заявил Вэннинг.

На лице у судьи заиграла саркастическая ухмылка.

– Прелестно! Если эта улика будет предъявлена, я немедленно вынесу приговор и обвиняемый отправится в тюрьму. Уж вам ли этого не понимать, мистер Вэннинг? Продолжайте.

– Благодарю. Поскольку облигаций мы не видим, я берусь утверждать, что они не существуют. Их якобы существование – результат ошибки, допущенной клерком при учете.

– Ошибка клерка? Это с калькулятором Педерсона?

– Подобного рода ошибки случались, и я могу это доказать. Ваша честь, разрешите пригласить следующего моего свидетеля.

Возражений не последовало, и свидетель, техник-математик, объяснил, по каким причинам может сбоить калькулятор Педерсона, и привел примеры.

К одному из доводов Хэттон придрался:

– Ваша честь, я протестую! Как известно всем, в Родезии находится определенного рода важная экспериментальная промышленность. Свидетель почему-то не счел нужным упомянуть о том, чем занимается конкретно эта родезийская фабрика. Надеюсь, защита не станет оспаривать тот факт, что «Объединенная компания Гендерсона» в основном имеет дело с радиоактивными рудами?

– Свидетель, ответьте.

– Не могу, ваша честь. У меня нет таких сведений.

– Красноречивое упущение, – хмыкнул Хэттон. – Калькулятор Педерсона – деликатный механизм, радиация для него опасна. Но в офисах «Сыновей Дугана» нет ни радия, ни продуктов его распада.

Вэннинг встал:

– Могу я спросить, не подвергались ли недавно эти офисы фумигации?

– Подвергались. Этого требует закон.

– Надо полагать, применялся хлорсодержащий газ?

– Да.

– Я бы хотел вызвать моего следующего свидетеля.

Следующий свидетель, физик, сотрудник Ультрарадиевого института, объяснил, что гамма-лучи сильно воздействуют на

хлор, вызывая ионизацию. Живые организмы способны поглощать продукты распада радия и в свою очередь излучать. Некоторые клиенты «Сыновей Дугана» контактировали с источниками радиации…

– Ваша честь, это возмутительно! Теоретизирование чистой воды…

Вэннинг притворился оскорбленным.

– Приведу в качестве примера дело «Денджерфилд против „Южнопродуктов“», Калифорния, тысяча девятьсот шестьдесят третий год. Закон гласит, что фактор неопределенности является первичным допустимым доказательством. Мой довод прост: калькулятор Педерсона, на котором считались облигации, способен ошибаться. Если это правда, то облигаций не было и мой клиент невиновен.

– Адвокат обвинения, вам слово, – произнес судья, жалея, что он не барон Джеффрис[3] и не может всю эту чертову свору негодяев отправить на эшафот.

Юриспруденция должна бороться за справедливость, а она превратилась в трехмерные шахматы. Впрочем, это естественное развитие усложнившихся политических и экономических факторов современной цивилизации. И уже понятно, что Вэннинг выиграет процесс.

Так и случилось. Присяжные приняли решение в пользу Макильсона. Хэттон поднял вопрос о скопировании, но это уже было актом отчаяния; ему отказали. Вэннинг подмигнул сопернику, защелкнул брифкейс и отправился в контору.

В полпятого начались неприятности. Секретарша сообщила о прибытии мистера Макильсона, а в следующий миг ее отпихнул в сторону худой смуглый мужчина средних лет, державший в охапке гигантский чемодан из искусственной замши.

– Вэннинг! Я к вам…

Адвокат недобро сощурился, встал из-за стола и резким кивком отослал секретаршу. Как только за ней закрылась дверь, Вэннинг отрывисто заговорил:

– Ты с ума сошел?! Я же велел держаться от меня подальше. Что в чемодане?

– Облигации, – ответил Макильсон дрогнувшим голосом. – Что-то пошло не так…

– Проклятый болван! Притащить сюда облигации… – Вэннинг подскочил к двери, запер ее. – Неужели не понимаешь, что, если Хэттон доберется до этих бумаг, ты мигом вернешься в кутузку? А я лишусь лицензии! Проваливай вместе с чемоданом.

– Выслушай меня! Пожалуйста! Я, как ты и сказал, понес облигации в Финансовое управление, а там… а там был полицейский, меня поджидал. Хорошо, что я его вовремя заметил. Если бы попался…

Вэннинг глубоко вздохнул:

– Прежде чем идти в Финансовое управление, ты должен был два месяца продержать облигации в метро, в камере хранения.

Макильсон вытянул из кармана газету.

– Так ведь правительство замораживает акции и облигации рудодобывающих компаний. Постановление вступит в действие через неделю. А когда это прекратится, неизвестно. Не могу же я сидеть без денег целую вечность.

– Дай взглянуть. – Вэннинг изучил газету и тихо выругался. – Где ты ее взял?

– Купил у мальчишки возле тюрьмы. Хотел узнать котировки рудных акций…

– Так-так. Понятно. И не было ни тени сомнения, что эта газета не фальшивка?

У Макильсона отпала челюсть.

– Фальшивка?

– Вот именно. Хэттон предвидел, что я тебя выручу, и заранее припас газетку. А ты клюнул. И притащил сюда улику, и привел за собой полицию.

– Н-но…

Вэннинг поморщился:

– Как думаешь, почему в Финансовом управлении оказался полицейский? Тебя могли сцапать в любую минуту. Но нужно было не сцапать, а напугать, чтобы ты кинулся ко мне в контору, – и обоих поймать на один крючок. Тебе – срок, мне – лишение адвокатского звания. Чертов идиот!

Макильсон облизал губы.

– А тут есть запасной выход?

– Есть! И за ним наверняка ждет засада. Проклятие! Не будь еще глупее, чем выглядишь.

– А ты можешь… спрятать?

– Где? Они всю контору просветят рентгеновскими лучами. Нет, я просто… – Вэннинг осекся. – Говоришь, спрятать? Спрятать… – Он круто повернулся к селектору. – Мисс Хортон? У меня совещание. Не беспокоить ни по какому поводу. Если вам кто-нибудь предъявит ордер на обыск, созвонитесь с полицейским управлением и убедитесь в подлинности. Вы меня поняли?

На лице Макильсона отразилась надежда.

– Все уладится?

– Ой да заткнись ты! – рявкнул Вэннинг. – Жди здесь, я

сейчас вернусь.

Он скрылся за боковой дверью. На диво скоро вернулся, неуклюже затаскивая в кабинет металлический шкафчик.

– Помоги… Фу-ух… Вон туда, в тот угол. А теперь убирайся.

– Но…

– Живо! – приказал Вэннинг. – У меня все под контролем. И не болтай. Тебя арестуют, но без вещдока долго не продержат. Как только отпустят, возвращайся.

Он отпер дверь, вытолкал Макильсона за порог и снова заперся. Подошел к шкафчику, заглянул внутрь. Пусто. Как и должно быть.

Теперь облигации…

Вэннинг запихал чемодан из искусственной замши. Пришлось повозиться – тот был шире, чем шкафчик. Наконец адвокат смог отдышаться, глядя, как коричневая штуковина съеживается, меняет контуры до неузнаваемости. И вот она уже совсем крошечная, приобрела продолговатую форму яйца и цвет медной центовой монеты.

– Вуаля! – хмыкнул Вэннинг.

И склонился, всматриваясь. В шкафчике что-то двигалось. Нечто гротескное, величиной не больше четырех дюймов. Очень странное на вид, сплошь кубики и уголки, цвета ярко-зеленого и… явно живое.

В дверь кабинета постучали.

Крошечная тварь деловито возилась с медным яйцом. В чисто муравьиной манере подняло его и попыталось утащить. Вэннинг ахнул и сунул руку в шкафчик. Четырехмерной тварюшке не хватило проворства увернуться. Вэннинг ощутил, как она корчится под ладонью.

Он стиснул добычу в кулаке.

Шевеление прекратилось. Вэннинг отпустил убитую тварь и сразу убрал руку.

Дверь затряслась под градом ударов. Вэннинг закрыл шкафчик и выкрикнул:

– Минуту!

– Ломайте! – прозвучал приказ за дверью.

Но это не понадобилось. Вэннинг натянул на лицо виноватую улыбку и провернул ключ.

За порогом стоял барристер Хэттон в сопровождении кряжистых полицейских.

– Мы взяли Макильсона, – сообщил он.

– Вот как? А за что?

Вместо ответа Хэттон дернул головой. Полицейские приступили к обыску. Вэннинг пожал плечами.

– Перегибаете палку, – сказал он. – Вламываетесь, роетесь…

– У нас есть ордер.

– Что ищете?

– Конечно облигации, – устало ответил Хэттон. – Не знаю, куда ты засунул чемодан, но мы его найдем.

– Что за чемодан? – поинтересовался Вэннинг.

– Тот, который принес сюда Макильсон. Когда выходил, чемодана при нем не было.

– Игра закончена, – печально проговорил Вэннинг. – Вы победили.

– То есть?

– Если я признаюсь, куда дел чемодан, замолвите за меня на суде словечко?

– Э-э… да. И где же он?

– Я его съел, – ответил Вэннинг и улегся на диван, давая понять, что намерен вздремнуть.

Хэттон долго не сводил с него ненавидящего взгляда. Полицейские рылись в конторе. Внутренность шкафчика они удостоили лишь беглым взглядом. Стены, пол, потолок, мебель были просвечены рентгеном, но это ничего не дало. Вэннинг поаплодировал напрасным усилиям копов.

Хэттон в конце концов сдался. Ничего другого ему не оставалось.

– Завтра подам на тебя иск, – пообещал Вэннинг. – А еще жалобу на произвольное задержание Макильсона.

– Иди к черту! – прорычал Хэттон.

– Пока-пока.

Вэннинг дождался ухода незваных гостей. Затем, хихикая, отворил дверцу шкафчика.

Медного цвета яйцо, в которое превратился замшевый чемодан, исчезло. Вэннинг пошарил внутри и ничего не обнаружил.

До него не сразу дошел смысл случившегося. Он развернул шкафчик к окну и заглянул снова – с тем же результатом.

Пропали двадцать пять тысяч кредитов в ликвидных рудных облигациях.

Вэннинг вспотел. Он поднял металлический ящик, потряс. Не помогло. Он перетащил шкафчик в другой угол и вернулся, чтобы со всей тщательностью изучить пол.

Может, Хэттон стянул?

Нет. Вэннинг ни на миг не упускал шкафчик из вида за все время обыска. Полицейский распахнул дверцу, заглянул и снова закрыл. С того момента к ней никто не притрагивался.

А облигаций нет.

Как и раздавленной Вэннингом загадочной мелкой твари.

И что же все это значит?

Вэннинг запер шкафчик на задвижку. Опять открыл, не надеясь, что внутри появится медного цвета яйцо.

Оно и не появилось.

Шатаясь, Вэннинг подошел к видеофону и позвонил Гэллегеру.

– А?.. Че?.. Ага… Чего тебе? – Появившееся на экране худое лицо выглядело неважнецки. – У меня похмелье. А тиамин принять не могу – аллергия. Ну ты как, выиграл?

– Послушай, – нервно заговорил Вэннинг, – я кое-что положил в твой чертов ящик – и будто корова языком слизнула.

– Корова? Ящик? Смешно.

– Да не ящик, а то, что было внутри… Чемодан.

Он задумчиво покачал головой:

– Непонятно, да? Помнится, однажды я сделал…

– Давай без воспоминаний! Я хочу вернуть чемодан!

– Фамильная ценность? – предположил Гэллегер.

– Нет. Там деньги.

– Не глупо ли, Вэннинг? С сорок девятого ни один банк не лопнул. Вот уж не думал, что ты такой скряга. Любишь, когда денежки рядом, когда можно пропускать их сквозь твои тонкие, как птичьи коготки, пальчики?

– Да ты опять надрался.

– Я пытаюсь, – возразил Гэллегер, – но вечно что-нибудь мешает. Отнимает время. Вот, к примеру, этот твой звонок обойдется мне в две с половиной пропущенные порции. Надо удлинить шланг, чтобы можно было болтать по «Уинчеллу» и при этом употреблять.

Вэннинг едва разборчиво затараторил в микрофон:

– Чемодан! Что с ним случилось? Как его вернуть?

– А при чем тут я? У меня твоего чемодана нет.

– Можешь узнать, где он?

– Ну… Расскажи во всех подробностях, посмотрю, что можно сделать.

Вэннинг подчинился, хоть и подкорректировал историю, как того требовала осторожность.

– Ладно, – весьма неохотно сказал наконец Гэллегер. – Ненавижу придумывать версии, но разве что в порядке услуги… Эта обойдется тебе в пятьдесят кредитов.

– Чего?! Ты спятил?

– Пятьдесят, – не дрогнул Гэллегер. – Или никаких версий.

– А где гарантия, что ты вернешь мне чемодан?

– Гарантии нет. Но, возможно, есть шанс… Мне надо сходить

в «Механистру», воспользоваться тамошними машинами. Это недешево, но без калькуляторов мощностью в сорок мозгов мне не обойтись…

– Хорошо, согласен, – прорычал Вэннинг. – Приступай. Мне позарез нужен этот чемодан.

– Знаешь, меня всерьез заинтересовал жучок, которого ты раздавил. Сказать по правде, только из-за него я и берусь за твою задачу. Жизнь в четвертом измерении…

Гэллегер отошел, бормоча. Не дождавшись, когда лицо изобретателя снова появится на экране, Вэннинг отключился.

Он заново исследовал шкафчик и не обнаружил ничего нового. Куда же запропастился чертов чемодан из искусственной замши?

Погруженный в печальные думы, Вэннинг натянул пальто и отправился ужинать в «Манхэттен руф». Ему было ужасно жалко себя.

На следующий день думы стали еще печальнее. Гэллегер не отвечал на звонки, так что Вэннингу пришлось томиться ожиданием. В середине дня в контору явился Макильсон.

– Ты смог меня вытащить из кутузки, – начал он с порога, – и что теперь? Здесь найдется выпивка?

– Тебе не нужна выпивка, – проворчал Вэннинг. – И так уже нализался, еле на ногах стоишь. Катись во Флориду и жди, когда все уляжется.

– Осточертело ждать. Лучше махну в Южную Америку. Но для этого нужны денежки.

– Дождись, когда я обналичу облигации.

– Я возьму облигации. Ровно половину, как договаривались.

Вэннинг зло сощурился:

– И снова окажешься у полиции в лапах. Без вариантов.

Макильсон занервничал еще пуще:

– Спорить не стану, я свалял дурака. Но в этот раз будет иначе, комар носу не подточит.

– То есть ты подождешь?

– У меня есть приятель, летчик. Его вертолет сейчас на крыше, на парковке. Я поднимусь, отдам ему облигации и смоюсь. Полиция ничего на меня не накопает.

– А я говорю – нет, – твердо произнес Вэннинг. – Слишком опасно.

– Опасно, пока облигации здесь. Если их найдут…

– Не найдут.

– Где же ты их прячешь?

– Тебя не касается.

Макильсон недобро посмотрел на адвоката:

– Пусть так. Но облигации где-то здесь. Ты не мог их вынести до прихода копов. Не стоит слишком испытывать удачу. Они просвечивали рентгеном?

– Конечно.

– Я слышал, барристер Хэттон нанял ораву экспертов, чтобы они изучили чертежи этого здания. Твою нычку найдут. Я хочу убраться отсюда до того, как это случится.

Вэннинг помахал ладонью:

– Не истери. Я же тебя выручил, скажешь, нет? Хотя ты едва не запорол все дело.

– Это так, – признал Макильсон, оттянув пальцами нижнюю губу. – Но я… – Он скусил ноготь. – Да черт бы тебя побрал! Я сижу на кромке вулкана, а ее подо мной точат термиты. Я не могу торчать тут и ждать, когда полиция разыщет облигации. Из Южной Америки нет экстрадиции, а значит, мне надо поскорей оказаться там.

– Тебе нужно ждать, – сурово повторил Вэннинг. – Это твой единственный шанс.

В руке у Макильсона вдруг оказался пистолет.

– Ты отдашь мне половину облигаций. Прямо сейчас. Я ни на грош тебе не верю. Облапошить меня решил? Выкладывай облигации!

– Нет, – ответил Вэннинг.

– Я не шучу.

– Знаю. Но я не могу отдать облигации сейчас.

– Да? А почему?

– Слышал когда-нибудь о временно́м замке? – спросил Вэннинг, чутко следя за движениями собеседника. – Ты прав насчет того, что я положил чемодан в секретный сейф. Но его можно открыть только через определенное число часов.

– Мм… – задумчиво протянул Макильсон. – А когда?

– Завтра.

– Ладно. Завтра ты отдашь облигации?

– Раз уж настаиваешь. Но все-таки советую передумать. Так будет безопаснее.

Вместо ответа Макильсон лишь ухмыльнулся, оглянувшись по пути к выходу.

Вэннинг долго сидел в полной неподвижности. Его пробирал нешуточный страх.

У Макильсона маниакально-депрессивный психоз. Этот тип и впрямь способен убить. Он сейчас на грани срыва, спасение видит в отчаянном бегстве.

Что ж, надо принять меры предосторожности.

Вэннинг снова позвонил Гэллегеру и снова не получил ответа. Он оставил сообщение на автоответчике и на всякий случай еще раз заглянул в шкафчик. Тот оказался обескураживающе пуст.

Вечером Гэллегер позвал Вэннинга к себе в лабораторию. Изобретатель выглядел усталым и нетрезвым. Он махнул рукой в сторону стола, заваленного обрывками бумаги.

– Ну и задал ты мне задачку! Сказать по правде, вряд ли бы я рискнул за нее взяться, если бы знал, на каких принципах работает штуковина. Садись. Плесни себе чего-нибудь. Принес пятьдесят кредитов?

Вэннинг молча достал банкноты и запихал их в «Монстра».

– Отлично. А теперь… – Он уселся на диван. – А теперь приступим. Вопрос на пятьдесят кредитов.

– Я получу назад чемодан?

– Нет, – сухо ответил Гэллегер. – По крайней мере, пока я не пойму, как все работает. Это, знаешь ли, другой пространственно-временной сектор.

– Нельзя ли попроще?

– Попроще: шкафчик действует как телескоп, но приближает не только визуально. Полагаю, шкафчик – своего рода окно. В него можно смотреть, а еще можно просунуть руку. Окно, открытое в сейчас плюс икс.

– Ты так ничего и не объяснил, – поморщился Вэннинг.

– Все, чем я пока располагаю, это версия. Послушай, что я скажу. Я изначально ошибался. Вещи, которые попадают в шкафчик, не появляются в другом пространстве, поскольку действует пространственная константа. Я имею в виду, что меньше они не становятся. Размер есть размер. Перемещение кубика с ребром в один дюйм на Марс не увеличит кубик и не сократит.

– А как насчет иной плотности в окружающей среде? Она не может раздавить предмет?

– Может, и он останется раздавленным. Будучи извлечен из шкафчика, не обретет прежних размеров и формы. Икс плюс игрек никогда не равно икс умножить на игрек.

– О чем ты?

– Вещи, которые мы кладем в шкафчик, уходят в другое время, – объяснил Гэллегер. – Их параметры во времени остаются неизменными, но этого нельзя сказать о взаимоотношениях с пространством. Два предмета не могут занимать одно место одновременно. Следовательно, твой чемодан отправился в другое

время. В сейчас плюс икс. Я не знаю, что собой представляет этот икс, но подозреваю, что несколько миллионов лет.

Вэннинг опешил:

– Чемодан отправился на миллионы лет в будущее?

– Не берусь судить, на сколько именно лет, но он сейчас далеко, это точно. У меня недостаточно множителей, чтобы закончить уравнение. Я главным образом применяю индуктивную логику, и результаты получаются чертовски странные. Эйнштейн бы оценил. Моя теорема показывает, что Вселенная одновременно расширяется и сжимается…

– Какое это имеет отношение к…

– Движение относительно, – не позволил себя перебить Гэллегер. – Это базовый принцип. Итак, Вселенная расширяется – растекается, как газ, но одновременно ее компоненты сжимаются. Ты в курсе, что солнца и атомы не растут, они лишь разбегаются от центральной точки? Стремглав мчатся во все стороны… О чем бишь я? Ага. Вселенная, если рассматривать ее в отдельности, сжимается.

– Ну сжимается, и что с того? Где мой чемодан?

– Я же сказал: в будущем. Об этом говорит индуктивная логика. Красивая в своей простоте. И совершенно недоказуемая. Сто, тысячу, миллион лет назад Земля – и Вселенная – были больше, чем сейчас. И они продолжают сжиматься. Где-то в будущем Земля вполовину меньше нынешней. Только мы этого не заметим, потому что Вселенная сократится пропорционально. – Тон Гэллегера сделался задумчивым. – Мы засунули в шкафчик скамью, а значит, она вынырнула где-то в будущем. Как я уже сказал тебе, шкафчик – окно в другое время. И скамья оказалась под воздействием тогдашних условий. Мы дали ей несколько секунд, чтобы напитаться энтропией или чем там еще, и она уменьшилась. Почему я сказал «энтропией»? Один Аллах знает.

– Она превратилась в пирамидку.

– Геометрические искажения тоже вероятны. Или это оптическая иллюзия. А может, нам не получить четкий фокус. Не думаю, что вещи в будущем выглядят как-то иначе, если не считать уменьшения, но ведь мы, как ни крути, пользуемся окном в четвертое измерение. Мы сминаем время. Это как через призму глядеть. Размер меняется самостоятельно, но форму и цвет для наших глаз меняет четырехмерная призма.

– Короче, суть в том, что мой чемодан в будущем. Правильно? Но как он мог исчезнуть из шкафчика?

– А та тварюшка, которую ты раздавил? Может, у нее были друзья. Может, они невидимы, пока не попадут в очень узкий фокус. Но представь такую ситуацию. В далеком будущем, через

сто, или тысячу, или даже миллион лет, исчезает чемодан, будто растворяется в воздухе. Наш потомок решает с этим разобраться. Ты его убиваешь. Тогда приходят его приятели и уносят чемодан за пределы шкафчика. В пространстве он может находиться где угодно, а время – неизвестная величина. Сейчас плюс икс. Это временно́й замок. Понятно?

– О черт! – взорвался Вэннинг. – Это и есть твой ответ? И я должен им удовлетвориться?

– Ну да. Ты же не полезешь в шкафчик, чтобы искать чемодан в будущем. Одному богу известно, где он мог вынырнуть. За несколько тысяч лет могли измениться свойства воздуха. Нельзя исключать и других перемен.

– Не полезу. Я не псих.

Значит, тупик. Облигации исчезли, и нет надежды их вернуть. В принципе, можно смириться с этой потерей, поскольку исключена вероятность того, что ценные бумаги попадут в руки полиции. Но как быть с Макильсоном? Его недооценивать нельзя, особенно после того как о стеклолексовое окно кабинета разбилась пуля.

Договориться с Макильсоном не удалось – он внушил себе, что Вэннинг пытается его надуть. Из адвокатской конторы его пришлось выдворять силой, и он выкрикивал угрозы. Обещал пойти в полицию и признаться. Ну и пусть, доказательств-то нет. Черт с ним.

Все же Вэннинг решил подстраховаться и подал в полицию заявление на бывшего клиента. Получилось только хуже – Макильсон вырубил ударом в челюсть полицейского, явившегося по его душу, и сбежал. Теперь он наверняка прячется в темных закоулках, вооруженный и жаждущий мести. Самый настоящий маниакально-депрессивный психопат.

Не без злобного удовольствия Вэннинг вытребовал себе пару телохранителей в штатском. Он был в своем праве, поскольку ему угрожали убийством. Пока Макильсон не обезврежен, его потенциальную жертву должны охранять. И уж конечно, Вэннинг позаботился о том, чтобы Манхэттенский департамент полиции выделил для этого лучших стрелков. Конечно, Вэннинг очень скоро понял, что им также поручено искать пропавшие облигации и замшевый чемодан.

Вэннинг позвонил по «Уинчеллу» барристеру Хэттону и ухмыльнулся с экрана:

– Ну и какие успехи?

– Ты о чем?

– О моих сторожевых псах. И о твоих шпиках. Облигаций им

не найти. Пожалей их, Хэттон. Зачем беднягам надрываться на двух работах разом?

– Достаточно одной работы – добыть улику. Если Макильсон продырявит тебя, я не слишком расстроюсь.

– Ладно, до встречи в суде, – сказал Вэннинг. – Ты вроде обвиняешь Уотсона?

– Да. А ты откажешься от скопирования?

– В отношении присяжных? Разумеется. Это дело у меня в шляпе.

– Ну-ну, помечтай, – хмыкнул Хэттон и отключился.

Посмеиваясь, Вэннинг надел пальто, позвал охрану и направился в суд. Макильсон по пути не встретился. Вэннинг, как и рассчитывал, выиграл процесс. Он вернулся в контору, забрал у секретарши поступившую малозначительную корреспонденцию и отворил дверь своего кабинета.

И сразу увидел на ковре в углу замшевый чемодан.

Он так и обмер, держась за дверную ручку. За спиной приближался тяжелый топот охранников.

– Подождите минутку, – распорядился, оглянувшись, Вэннинг.

А затем юркнул в кабинет, хлопнул дверью и заперся, не дослушав удивленный вопрос.

Чемодан. Он здесь, и это не галлюцинация. Как и мощные удары в дверь – полицейские, коротко посовещавшись, решили ее высадить.

Вэннинг аж позеленел от ужаса. Наконец осмелился шагнуть вперед и увидел шкафчик – в том углу, куда его поставил.

Хроносейф! Вот спасение! Если засунуть в него чемодан, тот сделается неузнаваем. Пусть даже снова пропадет, это не беда. Беда будет, если Вэннинг не избавится сейчас же от прямой улики.

Дверь содрогалась под шквалом ударов. Вэннинг подскочил к чемодану, схватил его. И краем глаза заметил движение.

В воздухе над ним появилась рука. Да не просто рука, а лапища великана. С безупречно чистой манжетой на запястье, которое упиралось в пустоту. Исполинские пальцы потянулись вниз…

Вэннинг взвизгнул и попытался отскочить. Но не успел.

Он забился в клетке из пальцев, тщетно силясь высвободиться. А в следующий миг рука сжалась в кулак. Когда она разжалась, то, что осталось от Вэннинга, шлепнулось на ковер и напитало его кровью. Рука нырнула в пустоту.

Дверь рухнула, и в кабинет ввалились полицейские в штатском.

Хэттон не заставил себя ждать, приехал с толпой экспертов. Впрочем, работы для них не нашлось, если не считать помощи с уборкой. Замшевый чемодан с ликвидными облигациями на двадцать пять тысяч кредитов был переправлен в надежное хранилище. Вэннинга соскребли с ковра и отвезли в морг. Фотографы пощелкали камерами, дактилоскописты опудрили мебель белым порошком, рентгенологи просветили стены лучами. На все про все ушло не больше часа, а потом контору закрыли и опечатали входную дверь.

Поэтому никто не засвидетельствовал повторного появления гигантской руки, которая вынырнула из пустоты, пошарила в поисках чего-то и скрылась.

Лишь один человек мог пролить свет на это событие, что он и сделал у себя в лаборатории, обращаясь к «Монстру». Вот его слова:

– Что ж, теперь понятно, почему вчера здесь на несколько минут материализовалась скамья. Гм… Сейчас плюс икс… и этот икс примерно равен неделе. Ну а почему бы и нет? Все же относительно. Правда, мне никогда не приходило в голову, что Вселенная съеживается так быстро.

Он расслабленно вытянулся на диване и качнул в рот двойного мартини.

– Да, похоже на то, – пробормотал через некоторое время Гэллегер. – Кстати! Сдается, Вэннинг – единственный человек, который сумел протянуть руку в середину следующей недели и… прикончить себя. А не напиться ли мне по этому поводу?

Сказано – сделано.

Этот мир – мой!

– Впустите меня! – верещало за окном кроликообразное существо. – Впустите! Этот мир – мой!

Гэллегер машинально сполз с дивана и, перебарывая на диво мощное гравитационное притяжение колоссального похмелья, тупо заозирался. Кругом обретала детальность, мрачную в сером утреннем свете, его лаборатория. Два генератора, украшенные мишурой, как будто взирали на него с упреком, не радуясь праздничному наряду.

Откуда взялась мишура? Видать, это результат вчерашнего просмотра мультфильма о Томе и Джерри, хмуро подумал Гэллегер. Должно быть, он решил, что на дворе уже канун Рождества.

От этих мыслей Гэллегера оторвал писклявый голос – тот самый, что разбудил его. Изобретатель осторожно повернулся, для надежности сжав голову ладонями. Через плексиглас ближайшего окна на него в упор смотрела мордочка – маленькая, мохнатая.

Фантастическая. Не из тех, что являются человеку в крутом запое. Уши непомерно велики, круглы и покрыты мехом. Розовая пуговка носа дрожит и дергается.

– Впусти меня! – снова заверещало существо. – Я буду покорять этот мир!

– Ну и что дальше? – пробормотал Гэллегер, отворяя дверь.

На заднем дворе было пусто, если не учитывать присутствия трех удивительных животных. Пушистенькие, беленькие, толстенькие, как подушка, они стояли рядком и таращились на хозяина дома.

Три вздрагивающих носика. Три пары золотистых глазенок. Шесть коротких лапок дружно переступили порог. Незваные гости так резво ринулись в дом, что едва не опрокинули Гэллегера.

Ну и дела! Гэллегер кинулся к алкогольному органу, торопливо смешал коктейль и присосался к крану. Полегчало, но не особо. Гости снова стояли – или сидели, поди их пойми, – рядком и рассматривали его не моргая.

Гэллегер уселся на диван и сурово спросил:

– Вы кто?

– Либблы, – ответил тот, что вошел первым.

– Ага. – Гэллегер обдумал услышанное. – А кто такие либблы?

– Это мы, – ответил либбла.

Разговор зашел в тупик, но ненадолго. Вдруг зашевелилась в углу бесформенная груда одеял, и из нее вынырнула орехового

цвета, обильно покрытая морщинами физиономия.

Человек был тощ, ясноглаз и очень стар.

– Ну и болван же ты, – упрекнул он Гэллегера. – Зачем их впустил?

Гэллегер напряг память. Этот старикашка не кто иной, как его дед, живущий в Мэне на ферме. Решил посетить Манхэттен. Этой ночью… Гм… Что было этой ночью? С трудом вспомнилось, как Дедуля похвастался своей вместимостью по части спиртного, и, конечно, без состязания не обошлось. Дедуля победил. Но что было дальше?

Он спросил.

– Неужели не помнишь? – удивился старик.

– Хоть казни, – устало ответил Гэллегер. – Вот так всегда: напьюсь и что-нибудь изобрету, а потом не могу взять в толк, как оно работает. Я, так сказать, играю на слух.

– А то я не знаю? – хмыкнул Дедуля. – Ну вот и полюбуйся, что ты на этот раз изобрел.

Он указал в угол, где стояла высокая таинственная машина и тихо жужжала о чем-то своем.

– Ого! А что это?

– Меня спрашиваешь? Ты же сам ее смастачил. Собственноручно. Этой ночью.

– Я? Правда? А зачем?

– Да откуда мне знать? – сердито зыркнул Дедуля. – Тебе вдруг приспичило повозиться с техникой, и ты соорудил эту штуковину. А потом назвал машиной времени. И включил. Решил не рисковать и сфокусировал ее на заднем дворе. Мы вышли посмотреть, и вдруг откуда ни возьмись – эти три малявки. Мы вернулись в дом – помнится, в большой спешке. Где выпивка?

Либблы уже нетерпеливо приплясывали.

– Ночью было так холодно, – с упреком сообщил один из них. – Почему вы нас не впустили? Это же наш мир.

Длинная лошадиная физиономия Гэллегера вытянулась еще больше.

– Так-так… Ну, раз я построил машину времени – хоть и не помню ни черта, – получается, что вы прибыли из какого-то другого периода. Правильно рассуждаю?

– Конечно, – подтвердил либбла. – Отсюда лет пятьсот будет.

– А вы, часом, не люди? В смысле, мы не эволюционируем в вас?

– Нет, – благодушно ответил самый упитанный из гостей. – Чтобы эволюционировать в доминирующий вид, вам, людям, понадобятся тысячелетия. Мы с Марса.

– Марс. Будущее. Ага. И вы говорите по-английски…

– На Марсе в наше время живут люди с Земли. А почему бы им там не жить? Мы читаем по-английски, разговариваем, все понимаем.

– И вы у себя на Марсе доминантный вид? – пробормотал Гэллегер.

– Ну, не совсем, – ответил либбла и, поколебавшись, уточнил: – Не на всем Марсе.

– Даже не на половине, – добавил другой. – Только в долине Курди. Но долина Курди – это центр Вселенной. Цивилизация там на высшем уровне. У нас есть книги – о Земле и о прочем. Кстати, о Земле: мы намерены ее завоевать.

– Да неужели? – сухо спросил Гэллегер.

– Именно так. Мы уже пытались однажды, но земляне нам не позволили, зато теперь проблем не возникнет. Все вы станете нашими рабами, – радостно посулил либбла.

Ростом он был от силы одиннадцать дюймов.

– Поди, обзавелись каким-то оружием? – предположил Дедуля.

– Оно нам без надобности. Потому что мы умные. Потому что все знаем. Наша память бездонна. Мы можем создавать пушки-дезинтеграторы, тепловые лучеметы, космические корабли…

– Нет, не можем, – возразил другой либбла. – У нас ведь пальцев нет.

А ведь и правда, подумал Гэллегер. Эти мохнатые лапки, похожие на варежки, совершенно не годятся для технической работы.

– И что с того? – сказал первый либбла. – Заставим землян изготовить для нас оружие.

Дедуля опрокинул в рот порцию виски и пожал плечами.

– И часто здесь такое случается, внучек? – поинтересовался он. – Слыхал я, что ты крутой ученый, но ведь ученым вроде положено мастерить ускорители атомных частиц и другие полезные вещи. А какой прок от машины времени?

– Она доставила нас сюда, – заявил либбла. – Сегодня у Земли счастливый день.

– Зависит от точки зрения, – сказал на это Гэллегер. – Прежде чем вы отправите в Вашингтон ультиматум, не желаете ли подкрепиться? Как насчет блюдца молока?

– Мы не животные! – возмутился самый толстый либбла. – Из чашек пьем.

Гэллегер принес три чашки, согрел молока. После недолгих колебаний поставил чашки на пол. Столы для этих малышей слишком высоки. Либблы, вежливо пискнув спасибо, угнездили посуду между колен и принялись лакать длинными розовыми

язычками.

– Недурно, – сказал один.

– Не разговаривай с полным ртом, – цыкнул на него толстенький – судя по повадкам, лидер.

Гэллегер развалился на диване и взглянул на старика.

– Что до этой машины времени, то я ничего не помню. А ведь надо как-то вернуть либбл домой. Чтобы придумать способ, мне понадобится время. Иногда я задумываюсь, не слишком ли много пью.

– Выбрось эти мысли из головы, – велел Дедуля. – В твоем возрасте я не нуждался в машине времени, чтобы материализовать малышей ростом в фут. Мне в этом помогала кукурузная самогонка, – добавил он, облизывая сморщенные губы. – Ты просто слишком много работаешь.

– Ну да, – беспомощно произнес Гэллегер. – И ничего не могу с этим поделать. Но что навело меня на идею построить эту штуку?

– Чего не знаю, того не знаю. Вроде ты нес какую-то чепуху насчет убийства собственного деда, что-то в этом роде. Или насчет предсказания будущего? Я ничегошеньки из твоей болтовни не понял.

– Погоди-ка! Вроде я что-то вспоминаю, смутно… Старый парадокс насчет путешествий во времени. Если убить собственного деда…

– Ночью, когда ты об этом заговорил, я схватился за топор, – перебил Гэллегера Дедуля. – Я еще не готов сыграть в ящик, мальчишка. – И добавил, хихикнув: – Живости мне не занимать, даром что я бензиновую эпоху помню.

– А что было потом?

– Через эту твою жужжалку прошли три карапузика. А ты сказал, что неправильно ее настроил, и полез исправлять.

– Интересно, что я имел в виду, – задумчиво проговорил Гэллегер.

Либблы управились с молоком.

– Итак, мы здесь, – сказал толстенький. – Теперь завоюем ваш мир. С чего начнем?

Гэллегер пожал плечами:

– Боюсь, джентльмены, тут я вам не советчик. Меня никогда не тянуло миры завоевывать, так что понятия не имею, как это делается.

– Первым делом разрушим большие города, – возбужденно заговорил самый маленький либбла. – Затем пленим красавиц, потребуем за них выкуп. Что-нибудь в этом роде. Все перепугаются, и мы победим.

– Как ты до этого додумался? – спросил Гэллегер.

– А в книжках прочел. Именно так это и делается. Мы усядемся на трон и будем всех тиранить. Можно еще молочка?

– И мне, – хором пискнули остальные.

Гэллегер, ухмыляясь, выполнил просьбу.

– Похоже, вы не очень-то удивились, очутившись здесь.

– В книгах и об этом есть.

Плям-плям-плям…

– О чем – об этом? – удивленно задрал бровь Гэллегер. – О том, что вы перенесетесь сюда?

– Конечно нет. Но путешествия во времени описаны во всех подробностях. В нашей эпохе романы сочиняются только на научные темы. А мы много читаем. Да и чем еще можно заниматься в нашей долине? – не без грусти закончил либбла.

– Вы только такие книги читаете?

– Нет, глотаем все подряд. Беллетристику, научные труды, технические пособия. Как изготовить дезинтеграторы и тому подобное. Мы вас научим производить необходимое нам оружие.

– Благодарю покорно! И что, литература такого рода доступна всем?

– Разумеется. А как же иначе?

– Мне кажется, она небезопасна.

– Мне тоже так кажется, – задумчиво проговорил толстенький либбла, – но пока что она никаких бед не причинила.

Поразмыслив, Гэллегер спросил:

– Значит, вы можете мне объяснить, как, к примеру, изготовить тепловой лучемет?

– Да! – последовал взволнованный ответ. – И тогда мы разрушим большие города, пленим…

– Я уже это слышал: вы плените красоток и потребуете за них выкуп. Но зачем?

– Мы знаем, как такие дела делаются, не зря читаем книжки. – Либбла опрокинул чашку и горестно повесил уши, глядя на молочную лужицу.

Другие поспешили погладить его по спине.

– Не плачь, – велел самый крупный.

– Надо плакать, – возразил оплошавший. – В книжках так написано.

– Ты понял наоборот. На самом деле там написано: «Над пролитым молоком не плачут».

– Плачут! И я буду! – Оплошавший либбла зарыдал.

Гэллегер принес ему молока.

– Так вот, насчет теплового лучемета, – сказал он. – И как же…

– Очень просто, – перебил его толстенький и объяснил.

Это и впрямь оказалось очень просто. Дедуля, само собой, ничего не понял, но он с любопытством наблюдал, как трудится Гэллегер. Тот управился за полчаса. Действительно, получился тепловой лучемет. Он прожег дыру в двери шкафа.

– Вот это да! – ахнул Гэллегер, увидев курящийся дымок, и оценивающе посмотрел на металлический цилиндрик у себя на ладони. – Серьезная штучка!

– Она способна убивать людей, – пробормотал толстенький либбла. – Как убила того человека.

– Чего-чего?! Какого еще человека?

– Того, что лежит во дворе. Мы посидели на нем, но он вскоре остыл. У него в груди прожжена дырка.

– Это вы сделали! – судорожно сглотнув, обвинил Гэллегер.

– Нет. Должно быть, он тоже прибыл из другого времени. И дырка в нем уже была.

– Кто?.. Кто он?

– Я его никогда прежде не встречал, – ответил толстенький, утрачивая интерес к теме. – Хочу еще молока. – Он запрыгнул на скамью и уставился через окно на небоскребы Манхэттена. – Ух ты! Этот мир – наш!

Зазвенел дверной звонок. Малость побледневший Гэллегер обратился к старику:

– Дедуля, пойди глянь, кто это. Да кто бы ни был, скажи, чтобы убирался. Наверняка коллектор долгов. Он не обидится – его все гонят взашей. О боже! Мне ведь еще никогда не приходилось убивать.

– Зато мне… – пробормотал Дедуля и направился к выходу, оставив фразу без завершения.

В сопровождении семенящих кроличьих фигурок Гэллегер вышел на задний двор и убедился, что случилось страшное. Посреди розового садочка лежал труп мужчины – очень старого, бородатого, совершенно лысого, в одеждах, изготовленных, похоже, из мягкого цветного целлофана. Рубаха на груди, как и сама грудь, была прожжена. Гэллегер безошибочно узнал работу теплового лучемета.

– Что-то знакомое есть в его внешности, – решил Гэллегер. – Но что именно, не понимаю. Он был еще жив, когда очутился здесь?

– Он был мертвый, но теплый, – ответил либбла. – Приятное такое тепло.

Гэллегер переборол дрожь. Ох и жуткие же малыши! Впрочем, наверняка они безобидны, иначе бы в родной эпохе им не дали доступа к опасной информации.

Гэллегера куда меньше нервировало поведение либбл, чем присутствие трупа. Его слуха коснулся протестующий голос Дедули.

Либблы поспешили укрыться в ближайших кустах, а на задний двор вступили трое мужчин, сопровождая старика. Завидев синие мундиры с медными пуговицами, Гэллегер поспешил бросить тепловой излучатель на клумбу и украдкой нагрести ногой сверху земли. А еще постарался изобразить любезную улыбку.

– Здоро́во, парни. Я как раз собирался звонить в ваше управление. Ко мне во двор кто-то подкинул мертвеца.

Из вновь прибывших двое были полицейскими: здоровяки с недоверчивыми физиономиями, с цепкими глазами. Третий – щегольски одетый коротышка с платиновой шевелюрой, облепившей узкий череп, и карандашными усиками – основательно смахивал на лисицу. Этот типчик носил Почетный знак, что могло означать много или мало, в зависимости от личности владельца.

– Не сумел их прогнать, – посетовал Дедуля. – Так что ты влип, внучек.

– Он шутит, – объяснил полицейским Гэллегер. – Честное слово, я собирался…

– Давайте-ка без этих штучек. Фамилия?

Гэллегер сказал, что он Гэллегер.

– Так-так. – Полицейский опустился на колени, чтобы осмотреть труп, и изумленно присвистнул. – Чем это вы его?

– Ничем. Выхожу из дома, а он уже лежит. Может, вывалился из какого-нибудь окна. – Гэллегер повел рукой, указывая на высившиеся кругом небоскребы.

– Это исключено – у него все кости целы, – возразил полицейский. – Похоже, вы его проткнули раскаленным ломом. Кто он?

– Не знаю. Впервые его вижу. А как вы узнали…

– Мистер Гэллегер, никогда не оставляйте трупы на виду. Кто-нибудь из пентхауса углядит и позвонит в полицию.

– А-а… понял.

– Мы выясним, кто прикончил беднягу, – саркастически продолжал полицейский. – На этот счет не беспокойтесь. Впрочем, вы можете признаться прямо сейчас, чтобы избежать лишних хлопот.

– Но у вас нет прямых улик…

– Давайте-ка без этих штучек. – Перед носом у Гэллегера помахала широченная ладонь. – Я вызову парней, скажу, чтобы прихватили коронера. Где у вас видеофон?

– Дедуля, покажи им, – устало произнес Гэллегер.

Вперед шагнул щеголь. В его голосе сквозила властность:

– Гроэрти, пока Банистер говорит по видеофону, осмотрите дом. Я побуду здесь с мистером Гэллегером.

– Хорошо, мистер Кэнтрелл. – Полицейские удалились вместе с Дедулей.

Со словами «прошу извинить» Кэнтрелл быстро приблизился к Гэллегеру, вонзил тонкие пальцы в землю возле его ноги и извлек цилиндрик. С чуть заметной улыбочкой осмотрел тепловой лучемет.

У Гэллегера сердце сорвалось в пике.

– Интересно, откуда оно взялось? – предпринял он отчаянную попытку оправдаться.

– Вы сами положили, – ответил Кэнтрелл. – Я заметил. Ваше счастье, что не заметили полицейские. Пожалуй, я это подержу у себя. – Он сунул цилиндрик в карман. – Неопровержимая улика. Дырка в вашей жертве чертовски необычная…

– Это не моя жертва!

– Труп лежит на вашем дворе. А я, мистер Гэллегер, интересуюсь оружием. Что это за устройство?

– Э-э-э… просто фонарик.

Кэнтрелл вынул цилиндр и направил на Гэллегера.

– Понятно. Значит, если я нажму на кнопочку…

– Это тепловой лучемет, – поспешил объяснить Гэллегер, уклоняясь. – Ради бога, поосторожнее!

– Гм… Сами сделали?

– Ну… да.

– И убили этим оружием человека?

– Нет!

– Полагаю, – сказал Кэнтрелл, возвращая цилиндрик в карман, – что вы предпочтете об этой вещице помалкивать. Если она попадет в руки полиции, ваша песенка спета. Если же не попадет – другое дело. Будет трудно доказать факт ее применения – ни одно известное оружие не способно причинить такую рану. Знаете, мистер Гэллегер, я верю, что не вы убили беднягу. Не знаю почему, но верю. Возможно, причиной тому ваша репутация. Вы известный чудак, а еще считаетесь отменным изобретателем.

– Спасибо, – сказал Гэллегер. – Но это мой лучемет…

– Хотите, чтобы он значился как вещдок номер один?

– Он ваш.

– Отлично, – ухмыльнулся Кэнтрелл. – Посмотрим, чем я могу вам помочь.

Смотреть было почти не на что. Обзавестись Почетным знаком мог едва ли не любой человек, но политическое влияние далеко не всегда означало влияние на полицию. Когда машина правосудия приходила в движение, остановить ее было не так-то просто. По счастью, права индивидуума в ту пору чтились свято, но это в основном благодаря развитию коммуникационных технологий. Они не оставляли преступнику никаких шансов на побег.

Гэллегеру велели не покидать Манхэттен, будучи уверены, что, если он попытается, система видеослежения моментально его обнаружит. Даже не было необходимости приставлять к нему охрану. На все транспортные узлы Манхэттена поступила трехмерная фотография Гэллегера, и, если бы он попробовал купить билет на стритлайнер или морские сани, его бы моментально опознали, отчитали и отправили домой.

Покойника в сопровождении недоумевающего коронера отвезли в морг. Ушли полицейские и Кэнтрелл. Дедуля, Гэллегер и пушистая троица сидели в лаборатории и растерянно переглядывались.

– Машина времени, подумать только! – проговорил Гэллегер, нажимая клавиши на органе. – И с чего вдруг мне приспичило ее соорудить?

– Тебя не осудят – не смогут доказать, – предположил Дедуля.

– Судебный процесс – дело недешевое. Если не найду хорошего адвоката, мне крышка.

– Разве в суде тебе не дадут адвоката?

– Конечно дадут, но что толку? Современная юриспруденция – игра наподобие шахмат. Чтобы выиграть, нужна поддержка толпы экспертов, знающих все тонкости. Если я допущу малейшую оплошность, меня осудят. Юристы, дедушка, это политики, адвокатское лобби влияет на баланс власти. Виновен, невиновен – это не так важно, как возможность нанять лучших адвокатов. Лучших – значит самых дорогих.

– Деньги тебе не понадобятся, – сказал толстенький либбла. – Покорив мир, мы введем нашу монетарную систему.

Гэллегер пропустил слова гостя мимо ушей.

– Дедуля, ты поднакопил деньжат?

– Не-а. В Мэне они мне почти без надобности.

Внук обвел лабораторию тоскливым взглядом:

– Может, удастся что-нибудь продать. Тепловой лучемет… Хотя нет. Если прознают, что он у меня был, я сяду. Надеюсь, Кэнтрелл будет о нем молчать. Машина времени… – Гэллегер подошел к загадочному устройству и в задумчивости остановился перед ним. – Еще бы вспомнить, как она работает. Или почему.

– Ты же сам ее изобрел.

– Это сделало мое подсознание. Оно черт-те что откалывает. Интересно, для чего этот рычаг?

Гэллегер проэкспериментировал. Ничего не произошло.

– Ужас как сложно… А поскольку мне неизвестен принцип действия этой машины, я не смогу выручить за нее приличные деньги.

– Ночью, – задумчиво проговорил Дедуля, – ты орал о каком-то Хельвиге – он-де тебя озолотит.

У Гэллегера просветлел взор, но лишь на миг.

– Помню его. Никчемный тип, но с непомерным тщеславием. Обещал щедро заплатить, если я помогу ему прославиться.

– Ну так помоги.

– Каким образом? – хмыкнул Гэллегер. – Я готов что угодно изобрести и заявить, будто это дело рук Руфуса Хельвига. Но никто не поверит. Он уже прослыл круглым болваном, едва способным сложить два и два. Впрочем…

Гэллегер повозился с экранами, и на одном из них вдруг появилось широкое, сдобное белое лицо. Руфус Хельвиг был невероятно толст, а лысина и нос пятачком придавали ему облик дауна. Благодаря деньгам он приобрел власть, но общественное признание от него упорно ускользало. Никому Хельвиг не нравился, и это его чрезвычайно расстраивало. Он стал посмешищем – просто потому, что ничего не имел за душой, кроме денег. Другие толстосумы смирились с подобной судьбой, но Хельвиг не смирился.

Он мрачно уставился на Гэллегера:

– Доброе утро. Ты по делу или как?

– Я кое над чем работаю. Но расходы велики, нужен аванс.

– Да что ты говоришь? – недобро сощурился Хельвиг. – Аванс тебе нужен? А разве на прошлой неделе я его не выдал?

– Правда, что ли? – удивился Гэллегер. – Что-то не припоминаю.

– Ты был пьян.

– А-а… Это точно?

– Цитировал Хайяма.

– Что именно?

– Что-то насчет весны, которая придет и вынет розы.

– Значит, я действительно был пьян, – печально проговорил Гэллегер. – Сколько я из тебя вытянул?

Хельвиг сказал. Изобретатель грустно покачал головой:

– Деньги у меня убегают сквозь пальцы, как вода. Ну да ладно. Дай еще.

– Спятил? – прорычал Хельвиг. – Покажи результат. Потом

сможешь собственноручно выписать чек.

– Где, в газовой камере? – спросил Гэллегер, но богач уже отключился.

Дедуля пропустил стаканчик и вздохнул.

– А как насчет этого типа, Кэнтрелла? Он может помочь?

– Сомневаюсь. Он меня подловил на горячем, я у него на крючке. К тому же я совершенно его не знаю.

– Ладно, я возвращаюсь в Мэн.

– Бросаешь меня? – понурился Гэллегер.

– А что, здесь еще осталась выпивка?

– Вообще-то, ты не можешь уехать. Ты вероятный соучастник или что-то в этом роде. Уверен, что не можешь добыть деньжат?

Дедуля был уверен. Гэллегер снова взглянул на машину времени и тяжко вздохнул. Будь ты проклято, подсознание! Вот что бывает, когда наукой занимаешься по наитию, а не как положено. Да, Гэллегер – гений, но сей факт не мешает ему снова и снова попадать в фантастические переплеты. Помнится, он уже когда-то изобрел машину времени, но она работала как-то иначе. Нынешняя – невероятно сложное устройство из блестящего металла – тихо стоит в углу, ее фокус материализации направлен в какую-то точку на заднем дворе.

– Интересно, для чего Кэнтреллу понадобился тепловой лучемет? – задумчиво проговорил Гэллегер.

Либблы между тем ходили по лаборатории, рассматривали ее любопытными золотистыми глазами, взволнованно подергивали розовыми носами. Теперь они вернулись и сели в ряд перед Гэллегером.

– Когда мы покорим этот мир, тебе не придется ни о чем беспокоиться, – пообещали они человеку.

– Спасибо преогромное, – буркнул Гэллегер. – Ваша помощь бесценна. Но прямо сейчас мне позарез нужны деньги, причем много. Чтобы нанять адвоката.

– Зачем тебе адвокат?

– Без него меня осудят за убийство. Это сложно объяснить, ведь вы не знакомы с моим временны́м сектором… – У Гэллегера вдруг отпала челюсть. – Так-так… Есть идея.

– Какая идея?

– Вы мне рассказали, как изготовить тепловой лучемет. Ну а как насчет чего-нибудь еще? Чего-нибудь такого, что можно быстро и выгодно продать?

– Запросто. Мы охотно тебе поможем. Но для этого понадобится устройство ментальной связи.

– К чему такие сложности. Просто объясните. А могу я сам задавать вопросы. Да, так будет лучше. Расскажите, какой

техникой вы пользуетесь в быту.

Зазвонил дверной звонок. Прибыл следователь Махони, высокий, с зализанными иссиня-черными волосами и саркастической миной. Поскольку либблы считали излишним привлекать к себе внимание, пока не разработан план покорения мира, они скрылись с глаз. Махони поприветствовал мужчин небрежным кивком и сказал:

– Доброе утро. У нас в управлении возникла небольшая закавыка. На самом деле ничего серьезного.

– Это плохо, – произнес Гэллегер. – Как насчет выпивки?

– Нет, благодарю. Мне нужно снять отпечатки ваших пальцев. И сделать снимки сетчатки глаз, если не возражаете.

– Не возражаю. Валяйте.

Махони кликнул эксперта, пришедшего вместе с ним. Гэллегера заставили прижать пальцы к чувствительной пленке, фотоаппарат со специальным объективом зафиксировал палочки, колбочки и кровяные канальцы в его глазах. Махони саркастически ухмылялся, наблюдая за этой процедурой. Наконец эксперт предъявил следователю результаты своего труда.

– Это уже слишком! – прокомментировал Махони.

– Вы о чем? – осведомился Гэллегер.

– Да так, о пустяке. Этот труп, обнаруженный на вашем дворе…

– Продолжайте.

– Отпечатки у него такие же, как у вас. И сетчатки точь-в-точь совпадают с вашими. На подобные чудеса даже пластическая хирургия не способна. Скажите, Гэллегер, кто этот волшебник.

Изобретатель захлопал глазами:

– Тысяча чертей! Мои отпечатки? Это абсурдно!

– Абсурдней некуда, – согласился Махони. – Уверены, что не знаете ответа?

Возле окна изумленно присвистнул эксперт.

– Эй, Махони, иди-ка сюда, – позвал он. – Хочу тебе кое-что показать.

– Это подождет.

– На такой жаре – недолго, – возразил эксперт. – Там в саду еще один труп.

Гэллегер и Дедуля обменялись испуганными взглядами. Следователь и его помощник ринулись вон из дома. Изобретатель сидел совершено неподвижно, пока из сада не донеслись крики.

– Еще один? – спросил Дедуля.

Гэллегер кивнул:

– Похоже на то. Давай-ка…

– Смажем пятки?

– Это бесполезно. Давай-ка выйдем и посмотрим, что там стряслось.

Гэллегер уже знал, что там стряслось. Появился новый труп с прожженной фабритканевой безрукавкой и дыркой в груди. Никаких сомнений, что это поработал тепловой луч. Гэллегер получил сильнейшее потрясение – он смотрел на собственный труп.

Впрочем, не совсем. Покойник выглядел лет на десять старше Гэллегера. Лицо исхудалое, темная шевелюра тронута сединой. И наряд непривычный, чудаковатый. Но все же сходство не вызывает сомнений.

– Так-так, – проговорил Махони, глядя на Гэллегера. – Надо полагать, это ваш брат-близнец? – Стуча зубами, следователь вынул сигару и зажег ее дрожащими пальцами. – Вот что я вам скажу. Не знаю, что за шутки вы тут шутите, но мне они не нравятся. Аж мороз по коже. Если окажется, что и у этого трупа пальцы и глаза как у вас, мне это не понравится еще больше. Я не хочу себя чувствовать так, будто схожу с ума. Понятно?

– Невероятно, – сказал эксперт.

Махони загнал всех в дом и связался с управлением.

– Инспектор? Я насчет трупа, доставленного час назад. Ну, вы в курсе: дело Гэллегера…

– Вы его нашли? – спросил инспектор.

Махони оторопело заморгал:

– Что? Я о том трупе, со странными отпечатками…

– Я понял, о ком вы. Так нашли вы его или нет?

– Но он же в морге!

– Был, – ответил инспектор. – Еще десять минут назад. А потом его сперли. Прямо из морга.

Махони не сразу переварил услышанное, нервно облизывая губы.

– Инспектор, – сказал он наконец, – у меня для вас есть другой труп. Он не совсем такой, как тот. Я его только что обнаружил во дворе у Гэллегера. Обстоятельства те же.

– Что?!

– Да. В груди прожжена дырка. И он похож на Гэллегера.

– Похож на… А что с отпечатками? Я велел вам их снять.

– Я снял. Все подтвердилось.

– Это невозможно!

– Скоро сами увидите покойника, – процедил Махони. – Вы пришлете людей?

– Уже отправляю. Что за безумие, господи!..

Инспектор отключился. Гэллегер раздал выпивку и, рухнув на диван, завозился с алкогольным органом. У него голова шла

кругом.

– Между прочим, – заговорил Дедуля, – тебя теперь нельзя судить за убийство того, первого. Раз труп похищен, нет события преступления.

– А ведь верно! – Гэллегер резко сел. – Махони, это так?

Следователь потупился:

– Формально – да. Но не забывайте о том, что я нашел у вас во дворе. Если будет доказано убийство, вы отправитесь в газовую камеру.

– Угу. – Гэллегер снова лег. – Понятно. Но я его не убивал.

– Такова ваша версия.

– И я буду за нее держаться мертвой хваткой. Ладно, дайте знать, когда уляжется суматоха. Мне надо подумать.

Гэллегер сунул в рот шланг, настроил бар на медленную подачу коньяка и расслабился, закрыв глаза. Но ответ упорно не шел на ум.

Краем сознания он отмечал, что помещение заполняется людьми, что вновь идет полицейская рутина. Рассеянно отвечал на вопросы. В конце концов блюстители закона удалились, забрав второй труп. Насыщенный алкоголем мозг изобретателя заработал резвее. Подсознание вышло на передний план.

– Я понял, – сказал Гэллегер Дедуле. – Надеюсь, что понял. Ну-ка, давай посмотрим. – Он подошел к машине времени и завозился с рычагами. – Гм… Не могу ее выключить. Похоже, она настроена на работу в определенном цикле. Кажется, я припоминаю, что было ночью.

– Ты о предсказании будущего?

– Пожалуй… Мы вроде спорили о том, способен ли человек предсказать собственную смерть?

– Было дело.

– Так вот же она, разгадка. Я так настроил машину, чтобы она увидела мою смерть. Она движется по темпоральной линии, достигает момента моей кончины и выдергивает тело – мое будущее тело – в наш временной сектор.

– Ты спятил, – предположил Дедуля.

– Нет, я все понял правильно, – возразил Гэллегер. – Тот первый труп – это был я, лет семидесяти или восьмидесяти. В этом возрасте я умру. Похоже, буду убит тепловым лучом лет через сорок. – И задумчиво добавил: – А лучемет я отдал Кэнтреллу…

Дедуля скривился:

– А как насчет второго трупа? Спорим, тебе его появление не объяснить?

– Объясню запросто. Параллельность временны́х потоков. Вариативность будущего. Вероятностные линии. Слыхал о такой теории?

– Не-а.

– Ну так слушай. Есть идея, что существует бесконечное множество вариантов будущего. Меняя настоящее, ты автоматически переключаешься на другое будущее. Как будто переводишь стрелку на железнодорожных путях. Не женился бы ты на бабуле, меня бы здесь не было. Понятно?

– Не-а, – ответил Дедуля, наливая себе виски.

Гэллегер продолжал, ничуть не смутившись:

– Согласно варианту *А*, лет этак в восемьдесят я погибну от теплового луча. Но это не догма. Я перенес мое мертвое тело назад по железнодорожному пути, и оно появилось в настоящем. И разумеется, от этого настоящее изменилось. В варианте *А* изначально не было места для мертвого восьмидесятилетнего Гэллегера. Но труп появился и изменил будущее. Мы автоматически перескочили на другие рельсы.

– Ну бред же собачий, – пробормотал Дедуля.

– Помолчи, пожалуйста. Я ищу ответ. Сейчас работает второй путь, вариант *Б*. И на этом пути мне предстоит стать жертвой теплового луча примерно в сорок пять лет. А поскольку машина времени настроена на то, чтобы отправить сюда тело в момент смерти, она так и сделала – материализовала мой сорокапятилетний труп. Тем самым вынудив исчезнуть труп восьмидесятилетний.

– Да неужели?!

– Именно так. В варианте *Б* этот труп не существует. И когда вариант *Б* включился, варианта *А* попросту не стало. Как и первого трупа.

У Дедули вдруг просветлел взор.

– Я понял! – заявил старик и одобрительно причмокнул. – Умно! Ты решил симулировать помешательство, да?

– Тьфу ты! – рыкнул Гэллегер и направился к машине времени.

Опять он безуспешно пытался выключить ее. Но она, похоже, целиком отдалась делу материализации будущих трупов Гэллегера.

Что же будет дальше? В действие вступил вариант *Б*. Но трупу из варианта *Б* не положено существовать в имеющемся настоящем. Труп – это переменная *х*.

Б плюс *х* равняется *В*. Новый вариант, новый покойник. Гэллегер нервно глянул во двор. Пока там пусто. Благодарение Господу за эту малую милость.

«В любом случае, – подумал изобретатель, – меня не смогут осудить за убийство самого себя».

Или смогут? Есть ли какая-нибудь статья, предусматривающая наказание за суицид?

Абсурд. Гэллегер не совершал самоубийства, он все еще жив, а раз он жив, то не может быть мертвым.

Совершенно запутавшись, Гэллегер завалился на диван и проглотил порцию крепкого. Ему хотелось умереть. Воображение рисовало судебную тяжбу, изобилующую невероятными противоречиями и парадоксами – без преувеличения процесс века. Чтобы выкрутиться, необходимо заручиться помощью лучшего адвоката в мире.

Тут возникла новая мысль. Допустим, его осудят за убийство и приведут в газовую камеру. Если он умрет в настоящем, его будущий труп, естественно, вмиг исчезнет. Пропадет главное вещественное доказательство. Обвинение рассыплется, и Гэллегера придется оправдать – посмертно!

Он саркастически рассмеялся, хотя на самом деле перспектива его не обрадовала.

Зато напомнила, что необходимо действовать. Гэллегер окликнул либбл. Они успели добраться до банки с печеньем, но явились на зов, виновато стряхивая с усов крошки мохнатыми лапками.

– Молока хотим, – заявил толстенький. – Этот мир – наш.

– Да, – присоединился к нему другой. – Мы разрушим все города и пленим красоток…

– Не сейчас, – устало попросил Гэллегер. – Мир может подождать. А вот я – нет, мне нужно спешно что-нибудь изобрести, чтобы выручить денег и нанять адвоката. Ну не могу я провести остаток жизни, доказывая, что не убивал мои будущие трупы.

– Тебя послушать, так ты точно свихнулся, – вклинился в беседу Дедуля.

– Отстань! Уйди! Да подальше! Я занят.

Дедуля пожал плечами, надел плащ и вышел. Гэллегер подверг либбл допросу с пристрастием.

И убедился в их полной бесполезности. Это не означает, что они уперлись – напротив, были бы рады помочь. Но крайне слабо представляли себе, чего Гэллегер от них хочет. Их крошечные мозги были заполнены сладостными мечтами; ни для чего другого места не оставалось. Либблам было крайне трудно осознать, что существуют другие проблемы.

Все же Гэллегер не оставлял попыток. И наконец был вознагражден, когда либблы снова заговорили о психическом

контакте. Он узнал, что устройства для ментальных контактов в мире будущего используются очень широко. Их изобрел человек по имени Гэллегер, заявил глупый толстячок, не заметивший прямой связи.

Гэллегер трудно сглотнул. Это что же получается, теперь он должен изобрести телепатическую машину? С другой стороны, что будет, если он этого не сделает? Вновь изменится будущее? А еще интересно, почему либблы не исчезли вместе с первым трупом, когда вариант *А* сменился вариантом *Б*?

Что ж, это вопрос не из тех, на которые нет ответа. Вне зависимости от того, проживет Гэллегер свою жизнь или нет, с либблами в марсианской долине ничего не случится. Музыкант может дать фальшивую ноту, запороть пару аккордов, но при первой же возможности он встроится в правильный лад. Время, по-видимому, тоже стремится к норме. Отлично!

– Ну-ка, поподробней об устройстве ментальной связи, – потребовал он.

Либблы рассказали. Из их болтовни Гэллегер выловил нужные фрагменты, сложил их воедино и пришел к выводу, что ему предстоит соорудить нечто весьма и весьма диковинное, но практичное. Гэллегер тихо сказал пару ласковых насчет своих необузданных талантов. Без них тут точно не обошлось.

Ментальная связь позволяет непроходимому тупице за считаные минуты выучить математику. Правда, это требует соответствующего навыка – необходимо развить умственную сноровку. Каменщик постигнет искусство игры на пианино, но пройдет немало времени, прежде чем его заскорузлые пальцы обретут нужную гибкость и чуткость.

Однако самое главное достоинство телепатической машины состоит в том, что она способна перемещать таланты из одного мозга в другой. Суть здесь в индукции, хотя комбинации электрических импульсов излучаются мозгом. Интенсивность этого излучения бывает разной. Когда человек спит, линия на графике выравнивается. Когда он пляшет, подсознание машинально управляет ногами, если он достаточно опытный танцор; соответственно изламывается линия. Будучи зарегистрированы и изучены, навыки опытного танцора могут перезаписываться, как при посредстве пантографа, на другой мозг.

Ну и дела!

Либблы много чего еще рассказали: о центрах памяти, о прочем в том же роде. Но Гэллегер слушал вполуха: он уже уловил суть и придумал некий план, и ему не терпелось приступить к работе.

– Со временем приучаешься расшифровывать график с первого взгляда, – сообщил либбла. – В нашем времени это устройство применяется очень широко. Те, кому лень учиться, закачивают себе содержимое мозгов маститых специалистов. Жил в нашей долине землянин, мечтавший о славе певца, но напрочь лишенный музыкального слуха. Ни одна нота ему не давалась. Но благодаря устройству ментальной связи уже через полгода он мог спеть все, что угодно.

– Полгода? Почему так долго?

– Голос пришлось тренировать, а это совсем не простое дело. Зато потом такие рулады выводил…

– Сделай нам такую машину, – попросил толстенький либбла. – Может, она пригодится в покорении Земли.

– Именно этим я и собираюсь заняться, – ответил Гэллегер. – Но прежде нужно кое-чем обзавестись.

Изобретатель связался с Руфусом Хельвигом – мол, есть возможность заглянуть в будущее, как тебе эта идея? Толстосум воспринял предложение холодно.

– Когда покажешь, – буркнул он, – тогда и выдам чек.

– Но мне сейчас деньги нужны, – настаивал Гэллегер. – Как я тебе покажу будущее, если меня задушат газом за убийство?

– За убийство? – заинтересовался Хельвиг. – А кого ты убил?

– Никого я не убивал. Меня принимают не за того…

– Это ты меня принимаешь не за того. На сей раз я не дам себя одурачить. Сперва результаты, Гэллегер. Больше никаких авансов.

– Руфус, послушай меня. Ты бы хотел петь, как Карузо? Танцевать, как Нижинский? Плавать, как Вайсмюллер? Ораторствовать, как госсекретарь Паркинсон? Фокусничать, как Гудини?

– Опять надрался! – сделал вывод Хельвиг и отключился.

Гэллегер хмуро смотрел на экран. Похоже, ничего не остается, как браться за работу.

И он взялся. Его ловкие, опытные пальцы порхали, не отставая от проворного разума. Помогал и алкоголь, раскрепощая демона подсознания. Когда возникали сомнения, изобретатель обращался к либблам. Тем не менее дело двигалось не быстро.

Не хватало оборудования и материалов. Он обратился к поставщикам и уговорил их продать все необходимое в кредит. Потом его заставил отвлечься вежливый коротышка в котелке, принесший повестку в суд, да еще вернулся Дедуля, чтобы занять пять кредитов. В город прибыл шапито, и Дедуля, большой любитель бродячих цирков, не мог пропустить это событие.

– Может, сходишь со мной? – спросил он. – Надеюсь сыграть в

кости. Почему-то с цирковыми мне в этом деле особенно везет. Как-то раз пять сотен выиграл у бородатой женщины. Нет? Тогда счастливо оставаться.

Закрыв за Дедулей дверь, Гэллегер вернулся к конструированию. Либблы самозабвенно воровали печенье и незлобиво спорили о том, как поделят мир после его покорения. Телепатическая машина росла медленно, но верно.

Что же до машины времени, то спорадические попытки ее выключить доказали: это дохлый номер. Похоже, она зациклилась на одном-единственном алгоритме, имеющем целью вытаскивать из будущего разновозрастные трупы Гэллегера. И пока эта задача не будет полностью выполнена, машина упрямо проигнорирует любые команды иного рода.

– Шаровидный старик с Дарданелл пил тогда, когда пить не хотел, – рассеянно бормотал Гэллегер. – Ну-ка, посмотрим… Здесь нужен узкий луч… Вот так… Теперь настрою датчик, чувствительный к электромагнитному потоку… На слова «Стыд и срам!» возражал: «Знаю сам»[4]… Готово!

Гэллегер не заметил, как пролетели часы и настала ночь. Либблы с раздувшимся от печенья животиком не капризничали, разве что изредка требовали молока. Чтобы держать подсознание в тонусе, Гэллегер регулярно обращался к алкогольному органу.

В чувства его привел голод. Изобретатель вздохнул, оглядел готовое устройство ментальной связи, покачал головой и отворил дверь. Перед ним лежал пустой задний двор.

Или… не пустой?

Нет, пустой. Никаких трупов. Все еще действовал вариант *Б*.

Гэллегер перешагнул через порог, подставил разгоряченные щеки под прохладный ночной ветерок. Крепостными куртинами его окружали сверкающие рекламой небоскребы Манхэттена. В вышине адскими светлячками мерцали огни воздушного транспорта.

И вдруг поблизости раздался глухой шлепок.

Гэллегер резко обернулся на звук. Это человеческое тело вывалилось из пустоты и рухнуло посреди розового садочка.

Холодея от страха, Гэллегер подошел осмотреть покойника. Тому на вид было лет пятьдесят-шестьдесят. Шелковистые черные усы, очки. Это Гэллегер, никаких сомнений. Постаревший Гэллегер из временно́го варианта *В*. Да, это уже *В*, не *Б*. И в груди дырка, прожженная тепловым лучеметом.

В этот момент до Гэллегера дошло: труп из варианта *Б* сейчас исчез из полицейского морга, как и его предшественник.

Ой-ой-ой! Выходит, в варианте *В* Гэллегеру суждено дожить до пятидесятилетия, но и там его прикончит тепловой луч.

Приуныв, он подумал о Кэнтрелле, забравшем лучемет, и содрогнулся. Ситуация запутывается все сильнее.

Скоро явится полиция, а пока можно заморить червячка. Гэллегер вернулся в лабораторию, по пути собрал либбл и загнал их на кухню, где наскоро состряпал ужин, – по счастью, в холодильнике нашлись стейки. Либблы умяли свои порции с волчьим аппетитом, за едой воодушевленно обсуждая фантастические планы. Гэллегеру они решили доверить пост великого визиря.

– А он коварный? – спросил толстенький.

– Не знаю. Почему ты спрашиваешь?

– Потому что в книгах великие визири всегда коварны. Гррх… – Толстенький подавился мясом. – Ик… кхе… Этот мир – наш!

Какие наивные малыши, подумалось Гэллегеру. Неисправимые романтики. Можно только позавидовать их оптимизму…

Обуреваемый тревогами, он сложил тарелки в объедкосжигатель («Обожжет посуду дочиста!» – гласила реклама) и освежился пивком. Устройство ментальной связи будет работать, нет никаких причин в этом сомневаться. Гениальное подсознание потрудилось на совесть…

Да, машина получилась. Иначе либблы не сказали бы, что ее давным-давно изобрел Гэллегер. Жаль, что нельзя использовать Хельвига в качестве лабораторной зверушки.

Услышав стук в дверь, Гэллегер торжествующе щелкнул пальцами. Вот и подопытный кролик.

На пороге возник сияющий Дедуля.

– Ох и здорово было! Цирк – это всегда здорово. Вот тебе, внучек, пара сотен. Я играл в стад с татуированным дядькой и парнем, который прыгает с вышки в бак. Отличные ребята! Завтра снова с ними увижусь.

– Спасибо, – сказал Гэллегер.

Две сотни – это сущие гроши по сравнению с той суммой, что ему требовалась, но он не хотел злить старика. Пускай сначала тот примет участие в эксперименте.

– Даешь эксперимент! – сказал Дедуля, углядевший алкогольный орган.

– Я исследовал мои мыслительные шаблоны и обнаружил те, что отвечают за математические способности. Это что-то вроде атомной структуры чистого знания… Объяснить не возьмусь, но могу перемещать содержимое моего мозга в твой, причем избирательно. Могу передать тебе мой математический талант.

– Благодарствую, – сказал на это Дедуля. – Уверен, что тебе

самому он не понадобится?

– Он останется у меня. Это просто матрица.

– Что еще за матрица?

– Матричный шаблон. Я запишу его копию в твоем мозгу. Понятно?

– Конечно. – Дедуля позволил усадить себя на стул и надеть на голову опутанный проводами шлем.

Гэллегер увенчал себя другим шлемом и завозился с устройством ментальной связи. Оно издавало звуки и мигало лампочками. Вдруг тихий гул перерос в истошный визг – и оборвался.

Гэллегер снял оба шлема.

– Как себя чувствуешь? – спросил он.

– Как огурчик.

– Уверен?

– Хочу выпить.

– Я не передавал тебе мой питейный талант, потому что у тебя и собственный на высоте. Разве что удвоил твой… – Гэллегер вдруг побледнел. – Если заодно и мою жажду записал, ты можешь не выдержать. Умрешь…

Пробормотав что-то насчет чертовых недоумков, Дедуля промочил пересохшее горло. Гэллегер последовал примеру и озадаченно уставился на старика:

– Ошибки быть не могло. Мои графики… – И резко спросил: – Число пи – это сколько?

– Столько, да полстолька, да еще четверть столька.

Гэллегер выругался. Устройство должно было сработать. Оно не могло не сработать! По многим причинам, из которых главная – это логика. А может…

– Давай еще попробуем. Принимать теперь буду я.

– Ладно, – согласился Дедуля.

– Гм… Но ведь у тебя нет никаких талантов. Ничего из ряда вон. Как я пойму, сработало или нет? Был бы ты эстрадным пианистом или певцом…

– Еще чего!

– Погоди-ка… Идея! У меня есть знакомый на телевидении – может, пособит.

Гэллегер воспользовался видеофоном. На уговоры ушло немало времени, но ему было обещано: скоро в лабораторию явится сеньор Рамон Фирес, аргентинский тенор.

– Сам Фирес! – возликовал Гэллегер. – Один из величайших голосов нашего полушария! Это будет лучшим доказательством! Если вдруг я запою как соловей, то для Хельвига прибор уж точно подойдет.

Фирес, судя по его виду, проводил досуг в ночном клубе, но по просьбе телестудии все бросил и сел на авиатакси. Полет занял десять минут, и вот дородный, элегантный мужчина с широким подвижным ртом ухмыляется Гэллегеру.

– Вы сказали, есть проблема и я с моим шикарным голосом могу помочь, так что вот он я – к вашим услугам. Запись, да?

– Нечто вроде.

– Заключили с кем-то пари, угадал?

– Можно и так сказать, – кивнул Гэллегер, усаживая Фireса в кресло. – Мне нужно записать психические шаблоны вашего пения.

– Вот как? Это что-то новенькое. Прошу объяснить.

Изобретатель послушно прибег к совершенно бессмысленному научному жаргону с целью успокоить сеньора Фireса на срок, необходимый для получения графических схем.

Работа не заняла много времени и дала желаемый результат. Диаграммные ленты самописцев явственно продемонстрировали великий певческий талант аргентинца.

Под скептическим взглядом Дедули Гэллегер произвел настройку, надел шлемы и включил устройство. Снова заполыхали лампочки и загудели провода. И вдруг умолкли.

– Ну что, получилось? Можно посмотреть?

– На составление отчета требуется время, – беззастенчиво солгал Гэллегер, не желая разразиться трелями в присутствии Фireса. – Сразу по готовности я отправлю его в ваши апартаменты.

– Ага… *Muy bien*[5], – блеснул белоснежными зубами певец. – Всегда буду рад помочь, амиго.

После отъезда Фireса Гэллегер сел и стал ждать, глядя на стену. Ничего не происходило. Слегка болела голова, но и только.

– Дело в шляпе? – спросил Дедуля.

– Угу. До-ре-ми-фа-соль…

– Чего-чего?

– Молчи. Смейся, паяц, и всех ты потешай…[6]

– Никак умом тронулся?

– Я люблю парад![7] – неистово провыл Гэллегер, чудовищно фальшивя. – Однажды, сидя за органом…[8]

– Она пойдет вокруг горы, когда она придет[9], – радостно затянул Дедуля. – Она пойдет вокруг горы…

– В изнеможенье, сам не свой…

– Она пойдет вокруг горы…

– В порыве вдохновенья странном…

– Когда она придет! – проблеял Дедуля, всегдашний душа

компании. – Эх, умел я красиво петь в молодые годы. Теперь давай-ка вместе. Знаешь «Фрэнки и Джонни»?[10]

Гэллегер справился с желанием залиться слезами. Метнув в Дедулю ледяной взгляд, он прошел в кухню и откупорил бутылку пива. Прохладный, с мятным привкусом напиток освежил ему мозги, но не справился с задачей поднять моральный дух. Петь Гэллегер не научился. Уж всяко до Фиреса ему как до Луны. И хоть полгода тренируй голосовые связки, толку не будет. Устройство попросту не сработало. Ментальная связь, говорите? Чепуха на постном масле.

И тут раздался визгливый голос Дедули:

– Эй! А знаешь, что я вижу во дворе?

– Мне не нужно трех попыток, чтобы угадать, – мрачно проговорил Гэллегер и присосался к пивной бутылке.

Спустя три часа, в десять утра, прибыла полиция. Причина задержки объяснялась просто: из морга исчез труп, но хватились его не сразу. Разумеется, тщательнейшие поиски не дали никакого результата. Появился Махони с подручными, и Гэллегер небрежным мановением руки указал на заднюю дверь:

– Там его найдете.

– Опять эти фокусы? – недобро глядя на него, процедил Махони.

– Я ни при чем.

Команда полицейских убралась из лаборатории. Остался лишь субтильный блондин, задумчиво разглядывающий Гэллегера.

– Как вы это делаете? – спросил Кэнтрелл.

– А? Вы о чем?

– У вас тут что, везде припрятаны другие… устройства?

– Тепловые лучеметы? Нет.

– Как же тогда вам удается убивать людей одним и тем же способом? – жалобно спросил Кэнтрелл.

– Я никого не убивал.

– Он пытался мне объяснить, – заговорил Дедуля, – да только я ни бельмеса не понял. В смысле, не понял тогда. А потом, конечно, до меня дошло. Все очень просто: разные темпоральные линии. Тут влияет принцип неопределенности Планка, ну и, само собой, Гейзенберг. Законы термодинамики ясно показывают, что вселенная норовит вернуться в норму, то бишь в знакомую нам степень энтропии, а отклонения от этой нормы непременно должны компенсироваться соответствующими искажениями пространственно-временной структуры универсального космического уравнения.

Повисло молчание.

Гэллегер подошел к умывальнику и медленно опростал себе на голову стакан воды.

– Ты в самом деле это понял? – спросил он.

– Конечно, – ответил Дедуля. – А что такого? Телепатическая машина передала мне твой математический талант, включая словарный запас, надо полагать.

– И ты хотел утаить это от меня?

– Да нет же, черт возьми! Просто мозгу требуется время, чтобы приспособиться к новым возможностям. В нем есть нечто вроде предохранительного клапана. Массированное вторжение совершенно новых мыслительных паттернов способно полностью разрушить разум. Чтобы в нем все устаканилось, нужно часа три. Вроде столько и прошло? Или больше?

– Угу, – подтвердил Гэллегер. – Угу… – Он заметил, что Кэнтрелл следит за разговором, и изобразил улыбку. – Мы с Дедулей любим подшучивать друг над дружкой. Не обращайте внимания.

– Гм… – протянул Кэнтрелл, подозрительно супясь. – Шуточки, значит?

– Ну да, они самые.

В лабораторию внесли тело. Кэнтрелл подмигнул, многозначительно похлопал по карману, после чего отвел Гэллегера в угол.

– Если я кому-нибудь покажу этот ваш тепловой лучемет, вам крышка. Помните об этом.

– Не забуду. Кстати, какого черта вам от меня нужно?

– Ну… даже не знаю. Такое оружие полезно держать при себе. В любой момент может пригодиться – злодеев кругом нынче прорва. Мне спокойней оттого, что эта вещица лежит в кармане.

Он отвернулся; в дом вошел Махони, нервно кусая губы.

– Этот тип на заднем дворе…

– Ну?

– Он похож на вас… только постарше.

– Махони, что с отпечатками пальцев? – спросил Кэнтрелл.

Следователь прорычал невнятное ругательство.

– Вам уже известен ответ. То же, что и прежде – и чего не может быть. Сетчатки тоже совпадают. А теперь, Гэллегер, я буду задавать вам вопросы, и я хочу получить честные ответы. Не забывайте о том, что вы подозреваетесь в убийстве.

– И кого же я убил? – спросил Гэллегер. – Двоих бедняг, которые исчезли из морга? Нет у вас прямых вещественных доказательств. А по новому закону недостаточно фотоснимков и даже показаний очевидцев, чтобы осудить за убийство.

– Вам известно, почему был принят этот закон, – проворчал Махони. – Пять лет назад СМИ продемонстрировали трехмерные изображения трупов, а люди сочли эти трупы настоящими; разразился жуткий скандал. Но эти жмурики, что появлялись у вас во дворе, не трехмерные картинки. Они были настоящими.

– Были?

– Два – были. Один – есть.

– Я не… – начал Гэллегер и осекся.

У него заработало горло.

– Пей за меня лишь глазами одними, и я поклянусь своими[11], – грянул тенор, хоть и нетренированный, но уверенный и звучный. – Иль урони поцелуй на дно…

– Эй! – вскинулся Махони. – Прекратите! Слышите меня?

– …чаши, куда не налью вино. Жажда, что мучает душу мою…

– Хватит! – заорал следователь. – Мы не пение ваше слушать пришли.

Тем не менее он слушал. Как и остальные. Пойманный в хватку буйного таланта сеньора Фиреса, Гэллегер не умолкал, его непривычное горло постепенно расслаблялось и изливало трели, которым позавидовал бы соловей.

Гэллегер пел!

Полицейские не смогли его остановить. И сбежали, выкрикивая угрозы. Обещали вернуться со смирительной рубашкой.

На Дедулю тоже нашло странное наваждение. Из него сыпались слова, загадочные смыслы, математически переведенные в научные термины, имена в диапазоне от Евклида до Эйнштейна. Никаких сомнений: Дедуле достался буйный математический талант Гэллегера.

Но вот это закончилось, как неизбежно заканчивается все хорошее или плохое. Гэллегер зашелся сухим кашлем, кое-как отдышался, рухнул на диван и уставился на Дедулю, а тот, с округлившимися глазами, обмяк в кресле. Либблы покинули свое укрытие и стали рядком; каждый сжимал мохнатыми лапками печеньку.

– Этот мир – мой, – сказал толстячок.

События шли парадным шагом. Наведался Махони – сообщить, что добился специального определения суда и что Гэллегер окажется за решеткой, как только процедура заработает. То есть уже завтра.

Гэллегер отправился к юрисконсульту, лучшему на Восточном побережье. Да, Перссон может добиться отмены

определения, и процесс он наверняка выиграет, и… В общем, Гэллегеру не о чем будет беспокоиться, если он наймет этого адвоката. Часть гонорара – авансом.

– Сколько?.. Ничего себе!

– Позвоните, – сказал Перссон, – когда решите, что я вам нужен. Сможете вечером прислать чек?

– Ладно, – буркнул Гэллегер и поспешил связаться с Руфусом Хельвигом.

По счастью, богач оказался на месте.

Гэллегер объяснил. Хельвиг не поверил. Но все же согласился рано утром приехать в лабораторию для эксперимента. Раньше невозможно. И никаких авансов, пока он не убедится на сто процентов.

– Сделаешь меня великолепным эстрадным пианистом, – поставил он условие, – тогда поверю.

Гэллегер опять связался с телестудией и добился разговора с Джои Макензи, красивой блондинкой, которая недавно покорила Нью-Йорк и сразу подписала контракт с телекомпанией. Она пообещала приехать утром. Пришлось уламывать девушку, и Гэллегер не поскупился на намеки, чтобы разжечь ее любопытство. Похоже, пианистка путала науку с черной магией.

А на заднем дворе появился очередной труп, что означало: включилась вероятностная линия *Г*. Не могло быть сомнений, что одновременно третий мертвец исчез из морга.

Новообретенные таланты угомонились. Гэллегер пришел к выводу, что неодолимый приступ буйства возникает только в самом начале, спустя три-четыре часа после перезаписи, а после способность можно включать и выключать по желанию. Его больше не бросало в певческий раж, но разок-другой он спел, и очень неплохо. Подобным образом и Дедуля демонстрировал тонкое математическое чутье, когда возникала охота.

В пять утра прибыл Махони с двумя полицейскими, арестовал Гэллегера и доставил его в тюрьму.

Три дня изобретатель не имел связи с внешним миром.

На третий вечер пришел адвокат Перссон, вооруженный судебным приказом о доставлении арестованного в суд для выяснения правомерности его содержания под стражей, а еще ворохом грязных ругательств. Он вытащил Гэллегера – возможно, благодаря своей репутации. Позже в авиатакси Перссон заламывал руки и жалобно завывал:

– Что за адское дело?! Политическое давление, запутанные законы! Безумие! У вас на заднем дворе появляются трупы – их уже семь – и пропадают из морга. Как это все понимать, Гэллегер?

– Даже не знаю… А вы все еще мой адвокат?

– Ну конечно!

Такси осторожно обогнуло небоскреб.

– Что касается денег: ваш дед выдал мне чек. Сказал, что провернул задуманное вами дельце с Руфусом Хельвигом и получил гонорар. Впрочем, я не чувствую, что честно заработал эти деньги. Вы же три дня провели за решеткой! Надо было мне нажать на все возможные рычаги.

Вот, значит, что произошло. Поскольку Дедуля обзавелся математическим даром Гэллегера, ему не составило труда разобраться, что собой представляет устройство ментальной связи и как оно работает. Он взялся записать в мозг Хельвига музыкальные способности Джои Макензи, и все получилось. Проблема денег решена. Но как быть с другими?

Гэллегер рассказал, что счел возможным. Перссон покачал головой:

– Машина времени, говорите? Ну значит, надо ее как-нибудь вырубить. Чтобы прекратилась доставка мертвецов.

– Я ее даже расколошматить не могу, – посетовал Гэллегер. – Пытался, но она в состоянии стазиса, то есть полностью вне нашего пространственно-временного сектора. И сколько это продлится, не знаю. У нее задача переносить из будущего мой собственный труп, и сама она не прекратит.

– Понятно. Ладно, сделаю все, что в моих силах. В общем, мистер Гэллегер, вы теперь свободны, но я не могу ничего гарантировать, пока вы не остановите этот мертвецкий конвейер. Увидимся завтра. У меня в конторе, в полдень? Договорились.

Гэллегер пожал адвокату руку и объяснил водителю такси, как добраться до лаборатории.

Там его ждал неприятный сюрприз. Дверь открыл Кэнтрелл.

Узкое бледное лицо дрогнуло в улыбке.

– Добро пожаловать, Гэллегер, – любезно произнес Кэнтрелл, отступая.

– Уж я пожалую. Какого черта вы тут делаете?

– Я с визитом. К вашему деду.

Гэллегер окинул помещение взглядом:

– Где он?

– Не знаю, куда-то убрел. Сами поищите.

Смутно чуя беду, изобретатель приступил к поискам. Дедуля обнаружился в кухне, он поедал соленые крендельки и кормил ими либбл. Старик не посмел взглянуть внуку в глаза.

– Ладно, – сказал Гэллегер, – рассказывай.

– Я не виноват. Кэнтрелл пригрозил отдать тепловой лучемет полицейским, если не сделаю, что ему нужно. Я понимал, что

тебе будет крышка…

– Что произошло?!

– Успокойся! У меня все получилось. Никакого вреда никому…

– Что? О чем ты?!

– О телепатической машине. Кэнтрелл заставил меня записать кое-что ему в мозг. Подглядел в окошко, как я вожусь с Хельвигом, и все понял. Пригрозил обеспечить тебе смертный приговор, если не получит несколько талантов.

– Чьих?

– Э-э… Гулливера, Морлисона, Коттмана, Дениса, святого Мэлори…

– Достаточно, – севшим голосом проговорил Гэллегер. – Величайшие инженеры нашего столетия. И теперь их знания у Кэнтрелла в мозгу. Как ему удалось заманить сюда этих людей?

– С помощью вранья. Он не говорил, чего на самом деле хочет. Сочинил невероятную историю… У него ведь теперь тоже твой математический талант. От меня.

– Какая прелесть, – процедил, мрачнея, Гэллегер. – Но на кой черт ему это понадобилось?

– Он хочет покорить мир, – печально ответил толстенький либбла. – Пожалуйста, не дайте ему этого сделать. Мы хотим покорить мир сами.

– Не совсем так, – сказал Дедуля, – но все равно ничего хорошего. У Кэнтрелла теперь те же знания, что и у нас, и он сам может изготовить устройство ментальной связи. Уже через час полетит в Европу на стратолайнере.

– Это сулит неприятности, – сделал вывод Гэллегер.

– Да, я понимаю. Сдается мне, Кэнтрелл бессовестный тип. Это его стараниями тебя держали в кутузке.

Отворилась дверь, в кухню заглянул Кэнтрелл:

– А в саду опять труп. Только что появился. Ну да не будем из-за него беспокоиться. Я вскоре вас покину. Ван Декер не звонил?

– Ван Декер?! – Гэллегер судорожно сглотнул: у этого человека самый высокий коэффициент интеллекта в мире. – Ты не мог его…

– Не успел, – улыбнулся Кэнтрелл. – Все эти дни пытался связаться с ним, а он откликнулся только сегодня утром. Правда, обещал вечером приехать. – Кэнтрелл глянул на часы. – Надеюсь, не опоздает. Стратолайнер не станет ждать.

– Погоди-ка. – Гэллегер двинулся к Кэнтреллу. – Хотелось бы узнать, какие у тебя планы.

– Он задумал покорить мир, – пропищал либбла.

Кэнтрелл ухмыльнулся, глядя на малыша.

– Не такая уж и фантастическая идея, – сказал он. – По счастью, я совершенно аморален, а потому могу извлечь из этой возможности всю выгоду без остатка. Соберу лучшие мировые таланты и добьюсь успеха практически во всем. – Он подмигнул.

– Комплекс диктатора, – проворчал Гэллегер.

– Еще нет, – возразил Кэнтрелл. – Но не исключено, что однажды обзаведусь и им. Дайте только срок. Уже сейчас я практически супермен.

– Ты не сможешь…

– Да неужели? – перебил Гэллегера Кэнтрелл. – Не забывай, у меня твой тепловой лучемет.

– Ага, – кивнул изобретатель. – И те трупы на дворе – мои собственные трупы – появились благодаря тепловому лучу. Пока что лучемет есть только у тебя. Ясное дело, ты однажды решишь меня убить.

– Однажды – это лучше, чем прямо сейчас, или будешь спорить? – мягко спросил Кэнтрелл.

Гэллегер не ответил.

– Я снял сливки с лучших умов Восточного побережья, – похвастался Кэнтрелл, – а теперь это же проделаю и в Европе. И передо мной не останется преград.

Один из либбл горько заплакал, сообразив, что рухнула его надежда покорить мир.

Кто-то позвонил в дверь. Кэнтрелл кивнул Дедуле, и тот вышел в прихожую, чтобы вернуться с приземистым, коренастым, клювоносым мужчиной с пышной рыжей бородой.

– Ну вот я и здесь! – взревел гость. – Надеюсь, не опоздал? Отлично.

– Доктор Ван Декер?

– А кто ж еще? – грянул бородач. – Ну-ка, поживей, поживей, поживей! Я человек занятой. Займемся экспериментом, о котором вы рассказали по видеофону, о проецировании разума в астрал. Говорите, вряд ли получится? Я бы добавил, что и звучит нелепо. Впрочем, отчего бы не попробовать?

Дедуля пихнул Гэллегера локтем и шепнул:

– Это ему Кэнтрелл так объяснил, насчет астрала.

– Да? Послушай, мы не можем позволить…

– Не волнуйся. – Дедуля многозначительно подмигнул. – У меня, внучек, теперь твои таланты. Я применил математику и придумал ответ. Просто смотри. Тсс!

Больше он ничего сказать не успел. Кэнтрелл всех загнал в лабораторию. Кривясь и кусая губу, Гэллегер размышлял над проблемой. Нельзя допустить, чтобы затея Кэнтрелла удалась. С

другой стороны, Дедуля считает, что нет причины для тревог, – у него-де все под контролем.

Само собой, либблы предпочли исчезнуть – наверное, отправились на поиски печенья. Кэнтрелл, поглядывая на часы, усадил Ван Декера в кресло. Он демонстративно держал руку в кармане, то и дело предостерегающе косясь на Гэллегера. Очертания теплового лучемета легко угадывались на флексоткани пальто.

– Сейчас я вам покажу, как просто это делается, – хихикнул Дедуля, подсеменив на тонких ножках к устройству ментальной связи и пощелкав тумблерами.

– Поаккуратнее, старик! – предостерег Кэнтрелл недобрым голосом.

– Что-то не так? – вскинулся Ван Декер.

– Нет-нет, – ответил Дедуля. – Мистер Кэнтрелл боится, что я сделаю ошибку. Исключено! Этот шлем…

Он надел шлем на голову Ван Декера. Заскрипели перья самописцев, вычерчивая волнистые линии на картах. Дедуля проворно собрал карты, но вдруг споткнулся и завалился на пол; бумаги разлетелись во все стороны. Прежде чем Кэнтрелл успел отреагировать, старик вновь очутился на ногах. Бормоча ругательства, он собрал карты и положил их на стол.

Гэллегер приблизился, посмотрел через плечо Кэнтрелла. Ого! Оказывается, потрясающий коэффициент интеллекта Ван Декера – не миф! Его мощные таланты на графиках видны как на ладони.

Кэнтрелл, разбиравшийся в работе телепатической машины, поскольку перенял математические способности Гэллегера через Дедулю, удовлетворенно кивнул. Он надел шлем себе на голову и двинулся к устройству. Бросив взгляд на Ван Декера и убедившись, что тот сидит на месте, перекинул тумблеры. Заполыхали лампы, тихий гул перерос в визг. И оборвался. Кэнтрелл снял шлем. Когда он полез в карман, Дедуля небрежно поднял руку и показал маленький блестящий пистолет.

– Не вздумай, – сказал Дедуля.

У Кэнтрелла недобро сузились глаза.

– Брось пистолет.

– Не-а. Я смекнул, что ты хочешь нас прикончить и разбить машину, чтобы остаться уникальным. Не выйдет. У этой игрушки очень слабый спуск. Может, ты и успеешь выстрелить, но и сам сдохнешь.

Кэнтрелл обдумал услышанное и спросил:

– Ладно, что дальше?

– Проваливай. Мне не нужна дырка от теплового луча, а ты не

хочешь получить пулю в брюхо. Живи и дай жить другим. Честная сделка.

Кэнтрелл тихо рассмеялся:

– И впрямь честная, старик. Ты ее заслужил. Но не забывай: я знаю, как построить такую машину. И я снял сливки. Ты тоже можешь это проделать, но получится не лучше, чем у меня.

– Значит, силы равны, – сказал Дедуля.

– Да, равны. Мы еще встретимся. А ты, Гэллегер, не забывай о том, отчего у тебя на дворе появляются покойники. – Натянуто улыбаясь, Кэнтрелл попятился к выходу.

Гэллегер вскочил.

– Надо сообщить в полицию! – рявкнул он. – Кэнтрелл теперь слишком опасен, нельзя его отпускать.

– Успокойся, – помахал пистолетом Дедуля. – Я же сказал, у меня все на мази. Ты ведь не хочешь, чтобы тебя обвинили в убийстве? Если Кэнтрелла арестуют – а предъявить ему совершенно нечего, – то полиция обнаружит лучемет. Лучше пусть будет по-моему.

– По-твоему – это как?

– Микки, давай, – ухмыльнулся Дедуля доктору Саймону Ван Декеру.

Сдернув рыжую бороду и парик, тот торжествующе захохотал.

– Двойник! – ахнул Гэллегер.

– Точно. Пару дней назад я позвонил Микки и объяснил, чего хочу. Он загримировался под Ван Декера, связался с Кэнтреллом и договорился встретиться сегодня.

– Но как же карты? Они показали ай-кью гения…

– Я их подменил, когда уронил на пол. Заранее изготовил фальшивые.

Гэллегер нахмурился:

– Все же это не меняет ситуацию. Кэнтрелл на свободе, и он чертовски много знает.

– Не гони коней, внучек, – сказал Дедуля. – Дай мне объяснить.

И он объяснил.

Часа через три в телевизионных новостях сообщили, что над Атлантикой из стратолайнера выпал некто Роланд Кэнтрелл.

Гэллегер уже знал точное время его смерти. Потому что в тот момент с заднего двора исчез труп.

Причиной было разрушение лучемета.

Это означало, что Гэллегеру уже не придется погибнуть от теплового луча. Если только изобретатель не сделает это оружие заново, что, конечно же, не в его интересах.

Машина времени вышла из стазиса и заработала в нормальном режиме. Гэллегер догадался почему. Она была настроена на выполнение конкретной задачи – фиксировать смерть Гэллегера в определенном диапазоне вероятностей. В этом диапазоне она и застряла и не смогла остановиться, пока не исчерпала все вероятности. Трупы на дворе могли появляться только в тех вариантах будущего, где Гэллегера убивал тепловой луч.

А теперь будущее изменилось радикально. К чему машина оказалась совершенно не готова. Поэтому она сочла, что свою работу выполнила, и застыла в ожидании новых команд.

Все же Гэллегер решил хорошенько с ней разобраться, прежде чем пускать в дело. Времени на это предостаточно. Полиция не располагает никакими уликами, так что Перссон с легкостью выиграет дело, как бы ни силился почти обезумевший бедолага Махони разгадать тайну появления и исчезновения мертвецов. Что же до либбл, то Гэллегер рассеянно угощал их печеньем и ломал голову, как бы избавиться от этих мелких глупышей, не ранив их чувства.

– Вы же не собираетесь прожить тут всю жизнь? – спросил он.

– Пожалуй, не собираемся, – ответил один, стряхивая с усов крошки, и жалобно спросил: – Но как же быть с покорением Земли?

– Мм… – протянул Гэллегер и пошел кое-что купить.

Вернувшись, он тайком подключил к телевизору некий аппарат.

Вскоре регулярное вещание было прервано ради экстренного выпуска новостей. По случайному совпадению троица либбл смотрела в это время телевизор. Вот исчез фон, камера взяла крупным планом телеведущего, чье лицо почти полностью скрывалось за стопкой бумаг, которые он держал. От бровей и выше это лицо имело несомненное сходство с Гэллегером, но либблы были слишком заинтригованы, чтобы заметить.

– Срочная новость! – взволнованно заявил телеведущий. – Событие чрезвычайной важности! Некоторое время назад мир узнал о присутствии трех высокопоставленных гостей с Марса…

Либблы растерянно переглянулись. Один хотел было задать вопрос, но остальные зашикали на него. И снова прислушались.

– Как выяснилось, они имеют целью покорить Землю, и мы счастливы сообщить, что все население планеты перешло на их сторону. Победила бескровная революция. Тайным голосованием либблы выбраны нашими единственными правителями…

– Ура-а-а! – раздался писк.

– …И уже формируется новый кабинет. Будет создана специальная финансовая система, выпущены денежные знаки с портретами либбл. Мы ожидаем, что три правителя вскоре вернутся на Марс и сообщат своим друзьям о случившемся.

В комнату вошел лукаво улыбающийся Гэллегер. Либблы приветствовали его восторженным писком.

– Нам пора домой. Случилась бескровная…

– …Революция! Этот мир – наш!

Столь мощный оптимизм уступал лишь их доверчивости. Гэллегер дал себя убедить, что либблы должны вернуться на родную планету.

– Ну как скажете, – вздохнул он. – Машина готова.

Каждому он пожал мохнатую лапку и вежливо поклонился. Возбужденно пища, либблы умчались на пятьсот лет в будущее. Им не терпелось встретиться с друзьями и поведать о своих приключениях.

Конечно, никто им не поверит.

Гибель Кэнтрелла не имела никаких последствий, хотя Гэллегер, Дедуля и Микки с тревогой ждали их несколько дней. Наконец Гэллегер с Дедулей устроили грандиозную пьянку, и на душе у них полегчало.

Микки в этом мероприятии не участвовал. С сожалением вернувшись в цирк, он дважды в день капитализировал там свой специфический талант, ныряя с тридцатифутовой вышки в бак с водой…

Робот-зазнайка

С Гэллегером, который занимался наукой не систематически, а по наитию, сплошь и рядом творились чудеса. Сам он называл себя нечаянным гением. Ему, например, ничего не стоило из обрывка провода, двух-трех батареек и крючка для юбки смастерить новую модель холодильника.

Сейчас Гэллегер мучился с похмелья. Он лежал на тахте в своей лаборатории – долговязый, взъерошенный, гибкий, с непокорной темной прядкой на лбу – и манипулировал алкогольным органом. Из крана к нему в рот медленно тек сухой мартини.

Гэллегер хотел что-то припомнить, но не слишком старался. Что-то относительно робота, разумеется. Ну да ладно.

– Эй, Джо, – позвал Гэллегер.

Робот гордо стоял перед зеркалом и разглядывал свои внутренности. Его корпус был сделан из прозрачного материала, внутри быстро-быстро крутились какие-то колесики.

– Если уж ты ко мне так обращаешься, то разговаривай шепотом, – потребовал Джо. – И убери отсюда кошку.

– У тебя не такой уж тонкий слух.

– Именно такой. Я отлично слышу, как она разгуливает.

– Как же звучат ее шаги? – заинтересовался Гэллегер.

– Как барабанный бой, – важно ответил робот. – А твоя речь – как гром.

Голос его неблагозвучно скрипел, и Гэллегер собрался было напомнить роботу пословицу о тех, кто видит в чужом глазу соринку, а в своем… Не без усилия он перевел взгляд на светящийся экран входной двери – там маячила какая-то тень.

«Знакомая тень», – подумал Гэллегер.

– Это я, Брок, – произнес голос в динамике. – Харрисон Брок. Впустите меня!

– Дверь открыта. – Гэллегер не шевельнулся. Он внимательно оглядел вошедшего – хорошо одетого человека средних лет, – но так и не вспомнил его.

Броку шел пятый десяток; на холеном, чисто выбритом лице застыла недовольная мина. Может быть, Гэллегер и знал этого человека. Он не был уверен. Впрочем, не важно.

Брок окинул взглядом большую неприбранную лабораторию, вытаращил глаза на робота, поискал себе стул, но так и не нашел. Он упер руки в боки и, покачиваясь на носках, смерил распростертого изобретателя сердитым взглядом.

– Ну? – сказал он.

– Никогда не начинайте так разговор, – пробормотал Гэллегер и принял очередную порцию мартини. – Мне и без вас тошно. Садитесь и будьте как дома. На генератор у вас за спиной. Кажется, он не очень пыльный.

– Получилось у вас или нет? – запальчиво спросил Брок. – Вот все, что меня интересует. Прошла неделя. У меня в кармане чек на десять тысяч. Нужен он вам?

– Конечно, – ответил Гэллегер и, не глядя, протянул руку. – Давайте.

– Caveant emptor[12]. Что я покупаю?

– Разве вы не знаете? – искренне удивился изобретатель.

Брок недовольно заерзал на месте.

– О боже, – простонал он. – Мне сказали, будто вы один можете помочь. И предупредили, что с вами говорить – все равно что зуб рвать.

Гэллегер задумался.

– Погодите-ка. Припоминаю. Мы с вами беседовали на той неделе, не так ли?

– Беседовали… – Круглое лицо Брока порозовело. – Да! Вы валялись на этом самом месте, сосали спиртное и бормотали себе под нос стихи. Потом исполнили «Фрэнки и Джонни». И наконец соблаговолили принять мой заказ.

– Дело в том, – пояснил Гэллегер, – что я был пьян. Я часто бываю пьян, особенно в свободное время. Тем самым я растормаживаю подсознание, и мне тогда лучше работается. Свои самые удачные изобретения, – продолжал он радостно, – я сделал именно под мухой. В такие минуты все проясняется. Все ясно, как тень. Как тень, так ведь говорят? А вообще… – Он потерял нить рассуждений и озадаченно посмотрел на гостя. – А вообще, о чем это мы толкуем?

– Да замолчишь ты наконец? – осведомился робот, не покидая своего поста перед зеркалом.

Брок так и подпрыгнул. Гэллегер небрежно махнул рукой:

– Не обращайте внимания на Джо. Вчера я его закончил, а сегодня уже раскаиваюсь.

– Это робот?

– Робот. Но знаете, он никуда не годится. Я сделал его спьяну, понятия не имею отчего и зачем. Стоит тут перед зеркалом и любуется сам собой. И поет. Завывает, как пес над покойником. Сейчас услышите.

С видимым усилием Брок вернулся к первоначальной теме:

– Послушайте, Гэллегер. У меня неприятности. Вы обещали помочь. Если не поможете, я конченый человек.

– Я сам кончаюсь вот уже много лет, – заметил ученый. –

Меня это ничуть не беспокоит. Продолжаю зарабатывать себе на жизнь, а в свободное время придумываю разные штуки. Знаете, если бы я учился, из меня вышел бы второй Эйнштейн. Все говорят. Но получилось так, что подсознательно я где-то нахватался первоклассного образования. Потому-то, наверное, и не стал утруждать себя учебой. Стоит мне выпить или отвлечься, как я разрешаю самые немыслимые проблемы.

– Вы и сейчас пьяны, – тоном прокурора заметил Брок.

– Приближаюсь к самой приятной стадии. Как бы вам понравилось, если бы вы, проснувшись, обнаружили, что по неизвестной причине создали робота и при этом понятия не имеете о его назначении?

– Ну, знаете ли…

– Нет уж, я с вами не согласен, – проворчал Гэллегер. – Вы, очевидно, чересчур серьезно воспринимаете жизнь. «Вино – глумливо, сикера – буйна»[13]. Простите меня. Я буйствую. – Он снова отхлебнул мартини.

Брок стал расхаживать взад и вперед по захламленной лаборатории, то и дело натыкаясь на таинственные запыленные предметы.

– Если вы ученый, то науке не поздоровится.

– Я Гарри Эдлер от науки, – возразил Гэллегер. – Был такой музыкант несколько веков назад. Я вроде него. Тоже никогда в жизни ничему не учился. Что я могу поделать, если мое подсознание любит меня разыгрывать?

– Вы знаете, кто я такой? – спросил Брок.

– Откровенно говоря, нет. А это обязательно?

В голосе посетителя зазвучали горестные нотки:

– Могли бы хоть из вежливости припомнить, ведь всего неделя прошла. Харрисон Брок. Это я. Владелец фирмы «Вокс-вью пикчерс».

– Нет, – внезапно изрек робот, – бесполезно. Ничего не поможет, Брок.

– Какого…

Гэллегер устало вздохнул:

– Все забываю, что проклятая тварь одушевлена. Мистер Брок, познакомьтесь с Джо. Джо, это мистер Брок… из фирмы «Вокс-вью».

– Э-э-э… – невнятно проговорил телемагнат, – здравствуйте.

– Суета сует и всяческая суета, – вполголоса вставил Гэллегер. – Таков уж Джо. Павлин. С ним тоже бесполезно спорить.

Робот не обратил внимания на реплику своего создателя.

– Право же, все это ни к чему, мистер Брок, – продолжал он

скрипучим голосом. – Деньги меня не трогают. Я понимаю, многих осчастливило бы мое появление в ваших фильмах, но слава для меня ничто. Нуль. Мне достаточно сознавать, что я прекрасен.

Брок прикусил губу.

– Ну вот что, – свирепо произнес он, – я пришел сюда вовсе не для того, чтобы предлагать вам роль. Понятно? Я ведь не заикнулся о контракте. Редкостное нахальство… пфф! Вы просто сумасшедший.

– Я вижу вас насквозь, – холодно заметил робот. – Понимаю, вы подавлены моей красотой и обаянием моего голоса – такой потрясающий тембр! Вы притворяетесь, будто я вам не нужен, надеясь заполучить меня по дешевке. Не стоит, я ведь сказал, что не заинтересован.

– Сумасшедший! – прошипел выведенный из себя Брок, а Джо хладнокровно повернулся к зеркалу.

– Не разговаривайте так громко, – предупредил он. – Диссонанс просто оглушает. К тому же вы урод, и я не желаю вас видеть. – Внутри прозрачной оболочки зажужжали колесики и шестеренки. Джо выдвинул до отказа глаза на кронштейнах и стал с явным одобрением разглядывать себя.

Гэллегер тихонько посмеивался, не вставая с тахты.

– У Джо повышенная раздражительность, – сказал он. – Кроме того, я, видно, наделил его необыкновенными чувствами. Час назад он вдруг стал хохотать до колик. Ни с того ни с сего. Я готовил себе закуску. Через десять минут я наступил на огрызок яблока, который сам же бросил на пол, упал и сильно расшибся. Джо посмотрел на меня. «То-то и оно, – сказал он. – Логика вероятности. Причина и следствие. Еще когда ты ходил открывать почтовый ящик, я знал, что ты уронишь этот огрызок и потом наступишь на него». Какая-то Кассандра. Скверно, когда память подводит.

Брок уселся на генератор (в лаборатории их было два – один, побольше, назывался «Чудовище», а другой служил скамейкой) и перевел дыхание.

– Роботы устарели.

– Ну не этот. Этого я не перевариваю. Он вызывает у меня комплекс неполноценности. Жаль, что я не помню, зачем его сделал. – Гэллегер вздохнул. – Ну черт с ним. Хотите выпить?

– Нет. Я пришел к вам по делу. Вы серьезно говорите, что всю прошедшую неделю мастерили робота, вместо того чтобы работать над проблемой, которую обязались решить?

– Оплата по выполнении? – уточнил Гэллегер. – Мне как будто что-то такое помнится.

– По выполнении, – с удовольствием подтвердил Брок. – Десять тысяч, когда решите и если решите.

– Отчего бы не выдать мне денежки и не взять робота? Он того стоит. Покажите его в каком-нибудь фильме.

– У меня не будет никаких фильмов, если вы не додумаетесь до ответа, – обозлился Брок. – Я ведь вам все объяснял.

– Да я пьян был, – сказал Гэллегер. – В таких случаях мой мозг чист, как грифельная доска, вытертая мокрой тряпкой. Я как ребенок. И вот-вот стану пьяным ребенком. Но пока, если вы растолкуете мне все с начала…

Брок совладал с приливом злости, вытащил наудачу первый попавшийся журнал из книжного шкафа и достал из кармана авторучку.

– Ну ладно. Мои акции идут по двадцать восемь, то есть намного ниже номинала… – Он вывел на обложке журнала какие-то цифры.

– Если бы вы схватили вон тот средневековый фолиант, что стоит рядом, это вам влетело бы в изрядную сумму, – лениво заметил Гэллегер. – Вы, я вижу, из тех, кто пишет на чем попало? Да бросьте болтать про акции и всякую чепуху. Переходите к делу. Кому вы морочите голову?

– Все напрасно, – вмешался робот, который торчал у зеркала. – Я не стану подписывать контракта. Пусть приходят и любуются мною, если им так хочется, но в моем присутствии пусть разговаривают шепотом.

– Сумасшедший дом, – пробормотал Брок, стараясь не выходить из себя. – Слушайте, Гэллегер. Все это я вам уже говорил неделю назад, но…

– Тогда еще не было Джо. Делайте вид, что рассказываете не мне, а ему.

– Э-э-э… Так вот… Вы, по крайней мере, слыхали о фирме «Вокс-вью пикчерс»?

– Само собой. Крупнейшая и лучшая телевизионная компания. Единственный серьезный соперник – фирма «Сонатон».

– «Сонатон» меня вытесняет.

Гэллегер был непритворно озадачен:

– Не понимаю, каким образом. Ваши программы лучше. У вас объемное цветное изображение, вся современная техника, первоклассные актеры, музыканты, певцы…

– Бесполезно, – повторил робот. – Не стану.

– Заткнись, Джо. Никто не может с вами тягаться, Брок. Это вовсе не комплимент. И все говорят, что вы вполне порядочный человек. Как же удалось «Сонатону» вас обскакать?

Брок беспомощно развел руками:

– Тут все дело в политике. Контрабандные театры. С ними не очень-то поборешься. Во время избирательной кампании «Сонатон» поддерживал правящую партию, а теперь, когда я пытаюсь организовать налет на контрабандистов, полиция только глазами хлопает.

– Контрабандные театры? – Гэллегер нахмурился. – Я что-то такое слыхал…

– Это началось давно. Еще в добрые старые времена звукового кино. Телевидение вытеснило кинофильмы и крупные кинотеатры. Люди отвыкли собираться толпами перед экраном. Усовершенствовались домашние телевизоры. Считалось, что гораздо приятнее сидеть в кресле, потягивать пиво и смотреть телепрограмму. Телевидение перестало быть привилегией миллионеров. Система счетчиков снизила стоимость этого развлечения до уровня, доступного средним слоям. То, что я рассказываю, общеизвестно.

– Мне неизвестно, – возразил Гэллегер. – Без крайней необходимости никогда не обращаю внимания на то, что происходит за стенами моей лаборатории. Спиртное плюс избирательный ум. Игнорирую все, что меня не касается. Расскажите-ка подробнее, чтобы я мог представить себе картину целиком. Если будете повторяться – не страшно. Итак, что это за система счетчиков?

– Телевизоры устанавливаются в квартирах бесплатно. Мы ведь не продаем их, а даем напрокат. Оплата – в зависимости от того, сколько времени они включены. Наша программа не прерывается ни на секунду: пьесы, снятые на видеопленку, фильмы, оперы, оркестры, эстрадные певцы, водевили – все, что душе угодно. Если вы много смотрите телевизор, вы и платите соответственно. Раз в месяц приходит служащий и проверяет показания счетчика. Справедливая система. Держать в доме «Вокс-вью» может себе позволить каждый. Такой же системы придерживается «Сонатон» и другие компании, но «Сонатон» – это мой единственный крупный конкурент. Во всяком случае, конкурент, который считает, что в борьбе со мной все средства хороши. Остальные – мелкие сошки, но я их не хватаю за глотку. Никто еще не говорил про меня, что я подонок, – мрачно сказал Брок.

– Ну и что?

– Ну и вот, «Сонатон» сделал ставку на эффект массового присутствия. До последнего времени это считалось невозможным – объемное изображение нельзя было проецировать на большой телевизионный экран, оно двоилось и расплывалось полосами. Поэтому применяли стандартные бытовые экраны, девятьсот на

тысячу двести миллиметров. С отличными результатами. Но «Сонатон» скупил по всей стране массу гнилых кинотеатров…

– Что такое гнилой кинотеатр? – прервал Гэллегер.

– Это… до того как звуковое кино потерпело крах, мир был склонен к бахвальству. Гигантомания, понимаете? Приходилось вам слышать о мюзик-холле Радио-сити? Так это еще пустяк! Появилось телевидение, и конкуренция между ним и кино шла жестокая. Кинотеатры становились все огромнее, все роскошнее. Настоящие дворцы. Гиганты. Но когда телевидение было усовершенствовано, люди перестали ходить в кинотеатры, а снести их стоило слишком дорого. Заброшенные театры, понимаете? Большие и маленькие. Их отремонтировали. И крутят там программы «Сонатона». Эффект массового присутствия – это, доложу я вам, фактор. Билеты в театр дорогие, но народ туда валом валит. Новизна плюс стадный инстинкт.

Гэллегер прикрыл глаза:

– А кто вам мешает сделать то же самое?

– Патенты, – коротко ответил Брок. – Я, кажется, упоминал, что до последнего времени объемное телевидение не было приспособлено к большим экранам. Десять лет назад владелец фирмы «Сонатон» подписал со мной соглашение, по которому всякое изобретение, позволяющее увеличить размер экрана, может быть использовано обеими сторонами. Но потом он пошел на попятную. Заявил, что документ подложный, и суд его поддержал. А он поддерживает суд – рука руку моет. Так или иначе, инженеры «Сонатона» разработали метод, позволяющий применять большие экраны. Они запатентовали свое изобретение – сделали двадцать семь заявок, получили двадцать семь патентов и тем самым приняли меры против любых вариаций этой идеи. Мои конструкторы бьются день и ночь, пытаясь найти аналогичный метод и в то же время обойти чужие патенты, но у «Сонатона» предусмотрено решительно все. Его система называется «Магна». Работает с телевизорами любого типа, но мой конкурент разрешает устанавливать ее только на телевизорах марки «Сонатон». Понимаете?

– Неэтично, но в рамках закона, – заметил Гэллегер. – А все-таки от вас за свои деньги зрители получают больше. Людям нужен хороший товар. Величина изображения роли не играет.

– Допустим, – горько сказал Брок, – но это не все. Последние известия только и твердят об ЭМП – это новомодное словечко. Эффект массового присутствия. Стадный инстинкт. Вы правы, людям нужен хороший товар… Не станете же вы покупать виски по четыре за кварту, если можно достать за полцены?

– Все зависит от качества виски. Так в чем же дело?

– В контрабандных театрах, – ответил Брок. – Они открываются по всей стране. Показывают программу «Вокс-вью», но пользуются системой увеличения «Магна», которую запатентовал «Сонатон». Плата за вход невелика – дешевле, чем обходится домашний телевизор «Вокс-вью». К тому же эффект массового присутствия. К тому же азарт нарушения закона. Все поголовно возвращают телевизоры «Вокс-вью». Причина ясна. Взамен можно пойти в контрабандный театр.

– Это незаконно, – задумчиво сказал Гэллегер.

– Так же, как забегаловки в период сухого закона. Все дело в том, налажены ли отношения с полицией. Я не могу обратиться с иском в суд. Пытался. Себе дороже. Так и прогореть недолго. И не могу снизить плату за прокат телевизоров «Вокс-вью». Она и без того ничтожна. Прибыль идет за счет количества. А теперь прибыли конец. Что же до контрабандных театров, то совершенно ясно, чье это начинание.

– «Сонатона»?

– Конечно. Непрошеный компаньон. Снимает сливки с моей продукции у себя в кассе. Хочет вытеснить меня с рынка и добиться монополии. После этого начнет показывать халтуру и платить актерам по нищенскому тарифу. У меня все иначе. Я-то своим плачу, сколько они стоят, а это немало.

– А мне предлагаете жалкие десять тысяч, – подхватил Гэллегер. – Фи!

– Да это только первый взнос, – поспешно сказал Брок. – Назовите свою цену. В пределах благоразумия, – добавил он.

– Обязательно назову. Астрономическую цифру. А что, неделю назад я согласился принять ваш заказ?

– Согласились.

– В таком случае, должно быть, у меня мелькнула идея, как разрешить вашу проблему, – размышлял Гэллегер вслух. – Дайте сообразить. Я упоминал что-нибудь конкретное?

– Вы все твердили о мраморном столе и о своей… э-э-э… милашке.

– Значит, я пел, – благодушно пояснил Гэллегер. – «Больницу Святого Джеймса». Пение успокаивает нервы, а Бог видит, как нужен покой моим нервам. Музыка и спиртное. Дивлюсь, что продают его виноторговцы…

– Как-как?

– …Где вещь, что ценностью была б ему равна? Не важно. Это я цитирую Омара Хайяма. Пустое. Ваши инженеры хоть на что-нибудь годны?

– Самые лучшие инженеры. И самые высокооплачиваемые.

– И не могут найти способа увеличить изображение, не

нарушая патентных прав «Сонатона»?

– Ну, в двух словах – именно так.

– Очевидно, придется провести кое-какие исследования, – грустно подытожил Гэллегер. – Для меня это хуже смерти. Однако сумма состоит из нескольких слагаемых. Вам это понятно? Мне – нисколько. Беда мне со словами. Скажу что-нибудь, а после сам удивляюсь, чего это я наговорил. Занятнее, чем пьесу смотреть, – туманно заключил он. – У меня голова трещит. Слишком много болтовни и мало выпивки. На чем это мы остановились?

– На полпути к сумасшедшему дому, – съязвил Брок. – Если бы вы не были моей последней надеждой, я…

– Бесполезно, – заскрипел робот. – Можете разорвать контракт в клочья, Брок. Я его не подпишу. Слава для меня – ничто. Пустой звук.

– Если ты не заткнешься, – пригрозил Гэллегер, – я заору у тебя над самым ухом.

– Ну и ладно! – взвизгнул Джо. – Бей меня! Давай бей! Чем подлее ты будешь поступать, тем скорее разрушишь мою нервную систему и я умру. Мне все равно. У меня нет инстинкта самосохранения. Бей. Увидишь, что я тебя не боюсь.

– А знаете, ведь он прав, – сказал ученый, подумав. – Это единственный здравый ответ на шантаж и угрозы. Чем скорее все кончится, тем лучше. Джо не различает оттенков. Мало-мальски чувствительное болевое ощущение погубит его. А ему наплевать.

– Мне тоже, – буркнул Брок. – Для меня важно только одно…

– Да-да. Знаю. Что ж, похожу погляжу, может, что-нибудь меня и осенит. Как попасть к вам на студию?

– Держите пропуск. – Брок написал что-то на обороте визитной карточки. – Надеюсь, вы тотчас же возьметесь за дело?

– Разумеется, – солгал Гэллегер. – А теперь ступайте и ни о чем не тревожьтесь. Постарайтесь успокоиться. Ваше дело в надежных руках. Либо я очень быстро придумаю выход, либо…

– Либо что?

– Либо не придумаю, – жизнерадостно докончил Гэллегер и потрогал кнопки алкогольного органа у себя над тахтой. – Надоел мне мартини. И почему это я не сделал робота-бармена, раз уж взялся творить роботов? Временами даже лень выбрать и нажать кнопку. Да-да, я примусь за дело немедля, Брок. Не волнуйтесь.

Магнат колебался.

– Ну что ж, на вас вся надежда. Само собой разумеется, если я могу чем-нибудь помочь…

– Блондинкой, – промурлыкал Гэллегер. – Вашей блистательной-преблистательной звездой Силвер О'Киф. Пришлите ее ко мне. Больше от вас ничего не требуется.

– Всего хорошего, Брок, – проскрипел робот. – Жаль, что мы не договорились о контракте, но зато вы получили ни с чем не сравнимое удовольствие – послушали мой изумительный голос, не говоря уже о том, что увидели меня воочию. Не рассказывайте о моей красоте слишком многим. Я действительно не хочу, чтобы ко мне валили толпами. Чересчур шумно.

– Никто не поймет, что такое догматизм, пока не потолкует с Джо, – сказал Гэллегер. – Ну пока. Не забудьте про блондинку.

Губы Брока задрожали. Он поискал нужные слова, махнул рукой и направился к двери.

– Прощайте, некрасивый человек, – бросил ему вслед Джо.

Когда хлопнула дверь, Гэллегер поморщился, а сверхчувствительным ушам робота пришлось еще хуже.

– С чего это ты завелся? – спросил Гэллегер. – Из-за тебя этого малого чуть кондрашка не хватила.

– Не считает же он себя красавцем, – возразил Джо.

– С лица воду не пить.

– До чего ты глуп. И так же уродлив, как тот.

– А ты – набор дребезжащих зубчаток, шестерен и поршней. Да и червяки в тебе водятся, – огрызнулся Гэллегер; он подразумевал, естественно, червячные передачи в теле робота.

– Я прекрасен. – Джо восхищенно вперился в зеркало.

– Разве что с твоей точки зрения. Чего ради я сделал тебя прозрачным?

– Чтобы мною могли полюбоваться и другие. У меня-то зрение рентгеновское.

– У тебя шарики за ролики заехали. И зачем я упрятал радиоактивный мозг к тебе в брюхо? Для лучшей сохранности?

Джо не отвечал. Невыносимо скрипучим истошным голосом он напевал какую-то песню без слов. Некоторое время Гэллегер терпел, подкрепляя силы джином из сифона.

– Да замолчи ты! – не выдержал он наконец. – Все равно что древний поезд метро на повороте.

– Ты просто завидуешь, – поддел его Джо, но послушно перешел на ультразвуковую тональность. С полминуты стояла тишина. Потом во всей округе взвыли собаки.

Гэллегер устало поднялся с тахты. Надо уносить ноги. Покоя в доме явно не будет, пока одушевленная груда металлолома бурно источает себялюбие и самодовольство. Джо издал немелодичный, кудахтающий смешок. Гэллегер вздрогнул:

– Ну что еще?

– Сейчас узнаешь.

Логика причин и следствий, подкрепленная теорией

вероятности, рентгеновским зрением и прочими перцепциями, несомненно присущими роботу. Гэллегер тихонько выругался, схватил бесформенную черную шляпу и пошел к двери. Открыв ее, он нос к носу столкнулся с толстым коротышкой, и тот больно стукнул его головой в живот.

– Ох! Ф-фу. Ну и чувство юмора у этого кретина-робота. Здравствуйте, мистер Кенникотт. Рад видеть вас. К сожалению, некогда предложить вам рюмочку.

Смуглое лицо мистера Кенникотта скривилось в злобной гримасе.

– Не надо мне рюмочки, мне нужны мои кровные доллары. Деньги на бочку. И зубы не заговаривайте.

Гэллегер задумчиво посмотрел сквозь гостя:

– Собственно, если на то пошло, я как раз собирался получить деньги по чеку.

– Я продал вам бриллианты. Вы сказали, что хотите из них что-то сделать. И сразу дали мне чек. Но по нему не платят ни гроша. В чем дело?

– Он не стоит ни гроша, – пробормотал Гэллегер себе под нос. – Я невнимательно следил за своим счетом в банке. Перерасход.

Кенникотт чуть не хлопнулся там, где стоял, – на пороге.

– Тогда гоните назад бриллианты.

– Да я их уже использовал в каком-то опыте. Забыл, в каком именно. Знаете, мистер Кенникотт, положа руку на сердце: ведь я покупал их в нетрезвом виде?

– Да, – согласился коротышка. – Налакались до бесчувствия, факт. Ну и что с того? Больше ждать я не намерен. Вы и так долго водили меня за нос. Платите-ка, или вам не поздоровится.

– Убирайтесь прочь, грязная личность, – донесся из лаборатории голос Джо. – Вы омерзительны.

Гэллегер поспешно оттеснил Кенникотта на улицу и запер входную дверь.

– Попугай, – объяснил он. – Никак не соберусь свернуть ему шею. Так вот, о деньгах. Я ведь не отрекаюсь от долга. Только что мне сделали крупный заказ, и, когда заплатят, вы свое получите.

– Нет уж, дудки! Вы что, безработный? Вы ведь служите в крупной фирме. Вот и попросите там аванс.

– Просил, – вздохнул Гэллегер. – Выбрал жалованье за полгода вперед. Ну вот что, я приготовлю вам деньги на днях. Может быть, получу аванс у своего клиента. Идет?

– Нет.

– Нет?

– Ну так и быть. Жду еще один день. От силы два. Хватит.

Найдете деньги – порядок. Не найдете – упеку в долговую тюрьму.

– Двух дней вполне достаточно, – с облегчением сказал Гэллегер. – Скажите, а есть тут поблизости контрабандные театры?

– Вы бы лучше принимались за работу и не тратили время черт знает на что.

– Но это и есть моя работа. Мне надо написать о них статью. Как найти контрабандный притон?

– Очень просто. Пойдете в деловую часть города. Увидите в дверях парня. Он продаст вам билет. Где угодно. На каждом шагу.

– Отлично, – сказал Гэллегер и попрощался с коротышкой.

Зачем он купил у Кенникотта бриллианты? Такое подсознание стоило бы ампутировать. Оно проделывает самые невообразимые штуки. Работает по незыблемым законам логики, но сама эта логика совершенно чужда сознательному мышлению Гэллегера. Тем не менее результаты часто бывают поразительно удачными и почти всегда – поразительными. Нет ничего хуже положения ученого, который не в ладах с наукой и работает по наитию.

В лабораторных ретортах осталась алмазная пыль – следы какого-то неудачного опыта, поставленного подсознанием Гэллегера, в памяти сохранилось мимолетное воспоминание о том, как он покупал у Кенникотта драгоценные камни. Любопытно. Быть может… Ах да! Они ушли в Джо! На подшипники или что-то в этом роде. Разобрать робота? Поздно, огранка наверняка не сохранилась. С какой стати бриллианты чистейшей воды – неужто не годились промышленные алмазы? Подсознание Гэллегера требовало самых лучших товаров. Оно знать не желало о масштабах цен и основных принципах экономики.

Гэллегер бродил по деловой части города, как Диоген в поисках истины. Вечерело, над головой мерцали неоновые огни – бледные разноцветные полосы света на темном фоне. В небе над башнями Манхэттена ослепительно сверкала реклама. Воздушные такси скользили на разной высоте, подбирая с крыш пассажиров. Скучища.

В деловом квартале Гэллегер стал присматриваться к дверям. Нашел наконец дверь, где кто-то стоял, но оказалось, что тот просто-напросто торгует открытками. Гэллегер отошел от него и двинулся в ближайший бар, так как почувствовал, что надо подзаправиться. Бар был передвижной и сочетал худшие свойства ярмарочной карусели и коктейлей, приготовленных равнодушной

рукой. Гэллегер постоял в нерешительности на пороге. Но кончилось тем, что он поймал проносившийся мимо стул и постарался усесться поудобнее. Заказал три «рикки» и осушил их один за другим. Затем подозвал бармена и справился о контрабандных кинотеатрах.

– Есть, черт меня побери, – ответил тот и извлек из фартука пачку билетов. – Сколько надо?

– Один. А где это?

– Два двадцать восемь. По этой же улице. Спросить Тони.

– Спасибо.

Гэллегер сунул бармену непомерно щедрые чаевые, сполз со стула и поплелся прочь. Передвижные бары были новинкой, которую он не одобрял. Он считал, что пить надо в состоянии покоя, так как все равно рано или поздно этого состояния не миновать.

Дверь с зарешеченной панелью находилась у подножия лестницы. Когда Гэллегер постучался, на панели ожил видеоэкран, скорее всего односторонний, так как лицо швейцара не показывалось.

– Можно пройти к Тони? – спросил Гэллегер.

Дверь отворилась, появился усталый человек в пневмобрюках, но даже эта одежда не придавала внушительности его тощей фигуре.

– Билет есть? Ну-ка, покажи. Все в порядке, друг. Прямо по коридору. Представление уже началось. Выпить можно в баре, по левой стороне.

В конце недлинного коридора Гэллегер протиснулся сквозь звуконепроницаемые портьеры и очутился в фойе старинного театра постройки конца двадцатого века; в ту эпоху царило повальное увлечение пластиком. Он нюхом отыскал бар, выпил дрянного виски по бешеной цене и, подкрепив таким образом силы, вошел в зрительный зал – почти полный. На огромном экране – очевидно, системы «Магна» – вокруг космолета толпились люди. «Не то приключенческий фильм, не то хроника», – подумал Гэллегер.

Только азарт нарушения законов мог завлечь публику в контрабандный театр. Это было заведение самого низкого пошиба. На его содержание денег не тратили, и билетеров там не было. Но театр стоял вне закона и потому хорошо посещался. Гэллегер сосредоточенно смотрел на экран. Никаких полос, ничего не двоится. На незарегистрированном телевизоре «Вокс-вью» стоял увеличитель «Магна», и одна из талантливейших звезд Брока успешно волновала сердца зрителей. Просто грабеж среди бела дня. Точно.

Чуть позже, пробираясь к выходу, Гэллегер заметил, что на приставном стуле сидит полисмен в форме, и сардонически усмехнулся. Фараон, конечно, не платил за вход. И тут политика.

На той же улице, на расстоянии двух кварталов, ослепительные огни реклам гласили: «СОНАТОН-БИЖУ». Это, разумеется, театр легальный и потому дорогой. Гэллегер безрассудно промотал целое состояние, купив билет на хорошее место. Он хотел сравнить впечатления. Насколько он мог судить, в «Бижу» и в нелегальном театре аппараты «Магна» были одинаковы. Оба работали безупречно. Сложная задача увеличения телевизионных экранов была успешно разрешена.

Все остальное в «Бижу» напоминало дворец. Лощеные билетеры склонялись в приветственном поклоне до самого ковра. В буфетах бесплатно отпускали спиртное (в умеренных количествах). При театре работали турецкие бани. Гэллегер прошел за дверь с табличкой «Для мужчин» и вышел, совершенно одурев от тамошнего великолепия. Целых десять минут после этого он чувствовал себя сибаритом.

Все это означало, что те, кому позволяли средства, шли в легализованные театры «Сонатон», а остальные посещали контрабандные притоны. Все, кроме немногочисленных домоседов, которых не захлестнула повальная мода. В конце концов Брок вылетит в трубу, потому что у него не останется зрителей. Его фирма перейдет к «Сонатону», который тут же вздует цены и начнет делать деньги. В жизни необходимы развлечения; людей приучили к телевидению. Никакой замены нет. Если в конце концов «Сонатону» удастся все же задушить соперника, публика будет платить и платить за второсортную продукцию.

Гэллегер покинул «Бижу» и поманил воздушное такси. Он назвал адрес студии «Вокс-вью» на Лонг-Айленде, безотчетно надеясь вытянуть из Брока первый чек. Кроме того, он хотел кое-что выяснить.

Здания «Вокс-вью» буйно заполняли весь Лонг-Айленд беспорядочной коллекцией разномастных домов. Безошибочным инстинктом Гэллегер отыскал ресторан, где принял горячительного в порядке предосторожности. Подсознанию предстояла изрядная работа, и Гэллегер не хотел стеснять его недостатком свободы. Кроме того, виски было отличное.

После первой же порции он решил, что пока хватит. Он же не сверхчеловек, хотя емкость у него почти невероятная. Надо лишь достигнуть объективной ясности мышления и субъективного растормаживания…

– Студия всегда открыта ночью? – спросил он у официанта.

– Конечно. Какие-то павильоны всегда работают. Это же круглосуточная программа.

– В ресторане полно народу.

– К нам приходят и из аэропорта. Повторить?

Гэллегер покачал головой и вышел. Визитная карточка Брока помогла ему пройти за ворота, и прежде всего он посетил кабинеты высшего начальства. Брока там не было, но раздавались громкие голоса, пронзительные чисто по-женски.

Секретарша сказала: «Подождите минутку, пожалуйста» – и повернулась к внутреннему служебному видеофону. И тотчас же: «Прошу вас, проходите».

Гэллегер так и сделал. Кабинет был что надо, одновременно роскошный и деловой. В нишах вдоль стен красовались объемные фотографии виднейших звезд «Вокс-вью». За письменным столом сидела миниатюрная, хорошенькая, взволнованная брюнетка, а перед ней стоял разъяренный светловолосый ангел. В ангеле Гэллегер узнал Силвер О'Киф.

Он воспользовался случаем:

– Салют, мисс О'Киф! Не нарисуете ли мне автограф на кубике льда? В коктейле?

Силвер стала похожа на кошечку:

– К сожалению, дорогой, мне приходится самой зарабатывать на жизнь. И я сейчас на службе.

Брюнетка провела ногтем по кончику сигареты:

– Давай утрясем это дело чуть позже, Силвер. Папаша велел принять этого типа, если он заскочит. У него важное дело.

– Все утрясется, – пообещала Силвер. – И очень скоро. – Она демонстративно вышла.

Гэллегер задумчиво присвистнул ей вслед.

– Этот товар вам не по зубам, – сообщила брюнетка. – Она связана контрактом. И хочет развязаться, чтобы заключить контракт с «Сонатоном». Крысы покидают тонущий корабль. Силвер рвет на себе волосы с тех самых пор, как уловила штормовые сигналы.

– Вот как?

– Садитесь и закуривайте. Я Пэтси Брок. Вообще тут заправляет папаша, но, когда он выходит из себя, я хватаюсь за штурвал. Старый осел не выносит скандалов. Считает их личными выпадами.

Гэллегер сел.

– Значит, Силвер пытается дезертировать? И много таких?

– Не очень. Большинство хранят нам верность. Но, само собой, если мы обанкротимся… – Пэтси Брок пожала плечами. – То ли переметнутся к «Сонатону» зарабатывать на хлеб с маслом,

то ли обойдутся без масла.

– Угу. Ну что ж, надо повидать ваших инженеров. Хочу ознакомиться с их мыслями об увеличении экрана.

– Дело ваше, – сказала Пэтси. – Толку будет немного. Невозможно изготовить увеличитель к телевизору, не ущемляя патентных прав «Сонатона».

Она нажала кнопку, что-то проговорила в видеофон, и из щели на письменном столе появились два высоких бокала.

– Как, мистер Гэллегер?

– Ну раз уж это коктейль «Коллинз»…

– Догадалась по вашему дыханию, – туманно пояснила Пэтси. – Папаша рассказывал, как побывал у вас. По-моему, он немножко расстроился, особенно из-за вашего робота. Кстати, что это за чудо?

– Сам не знаю, – смешался Гэллегер. – У него масса способностей… по-видимому, какие-то новые чувства… но я понятия не имею, на что он годен. Разве только любоваться собою в зеркале.

Пэтси кивнула:

– При случае я бы не прочь на него взглянуть. Но вернемся к проблеме «Сонатона». Вы думаете, вам удастся найти решение?

– Возможно. Даже вероятно.

– Но не безусловно?

– Пусть будет безусловно. Сомневаться, вообще-то, не стоит, даже самую малость.

– Для меня это очень важно. «Сонатон» принадлежит Элии Тону. Это вонючий пират. К тому же бахвал. У него сын Джимми. А Джимми – хотите верьте, хотите нет – читал «Ромео и Джульетту».

– Хороший парень?

– Гнида. Здоровенная мускулистая гнида. Хочет на мне жениться.

– Нет повести печальнее на свете…

– Пощадите, – прервала Пэтси. – И вообще, я всегда считала, что Ромео – размазня. Если бы у меня хоть на секунду мелькнула мысль выйти за Джимми, я бы тут же взяла билет в один конец и отправилась в сумасшедший дом. Нет, мистер Гэллегер, все совсем иначе. Никакого флердоранжа, Джимми сделал мне предложение… между прочим, сделал как умел, а умеет он сгрести девушку по-борцовски в полузахвате и объяснить, как он ее осчастливил.

– Ага, – промычал Гэллегер и присосался к коктейлю.

– Вся эта идея – монополия на патенты и контрабандные театры – идет от Джимми. Голову даю на отсечение. Его отец,

конечно, тоже руку приложил, но Джимми Тон – именно тот гениальный ребенок, который все начал.

– Зачем?

– Чтобы убить двух зайцев. «Сонатон» станет монополистом, а Джимми, как он себе представляет, получит меня. Он слегка помешанный. Не верит, что я ему отказала всерьез, и ждет, что я вот-вот передумаю и соглашусь. А я не передумаю, что бы ни случилось. Но это мое личное дело. Я не могу сидеть сложа руки и допустить, чтобы он сыграл с нами такую штуку. Хочу стереть с его лица самодовольную усмешку.

– Он вам просто не по душе, да? – заметил Гэллегер. – Я вас не осуждаю, если он таков, как вы рассказываете. Что ж, буду из кожи вон лезть. Однако мне нужны деньги на текущие расходы.

– Сколько?

Гэллегер назвал цифру. Пэтси выписала чек на гораздо более скромную сумму. Изобретатель принял оскорбленный вид.

– Не поможет, – сказала Пэтси с лукавой улыбкой. – Мне о вас кое-что известно, мистер Гэллегер. Вы совершенно безответственный человек. Если дать больше, вы решите, что вам достаточно, и тут же обо всем забудете. Я выпишу новые чеки, когда потребуется… но попрошу представить детальный отчет об издержках.

– Вы ко мне несправедливы, – повеселел Гэллегер. – Я подумывал пригласить вас в ночной клуб. Естественно, не в какую-нибудь дыру. А шикарные заведения обходятся дорого. Так вот, если бы вы мне выписали еще один чек…

Пэтси рассмеялась:

– Нет.

– Может, купите робота?

– Во всяком случае не такого.

– Будем считать что у меня ничего не вышло, – вздохнул Гэллегер. – А как насчет…

В этот миг загудел видеофон. На экране выросло бессмысленное прозрачное лицо. Внутри круглой головы быстро щелкали зубчатки. Пэтси тихонько вскрикнула и отшатнулась.

– Скажи Гэллегеру, что Джо здесь, о счастливое создание, – провозгласил скрипучий голос. – Можешь лелеять память о моем облике и голосе до конца дней своих. Проблеск красоты в тусклом однообразии мира…

Гэллегер обошел письменный стол и взглянул на экран:

– Какого дьявола! Как ты ожил?

– Мне надо было решить задачу.

– А откуда ты узнал, где меня искать?

– Я тебя опространствил.

– Что-что?

– Я опространствил, что ты в студии «Вокс-вью», у Пэтси Брок.

– Что такое «опространствил»? – осведомился Гэллегер.

– Это у меня такое чувство. У тебя нет даже отдаленно похожего, так что я не могу тебе описать его. Что-то вроде смеси сагражи с предзнанием.

– Сагражи?

– Ах да, у тебя ведь и сагражи нет. Ладно, не будем терять время попусту. Я хочу вернуться к зеркалу.

– Он всегда так разговаривает? – спросила Пэтси.

– Почти всегда. Иногда еще менее понятно. Ну хорошо, Джо. Так что тебе?

– Ты уже не работаешь на Брока, – заявил робот. – Будешь работать на ребят из «Сонатона».

Гэллегер глубоко вздохнул:

– Говори, говори. Но учти, ты спятил.

– Кенникотта я не люблю. Он слишком уродлив. И его вибрации раздражают мое сагражи.

– Да бог с ним, – перебил Гэллегер, которому не хотелось посвящать девушку в свою деятельность по скупке бриллиантов. – Не отвлекайся от…

– Но я знал, что Кенникотт будет ходить и ходить, пока не получит свои деньги. Так вот, когда в лабораторию пришли Элия и Джеймс Тоны, я взял у них чек.

Рука Пэтси напряглась на локте Гэллегера.

– А ну-ка! Что здесь происходит? Обыкновенное надувательство?

– Нет. Погодите. Дайте мне докопаться до сути дела. Джо, черт бы побрал твою прозрачную шкуру, что ты натворил? И как ты мог взять чек у Тонов?

– Я притворился тобой.

– Вот теперь ясно, – сказал Гэллегер со свирепым сарказмом в голосе. – Это все объясняет. Мы же близнецы. Похожи как две капли воды.

– Я их загипнотизировал, – разъяснил Джо. – Внушил им, что я – это ты.

– Ты умеешь?

– Да. Я и сам немного удивился. Хотя, если вдуматься, я мог бы опространствить эту свою способность.

– Ты… Да, конечно. Я бы и сам опространствил такую штуковину. Так что же произошло?

– Должно быть, Тоны – отец и сын – заподозрили, что Брок обратился к тебе за помощью. Они предложили контракт на особо

льготных условиях: ты работаешь на них и больше ни на кого. Обещали кучу денег. Вот я и прикинулся, будто я – это ты, и согласился. Подписал контракт (между прочим, твоей подписью), получил чек и отослал Кенникотту.

– Весь чек? – слабым голосом переспросил Гэллегер. – Сколько же это было?

– Двенадцать тысяч.

– И это все, что они предложили?

– Нет, – ответил робот, – они предложили сто тысяч единовременно и две тысячи в неделю; контракт на пять лет. Но мне было нужно только рассчитаться с Кенникоттом, чтобы он больше не ходил и не приставал. Я сказал, что хватит двенадцати тысяч, и Тоны были очень довольны.

В горле Гэллегера раздался нечленораздельный булькающий звук. Джо глубокомысленно кивнул:

– Я решил поставить тебя в известность, что отныне ты на службе у «Сонатона». А теперь вернусь-ка я к зеркалу и буду петь для собственного удовольствия.

– Ну погоди, – пригрозил изобретатель, – ты только погоди. Я своими руками разберу тебя по винтику и растопчу обломки.

– Суд признает этот контракт недействительным, – сказала Пэтси, судорожно глотнув.

– Не признает, – радостно ответил Джо. – Можешь полюбоваться на меня последний раз, и я пойду.

Он ушел.

Одним глотком Гэллегер осушил свой бокал.

– Я до того потрясен, что даже протрезвел, – сказал он девушке. – Что я вложил в этого робота? Какие патологические чувства в нем развил? Загипнотизировать людей до того, чтобы они поверили, будто я – он… он – я… Я уже заговариваюсь.

– Это шуточка, – заявила Пэтси, помолчав. – Вы, случайно, не столковались ли с «Сонатоном» сами и не заставили робота состряпать вам алиби? Мне просто… интересно.

– Не надо так. Контракт с «Сонатоном» подписал Джо, а не я. Но… посудите сами: если подпись – точная копия моей, если Джо гипнозом внушил Тонам, что они видят меня, а не его, если есть свидетели заключения контракта… Отец и сын, конечно, годятся в свидетели, поскольку их двое… Ну и дела.

Пэтси прищурилась:

– Мы заплатим вам столько же, сколько предлагал «Сонатон». После выполнения работы. Но вы на службе у «Вокс-вью» – это решено.

– Конечно.

Гэллегер тоскливо покосился на пустой бокал. Конечно, он на службе у «Вокс-вью». Но с точки зрения закона он подписал контракт, по которому в течение пяти лет обязан работать только на «Сонатон». И всего за двенадцать тысяч долларов! Ну и ну! Сколько они предлагали? Сто тысяч на кон и… и…

Дело было не в принципе, а в деньгах. Теперь Гэллегер связан по рукам и ногам, как стреноженная лошадь. Если «Сонатон» обратится в суд с иском и выиграет дело, Гэллегер будет обязан отработать свои пять лет. Без дополнительного вознаграждения. Надо как-то выпутаться из этого контракта… и заодно разрешить проблему Брока.

А Джо на что? Своими удивительными талантами робот впутал Гэллегера в неприятность. Пусть теперь и распутывает. Иначе робот-зазнайка скоро будет любоваться металлическим крошевом, которое от него останется.

– Вот именно, – пробормотал Гэллегер себе под нос. – Поговорю с Джо. Пэтси, налейте мне скоренько еще бокал и проводите в конструкторский отдел. Хочу взглянуть на чертежи.

Девушка подозрительно посмотрела на него:

– Ладно. Но только попробуйте нас предать…

– Меня самого предали. Продали с потрохами. Боюсь я этого робота. В хорошенькую историю он меня опространствил. Правильно, мне «Коллинз».

Гэллегер пил медленно и смачно. Потом Пэтси отвела его в конструкторский отдел. Чтение объемных чертежей упрощал сканер – устройство, не допускающее никакой путаницы. Гэллегер долго и внимательно изучал проекты. Были там и кальки чертежей к патентам «Сонатона»; судя по всему, «Сонатон» исследовал данную область на редкость добросовестно. Никаких лазеек. Если не открыть нового принципа…

Однако новые принципы на деревьях не растут. Да они и не помогут полностью разрешить проблему. Даже если бы «Вокс-вью» обзавелся новым увеличителем, не ущемляющим патентных прав «Магны», останутся контрабандные театры, которые отнимают львиную долю дохода. Теперь ведь главный фактор – ЭМП, эффект массового присутствия. С ним нельзя не считаться. Задача не была отвлеченной и чисто научной. В нее входили уравнения с человеческими неизвестными.

Гэллегер спрятал полезные сведения в своем мозгу, аккуратно разделенном на полочки. Позднее он воспользуется тем, что нужно. Пока же он был в тупике. И что-то сверлило мозг, не давая покоя.

Что именно?

История с «Сонатоном».

– Мне надо связаться с Тонами, – сказал он Пэтси. – Что вы посоветуете?

– Можно вызвать их по видеофону.

Гэллегер покачал головой:

– Психологический проигрыш. Им легко будет прервать разговор.

– Если это срочно, можно их найти в каком-нибудь ночном клубе. Постараюсь уточнить.

Пэтси торопливо вышла, а из-за экрана появилась Силвер О'Киф.

– Я не щепетильна, – объявила она. – Всегда подглядываю в замочную скважину. Нет-нет да услышу что-нибудь занятное. Если хотите увидеть Тонов, то они сейчас в клубе «Кастл». И я решила поймать вас на слове – помните, насчет коктейля?

Гэллегер ответил:

– Отлично. Садитесь в такси. Я только скажу Пэтси, что мы уходим.

– Ей это не придется по вкусу, – заметила Силвер. – Встречаемся у входа в ресторан через десять минут. Заодно побрейтесь.

Пэтси Брок в кабинете не было, но Гэллегер оставил ей записку. Затем он посетил салон обслуживания, где покрыл лицо невидимым кремом для бритья, выждал две минуты и вытерся особо обработанным полотенцем. Щетина исчезла вместе с кремом. Принявший чуть более благообразный вид Гэллегер встретился в условленном месте с Силвер и подозвал воздушное такси. Через десять минут оба сидели, откинувшись на подушки, дымили сигаретами и настороженно поглядывали друг на друга.

– Итак? – нарушил молчание Гэллегер.

– Джимми Тон пытался назначить мне свидание на сегодняшний вечер. Поэтому я случайно знаю, где его искать.

– Ну и что?

– Сегодня вечером я только и делала, что задавала вопросы. Как правило, посторонних в административные корпуса «Вокс-вью» не пускают. Я повсюду спрашивала: «Кто такой Гэллегер?»

– Что же вы узнали?

– Достаточно, чтобы домыслить остальное. Вас нанял Брок, верно? А зачем, я сама сообразила.

– Что отсюда следует?

– Я, как кошка, всегда падаю на все четыре лапы, – сказала Силвер, пожимая плечами. Это у нее очень хорошо получалось. – «Вокс-вью» летит в трубу. «Сонатон» приставил ему нож к горлу. Если только…

– Если только я чего-нибудь не придумаю.

– Именно. Я должна знать, по какую сторону забора стоит падать. Может быть, подскажете? Кто победит?

– Вот как, вы всегда ставите на победителя? Разве у тебя нет идеалов, женщина? Неужто тебе не дорога истина? Ты когда-нибудь слыхала об этике и порядочности?

Силвер просияла:

– А ты?

– Я-то слыхал. Обычно я слишком пьян, чтобы вдумываться в эти понятия. Вся беда в том, что подсознание у меня совершенно аморальное, и, когда оно берет во мне верх, остается один закон – логика.

Силвер швырнула сигарету в Ист-Ривер.

– Хоть намекни, какая сторона забора вернее?

– Восторжествует правда, – нравоучительно ответил Гэллегер. – Она неизменно торжествует. Однако правда – величина переменная, и, значит, мы вернулись к тому, с чего начали. Так и быть, детка. Отвечу на твой вопрос. Если не хочешь прогадать, оставайся на моей стороне.

– А ты на чьей стороне?

– Кто знает? – вздохнул Гэллегер. – Сознанием я на стороне Брока. Но возможно, у моего подсознания окажутся иные взгляды. Поживем – увидим.

У Силвер был недовольный вид, но она ничего не сказала. Такси спикировало на крышу «Кастла» и мягко опустилось. Сам клуб помещался под крышей в исполинском зале, по форме напоминающем опрокинутую половинку тыквы. Столики были установлены на прозрачных площадках, которые можно было передвигать вверх по оси на любую высоту. Маленькие служебные лифты развозили официантов, доставляющих напитки. Такая архитектура зала не была обусловлена особыми причинами, но радовала новизной, и лишь самые горькие пьяницы сваливались из-под столиков вниз. В последнее время администрация натягивала под площадками предохранительную сетку.

Тоны – отец и сын – сидели под самой крышей, выпивали с двумя красотками. Силвер отбуксировала Гэллегера к служебному лифту, и изобретатель зажмурился, взлетая к небесам. Все выпитое им бурно возмутилось. Он накренился вперед, уцепился за лысую голову Элии Тона и плюхнулся на стул рядом с магнатом. Рука его нащупала бокал Джимми Тона, и он залпом проглотил содержимое.

– Какого дьявола!.. – только и выговорил Джимми.

– Это Гэллегер, – объявил Элия. – И Силвер. Приятный сюрприз. Присоединяйтесь к нам.

– Только на один вечер, – кокетливо улыбнулась Силвер.

Гэллегер, приободренный чужим бокалом, вгляделся в мужчин. Джимми Тон был здоровенный, загорелый, красивый детина с выдвинутым подбородком и оскорбительной улыбкой. Отец представлял собой помесь Нерона с крокодилом.

– Мы тут празднуем, – сказал Джимми. – Как это ты передумала, Силвер? А говорила, что будешь ночью работать.

– Гэллегер захотел с вами повидаться. Зачем – не знаю.

Холодные глаза Элии стали совсем ледяными.

– Так зачем же?

– Говорят, мы с вами подписали какой-то контракт, – ответил Гэллегер.

– Точно. Вот фотокопия. Что дальше?

– Минутку. – Гэллегер пробежал глазами документ. Подпись была явно его собственная. Черт бы побрал робота! – Это подлог, – сказал он наконец.

Джимми громко засмеялся:

– Все понял. Попытка взять нас на пушку. Жаль мне вас, приятель, но вы никуда не денетесь. Подписали в присутствии свидетелей.

– Что же, – тоскливо проговорил Гэллегер. – Полагаю, вы не поверите, если я буду утверждать, что мою подпись подделал робот…

– Ха! – вставил Джимми.

– …который гипнозом внушил вам, будто вы видите меня.

Элия погладил себя по лысой блестящей макушке:

– Откровенно говоря, не поверим. Роботы на это не способны.

– Мой способен.

– Так докажите. Докажите это на суде. Если вам удастся, тогда, конечно… – Элия хмыкнул. – Тогда, возможно, вы и выиграете дело.

Гэллегер сощурился:

– Об этом я не подумал. Но я о другом. Говорят, вы предлагали мне сто тысяч долларов сразу, не считая еженедельной ставки.

– Конечно предлагали, разиня, – ухмыльнулся Джимми. – Но вы сказали, что с вас и двенадцати тысяч довольно. Вы их и получили. Однако утешьтесь. Мы будем выплачивать вам премию за каждое изобретение, полезное «Сонатону».

Гэллегер встал.

– Эти рожи неприятны даже моему беспринципному подсознанию, – сообщил он Силвер. – Пошли отсюда.

– Я, пожалуй, еще побуду здесь.

– Помните о заборе, – таинственно предостерег он. –

Впрочем, воля ваша. Я побегу.

Элия сказал:

– Не забывайте, Гэллегер, вы работаете у нас. Если до нас дойдет слух, что вы оказали Броку хоть малейшую любезность, то вы и вздохнуть не успеете, как получите повестку из суда.

– Да ну?

Тоны не удостоили его ответом. Гэллегер невесело вошел в лифт и спустился к выходу.

А теперь что? Джо.

Спустя четверть часа Гэллегер входил в свою лабораторию. Там были зажжены все лампы. В близлежащих кварталах собаки исходили лаем – перед зеркалом беззвучно распевал Джо.

– Я решил пройтись по тебе кувалдой, – сказал Гэллегер. – Молился ли ты на ночь, о незаконнорожденный набор шестеренок? Да поможет мне Бог, я иду на диверсию.

– Ну и ладно, ну и бей, – заскрипел Джо. – Увидишь, что я тебя не боюсь. Ты просто завидуешь моей красоте.

– Красоте!

– Тебе не дано познать ее до конца – у тебя только шесть чувств.

– Пять!

– Шесть. А у меня много больше. Естественно, мое великолепие полностью открывается только мне. Но ты видишь и слышишь достаточно, чтобы хоть частично осознать мою красоту.

– Ты скрипишь, как несмазанная телега, – огрызнулся Гэллегер.

– У тебя плохой слух. А мои уши сверхчувствительны. Богатый диапазон моего голоса для тебя пропадает. А теперь – чтоб было тихо. Меня утомляют разговоры. Я любуюсь своими зубчатками.

– Предавайся иллюзиям, пока можно. Погоди, дай только мне найти кувалду.

– Ну и ладно, бей. Мне-то что?

Гэллегер устало прилег на тахту и уставился на прозрачную спину робота:

– Ну и заварил же ты кашу. Зачем подписывал контракт с «Сонатоном»?

– Я же тебе объяснял. Чтобы меня больше не беспокоил Кенникотт.

– Ах ты, самовлюбленная, тупоголовая… эх! Так вот, из-за тебя я влип в хорошенькую историю. Тоны вправе требовать, чтобы я соблюдал букву контракта, если не будет доказано, что не я его подписывал. Ладно. Теперь ты мне поможешь. Пойдешь

со мной в суд и включишь свой гипнотизм, или что там у тебя такое. Докажешь судье, что умеешь представляться мною и что дело было именно так.

– И не подумаю, – отрезал робот. – С какой стати?

– Ты ведь втянул меня в этот контракт! – взвизгнул Гэллегер. – Теперь сам и вытягивай!

– Почему?

– «Почему»? Потому что… э-э-э… да этого требует простая порядочность!

– Человеческая мерка к роботам неприменима, – возразил Джо. – Какое мне дело до семантики? Не буду терять время, которое могу провести, созерцая свою красоту. Встану перед зеркалом на веки вечные…

– Черта лысого! – рассвирепел Гэллегер. – Да я тебя на атомы раскрошу.

– Пожалуйста. Меня это не трогает.

– Не трогает?

– Ох уж этот мне инстинкт самосохранения, – произнес робот, явно глумясь. – Хоть вам он, скорее всего, необходим. Существа, наделенные столь неслыханным уродством, истребили бы друг друга из чистой жалости, если бы не страховка – инстинкт, благодаря которому они живы до сих пор.

– А что, если я отниму у тебя зеркало? – спросил Гэллегер без особой надежды в голосе.

Вместо ответа Джо выдвинул глаза на кронштейнах:

– Да нужно ли мне зеркало? Кроме того, я умею пространствить себя локторально.

– Не надо подробностей. Я хочу пожить еще немножко в здравом уме. Слушай, ты, зануда. Робот должен что-то делать. Что-нибудь полезное.

– Я и делаю. Красота – это главное.

Гэллегер крепко зажмурил глаза, чтобы получше сосредоточиться.

– Вот слушай. Предположим, я изобрету для Брока увеличенный экран нового типа. Его ведь конфискуют Тоны. Мне нужно развязать себе руки, иначе я не могу работать…

– Смотри! – вскрикнул Джо в экстазе. – Вертятся! Какая прелесть! – Он загляделся на свои жужжащие внутренности.

Гэллегер побледнел в бессильной ярости.

– Будь ты проклят! – пробормотал он. – Уж я найду способ прищемить тебе хвост. Пойду спать. – Он встал и злорадно погасил свет.

– Не важно, – сказал робот. – Я вижу и в темноте.

За Гэллегером хлопнула дверь. В наступившей тишине Джо

беззвучно напевал самому себе.

В кухне Гэллегера целую стену занимал холодильник. Он был наполнен в основном жидкостями, требующими охлаждения, в том числе импортным консервированным пивом, с которого неизменно начинались запои Гэллегера. Наутро невыспавшийся и безутешный Гэллегер отыскал томатный сок, брезгливо глотнул и поспешно запил его виски. Поскольку головокружительный запой продолжался вот уже неделю, пиво теперь было противопоказано – Гэллегер всегда накапливал эффект, действуя по нарастающей. Пищевой автомат выбросил на стол герметически запечатанный пакет с завтраком, и Гэллегер стал угрюмо тыкать вилкой в полусырой бифштекс.

– Ну-с?

По мнению Гэллегера, единственным выходом был суд. В психологии робота он разбирался слабо. Однако таланты Джо, безусловно, ошеломят любого судью. Выступления роботов в качестве свидетелей законом не предусмотрены… но все же, если представить Джо как машину, способную гипнотизировать, суд может признать контракт с «Сонатоном» недействительным и аннулировать его.

Чтобы взяться за дело не мешкая, Гэллегер воспользовался видеофоном. Харрисон Брок все еще сохранял некоторое политическое влияние и вес, так что предварительное слушание дела удалось назначить на тот же день. Однако что из этого получится, знали только Бог да робот.

Несколько часов прошли в напряженных, но бесплодных раздумьях. Гэллегер не представлял себе, как заставить робота повиноваться. Если бы хоть вспомнить, для какой цели создан Джо… но Гэллегер забыл. А все-таки…

В полдень он вошел в лабораторию.

– Вот что, дурень, – сказал он, – поедешь со мной в суд. Сейчас же.

– Не поеду.

– Ладно. – Гэллегер открыл дверь и впустил двух дюжих парней в белых халатах и с носилками. – Грузите его, ребята.

В глубине души он слегка побаивался. Могущество Джо совершенно не изучено, его возможности – величина неизвестная. Однако робот был не очень-то крупный, и, как он ни отбивался, ни вопил, ни скрипел, его легко уложили на носилки и облачили в смирительную рубашку.

– Прекратите! Вы не имеете права! Пустите меня, понятно? Пустите!

– На улицу, – распорядился Гэллегер.

Джо храбро сопротивлялся, но его вынесли на улицу и погрузили в воздушную карету. Там он сразу утихомирился и бессмысленно уставился перед собой. Гэллегер сел на скамейку рядом с поверженным роботом. Карета взмыла в воздух.

– Ну что?

– Делай что хочешь, – ответил Джо. – Ты меня очень расстроил, иначе я бы вас всех загипнотизировал. Еще не поздно, знаешь ли. Могу заставить вас всех бегать по кругу и лаять по-собачьи.

Гэллегер поежился:

– Не советую.

– Да я и не собираюсь. Это ниже моего достоинства. Буду просто лежать и любоваться собой. Я ведь говорил, что могу обойтись без зеркала? Свою красоту я умею пространствить и без него.

– Послушай, – сказал Гэллегер. – Ты едешь в суд, в зал суда. Там будет тьма народу. Все тобой залюбуются. Их восхищение усилится, если ты покажешь им, как гипнотизируешь. Как ты загипнотизировал Тонов, помнишь?

– Какое мне дело до того, сколько людей мною восхищаются? – возразил Джо. – Если люди меня увидят, тем лучше для них. Значит, им повезло. А теперь помолчи. Если хочешь, можешь смотреть на мои зубчатки.

Гэллегер смотрел на зубчатки робота, и в глазах его тлела ненависть. Ярость не улеглась в нем и тогда, когда карета прибыла к зданию суда. Служители внесли Джо под руководством Гэллегера, бережно положили на стол и после непродолжительного судебного совещания сочли «вещественным доказательством № 1».

Зал суда был полон. Присутствовали и главные действующие лица: у Элии и Джимми Тонов вид был неприятно самоуверенный, а у Пэтси Брок и ее отца – встревоженный. Силвер О'Киф, как всегда осторожная, уселась ровнехонько посередине между представителями «Сонатона» и «Вокс-вью». Председательствующий – судья Хэнсон – отличался педантизмом, но, насколько знал Гэллегер, был человеком честным. А это уже немало.

Хэнсон перевел взгляд на Гэллегера:

– Не будем злоупотреблять формальностями. Я ознакомился с краткой пояснительной запиской, которую вы мне направили. В основе дела лежит вопрос, заключили ли вы некий контракт с корпорацией «Сонатон телевижн эмьюзмент». Правильно?

– Правильно, ваша честь.

– По данному делу вы отказались от услуг адвоката.

Правильно?

– Совершенно верно, ваша честь.

– В таком случае дело будет слушаться без участия адвоката. Решение может быть обжаловано любой из сторон. Не будучи обжалованным, оно вступит в законную силу в десятидневный срок.

Позднее эта новая форма упрощенного судебного разбирательства стала очень популярной: она всем и каждому сберегала время, не говоря уж о нервах. Кроме того, после недавних скандальных историй адвокаты приобрели дурную славу. К ним стали относиться с предубеждением.

Судья Хэнсон опросил Тонов, затем вызвал на свидетельскую скамью Харрисона Брока. Магнат, казалось, волновался, но отвечал без запинки.

– Восемь дней назад вы заключили с заявителем соглашение?

– Да. Мистер Гэллегер подрядился выполнить для меня работу.

– Контракт был заключен письменно?

– Нет. Словесно.

Хэнсон задумчиво посмотрел на Гэллегера:

– Заявитель был в то время пьян? С ним это, по-моему, часто случается.

Брок запнулся:

– Испытаний на алкогольные пары я не проводил. Не могу утверждать с уверенностью.

– Поглощал ли он в вашем присутствии спиртные напитки?

– Не знаю, были ли напитки спиртными…

– Если их потреблял мистер Гэллегер, значит были. Что и требовалось доказать. Я когда-то приглашал этого джентльмена в качестве эксперта… Значит, доказательств того, что вы заключили с мистером Гэллегером соглашение, не существует. Ответчик же – «Сонатон» – представил письменный контракт. Подпись Гэллегера признана подлинной.

Хэнсон знаком отпустил Брока со свидетельской скамьи.

– Теперь вы, мистер Гэллегер. Подойдите, пожалуйста. Спорный контракт был подписан вчера, приблизительно в восемь часов вечера. Вы категорически отрицаете свою причастность. Утверждаете, будто вещественное доказательство номер один, прибегнув к гипнозу, притворилось вами и успешно подделало вашу подпись. Я консультировался с экспертами, и все они единодушно считают, что роботы на такие чудеса не способны.

– Мой робот – нового типа.

– Очень хорошо. Пусть ваш робот загипнотизирует меня так, чтобы я поверил, будто он – это вы или кто-нибудь третий. Пусть

предстанет передо мной в любом облике, по своему выбору.

– Попытаюсь, – сказал Гэллегер и покинул свидетельское место. Он подошел к столу, где лежал робот в смирительной рубашке, и мысленно прочел молитву. – Джо!

– Да?

– Ты слышал?

– Да.

– Загипнотизируешь судью Хэнсона?

– Уйди, – ответил Джо. – Я занят – любуюсь собой.

Гэллегер покрылся испариной.

– Послушай. Я ведь немногого прошу. Все, что от тебя требуется…

Джо закатил глаза и томно сказал:

– Мне тебя не слышно. Я пространствлю.

Через десять минут судья Хэнсон напомнил:

– Итак, мистер Гэллегер…

– Ваша честь! Мне нужно время. Я уверен, что заставлю этого пустоголового нарцисса подтвердить мою правоту, дайте только срок.

– Здесь идет справедливый и беспристрастный суд, – заметил судья. – В любое время, как только вам удастся доказать, что вещественное доказательство номер один умеет гипнотизировать, я возобновлю слушание дела. А пока что контракт остается в силе. Вы работаете на «Сонатон», а не на «Вокс-вью». Судебное заседание объявляю закрытым.

Он удалился. С противоположного конца зала Тоны бросали на противников ехидные взгляды. Потом они тоже ушли в сопровождении Силвер О'Киф, которая наконец-то смекнула, кого выгоднее держаться. Гэллегер посмотрел на Пэтси Брок и беспомощно пожал плечами.

– Что делать, – сказал он.

Девушка криво усмехнулась:

– Вы старались. Не знаю, усердно ли, но… Ладно. Кто знает, может быть, все равно вы бы ничего не придумали.

Шатаясь, подошел Брок, на ходу утирая пот со лба:

– Я погиб. Сегодня в Нью-Йорке открылись еще шесть контрабандных театров. С ума сойти.

– Хочешь, я выйду замуж за Тона? – сардонически осведомилась Пэтси.

– Нет, черт возьми! Разве что ты обещаешь отравить его сразу же после венчания. Эти гады со мной не справятся. Что-нибудь придумаю.

– Если Гэллегер не может, то ты и подавно, – возразила девушка. – Ну так что теперь?

– Вернусь-ка я в лабораторию, – сказал ученый. – In vino veritas[14]. Все началось, когда я был пьян, и, возможно, если я как следует напьюсь опять, все выяснится. Если нет, продайте мой труп, не торгуясь.

– Ладно, – согласилась Пэтси и увела отца.

Гэллегер вздохнул, распорядился об отправке Джо в той же карете и погрузился в безнадежное теоретизирование.

Часом позже Гэллегер валялся на тахте в лаборатории, с увлечением манипулировал алкогольным органом и бросал свирепые взгляды на робота, который скрипуче распевал перед зеркалом. Запой грозил стать основательным. Гэллегер не был уверен, под силу ли такая пьянка простому смертному, но решил держаться, пока не найдет ответа или не свалится без чувств.

Подсознание знало ответ. Прежде всего, на кой черт он сделал Джо? Уж наверняка не для того, чтобы потакать нарциссову комплексу! Где-то в алкогольных дебрях скрывалась другая причина, здравая и логичная.

Фактор *x*. Если знать этот фактор, можно найти управу на Джо. Тогда бы робот стал послушен; *x* – это главный выключатель. В настоящее время робот, если можно так выразиться, не объезжен и потому своенравен. Если поручить ему дело, для которого он предназначен, может наступить психологическое равновесие; *x* – катализатор, *x* низведет Джо до уровня вменяемости.

Отлично. Гэллегер хлебнул крепчайшего рома. Ух!

Суета сует и всяческая суета. Как найти фактор *x*? Дедукцией? Индукцией? Осмосом? Купанием в шампанском?.. Гэллегер пытался собраться с мыслями, но те стремительно разбегались. Что же было в тот вечер, неделю назад?

Он пил пиво. Брок пришел, Брок ушел. Гэллегер стал делать робота… Ага. Опьянение от пива отличается от опьянения, вызванного более крепкими напитками. Может быть, он пьет не то, что нужно? Вполне вероятно. Гэллегер встал, принял тиамин, чтобы протрезветь, извлек из кухонного холодильника несколько десятков жестянок с импортным пивом и сложил их столбиками в подоконном холодильнике возле тахты. Он воткнул в одну банку консервный нож, и пиво брызнуло в потолок.

Фактор *x*. Робот-то знает, чему равен *x*. Но Джо ни за что не скажет. Вон он стоит, нелепо прозрачный, разглядывает вертящиеся колесики в своем чреве.

– Джо!

– Не мешай. Я погружен в размышления о прекрасном.

– Ты не прекрасен.

– Нет, прекрасен. Разве тебя не восхищает мой тарзил?

– А что это такое?

– Ах, я и забыл, – с сожалением ответил Джо. – Твои чувства его не воспринимают, не так ли? Если на то пошло, я встроил тарзил сам, уже после того, как ты меня сделал. Он необычайно красив.

– Угу.

Пустых банок из-под пива скапливалось все больше. В мире осталась только одна фирма – какая-то европейская, – которая по-прежнему продавала пиво в жестянках, а не в вездесущих пластиколбах. Гэллегер предпочитал жестянки: они придают пиву особый вкус. Но вернемся к Джо. Джо знает, для чего создан. Или нет? Сам Гэллегер не знает, но его подсознание…

Стоп! А как насчет подсознания у Джо?

Есть ли у робота подсознание? Ведь если у него есть мозг…

Гэллегер грустно раздумывал о том, что нельзя подействовать на Джо «наркотиком правды». Черт! Как растормозить подсознание робота?

Гипнозом.

Но Джо невозможно загипнотизировать. Он слишком ловок.

Разве что…

Самогипноз?

Гэллегер поспешно долил себя пивом. К нему возвращалась ясность мышления. Предвидит ли Джо будущее? Нет. Его удивительные предчувствия основаны на неумолимой логике и на законах вероятности. Более того, у Джо есть ахиллесова пята – самовлюбленность.

Возможно (не наверняка, но возможно), выход есть.

Гэллегер сказал:

– Мне ты вовсе не кажешься красавцем, Джо.

– Какое мне дело до тебя. Я действительно красив, и я это вижу. С меня достаточно.

– М-да. Возможно, у меня меньше чувств. Я недооцениваю твоих возможностей. Но все же теперь я вижу тебя в новом свете. Я пьян. Просыпается мое подсознание. Я сужу о тебе и сознанием, и подсознанием. Понятно?

– Тебе повезло, – одобрил робот.

Гэллегер закрыл глаза:

– Ты видишь себя полнее, чем я тебя вижу. Но все-таки не полностью, верно?

– Почему? Я вижу себя таким, каков я на самом деле.

– С полным пониманием и всесторонней оценкой?

– Ну да, – насторожился Джо. – Конечно. А разве нет?

– Сознательно и подсознательно? У твоего подсознания,

знаешь ли, могут оказаться другие чувства. Или те же, но более развитые. Я знаю, что, когда я пьян или под гипнозом или когда подсознание как-нибудь еще берет во мне верх, мое восприятие мира количественно и качественно отличается от обычного.

– Вот как. – Робот задумчиво поглядел в зеркало. – Вот как.

– Жаль, что тебе не дано напиться.

Голос Джо заскрипел сильнее, чем когда-либо:

– Подсознание… Никогда не оценивал своей красоты с этой точки зрения. Возможно, я что-то теряю.

– Что толку об этом думать, – сказал Гэллегер, – ведь ты же не можешь растормозить подсознание.

– Могу, – заявил робот. – Я могу сам себя загипнотизировать.

Гэллегер боялся дохнуть:

– Да? А подействует ли гипноз?

– Конечно. Займусь-ка этим сейчас же. Мне могут открыться неслыханные достоинства, о которых я раньше и не подозревал. К вящей славе… Ну поехали.

Джо выпятил глаза на шарнирах, установил их один против другого и углубился в самосозерцание. Надолго воцарилась тишина.

Но вот Гэллегер окликнул:

– Джо!

Молчание.

– Джо!

Опять молчание. Где-то залаяли собаки.

– Говори так, чтобы я мог тебя слышать.

– Есть, – откликнулся робот; голос его скрипел, как обычно, но доносился словно из другого мира.

– Ты под гипнозом?

– Да.

– Ты красив?

– Красив, как мне и не мечталось.

Гэллегер не стал спорить.

– Властвует ли в тебе подсознание?

– Да.

– Зачем я тебя создал?

Никакого ответа. Гэллегер облизал пересохшие губы и сделал еще одну попытку:

– Джо! Ты должен ответить. В тебе преобладает подсознание – помнишь, ты ведь сам сказал. Так вот, зачем я тебя создал?

Никакого ответа.

– Припомни. Вернись к тому часу, когда я начал тебя создавать. Что тогда происходило?

– Ты пил пиво, – тихо заговорил Джо. – Плохо работал

консервный нож. Ты сказал, что сам смастеришь консервный нож, побольше и получше. Это я и есть.

Гэллегер чуть не свалился с тахты:

– Что?

Робот подошел к нему, взял банку с пивом и вскрыл с неимоверной ловкостью. Пиво не пролилось. Джо был идеальным консервным ножом.

– Вот что получается, когда играешь с наукой в жмурки, – вполголоса подытожил Гэллегер. – Сделать сложнейшего в мире робота только для того, чтобы… – Он не договорил.

Джо вздрогнул и очнулся.

– Что случилось? – спросил он.

Гэллегер сверкнул на него глазами.

– Открой вон ту банку! – приказал он.

Чуть помедлив, робот подчинился.

– Ага. Вы, значит, догадались. В таком случае я попал в рабство.

– Ты прав, как никогда. Я обнаружил катализатор – главный выключатель. Попался ты, дурень, как миленький, будешь теперь делать ту работу, для какой годен.

– Ну что ж, – стоически ответил робот, – по крайней мере, буду любоваться своей красотой в свободное время, когда вам не понадобятся мои услуги.

Гэллегер проворчал:

– Слушай, ты, консервный нож – переросток! Предположим, я отведу тебя в суд и велю загипнотизировать судью Хэнсона. Тебе ведь придется так и сделать, правда?

– Да. Я потерял свободу воли. Я ведь запрограммирован на выполнение единственной команды – на открывание банок с пивом. Пока мне никто не приказывал открывать банки, я был свободен. А теперь я должен повиноваться вам во всем.

– Угу, – буркнул Гэллегер. – Слава богу. Иначе я бы через неделю свихнулся. Теперь, по крайней мере, избавлюсь от контракта с «Сонатоном». Останется только решить проблему Брока.

– Но вы ведь уже решили, – вставил Джо.

– Чего?

– Когда сделали меня. Перед тем вы беседовали с Броком, вот и вложили в меня решение его проблемы. Наверное, подсознательно.

Гэллегер потянулся за пивом.

– Ну-ка, выкладывай. Каков же ответ?

– Инфразвук, – доложил Джо. – Вы наделили меня способностью издавать инфразвуковой сигнал определенного

тона, а Брок в ходе своих телепередач должен транслировать его через неравные промежутки времени…

Инфразвуки не слышны. Но они ощущаются. Сначала чувствуешь легкое, необъяснимое беспокойство, потом оно нарастает и переходит в панический страх. Это длится недолго. Но в сочетании с ЭМП – эффектом массового присутствия – дает превосходные результаты.

Те, у кого телевизор «Вокс-вью» стоял дома, почти ничего не заметили. Все дело было в акустике. Визжали коты; траурно выли собаки. Семьи же, сидя в гостиных у телевизоров, считали, что все идет как полагается. Ничего удивительного – усиление было ничтожным.

Другое дело – контрабандный театр, где на нелегальных телевизорах «Вокс-вью» стояли увеличители «Магна»…

Сначала появлялось легкое, необъяснимое беспокойство. Оно нарастало. Люди устремлялись к дверям. Публика чего-то пугалась, но не знала, чего именно. Знала только, что пора уносить ноги.

Когда во время очередной телепередачи «Вокс-вью» впервые воспользовался инфразвуковым свистком, по всей стране началось паническое бегство из контрабандных театров. О причине никто не подозревал, кроме Гэллегера, Брока с дочерью и двух-трех техников, посвященных в тайну.

Через час инфразвуковой сигнал повторился. Поднялась вторая волна паники, люди опять бежали из залов.

Через несколько недель ничем нельзя было заманить зрителя в контрабандный театр. Куда спокойнее смотреть телевизор у себя дома! Резко повысился спрос на телевизоры производства «Вокс-вью». Контрабандные театры перестали посещать. У эксперимента оказался и другой, неожиданный результат: немного погодя все перестали посещать и легальные театры «Сонатона». Закрепился условный рефлекс.

Публика не знала, отчего, сидя в контрабандных театрах, все поддаются панике. Слепой, нерассуждающий страх люди объясняли всевозможными причинами, в частности большими скоплениями народа и боязнью замкнутого пространства.

В один прекрасный вечер некая Джейн Уилсон, особа ничем не примечательная, сидела в контрабандном театре. Когда был подан инфразвуковой сигнал, она бежала вместе со всеми.

На другой вечер Джейн отправилась в великолепный «Сонатон-Бижу». В середине драматического спектакля она поглядела по сторонам, увидела, что ее окружает бесчисленная толпа, перевела полные ужаса глаза на потолок и вообразила, будто он сейчас рухнет. Джейн захотела немедленно, во что бы то

ни стало выйти!

Ее пронзительный крик вызвал небывалую панику. В зале присутствовали и другие зрители, которым довелось послушать инфразвук. Во время паники никто не пострадал: в соответствии с законом о противопожарной безопасности двери театра были достаточно широки. Никто не пострадал, но всем вдруг стало ясно, что у публики создан новый рефлекс – избегать толп в сочетании со зрелищами. Простейшая психологическая ассоциация…

Четыре месяца спустя контрабандные театры исчезли, а супертеатры «Сонатона» закрылись из-за низкой посещаемости. Отец и сын Тоны не радовались. Зато радовались все, кто был связан с «Вокс-вью».

Кроме Гэллегера. Он получил от Брока головокружительный чек и тут же по телефону заказал в Европе неимоверное количество пива в жестянках. И вот он хандрил на тахте в лаборатории и прополаскивал горло виски с содовой. Джо, как всегда, разглядывал в зеркале крутящиеся колесики.

– Джо, – позвал Гэллегер.

– Да? Чем могу служить?

– Да ничем. В том-то и беда.

Гэллегер выудил из кармана и перечитал скомканную телеграмму. Пивоваренная промышленность Европы решила сменить тактику. Отныне, говорилось в телеграмме, пиво будет выпускаться в стандартных пластиколбах в соответствии со спросом и обычаем. Конец жестянкам.

В эти дни, в этот век ничего не упаковывают в жестянки. Даже пиво.

Какая же польза от робота, предназначенного и запрограммированного для открывания жестянок?

Гэллегер со вздохом смешал с содовой еще одну порцию виски – на этот раз побольше. Джо гордо позировал перед зеркалом.

Внезапно он выпятил глаза, устремил их один в другой и быстро растормозил свое подсознание при помощи самогипноза. Таким образом Джо мог лучше оценить собственные достоинства.

Гэллегер снова вздохнул. В окрестных кварталах лаяли собаки. Ну да ладно.

Он выпил еще и повеселел. «Скоро, – подумал он, – запою „Фрэнки и Джонни“». А что, если они с Джо составят дуэт – один баритон и одно неслышное ультразвуковое или инфразвуковое сопровождение? Будет полная гармония.

Через десять минут Гэллегер уже пел дуэтом со своим консервным ножом.

Гэллегер-Штрих

Мутный взгляд Гэллегера был устремлен сквозь окно туда, где должен был находиться задний двор. Ощущение при этом было тошнотворное, как будто желудок проваливался в ту нелепую, невероятную яму, что нежданно-негаданно образовалась за окном. Ох и широка же эта яма! Ох и глубока! Пожалуй, достаточно глубока, чтобы вместить колоссальное похмелье изобретателя.

Или все-таки недостаточно?

Гэллегер хотел было заглянуть в календарь, но передумал. Отчего-то казалось, что похмелье длится уже несколько тысячелетий. Даже для человека его с его способностью к поглощению алкоголя это был поистине дьявольский бодун.

– Бодун, – жалобно произнес Гэллегер, ковыляя к дивану и заваливаясь на него. – Отходняк – куда более выразительное слово. Бодун наводит на мысли о быках и будильниках, и да, они у меня в голове, ревут и звенят хором. – Он вяло потянулся к крану алкогольного органа, но заколебался и вступил в разговор с желудком.

Гэллегер. Ну самую чуточку, ладно?

Желудок. Поосторожнее!

Гэллегер. Только опохмелки ради.

Желудок. О-хо-хонюшки!

Гэллегер. Ну перестань. Мне нужно выпить. У меня задний двор сгинул.

Желудок. Как я ему завидую…

Тут отворилась дверь, и вошел робот: под прозрачной шкурой быстро крутились шестеренки, колесики и валики. Гэллегер глянул на него и закрыл глаза, потея.

– Убирайся, – прорычал он. – Я проклинаю тот день, когда соорудил тебя. Ненавижу твои мельтешащие потроха.

– Не умеешь ты ценить красоту, – обиженно произнес робот. – А я, между прочим, принес тебе пива.

– Гм… – Гэллегер взял из руки робота пластиковую бутылку и с жадностью к ней присосался, освежая глотку прохладной жидкостью с мятным вкусом. – Аххх… – выдохнул он, усаживаясь. – Полегчало. Правда, самую малость.

– Как насчет укола тиамина?

– У меня на него аллергия развилась, – уныло ответил роботу Гэллегер. – Жажда – мое проклятие. Гм… – Он посмотрел на алкогольный орган. – Может быть…

– По твою душу явился полицейский.

– Кто?

– Полицейский. Он уже давно здесь.

– О черт!.. – Гэллегер уставился в угол возле растворенного окна. – А это что за диво?

«Диво» было похоже на машину, но весьма необычную. Гэллегер разглядывал ее с недоумением, любопытством и толикой иронии. Не могло быть никаких сомнений, что он собрал собственноручно чертову штуковину. О чем напрочь забыл. Именно так работал его сумбурный разум. Гэллегер не получил серьезного технического образования, но по какой-то непостижимой причине природа наделила его гениальностью. Точнее, гениальность досталась его подсознанию. Рассудок у Гэллегера был вполне нормальным, разве что изрядно рассеянным и зачастую одурманенным алкоголем. Но когда брало верх демоническое подсознание, руки могли сотворить все, что угодно. В один из таких запоев они сотворили робота, а потом несколько недель Гэллегер гадал, чем этому творению предполагалось заниматься. В конце концов выяснилось, что ничем особо полезным. Но Гэллегер все же оставил робота у себя, притерпевшись к его манере выискивать зеркала и тщеславно позировать перед ними, восхищаясь своими металлическими внутренностями.

«Значит, опять я мастерил, будучи в стельку пьян», – подумал Гэллегер.

А вслух сказал:

– Эй, дурак, сгоняй-ка еще за пивком. Да пошустрей!

Когда робот удалился, Гэллегер распрямил свое долговязое тело и побрел к машине, чтобы с любопытством ее рассмотреть. Она была выключена. Перекинутые через подоконник бледные гибкие щупальца толщиной с большой палец свисали этак на фут с края ямы, заменившей собой задний двор. А на концах у них…

Гм… Гэллегер вытянул щупальце и уставился на него. На конце металлическое кольцо. А щупальце-то полое! Странно.

Машина была примерно двух ярдов в длину и смахивала на ожившую мусорную кучу. За Гэллегером водилась привычка пускать в дело все, что подвернется под руку. Если не находился нормальный соединитель, изобретатель хватал ближайший пригодный предмет – крючок с ботинка или плечики для пальто.

По этой причине качественный анализ уже собранного устройства никогда не бывал прост. Вот, к примеру, что умеет делать эта опутанная проводами волокнистая утка, с самодовольным видом угнездившаяся на антикварной вафельнице?

– В этот раз я совсем спятил, – сделал вывод Гэллегер. – Но

вопреки обыкновению не влип в неприятности. Где же пиво?

Робот стоял перед зеркалом, зачарованно разглядывая содержимое живота.

– Что? Пиво? Да вот же оно. Я лишь на секундочку задержался, чтобы чуть-чуть полюбоваться собой.

Гэллегер назвал робота нехорошим словом, но пластиковую бутылку у него забрал. Озадаченно моргая и кривя костистое вытянутое лицо, он смотрел на стоящее у окна устройство. Что же собой представляет конечный продукт?

Волнистые трубки тянулись от большой загрузочной коробки, в которую Гэллегер превратил мусорное ведро. Коробка была закрыта наглухо, и от нее шла изогнутая трубка к миниатюрной динамо-машине. Или к ее эквиваленту?

«Вряд ли это динамо-машина, – размышлял Гэллегер. – Они вроде огромные. Или не обязательно? Эх, жаль, не получил я технического образования. Как же мне разобраться с этой штуковиной?»

Сплошные загадки. Взять хотя бы этот квадратный серый металлический шкафчик. Гэллегер ненадолго отвлекся на попытку измерить его объем в кубических футах. Получилось четыреста восемьдесят шесть, и это был явно неверный ответ, поскольку шкафчик имел размеры восемнадцать на восемнадцать на восемнадцать дюймов.

Шкафчик был заперт; Гэллегер решил заняться им позже. Он продолжил исследования. Сколько же тут узлов, непонятно как работающих… А на противоположном торце машины – колесико диаметром дюйма четыре, с узким желобом на ободе.

– Конечный продукт, конечный продукт… Что же ты за конечный продукт? Эй, Нарцисс!

– Меня зовут не Нарцисс, – обиженно отозвался робот.

– Что ты самый настоящий нарцисс, понятно с первого взгляда, а как тебя зовут, я и не помню, – прорычал Гэллегер. – И вообще, машинам имена без надобности. Подойди-ка.

– Чем могу служить? – спросил робот, приблизившись.

– Что это такое?

– Машина, – ответил робот. – И безусловно, ей далеко до моей красоты.

– Надеюсь, пользы от нее будет побольше, чем от тебя. Что она умеет?

– Есть землю.

– Ух ты! Вот и объяснение ямы на заднем дворе.

– Тут нет заднего двора.

– Есть.

– Задний двор, – продекламировал робот в сумбурной манере

Томаса Вулфа, – это не только задний двор, но и отрицание заднего двора. Это встреча в пространстве заднего двора и не заднего двора. Задний двор – локальная, ограниченная земля. Это явление, обусловленное своим собственным отрицанием.

– Сам-то хоть понял, что наплел? – сурово спросил Гэллегер, которому не терпелось разобраться в ситуации.

– Да.

– Ну-ну. Ладно, не будем про задний двор. Я хочу знать, для чего построил эту машину.

– Почему ты меня об этом спрашиваешь? Я пару дней… да какое там, я целую неделю выключен.

– Ах да, помню. В то утро ты позировал перед зеркалом и не давал мне побриться.

– Это вопрос художественной целостности. Грани моего функционального лица куда гармоничней и драматичней, чем у твоей физиономии.

– Вот что, Нарцисс, – процедил Гэллегер, с трудом держа себя в руках, – я пытаюсь кое-что выяснить. Или этот факт отскакивает от граней твоего чертова мозга, как горох от стенки?

– Разумеется, я не могу тебе помочь, – холодно ответил Нарцисс. – Ты меня снова включил сегодня утром и забылся пьяным сном. Машина была уже достроена, но не действовала. Я прибрался в доме и любезно принес тебе пива, когда ты проснулся и стал, по своему обыкновению, жаловаться на похмелье.

– Ну а раз так, любезно принеси мне еще пива и заткнись.

– А как быть с полицейским?

– Ох… Я про него забыл. Пожалуй, надо с ним поговорить.

Нарцисс вышел, ступая бесшумно – хозяин оснастил его мягкими подошвами. Гэллегер подошел к окну и с содроганием взглянул на невероятную яму. Как она возникла? Почему?

Напрасно он рылся в памяти. Разумеется, подсознание знало ответ, но держало его под надежным замком.

Как ни крути, не мог Гэллегер построить машину, не имея на то серьезной причины. Или мог? Его подсознание обладало логикой, но это была очень специфическая, вывихнутая логика. Нарциссу изначально отводилась роль идеальной открывашки для пивных банок.

Вернулся робот, а следом вошел мускулистый парень в щегольском мундире.

– Мистер Гэллегер?

– Ага.

– Мистер Галлоуэй Гэллегер?

– Ответ опять «ага». Чем могу помочь?

– Принять судебную повестку. – Полицейский вручил Гэллегеру сложенный лист бумаги.

Содержащиеся в повестке перлы юридической фразеологии почти ничего Гэллегеру не сказали.

– Кто такой Делл Хоппер? – спросил он. – Никогда не слышал.

– Вопрос не по адресу, – проворчал полицейский. – Мое дело – повестку вручить, а больше я ничего не знаю.

Он ушел. Гэллегер уткнулся в бумагу. Что за абракадабра?..

Так и не сообразив, что еще можно предпринять, он связался по видеофону с юрисконсультом, потом обратился в бюро юридической информации и узнал, что адвокатские услуги Хопперу оказывает некто Тренч, специалист по корпоративному праву. Звонки в его конторе принимала целая толпа секретарш, но путем угроз, ругани и мольбы Гэллегер прорвался к самому боссу.

На экране появилось лицо типичного сухаря: худоба, седина, усы щеточкой. Под стать оказался и голос, резкий, как скрежет напильника.

– Мистер Гэллегер? Я вас слушаю.

– Вот что, – сказал Гэллегер, – мне сейчас принесли судебную повестку…

– А-а, так вы ее получили. Прекрасно.

– Что значит прекрасно? Я понятия не имею, почему должен явиться в суд.

– Забыли? – скептически произнес Тренч. – Надеюсь, мне удастся освежить вашу память. Мой клиент, человек мягкосердечный, привлекает вас к суду не за оскорбления, не за угрозу физического насилия и даже не за нападение с целью нанесения увечий. Он всего лишь хочет вернуть свои деньги. Или получить равноценную компенсацию.

Гэллегер зажмурился и содрогнулся:

– Что-что?.. Оскорбление?

– Вы его назвали, – ответил Тренч, заглянув в пухлое досье, – утколапым тараканом, грязным неандертальцем… а еще не то вонючим козлом, не то вонючей козявкой. Оба словосочетания являются уничижительными. Кроме того, вы отвесили ему пинка.

– Когда это случилось? – пролепетал Гэллегер.

– Три дня назад.

– И… вы упомянули деньги?

– Тысячу кредитов, выданных вам авансом.

– Аванс? На что?

– На заказ, который вы подрядились выполнить. В детали я не посвящен, но это не отменяет того факта, что заказ не выполнен и

деньги не возвращены.

– О-ох… А кто такой этот Хоппер?

– «Хоппер энтерпрайзис инкорпорейтед». Делл Хоппер, антрепренер и импресарио. Впрочем, уверен, вы все это знаете. Увидимся в суде, мистер Гэллегер. А сейчас прошу извинить, я крайне занят. Сегодня мне выступать в качестве обвинителя, и я не сомневаюсь, что обвиняемый получит большой тюремный срок.

– А что он натворил? – вяло поинтересовался Гэллегер.

– Угрозы и побои, – ответил Тренч. – Простейшее дело. До свидания.

Его лицо исчезло с экрана. Гэллегер хлопнул себя по лбу и закричал, требуя пива. Он подошел к рабочему столу, присосался к пластиковой бутылке со встроенным охладителем и перерыл накопившуюся почту. Никакого намека.

Тысяча кредитов… Он совершенно не помнил, как брал их. Может, кассовая книга подскажет?

Она подсказала. Несколько недель назад в ней появились такие записи:

Зак. от Д. Х. – упл. 1000.

Зак. от Д. У. – упл. 1500.

Зак. от Толстяка – упл. 800.

Три тысячи триста кредитов! Но в банковской книжке эта сумма не отмечена. Там фигурирует только снятие семисот кредитов; на счету осталось около полутора тысяч.

Гэллегер застонал и снова обыскал рабочий стол. Под пресс-папье лежал ранее не замеченный конверт. В нем обнаружились акции, как привилегированные, так и обыкновенные – организации под названием «Устройства анлимитед». Прилагающееся письмо уведомляло о получении четырех тысяч кредитов, в обмен на которые согласно договоренности мистеру Галлоуэю Гэллегеру выданы акции…

– Обалдеть! – произнес Гэллегер и хлебнул пива.

Его мозг лихорадочно трудился. Как же случилось, что Д. Х. – Делл Хоппер – заплатил ему тысячу кредитов за изготовление незнаю-чего, некто с инициалами Д. У. выдал полторы тысячи с аналогичной целью, а сквалыга Толстяк положил на счет всего лишь восемь сотен?

Почему?

Ответ знало только безумное подсознание. Эта смекалистая сущность ловко организовала сделки, собрала денежки с заказчиков, опустошила банковский счет Гэллегера и купила акции «Устройств анлимитед». Ну и дела!

Гэллегер снова воспользовался видеофоном, чтобы связаться

со своим биржевым маклером.

– Эрни?

– Здорово, Гэллегер, – отозвался Эрни, глядя с настольного экрана. – Случилось что-то?

– Случилось. Я крепко влип. Скажи-ка, я в последнее время покупал какие-нибудь акции?

– Конечно. УА – «Устройства анлимитед».

– Ну а теперь я хочу их продать. Срочно понадобились наличные.

– Минутку. – Эрни понажимал кнопки.

Гэллегер знал, что текущие котировки высвечиваются у маклера на стене.

– Ну?

– Плохо дело. Они улетели вниз. Предлагаются по четыре, никто не берет.

– А я почем брал?

– По двадцать.

Из глотки Гэллегера исторгся вой раненого волка.

– По двадцать? И ты позволил?

– Я пытался тебя отговорить, – устало ответил Эрни. – Объяснял, что акции УА дешевеют. Задержка из-за проблем с конструированием важной техники, что-то вроде этого. А ты заявил, будто располагаешь инсайдерской информацией. Что я мог поделать?

– Выбить мне мозги, – буркнул Гэллегер. – К черту, поздно жалеть. Я брал еще какие-нибудь акции?

– Сотню от «Марсианского золотого дна».

– Их можно сбыть?

– Можно. Получишь двадцать пять кредитов за весь пакет.

– О чем с утра трубят рожки?[15] – пробормотал Гэллегер.

– Чего?

– Да это я с ужасом заглядываю в будущее.

– Знаю-знаю! – обрадовался Эрни. – «Дэнни Дивер».

– Точно, – подтвердил Гэллегер. – Споешь это на моих похоронах, дружище. – И он прервал связь.

Что, во имя всего святого и несвятого, побудило его купить акции УА?

И что он пообещал Деллу Хопперу, владельцу «Хоппер энтерпрайзис?

Кто такие Д. У. (полторы тысячи кредитов) и Толстяк (восемьсот кредитов)?

Почему вместо заднего двора теперь дыра в земле?

Что и для чего изобрела непостижимая машина его подсознания?

Он включил на видеофоне режим телефонного справочника, покрутил колесико, нашел «Хоппер энтерпрайзис» и позвонил.

– Мне бы поговорить с мистером Хоппером.

– Ваша фамилия?

– Гэллегер.

– Обратитесь к нашему адвокату мистеру Тренчу.

– Уже обращался, – сказал Гэллегер. – Послушайте…

– Мистер Хоппер занят.

– Передайте ему, – торопливо произнес Гэллегер, – у меня есть то, что ему нужно.

Это подействовало. На экране сфокусировался Хоппер – бычьего сложения, седогривый, с беспощадными смоляными глазами, с носом точно клюв. Он двинул к экрану тяжелую челюсть и проревел:

– Гэллегер? Да я тебя в порошок сотру! – И вдруг сменил тон: – Ты звонил Тренчу? Ага, значит, подействовало. Понял уже, что я могу в два счета упрятать тебя за решетку?

– Да, но, может…

– Не может! Думаешь, в моих привычках лично наведываться к каждому чокнутому изобретателю, подрядившемуся выполнить для меня работу? Если бы мне не прожужжали все уши, какой ты суперский спец, я бы еще неделю назад потащил тебя в суд!

Изобретатель?

– Дело в том, – кротко начал Гэллегер, – что я болел…

– Да ни черта подобного, – грубо перебил его Хоппер. – Ты был в стельку пьян. А я не имею обыкновения платить за пьянство. Или забыл, что та тысяча кредитов – только часть гонорара и что я обещал добавить еще девять?

– Девять? Н-нет… Девять тысяч?

– Да к тому же премию за срочность. Учти, у тебя еще есть шанс ее получить – прошла только пара недель. Но если не управишься в срок, пеняй на себя. Я уже выхлопотал разрешение на строительство заводов, мои разведчики ищут по всей стране подходящие кинотеатры. Это годится для небольших помещений, Гэллегер? Постоянный доход дадут они, а не громадные кинозалы.

– Тчвук… – булькнул горлом Гэллегер. – Э-э-э…

– Оно у тебя? Сейчас же приеду и посмотрю.

– Подождите! Может, все-таки позволите мне ее малость подшлифовать?

– Концепция – вот что мне нужно, – сказал Хоппер. – Если она годится, дальше будет проще. Я позвоню Тренчу и велю отозвать иск. До скорого. – Он отключился.

– Пива! – вскричал Гэллегер. – И бритву, – добавил он, когда

Нарцисс затопал к выходу из комнаты. – Хочу перерезать себе горло.

– Почему? – спросил робот.

– Чтобы тебя порадовать. Ступай за пивом.

Нарцисс принес пластиковую бутылку.

– Не понимаю, почему ты пребываешь в таком подавленном настроении, – произнес он. – Не лучше ли пребывать в восторженном любовании моей красотой?

– Бритва – это выход, – мрачно проговорил Гэллегер. – Самый лучший выход. Три клиента, двух из них я совершенно не помню. Каждый поручил мне задачу, которую я тоже начисто забыл. Кошмар…

– Давай попробуем прибегнуть к индукции, – предложил Нарцисс. – Эта машина…

– Ну машина. Что дальше?

– Получая заказы, ты обычно напиваешься до состояния, когда подсознание берет верх и выполняет работу. А когда дело сделано, ты трезвеешь и все забываешь. Видимо, так было и в этот раз. Ты соорудил машину, верно?

– Верно, – кивнул Гэллегер. – Но для кого из трех клиентов? Я даже не помню, для чего она предназначена.

– Можно это выяснить опытным путем?

– А-а… Ну да, можно. Что-то я нынче туплю.

– Ты всегда тупишь, – упрекнул Нарцисс. – А еще ты очень уродлив. Чем дольше я размышляю о моей идеальной красоте, тем сильнее мне жаль людишек.

– Все, молчок! – рявкнул Гэллегер, осознав бессмысленность спора с роботом.

Он подошел к загадочной машине и еще раз ее осмотрел. Но ничего не щелкнуло в мозгу.

Увидев кнопку, Гэллегер нажал ее. Машина запела «Сент-Джеймсскую больницу»[16]:

…навестить мою милашку.

Она лежала на мраморном столе…

– Я понял, – проговорил Гэллегер в приступе отчаяния. – Кто-то попросил меня изобрести фонограф.

– Подожди. – Нарцисс вытянул руку. – Выгляни в окно.

– В окно. Угу. Ну и что там, за окном? Ох!..

Гэллегер обессиленно оперся на подоконник. Он задыхался; ноги его не держали. Вот это да!

И все же чего-то такого следовало ожидать.

Трубки, пучком выходящие из машины, оказались телескопическими. Невероятным образом протянувшись до дна ямы, аж на тридцать футов, они ходили там кругами, точно

шланги взбесившихся пылесосов. Кружение это было таким стремительным, что Гэллегер видел лишь расплывчатые полосы.

Как будто наблюдаешь за мечущимися в пляске святого Витта змеями горгоны Медузы.

– Видишь, как они носятся? – задумчиво произнес Нарцисс, тяжело навалившись на Гэллегера. – Теперь понятно, откуда взялась яма. Они пожирают землю.

– Ага, – согласился изобретатель, отстраняясь от окна. – Интересно зачем. Земля… Гм… Сырье?

Он повернулся к машине, которая плаксиво выводила:

> …Она может обыскать весь огромный мир,
> Но никогда не найдет такого мужчину, как я…

– Электрические соединители, – размышлял Гэллегер, разглядывая машину. – Земля поступает сюда, в бывшее мусорное ведро. А что потом? Бомбардировка электронами? Протоны, нейтроны, позитроны… Хотел бы я знать смысл этих слов, – посетовал он. – Эх, если б я учился в колледже…

– Позитрон – это…

– Не рассказывай! – взмолился Гэллегер. – У меня ведь только с семантикой проблемы. Мне доступен только интенсионал, но его не выразить словами.

– А экстенсионал на что? – возразил Нарцисс.

– Мне он не помощник. «Вопрос в том, кто из нас здесь хозяин», – сказал Шалтай-Болтай[17]. В моем случае хозяин – слово. Меня страшат эти проклятые слова, я просто невосприимчив к их экстенциональным значениям.

– Ну и глупо, – сказал робот. – У слова «позитрон» абсолютно ясный смысл.

– Это для тебя он ясен. А для меня элементарные частицы – ватага малышей с рыбьими хвостами и зелеными усами. Вот почему я никогда не смогу разобраться, на что способно мое подсознание. Я вынужден прибегать к символической логике, а символы… Баста! – рыкнул Гэллегер. – Что еще за дискуссии о семантике с роботом?

– Ты первый начал, – сказал Нарцисс.

Гэллегер метнул в него недобрый взгляд и вернулся к таинственной машине. Та по-прежнему пожирала землю и пела «Сент-Джеймсскую больницу».

– Интересно, почему именно эта песня?

– Так ты сам ее напеваешь, когда пьян. Предпочтительно в этом помещении, где орган.

– Это ничего не объясняет, – буркнул Гэллегер.

Он вернулся к изучению машины. Та работала быстро и ровно, заметно выделяя тепло и местами дым. Гэллегер нашел смазочный клапан, схватил банку с маслом, налил. Дым прекратился, а с ним заодно и слабый запах гари.

– И ничего-то она не выдает на-гора, – произнес Гэллегер после долгой паузы, посвященной сумбурным размышлениям.

– Посмотри сюда, – указал робот на шустро вертящееся желобчатое колесо.

Гэллегер пригляделся. Сразу над колесом обнаружилось узкое круглое отверстие в гладком цилиндрическом корпусе. Но и оттуда ничего не выходило.

– Опусти рубильник, – велел Гэллегер.

Нарцисс подчинился. Лязгнула заслонка, остановилось колесо, утихла музыка. Протянувшиеся за окно щупальца перестали кружиться и сократились до первоначальной длины.

– Да, конечный продукт явно отсутствует, – отметил Гэллегер. – Она ест землю и, сколько бы ни съела, все переваривает. Абсурд…

– Уверен?

– Абсолютно. В земле содержатся химические элементы. Кислород, азот… Нью-Йорк стоит на граните, а это алюминий, натрий, кремний – уйма всего. Так что никакими физическими или химическими трансформациями деятельность этой машины не объяснить.

– Хочешь сказать, из машины что-нибудь непременно должно выходить?

– Вот именно, – ответил Гэллегер. – И если бы обстояло так, мне было бы куда легче на душе. Пусть бы она выдавала обыкновенную грязь.

– Она выдает музыку, – заметил Нарцисс. – Если только можно назвать музыкой этот визг.

– Мне не напрячь мозг так сильно, чтобы он взялся обдумывать столь идиотскую гипотезу, – отчеканил Гэллегер. – Не спорю, мое подсознание маленько того. Но у него есть логика, пускай и вывихнутая. Я бы никогда в жизни не изобрел машину, предназначенную для превращения земли в музыку, даже будь это возможно в принципе.

– Но ведь она ничем другим не занимается, согласись.

Гэллегер не удостоил робота контраргументом. Он хотел было потребовать еще пива, но отверг эту идею и велел алкогольному органу соорудить тонизирующий коктейль из нескольких алкогольных напитков. После чего уселся на генератор, украшенный броской табличкой со словом «Монстр». Однако вскоре исправил ошибку – переместился на меньший

генератор, по прозвищу Бурчун. На Бурчуне Гэллегеру всегда размышлялось лучше.

Коктейль смазал ему мозги, подстегнул их спиртовыми парами. Машина, не дающая конечного продукта… Земля, превращающаяся в ничто… Гм… Не может материя исчезать, точно кролик в шляпе фокусника. Она куда-то девается. Превращается в энергию? Очевидно, нет. Машина не вырабатывает энергию. Напротив, гнезда и провода говорят о том, что она потребляет электричество.

Из этого следует…

Да ничего из этого не следует.

А если взглянуть под другим углом?

Подсознание Гэллегера, Гэллегер-Штрих, изобрело устройство, исходя из каких-то логичных соображений. Эти соображения подкреплялись денежными авансами. Три человека независимо друг от друга заплатили три тысячи триста кредитов, по всей вероятности, для того, чтобы Гэллегер сделал три разных устройства.

Кто из этих троих заказал машину, пожирающую землю?

Что, если посмотреть на это как на уравнение? Назовем клиентов *a, b* и *c*. Цель изготовления машины – конечно, не саму машину – обозначим как *x*. Тогда *a* (или) *b* (или) *c* равняется *x*.

Не совсем так. Не может *a* соответствовать Деллу Хопперу; *a* – это то, чего он хочет. А то, чего он хочет, по логике и есть предназначение машины.

То же самое можно сказать и о таинственном Д. У. и не менее загадочном Толстяке.

Впрочем, Толстяк чуть менее загадочен. Была у Гэллегера какая-никакая ниточка. Если Д. У. мы обозначили буквой *b,* то этот Толстяк – *c* плюс добавочный вес. Присвоим добавочному весу символ *d* и что получим?

Дозу алкоголя.

Гэллегер потребовал пива, и Нарциссу пришлось отвлечься от позирования перед зеркалом. Изобретатель стучал пятками по Бурчуну и морщил лоб, забыв смахнуть упавшую на глаза длинную прядь темных жидких волос.

Тюрьма?

Ну уж дудки! Должен существовать какой-то другой вариант, надо только его отыскать. А что там с акциями фирмы УА? Почему Гэллегер-Штрих потратил на них четыре тысячи кредитов?

Если найдется ответ на этот вопрос, возможно, дальше будет проще. Гэллегер-Штрих ничего просто так не делает.

Кстати, что собой представляют «Устройства анлимитед»?

Изобретатель сел за видеофон и включил «Кто есть кто в Манхэттене». Ему повезло: «Устройства анлимитед» были зарегистрированы в штате Нью-Йорк и имели на его территории офисы. На экране появилась страница фирмы:

УСТРОЙСТВА АНЛИМИТЕД

КОНСТРУИРУЕМ ВСЕ!

КРАСНЫЙ 5-1400-М

Номер видеофона? Это уже кое-что.

Едва Гэллегер нажал на красную клавишу, подал голос дверной звонок и вынудил Нарцисса отлипнуть от зеркала. Вскоре робот вернулся в компании бизоноподобного мистера Хоппера.

– Прости, что задержался, – громыхнул гость. – Мой шофер погнал на красный свет, и нас остановил полицейский. Ох и задал же я ему!

– Шоферу?

– Полицейскому. Ну и где оно?

Гэллегер облизал губы. Неужели и вправду Гэллегер-Штрих отвесил пинка этому человеку-горе?

Мысль не из тех, которым хочется уделить время.

Гэллегер указал в сторону окна:

– Вот.

Угадал ли он? Неужели и вправду Хоппер заказал машину для поедания земли?

У здоровяка округлились от изумления глаза. Подозрительно покосившись на Гэллегера, он подступил к устройству, рассмотрел его с разных ракурсов. Выглянул в окно, но зрелище не вызвало интереса. Наконец он с недоуменной миной на лице повернулся к изобретателю.

– Ты это имел в виду? Абсолютно новый принцип, да?

Не получивший никакой подсказки Гэллегер изобразил чахлую улыбку. Хоппер выжидающе смотрел на него.

– Ладно, – процедил гость, – что насчет практического применения?

Гэллегер отчаянно искал выход из безнадежной ситуации.

– Я продемонстрирую, – сказал он наконец.

Изобретатель пересек помещение и повернул рубильник. Машина в тот же миг затянула «Сент-Джеймсскую больницу», выпростала щупальца и принялась поглощать землю. Открылось отверстие в цилиндре, закрутилось желобчатое колесо.

Хоппер ждал. Некоторое время спустя он спросил:

– И что?

– Вам не нравится?

– Что значит – не нравится? Я еще даже не знаю, что она

делает. У нее хоть экран-то есть?

– Конечно, – ответил совершенно растерявшийся Гэллегер. – Внутри вот этого цилиндра.

– Внутри чего? – Косматые брови надвинулись на смоляные глаза. – Цилиндра?

– Угу…

– Какого… – У Хоппера, похоже, сперло дыхание. – Какого черта он там делает? А где рентгеновские глаза?

– А что, они нужны? – пролепетал Гэллегер, слабея от непонимания. – Вы заказывали экран с рентгеновскими глазами?

– Да ты, я вижу, так и не протрезвел! – зарычал Хоппер. – Или свихнулся?

– Постойте-ка… Возможно, я ошибся…

– Ошибся?!

– Ответьте только на один вопрос. Что именно я должен был изготовить?

Хоппер сделал три глубоких вздоха, а затем ледяным тоном, чеканя слова, сказал:

– Я спрашивал, способен ли ты собрать устройство для проецирования трехмерных изображений, чтобы их можно было рассматривать спереди, сбоку, сзади, с любых углов и чтобы не было искажений. Ты ответил утвердительно, и я положил на твой счет тысячу кредитов. А еще заключил договоры с парой фабрик, чтобы незамедлительно приступить к производству аппаратов. Поручил агентам искать подходящие кинотеатры. Подготовил рекламную кампанию для продажи домашних телевизоров. А теперь, мистер Гэллегер, я поеду к моему адвокату и потребую, чтобы он стер вас в порошок.

Хоппер вышел, возмущенно фыркая. Робот тихо затворил дверь, вернулся и, не дожидаясь приказа, сбегал за пивом. Гэллегер отмахнулся.

– Воспользуюсь органом, – простонал он и смешал ядреное пойло. – Нарцисс, выруби проклятую машину. Сил моих больше нет…

– Что ж, одна загадка уже решена, – ободряюще заговорил робот. – Устройство ты сделал не для Хоппера.

– Верно, верно. Я его сделал для… Или для Д. У., или для Толстяка. И как же мне узнать, кто они такие?

– Тебе надо отдохнуть, – сказал робот. – Почему бы не расслабиться и не насладиться моим мелодичным голосом? Я что-нибудь почитаю вслух.

– Он не мелодичный, – машинально ответил Гэллегер. – Скрипучий, как ржавая дверная петля.

– Только для твоих ушей. Мои органы чувств воспринимают

его иначе. Между прочим, твоя речь для меня – кваканье жабы-астматички. Ты видишь меня совсем не так, как я сам себя вижу; то же относится и к слуховому восприятию. Но это, кстати, и к лучшему. Иначе бы ты лишился чувств от восхищения.

– Нарцисс, – терпеливо проговорил Гэллегер, – я пытаюсь думать. Не окажешь ли услугу, не захлопнешь ли металлическую пасть?

– Меня зовут не Нарцисс, – сказал робот. – Я Джо.

– Я тебя переименовал. Давай-ка попробуем связаться с «Устройствами анлимитед». Какой там номер?

– Красный пятьдесят один сорок эм.

– Точно.

Гэллегер засел за видеофон. Секретарша была весьма любезна, но смогла сообщить крайне мало полезного.

«Устройства анлимитед» – что-то вроде головной компании холдинга. Раскинула щупальца по всему миру. Когда появляется заказ, УА через своих агентов находит исполнителя и обтяпывает дельце. Фокус в том, что УА выделяет на это деньги из собственного фонда и зарабатывает на процентах. Подробности оказались настолько сложными, что Гэллегер предпочел не вникать.

– И что, никаких бумаг с моей фамилией? Жаль… Может, подскажете, кто такой Д. У.?

– Д. У.? Сожалею, сэр, но по одним инициалам…

– Я знаю только инициалы. И это очень важный вопрос, – настаивал Гэллегер.

Наконец он добился своего. В УА только один сотрудник имел инициалы Д. У. – Джексон Уорделл. В настоящий момент он находился на Каллисто.

– И давно он там?

– С рождения, – последовал обескураживающий ответ. – Ни разу в жизни не бывал на Земле. Уверена, мистер Уорделл – не тот, кто вам нужен.

Гэллегер тоже так решил. Не было смысла спрашивать о Толстяке, поэтому он отключился и печально вздохнул. Что теперь?

Затрезвонил видеофон. На экране появилась лысая, пухлощекая голова с тревожно нахмуренным лбом. При виде изобретателя незнакомец облегченно хохотнул.

– Вот вы где, мистер Гэллегер! А я уже битый час дозваниваюсь. Что-то со связью. Вообще-то, я был уверен, что вы сами мне позвоните.

Гэллегер обмер. Это же Толстяк!

Слава богу, удача наконец повернулась к изобретателю

лицом. Толстяк, восемьсот кредитов. За заказ. За какой заказ? На конструирование машины? Может, Гэллегер-Штрих сумел решить проблему Толстяка? Или этого Д. У.? Господи, пусть окажется, что Толстяк заказывал штуковину, которая будет есть землю и петь «Сент-Джеймсскую больницу»!

Изображение потускнело и замерцало, аппарат тихо затрещал. Толстяк перешел на скороговорку:

– Да, связь барахлит. Мистер Гэллегер, у вас получилось? Вы нашли метод?

– Конечно, – ответил Гэллегер.

Может, удастся вытянуть из этого человека хотя бы намек на то, что он заказывал…

– Ах как здорово! А то мне из УА уже который день названивают. Я отбиваюсь, но вечно ждать они не будут. Кафф идет напролом, а мне никак не обойти устаревший кодекс…

Экран погас.

Гэллегер чуть не откусил себе язык в бессильной ярости. Он встал из-за стола и принялся мерить шагами лабораторию. Нервы вибрировали от волнения.

Через секунду видеофон снова зазвонит. Толстяк выйдет на связь. Иначе и быть не может. И на этот раз первый вопрос Гэллегера будет таким: «Вы кто?»

Шло время.

Гэллегер застонал и сел за аппарат. Попросил оператора выяснить, откуда пришел вызов.

– Сожалею, сэр. Звонили из уличного видеофона. Такие вызовы не отслеживаются.

Через десять минут Гэллегер прекратил ругаться, сорвал свою шляпу с головы чугунного пса, когда-то украшавшего собой газон, и круто повернулся к двери.

– Отлучусь, – коротко известил он Нарцисса. – Пригляди за машиной.

– Ладно, но только одним глазком, – ответил робот. – Второй будет занят наблюдениями за моими очаровательными внутренностями. А почему бы тебе не выяснить личность Каффа?

– Кого?

– Каффа. Толстяк упомянул это имя. Сказал, что Кафф идет напролом…

– Точно! И еще он сказал, что не может обойти устаревший кодекс.

– Это законодательный акт.

– Я в курсе, что такое кодекс, – прорычал Гэллегер. – Чай, не слюнявый кретин. Попробую дозвониться до этого Каффа.

В справочнике значились шесть Каффов; трех Гэллегер

исключил по половому признаку. Отмел и «Кафф-Линкс, произв. кооп.» Остались двое: Макс и Фредерик. Фредерик оказался тощим, лупоглазым и явно еще не достигшим избирательного возраста. Гэллегер одарил юнца убийственным взглядом и отключился, предоставив Фредерику полчаса гадать, кто это возник на его экране, скорчил дьявольскую гримасу и исчез, не сказав ни слова.

Зато оставался Макс Кафф, а еще надежда, что это тот, кто нужен Гэллегеру. Сомнения исчезли, когда дворецкий переключил вызов на офис в центре Манхэттена, а секретарша сообщила, что мистер Кафф проводит день в «Клубе социального прогресса».

– Вот даже как? Скажите, этот Кафф, кто он такой?

– Прошу прощения?

– Чем промышляет? В смысле, какой у него бизнес?

– У мистера Каффа нет бизнеса, – холодно ответила девушка. – Он олдермен.

А вот это уже интересно.

Гэллегер поискал шляпу, обнаружил ее у себя на голове и попрощался с роботом, который не потрудился ответить.

– Если опять позвонит Толстяк, – проинструктировал Нарцисса изобретатель, – узнай его имя. Понял? И следи за машиной, а то вдруг примется мутировать или еще что-нибудь выкинет.

Итак, вроде бы удается связать концы с концами.

Гэллегер вышел из дома. Дул холодный осенний ветер, сверху, с обсаженных деревьями автострад, слетали хрупкие листья. Мимо проплыло несколько авиатакси, но Гэллегер остановил наземный автомобиль: хотел видеть дорогу. Почему-то он сомневался, что от видеофонного разговора с Максом Каффом был бы прок. С тем, кто может «идти напролом», следует обращаться осторожно.

– Куда, приятель?

– «Клуб социального прогресса». Знаешь, где это?

– Не-а, – ответил водитель. – Но найду. – Он воспользовался телесправочником на приборной панели. – В центре. Едем?

– Угу, – ответил Гэллегер и, откинувшись на сиденье, погрузился в мрачные раздумья.

Что же за клиенты ему в этот раз достались, почему их столь трудно находить? Сущие привидения. Толстяк так и остался безымянным – просто лицо на экране, которое Гэллегер даже не запомнил. Кто такой Д. У., поди догадайся. Один лишь Делл Хоппер на виду, но это нисколько не радует. В кармане хрустит повестка в суд.

– Выпивка, – заговорил сам с собой изобретатель, – вот чего мне не хватает. Я слишком давно трезв, и это причина моих неудач. Ох, проклятие…

Такси остановилось перед хороминой из стекла и кирпича, некогда роскошной, а теперь грязной, как будто заброшенной. Гэллегер вышел из машины, расплатился с водителем и поднялся по пандусу. Небольшая табличка утверждала, что это и есть «Клуб социального прогресса». Не обнаружив звонка, Гэллегер просто отворил дверь и вошел.

Тотчас у него раздулись ноздри, как у боевого коня, учуявшего запах кордита. В этом здании наливают! Инстинкт, подобный голубиному, повел изобретателя прямиком к бару у стены в огромном зале, заполненном стульями, столиками и людьми. В углу грустный джентльмен в котелке играл с пинбольным автоматом. Заметив приближение Гэллегера, он сорвался с места, подбежал и спросил:

– Кого-то ищете?

– Ага, – ответил Гэллегер. – Макса Каффа. Мне сказали, что он здесь.

– Сейчас он отсутствует, – сказал грустный джентльмен. – А какое у вас к нему дело?

– Это насчет Толстяка, – рискнул Гэллегер.

– Насчет кого? – Взгляд грустного джентльмена сделался подозрительным.

– Вы его не знаете. Зато знает Макс.

– А Макс согласен встретиться с вами?

– Еще бы.

– Ладно, – неохотно уступил грустный джентльмен. – У него тур по питейным заведениям – с ним такое бывает. Сейчас он в «Трех звездах».

– В «Трех звездах»? А где это?

– На Четырнадцатой, около Бродвея.

Гэллегер ушел, поблагодарив печального грустного и задержав тоскливый взгляд на баре. Дело прежде всего.

«Три звезды» оказались кабаком с неприличными стереоскопическими картинами на стенах. Изображения двигались в довольно жуткой манере. Поглазев на них в задумчивости, Гэллегер переключился на посетителей. Таковых было немного. Особо привлекал внимание человек, сидевший у конца стойки, – благодаря медвежьему телосложению, цветку гардении в петлице и блистающему бриллианту на перстне.

Гэллегер двинулся к нему.

– Мистер Кафф?

– Допустим. – Здоровяк, как Юпитер вокруг своей оси,

развернулся на табурете и воззрился на Гэллегера, слегка пошатываясь. – А ты кто?

– Я…

– Да ладно, понял, – подмигнул Кафф. – Ты провернул темное дельце и не можешь представиться настоящим именем. В бегах, поди?

– Что?

– Я таких за версту чую. – Кафф наклонился вперед и принюхался. – Э-э, да ты попивающий?

– Попивающий – слишком мягко сказано, – с горечью подтвердил Гэллегер.

– Ну так составь компанию, – предложил здоровяк. – Сейчас идет «д»! Дайкири. Тим! – взревел он. – Еще один дайкири, для моего приятеля! И поживей! А потом будет «е».

Гэллегер устроился на соседнем табурете и изучающе вгляделся в собеседника. Олдермен был явно навеселе.

– Да, – сказал Кафф. – Алфавитный запой – ничего нет лучше. Начинаешь с «а», с абсента, а потом бренди, веспер, граппа, дайкири…

– А после дайкири?

– Ерш, разумеется, – слегка удивился Кафф. – Убойное пойло.

Они выпили.

– Вот что, – заговорил Гэллегер, – мне бы хотелось потолковать с вами о Толстяке.

– О ком?

– О Толстяке. – Гэллегер описал упомянутого человека, заговорщицки подмигнув. – Вы его знаете. Прижали его на днях – кодекс и все такое.

– А-а, вот ты о ком! – разразился гомерическим хохотом Кафф. – Толстяк, говоришь? Метко! Еще как метко! Толстяк – самое подходящее прозвище для этого субчика.

– А это разве не фамилия? – коварно поинтересовался Гэллегер.

– Да какая там фамилия! Толстяк! Ха-ха-ха!

– А в этой фамилии есть буква «е»? Или буква «и»?

– Обе имеются, – ответил Кафф. – Тим, где дайкири? А-а, уже готов? Бери, приятель: отличное пойло.

Гэллегер допил коктейль и взялся за второй, который от первого отличался только названием. Как действовать дальше?

– Так вот, что касается Толстяка, – осторожно произнес он.

– Ну?

– Как у него дела?

– Я никогда не отвечаю на вопросы. – Мигом протрезвев, Кафф настороженно уставился на Гэллегера. – Ты откуда взялся?

Я тебя не знаю.

– Питтсбург. Сюда приехал только что, и мне порекомендовали этот клуб.

– Чепуха какая-то, – сказал Кафф. – Ладно, не имеет значения. Я наконец разобрался с проблемами, вот и праздную. Ты уже допил? Тим! Жженку нам! Между прочим, – воодушевленно сообщил Кафф, – это единственный на весь город шалман, где подают бухло с названием на «ж». Дальше придется перескакивать – я не знаю ничего на букву «з».

– Запеканка, – рассеянно произнес Гэллегер.

– Запе… Хе! А что это? – Кафф оглянулся на бармена и заорал: – Тим! У тебя есть запеканка?

– Нет, олдермен, – отозвался бармен. – Нам такого не привозят.

– Ну так найди того, кто будет привозить. А ты толковый парень, мне нужен такой, – обратился Кафф уже к Гэллегеру. – Давай помогай.

Изобретатель подчинился. Раз Кафф не хочет говорить о Толстяке, надо как-то заслужить доверие олдермена. Лучший способ – пить с ним. На «и» – ирландское виски, на «к» – киршвассер…

Увы, алфавитный запой с его фантастическими смесями давался Гэллегеру нелегко. Изобретателя и так одолевало похмелье, а жажда Каффа казалась неутолимой.

– «Л»? Что у нас на «л»?

– «Лакрима кристи»… А еще «Либфраумильх».

– Давай, давай!

Какое это было облегчение, когда они добрались до мартини. После «отвертки» Гэллегера развезло. Когда дошло до «р», он предложил рутбир, но Кафф был категорически против безалкогольных напитков.

– Ну тогда рисовое вино.

– Рисовое? Годится! Эй, мы пропустили «н»! Паршиво! Придется начинать сначала, с «а».

Гэллегер принялся отговаривать собутыльника от явной авантюры и добился успеха только благодаря тому, что заинтриговал олдермена экзотическим названием «негрони». Они двинулись дальше, через смэш, текилу, узо и фраппе. «Х» означало «Хеннесси».

– «Ц»?

Они таращились друг на друга сквозь алкогольный туман. Гэллегер пожал плечами и огляделся. Когда они успели перебраться в этот роскошный приватный кабинет клуба?

– «Ц»? – допытывался Кафф. – Давай, приятель, не подведи

меня!

– Цуйка, – выкрутился Гэллегер.

– Правильно! Остались пять букв: «ч»…

– Толстяк. Помнишь?

– Старина Смит, – ответил Кафф и разразился хохотом.

По крайней мере, фамилия прозвучала похоже на «Смит».

– Кличка Толстяк прекрасно ему подходит!

– А имя?

– Чье?

– Толстяка.

– Никогда не слышал, – хихикнул олдермен.

Подошел официант и тронул Каффа за руку:

– Вас хотят видеть, сэр. Ждут внизу.

– Понял. Приятель, я через минуту вернусь. Все всегда знают, где меня можно найти – особенно когда я здесь. Не уходи. У нас еще осталась «ч» и… и… что еще?

Он вышел. Гэллегер отодвинул стакан с выпивкой, которую даже не пригубил, встал и, шатаясь, вышел в холл. Там ему на глаза попалась кабинка видеофона, и он, подчиняясь порыву, направился к ней.

– Опять надрался, – заключил появившийся на экране Нарцисс.

– В дымину, – подтвердил Гэллегер. – Зато я вышел на след.

– Я бы тебе посоветовал обратиться в полицию, чтобы выделили охрану, – сказал робот. – Сразу после твоего ухода сюда вломились какие-то типы, искали тебя.

– Какие-то… кто? Ну-ка, повтори!

– Трое громил, – терпеливо уточнил Нарцисс. – Главный у них высокий, тощий, с соломенными волосами и золотым передним зубом. Носит костюм в клеточку. Другие…

– Не нужно описывать, – прорычал Гэллегер. – Просто скажи, что случилось.

– Больше ничего. Они хотели похитить тебя. Не застав, попытались украсть машину. Я их прогнал. Я ведь довольно силен для робота.

– Они не повредили машину?

– А насчет меня не желаешь поинтересоваться? – капризно спросил Нарцисс. – Ведь я куда важнее, чем эта штуковина.

– Я перезвоню, – буркнул Гэллегер. – А сейчас мне позарез нужен крепкий кофе.

Он встал и вывалился из кабинки. К нему направлялся Макс Кафф. Олдермена сопровождали трое мужчин. Один из них резко остановился, у него отпала челюсть.

– Ну и ну! – воскликнул он. – Босс, это же тот самый парень!

Гэллегер! Так это с ним ты напился?

Гэллегер попытался сфокусировать зрение. Говоривший обрел контуры. Высокий, худой, с соломенными волосами и золотой фиксой. И в клетчатом костюме.

– Вырубите его, – приказал Кафф. – Да поживей, пока он не заорал и пока никто сюда не явился. Гэллегер, значит? Смышленый парень, да?

Гэллегер заметил, как что-то приближается к его голове, и попытался отпрянуть в кабинку – так улитка прячется в своей раковине. Не вышло. Ослепительно вспыхнули и закружились огни, и он вырубился.

У этой социальной культуры, сонно размышлял Гэллегер, есть две проблемы: чрезмерный рост экзодермы и ее же окостенение. Цивилизацию можно сравнить с цветочной клумбой. Каждое отдельное растение представляет собой значимый элемент композиции. Рост – это прогресс. Технология, многострадальный желтый нарцисс, получает корневую подкормку концентрированной бизнес-активностью, создаваемой войнами, что стимулирует бурное и бессмысленное развитие. Но ни один мир не будет нормальным, если сумма его частей не равна целому.

У растения, вынужденного жить в тени желтого нарцисса, развились паразитические тенденции. Отказавшись от бесполезных корней, оно вьется вокруг нарцисса, взбирается по его стеблям и листьям. Эта удушающая лиана, она же религия, политика, экономика, культура, слишком медленно меняет свои формы, а потому ее обгоняет блистающая комета науки, беспрепятственно взмывшая на небосклон новой эры. В давние времена писатели теоретизировали о том, что в будущем – в их будущем – сложится совершенно иной социологический паттерн. До эпохи ракетных кораблей не доживут столь абсурдные явления, как разводненный акционерный капитал, грязная политика и гангстеризм. Но этим теоретикам картины грядущего рисовались слишком смутно. Ракетные корабли, полагали они, появятся еще очень и очень не скоро. А получилось так, что человек высадился на Луне раньше, чем из обихода вышли карбюраторные двигатели.

В начале двадцатого столетия великая война дала мощнейший толчок развитию технологий, и это развитие потом не прекращалось. Увы, большинство видов реального бизнеса зиждилось на таких фундаментах, как человеко-часы и устойчивые денежные системы. Единственная параллель – эпоха великих финансовых пузырей, «Миссисипского пузыря» и его

собратьев. За ней последовал период хаоса, реорганизации, рискованный переход на новые денежные системы, неистовое метание из крайности в крайность. Юриспруденция усложнилась настолько, что требовались многочисленные команды экспертов, вооруженных калькуляторами Педерсона и мыслящими машинами «Механистры» для выстраивания изощреннейшей аргументации, так и норовившей снести границу символической логики и сорваться в бездну абсурда. Убийца, не подписавший чистосердечного признания, имел все шансы выйти сухим из воды. А если и подписывал, существовали способы дискредитировать самые, казалось бы, надежные доказательства. В этой безумной каше власти пытались опираться на островки исторической тверди – судебные прецеденты, – и зачастую получалось только хуже. Поэтому от прецедентного права пришлось отказаться.

Вот так оно и шло. В какой-то момент стало казаться, что социология сможет догнать технологию. Но этого пока не случилось. Мировая история еще не знала такого масштаба азартных игр в экономике. Требовались гении, чтобы распутать создавшийся клубок. В конце концов у природы сработал механизм самозащиты и в результате мутаций такие гении появились, но их деятельность еще очень не скоро даст ощутимые результаты. У Гэллегера уже сложилось представление о том, что теперь необходимо человеку для успешного выживания: отменная приспособляемость и обширный багаж практических и непрактических знаний абсолютно во всех областях. Этот человек должен разбираться в растениях и животных, в минералах и…

Гэллегер открыл глаза. И почти ничего не увидел, главным образом потому, как он тотчас же понял, что сидел, уткнувшись лицом в стол. С трудом изобретатель выпрямился. Его не связали, но затащили на сумрачный чердак, заваленный всяким хламом. На потолке тускло светилась люминесцентная лампа. В одной из стен наличествовала дверь, но перед ней стоял тот тип с золотой фиксой. Сидевший за столом напротив Гэллегера Макс Кафф аккуратно наливал виски в стакан.

– Я тоже хочу, – слабым голосом произнес Гэллегер.

Кафф поднял на него взгляд:

– Что, отчухался? Блейзер слишком крепко тебе двинул – ну извини.

– Да ничего… Я бы все равно скоро вырубился. Убойная штука этот твой алфавитный загул.

– Валяй. – Кафф придвинул стакан к Гэллегеру и взял себе другой. – А ты хитер, приятель, – подловил меня в единственном месте, где ребята не догадались за мной присматривать.

– Да, я умный от природы, – скромно подтвердил Гэллегер.

Виски вернуло его к жизни, но в голове еще плавал туман.

– Это не твои ли… э-э-э… ассистенты, если можно так назвать гнусных громил, уже пытались меня похитить?

– Было дело. Но тебя не застали дома. Твой робот…

– Красавчик, да?

– Ага. Вот что, Блейзер рассказал мне о машине, которую ты соорудил. Мне бы ужасно не хотелось, чтобы Смит наложил на нее лапы.

Смит?.. Толстяк. Гм… Пазл вновь разваливался. Гэллегер тяжко вздохнул.

А что, если сыграть, прижимая карты к груди?

– Смит ее еще не видел.

– Я в курсе, – кивнул Кафф. – Мы прослушиваем его видеофон. Наш шпион узнал, что Смит позвонил в УА и сообщил: у него есть человек, который работает над заказом. Представляешь? Вот только он не назвал имени. Нам ничего другого не оставалось, как отслеживать звонки Смита и ждать, когда он свяжется с тобой. И мы дождались нужного разговора. Ты сказал Смиту, что устройство готово.

– И что дальше?

– Блейзер с парнями спешно отправился к тебе в гости. Говорю же, мне не нужно, чтобы Смит выполнил контракт.

– О контракте ты не упоминал, – сказал Гэллегер.

– Не прикидывайся дураком. Смит доложил УА, что он полностью ввел тебя в курс дела.

Может, и ввел. Вот только Гэллегер тогда был пьян, и слушал не он, а Гэллегер-Штрих, надежно упрятывая информацию в подсознание.

Кафф вдруг рыгнул и резко отодвинул стакан.

– Черт, я надрался. Плохо соображаю. Но одно понимаю четко: я не хочу, чтобы машина досталась Смиту. Твой робот не подпустит нас к ней. Ты свяжешься с ним по видеофону и куда-нибудь отправишь, чтобы парни могли забрать штуковину. Я сейчас уйду, но сначала ты скажешь «да» или «нет». Если «нет», то я вернусь.

– Нет, – ответил Гэллегер. – Ведь ты все равно меня убьешь, чтобы я не сделал другую машину для Смита.

У Каффа медленно опустились веки. Некоторое время он сидел неподвижно, будто спал. Потом равнодушно взглянул на Гэллегера и встал.

– Значит, до встречи. – Он потер лоб и не очень внятно проговорил: – Блейзер, держи этого болвана здесь.

Человек с золотым зубом приблизился.

– Босс, ты в порядке?

– Да. Но мозги не варят. – Кафф поморщился. – Турецкая баня – вот что мне нужно. – Он направился к двери, увлекая за собой Блейзера.

Гэллегер видел, как у олдермена шевелятся губы. По ним удалось прочитать несколько слов:

– Напои хорошенько… Позвони роботу… Попытайся его…

Когда Кафф вышел, Блейзер вернулся, сел напротив Гэллегера и придвинул к нему бутылку.

– Расслабься, приятель, все будет хорошо, – сказал он. – Хлебни еще, тебе это нужно.

«Вот же хитрюги, – подумал Гэллегер. – Решили, что я, напившись в стельку, сделаю все, что потребуют. Ну посмотрим…»

Вот чего эти люди не знали. Когда Гэллегер находился под мощным влиянием алкоголя, его подсознание выбиралось на передний план. А Гэллегер-Штрих, как ни крути, научный гений. Безумный, но исключительно дееспособный.

Возможно, Гэллегеру-Штрих удастся найти выход из ситуации.

– Вот и молодчина, – похвалил Блейзер, когда стакан опустел. – Наливай еще. Макс добрый парень, плохого тебе не желает. Просто он терпеть не может, когда вмешиваются в его планы.

– Что за планы?

– Вроде этого дельца со Смитом.

– Понял.

Гэллегер ощутил знакомый зуд в конечностях. Скоро содержание алкоголя в его организме достигнет того порога, когда высвобождается подсознание. Он снова налил и выпил.

Пожалуй, не следовало так спешить. Обычно Гэллегер смешивал напитки осторожно. В этот же раз члены уравнения сложились в обескураживающий ноль. Он увидел медленно приближающийся к его носу стол, ощутил несильный, приятный даже удар и захрапел. Блейзер встал и потряс его.

– Дивлюсь тому, кто продает вино, ценней вина едва ли что найдешь… – пьяно забормотал Гэллегер. – Пей, пей вино, пурпурное вино, оно ланиты делает алей[18].

– Вина хочет, – заключил Блейзер. – Сущая губка, а не человек.

Он снова потряс Гэллегера и не добился отклика. Изобретатель услышал недовольное ворчание и удаляющиеся шаги.

Вот затворилась дверь. Гэллегер попытался выпрямиться, но

съехал со стула и больно стукнулся головой о ножку стола.

Подействовало лучше, чем холодная вода. Шатаясь, Гэллегер поднялся на ноги. Чердачная комната опустела, если не брать в расчет его самого и хранящегося в ней барахла. С чрезмерной осторожностью он добрался до двери. Заперто. Серьезная дверь, между прочим. Укрепленная железом.

– Отлично, – пробормотал Гэллегер. – В кои-то веки мне понадобилось подсознание, а оно знай себе прячется. Ну и как же, черт побери, я отсюда выберусь?

Похоже, что никак. Окон нет, с дверью не справиться. Гэллегер поплелся к залежам хлама. Старый диван, коробка с тряпьем, подушки, скатанный ковер. И прочий мусор.

В этом мусоре Гэллегер нашел кусок проволоки, плитку слюды, пластмассовую спираль, деталь кинетической скульптуры и еще кое-какую ерунду. Все это соединил. Получилась штучка, отдаленно смахивающая на пистолет; правда, сходства с яйцом было больше. Результат марсианского машинального конструирования, да и только.

Управившись с этим, Гэллегер вернулся к столу, уселся и исключительно волевым усилием попытался протрезветь. Но к тому моменту, когда за дверью вновь послышались шаги, в голове почти не прояснилось.

Распахнулась дверь, вошел Блейзер и бросил настороженный взгляд на Гэллегера, спрятавшего свое изделие под столом.

– А-а, это ты… Я думал, Макс вернулся.

– Он тоже придет, – пообещал Блейзер. – Как самочувствие?

– Не ахти… Надо еще выпить. С этой бутылкой я уже управился.

Блейзер запер дверь и направился к Гэллегеру, а тот встал. Изобретатель потерял равновесие и шатнулся вперед, и Блейзер не успел среагировать. Гэллегер вскинул руку с нелепым яйцом-пистолетом и сощурился, глядя вдоль «ствола».

Блейзер хотел было выхватить то ли пистолет, то ли дубинку из-под полы. Но диковинное устройство, направленное прямо в лицо, испугало громилу. Рука замерла, не добравшись до цели. Блейзер напряженно гадал, чем ему угрожают. Еще через секунду он бы обязательно что-нибудь предпринял.

Гэллегер не ждал, когда Блейзер перестанет таращиться на устройство. Проявив крайнее неуважение к правилам маркиза Куинсберри, он врезал ногой противнику ниже пояса. Блейзер скрючился, и Гэллегер поспешил развить успех, ринувшись на противника и обвив его в манере осьминога длинными конечностями. Блейзер все пытался добраться до своего оружия, но пропущенный первый удар основательно ослабил его.

Гэллегер был слишком пьян, чтобы должным образом координировать свои движения. Но он компенсировал этот недостаток, оседлав противника и обрушив на его солнечное сплетение град ударов. Тактика себя оправдала. Вскоре Гэллегеру удалось вырвать из руки Блейзера короткую дубинку и крепко приложить ее к виску громилы.

Готово.

Гэллегер встал и взглянул на свое изделие. Интересно, за что Блейзер его принял? Может, за излучатель смертельной радиации? Гэллегер слабо ухмыльнулся. Он нашел ключ в кармане своей бесчувственной жертвы, выбрался из чердачной кладовки и нетвердой поступью спустился по лестнице.

Пока все идет неплохо.

Репутация человека, искушенного в изобретательстве, сослужила ему добрую службу. По крайней мере, она заставила Блейзера отвлечься от очевидного.

Что теперь?

Оказалось, что Гэллегера держали в брошенном трехэтажном здании возле Бэттери-парка. Он сбежал через окно. Не останавливался, пока не забрался в авиатакси, которое помчало его прочь из центральной части города. Переведя дух, он опустил ветровой фильтр и позволил прохладному ночному ветерку охладить потные щеки. Высоко в черном осеннем небе висела полная луна. Внизу сквозь прозрачное днище машины виднелись сияющие ленты улиц, наискось пересеченные возвышенными скоростными автострадами.

Смит. Толстяк Смит. Как-то связанный с УА…

Безопасности ради он расплатился с пилотом и высадился на крыше здания в районе Уайтвей. Там были видеофонные кабинки, и Гэллегер позвонил в лабораторию. Ответил робот.

– Нарцисс…

– Джо, – поправил робот. – А ты еще сильнее напился. Когда же наконец протрезвеешь?

– Заткнись и выслушай. Что произошло?

– Да практически ничего.

– Я про громил. Они приходили снова?

– Нет, – ответил Нарцисс, – но приходили полицейские, чтобы тебя арестовать. Помнишь, сегодня была повестка в суд? Ты должен был явиться в пять часов.

Повестка в суд? Ах да. Делл Хоппер, тысяча кредитов.

– Они еще там?

– Нет. Я сказал, что ты ударился в бега.

– Зачем?

– Чтобы они не болтались тут. Можешь возвращаться хоть

сейчас – конечно, если примешь меры предосторожности.

– Это какие же, интересно?

– Ну придумай что-нибудь, – сказал Нарцисс. – Приклей фальшивую бороду. Это уже твои проблемы, я свое дело сделал.

– Ладно, – проворчал Гэллегер, – приготовь крепкий кофе, да побольше. Кто-нибудь звонил?

– Да, был звонок из Вашингтона. Начальник из космической полиции. Не назвался.

– Космическая полиция?! Еще и эти по мою душу?! Что им нужно?

– Им нужен ты, – ответил робот. – Все, до встречи. Ты прервал чудесную песню, которую я пел самому себе.

– Вари кофе, – приказал Гэллегер, прежде чем с экрана исчезло изображение.

Он вышел из кабинки и постоял с минуту, в задумчивости глядя на небоскребы Манхэттена, на хаотичные узоры из освещенных окон: квадратных, овальных, круглых, серповидных и звездообразных.

Звонок из Вашингтона…

Хоппер, у которого лопнуло терпение…

Макс Кафф и его шайка…

Толстяк Смит…

Последний вариант – наилучший.

Гэллегер вернулся в кабинку и набрал УА.

– Извините, сегодня мы закрыты.

– Это важно! – воскликнул изобретатель. – Мне нужно кое-что выяснить. Я разговаривал с человеком по фамилии…

– Извините.

– С-м-и-т, – произнес Гэллегер, разделяя буквы. – Просто взгляните, нет ли его в ваших списках, ладно? Или хотите, чтобы я прямо у вас на глазах перерезал себе горло? – Он порылся в кармане.

– Если вы позвоните завтра…

– Завтра будет слишком поздно! Неужели вы мне откажете в таком пустяке? Пожалуйста! Дважды пожалуйста!

– Извините.

– Я держатель акций УА, – прорычал Гэллегер. – Не зли меня, девчонка!

– Ой!.. Ну ладно, хоть и не положено, но… С-м-и-т? Минутку. А имя?

– Не знаю я имени. Давайте всех Смитов.

Девушка исчезла и вернулась с каталожным ящиком под названием СМИ.

– О господи! – вздохнула она, перекидывая карточки. – Тут,

похоже, несколько сот Смитов.

Гэллегер застонал.

– Мне нужен Толстяк! – выпалил он. – Но по этому признаку, наверное, выбирать невозможно.

Секретарша насупилась:

– Порочащие слова? Ну извините.

И отключилась.

Гэллегер сидел, тупо глядя на экран. Несколько сот Смитов! Плохи дела. Еще как плохи.

Минуточку! Ему ведь и правда случилось купить акции УА, когда те упали в цене. А зачем? Должно быть, рассчитывал на их рост. Но акции, если верить Эрни, продолжают дешеветь.

Может, это ниточка?

Он дозвонился до маклера – тот уже был дома. Гэллегер насел на него:

– А ну-ка, поработай на меня. Выясни, почему падают акции УА. Много времени это не займет. И позвони мне в лабораторию. Да поторопись! Не то шею сломаю, усек?

Эрни сказал, что сделает. Гэллегер выпил в баре крепкого кофе, взял такси, хорошенько осмотрелся возле дома и вошел, заперев дверь на два замка. В лаборатории перед большим зеркалом пританцовывал Нарцисс.

– Кто-нибудь звонил? – спросил Гэллегер.

– Нет. Ничего не случилось. Полюбуйся этим грациозным па.

– Позже. Если явятся гости, дай знать, я спрячусь и дождусь, когда ты их выгонишь. – Гэллегер крепко зажмурился. – Кофе готов?

– Черный, крепкий, в кухне.

Но сначала изобретатель направился в ванную. Там он принял холодный душ и кратковременное облучение. В голове прояснилось, и он вернулся в лабораторию с огромной кружкой, полной дымящегося кофе. Уселся на Бурчуна и сделал глоток.

– Ты похож на роденовского Мыслителя, – заметил Нарцисс. – Схожу за халатом – твое несуразное голое тело оскорбляет мой эстетический вкус.

Гэллегер этого не услышал. Он накинул халат, поскольку вспотел, а в помещении было холодновато, и вернулся к питью кофе и глядению в пустоту.

– Нарцисс! Еще кофе.

Итак, уравнение: *a* (или) *b* (или) *c* равняется *x*. Гэллегер пытается определить значение *a,* или *b,* или *c*. Возможно, это тупиковый путь. Пока что не удалось ничего выяснить о Д. У. Смит остается неуловимым призраком. А от Делла Хоппера (одна тысяча кредитов) никакой помощи.

А может, лучше сразу заняться иксом? Должна же проклятая машина иметь какой-то смысл! Известно, что она ест землю. Но что значит – ест? Материю уничтожить невозможно, она лишь переходит в другие формы.

В машину поступает земля, а на выходе – ничего.

Ничего видимого.

Свободная энергия?

Она незрима, но ее можно обнаружить с помощью приборов.

Вольтметр, омметр… Золотая фольга…

Гэллегер ненадолго включил машину. Она запела устрашающе громко, но никто не позвонил в дверь, и через минуту-другую изобретатель опустил рубильник. Ничего нового он не узнал.

На связь вышел Эрни, добывший затребованную информацию.

– Было непросто, пришлось напрячь кое-какие связи. Но теперь я знаю, почему все время падают акции УА.

– Хвала Всевышнему! Выкладывай.

– УА – что-то вроде генерального подрядчика. Распределяет заказы по субподрядчикам. Взялось организовать строительство большого офисного здания в центре Манхэттена. Однако субподрядчик все еще не может приступить к работе. Заморожены огромные деньжищи, и кто-то намеренно распускает слухи, вредящие акциям УА.

– Продолжай.

– Я собрал всю информацию, до какой только смог дотянуться. На этот заказ претендовали две фирмы.

– Какие?

– «Аякс» и компания некоего…

– Не Смита ли?

– Точно, – подтвердил Эрни. – Тэддиас Смит. Сам он произносит «Смейт».

Последовала долгая пауза.

– Смейт… – повторил наконец Гэллегер. – Вот почему та девчонка в УА не смогла… А? Нет, ничего.

Ну конечно. Когда Гэллегер спросил у Каффа, есть ли в фамилии Толстяка буквы «е» и «и», тот ответил, что есть обе. Смейт! Ха!

– Смейт получил контракт, – продолжал Эрни. – Перебил «Аяксу» цену. Но у «Аякса» имеются связи во властных кругах, он привлек какого-то олдермена, чтобы тот применил старый градостроительный кодекс и вывел Смейта из игры. Но олдермен не справился.

– Почему?

– Потому что закон не позволяет ему препятствовать движению транспорта в Манхэттене. Клиент Смейта – а правильнее сказать, клиент УА – недавно купил участок, но право летать над ним еще раньше приобрела компания «Трансмир-страто» на срок девяносто девять лет. Рядом с этим участком стоит ангар стратолайнеров, а у них, как ты знаешь, взлет не вертикальный, нужно пройти путь разгона, прежде чем взмыть. И этот путь пролегает как раз над участком. У «Трансмира» железный контракт, в течение девяноста девяти лет лайнеры могут летать там на высоте не ниже пятидесяти футов.

Гэллегер задумчиво сощурился:

– Почему же Смейт решил, что сможет построить в этом месте здание?

– Новый владелец вправе строить что угодно от высоты пятьдесят футов над поверхностью планеты и вплоть до ее центра. Представляешь? Громадина в восемьдесят этажей, и большинство из них под землей. Такое делалось и раньше, но тогда этому не препятствовали шишки из правительства. Если Смейт не выполнит контракт, заказ перейдет к «Аяксу», а тот в сговоре с олдерменом.

– Макс Кафф, – кивнул Гэллегер. – Я уже познакомился с этим субчиком. А что это за кодекс, о котором ты говоришь?

– Он очень старый, почти утратил смысл, но из свода законов не изъят. Действует, я проверял. Нельзя препятствовать движению в центре Нью-Йорка и расшатывать ветхую транспортную систему.

– Так-так?

– Если выкопать яму для домины в восемьдесят этажей, – сказал Эрни, – получится гора земли и камней. Как ты все это вывезешь, не мешая транспорту? Даже не представляю, сколько это тонн.

– Понятно, – тихо произнес Гэллегер.

– Вот тебе вся история, на серебряном блюдечке. Смейту повезло с заказом, но он загнан в угол. Не сможет избавиться от земли, которую необходимо вынуть. Очень скоро «Аякс» одержит верх и добьется разрешения на вывоз.

– Как, если Смейт не добился?

– А олдермен на что? С месяц назад в центре перегородили несколько улиц, якобы для ремонта. Движение транспорта было перенаправлено, он теперь идет впритирку к строительному участку. Там жуткая пробка, а если еще появятся самосвалы… Конечно, это временно, – хохотнул Эрни. – Как только выпихнут Смейта, транспорт пойдет прежними маршрутами, а «Аякс» будет беспрепятственно вывозить землю.

– Вот оно что… – Гэллегер оглянулся на машину. – А она, стало быть…

Зазвонил дверной звонок. Нарцисс сделал вопросительный жест.

– Эрни, окажи мне еще одну услугу, – сказал Гэллегер. – Договорись со Смейтом, чтобы встретился со мной в лаборатории.

– Ладно, сейчас позвоню ему.

– У него видеофон прослушивается. Не будем рисковать. Давай-ка ты заскочишь к нему и привезешь сюда. И как можно скорее.

Эрни вздохнул:

– Ох и нелегко же мне достаются комиссионные.

Он исчез с экрана. Гэллегер услышал повторный звонок, нахмурился и кивнул роботу.

– Глянь, кто там. Вряд ли Кафф, ему еще рано что-нибудь предпринимать, но… Короче, узнай. Я буду здесь, в шкафу.

Гэллегер ждал в темноте, напрягая слух и размышляя. Смейт… Он решил проблему Смейта. Машина ест землю. Это эффективный способ избавиться от земли, отличная альтернатива облаку азота.

Восемьсот кредитов за устройство или метод, позволяющий обеспечить пространство для строительства подземного офисного здания.

Хорошая цена.

Но куда эта земля девается – вот вопрос.

Вернулся Нарцисс и открыл дверцу шкафа.

– Это коммандер Джон Уолл. Он сегодня звонил из Вашингтона. Я говорил тебе, помнишь?

– Джон Уолл?

Д. У., полторы тысячи кредитов! Третий клиент!

– Впусти его! – взволнованно приказал Гэллегер. – Живо! Он один?

– Да.

– Тогда веди.

Нарцисс неслышно вышел и вернулся с седоволосым коренастым мужчиной в мундире космической полиции. Уолл коротко ухмыльнулся Гэллегеру, а затем его острый взгляд впился в стоящую у окна машину.

– Это она?

– Здравствуйте, коммандер, – произнес Гэллегер. – Я… абсолютно уверен, что это она. Но хотелось бы сначала обсудить с вами кое-какие детали.

– Деньги? – нахмурился Уолл. – Вы не можете грабить

государство. Или я вас недооценил? Пятьдесят тысяч кредитов должны вас на какое-то время удовлетворить. – С его лица сошла мрачность. – Пятнадцать вы уже получили. Я выпишу чек, как только увижу убедительную демонстрацию.

– Пятьдесят ты… – У Гэллегера сперло дыхание. – Нет, конечно, дело не в деньгах. Я хочу лишь удостовериться, что полностью выполнил условия нашего соглашения.

Вот бы узнать, что заказывал Уолл. Может, и ему понадобилась машина для уничтожения грунта?

Слишком уж смелая надежда: невозможны такие совпадения. Гэллегер указал на кресло.

– Но мы же самым подробным образом обсудили проблему…

– Контрольная проверка, – улыбнулся Гэллегер. – Нарцисс, принеси коммандеру выпивку.

– Спасибо, воздержусь.

– Кофе?

– Буду обязан. Ну что ж… Как я сообщил вам несколько недель назад, нам требуется средство механического управления органами космического корабля. Нужна тяга, у которой эластические свойства не уступали бы прочностным.

«Ой-ой-ой!» – подумал Гэллегер.

Уолл наклонился вперед, у него зажглись глаза.

– Космический корабль – это не обязательно нечто гигантское и архисложное. Кое-какие средства ручного управления ему совершенно необходимы. И не те, что могут двигаться только по прямой. Конструкция корабля требует, чтобы тяга пролегала по сильно изломанному маршруту…

– Попонятней бы.

– Вот представьте, – ответил Уолл, – что вам нужно закрыть водопроводный кран в доме, находящемся в двух кварталах. И сделать это вы хотите отсюда, из вашей лаборатории. Как вы справитесь с задачей?

– Веревка? Проволока?

– И то и другое может огибать углы. А жесткий прут может? Мистер Гэллегер, у крана тугая ручка. А поворачивать ее нужно часто, сто раз на дню. Когда корабль летит в космическом пространстве, даже прочнейшие проволочные тросы быстро выходят из строя, лопаются из-за напряжений и деформаций. Понимаете?

– Конечно, – кивнул Гэллегер. – Если проволоку часто сгибать и разгибать, она сломается.

– Вот эту-то проблему я и просил вас решить. Вы ответили: да, смогу. А теперь скажите, дело сделано? И каким образом?

Тяга, огибающая углы и стойкая к повторяющимся

деформациям?

Гэллегер оглядел машину. «Азот», – мелькнуло на задворках ума, но ухватиться за эту мысль не удалось.

Зазвонил дверной звонок. «Смейт», – предположил Гэллегер и кивнул Нарциссу. Тот вышел.

Когда он вернулся, за ним следовали четверо, из них двое в полицейской форме. Остальные – Смейт и Делл Хоппер.

Хоппер свирепо ухмыльнулся:

– Здоро́во, Гэллегер. А мы ждали. Не успели опередить его, – кивнул он на коммандера Уолла, – но ждали второго шанса.

На пухлой физиономии Смейта читалось недоумение.

– Мистер Гэллегер, как это понимать? Едва я позвонил в вашу дверь, меня окружили эти люди…

– Все в порядке, – ответил Гэллегер. – По крайней мере, вы вверху списка. Посмотрите в окно.

Смейт подчинился. И повернулся к изобретателю, сияя.

– Эта яма?..

– Точно. Не на тачке же я землю вывозил. Сейчас устрою демонстрацию.

– Сейчас ты отправишься в кутузку, – ехидно произнес Хоппер. – Гэллегер, я ведь предупреждал: со мной шутки плохи. Ты взял у меня тысячу кредитов, но не выполнил заказ и деньги не вернул.

Коммандер Уолл напряженно смотрел и слушал, в его руке покачивалась забытая кофейная чашка. Полицейский подошел к Гэллегеру и схватил его за запястье.

– Минутку! – начал Уолл, но Смейт оказался расторопнее.

– Кажется, я должен мистеру Гэллегеру некоторую сумму, – произнес он, выхватывая бумажник из кармана. – Тут не больше тысячи, но на остальное могу выписать чек. Если этому джентльмену нужны наличные, надеюсь, тысячи хватит.

Гэллегер судорожно сглотнул. Смейт ободряюще кивнул ему:

– Мой заказ выполнен, я могу приступить к земляным работам уже завтра. И мне не нужно разрешение на задержку транспорта.

Хоппер показал зубы:

– К черту деньги! Я хочу преподать этому прохвосту урок! Мое время стоит дорого, а он полностью сорвал мне рабочий график. Заводы, кинотеатры… Я был уверен, что Гэллегер меня не подведет, а теперь этот наглец рассчитывает выкрутиться? Не выйдет, мистер изобретатель. Сегодня тебе была вручена повестка в суд, но ты туда не явился, а за такое законом предусмотрено наказание, и будь я проклят, если ты его не получишь.

Смейт растерянно смотрел на Хоппера:

– Но… я удовлетворен работой мистера Гэллегера. Я возмещу…

– Нет! – рявкнул Хоппер.

– Этот джентльмен говорит «нет», – тихо произнес Гэллегер. – Он не хочет денег, он хочет моей крови. Не человек, а злобный дьявол.

– А ты пьяный идиот! – прорычал Хоппер. – Полицейские, тащите его в кутузку! Сейчас же!

– Мистер Гэллегер, не беспокойтесь, – попытался утешить изобретателя Смейт. – Я живо вас вытащу. У меня есть кое-какие связи.

Вдруг у Гэллегера отпала челюсть, дыхание стало хриплым, как у астматика. Смейт попятился под его взглядом.

– Тяга, – прошептал изобретатель. – И стереоскопический экран, видный с любой точки. Так говорите, тяга?

– Уведите его! – отрывисто приказал Хоппер.

Полицейские схватили Гэллегера. Тот пытался вырваться.

– Минуту! Дайте мне одну минуту! У меня есть ответы. Наверняка они правильные! Хоппер, я сделал то, что тебе нужно… и что заказывали вы, коммандер. Отпустите!

Хоппер зловеще ухмыльнулся и ткнул большим пальцем в сторону двери. Кошачьей поступью вперед двинулся Нарцисс.

– Хозяин, расколоть им черепа? – любезно осведомился он. – Мне нравится кровь. Красный – один из основных цветов спектра.

Коммандер Уолл поставил чашку и поднялся на ноги; в его голосе зазвенела сталь:

– Ну все. Джентльмены, отпустите мистера Гэллегера.

– Не отпускать! – рявкнул Хоппер. – А вы кто такой? Космический шкипер?

Задубелые щеки Уолла потемнели от прилива крови. Он раскрыл маленькое кожаное портмоне и показал жетон.

– Коммандер Уолл, Космическая административная комиссия. Тебя, – указал он на Нарцисса, – временно назначаю правительственным агентом. Если эти полицейские не освободят мистера Гэллегера в течение пяти секунд, можешь размозжить им голову.

Но в столь крутой мере не возникло необходимости. Гэллегер знал, что Космическая административная комиссия – очень серьезная организация, что за ней стоит правительство, что местные власти в сравнении с ней – мелкие сошки. Полицейские отпрянули от изобретателя и попытались сделать вид, будто оказались в его доме совершенно случайно.

Зато Хоппер готов был взорваться.

– По какому праву, коммандер, вы вмешиваетесь в работу

представителей закона? – процедил он.

– По праву приоритета. Государство нуждается в устройстве, которое по его поручению изготовил мистер Гэллегер. А это обстоятельство как минимум подразумевает, что мистера Гэллегера следует выслушать.

– Еще чего!

Уолл вонзил в Хоппера ледяной взгляд:

– Кажется, несколько минут назад он заявил, что выполнил и ваш заказ?

– Вы про это? – Хоппер кивнул на машину. – По-вашему, оно похоже на стереоскопический экран?

– Нужен ультрафиолет, – сказал Гэллегер. – Нарцисс, принеси флуоресцентную лампу.

Он приблизился к устройству, молясь, чтобы догадка оказалась верной. Впрочем, разве есть другие варианты? Извлеки из грунта азот, извлеки все остальные газы, и получишь инертную материю.

Гэллегер тронул рычаг, и машина запела «Сент-Джеймсскую больницу». Выражение на лице коммандера Уолла сменилось на недоуменное и несколько менее благожелательное. Хоппер возмущенно фыркнул. Смейт подбежал к окну и восторженно уставился на удлинившиеся щупальца, которые принялись втягивать землю, остервенело кружась в затопленной лунным светом яме.

– Нарцисс, лампу!

Лампа-переноска уже была подвешена к крючку. Гэллегер медленно повел ею вдоль машины. Вот ультрафиолетовый свет добрался до желобчатого колеса на дальнем от окна торце корпуса.

Что-то засветилось.

Оно исходило из маленького клапана, имело синий оттенок, сбегало по желобу и свивалось в кольца на полу лаборатории. Гэллегер снова прикоснулся к рычагу. Машина прекратила работу, клапан закрылся со щелчком, прекратился ток таинственной синеватой субстанции. Гэллегер наклонился и подобрал виток. Тот исчез, стоило отстранить лампу. И вновь появился, когда лампа приблизилась.

– Вот она, коммандер, – сказал изобретатель. – Проверьте.

– Гибко-жесткая тяга? – спросил Уолл, вглядываясь.

– И ничто иное, причем в любом количестве, – ответил Гэллегер. – Это комплекс неорганических веществ, минеральное содержимое грунта, предельно уплотненное и вытянутое в проволоку. Вот только груз весом в тонну этой проволоке не удержать.

– Разумеется, – кивнул Уолл. – Она разрежет сталь, как нитка режет масло. Превосходно, мистер Гэллегер. Но нам необходимо провести испытания.

– Валяйте – испытания подтвердят мои слова. Эту проволоку можно протянуть по кораблю из конца в конец, обогнув любые углы, и она никогда не сломается от деформаций. Потому что слишком тонка. И не лопнет от натяжения, потому что, опять же, слишком тонка. Ни один проволочный трос на такое не способен. Вам нужна прочность на изгиб, которая не скажется на прочности при растяжении.

Коммандер ухмыльнулся. Он был доволен.

– Вам, наверное, теперь понадобятся деньги? Можем оплатить любые материалы, в пределах разумного, конечно. Как насчет десяти тысяч?

Вперед рванулся Хоппер.

– Гэллегер, я проволоку не просил! Мой заказ не выполнен!

Гэллегер не ответил – он перенастраивал лампу. Голубая флуоресценция сменилась желтой, та – розовой.

– Вот тебе твой экран, зануда, – сказал Гэллегер. – Видишь эти миленькие цвета?

– Конечно вижу! Я же не слепой. Но…

– Цвет меняется в зависимости от того, сколько ангстрем я даю. Вот так – синий. Так – красный. Так – опять синий. А когда выключаю лампу…

Проволока, которую держал Уолл, осталась видимой.

Хоппер со щелчком закрыл рот. Наклонился вперед, свесив голову набок.

– У проволоки тот же показатель преломления, что и у воздуха. Я специально так сделал.

Гэллегеру хватило совести слегка покраснеть. Ничего, еще будет время поставить Гэллегеру-Штрих выпивку.

– Специально?

– Тебе нужен стереоскопический экран, на который можно смотреть с любого угла, и чтобы при этом не возникало оптических искажений. И чтобы показывал в цвете – иначе в наше время нельзя. Ну так вот он.

Хоппер задышал тяжело. Гэллегер продолжил, глядя на него с ухмылкой:

– Возьми каркас ящика и сделай стенки из проволоки, чтобы получился сетчатый куб, причем сетка будет невидимой. Но это в обычном свете. Если же менять длину волны, появится изображение – цветное, в зависимости от количества ангстрем. Твой кинофильм или телепередача будет показываться в красках. Причем объемно, поскольку изображение создается невидимым

кубом. И наконец, с любой точки оно будет смотреться без искажений, ведь это не оптическая иллюзия стереоскопического изображения, а настоящее трехмерное изображение. Дошло?

– Да, – слабым голосом ответил Хоппер. – Я понял. А почему… почему ты раньше об этом не сказал?

Гэллегер поспешил сменить тему:

– Коммандер Уолл, мне требуется защита полиции. Гангстер по имени Макс Кафф намерен прибрать эту машину к рукам. Сегодня его громилы пытались меня похитить…

– Вмешательство в дело государственной важности? – мрачно проговорил Уолл. – Знаю я этих хищных политиканов. Если разрешите воспользоваться вашим видеофоном, Макс Кафф вас больше не побеспокоит.

Узнав, что Макс Кафф крепко получит по шее, Смейт просиял. Жизнерадостный блеск его глаз подсказал Гэллегеру, что не мешало бы предложить гостям выпивку. В этот раз даже коммандер не устоял – закончив разговор по видеофону, принял из руки Нарцисса стакан.

– Ваша лаборатория будет охраняться, – сообщил он Гэллегеру. – Кафф для вас больше не опасен. – Он выпил и пожал Гэллегеру руку. – Я должен срочно доложить правительству о вашем успехе. Огромное спасибо и всего вам доброго. Завтра созвонимся?

Коммандер ушел, а с ним и полицейские. Залпом выпив коктейль, Хоппер сказал:

– Я должен извиниться. Надеюсь, старина, ты зла держать не будешь.

– Не буду, – ответил Гэллегер, – если заплатишь, что обещал.

– Получишь чек по почте. И… ох… И… – Хоппер умолк.

– Что с тобой?

– Ничего… – пролепетал позеленевший Хоппер. – Мне нужно на свежий воздух… Гррл…

За его спиной хлопнула дверь. Гэллегер и Смейт озадаченно переглянулись.

– Странно, – произнес Смейт.

– Должно быть, наказание свыше, – предположил Гэллегер. – Мельница богов…

– Ну что, убрался Хоппер? – спросил Нарцисс, вошедший с наполненными стаканами.

– Ага. Интересно, что это с ним?

– Я ему сделал «микки финн»[19], – объяснил робот. – Он же ни разу на меня не взглянул. Я не особо тщеславен, но человек, настолько нечуткий к красоте, определенно заслуживает урока. А теперь прошу меня не беспокоить. Я иду на кухню, буду там

отрабатывать танцевальные движения. Пользуйтесь алкогольным органом. Впрочем, не запрещаю прийти и полюбоваться.

Жужжа шестеренками и колесиками, Нарцисс покинул лабораторию. Гэллегер вздохнул:

– Куда все катится…

– Что именно?

– Да все. К примеру, я получил заказ на три совершенно разные вещи. А потом напился и собрал устройство, решающее все три проблемы. Мое подсознание их как орешки щелкает. Но, увы, протрезвев, я ничего не могу понять.

– Зачем же тогда трезветь? – серьезно осведомился Смейт. – Как работает этот алкогольный орган?

Гэллегер продемонстрировал.

– Погано себя чувствую, – пожаловался он. – Мне бы проспать целую неделю или…

– Или?

– Напиться. Пусть так и будет. Знаете, какой вопрос не дает мне покоя?

– Какой?

– Почему эта машина, когда работает, поет «Сент-Джеймсскую больницу»?

– Хорошая же песня, – сказал Смейт.

– Спору нет, но ведь мое подсознание следует логике. И пусть это безумная логика, но…

– Да не берите в голову, – посоветовал Смейт.

Гэллегеру сразу полегчало. Он вновь почувствовал себя в своей тарелке. Вернее, в теплом розовом тумане. Теперь есть деньги в банке. Судиться не надо. Макс Кафф наверняка получит по заслугам. А тяжелый топот говорит о том, что на кухне отплясывает Нарцисс.

Уже миновала полночь, когда Гэллегер поперхнулся выпивкой и заявил:

– Вот я и понял!

– Свмпмф… – просипел разбуженный Смейт. – Вы о чем?

– Похоже, я люблю петь.

– И что с того?

– Похоже, я люблю петь «Сент-Джеймсскую больницу».

– Ну так пойте, – предложил Смейт.

– Но не в одиночку, – пояснил Гэллегер. – Я всегда пою, когда пьян, однако считаю, что в дуэте у меня получается лучше. Вот только я был один, пока работал над машиной.

– И?..

– Должно быть, вмонтировал в нее воспроизводящее

устройство, – предположил Гэллегер, содрогнувшись при мысли о колоссальных возможностях и диковинных психических девиациях Гэллегера-Штрих. – Подумать только, я сделал машину, способную одновременно выполнять четыре операции: есть землю, производить тягу для ручного управления космическим кораблем, изготавливать главную деталь для стереоскопического неискажающего экрана и петь со мной дуэтом. До чего же дико все это выглядит.

Поразмыслив, Смейт заключил:

– Вы гений.

– Ну это само собой. Гм…

Гэллегер встал, включил машину и возвратился на любимый насест, то есть на Бурчуна. Смит переместился на подоконник, чтобы зачарованно взирать, как мелькающие щупальца расправляются с землей. Желобчатое колесо тянуло невидимую проволоку из волочильного отверстия. Мелодичные, а то и не очень, тона «Сент-Джеймсской больницы» бередили ночную тишину.

Вдруг над скорбным голосом машины взмыл густой бас, неистово горюя о той безымянной, кто

…Может обыскать весь огромный мир,
Но никогда не найдет такого мужчину, как я…

Это был Гэллегер-Штрих – ему вдруг захотелось петь.

Ex machina

[20]

– Идею мне подсказал флакончик с этикеткой «Выпей меня», – вяло произнес Гэллегер. – Я ведь не инженер… когда не пьян. Не знаю, в чем разница между электроном и электродом – кроме той, что один из них невидим. То есть бывают периоды, когда знаю, но потом все смешивается. У меня проблема с семантикой.

– У тебя проблема с алкоголем, – произнес робот с прозрачным корпусом и закинул с тихим хрустом ногу на ногу.

Гэллегер поморщился:

– Вовсе нет. Когда я пьян, все прекрасно получается, а когда трезвею, в голове каша. Это технологическое похмелье. Осмос вытягивает из глазных яблок жидкий юмор. Я что-то осмысленное сказал?

– Нет, – ответил робот по имени Джо. – Это просто слезы. Ты зачем меня включил, просто аудитории ради? Я, между прочим, сейчас делом занят.

– Каким еще делом?

– Анализом философии как таковой. Как бы ни были вы, люди, уродливы, а все же иногда у вас рождаются толковые идеи. Чистая интеллектуальная логика рафинированной философии стала для меня настоящим открытием.

Гэллегер брякнул что-то насчет твердого самоцветного пламени. Время от времени его прошибала слеза, напоминая о флакончике «Выпей меня», который, в свою очередь, напоминал о стоящем возле дивана алкогольном органе.

Гэллегер заставил свое долговязое тело деревянными шагами двинуться через лабораторию, огибая три громоздких предмета. Это были генераторы: Монстр, Бурчун и…

Откуда взялся третий?

Вопрос лишь слабенько блеснул в похмельном мозгу. Поскольку генераторы смотрели прямо на Гэллегера, он поспешил отвести взгляд, усесться на диван и нажать несколько клавиш. Однако спиртосодержащая жидкость не соизволила оросить иссушенную жаждой глотку. Изобретатель вынул изо рта краник, растерянно потаращился на него и велел Джо принести пива.

Стакан был полон до краев, когда изобретатель подносил его к губам. Но опустел, не дав Гэллегеру сделать и глотка.

– Это очень странно, – проговорил Гэллегер. – Ощущения, как у Тантала.

– Кто-то выпил твое пиво, – объяснил Джо. – А теперь оставь меня в покое. Кажется, я теперь могу еще выше оценить мою дивную красоту – потому что постиг сущность философии.

– Не сомневаюсь, – проворчал Гэллегер. – Ну-ка, отвали от зеркала! Кто выпил мое пиво? Крошечный зеленый человечек?

– Мелкое коричневое животное, – загадочно ответил Джо и вернулся к самолюбованию, предоставив Гэллегеру скрипеть зубами от злости.

Уже в который раз у изобретателя возникло желание крепко связать робота и положить под капельницу с соляной кислотой. Вместо этого он снова потребовал пива.

И снова результат оказался обескураживающим.

Разозлившись, изобретатель встал и прошел в кухню за бутылкой газировки. Должно быть, такого рода напитки мелкое коричневое животное жаловало даже меньше, чем сам Гэллегер: мистического исчезновения воды не произошло. Малость утолив жажду, зато придя в еще большее недоумение, Гэллегер окинул третий генератор взглядом ясных синих глаз, а затем угрюмо перевел этот взгляд на рабочий стол. Помимо всякой технической всячины там стояли бутылки с разными жидкостями, явно безалкогольными, хотя этикетки ни о чем не говорили. Этой ночью подсознательное «я» Гэллегера, освобожденное спиртным от оков, промаркировало бутылки для упрощения ориентации. Но поскольку Гэллегер-Штрих, даром что гениальный техник, смотрел на мир сквозь невероятно кривую призму, для просто Гэллегера этикетки оказались бесполезны. Одна сообщала: «Только для кроликов». Вторая вопрошала: «Почему бы и нет?» А на третьей было написано: «Рождественская ночь».

А еще на столе обреталось нечто мудреное, собранное из колесиков, шестеренок, шлангов, цепных передач и трубчатых ламп и подключенное к розетке.

– Cogito, ergo sum, – пробормотал Джо. – Даже когда на дворе ни души[21]. Гм…

– А что скажешь насчет коричневого зверька? – поинтересовался Гэллегер. – Он реален? Или всего лишь плод воображения?

– Что есть реальность? – произнес Джо, добавив в разговор сумбура. – Я еще не пришел к удовлетворительному решению этого вопроса.

– К решению он не пришел! – фыркнул Гэллегер. – Я проснулся с десятибалльным бодуном, а ты не можешь ничего мне дать на опохмелку. Сначала рассказываешь сказки о каких-то коричневых животных, крадущих мою выпивку, а теперь излагаешь заплесневелые философские концепции. Видишь

фомку? Если я за нее возьмусь, ты прекратишь и существовать, и мыслить, причем в самое ближайшее время.

Джо с достоинством пошел на попятный:

– Это на удивление резвое животное. Так быстро двигается, что ты его не видишь.

– Сам-то как видишь?

– Не вижу, а *варширую*, – ответил Джо, чей набор чувств далеко не исчерпывался пятью человеческими.

– И где же оно сейчас?

– Недавно вышло.

– Н-да… – Гэллегер замялся, не зная, что и сказать. – Должно быть, ночью что-то случилось?

– Разумеется. Но ты меня выключил, когда явился этот лопоухий уродливый мужчина.

– Помню. Ты ни на секунду не закрывал свой пластиковый рот. Что за мужчина?

– Уродливый. Ты предлагал дедуле выйти проветриться, но он никак не желал разлучаться с бутылкой.

– Дедуля?.. Гм… И где же он?

– Может, вернулся к себе в Мэн? – предположил Джо. – Он все грозился это сделать.

– Он бы ни за что не уехал, не опустошив погреб, – сказал Гэллегер, после чего включил аудиосистему и проверил все комнаты.

Никто не откликнулся на его зов. Тогда Гэллегер встал и обыскал дом. Дедуля отсутствовал.

Изобретатель вернулся в лабораторию и, стараясь не коситься на синеглазый третий генератор, без всякой надежды снова осмотрел сооружение на рабочем столе. Джо, позируя перед зеркалом, заявил, что он, пожалуй, уверовал в фундаментальную философию под названием интеллектуализм. А поскольку, добавил он, интеллект Гэллегера явно пребывает в состоянии неопределенности, возможно, есть смысл включить устройство аудиовидеозаписи и выяснить, что произошло ночью.

Изобретатель счел совет дельным. Трезвому Гэллегеру никогда не удавалось вспомнить приключения Гэллегера пьяного, поэтому недавно первому пришла в голову спасительная идея: установить умную систему, которая сама будет включаться в соответствующих обстоятельствах. Как именно работает эта система, Гэллегер представлял себе довольно слабо. Наверняка знал лишь одно: она неким чудесным образом анализирует содержание алкоголя в его крови и по достижении определенного процента включает запись. В данный момент машина была укутана одеялом. Гэллегер сорвал покров, развернул экран и

приготовился увидеть и услышать то, что его интересовало.

Итак, Джо стоит неподвижно в углу – должно быть, мыслит. Дедуля, сморщенный коротышка с физиономией раздраженного Щелкунчика, сидит на табурете в обнимку с бутылкой. Гэллегер вынимает изо рта краник алкогольного органа – он достаточно нализался, чтобы пошла запись.

Тощий мужчина средних лет с большими ушами и выражением крайнего нетерпения на лице аж приплясывает, наблюдая за Гэллегером.

– Вздор, – звучит скрипучий голос Дедули. – Когда я был мальчишкой, мы охотились на гризли, убивали их собственными руками. А эти новомодные идейки…

– Дедуля, умолкни, – велит Гэллегер. – Не так уж ты и стар, зато врать горазд.

– Вот был случай: иду я по лесу, а навстречу гризли. И нет при мне ружья. Сказать тебе, что я с ним сделал? Ухватился за пасть…

– У тебя пойло кончилось, – пускается на хитрость Гэллегер.

Пауза: озадаченный Дедуля изучает бутылку.

– Мистер Гэллегер, у вас самые лучшие рекомендации, – говорит лопоухий незнакомец. – Надеюсь, вы поможете мне. Мы с партнером в безвыходном положении.

Гэллегер озадаченно смотрит на него:

– У вас есть партнер? Кто он? И раз уж на то пошло, кто вы?

Повисает мертвая тишина – лопоухому надо справиться с изумлением. Дедуля опускает бутылку и говорит:

– Она была не пуста, зато теперь пуста. А еще у тебя есть?

Лопоухий растерянно моргает.

– Мистер Гэллегер, – лепечет он, – я вас не понимаю. Мы же все обсудили…

– Верно, – кивает Гэллегер. – Извините. Просто я не слишком силен в технических задачках, когда не… гм… простимулирован. А когда простимулирован, я гений. Но ужасно рассеянный. Уверен, я могу решить вашу проблему, но вот беда: забыл, что она собой представляет. Предлагаю начать сначала. Кто вы? И получал ли я от вас какие-нибудь деньги?

– Я Джонас Гардинг, – представляется гость. – У меня в кармане пятьдесят тысяч кредитов, но мы еще не заключили сделку.

– Ну так выкладывайте наличку, и ударим по рукам, – с плохо скрываемой алчностью предлагает Гэллегер. – Денежки мне нужны.

– Вот уж точно, – подтверждает Дедуля, оторвавшись от поисков бутылки. – Ты настолько превысил кредит, что в банке,

завидев твое приближение, запирают двери. Я хочу выпить.

– Проверь, может, в органе что-нибудь есть, – советует Гэллегер. – Итак, мистер Гардинг…

– Мне бутылка нужна, – брюзжит Дедуля. – Не доверяю я этим твоим штучкам-дрючкам.

Гардинг, при всей его нетерпеливости, не может скрыть растущий скептицизм.

– Что касается оплаты, – заявляет он, – думаю, мы сначала кое-что обсудим. Рекомендации у вас прекрасные, но, возможно, нынче у вас неудачный день.

– Нормальный день! Выкладывайте…

– С какой стати я должен платить, прежде чем мы договоримся? – возражает Гардинг. – Особенно если учесть тот факт, что вы забыли, кто я и чего хочу.

Гэллегер тяжело вздыхает:

– Ладно, будь по-вашему. Рассказывайте, кто вы такой и что вам от меня нужно.

– Домой уеду! – грозится Дедуля. – Где бутылка?

– Вот что, мистер Гэллегер, – негодует Гардинг, – есть предел моему терпению. То ваш робот меня оскорбляет, то дед требует, чтобы я с ним выпил…

– До чего же я соскучился по кукурузной самогонке, – бормочет Дедуля. – Вы, молокососы, даже не представляете, какая это вкуснятина…

– Тогда перейдем к делу, – бодро предлагает Гэллегер. – Мне уже вроде получше. Я прилягу, а вы расскажете все по порядку.

Он вытягивается на диване и сует в рот краник алкогольного органа, чтобы посасывать коктейль «джин бак». Дедуля ругается.

– Приступайте, – говорит изобретатель.

Гардинг вздыхает:

– Что ж… Я совладелец компании «Надпочечники инкорпорейтед». Мы предоставляем услугу. Это роскошная услуга, как раз в духе времени. Я уже говорил вам…

– А я все забыл, – хмыкает Гэллегер. – Надо было вам рассказать под копирку. Так что у вас за бизнес? Воображение мне рисует крошечные сборные домишки, у которых вместо фундаментов почки, но я чувствую, что ошибаюсь.

– Вы ошибаетесь, – подтверждает Гардинг. – Вот вам копирка. Наш бизнес – стимулирование выработки адреналина. Жизнь современного человека спокойна и безопасна…

– Ну да, как же, – с горечью перебивает Гэллегер.

– …Благодаря технологиям защиты, прогрессу медицины и общей архитектуре социальной жизни. А ведь адреналиновые железы выполняют важную функцию, они необходимы человеку

для здоровья. – Гардинг явно оседлал любимого рекламного конька. – Тысячелетия назад мы жили в пещерах, и, когда из джунглей выскакивал саблезубый тигр, у нас молниеносно срабатывали надпочечники, или гландула супрареналис, наполняя адреналином кровеносную систему. Столь же молниеносно человек делал выбор, сражаться ему или бежать, и эта периодическая встряска давала тонус всему организму. Я уже не говорю о психологическом преимуществе. Человек – животное, эволюционировавшее в конкурентной среде. И пусть наш состязательный инстинкт давно спит, его можно пробудить путем искусственной стимуляции надпочечников.

– Выпивкой? – с надеждой спрашивает Дедуля, почти ничего не понявший из объяснений Гардинга.

У того на лице появляется хитрое выражение. Он подается вперед и говорит заговорщицким тоном:

– Романтика – вот ответ. Мы предлагаем приключение. Безопасное, но драматичное, будоражащее, воодушевляющее, романтичное приключение заеденному рутиной современному мужчине или женщине. Не пресную суррогатную эмоциональность телевидения, а нечто настоящее! «Надпочечники инкорпорейтед» поможет вам встряхнуться и заодно поправить физическое и психическое здоровье. Вы наверняка видели нашу рекламу: «Попали в колею? Закисли от обыденности? Отправьтесь на Охоту – и вернетесь посвежевшим, окрепшим, счастливым и готовым покорить весь мир!»

– Охота?

– Самая популярная наша программа, – отвечает Гардинг, перейдя на более деловой тон. – Вообще-то, в этом нет ничего нового. Когда-то бюро путешествий зазывали публику на увлекательную охоту на тигра в Мексике…

– Нету в Мексике тигров, – заявляет Дедуля. – Бывал я там. Предупреждаю: если не дадите мне бутылку, сейчас же отправлюсь домой, в Мэн!

Но Гэллегер уже сосредоточился на проблеме:

– Не понимаю, почему вам понадобился именно я. Ловить для вас тигров не возьмусь.

– Мексиканский тигр на самом деле не тигр, а другой представитель семейства кошачьих. Пума, кажется. У нас по всему миру разбиты специальные заповедники, и там мы проводим Охоту – разумеется, по очень тщательно разработанным сценариям. Риск должен быть сведен к минимуму… даже к нулю. Но требуется иллюзия опасности, иначе клиент не получит своей встряски. Мы пытались формировать поведение зверей, чтобы они не могли причинить человеку вреда, однако… э-э-э… серьезного

успеха не достигли. Потеряли несколько клиентов, как это ни печально. Деньги в предприятие вложены гигантские, и нам необходимо возместить убытки. Но, как выяснилось, мы не можем использовать тигров, да и любых других крупных хищников. Это просто-напросто небезопасно. А как же быть с иллюзией опасности? Не можем же мы деградировать в клуб стрельбы по тарелочкам. Что в ней рискованного, в такой стрельбе?

– Что, желаешь поразвлечься? – спрашивает Дедуля. – Поехали со мной в Мэн, я тебе покажу настоящую охоту. В наших горах медведи все еще водятся.

– Кажется, начинаю понимать, – говорит Гэллегер. – Но если посмотреть на проблему с личной точки зрения… Занятно. Что такое, по сути, опасность?

– Опасность – это когда кто-то пытается тебя сожрать, – заявляет Дедуля.

– Неизвестное, таинственное тоже опасно, по той простой причине, что мы его не понимаем. Этим, к примеру, объясняется всегдашняя популярность историй о привидениях. Рев во тьме пугает сильнее, чем появление тигра при свете дня.

– Я понял вашу мысль, – кивает Гардинг. – Но есть еще одно обстоятельство. Игра не должна быть слишком легкой. Много ли нужно ума, чтобы перехитрить кролика? И разумеется, мы вынуждены предоставлять нашим клиентам самое современное оружие.

– Зачем?

– Мера предосторожности. Проблема в том, что с таким оружием, да со сканером, да с анализатором запахов любой дурак сможет выследить и убить зверя. Даже тигр-людоед не успеет его как следует напугать.

– Так чего же вы хотите?

– Сам не знаю толком, – медленно произносит Гардинг. – Может, нового зверя? Чтобы соответствовал критериям «Надпочечников инкорпорейтед». И что же это за зверь? У меня нет ответа, иначе бы я не обратился к вам.

– Новые звери из ничего не рождаются.

– Откуда же вы их берете?

– Хороший вопрос. С других планет? Из иных секторов времени? Из вероятностных миров? Помнится, однажды я выловил несколько забавных зверьков, либбл, из марсианского будущего, но они для вас уж точно не годятся.

– Как насчет других планет?

Гэллегер встает и подходит к рабочему столу. Соединяет друг с другом какие-то штырьки и трубки.

– Я вот о чем думаю. У человеческого мозга есть скрытые

возможности. Сейчас мои скрытые возможности просыпаются. Ну-ка, ну-ка… Возможно…

Гэллегер умолкает, полностью сосредоточившись. Его руки споро сооружают устройство. Вдруг, выругавшись, он отбрасывает сделанное и направляется к алкогольному органу. Там уже пристроился Дедуля, но поперхнулся от первого же глотка «джина бак». Он грозит вернуться домой и захватить с собой Гардинга, чтобы показать ему настоящую охоту.

Гэллегер сгоняет пожилого джентльмена с дивана.

– Вот что, мистер Гардинг, – говорит он, – к утру я сделаю то, что вам нужно. Мне предстоит хорошенько подумать…

– В смысле, хорошенько выпить, – хмыкает Гардинг, извлекая из кармана пачку кредитов. – Я наслышан о ваших повадках, мистер Гэллегер. Вы работаете только из-под палки. Палец о палец не ударите, если не назначен жесткий срок. Ну а как вы посмотрите вот на это? Пятьдесят тысяч кредитов. – Он глядит на наручные часы. – Даю вам один час. Если не решите проблему за это время, денег не получите.

Гэллегер взвивается с дивана как ужаленный.

– Один-единственный час?! Да вы издеваетесь!

– Я человек методичный, – берет непреклонный тон Гардинг. – А вы – нет; я вас изучил достаточно. Мне не составит труда найти другого специалиста, толкового инженера. Один час! Или я выйду через эту дверь и унесу пятьдесят тысяч кредитов!

Гэллегер жадно взирает на деньги. Наконец, хлебнув спиртного и тихо выругавшись, возвращается к рабочему столу.

Некоторое время спустя там ослепительно полыхает. Гэллегер вскрикивает и отшатывается, схватившись за глаза.

– Что с вами? – вскакивает на ноги Гардинг.

– Ничего, – рычит Гэллегер, щелкнув выключателем. – Вроде наклевывается. Этот свет… Уй! Я обжег глаза! – Он смаргивает слезы и подходит к алкогольному органу.

Хорошенько приняв на грудь, Гэллегер кивает Гардингу:

– Вроде понял, чего вы хотите. Но не могу сказать, сколько еще мне понадобится времени. – Он кривится. – Дедуля, ты что, перенастроил орган?

– Не делал я этого! Всего лишь нажал несколько кнопок.

– Так я и думал. Это не «джин бак». Фу-ух…

– Что, круто пробрало? – Заинтересовавшийся Дедуля возвращается к органу.

– Ничуть, – отвечает Гэллегер и на коленях ползет к аудиовидеозаписывающему устройству. – Это еще что такое? А-а, шпион! Ну что ж, гнусный соглядатай, в этом доме знают, как расправляться со шпионами. – С этими словами он встает, хватает

одеяло и набрасывает на аппарат.

– Как же ловко мне удается всякий раз перехитрить самого себя, – посетовал Гэллегер, выключая ставшее бесполезным устройство. – Я не пожалел труда, чтобы соорудить эту штуку, а потом ослепил ее в самый важный момент. И теперь знаю еще меньше, чем раньше, поскольку в уравнение добавилось несколько неизвестных величин.

– Люди способны постичь природу вещей, – пробормотал Джо.

– Очень важная идея, – согласился Гэллегер. – Правда, до нее уже додумались греки, причем давным-давно. И ты, если хорошенько поработаешь мозгами, вскоре придешь к блестящему открытию, что два плюс два равно четырем.

– Умолкни, невзрачный человечишко, – сказал Джо. – Я предаюсь абстракциям. Пойди, отвори дверь, а меня оставь в покое.

– Дверь? С какой стати? Я не слышал звонка?

– Сейчас услышишь, – пообещал робот. – А вот и он.

– Гости в такую рань? – Гэллегер тяжело вздохнул. – Хотя, может, это Дедуля?

Он нажал кнопку, вгляделся в экран дверной камеры и не узнал лицо с косматыми бровями и квадратной челюстью.

– Ладно, входите, – разрешил изобретатель. – Топайте по указательной линии. – И, побуждаемый жаждой, повернулся к алкогольному органу, успев забыть о танталовой напасти.

Человек с квадратной челюстью вступил в лабораторию.

– Выкладывайте, с чем пришли, да поживее, – потребовал Гэллегер. – Мне недосуг. Какое-то мелкое коричневое животное вылакало все спиртное в этом доме. Хватает и других проблем, но эта самая худшая. Если я срочно не выпью, то помру. А значит, чем раньше вы отсюда уйдете, тем раньше я начну разбираться с моими неприятностями. Надеюсь, денег я вам не задолжал?

– Это как посмотреть, – ответил гость с сильным шотландским акцентом. – Меня зовут Мердок Макензи, а вы, полагаю, мистер Гэллегер. Ваша внешность не располагает к доверию. Где мой партнер? Где пятьдесят тысяч кредитов, что были при нем?

Гэллегер задумчиво наморщил лоб:

– Партнер, говорите? Не Джонаса ли Гардинга имеете в виду?

– Его самого. Совладельца фирмы «Надпочечники инкорпорейтед».

– Не знаю я никакого…

Тут вмешался Джо, как всегда не вовремя:

– Низкорослый мужчина с большими ушами. Какой же это был урод!

– Истинная правда, – кивнул Макензи. – Вижу, мистер Гэллегер, вы употребили прошедшее время, а точнее, это сделала ваша громоздкая лязгающая машина. Следует ли понимать так, что вы умертвили моего партнера и избавились от трупа посредством ваших научных изобретений?

– Эй, полегче! – возмутился Гэллегер. – С чего вдруг такое бредовое предположение? У меня что, каинова печать на лбу? Или вы спятили?

Макензи почесал мощную челюсть и ощупал Гэллегера взглядом из-под кустистых седых бровей.

– Если честно, это была бы не бог весть какая потеря, – сказал он. – В бизнесе от Джонаса толку мало, больно уж он методичен. Но этой ночью, когда он сюда пришел, при нем было пятьдесят тысяч кредитов. Где они, спрашивается? Ну и насчет тела имеется вопросец. Оно же застраховано на огромную сумму. Мистер Гэллегер, послушайте меня. Я готов закрыть глаза на то, что вы укокошили моего злополучного партнера и прикарманили пятьдесят тысяч. Более того, меня вполне устроит, если вы решите дать деру… скажем, с десятью тысячами, вернув мне остальное. Но это при условии, что я получу от вас убедительное доказательство кончины Джонаса, которое удовлетворит страховую компанию.

– А ведь логично, – одобрил Джо. – Даже удивительно, что на такую красивую логику способен обладатель столь ужасной внешности.

– Дружище, я бы выглядел куда ужаснее, если бы обладал прозрачной шкурой, как у тебя, – ухмыльнулся Макензи. – Это если верить анатомическому атласу. Но сейчас мы обсуждаем не мое тело, а тело моего партнера.

– Просто фантастика! – изумился Гэллегер. – Вы хоть понимаете, что станете соучастником преступления, если я соглашусь?

– То есть вы признаетесь в преступлении?

– Ни в чем я не признаюсь! Мистер Макензи, вы чересчур самонадеянны. Готов спорить, что вы сами убили Гардинга, а теперь пытаетесь повесить это на меня. Откуда вам известно, что он мертв?

– Что ж, вопрос вполне закономерный, – кивнул Макензи. – Придется объяснить. Видите ли, Джонас человек методичный. Даже слишком. Я не припомню случая, чтобы он не явился на условленную встречу. У него были назначены встречи на это утро. Одна из них – со мной. Более того, к вам он направился, имея при

себе пятьдесят тысяч кредитов.

– А с чего вы взяли, что он добрался сюда?

– Так я сам же его и подвез, на авиамобиле. Высадил у ваших дверей. И видел, как он входил.

– Но не видели, как выходил, а это было, – парировал Гэллегер.

Макензи совершенно невозмутимо принялся загибать костлявые пальцы.

– Нынче утром, мистер Гэллегер, я ознакомился с вашими персональными данными, и едва ли они характеризуют вас как добропорядочного гражданина. Это раз. Вы нестабильны, если не сказать хуже. Это два. Впутывались в темные дела, обвинялись в преступлениях – три. Ни одно из них не было доказано, но это, как я подозреваю, заслуга вашей изворотливости. Уверен, полиция считает так же.

– Полиция ничего не сможет мне предъявить. Гардинг, должно быть, у себя дома, в постели.

– Он не дома. Пятьдесят тысяч кредитов – это куча денег. А страховка жизни моего партнера – даже не куча, а целая гора. Если Джонас не объявится, наш бизнес ляжет и меня потащат в суд страховщики. Судебные тяжбы – удовольствие не из дешевых.

– Да не убивал я вашего партнера! – вскричал Гэллегер.

– Как скажете, – пожал плечами Макензи. – Но если мне удастся доказать, что вы это сделали, кто из нас останется в выигрыше, а кто потеряет все? Теперь вы знаете расклад, мистер Гэллегер. Почему бы не объяснить, куда вы дели труп, и не сбежать с пятью тысячами кредитов?

– Только что речь шла о десяти.

– Да вы спятили, – твердо произнес Макензи. – Не говорил я этого. Во всяком случае, вы не сможете доказать.

– Вот что, – сказал Гэллегер, у которого возникла идея, – почему бы нам не обсудить это за выпивкой?

– Отличное предложение!

Гэллегер повозился с алкогольным органом. От предложенного стакана Макензи отказался и потянулся за другим.

– Может, отравить хотите, – сказал он. – Ваше лицо не вызывает доверия.

Гэллегер даже бровью не повел. Он надеялся, что две порции собьют таинственного коричневого зверька с панталыку. И попытался проглотить виски как можно быстрее, но лишь одна мучительно дразнящая капля упала ему на язык.

Он поставил стакан и взглянул на Макензи.

– Примитивный фокус с исчезновением, – произнес тот,

опуская свой стакан на рабочий стол. – Я прекрасно обойдусь без вашего виски. Ну и как же вы это проделали?

Взбешенный неудачей Гэллегер прорычал:

– Я колдун! Душу дьяволу продал! За пару центов и вас заставлю исчезнуть.

Макензи пожал плечами:

– Не напугаете. Если б вы могли, уже бы от меня избавились. Что до колдовства, то я далек от скептицизма – с той минуты, как заметил вот это чудище. – Он указал на третий генератор, который не был генератором.

– Что?! Хотите сказать, вы тоже его видите?

– Я вижу гораздо больше, чем вам бы хотелось, мистер Гэллегер, – зловеще проговорил Макензи. – И я еду в полицию.

– Постойте! Ну кому будет от этого прок?

– А какой мне прок от общения с вами? Раз вы на сделку не идете, я попытаю счастья с полицией. Если она докажет, что Джонас мертв, мне по крайней мере достанется страховка.

– Да подождите же! – взмолился Гэллегер. – Ваш партнер был здесь. Хотел, чтобы я решил его проблему.

– Та-ак… И вы решили?

– Н-нет… То есть…

– Значит, вы для меня бесполезны, – твердо произнес Макензи и повернулся к двери. – Очень скоро снова обо мне услышите.

Он ушел. Гэллегер в изнеможении опустился на диван и погрузился в горестные раздумья.

Вдруг он поднял голову и впился взглядом в третий генератор. Значит, он ошибался и это не галлюцинация. И не генератор. Приземистое бесформенное нечто. Ну, не совсем бесформенное – вроде усеченной пирамиды, успевшей изрядно оплыть. И у нее два больших синих глаза, наблюдающих за Гэллегером. То ли агаты, то ли крашеный металл. Высота приметно три фута, такой же диаметр основания.

– Джо, – окликнул Гэллегер, – почему ты мне ничего не сказал про эту штуковину?

– Думал, ты ее заметил, – объяснил Джо.

– Заметил, но… что это такое?

– Не имею ни малейшего понятия.

– Откуда она взялась?

– Только твое подсознание знает, чем ты занимался минувшей ночью. Возможно, еще Дедуля и Джонас Гардинг в курсе, но они явно отсутствуют.

Гэллегер уселся за видеофон и отправил в Мэн запрос.

– Должно быть, Дедуля отправился восвояси. Вряд ли он

потащил с собой Гардинга, но чем черт не шутит. Проверю. Одно хорошо: у меня больше не слезятся глаза. Что же за чертовщину я ухитрился собрать? – Он подошел к рабочему столу и воззрился на загадочную конструкцию. – И зачем вставил в контур ложку для обуви?

– Если бы ты всегда держал здесь запас материалов, Гэллегеру-Штрих не приходилось бы изощряться с заменителями, – назидательно произнес Джо.

– Ну да… Я могу напиться и разнуздать подсознание… Нет, не могу. Джо, мне уже не напиться! Я за руки и за ноги прикован к водяной цистерне!

– Вот о чем я размышляю: может, Джон Дальтон все-таки был прав?

– Может, направишь наконец на меня выпуклые зенки? – вспылил Гэллегер. – Мне нужна помощь.

– Думаю, это весьма умно для черепахи[22], – сказал Джо.

– Черепаха? По мне, так больше похоже на броненосца. Ладно. Итак, задача: как убить или поймать зверя с очень твердой экзодермой, малоподвижного… Вот он, ответ, Джо! Существо, выживающее не за счет своей способности убегать или драться. Черепаха! Барракуда свихнется, пытаясь ее сожрать. Идеальная добыча для оболенившегося интеллектуала, жаждущего острых ощущений. Но как быть с адреналином?

Джо не ответил. Гэллегер задумался – и вдруг забегал по лаборатории, хватая разные приборы и реактивы. Молоток, алмазное сверло, кислоты – он все перепробовал, пытаясь разбудить синеглазого зверя.

– Ну и что с адреналином? – саркастически спросил Джо.

– Заткнись! – рявкнул Гэллегер. – Ничего не получается! Эта тварь знай себе сидит и таращится на меня. Адрен… Что-что?

– Да будет тебе известно, гнев стимулирует надпочечники не хуже страха. Думаю, продолжительное пассивное сопротивление взбесит любого человека.

– Это верно, – признался вспотевший Гэллегер и отвесил жертве последний пинок. – Усиль в достаточной мере степень досады, и получишь вместо страха гнев. Но при чем тут коричневый зверек? На него я не злюсь.

– А ты попробуй выпить, – предложил Джо.

– Ну допустим, я злюсь на этого клептомана. Ну и что толку? Ты сказал, что он слишком быстро двигается и поэтому его невозможно увидеть. Как же его поймать?

– Наверняка можно найти способ.

– Зверек настолько же увертлив, насколько вторая тварь неуязвима. Может, он остановится, если я дам ему налакаться до

отказа?

– Метаболизм.

– То есть он слишком быстро сжигает свое топливо, а потому не пьянеет? Допустим. Но тогда ему нужна уйма пищи.

– А ты давно заглядывал в кухню? – спросил Джо.

У Гэллегера в воображении мигом нарисовался опустошенный продуктовый шкаф. Изобретатель встал. Но возле синеглазого предмета он задержался.

– У этого-то нет метаболизма, достойного упоминания. Но и ему не обойтись без пищи. И чем же он питается? Воздухом? Такое возможно?

Прозвучал дверной звонок.

– Ну кто еще? – застонал Гэллегер и разрешил впустить посетителя.

Вошел мужчина с воинственным выражением на пунцовом лице. Он заявил, что с этой минуты Гэллегер находится под предварительным арестом, и позвал своих помощников, которые незамедлительно приступили к обыску.

– Макензи позаботился, я угадал? – спросил Гэллегер.

– Правильно угадали. Я Джонсон, отдел недоказанных насильственных преступлений. Хотите позвонить своему адвокату?

– Да, – ухватился за предоставленную возможность Гэллегер.

Он воспользовался видеофоном, чтобы известить юриста о визите полиции и рассказать о других своих проблемах. Но законник перебил его:

– Простите, но я не работаю задарма. Мои расценки вам известны.

– Задарма? Кто говорит о…

– Банк не принял ваш последний чек. Так что деньги на бочку, или больше на меня не рассчитывайте.

– Э-э-э… Постойте! Я только что выполнил заказ, скоро получу большие деньги. Я смогу вам заплатить…

– Как только я увижу цвет ваших кредитов, снова стану вашим адвокатом, – пообещал бесчувственный голос, и экран потемнел.

Детектив Джонсон похлопал Гэллегера по плечу:

– Так вы превысили кредит в банке? Сидите на мели?

– Насчет кредита – это никакой не секрет. И деньги у меня будут, я только что…

– Выполнил заказ. Да, это я тоже услышал. Разбогатеете, значит? Сколько вам отвалят, тысяч пятьдесят?

Гэллегер глубоко вздохнул и выпалил:

– Ни слова больше не скажу.

Он улегся на диван и постарался не обращать внимания на полицейских, обыскивавших лабораторию.

Нужен адвокат. Позарез нужен. Но без денег его не нанять. Что, если поговорить с Макензи?

Дозвониться удалось сразу. Макензи выглядел бодро.

– Приветик, – сказал он. – Вижу, полиция уже на месте.

– Послушайте, – зачастил Гэллегер, – ваша проблема решена, у меня есть то, что вам нужно.

– Вы про труп Джонаса? – живо воодушевился Макензи.

– Нет! О зверях, которых вы заказывали. Об идеальной добыче.

– А-а… Что ж вы раньше не сказали?

– Приезжайте сюда, а полицейским скажите, чтобы уматывали, – потребовал Гэллегер. – Говорю вам, у меня есть идеальные звери для вашей Охоты.

– Не знаю, смогу ли отозвать легавых, – сказал Макензи, – но сам приеду. Только не рассчитывайте на большой гонорар.

– Тьфу ты! – рыкнул Гэллегер и прервал связь.

Видеофон сразу же зазвонил. Изобретатель нажал кнопку, и на экране появилось женское лицо.

– Мистер Гэллегер, вы обращались к нам с просьбой связать вас с вашим дедом, проживающим в штате Мэн. Нам удалось выяснить, что в своем доме он отсутствует. Это все.

Женщина исчезла.

– Ваш дед? – спросил Джонас. – И где же он?

– Я его съел, – огрызнулся Гэллегер. – Почему бы вам не оставить меня в покое?

Джонсон застрочил в блокноте карандашом.

– Ваш дед… Ладно, проверю. Кстати, что это за штуковина? – Он кивнул на синеглазого зверя.

– Изучаю любопытный случай дегенеративного остеомиелита у редкого цефалопода.

– Понятно. Спасибо. Фред, займись-ка поиском деда этого парня. На что это ты таращишься?

– На экран, – ответил Фред. – Он в режиме воспроизведения.

Джонсон подошел к устройству аудиовидеозаписи:

– Этим мы займемся. Вряд ли есть что-нибудь интересное, но вдруг… – Он нажал кнопку.

Экран померк, но раздался голос Гэллегера:

– А-а, шпион! Ну что ж, гнусный соглядатай, в этом доме знают, как расправляться со шпионами.

Джонсон посмотрел на изобретателя, сохраняя бесстрастное выражение на пунцовом лице, и молча включил обратную перемотку.

– Джо, принеси тупой нож, – велел роботу Гэллегер. – Хочу перерезать себе горло, и чтобы получилось не слишком легко. Такая уж у меня манера – все усложнять.

Но Джо, погруженный в философские размышления, не отозвался.

Джонсон запустил воспроизведение. Он достал из кармана фотографию и сравнил ее с изображением на экране.

– Да, это Гардинг, – сказал он. – Спасибо за подарок, мистер Гэллегер.

– Не за что, – буркнул Гэллегер. – Я даже объясню палачу, как лучше затянуть петлю на моей шее.

– Ха-ха! Фред, ты записываешь? Молодец.

По экрану бежали безжалостные кадры. Гэллегер изо всех сил внушал себе, что запись не содержит ничего изобличающего.

Надежды развеялись, когда экран потемнел – ночью устройство, на которое Гэллегер набросил одеяло, продолжало работать. Джонсон вскинул руку, требуя тишины. Экран по-прежнему ничего не показывал, но через минуту-другую явственно зазвучали голоса.

– Мистер Гэллегер, у вас тридцать семь минут, чтобы уйти.

– Ни с места! Хватит одной минуты. Уж очень мне нужны ваши пятьдесят тысяч кредитов.

– Но…

– Спокойно! Я знаю, что делаю. Все закончится очень скоро.

«Неужели это я сказал? – в панике подумал Гэллегер. – Какой же идиот! Почему не выключил аудио, когда закрывал объектив?»

– Мальчишка, ты ж меня замучаешь до смерти, – упрекнул Дедуля.

«А ведь старый осел всего-то навсего хотел получить бутылку, – мысленно простонал Гэллегер. – Но попробуй докажи этим чертовым копам! Впрочем… – Он приободрился. – Вдруг получится выяснить, что на самом деле произошло с Дедулей и Гардингом? Если я запулил их в другой мир, то мог остаться какой-то след…»

– А теперь внимание, – заговорил ночной Гэллегер. – По ходу дела буду объяснять. Стоп! Подождите минутку. Я намерен это запатентовать, так что нужно принять меры безопасности. Вы двое не проговоритесь, но устройство все еще пишет звук. А то бы я завтра включил его, послушал и сказал себе: «Гэллегер, ты слишком много болтаешь». Есть только один способ сохранить тайну: чик, и готово.

Раздался возглас, но он был оборван на середине. Устройство прекратило гудеть, наступила мертвая тишина.

Тут отворилась дверь, и вошел Мердок Макензи,

взволнованно потирая руки.

– Звали – прибыл, – отрывисто произнес он. – Так говорите, мистер Гэллегер, наша проблема решена? Что ж, коли так, попробуем сделать на этом бизнес. В конце концов, твердых улик вашей причастности к смерти Джонаса нет, поэтому я отзову обвинение, если получу от вас то, что нужно «Надпочечникам инкорпорейтед».

– Фред, дай-ка мне наручники, – потребовал Джонас.

– Не имеете права! – запротестовал Гэллегер.

– Ложная посылка, – подал голос Джо, – заметьте, опровергаемая эмпирически. До чего же вы, уродливые людишки, нелогичны!

Социальные тенденции всегда имели свойство отставать от технологических. И если в те времена технологии стремились к упрощению, то социальное устройство усложнилось чудовищно, поскольку оно, частично сохранив свою историческую основу, вобрало в себя бесчисленные научные достижения эпохи. Взять хотя бы юриспруденцию. Кокберн, Блеквуд и десятки других адвокатов подчинили патентоведение определенным законам, как общего характера, так и специфическим, но одно-единственное устройство могло сделать эти законы совершенно неприменимыми. Интеграторы создавались ради решения проблем, слишком мудреных для человеческого мозга, и в эти полумеханические коллоиды приходилось встраивать различные средства контроля. А электронный дубликатор посягал не только на патентное право, но и на право собственности, и адвокаты написали пухлые тома на тему «раритетных прав»: являются ли они реальной собственностью; является ли техническое устройство, созданное дубликатором, имитацией или копией; является ли массовое копирование шиншилл нечестной конкуренцией в отношении заводчика шиншилл, зависящего от традиционных биологических принципов. Мир, изрядно «поплывший» под натиском технологий, отчаянно пытался идти по прямой, надеясь, что суматоха однажды уляжется.

Пока что она не улеглась.

Юридическая машина до того усложнилась, что затмила даже интегратор. Прецедент сражался с абстрактной теорией подобно тому, как адвокат сражался с адвокатом. Для технарей все было предельно ясно, но консультироваться с этими людьми не имело смысла по причине их абсолютной непрактичности. «Что-что? Мое изобретение нарушает право собственности? А на черта тогда это право вообще нужно?»

Действительно, на черта нужно право собственности? В мире,

обретшем какую-никакую безопасность за счет жестких прецедентов социальных отношений? Древняя плотина формальной культуры пошла трещинами, и, если присмотреться, можно было увидеть сотни крошечных фигурок: охваченные паникой, они метались от одного опасного места к другому и доблестно пытались заткнуть течи пальцами, кулаками или даже головами. Однажды люди узнают, что за плотиной не было готового обрушиться на них океана, но этот день еще неблизок.

Пожалуй, это играло на руку Гэллегеру. Чиновники предпочитали не рисковать: выдашь ордер на необоснованный арест, и последствия могут быть фантастически тяжелыми. Расчетливый Мердок Макензи воспользовался этим обстоятельством. Он привез своего адвоката – все равно что засунул в шестеренки юридической машины разводной ключ. Адвокат потолковал с Джонсоном. Трупа нет. Аудиозапись – слабая улика. А еще есть серьезные вопросы насчет хабеас корпус и ордера на обыск.

Джонсон позвонил в Управление юриспруденции, и в присутствии Гэллегера и невозмутимого Макензи разразился бешеный спор. Кончилось тем, что разъяренный Джонсон убрался вместе со своей командой, прихватив катушку с записью и пригрозив вернуться, как только получит от судьи необходимые бумаги. А пока, сказал он напоследок, возле дома подежурят полицейские.

– А теперь к делу, – потребовал Макензи, потирая ладони. – Между нами, – наклонился он к Гэллегеру, – я ничуть не расстроен тем, что избавился от партнера. Даже если вы его не убивали, надеюсь, он уже не вернется. Наконец-то смогу вести бизнес по-своему.

– Рад за вас, – проворчал Гэллегер. – Но как насчет меня? Скоро Джонсон выхлопочет бумаги, и я окажусь за решеткой.

– Но вам не смогут предъявить обвинение, – возразил Макензи. – Толковый адвокат мигом вас вытащит. Знаете, был похожий случай: подсудимый есть, а трупа нет. Адвокат пустился в метафизику и доказал, что убиенный никогда не существовал. Конечно, это чистой воды жульничество, но факт остается фактом: убийца вышел на свободу.

– Я обыскал весь дом, а потом это сделал Джонсон, – сказал Гэллегер. – Никаких следов Джонаса Гардинга и моего деда. Мистер Макензи, вот как на духу: я понятия не имею, что с ними случилось.

Макензи небрежно отмахнулся:

– Оставим эту тему. Вы упомянули, что решили определенную задачу для «Надпочечников». Что ж, признаюсь:

я заинтересован.

Гэллегер молча указал на синеглазый генератор. Макензи задумчиво оглядел изделие.

– Ну и? – спросил он.

– Это она. Идеальная добыча.

Макензи подошел к штуковине, постучал по корпусу, заглянул в лазурные глаза и спросил с надеждой:

– Бегает быстро?

– Ей не надо бегать, – ответил Гэллегер. – Она, видите ли, неуязвима.

– Да? Гм… Пожалуй, вам следует объяснить…

Но объяснение Макензи не удовлетворило.

– Нет, – сказал он, – мне непонятно. Ну что может быть волнующего в охоте на подобную тварь? Или вы запамятовали, что нашим клиентам подавай стимуляцию выработки адреналина?

– Они ее получат. Злость дает тот же эффект, что и страх. – Гэллегер углубился в детали.

Но Макензи замотал головой:

– И страх, и гнев вырабатывают у человека избыточную энергию, которую необходимо как-то расходовать. Это невозможно, если добыча пассивна. Попытки ничего, кроме невроза, не дадут. А мы не создаем неврозы – мы от них избавляем.

Гэллегер, почти отчаявшись, вдруг вспомнил о мелком коричневом животном и попытался его обсудить. Макензи вскоре потребовал предъявить это существо. Изобретателю пришлось изворачиваться.

– Нет, – сказал наконец Макензи, – едва ли это имеет смысл. Как можно охотиться на того, кто невидим?

– Ультрафиолет. Анализаторы запахов. Это будет тест на находчивость…

– Нашим клиентам находчивость несвойственна. Да и разжиться ею они не захотят. Им подавай перемены, отдых от рутины, от тяжелой работы… или от легкой работы, у кого как. Они не придут в восторг от перспективы свихнуться в погоне за зверем, который носится резвей феи. Зверь, которого невозможно увидеть, их тоже не соблазнит. Мистер Гэллегер, у меня крепнет желание удовлетвориться страховкой за Джонаса.

– Погодите…

Макензи сурово сдвинул брови:

– Готов признать, эти существа могут – подчеркиваю слово «могут» – обладать кое-какими достоинствами. Но что толку от добычи, которую нельзя изловить? Если вам все же удастся найти

способ поимки этих сказочных существ, мы попробуем договориться. Ну а пока я не готов покупать кота в мешке.

– Я найду способ! – пылко пообещал Гэллегер. – Но не смогу этого сделать, сидя в тюрьме.

– Ах, мистер Гэллегер! Вы начинаете меня раздражать. Заманили сюда, уверив, что решили проблему моей фирмы. А теперь выясняется, что это вовсе не так. Думайте о тюрьме. Пусть адреналин простимулирует вам мозги, авось вы изобретете способ ловли этих ваших зверей. Получится – звоните. А я пока не буду давать поспешных обещаний.

Мердок Макензи ухмыльнулся и вышел, тихо притворив за собой дверь.

– Люди способны постичь природу вещей, – произнес Джо тоном сугубой убежденности.

В этот момент ситуация еще больше усложнилась: на экране видеофона появилось лицо седоволосого мужчины, заявившего, что один из чеков Гэллегера отклонен. «Триста пятьдесят кредитов, – сказал седоволосый. – И как это прикажете понимать?»

Гэллегер оторопело вчитался в возникшую на экране идентификационную карту.

– «Объединенные культуры»? А что это?

Седоволосый вкрадчиво ответил:

– Биологические, медицинские и лабораторные товары, мистер Гэллегер.

– И что я у вас заказывал?

– Мы получили заявку на шестьсот фунтов «Витаплазма» высшего качества. И срочно отправили их вам – даже часа не прошло.

– А зачем…

Седоволосый кое-что объяснил. Гэллегер дал несколько лживых обещаний и отвернулся от потемневшего экрана. Он обвел лабораторию диким взглядом.

– Шестьсот фунтов искусственной протоплазмы, – бормотал он. – Заказано Гэллегером-Штрих. Он явно переоценил мое финансовое благосостояние.

– Заказ доставили, – сообщил Джо. – Ты подписал накладную. Это было в ту ночь, когда исчезли Джонас Гардинг и Дедуля.

– Но на кой черт мне понадобилась протоплазма? Она применяется в пластической хирургии и протезировании. Фальшивые конечности и тому подобное. Этот «Витаплазм» – искусственно выращенная клеточная ткань. Я что, пустил его на изготовление каких-то животных? Вроде биология такого не позволяет. Как я мог вылепить из «Витаплазма» крошечную бурую

зверушку-невидимку? Что там с мозгом, с нервной системой? Джо, шестьсот фунтов протоплазмы – это же целая гора. Куда они подевались?

Джо не ответил.

Через пару часов Гэллегер исполнился энтузиазма.

– Идея в том, – объяснил он роботу, – чтобы разобраться по максимуму с этими тварями, узнать о них все, что только можно. Надеюсь, тогда я получу ответ, откуда они взялись. А это, в свою очередь, позволит выяснить, куда подевались Дедуля и Гардинг. Потом…

– Почему бы просто не посидеть и не поразмыслить?

– Вот в чем разница между нами. У тебя отсутствует инстинкт самосохранения. Ты можешь сидеть и размышлять, не замечая, как в ступнях зарождается цепная реакция и ползет вверх. А я слишком молод, чтобы умереть. Я не могу выбросить из головы мысли о Редингской тюрьме. И мне необходимо выпить. Если бы я захмелел, мой подсознательный демон запросто решил бы проблему за меня. Глянь-ка, нет ли поблизости мелкого коричневого животного?

– Нет, – ответил Джо.

– Ну тогда, может, успею хлебнуть. – Гэллегер сорвался с места, но отчаянная попытка закончилась полным провалом. – Откуда у него такое фантастическое проворство?

– Это ускоренный метаболизм. Животное, должно быть, обоняет алкоголь. Или у него есть еще какие-нибудь органы чувств. Даже мне трудно его варишировать.

– А если подмешать керосина к виски? Может, такой коктейль мелкому бухарику не придется по вкусу? Впрочем, мне тоже не придется. Ладно, вернемся к нашему упрямцу.

Все новыми химреактивами Гэллегер поливал синеглазый генератор, но так и не достиг ни малейшего результата.

– Люди способны постичь природу вещей, – повторил Джо.

– Заткнись! Я вот что думаю: может, нанести толстое гальваническое покрытие? Оно, конечно же, обездвижит эту тварь. Но ведь она и так не шевелится. Интересно, как она ест?

– Логика подсказывает, что осмотически.

– Очень может быть. И что же она осмотически впитывает?

Джо раздраженно застрекотал:

– Есть десятки подходов к твоей проблеме. Инструментализм, детерминизм, путь от апостериори к априори… Для меня совершенно очевидно, что ты решил задачу, поставленную перед тобой фирмой «Надпочечники инкорпорейтед».

– Думаешь, решил?

– Не сомневаюсь.

– И как же?

– Да очень просто. Люди способны постичь природу вещей.

– Хватит повторять этот допотопный трюизм, попробуй в кои-то веки принести пользу. И вообще, ты не прав. Постигать природу вещей людям помогает эксперимент в сочетании со здравым смыслом.

– Чепуха! – не согласился Джо. – Философская некомпетентность. Если не сможешь доказать свою правоту посредством логики, ты проиграешь спор. Тот, кто полагается на эксперимент, даже презрения недостоин.

– Ну почему я тут сижу и дискутирую с роботом на философские темы? – проговорил Гэллегер, ни к кому не обращаясь. – Хочешь, я докажу, что твоему мышлению придет конец, когда твой радиоатомный мозг рассыплется по полу?

– Что ж, убей меня, – предложил Джо. – Это будет великая потеря – и для тебя, и для мира. Планета Земля осиротеет. Но насилием меня не испугаешь, ведь я лишен инстинкта самосохранения.

– Вот что, дружище, – попробовал Гэллегер сменить подход, – если тебе известен ответ, почему бы не поделиться со мной? Продемонстрируй эту твою чудесную логику. Убеди меня, не полагаясь на эксперимент. Обойдись одним здравым смыслом.

– Да с чего бы мне тебя убеждать? Сам я убежден, мне этого достаточно. Я такой прекрасный, такой совершенный. Восхищаться самим собой – вот высший смысл моего существования.

– Нарцисс, – прорычал Гэллегер. – Помесь нарцисса с ницшевским сверхчеловеком.

– Люди способны постичь природу вещей…

Вскоре прозрачный робот получил повестку в суд. Это пришла в движение юридическая машина – невероятной сложности устройство с логикой, вывихнутой даже покруче, чем у Джо. Самого Гэллегера она решила пока не трогать – видимо, в силу некой странной интерпретации некоего закона. Но государство блюло железный принцип: сумма частей должна быть равна целому. Робота сочли одной из частей, которые в сумме приравнивались к Гэллегеру. Вот так Джо оказался в зале суда, где внимал полемике с холодным презрением.

Рядом с ним сидел Гэллегер в плотном окружении Мердока Макензи и толпы адвокатов.

Это было предварительное слушание. Гэллегер почти не реагировал на речи, он все ломал голову, как вытянуть

необходимую информацию из упрямого робота. Он пытался читать труды философов, чтобы сразиться с Джо его же оружием, но заработал лишь головную боль и почти невыносимую тоску по спиртному. Даже за стенами своей лаборатории он оставался Танталом. Невидимый коричневый зверек следовал за ним по пятам и неизменно похищал алкогольсодержащие напитки.

Вот взвился на ноги один из адвокатов Макензи:

– Я возражаю!

Последовала короткая пикировка на тему, кем считать робота Джо, свидетелем или главным вещественным доказательством. Если последним, то в суд он вызван необоснованно. Судья призадумался.

– Насколько я понимаю, – заявил он, – вопрос из разряда «детерминизм против волюнтаризма». Если этот… э-э-э… робот обладает свободой воли…

– Еще чего! – воскликнул Гэллегер.

На него зашикали адвокаты, он умолк и набычился.

– …то он – или оно? – является свидетелем. С другой стороны, есть вероятность, что в его действиях, подразумевающих самостоятельный выбор, механически отражается наследственность и былая окружающая среда. Под наследственностью следуют понимать… э-э-э… изначальные механические основы.

– Господин судья, вопрос, является робот разумным существом или нет, к делу не относится, – вмешался прокурор.

– Не соглашусь. Закон зиждется на уважении к…

– Господин судья, могу я сказать? – спросил Джо.

– Безусловно, ваша способность говорить автоматически дает вам такое право, – произнес судья, озадаченно разглядывая робота. – Мы вас слушаем.

Похоже, Джо обнаружил связь между законом, логикой и философией. Он радостно заявил:

– Я со всем разобрался. Мыслящий робот – это разумное существо. Я мыслящий робот, а следовательно, я разумное существо.

– Ой, дурак! – простонал Гэллегер, истосковавшийся по трезвой логике электронов и химии. – Это же древний Сократов силлогизм. Даже я способен доказать его несостоятельность.

– Цыц! – шепнул Макензи. – Адвокаты протянут ноги от голода, если не будут запутывать до невозможности судебные дела. Возможно, ваш робот не так уж и глуп.

Завязался спор, на самом ли деле роботы – разумные существа. Гэллегер затосковал. Он не понимал, из-за чего юристы ломают копья. Не стало яснее, даже когда из лабиринта

противоречий выползло осторожное предположение, что Джо является разумным существом. Но оно несказанно обрадовало прокурора.

– Господин судья, – заявил он, – мы выяснили, что несколько суток назад мистер Гэллегер выключал робота у нас на глазах. Или это не так, мистер Гэллегер?

Рука Макензи удержала Гэллегера на стуле. Зато встал один из адвокатов защиты.

– Мы ничего не подтверждаем, – сказал он. – Впрочем, если это теоретический вопрос, мы ответим.

– Вопрос теоретический.

– Тогда, господин прокурор, теоретический ответ – да. Робота такого типа можно включать и выключать.

– А способен ли робот отключиться самостоятельно?

– Да.

– Но ведь в данном случае было не так? Мистер Гэллегер выключил робота позапрошлой ночью, когда в его лаборатории находился мистер Джонас Гардинг. Это верно?

– Теоретически – да. Но отключение было временным.

– В таком случае мы бы хотели допросить робота, только что классифицированного судом как разумное существо.

– Как предположительно разумное существо, – возразил защитник.

– Ну допустим. Ваша честь…

– Ладно, – сказал судья, все еще наблюдавший за Джо. – Можете задать ему вопросы.

– Э-э-э… – Глядя на робота, прокурор замялся.

– Зовите меня Джо.

– Спасибо. Э-э-э… так это правда? Мистер Гэллегер вас отключил в указанное время и в указанном месте?

– Да.

– А коли так, – торжествующе произнес прокурор, – я намерен выдвинуть против мистера Гэллегера обвинение в нападении и избиении. Поскольку этот робот предварительно классифицирован судом как разумное существо, любая деятельность, имеющая целью лишить его сознания или подвижности, является предосудительной и может расцениваться как насильственная.

Зашушукались адвокаты Макензи.

– И что это означает? – спросил Гэллегер.

Адвокат ответил ему шепотом:

– Вас могут задержать. И робота тоже – как свидетеля. – Он встал. – Ваша честь! Наши утверждения основывались на чисто теоретических предположениях.

– Зато утверждение робота, – возразил прокурор, – является ответом на совершенно конкретный вопрос.

– Робот свидетельствовал не под присягой!

– Сейчас поправим, – пообещал прокурор, развеяв последнюю надежду Гэллегера и заставив его крепко задуматься. – Джо, вы торжественно клянетесь говорить правду, только правду и ничего, кроме правды, и да поможет вам Бог?

Гэллегер вскочил:

– Ваша честь, я протестую!

– Да? А что вас не устраивает?

– Законность присяги.

– Ха-ха! – сказал Макензи.

Судья сдвинул брови:

– Мистер Гэллегер, не соблаговолите ли пояснить, по какой такой причине этот робот не может свидетельствовать под присягой?

– Эта присяга применима только к человеку.

– В смысле?

– Она подразумевает присутствие души. По крайней мере, в ней упоминается теизм, персональная религия. Ну как может робот сдержать подобную клятву?

Судья пристально посмотрел на Джо:

– Определенно, это аргумент… Э-э-э… Джо, вы веруете в личное божество?

– Да.

Прокурор аж расцвел:

– Значит, мы можем двигаться дальше.

– Минутку, – поднялся Мердок Макензи. – Господин судья, позвольте задать роботу вопрос.

– Задавайте.

Макензи воззрился на Джо:

– Нельзя ли узнать, как выглядит это твое персональное божество?

– Охотно, – ответил Джо. – Точь-в-точь как я.

Процедура сразу же выродилась в теологический диспут. Предоставив адвокатам до хрипоты выяснять, сколько ангелов разом могут сплясать на острие иглы, Гэллегер вместе с Джо отправился домой. Арест ему пока не грозил – сначала юристы должны разобраться с религиозными воззрениями робота. В авиатакси Макензи всю дорогу расхваливал перед Джо достоинства кальвинизма.

У дверей шотландец незло пригрозил Гэллегеру:

– Как вы наверняка понимаете, в мои намерения не входит

снимать вас с крючка. Перспектива оказаться за решеткой должна послужить хорошим стимулом. Не знаю, долго ли еще я смогу спасать вас от ареста. Если не получу ответ…

– На какой вопрос?

– Ну, меня вполне удовлетворит подсказка, где спрятан труп Джонаса.

– Тьфу ты! – в сердцах бросил Гэллегер и вошел в лабораторию.

Там он уселся на диван, налил себе крепкого и с досадой вспомнил о коричневом зверьке.

Потом Гэллегер лежал, поглядывая то на синеглазый генератор, то на Джо. Наконец заговорил:

– Древняя китайская мудрость гласит: кто первым закончил спорить и начал махать кулаками, тот и проиграл в интеллектуальном поединке.

– И это истинная правда, – подтвердил Джо. – Важна аргументация; если для доказательства точки зрения тебе нужен эксперимент, значит ты никудышный философ и логик.

Гэллегер пустился в казуистику:

– Первая стадия: животное. Махание кулаками. Вторая стадия: человек. Чистая логика. Но как насчет третьей стадии?

– А третья стадия – это что?

– Люди способны постичь природу вещей – но ты к людям не относишься. Твое персональное божество даже не антропоморфно. Три уровня: животное, человек и тот, кого удобства ради мы назовем сверхчеловеком… Хотя не обязательно он должен развиться из человека. Мы всегда наделяли теоретическое сверхсущество божественными признаками. Просто для того чтобы как-то обозначить этот третий уровень, назовем его Джо.

– Почему бы и нет? – сказал робот.

– Выходит, две основные логические концепции неприменимы. Человек способен познавать природу как чистым разумом, так и с помощью эксперимента и логики. Но это концепции второго уровня, для Джо они так же примитивны, как для Аристотеля идеи Платона. – Гэллегер скрестил за спиной инструментарий познания третьего уровня.

– Нечто божественное? – спросил робот.

– Как нам известно, у тебя есть особые чувства. Ты можешь варишировать, что бы это ни означало. Нужны ли тебе заурядные логические методы? Предположим…

– Да, – перебил изобретателя Джо, – я действительно умею варишировать. А еще скренировать. Гм…

Гэллегер сорвался с дивана:

– Какой же я идиот! «Выпей меня!» Вот он, ответ. Джо, молчать! Ступай в угол и там варишируй.

– Я сейчас скренирую, – сказал Джо.

– Вот и скренируй. Наконец-то до меня дошло! Вчера утром, проснувшись, я подумал о флакончике с ярлыком «Выпей меня». Алиса, хлебнув из этого флакончика, уменьшилась, верно? Где справочник? Эх, мне бы получше разбираться в науках… Вазоконстриктор… гемостатик… Вот оно: демонстрирует метаболическую регуляцию механизмов вегетативной нервной системы. Метаболизм. Так-так… – Гэллегер подбежал к рабочему столу и принялся перебирать бутылки. – Витализм. Жизнь – это главная реальность, все остальное – ее формы или проявления. Ага… Я получил задание от «Надпочечников». Здесь были Гардинг и Дедуля. Гардинг дал мне час сроку. Заказ: свирепый, но безвредный зверь. Парадокс. Клиенты Гардинга желают разом получить экстрим и безопасность. А я, как назло, не припас лабораторных животных… Джо?

– Что?

– Смотри! – Гэллегер налил в стакан спиртного – и опять не успел даже пригубить. – Ну, что произошло?

– Все выпило мелкое коричневое животное.

– А это мелкое коричневое животное, часом, не Дедуля?

– Он самый, – сказал Джо.

Гэллегер обрушил на прозрачный корпус робота самые злобные проклятия:

– Ах ты!.. Почему сразу не сказал?!

– Ты спрашивал, я ответил, – чопорно проговорил Джо. – Дедуля коричневый, разве не так? И с биологической точки зрения он животное.

– А как же «мелкое»? Я решил, что это тварюшка не крупнее кролика.

– Единственный критерий сравнения – усредненный размер одной из множества особей. Если взять за эту меру средний рост человека, то Дедуля совсем невелик. Мелкое коричневое животное.

– Значит, все-таки Дедуля, – сказал Гэллегер, возвращаясь к рабочему столу. – И он просто-напросто ускорился. Разогнанный метаболизм. Адреналин. Гм… Пожалуй, я теперь знаю, что искать.

Но уже свечерело, когда Гэллегер перелил содержимое пузырька в стакан, качнул туда виски из органа и увидел, как смесь исчезла.

Зато появилось мерцающее пятно, оно металось по лаборатории из угла в угол. Постепенно к мерцанию добавились

коричневые разводы, и наконец окончательно проявился Дедуля. Он стоял перед Гэллегером и трясся как безумец – из организма выветривались остатки разгоняющего снадобья.

– Здорово, Дедуля, – сказал Гэллегер.

На ореховой физиономии запечатлелась лютая ярость. Впервые пожилой джентльмен напился досыта. Гэллегер взирал на него в кромешном изумлении.

– Я возвращаюсь в Мэн! – возопил дедуля и опрокинулся навзничь.

– В жизни не видал столько копуш, – сообщил Дедуля, пожирая стейк. – Черт, до чего же проголодался! В следующий раз крепко подумаю, прежде чем позволю тебе тыкать в меня шприцем. И сколько месяцев я так прожил?

– Два дня, – ответил Гэллегер, тщательно смешивая ингредиенты. – Это был ускоритель метаболизма. Ты просто жил быстрее, только и всего.

– Только и всего? Проклятие! Я не мог ничего съесть. Пища была тверда как камень. Одно лишь спиртное лезло в глотку.

– Сочувствую.

– Виски ее обжигало. А стейк я даже вставными челюстями не мог жевать.

– Ты жил ускоренно, – повторил Гэллегер и глянул на робота, который тихо скренировал, стоя в углу. – Так, есть мыслишка… Антитезис разгону – торможение. Дедуля, где Джонас Гардинг?

– Здесь, – указал Дедуля на синеглазый генератор и тем самым подтвердил догадку Гэллегера.

– Ага! Вот, значит, для чего я заказал такую уйму «Витаплазма» пару дней назад. Гм…

Гэллегер снова занялся синеглазым псевдогенератором. Но теперь уже не пытался продырявить гладкую оболочку, а изготовил новую смесь из содержимого стоявших на рабочем столе бутылок.

Там, где упала капля полученной жидкости, корпус моментально размягчился. Гэллегер сделал инъекцию через это место, а потом с восторгом наблюдал, как от него распространяется волна меняющегося цвета. И вот уже вся глыба стала бледной и мягкой.

– «Витаплазм»! – воскликнул изобретатель. – Самые обыкновенные клетки искусственного белка. Теперь понятно, откуда такая твердость – я подверг их тормозящему воздействию, довел практически до молекулярного стазиса. Любая живая материя с настолько замедленным метаболизмом уподобится стали.

Он снимал суррогатную протоплазму большими горстями и бросал в подходящий по объему чан. Вскоре начало формироваться нечто: череп, широкие плечи, торс… Наконец целиком появился сидящий на корточках Гардинг, безмолвный, как статуя. Он не дышал, и сердце не билось. Стазис держал его мертвой хваткой.

Ну не такой уж и мертвой. Гэллегер поднес было шприц, но задержался и посмотрел на Джо, а затем на Дедулю.

– Ну и зачем я это сделал? – спросил он. И сам же ответил: – Лимит времени. Гардинг отмерил мне час на решение его проблемы. А время – категория относительная, особенно когда у тебя заторможен метаболизм. Пришлось вколоть Гардингу замедляющее вещество, чтобы он не мог смотреть на часы.

Гэллегер капнул на непробиваемую кожу и опять полюбовался ее размягчением и сменой цвета.

– Вот так-то. «Затормозив» Гардинга, я получил вдоволь времени на работу, а ему по пробуждении покажется, что прошло всего ничего. Но для чего мне понадобился «Витаплазм»?

Дедуля оторвался от пивной бутылки.

– Ты, когда пьян, горазд на всякие штучки-дрючки, – заявил он и занялся новым стейком.

– Истинная правда. Но Гэллегер-Штрих рационален. У него очень странная логика, вывихнутая-перевывихнутая, но все же это логика. Давайте подумаем. Я вколол Гардингу замедляющее вещество, и вот он перед нами – не дышит и даже не моргает. Не мог же я оставить его в таком виде, верно? Кто-нибудь зайдет и решит, что я держу в лаборатории мертвеца.

– А он что, не мертв? – спросил Дедуля.

– Конечно нет. Всего лишь заторможен. Ответ такой: маскировка! Я заказал «Витаплазм», облепил им Гардинга и обработал замедлителем. На искусственные клетки он подействовал точно так же: затормозил их жизнедеятельность. И Гардинг стал совершенно неузнаваем.

– Ты безумен, – заключил Дедуля.

– Ума мне не хватает, – согласился Гэллегер. – По крайней мере, это относится к Гэллегеру-Штрих. Представь, он оставил глаза Гардинга на виду – они должны были подсказать мне, когда просплюсь, что клиент спрятан в глыбе. А для чего я собрал записывающее устройство? Воистину, логика у Гэллегера-Штрих даже фантастичнее, чем у Джо.

– Меня прошу не беспокоить, – подал голос робот. – Я скренирую.

Гэллегер проткнул иглой шприца размягченную кожу на руке Гардинга.

Через минуту-другую Джонас Гардинг зашевелился, заморгал синими глазами и встал.

– Ой! – сказал он, потирая руку. – Вы что, укололи меня?

– Случайно, – ответил Гэллегер, настороженно глядя на клиента. – Ну а что касается вашей проблемы…

Гардинг нашел стул и уселся, зевая.

– Решена?

– Вы мне дали час.

– А-а… Ну да. – Гардинг глянул на свои часы. – Стоят… Так что с решением?

– По-вашему, сколько времени прошло с того момента, как вы переступили мой порог?

– Полчаса? – предположил Гардинг.

– Два месяца, – буркнул Дедуля.

– Вы оба правы, – сказал Гэллегер. – У меня есть третий ответ, и он тоже верный.

Гардинг, судя по его лицу, подумал, что Гэллегер все еще пьян. Он грозно уставился на изобретателя.

– Так что насчет заказанного мною особого зверя? У вас еще есть полчаса…

– Они мне не нужны, – ответил Гэллегер, у которого в голове разгорался яркий белый рассвет. – Ответ уже получен. – Он развалился на диване и устремил взгляд на алкогольный орган. Теперь снова можно выпивать, но почему бы не растянуть предвкушение? Вот только это не совсем тот ответ, которого вы ждете.

– Трепотня, – сказал Дедуля.

– Клиенты «Надпочечников инкорпорейтед» желают охотиться на зверей. Им требуется встряска, волнение, азарт, а для этого, по вашему мнению, необходимы опасные животные. Выглядит парадоксально, но на самом деле никакого парадокса нет. Проблема кроется не в звере. Проблема кроется в охотнике.

Гардинг растерянно заморгал:

– Опять начинаете?

– Тигры. Коварные тигры-людоеды. Львы. Ягуары. Водяные буйволы. Самые свирепые, самые хищные животные, каких только можно добыть. Вот часть ответа.

– Мистер Гэллегер, вы явно заблуждаетесь, – вскинулся Гардинг. – Мы не собираемся поставлять клиентов зверям. Совсем наоборот!

– Нужно кое-что проверить, – сказал Гэллегер, – но основной принцип уже есть. Метаболизм! Латентный ускоритель обмена веществ и мощный выброс адреналина в качестве катализатора. Представьте такую сценку. Клиент с ружьем наперевес в поисках

добычи пробирается по искусственным джунглям. Заплатив «Надпочечникам инкорпорейтед», он получил внутривенно дозу латентного ускорителя. Это вещество разошлось по кровеносной системе, но оно пока не действует, ждет катализатора.

Вдруг из кустов выпрыгивает тигр. Он стремительно мчится к клиенту. Тот пускается наутек, а за ним по пятам несется воплощенный ужас: клыки оскалены, когти тянутся к спине жертвы. Надпочечники выбрасывают в кровь щедрую порцию адреналина. Это и есть катализатор, запускающий разгон метаболизма.

Клиент бежит все быстрее, даже не бежит, а летит как пуля, оставив тигра неподвижно висеть в воздухе. Паника не позволяет человеку остановиться, он может думать только о своем спасении – и он будет спасаться, пока не прекратится действие ускорителя. Когда это произойдет, он уже будет находиться на базе «Надпочечников», где получит новую дозу внутривенно, если сразу не прикончит беспомощного тигра.

– Десять тысяч кредитов, – радостно говорил Гэллегер, считая деньги. – Остальное выплатят, как только я получу катализатор. Ну это уже пустяковая задача, любой третьеразрядный химик справится. А вот что меня всерьез интригует, так это предстоящий разговор Джейсона Гардинга и Мердока Макензи. Хотелось бы посмотреть, как они будут разбираться с отведенным мне сроком!

– Выпить хочу, – проворчал Дедуля. – Где бутылка?

– Думаю, я даже в суде смогу доказать, что потратил не больше часа. Конечно, это был час Гардинга, но время – категория относительная. Энтропия, метаболизм – какая могла бы получиться тяжба! Но до суда не дойдет. Только я знаю формулу ускорителя. Гардинг отдаст сорок тысяч, а Макензи не рыпнется – как ни крути, я вручил «Надпочечникам инкорпорейтед» ключ к успеху.

– В Мэн вернусь, – пригрозил Дедуля. – Прямо сейчас уеду, если не получу бутылку.

– Сгоняй за ней. – Гэллегер сунул пожилому джентльмену несколько кредитов. – Да не одну купи, а десяток. Дивлюсь тому, кто продает вино…

– Чего?

– …Ценней вина едва ли что найдешь… Нет, я не пьян. Но собираюсь напиться. – Гэллегер нежно взялся одной рукой за краник алкогольного органа, а другой сыграл на клавиатуре спиртуозное арпеджио. Поглядев на это непотребство, Дедуля укоризненно хмыкнул и удалился.

Гэллегер поэкспериментировал с коктейлями, и вскоре душу

ему согрело приятное тепло.

Из угла вышел Джо и обосновался перед зеркалом, чтобы полюбоваться своими внутренностями.

– Наскренировался? – ехидно спросил Гэллегер, лежа на диване.

– Да.

– Разумное существо, как же. Робот-философ. Ладно, красавчик, наконец-то мне от тебя никакой помощи не нужно. Позируй на здоровье.

– Черная неблагодарность! – упрекнул Джо. – Я выручил тебя с помощью моей суперлогики, а ты…

– Какая еще суперлогика? У тебя что, в башке шестеренка слетела?

– Третьего уровня, разумеется. Помнишь наш недавний разговор? Я не зря скренировал. Надеюсь, ты не возомнил, что решил проблемы самостоятельно, своим хилым мозгом, спрятанным в непрозрачном черепе?

Гэллегер сел.

– О чем ты? Логика третьего уровня? Ты же не…

– Сомневаюсь, что ты поймешь. Это куда глубже, чем нумен Канта, в который можно проникнуть разве что мыслью. А ты даже не умеешь скренировать… Третий уровень, как ни крути. Он… как бы… являет нам природу вещей, заставляя события случаться самостоятельно.

– Эксперимент?

– Нет, скренирование. С его помощью я переношу события с материальной плоскости в царство чистого разума, где получаю логические концепции и решения.

– Постой-ка! Но ведь события случились! Я догадался, куда подевались Дедуля и Гардинг, и создал ускоритель…

– Ты веришь, что сделал это, – ответил Джо. – Ну а я просто скренировал. Это в чистом виде сверхинтеллектуальный процесс. Когда он был завершен, события уже не могли не случиться. Надеюсь, ты не думаешь, что они случились самопроизвольно.

– Что собой представляет скренирование? – спросил Гэллегер.

– Тебе этого узнать не суждено.

– То есть ты намекаешь, что являешься первопричиной по Аристотелю… Нет, это волюнтаризм. Логика третьего уровня? Нет… – Гэллегер улегся на диван и уставился в потолок. – Кто же ты, Джо? Deus ex machina?

Разглядывая в зеркале скопление шестеренок у себя в груди, робот важно произнес:

– Ну а кто же еще?

С приветом, автор

– Коли ценишь свою шкуру, – предупредил кот, – уматывай отсюда к чертовой матери. Да поживее!

Сэм Трейси задумчиво погладил бутылку в кармане плаща. Жест являлся мимолетным признанием слабости, ибо репортер газеты «Джорнел» не был пьян. У него имелось несколько вредных привычек (среди них злоупотребление служебным положением ради прибыльного шантажа), но дипсомания не входила в их число. Нет, у любого события должно быть простое объяснение: говорил, конечно же, не кот, а чревовещатель.

Трейси перестал рассматривать кота и окинул взглядом темный силуэт дома, принадлежавшего Болдуину Гвинну, – ветхой громадины в уединенном уголке Лорел-Каньона. Машин на подъездной дорожке не было. Это хорошо: в свидетелях Трейси не нуждается. Разумеется, Гвинн ему заплатит, ведь улик против него выше крыши, а поскольку всей их совокупностью владеет один лишь Трейси, попытка взять деньги за молчание напрашивается сама собой. Это правило старо как мир, что в Голливуде, что в поведенческих шаблонах Сэма Трейси – худощавого, смуглого, угрюмого мужчины лет сорока, с чьего орлиного лица не сходила циничная ухмылка, характерная для людей, свято верящих в собственное право на успех. До сегодняшнего вечера ему, однако, не доводилось скрестить клинки с фокусником – но какая разница? Гвинн ошибся, и благодаря этой ошибке в банке у Трейси должно прибавиться наличности, а деньги ему никогда не помешают: череда весьма занимательных блондинок, ипподром Санта-Анита, многочисленные казино на бульваре Сансет, коктейль «зомби», бульварные девки и боулинг-клубы с живой музыкой (голливудский эквивалент вина, женщин и благозвучных песен) – и в результате на твоем счету образуется овердрафт. Но у Трейси имелись превосходные связи, и он всегда был готов замять скандал-другой в обмен на звонкую монету. И никогда не оказывал давления на вдов и сирот: ведь с них, как правило, нечего взять.

Теперь же в одном кармане у него бутылка виски, в другом – несколько важных фотокопий, а в третьем – маленький самозарядный пистолет (весьма полезный реквизит для выхода из затруднительных положений посредством блефа). Был поздний вечер. Дом Гвинна стоял в безлюдной местности посреди Голливудских холмов, хотя на дальних склонах сияли несколько огней, а в небе – россыпь звезд и ослепительный прожектор луны.

Двухдверный автомобиль репортера, черный и блестящий, был припаркован в укромном месте под перечным деревом, а толстый черный кот с белыми «чулочками» на лапах сидел на бордюрном камне, пошевеливал усами и посматривал на Сэма Трейси.

– Чревовещание, мистер Гвинн, – вежливо сказал репортер, – превосходный способ произвести впечатление на тупицу. Но со мной этот номер не пройдет.

– Чревовещание? Черта с два! – свирепо зыркнул на него кот. – Ты что, не способен распознать фамильяра? Болди знал, что ты придешь. И жутко расстроился. Не хотелось бы его потерять. Он отличный хозяин. Предупреждаю тебя, вошь: если ты моего Болди хоть пальцем тронешь, я приму меры. Самолично.

Трейси вознамерился пнуть кота ботинком, но тот ловко отскочил, выругался – негромко, но с чувством, – и юркнул за ближайший куст, откуда продолжил изрыгать самые уничижительные проклятия. Трейси, в чьей ухмылке добавилось цинизма, проследовал вверх по ступеням и позвонил в дверь.

– Открыто, – сказал кот. – Тебя ждут.

Трейси пожал плечами и решил поверить ему на слово. Помещение, в котором он оказался, было просторным, неплохо меблированным и совсем непохожим на жилище практикующего фокусника. На стенах гравюры, на полу слегка подпаленный бухарский ковер, у окна здоровенный стол, за столом косоглазый толстяк с грустной физиономией, на столешнице раскрытая книга.

– Здравствуйте, Гвинн, – сказал репортер.

– Здравствуйте, Трейси, – со вздохом отвлекся от книги Гвинн. – Присаживайтесь. Сигару?

– Нет, спасибо. Вы знаете, кто я?

– Видел вон в той штуке. – Гвинн ткнул пальцем в угол, где на треноге покоился хрустальный шар. – Вы, конечно, не поверите, но я не фокусник, а настоящий чародей.

– Ну почему же, – усмехнулся Трейси. – Я вам верю. Как и многие другие. Например, Айна Ферсон.

– В моей профессии всякое бывает, – и бровью не повел Гвинн.

– Но у Айны Ферсон дела сложились не самым лучшим образом. Газеты выставят это происшествие в весьма скверном, вернее сказать, попросту ужасном свете…

– Означающем газовую камеру. В лучшем случае длительное тюремное заключение. Знаю. К сожалению, не могу ничего поделать.

Трейси молча выложил фотокопии на стол. Гвинн перебрал документы, кивнул и поджал пухлые губы:

– Как вижу, у вас имеются все улики. Беда в том, что я не имею права платить шантажистам. Это запрещено.

– Шантажистам? Какое неприятное слово, – заметил Трейси. – Назовем это выплатой дивидендов. Пять тысяч баксов, и улики вылетят в дымоход. Завтра я повышу цену.

– Вы не поняли, – помотал головой Гвинн. – Несколько лет назад я заключил сделку с дьяволом, и в контракте прописаны жесткие условия. Помимо прочего, мне запрещено платить шантажистам.

– Как вам угодно, – пожал плечами Трейси. – Фотокопии можете оставить себе. У меня, как понимаете, есть оригиналы. И не забудьте купить завтрашний номер «Джорнел». В нем будет статья о ваших похождениях.

– Нет-нет, только не это. – Гвинн обеспокоенно взглянул на книгу и захлопнул ее.

Выражение лица Трейси осталось прежним, но в глазах появился новый блеск. Небольшая книга походила на дневник или журнал бухгалтерского учета. Не мешало бы ее пролистать: вдруг на этих страницах найдутся полезные имена, факты и цифры, способные принести прибыль.

Книга была затянута в простую ткань. На коричневой переплетной крышке маленький белый овал, над ним золотые буквы. Трейси прочел перевернутую надпись – «Болдуин Гвинн» – и сказал:

– Время не терпит. Мне нужен ответ. Любой. Я приму его к сведению и поступлю соответствующим образом.

Гвинн потеребил нижнюю губу и вполголоса произнес:

– Разумеется, это бесполезно. Хотя…

Он швырнул в камин пригоршню пустоты. Вспыхнуло ярко-голубое пламя. Затем Гвинн вынул из воздуха восковую фигурку и задумчиво уставился на нее. В этой шестидюймовой статуэтке Трейси узнал свою точную копию.

Гвинн бросил фигурку в огонь.

– Слыхал о таком, – кивнул Трейси, – но я в это не верю.

– Тогда не сработает, – пробормотал Гвинн, но все равно подождал. На мгновение Трейси почувствовал неприятный жар, но вида не подал. Лишь тонко улыбнулся, и жар схлынул.

Затем в комнате без предупреждения появился еще один человек. Его звали Энди Монк, и два года назад его казнили из-за громкой статьи за авторством Сэма Трейси. Монк тоже отказался ему платить, и Трейси всегда побаивался этого человека, поскольку тот ловко обращался с ножом. Несколько месяцев, пока Монка не поймали, Трейси сторонился тенистых переулков.

Теперь же тенью был сам Монк, и Трейси прекрасно об этом

знал. Старый добрый гипноз… Но в глазах Монка горела такая ненависть, что репортеру сделалось не по себе.

Монк открыл огонь из пистолета. Пули, конечно же, были не настоящие, но Трейси весь сжался и не без удивления обнаружил, что сильно дрожит. Пусть это гипноз, но… Монк отбросил пистолет и вытащил длинный нож. Трейси всегда боялся этого ножа. Он заставил себя смотреть сквозь привидение, но Монк казался до жути реальным – если не на ощупь, то хотя бы на вид. Но… вдруг его и пощупать можно? Призрачные пули – это одно, но клинок… По некой причине клинок – это совсем другое. По лезвию прошла голубая рябь.

Трейси не хотелось, чтобы нож (пусть даже неосязаемый) распорол ему горло. Теперь ему стало страшно. Сердце выпрыгивало из груди. Он выхватил самозарядный пистолет и хрипло проговорил:

– Кончайте этот цирк, Гвинн. Быстро!

Он не видел фокусника, потому что в комнате было темно, а Монк подходил все ближе, посмеивался и зловеще поигрывал ножом. Трейси закусил губу, сделал шаг назад, спустил курок, мгновенно пожалел о столь скоропалительном решении и пожалел еще сильнее, когда Монк исчез, а Гвинн с простреленной головой обмяк на стуле, широко раскрыв невидящие глаза.

Несколько минут Трейси не шевелился, лишь тяжело дышал. Затем сунул пистолет в карман, шагнул вперед и взял со стола коричневую книгу. Тело трогать не стал. Вынул носовой платок и направился к выходу, по дороге протирая все дверные ручки. Наконец очутился в благословенной тьме ночной, нашарил в кармане бутылку виски и сделал большой глоток. Помогло.

– Не мог же я… – Трейси осекся и окинул пространство быстрым взглядом.

Никакого движения.

Если не считать кота. Тот вышел из тени, уставился на Трейси горящими зелеными глазами, вильнул хвостом и заявил:

– Теперь я буду мстить. Я очень зловредный фамильяр, и Болди мне нравился. Беги, Сэм Трейси. Не бойся проблем с полицией. Бойся проблем со мной – и моими друзьями. Теперь, когда книга у тебя, все усложнилось. Но я справлюсь. – И кот зевнул, демонстрируя репортеру розовый язычок.

Трейси подумал о постгипнотическом синдроме и нерешительно извлек из кармана пистолет, но кот испарился – словно по волшебству, присущему всем кошачьим. Репортер кивнул, спустился по ступеням, сел в машину, нервно схватился за ключ зажигания и завел мотор.

Маневрировать на узкой извилистой улочке было неудобно,

но Трейси без особого труда справился с разворотом. Проезжая на второй передаче по каньону, он не сводил глаз с черной разделительной линии и много думал. Убийство. Причем первой степени. Но никаких улик.

Он пожевал нижнюю губу. Так издергался, что выстрелил в привидение… К несчастью, за этим привидением оказался Гвинн. Однако…

Однако сделанного не воротишь, и хуже нет, чем размышлять на подобные темы. Гораздо правильнее отодвинуть этот инцидент на задворки сознания. Черт возьми! Убийство? Ну и что? Не так давно убийство было в порядке вещей. Например, в Чикаго. Разве сейчас что-то изменилось?

Ну да, изменилось. Убийство – это серьезно. Трейси, сколько себя помнил, старался не марать рук. Со временем его организм задействовал естественные компенсаторные механизмы и стал воспринимать шантаж как нечто само собой разумеющееся. В нашем мире гонку выигрывает быстрейший. Медленная лошадка неполноценна, пока не вколешь ей допинг. Если у человека хватает ума воспользоваться подкожным стимулятором, его нельзя считать подонком. Разве что по самым строгим стандартам – но Трейси предпочитал о них не думать.

Если ты не дурак и способен прибрать к рукам легкие деньги, это к лучшему. Гораздо лучше, чем прозябать на репортерскую зарплату.

Но теперь Трейси был в шоке.

– Самозащита, – пробурчал он и закурил.

Вспомнил, что курить в этих пожароопасных краях запрещено, и потушил сигарету. Не хватало только, чтобы его тормознул полицейский.

Свет фар выхватил из темноты грубую, грозную, зловещую фигуру великанши. В панике Трейси выкрутил баранку. Ничего особенного, всего лишь дуб, но иллюзия была устрашающая: на краткий миг репортеру привиделась чудовищная физиономия старой карги с отвисшей челюстью и пронзительным взглядом пылающих зеленых глаз.

Образ промелькнул и исчез, оставив во рту у Трейси кислый привкус страха. Репортер свернул к обочине, остановился и уставился в пустоту. Так, стоп. Сейчас не время истерить.

Он хлебнул виски, передернулся, вытер губы ладонью. Та едва заметно дрожала. Трейси откинулся на спинку сиденья, закрыл глаза и глубоко вздохнул. Через минуту он придет в норму. Дорога в каньоне извилистая, подъем крутой, и лучше не рисковать, пока не уймется дрожь в руках.

Он вспомнил о дневнике Гвинна. Тот лежал на соседнем

сиденье: тонкая коричневая книжка размером чуть меньше октаво[23]. Трейси взял его и включил верхний свет.

Как ни странно, теперь над овалом значилось «Сэмюел Трейси». Золотыми буквами.

Трейси долго смотрел на эту надпись. Обследовал поверхность овала, поводил по ней пальцем. Гладкая. Похоже, глянцевый пергамент. Наконец он раскрыл книгу на случайной странице. В верхнем правом углу печатное число 17, ниже – единственное предложение набранным вручную шрифтом:

Оборотень не может забраться на дуб.

Трейси перечитал эту фразу, но ее содержание не изменилось. Он нахмурился и перевернул страницу.

Он блефует.

Всего-то два слова – но целая загадка, и это еще мягко сказано. По всей очевидности, это не дневник Гвинна. Книга больше похожа на Джойсовы «Поминки по Финнегану».

Трейси полистал страницы. На двадцать пятой говорилось:

Проверь ветровое стекло.

На двадцать шестой:

Говори правду и никого не бойся.

Несколькими страницами позже Трейси обнаружил следующее:

Все отрицай.

В книге имелись и другие двусмысленные комментарии: «Не переживай насчет неурожая», «Цельсь в глаз», «Не открывай рта, пока не вернешься на Землю» и «Попробуй снова». Допустим, это сборник афоризмов, причем самых загадочных, но у Трейси сложилось ощущение, что он стоит на пороге тайны. Очень важной тайны, и ключ к ней не сумеет подобрать никто, кроме него.

Да ну, к черту. Гвинн был сумасбродом. Эта книжка ничего не значит. Или?..

Холодало. Трейси скривил губы, бросил книгу на пассажирское сиденье и завел мотор. Но каким образом на коричневой обложке оказалось его имя? Ведь раньше там было имя Гвинна… или нет? Трейси попробовал вспомнить, но уверенности не было. В любом случае сомнения успокоили его.

Он сдал назад, развернулся, выехал из каньона и свернул на главную магистраль Лорел, кратчайшую дорогу между Голливудом и Вэлли – и здесь, как всегда, было полно машин.

Не сказать, что авария случилась внезапно. Слева от дороги тянулся овражек, справа нависало дерево, и в свете фар оно показалось дико необычным. Трейси опять увидел серое, обвисшее, морщинистое ведьмино лицо и беззубый рот,

разверстый в насмешливой ухмылке. Уродливая голова одобрительно кивала, и Трейси ясно понял, что в хитросплетении ветвей скрывается монструозная женская фигура. Дерево стало антропоморфным. Натужно извиваясь, оно сутулило тяжелые плечи, кренилось, тянулось к дороге…

И упало. Трейси охнул, вдавил педаль газа в пол, взял левее. Неготовый к маневру двигатель запнулся, автомобилю не удалось набрать скорость, дерево обрушилось, и толстая ветвь, как нарочно, бросилась под колеса. С неприятными хлопками лопнули шины. Из-за тошнотворного предчувствия неотвратимой беды Трейси утратил способность двигаться и даже дышать. Двухдверный автомобиль вылетел за обочину, перевернулся, соскользнул в овражек и продолжал переворачиваться, покуда не замер на боку.

Раздираемая белыми вспышками боли голова гудела, что твой колокол. Трейси зажало в неловкой позе между сиденьем и рулевым колесом, которое, по счастью, осталось на месте. По крайней мере, Трейси не пришпилило к спинке сиденья. Он зашарил в поисках ключа, намереваясь выключить зажигание, но мерцающее пламя сообщило, что уже поздно.

Машина была в огне.

Невзирая на боль, Трейси попробовал выпрямиться. Безосколочное стекло не разбилось, и репортер дернулся вверх, к дверце у себя над головой, но ту заклинило. За окном он видел звезды, отчасти скрытые за волнистой вуалью полупрозрачного дыма. Красноватое сияние сделалось ярче. Когда огонь доберется до топливного бака…

Он услышал далекие возгласы. Кто-то спешил на помощь – наверняка опоздает. Со сдавленным криком Трейси налег на дверцу, но та не сдвинулась с места. Вот бы разбить окошко… Он поискал что-нибудь тяжелое, но не нашел. Бардачок заклинило, а скрюченная поза не позволяла снять ботинок и высадить стекло каблуком. Едкий запах усиливался. Мерцал красный свет.

В бок репортеру впился острый угол какого-то предмета. Надеясь, что это кусок металла, способный одолеть стеклянную преграду, Трейси вцепился в него и обнаружил, что держит в руке книгу. Белый овал на обложке светился. На его фоне проступили две арабские цифры: *25*.

В критической ситуации чувства обостряются. Благодаря инстинкту самосохранения Трейси отчетливо вспомнил фразу, напечатанную на двадцать пятой странице. Загадочное послание вдруг обрело смысл:

Проверь ветровое стекло.

Трейси надавил ладонью на длинную прозрачную пластину, и

та вывалилась наружу. В потное лицо дунул свежий ветерок. Треск пожара усилился.

Покрепче сжав книгу, Трейси червем выполз в образовавшееся отверстие, где весь исцарапался, а потом что было духу припустил вниз по склону и остановился, лишь когда померкли красные отблески. Ревущий грохот известил о взрыве топливного бака. Трейси почувствовал слабость в коленях, сел и опустил глаза на книгу – продолговатую черную тень в неярком лунном свете.

– Господи… – сказал он.

Через какое-то время сунул книгу в карман изодранного плаща и вскарабкался по склону овражка.

У обочины выстроились автомобили. Повсюду сновали люди с фонариками. Злясь на предстоящую сцену, Трейси побрел к толпе. Ему хотелось лишь одного – уединиться и изучить книгу. У всякого скептицизма есть предел. На своем веку Трейси повидал немало диковинных событий, благодаря чему сохранил некоторый кредит доверия к небывальщине. Не исключено, что все это банальное совпадение. Но на самом деле он так не думал.

Поднялась суматоха: громкие вопросы, довольно-таки бессмысленные разговоры, заверения со стороны Трейси, что он цел и невредим. В сопровождении полицейского он прогулялся к ближайшему жилью, откуда позвонил в страховую компанию. Тем временем ему вызвали такси.

Трейси велел шоферу притормозить у голливудского бара неподалеку от дома, где проглотил несколько порций виски сауэр, не переставая ощупывать карман с книгой. Он не отважился достать ее у барной стойки, да и свет здесь был рассеянный, – должно быть, хозяин бара верил в сомнительное утверждение, что подвыпившие люди, как правило, выглядят не самым лучшим образом. Восстановив силы и чувствуя нарастающее волнение, Трейси добрался до своей уилширской квартиры, закрыл дверь и зажег свет.

Какое-то время постоял у самого входа, поглядывая по сторонам. Затем уселся на кушетку, включил настольную лампу и извлек из кармана коричневый том.

Овальная белая вклейка опустела. На скучной коричневой ткани золочеными буквами значилось его имя. Трейси открыл страницу 25. Там говорилось: «Проверь ветровое стекло».

Трейси закрыл книгу. Подумав, раскрыл ее на форзаце, где не было ни текста, ни рисунка. Следующая страница оказалась интереснее. В глаза Трейси бросилось его собственное имя, набранное уже знакомым грубым шрифтом:

Уважаемый мистер Трейси,

к этому времени Вы, должно быть, поняли, что сей гримуар обладает весьма специфическими особенностями. Его возможности, однако, ограничены, и каждому владельцу отведены лишь десять страниц. Используйте их осмотрительно.

С приветом, автор

Послание загадочное, но выразительное. Трейси обмозговал слово «гримуар», но не обнаружил его толкования в своей памяти. Лишь смутно вспомнил, что это вроде бы колдовская книга. Сборник заклинаний.

Он задумчиво полистал страницы. Заклинания? Скорее, советы. И совет насчет ветрового стекла пришелся очень кстати.

Трейси сложил губы в недоброй улыбке. Из-за аварии он и думать забыл об убийстве! Быть может, это не к добру. Если у полиции возникнут подозрения… Хотя с какой стати? Присутствие Трейси на Лорел-Каньоне легко объяснить: это оживленная улица с плотным транспортным потоком. Дом Гвинна стоит на отшибе, и тело, по всей вероятности, найдут лишь через несколько дней.

Он встал, снял порванный плащ и с омерзением отбросил его. Трейси питал к опрятности едва ли не чувственную страсть. Он отправился в ванную, чтобы принять душ, но вскоре выскочил обратно в компании клубов пара и забрал книгу с кушетки.

Она лежала на полке, пока он мылся и надевал пижаму, а поверх нее домашний халат. Она была у него в руке, когда он прошлепал в гостиную и, не сводя глаз с переплета, налил себе виски и добавил совсем чуть-чуть воды. Пригубил крепкую смесь и почувствовал, как по телу и сознанию разливается теплая истома. До сего момента он не понимал, как сильно натянуты его нервы.

Он сел и задумался о книге. Волшебство? Оно вообще бывает, это волшебство?

Трейси снова пролистал страницы, но печатные строки не изменились. Совет насчет ветрового стекла спас ему жизнь – самым экстраординарным и даже алогичным образом. Что до предложений на других страницах, их смысл граничил с откровенным безумием. «Оборотень не может забраться на дуб» – ну и что с того?

Трейси вновь наполнил стакан. Сегодня он пил не в меру – по вполне очевидным причинам, – но его состояние выдавал лишь блеск испарины на высоком загорелом лбу.

– Грядет кое-что интересное, – негромко прозвучал чей-то голос.

Говорил кот. Лоснящийся, толстый, красивый, он сидел на стуле напротив Трейси и сверлил его загадочным взглядом. У

кошек подвижный артикуляционный аппарат и сноровистый язык, подумал Трейси. Почему бы им не говорить по-человечески?

– По-прежнему думаешь о чревовещании? – размял плечи кот. – Или перешел на стадию галлюцинаций?

Трейси встал, пересек комнату и опасливо потянулся к говорящему коту:

– Хотелось бы убедиться, что ты настоящий. Можно?..

– Только осторожно. Без фокусов. Когти у меня нешуточные, а магические способности – и подавно.

Удовлетворенный прикосновением к теплому меху, Трейси отступил и какое-то время задумчиво смотрел на кота. Наконец промолвил слегка охрипшим голосом:

– Ну хорошо. Я говорю с тобой, а значит, признаю твое существование. Это ощутимый прогресс. Все по-честному.

– Истину глаголешь, – кивнул кот. – Я пришел поздравить тебя – ведь ты улизнул от дриады – и заверить, что все только начинается.

– От дриады? – Трейси сел на прежнее место. – Я думал, дриады красавицы. Примерно как нимфы.

– Сказки, – лаконично ответил кот. – Греческий эквивалент желтой прессы. Сатиры соблазнялись только юными, листопадными дриадами. А те, что постарше, – представляешь, на что похожа дриада калифорнийской секвойи?

– Думаю, да.

– Ошибаешься. Чем старше антропоморфное существо, тем сильнее сглаживаются его отличительные – и разграничительные – черты. Ты же замечал, что человеческие старики кажутся бесполыми? На этом этапе трансформации они, конечно, умирают. В итоге стираются различия между человеком и богом, затем между человеком и животным, между животным и растением. Наконец остается лишь разумный комок глины. Дальше заглядывать не советую. Но дриады калифорнийской секвойи переступили эту грань.

Взгляд кота был настороженным, но непроницаемым. Трейси почувствовал, что разговор затеян с определенной целью, и стал ждать.

– Кстати говоря, меня зовут Мег, – сказал кот.

– Это женское имя… Выходит, номинально ты не кот, а кошка?

– В этой инкарнации – да. В естественном ареале обитания фамильяры – бесполые существа, но на Земле мы вынуждены подчиняться здешним законам. По крайней мере, отчасти. Возможно, ты заметил, что дриаду не видел никто, кроме тебя.

– Там никого не было.

– Вот именно, – удовлетворенно кивнул Мег.

Трейси обдумал его слова, ясно понимая, что вступил в поединок.

– Ну хорошо, – согласился он. – Давай перейдем к делу. Кем ты был для Гвинна? Фамильяром? Что это значит?

– Я служил ему, Трейси. Фамильяр – это катализатор способностей чародея.

– Не понял?

– Знаешь, что такое катализ? Ускорение химической реакции между двумя веществами через косвенное участие стороннего агента. Но в нашем случае реакция не химическая, а магическая. Возьми тростниковый сахар и воду, добавь серной кислоты – на выходе получишь глюкозу и фруктозу. Возьми пентаграмму и бычью кровь, добавь меня, и получишь демона по имени Фарнегар. Покровителя лозоискателей, – пояснил Мег. – Бывает полезен при поиске клада, но у него имеются свои ограничения.

Трейси обдумал его слова и не обнаружил в них логических изъянов. Многие сотни лет в фольклоре упоминаются фамильяры чародеев. Но какую они играют роль? Проблематичный вопрос. Бесславную роль демонического лакея? Это попросту глупо.

Роль катализатора? Да, приемлемо. Особенно для сознания бедолаги Трейси, утопавшего в алкогольных парах.

– Думаю, мы можем заключить сделку, – взглянул он на фамильяра. – Насколько я понимаю, ты остался без работы. Ну а мне не помешают кое-какие магические знания.

– Держи карман шире, – презрительно фыркнул Мег. – И думать не смей, что магию можно изучить заочно. Как и в любой серьезной профессии, специалиста нужно взращивать. Ты должен овладеть прецизионными инструментами, отточить инстинкты… Именем Владыки, Трейси, все эти премудрости будут посложнее учебы в университете! Чтобы работать с заклинаниями, требуются врожденные лингвистические способности. Молниеносная реакция. Идеальное чувство времени. Гвинн заслужил козлиную шкуру лишь спустя двадцать три года прилежной учебы. Кроме того, нельзя забывать о первоначальной формальности: плате за обучение.

– По всей видимости, ты владеешь магией, – хмыкнул Трейси. – Почему бы не…

– Потому что, – еле слышно ответил Мег, – ты убил Гвинна. И я исчезну вместе с ним, хотя собирался провести на Земле еще лет десять, а то и все двадцать. В этой реальности я свободен от неприятных обязанностей, которые придется выполнять там, где меня сейчас нет.

– Ты про ад?

– С антропоморфической точки зрения да. Но мы с тобой представляем ад по-разному, что вполне естественно, ибо в первозданном состоянии мои органы чувств отличаются от твоих.

Мег спрыгнул со стула и стал расхаживать по комнате. Трейси внимательно следил за ним – или за ней? Его рука нащупала и стиснула книгу.

– Нам предстоит любопытное состязание в сообразительности, – сказал фамильяр. – Книга поможет тебе, причем ощутимо, но в моем распоряжении остается магия.

– Ты намерен… убить меня? – Трейси потянулся к плащу. – Зачем?

– Я же сказал: из мести.

– Может, договоримся?

– Нет, – отрезал Мег. – Ты не способен предложить мне ничего существенного. Скоро я пришлю кого-нибудь по твою душу. Саламандру или еще кого.

– А если я тебя пристрелю? – Трейси вынул из кармана самозарядный пистолет и направил на фамильяра. – Ты существо из плоти и крови. Ну, что скажешь?

– Попробуй. – Кот сел на пол и уставился на Трейси.

Репортер опустил пистолет. По некой загадочной причине ему стало очень страшно.

– Лучше бы ты попробовал выстрелить, – посетовал Мег.

– Ох, проклятие, – проворчал Трейси и встал с книгой в руке. – Пойду налью еще стаканчик. – Тут его посетила новая мысль. – Вдруг ты и правда галлюцинация? Откуда мне знать? Может, спьяну примерещился? В таком случае… – Он усмехнулся. – Можно угостить тебя блюдцем сливок, Мег?

– Спасибо, – с благодарностью отозвался фамильяр, – не откажусь.

Наполняя блюдце, Трейси взглянул на свое отражение в кухонном окне и усмехнулся.

– Toujours gai[24], – сказал он по-французски, – всегда бодр и весел. Может, добавить в сливки крысиного яда? Ну-ну.

Мег лакал угощение, но не отводил взгляда от Трейси, делившего внимание между стаканом и книгой.

– Интересная штука, – бормотал репортер. – На первый взгляд ничего волшебного. По какому принципу проступают цифры? Этот овал – что-то вроде грифельной доски ясновидящего?

– Ничего подобного, – возразил Мег. – В книге пятьдесят страниц, на которых ты найдешь решение любой мыслимой проблемы человеческого существа.

– Бред какой-то, – нахмурился Трейси.

– Неужели? История повторяется, друг мой, и человеческая

жизнь состоит из сплошных клише. Тебе не приходило в голову, что алгоритм твоей жизни можно свести к набору уравнений? Если не ошибаюсь, этих уравнений ровно пятьдесят. Копни глубже, и найдешь наименьший общий знаменатель, но он вне людского разумения. Насколько я понимаю, автор книги проанализировал ваши жизни, заключил их в рамки базовых шаблонов и облек эти уравнения в грамматически верные фразы. Это всего лишь вопрос семантики, – заключил Мег.

– Все равно непонятно. Хотя нет, погоди. Может, и понятно. Допустим, есть яйца сорта «эс-два», «эс-один» и так далее. Если убрать цифровую маркировку, останется «эс» – то есть все сорта яиц, а из них вылупятся примерно одинаковые цыплята, хотя цыплят по осени считают.

– Сумбурно, но в целом ты прав, – признал фамильяр. – И не забывай про курицу.

– Инкубатор, – рассеянно поправил его Трейси и уткнулся в книгу. – То есть здесь решение всех человеческих проблем? А как же «Оборотень не может забраться на дуб»? Как часто люди сталкиваются с оборотнями?

– Сделай поправку на символизм и персональные психологические ассоциации. Кстати, четвертый владелец этой книги – если считать в обратную сторону от сего момента – был оборотнем, – промурлыкал фамильяр. – Ты не поверишь, как идеально все сходится.

– Кто ее написал? – спросил Трейси.

– Ясное дело, математик, – грациозно пожал плечами фамильяр. – Насколько понимаю, это был его хобби-проект.

– Ты про Сатану?

– Не задавайся. Человеческие существа не настолько важны. Единственный смысл существования Земли – дать пищу для ума другим созданиям. Как бы то ни было, это простые слова, почти исключающие фактор неопределенности.

Трейси долго смеялся, а потом сказал:

– Я только что понял, что обсуждаю семантику с котом. Или кошкой.

Но Мег исчез.

Вне всякого сомнения, он знал, что беседы с врагом притупляют бдительность. Трейси следовало быть начеку. Да, Мег вылакал его сливки (по сути дела, преломил с ним хлеб), но это ничего не значило: кошки аморальны, а фамильярам чужда всякая мораль. Поэтому кошка-фамильяр – весьма опасное и непредсказуемое существо.

Но Трейси, чье сознание слегка затуманилось от выпитого виски, прикрылся книгой, будто баклером, решил, что ему ничего

не грозит, и задумался о логических формулировках.

– Вопрос дедукции, – бормотал он. – Пожалуй, автор нарисовал множество графиков, сделал на их основании некие выводы и проверил их, опираясь на умозаключения. Вот так так!

От этих мыслей голова шла кругом.

Он снова изучил книгу. На обложке засветился белый овал. В нем появился номер. У Трейси засосало под ложечкой.

Страница 34.

Он заозирался, ожидая чего угодно, но в комнате ничего не изменилось. Мег не материализовался.

На странице 34 говорилось: «Канарейкам нужен кислород».

Канарейкам?

Он вспомнил, что несколькими днями раньше приятель подарил ему гарцкого роллера, дорогую певчую канарейку, и Трейси еще не успел избавиться от этой твари. В углу висела клетка, накрытая белой тканью. Из нее не доносилось ни звука.

Трейси отправился в угол и сорвал покрывало. У канарейки были неприятности. Она лежала на дне клетки, разевала клюв и конвульсивно дергала лапками.

Кислород?

Трейси тихонько присвистнул и бросился открывать все окна в квартире. Наглотался холодного свежего воздуха, голова закружилась еще сильнее, и он вдруг сообразил, что переусердствовал с выпивкой.

Но угнездившуюся в желудке тошноту не следовало списывать на обильные возлияния. Закусив губу, Трейси смотрел, как оживает канарейка. Она не умерла: следовательно, в комнате оставалось достаточно кислорода. Ведь здесь не угольная шахта.

Угольная шахта… газ… точняк! С натянутой улыбкой Трейси опустился на колени возле газового радиатора. Как и следовало ожидать, вентиль был открыт на полную. Трейси услышал негромкое шипение.

Значит, Мег полагается не только на магию, а кошачьи лапы способны проявить чудеса ловкости.

Трейси закрутил вентиль, обошел всю квартиру, обнаружил такую же проблему в спальне, ликвидировал ее, а канарейка тем временем пришла в себя и начала слабо попискивать. Трейси накрыл клетку покрывалом и обдумал события последних минут.

Книга. С обложки исчезли цифры.

На Трейси нахлынула паника. Ему отведено десять подсказок. Две он уже использовал. Осталось восемь. Всего ничего. А Мег изобретательный фамильяр. Костьми ляжет, чтобы отомстить.

В недрах сознания закопошилась новая мысль, но высовываться из норы она не торопилась. Трейси расслабился,

закрыл глаза, и по прошествии некоторого времени мысль перестала стесняться.

В руках у него магические силы с неограниченным потенциалом. Коричневая книга с ответом на любой человеческий вопрос. Будь она у Наполеона, Лютера, Цезаря… Ух ты! Ведь жизнь – сплошная череда проблем. Люди неполноценны, они не способны визуализировать все уравнение целиком, а потому совершают ошибку за ошибкой.

Но книга, подумал Трейси, всегда подскажет правильный ответ.

По иронии судьбы эта мощь будет растрачена впустую. У Трейси десять подсказок. Рано или поздно они закончатся, книга утратит контрмагические силы и Мег свершит свою месть. Вопиющая расточительность! Но такова суровая правда жизни.

Трейси хорошенько растер кожу над ушами. Перед ним была золотая жила, и он искал наилучший способ воспользоваться этим подарком судьбы. В момент опасности книга решит логическое уравнение и подскажет хозяину правильный выход. Следовательно, ее магия, если так можно выразиться, пассивна.

Не совсем. Допустим, Трейси окажется перед лицом финансового краха. Такая ситуация непременно попадет в разряд опасной – если только книга не ограничивает понятие «опасность» прямой угрозой физическому существованию. Но Трейси надеялся, что это не так.

Если ему будет грозить разорение, книга высветит номер спасительной страницы. Укажет ли она способ вернуть прежний финансовый статус? Нет, поскольку этот статус, будучи аннулирован, уже зарекомендовал себя как ненадежный.

Допустим, это лишь казуистическое умозаключение, но Трейси был уверен, что сумеет не раскрыть своих карт, прибегнув к искусной подтасовке. Он нуждался в деньгах. Вот и хорошо: он нарочно спровоцирует неизбежный финансовый коллапс, и в этот момент книга придет на помощь.

Хотелось бы надеяться.

У него осталось восемь страниц с советами, и нельзя растрачивать их на порожние проверки. Трейси бегло просмотрел книгу: быть может, получится использовать эти рекомендации без подсказок? Вряд ли. Например, «Все отрицай». Совет, конечно, добрый… при определенных обстоятельствах. Но как знать, когда именно они сложатся, эти обстоятельства? Об этом известно только книге.

И еще: «Убийца ждет». Великолепно! Неоценимый совет для Цезаря – если уж на то пошло, для почти любого из цезарей. Если знать, что тебя поджидает убийца, нейтрализовать его будет

проще простого. Но нельзя же всю жизнь озираться по сторонам!

Конечно, логика безупречная, но в уравнении не хватает одной переменной – а именно времени. Поскольку эта переменная целиком и полностью зависит от жизненного пути владельца книги, она никогда не превратится в рациональную константу.

Тем временем где-то неугомонно рыскал кровожадный Мег, твердо вознамерившийся свершить свою месть. Если Трейси воспользуется… вернее сказать, сумеет воспользоваться книгой для достижения персональных целей, он растратит восемь советов и останется беззащитен перед нападением фамильяра. Зачем мертвецу слава и богатство? У савана карманов нет.

Тьма за окном озарилась красным свечением, и в поле зрения вползло маленькое существо, похожее на ящерицу с гекконьими присосками на лапах. Когда оно скользнуло на подоконник, Трейси почуял легкий запах подгоревшей краски.

Он взглянул на книгу. Та не изменилась. Значит, опасности нет. Но если бы он не прикрутил вентиль… Берем раскаленную саламандру, отправляем ее в загазованную комнату – и вуаля!

Трейси схватил стоявший поблизости сифон и брызнул на саламандру содовой водой. Тварь зашипела и скрылась там, откуда пришла.

Вот и прекрасно. У Трейси по-прежнему остаются восемь подсказок – то есть восемь способов перехитрить и уничтожить фамильяра. Быть может, он обойдется меньшим числом – настолько малым, насколько это возможно, – и оставит кое-что про запас. Сберечь несколько страниц попросту необходимо, ведь в ином случае жизненный статус Трейси останется прежним. Улизнуть от опасности? Нет, этого мало. Надо… Кстати говоря, что ему надо?

Трейси взял лист бумаги, карандаш и сел выяснять, чего ему хочется. Счастье – расплывчатая штука, еще одна переменная, чье содержание всецело зависит от индивидуума. Власть? Женщины? Деньги? У Трейси было и то, и другое, и третье – в умеренном количестве. Безопасность?

Да, безопасность. Это константа. Оберег от зловещих теней, маячивших в будущем. Но нельзя желать безопасности в широком смысле слова, книга так не работает. Похоже, абстракции и обобщения ей неподвластны.

Что способно обеспечить безопасность? Первый ответ – деньги, но ответ неудовлетворительный. Трейси попробовал взглянуть на вопрос под новым углом. Кто находится в безопасности?

В общем и целом, *paisanos* – крестьяне – более довольны

жизнью, чем *potentates* – властители. Трейси, однако, не хотел становиться крестьянином. Возьмем, к примеру, Геррика, владельца газеты. Он в безопасности? Пожалуй, нет, пока нестабилен сам окружающий мир.

В итоге Трейси так ничего и не придумал. Наверное, правильнее будет намеренно оказаться в наихудшей ситуации и предоставить остальное книге. А если книга подведет его…

Такое вполне возможно. Но Трейси питал склонность к азартным играм. Какое же событие станет для него наихудшим?

Ответ очевиден: утрата книги!

В камине уже лежали дрова. Трейси поднес спичку к мятой газете, а потом смотрел, как огонь ползет вверх, на трескучие поленья. Если целенаправленно поставить себя в безвыходное положение, книга непременно явит логическую панацею: лекарство от всех проблем. Что ж, попытка не пытка.

Трейси усмехнулся собственной изобретательности и бросил книгу в огонь: овалом вверх. Как только ее лизнули жадные языки пламени, на белом фоне проступили две цифры: *43*.

Ответ на самый фундаментальный вопрос: как не лишиться книги!

Трейси сунул руку в камин, стараясь не обжечься о россыпь углей, и выхватил гримуар. Огонь слегка подпалил коричневую обложку, но страниц не тронул.

Хрипловато дыша, Трейси присел на корточки и раскрыл книгу на сорок третьей странице.

Там говорилось – с некоторым налетом простодушного злорадства:

Правильно.

Трейси выпрямился. Его лицо окаменело. Он схватил пустой хайбол и запустил им в стену, после чего подошел к окну и вперил невидящий взгляд в ночную тьму.

Осталось семь подсказок.

Спал Трейси удовлетворительно. Сновидения его не тревожили, а книга лежала под подушкой.

Утром он принял холодный душ, проглотил чашку черного кофе и приготовился к предстоящим испытаниям. Он не питал иллюзий относительно будущего и понимал, что фамильяр не отказался от своей затеи.

В редакцию Трейси приехал позже обычного. Новостной зал расчертили косые лучи пыльного солнечного света. Повсюду сновали посыльные с телеграммами. Офис редакции походил на съемочную площадку игрового фильма о газетном бизнесе. Переписчики новостей занимались писаниной, а за стеклянными панелями в глубине помещения виднелись силуэты взбешенных

редакторов, готовых отправить «звездных» репортеров на рискованные задания. Фотограф по имени Тим Хэттон мрачно курил в углу.

– Привет, Сэм. – Он подбросил на ладони игральные кости. – Сыграем?

Макгрегор – человек из Денвера, состарившийся за повседневными трудами – поднял лысую голову, бросил на Трейси хитрый взгляд и просипел:

– Тим Хэттон по киношкам избегался. Тим Хэттон обчитался Чарли Макартура и Бена Хекта. С младых ногтей я кропаю заметки для газет по всей стране и ни разу не встречал такого целеустремленного газетчика. Сам Бонфис[25] ему в подметки не годится. В скором времени наш Тим начнет рассказывать о своем похмелье и предложит тебе, Трейси, хлебнуть из красивой серебряной фляжечки, которую таскает в кармане штанов. Эх, молодежь… – Макгрегор сунул в рот лимонный леденец и вернулся к работе.

– Зануда, – порозовел Хэттон. – Ну почему он всегда меня подначивает?

– Ступай на улицу, сфотографируй мне убийцу, – сказал Макгрегор. – Протолкайся за полицейский – пардон, фараонский – кордон и войди в здание, где засел опаснейший преступник. Жаль, что его вообще изобрели, кинематограф этот. А то, видишь ли, приходят в редакцию всякие щенки, мелочь пузатая, и думают, что в отделе местных новостей сидит Эдди Робинсон.

Трейси просмотрел еще сырой оттиск «Джорнел» – найдено ли тело Гвинна? – и рассеянно изрек:

– Давно уж канул в прошлое тот день, Тим.

– Это, знаешь ли, твое личное мнение, – проворчал Хэттон и вгляделся в циферблат наручных часов. – Через тридцать минут у меня встреча с Барни Донном. Ну?

– Барни Донн, – машинально пояснил Макгрегор, – преемник Эрни Ротштейна, чикагский пивной барон, ходил под Капоне, отсидел за неуплату налогов в федеральный бюджет, крупнейший игрок Флориды, на прошлой неделе уехал из Хайалиа. Что он тут забыл?

– Вот и выясню. Это же новости, – обронил Хэттон. – То есть моя работа.

– Я с тобой, – опустил газету Трейси. – Когда-то я знался с этим Барни.

Он не сказал, что однажды шантажировал Донна и тот выплатил ему пару тысяч долларов. Не упомянул и о том, что его слегка тревожило появление Донна в Голливуде. Быть может, это происки фамильяра? У Барни долгая память. Не пора ли взять

быка за рога?

Макгрегор с хрустом раскусил леденец и язвительно произнес:

– Не забудьте про участь Ротштейна.

Хэттон вяло обругал его и взял фотоаппарат:

– Готов, Сэм?

– Ага.

Трейси бросил «Джорнел» на стол. В газете не было ни слова про Гвинна. Он подумал, не стоит ли заглянуть в папку с некрологами, но решил не рисковать. Вслед за Хэттоном он вышел из офиса и прошагал мимо секретарши. Фотограф водрузил на темя измятую шляпу. Из ноздрей у него лениво струился сигаретный дым.

Завидев редакционного кота, Трейси вздрогнул, но тут же понял, что перед ним не Мег. Однако вид этого создания заставил его призадуматься: интересно, каков будет следующий ход фамильяра?

Они с Трейси совершенно разные. У Мега мало времени, но он в совершенстве владеет магией. У Трейси же магии кот наплакал, зато время играет ему на руку. Фамильяр сказал, что исчезнет вместе с Гвинном. В смысле? Станет слабеть, истончаться, а потом и вовсе растворится в воздухе?

Ну а пока у Трейси есть книга.

Он все еще не знал, как найти ей наилучшее применение, но держал под рукой – на тот случай, если Барни Донн в услужении у фамильяра. У этого игрока репутация честного человека, но простым его не назовешь.

Администратор спросил, как их зовут, и разрешил подняться. Гостиница была огромная, одна из лучших в Лос-Анджелесе. Донн снял в ней люкс.

Он встретил гостей у двери: коренастный смуглец с перебитым носом и широкой зубастой улыбкой.

– Черт побери, Сэм Трейси собственной персоной! А этот щенок – он кто?

– Привет, Барни. Это Тим Хэттон. Мы оба из «Джорнел». И начинай следить за языком, хотя мы и так состряпаем заказную статью по твоему вкусу.

– Тогда входите, – усмехнулся Донн. – Подцепил эту манеру речи в Чикаго, а теперь не могу от нее отделаться. Прямо как Джекил и Хайд. Да входите же!

Трейси не испытал особого облегчения. Он пропустил Хэттона вперед, задержался и тронул Донна за рукав. Игрок широко раскрыл карие глаза:

– Что такое?

– Зачем ты приехал?

– Отдохнуть, – ответил Донн. – И поиграть. Об этом вашем Голливуде ходят самые занимательные слухи.

– Это все? Других причин нет?

– Ладно, я понял. Думаешь… – снова усмехнулся Донн. – Слушай, Трейси, однажды ты меня прижал, но то был первый и последний раз. Теперь я чист.

– Я тоже, – с некоторой неопределенностью в голосе сказал репортер. – Кстати говоря, извини, что пришлось взять с тебя деньги, но…

– Деньги? – пожал плечами Донн. – Их нетрудно заработать. Хочешь знать, затаил ли я на тебя зло? Нет, не затаил. Ясное дело, буду рад, если ты вернешь мне ту сумму – просто чтобы рассчитаться, – но… Какого черта! Я ведь не человека убил! Ни разу в жизни никого не убивал.

С этим утешительным заверением он проследовал в комнату, где за столом сидели двое крупных местных игроков. Хэттон с громадным удовольствием показывал им фокусы: ловко тасовал и подбрасывал карты, не обращая внимания на огонек сигареты, подбиравшийся к нижней губе.

– Видали? – спросил он.

– Может, сгоняем партейку? – спросил Донн у Трейси. – Сто лет мы с тобой не играли.

– Давай, – нерешительно ответил Трейси. – Партейку-другую. Но по маленькой.

Он знал, что Донн честный игрок. Иначе отказался бы.

На столе стояло спиртное. Донн наполнил и распределил стаканы.

– В самолете я чуток поиграл, но хочу убедиться, что в Калифорнии от меня не отвернулась удача. В Хайалиа была полоса везения… Ну что, в стад?

– Анте? – просиял Хэттон.

– Пятьсот.

– Ого!

– Ладно, для начала пусть будет сотня, – улыбнулся Донн. – Потянешь?

Хэттон кивнул и достал бумажник. Трейси сделал то же самое, бросил купюры на стол и взял соответствующее количество фишек. Остальные двое молча потягивали виски и ждали.

Первую партию сыграли в спокойной обстановке: Донн взял банк младшим стритом, ничего особенного. Вторую партию выиграл Хэттон, третью – с приличным количеством синих фишек – Трейси.

– Еще одну, и закругляюсь, – объявил он.

– Э! – возразил Хэттон.

– Если хочешь, продолжай, – сказал ему Трейси. – Игра честная, но у Барни чутье на карты.

– Как всегда, – шмыгнул носом Донн. – С самого детства. Посиди с нами, Сэм.

Трейси взял карту в надежде на флеш, но напрасно. Донн выиграл и сгреб фишки. Репортер встал:

– Хватит, Барни. Берем интервью и отчаливаем. Или отчаливаю я один, если Хэттон желает остаться.

– Посиди, – повторил Донн, глядя ему в глаза.

– Извини…

– Послушай, Сэм, – возразил Донн, – мне почему-то кажется, что ты мой должник. Давай поступим по-честному. Говорят, деньжата у тебя водятся. Ну что ты жмешься, черт тебя дери?

– Ты… э-э-э… настаиваешь? – натянуто спросил Трейси.

Донн с ухмылкой кивнул.

Трейси вернулся за стол, закусил губу и бросил хмурый взгляд на колоду.

– Думаешь, холодная? – осведомился Донн. – Если хочешь, перетасуй.

– Ты краплеными не играешь, – признал Трейси. – Черт с ним! Почему бы и нет? Дай-ка мне фишек. – И он опустошил бумажник, а пятью минутами позже спросил: – Чеки принимаются?

Через полчаса он уже ставил росчерки на долговых расписках.

Игра развивалась стремительно, безжалостно, опасно, была честной, но оттого не менее рискованной. Законы случая регулярно прогибались от ударов под дых. У некоторых людей есть талант к карточным играм, шестое чувство, основанное на превосходной памяти и тонком знании человеческой психологии. Донн был одним из таких везунчиков.

Маятник раскачивался, анте возрастало, Трейси постепенно отыгрывался. Они с Донном побеждали чаще других, и через полтора часа в игре остались трое: Трейси, Хэттон и, разумеется, Донн.

Однажды Трейси решил, что Донн блефует, ответил и ошибся. Тем временем ставки увеличивались. Наконец Трейси собрал неплохую руку и начал душить противников.

Донн поднял ставку. Хэттон сделал то же самое. Трейси оценил свои карты и вбросил в игру стопку синих.

Выписал еще один чек, взял фишек и вновь перешел в атаку. Хэттон сбросил карты. Донн опять поднял ставку.

Толкнув к центру стола последние фишки, Трейси понял, что

его банковский счет пуст, и в этот момент почувствовал бедром непривычное тепло.

Книга.

Еще один совет на обложке? Трейси не знал, горевать ему или радоваться. Он заглянул в глаза Донна – карие, сверкавшие от азарта – и понял, что тот намерен играть на повышение.

Ответить ему было нечем.

– Простите, – вскочил из-за стола Трейси, – я на минутку.

Прежде чем Донн успел возразить, репортер удалился в туалет, захлопнул дверь и выдернул из кармана книгу. На светящемся фоне чернело число 12.

Подсказка гласила: «Он блефует».

– Будь я проклят, – тихонько сказал Трейси.

– Это неизбежно, – прозвучал низкий голос. – Но такая проницательность встречается довольно редко. Согласен, Бельфегор?

– Ха! – просипели в ответ. – Сплошная говорильня, когда надо действовать. Мгновенно, безжалостно и кровопролитно.

Трейси огляделся, но не увидел ничего необычного. Нашарил за спиной ручку, открыл дверь и вышел в комнату, где сидели Донн и остальные.

Обвел ее взглядом и понял, что комната изменилась.

Строго говоря, это была уже совсем не комната, но оживший трехмерный сюрреалистический пейзаж. Над головой пустое серое небо, впереди плоская равнина до самого горизонта, столь близкого, что перспектива казалась искаженной; тут и там причудливые неодушевленные предметы непонятного назначения. Многие из них частично оплавились.

Лицом к Трейси восседали трое существ.

Первый – стройный мужчина с громадными ступнями и головой единорога. Второй – угрюмый нагой великан с деформированными рогами и львиным хвостом. Третий – тьфу, мерзость! Увенчанная короной голова, печальное лицо, сердитые глаза, луковичное туловище, двенадцать паучьих лап и еще две головы – жабья и кошачья, дополнявшие это богомерзкое триединство.

Трейси обернулся. Дверь, через которую он только что вышел, осталась на прежнем месте: просто дверь без дверной коробки, стоявшая сама по себе. Что еще хуже, Трейси лихорадочно подергал ручку и обнаружил, что дверь заперта.

– Мгновенно, безжалостно и кровопролитно, – повторил уже знакомый сиплый голос. Он принадлежал угрюмому великану с раскосыми глазами и львиным хвостом. – Поверь мне на слово.

– Грубость, извечная грубость… – прошелестел

антропоморфный единорог и обнял руками колени. – Ты, Бельфегор, пережиток каменного века.

– А ты, Амдусциас, форменный осел, – отозвался Бельфегор.

Что касается трехглавого паучьего кошмара, тот молча и не моргая рассматривал Трейси.

– Скажи, человече, – Амдусциас повернул голову так, чтобы рог не мешал обзору, – как дьяволу ответь, какие у тебя предпочтения?

Трейси квакнул что-то невнятное, не без труда обрел голос и уточнил:

– П-предпочтения? В смысле? Где… Как я сюда попал?

– У Смерти тысяча с чем-то дверей, и все они открываются в обе стороны, – ответил Амдусциас неточной цитатой из Джона Уэбстера.

– Но я не умер!

– Нет, не умер, – с заметной неохотой подтвердил демон. – Но непременно умрешь.

– От клыков, рогов и когтей, – поддакнул Бельфегор.

– В таком случае где я?

– В междумирье, – объяснил Амдусциас. – Баэль создал его специально для нашего рандеву. – Он взглянул на молчаливого троеглавца. – Нас прислал Мег. Ты знаком с ним, верно?

– Угу. Вернее сказать, не с ним, а с ней. – Трейси облизнул пересохшие губы. Вспомнил о книге, поднял ее дрожащей рукой и увидел на обложке прежнее число: 12.

– Сядь, – предложил Амдусциас. – Прежде чем умрешь, у нас есть время побеседовать.

– Говорильня! – прорычал Бельфегор, злобно дернув хвостом. – Дурак ты, Амдусциас!

– Не дурак, а философ, – торжественно качнул головой единорог. – Перестань глазеть на Баэля, человече. Допускаю, ты счел его уродом, но спешу заверить, что по меркам владык ада ты находишься в обществе первейших красавцев. Тебя смущает множественность Баэля? Это ты еще Асмодея не видел. Или Эвринома, прародителя всех бук и бабаек. Сядь, давай поговорим. Я много лет не беседовал с человеческим существом за пределами ада. А те, кто уже в преисподней, не способны поддерживать вразумительный разговор, – посетовал он. – В свое время я много общался с Вольтером, но с пятидесятых годов прошлого века он только и делает, что смеется. Свихнулся, совсем свихнулся, – подытожил демон.

Трейси не мог отвести глаз от обращенной к нему меланхолично-раздраженной физиономии Баэля. Жабья морда смотрела в небо, кошачья – в пустоту. Что ж, это хотя бы не Мег.

Уже что-то. Или нет? Трейси стиснул кулаки так, что ногти зарылись в подушечки ладоней.

– Что вам нужно?

– Тебя, полагаю, интересует настоящий момент, – повел плечами Амдусциас и сердито добавил: – Сидеть, Бельфегор! Будь на то твоя воля, через пару секунд сей человече был бы изорван в лохмотья. И что потом? Обратно в ад?

– Чем тебе ад не угодил? – осведомился Бельфегор и напружинил хвост, словно выполняя некий зловещий комплекс упражнений для позвоночника. – Грубоват для твоего утонченного вкуса? – Он выковырнул из-под когтя какой-то красноватый комок. – Вот именно. А мне, к примеру, не нравится это Баэлево междумирье. Черт-те что, а не пейзаж!

– Порождение тройственного сознания, – сказал Амдусциас. – Ну, человече, как предпочитаешь умереть?

– Никак не предпочитаю, – заупрямился Трейси.

– Хватит дурака валять, – проворчал Бельфегор. – Мег велел нам прикончить этого парня. Так давайте сделаем дело и отправимся домой.

– М-минуточку, – перебил его Трейси. – Быть может, уладим вопрос мирным путем? – Книга в руке придала ему безрассудной самоуверенности. – Мег всего лишь фамильяр. С какой стати он распоряжается вами, демонами? Разве у него есть такое право?

– Профессиональный этикет, – объяснил Амдусциас. – Теперь же поведай, как предпочтительнее лишить тебя жизни.

– Будь твоя воля, – с горечью буркнул Бельфегор, – ты заговорил бы его до смерти.

– Это интеллектуальное развлечение, – потер свой рог Амдусциас. – Не буду строить из себя очередную Шахерезаду, но человека запросто можно довести до безумия посредством… мм… разговора. Да, за этот способ я и проголосую.

– Именем Владыки, что же ты никак не уймешься?! – воскликнул Бельфегор. – Ну хорошо, я голосую за раздирание на части. Даже на атомы. – Его пухлые серые губы едва заметно дрогнули.

Амдусциас кивнул и взглянул на Баэля:

– Как бы ты предпочел умертвить его?

Вместо ответа Баэль целеустремленно пополз к Трейси, и тот отпрянул. Амдусциас разочарованно махнул рукой:

– Итак, между нами возникли разногласия. Не стоит ли утащить это существо в ад и отдать Астароту или Агалиарепту? Или попросту бросим его здесь? Из междумирья нет иного выхода, кроме как через сознание Баэля.

– Погодите, – хрипло сказал Трейси, обнаруживший, что в

горле у него пересохло. – У меня есть право на последние слова, верно?

– Это не имеет значения, но да. Итак?

– Я не желаю, чтобы меня съели.

– Съели?! Ну и ну! – Амдусциас взглянул на оголенные клыки Бельфегора и негромко усмехнулся. – С уверенностью заявляю, что мы не планируем тебя съесть. Демоны не способны принимать пищу. Метаболизм нам чужд – в отличие от катаболизма. Отчего же у людей столь ограниченный взгляд на вселенную? – закончил он риторически и пожал плечами.

– Отчего же сверхъестественные существа, черт их дери, так много разглагольствуют? – разозлился Трейси. – Хотите убить меня? Вперед, действуйте! Мне все это до смерти надоело.

– Нам не удалось выбрать способ умерщвления, – покачал головой Амдусциас, – поэтому, наверное, просто оставим тебя здесь, в междумирье. Через какое-то время ты умрешь от голода. Согласен, Бельфегор? Баэль?

Возражать было некому: Бельфегор и Баэль уже исчезли. Амдусциас встал и потянулся:

– Что ж, пора прощаться. Сбежать не пытайся. Дверь заперта намертво. Тебе ее не открыть. Ну бывай. – И он исчез.

Трейси постоял, всматриваясь в пространство, но больше ничего не случилось. Он опустил глаза на книгу. Надпись прежняя: «12».

«Он блефует». Кто? Амдусциас? Насчет чего?

Насчет двери?

Трейси опять подергал ее, но безрезультатно: ручка словно примерзла к месту. Он сунул книгу в карман и задумался. Что дальше?

В междумирье было очень тихо. Оплавленные предметы не шевелились. Трейси подошел к ближайшему неопределенному объекту, осмотрел его, но так и не понял, что скрывается под пузырчатой формой.

Горизонт.

Трейси подумалось, что он очутился в саду Зазеркалья, и, если достаточно долго шагать вперед, придешь на прежнее место. Он приставил ладонь ко лбу и обвел неземной ландшафт пытливым взглядом.

Ничего.

Он в опасности: в ином случае овал на обложке остался бы пуст. Трейси снова раскрыл книгу на двенадцатой странице. Кто-то по-прежнему блефует. По всей очевидности, Амдусциас. Но что это за блеф?

Почему, задумался Трейси, демоны оставили его в живых?

Тактика, характерная для психологической войны. Демоны (по крайней мере, Бельфегор и Баэль) хотели уничтожить его, это как пить дать. Но сдержались.

Может, они не в силах его убить? Поэтому избрали наилучший вариант из доступных: заключили Трейси в этом… этом междумирье. Что сказал Амдусциас при расставании? «Сбежать не пытайся. Дверь заперта намертво».

Это был блеф?

Дверь маячила вдали сюрреалистическим пятном. Трейси в спешке вернулся к ней, подергал снова – ручка не сдвинулась с места. Вооружившись перочинным ножом, Трейси попробовал выкрутить шурупы замка, но лишь сломал лезвие. Запорный механизм застыл в мертвой неподвижности.

Трейси лягнул дверь. Та была крепче стали, но книга, которая никогда не ошибается, по-прежнему ссылалась на двенадцатую страницу.

Должен быть какой-то выход. Трейси свирепо взглянул на дверь. Он вышел из туалета и оказался в этом нечеловеческом междумирье. Всего-то и надо, что снова открыть эту дверь, и Трейси шагнет прямиком в туалет гостиничного номера. Или…

– Ох, черт! – выругался репортер.

Он обошел дверь с другой стороны, без труда повернул ручку и шагнул в комнату, где вокруг стола сидели с картами в руках Барни Донн, Тим Хэттон и еще двое мужчин.

– Быстро ты, – кивнул Донн. – Ну, готов отвечать?

Трейси в спешке закрыл дверь туалета. Выходит, книга не подвела. По всей видимости, к любой проблеме можно подступить с двух разных сторон – и демоны не ожидали, что Трейси додумается до логичного (вернее сказать, алогичного) решения.

К тому же длительность его пребывания в междумирье не измерялась в единицах земного времени. Очевидно, его не было в комнате лишь минуту или около того. Фишки оставались в банке, а Донн прижимал карты к груди, радостно улыбался и подзуживал:

– Давай садись, продолжим!

Прежде чем сунуть книгу в карман, Трейси взглянул на нее и убедился, что двенадцатый номер по-прежнему в игре. Сделал глубокий вдох и опустился на стул напротив Донна. Теперь он, черт возьми, не спасует ни при каких условиях. Трейси не сомневался, что Барни Донн блефует – так же, как блефовал Амдусциас.

– Повышаю, – объявил он. – Но тебе придется взять чек.

– Не вопрос, – кивнул Донн и широко раскрыл глаза при виде

суммы. – Минутку, Трейси. Играем на наличные. Чеки принимаются – но только если у тебя хватит денег рассчитаться.

– Хватит, – соврал Трейси. – Я же говорил, Барни, монета у меня водится.

– Хм… Жаль будет, если не сумеешь заплатить.

– Да ну, к черту. – Трейси взял еще синих фишек, и Хэттон округлил глаза: на кону стояли большие деньги.

Донн поднял ставку.

Трейси сделал то же самое.

– Не против, если я напишу расписку? – спросил Донн.

– Вовсе нет.

Ставки росли с такой скоростью, что у Хэттона закружилась голова. В конце концов Трейси уравнял ставку и Донн открыл карты. Репортер предъявил фулл-хаус: три дамы и два короля. У Донна был флеш-рояль. Почти. Не хватало одной карты.

Он блефовал.

– Стад к тебе благосклонен, Барни, – сказал Трейси, – но, как вижу, в пятикарточном покере мне везет больше других.

– Люблю пощекотать нервы, – усмехнулся Донн. – Кто-нибудь, дайте мне ручку. – Он выписал чек. – Деньги даются мне без труда. Но, как вижу, без расхода нет прихода. Держи, Сэм.

– Благодарю. – Трейси забрал чек и свои расписки, пожал Донну руку и вывел ошеломленного Хэттона из комнаты. В вестибюле фотограф опомнился:

– Э! Я забыл его пощелкать!

– В следующий раз, – сказал Трейси. – Надо успеть в банк, пока открыто.

– Ну да, понимаю. Сколько ты выиграл?

– Недостаточно, – хмуро ответил Трейси.

В чеке была указана пятизначная сумма, но какого черта! Когда в твоем распоряжении волшебная книга, пятизначные суммы – это смех, а не деньги. Трейси метил слишком низко и запорол свой шанс. А подсказок осталось только шесть.

Даже пять, если книга расценила последние события как два обособленных критических момента. Как тут не выругаться?! Паршиво будет растратить все советы, пока фамильяр еще жив. Надо от него избавиться, но как?

Как заманить врага в такую ситуацию, чтобы книга подсказала способ уничтожить его? Ведь заколдованный том специализируется лишь на защите владельца!

Эрго, ситуация должна быть такой, чтобы жизнь Трейси всецело зависела от уничтожения фамильяра. Вот и все, что нужно.

– Только и всего, – хмыкнул Трейси, размашисто шагая к

банку. На полпути он передумал и взял такси. – Прости, Хэттон. Планы изменились. До встречи.

– Ага. – Оставшись на тротуаре, фотограф проводил машину взглядом. – Вот это человек! Может, ему плевать на деньги? Не знаю. Но хотелось бы прибрать к розовым лапкам хотя бы кроху его богатства!

Трейси заглянул к своему брокеру, где стал задавать каверзные вопросы и поглядывать на тикер. Ставка предстояла крупная, и он собирался пойти на риск, недопустимый в азартной игре. После недолгого спора с брокером Трейси вложил весь свой капитал в акции «Эй-джи-эм консолидейтед».

– «Эй-джи-эм»? Мистер Трейси! Четыре пункта за время нашего разговора! Они ушли в крутое пике!

– Говорю же, покупайте. Все, что сможете. На марже.

– На марже? Мистер Трейси! Вы что, раздобыли инсайдерскую информацию?

– Повторяю, покупайте.

– Но… Взгляните на тикер!

– Вперед, покупайте.

– Что ж, как вам угодно. Но вы роете себе могилу.

– Вот именно, – кивнул Трейси, демонстрируя все признаки удовлетворения. – Могилу рою. Похоже, мне грозит полное банкротство через день-другой.

– Утром попрошу сделать еще один взнос.

Трейси ответил молчанием. Он смотрел, как акции «Эй-джи-эм» неуклонно идут вниз. Насколько он понимал, эти бумаги были самыми бесполезными на свете. Их стоимость рухнула через пару дней после выхода компании на рынок. Другими словами, Трейси уселся на тобоган и тот стремительно помчал его на паперть.

Он вынул из кармана книгу. В овале появилось новое число. То есть Трейси сумел спровоцировать очередной кризис. Великолепно!

На странице 2 говорилось: «У тебя под ногами нефтяное богатство».

Распахнув глаза, Трейси уставился на ворсистый бордовый ковер. Нефть? Здесь? Пятью этажами ниже, в подстилающих породах Лос-Анджелеса?

Невозможно. В Кеттлман-Хиллзе, в Сан-Педро – да, вполне, но не в сердце лос-анджелесского Даунтауна. В этой земле не бывает нефти. А даже если бывает – по какой-то фантастической случайности, – Трейси не сумеет извлечь из подсказки ни малейшей пользы. Он не сможет купить этот участок и пробурить скважину.

Но книга настаивала: «У тебя под ногами нефтяное богатство».

Трейси нерешительно встал, кивнул брокеру и направился к лифту. Небольшой взятки хватило, чтобы лифтер устроил ему совершенно бессмысленное путешествие в подвал. В ответ на осторожные расспросы сторож сообщил, что под зданием пролегает линия метро Хилл-стрит.

Трейси вышел, постоял в вестибюле и пожевал губу, ясно понимая, что его деньги стремительно растворяются в бессмысленных акциях «Эй-джи-эм консолидейтед». Книга не умеет ошибаться. Она решает все человеческие проблемы.

Взгляд его упал на перечень офисов. Брокер снимал кабинет 501.

«Под ногами». Ой-ой! Пожалуй, ответ книги следует трактовать буквально. Что же находится в кабинете 401? Компания, торгующая расходными фотоматериалами. Верный ответ скрывался за числом «301»: нефтедобывающая компания «Панаргиль, ЛТД».

На всякий случай Трейси проверил офисы 201 и 101, но первая догадка оказалась верной. Лифта он ждать не стал. Взбежал по лестнице и, отдуваясь, ворвался в кабинет брокера.

– Мистер Трейси, – вскочил тот ему навстречу, – я продолжаю покупать, но это чистое безумие! Лучше продавайте, пока не поздно!

– Продам, но сперва ответьте: компания «Панаргиль» присутствует на торгах?

– Ну да. Три доллара за акцию, но их никто не берет. «Панаргиль» ничем не лучше «Эй-джи-эм». Бросовые бумажки, огромный риск…

– Ничего страшного, – отрезал Трейси. – Продавайте «Эй-джи-эм» и скупайте «Панаргиль» – на марже.

Брокер всплеснул руками и потянулся к телефону. Трейси проверил книгу. Овал был пуст.

То есть осталось четыре подсказки. В лучшем случае пять. Отныне Трейси будет крайне осторожен. Допустим, у него четыре шанса перехитрить фамильяра и избавиться от него раз и навсегда. А потом – если нефтяная сделка принесет ожидаемые барыши – можно будет расслабиться и отдохнуть.

Он отправился в бар и поднял безмолвный тост в свою честь. Следующий – в честь книги. Полезная вещица! Будь такая у Наполеона, он избежал бы поражения при Ватерлоо – если бы верно распорядился подсказками. Одно можно утверждать наверняка: в этой игре надо делать самые крупные ставки.

Трейси усмехнулся. Следующий этап – фамильяр. И незачем

тревожиться о безопасности. С достаточным богатством Трейси оградит себя от всяких бед – насколько это вообще возможно. Силы гримуара ограниченны: по всей очевидности, он не способен сделать человека богом, а полностью счастливы одни лишь боги, да и то не факт.

Но Трейси удовольствуется богатством. Быть может, отправится в Южную Америку, в Рио или Буэнос-Айрес. Выбор направлений для путешествия теперь ограничен – по вполне понятным причинам. Но в Южной Америке Трейси заживет в свое удовольствие, и у него не будет проблем с законом, даже если кто-то разворошит его неприглядное прошлое. Когда у человека достаточно денег, экстрадиция проблематична.

Перед глазами мелькнула тень. Трейси вовремя обернулся, успел заметить, как за дверью исчезает кошачий хвост, перевел дух и улыбнулся: нервы…

Но книга начала жечь карман, а книга не ошибается.

Трейси не спеша извлек ее на свет.

Страница 44.

Отрава?

Трейси задумчиво взглянул на стоявший перед ним виски сауэр и жестом велел бармену подойти.

– Да, сэр?

– Видели здесь кошку? Буквально минуту назад?

– Кошку? Нет, сэр, кошек я не видел.

– А я видел, – повернулся к Трейси сидевший по соседству невысокий мужчина. – Подошла, вспрыгнула на стойку, понюхала ваш стакан, но к напитку не притронулась. Наверное, кошкам не нравится виски, – хихикнул он.

– Что это была за кошка? – спросил Трейси.

– Обычная, – непонимающе взглянул на него сосед. – Здоровенная. Лапы белые, по-моему. А что?

– Ничего. – Трейси наклонился к стакану. Принюхался. Да, действительно: горькоминдальный запах. Его ни с чем не спутаешь. Синильная кислота, традиционное оружие отравителя.

С довольно бледным лицом Трейси покинул бар. Три подсказки. Не исключено, что он обсчитался – но поначалу ему казалось, что десяти более чем достаточно.

Фамильяра не было видно.

Трейси не потрудился вернуться в «Джорнел», хотя позвонил в редакцию, навел справки о компании «Панаргиль» и вовсе не удивился, когда узнал, что где-то в Техасе вдруг началась новая разработка. Не просто большая, а огромная. Трейси едва-едва успел вскочить в последний вагон.

Он позвонил брокеру. Новости оказались в высшей степени

удовлетворительными. У покупки на марже имеются свои преимущества: в результате Трейси стал богачом.

– Месторождение может иссякнуть, – предупредил брокер. – Что скажете? Продолжать?

– Не иссякнет, – уверенно заявил Трейси. – Покупайте все, что продают.

– Свободных акций не осталось. Но вы почти собрали контрольный пакет.

– Отлично. – Трейси повесил трубку и все обдумал. Пора действовать, и чем быстрее, тем лучше.

Три подсказки.

Он развлекся покупкой машины (знакомый продал ее из-за нужды в деньгах), и теперь катил в большом седане по бульвару Уилшир, щурясь в лучах заходящего солнца. Трейси намеревался разыскать фамильяра и поставить себя в наиопаснейшее положение – такое, чтобы спасти его могло лишь уничтожение Мега.

Вдруг он понял, как это сделать.

Потребуются две подсказки, а последняя останется на всякий пожарный случай. И Трейси избавится от фамильяра раз и навсегда.

Он свернул на Ла-Бреа и направился к Лорел-Каньону. Необходимо было связаться с фамильяром. В нынешних обстоятельствах имел значение фактор времени. Страницы книги незаменимы, и их надо приберечь для финального испытания.

Трейси язвительно усмехнулся. У него было десять подсказок. В результате он разбогател – только и всего. В какой-то мере его утешил афоризм о волосах на снятой голове. Он свернул на Сансет, а оттуда на Лорел-Каньон-роуд.

Вел машину осторожно, соблюдая правила. Надеялся, что тело Гвинна еще не нашли и что в доме чародея получится установить контакт с фамильяром. Шанс сомнительный, но другие варианты не шли в голову.

Ему сопутствовала удача. Дом высился черной безмолвной громадиной. Из металлического почтового ящика на обочине торчали конверты. Поднявшийся ветерок подхватил одно письмо и унес куда-то в сумерки.

Трейси инстинктивно поискал глазами кошачий силуэт, но того в поле зрения не обнаружилось. Он припарковал седан за домом на площадке, защищенной подростом и карликовыми деревьями, после чего вернулся и поднялся на крыльцо. Сердце стучало быстрее обычного.

Дверь была закрыта, но не заперта. Трейси толкнул ее и вошел.

Комната слегка изменилась. На полу начертили пентаграмму, а от нескольких масляных светильников остались только осколки. В нос ударил запах впитавшегося в ковер масла. За столом неподвижно сидел мертвый Гвинн.

– Мег! – тихонько позвал Трейси.

Фамильяр вышел из теней и сверкнул зелеными глазами:

– Да?

– Я… хочу поговорить.

– Давай, разговаривай. – Фамильяр уселся и вильнул хвостом. – Но ты, знаешь ли, использовал уже семь подсказок.

– Выходит, Барни Донн и демоны считались отдельно?

– Да. У тебя осталось три страницы.

– Ты готов рискнуть в азартной игре? – Трейси замер в сумеречной комнате, с некоторым ужасом осознавая, что рядом находится труп Гвинна.

– Возможно. На что будем играть?

– На мою жизнь. Если выиграю, ты перестанешь меня преследовать. Если проиграю, уничтожу книгу.

– За дурака меня держишь? – снова вильнул хвостом фамильяр. – Если проиграешь и над твоей жизнью нависнет угроза, тебе поможет книга.

– Значит, я не стану ею пользоваться, – дрогнувшим голосом ответил Трейси. – Вот мое предложение. Будем угадывать масть карты. Два варианта из четырех. Если проиграю, я… уничтожу книгу. Но с одной оговоркой.

– Какой?

– Ты дашь мне двенадцать часов, чтобы уладить дела. Если проиграю, через двенадцать часов вернусь домой, брошу книгу в огонь и буду ждать тебя.

– И не станешь пользоваться книгой, чтобы выиграть? – По взгляду фамильяра невозможно было понять, что у него на уме.

– Не стану.

– Согласен, – сказал Мег. – Карты вон там. – Белой лапой он указал на полку.

Трейси умело перетасовал колоду, разложил карты на ковре и взглянул на Мега:

– Кто первый? Ты или я?

– Тяни, – мурлыкнул фамильяр.

Трейси подчинился, но не стал переворачивать карту. Вместо этого положил ее рубашкой вверх на промасленный ковер.

– Выбираю…

В кармане стало тепло, и Трейси машинально вынул книгу. В светящемся белом овале проступили две черные цифры: *33*.

– Не открывай, – предупредил Мег, – или сделка отменяется.

Вместо ответа Трейси отложил закрытую книгу в сторону и робко прошептал:

– Черви и пики.

– Посмотрим… – Мег ловко перевернул карту. Это был трефовый валет.

Овал на обложке книги очистился. Число исчезло. Фамильяр лениво облизнулся розовым язычком:

– Значит, двенадцать часов, Трейси. Буду ждать со всем терпением, на которое способен.

– Так-так… – Трейси опустил глаза на книгу и тихо повторил: – Двенадцать часов. Затем я ее уничтожу… и ты, наверное, убьешь меня.

– Да, – подтвердил фамильяр.

В белом овале появилась новая цифра: *9*.

– Пойду, пожалуй. – Трейси взял книгу и рассеянно пролистал страницы.

На девятой говорилось: «Разведи огонь».

Трейси взял сигарету. Закурил. Бросил пылающую спичку на промасленный ковер. Огонь полыхнул алыми отблесками в зеленых глазах фамильяра. Мег зашипел и отпрянул. Кошачья сторона взяла верх: хвост трубой, спина дугой. Фыркая и порыкивая, фамильяр прыгнул к столу, а Трейси отскочил к двери. Пожар распространялся. Репортер сунул книгу в карман, а сигарету отшвырнул в темный угол. Из красной искры мгновенно разгорелось пламя.

– Как тебе такое, Мег? – прошептал Трейси за нарастающим ревом огня. – Должно быть, не по вкусу. Ведь это единственный способ спасти мою жизнь – и я более чем уверен, что он означает твою погибель.

Фамильяр вскочил Гвинну на плечо, свирепо вытаращился на Трейси, и шипение обратилось в слова:

– Не погибель, нет, но ты победил! Мой срок на Земле подойдет к концу, когда будет уничтожено тело чародея. Такого я не переживу.

– Помню. Однажды мы говорили на эту тему, но я не вполне понял тебя. Извини, Мег!

– Мои силы на исходе. В ином случае ты умер бы на месте. Да, ты победил. До встречи в аду.

– Это еще не скоро, – усмехнулся Трейси и открыл дверь.

Языки пламени метнулись навстречу сквозняку, и репортер в спешке попятился.

– У меня осталась последняя подсказка, и какое-то время я продержусь – тем более без твоих козней и с несметным богатством. Это вопрос логики, Мег. Любое человеческое

действие можно свести к базовому уравнению, – он снова попятился, – и единственный фокус в том, чтобы научиться читать эту книгу. Будь она у Наполеона, он покорил бы весь мир.

Огонь подполз к фамильяру, но тот словно врос в плечо Гвинна.

– Была, была у Наполеона эта книга! – прошипел он, оскалившись, и тут пламя выгнало Трейси из дома.

Посмеиваясь, он сбежал по ступенькам и метнулся туда, где оставил машину. Он победил: обманул и фамильяра, и книгу, поставив себя в положение, где жизнь ему спасет только гибель Мега. И у него осталась еще одна подсказка.

Хрустнуло стекло. Из окна вырвался огонь. Мгновенно занялся сухой подрост. Трейси замер в десяти футах от машины и сдал назад, мгновенно поняв, что этот путь к отступлению отрезан.

Не важно. Трейси неуязвим до тех пор, пока у него книга. Пока у него остается одна подсказка. Он развернулся, бросился к дороге, и холодный ветер захлестал по вспотевшим щекам.

Если пробежать с милю до Лорел-Каньона, какой-нибудь водитель подберет его. Трейси в хорошей физической форме, и бежать надо вниз по склону, так что он успеет – несмотря на поднявшийся ветер. В худшем случае его спасет книга.

И Трейси помчался вниз, но через десять минут остановился, заметив, что на пути у него бушует пламя.

На первой же развилке он свернул к другому оврагу. Солнце уже село, но холмы превратились в башни, озаренные алыми всполохами. Издали донесся вой сирены.

Трейси побежал дальше. Однажды взглянул на книгу, но обложка оставалась пуста – значит серьезная опасность ему не грозит. Пока.

Вдруг Трейси похолодел от панической мысли: что, если он каким-то образом использовал все десять подсказок? Нет, невозможно. Он пересчитал страницы самым внимательным образом. В критический момент книга придет на помощь.

Пожар в подлеске разбушевался не на шутку. Огонь гнал Трейси вниз по склону. Наконец репортер остановился, увидев впереди еще одну огненную стену. Он, по всей очевидности, оказался в ловушке. Без шляпы (ее где-то потерял), тяжело дыша, он снова выхватил из кармана книгу и тихо застонал от облегчения. Ошибки быть не могло: в руке у него последний, десятый шанс. Решение проблемы. Страница 50.

Трейси раскрыл книгу. Ему не составило труда прочесть подсказку в кроваво-красном свете пожара; вернее, прочесть ее было до ужаса легко, ибо она оказалась предельно ясной и

нечеловечески жестокой. Тут-то Трейси и понял, что у Наполеона действительно была эта книга. Понял, что увидел в ней перед смертью Гвинн. И еще Трейси понял, каким образом неведомый автор исхитрился свести человеческие проблемы к полусотне шаблонов. Сорок девять подсказок закрывали соответствующее число ситуаций и предлагали логичное решение, а пятидесятая, не менее логичная, относилась ко всему остальному.

На рдевшей в огнях странице значилось:

Конец.

Твонки

Текучка на радиозаводе «Мидистерн» была такой, что Микки Ллойд не мог запомнить всех своих работников. Им не просто не сиделось на месте; они один за другим уходили в поисках зарплаты повыше. Поэтому, когда из подсобки, пошатываясь, вышел большеголовый человечек, Ллойд лишь мельком глянул на его комбинезон, предоставленный компанией, и спокойно сказал:

– Гудок дали полчаса назад. Живо за работу.

– Раб-б-боту? – еле выговорил человечек.

Напился? Ллойд как мастер не мог этого допустить. Он отбросил окурок, подошел и принюхался. Нет, дело не в алкоголе. Он посмотрел на бейдж на комбинезоне человечка.

– Двести четвертый, мм. Ты новенький?

– Новенький, а что?

Человечек потер наливающуюся шишку на лбу. Он довольно странно выглядел: лысый, как радиолампа, с узким бледным лицом и глазками-бусинками, полными заторможенного изумления.

– Ну-ка, Джо, проснись! – нетерпеливо произнес Ллойд. – Ты же здесь работаешь?

– Джо, – задумчиво повторил человечек. – Работаю. Да, я работаю. Я их делаю.

Его слова странно натыкались друг на друга, как будто у него была расщелина нёба.

Еще раз глянув на бейдж, Ллойд схватил Джо за руку и потащил через сборочный цех.

– Твое место здесь. Приступай. Знаешь, что делать?

Его собеседник расправил цыплячьи плечи.

– Я… профессионал, – сообщил он. – Делаю их лучше, чем Понтванк.

– Прекрасно, – сказал Ллойд. – Ну так делай их.

Он отошел.

Человечек по имени Джо медлил, потирая синяк на лбу. Потом с интересом осмотрел комбинезон. Где он взял эту вещь? Ах да. Такие же комбинезоны висят в помещении, откуда он вышел. Его собственная одежда, разумеется, исчезла во время путешествия… Какого путешествия?

«Амнезия, – подумал он. – Я упал… с чего-то… когда оно замедлило ход и остановилось. Как странно выглядит этот огромный ангар, заполненный машинами. Не вызывает никаких воспоминаний».

Амнезия, определенно. Он был рабочим. Делал вещи. А то,

что все вокруг незнакомо, ничего не значит. Он все еще не в себе. Вскоре туман в голове развеется. Уже начал развеиваться.

Работа. Джо пробежался по залу, пытаясь заполнить пробелы в памяти. Мужчины в комбинезонах делают вещи. Простые, очевидные вещи. Но какие же детские… какие примитивные! Возможно, это детский сад.

Через некоторое время Джо зашел на склад и осмотрел несколько готовых моделей радиол. Печальное зрелище. Некрасивые, грубые механизмы, но не ему об этом судить. Нет. Его задача – делать Твонки.

Твонки? Пришедшее на ум название подстегнуло память. Разумеется, он умел делать Твонки. Он этим занимался всю жизнь… специально учился. Теперь в ходу другая модель Твонки, но какая, к черту, разница! Пара пустяков для опытного рабочего.

Джо вернулся в цех и нашел пустой верстак. Он начал делать Твонки. Время от времени выскальзывал за дверь и воровал нужные материалы. Один раз, когда не удалось раздобыть вольфрам, он быстренько соорудил небольшое устройство и получил его.

Его верстак стоял в дальнем, плохо освещенном углу, хотя глазам Джо света вполне хватало. Никто не замечал корпус прибора, который быстро рос на верстаке. Джо работал очень-очень быстро. Он пропустил мимо ушей полуденный гудок, и к окончанию рабочего дня завершил свое творение. Возможно, не помешал бы еще один слой краски – изделию не хватало Блескозури стандартного Твонки. Но ни один прибор здесь не был выкрашен Блескозурью. Джо вздохнул, залез под верстак, тщетно поискал релаксопад и уснул на полу.

Через несколько часов он проснулся. На фабрике было пусто. Странно! Возможно, рабочие часы изменились. Возможно… Джо стало не по себе. Сон справился с амнезией, если таковая имела место, но Джо по-прежнему был не в своей тарелке.

Что-то бормоча, он отправил Твонки на склад и сравнил с другими. Внешне изделие было неотличимо от напольной радиолы последней модели. Следуя чужому образцу, Джо замаскировал различные органы и узлы.

Он вернулся в цех. В этот миг остатки тумана в его голове развеялись. Плечи Джо конвульсивно содрогнулись.

– О Снелл! – ахнул он. – Так вот оно что! Я напоролся на темпоральный сук!

Испуганно оглянувшись, он бросился в подсобку, из которой недавно вышел. Снял комбинезон и повесил на место. Затем направился в угол, пошарил руками в воздухе, удовлетворенно кивнул и уселся на нечто невидимое в трех футах над полом.

Миг спустя он исчез.

– Время искривлено, – сказал Керри Вестерфилд. – Рано или поздно оно возвращается туда, откуда началось. Это удвоение.

Он поставил ноги на кирпич, удобно выступающий из дымового стояка, и с наслаждением потянулся. На кухне Марта звенела бутылками и стаканами.

– Вчера в это время я пил мартини, – сообщил Керри. – Временна́я кривая указывает, что пора выпить еще один. Ты меня слушаешь, ангел мой?

– Уже наливаю, – отозвался ангел издалека.

– Следовательно, ты понимаешь, о чем я. Вот еще один пример. Время идет по спирали, а не по кругу. Если обозначить первый виток буквой *a*, а второй *a плюс i*… видишь? Это означает двойной мартини сегодня вечером.

– Я знаю, к чему ты клонишь, – сказала Марта, входя в просторную гостиную с дубовыми стропилами.

Она была невысокой, темноволосой, с весьма привлекательным лицом и фигурой под стать. Ее маленький фартук из клетчатой хлопчатобумажной ткани резко контрастировал с широкими брюками и шелковой блузкой.

– И вечный джин пока что не изобрели. Я принесла мартини.

Она ловко управлялась с шейкером и бокалами.

– Смешивай медленно, – предупредил Керри. – Ни в коем случае не взбалтывай. Ага, готово.

Он принял бокал и внимательно его изучил. Черные волосы с проблесками седины мерцали в электрическом свете, пока он потягивал мартини.

– Хорошо. Очень хорошо.

Марта медленно пила и разглядывала мужа. Мужчина, приятный во всех отношениях. Ему сорок с небольшим, он в хорошем смысле слова некрасив, с широким ртом и сардоническим огоньком, который порой мелькает в серых глазах, когда он размышляет о жизни. Они были женаты двенадцать лет и довольны своей участью.

Снаружи пробивались последние отблески заката, обрисовывая очертания напольной радиолы, которая стояла у стены рядом с дверью. Керри с удовольствием взглянул на нее.

– Дорогая игрушка, – заметил он. – И все же…

– Что? Рабочие еле затащили ее по лестнице. Не хочешь включить?

– А ты?

– Старая была довольно сложной, – сказала Марта. – Эти хитрые устройства… Они ставят меня в тупик. В детстве у нас

был граммофон. Заводишь его ручкой, и из трубы льются разные звуки. Это я могу понять. Но теперь… Нажимаешь кнопку, и происходит нечто невероятное. Электронные индикаторы, выбор тона, диски, которые можно проигрывать с обеих сторон под аккомпанемент странных стонов и щелчков внутри радиолы… Возможно, ты понимаешь, как она устроена. Я даже не хочу в это лезть. Каждый раз, когда я ставлю пластинку Кросби, Бинг[26] словно приходит в замешательство.

Керри съел оливку из коктейля.

– Я хочу послушать Сибелиуса. – Он кивнул на стол: – Там лежит новый диск Кросби для тебя. Последний.

Марта радостно заерзала в кресле:

– Можно, я его поставлю?

– Ну…

– Но ты должен показать мне, как это делать.

– Все просто, – ответил Керри, с любовью глядя на радиолу. – Эти малышки чертовски хороши, знаешь ли. Умеют все, разве что не думают.

– Вот бы она мыла посуду, – заметила Марта.

Она поставила стакан, встала и исчезла в кухне.

Керри включил лампу, стоявшую рядом, и подошел к новой радиоле, чтобы как следует ее изучить. Последняя модель «Мидистерн» со всеми современными функциями. Дорогая… ну да что с того? Он может себе это позволить. К тому же старую удалось удачно сбыть с рук.

Он заметил, что радиола не включена в сеть. Никаких проводов вообще не видно, даже заземления. Наверное, что-то новое. Встроенные антенна и заземление. Керри присел на корточки, нашел розетку и воткнул в нее шнур.

Проделав это, он открыл дверцы и с самым довольным видом принялся разглядывать ручки настроек. Из устройства вылетел голубоватый луч и попал ему прямо в глаза. В глубине радиолы что-то тихо задумчиво щелкало. И вдруг прекратило. Керри моргнул, покрутил ручки, подергал переключатели и прикусил ноготь.

Динамик произнес далеким голосом:

– Психологический портрет снят и записан.

– А?

Керри покрутил ручку.

– Интересно, что это было? Любительская станция? Нет, это не эфир. Гм…

Он пожал плечами и подошел к креслу рядом с полками пластинок. Пробежался взглядом по названиям и именам

композиторов. Где же «Туонельский лебедь»? Вот он, рядом с «Финляндией». Керри достал альбом и раскрыл его на коленях. Свободной рукой выудил сигарету из кармана, сунул в рот и нашарил рядом на столике спички. Первая спичка, которую он зажег, сразу потухла.

Он швырнул ее в камин и уже хотел взять новую, когда его внимание привлек тихий шум. Радиола шла к нему через комнату. Откуда-то вынырнуло хлыстообразное щупальце, схватило спичку, чиркнуло ею о нижнюю сторону столешницы, как делал Керри, и поднесло огонек к его сигарете.

Автоматический рефлекс взял верх. Керри втянул дым и зашелся в приступе кашля, на мгновение ослепнув.

Когда он вновь прозрел, радиола стояла на своем обычном месте.

Керри закусил нижнюю губу.

– Марта? – окликнул он.

– Суп почти готов, – сообщила жена.

Керри ничего не ответил. Он встал и с опаской подошел к радиоле. Шнур был выдернут из розетки. Керри осторожно вставил вилку в сеть.

Он присел, чтобы осмотреть ножки радиолы. С виду – полированное дерево. Он пощупал, но не заметил ничего необычного. Дерево, твердое и холодное.

Как, во имя всего святого…

– Ужин! – возвестила Марта.

Керри бросил сигарету в камин и медленно вышел из комнаты. Жена с супницей в руках уставилась на него:

– Сколько мартини ты выпил?

– Всего один, – рассеянно произнес Керри. – Наверное, я задремал на минуту. Да, точно, задремал.

– Ладно, ешь давай, – скомандовала Марта. – Это твой последний шанс налопаться моих клецок по крайней мере на неделю.

Керри отрешенно нащупал в кармане конверт и вручил жене.

– Это твой билет, ангел мой. Смотри не потеряй.

– Ого! Я заслуживаю купе!

Марта вернула картонный прямоугольник в конверт и радостно замурлыкала:

– Ты просто прелесть. Ты же справишься без меня?

– А? Гм… Наверное. – Керри посолил авокадо. Он встряхнулся и как будто сбросил оцепенение. – Конечно. Со мной все будет хорошо. Поезжай в Денвер и помоги Кэрол в родах. Семья – это главное.

– О да-а, моя единственная сестра… – усмехнулась Марта. –

Ты же знаешь их с Биллом, оба те еще рохли. Им сейчас нужна твердая рука.

Ответа не было. Керри размышлял над вилкой с авокадо. Он пробормотал что-то о Бе́де Достопочтенном.

– А он тут при чем?

– Завтра лекция. По какой-то непонятной причине мы каждый семестр застреваем на Беде. Ну да ладно.

– Лекция готова?

Керри кивнул:

– Конечно.

Он восемь лет преподает в университете и, уж конечно, выучил свое расписание!

Позже за кофе и сигаретами Марта посмотрела на наручные часы.

– Поезд уже скоро. Мне бы заканчивать со сборами. Посуда…

– Я помою.

Керри побрел за женой в спальню и сделал вид, что помогает ей готовиться к отъезду. Через некоторое время он отнес сумки в машину. Марта присоединилась к нему, и они отправились на станцию.

Поезд прибыл вовремя. Через полчаса после его отбытия Керри завел машину в гараж, вошел в дом и от души зевнул. Он устал. Итак, посуда, затем пиво и книга перед сном.

Бросив озадаченный взгляд на радиолу, он вошел в кухню и начал возиться с водой и мыльной стружкой. Зазвонил телефон в коридоре. Керри вытер руки посудным полотенцем и снял трубку.

Это был Майк Фицджеральд, он преподавал в университете психологию.

– Привет, Фиц.

– Привет. Марта уехала?

– Да. Я только что отвез ее на поезд.

– Тогда, может, поболтаем чуток? У меня есть отличный скотч. Забегай, поговорим о том о сем.

– Было бы здорово, – Керри снова зевнул, – но я совершенно без сил. Завтра важный день. Давай в другой раз?

– Конечно. Просто я как раз закончил корректуру статей, хочу немного разгрузить голову. Что это у тебя?

– Ничего. Погоди минуту.

Керри положил трубку на стол и, хмурясь, обернулся. Шум исходил из кухни. Какого черта!

Он прошел по коридору и застыл в дверном проеме. Радиола мыла посуду.

Через некоторое время он вернулся к телефону.

– Что-то случилось? – спросил Фицджеральд.

– Моя новая радиола, – осторожно произнес Керри. – Она моет посуду.

Фиц ответил не сразу. Он нерешительно засмеялся:

– Правда?

– Я перезвоню, – сказал Керри и повесил трубку.

Он постоял неподвижно, кусая губу. Затем вернулся на кухню и замер, наблюдая.

Радиола стояла тыльной стороной к нему. Несколько гибких щупалец умело управлялись с посудой, окунали тарелки в горячую мыльную воду, терли маленькой губкой, споласкивали и аккуратно выставляли на металлическую сушилку. Кроме хлыстообразных щупалец, ничего необычного видно не было. Ножки стояли на полу неколебимо.

– Эй! – окликнул Керри.

Ответа не последовало.

Он бочком подошел, чтобы осмотреть радиолу. Щупальца выходили из щели под одной из ручек. Вилка болталась в воздухе. Значит, тока нет. Но что…

Керри отступил и нашарил сигарету. Радиола немедленно обернулась, взяла спичку из контейнера на плите и направилась к нему. Керри заморгал, разглядывая ножки. Они точно не деревянные. При движении радиолы сгибаются, эластичные, как резина. И походка крадущаяся, не похожая ни на что на свете.

Радиола поднесла огонек к сигарете Керри и вернулась к мытью посуды.

Керри снова позвонил Фицджеральду.

– Я не шутил. У меня галлюцинации или что-то в этом роде. Чертова радиола только что дала мне прикурить.

– Погоди-ка, – нерешительно произнес Фицджеральд. – Это какой-то розыгрыш, да?

– Нет. И мне не кажется, что у меня галлюцинации. Это скорее по твоей части. Ты не мог бы заглянуть и проверить мои коленные рефлексы?

– Ладно, – сказал Фиц. – Буду через десять минут. Налей мне пока что-нибудь выпить.

Он нажал отбой. Керри повесил трубку, обернулся и увидел, что радиола идет из кухни в гостиную. В ее угловатых, резких очертаниях было что-то пугающее, как у некой странной разновидности злого духа. Керри поежился.

Он пошел за радиолой и обнаружил ее на прежнем месте. Она была неподвижна и бесстрастна. Он открыл дверцы, осмотрел вращающийся диск, ручку фонографа, кнопки и шкалы. Ничего необычного. Он снова потрогал ножки. Все-таки не деревянные.

Из какой-то довольно жесткой пластмассы. А может, и деревянные. Сложно сказать, не повредив отделку. Керри, разумеется, не хотел ковырять ножом свою новую радиолу.

Он попробовал включить радио и без труда нашел местные станции. Звук был хорошим – необычно хорошим, подумал Керри. Фонограф…

Он наугад схватил «Марш бояр» Хальворсена, поставил на диск проигрывателя и закрыл крышку. Ничего. Расследование показало, что игла ритмично движется над пластинкой, но звуков не издает. И что дальше?

Керри снял пластинку, и в этот миг позвонили в дверь. На пороге стоял Фицджеральд, долговязый, угрюмый, с жестким морщинистым лицом и растрепанной копной тусклых седых волос. Он протянул большую костистую руку:

– Где мой стакан?

– Привет, Фиц. Пойдем на кухню. Виски с содовой?

– Виски с содовой.

Керри пошел первым.

– Только сразу не пей. Я хочу показать тебе мою новую радиолу.

– Ту, которая моет посуду? – спросил Фицджеральд. – Что еще она умеет делать?

Керри дал ему стакан.

– Она не проигрывает пластинки.

– Ясно. Ну это пустяки, если она работает по дому. Что ж, давай посмотрим на нее.

Фицджеральд направился в гостиную, выбрал «Послеполуденный отдых фавна» и подошел к радиоле.

– Она не включена в розетку.

– Это не имеет ни малейшего значения, – сказал Керри.

– Батарейки?

Фицджеральд поставил пластинку на диск проигрывателя и покрутил ручки.

– Что ж, посмотрим. – Он торжествующе улыбнулся Керри. – Видишь? Теперь играет.

Он был прав.

– Попробуй пьесу Хальворсена, – сказал Керри. – Вот она.

Он протянул диск Фицджеральду. Тот нажал на кнопку извлечения и увидел, как поднимается рычаг.

Но на этот раз фонограф играть не захотел. Ему не нравился «Марш бояр».

– Интересно, – хмыкнул Фицджеральд. – Наверное, что-то с пластинкой. Давай попробуем другую.

С «Дафнисом и Хлоей» проблем не возникло. А вот «Болеро»

радиола молча отвергла.

Керри сел и указал на соседнее кресло.

– Это ничего не доказывает. Сядь и смотри. Пока не пей. Ты… э-э-э… чувствуешь себя совершенно нормальным?

– Конечно. А что?

Керри достал сигарету. Радиола пересекла комнату, по дороге захватив коробок, и вежливо поднесла огонек к сигарете. Затем вернулась на свое место у стены.

Фицджеральд ничего не сказал. Через некоторое время он извлек сигарету из кармана и принялся ждать. Ничего не случилось.

– Ну что? – спросил Керри.

– Робот. Это единственное возможное объяснение. Где, во имя великого Петрарки, ты его раздобыл?

– Похоже, ты не слишком удивлен.

– Я удивлен. Но я уже видел роботов… В «Вестингаузе» пытались их делать. Только этот… – Фицджеральд постучал по зубам ногтем. – Кто его изготовил?

– Откуда мне знать? – удивился Керри. – Рабочие на радиозаводе, наверное.

Фицджеральд сощурился:

– Погоди-ка. Я не вполне понимаю…

– Нечего тут понимать. Я купил эту радиолу пару дней назад. Сдал старую в счет покупки. Новую доставили сегодня и…

Керри подробно рассказал, что случилось.

– То есть ты не знал, что это робот?

– Вот именно. Я купил радиолу. И… чертова штуковина кажется мне почти живой.

– Ну нет.

Фицджеральд покачал головой, встал и внимательно осмотрел радиолу.

– Это новый тип робота. По крайней мере… – Он помедлил. – Что еще это может быть? Обратись завтра на «Мидистерн» и узнай.

– Давай откроем корпус и посмотрим, – предложил Керри.

Фицджеральд согласился, но эксперимент потерпел неудачу. Панели, предположительно деревянные, не были прикручены винтами – непонятно, как вскрыть корпус. Керри попытался это сделать с помощью отвертки, сначала осторожно, затем с тихой злостью. Ему не удалось ни отсоединить панель, ни даже поцарапать гладкий темный лак.

– Черт! – наконец сказал он. – Ладно, твоя версия ничуть не хуже моей. Это робот. Только я не знаю, как удалось изготовить

подобную штуку. И почему в форме радиолы?

– Спроси у них завтра, – пожал плечами Фицджеральд. – Это первое, что нужно сделать. Честно говоря, я ничего не понимаю. Если изобрели нового специализированного робота, зачем запихивать его в радиолу? И как двигаются эти ножки? На них нет колесиков.

– Мне тоже интересно.

– Когда она перемещается, ножки выглядят… резиновыми. Но они не из резины. Твердые, как… дерево. Или пластмасса.

– Я ее боюсь, – признался Керри.

– Хочешь переночевать у меня?

– Н-нет. Пожалуй, нет. Она… Этот робот не сможет мне навредить.

– По-моему, она и не хочет. Она ведь тебе помогает?

– Ага, – ответил Керри и пошел за новыми порциями выпивки.

Разговор так ни к чему и не привел. Через несколько часов Фицджеральд, изрядно встревоженный, отправился домой. Он вовсе не был так невозмутим, как притворялся, чтобы пощадить нервы Керри. Встреча с чем-то настолько выбивающимся из привычной картины мира пугала. И все же, как он сказал, робот не выглядел опасным…

Керри улегся на кровать с новым детективным романом. Радиола проследовала за ним в спальню и аккуратно забрала книгу из рук. Керри инстинктивно вцепился в нее, но не удержал.

– Эй! – воскликнул он. – Какого черта?!..

Радиола вернулась в гостиную. Керри последовал за ней – как раз вовремя, чтобы увидеть, как та ставит книгу на полку. Через некоторое время Керри отступил, запер дверь и забылся беспокойным сном до рассвета.

В халате и тапочках, спотыкаясь, он выбежал из спальни. Радиола стояла на прежнем месте, словно никогда с него не сходила. Керри приготовил завтрак. Чувствовал он себя препаршиво.

Ему удалось выпить всего одну чашку кофе. Радиола вошла, забрала из его рук вторую чашку и вылила в раковину.

У Керри Вестерфилда лопнуло терпение. Он надел пальто и шляпу и практически выбежал из дома. Была жуткая мысль, что радиола отправится следом, но, к счастью для его рассудка, она осталась в доме.

Утром он улучил минутку и позвонил в «Мидистерн». Продавец ничего не знал. Это радиола стандартной модели – последней. Если с ней что-то не в порядке, он, разумеется,

охотно…

– С ней все в порядке, – ответил Керри. – Но кто ее изготовил? Вот что я хочу узнать.

– Секундочку, сэр, – повисла пауза. – Она из отдела мистера Ллойда, одного из наших мастеров.

– Соедините меня с ним, пожалуйста.

Но Ллойд мало чем мог помочь. После длительных усилий он припомнил, что радиола оказалась на складе без серийного номера. Его добавили позже.

– Но кто ее изготовил?

– Ей-богу, не знаю. Попытаюсь выяснить для вас. Я перезвоню.

– Только не забудьте.

Керри вернулся в аудиторию. Лекция о Беде Достопочтенном прошла не слишком успешно.

За обедом он увидел Фицджеральда, и тот, похоже, испытал облегчение, когда Керри подошел к его столу.

– Ну как, узнал что-нибудь о своем домашнем роботе? – спросил профессор психологии.

В пределах слышимости никого не было. Керри со вздохом сел и закурил.

– Ничего. Как же приятно прикуривать самостоятельно! – Он втянул дым в легкие. – Я позвонил в компанию.

– И?..

– Там ничего не знают. Кроме того, что у нее не было серийного номера.

– Это может быть важно, – заметил Фицджеральд.

Керри рассказал другу об инцидентах с книгой и кофе, и Фицджеральд задумчиво сощурился, глядя на свое молоко.

– Помнишь, ты у меня проходил психологическое тестирование? Избыток стимуляции не идет тебе на пользу.

– Но детективный роман!

– Согласен, это уже перебор. Но я догадываюсь, почему робот так себя повел… хотя понятия не имею, как это возможно. – Он помедлил. – Разве что он разумен.

– Разумен? – Керри облизал губы. – Я не уверен, что это просто машина. И я не сумасшедший.

– Конечно нет. Но ты сказал, что робот был в гостиной. Как он мог узнать, что́ ты читаешь?

– Без рентгеновского зрения и сверхспособности к чтению и пониманию – даже не представляю. Возможно, он вообще не хочет, чтобы я читал.

– А вот это уже кое-что, – хмыкнул Фицджеральд. – Ты знаком

с теорией машин такого типа?

– Ты о роботах?

– Только о теории. Как тебе известно, мозг – коллоид. Компактный, сложный, но медленный. Допустим, ты изобрел устройство с миллиардами радиоатомных блоков, встроенных в изолирующий материал. Получился мозг, Керри. Мозг с огромным количеством блоков, которые взаимодействуют со скоростью света. Радиолампа регулирует электрический ток, оперируя сорока миллионами отдельных сигналов в секунду. И – теоретически – радиоатомный мозг того типа, о котором я говорю, может воспринимать, узнавать, размышлять, реагировать и адаптироваться за сотую или тысячную долю секунды.

– Теоретически.

– Наверное. Но мне бы хотелось узнать, откуда взялась твоя радиола.

К ним приблизился посыльный:

– Мистера Вестерфилда вызывают к телефону.

Керри извинился и вышел. Когда он вернулся, его темные брови были озадаченно нахмурены. Фицджеральд вопросительно посмотрел на него.

– Парень по имени Ллойд, с завода «Мидистерн». Я разговаривал с ним насчет радиолы.

– И что?

Керри покачал головой:

– И ничего. Вернее, почти ничего. Он не знает, кто изготовил эту штуку.

– Но ее изготовили на заводе?

– Да. Около двух недель назад… но в записях не указано имя сборщика. Похоже, Ллойд считает это очень странным. Администрация завода регистрирует каждое изделие, обязательно с указанием фамилии работника, его изготовившего.

– И что еще он сказал?

– Я спросил, как открыть корпус, и он ответил: очень просто. Достаточно открутить винты на задней панели.

– Там нет никаких винтов, – произнес Фицджеральд.

– Я в курсе.

Они переглянулись.

– Я бы дал пятьдесят баксов, чтобы узнать, действительно ли этот робот был собран всего две недели назад, – сказал Фицджеральд.

– Почему?

– Потому что радиоатомный мозг нужно всему обучить. Даже просто поджигать сигарету.

– Он видел, как я прикуривал.

– И последовал примеру. Что касается мытья посуды… Гм… Индуктивный метод, наверное. Если устройство обучали, это робот. Если нет… – Фицджеральд осекся.

Керри заморгал:

– Что?

– Я не знаю, что это за штуковина. Она такой же робот, как я эогиппус[27]. Керри, я почти уверен: ни один современный ученый не обладает знаниями, необходимыми для создания подобной штуки.

– Ты рассуждаешь по кругу, – сказал Керри. – Ее изготовили.

– Угу. Но как? Когда? И кто? Вот что меня беспокоит.

– Слушай, у меня занятие через пять минут. Может, зайдешь вечером?

– Не могу. Читаю лекцию в Холле. Позвоню тебе после лекции.

Керри кивнул и ушел, пытаясь выбросить проблему из головы. Получилось неплохо, но вечером, когда он ужинал в ресторане, ему не хотелось возвращаться домой. Там его ждал злой дух.

– Бренди, – велел он официанту. – Двойной.

Через два часа такси высадило Керри у дома. Он изрядно набрался, перед глазами все плыло. Пошатываясь, он подошел к крыльцу, осторожно поднялся по лестнице и ввалился в прихожую.

Он включил свет.

Радиола уже ждала. Тонкие, но прочные, словно металлические, щупальца аккуратно оплели его тело, лишив возможности двигаться. Керри перепугался до смерти. Он отчаянно сопротивлялся и пытался кричать, но из горла не вырвалось ни звука.

Из панели радио ударил желтый луч, ослепив Керри. Луч качнулся вниз, уперся в грудь. Керри почувствовал странный вкус под языком.

Примерно через минуту раздался щелчок и луч погас. Щупальца скрылись, радиола вернулась в свой угол. Керри на подламывающихся ногах подошел к креслу и обмяк в нем, глотая воздух.

Он протрезвел. Что было совершенно невозможно. Четырнадцать порций бренди – этого достаточно, чтобы организм пропитался насквозь. Нельзя просто посветить на человека, чтобы он мгновенно очистился от алкоголя. И все же произошло именно это.

Радиола… робот?.. старается помочь. Только Керри

предпочел бы остаться пьяным.

Он осторожно встал и прокрался к книжной полке. Поглядывая одним глазом на радиолу, взял детективный роман, который пытался читать накануне вечером.

Как он и предполагал, радиола забрала у него книгу и вернула на полку. Вспомнив слова Фицджеральда, Керри посмотрел на часы. Время реакции – четыре секунды.

Он взял Чосера и подождал, но радиола не шелохнулась. Тем не менее, когда Керри выбрал книгу по истории, ее аккуратно извлекли из его рук. Время реакции – шесть секунд.

Керри нашел книгу по истории в два раза толще.

Время реакции – десять секунд.

Вот как. Выходит, робот действительно читает книги. А значит, у него рентгеновское зрение и сверхбыстрая реакция. Боже правый!

Керри перебрал еще несколько книг, гадая, чем руководствуется радиола. «Алису в Стране чудес» у него отняли; стихи Миллей[28] оставили. Он составил список из двух столбцов, чтобы потом попробовать разобраться.

Итак, робот не просто слуга. Это цензор. Но каковы его критерии?

Через некоторое время Керри вспомнил о завтрашней лекции и пролистал свои заметки. Кое-что следовало уточнить. Он довольно неохотно нашел нужную книгу… и робот отнял ее.

– Погоди, – сказал Керри. – Она мне нужна.

Он попытался выхватить книгу из щупалец. Тщетно. Радиола не обращала на него внимания. Она спокойно вернула книгу на полку.

Керри стоял, закусив губу. Это уже слишком. Чертов робот следит за ним.

Керри подкрался к книге, схватил ее и выбежал в прихожую, прежде чем радиола успела пошевелиться.

Тварь шла за ним. Он слышал мягкий стук ее… лап? Керри метнулся в спальню и запер дверь. Он ждал с колотящимся сердцем. Ручку осторожно подергали.

Сквозь трещину в двери проник тонкий, как проволока, жгутик и затеребил ключ. Керри прыгнул вперед и закрыл дверь вдобавок на засов. Но и это не помогло. Жгутик – высокоточный инструмент робота – отодвинул засов; радиола открыла дверь, вошла в комнату и направилась к Керри.

Его охватила паника. Чуть слышно вздохнув, он швырнул книгой в тварь, и та ловко поймала ее. Очевидно, ничего другого она не замышляла. Радиола развернулась и вышла, неуклюже покачиваясь на гибких ножках и унося запрещенное издание.

Керри тихо выругался.

Зазвонил телефон. Это был Фицджеральд.

– Ну что? Как дела?

– У тебя есть «Социальная литература древности» Касана?

– Вряд ли… Нет. А что?

– Тогда возьму ее завтра в университетской библиотеке.

Керри рассказал, что случилось. Фицджеральд присвистнул.

– Лезет не в свои дела? Гм… Интересно.

– Я ее боюсь.

– Вряд ли она хочет причинить тебе вред. Говоришь, заставила тебя протрезветь?

– Ага. С помощью луча света. Звучит нелогично.

– Напротив. Это колебательный эквивалент тиамина.

– Свет?

– Солнечный свет способствует выработке витаминов в организме человека. Но дело не в этом. Она решает, что тебе читать, а значит, сама читает книги, причем сверхбыстро. Чем бы ни было это устройство, оно не просто робот.

– Можешь мне не рассказывать, – мрачно сказал Керри. – Это Гитлер.

Фицджеральд не засмеялся. Он весьма серьезно предложил:

– Может, переночуешь у меня?

– Нет, – упрямо отказался Керри. – Никакое проклятое радио не выгонит меня из собственного дома. Уж лучше я разнесу его топором.

– Что ж, надеюсь, ты знаешь, что делаешь. Позвони мне… если что-нибудь случится.

– Хорошо. – Керри положил трубку.

Он направился в гостиную и холодно уставился на радиолу. Что это за чертовщина? И что ей нужно? Несомненно, это не просто робот. Столь же несомненно, что это не живое существо в том смысле, в котором живым является коллоидный мозг.

Поджав губы, он подошел к радиоле, покрутил ручки, пощелкал переключателями. Полились хаотичные звуки танцевального оркестра. Он переключился на коротковолновый диапазон. Здесь тоже ничего странного. И что?

И ничего. Ответа нет.

Через некоторое время он лег спать.

За обедом на следующий день он показал Фицджеральду «Социальную литературу» Касана.

– Что с ней?

– Смотри. – Керри пролистнул страницы и указал на абзац. –

То, что здесь написано, имеет смысл?

Фицджеральд прочел текст.

– Да. По-видимому, автор утверждает, что индивидуализм необходим для создания литературных произведений. Так?

Керри посмотрел на него:

– Я не знаю.

– То есть?

– У меня голова идет кругом.

Фицджеральд взъерошил седые волосы, сощурился и пристально посмотрел на собеседника:

– Повтори. Я не вполне…

С тщательно скрываемой злостью Керри произнес:

– Сегодня утром я пошел в библиотеку и взял эту книгу. Я читал ее. Но она ничего для меня не значила. Просто слова. Знаешь, как бывает, когда читаешь до изнеможения? Натыкаешься на предложение с кучей придаточных и не понимаешь, что там к чему. Вот так все и было.

– Прочти сейчас, – тихо сказал Фицджеральд, толкнув книгу через стол.

Керри повиновался, затем поднял взгляд, криво усмехаясь:

– Без толку.

– Прочти вслух. Мы разберем текст по частям.

Но это не помогло. Керри никак не мог уловить смысл абзаца.

– Возможно, семантический блок, – предположил Фицджеральд, почесывая руку. – С тобой такое уже случалось?

– Да… или нет? Я не знаю.

– У тебя есть занятия сегодня? Хорошо. Давай заскочим к тебе.

Керри отодвинул тарелку:

– Я не голоден. Как только ты будешь готов…

Через полчаса они смотрели на радиолу. Она выглядела вполне безобидной. Фицджеральд попытался было отковырять панель, но вскоре сдался. Он нашел карандаш и бумагу, сел напротив Керри и стал задавать вопросы.

Один из ответов его заинтересовал.

– Ты об этом раньше не говорил.

– Забыл, наверное.

Фицджеральд постучал по зубам карандашом.

– Гм… Когда радиола впервые заработала…

– Она ослепила меня голубым лучом.

– Я не об этом. Что она сказала?

Керри заморгал:

– Что она сказала? – Он напряг память. – «Психологический

портрет снят и записан»… или что-то в этом роде. Я подумал, что попал на какую-то станцию и услышал фрагмент викторины. Ты хочешь сказать…

– Слова были понятные? Произношение хорошее?

– Нет, насколько я припоминаю. – Керри нахмурился. – Едва разборчивые. Со странными ударениями.

– Так-так. Что ж, продолжим.

Они провели тест по подбору словесных ассоциаций.

Наконец Фицджеральд откинулся на спинку кресла, хмурясь.

– Мне нужно свериться с последними тестами, сделанными несколько месяцев назад. Все это выглядит странно… чертовски странно. Было бы куда легче, знай я точно, что такое память. Мы немало потрудились над мнемоникой – искусственной памятью. И все же дело может быть не в ней.

– О чем ты?

– Или эта машина получила искусственную память и прошла интенсивное обучение, или она настроена на другую среду обитания и культуру. Она повлияла на тебя. И очень сильно.

Керри облизал пересохшие губы:

– Как именно?

– Внедрила блоки в твой разум. Я еще не разобрался какие. Когда разберусь, возможно, мы получим ответ. Но эта штука не робот. Это нечто намного большее.

Керри достал сигарету; радиола подошла и поднесла огонек. Мужчины смотрели на нее, холодея от страха.

– Лучше переночуй у меня сегодня, – предложил Фицджеральд.

– Нет! – отрезал Керри.

Его бил озноб.

На следующий день в обеденное время Фицджеральд решил встретиться с ним, но не нашел. Он позвонил Керри домой, и трубку сняла Марта.

– Привет! Когда ты вернулась?

– Привет, Фиц. Около часа назад. Сестра родила, не дождавшись меня, так что я вернулась.

Она замолчала. Фицджеральда встревожил ее тон.

– Где Керри?

– Он здесь. Фиц, ты не мог бы приехать? Я волнуюсь.

– Что с ним?

– Я… не знаю. Приезжай скорее.

– Хорошо, – ответил Фицджеральд и повесил трубку, кусая губы.

Когда он позвонил в дверь Вестерфилдов, то понял, что нервы

совсем расшалились. Тем не менее при виде Марты у него чуть отлегло от сердца.

Фицджеральд прошел за ней в гостиную. Сперва посмотрел на радиолу, которая ничуть не изменилась, затем на Керри, неподвижно сидящего у окна. Зрачки у Керри были расширены, и он, казалось, узнал Фицджеральда не сразу.

– Привет, Фиц, – произнес он.

– Как ты?

Марта вмешалась в разговор:

– Фиц, что случилось? Он болен? Может, вызвать врача?

Фицджеральд сел.

– Ты замечала что-нибудь странное в этой радиоле?

– Нет. А что?

– Тогда слушай.

Он выложил всю историю, наблюдая, как на лице Марты недоверие борется с невольным облегчением. Затем она сказала:

– Я не вполне…

– Если Керри достает сигарету, эта штука подносит ему огонек. Хочешь посмотреть?

– Н-нет… Да. Наверное, да.

Глаза Марты были широко распахнуты.

Фицджеральд дал Керри сигарету. Ожидаемое случилось.

У Марты округлились от изумления глаза. Когда радиола вернулась на место, Марта содрогнулась и подошла к Керри. Он поднял на жену мутный взгляд.

– Фиц, ему нужен врач.

– Да.

Фицджеральд не сказал, что врач вряд ли способен помочь.

– Что это за штука?

– Робот, но не простой. Он перенастраивает Керри. Я рассказал тебе, что случилось. Когда я проверял психологические паттерны Керри, то обнаружил, что они изменились. Он теперь почти безынициативен.

– Никто на земле не смог бы изготовить такую…

Фицджеральд нахмурился:

– Я уже думал об этом. Похоже, это продукт высокоразвитой культуры, весьма отличной от нашей. Возможно, марсианской. Крайне специализированная вещь. Но я не понимаю, почему она выглядит точь-в-точь как радиола «Мидистерн».

Марта коснулась руки Керри:

– Маскировка?

– Но зачем? Марта, ты была одной из моих лучших учениц на курсе психологии. Взгляни на происходящее логически. Представь цивилизацию, в которой используется подобное

устройство. Примени индуктивное мышление.

– Я пытаюсь. Фиц, у меня каша в голове. Я беспокоюсь о Керри.

– Со мной все в порядке, – сообщил тот.

Фицджеральд соединил кончики пальцев:

– Это не столько радио, сколько контрольное устройство. Возможно, в этой чуждой цивилизации такие есть у каждого, а может, лишь у некоторых – у тех, кто в них нуждается. Устройства держат их в узде.

– Лишая инициативы?

Фицджеральд беспомощно развел руками:

– Я не знаю! В случае Керри вышло именно так. В других… Я не знаю.

Марта встала:

– Довольно разговоров. Керри нужен врач. После его визита мы решим, что делать с этой штукой.

– Конечно, очень жаль ее ломать, но… – Он многозначительно посмотрел на радиолу.

Та вышла из своего угла и, раскачиваясь, бочком двинулась к Фицджеральду. Он вскочил, а в следующий миг выпростались хлыстообразные щупальца и обвили его. В глаза ему ударил бледный луч.

Это длилось лишь миг. Луч погас, щупальца втянулись, и радиола вернулась на место. Фицджеральд стоял неподвижно. Марта встала, прижимая ладони ко рту.

– Фиц! – дрожащим голосом окликнула она.

Он ответил не сразу:

– Да? Что случилось?

– Ты в порядке? Что она с тобой сделала?

Фицджеральд слегка нахмурился:

– А? Что? Я не…

– Радиола. Что она сделала?

Он посмотрел на радиолу:

– С ней что-то не так? Марта, я не слишком силен в ремонте.

– Фиц, – она шагнула вперед и взяла его за руку, – послушай.

Слова полились быстро. Радиола. Керри. Их разговор…

Фицджеральд тупо смотрел на Марту:

– Кажется, я сегодня плохо соображаю. О чем ты говоришь?

– Радиола… Ты же знаешь! Ты сказал, что она изменила моего мужа… – Марта умолкла, глядя на Фицджеральда.

Тот явно пребывал в растерянности. Марта вела себя странно. Он всегда считал ее уравновешенной, а теперь она несла какую-то чушь.

И при чем тут радиола? Разве с ней что-то не так? Керри

сказал, это удачная покупка: хороший звук, новейшие возможности. Уж не сошла ли Марта с ума, подумал Фицджеральд.

И вообще, он опаздывает на занятия.

Марта не пыталась его удержать. Она была бледной как смерть.

Керри достал сигарету. Радиола подошла и поднесла спичку.

– Керри!

– Да, Марта? – тусклым голосом отозвался он.

Она смотрела на радиолу.

Марс? Другой мир? Другая цивилизация? Что это за устройство? Чего оно хочет? Что пытается сделать?

Марта вышла из дома и направилась в гараж. Возвращаясь, она сжимала в руке топорик.

Керри видел, как Марта подошла к радиоле и занесла топорик. Из радиолы вырвался луч, и Марта исчезла. В лучах вечернего солнца плавали пылинки.

– Уничтожение жизненной формы, угрожающей нападением, – неразборчивой скороговоркой произнесла радиола.

В голове у Керри все перевернулось. Его затошнило от ужаса и разверзшейся пустоты. Марта…

Голова шла кругом. Инстинкт и эмоции боролись с чем-то, что пыталось их задавить. Внезапно плотину прорвало, блоки исчезли, преграды рухнули. Керри вскочил на ноги.

– Марта! – хрипло выкрикнул он.

Ее не было. Керри огляделся. Где она? Что случилось? Он не помнил.

Он снова сел, потирая лоб. Свободной рукой достал сигарету – автоматическая реакция, на которую последовал автоматический ответ. Радиола услужливо поднесла горящую спичку.

Керри издал жуткий кашляющий звук и сорвался с кресла. Он вспомнил. Он схватил топорик. Он бросился к радиоле, оскалив зубы в гримасе горя и ужаса.

Снова полыхнул луч.

Керри исчез. Топорик с глухим стуком упал на ковер.

Радиола вернулась на место и снова замерла. В ее радиоатомном мозге что-то тихо щелкало.

– Объект оказался непригоден, – произнесла она миг спустя. – Устранение было необходимо.

Щелк.

– Подготовка к работе с новым объектом завершена.

Щелк.

– Мы его берем, – сказал юноша.

– Вы не пожалеете, – расплылся в улыбке агент по недвижимости. – Прекрасный дом в уединенном тихом месте и по вполне разумной цене.

– Цена не слишком разумная, – вздохнула девушка, – но это именно то, что мы ищем.

Агент пожал плечами:

– Конечно, аренда без мебели обошлась бы дешевле…

– Мы женаты совсем недавно и еще не обзавелись мебелью, – усмехнулся юноша и приобнял жену. – Тебе нравится, милая?

– Гм… А кто здесь раньше жил?

Агент почесал щеку:

– Надо вспомнить. Вестерфилды, кажется. Дом попал в мой список всего неделю назад. Приятное местечко. Если бы я искал жилье, то приберег бы его для себя.

– Отличная радиола, – заметил юноша. – Кажется, последняя модель?

Он подошел к радиоле, чтобы рассмотреть ее получше.

– Пойдем, – поторопила девушка. – Давай еще раз заглянем на кухню.

– Конечно, дорогая.

Они вышли из комнаты. Из коридора доносился журчащий голос агента, который становился все тише. Косые лучи теплого вечернего солнца падали в окна.

Мгновение стояла тишина. Затем…

Щелк!

Лучшее время года

На рассвете погожего майского дня по дорожке к старому особняку поднимались трое. Оливер Вильсон стоял в пижаме у окна верхнего этажа и глядел на них со смешанным, противоречивым чувством, в котором была изрядная доля возмущения. Он не хотел их видеть.

Иностранцы. Вот, собственно, и все, что он знал о них. Они носили странную фамилию Санциско, а на бланке арендного договора нацарапали каракулями свои имена: Омерайе, Клеф и Клайа. Глядя на них сверху, он не мог сказать, кто из них каким именем подписался. Когда ему вернули бланк, он даже не знал, какого они пола. Он вообще предпочел бы большую национальную определенность.

У Оливера чуть зашлось сердце, пока он смотрел, как эти трое идут вверх по дорожке за шофером такси. Он рассчитывал, что непрошеные жильцы окажутся не такими самоуверенными и ему без особого труда удастся их выставить. Его расчеты не очень-то оправдывались.

Первым шел мужчина, высокий и смуглый. Его осанка и даже манера носить костюм выдавали ту особую надменную самонадеянность, что дается твердой верой в правильность любого своего шага на жизненном пути. За ним шли две женщины. Они смеялись, у них были нежные мелодичные голоса и лица, наделенные особенной экзотической красотой. Однако, когда Оливер разглядел их, его первой мыслью было: здесь пахнет миллионами!

Каждая линия их одежды дышала совершенством, но не в этом была суть. Бывает такое богатство, когда уже и деньги перестают иметь значение. Оливеру, хотя и нечасто, все же доводилось встречать в людях нечто похожее на эту уверенность – уверенность в том, что земной шар у них под ногами вращается исключительно по их прихоти.

Но в данном случае он чувствовал легкое замешательство: пока эти трое приближались к дому, ему показалось, что роскошная одежда, которую они носили с таким изяществом, была для них непривычной. В их движениях сквозила легкая небрежность, как будто они в шутку нарядились в маскарадные костюмы. Туфли на тонких шпильках заставляли женщин чуть-чуть семенить, они вытягивали руки, чтобы рассмотреть покрой рукава, и поеживались под одеждой, словно платья им были в новинку, словно они привыкли к чему-то совсем другому.

Одежда сидела на них с поразительной и необычной, даже на

взгляд Оливера, элегантностью. Разве только кинозвезда, которая позволяет себе останавливать съемку и само время, чтобы расправить смятую складку и всегда выглядеть совершенством, могла быть такой элегантной – да и то на экране. Но поражала не только безупречная манера держаться и носить одежду так, что любая складочка повторяла каждое их движение и возвращалась на свое место. Невольно создавалось впечатление, что и сама их одежда сделана не из обычного материала или выкроена по какому-то невиданному образцу и сшита настоящим гением портновского дела: швов нигде не было видно.

Они казались возбужденными, переговаривались высокими, чистыми, очень нежными голосами, разглядывая прозрачную синеву неба, окрашенного розовым светом восхода, и деревья на лужайке перед домом. Разглядывали только-только успевшие распуститься листья, которые все еще клейко загибались по краям и просвечивали нежной золотистой зеленью.

Счастливые, оживленные, они о чем-то спросили своего спутника. Он ответил, и его голос так естественно слился с голосами женщин, что казалось, они не разговаривают, а поют. Голоса отличались тем же почти невероятным изяществом, что и одежда. Оливеру Вильсону и не снилось, что человек способен так владеть своим голосом.

Шофер нес багаж – нечто красивого блеклого цвета, из материала, напоминающего кожу. Приглядевшись, можно было увидеть, что это не один предмет, а два или даже три. Для удобства их скомпоновали в идеально уравновешенный блок и так точно пригнали друг к другу, что линии стыков были едва заметны. Материал был потертым, словно от частого употребления. И хотя багажа было много, ноша не казалась водителю тяжелой. Оливер заметил, что тот время от времени недоверчиво косится на багаж и взвешивает его на руке.

У одной из женщин были очень черные волосы, молочно-белая кожа, дымчато-голубые глаза и веки, опущенные под тяжестью ресниц. Но взгляд Оливера был прикован к другой. Ее волосы были светло-золотого оттенка, а лицо нежное, как бархат. Теплый янтарный загар был темнее цвета волос.

В ту минуту, как они вступили на крыльцо, блондинка подняла голову и посмотрела наверх – прямо в лицо Оливеру. Он увидел, что глаза у нее ярко-синие и чуть-чуть насмешливые. Она как будто знала, что он торчит у окна. И еще он прочитал в них откровенный восторг.

Чувствуя легкое головокружение, Оливер поспешил к себе в комнату, чтобы одеться.

– Мы приехали сюда отдыхать, – сказал мужчина, принимая от Оливера ключи. – И хотим, чтобы нам не мешали, как я подчеркивал в переписке с вами. Вы ведь наняли для нас горничную и повара? В таком случае мы надеемся, что вы освободите дом от своих личных вещей и…

– Постойте, – прервал его Оливер, поеживаясь. – Тут возникли кое-какие осложнения. Я… – Он замялся, не зная, как лучше сообщить им об этом.

С каждой минутой эти люди казались все более и более странными. Даже их речь и та была странной. Они слишком тщательно выговаривали слова и произносили их подчеркнуто раздельно. Английским языком они владели как своим родным, но разговаривали на нем так, как поют певцы-профессионалы, в совершенстве овладевшие голосом и интонациями.

В голосе мужчины был холод, как будто между ним и Оливером лежала бездна, такая глубокая, что исключала всякую возможность общения.

– Что, если мне подыскать для вас в городе что-нибудь более подходящее? Тут рядом, через улицу…

– О нет! – с легким ужасом произнесла брюнетка, и все трое рассмеялись. То был холодный, далекий смех, не предназначавшийся для Оливера.

Мужчина сказал:

– Мы тщательно выбирали, пока не остановились на этом доме, мистер Вильсон. Ничто другое нас не интересует.

– Не понимаю почему, – с отчаянием ответил Оливер. – Ведь это даже не современное здание. У меня есть еще два дома с куда большими удобствами. Да что там, перейдите через дорогу – из дома на той стороне открывается прекрасный вид на город. А здесь – здесь вообще ничего нет. Другие здания загораживают вид, и к тому же…

– Мистер Вильсон, мы сняли комнаты именно здесь, – сказал мужчина решительно. – Мы собираемся жить в этом доме. Поэтому потрудитесь, пожалуйста, поскорее освободить помещение.

– Нет, – ответил Оливер, и вид у него был упрямый. – В арендном договоре ничего об этом не сказано. Раз уж вы уплатили, то можете здесь жить до следующего месяца, но выставить меня у вас нет прав. Я остаюсь.

Мужчина собрался было возразить Оливеру, но, смерив его холодным взглядом, так ничего и не сказал. От этого безразличия Оливеру стало как-то неуютно. Последовало минутное молчание. Затем мужчина произнес:

– Прекрасно. В таком случае будьте любезны держаться от

нас подальше.

Было немного странно, что он совсем не заинтересовался, отчего Оливер проявляет строптивость. А Оливер слишком мало знал его, чтобы пускаться в объяснения. Не мог же он, в самом деле, сказать: «После того как я подписал договор, мне предложили за дом тройную цену, если я продам его до конца мая». Не мог сказать и по-другому: «Мне нужны деньги, и я постараюсь досаждать вам своей персоной, пока вам не надоест и вы не решите съехать». В конце концов, почему бы им и не съехать?! Увидев их, он сразу понял, что они привыкли к неизмеримо лучшим условиям, чем мог похвастать его старый, измочаленный временем дом.

Нет, просто загадочно, почему этот дом вдруг приобрел такую ценность. И уж вовсе нелепо, что две группы каких-то таинственных иностранцев лезут вон из кожи, чтобы заполучить его на май.

Оливер молча повел квартирантов наверх и показал им три большие спальни, расположенные по фасаду. Присутствие блондинки он ощущал всем своим существом, знал, что она все время наблюдает за ним с плохо скрытым интересом и, пожалуй, с симпатией. Но в этом интересе проскальзывал какой-то особенный оттенок, которого он никак не мог уловить. Что-то знакомое, но не дающееся в руки. Он подумал, что с ней славно было бы поговорить с глазу на глаз, хотя бы для того, чтобы поймать наконец этот оттенок и дать ему имя.

Затем он спустился вниз и позвонил невесте.

Голосок Сью в трубке повизгивал от возбуждения:

– Оливер, в такую рань?! Господи, ведь еще и шести нет. Ты сказал им, как я просила? Они переедут?

– Нет, еще не успел. Да и вряд ли они переедут. В конце концов, Сью, ты же знаешь, что я взял у них деньги.

– Оливер, они должны съехать! Ты обязан что-нибудь сделать!

– Я стараюсь, Сью. Но мне все это не нравится.

– Ну знаешь, не могут они, что ли, остановиться в другом месте! А деньги за дом будут нам позарез нужны. Нет, Оливер, ты просто обязан что-нибудь придумать.

В зеркале над телефоном он поймал свой озабоченный взгляд и сердито посмотрел на собственное отражение. Его волосы цвета соломы торчали в разные стороны, а приятное, смуглое от загара лицо заросло блестящей щетиной. Обидно, что блондинка впервые увидела его таким растрепой. Но тут решительный голос Сью пробудил задремавшую было совесть, и он сказал в трубку:

– Постараюсь, милая, постараюсь. Но деньги-то у них я все-таки взял.

И правда, они заплатили огромную сумму, куда больше того, что стоила аренда даже в этот год высоких цен и высоких доходов. Страна как раз вступила в одно из тех легендарных десятилетий, о которых потом говорили как о «веселых сороковых» или «золотых пятидесятых», – славное времечко национального подъема. Сплошное удовольствие жить в такое время, пока ему не приходит конец.

– Хорошо, – устало пообещал Оливер. – Сделаю все, что смогу.

Но день проходил за днем, и он понимал, что нарушает свое обещание. Тому было несколько причин. Сью, а не Оливер придумала превратить его в пугало для жильцов. Прояви он чуть больше настойчивости, весь проект был бы похоронен еще в зародыше. Конечно, здравый смысл был на стороне Сью, однако…

Начать с того, что жильцы буквально околдовали его. Во всем, что они говорили и делали, был любопытный душок извращенности: как будто обычную человеческую жизнь поместили перед зеркалом и оно показало странные отклонения от нормы. Их мышление, решил Оливер, имеет совсем иную основу. Казалось, их втайне забавляли самые заурядные вещи, в которых не было решительно ничего забавного; они на все смотрели сверху вниз и держались с холодным отчуждением, что, впрочем, не мешало им смеяться – неизвестно над чем и, по мнению Оливера, куда чаще, чем следует.

Время от времени он сталкивался с ними, когда они выходили из дому или возвращались с прогулок. Они были с ним холодно-вежливы, и, как он подозревал, вовсе не потому, что их раздражало его присутствие, а, напротив, потому, что он был им в высшей степени безразличен.

Бóльшую часть времени они посвящали прогулкам. Май в этом году стоял великолепный, они самозабвенно им наслаждались, уверенные, что погода не переменится и ни дождь, ни заморозки не испортят ласковых, золотых, напоенных солнцем и душистым ароматом деньков. Их уверенность была такой твердой, что у Оливера становилось неспокойно на душе.

Дома они ели один раз в день – обедали около восьми. И никогда нельзя было сказать заранее, как они отнесутся к тем или иным блюдам. Одни встречались смехом, другие вызывали легкое отвращение. К салату, например, никто не притрагивался, а рыба, непонятно почему, вызывала за столом всеобщее замешательство.

К каждому обеду они тщательно переодевались. Мужчина (его звали Омерайе) был очень красив в своей обеденной паре, но выглядел чуть-чуть надутым. Оливер два раза слышал, как женщины подсмеивались над тем, что ему приходится носить

черное. Непонятно отчего, на Оливера вдруг нашло видение: он представил мужчину одетым в такую же яркую и изысканную одежду, что была на женщинах, – и все как будто встало на место. Даже темную пару он носил с какой-то особой праздничностью, но наряд из золотой парчи, казалось, подошел бы ему больше.

Когда время завтрака или ланча заставало их дома, они ели у себя в комнатах. Они, должно быть, захватили с собой пропасть всякой снеди из той таинственной страны, откуда приехали. Но где эта страна? Попытки догадаться лишь распаляли любопытство Оливера. Порой из-за закрытых дверей в гостиную просачивались восхитительные запахи. Оливер не знал, что это такое, но почти всегда пахло чем-то очень приятным. Правда, несколько раз запах бывал неожиданно противным, чуть ли не тошнотворным. Только настоящие знатоки, размышлял Оливер, способны оценить душок. А его жильцы наверняка были знатоками.

И что им за охота жить в этой громоздкой ветхой развалине – даже во сне Оливер не переставал думать об этом. Почему они отказались переехать? Несколько раз ему удалось заглянуть к ним краешком глаза, и то, что он увидел, поразило его. Комнат стало почти не узнать, хотя он не мог точно назвать все перемены – рассмотреть толком не было времени. Но то представление о роскоши, что возникло с первого взгляда, подтвердилось: богатые драпировки (должно быть, тоже привезли с собой), какие-то украшения, картины по стенам и волны экзотического аромата, струящегося через полуоткрытые двери.

Женщины проплывали мимо него сквозь коричневый полумрак коридоров в одеждах таких роскошных, таких ослепительно-ярких и до жути красивых, что казались видениями из другого мира. Осанка, рожденная верой в раболепие вселенной, придавала их облику олимпийское равнодушие. Однако, когда Оливер встречал взгляд той, с золотыми волосами и нежной кожей, тронутой загаром, ему чудилось, будто в синих глазах мелькает интерес. Она улыбалась ему в полумраке и проходила мимо, унося с собой волну благоуханий, – яркая, прекрасная, глазам больно, – но тепло от ее улыбки оставалось.

Он чувствовал, что она переступит через это равнодушие между ними. Он был уверен в этом с самого начала. Придет срок, и она отыщет способ остаться с ним наедине. От этой мысли его бросало то в жар, то в холод, но тут он был бессилен: приходилось только ждать, пока она сама не пожелает его увидеть.

На третий день он и Сью закусывали в ресторанчике в самом центре города. Окна ресторанчика выходили на деловые

кварталы, громоздящиеся далеко внизу на другом берегу реки. У Сью были блестящие каштановые волосы, карие глаза и подбородок чуть более решительный, чем это допустимо по канонам красоты. Уже в детстве Сью хорошо знала, что она хочет и как заполучить желаемое, и сейчас Оливеру казалось, что в жизни она еще ничего так не хотела, как продать его дом.

– Такие огромные деньги за этот древний мавзолей! – говорила она, кровожадно вонзая зубы в булочку. – Другого такого случая не представится, а цены нынче так взлетели, что без денег нечего и думать заводить свое хозяйство. Неужели, Оливер, ты ничего-ничего не можешь сделать!

– Я стараюсь! – заверил Оливер, поеживаясь.

– А та чокнутая, которая хочет купить дом, давала о себе знать?

Оливер покачал головой:

– Ее агент опять мне вчера звонил. Ничего нового. Интересно, кто она такая.

– Этого, пожалуй, не знает даже агент. Не нравится мне, Оливер, вся эта мистика. И эти Санциско – кстати, что они сегодня делали?

Оливер рассмеялся:

– Утром целый час названивали в кинотеатры по всему городу. Узнавали, где что идет из третьеразрядных фильмов. У них там целый список, и из каждого они хотят посмотреть по кусочку.

– По кусочку? Но зачем?

– Не знаю. Может быть… нет, не знаю. Налить еще кофе?

Но все горе было в том, что он догадывался. Однако эти догадки казались слишком дикими, чтобы он рискнул рассказать о них Сью: не видевшая Санциско в глаза и незнакомая со всеми их странностями, она бы наверняка решила, что Оливер сходит с ума. А он из их разговоров понял, что речь идет об актере, который появлялся в эпизодах в каждом из фильмов и чья игра вызывала у них едва ли не священный трепет. Они называли его Голкондой, но имя было явно ненастоящим, и Оливер не мог догадаться, кто этот безвестный статист, которым они так восторгались. Возможно, Голкондой звали персонажа, чью роль однажды сыграл – и, судя по замечаниям Санциско, сыграл блестяще – этот актер. Так или иначе, само имя ничего не говорило Оливеру.

– Чудны́е они, – продолжал он, задумчиво помешивая ложечкой кофе. – Вчера Омерайе – так зовут мужчину – вернулся с книжкой стихов, вышедшей лет пять назад. Так они носились с ней, как с первоизданием Шекспира. Я об авторе и слыхом не

слыхал, но в их стране, как она там у них называется, он, должно быть, считается кумиром или вроде того.

– А ты все еще не узнал, откуда они? Может, они хоть намекнули?

– Они не из разговорчивых, – не без иронии напомнил ей Оливер.

– Знаю, но все-таки… Впрочем, не так уж это и важно. Ну а чем они еще занимаются?

– Утром, я уже говорил, собирались заняться Голкондой с его великим искусством, а днем, по-моему, отправятся вверх по реке на поклон к какой-то святыне. Я о ней и представления не имею, хотя она где-то совсем рядом – они хотели вернуться к обеду. Родина какого-то великого человека, должно быть; они еще обещали, если удастся, привезти оттуда сувениры. Спору нет, они похожи на заправских туристов, но все-таки за всем этим что-то кроется. А то получается сплошная бессмыслица.

– Уж если говорить о бессмыслице, так вся история с твоим домом давно в нее превратилась. Сплю и вижу…

Она продолжала говорить с обидой в голосе, но Оливер вдруг перестал ее слушать, потому что увидел на улице за стеклами знакомую фигуру. С царственной грацией, выступая на каблучках-шпильках, женщина прошла мимо. Он не видел лица, но ему ли не знать этой осанки, этого божественного силуэта и грации движений!

– Прости, я на минутку, – пробормотал он, и не успела Сью возразить, как он уже был на ногах.

В следующее мгновение он очутился у дверей и одним махом выскочил на улицу. Женщина не успела пройти и нескольких метров. Он уже было начал заготовленную фразу, но тут же осекся и застыл на месте, широко раскрыв глаза.

Это была не его гостья-блондинка. Эту женщину Оливер никогда не встречал – прелестное, царственное создание. Он безмолвно провожал ее взглядом, пока она не исчезла в толпе. Та же осанка, та же уверенность в себе, та же знакомая ему отчужденность, словно изысканный наряд был не просто платьем, а данью экзотике. Все другие женщины на улице казались рядом с ней неповоротливыми неряхами. Походкой королевы пройдя сквозь толпу, она растворилась в ней.

«Эта женщина из их страны», – подумал Оливер. Он никак не мог прийти в себя. Значит, кто-то другой поблизости тоже пустил таинственных постояльцев на этот погожий май. Значит, кто-то другой тоже ломает сейчас голову над загадкой гостей из безымянной страны.

К Сью он вернулся молчаливый.

Дверь спальни была гостеприимно распахнута в коричневый полумрак верхнего коридора. Чем ближе Оливер подходил, тем медленнее становились его шаги и чаще билось сердце. То была комната блондинки, и он решил, что дверь открыта не случайно. Он уже знал, что ее зовут Клеф.

Дверь тихонько скрипнула, и нежный голос произнес, лениво растягивая слова:

– Не желаете ли войти?

Комнату и в самом деле было не узнать. Большую кровать придвинули вплотную к стене и застелили покрывалом, оно свешивалось до самого пола, походило на какой-то мягкий мех, только блеклого сине-зеленого цвета, и так блестело, словно каждый волосок кончался невидимым кристалликом. На кровати валялись три раскрытые книжки и странного вида журнал: буквы в нем слабо светились, а иллюстрации на первый взгляд казались объемными. Рядом лежала маленькая фарфоровая трубка, инкрустированная цветами из того же фарфора, из ее чашечки вилась тонкая струйка дыма.

Над кроватью висела большая картина в квадратной раме. Морская синева на картине была совсем как настоящая; Оливеру сначала даже показалось, что по воде пробегает рябь. Ему пришлось приглядеться повнимательнее, чтобы убедиться в своей ошибке. С потолка на стеклянном шнуре свешивался хрустальный шар. Он медленно вращался, и свет из окон отражался на его поверхности изогнутыми прямоугольниками.

У среднего окна стоял незнакомый предмет, напоминающий шезлонг, что-то вроде надувного кресла. За неимением другого объяснения оставалось предположить, что в дом он попал вместе с багажом. Он был накрыт, вернее, скрыт под покрывалом из очень дорогой на вид ткани с блестящим металлическим тиснением.

Клеф неторопливо пересекла комнату и с довольным вздохом опустилась в шезлонг. Ложе послушно повторило все изгибы ее тела. Сидеть в таком кресле, должно быть, одно удовольствие, подумалось ему. Клеф немного повозилась, располагаясь поудобнее, и улыбнулась Оливеру:

– Ну входите же. Сядьте вон там, где можно смотреть в окно. Я в восторге от вашей чудесной весны. Знаете, а ведь такого мая в цивилизованные времена еще не было.

Все это она произнесла вполне серьезно, глядя Оливеру прямо в глаза. В ее голосе звучали хозяйские нотки, как будто этот май устроили специально по ее заказу.

Сделав несколько шагов, Оливер в изумлении остановился и

посмотрел себе под ноги. У него было такое ощущение, словно он ступает по облаку. И как это он раньше не заметил, что весь пол затянут ослепительно-белым, без единого пятнышка ковром, пружинящим при каждом шаге! Тут только он увидел, что на ногах у Клеф ничего не было, вернее, почти ничего. Она носила что-то вроде котурнов, сплетенных из прозрачной паутины, плотно облегающей ступню. Босые подошвы ног были розовые, будто напомаженные, а ногти отливали ртутным блеском, как осколки зеркала. Он почти и не удивился, когда, приблизившись, обнаружил, что это и в самом деле крохотные зеркальца – благодаря особому лаку.

– Садитесь же, – повторила Клеф, рукой показав ему на стул у окна.

На ней была одежда из белой ткани, похожей на тонкий нежный пух, – достаточно свободная и в то же время идеально отзывающаяся на любое ее движение. И в самом ее облике было сегодня что-то необычное. Те платья, в которых она выходила на прогулку, подчеркивали прямую линию плеч и стройность фигуры, которую так ценят женщины. Но здесь, в домашнем наряде, она выглядела… не так, как обычно. Ее шея обрела лебединый изгиб, а фигура – мягкую округлость и плавность линий, и это делало ее незнакомой и вдвойне желанной.

– Не хотите ли чая? – спросила Клеф с очаровательной улыбкой.

Рядом с ней на низеньком столике стояли поднос и несколько маленьких чашечек с крышками; изящные сосуды просвечивали изнутри, как розовый кварц, свет шел густой и мягкий, словно процеженный сквозь несколько слоев какого-то полупрозрачного вещества. Взяв одну из чашек (блюдечек на столе не было), она подала ее Оливеру.

На ощупь стенки сосуда казались хрупкими и тонкими, как листок бумаги. О содержимом он мог только догадываться: крышечка не снималась и, очевидно, представляла собой одно целое с чашкой. Лишь у ободка было одно отверстие в форме полумесяца. Над отверстием поднимался пар.

Клеф поднесла к губам свою чашку, улыбнувшись Оливеру поверх ободка. Она была прекрасна. Светло-золотые волосы были уложены в сияющие волны, а лоб украшала настоящая корона из локонов. Они казались нарисованными, и только легкий ветерок из окна порой трогал шелковые пряди.

Оливер попробовал чай. Напиток отличался изысканным букетом, был очень горяч, и во рту еще долго оставался после него привкус цветов. Он, несомненно, был предназначен для женщин. Но, сделав еще глоток, Оливер с удивлением обнаружил,

что напиток ему очень нравится. Он пил, и ему казалось, цветочный запах усиливается и обволакивает мозг клубами дыма. После третьего глотка в ушах появилось слабое жужжание. Пчелы снуют в цветах, подумалось ему, как сквозь туман, – и он сделал еще глоток.

Клеф с улыбкой наблюдала за ним.

– Те двое вернутся только к обеду, – сообщила она довольным тоном. – Я решила, что мы можем славно провести время и лучше узнать друг друга.

Оливер пришел в ужас, когда услышал вопрос, заданный его собственным голосом:

– Отчего вы так говорите?

Он вовсе не собирался спрашивать ее об этом. Что-то, очевидно, развязало ему язык.

Клеф улыбнулась еще обаятельнее. Она коснулась губами края чашки и как-то снисходительно произнесла:

– Что вы имеете в виду под вашим «так»?

Он неопределенно махнул рукой и с некоторым удивлением отметил, что у него на руке вроде бы вырос один или два лишних пальца.

– Не знаю. Ну, скажем, слишком точно и тщательно выговариваете слова. Почему, например, вы никогда не скажете «не знаю», а обязательно «я не знаю»?

– У нас в стране всех учат говорить точно, – объяснила Клеф. – Нас приучают двигаться, одеваться и думать с такой же точностью, с детства отучают от любых проявлений несобранности. В вашей стране, разумеется… – Она была вежлива. – У вас это не приобрело характера фетиша. Что касается нас, то у нас есть время для совершенствования. Мы это любим.

Голос ее делался все нежнее и нежнее, и сейчас его почти невозможно было отличить от тонкого букета напитка и нежного запаха цветов, заполонившего разум Оливера.

– Откуда вы приехали? – спросил он, снова поднося чашку ко рту и слегка недоумевая: напитка, казалось, нисколько не убавилось.

Теперь-то уж улыбка Клеф была определенно снисходительной. Но это его не задело. Сейчас его не смогло бы задеть ничто на свете. Комната плыла перед ним в восхитительном розовом мареве, душистом, как сами цветы.

– Лучше не будем говорить об этом, мистер Вильсон.

– Но… – Оливер не закончил фразу. В конце концов, это и вправду не его дело. – Вы здесь на отдыхе? – неопределенно спросил он.

– Может быть, это лучше назвать паломничеством.

– Паломничеством?! – Оливер так заинтересовался, что на какую-то минуту его сознание прояснилось. – А… куда?

– Мне не следовало этого говорить, мистер Вильсон. Пожалуйста, забудьте об этом. Вам нравится чай?

– Очень.

– Вы, очевидно, уже догадались, что это не простой чай, а эйфориак?

Оливер не понял:

– Эйфориак?

Клеф рассмеялась и грациозным жестом пояснила ему, о чем идет речь.

– Неужели вы еще не почувствовали его действие? Этого не может быть!

– Я чувствую себя, – ответил Оливер, – как после четырех порций виски.

Клеф подавила дрожь отвращения:

– Мы добиваемся эйфории не таким мучительным способом. И не знаем тех последствий, которые вызывает обычно ваш варварский алкоголь. – Она прикусила губу. – Простите. Я, должно быть, сама злоупотребила напитком, иначе я не позволила бы себе таких высказываний. Пожалуйста, извините меня. Давайте послушаем музыку.

Клеф откинулась в шезлонге и потянулась к стене. Рукав соскользнул с округлой руки, обнажив запястье, и Оливер вздрогнул, увидев еле заметный длинный розовый шрам. Его светские манеры окончательно растворились в парах душистого напитка; затаив дыхание, он подался вперед, чтобы рассмотреть получше.

Быстрым движением Клеф вернула рукав на место. Она покраснела сквозь нежный загар и отвела взгляд, точно ей вдруг стало чего-то стыдно.

Он бестактно спросил:

– Что это? Откуда?

Она все еще прятала глаза. Много позже он узнал, в чем дело, и понял, что у нее были все основания стыдиться. Но сейчас он просто не слушал ее лепет:

– Это так… ничего… прививка… Нам всем… впрочем, это не важно. Послушаем лучше музыку.

На этот раз она потянулась другой рукой, ни к чему не прикасаясь, но, когда рука оказалась в нескольких сантиметрах от стены, в воздухе возник еле слышный звук. То был шум воды, шорохи волн на бесконечном отлогом пляже. Клеф устремила взгляд на картину с изображением моря, и Оливер последовал ее

примеру.

Картина жила, волны двигались. Больше того, перемещалась сама точка наблюдения. Морской пейзаж медленно менялся, бег волн приближал зрителя к берегу. Оливер не отрывал глаз от картины, загипнотизированный мерным движением, и все происходящее казалось ему в эту минуту вполне естественным.

Волны росли, разбивались и ажурной пеной с шипением набегали на песок. Затем в звуках моря обозначилось легкое дыхание музыки, и сквозь синеву волн начали проступать очертания мужского лица. Человек улыбался тепло, как добрый знакомый. В руках он держал какой-то удивительный и очень древний музыкальный инструмент в форме лютни, весь в темных и светлых полосах, как арбуз, и с длинным загнутым грифом, лежащим у него на плече. Человек пел, и его песня слегка удивила Оливера. Она была очень знакомой и в то же время ни на что не похожей. С трудом одолев непривычные ритмы, он наконец нащупал мелодию – песенка «Понарошку» из спектакля «Плавучий театр». Но как она отличалась от самой себя – не меньше, чем спектакль «Плавучий театр» от какого-нибудь своего тезки, разводящего пары на Миссисипи.

– Что это он с ней вытворяет? – спросил Оливер после нескольких минут напряженного внимания. – В жизни не слыхал ничего похожего!

Клеф рассмеялась и снова потянулась к стене.

– Мы называем это горлированием, – загадочно ответила она. – Впрочем, не важно. А как вам понравится вот это?

Певец-комик был в гриме клоуна; его лицо казалось рамкой для чудовищно подведенных глаз. Он стоял на фоне темного занавеса у большой стеклянной колонны и в быстром темпе пел веселую песенку, скороговоркой импровизируя что-то между куплетами. В то же время ногтями левой руки он отбивал какой-то замысловатый ритм на стекле колонны, вокруг которой описывал круги все время, пока пел. Ритм то сливался с музыкой, то убегал куда-то в сторону, сплетая собственный рисунок, но затем вновь настигал музыку и сливался с ней.

Уразуметь, что к чему, было трудно. В самой песне было еще меньше смысла, чем в импровизированном монологе о каком-то пропавшем шлепанце. Монолог пестрел намеками, которые смешили Клеф, но ничего не говорили Оливеру. Стиль исполнения отличался не очень приятной суховатой утонченностью, хотя Клеф, судя по всему, находила в нем свою прелесть. Оливер с интересом отметил, что в манере певца пусть по-другому, но сквозит все та же свойственная Санциско крайняя и безмятежная самоуверенность. Национальная черта, подумал

он. Последовало еще несколько номеров. Некоторые явно представляли собой фрагменты, выдранные из чего-то целого. Один такой отрывок был ему знаком. Он узнал эту неповторимую, волнующую мелодию еще до того, как появилось изображение: люди, марширующие сквозь марево, над ними в клубах дыма вьется огромное знамя, а на переднем плане несколько человек скандируют в такт гигантскому шагу: «Вперед, вперед, лилейные знамена!»

Звук дребезжал, изображение плыло, и краски оставляли желать лучшего, но столько жизни было в этой сцене, что она захватила Оливера. Он смотрел во все глаза и вспоминал старый фильм давно прошедших лет. Деннис Кинг и толпа оборванцев, они поют «Песню бродяг» из… как же называлась картина? «Король бродяг»?

– Седая древность, – извинилась Клеф. – Но мне она нравится.

Дымок опьяняющего напитка вился между картиной и Оливером. Музыка вздымалась и опадала, она была повсюду – и в комнате, и в душистых парах, и в его собственном возбужденном сознании. Все казалось ему вполне реальным. Он понял, как нужно пить чай. Его действие, как у веселящего газа, не зависело от количества. Человек достигал высшей точки возбуждения, и за нее уже нельзя было перешагнуть. Поэтому лучше всего подождать, пока действие напитка чуть-чуть не ослабеет, и только после этого выпить снова.

В остальном по действию чай напоминал алкоголь: через некоторое время предметы расплывались в блаженном тумане, сквозь который все представлялось волшебным сном. Оливер уже ни о чем не спрашивал. После он и сам не мог отличить сна от яви.

Так, например, получилось с живой куклой. Он запомнил ее во всех подробностях: маленькая, стройная женщина, с длинным носом, темными глазами и острым подбородком, едва доходила ему до колена. Она изящно кружилась по белому ковру, ее лицо было таким же подвижным, как и тело; она танцевала легко, и всякий раз, когда ножкой касалась пола, звук отдавался звоном колокольчика. Это был какой-то сложный танец; кукла не дышала, но, танцуя, пела в такт и забавляла зрителей потешными ужимками. Конечно, она была точной копией живого человека и в совершенстве передразнивала его голос и манеру двигаться. После Оливер решил, что она ему привиделась.

Всего остального он уж и не мог припомнить. То есть он знал, что Клеф рассказывала ему что-то очень любопытное, и тогда он понимал ее, но, о чем шла речь, хоть убей, не помнил. Еще в

памяти всплывали блестящие карамельки на прозрачном блюде; некоторые были восхитительны, две или три такие горькие, что даже на другой день при одном воспоминании о них начинало сводить челюсти. А от одной (Клеф с упоением набросилась на вторую такую же) его чуть не вырвало.

Что касается самой Клеф, то он едва с ума не сошел, пытаясь вспомнить, что, собственно, произошло между ними. Ему казалось, будто он припоминает нежное прикосновение ее рукавов, когда она обнимала его за шею, и ее смех, и душистый аромат чая от ее дыхания на своем лице. Но дальше в памяти был черный провал.

Впрочем, перед тем, как окончательно забыться, он на минутку очнулся и, помнится, увидел двух других Санциско, которые стояли и глядели на него сверху вниз: мужчина – сердито, а голубоглазая женщина – насмешливо-иронически.

За тридевять земель от него мужчина сказал:

– Клеф, вы же знаете, что это вопиющее нарушение всех правил.

Возникнув как тонкое гудение, его голос вдруг улетел куда-то высоко-высоко, за пределы слышимости. Оливеру казалось, что он помнит и брюнетку – с ее смехом, таким же далеким и тоненьким, и жужжащим голосом, похожим на гудение пчелы.

– Клеф, Клеф, глупышка, неужели вас нельзя и на минуту оставить одну?

Голос Клеф произнес нечто совсем непонятное:

– Но какое значение это может иметь здесь?

Мужчина ответил, все так же гудя издалека:

– Очень большое значение, если учесть, что перед выездом вы обязались не вмешиваться. Вы же дали подписку о соблюдении правил…

Голос Клеф приблизился и стал более внятным:

– Но вся разница в том, что здесь… здесь это не имеет значения. И вы оба прекрасно это знаете. Не имеет и не может иметь!

Оливер почувствовал, как пуховый рукав ее платья задел его по щеке, но ничего не увидел, кроме дымных клубов мрака, которые, то опадая, то нарастая, лениво проплывали перед глазами. Далекие голоса продолжали мелодично пререкаться друг с другом, потом умолкли, и больше он ничего не слышал.

Он очнулся на следующее утро в своей постели. Вместе с Оливером проснулось и воспоминание о Клеф: о ее милом лице, что склонилось над ним с выражением щемящей жалости, о душистых золотых прядях, упавших на тронутые загаром щеки, о сострадании, которое он читал в ее глазах. Скорее всего, это ему

приснилось. Ведь не было ровным счетом никаких причин смотреть на него с такой жалостью.

Днем позвонила Сью:

– Оливер! Приехали те самые, что хотят купить дом! Чокнутая со своим муженьком. Привести их к тебе?

У Оливера голова с утра была забита смутными и какими-то бестолковыми воспоминаниями о вчерашнем. Вытесняя все остальное, перед ним снова и снова возникало лицо Клеф.

– Что? – переспросил он. – Я… Ах да. Ну что ж, приводи, если хочешь. Я лично не жду от этого никакого проку.

– Оливер, что с тобой? Мы же договорились, что нам нужны деньги, разве нет? Не понимаю, как ты можешь, не пошевелив пальцем, упускать такую выгодную сделку! Мы могли бы сразу пожениться и купить домик. Ты ведь знаешь, нам больше никогда не дадут столько денег за эту груду старья. Да проснись же ты, наконец!

Оливер попытался.

– Знаю, Сью, я все знаю. Но…

– Оливер, ты обязан что-то придумать!

Это был приказ. Он знал, что она права. Клеф – это Клеф, но от сделки ни в коем случае не следовало отказываться, если была хоть какая-то надежда выпроводить жильцов. Интересно все-таки знать, почему этот дом приобрел вдруг такую ценность, да еще в глазах стольких людей. И какое отношение имеет ко всему этому последняя неделя мая?

Вспыхнувшее любопытство пересилило даже владевшую им апатию. Последняя неделя мая… Весь вопрос о продаже дома упирается в то, кому в нем жить в это время. Значит, это очень важно. Но почему? Почему?

– А что такое может случиться за эту неделю? – обратился он к трубке с риторическим вопросом. – Почему бы им не потерпеть, пока комнаты не освободятся? Я уступлю им одну-две тысячи, если только…

– Как бы не так, Оливер Вильсон! На эти деньги можно купить целую холодильную установку. Разбейся в лепешку, но очисти дом к началу будущей недели, это мое последнее слово! Слышишь?

– Спи спокойно, крошка, – ответил Оливер деловым тоном. – Я всего лишь простой смертный, но я попробую.

– Так мы сейчас приедем, – сказала Сью, – пока этих Санциско нет дома. А ты, Оливер, пораскинь мозгами и что-нибудь придумай. – Она помолчала и задумчиво добавила: – Они… очень уж они чудны́е.

– Чудны́е?

– Сам увидишь.

Немолодая женщина и молодой человек, почти юноша, – вот кого Сью привела с собой. Оливер сразу понял, чем они поразили Сью. Но его почему-то нисколько не удивило, что оба носили одежду с той элегантностью и самоуверенностью, которую он успел изучить. И точно так же осматривались кругом с несколько снисходительным видом, явно наслаждаясь прекрасным солнечным днем. Они еще не успели заговорить, а Оливер уже знал, какими мелодичными окажутся их голоса и как тщательно будут они выговаривать каждое слово.

Да, тут не могло быть двух мнений. Таинственные соотечественники Клеф начали прибывать сюда потоком. Зачем? Чтобы провести здесь последнюю неделю мая? Он недоумевал. Пока нельзя было догадаться. Пока. Но одно можно было сказать с уверенностью: все они приезжают из той неизвестной страны, где каждый владеет своим голосом лучше любого певца и одевается как актер, который готов остановить само время, чтобы расправить смятую складку.

Пожилая дама сразу взяла инициативу в свои руки. Они встретились на шатких некрашеных ступеньках парадного, и Сью даже не успела их познакомить.

– Молодой человек, я госпожа Холлайа, а это – мой муж. – В ее голосе звучала суховатая резкость, что, вероятно, было вызвано возрастом. Лицо казалось затянутым в корсет: каким-то невидимым способом, о котором Оливер и понятия не имел, обвисшую плоть удалось загнать в некое подобие твердой формы. Грим был наложен так искусно, словно его и не было, но Оливер мог бы побиться об заклад, что она значительно старше, чем выглядит. Нужно было очень долго, целую жизнь командовать, чтобы в этом резком, глубоком и звучном голосе накопилось столько властности.

Молодой человек помалкивал. Он был удивительно красив красотой того типа, на который не влияют ни страна, ни уровень культуры. На нем был отлично сшитый костюм, в руке – предмет из красной кожи, формой и размерами напоминающий книгу.

Тем временем госпожа Холлайа продолжала:

– Я понимаю ваши трудности в вопросе о доме. Вы хотели бы мне его продать, но юридически связаны контрактом с Омерайе и его друзьями. Я не ошиблась?

Оливер утвердительно кивнул:

– Но…

– Позвольте мне договорить. Если до конца недели Омерайе удастся заставить выехать, вы примете мое предложение. Так?

Отлично. Хара! – Она кивнула молодому человеку, который весь превратился во внимание, сказал: «Да, Холлайа» – и с легким поклоном опустил затянутую в перчатку руку в карман пиджака.

С видом императрицы госпожа Холлайа простерла длань и приняла маленький предмет, услужливо поднесенный ей на ладонь.

– Вот, – сказала она, – вещица, которая может нам помочь. Дорогая моя, – она протянула предмет Сью, – если вам удастся спрятать это где-нибудь в доме, то, полагаю, нежелательные жильцы не станут слишком долго надоедать вам.

Сью с любопытством взяла «вещицу». Это была маленькая серебряная коробочка, не больше дюйма в диаметре, с насечкой по верху и с совершенно гладкими стенками, так что, судя по всему, открыть ее было нельзя.

– Погодите, – неловко вмешался Оливер, – а что это такое?

– Смею вас уверить, это никому не причинит вреда.

– Тогда зачем…

Госпожа Холлайа одним властным жестом приказала ему замолчать, а Сью – делать что требуется:

– Ну же, дорогая моя! Поспешите, а то вернется Омерайе. Уверяю вас, это совсем не опасно.

Но Оливер решительно воспротивился:

– Госпожа Холлайа, я должен знать, что вы задумали. Я…

– Оливер, прошу тебя! – Сью зажала серебряную коробочку в кулаке. – Ты только не волнуйся. Уверяю тебя, госпожа Холлайа знает, что делает. Разве ты не хочешь, чтобы они съехали?

– Конечно хочу. Но не хочу, чтобы дом взлетел на воздух или…

Госпожа Холлайа снисходительно засмеялась своим грудным смехом:

– Что вы, мистер Вильсон, мы действуем куда тоньше. К тому же не забывайте, этот дом нужен нам самим. Так поторопитесь, дорогая моя!

Сью кивнула и быстро скользнула в дом мимо Оливера. Он оказался в меньшинстве, и ему поневоле пришлось уступить. Пока они ждали, молодой человек по имени Хара любовался видом, рассеянно постукивая ногой о ступеньку. День был погожий, как и весь этот месяц, – прозрачно-золотой, полный мягкой прохлады, которая медлила уходить словно для того, чтобы люди еще острее прочувствовали разницу между весной и наступающим летом. Хара поглядывал по сторонам с самодовольством человека, который по достоинству оценил возведенные специально для него декорации. Он даже взглянул на небо, когда в вышине послышалось далекое гудение моторов, и

проводил глазами трансконтинентальный лайнер, едва заметный в золотистом солнечном мареве.

– Занятно, – пробормотал он с удовлетворением.

Вернулась Сью и, взяв Оливера под руку, возбужденно сжала его локоть.

– Готово, – сказала она. – Сколько теперь ждать, госпожа Холлайа?

– Это, дорогая моя, зависит от обстоятельств. Но не очень долго. А сейчас, мистер Вильсон, мне бы хотелось сказать кое-что вам лично. Вы ведь здесь живете, не так ли? Если вы дорожите собственным покоем, последуйте моему совету и…

Откуда-то из глубины дома донеслось хлопанье двери и переливы мелодии, которую выводил без слов высокий чистый голос. Затем послышались шаги на лестнице и единственная строчка какой-то песни: «Как сладко нам вдвоем…»

Хара вздрогнул, едва не выронив красный кожаный футляр.

– Клеф, – прошептал он. – А может быть, и Клайа. Я знаю, они обе только что возвратились из Кентербери. Но я думал…

– Ш-ш-ш! – Лицо госпожи Холлайи изменило выражение, и теперь на нем нельзя было прочитать ничего, кроме властности, лишь в трепете ноздрей угадывалось торжество. Она вся подобралась и повернулась к дверям своим внушительным фасадом.

На Клеф было мягкое пуховое платье, которое Оливер уже видел, только на этот раз не белого, а чистого светло-голубого цвета, который придавал ее загару абрикосовый оттенок. Она улыбнулась.

– Да ведь это Холлайа! – произнесла она с самыми мелодичными модуляциями, на какие была способна. – Мне показалось, что я слышу знакомые голоса. Я рада вас видеть. Никто не знал, что вы собираетесь отправиться в… – Она прикусила губу, украдкой бросив взгляд на Оливера. – И Хара с вами, – продолжала она. – Какая приятная неожиданность.

– А вы-то когда успели вернуться? – решительно спросила Сью.

Клеф одарила ее улыбкой:

– Вы, должно быть, и есть та самая крошка мисс Джонсон. Дело в том, что я вообще никуда не ходила. Мне надоело осматривать достопримечательности, и я спала у себя в комнате.

Сью не то вздохнула, не то недоверчиво фыркнула. Они с Клеф обменялись молниеносными взглядами, но это мгновение длилось, казалось, целую вечность. За короткую паузу, не более секунды, они без слов все сказали друг другу.

В улыбке Клеф, адресованной Сью, Оливер прочитал ту же

спокойную уверенность, которая, как он видел, была свойственна всем этим странным людям. Он заметил, как Сью мигом дала ей оценку от головы до кончиков туфель, а сама выпрямила плечи, подняла голову и провела ладонями по плоским бедрам, расправляя складки своего летнего платья. Она посмотрела на Клеф сверху вниз, надменно, подчеркнуто. С вызовом. Ничего не понимая, он перевел взгляд на Клеф.

Линия ее плеч образовывала мягкий наклон, а платье, стянутое поясом на узкой талии, ниспадало глубокими складками, подчеркивая округлость форм. У Сью была модная фигурка – но Сью уступила первой.

Клеф продолжала улыбаться. Ни слова не было сказано, но они внезапно поменялись ролями. Эта переоценка ценностей была вызвана одной лишь безграничной самоуверенностью Клеф, ее спокойной, властной улыбкой. Вдруг стало очевидно, что мода не стоит на месте. Странная и, казалось бы, давно устаревшая плавность линий, свойственная Клеф, неожиданно превратилась в эталон. Рядом с ней Сью выглядела смешным угловатым существом неопределенного пола.

Оливер не мог понять, как это произошло. Просто в какую-то долю секунды власть перешла из рук в руки. Красота почти целиком зависит от моды: что прекрасно сегодня, было бы нелепым поколения за два до этого и покажется нелепым через сто лет. Да что там нелепым, хуже – старомодным, а потому немного комичным.

Именно так и выглядела теперь Сью. Для того чтобы все присутствующие убедились в этом, Клеф понадобилось лишь чуть-чуть больше самоуверенности, чем обычно. Как-то сразу и бесспорно Клеф оказалась красавицей в полном соответствии с модой, а гибкая и худенькая Сью, ее прямые плечи стали, напротив, до смешного старомодными, каким-то анахронизмом во плоти. Сью было не место здесь. Среди этих странно совершенных людей она выглядела просто нелепо.

Провал был полным. Пережить его Сью помогли только гордость да, пожалуй, еще замешательство. Скорее всего, до нее так и не дошло, в чем дело. Она наградила Клеф взглядом, полным жгучей ненависти, а затем подозрительно уставилась на Оливера.

Припоминая впоследствии эту сцену, Оливер решил, что именно тогда перед ним впервые отчетливо забрезжила истина. Но в то время он не успел обдумать все до конца, потому что после короткой вспышки враждебности трое из ниоткуда заговорили все разом, как будто, спохватившись, попытались что-то скрыть от чужих глаз.

– Такая чудесная погода… – начала Клеф.

– Вам так повезло с домом… – произнесла госпожа Холлайа, но Хара перекрыл их голоса.

– Клеф, это вам от Сенбе. Его последняя работа, – сказал он, поднимая над головой красный кожаный футляр.

Клеф нетерпеливо потянулась за ним, и пуховые рукава скользнули вниз. Оливер успел заметить тот самый таинственный шрам, и ему показалось, что у Хары под манжетом тоже мелькнул едва заметный след, когда он опустил руку.

– Сенбе! – радостно воскликнула Клеф. – Как замечательно! Из какой эпохи?

– Ноябрь тысяча шестьсот шестьдесят четвертого года, – ответил Хара. – Разумеется, Лондон, хотя в одной теме, по-моему, возникает ноябрь тысяча триста сорок седьмого. Финал еще не написан, как вы можете догадаться. – Он бросил беспокойный взгляд в сторону Сью и Оливера. – Прекрасное произведение, – быстро продолжал он. – Чудо! Но разумеется, для тех, кто понимает в этом толк.

Госпожа Холлайа с деликатным отвращением пожала плечами.

– Уж этот мне Сенбе! – изрекла она. – Очаровательно, не спорю, – он великий человек. Но такой авангардист!

– Чтобы оценить Сенбе, нужно быть знатоком, – слегка подколола ее Клеф. – Это все признают.

– Ну конечно, мы все перед ним преклоняемся, – уступила Холлайа. – Но признаюсь, дорогая, этот человек порой внушает мне ужас. Не собирается ли он к нам присоединиться?

– Надеюсь, – ответила Клеф. – Поскольку его… хм… работа еще не закончена, то наверняка присоединится. Вы же знаете его вкусы.

Холлайа и Хара одновременно рассмеялись.

– В таком случае я знаю, когда его можно будет найти, – заметила Холлайа. Она взглянула на Оливера – он внимательно слушал – и на умолкшую, но все еще очень сердитую Сью. Затем, взяв бразды правления в свои руки, она вернула разговор к той теме, которая ее интересовала. – Вам так повезло с этим домом, Клеф, дорогая моя, – многозначительно объявила она. – Я видела его в объемном изображении – позднее, и он все еще оставался великолепным. Подумать только, какое удачное совпадение. Не желали бы вы аннулировать ваш договор, разумеется за соответствующее вознаграждение? Скажем, за местечко на коронации…

– Нас ничем не купить, Холлайа, – весело оборвала ее Клеф, прижимая к груди красный футляр.

Холлайа смерила ее холодным взглядом.

– Вы можете и передумать, дорогая моя, – сказала она. – Еще есть время. Тогда свяжитесь со мной через мистера Вильсона, тем более что он сам здесь присутствует. Мы сняли комнаты выше по улице, в «Монтгомери-хаус». Конечно, они не чета вашим, но тоже неплохи. Для нас, во всяком случае, сойдут.

Оливер не поверил собственным ушам. «Монтгомери-хаус» считался самым роскошным отелем в городе. По сравнению с его древней развалюхой это был настоящий дворец. Нет, понять этих людей решительно невозможно. Все у них наоборот.

Госпожа Холлайа величественно поплыла к ступенькам.

– Я была счастлива повидаться с вами, дорогая, – бросила она через плечо (у нее были отлично набитые искусственные плечи). – Всего хорошего. Передайте привет Омерайе и Клайе. Мистер Вильсон! – Она кивком указала ему на дорожку. – Могу я вам сказать два слова?

Оливер проводил ее до шоссе. На полпути госпожа Холлайа остановилась и тронула его за руку.

– Я хочу дать вам совет, – сипло прошептала она. – Вы говорили, что ночуете в этом доме? Так рекомендую вам перебраться в другое место, молодой человек. И сделайте это сегодня же вечером.

Оливер занимался довольно-таки бессистемными поисками тайника, куда Сью упрятала коробочку, когда сверху, через лестничный пролет, до него донеслись первые звуки. Клеф закрыла дверь в свою комнату, но дом был очень старый; ему показалось даже, будто он видит, как странные звуки просачиваются сквозь ветхое дерево и пятном расплываются по потолку.

Это была музыка – в известном смысле. И в то же время нечто неизмеримо большее, чем музыка. Звук ее внушал ужас. Она рассказывала о страшном бедствии. В ней было все – от истерики до смертной тоски, от дикой, неразумной радости до обдуманного смирения.

Бедствие было единственным в своем роде. Музыка не стремилась объять все скорби рода человеческого, но крупным планом выделила одну; эта тема развивалась до бесконечности. Основные созвучия Оливер распознал довольно быстро. Именно в них было существо музыки; нет, не музыки, а того грандиозного, страшного, что впилось в мозг Оливера с первыми услышанными звуками.

Но только он поднял голову, чтобы прислушаться, как музыка утратила всякий смысл, превратилась в беспорядочный набор

звуков. Попытка понять ее безнадежно размыла в сознании все контуры музыкального рисунка, он больше не смог вернуть того первого мгновения интуитивного восприятия.

Едва ли понимая, что делает, он, как во сне, поднялся наверх, рывком отворил дверь в комнату Клеф и заглянул внутрь…

То, что он увидел, впоследствии припоминалось ему в очертаниях таких же смутных и размытых, как представления, рожденные музыкой в его сознании. Комната наполовину исчезла в тумане, а туман был не чем иным, как трехмерным экраном. Изображения на экране… Для них не нашлось слов. Он не был даже уверен, что это зрительные изображения. Туман клубился от движений и звуков, но не они приковывали внимание Оливера. Он видел целое.

Перед ним было произведение искусства. Оливер не знал, как оно называется. Оно превосходило, вернее, сочетало в себе все известные ему формы искусства, и из этого сочетания возникали новые формы, настолько утонченные, что разум Оливера отказывался их принимать. В основе своей то была попытка великого мастера претворить важнейшие стороны огромного жизненного опыта человечества в нечто такое, что воспринималось бы мгновенно и всеми чувствами сразу.

Видения на экране сменялись, но это были не картины, а лишь намек на них; точно найденные образы будоражили ум и одним искусным прикосновением будили в памяти длинную вереницу ассоциаций. Очевидно, на каждого зрителя это производило разное впечатление: ведь правда целого заключалась в том, что каждый видел и понимал его по-своему. Не нашлось бы и двух человек, для которых эта симфоническая панорама могла бы прозвучать одинаково, но перед взором каждого разворачивался, в сущности, один и тот же ужасный сюжет.

Беспощадный в своем искусстве гений обращался ко всем чувствам. Краски, образы, движущиеся тени сменялись на экране; намекая на что-то важное, они извлекали из глубин памяти горчайшие воспоминания. Но ни одно зрительное изображение не смогло бы так разбередить душу, как запахи, струившиеся с экрана. Порой будто холодная рука прикасалась к коже – и по телу пробегал озноб. Во рту то появлялась оскомина, то текли слюнки от сладости.

Это было чудовищно. Симфония безжалостно обнажала потаенные уголки сознания, бередила давно зарубцевавшиеся раны, извлекала на свет секреты и тайны, замурованные глубоко в подвалах памяти. Она принуждала человека вновь и вновь постигать ее ужасный смысл, хотя разум грозил сломиться под непосильным бременем.

И в то же время, несмотря на живую реальность всего этого, Оливер не мог понять, о каком бедствии идет речь. Что это было настоящее, необозримое и чудовищное бедствие – он не сомневался. И оно когда-то произошло на самом деле – это тоже было совершенно очевидно. В тумане на миг возникали лица, искаженные горем, недугом, смертью, – лица реальных людей, которые были когда-то живыми, а теперь предстали перед ним в смертельной агонии. Он видел мужчин и женщин в богатых одеждах; они крупным планом появлялись на фоне тысяч и тысяч мятущихся, одетых в лохмотья бедняков, что громадными толпами проносились по экрану и исчезали в мгновение ока. Он видел, как смерть равно настигала и тех и других.

Он видел прекрасных женщин, они смеялись, встряхивая кудрями, но смех превращался в истерический вопль, а вопль – в музыку. Он видел мужское лицо. Оно появлялось снова и снова – удлиненное, смуглое, мрачное, в глубоких морщинах; исполненное печали лицо могущественного человека, умудренного в земных делах; лицо благородное и – беспомощное. Некоторое время оно повторялось как главная тема, и каждый раз все большая мука и беспомощность искажали его.

Музыка оборвалась в нарастании хроматической гаммы. Туман пропал, и комната вернулась на место. Какое-то мгновение на всем вокруг Оливеру еще виделся отпечаток смуглого, искаженного болью лица – так яркая картина долго стоит перед глазами, когда опустишь веки. Оливер знал это лицо. Он видел его раньше, не так уж часто, но имя человека обязательно должно было быть ему знакомо.

– Оливер, Оливер… – Нежный голос Клеф донесся откуда-то издалека.

Оливер стоял ослабевший, привалившись спиной к косяку, и смотрел ей в глаза. Она казалась опустошенной, как и он сам. Жуткая симфония все еще держала их в своей власти. Но даже в смутную эту минуту Оливер понял, что музыка доставила Клеф огромное наслаждение.

Он чувствовал себя совсем больным. Человеческие страдания, которым его только что заставили сопереживать, вызвали тошноту и дрожь, и от этого все кружилось у него перед глазами. Но Клеф – ее лицо выражало одно восхищение. Для нее симфония была прекрасной, и только прекрасной.

Непонятно почему Оливер вдруг вспомнил о вызывающих тошноту карамельках, которые так нравились Клеф, и об отвратительном запахе странных кушаний, что просачивался иногда в коридор из ее комнаты.

О чем это говорила она тогда на крыльце? О знатоках, вот о чем. Только настоящий знаток способен оценить такого… такого авангардиста, как некто по имени Сенбе.

Опьяняющий аромат поднялся тонкой струйкой к его лицу. Он почувствовал в руке что-то прохладное и гладкое на ощупь.

– Оливер, умоляю вас, простите меня. – В тихом голосе Клеф звучало раскаяние. – Вот, выпейте, и вам сразу станет лучше. Ну пейте же, я прошу вас!

И только когда язык ощутил знакомую сладость горячего душистого чая, до него дошло, что он исполнил ее просьбу. Пары напитка окутали разум, напряжение спало, и через минуту мир снова обрел свою надежность. Комната приняла обычный вид, а Клеф…

Ее глаза сияли. В них было сочувствие к нему, Оливеру, но сама она была переполнена радостным возбуждением от только что пережитого.

– Пойдемте, вам нужно сесть, – мягко сказала она, потянув его за руку. – Простите – мне не следовало ее проигрывать, пока вы в доме. Нет, у меня даже нет оправданий. Я совсем забыла, какое впечатление она может произвести на человека, незнакомого с музыкой Сенбе. Мне так не терпелось узнать, как он воплотил… воплотил свою новую тему. Умоляю вас, Оливер, простите меня!

– Что это было? – Его голос прозвучал тверже, чем он рассчитывал: чай давал о себе знать. Он сделал еще глоток, радуясь аромату, который не только возбуждал, но и приносил утешение.

– Ком… комбинированная интерпретация… ах, Оливер, вы же знаете, что мне нельзя отвечать на вопросы!

– Но…

– Никаких «но». Потягивайте чай и забудьте о том, что видели. Думайте о другом. Сейчас мы с вами послушаем музыку – не такую, конечно, а что-нибудь веселое…

Все было как в прошлый раз. Она потянулась к стене, и Оливер увидел, что синяя вода на заключенной в раму картине пошла рябью и стала выцветать. Сквозь нее пробились иные образы – так постепенно проступают очертания предмета, всплывающего из глубины моря.

Он различил подмостки, занавешенные черным, а на них – человека в узкой темной тунике и чулках, который мерил сцену нетерпеливыми шагами, двигаясь как-то боком. На темном фоне лицо и руки казались поразительно бледными. Он был хром и горбат и произносил знакомые слова. Оливеру однажды посчастливилось увидеть Джона Бэрримора в роли горбуна

Ричарда, и то, что на эту трудную роль посягнул какой-то другой актер, показалось ему несколько оскорбительным. Этого актера он не знал. Человек играл с завораживающей вкрадчивостью, совершенно по-новому трактуя образ короля из рода Плантагенетов. Такая трактовка, пожалуй, и не снилась Шекспиру.

– Нет, – сказала Клеф, – не то. Хватит мрачности!

И она снова протянула руку. Безымянный новоявленный Ричард исчез с экрана, уступив место другим голосам и картинам. Они мелькали и сливались друг с другом, пока наконец изображение не стало устойчивым: на большой сцене танцовщицы в пастельно-синих балетных пачках легко и непринужденно выполняли фигуры какого-то сложного танца. И музыка была такая же легкая и непринужденная. Чистая, струящаяся мелодия наполнила комнату.

Оливер поставил чашку на стол. Теперь он чувствовал себя куда увереннее; напиток, видимо, сделал свое дело. Оливер не хотел, чтобы его рассудок опять затуманился. Он собирался кое-что выяснить, и выяснить сейчас же. Немедленно. Он обдумывал, как бы приступить к этому.

Клеф наблюдала за ним.

– Эта женщина, Холлайа, – сказала она неожиданно. – Она хочет купить у вас дом?

Оливер кивнул:

– Она предлагает много денег. Для Сью это будет форменным ударом, если…

Он запнулся. В конце концов, возможно, обойдется и без удара. Он вспомнил маленькую серебряную коробочку с загадочным предназначением и подумал, не рассказать ли о ней Клеф. Но напиток не успел еще обезоружить мозг – он помнил о своих обязанностях перед Сью и промолчал.

Клеф покачала головой и посмотрела ему прямо в глаза теплым взглядом. А может быть, и сочувственным?

– Поверьте мне, – сказала она, – в конечном счете все это покажется не таким уж важным. Обещаю вам, Оливер.

Оливер с удивлением воззрился на нее:

– Не могли бы вы объяснить – почему?

Клеф рассмеялась, скорее печально, чем весело, и Оливер вдруг осознал, что в ее голосе не было больше снисходительности. Она перестала смотреть на него как на забавный курьез. Ее поведение как-то незаметно утратило ту холодную отчужденность, с какой обращались с ним Омерайе и Клайа. Вряд ли она притворялась: изменения были слишком тонкими и неуловимыми, чтобы разыграть их сознательно. Они

наступали самопроизвольно либо не наступали совсем. По причинам, в которые Оливер не желал вдаваться, ему вдруг стало очень важно, чтобы Клеф не снисходила до общения с ним, чтобы она испытывала к нему те же чувства, что он к ней. Он не хотел размышлять над этим.

Оливер посмотрел на прозрачно-розовую чашку, на струйку пара, которая поднималась над отверстием в форме полумесяца. Может быть, подумал он, на этот раз чай послужит его целям. Этот напиток развязывает языки, а ему нужно было многое узнать. Догадка, осенившая его на крыльце, когда Сью и Клеф сошлись в безмолвной схватке, казалась сейчас не столь уж невероятной. Ведь есть же какое-то объяснение всему этому.

Клеф сама предоставила ему удобный случай.

– Мне сегодня нельзя пить много чая, – сказала она, улыбаясь ему из-за розовой чашки. – От него мне захочется спать, а у нас вечером прогулка с друзьями.

– Еще друзья? – спросил Оливер. – И все ваши соотечественники?

Клеф кивнула:

– Очень близкие друзья. Мы ждали их всю неделю.

– Скажите мне, – напрямик начал Оливер, – что это за страна, откуда вы приехали? Ведь вы не здешние. Ваша культура слишком не похожа на нашу, даже имена…

Он замолчал, увидев, что Клеф отрицательно качает головой.

– Я сама хотела бы рассказать вам об этом, но мне запрещают правила. Даже то, что я сижу здесь и разговариваю с вами, уже нарушение правил.

– Каких правил?

Клеф беспомощно махнула рукой:

– Не нужно меня спрашивать, Оливер. – Она нежно улыбнулась ему, откинувшись на спинку шезлонга, который услужливо приспособился к ее новой позе. – Нам лучше не говорить о таких вещах. Забудьте об этом, слушайте музыку и, если можете, развлекайтесь в свое удовольствие…

Она прикрыла веки и запрокинула голову на подушки, мурлыча про себя какую-то мелодию. Не открывая глаз, она напела ту самую строчку, что он слышал утром: «Как сладко нам вдвоем…»

Яркое воспоминание вдруг озарило память Оливера. Он никогда не слышал странной, тягучей мелодии, но слова песни как будто узнал. Он вспомнил, что сказал муж госпожи Холлайи, услышав эту строчку, и весь подался вперед. На прямой вопрос она, конечно, не станет отвечать, но если попробовать…

– А что, в Кентербери было так же тепло? – спросил он и

затаил дыхание.

Клеф промурлыкала другую строчку песни и покачала головой, по-прежнему не поднимая век:

– Там была осень. Но такая чудесная, ясная. Знаете, у них даже одежда… Все пели эту новую песенку, и она запала мне в голову.

Она пропела еще одну строчку, но Оливер не разобрал почти ни слова. Язык был английский и в то же время какой-то совсем непонятный.

Он встал.

– Постойте, – сказал он. – Мне нужно кое-что выяснить. Я сейчас вернусь.

Она открыла глаза и улыбнулась ему туманной улыбкой, не переставая напевать. Он спустился на первый этаж – быстро, но не бегом, потому что лестница чуть-чуть качалась под ногами, хотя в голове уже прояснилось, – и прошел в библиотеку. Книга была старой и потрепанной, в ней еще сохранились карандашные пометки университетских лет. Он довольно смутно помнил, где искать нужный отрывок, начал быстро листать страницы и по чистой случайности почти сразу на него наткнулся. Он опять поднялся наверх, чувствуя какую-то странную пустоту в желудке: теперь он был почти уверен.

– Клеф, – сказал он твердо, – я знаю эту песню. Я знаю, в каком году она была новинкой.

Она медленно подняла веки, ее взгляд был затуманен напитком. Вряд ли его слова дошли до ее сознания. Целую минуту она смотрела на него остановившимся взглядом, затем вытянула перед собой руку в голубом пуховом рукаве, распрямила смуглые от загара пальцы и потянулась к Оливеру, засмеявшись низким грудным смехом.

– Как сладко нам вдвоем, – сказала она.

Он медленно пересек комнату и взял ее за руку, ощутив теплое пожатие пальцев. Она заставила его опуститься на колени у шезлонга, тихо засмеялась, закрыла глаза и приблизила лицо к его губам.

Их поцелуй был горячим и долгим. Он ощутил аромат чая в ее дыхании, ему передалось ее опьянение. Но он вздрогнул, когда кольцо ее рук вдруг распалось, и почувствовал на щеке учащенное дыхание. По лицу ее покатились слезы, она всхлипнула.

Он отстранился и с удивлением посмотрел на нее. Она всхлипнула еще раз, перевела дыхание и тяжело вздохнула.

– Ах, Оливер, Оливер… – Затем покачала головой и высвободилась, отвернувшись, чтобы спрятать лицо. – Я… мне

очень жаль, – сказала она прерывающимся голосом. – Пожалуйста, простите меня. Это не имеет значения… я знаю, что не имеет… и все-таки.

– Что случилось? Что не имеет значения?

– Ничего… Ничего… Пожалуйста, забудьте об этом. Ровным счетом ничего.

Она взяла со стола носовой платок, высморкалась и лучезарно улыбнулась ему сквозь слезы.

Внезапно им овладел гнев. Хватит с него всех этих уловок и таинственных недомолвок! Он грубо сказал:

– Вы что, и в самом деле считаете меня таким дурачком? Теперь я знаю вполне достаточно, чтобы…

– Оливер, прошу вас! – Она поднесла ему свою чашку, над которой вился душистый дымок. – Прошу вас, не надо больше вопросов. Эйфория – вот что вам нужно, Оливер. Эйфория, а не ответы.

– Какой был год, когда вы услышали в Кентербери эту песенку? – спросил он, отстраняя чашку.

Слезы блестели у нее на ресницах. Она прищурилась:

– Ну… а сами вы как думаете?

– Я знаю, – мрачно ответил Оливер. – Я знаю, в каком году все пели эту песенку. Я знаю, что вы только что побывали в Кентербери, муж Холлайи проболтался об этом. Сейчас у нас май, но в Кентербери была осень, и вы только что там побывали, поэтому и песенка, что вы там слышали, все еще у вас в голове. Эту песенку пел Чосер, продавец индульгенций, где-то в конце четырнадцатого века. Вы встречали Чосера, Клеф? Какой была Англия в то далекое время?

С минуту Клеф молча смотрела ему прямо в глаза. Затем плечи ее опустились, и вся она как-то покорно сникла под своим одеянием.

– Какая же я дурочка, – спокойно сказала она. – Должно быть, меня легко было поймать. Вы и вправду верите тому, что сказали?

Оливер кивнул.

Она продолжала тихим голосом:

– Немногие способны поверить в это. Таково одно из правил, которыми мы руководствуемся, когда путешествуем. Нам не грозит серьезное разоблачение – ведь до того, как путешествие во времени было открыто, люди в него просто не верили.

Ощущение пустоты под ложечкой резко усилилось. На какой-то миг время показалось Оливеру бездонным колодцем, а вселенная потеряла устойчивость. Он почувствовал тошноту, почувствовал себя нагим и беспомощным. В ушах звенело, комната плыла перед глазами.

Ведь он сомневался – по крайней мере до этой минуты. Он ждал от нее какого-нибудь разумного объяснения, способного привести его дикие догадки и подозрения в некую стройную систему, которую можно было бы принять на веру. Но только не это!

Клеф осушила глаза светло-синим платочком и робко улыбнулась.

– Я понимаю, – сказала она. – Примириться с этим, должно быть, страшно трудно. Все ваши представления оказываются вывернутыми наизнанку… Мы, разумеется, привыкли к этому с детства. Но для вас… Вот, выпейте, Оливер! Эйфориак даст вам облегчение.

Он взял чашку – ободок все еще хранил бледные следы ее помады – и начал пить. Напиток волнами поднимался к голове, вызывая сладкое головокружение, мозг словно слегка перемещался в черепной коробке, изменяя его взгляд на вещи, а заодно и понятие о ценностях.

Ему становилось лучше. Пустота начала понемногу наполняться, ненадолго вернулась уверенность в себе, на душе потеплело, и он уже не был больше песчинкой в водовороте неустойчивого времени.

– На самом деле все очень просто, – говорила Клеф. – Мы… путешествуем. Наше время не так уж страшно удалено от вашего. Нет. На сколько – этого я не имею права говорить. Но мы еще помним ваши песни, и ваших поэтов, и кое-кого из великих актеров вашего времени. У нас очень много досуга, а занимаемся мы тем, что развиваем искусство удовольствий. Сейчас мы путешествуем – путешествуем по временам года. Выбираем лучшие. По данным наших специалистов, та осень в Кентербери была самой великолепной осенью всех времен. Вместе с паломниками мы совершили поездку к их святыне. Изумительно, хотя справиться с их одеждой было трудновато. А этот май – он уже на исходе – самый прекрасный из всех, какие отмечены в анналах времени. Идеальный май замечательного года. Вы, Оливер, даже не представляете себе, в какое славное, радостное время вы живете. Это чувствуется в самой атмосфере ваших городов – повсюду удивительное ощущение всеобщего счастья и благополучия, и все идет как по маслу. Такой прекрасный май встречался и в другие годы, но каждый раз его омрачала война, или голод, или что-нибудь еще.

Она замялась, поморщилась и быстро продолжила:

– Через несколько дней мы должны собраться на коронации в Риме. Если не ошибаюсь, это будет в восьмисотом году от Рождества Христова. Мы…

– Но почему, – перебил ее Оливер, – вы так держитесь за этот дом? И почему другие стараются его у вас отнять?

Клеф пристально посмотрела на него. Он увидел, что на глазах у нее опять выступают слезы, собираясь в маленькие блестящие полумесяцы у нижних век. На милом, тронутом загаром лице появилось упрямое выражение. Она покачала головой:

– Об этом вы не должны меня спрашивать. – Она подала ему дымящуюся чашку. – Вот, выпейте и забудьте о том, что я рассказала. Больше вы от меня ничего не услышите. Нет, нет и нет.

Проснувшись, он некоторое время не мог понять, где находится. Он не помнил, как попрощался с Клеф и вернулся к себе. Но сейчас ему было не до этого. Его разбудило чувство всепоглощающего ужаса. Оно наполняло темноту. Волны страха и боли сотрясали мозг. Оливер лежал неподвижно, боясь пошевелиться. Какой-то древний инстинкт приказывал ему затаиться, пока он не выяснит, откуда угрожает опасность.

Приступы слепой паники снова и снова обрушивались на него с равномерностью прибоя, голова раскалывалась от их неистовой силы, и сама темнота вибрировала им в такт.

В дверь постучали, и раздался низкий голос Омерайе:

– Вильсон! Вильсон! Вы не спите?

После двух неудачных попыток Оливеру удалось выдавить:

– Не-ет, а что?

Брякнула дверная ручка, замаячил смутный силуэт Омерайе. Он нащупал выключатель, и комната вынырнула из мрака.

Лицо Омерайе было искажено, он сжимал голову рукой, – очевидно, боль набрасывалась на него с теми же интервалами, что и на Оливера.

Прежде чем Омерайе успел что-нибудь произнести, Оливер вспомнил. Холлайа предупреждала его: «Рекомендую вам перебраться в другое место, молодой человек. И сделайте это сегодня же вечером». Он исступленно спрашивал себя, что именно грозит им в этом темном доме, который сотрясали спазмы слепого ужаса.

Сердитым голосом Омерайе ответил на его невысказанный вопрос:

– Кто-то установил в доме субсонорный излучатель, слышите, Вильсон! Клеф считает, что вы знаете где.

– С-субсонорный?..

– Есть такое устройство, – нетерпеливо пояснил Омерайе. – Скорее всего, небольшая металлическая коробка, которая…

– А-а-а, – протянул Оливер таким тоном, который выдал его с головой.

– Где она? – потребовал Омерайе. – Быстро! Нужно поскорее с ней разделаться.

– Не знаю, – ответил Оливер, с трудом заставив себя не стучать зубами. – В-вы хотите сказать, что все, все это наделала одна маленькая коробочка?

– Конечно. Теперь подскажите, где ее искать, не то все мы здесь сойдем с ума от страха.

Весь дрожа, Оливер выбрался из постели и неверной рукой нащупал халат.

– Я д-думаю, она спрятала ее где-то внизу. Она отлучалась с-совсем ненадолго.

Несколькими короткими вопросами Омерайе все из него вытянул. Когда Оливер закончил, тот заскрипел зубами в бессильной ярости:

– Эта идиотка Холлайа…

– Омерайе! – донесся из коридора жалобный голос Клеф. – Омерайе, пожалуйста, скорее! Я больше не выдержу! Ох! Омерайе, умоляю вас!

Оливер вскочил на ноги. От резкого движения непонятная боль с удвоенной силой захлестнула его сознание; он покачнулся и вцепился в столбик кровати.

– Сами ищите ее, – услышал он свой дрожащий голос. – Я не могу и шагу ступить.

Нервы Омерайе начинали сдавать под страшным гнетом. Он схватил Оливера за плечи и принялся трясти, приговаривая сквозь зубы:

– Вы впутали нас в эту историю – так будьте добры помочь нам из нее выпутаться, иначе…

– Это устройство придумали в вашем мире, а не в нашем! – в бешенстве бросил ему Оливер.

И вдруг он почувствовал, что в комнате стало тихо и холодно. Даже боль и бессмысленная паника отпустили на минуту. Прозрачные холодные зрачки мгновенно впились в него с таким выражением, что Оливеру почудилось, будто в глазах Омерайе застыл лед.

– Что вам известно о нашем… мире? – требовательно спросил он.

Оливер не ответил, да в этом и не было необходимости: его лицо говорило само за себя. Он был не способен притворяться под этой пыткой ночным ужасом, который все еще оставался для него загадкой.

Омерайе ощерил свои белые зубы. Он произнес три

непонятных слова, шагнул к двери и отрывисто бросил:

– Клеф!

Оливер различил в коридоре женщин, которые жались друг к другу, – их била дрожь. Клайа, в длинном светящемся платье зеленого цвета, ценой огромного напряжения держала себя в руках, а Клеф даже и не пыталась совладать с собой. Ее пуховый наряд отливал сейчас мягким золотом, тело вздрагивало, и по лицу струились слезы, которых она уже не могла унять.

– Клеф, – спросил Омерайе голосом, не предвещавшим ничего хорошего, – вы вчера снова злоупотребили эйфориаком?

Клеф испуганно покосилась на Оливера и виновато кивнула.

– Вы слишком много болтали. – В одной фразе прозвучал целый обвинительный акт. – Вам, Клеф, известны правила. Если об этом случае будет доложено властям, вам запретят путешествовать.

Ее красивое лицо неожиданно скривилось в упрямую гримасу.

– Я знаю, что поступила плохо. Я жалею об этом. Но вам не удастся запретить мне, если Сенбе будет против.

Клайа всплеснула руками в бессильном гневе. Омерайе пожал плечами.

– В данном случае, очевидно, большой беды не произошло, – сказал он, как-то загадочно посмотрев на Оливера. – Но ведь могло получиться и хуже. В следующий раз так оно и будет. Придется поговорить с Сенбе.

– Прежде всего нужно отыскать субсонорный излучатель, – напомнила Клайа, не переставая дрожать. – Если Клеф боится оставаться в доме, ей лучше пойти погулять. Признаюсь, сейчас общество Клеф меня только раздражает.

– Мы могли бы отказаться от дома! – исступленно закричала Клеф. – Пусть Холлайа забирает его себе! Чтобы искать, нужно время, а вы столько не выдержите…

– Отказаться от дома? – переспросила Клайа. – Да вы с ума сошли! Отменить все разосланные приглашения?!

– В этом не будет нужды, – сказал Омерайе. – Мы найдем излучатель, если все примемся за поиски. Вы в состоянии помочь? – Он вопросительно посмотрел на Оливера.

Усилием воли Оливер заставил себя преодолеть бессмысленный панический ужас, который волнами распространялся по комнате.

– Да, – ответил он. – Но как же я? Что вы сделаете со мной?

– Разве не ясно? – сказал Омерайе. – Заставим сидеть дома до нашего отъезда. Как вы понимаете, поступить иначе мы просто не

можем. В данном случае, однако, у нас нет и оснований идти на более радикальные меры. Документы, что мы подписали перед путешествием, требуют от нас сохранения тайны, не больше.

– Постойте… – Оливер попытался нащупать какой-то просчет в рассуждениях Омерайе. Но это было бесполезно. Он не мог собраться с мыслями. Мозг захлебывался в безумном ужасе, который был везде, даже в воздухе. – Ладно, – сказал он. – Давайте искать.

Коробочку нашли только под утро. Она была спрятана в диванной подушке, куда ее заткнули через разошедшийся шов. Не говоря ни слова, Омерайе взял ее и понес к себе. Минут через пять напряжение исчезло и благодатный покой снизошел на дом.

– Они не остановятся на этом, – сказал Омерайе, задержав Оливера у двери его спальни. – Нам следует быть настороже. Что касается вас, моя обязанность – позаботиться, чтобы вы до пятницы не выходили из дому. Если Холлайа попробует еще что-нибудь выкинуть, то советую немедленно поставить меня в известность. Это в ваших собственных интересах. Должен признаться, я не совсем ясно представляю себе, как заставить вас сидеть дома. Я мог бы сделать это крайне неприятным для вас способом, но мне хотелось бы ограничиться честным словом.

Оливер колебался. После того как спало напряжение, он почувствовал себя опустошенным, сознание притупилось, и он никак не мог уразуметь, что ответить.

Выждав с минуту, Омерайе добавил:

– Здесь есть и наша вина – нам следовало специально обусловить в договоре, что дом поступает в наше полное распоряжение. Поскольку вы жили вместе с нами, то вам, конечно, было трудно удержаться от подозрений. Что, если в виде компенсации за обещание я частично возмещу вам разницу между арендой и продажной стоимостью дома?

Оливер взвесил предложение. Пожалуй, это немножко успокоит Сью. Да и речь идет всего о двух днях. И вообще, допустим, он удерет – какая от этого польза? Что бы он ни сказал в городе, его прямым ходом отправят в психиатрическую лечебницу.

– Ладно, – устало согласился он. – Обещаю.

Наступила пятница, а Холлайа все еще не напоминала о себе. В полдень позвонила Сью. Оливер узнал трескучий звук ее голоса, хотя разговаривала с ней Клеф. Судя по звуку, Сью была в истерике: выгодная сделка безнадежно уплывала из ее цепких пальчиков.

Клеф попыталась ее успокоить.

– Мне жаль, – повторяла она каждый раз, когда Сью на минутку переставала трещать. – Мне действительно очень жаль. Поверьте мне, вы еще поймете, что это не важно… Я знаю… Мне очень жаль…

Наконец она положила трубку.

– Девушка говорит, что Холлайа уступила, – сообщила она остальным.

– Никогда не поверю, – решительно сказала Клайа.

Омерайе пожал плечами:

– У нее почти не осталось времени. Если она намерена действовать, то попытается уже сегодня вечером. Надо быть начеку.

– Нет, только не сегодня! – В голосе Клеф прозвучал ужас. – Даже Холлайа не пойдет на это.

– Дорогая моя, по-своему Холлайа так же неразборчива в средствах, как и вы, – с улыбкой заметил Омерайе.

– Но… неужели она станет нам пакостить только за то, что не может сама жить в этом доме?

– А вы думаете нет? – спросила Клайа.

Оливеру надоело прислушиваться. Пытаться понять их разговоры – дело безнадежное. Но он знал, что, какая бы тайна ни крылась за всем этим, сегодня вечером она наконец выплывет наружу. Он твердо решил дождаться заветного часа.

Два дня весь дом и трое новых жильцов пребывали в состоянии нарастающего возбуждения. Даже прислуга нервничала, утратив обычную невозмутимость. Оливер прекратил расспросы – от них не было никакой пользы, они только вызывали замешательство у жильцов – и выжидал.

Стулья из всех комнат перенесли в три парадные спальни. Остальную мебель передвинули, чтобы освободить больше места. На подносах приготовили несколько дюжин накрытых чашечек. Среди прочих Оливер заметил сервиз из розового кварца, принадлежащий Клеф. Над узкими отверстиями не поднималось дымка, хотя чашки были полны. Оливер взял одну в руки и почувствовал, как тяжелая жидкость вяло переливается внутри, словно ртуть.

Все говорило о том, что ждут гостей. Однако в девять сели обедать, как обычно, а гостей все не было. Затем встали из-за стола, и прислуга разошлась по домам. Санциско пошли к себе переодеться, и напряжение, казалось, еще возросло.

После обеда Оливер вышел на крыльцо, тщетно ломая голову над вопросом: чего они ждут – так нетерпеливо, что весь дом словно застыл в ожидании? На горизонте в легком тумане качался месяц, но звезды, от которых все майские ночи в этом

году были ослепительно-прозрачными, сегодня что-то потускнели. На западе собирались тучи; похоже, что безупречная погода, которая держалась целый месяц, собиралась наконец испортиться.

Дверь за спиной Оливера приоткрылась и захлопнулась. Еще не успев обернуться, он уловил аромат, присущий Клеф, и слабый запах ее любимого напитка. Она подошла, встала рядом, и он почувствовал, как ее рука проскользнула в его ладонь. В темноте она подняла к нему лицо.

– Оливер, – произнесла она очень тихо, – пообещайте мне одну вещь. Обещайте не выходить сегодня из дому.

– Я уже обещал, – ответил он с ноткой раздражения в голосе.

– Я знаю. Но сегодня – сегодня у меня есть особая причина просить вас посидеть дома.

На мгновение она опустила голову ему на плечо, и он, сам того не желая, невольно смягчился. С того памятного вечера, когда она все ему рассказала, они ни разу не оставались вдвоем. Он думал, что так и не удастся побыть с ней наедине, разве только урывками, на несколько минут. Но он понимал, что никогда не забудет двух странных вечеров, проведенных с ней. Теперь он знал и другое: она слабовольна и вдобавок легкомысленна. Но она оставалась все той же Клеф, которую он держал в объятиях. И это, пожалуй, навсегда врезалось ему в память.

– Вас могут… ранить, если вы сегодня отправитесь в город, – продолжала она приглушенным голосом. – Я знаю, что в конечном счете это не имеет значения, но… Помните, Оливер, вы обещали.

Прежде чем с его языка успел сорваться бесполезный вопрос, она исчезла и дверь закрылась за ней.

Гости начали собираться за несколько минут до полуночи. С верхней площадки Оливеру было видно, как они входят по двое и по трое, и он поразился, сколько пришельцев из будущего стеклось сюда за последнюю неделю. Теперь он абсолютно отчетливо понял, чем они отличаются от людей его времени. В первую очередь бросалось в глаза совершенство их внешнего облика – изящество одежд и причесок, изысканные манеры и идеальная постановка голоса. Но так как все они вели праздную жизнь и на свой лад гнались за острыми ощущениями, то ухо улавливало в их голосах неприятные визгливые нотки, особенно когда они говорили все разом. Внешний лоск не мог скрыть капризной раздражительности и привычки потакать собственным прихотям. А сегодня над всем этим еще царило возбуждение.

К часу ночи все собрались в парадных комнатах. После двенадцати чашки, по всей видимости, сами собой задымились, и по комнатам расползся едва уловимый тонкий аромат, который смешивался с запахом чая и, попадая в легкие, вызывал что-то вроде слабого опьянения.

От этого запаха Оливеру стало легко и захотелось спать. Он твердо решил дождаться, пока не уйдет последний гость, но, видимо, незаметно задремал у себя в комнате у окна с нераскрытой книжкой на коленях.

Вот почему, когда это произошло, он несколько минут не мог понять, спит он или бодрствует.

Страшный, невероятной силы удар был сильнее, чем грохот. Оливер в полусне почувствовал, как весь дом заходил под ним, почувствовал (именно почувствовал, а не услышал), как бревна, словно переломанные кости, со скрежетом трутся друг о друга. Когда он стряхнул с себя остатки сна, оказалось, что он лежит на полу среди осколков оконного стекла.

Он не знал, сколько времени так провалялся. То ли весь мир был еще оглушен чудовищным грохотом, то ли у него заложило уши, но только вокруг стояла абсолютная тишина.

Первые звуки просочились к нему в коридоре, на полпути к парадным комнатам. Сперва это было нечто глухое и неописуемое, и сквозь него резко пробивались бесчисленные отдаленные вопли. Барабанные перепонки ломило от чудовищного удара звуковой волны, такой сильной, что слух не воспринимал ее. Но глухота понемногу отпускала, и, не успев еще ничего увидеть, он услышал первые голоса пораженного бедствием города.

Дверь в комнату Клеф поддалась с трудом. Дом немного осел от… взрыва? – и дверную раму перекосило. Справившись наконец с дверью, он застыл на пороге, бестолково моргая: в комнате было темно – лампы потушены, но со всех сторон доносился напряженный шепот.

Перед широкими окнами, выходившими в город, полукругом стояли стулья – так, чтобы всем было видно. В воздухе колыхался дурман опьянения. Снаружи в окна проникало достаточно света, и Оливер заметил, что несколько зрителей все еще зажимают уши. Впрочем, все сидели, подавшись вперед, с видом живейшего любопытства.

Как во сне, город с невыносимой ясностью проступал перед ним сквозь марево за окнами. Он прекрасно знал, что здания напротив загораживают вид, – и в то же время собственными глазами видел весь город, который расстилался бескрайней панорамой от окон до самого горизонта. Посередине, там, где

должны были стоять дома, не было ничего.

На горизонте вздымалась сплошная стена пламени, окрашивая облака в малиновый цвет. Небо отбрасывало это огненное сияние обратно на город, и оно высвечивало бесконечные кварталы расплющенных домов – кое-где языки пламени уже лизали стены, – а дальше начиналась бесформенная груда того, что несколько минут назад тоже было домами, а теперь превратилось в ничто.

Город заговорил. Рев пламени заглушал все остальные звуки, но сквозь него, как рокот дальнего прибоя, прорывались голоса, отрывистые крики сплетались в повторяющийся узор. Вопли сирен прошивали все звуки волнистой нитью, связывая их в чудовищную симфонию, отмеченную своеобразной, жуткой, нечеловеческой красотой.

Оливер отказывался верить: в его оглушенном сознании на миг всплыло воспоминание о той, другой симфонии, что Клеф проиграла однажды в доме, о другой катастрофе, воплотившейся в музыку, движения, формы.

Он хрипло позвал:

– Клеф…

Живая картина распалась. Все головы повернулись к Оливеру, и он заметил, как чужестранцы внимательно его разглядывают. Некоторые – таких было мало – казались смущенными и избегали его взгляда, но большинство, напротив, пытались поймать выражение его глаз с жадным, жестоким любопытством толпы на месте уличной катастрофы. Все эти люди – до одного – сошлись здесь заранее, чтобы полюбоваться на грандиозное бедствие, будто его подготовили специально к их приезду.

Клеф встала пошатываясь и едва не упала, наступив на подол своего бархатного вечернего платья. Она поставила чашку и нетвердой походкой направилась к двери.

– Оливер… Оливер… – повторяла она нежно и неуверенно.

Оливер понял: она была все равно что пьяна. Катастрофа до такой степени взвинтила ее, что она вряд ли отдавала себе отчет в своих действиях.

Оливер услышал, как его голос, ставший каким-то тонким и совершенно чужим, произнес:

– Что… Что это было, Клеф? Что случилось? Что…

Но слово «случилось» так не соответствовало чудовищной панораме за окнами, что он с трудом удержался от истерического смешка и невысказанный вопрос повис в воздухе. Он смолк, пытаясь унять бившую его дрожь.

Стараясь удержать равновесие, Клеф нагнулась и взяла дымящуюся чашку. Она подошла к нему, покачиваясь, и

протянула напиток – свою панацею от всех зол:

– Выпейте, Оливер. Здесь мы все в безопасности, в полной безопасности.

Она прижала чашку к его губам, и он машинально сделал несколько глотков. Душистые пары сразу же обволокли сознание, за что он был им благодарен.

– Это был метеор, – говорила Клеф. – Маленький такой метеорчик, честное слово. Здесь мы в полной безопасности, и с домом все в порядке.

Из глубины подсознания всплыл вопрос, и Оливер услышал свое бессвязное бормотание:

– Сью… Сью… Она…

Он не мог выговорить остального.

Клеф снова подсунула ему чашку:

– Я полагаю, она может ничего не бояться – пока. Пожалуйста, Оливер, забудьте обо всем и пейте!

– Но ведь вы же знали! – Эта мысль дошла наконец до его оглушенного сознания. – Вы могли предупредить или…

– Разве в наших силах изменять прошлое? – спросила Клеф. – Мы знали, но смогли бы мы остановить метеорит? Или предупредить жителей? Отправляясь в путешествие, мы даем клятву никогда и ни во что не вмешиваться…

Голоса в комнате незаметно стали громче и теперь перекрывали шум, нараставший снаружи. Треск пламени, вопли и грохот разрушения сливались над городом в сплошной рев. Комнату заливало зловещим светом, по стенам и на потолке плясали красные отблески и багровые тени.

Внизу хлопнула дверь и кто-то засмеялся визгливым, хриплым, злым смехом. У кого-то в комнате перехватило дыхание, потом раздались крики испуга, целый хор криков. Оливер попытался сосредоточиться на окнах и на жуткой картине, которая расстилалась за ними, и обнаружил, что это ему не удается.

Некоторое время он еще напряженно щурился и только потом понял, что зрение изменило не ему одному. Тихонько всхлипывая, Клеф прижалась к нему. Оливер машинально обнял ее и почувствовал облегчение оттого, что рядом было теплое, живое человеческое тело. Оно было настоящим, к нему хотя бы можно было прикоснуться – все остальное больше походило на дурной сон. Ее аромат, смешанный с одуряющим запахом чая, ударил ему в голову, и на короткое мгновение, пока он сжимал ее в объятиях (он понимал, что в последний раз), он совершенно забыл о том, что даже внешний вид комнаты как-то уродливо

изменился.

Он ослеп, но не совсем. Слепота набегала чередой, быстрыми, расходящимися волнами мрака: в промежутках глаза успевали выхватить отдельные лица в неверном, мерцающем свете, идущем из окон, – недоверчивые, напряженные.

Волны набегали все чаще. Теперь зрение возвращалось только на миг, и этот миг становился все короче, а промежутки мрака – длиннее.

Снизу опять донесся смех. Оливеру показалось, что он узнал голос. Он открыл рот, чтобы сказать об этом, но где-то рядом хлопнула дверь, и, прежде чем он обрел дар речи, Омерайе уже кричал в пролет лестницы:

– Холлайа? – Его голос поднялся над ревом города. – Холлайа, это вы?

Она снова рассмеялась, в ее смехе было торжество.

– Я предупреждала вас! – раздался ее хриплый, резкий голос. – А теперь спускайтесь к нам на улицу, если хотите увидеть, что будет дальше.

– Холлайа! – с отчаянием выкрикнул Омерайе. – Прекратите это, иначе…

Ее смех прозвучал издевкой.

– Что вы будете делать, Омерайе? На этот раз я спрятала его получше. Спускайтесь на улицу, если хотите досмотреть до конца.

В доме воцарилось угрюмое молчание. Оливер ощущал на щеке учащенное дыхание Клеф, чувствовал под руками мягкие движения ее тела. Усилием воли он попытался остановить это мгновение, продлить его до бесконечности. Все произошло так быстро, сознание удерживало лишь то, что можно было тронуть и взять в руки. Он обнимал Клеф легко и свободно, хотя ему хотелось сжать ее в отчаянном порыве: он знал, что больше им не придется обнимать друг друга.

От безостановочного чередования тьмы и света ломило глаза. Издалека, снизу, докатывался рев охваченного пожаром города, пронизанный долгими, низкими, петляющими гудками сирен, которые сшивали какофонию звуков.

Затем с первого этажа сквозь непроглядную тьму донесся еще один голос – мужской, очень низкий и звучный:

– Что здесь творится? А вы что тут делаете? Холлайа, вы ли это?

Оливер почувствовал, как Клеф окаменела в его объятиях. Она перевела дыхание, но не успела ничего сказать, потому что человек уже поднимался по лестнице тяжелыми шагами. Его твердая, уверенная поступь сотрясала старый дом.

Клеф вырвалась из рук Оливера. Она радостно закричала:

«Сенбе! Сенбе!» – и бросилась навстречу вошедшему сквозь волны тьмы и света, которые захлестнули пошатнувшееся здание.

Оливер немного потоптался на месте, пока не наткнулся на стул. Он опустился на него и поднес к губам чашку, с которой не расставался все это время. В лицо пахнуло теплым и влажным паром, но различить отверстие было почти невозможно.

Он вцепился в чашку обеими руками и начал пить.

Когда он открыл глаза, в комнате было совсем темно. И тихо, если не считать тонкого металлического жужжания на таких высоких тонах, что оно почти не касалось слуха. Оливер пытался освободиться от чудовищного наваждения. Он решительно выбросил его из головы и сел, чувствуя, как чужая кровать скрипит и покачивается под тяжестью его тела.

Это была комната Клеф. Нет, уже не Клеф. Исчезли сияющие драпировки, белый эластичный ковер, картины – ничего не осталось. Комната выглядела как прежде – за одним исключением.

В дальнем углу стоял стол – кусок какого-то полупрозрачного материала, который излучал мягкий свет. Перед ним на низком табурете сидел человек, он наклонился вперед, и льющийся свет четко обрисовывал его могучие плечи. На голове у него были наушники, он делал быстрые и как будто бессистемные пометки в блокноте, что лежал у него на коленях, и чуть-чуть раскачивался, словно в такт слышной ему одному музыке.

Шторы были спущены, но из-за них доносился глухой отдаленный рев, который запомнился Оливеру из кошмарного сна. Он провел рукой по лицу и понял, что у него жар и комната плывет перед глазами. Голова болела, во всем теле ощущалась противная слабость.

Услышав скрип кровати, человек у стола обернулся и опустил наушники, которые охватывали его шею наподобие воротничка. У него было властное, чувственное лицо и коротко подстриженная черная бородка. Оливер видел его впервые, но сразу узнал эту отчужденность – ощущение непреодолимой пропасти времени, которая разделяла их.

Человек заговорил, в голосе его была безразличная доброта.

– Вы злоупотребили эйфориаком, Вильсон, – сказал он равнодушно-сочувственным тоном. – Вы долго спали.

– Сколько времени? – спросил Оливер, с трудом разжав слипшиеся губы.

Человек не ответил. Оливер потряс головой, чтобы собраться с мыслями.

– Клеф, помнится, говорила, что никакого похмелья… – начал он, но тут ему в голову пришла новая мысль, и он перебил самого

себя: – Где Клеф?

Он смущенно покосился на дверь.

– Сейчас они, вероятно, уже в Риме, на коронации Карла Великого в соборе Святого Петра, на Рождество, около тысячи лет назад.

С этой новостью было не так-то легко освоиться. Его больной разум отказывался от нее. Оливеру почему-то вообще трудно было думать. Не спуская глаз с человека, он мучительным усилием заставил себя додумать до конца:

– Значит, они отправились дальше. Но вы-то остались? Зачем? Вы… вы Сенбе? Я слышал вашу… Клеф называла ее симфонией.

– Вы слышали только часть. Она пока не закончена. Мне требовалось еще вот это. – Сенбе кивком показал на шторы, за которыми стоял приглушенный рев.

– Вам требовался метеор? – Истина с трудом пробивалась сквозь притупленное сознание, пока не наткнулась на какой-то участок мозга, еще не затронутый болью и способный к умозаключениям. – Метеор? Но…

Сенбе поднял руку, и этот жест, полный безотчетной властности, казалось, снова уложил Оливера на подушку. Сенбе терпеливо продолжал:

– Самое страшное уже позади, хотя бы на время. Если можете, постарайтесь забыть об этом. После катастрофы прошло уже несколько дней. Я же сказал вам, что вы долго спали. Я дал вам отдохнуть. Я знал, что дом не пострадает – по крайней мере, от огня.

– Значит, случится что-то еще? – пробормотал Оливер.

Уверенности в том, что ему так уж нужен ответ, у него не было. Столько времени его мучило любопытство, но сейчас, когда он узнал почти все, какая-то часть его существа решительно отказывалась выслушивать остальное. Может быть, эта слабость, это лихорадочное головокружение пройдут вместе с действием напитка… Голос Сенбе звучал ровно, успокаивающе, как будто он тоже хотел отвлечь Оливера от тяжелых мыслей. Проще всего было лежать так спокойно и слушать.

– Я композитор, – говорил Сенбе. – Переложение некоторых форм бедствий на язык моего искусства – вот что меня занимает. Поэтому я и остался. Все прочие – дилетанты. Они приехали наслаждаться погодой и зрелищем. Последствия катастрофы – к чему они им? Но я – другое дело. Я считаю себя знатоком. И на мой взгляд, эти последствия не лишены известного интереса. Больше того, они мне нужны. Мне необходимо лично проследить их – на это у меня есть свои основания.

На мгновение его острый взгляд задержался на Оливере с тем безразлично-изучающим выражением, какое свойственно врачам. Он рассеянно потянулся за пером и блокнотом, и на внутренней стороне крепкого смуглого запястья Оливер увидел знакомую отметину.

– У Клеф был такой же шрам, – услышал он собственный шепот. – И у других – тоже.

Сенбе кивнул:

– Прививка. В данных обстоятельствах это было необходимо. Мы не хотим, чтобы эпидемия распространилась на наше время.

– Эпидемия?

Сенбе пожал плечами:

– Название вам ничего не скажет.

– Но раз вы можете предупреждать ее…

Оливер с усилием приподнялся на руках. У него промелькнула догадка, и он уцепился за нее изо всех сил. Напряжение как будто помогло мысли пробиться сквозь все возрастающее помрачение разума. С неимоверным трудом он продолжал:

– Кажется, я начинаю понимать. Постойте! Я пытался разобраться, что к чему. Вы можете изменять историю? Конечно можете. Я знаю, что можете! Клеф говорила, что она дала обещание не вмешиваться. Вам всем пришлось обещать то же самое. Значит, вы и в самом деле могли бы изменить свое собственное прошлое – наше время?

Сенбе отложил блокнот в сторону. Он смотрел на Оливера из-под тяжелых бровей – задумчиво, мрачно, пристально.

– Да, – сказал он. – Да, прошлое можно изменить, но это нелегко. И будущее, соответственно, тоже изменится. Линии вероятности переключаются в новое сочетание – только это безумно сложно, и никому еще не позволяли сделать это. Пространственно-временной поток всегда стремится вернуться в исходное русло. – Он пожал плечами. – Теоретическая наука. Мы не меняем историю, Вильсон. Если мы изменим свое прошлое, то и наше настоящее тоже изменится. А мир, каков он в наше время, нас вполне устраивает. Конечно, и у нас бывают недовольные, но им не разрешены путешествия во времени.

Оливер повысил голос, чтобы его не заглушил шум за окнами:

– Но у вас есть власть над временем! Если бы вы только захотели, вы смогли бы изменить историю – уничтожить всю боль, страдания, трагедии…

– Все это давным-давно ушло в прошлое, – сказал Сенбе.

– Но не сейчас! Не это!

Некоторое время Сенбе загадочно смотрел на Оливера. Затем произнес:

– И это тоже.

И вдруг Оливер понял, с какого огромного расстояния наблюдал за ним Сенбе, – расстояние это измеряется только временем. Сенбе был композитором, гением, он неизбежно должен был отличаться обостренной впечатлительностью, но его душа принадлежала той, далекой эпохе. Город, умирающий за окнами, весь мир сейчас и здесь были для него не совсем настоящими. В его глазах им не хватало реальности из-за коренного расхождения во времени. Мир Оливера был всего лишь одной из плит в фундаменте пьедестала, на котором возвышалась цивилизация туманного, неведомого, ужасного будущего.

Да, теперь оно казалось Оливеру ужасным. Даже Клеф… да что там Клеф – все они были заражены мелочностью, тем особым даром, который позволил Холлайе самозабвенно пускаться на подленькие, мелкие уловки, чтобы захватить удобное местечко в «партере», в то время как метеор неуклонно приближался к Земле. Все они были «дилетантами» – и Клеф, и Омерайе, и остальные. Они путешествовали во времени, но только как сторонние наблюдатели. Неужели они устали от нормальной человеческой жизни, пресытились ею?

Пресытились… однако не так, чтобы желать перемен. В их время мир превратился в воплощенное совершенство, созданное для того, чтобы служить их потребностям. Они не смели трогать прошлое – они боялись подпортить себе настоящее.

Его передернуло от отвращения. Во рту появился вкус тошнотворной кислятины: ему вспомнились губы Клеф. Она умела завлечь человека – ему ли не знать об этом? Но похмелье…

Раса будущего, в них было что-то… Тогда он начал было смутно догадываться, но близость Клеф усыпила чувство опасности, притупила подозрения. Использовать путешествие во времени для того, чтобы забыться в развлечениях, – это отдавало святотатством. Раса, наделенная таким могуществом…

Клеф бросила его, бросила ради варварской роскоши коронации в Риме тысячелетней давности. Кем он был для нее? Живым человеком с теплой кровью? Нет. Безусловно, нет. Раса Клеф была расой зрителей.

Но сейчас он читал в глазах Сенбе нечто большее, чем случайный интерес. В них было жадное внимание и ожидание, они завороженно блестели. Сенбе снова надел наушники. Ну конечно, он – это другое дело. Он был знатоком. Лучшее время года кончилось. Пришло похмелье – и вместе с ним пришел

Сенбе.

Он наблюдал и ждал. Перед ним мягко мерцала полупрозрачная поверхность стола, пальцы застыли над блокнотом. Знаток высшего класса, он готовился смаковать редчайшее блюдо, оценить которое мог только истинный гурман.

Тонкие, приглушенные ритмы – звуки, похожие на музыку, – снова пробились сквозь далекий треск пламени. Оливер слушал и вспоминал. Он улавливал рисунок симфонии, какой запомнил ее, – звуки, мгновенная смена лиц, вереницы умирающих…

Он лежал на кровати, закрыв глаза, а комната кружилась, проваливалась куда-то во тьму под раскаленными веками. Боль завладела всем его существом, она превратилась в его второе «я», могучее, настоящее «я», и по-хозяйски располагалась на отвоеванных позициях.

И зачем, тупо подумал он, Клеф понадобилось его обманывать. Она говорила, что напиток не оставляет последствий. Не оставляет… Откуда же тогда это мучительное наваждение, такое сильное, что оно вытеснило его из самого себя?

Нет. Клеф не обманывала. Напиток был ни при чем. Он понял это, но телом и умом уже овладело безразличие. Он тихо лежал, отдавая себя во власть болезни – тяжкого похмелья, вызванного чем-то куда более могущественным, чем самый крепкий напиток. Болезни, для которой пока не было даже названия.

Новая симфония Сенбе имела огромный успех. Первое исполнение транслировалось из «Антарес-холла», и публика устроила овацию. Главным солистом, разумеется, была сама История; прелюдией – метеор, возвестивший начало великой чумы в четырнадцатом веке; финалом – кризис, который Сенбе удалось застать на пороге новейшего времени. Но никто, кроме Сенбе, не смог бы передать это с такой тонкостью – и могучей силой.

Критики отмечали гениальность в выборе лейтмотива для монтажа чувств, движений и звуков. Этим лейтмотивом было лицо короля из династии Стюартов. Но были и другие лица. Они появлялись и исчезали в рамках грандиозной композиции, подготавливая приближение чудовищной развязки. Одно лицо на миг приковало жадное внимание зрителей. Оно заполнило весь экран – лицо человека, ясное до мельчайших подробностей, до мельчайшей черточки. Критики единодушно признали, что Сенбе еще никогда не удавалось так удачно «схватить» агонию чувства. В этих глазах было все.

После того как Сенбе ушел, Оливер долго лежал неподвижно. Мысль лихорадочно работала.

«Нужно, чтобы люди как-то узнали. Если бы я узнал раньше, может, еще успели бы что-нибудь сделать. Мы бы заставили их рассказать, как изменить эти линии вероятности. Успели бы эвакуировать город.

Если бы мне удалось предупредить…

Пусть даже и не нынешнее поколение, а другие. Они путешествуют по всем временам. Если их где-нибудь и когда-нибудь удастся опознать, схватить и заставить изменить неизбежное…»

Нелегко было подняться с постели. Комната раскачивалась не переставая. Но он справился. Он нашел карандаш и бумагу и, отстранив дергающиеся тени, написал все, что мог. Вполне достаточно, чтобы предупредить. Вполне достаточно, чтобы спасти.

Он положил листки на стол, на видном месте, прижал их, чтобы не сдуло, и только после этого дотащился до кровати. Со всех сторон на него навалилась тьма.

Дом взорвали через шесть дней – одна из тщетных попыток помешать неумолимому наступлению Синей Смерти.

De Profundis

[29]

Вся беда в словах. Вся беда в том, что только сумасшедший мог написать это, потому что только с сумасшедшим такое могло произойти. И барьер трудно преодолеть. Я имею в виду барьер, возведенный вокруг настоящего меня. Я могу мыслить разумно, но не чувствую, когда на меня находит приступ безумия и на бумаге появляются не те слова…

Я похож на бешено вращающееся колесо. Я ведь достаточно образованный человек… Был. Я знаю множество красивых фраз. Врачи до сих пор не могут понять, что со мной, и ставят лишь предположительный диагноз. Может быть, это кататония или шизофрения…

КОВАРНЕЙШАЯ ИЗ ЛОВУШЕК, ВОТ ЧТО ЭТО ТАКОЕ.

Стоп. Я должен постараться быть последовательным. Я должен постараться описать это, как пишут нормальные люди. Хотя лично мне хотелось бы писать вверх ногами, и задом наперед, и поверх, как на палимпсесте[30], но я должен сделать все, чтобы меня поняли. Я единственный могу отличить галлюцинацию от реальности, но не могу никого заставить увидеть то, что вижу сам. Вся беда в том, что они проникают в мои галлюцинации и выглядят как иллюзии…

Иногда я сам толком не понимаю, что со мной происходит. У меня нет якоря здравомыслия, который бы держал меня. Я знаю, что безумен. То есть я в состоянии определить, когда бываю нормальным хотя бы наполовину. Потому что когда я слетаю с катушек, то вокруг смыкается темный вихрь безумия, откуда не вырваться…

История болезни: Уильям Роджерс, тридцать восемь лет, белый, холост, с ранних лет страдает нервными и психическими расстройствами. Примерно так написано в моей медицинской карте. Сам я мало что помню о своем прошлом. Мне уже приходилось бывать в лечебнице. Кажется, я начал заболевать чуть ли не в детстве. Память у меня пошаливает, особенно с тех пор, как время потеснилось, чтобы впустить Гостей.

Гости – не галлюцинация. Среди всех моих иллюзий только они настоящие. Они появились недавно. Я точно знаю. Они все доходчиво мне объяснили. Никто не видит их и не слышит. Они сказали, что я могу обо всем рассказать врачам, те сочувственно меня выслушают, но ни во что не поверят. Слуховые и зрительные

галлюцинации. Бог свидетель, у меня было достаточно и тех и других.

Иногда я видел Облако. А еще – демонов. Они были настолько шаблонными, что я сразу понял: их не существует, хотя они и уверяли меня, будто я грешен. Это началось задолго до того, как появились Гости. Эти были настоящими. Они пришли из другого пространственно-временного континуума и хотели присутствовать и наблюдать. Вы скажете, что в таком случае им больше подошел бы кто-нибудь вроде Эйнштейна, но на самом деле все не так. Они не хотят, чтобы наш мир узнал о них. Я могу представить себе почему. Нельзя изучить электрон, не сбив его с привычной орбиты. Животное не будет вести себя естественно, зная, что за ним наблюдают. Возможно, есть и другие причины…

Смотреть на Гостей страшно.

Они общаются со мной в основном телепатически, хотя я часто воспринимаю их послания как произнесенные вслух слова. Гости мыслят совершенно не так, как мы, люди, – порой кажется, что имеешь дело с полным олухом, а порой – что со специалистом по высшей математике.

Слова плывут и мутируют, я не могу рассказать о том, что со мной произошло, по порядку… наверное, Крыс Каприз влез на карниз, свесил лапки вниз… Он поет и плюет, спать нам не дает…

НЕТ!

Почему-то все время хочется рифмовать что попало. Может, это эхолалия?[31] Наверное, что-то заставляет меня думать, будто если заполнить разум бессмысленными рифмами, то Гости не смогут проникнуть в него. А остальные…

В смысле *все* остальные. Призрачные голоса, которые я слышу, сколько себя помню. С самого рождения со мной что-то было не так, вот только что? Я постоянно пытался что-то сделать, но не мог объяснить зачем. Одно время я коллекционировал носовые платки. Бессмысленное занятие. И голоса в моей комнате… «Уильям Роджерс сейчас подойдет к окну, – шептали они, – и вывалится из него. Нет, не вывалится, но, когда будет спускаться по лестнице, споткнется и свернет себе шею. Он знает слишком много, чтобы оставаться в живых. Мы позаботимся о том, чтобы он умер».

Это были слуховые галлюцинации.

НАДО… ПЕРЕСТАТЬ…

Так. Это была черная полоса в моей жизни. Я знал, что они

ненастоящие, но казались-то они настоящими – все эти яркие разноцветные жуки, ползающие по штанинам моей пижамы. Как-то раз я даже не выдержал и закричал. Пришел санитар. Я испугался, что мне снова сделают влажное обертывание, поэтому предпочел закрыть глаза и позволить жукам беспрепятственно ползать по мне, – и через минуту все прекратилось. Санитар спросил, что со мной, и я ответил, что уже все в порядке.

Но ему приказали при необходимости давать мне успокоительное. Я до сих пор остаюсь под надзором. Врачи так и не выяснили до конца природу моего психоза. Много осложняющих факторов. Я знаю, в чем дело. Вначале у меня был обычный психоз, но потом появились Гости и все окончательно перепуталось. Гироскоп моего разума совершенно потерял устойчивость.

Некоторые люди рождаются с плохой наследственностью, другие впадают в умопомешательство в силу внешних причин. У меня было и то и другое. Я многого не помню и вспоминать не хочу. Уж очень неприятно. Кроме того, самое важное произошло уже после того, как я окончательно свихнулся. Гости не дураки. Они притворяются галлюцинациями и приходят только к тому, кто и без того страдает галлюцинациями.

Но до появления Гостей все было не так… не так жутко.

Периоды черной тоски время от времени перемежались приступами эйфории, которые скрашивали мне жизнь, да и голоса… Голоса иногда обещали защитить меня. Иногда угрожали. Очень часто они заявляли, что я грешен и должен понести кару.

Я грешен. В этом нет никаких сомнений. Правда, я не знаю, в чем мой грех. Однако я должен искупить его. Голоса…

Еще были тактильные галлюцинации. Просто кошмар: прикасаешься к стеклу – и чувствуешь под рукой мех. Еще страшнее знать, что твоя кожа покрыта слоем ледяной студенистой массы. А когда меня привезли сюда, мне стали подбрасывать нечистоты в пищу. Я перестал есть.

В глубинах моего сознания всегда жила чернота. Я всегда чувствовал, когда она готовилась поглотить меня. Чернота была бесформенной и непостижимой. Она появлялась из ничего, распространялась во всех мыслимых и немыслимых направлениях, становилась все больше и больше, подступала ближе и ближе… Но она никогда не касалась меня. Только наблюдала. Я прозвал ее Облаком. Я не знаю, каково оно на ощупь или на вкус, не знаю, как оно пахнет. Я его даже не видел толком. Облако уже давно не появлялось, хотя прочие галлюцинации остались при мне. Но голоса затихают, когда

приходят Гости…

Вот как это было.

Все началось вскоре после того, как меня привезли сюда. Сперва мне прописали ванны и влажные обертывания. Это лечение продолжалось довольно долго. Несколько раз на меня даже надевали смирительную рубашку, что было особенно мучительно: в рубашке было трудно дышать и яркие жуки ползали по моему лицу. Спустя некоторое время я понял, что лучше терпеть. Люди наблюдали за мной со смесью подозрительности, настороженности и дружелюбия. К такому отношению я давно привык. Голоса в моей голове продолжали звучать, несколько раз из ничего появлялось Облако, разрасталось и смотрело на меня, потом съеживалось и исчезало. Так прошло немало времени.

Потом появились Гости.

Я чувствовал, как они подбираются ко мне. Той ночью в лечебнице случился переполох. Из отделения для буйных сбежал маньяк, одержимый мыслью об убийстве. Всем вкололи двойные дозы успокоительного. Это было похоже на конец света. На самом деле это Гости пытались вступить в контакт.

Безумие не обязательно означает притупление восприятия. Очень часто мне удавалось смотреть на события свежим взглядом, будто они не имели ко мне никакого отношения. Я мог уловить закономерности в хаосе происходящего. Стремление человечества к достижению какой-то загадочной цели, притом стремление не вполне самостоятельное. Кто-то нас направлял. Я понимал: что-то должно случиться. Что-то новое, что-то неслыханное. Возможно, оно принесет перемены к лучшему.

Но я не мог даже предположить, насколько чужеродным оно окажется.

Той ночью я был один в своей палате. Дверь была закрыта и заперта. Я смотрел на стекло, забранное мелкоячеистой сеткой, и ждал врачебного обхода. И вдруг я почувствовал, как нечто просочилось в мою голову, словно бы через дымоход, потом ушло, а через мгновение снова вернулось. Оно извивалось, зарываясь все глубже, и росло. Сначала я подумал, что это Облако, но оно всегда было тихим и бесформенным пассивным наблюдателем. Оно никогда меня не беспокоило. А это, пришедшее сейчас, меня беспокоило. Я почувствовал острое, радостное возбуждение.

Они явились из неведомой дали и зависли в воздухе передо мной. Их окружал мрак, абсолютно черный и все же полупрозрачный, потому что я видел сквозь него стены палаты. Их было трое. Они были похожи на людей, но людей уродливых, маленьких, с непропорционально огромными головами,

испещренными голубыми пульсирующими венами. Они сроду не ходили по земле – на таких ногах, как у них, невозможно ходить.

Они парили в темноте, иногда чуть смещаясь, и смотрели на меня.

– Годится. Интеллект выше среднего. И психоз подходит.

Я сразу же понял, что это не галлюцинация. Я встал позвать санитара. Они заставили меня снова лечь на кровать. Я открыл рот, чтобы закричать, однако они парализовали мои голосовые связки.

– Мы не причиним тебе вреда.

– Но вы настоящие, – сказал я мысленно. – Настоящие. Настоящие.

– Мы настоящие. Мы не причиним тебе вреда. Мы хотим использовать тебя для…

Но тут все голоса в моей голове объединились и хором закричали:

– ТЫ ГРЕШНИК! ТЫ ГРЕШНИК! ТЫ ГРЕШНИК…

Я тоже закричал, я кричал и кричал и никак не мог остановиться.

Гости вернулись чуть позже. Однако потребовалось время, прежде чем я смог связно разговаривать с ними. Как-то раз, когда они были у меня, пришел врач, но Гости застыли в прозрачной темноте, и он ничего не заметил. А когда он ушел…

– Вы невидимки?

– Мы находимся в вашем пространстве-времени не полностью.

– Что вам нужно от меня?

– На рынок, на рынок, купить жирную свинью…

– Что?

Но они не могли ничего объяснить. Их слова казались мне бредом. Я спросил, откуда они появились.

– Из-за гор, из-за моря. Время. Будущее. Мы изучаем твой мир.

– Но я почти не покидаю эту комнату.

– Тебе и не нужно. Это не имеет значения. – Голубые вены пульсировали на их головах. – Твой разум дал нам… – тут они использовали слово, которого я не понял, – и теперь мы можем достичь любого места в твоем временно́м секторе. Ты катализатор.

Я почувствовал прикосновение. Чудовищная тварь, красная, жуткая, выбиралась из пола. Она ненавидела меня. Голоса смеялись. Я закрыл глаза и закричал. Потом я стал куда-то

проваливаться, кружась в темноте, кружась, кружась, кружась…

Черная полоса осталась позади. Гости вернулись.

– Почему я? Почему выбор пал на меня?

– Нам был нужен агент. Ты оказался чрезвычайно удачной кандидатурой. Мы долго искали, прежде чем нашли тебя.

– Но почему…

– Вы, люди, сейчас стоите на перепутье. Потревожены могущественные силы. Сдвигаются вероятностные плоскости. Наступил исключительно важный момент. Существует множество уровней реальностей. Мы вынуждены обратиться к прошлому, чтобы найти истинную реальность, и, при необходимости, изменить это прошлое.

Я ничего не мог понять.

– Мы не причиним тебе вреда. Мы не причиним вреда твоему миру. Любые изменения будут выглядеть совершенно естественными.

– Я этого не выдержу. Выберите кого-нибудь другого.

– Нет.

– Но вы ужасны…

Я сказал так, потому что Гости действительно выглядели дико. Слишком мало общего было у них с людьми, и дело тут не только в их отталкивающем обличье. Их мысль развивалась другими путями. Их тела отличались от наших во всех отношениях. Их нервная структура была иной. Я чувствовал излучаемую ими энергию. Напряжение было невыносимым. Я всегда начинал кричать, если они оставались со мной долго.

Врачи были озадачены. Они задавали мне вопросы. Я рассказал им о Гостях, но они только переглянулись.

– А раньше вы не видели этих Гостей?

– Нет, не видел.

– Они похожи на упоминаемое вами Облако?

– Нет. Облако было со мной на протяжении многих лет. Оно то появлялось, то исчезало, но никогда не причиняло мне вреда.

– Они похожи на голоса? Они разговаривают как звучащие в вашей голове голоса?

– Нет. Голоса бестелесны. А Гости разговаривают без слов. Они сказали, что вы не поверите в их существование.

– Не знаю, не знаю… Может быть, если вы расскажете мне чуть больше…

ПРОКЛЯТЫЙ ЛЖЕЦ, ТЫ ЖЕ НЕ ВЕРИШЬ НИ ЕДИНОМУ МОЕМУ СЛОВУ!

Но врачи пытались мне помочь. Они не знали, как быть. Пока не появились Гости, доктора верили, что сумеют вылечить меня. Я думаю, они собирались применить шоковую терапию и возлагали на нее большие надежды. Но тут вмешались Гости, и характер психического расстройства изменился, перестав поддаваться определению.

Потом какое-то время Гости не приходили. Кажется, они пытались мне объяснить почему, но я ничего не понял. После их ухода остались лишь голоса и кое-какие другие скверные вещи. Врачи все-таки решили применить ко мне шоковую терапию. Это было жестоко, зато действенно.

В голове у меня начало проясняться. Не помню, как долго это длилось. Врачи разговаривали со мной менее настороженно, в воздухе витали надежды на лучшее…

Меня перевели в палату для небуйных. Там было гораздо приятнее. Я провел три замечательных дня. А потом Гости вернулись…

– Мы хотели бы выяснить еще кое-что.

– Нет. Убирайтесь… Прошу вас. Я больше не выдержу.

– Мы не причиним тебе вреда.

– Уже причиняете. Я чувствую, как от вас исходит… напряжение. Я от него проваливаюсь внутрь себя. Рассудок болит…

– Странно. Обычный homo sapiens с необычной восприимчивостью. Вероятно, причина в психических отклонениях. Шишковидная железа и таламус… поглощают наши… Чтоб ведро воды набрать, Джек на холм свалился…

Слова. Я не понимал смысла слов. Единственное средство общения стало непреодолимым барьером.

– Уходите. Убирайтесь. Оставьте меня в покое. Я этого не выдержу.

– Данный конкретный агент нам необходим. Мы должны поддерживать наш энергетический уровень, чтобы осуществлять контакт с вашим временны́м сектором. Ты оказался необычайно восприимчивым.

– Как долго вы тут еще пробудете?

– В течение многих циклов. Мы заняты серьезной реорганизацией вашей пространственно-временной области…

– В чем дело, Роджерс?

Голос санитара.

– Ни в чем. Они вернулись.

– Кто вернулся?

– Гости. И не хотят уходить. ПРОГОНИ ИХ!

– Сестра, позаботьтесь о Роджерсе…

– Мы не причиним тебе вреда. В настоящий момент мы расширяем ментальные измерения, чтобы изучить подбазисные характеристики чепухи, чепухи, чепухи…

БУДЬТЕ ВЫ ПРОКЛЯТЫ! ОТСТАНЬТЕ ОТ МЕНЯ, РАДИ БОГА!

Я снова оказался в одиночестве.

Никакой надежды не осталось.

Я сумасшедший. Стена, отделяющая меня от человечества, выросла снова. Надежда в глазах врачей погасла. Кататония и шизофрения могут поддаваться шоковой терапии. Но невозможно заставить работать плавно и без сбоев гироскоп, который сотрясают непредсказуемые толчки. Голоса вернулись. Всюду ползали яркие жуки, пища пахла ядом, а постель превратилась в разверстую пасть с белыми губами…

Настал день, когда я понял, что Гости действовали умышленно. Они не хотели, чтобы я выздоровел. Одного их присутствия было достаточно, чтобы вызвать у меня обострение психоза, а пока я оставался безумным, они могли приходить ко мне, когда пожелают, и не бояться, что я о них кому-нибудь расскажу.

В них не было ничего человеческого. Для них я был пустым местом. В лучшем случае низшим существом. Они представляли собой результат эволюции, который мог появиться на Земле или в другом, похожем на нее мире в гипотетическом будущем. Я часто подолгу размышлял об этой крошечной искорке – о нашей планете на коротком отрезке времени и пространства и об окружающей ее бескрайней неизвестности, населенной бог знает кем.

А я был всего лишь маленьким одиноким человеком, причем ущербным с рождения.

Доктора оставили всякие попытки излечить меня.

Той ночью я лежал на кровати и тихо плакал. Выхода не было. Потом я почувствовал нарастающее напряжение в голове и понял, что сейчас придут Гости. Я был беспомощен и одинок, совершенно, абсолютно одинок. Только душевнобольные понимают, что такое одиночество.

Они пришли.

Я умолял их оставить меня в покое. Они смотрели на меня холодными глазами, и на их лбах пульсировали синие вены.

– Как долго он проживет?

– Достаточно долго.

– Я не хочу жить, – сказал я. – Вы все сделали, как было раньше. Я боюсь пошевелиться. Прямо сейчас я чувствую, как от

вас что-то исходит. Может быть, это «что-то» – необходимая часть вашей жизни, но я-то устроен иначе. Я даже находиться рядом с вами не могу. Позвольте мне умереть.

– Ты не имеешь значения. Ты всего лишь полезное орудие…

Я перестал их слушать. Что-то надвигалось, я чувствовал это.

В самой глубине моего сознания появилось крохотное темное Облако. Оно начало расти. Я обрадовался. Оно скрашивало мое одиночество. Облако, по крайней мере, было знакомым, оно никогда не мучило меня. Я не видел его уже несколько месяцев. Ни разу после того, как пришли Гости. Хорошо знакомый вихрь закружился в моей голове, и вдруг появилось Облако. Оно стало молча и пристально наблюдать, как всегда. Я обрадовался ему, как старому другу.

Гости вдруг заерзали. Они болтались в прозрачной темноте, как будто их кто-то толкнул.

– Что это? Отвечай! Что это такое?

– Облако. Я так рад…

Облако все разрасталось. Вскоре оно заполнило мою голову целиком. Все расплылось и перепуталось.

– Облако? Что это значит? Что это? Я чувствую…

– ГЛУПЦЫ! ЭТОТ ЧЕЛОВЕК ПРИНАДЛЕЖИТ МНЕ.

Голос Облака. Но Облако не умеет говорить! Или умеет?

Гости принялись кричать и пихать друг дружку в своей подвешенной посреди комнаты тьме. Как запульсировали их огромные головы! Облако захлестнуло их, и они посходили с ума. Прямо как я. Из недр Облака их приглушенные и писклявые голоса были едва слышны…

Я закричал. Санитар открыл дверь. Прибежали медсестры. Они не видели Облака. Они не видели Гостей. Но я видел. Я ВИДЕЛ!

Облако тоже использовало меня. Как использовали Гости. Может быть, я действительно оказался полезным орудием. Может быть, наша эпоха – и впрямь поворотный момент в истории. Посланники двух чужих миров выбрали меня для контакта. Но Облако гораздо умнее Гостей. Оно использовало меня, не причиняя вреда.

И оно было гораздо более чуждым по сравнению с Гостями. Даже им оно казалось чем-то совершенно диким и страшным. Его странные энергии дотянулись до них из немыслимо далекого времени, пространства и вероятности, и Гости, корчась и теряя рассудок, исчезли в направлении, которое я не мог ни проследить, ни постичь.

Больше они не могли навредить мне. Я принадлежал Облаку.

Оно охраняло свою собственность.

Ледяной холод сковал мои ноги, распространился по телу вверх до макушки. Я услышал знакомые голоса, кричащие на меня со стен. Почувствовал странные запахи, незнакомый вкус появился во рту, и Облако заполнило всю палату, всю больницу, весь мир и бесконечное пространство за его пределами, и я стал, кружась, проваливаться в белую темную бездну, чтобы исчезнуть там навсегда…

На прошлой неделе меня как выздоровевшего выписали из больницы. Лечение заняло много месяцев. Но совет опекунов объявил меня вменяемым. Не могу понять почему.

Врачи утверждают, что вылечили меня. Ладно, хорошо. По крайней мере, Гости больше не появлялись. Да и как они могли теперь прийти ко мне?

Что же до Облака…

Подобно Гостям, оно явилось из глубин пространства, времени и вероятности, чтобы изучить этот мир. Однако оно оказалось более чуждым, чем Гости, и более могущественным. Достаточно могущественным, чтобы…

Облако – наблюдатель, преследующий свои, одному ему известные цели.

Меня объявили вменяемым. Я разгуливал по планете и наблюдал, как люди строят будущее. Но я знал, что безумен. Я правильно отвечал на вопросы психиатров. Реагировал на внешние раздражители как вполне нормальный человек. Но это реагировал не я. Не я отвечал на вопросы. Это был кто-то другой. Кто-то другой. Потому что

ПОТОМУ ЧТО
ПОТОМУ ЧТО
ПОТОМУ ЧТО

Трудно писать правду, тяжело преодолевать барьер в сознании.

Трудно сделать так, чтобы меня поняли, потому что истинная моя сущность все еще погружена…

…в тени, в эфир, в ломбер, в химеры, в тучу…

Нет. Притворяться самим собой, притворяться здоровым, в то время как я все еще беспомощно погребен

ПОД
ОБЛАКОМ
ОБЛАКОМ

ОБЛАКОМ

Порочный круг

Тор был первым роботом, не потерявшим рассудка. Впрочем, лучше бы он последовал примеру своих предшественников. Труднее всего, конечно, создать достаточно сложную мыслящую машину и в то же время не слишком сложную. Робот Болдер 4 удовлетворял этому требованию, но не прошло и трех месяцев, как он начал вести себя загадочно: отвечал невпопад и почти все время тупо глядел в пространство. Когда он действительно стал опасен для окружающих, Компания решила принять свои меры. Разумеется, невозможно было уничтожить робота, сделанного из дюралоя: Болдера 4 похоронили в цементе. Прежде чем цементная масса застыла, пришлось бросить в нее и Марса II.

Роботы действовали, это бесспорно. Но только ограниченное время. Потом у них в мозгу что-то портилось, и они выходили из строя. Компания даже не могла использовать их детали: размягчить затвердевший сплав из пластиков было невозможно и при помощи автогена. И вот двадцать восемь обезумевших роботов покоились в цементных ямах, напоминавших главному инженеру Харнаану о Рэдингской тюрьме.

– И безыменны их могилы! – торжественно воскликнул Харнаан, растянувшись в своем кабинете на диване и выпуская кольца дыма.

Харнаан был высокий человек с усталыми глазами, вечно нахмуренный. И это неудивительно в эпоху гигантских трестов, всегда готовых перегрызть друг другу горло ради экономического господства. Борьба трестов кое-чем даже напоминала времена феодальных распрей. Если какая-нибудь компания терпела поражение, победительница присоединяла ее к себе – и «горе побежденным!».

Ван Дамм, которого, скорее всего, можно было назвать инженером аварийной службы, кусал ногти, сидя на краю стола. Он был похож на гнома – низенький, темнокожий, с умным морщинистым лицом, таким же бесстрастным, как у робота Тора, который неподвижно стоял у стены.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил Ван Дамм, взглянув на робота. – Твой мозг еще не испортился?

– Мозг у меня в полном порядке, – ответил Тор. – Готов решить любую задачу.

Харнаан повернулся на живот:

– Хорошо. Тогда реши вот такую: Лаксингемская компания увела у нас доктора Сэдлера вместе с его формулой увеличения предела прочности на разрыв для заменителя железа. Этот

негодяй держался за нас, потому что здесь ему больше платили. Они надбавили ему, и он перекинулся в Лаксингем.

Тор кивнул:

– У него был здесь контракт?

– Четырнадцать Х-семь. Обычный контракт металлургов. Практически нерасторжимый.

– Суд станет на нашу сторону. Но лаксингемские хирурги, специалисты по пластическим операциям, поторопятся изменить внешность Сэдлера и отпечатки его пальцев. Дело будет тянуться… два года. За это время Лаксингем выжмет все, что возможно, из его формулы увеличения предела прочности на разрыв для заменителя железа.

Ван Дамм состроил страшную гримасу:

– Реши эту задачу, Тор.

Он бросил беглый взгляд на Харнаана. Оба они знали, что должно сейчас произойти. Они не зря возлагали надежды на Тора.

– Придется применить силу, – сказал Тор. – Вам нужна формула. Робот не отвечает перед законом – так было до сих пор. Я побываю в Лаксингеме.

Не успел Харнаан неохотно процедить: «Хорошо», как Тора уже и след простыл.

Главный инженер нахмурился.

– Да, я знаю, – кивнул Ван Дамм. – Он просто войдет и стащит формулу. А нас опять привлекут к ответственности за то, что мы выпускаем машины, которыми невозможно управлять.

– Разве грубая сила – это лучшее логическое решение?

– Вероятно, самое простое. Тору нет надобности изобретать сложные методы, не противоречащие законам. Ведь это неразрушимый робот. Он просто войдет в Лаксингем и возьмет формулу. Если суд признает Тора опасным, мы можем похоронить его в цементе и сделать новых роботов. У него ведь нет своего «я», вы же знаете. Для него это не имеет значения.

– Мы ожидали большего, – проворчал Харнаан. – Мыслящая машина должна придумать многое.

– Тор может придумать многое. Пока что он не потерял рассудка, как другие. Он решал любую задачу, какую бы мы ему ни предлагали, даже эту кривую тенденций развития, которая поставила в тупик всех остальных.

Харнаан кивнул:

– Да. Он предсказал, что выберут Сноумэни… это выручило Компанию из беды. Он способен думать, это бесспорно. Держу пари, что нет такой задачи, которую он не смог бы решить. И все-таки Тор недостаточно изобретателен.

– Если представится случай… – Ван Дамм вдруг отклонился от темы. – Ведь у нас монополия на роботов. А это уже кое-что. Пожалуй, пришло время поставить на конвейер новых роботов типа Тора.

– Лучше немного подождем. Посмотрим, не потеряет ли Тор рассудок. Пока что он самый сложный из всех, какие у нас были.

Видеотелефон, стоявший на столе, вдруг ожил. Послышались крики и ругань:

– Харнаан! Ах ты, вшивый негодяй! Бесчестный убийца! Ты…

– Я записываю ваши слова, Блейк! – крикнул инженер, вставая. – Не пройдет и часа, как против вас будет возбуждено обвинение в клевете.

– Возбуждай и будь проклят! – завопил Блейк из Лаксингемской компании. – Я сам приду и разобью твою обезьянью челюсть! Клянусь богом, я сожгу тебя и наплюю на твой пепел!

– Теперь он угрожает убить меня, – громко сказал Харнаан Ван Дамму. – Счастье, что я записываю все это на пленку.

Багровое лицо Блейка на экране стало размываться. Однако, прежде чем оно окончательно исчезло, на его месте появилось другое – гладко выбритая, вежливая физиономия Йейла, начальника полицейского участка. Йейл, видимо, был озабочен.

– Послушайте, мистер Харнаан, – печально произнес он, – так не годится. Давайте рассуждать здраво, идет? В конце концов, я тут блюститель закона…

– Гм! – вполголоса хмыкнул Харнаан.

– …и не могу допускать членовредительство. Может быть, ваш робот лишился рассудка? – с надеждой спросил он.

– Робот? – повторил Харнаан с удивлением. – Я не понимаю. О каком роботе вы говорите?

Йейл вздохнул:

– О Торе. Конечно, о Торе. О ком же еще? Теперь я понял, что вы ничего об этом не знаете. – Он даже осмелился сказать это слегка саркастическим тоном. – Тор явился в Лаксингем и все там перевернул вверх дном.

– Неужели?

– Ну да. Он прямо прошел в здание. Охрана пыталась его задержать, но он просто всех растолкал и продолжал идти. На него направили струю огнемета, но это его не остановило. В Лаксингеме достали все защитное оружие, какое только было в арсенале, а этот ваш дьявольский робот все шел и шел. Он схватил Блейка за шиворот, заставил его отпереть дверь лаборатории и отобрал формулу у одного из сотрудников.

– Удивительно, – заметил пораженный Харнаан. – Кстати, кто

этот сотрудник? Его фамилия не Сэдлер?

– Не знаю… подождите минутку. Да, Сэдлер.

– Так ведь Сэдлер работает на нас, – объяснил инженер. – У нас с ним железный контракт. Любая формула, какую бы он ни вывел, принадлежит нам.

Йейл вытер платком блестевшие от пота щеки.

– Мистер Харнаан, прошу вас! – проговорил он в отчаянии. – Подумайте только, каково мое положение! По закону я обязан что-то предпринять. Вы не должны позволять своему роботу совершать подобное насилие. Это слишком… слишком…

– Бьет в глаза? – подсказал Харнаан. – Так я же вам объяснил, что все это для меня новость. Я проверю и позвоню вам. Между прочим, я возбуждаю обвинение против Блейка. Клевета и угроза убийства.

– О господи, – вздохнул Йейл и отключил аппарат.

Ван Дамм и Харнаан обменялись восхищенными взглядами.

– Прекрасно, – захихикал похожий на гнома инженер аварийной службы. – Это порочный круг. Блейк не станет бомбардировать нас – и у нас, и у них слишком сильная противовоздушная оборона. Так что дело пойдет в суд. В суд!

Он криво усмехнулся.

Харнаан снова улегся на диван:

– Лучшее, что мы когда-либо сделали, – это наше решение бросить все силы на таких роботов. Через десять лет Компания будет господствовать над всем миром. И над другими мирами тоже. Мы сможем запускать космические корабли, управляемые роботами.

Дверь отворилась, и появился Тор. Вид у него был обычный. Он положил на стол тонкую металлическую пластинку:

– Формула увеличения предела прочности на разрыв для заменителя железа.

– У тебя нет повреждений?

– Нет, это невозможно.

Тор подошел к картотеке, вынул оттуда конверт и снова исчез.

Харнаан встал и начал рассматривать пластинку.

– Да. Это она. – Он опустил ее в щель движущейся ленты. – Иногда все разрешается совсем просто. Пожалуй, на сегодня я закончил. Послушайте! А что это Тор сейчас замышляет?

Ван Дамм посмотрел на него:

– А?

– Зачем он полез в картотеку? Что у него на уме? – Харнаан порылся в регистраторе. – Какая-то статья по электронике – не знаю, зачем она ему понадобилась. Наверное, собирается заняться

какими-то самостоятельными исследованиями.

– Возможно, – сказал Ван Дамм. – Посмотрим.

Они спустились на лифте в подвальный этаж, в мастерскую робота, но там никого не было. Харнаан включил телевизор:

– Проверка. Где Тор?

– Одну минуту, сэр… В седьмой литейной. Соединить вас с мастером?

– Да. Айвер? Чем занимается Тор?

Айвер почесал затылок:

– Ну и дьявол! Он вбежал сюда, схватил таблицу пределов прочности на разрыв и снова выбежал. Подождите минутку. Вот он опять здесь.

– Дайте мне поговорить с ним, – попросил Харнаан.

– Пожалуйста… – Резко очерченное лицо Айвера исчезло, но тут же вновь появилось. – Не успел. Он взял кусок синтоплата и вышел.

– Гм-гм, – промычал Ван Дамм. – Вы не думаете…

– Что он лишился рассудка, как и остальные? – проворчал Харнаан. – Они себя так не вели. Но впрочем, все возможно.

Как раз в эту минуту появился Тор. В своих резиновых руках он держал кучу всевозможных предметов.

Не замечая Харнаана и Ван Дамма, он положил все это на скамью и начал раскладывать, работая быстро и точно.

– Он в своем уме, – заметил Харнаан. – Лампочка горит.

Во лбу Тора светился красный сигнальный огонек – он зажигался, когда робот был занят решением задачи. Это новое усовершенствование позволяло проверить, не лишился ли робот рассудка. Если бы огонек мигал, это означало бы, что нужно кое о чем позаботиться – приготовить свежую порцию цемента, чтобы устроить могилу для обезумевшего робота.

– Тор! – грубо обратился к нему Ван Дамм.

Робот не ответил.

– Должно быть, трудная задача. – Харнаан нахмурился. – Интересно, что это такое?

– Любопытно, что навело его на эту мысль, – сказал инженер аварийной службы. – Наверняка какие-то недавние события. Может, он занимается усовершенствованием процесса производства заменителя железа?

– Возможно. Гм-гм…

Несколько минут они смотрели, как трудится робот, но ни о чем не могли догадаться. В конце концов, вернувшись в кабинет Харнаана, они выпили по рюмке, рассуждая о том, что мог затеять Тор. Ван Дамм стоял на своем, считая, что это, вероятно, усовершенствование процесса производства заменителя железа, а

Харнаан не соглашался с ним, но не мог придумать ничего более правдоподобного.

Они все еще спорили, когда увидели в телевизоре, что в подвальном помещении произошел взрыв.

– Атомная энергия! – одним прыжком вскочив с дивана, крикнул Харнаан. Он бросился к лифту; Ван Дамм поспешил за ним.

В подвале кучка людей собралась у двери в мастерскую Тора. Харнаан пробился к ней и, переступив порог, вошел в облако цементной пыли. Когда оно рассеялось, он увидел у своих ног разбросанные куски сплава, Это были остатки Тора. Робота, по-видимому, уже нельзя было отремонтировать.

– Забавно, – пробормотал Харнаан. – Взрыв был не очень сильный. Но если он разрушил Тора, то должен был разрушить и весь завод, во всяком случае подвал. Ведь дюралой почти расплавился.

Ван Дамм не ответил. Харнаан взглянул на него и увидел, что инженер аварийной службы смотрит на какой-то прибор, парящий в пыльном воздухе на расстоянии нескольких метров от них.

Несомненно, это был прибор. Харнаан узнал некоторые детали из тех, что Тор принес в свою мастерскую. Но разгадать, что это за агрегат и для какой цели он предназначается, было нелегко. Он походил на игрушку, составленную каким-то странным ребенком из деталей набора «Конструктор».

Это было нечто вроде цилиндра длиной сантиметров шестьдесят, диаметром – тридцать, с линзой, движущимися частями и проволочной катушкой. Прибор гудел.

Вот и все, что можно было о нем сказать.

– Что это за штука, черт побери? – спросил Харнаан.

Ван Дамм осторожно отступил к обломкам двери. Он отдал порывистые торопливые приказания. Стенные панели плотно сдвинулись, и человек в синей форменной куртке поспешно подошел к инженеру аварийной службы:

– Все задержаны, начальник.

– Хорошо, – сказал Ван Дамм. – Загипнотизируйте этих ребят.

Он кивнул в сторону рабочих. Их было человек двадцать. Они беспокойно задвигались.

– Хотим знать причину, сэр! – крикнул кто-то из них.

Ван Дамм улыбнулся:

– Причина ясна. Вы видели, что осталось от Тора. Если распространится слух, что один из наших неразрушимых роботов может быть разрушен, другие компании начнут нам пакостить. Помните, что произошло со стальными роботами, которых мы

выпускали? Их портили. Вот почему мы стали производить роботов из дюралоя. Это единственный практически применимый тип. Мы только уберем из вашего мозга представление о том, что Тор сгорел. Тогда ни Лаксингем, ни другие компании не смогут получить этой информации, даже если применят к вам действие скополамина.

Удовлетворенные его ответом, рабочие стали выходить один за другим.

Харнаан по-прежнему смотрел на прибор непонимающим взглядом.

– На нем нет выключателя, – заметил он. – Интересно, что приводит его в движение?

– Может быть, мысль, – предположил Ван Дамм. – Но будьте осторожны. Нельзя запускать прибор, пока мы не узнаем его назначения.

– Что ж, логично, – кивнул Харнаан и вдруг изменился в лице. – Я только сейчас начинаю понимать, зачем создана эта машина. Предполагалось, что Тор неразрушим.

– Нет ничего абсолютно неразрушимого.

– Знаю. Но дюралой… гм-гм-гм. Посмотрите, там линза. Может быть, она здесь для того, чтобы фокусировать какие-то мощные лучи, разрушающие атомную структуру сплавов? Нет. Ведь от Тора-то остался дюралой! Значит, не в этом дело. А все-таки… Берегись!

Он пригнулся и быстро отскочил в сторону, потому что прибор, висевший в воздухе, начал медленно вращаться.

Ван Дамм нырнул в дверь.

– Вы привели его в действие! Уйдем отсюда!

Но он опоздал. Прибор пронесся у него над головой, выдернув на лету клок седых волос, и стукнулся о металлическую перегородку, разделявшую помещения подвала. Харнаан и Ван Дамм стояли в проеме двери, которая вела в мастерскую робота, и смотрели, как прибор медленно прогрызал себе путь сквозь твердую сталь.

И вот он исчез.

Харнаан взглянул на телевизор, стоявший позади него. Экран был разбит взрывной волной. Главный инженер вздрогнул:

– Нам лучше пойти вслед за ним. Не думаете ли вы… – Он осекся.

Ван Дамм испытующе посмотрел на него:

– Что?

– Нет, ничего. Пожалуй. Но… Я думаю о механической мутации.

– Вы сошли с ума, как наши роботы, – убежденно заявил Ван

Дамм. – Механическая чушь!

– А все же подумайте! Когда жизнь достигает какого-то кульминационного пункта, происходит мутация. Это биологический закон. Предположите, что Тор создал робота еще более совершенного, чем он сам, и… и…

– Эта штука, – сказал Ван Дамм, указывая на дыру в стене, – может быть чем угодно, но только не роботом. Это машина. И машина мыслящая. Но она обладает силой, огромной силой. Наше дело – выяснить, как применять эту силу. – Он помолчал. – Могли бы мы записать мысли Тора?

Харнаан покачал головой:

– Не выйдет. Его мозг сгорел. Я это проверил.

– А роботы не оставляют записей. Но ведь можем же мы как-то выяснить назначение этого прибора.

– Пока что мы знаем, что он прожигает отверстия в стали, – заметил Харнаан.

– И останавливает часы, – добавил Ван Дамм, посмотрев на свой ручной хронометр. – Мы должны поставить себя на место робота и понять, что ему могло прийти в голову.

Харнаан взглянул на инженера аварийной службы и поспешно вышел в соседнюю комнату. Там не было никаких признаков машины. Но дыра в потолке объясняла все, что здесь произошло.

Они поднялись по лестнице и на экране телевизора, стоявшего в холле, увидели, что прибор висит неподвижно в одном из цехов. Он оставался в том же положении, когда Ван Дамм и Харнаан вошли в цех. Пятьдесят металлических станков были выстроены в ряд; рабочие с удивлением смотрели на плавающий в воздухе предмет.

Подошел мастер.

– Что это такое? – спросил он. – Новая выдумка Лаксингема? Может быть, бомба?

– Как она действует?

– Никак. Только станки не работают.

Ван Дамм взял длинный шест с металлическим наконечником и приблизился к загадочной машине. Она медленно поплыла прочь. Загнав ее в угол, он ткнул в нее шестом – никакого результата. Тон гудения не изменился.

– Теперь попробуйте включить станки, – предложил Харнаан.

Они по-прежнему не работали. Но прибор, будто почуяв, что может завоевать новые миры, скользнул к двери, прожег себе путь сквозь нее и исчез.

Теперь он вырвался из большого здания. С балкона, выступавшего над высокой, как утес, стеной, Харнаан и Ван Дамм

могли, глядя вверх, видеть, как прибор плавно поднимается к небу. Он исчез где-то в вышине; на голову им полетели осколки плексигласа. Они едва успели спрятаться.

– Он наверху, – кратко сказал Харнаан. – Чует мое сердце, что в кабинете Туилла.

Все было ясно. Джозеф Туилл был одним из совладельцев Компании, богоподобным существом, пребывавшим в разреженной атмосфере, в самых высоких башнях.

Встревоженная охрана впустила их в служебные апартаменты Туилла. Как и предполагал Харнаан, случилось самое худшее. Загадочно гудящий прибор опустился на стол к магнату. Сам Туилл, оцепенев от ужаса, скорчился в своем кресле и тупо уставился на машину.

Он то вздрагивал и бледнел как полотно, то снова приходил в себя с интервалами примерно в три минуты.

Ван Дамм выхватил пистолет.

– Дайте мне ацетиленовый резак! – крикнул он и решительно направился к прибору, который поплыл к Туиллу.

Инженер аварийной службы, быстро повернувшись, выстрелил. Он промахнулся. Прибор поднялся вверх, помедлил, а потом пошел вниз сквозь письменный стол со всеми его ящиками, сквозь ковер и пол – и исчез. Гудение постепенно утихло.

Туилл вытер лицо.

– Что это было? – выговорил он. – Лаксингем? Я думал…

Ван Дамм посмотрел на Харнаана. Тот перевел дух и сообщил шефу все, что они знали.

– Теперь мы уничтожим его, – закончил он. – Ацетиленовый резак быстро его расплавит – ведь это не дюралой.

Туилл снова напустил на себя важный вид.

– Стойте, – приказал он, когда Харнаан уже повернулся к двери. – Не уничтожайте его без надобности. Может, это все равно что взорвать алмазные россыпи. Эта штука, должно быть, стоящая, даже если это оружие.

– Она вам не причинила вреда? – спросил Ван Дамм.

– Собственно говоря, нет. Сердце у меня то сжималось и замирало, то опять начинало биться правильно.

– На меня она так не действовала, – заметил Харнаан.

– Нет? Может, и придется ее уничтожить, но помните: только в случае крайней необходимости. Тор был толковым роботом. Если мы узнаем назначение этой штуки…

Выйдя из кабинета, Ван Дамм и Харнаан посмотрели друг на друга. Разумеется, Туилл был совершенно прав. Если бы только можно было изучить возможности этого прибора! Вероятно, они неограниченны. По внешнему виду ничего нельзя было сказать.

Он прожег металлическую стену, но это можно было сделать с помощью ацетилена или термита. Его неуловимое излучение подействовало на сердце Туилла. Но это тоже ни о чем не говорило. Не был же прибор создан только для того, чтобы испортить Туиллу самочувствие.

Прибором никто не управлял, но это не значило, что им нельзя было управлять. И все-таки только Тор мог сказать, для чего он так поспешно построил эту машину.

– Попробуем проследить, какие она дает побочные эффекты; может быть, это позволит установить ее назначение, – предложил Харнаан.

Ван Дамм возился в холле с телевизором:

– Подождите минутку. Я хочу выяснить…

Он резко заговорил в микрофон. Потом охнул с искренним огорчением.

Все часы на заводе остановились. Все точные инструменты пришли в негодность. Если верить показаниям сейсмографа, происходило сильное землетрясение. Если верить барометру, бушевал ураган. А если судить по действию атомного ускорителя, вся материя стала до невозможности инертной.

– Планк, – наугад сказал Харнаан, хватаясь за соломинку. – Коэффициент невероятности. Он переворачивает законы вероятности.

– Возьмите себя в руки, – посоветовал Ван Дамм. – Вы скоро начнете считать по пальцам. Мы имеем дело с логичной, лишенной эмоций наукой. Стоит только найти ключ, и все станет ясным как дважды два.

– Но мы не знаем всех возможностей робота. Он мог создать что угодно… нечто выходящее за пределы нашего понимания.

– Вряд ли, – с присущим ему здравым смыслом заметил Ван Дамм. – До сих пор с точки зрения современной науки прибор не совершил ничего невозможного.

Телевизор истерически застрекотал. На глазах у них все сотрудники Исследовательского отдела В-14 превратились в скелеты, а потом и вовсе исчезли. Разумеется, там побывал прибор.

– Х-лучи, – произнес Ван Дамм немного хриплым голосом. – Я все-таки схожу за резаком. Так мне будет спокойнее.

Пока они доставали это оружие, оказалось, что исчезнувшие сотрудники появились снова, причем загадочный эксперимент нисколько им не повредил. Тем временем прибор посетил Отдел личного состава, до истерики испугал секретаршу, засветил пленки и привел в состояние невесомости огромный сейф, так что тот повис на потолке среди кусков раздавленного пластика.

– Теперь он уничтожает силу тяжести, – с горечью констатировал Харнаан. – Попробуйте свести воедино все, что нам о нем известно. До сих пор мы знали, что прибор уничтожает силу тяжести, делает людей невидимыми, выключает электроэнергию и вызывает у Туилла сердечные приступы. Все говорит только о том, что это машина разрушения.

– Она ведет себя все хуже и хуже, – согласился Ван Дамм. – Но нужно еще поймать ее, прежде чем мы сможем направить шланг на эту проклятую штуковину.

Он пошел было к лифту, но передумал и включил ближайший телевизор. Новости были отнюдь не обнадеживающие. Прибор забрался в продуктовый склад, и там скисло все молоко.

– Хотел бы я напустить его на Лаксингем, – заметил Харнаан. – Ну и натворил бы он там делишек… Бог свидетель, нам-то он изо всех сил старается навредить! Если бы мы только знали, как им управлять!

– Телепатическим способом, – во второй раз подсказал Ван Дамм. – Но нам нельзя пробовать. Судя по тому, что он уже натворил, он расщепит на нейтроны весь округ, если мы… ха-ха!.. попытаемся управлять им.

– Может быть, только робот способен им управлять, – произнес Харнаан и вдруг, просияв, щелкнул пальцами.

– Ну что?

– Нам нужен второй робот, построенный по образцу Тора. Он совсем готов, закончен, и в его электронную память вложена целая библиотека. Остается только снабдить его энергией. Да, вот это идея. Мы не можем представить себе назначение этого прибора, но другой робот, такой же как Тор, сможет. Ведь он обладает совершенной логикой.

– Даже с некоторым избытком, – нерешительно сказал Ван Дамм. – А вдруг он направит прибор на нас? А что, если этот агрегат создан для того, чтобы превратить роботов в господствующую расу?

– Теперь вы рассуждаете так, будто сами спятили, – съязвил Харнаан.

Он передал по телевизору какие-то распоряжения и, улыбаясь, отошел от него. Через пятнадцать минут должен был явиться Тор II в состоянии рабочей готовности, мыслящий и способный разрешать любые задачи.

Однако эти четверть часа прошли в тревоге и волнениях. Прибор, словно подстрекаемый каким-то демоном, стремился забраться в каждый отдел гигантского предприятия. Он превратил ценную партию золотых слитков в почти ничего не стоящий свинец. Он аккуратно, полосками, снял одежду с

важного клиента в верхней башне. Потом снова пустил в ход все часы, но только в обратную сторону. И еще раз нанес визит несчастному мистеру Туиллу, вызвав у него новый сердечный приступ, после чего от босса стало исходить неясное красноватое сияние, которое окончательно исчезло только через месяц после этого происшествия.

За эти пятнадцать минут нервы у всех были взвинчены еще больше, чем в последний раз, когда бомбардировщики Лаксингема кружили над башнями Компании. Туилл пытался что-то объяснить своим компаньонам в Нью-Йорке и Чикаго и выкрикивал проклятия. Техники и аварийные монтеры налетали друг на друга в холлах. Над зданием парил вертолет, готовый сбить прибор, как только тот попытается ускользнуть. Акционеры Компании молили небеса, чтобы прибор в конце концов оставил их в покое.

А загадочный нервирующий прибор, который всегда появлялся неожиданно, весело плыл своей дорогой, пока что причинив не так уж много вреда, если не считать того, что он дезорганизовал всю Компанию. Пока подготавливали Тора II, Харнаан грыз ногти. Затем он помог быстро смонтировать робота и вместе с ним спустился в лифте, чтобы присоединиться к Ван Дамму, который запасся резаком и ожидал Харнаана на одном из нижних этажей, где в последний раз видели прибор.

Ван Дамм окинул робота испытующим взглядом:

– Ему заданы условия и он может действовать?

– Да, – кивнул Харнаан. – Ты знаешь, чего мы хотим, Тор-два, не так ли?

– Да, – ответил робот. – Но, не видя аппарата, я не могу определить его назначение.

– Спору нет, – проворчал Ван Дамм, когда мимо него с визгом пронеслась какая-то блондинка. – Наверное, он в этой конторе.

Ван Дамм пошел впереди. Из конторы, конечно, все убежали, а прибор, слабо жужжа, висел в воздухе посреди комнаты. Тор II прошел вслед за Харнааном и остановился, пристально разглядывая загадочную машину.

– Он живой? – тихо спросил Харнаан.

– Нет.

– Его назначение?

– Подождите. Он создан для того, чтобы решить определенную задачу… Это несомненно. Но я не знаю, решит ли он задачу, для которой он был создан. Есть только один способ получить ответ.

Тор II шагнул вперед. Прибор плавал, и линза была нацелена на робота. Какой-то инстинкт предостерег Харнаана. Он услышал,

как гудение усилилось, и в тот же миг бросился к Ван Дамму. Оба они повалились под стол, причем портативный резак, выскользнув из рук инженера аварийной службы, тяжело стукнулся о стену и ушиб ногу Харнаана.

Но он почти не почувствовал боли, так как был поглощен более важными событиями. От прибора протянулся яркий розовый луч и осветил Тора II. В то же время гудение усилилось и перешло в пронзительный, действующий на нервы вой. Он длился недолго – затем раздался взрыв, который ослепил и оглушил обоих людей. На них обрушился стол.

Харнаан надрывно закашлялся и что-то пробормотал. Он почувствовал, что остался жив, и даже слегка удивился этому. Поднимаясь, он успел заметить, как Ван Дамм выскочил вперед, держа в руке резак и направляя воющее пламя на прибор, который не сделал никакой попытки ускользнуть. Он накалился докрасна и затем начал плавиться. Капли металла потекли на пол. Прибор или, вернее, то, что от него осталось, упало с глухим стуком, теперь уже безвредное и лишенное смысла.

Ван Дамм отвел шланг. Тихое гудение прекратилось.

– Опасная штука, – сказал он, глядя на Харнаана блуждающим взглядом. – Успел как раз вовремя. Вы ранены?

– Как раз вовремя! – повторил Харнаан, указывая на робота. – Взгляните сюда!

Ван Дамм увидел Тора II, которого постигла та же участь, что и Тора I. Разбитый, расплавленный робот лежал возле двери.

Харнаан провел рукой по щеке и посмотрел на почерневший металл. Он прислонился к столу; постепенно лицо его прояснилось, и он улыбнулся. Ван Дамм в изумлении глядел на него:

– Какого черта…

Но Харнааном овладел почти истерический смех.

– Он… он выполнил свое назначение, – наконец выговорил главный инженер. – Какой… какой удар для Компании! Прибор сработал!

Ван Дамм схватил его за плечо и начал трясти. Харнаан успокоился, хотя губы его все еще кривились в улыбке.

– Все в порядке, – произнес он наконец. – Я… я ничего не мог с собой поделать. Очень уж забавно!

– Что? – спросил Ван Дамм. – Если вы видите здесь что-то забавное…

Харнаан перевел дух:

– Этот… ну, этот порочный круг. Разве вы еще не догадались, зачем был создан этот прибор?

– Лучи смерти или что-нибудь в таком роде?

– Вы упустили из виду, что сказал Тор-два: есть только один способ узнать, может ли прибор сделать то, ради чего он был создан.

– Ну так какой же это способ?

Харнаан фыркнул:

– Логика. Рассуждайте логически. Помните первых роботов, которых мы изготовляли? Их всех портили, и потому мы стали выпускать роботов из дюралоя, которых, по идее, нельзя было разрушить. А роботы создавались для того, чтобы решать задачи, – в этом был смысл их существования. Все шло хорошо до тех пор, пока они не теряли рассудка.

– Я это знаю, – нетерпеливо произнес Ван Дамм. – Но при чем тут прибор?

– Они теряли рассудок, – сказал Харнаан, – когда перед ними вставала неразрешимая задача. Это элементарная психология. Перед Тором встала та же задача, но он разрешил ее.

По лицу Ван Дамма стало видно, что он постепенно начинает догадываться.

– Неразрушимый он или нет!

– Ну конечно! Рано или поздно все роботы задумывались над задачей, неизбежно вставшей перед ними: как они сами могут быть разрушены. Мы конструировали их таким образом, чтобы они в большей или меньшей степени могли думать самопроизвольно. Это был единственный способ сделать их хорошими мыслящими машинами. Перед роботами, похороненными в цементе, вставала задача: каким образом разрушить самих себя; не в силах ее решить, они теряли рассудок. Тор-один оказался умнее. Он нашел ответ. Но у него был единственный способ проверить правильность решения – на себе самом!

– Но… Тор-два…

– То же самое. Он знал, что прибор подействовал на Тора-один, но не знал, подействует ли на него самого. Роботы обладают холодной логикой. У них нет инстинкта самосохранения. Тор-два просто испытал прибор, чтобы посмотреть, сможет ли он решить ту же задачу. – Харнаан перевел дух. – И прибор решил ее.

– Что мы скажем Туиллу? – безучастно спросил Ван Дамм.

– Что мы можем ему сказать? Правду – что мы зашли в тупик. Единственные роботы, которых нам стоит производить, – это мыслящие машины из дюралоя, а они будут уничтожать самих себя, как только начнут задавать себе вопрос, в самом ли деле их нельзя разрушить. Каждый из выпущенных нами роботов дойдет

до последнего испытания – саморазрушения. Если мы сделаем их не такими разумными, их нельзя будет применять. Если мы перестанем применять дюралой, Лаксингем или другая компания начнет их портить. Роботы, конечно, замечательная вещь, но они родятся со стремлением к самоубийству. Ван Дамм, я боюсь, нам придется сказать Туиллу, что Компания зашла в тупик.

– Так в этом состояло истинное назначение прибора? – пробормотал инженер аварийной службы. – А все остальные его проделки – это лишь побочные явления, результаты действия неуправляемой машины?

– Да…

Харнаан направился к двери, обойдя полурасплавленные останки робота. Он с грустью взглянул на свое погибшее создание и вздохнул:

– Когда-нибудь, возможно, мы и найдем выход. Но сейчас, по-видимому, получился порочный круг. Нам не следовало называть его Тором, – добавил Харнаан, выходя в холл. – Я думаю, правильнее было бы назвать его Ахиллом.

Жил-был гном

Никто не заставлял Тима Крокетта совать свой нос в шахты Дорнсетских гор. То, что обещает удачу в Калифорнии, может привести к самым отвратительным результатам в угольных копях Пенсильвании. Особенно если в дело вмешиваются гномы.

Нельзя сказать, чтобы Тим Крокетт занимался специально гномами. Отнюдь, он входил в состав той южнокалифорнийской группы, члены которой изучали условия жизни угнетенного пролетариата, так и не выяснив окончательно, кто кому больше нужен – они пролетариату или пролетариат им.

Крокетт, подобно своим коллегам, считал рабочего помесью гориллы и Человека копающего, что не мешало ему произносить пламенные речи о порабощенном меньшинстве, писать передовицы в печатном органе «Возрождение» и ловко уклоняться от любой конкретной работы. Он утверждал, что на него возложена миссия. К сожалению, объекты миссии питали к Тиму Крокетту минимум симпатии.

Сам Крокетт был длинным, тощим молодым человеком с крохотными паучьими глазками, прекрасно разбирающимся в дешевых галстуках. Если ему что-то и требовалось, так это энергичный пинок пониже брючного ремня.

Но уж никак не пинок от гномов!..

На средства папаши Тим рыскал по стране, активно исследуя жизнь рабочих, к великой досаде исследуемых. Именно эта идея и привела его в Дорнсетские шахты – переодетого под шахтера и с лицом, тщательно вымазанным угольной пылью. Спускаясь на лифте, Крокетт чувствовал себя несколько неуверенно среди чистых людей с гладко выбритыми умытыми лицами. Он не учел, что шахтеры становились грязными лишь после рабочего дня.

До начала работы Тим шлялся туда-сюда, но вскоре по рельсам покатились груженые вагонетки, и прогуливаться стало затруднительно. Крокетт поколебался и направился к рослому субъекту, чье лицо хранило следы великой печали.

– Эй, приятель, – лихо начал коммуникабельный миссионер, – я хотел бы поговорить с тобой!

– Инглишский? – вопросительно отозвался абориген. – Знаю. Вишки. Вино. Много. Ад.

Истощив запас английских слов, собеседник удовлетворенно рассмеялся и вернулся к работе, оставив сбитого с толку Крокетта стоять в стороне. За неимением новой жертвы пришедшему в себя Тиму пришлось отправиться по следам последней груженой вагонетки, что он и сделал, периодически вынуждаемый ползти

на животе, больно стукаясь затылком о низкий потолок.

Рельсы уходили в пролом стены, куда и хотел последовать Крокетт, но его остановил хриплый вопль. В крайне непечатных выражениях Тима приглашали подойти поближе для сворачивания шеи и других проявлений членовредительства. Внешний вид кричавшего наводил на мысль о наемном убийце, и неудачливый исследователь кинулся прочь, лихорадочно высматривая боковой туннель. Вослед ему несся неразборчивый рык, посылавший бегущего в различные неуютные места, и внезапно Крокетт остановился, уловив смысл последней реплики:

– …пока не взорвался динамит!!!

Вот в этот самый момент динамит и взорвался.

Сначала Крокетт обнаружил, что летит, потом способность соображать была на некоторое время утрачена, а когда она вернулась к владельцу, то первым ощущением Крокетта было то, что на него смотрит чья-то голова.

Вид этой головы не приносил утешения – вряд ли бы вы выбрали себе в друзья ее обладателя. Странная голова, весьма странная, чтобы не сказать отталкивающая.

Крокетт настолько увлекся созерцанием, что даже не обратил внимания на неожиданное умение видеть в темноте.

Валялся Тим в заброшенной неиспользуемой шахте, и эта информация в ряде случаев толкала заваленных шахтеров на необдуманные поступки. Крокетт судорожно моргнул – и когда он снова открыл глаза, то обнаружил, что голова исчезла. Первый случай после взрыва, поднявший Тиму настроение. Увы, и последний.

Конечно же, видение было галлюцинацией! Собственно, Крокетт не мог даже толком вспомнить, как она выглядела. Остались лишь смутные воспоминания о контурах огромной луковицы, блестящих круглых глазах и неправдоподобно широкой щели рта.

Застонав, Крокетт сел и попытался определить происхождение серебряного сияния, заполнявшего туннель. Оно напоминало дневной свет в туманный день, не давало тени и не имело источника.

«Радий», – подумал Крокетт, ничего не смысливший в минералогии.

Шахта уходила резко вперед и так же резко упиралась в обломки рухнувшего свода. Тиму мгновенно стало трудно дышать. Издавая нечленораздельные квохчущие звуки, он кинулся вперед и принялся лихорадочно разбрасывать обломки.

Но когда он увидел собственные руки, его движения замедлились и продолжали замедляться до перехода к полной

неподвижности.

Замерев в неудобной позе, он уставился на два удивительных шишковатых предмета, росших из его кистей. Может быть, будучи без сознания, он успел надеть рукавицы?

Но никакие рукавицы никогда и ни под каким видом не будут похожи на то, что Крокетт имел полное основание считать своими руками. Руки были изменены. Они превратились в два массивных шишковатых коричневых клубня, похожих на узловатые корни дуба. Тыльная сторона новых конечностей обросла густой черной шерстью, ногти явно требовали маникюра – причем в качестве инструмента лучше всего подходило зубило.

Крокетт с трудом повернул голову и оглядел себя с ног до макушки. Из груди его вырвался тоненький цыплячий писк. Короткие кривые ноги, толстые и мощные, ступни длиной в два фута, и это еще не все…

Рост немногим более четырех футов, ширина… ширина почти такая же плюс-минус полфута. Наличие выгнутой груди и косолапости полностью окупалось отсутствием шеи, а одежду составляли красные сандалии, голубые шорты и пурпурная блуза с коротенькими рукавами. Ну а из рукавов и торчало то, что Крокетт обнаружил в первую очередь.

Его голова! Контуры огромной луковицы, широченная щель рта…

Крокетт лег на землю и скрестил руки на груди. Он умирает от кислородной недостаточности, и перед смертью его посещают видения.

– Я умираю, – трагически произнес Крокетт. – Мне нечем дышать.

– Ну и дурак, – заявил совсем рядом чей-то презрительный голос.

Тим вздрогнул. Теперь еще и слуховые галлюцинации!..

– На редкость вшивый образчик гнома, – продолжал наглый голос. – Но согласно закону Нида выбирать не приходится. Копать твердые металлы тебе все равно не позволят, а антрацит – примерно для твоей скорости. Что ты пялишься, дубина? Ты куда уродливее, чем я.

Крокетт собрался было облизать пересохшие губы и с ужасом обнаружил, что кончик его влажного языка достает примерно до середины лба. Он засунул язык обратно, громко причмокнув, и принял сидячее положение. После чего застыл в неподвижности.

Снова появилась голова. На этот раз с ней было и тело.

– Я Гру Магру, – заявила голова. – Ты тоже получишь гномье имя, если только твое не слишком противное. Как оно звучит?

– Крокетт, – автоматически прозвучал ответ.

– Довольно-таки гнусно, но пока сойдет. А теперь, Крокетт, вставай и следуй за мной, иначе получишь хорошего пинка.

Но Крокетт встал не сразу. Он разглядывал Гру, который явно был гномом.

Короткий, приземистый и плотный, он напоминал маленький раздутый баллончик, покрытый луковицей с огромной щелью рта, пуговицей носа и двумя крайне большими глазами.

– Вставай, – раздраженно повторил Гру Магру.

«Если меня вынудят сделать хоть шаг, – подумал несчастный Крокетт, – я сойду с ума. И это будет как раз то, что надо. Гномы…»

Гру Магру выставил вперед свою большую косолапую ногу, придирчиво оценил позицию – и Крокетт, описав дугу, слетел со своего валуна.

– Вставай, – в третий раз сказал гном; его настроение опять ухудшилось, – иначе я тебе так наподдам… Мне по уши хватает перспективы патрулирования с возможностью в любой момент налететь на человека.

– Уже, уже… – Крокетт встал.

Гру Магру схватил его за руку и поволок в глубины туннелей.

– Ну теперь ты почти настоящий гном, – бубнил он себе под нос, – таков закон Нида. Хотя такая овчинка может и не стоить выделки. Но что поделать, если гномы не в состоянии воспроизводиться, а плотность населения обязана поддерживаться… Ты хочешь поддерживать плотность населения?

– Я хочу сдохнуть, – яростно бросил Крокетт.

Гру Магру расхохотался:

– Гномы не дохнут. Они бессмертны до самого Дня. Я имею в виду Судный день.

– Нелогично, – заметил Крокетт, как будто одно несоответствие могло исправить бредовость ситуации. – Или вы состоите из плоти и крови и тогда смертны – или вы бестелесны и тогда нереальны.

– Есть третий вариант, – наставительно сказал Гру Магру. – Мы состоим из плоти и крови, и мы бессмертны. Врубился? Правда, против смертных я ничего не имею, совы там или нетопыри… Но человек! – Гном содрогнулся. – Никто из нас не выдержит вида человека!

– Я человек! – ухватился за соломинку Крокетт.

– Был, – возразил Гру, – был человек. Такой же дерьмовый, как и нынешний гном. Но выбирать не приходится, ибо таков закон Нида.

– Ты объяснишь мне наконец ваш закон Нида? – возмутился оскорбленный Крокетт.

– Естественно, – покровительственно заявил Гру Магру. – Его установил первый император гномов Подгран Третий. Каждый десятый человек, оставшийся под землей, преобразуется в гнома и остается с нами. Для поддержания плотности населения. Как и произошло в твоем случае. Усек?

– Нет, – слабым голосом ответил Крокетт, – не могу… Этот ваш Подгран был первым императором гномов… Почему он тогда Подгран Третий?

– Дурацкий вопрос, – сказал Гру Магру. – Поторопись.

Теперь он почти бежал, таща за собой совершенно ошалевшего Крокетта. Новоявленный гном еще не научился управляться со своим телом и все время норовил наступить широченными сандалиями на мешающие руки.

Крайне не скоро верхние конечности согнулись в локтях и прижались к туловищу, позволив оглядеться по сторонам. Мимо проплывали однообразные стены, освещенные странным серебряным светом.

– Откуда здесь свет? – удалось выдавить Крокетту.

– Свет? – переспросил Гру Магру. – Это не свет.

– Но ведь вокруг не так уж темно…

– Не темно? А как бы мы смогли видеть, если бы вокруг не было темно?

Привыкнуть к логике гномов было невозможно. Крокетт еле успел перевести дыхание. Зачем, зачем он позволил увести себя из знакомой пещеры?! Теперь никогда не удастся найти обратного пути… О боже!

– Торопись, идиот!

– Зачем?

– Мы опаздываем на битву.

Но они не опоздали. Следующий туннель просто кишел гномами, и все присутствующие яростно дрались. Мелькали красно-голубые блузы и шорты, луковичные головы крутились в вопящем водовороте, и, по мнению Крокетта, тут явно годились любые приемы.

– Ура! – ликующе заорал Гру Магру. – Да здравствует драка! Я гений! Я учуял ее за шесть туннелей!..

Он немедленно пригнулся, и здоровенный камень, брошенный незнакомым злобным гномом, пролетел над его макушкой. Гру забыл о своем пленнике, бросился на агрессора, сбил его с ног и принялся методично стучать вражьим затылком о пол пещеры. Предельная громкость их голосов терялась в общем реве, сотрясающем стены.

Крокетт решил придерживаться нейтралитета, и это было его ошибкой. Вынырнувший из-за груды камней огромный лысый

гном ухватил миролюбивого Крокетта за ноги, и Тим полетел во второй раз за сегодняшний жуткий день. С трудом вставая, он обнаружил под собой придавленного огненно-рыжего гнома с четырьмя большими бриллиантовыми пуговицами на блузе. Распластавшийся по полу поверженный противник выглядел весьма отталкивающе. Оглядев себя, Крокетт не обнаружил ни одной царапины.

По крайней мере, его тело было достаточно крепким.

– Спасибо. Вы спасли меня, – послышался незнакомый голос.

Крокетт оглянулся и понял, что если в природе и существует нечто уродливее гномов-мужчин, то это, несомненно, гном женского пола. Особенно сжимающий (сжимающая?) в руке внушительных размеров булыжник.

– Я не причиню вам вреда, – закричала гномка, стараясь перекрыть гул сражения. – Мугза пытался оторвать мне уши, а вы… Ой! Он встает!

Действительно, рыжий Мугза уже пришел в чувство и пытался с помощью поднятой толстой ноги переправить Крокетта на другой конец туннеля. Гномка тут же уселась коварному Мугзе на грудь и с помощью любимого булыжника вернула его в первоначальное состояние. Только тогда она встала и обернулась к остолбеневшему Крокетту:

– Вы не ушиблись? Меня зовут Броки Бун. А вы новенький, вас притащил Гру Магру, я права?

– Очень приятно, – соврал Крокетт. – Вы не знаете, из-за чего началась эта драка?

– Ее начала я, – охотно разъяснила Броки Бун. – Просто так. А потом подключились остальные.

– Просто так?

– Ах, ну да, ты же новенький… Слушай, ты был человеком, может быть, ты мне кое-что объяснишь? – Ее выпуклые глаза зажглись странным светом. – Как тебя зовут?

– Крокетт.

– Слушай, Крокетт, что такое поцелуй?

– ?..

– Ты понимаешь, однажды я сидела внутри холма, а снаружи трепались два человека – мужского и женского пола. Сначала мужчина просил у женщины поцелуй, а потом раздался чмокающий звук, и женщина сказала, что это восхитительно.

– Очень интересно, – довольно тупо поддержал беседу Крокетт.

– И с тех пор меня терзают сомнения, потому что, если какой-нибудь гном попросит у меня поцелуй, я не буду знать, что это за штука.

– Гномы не целуются, – наставительно заметил Крокетт.

– Зато гномы копают, – ответила Броки Бун. – А также гномы едят. Я люблю есть и не люблю копать. Поцелуй, случайно, не похож на похлебку из тины?

Кое-как Крокетту удалось объяснить любопытной Броки механику интересующего ее явления.

Гномка несколько минут молчала. Потом, с видом крайнего одолжения, она приблизилась к Тиму вплотную:

– Я дам тебе поцелуй.

Перед глазами Крокетта промелькнуло кошмарное видение: вся его голова исчезает без остатка в бездонном провале ее рта.

– Не стоит, – сказал он. – Я не хочу.

– Тогда я дам тебе по шее, – предложила Броки Бун компромиссный вариант, без всякого перехода давая Крокетту в ухо узловатым кулаком.

– Ой, не надо!..

Броки с сожалением опустила руку и оглянулась вокруг:

– Драка кончилась… Жалко, правда?

Крокетт потер ушибленное ухо и обнаружил гномов, давно забывших о последних событиях и торопливо разбегающихся по своим делам. В туннеле снова царила тишина, нарушаемая лишь топотом гномьих ног. Сияющий и счастливый, к ним подошел Гру Магру.

– Хэлло, Броки, – сказал он. – Хорошая драка. Кого это ты?

– Мугзу, – ответила Броки, глядя на распростертого рыжего гнома. – Он до сих пор без сознания. Давай-ка пнем его напоследок.

Идея Броки претворилась в жизнь с большим энтузиазмом, и Крокетт подумал, что не хотел бы он быть на месте пинаемого Мугзы, даже в состоянии полного беспамятства.

Наконец Гру Магру утомился.

– Пошли, – сказал он, беря Крокетта под руку.

Они двинулись вдоль туннеля, оставив Броки Бун прыгать на животе бесчувственного Мугзы.

– Вы, кажется, не имеете ничего против избиения людей, когда они без сознания? – заметил потрясенный Крокетт.

– Не людей, а гномов, – поправил его Гру. – А кроме того, так гораздо забавнее. Можно бить именно туда, куда хочется. И хватит трепаться. Новый день – новый гном. Идем, тебя нужно посвятить.

Гру принялся напевать какую-то гномовскую песню.

– Послушай, – перебил его вокальные упражнения Крокетт, – мне пришла в голову одна мысль. Ты говоришь, что люди превращаются в гномов для поддержания стабильности вашего

населения. Но если гномы не умирают, а новые продолжают прибывать, следовательно гномов сейчас гораздо больше, чем ранее! И население растет.

– Заткни фонтан, – посоветовал Гру Магру. – Я пою.

Начисто лишенная мелодии песня вызвала у Крокетта сомнения в наличии у гномов национального гимна. А уж о колыбельных и говорить…

– Быстрее, – прервал размышления Тима Гру Магру. – Мы должны увидеться с императором. Он всегда видится с новыми гномами. И советую тебе произвести на него хорошее впечатление, или я суну тебя в лаву под приисками.

Крокетт оглядел испачканную одежду:

– Может, мне лучше привести себя в порядок? Я из-за этой драки весь перепачкался…

– Не оскорбляй священных принципов драки, – обиженно заявил Гру. – Кроме того, ты все видишь как-то не так.

– Но моя одежда грязна до отвращения!

– Ты себе льстишь! – сказал Гру, набирая под ногами пригоршню грязного песка и натирая им одежду, лицо и волосы Крокетта. – Вот теперь совсем другое дело!

– Я… Пчхи! Спасибо… Пчхи! – расчихался новенький гном. – Надеюсь, я все же сплю, потому что…

Крокетту было явно не по себе.

Через некоторое время Гру втащил своего спутника в огромную каменную пещеру с троном в дальнем углу, вытесанным из цельного валуна. На троне, поджав ножки, сидел маленький гном, погруженный в созерцание собственных ногтей.

– Пусть твой день будет вечен! – поклонился Гру. – Где император?

– Ванну принимает, – грустно ответил маленький. – Надеюсь, он утонул. Утром тина, днем тина, вечером опять та же тина… Сначала слишком горячо, потом слишком прохладно, после слишком густо!.. Я себе пальцы стер до костей, намешивая тинные ванны. А благодарность? Одни пинки.

С каждой минутой голос маленького гнома звучал все жалобнее.

– Наверное, должно существовать понятие «быть чересчур грязным»? Три грязевые ванны, две тинные, и все в один день! Ну да, кто я такой, чтобы возражать… Я – грязевая кукла, так он назвал меня сегодня. Дескать, в особо вонючей грязи попался ком… Так это я! Впрочем, почему бы и нет… Проклятая мешанина, в которой он валяется, даже червю испортит пищеварение. Идите, идите. Его величество там. – Гном ткнул ногой в направлении полукруглого свода.

Крокетта потащили в соседнее помещение, где в ванне, полной жирной коричнево-черной грязи, сидел сонный обрюзгший гном. Лишь глаза сверкали через покрывавшую его плотную корку. Он зачерпывал из ванны пригоршни ее содержимого и бросал на плешь, стараясь, чтобы грязь стекала равномерными каплями. Когда ему это удавалось, гном был очень доволен.

– Грязь… – утомленно прорычал он. – Что может сравниться со старой доброй грязью? Ничего.

Гру бухнулся лбом в пол, увлекая растерявшегося Крокетта за собой.

– Встаньте, – милостиво сказал император. – Зачем церемонии… И кто этот новый гном?

– Закон Нида, – объяснил Гру. – Я нашел его наверху.

– Ну да, конечно… Давайте его сюда. Я Подгран Второй, император гномов. Что ты можешь на это сказать?

Ну что мог Крокетт сказать на это?

– Как же вы можете быть Подграном Вторым, если первый император был Подграном Третьим?

– Идиот, – прокомментировал вопрос император, внезапно исчезая под поверхностью грязи. – Позаботься о нем, Гру, – донеслось оттуда, – вначале антрацит, и никакой еды во время работы. Первая грязевая ванна через сто лет добросовестного труда.

Львиный рык императора стер в мозгу Крокетта ужас предстоящих перспектив добросовестного труда и грязевых ванн.

– Друк!!!

Поспешно приковылял перепуганный маленький гном:

– Ваше величество, неужели грязь недостаточно теплая?

– Ты ноль, разделенный на ноль! – зарокотал Подгран. – Ты слюнявое порождение шести тысяч различных зловоний! Ты крысоухий, вислошеий, извивающийся гнойный прыщ на добром имени гномов! Ты ошибка геодезии! Ты…

Друк аккуратно влез во временный перерыв обвинительной речи императора:

– Это лучшая из лучших ароматических грязей, ваше величество! Я лично отбирал ее…

– В ней червяк!

В ванне поднялась буря, и бушующее величество исчезло окончательно в коричневых волнах. У Крокетта заложило уши. Он съежился и позволил Гру Магру утащить себя прочь.

– Хотел бы я встретиться со стариком в драке, – заметил Гру в безопасных глубинах переходов. – Но он наверняка прибегнул бы к колдовству. Самый лучший император из всех, бывших ранее.

Ни одной чистой клеточки на всем грязном теле!

– А что будет со мной? – заикаясь, спросил Крокетт.

– Ты что, оглох? Будешь копать антрацит. И если посмеешь съесть хоть крошку, я вобью ее в тебя вместе с зубами!

Размышляя над особенностями явно дурного характера гномов, Крокетт послушно отправился в галерею, где несколько дюжин разнополых гномов остервенело тыкали в стены кирками и мотыгами.

– Здесь, – сказал Гру. – Давай. Двадцать часов будешь работать. Шесть часов спать.

– А потом?

– Потом двадцать часов работать. И шесть спать. Повторить? И не смей прерывать работу, разве что ради драки.

– А как я выясню местонахождение антрацита?

– А как я нашел тебя? – нетерпеливо перебил Гру. – Гномы связаны с металлами, и у нас есть некоторые особенности. Подумай об антраците.

Крокетт повиновался и с удивлением обнаружил, что его развернуло лицом к ближайшей стене.

– Полагаю, это результат функциональной эволюции, – усмехнулся Гру. – Подумай о золоте или других подземных месторождениях, и ты их сразу почувствуешь. Это так же сильно, как отвращение к дневному свету. Когда мы приближаемся к свету, он нас отталкивает. Но я однажды видел дневной свет. И человека. – Гру Магру содрогнулся. – Гномы не выдерживают вида человека. Все-таки есть предел уродливости! Так что и ты старайся держаться подальше от света и людей. Здоровье того стоит.

Крокетт погрузился в размышления. Повинуясь своим новым ощущениям, он сможет выбраться из путаницы туннелей? Ну что ж, потом он хотя бы окажется на поверхности.

Раздумья были прерваны всунутой в руки киркой.

– Вот здесь. Приступай.

– Спасибо… – начал было Крокетт, но Гру неожиданно пнул его и отправился восвояси, довольно напевая себе под нос.

Появился гном-надсмотрщик; увидев бездействующего Крокетта, он ткнул бедного работника в уже распухшее ухо и подтвердил приказ работать.

Волей-неволей пришлось Крокетту брать кирку в руки.

– Эй, Крокетт! – Знакомый голос оторвал Тима от унылого отколупывания кусков антрацита.

Это была Броки Бун, работавшая вместе с остальными и теперь весело улыбавшаяся новому приятелю.

– Не волнуйся, ты долго здесь не пробудешь, – утешила она

Крокетта, – лет десять, не больше, пока не попадешь в переделку, а уж потом тебя поставят на действительно тяжелую работу.

Кирка выпала из ослабевших рук Крокетта.

– О господи! Да у меня и так уже руки отваливаются… А ты давно тут вкалываешь?

– А я на антраците редко бываю. Обычно меня наказывают и переводят на металлы. Дело в том, что антрацит я ем.

Она с громким треском продемонстрировала свои способности. Крокетт содрогнулся. И к ним тут же подошел надсмотрщик.

– Что это за перекур? – рявкнул он. – А ну, живо!

– А мы как раз собрались драться, – сообщила Броки в качестве оправдательного аргумента.

– Драться? Только вдвоем? Или мне тоже можно присоединиться?

– Можно, – согласилась неженственная гномка и ударила киркой по затылку ничего не подозревавшего Крокетта. Он угас в одно мгновение.

Очнувшись через некоторое время от жестких толчков под ребра, Крокетт обнаружил себя в том же туннеле, в окружении гномов, складирующих нарубленный антрацит.

– Очнулся? Давай принимайся за работу!

Окрик надсмотрщика вынудил Крокетта автоматически повиноваться.

– Слабенький ты какой-то… – Неунывающая Броки Бун уже стояла рядом. – Ты пропустил самое интересное. Я получила в челюсть. Видишь?

Она продемонстрировала свой синяк. Крокетт торопливо защитился киркой. Теперь он был опытнее.

…Копать… копать… Двадцать часов работы, шесть – сна… двадцать – работы, шесть… копать… копать…

– Я думаю, из тебя получится хороший гном. – Комплимент Броки вывел его из ступора. – Ты здорово привык. Кем ты был? Шахтером?

– Я?..

Внезапно Крокетт замолчал. В его глазах зажегся странный свет.

– Я был профсоюзным рабочим организатором.

– Кем?!

– Ты что-нибудь знаешь о профсоюзах, – пристально глянул на нее Крокетт, – или об условиях труда?

– Ты задаешь непонятные вопросы… Объясни.

Крокетт объяснил. Такого объяснения не напечатал бы даже профсоюзный орган «Возрождение». Оно было, как бы это сказать,

несколько упрощенным. У Броки Бун был озадаченный вид.

– Я не понимаю тебя до конца, но, по-моему, это здорово.

– Еще как здорово! – поддержал Крокетт. – Неужели ты никогда не устаешь от двадцатичасового рабочего дня?

– Разумеется, устаю…

– Тогда зачем так работать?

– Мы все так работаем, – не поняла опять Броки.

– А если остановиться?

– Меня накажут. Побьют сталактитами.

– Ну а если остановятся все? – настаивал Крокетт. – Каждый распроклятый гном! Если устроить сидячую забастовку?

– Ты ненормальный, – заявила Броки. – Под землей никогда не бывало сидячих забастовок.

– Поцелуев под землей тоже никогда не бывало, – возразил Крокетт. – Нет-нет, он мне не нужен!.. И драться я тоже не хочу. Да дослушай ты до конца! И пойми, что рабский труд угнетенных гномов служит поддержкой привилегированным классам и императору лично.

– При чем тут классы? Мы просто работаем. Так хочет император.

– А сам император когда-нибудь работает? – торжествующе заорал Крокетт. – Нет! Он только ванны грязевые принимает! Почему он один? Каждому гному по грязевой ванне! Каждому гному по…

Политически неграмотная Броки Бун клюнула на приманку, схватила ее и проглотила. Через час она уже согласно кивала.

– Каждому гному!

– Правильно, Крокетт. Я сообщу остальным сразу после работы, в Ревущей пещере.

– Сколько мы сможем собрать гномов?

– Вначале не очень много… Тридцать или около того.

– Нам необходим твердый план. И жесткая организация. Мы…

Броки Бун начала терять интерес:

– Давай драться.

– Замолчи и слушай. Нужно избрать совет. Кто у вас главный нарушитель спокойствия?

– Я думаю, Мугза. Ну, тот рыжий, которого ты сбил с ног, а я добавила. Булыжником. Булыжник – оружие гномов.

Крокетт задумался. Злится ли на него Мугза? Вряд ли. Тем более что Мугза с его бриллиантовыми пуговицами был эквивалентен местному герцогу и его поддержка могла оказаться весьма ценной.

– Хорошо. Пусть будет Мугза.

– И Гру Магру. Он обожает все новое, особенно если оно приводит к неприятностям.

Сам Крокетт не одобрил бы этих кандидатур, но предложить другие он не мог.

– Было бы неплохо заполучить особу, приближенную к императору… Как насчет месителя грязевых ванн? Как там его, Друк, что ли?

– Договорились. Это я устрою.

Броки все-таки остыла к идее профсоюза и принялась поедать близлежащий антрацит. Возник надсмотрщик, и дело кончилось традиционной дракой, из которой Крокетт вышел с подбитым глазом. Чертыхаясь про себя, он вернулся к процессу копания.

Но этой ночью должно было произойти небывалое – собрание заговорщиков.

И как ни хотелось Крокетту спать, он не мог позволить себе упустить такую возможность.

В противном случае бессмертное будущее превращалось в непрерывное ковыряние антрацита. Может быть, организовав гномскую забастовку, он сумел бы оказать давление и на Подграна Второго? Гру Магру говорил, что император – колдун… Не способен ли он превратить Крокетта в человека?

– Он никогда такого не делал, – возразила Броки Бун.

Крокетт обнаружил, что говорит вслух. Но удержаться он уже не мог:

– А если бы захотел?

Броки пожала плечами. Но крохотный огонек надежды уже зажегся перед Крокеттом.

Копать… копать… копать… спать.

Чувство опасности выбросило его из кошмарных сновидений.

Крокетт сел, инстинктивно уворачиваясь от удара Гру Магру, направленного в голову спавшего.

– Извините, что я так не вовремя проснулся, – язвительно заметил Крокетт, – иначе вы могли бы пнуть меня еще раз.

– Успеется, – ответил Гру. – Что тут у вас затевается? Я собрался лечь, но Броки сказала, что намечается большая драка. Когда?

– Сначала надо поесть, – решительно сказала Броки. – Я пойду готовить грязевой суп.

Она отошла в угол и занялась стряпней, а Крокетт принялся излагать собравшимся свою точку зрения.

Идея профсоюза была принята довольно сносно – в основном из-за перспектив крупного побоища. Мирное сопротивление не укладывалось в задубевшие гномьи мозги.

– Как же это я откажусь работать? – не понимал

ортодоксальный Друк. – Этот старый болотный слизняк Подгран не может без тинных ванн. Откажусь я или нет, он все равно погонит меня за тиной.

– А кто тебя поведет? – спросил Крокетт.

– Охрана.

– Так охрана тоже будет бастовать, олух!

– Не знаю, как охрана, а меня он точно заколдует, – продолжал сомневаться упрямец.

– Ну не станет же он всех заколдовывать! – продолжал доказывать Крокетт.

– Станет. Он очень нехороший. Хуже Гру. Он всех дорнсетских гномов превратит в сталактиты. Или во что-то еще. А меня – первого.

Но Крокетт не мог поверить подобному утверждению. Оно в корне расходилось с пониманием классовой психологии и экономических мер борьбы.

– А ты что скажешь? – переключился он на хмурого Мугзу.

– Я хочу драться, – злобно заявил тот. – Я хочу кого-нибудь пнуть. Лучше сейчас.

– А три грязевые ванны в день ты не хочешь?

– Хочу. Но император мне не позволит. Он любит, когда я копаю.

– Идиоты! – в отчаянии завопил Крокетт. – Неужели копание важнее всего на свете?!

– Нет, – хором ответили гномы. – Драка важнее.

И тут Крокетта посетило вдохновение.

– Так в этом же все и дело! Ваш вшивый император собирается издать закон о запрещении ДРАК!!!

Он и не подозревал об эффективности своего хода.

– Ни за что! Мы всегда дрались! – Это был разъяренный Гру.

– А теперь не будете! – подлил масла в огонь Крокетт.

– Не будем?

– Не будете! Всякий оставшийся в живых гном будет тихим и покладистым!

– Пошли дадим Подграну в морду! – предложил Мугза, вскакивая и опрокидывая на Крокетта горшок с горячим супом.

– Ни за что! – подпрыгнул обожженный лидер. – Это не наши методы! Забастовка – вот то, что нам нужно. Что будет делать Подгран, если мы все сядем и откажемся работать?

Маленький Друк задумался:

– Он будет ругаться. Меня двинет.

– А потом?

– Потом двинет еще раз.

– Ну а дальше, дальше?

– Дальше пойдет заколдовывать всех. Туннель за туннелем.

– Не пойдет. Солидарность – вот в чем наше спасение. Когда будет объявлено о забастовке, мы должны собраться все вместе в самой большой пещере. Не захочет же император стать правителем без подданных!

– Годится пещера Совета, – поддержал идею Гру. – За тронным залом.

– А сколько гномов к нам присоединится? – спросил Крокетт.

– Все, – пробурчал Мугза, запуская пустым горшком в голову Друка.

– А какое оружие может использовать Подгран?

– Яйца Кокатрис, – с дрожью в голосе сказал Друк, выискивая самый острый обломок горшка.

– Яйца?..

– Это не настоящие яйца, – объяснил Друк, – а волшебные, для заклинаний. Зеленые, как мне кажется, для превращения гномов в дождевых червей. Работают примерно на двадцать футов. Красные… по-моему, для превращения в людей… А голубые…

У Крокетта расширились глаза.

– А где он прячет яйца?

– Кончайте базар, – встрял в беседу утомленный Мугза. – Давайте драться.

Он прыгнул на Друка, нашедшего все-таки самый острый обломок горшка. Броки Бун и Гру Магру с радостью поддержали инициативу, и пещера загудела от возбужденных воплей. Пытавшийся вмешаться Крокетт волей-неволей был втянут в самую гущу свалки.

После Крокетт долго вспоминал чувство удовольствия, которое он испытал, хватая Мугзу за волосы. Да и раскопки антрацита уже не вызывали в нем прежнего отвращения. Возможно, и Гру Магру, и Броки когда-то были людьми? Тогда надо поторопиться, пока гномовская извращенная психология не завладела Крокеттом окончательно. Он даже начинал чувствовать отвращение к дневному свету. Скорее, скорее добраться до Подграна; хотя тот и не был гномом с высоким коэффициентом интеллекта, но колдуном он был наверняка. Яйца Кокатрис. Красные… Забастовка.

Утром Броки накормила его супом. Видимо, сказывался ее давнишний интерес к поцелуям. Время от времени она предлагала Крокетту один, но он неизменно отказывался. Тогда она стала кормить его завтраками.

Доедая заржавленный обломок, Крокетт утешал себя тем, что уж железа он вводит в организм достаточно. Вначале он

задумался о своих внутренних органах, но они представлялись в виде отвратительной зубчатой передачи и доставили Крокетту немало неприятных минут. Может быть, подсыпать императору наждака? Хотя вряд ли это выведет его из строя…

– Как насчет забастовки, Броки?

– Отлично. – Она улыбнулась, и Крокетт содрогнулся. – Сегодня все гномы соберутся в пещере Совета. Пошли копать.

Копать… копать… а тут еще этот проклятый надсмотрщик… Копать… драться… Через пять столетий закончится бесконечный рабочий день…

Поток гномов вливался в пещеру Совета, полную зеленых блестящих сталактитов. Головы-луковицы, огромные рты, глаза… Драки завязывались дюжинами.

Гру Магру, Мугза и Друк заняли места возле Крокетта. На полу пристроилась Броки Бун.

– Давай, – шепнула она. – Скажи им про все.

Крокетт взобрался на выступ, оглядел ряды гномов, залитые сверхъестественным серебристым сиянием.

– Товарищи гномы!

Слабый голос его усилился акустикой пещеры и громом прокатился под сводами. Это придало Крокетту бодрости.

– Товарищи гномы! Почему мы должны трудиться по двадцать часов в день? Почему мы не смеем есть антрацит, выкопанный нашими же натруженными руками?! И в это же самое время кровосос Подгран сидит в своей ванне и потешается над вами! Над нами, товарищи гномы, ибо я теперь один из вас! И я знаю, что император один, а нас много! И нам тоже нравится грязевой суп! Три раза в день! И если мы все как один, сплотив ряды, откажемся работать, то никакая сила не заставит нас повернуть!

Крокетт выдержал внушительную паузу. Теперь пора тронуть самую чувствительную струну гномьих сердец.

– Знайте же, что кровосос – нет, кровосос уже был… – захребетник Подгран! – он будет отнекиваться, он будет открещиваться от идеи закона, запрещающего драки! Но поверим ли мы императору? Нет, нет и еще раз нет! Тысячи гномов встанут на защиту своих прав, и властям придется капитулировать перед единством наших сердец!

– Я не знаю насчет капитуляции, но заколдует он нас наверняка, – печально пробормотал пессимист Друк.

– Не посмеет! Не всегда императорский бутерброд будет падать грязью вверх! И это будет наше последнее слово!..

Последнее слово выразилось в грандиозной свалке. Но Крокетт был доволен. Завтра гномы не выйдут на работу. Завтра

все они соберутся в пещере и будут ждать развития событий.

Этой ночью он спал хорошо.

Утром Крокетт отправился в пещеру Совета, прихватив с собой непривычно тихую Броки Бун. Величие происходящего наложило отпечаток на ее бурную натуру.

Пещера, вмещавшая с легкостью тысячи красно-голубых гномов, выглядела весьма красиво.

«Да, – подумал Крокетт, – так оно и должно быть. Или сегодня, или никогда…»

Вошел унылый Друк.

– Из-за вас я не приготовил императору грязевой ванны, – дрожащим фальцетом произнес он. – Он в ярости. Слышите?

Действительно, из-за одной стены доносились отдаленные скрипящие звуки непонятного происхождения. Впрочем, теперь понятного.

Подошли Мугза и Гру Магру.

– Он придет совсем один, – радостно сказал Гру. – Вот это будет драка!

– Будет… – проворчал Мугза. – Я уже не могу терпеть… Давайте драться сейчас!

– Вон в углу спит какой-то гном, – поспешно сказал Крокетт. – Если ты до него доберешься, то получишь полное удовлетворение.

Мугза собрался было отправиться на поиски, но как раз в это время в пещеру вошел Подгран Второй, император дорнсетских гномов.

Крокетт впервые увидел его без грязевого покрытия и сразу пришел к мысли, что император соединяет в своей особе самые отвратительные черты каждого ранее виденного Крокеттом гнома. Полученный результат не поддавался описанию.

Подгран остановился, покачиваясь на коротких кривых ногах.

– У меня гости, – прорычал он. – Ага! Друк! Где, во имя девяти испаряющихся геенн, моя утренняя ванна?

Друк моментально исчез из императорского поля зрения.

С кровли сорвался сталактит и упал перед замолчавшим Подграном. Крокетт шагнул вперед и попытался использовать образовавшуюся паузу.

– Мы бастуем, – несколько неуверенно объяснил он. – Это сидячая забастовка. И мы не пойдем в шахты до тех пор, пока…

Стены содрогнулись от Подграньего рева.

– А-а-а! Что я слышу? Ах ты, лупоглазый, плоскоязычный выкормыш кастрированного нетопыря! Пятно проказы на брюхе земляного червя! Паразит и потомок пара…

Бурный эмоциональный монолог был прерван нетерпеливым

Мугзой, так и не добравшимся до спящего гнома.

– Драться! – завопил он и ринулся на императора, но был сбит с ног весьма умелым тычком.

Крокетт повысил голос, пытаясь преодолеть сухость в горле:

– Ваше величество, если вы соблаговолите выслушать…

– Ты злокачественный нарост в подкрыльях дегенеративной летучей мыши! – продолжил Подгран Второй описание Крокетта. – Я вас всех заколдую! Забастовка, тридцать три кирки тебе и пять мотыг! Я остался без грязевой ванны! Клянусь Кроносом, Пидсом и Локки, вы пожалеете об этом!..

– Яйца Кокатрис! – прошептал Крокет Гру Магру и Броки Бун. – Не дайте ему добраться до них!

– Как же! – На этот раз пессимизм вынырнувшего Друка был вполне оправдан. – Они не в тронном зале. Подгран вытаскивает их прямо из воздуха.

В наступивший стратегический момент худшие инстинкты Броки Бун проявились во всей полноте. С воплем восторга она сбила ошеломленного Крокетта с ног и кинулась к императору.

Пурпурный от бешенства Подгран вдавил свой узловатый грязный кулак в ее макушку и взмахнул свободной рукой.

На его широкой ладони засверкало желтое яйцо.

Яйцо Кокатрис.

Ревя, как раненый слон, Подгран швырнул его в толпу, и среди гномов мгновенно очистился круг двадцати футов в диаметре.

Вместо исчезнувших забастовщиков в воздухе захлопали крыльями дюжины летучих мышей, увеличивая суматоху и панику.

Хаос охватил пещеру Совета. С криками ярости и восхищения гномы бросились на императора.

– Бей! – отдавался стократным эхом боевой клич от замерших стен.

Подгран выхватил из ниоткуда следующий кристалл – на этот раз зеленый! – и двадцать семь земляных червей, еще секунду назад бывших гномами, были растоптаны наступающими. Образовавшаяся брешь мгновенно заполнилась новыми бойцами.

Крокетт присел за сталагмитом и погрузился в созерцание побоища. Оно заслуживало всяческого увековечивания, но нервным и детям не стоило бы рекомендовать подобные зрелища.

Яйца Кокатрис взрывались нескончаемым потоком. Те, кто оказался на границе двадцатифутового кольца, превращались частично. Крокетт видел гномов с головой ночной бабочки, червей до середины туловища… Остальные не находили аналогов даже в самой изощренной мифологии.

Все новые порции гномов ныряли в жуткий грохот и осыпающиеся сталактиты – и все новые мыши, моли, нетопыри и прочие уроды наполняли пещеру.

Крокетт зажмурил глаза и стал молиться.

Когда он снова осмелился взглянуть на поле боя, Подгран как раз выхватил из воздуха красный кристалл.

Император помедлил и положил его рядом с собой на пол. На свет появилось бирюзовое яйцо, и тридцать гномов растворились в его сиянии, превратившись в жаб.

Ряды нападавших редели, поток яиц Кокатрис был неисчерпаем, и лишь Подгран имел явный иммунитет против своего волшебства. Крокетт понял, что конец близок. Рано или поздно, но очередь дойдет и до него.

Красный кристалл… Что-то знакомое вертелось в памяти и никак не хотело оформляться. Ах да! Подгран не пользуется им, потому что красное яйцо превращает гнома в человека, а сам вид человека ненавистен императору! И если бы Крокетт смог добраться до кристалла…

Крокетт прокрался вдоль стены и, минуя волну гномов, превратившихся в сов, дополз до вожделенного яйца. Оно было гладким и холодным. Все получилось на удивление легко.

Крокетт собрался было бросить яйцо у своих ног, но ему вдруг стало зябко и неуютно. Ни один человек не сумел бы выбраться из лабиринта Дорнсетских гор. Но гном… Гном бы выбрался наверняка!

У самого носа Крокетта пролетела летучая мышь, что-то восторженно вереща голосом Броки Бун. Прежде чем бежать, обладатель красного яйца окинул пещеру Совета прощальным взглядом.

В ней царила полная неразбериха. Нетопыри, черви, утки, мокрицы и уж совсем непонятные создания бегали, летали, кусались, гадили и крякали повсюду. Оставшиеся гномы постепенно присоединялись к порождениям императорских кристаллов, разбегаясь в поисках укрытия.

– Бастовать?! – ревел Подгран. – Я вам покажу! Вы у меня узнаете, почем фунт угля!..

Крокетт решил не дожидаться обещанного и нырнул в ближайший туннель. Там он сосредоточился на дневном свете, и его левое ухо ощутило давление. Он бросился вперед, не упуская новых ощущений и сжимая в руке драгоценный кристалл.

Шум битвы затихал в отдалении.

Мерзкий, злобный и тупой старикашка! Он, наверное, не остановится, пока не уничтожит всех своих подданных! Еще ни разу на поверхности бастующие не сталкивались с такими

тотальными ответными мерами. Хорошо хоть толстые ноги Крокетта оказались достаточно проворными…

Размышления о достоинствах гномьих ног были прерваны синхронным топаньем позади.

Поток диких ругательств, достигший ушей Крокетта, ясно указал на имя преследователя, и Тим не стал оборачиваться. Вне всякого сомнения, озверевший Подгран очистил пещеру Совета до последнего гнома и теперь намеревался исполнить свои многочисленные обещания по поводу удравшего возмутителя спокойствия.

Ведомый реакцией на свет, Крокетт пулей мчался по коридорам. Если бы он не знал преследователя слишком хорошо, то вопли Подграна вполне способны были сойти за крики целой армии гномов.

Быстрее! Еще быстрее!.. Увы, Подгран стал не только слышен, но и виден.

Крокетт подпрыгнул, свернул за угол и увидел вдали поток света, каким он кажется глазам гнома. Поздно! Корявая рука Подграна через несколько секунд вцепится в тощее Крокеттово горло…

Завизжав, Крокетт замахнулся яйцом Кокатрис. Если он успеет превратиться в человека, Подгран не сможет до него дотронуться!..

Император, видя ускользающую от наказания жертву, выхватил из воздуха целую обойму разноцветных кристаллов и запустил всю радугу в Крокетта. Они разорвались одновременно с красным яйцом – и крыша туннеля, не выдержав взрыва, задрожала и обвалилась.

Спустя некоторое время Крокетт с трудом выкарабкался из-под обломков. В нескольких шагах от него стоял невредимый Подгран. Император посмотрел на задыхающегося Крокетта, потом издал леденящий душу вопль ужаса и растаял в темноте туннеля. Звук его шагов быстро удалялся.

Крокетт с трудом выпрямился. Гномы боятся людей… Вот оно что! Слава богу!..

Он почувствовал даже большее облегчение, чем думал. Подействовало ли колдовство? Его смущала брошенная Подграном вереница яиц Кокатрис. Но все-таки первым разбился красный кристалл! Глубины пещер теперь были привычно черными и молчаливыми.

Выбравшись наружу, счастливый Крокетт улыбнулся навстречу теплому вечернему солнцу, спускающемуся за такой родной горизонт. Он стоял у подножия Дорнсетских гор, среди зарослей ежевики. Сотней футов ниже по крохотному полю ходил

фермер с плугом.

Крокетт заковылял к пашущему. При его приближении человек обернулся.

Некоторое время фермер стоял неподвижно, с выражением лица, напоминавшим Подграново, потом дико заорал и кинулся наутек.

Заколебавшийся Крокетт, вспомнив о разноцветных яйцах Кокатрис, с трудом повернул шею и осмотрел собственное тело.

Крик, вырвавшийся из груди многострадального Крокетта, ничем не напоминал звуки, которые способно издавать человеческое существо.

И все же он был вполне естествен при данных обстоятельствах.

Сим удостоверяется…

– Твоя просьба весьма и весьма необычна, – с растерянной улыбкой проговорил дьявол. – У меня нет ни малейшей уверенности, что смогу ее выполнить.

– Так нужна тебе моя душа или нет?! – поставил вопрос ребром Джеймс Фенвик.

– Разумеется, нужна, – сказал дьявол, – но я должен хорошенько все обдумать. Очень уж нестандартная ситуация, сложно представить, как я смогу получить эту душу…

– Бессмертие, вот что мне нужно, – самодовольным тоном сообщил Фенвик. – Бессмертие – ключ ко всему. Даже странно, почему раньше никто до этого не додумался. Мой план стопроцентно надежен. Давай же, решайся. Неужели хочешь уйти отсюда с пустыми руками?

– Конечно же не хочу, – поспешил ответить дьявол. – Дело всего лишь… Послушай, Фенвик, мне кажется, ты не понимаешь: бессмертие – это на самом деле очень и очень долго.

– Еще как понимаю! Мне нужно уточнить только одно: будет конец или нет? Если да, ты заберешь мою душу. Если нет… – Сопроводив слова изящным жестом, Фенвик пообещал: – Если нет, то в выигрыше останусь я.

– Конец будет, – произнес дьявол, и его тон отчего-то был невеселым. – Но сейчас я не расположен к столь долгосрочным инвестициям. Поверь, бессмертие – вовсе не то, что тебе нужно.

– Ха! – воскликнул Фенвик.

– Не понимаю, почему тебя так заклинило на нем, – проворчал дьявол, постукивая по ковру острым кончиком хвоста.

– И вовсе меня не заклинило, – возразил Фенвик. – На самом деле бессмертие – всего лишь инструмент, не более того. Мне нужно сделать кучу дел, причем так, чтобы не страдать от последствий, и…

– Я мог бы это устроить, – нетерпеливо перебил дьявол.

Фенвик вскинул руку, требуя тишины:

– А коли так, давай заключим сделку. Мое требование: неисчерпаемый иммунитет к любым вредным воздействиям и в придачу вечная жизнь. Соглашайся, приятель, или проваливай.

Дьявол покинул кресло и принялся мерить шагами комнату, рассматривая при этом ковер и хмурясь. Наконец он поднял взор.

– Будь по-твоему, – коротко согласился нечистый.

– По рукам, да? – обрадовался Фенвик, но тотчас его пробрал озноб, тревожный взгляд пробежался по наглухо зашторенным окнам. Роковая черта была так близка… – И как же ты

собираешься все устроить?

– При помощи биохимии. – Стоило дьяволу решиться, и нервозности как не бывало; он обрел полную уверенность в себе. – А также квантовой механики. Перенастрою регенеративные функции внутренних органов… Кроме того, понадобится внести кое-какие изменения в структуру пространства-времени. Ты станешь полностью независим от внешней среды, которая, как известно, зачастую является источником смертельной опасности.

– Но я же никуда не денусь, да? Останусь видимым, осязаемым? Никаких фокусов?

– Фокусов? – обиделся дьявол. – По-твоему, я фокусник? Зря ты так, Фенвик. Даю слово: за твой товар будет заплачено без обмана. Ты преобразуешься в замкнутую систему, вроде Ахилла. Само собой, у тебя будет ахиллесова пята. Непременно должна быть уязвимая точка…

– Это еще почему?! – вскинулся Фенвик. – На такое я не согласен.

– А иначе нельзя. Находясь внутри замкнутой системы, ты надежно защищен от любых внешних воздействий – и там нет никого, кроме тебя. Понимаешь, к чему я веду? Ты и есть система. И ахиллесова пята нужна тебе самому. Только ты будешь решать, когда и как все закончится.

На ковре вилял дьявольский хвост, Фенвик следил за ним, испытывая нарастающую тревогу.

– Если однажды захочешь прекратить вечное существование, – продолжал дьявол, – я не смогу ни помочь тебе, ни воспрепятствовать. Согласись, есть вероятность того, что через несколько миллионов лет жизнь станет в тягость.

– Надеюсь, ты меня не сделаешь вечным старцем вроде Тифона? – спросил Фенвик. – Я сохраню молодость, здоровье, нынешний облик, все способности?

– Конечно, конечно. Не в моих интересах ловчить. Просто хочу, чтобы ты отдавал себе отчет: скука – вещь опасная.

– Тебя она тоже заедает?

– Заедала в свое время, – кивнул дьявол.

– Ты бессмертен?

– Разумеется.

– Почему же тогда не свел счеты с жизнью? Неужели слабо?

– Не слабо, – постным тоном ответил дьявол. – Я пытался… Но давай вернемся к обсуждению нашей сделки. Бессмертие, молодость, здоровье, защита от любых угроз, кроме угрозы самоубийства. В обмен на эти услуги я получаю право владения твоей душой после смерти твоего тела.

В Фенвике вдруг проснулось любопытство.

– На что она тебе?

– Лицезрея твое грехопадение, как и грехопадение любой другой души, я забываю о своем собственном, – объяснил дьявол, мрачно глядя на собеседника, и сопроводил слова нетерпеливым жестом. – Но это уже софистика. Вот, держи. – Прямо из воздуха он достал свиток и перо. – Наш договор.

Фенвик развернул пергамент. Тщательно вчитываясь в строки, он вдруг вскинул глаза:

– Какой еще залог? Я не знал, что он потребуется.

– А как же иначе? Мне нужна гарантия. Или у тебя есть на примете поручитель?

– Нет у меня поручителя, – буркнул Фенвик. – Я его не найду даже в камере смертников. Что ты хочешь забрать?

– Кое-какие воспоминания о прошлом, – ответил дьявол. – Они подсознательные, все до одного.

– А я с чем останусь, с амнезией? – спросил Фенвик. – Разве можно жить без воспоминаний?

– Без тех, на которые я претендую, ты прекрасно обойдешься. Амнезия способна затронуть только сознательную память. Ты даже не заметишь исчезновения одной из структур твоей психики.

– Эта структура – душа?

– Нет, – терпеливо ответил дьявол. – Это лишь часть души. Конечно, существенная, иначе она не имела бы для меня никакой ценности. Но все самое важное останется у тебя и перейдет ко мне лишь в миг твоей кончины. Части воссоединятся, и я таким образом заполучу душу целиком. Несомненно, это произойдет очень и очень не скоро, и до тех пор ты не будешь испытывать никаких неудобств.

– Ты подпишешь договор, если я добавлю в него эту оговорку?

Дьявол кивнул.

Влажным красным острием пера Фенвик что-то нацарапал на полях и поставил подпись.

– Готово, – сказал он.

Со снисходительной миной на физиономии дьявол забрал договор, вписал свое имя и махнул пергаментом; тот мгновенно исчез.

– Итак, сделка заключена, – сказал нечистый. – А теперь, будь любезен, постой не шевелясь. Надо перенастроить органы. – Дьявольские руки погрузились в грудь Фенвика и энергично задвигались; тот не испытал ни малейшей боли. – Щитовидка… другие железы внутренней секреции… Вот так, теперь твоему

организму обеспечена бесконечная регенерация. Ну-ка, повернись.

В зеркале над камином Фенвик видел, как ему в затылок медленно погрузилась багряная рука гостя. Накатило головокружение.

– Таламус и шишковидное тело, – бормотал дьявол. – Восприятие пространства-времени – штука субъективная… Итак, с этого момента ты не зависишь от окружающей среды. Еще секундочку, последний штрих…

В голове резко провернулась рука, и дьявол выдернул ее, сжатую в кулак. Фенвика в тот же миг объяло непривычное, удивительное чувство душевной легкости.

– Что ты сделал со мной? – повернулся он.

В комнате, кроме него, никого не было. Дьявол исчез.

Может, это был всего лишь сон? Впрочем, Фенвик, затевая сделку с дьяволом, предвидел, что потом будет трудно поверить в случившееся. Проще всего списать это на галлюцинации.

«Теперь я бессмертен, – подумал он, – и неуязвим. Но расскажи кому, сочтет безумцем, одержимым. Ведь у меня нет доказательств».

И все же Фенвик не испытывал сомнений в том, что его мечта сбылась.

«Бессмертие – это нечто осязаемое, – сказал он себе. – Сладкое чувство неизбывного благополучия».

«Итак, перенастроены органы внутренней секреции, – размышлял он. – В моем организме идут необычные процессы, такого еще не бывало ни с кем. Я теперь самовосстанавливающаяся замкнутая система, мне любое внешнее воздействие нипочем. Против меня бессильно даже время. Какой восторг!»

Он закрыл глаза и вызвал из глубины разума самые ранние воспоминания. Залитое солнцем крыльцо, жужжащая муха, теплый ветерок, мягкое покачивание. Ритмичный скрип качелей на детской площадке, гулкая тишина в церкви. Пианино в здании клуба. Шершавая мочалка, обтирающая ему лицо, и материнский голос.

Бессмертный и неуязвимый Фенвик пересек комнату, миновал дверь и прошагал по короткому коридору. Какая восхитительная легкость во всем теле! Какое это удовольствие – быть вечным! Он тихо приотворил другую дверь, заглянул в щелку. Мать лежала на кровати, спала; голова опиралась на груду подушек.

Фенвика переполняло счастье.

Он крадучись приблизился к кровати, откатил в сторону

мешавшее инвалидное кресло, постоял, глядя на мать. Потом осторожно высвободил подушку, поднял обеими руками и стал опускать, все быстрее и решительней, к женскому лицу.

Поскольку этот рассказ не является хроникой прегрешений Джеймса Фенвика, очевидно, что нет необходимости подробно описывать все ступени его пятилетнего восхождения к титулу самого плохого человека в мире. Перед ним благоговела желтая пресса. Жили, конечно, на свете и похуже люди, но они были смертными и уязвимыми, а значит, малоинтересными для охотников за сенсациями.

Фенвик же был единственным постоянным объектом переменного мира, и нарастающая уверенность в собственном постоянстве определяла поведение этого человека.

«Они живут как трава», – размышлял он, наблюдая за единоверцами, возлагающими на алтарь нечто неприятное на вид.

Увлечение сатанизмом пришлось на самое начало его «карьеры» – он тогда исследовал ощущения, которые можно получить с помощью традиционных методов и орудий зла. Позже все это было отринуто как детские заблуждения.

Потом был период, когда его наполняло упоительное ощущение абсолютной свободы и непреходящего благополучия. Фенвик изучал самые разные стороны жизни, экспериментировал напропалую. Не перечесть, сколько составов присяжных не пришли к единому мнению о его вине, сколько прокуроров были начисто сбиты с толку его поступками. «Нью-Йорк ньюс» назвала его современным Калигулой и тут же объяснила читателям, кем был древний Калигула и чем прославился. «Неужели Джеймс Фенвик действительно совершил чудовищные преступления, в которых его обвиняют?» – вопрошала газета.

Всякий раз обстоятельства складывались так, что дело против него разваливалось и он выходил сухим из воды. Дьявол не преувеличивал, утверждая, что превратил Фенвика в наглухо замкнутую систему, никак не зависящую от окружающей среды; впоследствии длинная цепь судебных процессов подтвердила эти слова. Фенвик так никогда и не понял, что именно с ним произошло, благодаря каким средствам нечистый достиг столь эффектного результата. Просто не укладывалось в голове, что это могло быть обыкновенное чудо. Слишком уж редко на свете случаются чудеса.

Однажды владелец инвестиционного банка, совершенно справедливо винивший в крахе своего предприятия Фенвика, открыл по нему стрельбу. Все пять выпущенных пуль отскочили.

Оставался последний патрон; предположив, что на жертве непробиваемый жилет, банкир тщательно прицелился и выстрелил в голову – с тем же результатом. Тогда злоумышленник взялся за нож. Фенвика разобрало любопытство, он решил подождать и посмотреть, чем это все кончится. Кончилось тем, что банкир тронулся умом.

Свое состояние Фенвик сколачивал, не выбирая средств. Когда накопился первичный капитал, решено было его увеличивать до бесконечности. Любые финансовые махинации сходили жулику с рук, судебные тяжбы никогда не завершались смертным приговором. Все же от Фенвика требовались кое-какие ухищрения, чтобы совершаемые им преступления попадали в категорию самых тяжких, то есть представляли угрозу для его жизни в случае ареста. Он без особых сложностей освоил необходимые для этого методы, и его богатство и влияние росли как на дрожжах.

В какой-то момент показалось, что для полного счастья чего-то не хватает – уж не всеобщего ли восхищения его персоной? Добиться популярности было нелегко, он был еще недостаточно богат, чтобы открыто пренебрегать общественной моралью. Ну да было бы желание, а способ найдется. Через десять лет после заключения сделки с дьяволом Фенвик стал самым могущественным человеком – если не в мире, то уж точно в Соединенных Штатах. Столь желанные – или казавшиеся желанными – известность и всеобщее восхищение были успешно приобретены.

Но этого оказалось мало. Дьявол предрекал, что через несколько миллионов лет Фенвику расхочется жить, просто-напросто надоест. На исходе всего лишь десятый год, и вот же неприятный сюрприз: в один прекрасный летний день ты задаешься вопросом, чего бы еще захотеть, – и не получаешь ответа.

Столь непривычное состояние ума заслуживало тщательного анализа.

«Неужели это и есть скука? – размышлял он. – Если да, то что, спрашивается, в ней такого страшного? Приятная, даже сладостная расслабленность, и только, как будто плаваешь, лежа на спине, в теплом море».

Пожалуй, он был даже чересчур расслаблен.

«Если уж бессмертие не дает никаких преимуществ, – сказал он себе, – то зачем было огород городить? Спору нет, мне хорошо живется, но не стоило продавать за это душу. Надо что-то придумать, как-то встряхнуться, выкарабкаться из сонного болота».

Он экспериментировал, пять лет кряду предпринимал энергичные попытки разорвать обволакивающую безмятежность – и ничего не добился. Метеором падая с высот славы, кочуя из одной ужасной ситуации в другую, он не замечал за собой никаких сильных чувств. Другие на месте Фенвика испытывали бы шок и трепет, ему же все было нипочем.

Лишь нечто крайне отдаленно похожее на отчаяние отметил он у себя, когда осознал, что утрачивает всякую связь с людьми. Род человеческий смертен, и кажется, он быстро тает вдали, и реального в нем куда меньше, чем в земле под ногами. А со временем, подозревал Фенвик, и сама земля утратит твердость. Время для него замедлится, и он научится наблюдать за движениями геологических пластов.

Наконец он решил направить поиски в царство интеллекта. Писал картины, пробовал себя в литературе, в некоторых науках. Всякий раз было занятно – до какого-то момента. И всякий раз он упирался в запертую дверь, за которой только море покоя, растворяющего в себе любой интерес. Чего-то не хватало – чего-то такого, что было в Фенвике раньше и чего он тогда не замечал…

Мало-помалу в глубине разума окрепли подозрения. Они уже почти всплыли на поверхность – и снова погрузились под нажимом нового хобби. Но в конце концов вырвались на свободу.

Однажды летом спозаранку крепко спавший Фенвик вдруг сел на кровати, будто вздернутый невидимой рукой.

– Чего-то не хватает! – с полной убежденностью сказал он себе. – Но чего? – Он подождал, прислушиваясь к ощущениям. – И когда же оно исчезло?

Ответ пришел не сразу. Фенвика окутывала плотная, непроницаемая пелена покоя, убаюкивала, умиротворяла, не давала развиваться мысли. Этот покой и есть причина беспокойства. Откуда он взялся? Много лет Фенвик считал его не более чем эффектом, сопутствующим идеальному физическому здоровью, безупречной и вечной работе телесных механизмов. Но что, если за этим кроется нечто большее? Может быть, его сознание искусственно погрузили в дрему, чтобы он не догадался о совершенной краже?

Кража? Сидя на шелковой простыне в бледных лучах июньского рассвета, Джеймс Фенвик совершил ужасающее открытие. Он громко стукнул себя по колену под тяжелым атласным одеялом.

– Душа! – воскликнул он. – Дьявол меня облапошил! Украл мою душу!

Теперь это казалось настолько очевидным, что Фенвик был поражен: как же он раньше не додумался?! Коварный и лживый

дьявол решил не ждать и сразу прикарманил душу. Если и не всю целиком, то ее наиболее ценную часть. А Фенвик в тот момент стоял к нему спиной, вот и не заметил манипуляций. И доказательство кражи совершенно очевидно: это отсутствие чего-то исключительно важного. В сознании есть дверь, но она закрыта наглухо, не отворится никогда, да и перед чем бы ей отворяться, ведь нет самого главного, нет души…

Что толку от бессмертия, если не имеешь доступа к тайнам, позволяющим этим самым бессмертием насладиться? Фенвик не в силах получить от вечной жизни все блага, у него забрали ключ от кладовой, где они хранятся.

– Воспоминания о прошлом, говоришь? – недобро усмехнулся он, вспомнив, с какой ловкостью дьявол навел тень на ясный день. – И я даже не замечу их отсутствия? Все эти годы я промаялся, не ведая о том, что из моей души вырвана сама сердцевина!

Фенвик знал, что в фольклоре и мифологии сохранились легенды о существах без души. Андерсеновская русалочка, кельтская девушка-селки, кто-то из персонажей «Сна в летнюю ночь»… Если вдуматься, это стандартная ситуация для мифов. И тот, кто души не имел, стремился во что бы то ни стало ею обзавестись. Фенвик предположил, что дело тут не только в этноцентрическом мышлении автора сказки или легенды. На собственном уникальном опыте он убедился в том, что душа – исключительно ценная штука.

И вот теперь он понимает, чего лишился, и горечь утраты непереносима. Русалочка и иже с нею, наверное, испытывали точно такие же страдания. Подобно Фенвику, они обладали бессмертием. Эти существа, хоть и не были людьми, вероятно, тоже легкомысленно и беззаботно наслаждались свободой, которая даже сейчас стоит ватной стеной полуравнодушия между Фенвиком и утраченным сокровищем… Разве не полагается богам коротать бессчетные дни в бездумной праздности, веселясь и распевая песни, танцуя и бражничая, ни о чем не тревожась и никогда не скучая?

Спору нет, это восхитительное занятие – до поры до времени. Но стоит заподозрить, что у тебя умыкнули самое драгоценное, и ты утрачиваешь вкус к жизни олимпийского бога, ты страстно мечтаешь вернуть душу, вернуть любой ценой! Почему? На этот вопрос у Джеймса Фенвика не было ответа. Он просто знал: так надо.

Внезапно между ним и окном замерцал свет прохладного летнего утра. Миг – и возле кровати стоит дьявол.

Фенвика пробрала легкая дрожь.

– Наша сделка, – сказал он. – Уговор был насчет вечности.

– Точно, – подтвердил дьявол. – И расторгнуть эту сделку можешь только ты.

– У меня нет такого намерения, – резко проговорил Фенвик. – Чем обязан твоему визиту?

– Тут вроде кто-то поминал меня, – ответил дьявол. – Вот я и решил тебя навестить. Улавливаю нотку отчаяния в твоем разуме. Какие ощущения? Скучно, небось? Не пора ли с этим покончить?

– Еще чего! – возмутился Фенвик. – Если и скучно, то лишь оттого, что ты меня надул. Да, я хотел с тобой встретиться, кое в чем разобраться. В тот день, когда мы подписали договор, что ты вынул из моей головы, пряча в кулаке?

– Я не расположен это обсуждать, – насупился дьявол, легонько метя хвостом по ковру.

– Зато я расположен! – вскричал Фенвик. – Ты говорил, это всего лишь малозначительные воспоминания, я даже не замечу их отсутствия.

– Все верно, – ухмыльнулся дьявол.

– Это была моя душа! – Фенвик в гневе хлопнул ладонью по одеялу. – Ты обвел меня вокруг пальца! Авансом забрал душу, и теперь я не могу извлечь всю пользу из добытого такой дорогой ценой бессмертия! Это вопиющее нарушение договора!

– А что конкретно тебя беспокоит? – спросил дьявол.

– На свете столько всего интересного! Я мог бы заниматься самыми разными делами, будь у меня душа. Например, постичь музыку и стать великим музыкантом. Всегда ее обожал, и теперь передо мной вечность – учись не хочу. Математика тоже отличная штука. Ядерная физика… Когда запасы времени и денег бесконечны, можно освоить любые науки и искусства, накопить у себя в голове все знания, какие только есть на свете. Да можно целый мир взорвать, чтобы ты не прибрал к рукам неродившиеся души. Как тебе нравится такая мысль?

Дьявол вежливо посмеялся, шлифуя когти о рукав.

– Не смейся, – буркнул Фенвик, – я ведь говорю всерьез. Еще я мог бы досконально изучить медицину и продлить человеческую жизнь. Разобраться с политикой и экономикой и положить конец войнам и прочим бедствиям. Достичь заоблачных высот в преступном ремесле и заполнить ад душами моих приверженцев. Будь у меня душа, я бы горы своротил! Но ее нет, и за что бы я ни взялся, все делаю, как бы это сказать… без огонька. В какую бы сторону я ни пошел, везде упираюсь в тупик. – Фенвик понурился, сидя на кровати. – Меня словно отлучили от человечества. Запретили мне любые профессии. Но при этом я всегда спокоен, даже беззаботен. Вовсе не чувствую себя

несчастным. Казалось бы, столько возможностей – но я не знаю, что делать дальше…

– Проще говоря, тебя заела скука, – сказал дьявол. – Извини, что не проявляю должного сочувствия.

– Проще говоря, ты обманул меня, нарушил договор! – повысил голос Фенвик. – Верни мне душу!

– Не было никакого обмана, – возразил дьявол. – Я забрал именно то, о чем говорил.

– Это была душа!

– Вовсе нет, – уверил дьявол. – А сейчас не обессудь – я должен тебя покинуть.

– Верни мою душу, мошенник!

– А ты попробуй отбери, – с широкой улыбкой предложил нечистый.

В прохладной комнате снова замерцал утренний свет, и в этом мерцании растворился дьявол.

– Обязательно попробую, – произнес в пустоту Фенвик, – уж не сомневайся.

Времени он не терял. По крайней мере, действовал со всей быстротой, какую позволяло его необыкновенное безмятежное бытие.

«Как же мне надавить на дьявола? – рассуждал он. – Может, удастся в чем-то его ограничить, лишить тех или иных возможностей? Не знаю такого способа… Забрать то, что ему дорого? А что ему дорого? Души. Все души. Моя в том числе. Гм… – Он морщился, напрягая мозг. – Что же предпринять? А если я раскаюсь?..»

Фенвик думал целый день. Вроде и заманчивая идея, но кроется в ней какое-то противоречие. И последствий не предугадать. Допустим, он рискнет и раскается, но что делать дальше? Посвятить жизнь благотворительности? Боже, какая тоска!

Вечером он отправился на прогулку. Одиноко бродил в сумерках по улицам – и ломал голову. Люди, встречавшиеся ему на пути, казались зыбкими тенями, мимолетными силуэтами на ширме времени. Они ничего не значили для Фенвика. Воздух был спокоен и сладок, и, если бы не глодали мысли о несправедливости, о бессмысленности существования, о невозможности получить всю выгоду от так дорого доставшегося бессмертия, наш герой, наверное, пребывал бы на верху блаженства.

И тут вдруг в сумятицу его мыслей и чувств проникла музыка. Он поднял взор и обнаружил, что стоит у ворот большой

церкви. По ступенькам спускались и поднимались люди-тени. В храме играл орган, слышались голоса певчих; волнами окрест распространялись ароматы курений.

Очарованный этим благолепием Фенвик подумал: «А ведь я могу войти туда, припасть к алтарю и покаяться во всеуслышание».

И уже поставил ногу на нижнюю ступеньку, но дальше не двинулся. Чувствовал, что не сможет выполнить задуманное. Собор давил своей красотой и величием. Фенвик просто выставит себя на посмешище.

Может, все-таки рискнуть?..

Так и не рискнув, он повернулся и пошел дальше. Проделал большой путь, и снова музыка прервала его раздумья. На бесхозной площадке евангелисты-возрожденцы поставили огромный шатер для собраний, и сейчас в нем наяривал оркестр, пели и скандировали люди. Полотняные стенки не были препятствием для этой какофонии.

Фенвик замер; его объяла надежда. Вот где можно покаяться, не привлекая к себе внимания. Один-два случайных взгляда не в счет. Чуть помедлив, он вошел.

Внутри царила шумная и многолюдная суета. Прямо перед Фенвиком начинался проход между скамьями – путь к алтарю, или что там у евангелистов заменяет алтарь. В дальнем конце толпились сильно возбужденные люди, над ними с импровизированной кафедры простер свои длани уже и вовсе до крайности экзальтированный проповедник.

Фенвик двинулся по проходу.

«И какие же слова мне произнести? – медленно шагая, размышлял он. – Просто сказать: „Я раскаиваюсь“? Или более официально: „Я продал душу дьяволу, но теперь объявляю о расторжении сделки?“ Нужны ли юридические термины?»

Он уже почти достиг алтаря, но тут на пути возникло мерцание и очень слабо проявился красноватый силуэт дьявола, не более чем трехмерный набросок в пыльном пространстве.

– На твоем месте я не стал бы этого делать, – сказал зыбкий образ.

Фенвик ухмыльнулся и прошел сквозь него.

Дьявол возник снова, на сей раз во плоти и в полном цвете, и загородил Фенвику путь.

– Напрасно ты устраиваешь сцены, – раздраженно проговорил нечистый. – Даже описать не возьмусь, как мне здесь неуютно. Фенвик, пожалуйста, не валяй дурака.

Кое-кто из сидящих косился на дьявола, но при этом не выказывал интереса. Наверное, потустороннего гостя принимали

за ряженого служителя. Либо прихожане были знакомы с дьяволом и успели привыкнуть к его облику. А может, они инстинктивно ожидали его появления в таком месте и в такое время. Собравшиеся в шатре нисколько не обеспокоились.

– Прочь с дороги! – процедил Фенвик. – Я решил раскаяться, и я это сделаю.

– Это было бы жульничеством, – упрекнул дьявол, – а жульничества я допустить не могу.

– Сам ты жулик! – парировал Фенвик и расхохотался. – А ну попробуй, останови меня! Я замкнутая система! Ты никак не можешь мне повредить! Или забыл?

Дьявол заскрежетал зубами. Фенвик оттолкнул багряную фигуру и пошел дальше. За спиной у него прозвучало:

– Ладно, будь по-твоему.

Мгновенно воодушевившись, Фенвик обернулся:

– Ты вернешь мне душу?

– Я верну то, что взял в качестве залога, – ответил дьявол. – Но легче тебе от этого не станет, попомни мои слова.

– Так отдавай же, – потребовал Фенвик. – И не пугай, все равно я не поверю ни одному твоему слову.

– Да, я лжец и отец лжи, – вздохнул дьявол, – но в этот раз…

– Хватит болтать, – сказал Фенвик. – Верни мою душу, и разойдемся.

– Давай не здесь, а? – попросил дьявол. – Очень уж неуютная обстановка, предлагаю ее сменить. И не напрягайся ты так, мы просто отправимся к тебе домой. Там никто нам не помешает.

Он поднял красные руки и нарисовал вокруг себя и Фенвика стену. Моментально шатер вместе с поющими, галдящими, жестикулирующими евангелистами померк и сменился интерьером роскошных апартаментов. Чуть дыша, Фенвик прошелся по знакомому полу, выглянул в окно. Он и правда дома!

– Ловко у тебя получилось, – похвалил он дьявола. – А теперь отдавай мою душу.

– Могу отдать только то, что брал, – ответил дьявол. – С моей стороны договор не нарушен, но раз уж я согласился… Все же считаю своим долгом предупредить: результат тебя разочарует.

– Я не жду от тебя признания в мошенничестве, – сказал Фенвик. – И хватит тянуть кота за хвост.

– Ты предупрежден, – буркнул дьявол.

– Отдавай душу!

Нечистый пожал плечами, затем проткнул рукой свою грудную клетку и пошарил там, бормоча:

– В себе хранил для надежности. – И наконец вынул кулак. –

Повернись, – велел он.

Фенвик подчинился и ощутил прохладный ветерок, дующий сзади сквозь голову.

– Не шевелись, – сказал дьявол. – Это займет пару минут. Знаешь, а ведь ты полный болван. Я рассчитывал на более интересное развлечение, иначе нипочем не согласился бы участвовать в этом фарсе. Мой бедный наивный друг, я у тебя забирал вовсе не душу. Всего лишь частицу подсознательной памяти, о чем и говорил неоднократно.

– Отчего же тогда бессмертие мне не в радость? – спросил Фенвик. – За какое бы дело я ни взялся, что-то всякий раз останавливает меня на пороге успеха. Я устал быть богом, обладающим вечной жизнью, но не получающим от этой жизни никакого удовольствия.

– Не двигайся, – сказал дьявол. – Уже почти готово. Мой дорогой Фенвик, ты вовсе не бог. Ты простой смертный с крайне ограниченными возможностями. И на твоем пути стоят именно эти ограничения. Даже за миллион лет ты не станешь ни великим музыкантом, ни великим экономистом, ни великим кем-либо еще. Не станешь по той простой причине, что в тебе этого нет. И бессмертие тут совершенно ни при чем. Как ни странно… – Тут дьявол тяжело вздохнул. – Как ни странно, сделку со мной заключают только те люди, которые не способны воспользоваться своими талантами. Стремление брать и ничего не давать взамен – свойство недалекого ума. И ты, Фенвик, уж точно не семи пядей во лбу.

Прохладный ветерок прекратился.

– Вот и все, – сказал дьявол. – Залог возвращен. Говоря языком фрейдизма, это всего-навсего твое супер-эго.

– Супер-эго? – поворачиваясь, глухо повторил Фенвик. – Я не совсем…

– …понимаю? – расплываясь в улыбке, договорил за него дьявол. – Со временем поймешь. У тебя в мозгу еще в детстве сформировалась когнитивная структура, которая распределяет твои побудительные импульсы по приемлемым для общества каналам. Короче говоря, мой бедный Фенвик, я всего лишь восстановил твое сознание. Пока оно было неполным, ты не знал забот и испытывал удивительную легкость бытия. Как думаешь – почему?

Его собеседник набрал воздуха в грудь, чтобы ответить, но было уже поздно – дьявол исчез. Фенвик остался в комнате один. Хотя не совсем один. В висящем над камином зеркале он увидел свое отражение с вытаращенными от ужаса глазами – в тот самый момент, когда заработало супер-эго, возвращенный элемент

структуры сознания.

Карающей дланью Господа на Фенвика обрушилась роковая догадка. Он понял наконец, что натворил. Припомнил свои лиходейства, все до единого грехи, совершенные за эти двадцать лет, – грехи чудовищные, непрощаемые, неискупимые.

Подкосились ноги, окружающий мир померк и заревел у Фенвика в ушах. Под такой громадной тяжестью вины не устоял бы никто. Содеянное в годы, когда он беспечно верил, что ему сойдет с рук любое зло, громом и молнией пробилось сквозь череп и пронзило, сотрясло мозг. Охваченный лютой душевной болью, он прижал ладони к глазам, чтобы не видеть картин былых преступлений, – но разве можно отгородиться от собственной памяти?

Он кое-как встал и поплелся в спальню. Распахнул дверь, дотащился до комода, выдвинул ящик. Достал револьвер. Прижал ствол к виску.

И тут появился дьявол.

«Все тенали бороговы…»

Нет смысла описывать ни Унтахорстена, ни его местонахождение, потому что, во-первых, с 1942 года нашей эры прошло немало миллионов лет, а во-вторых, если говорить точно, Унтахорстен был не на Земле. Он занимался тем, что у нас называется экспериментированием, в месте, которое мы бы назвали лабораторией. Он собирался испытать свою машину времени.

Уже подключив энергию, Унтахорстен вдруг вспомнил, что Коробка пуста. А это никуда не годилось. Для эксперимента нужен был контрольный предмет – твердый и объемный, в трех измерениях, чтобы он мог вступить во взаимодействие с условиями другого века. В противном случае по возвращении машины Унтахорстен не смог бы определить, где она побывала. Твердый же предмет в Коробке будет подвергаться энтропии и бомбардировке космических лучей другой эры, и Унтахорстен сможет по возвращении машины заметить изменения как качественные, так и количественные. Затем в работу включатся Вычислители и определят, где Коробка побывала: в 1 000 000 году новой эры, или в 1000 году, или, может быть, в 0001 году.

Не то чтобы это было кому-нибудь интересно, кроме самого Унтахорстена. Но он во многом был просто ребячлив.

Времени оставалось совсем мало. Коробка уже засветилась и начала содрогаться. Унтахорстен торопливо огляделся и направился в соседнее помещение. Там он сунул руку в контейнер, где хранилась всякая ерунда, и вынул охапку каких-то странных предметов. Ага, старые игрушки сына Сновена. Мальчик захватил их с собой, когда, овладев необходимой техникой, покидал Землю. Ну, Сновену этот мусор больше не нужен. Он перешел в новое состояние и детские забавы убрал подальше. Кроме того, хотя жена Унтахорстена и хранила игрушки из сентиментальных соображений, эксперимент был важнее.

Унтахорстен вернулся в лабораторию, швырнул игрушки в Коробку и захлопнул крышку. Почти в тот же момент вспыхнул контрольный сигнал. Коробка исчезла. Вспышка при этом была такая, что глазам стало больно.

Унтахорстен ждал. Он ждал долго.

В конце концов он махнул рукой и построил новую машину, но результат получился точно такой же. Поскольку ни Сновен, ни его мать не огорчились пропажей первой порции игрушек, Унтахорстен опустошил контейнер и остатки детских сувениров

использовал для второй Коробки. По его подсчетам, эта Коробка должна была попасть на Землю во второй половине девятнадцатого века новой эры. Если это и произошло, то Коробка осталась там.

Раздосадованный, Унтахорстен решил больше не строить машин времени. Но зло уже свершилось. Их было две, и первая…

Скотт Парадин нашел ее, когда прогуливал уроки.

К полудню он проголодался, и крепкие ноги принесли его к ближайшей лавке. Там он пустил в дело свои скудные сокровища, экономно и с благородным презрением к собственному аппетиту. Затем отправился к ручью поесть.

Покончив с сыром, шоколадом и печеньем и опустошив бутылку содовой, Скотт наловил головастиков и принялся изучать их с некоторой долей научного интереса. Но ему не удалось углубиться в исследования. Что-то тяжелое скатилось с берега и плюхнулось в грязь у самой воды, и Скотт, осторожно осмотревшись, заторопился поглядеть, что это такое.

Это была Коробка. Та самая Коробка. Хитроумные приспособления на ее поверхности Скотту ни о чем не говорили, хотя, впрочем, его удивило, что вся она оплавлена и обуглена. Высунув кончик языка из-за щеки, он потыкал Коробку перочинным ножом – хм! Вокруг никого, откуда же она появилась? Наверно, ее кто-нибудь здесь оставил, а из-за оползня она съехала с того места, где прежде лежала.

– Это спираль, – решил Скотт, и решил неправильно. Эта штука была спиралевидная, но она не была спиралью из-за пространственного искривления.

Но ни один мальчишка не оставит Коробку запертой, разве что его оттащить насильно. Скотт ковырнул поглубже. Странные углы у этой штуки. Может, здесь было короткое замыкание, поэтому… Фу ты! Нож соскользнул. Скотт пососал палец и длинно, умело выругался.

Может, это музыкальная шкатулка?

Скотт напрасно огорчался. Эта штука вызвала бы головную боль у Эйнштейна и довела бы до безумия Штайнмеца. Все дело было, разумеется, в том, что Коробка еще не совсем вошла в тот пространственно-временной континуум, в котором существовал Скотт, и поэтому открыть ее было невозможно. Во всяком случае, до тех пор, пока Скотт не пустил в ход подходящий камень и не выбил эту спиралевидную неспираль в более удобную позицию.

Фактически он вышиб ее из контакта с четвертым измерением, высвободив пространственно-временной момент кручения. Раздался резкий щелчок, Коробка слегка содрогнулась и лежала теперь неподвижно, существуя уже полностью. Теперь

Скотт открыл ее без труда.

Первым, что попалось ему на глаза, был мягкий вязаный шлем, но Скотт отбросил его без особого интереса. Ведь это была всего-навсего шапка. Затем он поднял прозрачный стеклянный кубик, такой маленький, что он уместился на ладони, – слишком маленький, чтобы вмещать какой-то сложный аппарат. Моментально Скотт разобрался, в чем дело. Стекло было увеличительным. Оно сильно увеличивало то, что было в кубике. А там было нечто странное. Например, крохотные человечки…

Они двигались. Как автоматы, только более плавно. Как будто смотришь спектакль. Скотта заинтересовали их костюмы, а еще больше то, что они делали. Крошечные человечки ловко строили дом. Скотту подумалось, хорошо бы дом загорелся, он бы посмотрел, как тушат пожар.

Недостроенное сооружение вдруг охватили языки пламени. Человечки с помощью множеств каких-то сложных приборов ликвидировали огонь. Скотт очень быстро понял, в чем дело. Но его это слегка озадачило. Куклы слушались его мыслей! Когда он сообразил это, то испугался и отшвырнул кубик подальше. Он стал было взбираться вверх по берегу, но передумал и вернулся. Кубик лежал наполовину в воде и сверкал на солнце. Это была игрушка. Скотт чувствовал это безошибочным инстинктом ребенка. Но он не сразу поднял кубик. Вместо этого он вернулся к Коробке и стал исследовать то, что там оставалось.

Он спрятал находку в своей комнате наверху, в самом дальнем углу шкафа. Стеклянный кубик засунул в карман, который уже и так оттопыривался: там был шнурок, моток проволоки, два пенса, пачка фольги, грязная марка и обломок полевого шпата. Вошла вперевалку двухлетняя сестра Скотта Эмма и сказала: «Привет!»

– Привет, пузырь, – кивнул Скотт с высоты своих семи лет и нескольких месяцев.

Он относился к Эмме крайне покровительственно, но она принимала это как должное. Маленькая, пухленькая, большеглазая, она плюхнулась на ковер и меланхолически уставилась на свои башмачки:

– Завяжи, Скотти.

– Балда, – сказал Скотт добродушно, но завязал шнурки. – Обед скоро?

Эмма кивнула.

– А ну-ка покажи руки. – Как ни странно, они были вполне чистые, хотя, конечно, не стерильные. Скотт задумчиво поглядел на свои собственные ладони и, гримасничая, отправился в ванную, где совершил беглый туалет, так как головастики

оставили следы.

Наверху в гостиной Деннис Парадин и его жена Джейн пили предобеденный коктейль. Деннис был среднего роста, волосы чуть тронуты сединой, но моложавый, тонкое лицо с поджатыми губами. Он преподавал философию в университете. Джейн – маленькая, аккуратная, темноволосая и очень хорошенькая. Она отпила мартини и сказала:

– Новые туфли. Как тебе?

– Да здравствует преступность! – пробормотал Парадин рассеянно. – Что? Туфли? Не сейчас. Дай закончить коктейль. У меня был тяжелый день.

– Экзамены?

– Ага. Пламенная юность, жаждущая обрести зрелость. Пусть они все провалятся. Подальше, в ад. Аминь!

– Я хочу маслину, – сказала Джейн.

– Знаю, – сказал Парадин уныло. – Я уж и не помню, когда сам ее ел. Я имею в виду, в мартини. Даже если я кладу в твой стакан полдюжины, тебе все равно мало.

– Мне нужна твоя. Кровные узы. Символ. Поэтому.

Парадин мрачно взглянул на нее и скрестил длинные ноги.

– Ты говоришь, как мои студенты. Честно говоря, не вижу смысла учить этих мартышек философии. Они уже не в том возрасте. У них сформировались и привычки, и образ мышления. Они ужасно консервативны, хотя, конечно, ни за что в этом не признаются. Философию могут постичь совсем зрелые люди либо младенцы вроде Эммы и Скотта.

– Ну, Скотти к себе в студенты не вербуй, – попросила Джейн, – он еще не созрел для доктора философии. Мне вундеркинды ни к чему, особенно если это мой собственный сын. Дай свою маслину.

– Уж Скотти-то, наверное, справился бы лучше, чем Бетти Доусон, – проворчал Парадин.

– И он угас пятилетним стариком, выжив из ума, – продекламировала Джейн торжественно. – Дай свою маслину.

– На. Кстати, туфли мне нравятся.

– Спасибо. А вот и Розали. Обедать?

– Все готово, миссис Парадин, – сказала Розали, появляясь на пороге. – Я позову мисс Эмму и мистера Скотти.

– Я сам.

Парадин высунул голову в соседнюю комнату и закричал:

– Дети! Сюда, обедать!

Вниз по лестнице зашлепали маленькие ноги. Показался Скотт, приглаженный и сияющий, с торчащим вверх непокорным вихром. За ним Эмма, которая осторожно передвигалась по

ступенькам. На полпути ей надоело спускаться прямо, она села и продолжила путь по-обезьяньи, усердно пересчитывая ступеньки маленьким задиком.

Парадин, зачарованный этой сценой, смотрел не отрываясь, как вдруг почувствовал сильный толчок. Это налетел на него сын.

– Здорово, папка! – завопил Скотт.

Парадин выпрямился и взглянул на сына с достоинством:

– Сам здорово. Помоги мне подойти к столу. Ты мне вывихнул минимум одно бедро.

Но Скотт уже ворвался в соседнюю комнату, где в порыве эмоций наступил на туфли, пробормотал извинение и кинулся к своему месту за столом. Парадин, идя за ним с Эммой, крепко уцепившейся короткой пухлой ручкой за его палец, поднял бровь:

– Интересно, что у этого шалопая на уме?

– Наверно, ничего хорошего, – вздохнула Джейн. – Здравствуй, милый. Ну-ка, посмотрим твои уши.

Обед проходил спокойно, пока Парадин не взглянул случайно на тарелку Скотта:

– Привет, это еще что? Болен? Или за завтраком объелся?

Скотт задумчиво посмотрел на стоящую перед ним еду.

– Я уже съел, сколько мне было нужно, пап, – объяснил он.

– Ты обычно ешь, сколько в тебя влезет и даже больше, – сказал Парадин. – Я знаю, мальчики, когда растут, должны съедать в день тонны пищи, а ты сегодня не в порядке. Плохо себя чувствуешь?

– Н-нет. Честно, я съел столько, сколько мне нужно.

– Сколько хотелось?

– Ну да. Я ем по-другому.

– Этому вас в школе учили? – спросила Джейн.

Скотт торжественно покачал головой:

– Никто меня не учил. Я сам обнаружил. Мне плевотина помогает.

– Попробуй объяснить снова, – предложил Парадин. – Это слово не годится.

– Ну… слюна. Так?

– Ага. Больше пепсина? Что, Джейн, в слюне есть пепсин? Я что-то не помню.

– В моей есть яд, – вставила Джейн. – Опять Розали оставила комки в картофельном пюре.

Но Парадин заинтересовался:

– Ты хочешь сказать, что извлекаешь из пищи все, что можно, – без отходов – и меньше ешь?

Скотт подумал.

– Наверное, так. Это не просто плев… слюна. Я вроде бы

определяю, сколько положить в рот за один раз и чего с чем. Не знаю, делаю, и все.

– Хм, – сказал Парадин, решив позднее это проверить, – довольно революционная мысль. У детей часто бывают нелепые идеи, но эта может быть не такой уж абсурдной. – Он поджал губы. – Я думаю, постепенно люди научатся есть совершенно иначе – я имею в виду, как есть, а не только что именно. То есть какую именно пищу. Джейн, наш сын проявляет признаки гениальности.

– Да?

– Он сейчас высказал очень интересное соображение о диетике. Ты сам до него додумался, Скотт?

– Ну конечно, – сказал мальчик, сам искренне в это веря.

– А каким образом?

– Ну, я… – Скотт замялся. – Не знаю. Да это ерунда, наверное.

Парадин почему-то был разочарован:

– Но ведь…

– Плюну! Плюну! – вдруг завизжала Эмма в неожиданном приступе озорства и попыталась выполнить свою угрозу, но лишь закапала слюной нагрудник.

Пока Джейн с безропотным видом увещевала и приводила дочь в порядок, Парадин разглядывал Скотта с удивлением и любопытством. Но дальше события стали развиваться только после обеда, в гостиной.

– Уроки задали?

– Н-нет, – сказал Скотт, виновато краснея.

Чтобы скрыть смущение, он вынул из кармана один из предметов, которые нашел в Коробке, и стал расправлять его. Это оказалось нечто вроде четок с нанизанными бусами. Парадин сначала не заметил их, но Эмма увидела. Она захотела поиграть с ними.

– Нет. Отстань, пузырь, – приказал Скотт. – Можешь смотреть.

Он начал возиться с бусами, послышались странные мягкие щелчки. Эмма протянула пухлый палец и тут же пронзительно заплакала.

– Скотти, – предупреждающе сказал Парадин.

– Я ее не трогал.

– Укусили. Они меня укусили, – хныкала Эмма.

Парадин поднял голову. Взглянул, нахмурился. Какого еще…

– Это что, абак? – спросил он. – Пожалуйста, дай взглянуть.

Несколько неохотно Скотт принес свою игрушку к стулу отца. Парадин прищурился. Абак в развернутом виде представлял собой квадрат не менее фута в поперечнике, образованный тонкими твердыми проволочками, которые местами

переплетались. На проволочки были нанизаны цветные бусы. Их можно было двигать взад и вперед с одной проволочки на другую, даже в местах переплетений. Но ведь сквозную бусину нельзя передвинуть с одной проволочки на другую, если они переплетаются…

Так что, очевидно, бусы были несквозные. Парадин взглянул внимательнее. Вокруг каждого маленького шарика шел глубокий желобок, так что шарик можно было одновременно и вращать, и двигать вдоль проволоки. Парадин попробовал отсоединить одну бусину. Она держалась как намагниченная. Металл? Больше похоже на пластик.

Да и сама рама… Парадин не был математиком. Но углы, образованные проволочками, были какими-то странными, в них совершенно отсутствовала Евклидова логика. Какая-то путаница. Может, это так и есть? Может, это головоломка?

– Где ты взял эту штуку?

– Мне дядя Гарри дал, – мгновенно придумал Скотт, – в прошлое воскресенье, когда он был у нас.

Парадин попробовал передвинуть бусы и ощутил легкое замешательство. Углы были какие-то нелогичные. Похоже на головоломку. Вот эта красная бусина, если ее передвинуть по этой проволоке в том направлении, должна попасть вот сюда – но она не попадала. Лабиринт. Странный, но наверняка поучительный. У Парадина появилось ясное ощущение, что у него на эту штуку терпения не хватит.

У Скотта, однако, хватило. Он вернулся в свой угол и, что-то ворча, стал вертеть и передвигать бусины. Бусы действительно кололись, когда Скотт брался не за ту бусину или двигал ее в неверном направлении. Наконец он с торжеством завершил работу.

– Получилось, пап!

– Да? А ну-ка, посмотрим.

Эта штука выглядела точно так же, как и раньше, но Скотт улыбался и что-то показывал.

– Я добился, чтобы она исчезла.

– Но она же здесь.

– Вон та голубая бусина. Ее уже нет.

Парадин этому не поверил и только фыркнул. Скотт опять задумался над рамкой. Он экспериментировал. На этот раз эта штука совсем не кололась. Абак уже подсказал ему правильный метод. Сейчас он мог делать все по-своему.

Причудливые проволочные углы почему-то больше не казались такими уж запутанными.

Это была на редкость поучительная игрушка…

«Она, наверное, действует наподобие этого стеклянного кубика», – подумал Скотт. Вспомнив о нем, он вытащил его из кармана и отдал абак Эмме, онемевшей от радости.

Она немедленно принялась за дело, двигая бусы и теперь не обращая внимания на то, что они колются, да и кололись они только чуть-чуть, и, поскольку она хорошо все перенимала, ей удалось заставить бусинку исчезнуть почти так же быстро, как Скотту. Голубая бусина появилась снова, но Скотт этого не заметил.

Он предусмотрительно удалился в угол между диваном и широким креслом и занялся кубиком.

Внутри были маленькие человечки, крошечные куклы, сильно увеличенные в размерах благодаря свойствам стекла, и они двигались по-настоящему. Они построили дом. Он загорелся, и пламя выглядело как настоящее, а они стояли рядом и ждали. Скотт нетерпеливо выдохнул: «Гасите!»

Но ничего не произошло. Куда же девалась эта странная пожарная машина с вращающимися кранами, та, которая появлялась раньше? Вот она. Вплыла в картинку и остановилась. Скотт мысленно приказал ей начать работу.

Это было забавно. Как будто ставишь пьесу, только более реально. Человечки делали то, что Скотт мысленно им приказывал. Если он совершал ошибку, они ждали, пока он не найдет правильный ответ. Они даже предлагали ему новые задачи…

Кубик тоже был очень поучительной игрушкой. Он обучал Скотта поразительно быстро и очень развлекал при этом. Но он не давал ему пока никаких по-настоящему новых сведений. Мальчик не был к этому готов. Позднее… Позднее…

Эмме надоел абак, и она отправилась искать Скотта. Она не могла найти брата, и в его комнате его тоже не было, но, когда она там очутилась, ее заинтересовало то, что лежало в шкафу.

Она обнаружила Коробку. В ней лежало сокровище без хозяина – кукла, которую Скотт видел, но пренебрежительно отбросил.

С громким воплем Эмма снесла куклу вниз, уселась на корточках посреди комнаты и начала разбирать ее на части.

– Милая! Что это?

– Мишка!

Это был явно не ее мишка, мягкий, толстый и ласковый, без глаз и ушей. Но Эмма всех кукол называла мишками.

Джейн Парадин помедлила.

– Ты взяла это у какой-то девочки?

– Нет. Она моя.

Скотт вышел из своего убежища, засовывая кубик в карман:

– Это… э-э-э… Это от дяди Гарри.

– Эмма, это дал тебе дядя Гарри?

– Он дал ее мне для Эммы, – торопливо вставил Скотт, добавляя еще один камень в здание обмана. – В прошлое воскресенье.

– Ты разобьешь ее, маленькая.

Эмма принесла куклу матери:

– Она разнимается. Видишь?

– Да? Это… ох!

Джейн ахнула. Парадин быстро поднял голову:

– Что такое?

Она подошла к нему и протянула куклу, постояла, затем, бросив на него многозначительный взгляд, пошла в столовую.

Он последовал за ней и закрыл дверь. Джейн уже положила куклу на прибранный стол.

– Она не очень-то симпатичная, а, Денни?

– Хм.

На первый взгляд кукла выглядела довольно неприятно. Можно было подумать, что это анатомическое пособие для студентов-медиков, а не детская игрушка…

Эта штука разбиралась на части: кожа, мышцы, внутренние органы – все очень маленькое, но, насколько Парадин мог судить, сделано идеально. Он заинтересовался:

– Не знаю. У ребенка такие вещи вызывают совсем другие ассоциации…

– Посмотри на эту печень. Это же печень?

– Конечно. Слушай, я… странно.

– Что?

– Оказывается, анатомически она не совсем точна. – Парадин придвинул стул. – Слишком короткий пищеварительный тракт. Кишечник маленький. И аппендикса нет.

– Зачем Эмме такая вещь?

– Я бы сам от такой не отказался, – сказал Парадин. – И где только Гарри ухитрился ее раздобыть? Нет, я не вижу в ней никакого вреда. Это у взрослых внутренности вызывают неприятные ощущения. А у детей – нет. Они думают, что внутри они целенькие, как редиски. А с помощью этой куклы Эмма хорошо познакомится с физиологией.

– А это что? Нервы?

– Нет, нервы вот тут. А это артерия, вот вены. Какая-то странная аорта… – Парадин был совершенно сбит с толку. – Это… как по-латыни «сеть»? Во всяком случае… А? Ретана? Ратина?

– Респирация? – предложила Джейн наугад.

– Нет. Это дыхание, – сказал Парадин уничтожающе. – Не могу понять, что означает вот эта сеть светящихся нитей. Она пронизывает все тело, как нервная система.

– Кровь.

– Да нет. Не кровообращение и не нервы – странно. И вроде бы связано с легкими.

Они углубились в изучение загадочной куклы. Каждая деталь в ней была сделана удивительно точно, и это само по себе было странно, если учесть физиологические отклонения от нормы, которые подметил Парадин.

– Подожди-ка, я притащу Гоулд, – сказал Парадин, и вскоре он уже сверял куклу с анатомическими схемами в атласе. Это мало чем ему помогло и только увеличило его недоумение.

Но это было интереснее, чем разгадывать кроссворд.

Тем временем в соседней комнате Эмма двигала бусины на абаке. Движения уже не казались такими странными. Даже когда бусины исчезали. Она уже почти почувствовала куда. Почти…

Скотт пыхтел, уставившись на свой стеклянный кубик, и мысленно руководил постройкой здания. Он делал множество ошибок, но здание строилось – оно было немножко посложнее того, что уничтожило огнем. Он тоже обучался – привыкал…

Ошибка Парадина с чисто человеческой точки зрения состояла в том, что он не избавился от игрушек с самого начала. Он не понял их назначения, а к тому времени, как он в этом разобрался, события зашли уже довольно далеко. Дяди Гарри не было в городе, и у него проверить Парадин не мог. Кроме того, шла сессия, а это означало дополнительные нервные усилия и полное изнеможение к вечеру; к тому же Джейн в течение целой недели себя неважно чувствовала. Эмма и Скотт были предоставлены сами себе.

– Папа, – обратился Скотт к отцу однажды вечером, – что такое «исход»?

– Поход?

Скотт поколебался:

– Да нет… не думаю. Разве «исход» неправильное слово?

– «Исход» – это по-научному «результат». Годится?

– Не вижу в этом смысла, – пробормотал Скотт и хмуро удалился, чтобы заняться абаком.

Теперь он управлялся с ним крайне искусно. Но, следуя детскому инстинкту избегать вмешательства в свои дела, они с Эммой обычно занимались игрушками, когда рядом никого не было. Ненамеренно, конечно, но самые сложные эксперименты проводились, только если рядом не было взрослых.

Скотт обучался быстро. То, что он видел сейчас в кубике, мало было похоже на те простые задачи, которые он получал там вначале. Новые задачи были сложные и невероятно увлекательные. Если бы Скотт сознавал, что его обучением руководят и направляют его, пусть даже чисто механически, ему, вероятно, стало бы неинтересно. А так его интерес не увядал.

Абак, и кукла, и кубик – и другие игрушки, которые дети обнаружили в Коробке…

Ни Парадин, ни Джейн не догадывались о том воздействии, которое оказывало на детей содержимое машины времени.

Да и как можно было догадаться? Дети – прирожденные актеры из самозащиты. Они еще не приспособились к нуждам взрослого мира, нуждам, которые для них во многом необъяснимы. Более того, их жизнь усложняется неоднородностью требований. Один человек говорит им, что в грязи играть можно, но, копая землю, нельзя выкапывать цветы и разрушать корни. А другой запрещает возиться в грязи вообще. Десять заповедей не высечены на камне. Их толкуют по-разному, и дети всецело зависят от прихоти тех, кто рождает их, кормит, одевает. И тиранит. Молодое животное не имеет ничего против такой благожелательной тирании, ибо это естественное проявление природы. Однако это животное имеет индивидуальность и сохраняет свою целостность с помощью скрытого, пассивного сопротивления.

В поле зрения взрослых ребенок меняется. Подобно актеру на сцене, если только он об этом не забывает, он стремится угодить и привлечь к себе внимание. Такие вещи свойственны и взрослым. Но у взрослых это менее заметно – для других взрослых.

Трудно утверждать, что у детей нет тонкости. Дети отличаются от взрослых животных тем, что они мыслят иным образом. Нам довольно легко разглядеть их притворство, но и им наше тоже. Ребенок способен безжалостно разрушить воздвигаемый взрослыми обман. Разрушение идеалов – прерогатива детей.

С точки зрения логики ребенок представляет собой пугающе идеальное существо. Вероятно, младенец – существо еще более идеальное, но он настолько далек от взрослого, что критерии сравнения могут быть лишь поверхностными. Невозможно представить себе мыслительные процессы у младенца. Но младенцы мыслят даже еще до рождения. В утробе они двигаются, спят, и не только всецело подчиняясь инстинкту. Мысль о том, что еще не родившийся эмбрион может думать, нам может показаться странной. Это поражает, и смешит, и приводит в ужас. Но ничто человеческое не может быть чуждым человеку.

Однако младенец еще не человек. А эмбрион – тем более. Вероятно, именно поэтому Эмма больше усвоила от игрушек, чем Скотт. Разве что он мог выражать свои мысли, а она нет, только иногда, загадочными обрывками. Ну вот, например, эти ее каракули…

Дайте маленькому ребенку карандаш и бумагу, и он нарисует нечто такое, что для него выглядит иначе, чем для взрослого. Бессмысленная мазня мало чем напоминает пожарную машину, но для крошки это и есть пожарная машина. Может быть, даже объемная, в трех измерениях. Дети иначе мыслят и иначе видят.

Парадин размышлял об этом однажды вечером, читая газету и наблюдая Эмму и Скотта. Скотт о чем-то спрашивал сестру. Иногда он спрашивал по-английски. Но чаще прибегал к помощи какой-то тарабарщины и жестов. Эмма пыталась отвечать, но у нее ничего не получалось.

В конце концов Скотт достал бумагу и карандаш. Эмме это понравилось. Высунув язык, она тщательно царапала что-то.

Скотт взял бумагу, посмотрел и нахмурился.

– Не так, Эмма, – сказал он.

Эмма энергично закивала. Она снова схватила карандаш и нацарапала что-то еще. Скотт немного подумал, потом неуверенно улыбнулся и встал. Он вышел в холл.

Эмма опять занялась абаком.

Парадин поднялся и заглянул в листок – у него мелькнула сумасшедшая мысль, что Эмма могла вдруг освоить правописание. Но это было не так. Листок был покрыт бессмысленными каракулями – такими, какие знакомы всем родителям. Парадин поджал губы.

Скотт вернулся, и вид у него был довольный. Он встретился с Эммой взглядом и кивнул. Парадина кольнуло любопытство.

– Секреты?

– Не-а, Эмма… ну, попросила для нее кое-что сделать.

Возможно, Парадин и Джейн выказали слишком большой интерес к игрушкам. Эмма и Скотт стали прятать их и играли с ними, только когда были одни. Они никогда не делали этого открыто, но кое-какие неявные меры предосторожности принимали. Тем не менее это тревожило, и особенно Джейн.

– Денни, Скотти очень изменился. Миссис Бернс сказала, что он до смерти напугал ее Френсиса.

– Полагаю, что так. – Парадин прислушался. Шум в соседней комнате подсказал ему местонахождение сына. – Скотти!

– Бабах! – сказал Скотт и появился на пороге, улыбаясь. – Я их всех поубивал. Космических пиратов. Я тебе нужен, пап?

– Да. Если ты не против отложить немного похороны пиратов.

Что ты сделал Френсису Бернсу?

Синие глаза Скотти выразили беспредельную искренность.

– Я?

– Подумай. Я уверен, что ты вспомнишь.

– А-ах! Ах это! Не делал я его.

– Ему, – машинально поправила Джейн.

– Ну ему. Честно. Я только дал ему посмотреть свой телевизор, и он… он испугался.

– Телевизор?

Скотт достал стеклянный кубик:

– Ну, это не совсем телевизор. Видишь?

Парадин стал разглядывать эту штуку, неприятно пораженный увеличительными стеклами. Однако он ничего не видел, кроме бессмысленного переплетения цветных узоров.

– Дядя Гарри…

Парадин потянулся к телефону. Скотт судорожно глотнул:

– Он… он уже вернулся?

– Да.

– Ну я пошел в ванную. – И Скотт направился к двери.

Парадин перехватил взгляд Джейн и многозначительно покачал головой.

Гарри был дома, но он совершенно ничего не знал об этих странных игрушках. Довольно мрачно Парадин приказал Скотту принести из его комнаты все игрушки. И вот они все лежат в ряд на столе: кубик, абак, шлем, кукла и еще несколько предметов непонятного назначения. Скотту был устроен перекрестный допрос.

Какое-то время он героически лгал, но наконец не выдержал и с ревом и всхлипываниями выложил свое признание.

После того как маленькая фигурка удалилась наверх, Парадин подвинул к столу стул и стал внимательно рассматривать Коробку. Задумчиво поковырял оплавленную поверхность. Джейн наблюдала за ним:

– Что это, Денни?

– Не знаю. Кто мог оставить Коробку с игрушками у ручья?

– Она могла выпасть из машины.

– Только не в этом месте. К северу от железнодорожного полотна ручей нигде не пересекает дорога. Там везде пустыри, и больше ничего. – Парадин закурил сигарету. – Налить тебе чего-нибудь, милая?

– Я сама. – Джейн принялась за дело, глаза у нее были тревожные. Она принесла Парадину стакан и встала за его спиной, теребя пальцами его волосы. – Что-нибудь не так?

– Разумеется, ничего особенного. Только вот откуда взялись

эти игрушки?

– У Джонсов никто не знает, а они получают свои товары из Нью-Йорка.

– Я тоже наводил справки, – признался Парадин. – Эта кукла… – он ткнул в нее пальцем, – она меня тревожит. Может, это дело таможни, но мне хотелось бы знать, кто их делает.

– Может, спросить психолога? Абак, – кажется, они устраивают тесты с такими штуками.

Парадин прищелкнул пальцами:

– Точно! И слушай, у нас в университете на следующей неделе будет выступать один малый, Холовей, он детский психолог. Фигура с репутацией. Может быть, он что-нибудь знает об этих вещах?

– Холовей? Я не…

– Рекс Холовей. Он… хм… Он живет недалеко от нас. Может, это он сам их сделал?

Джейн разглядывала абак. Она скорчила гримаску и выпрямилась:

– Если это он, то мне он не нравится. Но попробуй выяснить, Денни.

Парадин кивнул:

– Непременно.

Нахмурясь, он выпил коктейль. Он был слегка встревожен. Но не напуган – пока.

Рекса Холовея Парадин привел домой к обеду неделю спустя. Это был толстяк с сияющей лысиной, над толстыми стеклами очков, как мохнатые гусеницы, нависали густые черные брови. Холовей как будто и не наблюдал за детьми, но от него ничего не ускользало, что бы они ни делали и ни говорили. Его серые глаза, умные и проницательные, ничего не пропускали.

Игрушки его обворожили. В гостиной трое взрослых собрались вокруг стола, на котором игрушки были разложены. Холовей внимательно их разглядывал, выслушивая все то, что рассказывали ему Джейн и Парадин. Наконец он прервал свое молчание:

– Я рад, что пришел сюда сегодня. Но не совсем. Дело в том, что все это внушает тревогу.

– Как? – Парадин широко открыл глаза, а на лице Джейн отразился ужас.

То, что Холовей сказал дальше, их отнюдь не успокоило.

– Мы имеем дело с безумием. – Он улыбнулся, увидев, какое воздействие произвели его слова. – С точки зрения взрослых все дети безумны. Читали когда-нибудь «Ураган на Ямайке» Хьюза?

– У меня есть.

Парадин достал с полки маленькую книжку. Холовей протянул руку, взял книгу и стал перелистывать страницы, пока не нашел нужного места. Затем стал читать вслух:

– «Разумеется, младенцы еще не являются людьми – это животные со своей древней и разветвленной культурой, как у кошек, у рыб, даже у змей. Они имеют сходную природу, только сложнее и ярче, ибо все-таки из низших позвоночных это самый развитый вид. Короче говоря, у младенцев есть свое собственное мышление, и оно оперирует понятиями и категориями, которые невозможно перевести на язык понятий и категорий человеческого мышления».

Джейн попыталась было воспринять его слова спокойно, но ей это не удалось.

– Вы что, хотите сказать, что Эмма…

– Способны ли вы думать так, как ваша дочь? – спросил Холовей. – Послушайте: «Нельзя уподобиться в мыслях младенцу, как нельзя уподобиться в мыслях пчеле».

Парадин смешивал коктейли. Он сказал через плечо:

– Не слишком ли много теории? Насколько я понимаю, вы хотите сказать, что у младенцев есть своя собственная культура и даже довольно высокий интеллект?

– Не обязательно. Понимаете, это вещи несоизмеримые. Я только хочу сказать, что младенцы размышляют совсем иначе, чем мы. Не обязательно лучше – это вопрос относительных ценностей. Но это просто различный способ развития… – В поисках подходящего слова он скорчил гримасу.

– Фантазии, – сказал Парадин довольно пренебрежительно, но с раздражением из-за Эммы. – У младенцев точно такие же ощущения, как у нас.

– А кто говорит, что нет? – возразил Холовей. – Просто их разум направлен в другую сторону, вот и все. Но этого вполне достаточно.

– Я стараюсь понять, – сказала Джейн медленно, – но у меня аналогия только с моей кухонной машиной. В ней можно взбивать тесто и пюре, но можно и выжимать сок из апельсинов.

– Что-то в этом роде. Мозг – коллоид очень сложной организации. О его возможностях мы пока знаем очень мало, мы даже не знаем, сколько он способен воспринять. Но зато доподлинно известно, что, по мере того как человеческое существо созревает, его мозг приспосабливается, усваивает определенные стереотипы и дальше мыслительные процессы базируются на моделях, которые воспринимаются как нечто само собой разумеющееся. Вот взгляните, – Холовей дотронулся до

абака, – вы пробовали с ним упражняться?

– Немного, – сказал Парадин.

– Но не так уж, а?

– Ну…

– А почему?

– Бессмысленно, – пожаловался Парадин. – Даже в головоломке должна быть какая-то логика. Но эти дурацкие углы…

– Ваш мозг приспособился к евклидовой системе, – сказал Холовей. – Поэтому эта… штуковина вас утомляет и кажется бессмысленной. Но ребенку об Евклиде ничего не известно. И иной вид геометрии, отличный от нашего, не покажется ему нелогичным. Он верит тому, что видит.

– Вы что, хотите сказать, что у этой чепухи есть четвертое измерение? – возмутился Парадин.

– На вид, во всяком случае, нет, – согласился Холовей. – Я только хочу сказать, что наш разум, приспособленный к евклидовой системе, не может увидеть здесь ничего, кроме клубка запутанной проволоки. Но ребенок – особенно маленький – может увидеть и нечто иное. Не сразу. Конечно, и для него это головоломка. Но только ребенку не мешает предвзятость мышления.

– Затвердение мыслительных артерий, – вставила Джейн.

Но Парадина это не убедило.

– Тогда, значит, ребенку легче справиться с дифференциальными и интегральными уравнениями, чем Эйнштейну?

– Нет, я не это хотел сказать. Мне ваша точка зрения более или менее ясна. Только…

– Ну хорошо. Предположим, что существуют два вида геометрии, – ограничим число видов, чтобы облегчить пример. Наш вид, евклидова геометрия, и еще какой-то, назовем его X. X никак не связан с евклидовой геометрией, он основан на иных теоремах. В нем два и два не обязательно должны быть равны четырем, они могут быть равны Y2, а могут быть даже вовсе не равны ничему. Разум младенца еще ни к чему не приспособился, если не считать некоторых сомнительных факторов наследственности и среды. Начните обучать ребенка принципам Евклида…

– Бедный малыш, – сказала Джейн.

Холовей бросил на нее быстрый взгляд:

– Основам евклидовой системы. Начальным элементам. Математика, геометрия, алгебра – это все идет гораздо позже. Этот путь развития нам знаком. А теперь представьте, что ребенка

начинают обучать основным принципам этой логики Х.

– Начальные элементы? Какого рода?

Холовей взглянул на абак:

– Для нас в этом нет никакого смысла. Мы приспособились к евклидовой системе.

Парадин налил себе неразбавленного виски:

– Это прямо-таки ужасно. Вы не ограничиваетесь одной математикой.

– Верно! Я вообще ничего не хочу ограничивать. Да и каким образом? Я не приспособлен к логике Х.

– Вот вам и ответ, – сказала Джейн со вздохом облегчения.

– А кто к ней приспособлен? Ведь чтобы сделать вещи, за которые вы, видимо, принимаете эти игрушки, понадобился бы именно такой человек.

Холовей кивнул, глаза его щурились за толстыми стеклами очков.

– Может быть, такие люди существуют.

– Где?

– Может быть, они предпочитают оставаться в неизвестности.

– Супермены?

– Хотел бы я знать! Видите ли, Парадин, все опять упирается в отсутствие критериев. По нашим нормам, эти люди в некоторых отношениях могут показаться сверхумниками, а в других – слабоумными. Разница не количественная, а качественная. Они по-иному мыслят. И я уверен, что мы способны делать кое-что, чего они не умеют.

– Может быть, они бы и не захотели, – сказала Джейн.

Парадин постучал пальцем по оплавленным приспособлениям на поверхности Коробки:

– А как насчет этого? Это говорит о…

– О какой-то цели, разумеется.

– Транспортация?

– Это прежде всего приходит в голову. Если это так, Коробка могла попасть сюда откуда угодно.

– Оттуда… где… все по-другому? – медленно спросил Парадин.

– Именно. В космосе или даже во времени. Не знаю. Я психолог. И к счастью, я тоже приспособлен к евклидовой системе.

– Странное, должно быть, место, – сказала Джейн. – Денни, выбрось эти игрушки.

– Я и собираюсь.

Холовей взял в руки стеклянный кубик:

– Вы подробно расспрашивали детей?

Парадин ответил:

– Ага, Скотт сказал, что, когда он впервые заглянул в кубик, там были человечки. Я спросил его, что он видит там сейчас.

– Что он сказал? – Психолог перестал хмуриться.

– Он сказал, что они что-то строят. Это его точные слова. Я спросил: кто, человечки? Но он не смог объяснить.

– Ну да, понятно, – пробормотал Холовей, – это, наверное, прогрессирует. Как давно у детей эти игрушки?

– Кажется, месяца три.

– Вполне достаточно. Видите ли, совершенная игрушка механическая, но она и обучает. Она должна заинтересовать ребенка своими возможностями, но и обучать, желательно незаметно. Сначала простые задачи. Затем…

– Логика Х, – сказала бледная как мел Джейн.

Парадин ругнулся вполголоса:

– Эмма и Скотт совершенно нормальны!

– А вы знаете, как работает их разум сейчас?

Холовей не стал развивать свою мысль. Он потрогал куклу.

– Интересно было бы знать, каковы критерии там, откуда появились эти вещи? Впрочем, метод индукции мало что даст. Слишком много неизвестных факторов. Мы не можем представить себе мир, который основан на факторе Х, – среда, приспособленная к разуму, мыслящему неизвестными категориями Х.

– Это ужасно, – сказала Джейн.

– Им так не кажется. Вероятно, Эмма быстрее схватывает Х, чем Скотт, потому что ее разум еще не приспособился к нашей среде.

Парадин сказал:

– Но я помню многое из того, что я делал ребенком. Даже когда был совсем маленьким.

– Ну и что?

– Я… был тогда… безумен?

– Критерием вашего безумия является как раз то, чего вы не помните, – возразил Холовей, – но я употребляю слово «безумие» только как удобный символ, обозначающий отклонение от принятой человеческой нормы. Произвольную норму здравомыслия.

Джейн опустила стакан:

– Вы сказали, господин Холовей, что методом индукции здесь действовать трудно. Однако мне кажется, что вы именно этим и занимаетесь, а фактов у вас очень мало. Ведь эти игрушки…

– Я, прежде всего, психолог, и моя специальность – дети. Я не юрист. Эти игрушки именно потому говорят мне так много, что

они не говорят почти ни о чем.

– Вы можете ошибаться.

– Я хотел бы ошибиться. Мне нужно проверить детей.

– Я позову их, – сказал Парадин.

– Только осторожно. Я не хочу их спугнуть.

Джейн кивком указала на игрушки. Холовей сказал:

– Это пусть останется, ладно?

Но когда Эмму и Скотта позвали, психолог не сразу приступил к прямым расспросам. Незаметно ему удалось вовлечь Скотта в разговор, то и дело вставляя нужные ему слова. Ничего такого, что явно напоминало бы тест по ассоциации, ведь для этого нужно сознательное участие второй стороны.

Самое интересное произошло, когда Холовей взял в руки абак.

– Может быть, ты покажешь мне, что с этим делать?

Скотт заколебался:

– Да, сэр. Вот так… – Бусина в его умелых руках скользнула по запутанному лабиринту так ловко, что никто из них не понял, что она в конце концов исчезла. Это мог быть просто фокус. Затем опять…

Холовей попробовал сделать то же самое. Скотт наблюдал, морща нос.

– Вот так?

– Угу. Она должна идти вот сюда…

– Сюда? Почему?

– Ну, потому что иначе не получится.

Но разум Холовея был приспособлен к евклидовой системе. Не было никакого очевидного объяснения тому, что бусина должна скользить с этой проволочки на другую, а не иначе. В этом не было видно никакой логики.

Ни один из взрослых как-то не понял точно, исчезла бусина или нет. Если бы они ожидали, что она должна исчезнуть, возможно, они были бы гораздо внимательнее.

В конце концов так ни к чему и не пришли. Холовею, когда он прощался, казалось, было не по себе.

– Можно мне еще прийти?

– Я бы этого хотела, – сказала Джейн. – Когда угодно. Вы все еще полагаете…

Он кивнул:

– Их умы реагируют ненормально. Они вовсе не глупые, но у меня очень странное впечатление, что они делают выводы совершенно непонятным нам путем. Как если бы они пользовались алгеброй там, где мы пользуемся геометрией. Вывод такой же, но достигнут другим методом.

– А что делать с игрушками? – неожиданно спросил Парадин.

– Уберите их подальше. Если можно, я хотел бы их пока взять.

В эту ночь Парадин плохо спал. Холовей провел неудачную аналогию. Она наводила на тревожные размышления. Фактор Х. Дети используют в рассуждениях алгебру там, где взрослые пользуются геометрией. Пусть так. Только… Алгебра может дать такие ответы, каких геометрия дать не может, потому что в ней есть термины и символы, которые нельзя выразить геометрически. А что, если логика Х приводит к выводам, непостижимым для человеческого разума?

– Ч-черт! – прошептал Парадин.

Рядом зашевелилась Джейн:

– Милый! Ты тоже не спишь?

– Нет.

Он поднялся и пошел в соседнюю комнату. Эмма спала, безмятежная, как херувим, пухлая ручка обвила мишку. Через открытую дверь Парадину была видна темноволосая голова Скотта, неподвижно лежавшая на подушке.

Джейн стояла рядом. Он обнял ее.

– Бедные малыши, – прошептала она. – А Холовей назвал их ненормальными. Наверное, это мы сумасшедшие, Деннис.

– Н-да-а. Просто мы нервничаем.

Скотт шевельнулся во сне. Не просыпаясь, он пробормотал что-то – это явно был вопрос, хотя вроде бы и не на каком-либо языке. Эмма пропищала что-то, звук ее голоса резко менял тон.

Она не проснулась. Дети лежали не шевелясь. Но Парадину подумалось, и от этой мысли неприятно засосало под ложечкой, что это было, как будто Скотт спросил Эмму о чем-то и она ответила.

Неужели их разум изменился настолько, что даже сон и тот был у них иным?

Он отмахнулся от этой мысли.

– Ты простудишься. Вернемся в постель. Хочешь чего-нибудь выпить?

– Кажется, да, – сказала Джейн, наблюдая за Эммой. Рука ее потянулась было к девочке, но она отдернула ее.

– Пойдем. Мы разбудим детей.

Вместе они выпили немного бренди, но оба молчали. Потом, во сне, Джейн плакала.

Скотт не проснулся, но мозг его работал, медленно и осторожно выстраивая фразы, вот как:

– Они заберут игрушки. Этот толстяк… может быть, листава

опасен. Но направления Горика не увидеть… им дун уванкрус у них нет… Интрадикция… яркая, блестящая. Эмма. Она сейчас уже гораздо больше копранит, чем… Все-таки не пойму, как… тавирарить миксер диет…

Кое-что в мыслях Скотта можно было еще разобрать. Но Эмма перестроилась на логику Х гораздо быстрее. Она тоже размышляла.

Не так, как ребенок, не так, как взрослый. Вообще не так, как человек. Разве что, может быть, как человек совершенно иного типа, чем homo sapiens. Иногда и Скотту трудно было поспеть за ее мыслями.

Постепенно Парадин и Джейн опять обрели нечто вроде душевного равновесия. У них было ощущение, что теперь, когда причина устранена, дети излечились от своих умственных завихрений.

Но иногда все-таки что-то было не так.

Однажды в воскресенье Скотт отправился с отцом на прогулку, и они остановились на вершине холма. Внизу перед ними расстилалась довольно приятная долина.

– Красиво, правда? – заметил Парадин.

Скотт мрачно взглянул на пейзаж.

– Это все неправильно, – сказал он.

– Как это?

– Ну, не знаю.

– Но что здесь неправильно?

– Ну… – Скотт удивленно замолчал. – Не знаю я.

В этот вечер, однако, Скотт проявил интерес, и довольно красноречивый, к угрям. В том, что он интересовался естествознанием, не было ничего явно опасного. Парадин стал объяснять про угрей.

– Но где они мечут икру? И вообще, они ее мечут?

– Это все еще неясно. Места их нереста неизвестны. Может быть, Саргассово море или же где-нибудь в глубине, где давление помогает их телам освобождаться от потомства.

– Странно, – сказал Скотт в глубоком раздумье.

– С лососем происходит более или менее то же самое. Для нереста он поднимается вверх по реке.

Парадин пустился в объяснения. Скотт слушал, завороженный.

– Но ведь это правильно, пап. Он рождается в реке и, когда научится плавать, уплывет вниз по течению к морю. И потом возвращается обратно, чтобы метать икру, так?

– Верно.

– Только они не возвращались бы обратно, – размышлял

Скотт, – они бы просто посылали свою икру…

– Для этого нужен был бы слишком длинный яйцеклад, – сказал Парадин и отпустил несколько осторожных замечаний относительно размножения.

Сына его слова не удовлетворили.

– Вот цветы, – возразил он, – отправляют свои семена на большие расстояния.

– Но они ими не управляют. И совсем немногие попадают в плодородную почву.

– Но ведь у цветов нет мозгов. Пап, почему люди живут здесь?

– В Глендале?

– Нет, здесь. Вообще здесь. Спорим, это еще не все, что есть на свете.

– Ты имеешь в виду другие планеты?

Скотт помедлил.

– Это только… часть… чего-то большого. Это как река, куда плывет лосось. Почему люди, когда вырастают, не уходят в океан?

Парадин сообразил, что Скотт говорит иносказательно. И на мгновение похолодел. Океан?

Потомство этого рода не приспособлено к жизни в более совершенном мире, где живут родители. Достаточно развившись, они вступают в этот мир. Затем они сами дают потомство. Оплодотворенные яйца закапывают в песок в верховьях реки. Потом на свет появляются живые существа.

Они познают мир. Одного инстинкта совершенно недостаточно. Особенно когда речь идет о роде существ, которые полностью не приспособлены к этому миру: не могут ни есть, ни пить, ни даже существовать, если только кто-то другой не позаботится предусмотрительно о том, чтобы им все это обеспечить.

Молодежь, которую кормят и о которой заботятся, выживет. У нее есть инкубаторы, роботы. Она выживет, но она не знает, как плыть вниз по течению, в большой мир океана. Поэтому ее нужно воспитывать. Ее нужно ко многому приучить и приспособить.

Осторожно, незаметно, ненавязчиво. Дети любят хитроумные игрушки. И если эти игрушки в то же время обучают…

Во второй половине девятнадцатого столетия на травянистом берегу ручья сидел англичанин. Около него лежала очень маленькая девочка и глядела в небо. В стороне валялась какая-то странная игрушка, с которой она перед этим играла. А сейчас она мурлыкала песенку без слов, а человек прислушивался краем уха.

– Что это такое, милая? – спросил он наконец.

– Это просто я придумала, дядя Чарли.

– А ну-ка, спой еще раз. – Он вытащил записную книжку.

Девочка спела еще раз.

– Это что-нибудь означает?

Она кивнула:

– Ну да. Вот как те сказки, которые я тебе рассказывала, помнишь?

– Чудесные сказки, милая.

– И ты когда-нибудь напишешь про это в книге?

– Да, только нужно их очень изменить, а то никто их не поймет. Но я думаю, что песенку твою я изменять не буду.

– И нельзя. Если ты что-нибудь в ней изменишь, пропадет весь смысл.

– Этот кусочек, во всяком случае, я не изменю, – пообещал он. – А что он обозначает?

– Я думаю, что это путь туда, – сказала девочка неуверенно. – Я пока точно не знаю. Это мои волшебные игрушки мне так сказали.

– Хотел бы я знать, в каком из лондонских магазинов продаются такие игрушки?

– Мне их мама купила. Она умерла. А папе дела нет.

Это была неправда. Она нашла эти игрушки в Коробке как-то раз, когда играла на берегу Темзы. И игрушки были поистине удивительные.

Эта маленькая песенка – дядя Чарли думает, что она не имеет смысла. (На самом деле он ей не дядя, вспомнила она, но он хороший.) Песенка очень даже имеет смысл. Она указывает путь. Вот она сделает все, как учит песенка, и тогда…

Но она была уже слишком большая. Пути она так и не нашла.

Скотт то и дело приносил Эмме всякую всячину и спрашивал ее мнение. Обычно она отрицательно качала головой. Иногда на ее лице отражалось сомнение. Очень редко она выражала одобрение. После этого она обычно целый час усердно трудилась, выводя на клочках бумаги немыслимые каракули, а Скотт, изучив эти записи, начинал складывать и передвигать свои камни, какие-то детали, огарки свечей и прочий мусор. Каждый день прислуга выбрасывала все это, и каждый день Скотт начинал все сначала.

Он снизошел до того, чтобы кое-что объяснить своему недоумевающему отцу, который не видел в игре ни смысла, ни системы.

– Но почему этот камешек именно сюда?

– Он твердый и круглый, пап. Его место именно здесь.

– Но ведь и этот тоже твердый и круглый.

– Ну, на нем есть вазелин. Когда доберешься до этого места,

отсюда иначе не разберешь, что это круглое и твердое.

– А дальше что? Вот эта свеча!

Лицо Скотта выразило отвращение.

– Она в конце. А здесь нужно железное кольцо.

Парадину думалось, что это как игра в следопыты, как поиски вех в лабиринте. Но опять тот самый произвольный фактор. Объяснить, почему Скотт располагал свою дребедень так, а не иначе, логика – привычная логика – была не в состоянии.

Парадин вышел. Через плечо он видел, как Скотт вытащил из кармана измятый листок бумаги и карандаш и направился к Эмме, на корточках размышляющей над чем-то в уголке.

Ну-ну…

Джейн обедала с дядей Гарри, и в это жаркое воскресное утро, кроме газет, нечем было заняться. Парадин с коктейлем в руке устроился в самом прохладном месте, какое ему удалось отыскать, и погрузился в чтение комиксов.

Час спустя его вывел из состояния дремоты топот ног наверху.

Скотт кричал торжествующе:

– Получилось, пузырь! Давай сюда…

Парадин, нахмурясь, встал. Когда он шел к холлу, зазвенел телефон. Джейн обещала позвонить…

Его рука уже прикоснулась к трубке, когда возбужденный голосок Эммы поднялся до визга. Лицо Парадина исказилось.

– Что, черт побери, там, наверху, происходит?

Скотт пронзительно вскрикнул:

– Осторожней! Сюда!

Парадин забыл о телефоне. С перекошенным лицом, совершенно сам не свой, он бросился вверх по лестнице. Дверь в комнату Скотта была открыта.

Дети исчезали.

Они таяли постепенно, как рассеивается густой дым на ветру, как колеблется изображение в кривом зеркале. Они уходили, держась за руки, и Парадин не мог понять куда, и не успел он моргнуть, стоя на пороге, как их уже не было.

– Эмма, – сказал он чужим голосом, – Скотти!

На ковре лежало какое-то сооружение: камни, железное кольцо – мусор. Какой принцип у этого сооружения – произвольный?

Под ноги ему попался скомканный лист бумаги. Он машинально поднял его.

– Дети. Где вы? Не прячьтесь…

ЭММА! СКОТТИ!

Внизу телефон прекратил свой оглушительно-монотонный звон.

Парадин взглянул на листок, который был у него в руке.

Это была страница, вырванная из книги. Непонятные каракули Эммы испещряли и текст и поля. Четверостишие было так исчеркано, что его почти невозможно было разобрать, но Парадин хорошо помнил «Алису в Зазеркалье». Память подсказала ему слова:

Часово. Жиркие товы.
И джикали, и джакали в исходе.
Все тенали бороговы.
И гуко свитали оводи.

Ошалело он подумал: Шалтай-Болтай у Кэрролла объяснил Алисе, что это означает. «Жиркие» – значит смазанные жиром и гладкие. Исход – основание у солнечных часов. Солнечные часы. Как-то давно Скотт спросил, что такое исход. Символ?

«Джакали в исходе…»

Точная математическая формула, дающая все условия и в символах, которые дети поняли. Этот мусор на полу. «Товы» должны быть «жиркие» – вазелин? – и их надо расположить в определенной последовательности, так чтобы они «джикали» и «джакали».

Безумие!

Но для Эммы и Скотта это не было безумием. Они мыслили по-другому. Они пользовались логикой Х. Эти пометки, которые Эмма сделала на странице, – она перевела слова Кэрролла в символы, понятные ей и Скотту.

Произвольный фактор для детей перестал быть произвольным. Они выполнили условия уравнения пространства-времени. «И гуко свитали оводи…»

Парадин издал какой-то странный гортанный звук. Взглянул на нелепое сооружение на ковре. Если бы он мог последовать туда, куда оно ведет, вслед за детьми… Но он не мог. Для него оно было бессмысленным. Он не мог справиться с произвольным фактором. Он был приспособлен к евклидовой системе. Он не сможет этого сделать, даже если сойдет с ума… Это будет совсем не то безумие.

Его мозг как бы перестал работать. Но это оцепенение, этот ужас через минуту пройдут… Парадин скомкал в пальцах бумажку.

– Эмма, Скотти, – слабым, упавшим голосом сказал он, как бы не ожидая ответа.

Солнечные лучи лились в открытые окна, отсвечивая в золотистом мишкином меху. Внизу опять зазвенел телефон.

Большая Ночь

1

Он тяжело сошел с плоскости эклиптики, словно какой-нибудь неуклюжий космический зверь, дюзы реактивных двигателей покорежены и испятнаны, центральная часть оплавлена – это оставила глубокий шрам перенасыщенная влагой атмосфера Венеры, – все сварные швы массивного корпуса угрожают разойтись при малейшей перегрузке.

Капитан пил в своей каюте, жалуясь на черствость и хамство Межпланетной торговой комиссии, и его пьяный плаксивый голос отдавался эхом во всех отсеках корабля.

Экипаж состоял из уроженцев дюжины миров, причем половину из них опоили и обманом заманили на корабль. Логгер Хилтон, первый помощник, пытался разобраться в потрепанных путевых картах, и «Кукарача», скрежеща двигателями, словно одержимая мыслью о самоубийстве, мчалась сквозь пространство, все глубже погружаясь в Большую Ночь.

В машинном зале замигала сигнальная лампочка. Хилтон схватил микрофон.

– Ремонтная команда! – завопил он. – Хватит прохлаждаться! Проверьте двигатель А-шесть. Шевелитесь!

Он развернулся в кресле, покусывая нижнюю губу и глядя на пилота, крошечного паукообразного селенита со множеством конечностей и обманчиво хрупким телом. Тс'сс – так или примерно так его звали – носил неудобную маску, которая трансформировала издаваемые им инфразвуки в слышимую для человеческого уха речь. В отличие от Хилтона на нем не было космического скафандра – селениты не нуждались в защите от глубокого космоса. За миллионы лет жизни на Луне они приспособились к безвоздушному пространству. Наличие на корабле атмосферы также ничуть не мешало Тс'сс.

– Чтоб тебя, нельзя ли полегче! – рявкнул Хилтон. – Хочешь, чтобы с нас содрало шкуру?

Взгляд фасеточных глаз селенита замерцал сквозь прорези маски.

– Нет, сэр. Я иду на минимальной скорости, которую позволяют двигатели. Как только вы сообщите мне формулу перехода, станет легче.

– К черту двигатели!

– Чтобы переключиться в режим перехода, требуется

ускорение, сэр.

– Плевать, – ответил Хилтон. – Я вроде как разобрался. Похоже, кто-то давил мух на этих картах. Здесь все измазано.

Он продиктовал несколько уравнений, и память Тс'сс тут же намертво запечатлела их.

Издалека донеслось унылое завывание.

– Надо думать, это капитан, – заметил Хилтон. – Вернусь через минуту. Входи в гиперпространство как можно быстрее, или мы сложимся гармошкой.

– Есть, сэр. Минуточку… мистер Хилтон!

– Ну?

– Проверьте огнетушитель в каюте кэпа.

– Зачем? – спросил Хилтон.

Селенит разыграл небольшую пантомиму, изобразив своими гибкими конечностями состояние опьянения. Хилтон состроил гримасу, поднялся и, борясь с перегрузкой, спустился по трапу. Бросив взгляд на видеоэкраны, он с облегчением отметил, что они уже миновали Юпитер. Преодоление поля тяготения планеты-гиганта – подлинное испытание для измученных костей «Кукарачи». Однако теперь они благополучно оставили его позади. Благополучно! Первый помощник криво усмехнулся, открыл дверь капитанской каюты и вошел.

Капитан Сэм Денверс стоял на койке и произносил речь, обращаясь к воображаемой Межпланетной торговой комиссии. Капитан был крупным мужчиной, вернее, когда-то он был таковым, но теперь мышцы заметно усохли, плечи ссутулились. Изборожденное морщинами лицо за долгие годы почернело от космического загара. Коротко остриженные седые волосы Денверса сердито топорщились.

Тем не менее между ним и Логгером Хилтоном, несомненно, чувствовалось нечто общее. Оба много лет ходили в глубокий космос. Хилтон был на тридцать лет моложе, но у него был такой же темный загар и то же выражение голубых глаз. Существует старая поговорка, что стоит углубиться в Большую Ночь, за орбиту Плутона, и безбрежная пустота проникнет в тебя, станет глядеть твоими глазами. К Хилтону это относилось в полной мере, как и к капитану Денверсу. А в остальном… Хилтон – в противовес потрепанному годами Денверсу – отличался могучим телосложением, белый китель с трудом сходился на его широкой груди. У первого помощника не было времени сменить парадную форму на повседневную, хотя он знал, что даже на этой синтетической материи видна будет вся грязь, которой одежда пропитается за время космического перелета. По крайней мере, на «Кукараче».

Ладно, это все равно его последнее путешествие на старой лоханке.

Капитан Денверс прервал свою речь, чтобы спросить Хилтона, какого дьявола ему тут нужно. Первый помощник отсалютовал.

– Обычная проверка, сэр, – ответил он и снял со стены огнетушитель.

Денверс спрыгнул с койки, но где ему было угнаться за своим помощником. Прежде чем капитан добрался до него, Хилтон выпустил содержимое резервуара в ближайшее вентиляционное отверстие.

– Смесь выдохлась, – объяснил он. – Я заново наполню огнетушитель.

– Послушай-ка, мистер Хилтон, – слегка покачиваясь, сказал Денверс, тыча длинным пальцем в нос помощника. – Если ты думаешь, что там было спиртное, ты сошел с ума.

– Конечно. Я же деревенщина, а деревенские все придурки. Как насчет кофе, капитан?

Денверс махнул рукой в сторону окна доставки и мутным взглядом посмотрел себе под ноги.

– Кофе. Ха! Послушай, какого черта ты тащишь «Кукарачу» через гиперпространство? Тебе нужно подать в отставку.

– Конечно, конечно. Но через гиперпространство мы быстрее доберемся до Фриа, где у вас назначена встреча с агентом.

– С Кристи? Ну да… да… – Денверс рухнул на койку и обхватил руками голову. – Полагаю, я просто сошел с ума, Логгер. МТК… что они понимают? В конце концов, это мы открывали торговый пункт на Сириусе-тридцать.

– Послушайте, капитан, когда вы явились на борт, вы были так пьяны, что не сочли возможным поделиться со мной подробностями, – сказал Хилтон. – Просто заявили, что мы меняем курс и идем на Фриа. С какой стати?

– Межпланетная торговая комиссия, – проворчал Денверс. – Они проверили «Кукарачу».

– Ну да. Обычная проверка.

– Ага, у этих жирных слюнтяев хватило наглости заявить, что мой корабль ненадежен! Что гравитация Сириуса слишком сильна… и что мы не можем лететь на Сириус-тридцать!

– Возможно, они правы, – задумчиво произнес Хилтон. – Посадка на Венеру далась нам нелегко.

– Да, корабль старый. – В голосе Денверса зазвучали оборонительные нотки. – Ну и что с того? Я провел «Кукарачу» вокруг Бетельгейзе, это намного ближе к Сириусу, чем наш маршрут к Сириусу-тридцать. Старушку не переделаешь. В те дни строили атомные двигатели.

– А сейчас их не строят, – сказал Хилтон.

Лицо капитана побагровело.

– Транспортировка материи, – проворчал он. – Что за безумный проект? Ты заходишь в маленькую кабинку на Земле, нажимаешь кнопку, и вот ты уже на Венере, или на Бар-Канопусе, или в чистилище, если угодно! Я летал на гиперкораблях, когда мне было тринадцать, Логгер. Я вырос на гиперкораблях. Они надежные. Они прочные. Они доставят тебя, куда пожелаешь. Черт побери! Летать в космосе вообще небезопасно. Здесь нет атмосферы, и никакой скафандр не спасет.

– Кстати, – заметил Хилтон, – а где ваш?

– Ох, здесь слишком жарко, а рефрижератор в скафандре что-то забарахлил.

Первый помощник нашел в шкафу облегченный скафандр и принялся умело чинить сломанный переключатель.

– Шлем не обязательно держать закрытым, но скафандр лучше надеть, – рассеянно сказал он. – Я отдал такое распоряжение всему экипажу. Кроме Тс'сс, разумеется, он в защите не нуждается.

Денверс поднял взгляд.

– Как проходит полет? – быстро спросил он.

– Ну, кораблю требуется капитальный ремонт, – ответил Хилтон. – Я хочу побыстрее уйти в гиперпространство. Полет в обычном пространстве – слишком большая нагрузка для «Кукарачи». Приземления я тоже опасаюсь.

– Уф! Ладно, капитальный ремонт будет, когда вернемся… Если, конечно, подзаработаем. Скажу тебе вот что: делай свое дело – и получишь большой куш.

Пальцы Хилтона, возившегося с переключателем, задвигались медленнее, но он не обернулся.

– Прошу прощения, капитан, но, когда этот полет закончится, меня здесь уже не будет.

За спиной у него все стихло. Хилтон состроил гримасу и снова занялся скафандром.

Потом Денверс сказал:

– В наши дни мало гиперкораблей, где нужны помощники капитана.

– Знаю. Но я получил инженерное образование. Может, найду место в транспортировочной конторе. Или стану поселенцем… торговцем.

– Ох, святой Петр! Логгер, о чем ты толкуешь? Торговцем? Грязным поселенцем? Ты же человек гиперпространства!

– Через двадцать лет ни одного гиперкорабля не останется, – ответил Хилтон.

– А вот и нет. Один наверняка будет.

– Да он через пару месяцев развалится! – сердито воскликнул Хилтон. – Не собираюсь спорить. Зачем мы летим на Фриа? За грибами?

После паузы Денверс ответил:

– А что еще есть на Фриа? Конечно за грибами. Сейчас, правда, не совсем сезон. Мы прилетим за три земные недели до его начала, но у Кристи всегда есть запасец. И тогда сеть крупных отелей заплатит нам приличную цену. Чтоб мне провалиться, если я понимаю, почему люди едят эту гадость, но они платят двадцать баксов за порцию.

– В таком случае и впрямь заработать можно, – сказал Хилтон. – При условии, что мы приземлимся на Фриа, не развалившись на части. – Он бросил починенный скафандр на койку рядом с Денверсом. – Вот, капитан. А мне лучше вернуться на мостик. Мы вот-вот войдем в гиперпространство.

Денверс наклонился, нажал кнопку, открывающую шторки иллюминатора, и посмотрел на усыпанную звездами черноту.

– Такого у транспортировщиков не увидишь, – медленно произнес он. – Смотри, Логгер.

Хилтон наклонился, заглядывая через плечо капитана. Пустота сверкала. С одной стороны ослепительным холодом сиял изогнутый край титанической громады Юпитера. В поле зрения двигались несколько лун, парила парочка астероидов, поймавших разреженной атмосферой свет Юпитера и сияющих, словно затянутые дымкой миниатюрные миры. А все пространство между сверкающими звездами, лунами и планетами и за ними заполняла Большая Ночь, черная пустота, которая, словно океан, омывала Солнечную систему.

– Очень мило, – сказал Хилтон. – Но холодно.

– Возможно. Однако мне это по душе. Ну и займись торговлей, болван. Лично я сросся с «Кукарачей». И знаю, что могу доверять старушке.

Словно в ответ на его слова, «старушка» резво подпрыгнула и неуклюже накренилась.

2

Хилтон пулей выскочил из каюты. Корабль встал на дыбы. Помощник капитана услышал, как Денверс за его спиной кричит что-то о некомпетентности пилотов, но знал, что, скорее всего, селенит не виноват. Когда Хилтон добрался до машинного зала «Кукарачи», корабль все еще содрогался, заканчивая последний

прыжок. Тс'сс двигался так быстро, что походил на маленький торнадо, его суставчатые ноги яростно скребли по пульту управления, одновременно нажимая дюжину кнопок, дергая рычаги и переключатели.

– Я свяжусь с парнями! – рявкнул Хилтон, и Тс'сс сосредоточился на невероятно сложной задаче ввода корабля в гиперпространство.

Первый помощник уселся за вспомогательный пульт и торопливо защелкал тумблерами.

– Всем постам! – закричал он. – Задраить шлемы! Не забудьте пристегнуться, вы, космические крысы! Мы входим! Поехали!

Стрелка дико металась по шкале вокруг нужной отметки. Хилтон рухнул в кресло, просунул руки под гнутые скобы и зацепился за них локтями, потом аналогичным образом закрепил и ноги. Видеоэкраны затуманились и замерцали разными цветами, которые то вспыхивали, то гасли, – это «Кукарача» моталась туда-сюда между обычным и гиперпространством.

Хилтон схватил другой микрофон:

– Капитан Денверс! Все в порядке?

– Да, я надел скафандр, – ответил Денверс. – Справишься без меня? Что там у Тс'сс не ладится?

– Вокодер у меня на пульте не работает, кэп, – сказал селенит, – а до вспомогательного не дотянуться.

– Нам позарез нужен капитальный ремонт, – ответил Денверс и отключился.

Хилтон усмехнулся.

– Нас нужно разобрать по винтикам и собрать заново, – пробормотал он, держа руки на рычагах управления на случай, если Тс'сс ошибется.

Однако селенит, словно точный прибор, никогда не ошибался. Старушка «Кукарача» неистово сотрясалась. Атомные двигатели выбрасывали огромное количество энергии в зазор между измерениями. Внезапно на какой-то миг колебания прекратились. В этот крошечный промежуток времени корабль проскользнул по силовому мосту и… исчез. В трехмерном пространстве его больше не существовало. Будь там наблюдатель, он увидел бы, что корабль вдруг взял и растворился. Для наблюдателя же в гиперпространстве он, напротив, так же неожиданно возник из ниоткуда.

Вот только никаких наблюдателей в гиперпространстве нет. Фактически в гиперпространстве нет ничего – оно, как утверждают ученые, представляет собой некое вещество, хотя никто не знает, какое именно. Удалось исследовать отдельные свойства гиперпространства, но не более того. Внутри его белым-

бело и явно существует какая-то энергия. Ее течение, словно невообразимо мощный поток, несет на себе корабли со скоростью, которая в обычном пространстве привела бы к гибели экипажа. Сейчас, подхваченная гипертечением, «Кукарача» стремительно мчалась в Большую Ночь и должна была проскочить мимо орбиты Плутона за считаные секунды.

Однако увидеть Плутон из гиперпространства не удастся. Здесь приходится действовать вслепую, полагаясь лишь на приборы. И если нажмешь не ту кнопку… В общем, это может закончиться очень скверно.

Хилтон торопливо проверил показания приборов. Это было гипертечение С-75-8-R. На разных пространственных уровнях гиперпоток тек в разных направлениях. На обратном пути они изменят свою атомную структуру и выйдут на уровень гипера М-75-L, который понесет их от Фриа к Земле и дальше.

– Порядок. – Хилтон расслабился и потянулся за сигаретой. – Никаких тебе метеоров, никаких проблем с перегрузками – просто скользим, пока не доберемся до Фриа. Потом выскочим из гипера и, скорее всего, развалимся на части.

В динамиках интеркома раздался шорох помех, потом голос:

– Мистер Хилтон, у нас проблема.

– Слышу тебя, Виггинс. Что на этот раз?

– Один из новеньких. Он занимался ремонтом на корпусе.

– У вас было достаточно времени, чтобы все успели вернуться внутрь! – рявкнул Хилтон, хотя в глубине души вовсе не был в этом уверен. – Я же предупредил всех.

– Да, сэр. Но этот парень новичок. Похоже, он никогда прежде не летал на гиперкораблях. Как бы то ни было, он сломал ногу. Сейчас он в лазарете.

Хилтон задумался. Людей на «Кукараче» не хватало. Хорошие специалисты по доброй воле не шли на такую развалюху.

– Сейчас спущусь, – сказал Хилтон и кивнул Тс’сс.

Спустившись по трапу, он заглянул к капитану – тот, как выяснилось, спал. Хилтон передвигался, хватаясь за поручни и подтягиваясь, поскольку в гиперпространстве отсутствует инерционная сила тяготения. В лазарете он обнаружил врача-хирурга, по совместительству исполняющего на корабле также обязанности кока. Врач заканчивал накладывать шину на ногу бледного, обливающегося холодным потом молодого человека, который то негромко ругался, то стонал.

– Ну, что с ним? – спросил Хилтон.

Врач – его звали Бруно – небрежно отсалютовал:

– Просто перелом. Я наложу шину, и он сможет передвигаться. Хотя я вколол ему наркотик, так что толку от него

в ближайшее время будет немного.

– Похоже на то, – сказал Хилтон, изучая пациента.

Парень открыл глаза и сердито уставился на Хилтона.

– Меня напоили! – завопил он. – Я подам на вас в суд! Вы за это дорого заплатите!

Помощник капитана остался невозмутим.

– Я не капитан, я первый помощник, – сказал он. – И могу заверить тебя, что отсуживать у нас почти нечего. Слышал, есть такое слово – «дисциплина»?

– Меня напоили!

– Знаю. Для нас это единственный способ завербовать людей на «Кукарачу». Я упомянул про дисциплину. Возможно, тут у нас с этим не очень. Тем не менее на людях тебе лучше называть меня «мистер». А теперь закрой пасть и успокойся. Дай ему успокоительного, Бруно.

– Нет! Я хочу послать сообщение!

– Мы в гипере. Это невозможно. Как тебя звать?

– Саксон. Лютер Саксон. Я – инженер-консультант, работаю в нуль-транспортировке.

– А, ты у нас, значит, транспортировщик… И какого черта тебя понесло в космические доки?

Саксон сглотнул:

– Ну… уф… я вышел с техниками, чтобы проследить за работой новых установок. Мы заканчивали станцию нуль-транспортировки на Венере. Я отлучился ненадолго, только пропустить стаканчик – и все! И выпил-то совсем немного…

– Ты зашел не в то заведение. – Хилтона забавляла эта история. – Наш агент подсыпал тебе снотворное. В контракте твоя подпись, поэтому сиди и не рыпайся, если только не собираешься спрыгнуть с корабля. Сообщение можно будет послать с Фриа, но оно доберется до Венеры или Земли через тысячу лет. Лучше держись нас, тогда хоть вернуться сможешь.

– На этом корыте? Это же означает рисковать жизнью! Корабль такой старый, что тут вдохнуть полной грудью и то страшно.

– Ну значит, не дыши, – отрывисто бросил Хилтон.

«Кукарача», конечно, старая бродяжка, но он отлетал на ней немало лет. Впрочем, чего еще можно ожидать от нуль-транспортировщика? Они всегда избегают малейшего риска.

– Ты когда-нибудь летал раньше на гиперкораблях? – спросил Хилтон.

– Естественно, – ответил Саксон. – В качестве пассажира! Как же иначе можно попасть на планету, чтобы смонтировать там транспортировочную станцию?

– Ну-ну… – Хилтон разглядывал хмурое лицо на подушке. – А теперь ты не пассажир.

– У меня нога сломана.

– Ты получил степень инженера?

После недолгого колебания Саксон кивнул.

– Порядок, будешь помощником пилота. Ходить тебе почти не придется. Пилот объяснит тебе, что делать. По крайней мере, отработаешь кормежку.

Саксон выразил свой протест, смачно сплюнув.

– И еще кое-что, – добавил Хилтон. – Лучше не говори капитану, что ты нуль-транспортировщик. Он повесит тебя на любой из дюз по своему выбору. Отошлешь его, Бруно, когда он придет в себя.

– Да, сэр, – со скрытой усмешкой ответил врач.

Старый космический волк, он тоже недолюбливал транспортировщиков.

Хилтон потащился обратно в машинный зал, сел и уставился на абсолютно белые видеоэкраны.

Большинство многочисленных конечностей Тс'сс бездействовало. Сейчас пилот работал в нормальном режиме.

– У тебя теперь есть помощник, – сообщил Хилтон. – Натаскай его побыстрее, тогда у нас будет возможность передохнуть. Если бы этот олух с Каллисто не остался на Венере, у нас был бы полный комплект.

– Перелет будет коротким, – ответил Тс'сс. – Мы идем с быстрым гиперпотоком.

– Ага. Этот парень – новичок. Не говори капитану, но он из транспортировщиков.

Тс'сс засмеялся:

– Это тоже пройдет. Мы древняя раса, мистер Хилтон. Земляне – дети по сравнению с селенитами. Гиперкорабли исчезают, и нуль-транспортировка в конце концов исчезнет тоже, потому что на смену ей придет что-нибудь новое.

– Мы не исчезнем, – возразил Хилтон и сам удивился, обнаружив, что защищает философию капитана. – Ваш народ не исчез… селениты, я имею в виду.

– Некоторые из нас остались, это правда, – мягко сказал Тс'сс. – Немногие. Великая эпоха империи селенитов ушла в далекое прошлое. Но кое-кто из нашего рода еще жив – как я, например.

– Вы продолжаете уходить, верно? Не боитесь, что ваша раса перестанет существовать?

– Это не так просто. Все не могут исчезнуть одновременно. Но в конечном счете так, вероятно, и случится. И традицию тоже

можно уничтожить, хотя это займет гораздо больше времени. Но все знают, что конец неизбежен.

– Ох, заткнись, – сказал Хилтон. – Ты слишком много болтаешь.

Тс'сс склонился над пультом. «Кукарача» плыла в белом гиперпотоке – очень плавно, словно в тот день, когда впервые оторвалась от Земли.

Однако, когда они доберутся до Фриа, их ожидает суровый космос и большая гравитация. Хилтон недовольно одернул себя: «Ну и что? Это просто еще один полет. Судьба Вселенной от него не зависит. От него, в общем-то, ничего не зависит. Разве что, если удастся подзаработать, можно будет подремонтировать старушку… Впрочем, для меня и это не имеет значения, поскольку это мой последний полет в Большую Ночь».

Он посмотрел на экраны. Они были пусты, но Хилтон знал, что́ находится за этой всепоглощающей белизной, в пространстве, недоступном его зрению: маленькие искорки планет и солнц, мерцающие в необъятном космосе, однако не освещающие его. Пустота слишком неизмерима, слишком неумолима. Даже гигантские солнца когда-нибудь утонут в ее океане и погаснут. И все остальное тоже погаснет – все, что движется с потоками времени в этой бескрайней тьме.

В этом и состоит прогресс. Волна рождается, вздымается, растет – и разбивается. На смену ей приходит новая, а старая сливается с океаном и исчезает навсегда. Остаются пенные пузыри вроде Тс'сс – остатки гигантской волны, какой была когда-то древняя империя селенитов.

Их империя исчезла. В свое время она яростно сражалась и правила сотней миров, но в итоге Большая Ночь покорила и поглотила ее.

Как рано или поздно поглотит и последний гиперкорабль.

Они грохнулись на Фриа спустя шесть дней по земному времени. «Грохнулись» – самое подходящее слово. От удара у Тс'сс оторвало одну из покрытых хитином рук – что его, похоже, ничуть не взволновало. Селенит не чувствовал боли и мог за несколько недель отрастить новую конечность. Остальные члены экипажа, пристегнутые ремнями безопасности, отделались синяками.

Лютер Саксон, нуль-транспортировщик, который сидел в кресле второго пилота – инженерное образование помогло ему быстро усвоить новую науку, – заработал синюю шишку на лбу, и только. «Кукарача» вышла из гиперпространства с толчком, от которого вся ее грузная старая туша затрещала по швам, а

атмосфера и гравитация Фриа стали последней каплей. Швы разошлись, одна из дюз отвалилась, и новые шрамы прочертили добела раскалившийся корпус.

Экипаж рвался «на берег», но на отдых не было времени. Хилтон сформировал рабочие бригады, сменяющие друг друга каждые шесть часов, и, как бы между прочим, сказал, что всякие вылазки в поселок Ласковый Свет запрещены. Он знал, что экипаж проигнорирует этот приказ. Невозможно удержать людей на борту, пока в близлежащем населенном пункте продают спиртное и даже кое-что более эффективное. Однако на Фриа было мало женщин, и Хилтон надеялся, что работнички не все разбегутся, «Кукарачу» отремонтируют и подготовят к выходу в космос до того, как закончится погрузка грибов.

Он знал, что Виггинс, второй помощник, сделает все возможное. Сам Хилтон вместе с капитаном отправился на поиски Кристи, местного торговца. Путь пролегал через Ласковый Свет, поселок, защищенный куполом от горячего, ослепительного, ярко сияющего здешнего солнца. Поселок был невелик, но ведь и на всей Фриа жили несколько сот человек. Люди прилетали и улетали с кораблями в соответствии с сезонами сбора урожая. «Если понадобится, – думал Хилтон, – можно будет напоить и завербовать кого-нибудь из этих бездельников. Хотя вряд ли кто-то из экипажа вздумает сбежать. Ведь им не видать своих денежек до возвращения в Солнечную систему».

Они нашли Кристи в его хижине из пластикоида – толстый, лысый, потный, он сидел и пускал клубы дыма из большой пенковой трубки. Торговец взглянул на них с некоторым испугом, но тут же смирился с визитом гостей и откинулся в кресле, взмахом руки предложив им сесть.

– Привет, Крис, – сказал Денверс. – Что новенького?

– Привет, капитан. Привет, Логгер. Хорошо долетели?

– Посадка вышла не очень мягкой, – ответил Хилтон.

– Да, слышал, слышал… Выпьете?

– Потом, – сказал Денверс, хотя глаза у него алчно загорелись. – Давай сначала покончим с делом. Груз готов?

Кристи погладил толстую лоснящуюся щеку:

– Ну… вы прилетели на пару недель раньше.

– У тебя же есть запас!

Торговец проворчал:

– Дело в том… послушайте, вы что, не получили моего сообщения? Нет, конечно, вы улетели раньше. Я послал его для тебя на «Голубые небеса» на прошлой неделе, капитан.

Хилтон и Денверс переглянулись.

– Похоже, у тебя для нас плохие новости, а, Крис? – спросил

Хилтон. – В чем дело?

Кристи, явно испытывая неловкость, ответил:

– Ничего не могу поделать. Вы не конкуренты для нультранспортировки. Они побили вас ценой. Полеты на «Кукараче» обходятся слишком дорого, одно топливо чего стоит. А транспортировщики монтируют свою станцию, платят за нее – и дело в шляпе. Остаются лишь расходы на энергию. Атомную, заметьте, а это сущие пустяки.

Лицо Денверса начало наливаться краской.

– Транспортировщики монтируют здесь станцию? – быстро спросил Хилтон.

– Ага. И я не могу помешать им. Будет готова через пару месяцев.

– Но зачем? Грибы того не стоят. Рынок не так уж велик. Ты блефуешь, Крис. Чего ты хочешь? Поднимаешь цену?

Кристи уставился на свою трубку:

– Нет. Помнишь, двенадцать лет назад здесь проверяли качество руды? На Фриа очень ценная руда, Логгер. Только ее нужно как следует обогатить, а иначе пришлось бы возить слишком много лишнего. Поэтому ее и не вывозят отсюда на кораблях. Ну еще и потому, что требуется специальное оборудование, оно тоже стоит немало. В общем, серьезная волынка.

Хилтон бросил взгляд на Денверса. Тот побагровел, но сидел с плотно сжатым ртом.

– Но… постой, Крис. А что транспортировщики-то с ней будут делать? Посылать необработанную руду на Землю через свои кабины?

– Я слышал, они собираются доставить сюда обогатительные агрегаты и запустить их прямо на Фриа. Для этого достаточно одного передатчика. Знаешь, транспортировочное поле можно расширить, и оно доставит практически все, что угодно. Черт, да таким образом можно перебросить целую планету, лишь бы хватило мощности! Они будут обогащать руду здесь и пересылать ее на Землю.

– Значит, им нужна руда, – негромко сказал Денверс. – Грибы им не нужны, я так понимаю?

Кристи покачал головой:

– Похоже, как раз наоборот. Они сделали мне предложение. Очень серьезное. Я не могу отказаться, и вы не в силах перебить цену, капитан. Ты не хуже меня это понимаешь. Тринадцать баксов за фунт.

Денверс фыркнул, Хилтон присвистнул.

– Нет, нам точно не потянуть, – сказал он. – Но откуда у них

такие деньги?

– Все дело в количестве. Они перебрасывают все через свои станции. Устанавливают по одному передатчику на планете, и дверь открывается прямо на Землю – или любое другое место, которое они укажут. Одна переброска много прибыли не принесет, но миллион… и они получают все, что захотят! Ну что я могу поделать, Логгер?

Хилтон пожал плечами. Капитан резко встал.

Кристи сказал, не сводя взгляда со своей трубки:

– Послушай, капитан, почему бы вам не попытать счастья на Орионе-два? Я слышал, там небывалый урожай смолы голубого дерева.

– Я слышал это месяц назад, – ответил Денверс. – Это много кто слышал. Так что сейчас там уже все вычистили. Кроме того, старушка не выдержит такого перелета. По возвращении в Систему нужно срочно ее отремонтировать, и капитально.

Последовала пауза. Кристи истекал потом, как никогда.

– Как насчет выпить? – предложил он. – Может, чего и надумаем.

– Я пока еще в состоянии сам платить за выпивку! – взорвался Денверс, повернулся и вышел.

– Черт, Логгер! – крикнул вслед Кристи. – Что я могу поделать?

– Это не твоя вина, Крис, – ответил Хилтон. – Увидимся позже, если не… Ладно, лучше я догоню капитана. Похоже, он отправился в Ласковый Свет.

Он последовал за Денверсом с таким ощущением, что все потеряно.

3

Два дня спустя капитан все еще был пьян. В Ласковом Свете царил полумрак. Хилтон вошел в большой прохладный ангар, где мощные вентиляторы гоняли горячий воздух, и, как обычно, нашел Денверса за дальним столиком со стаканом в руке. Капитан разговаривал с крошечным канопианцем, представителем деградировавшей расы, чей интеллект был не намного выше, чем у слабоумных людей. Канопианец был словно покрыт с ног до головы черным плюшем, на плюшевом же лице испуганно мерцали красные глазки. Перед ним тоже стоял стакан.

Хилтон подошел к парочке и окликнул капитана.

– Отвали! – рявкнул Денверс. – Не видишь – я разговариваю.

Хилтон в упор посмотрел на канопианца и резко ткнул в него

пальцем. Красноглазая тень подхватила свой стакан и быстро смылась. Хилтон сел.

– Мы готовы к старту, – сказал он.

Денверс посмотрел на него затуманенным взором:

– Ты мешаешь мне, мистер. Я занят.

– Купите ящик и продолжайте пьянствовать на борту, – сказал Хилтон. – Если мы не взлетим в ближайшее время, экипаж разбежится.

– Ну и пусть.

– Ладно. Тогда кто поведет «Кукарачу» на Землю?

– Если мы сейчас полетим на Землю, старушка доберется до нее, превратившись в груду хлама, – сердито бросил Денверс. – МТК не даст разрешения на новый полет без капитального ремонта.

– Вы можете занять денег.

– Ха!

В раздражении Хилтон шумно выдохнул:

– Вы достаточно протрезвели, чтобы воспринимать мои слова? Тогда слушайте. Я тут поговорил с Саксоном.

– Кто такой Саксон?

– Тот молодчик, которого мы напоили и обманом завербовали на Венере. Ну… инженер из нуль-транспортировщиков, – быстро заговорил Хилтон, не давая капитану вставить ни слова. – Это была ошибка. Ошибка вербовщиков и наша. Транспортировщики стоят за своих людей. Саксон нашел транспортировщиков на Фриа, и их управляющий нанес мне визит. У нас неприятности. Нам грозит тяжба. Но выход есть. В ближайшие несколько месяцев на Фриа не прибудет ни одного корабля, а нуль-транспортировщики закончат монтировать свою установку не раньше чем через два месяца. И похоже, у них нехватка инженеров. Если мы сможем быстро доставить Саксона на Венеру или на Землю, он не станет возникать и тяжбы не будет.

– Он, может, и не станет возникать. А их контора?

– Что они могут сделать, если Саксон не напишет жалобу? – Хилтон пожал плечами. – Для нас это единственный выход.

Денверс покрутил стакан в руках, усеянных коричневыми пятнами.

– Транспортировщик, – пробормотал он. – Ах ты… Ну хорошо, вернемся мы на Землю. И что потом? Так там и застрянем. – Из-под полуопущенных век он посмотрел на Хилтона. – В смысле, я застряну. Совсем забыл, что ты нас бросаешь.

– Я вас не бросаю. Просто не хочу загадывать наперед. В конце концов, что вам от меня надо?

– Да делай что хочешь. Сбеги со старушки. Я-то думал, ты человек глубокого космоса… – Денверс сплюнул.

– Я просто умею проигрывать, – сказал Хилтон. – Когда становится ясно, что противник намного сильнее, единственный благоразумный выбор – отказаться от боя, не дожидаясь нокаута. У вас инженерное образование. Вы тоже могли бы уйти к транспортировщикам.

На мгновение у него создалось впечатление, что капитан швырнет в него стакан. Потом Денверс обмяк в кресле и попытался выдавить улыбку:

– Каждому свое. Это правда.

– Ага. Ну… вы идете?

– Старушка готова к взлету? Ладно, я приду. Только сначала выпей со мной.

– У нас нет времени.

Денверс поднялся и с пьяным достоинством заявил:

– Не строй из себя начальника! Полет еще не закончен. Я сказал – пей! Это приказ.

– Ладно-ладно, – махнул рукой Хилтон. – Один глоток не повредит. И потом мы пойдем?

– Не сомневайся.

Хилтон проглотил спиртное, не распробовав вкуса. Слишком поздно он почувствовал жгучую боль на языке. И прежде чем он смог подняться, огромная полутемная комната сложилась над ним, точно зонтик. Он потерял сознание, с горечью осознав напоследок, что ему подмешали снотворное, словно какому-нибудь зеленому новичку. Но ведь капитан тоже пил эту дрянь?

Сны сбивали с толку. Он сражался с чем-то неизвестным. Иногда это нечто меняло форму, а иногда его вообще не было, но постоянно ощущалось таинственное присутствие чего-то огромного, ужасного и могущественного.

И сам он тоже менялся. Иногда он был тем парнем с широко распахнутыми глазами, что нанялся на «Звездного скакуна» двадцать пять лет назад и первый раз углубился в Большую Ночь. Потом он стал немного старше и на протяжении одинаково белых дней и ночей гиперпространства изучал сложные логарифмы, которые должен знать опытный пилот.

Казалось, он медленно, но верно продвигался к какой-то цели, но цель эта все время ускользала от него. Однако он не знал, что это за цель. С ней было связано ощущение удачи. Может, это и была удача. Однако все время было очень много однообразной механической работы. Бестелесный голос в Большой Ночи тоненько причитал:

– Твоя карта бита, Логгер. Тридцать лет назад у тебя было будущее, связанное с гиперкораблями. Теперь его нет. Идет новая волна. Уходи, или она накроет тебя с головой.

Красноглазая тень наклонилась над ним. Хилтон боролся со сном. Неуклюже вскинув руку, он оттолкнул поднесенный к его губам стакан. Канопианец издал пронзительный, резкий крик. Жидкость, которая была в стакане, собралась в воздухе в сияющий шар.

Стакан плавал… и канопианец тоже. Они были в гиперпространстве. Хилтона удерживали на койке легкие ремни, но это была его каюта. Голова кружилась, во всем теле ощущалась тупая слабость – как после приема наркотиков.

Канопианца ударило о стену и отшвырнуло обратно к Хилтону. Тот вырвался из удерживающих его ремней, выбросил вперед руку и вцепился в черный плюш. Канопианец полоснул Хилтона когтями, целясь в глаза.

– Капитан! – закричал Хилтон. – Капитан Денверс!

Боль пронзила до крови расцарапанную щеку. Хилтон взревел от ярости и заехал канопианцу в челюсть, но теперь оба плавали в невесомости, и удар не причинил вреда. Они сцепились в воздухе, канопианец пронзительно визжал.

Ручка двери дважды щелкнула. Снаружи послышался голос – голос Виггинса, второго помощника. Последовал глухой удар. Хилтон, все еще чувствуя слабость, неуверенными движениями отталкивал от себя канопианца.

Дверь с грохотом распахнулась, в каюту ворвался Виггинс.

– Дзенн! – закричал он. – Прекрати! – Он вытащил импульсный пистолет и прицелился в канопианца.

В дверях толпились люди. Хилтон увидел нуль-транспортировщика Саксона, удивленно разинувшего рот, и других членов экипажа, на чьих физиономиях застыло выражение недоумения. Потом за их спинами возникло напряженно вытянувшееся лицо капитана Денверса.

Канопианец забился в угол и испуганно мяукал.

– Что произошло, мистер Хилтон? – спросил Виггинс. – Этот кот напал на вас?

Только тут Хилтон осознал, что он в скафандре. Шлем был откинут назад, как у Виггинса и остальных. Хилтон вытащил из-за пояса грузик и отбросил его в сторону; реактивный момент оттолкнул первого помощника к стене, где он ухватился за скобу.

– Посадить зверюшку в карцер? – продолжал допытываться Виггинс.

– Порядок, парни, – сказал Денверс. – Я сам разберусь.

Он протиснулся в каюту, не обращая внимания на смущенные

и отчасти даже подозрительные взгляды команды.

– Дзенн! – сказал он. – Почему ты не в скафандре? Надень. Остальные… идите по своим местам. И ты тоже, мистер Виггинс. Я займусь этим делом.

Виггинс тем не менее колебался. И даже начал было что-то говорить, но Хилтон перебил его:

– Чего ты ждешь? Скажи Бруно, чтобы принес кофе. А теперь уходи.

Маневрируя, он добрался до койки и уселся на ней, краем глаза наблюдая, как Виггинс и остальные выходят. Канопианец нашел в углу скафандр и теперь неуклюже натягивал его.

Денверс тщательно закрыл дверь и убедился, что замок сломан.

– Нужно будет починить, – пробормотал он. – Непорядок на корабле.

Найдя подходящую скобу, он замер напротив первого помощника – взгляд холодный, внимательный, усталое лицо по-прежнему напряжено. Хилтон потянулся за сигаретой.

– В следующий раз, когда твой кот бросится на меня, я прожгу в нем дыру, – пообещал он.

– Я оставил его здесь присматривать за тобой, просто на всякий случай, – пояснил Денверс. – Чтобы было кому позаботиться о тебе, если мы потерпим аварию или вляпаемся в какую-нибудь другую неприятность. Я показал ему, как закрывать твой шлем и включать подачу кислорода.

– И ты рассчитывал, что слабоумный канопианец запомнит это? – спросил Хилтон. – А еще ты велел ему продолжать накачивать меня наркотиками. – Он потянулся к плавающему в воздухе блестящему шару, ткнул в него и облизнул палец, пробуя на вкус. – Так и есть. Вакхиш. Ты подмешал мне его в выпивку на Фриа. Давай колись, капитан. Что этот канопианец делает на борту?

– Я взял его на службу.

– В качестве кого? Суперкарго?[32]

– В качестве юнги, – ответил Денверс, не проявляя никаких эмоций и не сводя внимательного взгляда с Хилтона.

– Ну да. Что ты сказал Виггинсу? Обо мне, я имею в виду.

– Сказал, что ты под наркотой, – с усмешкой ответил Денверс. – Если уж на то пошло, так оно и было.

– Однако сейчас я в норме, – заявил Хилтон, и в его голосе зазвенел металл. – Ты собираешься рассказать мне, где мы? Учти, я ведь и сам могу узнать. Поговорю с Тс’сс, просмотрю карты. Мы на М – семьдесят пять – L?

– Нет. Мы на другом уровне.

– Который ведет куда?

Канопианец заверещал:

– Я не знаю названия. У нее нет названия. У нее есть двойное солнце.

– Ты с ума сошел! – накинулся Хилтон на капитана. – Мы летим к системе двойной звезды?

– Ага, – все еще усмехаясь, ответил Денверс. – Более того, мы собираемся приземлиться на планете, находящейся в тридцати тысячах миль от этих звезд… примерно.

Хилтон легко стукнул по иллюминатору, открывая его, и посмотрел на белую пустоту:

– Ближе, чем Меркурий к Солнцу. Это невозможно. Насколько велики светила?

Денверс ответил.

– Все ясно. Чистой воды самоубийство. Ты и сам понимаешь. «Кукарача» не справится.

– Старушка справится со всем, что может предложить Большая Ночь.

– Только не с этим. Не обманывай себя. Она может доставить нас на Землю – с приземлением на Луне, – но ты мчишься на верную гибель.

– Я еще помню, чему меня учили, – сказал Денверс. – Мы выйдем из гипера таким образом, что планета окажется между нами и солнцами. Притяжение поможет нам опуститься на поверхность.

– Ну да, в виде мелких осколков, – с иронией заметил Хилтон. – Зря ты держал меня под наркотой. Если будешь помалкивать, мы изменим курс, полетим к Земле и никто не пострадает. А затеешь что-нибудь – получишь мятеж, и я рискну обратиться в Адмиралтейство.

Капитан издал звук, больше всего напоминающий смешок.

– Ладно, – сказал он. – Пойди взгляни на карты. Если пожелаешь поговорить, я у себя в каюте. Пошли, Дзенн.

Подтягиваясь на руках, он двинулся к трапу. Канопианец неслышно, словно тень, заскользил следом.

Хилтон вышел за Денверсом и по дороге встретил Бруно с кофе. Промычав что-то невразумительное, первый помощник схватил закрытую чашку и втянул в себя жидкость со сноровкой, приобретенной долгой практикой пребывания в условиях невесомости. Бруно внимательно наблюдал за ним.

– Все в порядке, сэр? – спросил повар-врач.

– Конечно. А в чем дело?

– Ну… люди интересуются.

– Чем?

– Ну, как сказать, сэр… Вы никогда… вы всегда командовали взлетом, сэр. И этот канопианец… людям он не нравится. Они думают, тут что-то нечисто.

– Да неужели? – мрачно сказал Хилтон. – Они что, рассчитывают, что я приду и разрешу им валяться в постели, когда нужно заступать на ночную вахту? Они слишком много болтают, понятно?

Он хмуро посмотрел на Бруно и пошел дальше, к ходовой рубке. Несмотря на упоминание о мятеже в разговоре с капитаном, Хилтон был слишком опытным человеком, чтобы попустительствовать подобным настроениям, разве что в чрезвычайных обстоятельствах. Дисциплину необходимо поддерживать, даже несмотря на то, что Денверс, похоже, свихнулся.

Тс'сс и Саксон сидели за своими пультами. Селенит искоса взглянул на Хилтона, но бесстрастная маска под аудиофильтром не позволяла разглядеть выражение его лица. Однако Саксон резко крутанулся в кресле и возбужденно заговорил:

– Что произошло, мистер Хилтон? Какая-то путаница. По времени мы должны вот-вот сесть на Землю, но почему-то не садимся. Я не слишком разбираюсь во всех этих уравнениях и картах, а Тс'сс ничего мне не объясняет.

– Нечего объяснять, – сказал Тс'сс.

Протянув руку, Хилтон взял лежащую рядом с селенитом папку с расчетами и рассеянно сказал Саксону:

– Помолчи. Мне нужно сосредоточиться.

Какое-то время он изучал расчеты.

И обнаружил в них смертный приговор кораблю и экипажу.

4

Логгер Хилтон вошел в каюту капитана, прислонился к стене и выругался, негромко, но со вкусом. Когда он закончил, Денверс с усмешкой посмотрел на него.

– Ну что, усек? – спросил он.

Хилтон перевел взгляд на канопианца, который скорчился в углу, потихоньку расстегивая замки своего скафандра.

– Мои слова и тебя касаются, кошак, – заявил помощник капитана.

– Дзенну на это наплевать, – заявил Денверс. – У него хватает ума не обижаться на ругань. Да и меня, по правде говоря, тоже не волнует – пока я получаю то, что хочу. Все еще планируешь поднять мятеж и повернуть к Земле?

– Нет, уже нет, – ответил Хилтон и раздраженно, но терпеливо принялся перечислять доводы, загибая пальцы: – Нельзя перейти из одной гиперплоскости в другую, не выйдя сначала в нормальное пространство. А если мы выйдем в нормальное пространство, от удара «Кукарачу» может разорвать на куски. И мы в своих скафандрах будем плавать в пустоте, в тысяче миллионов миль от ближайшей планеты, поскольку сейчас, по-видимому, движемся вместе с быстрым гиперпотоком куда-то к краю Вселенной.

– Одна планета в пределах досягаемости есть, – сказал Денверс.

– Конечно. Та, которая на расстоянии тридцати тысяч миль от двойной звезды. И ничего больше.

– Ну? Думаешь, мы непременно разобьемся? Посадив корабль, мы сможем заняться ремонтом. Там есть все, что нам требуется. В глубоком космосе этого не сделаешь. Я понимаю, посадка будет нелегкой задачей. Но сейчас у нас нет выбора – или это, или ничего.

– И что потом?

– Этот канопианец Дзенн уже летал туда шесть лет назад, – начал объяснять Денверс. – На грузовом гиперкорабле. Рычаги управления у них заколодило, и старая калоша выскочила из гипера не там, где надо. Они вынуждены были сделать аварийную посадку. В общем, сесть куда придется… Ну и тут как раз им подвернулась планета, уже открытая и занесенная на карту, но на ней еще никто не бывал. Они там отремонтировались и вернулись на торговые маршруты. Однако был на борту один парень, землянин, который подружился с Дзенном. Очень изворотливый парень, и, сдается мне, он был замешан в махинациях с наркотиками. Немногие знают, как выглядит растущий парайн, но этот тип знал. Однако не сказал никому. Он взял образцы, намереваясь позже добыть денег, зафрахтовать корабль и слетать на эту планету за парайном. Однако в каком-то дешевом ресторане на Каллисто его пырнули ножом. Правда, умер он не сразу, и ему нравился Дзенн. Вот он и поделился своей тайной с Дзенном.

– С этим полоумным? – спросил Хилтон. – Разве он в состоянии запомнить курс?

– Это, пожалуй, единственное, что канопианцы в состоянии запомнить. Может, они и слабоумные, но математика – их конек. Талант у них такой.

– Неплохо устроился – сначала шатался без дела, выпивал за чужой счет, а потом еще и получил место на корабле, – заметил Хилтон.

– Нет. Он показал мне образцы. Я немного говорю на его языке, поэтому-то он и поделился со мной своим секретом там, на Фриа. Ладно, поехали дальше. Мы приземляемся на планету – у нее даже названия нет – и загружаем парайн. Ремонтируем старушку, если потребуется…

– Еще как потребуется!

– И летим обратно.

– На Землю?

– Думаю, на Луну. Меньше проблем с посадкой.

– Скажите пожалуйста, теперь вас беспокоит посадка, – с горечью сказал Хилтон. – Ну, думаю, меня все это больше не касается. Как уже было сказано, после полета я выхожу из дела. Сколько сейчас на рынке дают за парайн?

– Пятьдесят за фунт. В Медицинском центре.

– Большие деньги, – заметил первый помощник. – Вы сможете купить новый корабль, и еще останется немало, чтобы повеселиться.

– Ты получишь свою долю.

– Считайте, я уже уволился.

– Нет, полет еще не закончился, – сказал Денверс. – Ты первый помощник капитана на «Кукараче». – Он захихикал. – У человека глубокого космоса в рукаве всегда припрятаны козыри – а я был им дольше тебя.

– Это точно. Голова у вас работает. Но вы забыли о Саксоне. Теперь он подаст на нас в суд, и вся транспортная контора встанет за него стеной.

Денверс пожал плечами:

– Я что-нибудь придумаю. Хотя, вообще-то, это твоя обязанность. До выхода из гипера еще двести часов. Иди-ка поломай голову, мистер.

Он рассмеялся Хилтону вслед.

За двести часов много чего может случиться, и работа Хилтона состояла как раз в том, чтобы ничего не случилось. По счастью, его появление придало экипажу уверенности. Когда начальство ссорится, подчиненные склонны нарываться на неприятности. Однако теперь, когда Хилтон снова расхаживал по «Кукараче», выглядел уверенно и вел себя как обычно, даже второму помощнику Виггинсу стало спокойнее. Тем не менее все уже поняли, что летят не на Землю. Слишком много времени прошло.

Единственным, от кого следовало ожидать серьезных неприятностей, был Саксон, но и с ним Хилтон более-менее сумел разобраться. Хотя тут пришлось попотеть. Дело чуть не дошло до того, чтобы раскрыть карты, однако Хилтон был опытным

руководителем и в конце концов сумел задурить голову инженеру-транспортировщику. Отнюдь не удовлетворенный, но, безусловно, усмиренный, Саксон с ворчанием сдался.

– Я сделаю для тебя все, что смогу, Саксон, – убеждал его Хилтон. – Но мы сейчас в Большой Ночи. Ты не в цивилизованном пространстве. Не забывай, капитану известно, что ты человек транспортировочной конторы, а он вас терпеть не может. На гиперкорабле слово Старика закон. Поэтому – ради себя самого – следи за каждым своим шагом!

Саксон слегка побледнел, но смысл сказанного явно уловил и в дальнейшем старался не попадаться на глаза капитану.

Хилтон был занят тем, что проверял и перепроверял «Кукарачу». Никакой наружный ремонт в гиперпространстве невозможен из-за отсутствия гравитации и еще потому, что обычные физические законы здесь не действуют – к примеру, не срабатывают магнитные подошвы. Только внутри корабля было безопасно, хотя и эта безопасность была иллюзорной, поскольку сильные колебания при выходе в обычное пространство могли в считаные секунды разрушить «Кукарачу».

Хилтон задействовал Саксона. Не только потому, что первому помощнику требовалась помощь техника, но в первую очередь ради того, чтобы строптивый инженер был все время занят делом. В результате они вдвоем вкалывали как проклятые, проверяя все несущие конструкции корабля, чтобы те не подвели в случае повышенной нагрузки. Реакция на скручивание, давление, натяжение – все было изучено, проектные чертежи проанализированы, структурные дефекты металлических деталей выявлены с помощью рентгеновских лучей.

Кое-где обнаружились трещины и другие изъяны – в конце концов, «Кукарача» и в самом деле была старушкой, – но их оказалось меньше, чем Хилтон ожидал. Пришлось выломать несколько переборок и использовать как материал для увеличения прочности несущих конструкций.

Однако Хилтон понимал, и Саксон соглашался с ним, что этого недостаточно для смягчения неизбежного удара при посадке.

Существовал единственный выход – пожертвовать кормовой секцией корабля. Это можно было успеть сделать, хотя время катастрофически поджимало. Экипаж безжалостно срезáл балки с кормы, перетаскивал вперед и приваривал на новое место. Потом с помощью грубо сваренных герметичных переборок носовую часть корабля изолировали от кормовой и заполнили синтезированной водой, тоже с целью смягчения удара.

Денверсу, конечно, все происходящее не нравилось, но ему

пришлось смириться. В конце концов, Хилтон не мешал кораблю лететь прежним курсом, каким бы безумно дерзким ни был замысел капитана. Если «Кукарача» уцелеет, то лишь благодаря Хилтону. Однако капитан закрылся в своей каюте и хранил угрюмое молчание.

Незадолго до конца полета Хилтон и Тс'сс сидели вдвоем в машинном отделении, а Саксон, увлекшись работой, руководил последними действиями по повышению надежности корабля. Хилтон пытался вычислить нужный гиперпространственный уровень, который унесет их на Землю, после того как они загрузят парайн. Поставив точку в десятичной дроби не на то место, он вполголоса выругался.

Тс'сс засмеялся, и первый помощник резко повернулся к нему:

– Что тебя так позабавило?

– Ну, не то чтобы позабавило… – ответил селенит. – В любом большом деле должны быть такие люди, как капитан Денверс.

– О чем ты бормочешь, не пойму? – с любопытством спросил Хилтон.

Тс'сс пожал плечами:

– Я летаю на «Кукараче» потому, что здесь я могу заниматься делом и приносить пользу, а планет для селенитов больше нет. Мы утратили свой собственный мир, он умер много лет назад. Однако я еще помню древние традиции нашей империи. Традиция становится великой и живет долго лишь по одной причине – благодаря личностям, посвятившим себя ей. Без этого никакое величие невозможно. И именно поэтому гиперкорабли стали такой важной вехой в истории человечества. Были люди, которые жили и дышали гиперкораблями. Люди, которые поклонялись гиперкораблям, как богу. Боги уходят, но люди по-прежнему поклоняются старым алтарям. Есть личности, не способные измениться. Иначе они не были бы теми людьми, благодаря которым их боги обретают величие.

– Вероятно, для этого им требуется парайн? – ехидно спросил Хилтон.

У него раскалывалась голова, и меньше всего на свете ему сейчас хотелось искать оправдания для действия капитана.

– Нет, наркотический дурман тут ни при чем, – ответил Тс'сс. – Кстати, о рыцарских традициях. У нас был император Кейра, который сражался за…

– Я читал о Кейре, – перебил Хилтон. – Король Артур селенитов.

Тс'сс медленно закивал, не спуская взгляда огромных глаз с первого помощника:

– Вот именно. В свое время он был чрезвычайно полезным орудием, в силу безграничной преданности делу. Однако, когда его дело погибло, Кейре – как и Артуру – не оставалось ничего иного, как тоже умереть. Но, даже умирая, он продолжал верить в своего поверженного бога и служить ему. Капитан Денверс никогда не смирится с тем, что время гиперкораблей прошло. Он останется предан им до самой смерти. Такие люди придают величие любому делу… Но если они переживают свое дело, их судьба заслуживает сочувствия.

– Ну, я не настолько безумен, – проворчал Хилтон. – Я в эти игры больше не играю. В конце концов, пусть будет нуль-транспортировка или еще что-нибудь. Ты хороший специалист. Почему бы тебе после этого полета не уйти вместе со мной?

– Мне нравится Большая Ночь, – ответил Тс'сс. – И у меня нет своего мира… мира, где можно жить. Нет ничего, что… заставляло бы меня стремиться к успеху, мистер Хилтон. На «Кукараче» я могу делать то, что мне нравится. Однако за пределами этого корабля я быстро стану изгоем – ведь люди недолюбливают селенитов. Нас слишком мало, чтобы внушать уважение и вызывать дружеские чувства. Знаете, я ведь очень стар.

Хилтон удивленно посмотрел на селенита. Он не мог по внешнему виду определить возраст этого паукообразного существа. Однако селениты всегда безошибочно знали, сколько еще проживут, и могли точно предсказать момент своей смерти.

Ну, зато самому Хилтону до старости еще далеко. И он не помешан на гиперпространстве, как Денверс. Он не станет цепляться за изжившее себя ремесло. Ничто не заставит его остаться на гиперкорабле после этого полета – если, конечно, им удастся выкарабкаться.

Зазвенел сигнал. Внутри у Хилтона все похолодело, хотя он вот уже несколько часов ожидал этого мига. Он потянулся к микрофону:

– Всем постам! Застегнуть шлемы! Саксон, докладывай!

– Все работы завершены, мистер Хилтон, – произнес напряженный, но ровный голос Саксона.

– Тогда поднимайся сюда. Ты можешь нам понадобиться. Всем постам: будьте наготове! Пристегнитесь! Мы выходим.

И началось!

5

Без сомнения, она была очень выносliва, эта старая леди.

Она побывала на тысячах миров и пролетела в гиперпространстве несчетное количество миль. Она позаимствовала нечто у Большой Ночи, нечто более прочное, чем металлические крепления и сплавы, из которых была сделана. Назовем это душой, хотя, как известно, ни одна машина не имеет души. Однако с тех давних пор, как первое деревянное судно отчалило от берега и направилось в туманные морские просторы, люди знали, что у каждого корабля есть душа, которую он получает… неизвестно откуда.

«Кукарача» прыгала, словно блоха. Она становилась на дыбы, точно обезумевший конь. Распорки ломались и гнулись, трапы издавали странные потрескивания и стоны – когда металл уступал чудовищному, превосходящему его прочность напряжению. Двигатели пожирали слишком много энергии. Однако вопреки всему старушка справилась и, шатаясь, кренясь и ворча, каким-то образом ухитрилась не развалиться на части.

Качание туда-обратно создало мост между двумя типами пространства, и «Кукарача» дико запрыгала по этому мостику – поведение, неподобающее старой леди, которой, в ее-то почтенном возрасте, пристало степенно летать сквозь пустоту. Однако она была, прежде всего, гиперкораблем, а уж потом леди и сумела-таки проскочить в обычное пространство. Капитан все рассчитал правильно. Двойного солнца не было видно, поскольку его заслоняла единственная планета, но притяжение огромной двойной звезды, словно кулак невиданного великана, давило на «Кукарачу», неодолимо волоча ее вперед.

Удар был такой силы, что всех находящихся на борту оглушило. Того, что произошло дальше, не видел ни один человек, остались лишь автоматические записи показаний приборов.

Похоже было, что «Кукарача» врезалась в каменную стену, но даже это не остановило корабль, хотя замедлило скорость до безопасного минимума. «Кукарача» развернулась кормой вниз и рухнула на безымянную планету, доблестно стреляя из всех своих тормозных двигателей. Наполненные водой отсеки смягчили приземление, однако удар все равно был чудовищным. И все же «Кукарача» каким-то чудом не развалилась на части – должно быть, благодаря той таинственной своей составляющей, которая была надежнее любого металла и пластика.

Воздух с шипением вырывался в разреженную атмосферу. Корпус наполовину оплавился, то же самое произошло с большинством дюз. Нос почти что сплющило в лепешку.

И тем не менее «Кукарача» все еще оставалась кораблем.

Погрузка прошла скучно и буднично. Люди в экипаже

повидали так много планет, что не уделили особого внимания еще одной. Воздух здесь оказался непригоден для дыхания, поэтому экипаж работал в скафандрах. Без них обходились лишь три человека – они пострадали при посадке и теперь лежали в лазарете, в одном из герметически закрытых помещений. Старушка тоже была больна, и на этой планете ей можно было оказать лишь первую помощь.

Сам Денверс руководил ремонтными работами – в конце концов, «Кукарача» была его кораблем. Половина экипажа деятельно трудилась над оплавившимися, практически спаявшимися дюзами, ремонтировала аварийные системы – в общем, делала все возможное, чтобы подготовить судно к полету. Денверс позволил Саксону, как знающему инженеру, быть неофициальным прорабом, хотя каждый раз, когда он сталкивался с транспортировщиком, в глазах капитана появлялся лед.

Что касается Хилтона, он вместе со второй половиной экипажа собирал урожай парайна. Они использовали вакуумные уборочные машины и длинные гибкие транспортеры, доставляющие груз в трюм «Кукарачи»; понадобилось две недели упорного труда, чтобы полностью загрузить судно. К этому времени ремонтные работы тоже были завершены, и Денверс уже проложил курс на Силенус.

Хилтон сидел в машинном отделении вместе с Тс'сс и Саксоном. Он открыл грузовой отсек, заглянул туда и снова закрыл его.

– Капитан не передумал, – сказал он. – Мы летим на Силенус. Я никогда там не был.

– А я был, – откликнулся Тс'сс. – Как-нибудь расскажу при случае.

Саксон сердито фыркнул:

– Тогда ты знаешь, какая там гравитация, Тс'сс. Я там тоже не был, но заглянул в справочники. Силенус окружают в основном планеты-гиганты, и выйти из гиперпространства в обычное в плоскости эклиптики невозможно, потому что ее там просто нет. Это безумие. Прокладывая курс к Силенусу, нужно учитывать гравитацию дюжины хаотически разбросанных планет, да и о притяжении звезды забывать не следует. Вы же понимаете, мистер Хилтон, «Кукарача» этого не выдержит.

– Понимаю, – ответил Хилтон. – Удача и без того слишком долго улыбалась нам, и, конечно, снова искушать ее не следует. Еще одна попытка может стоить нам жизни. Корабль просто развалится на части. Однако капитан в это не верит.

– Он не в своем уме, – сказал Саксон. – Мне известны

пределы прочности любой машины – их можно рассчитать математически, а этот корабль всего лишь машина. Или вы согласны с капитаном Денверсом? Может, вы тоже воображаете, что «Кукарача» живая?

Саксон явно и думать забыл о дисциплине, но Хилтон понимал, в каком напряжении пребывает сейчас вся команда.

– Нет, это, конечно, машина. И мы оба знаем, что уже пришлось выдержать кораблю. Если мы пойдем на Силенус, то… – Он сделал жест, показывающий, что им всем крышка.

– Капитан Денверс говорит: «Идем на Силенус», – пробормотал Тс'сс. – Не бунт же нам поднимать, мистер Хилтон?

– Можно сделать кое-что получше, – ответил Хилтон. – Уйти в гиперпространство, промчаться с потоком и снова вынырнуть. Но где, вот вопрос? Любая планета или солнце с достаточно мощной гравитацией раздавит нас. Проблема в том, что для капитального ремонта «Кукараче» нужно попасть поближе к цивилизации. Если мы срочно не сделаем ремонт, нам конец. По-моему, существует единственный выход, Саксон. Сесть на астероид.

– Почему?

– Потому что это нам по силам. Гравитация там самая незначительная. Мы, правда, не сможем радировать о помощи, поскольку для того, чтобы сигнал дошел куда-нибудь, понадобятся годы. Только гиперпространство способно перенести нас достаточно быстро. Кстати… на астероидах есть нуль-транспортировочные станции?

Саксон открыл рот… и снова закрыл.

– Да. Есть одна в системе Ригеля. Далеко от солнца. Но капитан Денверс ни за что не согласится.

Хилтон снова открыл грузовой отсек. Оттуда повалил серый дым.

– Это парайн, – сказал он. – Вентилятор загоняет дым в каюту капитана. Капитан Денверс будет плавать в волнах нирваны до самой посадки на астероид в системе Ригеля, Саксон.

Последовала короткая пауза. Хилтон вдруг стукнул кулаком по пульту:

– Давай рассчитаем курс. Чем скорее мы доберемся до Ригеля, тем скорее вернемся на Землю… через нуль-транспортировочную станцию.

Как ни странно, именно Саксон заколебался:

– Мистер Хилтон, погодите минуточку. Транспортировщики… я знаю, ведь я работал на них… они очень крутые ребята. Ну, в смысле, деловые. Чтобы воспользоваться их передатчиком, вам придется выложить изрядную сумму.

– Но ведь они в состоянии транспортировать целый

гиперкорабль? Или он слишком велик для переброски?

– Нет, они могут расширить поле до огромных размеров. Я не то имею в виду. Я хочу сказать, они потребуют оплаты и вытянут из вас все, что можно. Вам придется отдать им по меньшей мере половину груза.

– Оставшегося все равно хватит, чтобы оплатить капитальный ремонт.

– Да, но еще они наверняка захотят узнать, где вы нашли парайн. И поскольку деваться вам некуда, вы в конце концов все им выложите. А это будет означать, что очень скоро прямо там, на той планете, где мы были, появится нуль-транспортировочная станция.

– Думаю, так оно и будет. – Хилтон пожал плечами. – Но старушка снова сможет летать. Когда капитан увидит ее после капитального ремонта, он поймет, что это был единственный выход. Поэтому давай-ка займемся делом.

– Напомните мне рассказать вам о Силенусе, – сказал Тс'сс.

Лунная ремонтная станция поражала своими размерами. Кратер был накрыт прозрачным куполом, а под ним на специальных опорах покоились гиперкорабли. Они прилетают сюда разбитыми, поломанными, а уходят чистыми, гладкими, сильными – готовыми к новому полету в Большую Ночь. «Кукарача» тоже была здесь: не скрипящая развалина, какой она приземлилась на астероид Ригеля, но восхитительная леди, блестящая и прекрасная. Высоко над ней, прислонившись к перилам, стояли Денверс и Хилтон.

– Она готова к полету, – лениво протянул Хилтон. – И выглядит неплохо.

– Не благодаря тебе, мистер.

– Тьфу! Если бы я вас не одурманил, мы бы сейчас были уже покойниками, а «Кукарача» плавала бы в космосе в виде скопления обломков. А теперь только гляньте на нее.

– Да… Ну, она и впрямь выглядит хорошо. Однако больше ей не возить парайн. Это была моя золотая жила. Если бы ты не назвал транспортировщикам координаты планеты, все досталось бы нам. – Денверс состроил гримасу. – Теперь они оборудуют там станцию, и никакие гиперкорабли им не соперники.

– В Галактике много миров.

– Конечно. Конечно. – Глаза Денверса вспыхнули, и он опустил взгляд.

– Куда вы полетите теперь, капитан?

– Что тебе за дело? Ты же согласился работать на транспортировщиков, верно?

– Еще бы! Я встречаюсь с Саксоном через пять минут. Мы собираемся подписать контракты. Хватит с меня глубокого космоса. И все же… куда вы собираетесь?

– Не знаю, – ответил Денверс. – Может, полетаю вокруг Арктура и посмотрю, не подвернется ли что-нибудь…

Долгое время Хилтон молчал. Потом он заговорил, не глядя на капитана:

– Вы, случайно, не собираетесь сделать остановку на Канисе?

– Смотри, как бы тебе не опоздать, – вместо ответа сказал Денверс.

Хилтон перевел взгляд на огромный гиперкорабль внизу:

– Старушка всегда была хорошим, честным судном. Никогда не преступала пределы дозволенного. Всегда летала верным курсом. Это будет очень скверно – если она станет возить рабов с Арктура на рынок на Канисе. Конечно, это незаконно, но я хочу сказать другое. Это отвратительное, грязное дело.

– Я не спрашиваю у тебя совета, мистер! – вспыхнул Денверс. – Никто не собирается перевозить рабов!

– Надо полагать, вы и парайн разгружать на Силенусе не собирались? Вы могли получить за него хорошую цену в Медицинском центре, но наркоторговцы на Силенусе заплатили бы в шесть раз больше. Да, Тс'сс рассказал мне. Он бывал на Силенусе.

– Да заткнись ты! – буркнул Денверс.

Хилтон откинул голову и бросил взгляд вверх, в бескрайнюю тьму:

– Даже проигрывая сражение, лучше драться честно. Знаете, чем это может закончиться?

Денверс тоже поднял взгляд и, по-видимому, увидел в пустоте нечто такое, что ему не понравилось.

– Что мы можем противопоставить транспортировщикам? – вопросил он. – Нужно же как-то зарабатывать.

– Есть легкий, но грязный путь, и есть честный, но трудный путь. У старушки прекрасный послужной список.

– Ты не человек глубокого космоса. И никогда им не был. Убирайся! Мне нужно собрать экипаж!

– Послушайте… – начал Хилтон, но вдруг оборвал себя. – А, черт с вами! Я ухожу.

Он повернулся и пошел прочь по длинному стальному коридору.

Тс'сс и Саксон пили виски с содовой в «Полумесяце». Через окно им был виден крытый ход, который вел к ремонтной станции, и за ним скалы на краю кратера, темными силуэтами

вырисовывающиеся на фоне усеянной звездами тьмы. Саксон взглянул на часы.

– Он не придет, – сказал Тс'сс.

Саксон нетерпеливо передернул плечами:

– Нет. Ты ошибаешься. Конечно, мне понятно твое желание остаться на «Кукараче».

– Да, я стар. Это единственная причина.

– Но Хилтон-то молод. И он умница. Его ждет большое будущее. Вся эта пустая болтовня о необходимости цепляться за идеалы… Может, для капитана Денверса такое и сгодится, но не для Хилтона. Он не влюблен в гиперкорабли.

Тс'сс медленно поворачивал в своих странных пальцах бокал.

– Знаешь, ты кое в чем ошибаешься, Саксон. Я не буду больше летать на «Кукараче».

Саксон пристально посмотрел на него:

– Но я думал… Почему?

– Я умру в пределах тысячи земных часов, – ответил Тс'сс. – Когда придет время, я спущусь в пещеры селенитов. Немногим известно об их существовании, и лишь некоторые из нас знают тайные пещеры, святые для нашей расы места. Но я знаю. Я пойду туда, чтобы встретить смерть, Саксон. Это сильнее меня – я должен умереть в своем собственном мире. Что касается капитана Денверса, он останется верен своему делу – как наш император Кейра и как ваш король Артур. Своим величием гиперкорабли обязаны людям, подобным капитану Денверсу. Теперь само дело мертво, но люди, которые придавали ему величие, не могут ему изменить. Иначе их корабли никогда не летали бы по всей Галактике. Поэтому Денверс останется на «Кукараче». А Хилтон…

– Он не фанатик! Он не останется. С какой стати?

– Наши легенды гласят, что император Кейра потерпел поражение, а его империя была разрушена, – сказал Тс'сс. – Но он продолжал сражаться. И рядом с ним оставался лишь один, хотя он не верил в дело Кейры. Селенит по имени Джейлира. В ваших легендах был, кажется, сэр Ланселот? Он не верил в дело Артура, но был ему другом и потому оставался рядом. Да, Саксон, есть фанатики, сражающиеся за то, во что верят, – однако есть и другие, не верящие и сражающиеся во имя того, что кому-то может показаться гораздо менее значительным, сущим пустяком. Во имя того, что называют дружбой.

Саксон засмеялся и кивнул на окно.

– Ты ошибся, Тс'сс! – победоносно воскликнул он. – Хилтон не дурак. Вон он идет.

В окно была хорошо видна высокая фигура Хилтона. Он прошел мимо окна и исчез из поля зрения. Саксон повернулся к

двери.

Последовала пауза.

– А может, не такой уж это и пустяк, – продолжал Тс'сс. – Поскольку все проходит – и империя селенитов, и королевский двор Артура, и гиперкорабли. В итоге Большая Ночь забирает все. Но так уж заведено с начала времен… Что это? – На этот раз Тс'сс указал на окно.

Саксон наклонился вперед, чтобы лучше видеть, и под некоторым углом смог разглядеть Хилтона, неподвижно застывшего на ступенях. Проходившие мимо толкали его, но он ничего не замечал. Хилтон думал.

Саксон и селенит увидели выражение неуверенности на его лице. Потом его лицо внезапно прояснилось. Хилтон криво улыбнулся. Наконец-то он разобрался с самим собой. Он повернулся и быстро зашагал туда, откуда пришел.

Саксон не сводил взгляда с широкой спины, удаляющейся в направлении ремонтной станции, где ждали Денверс и «Кукарача». Хилтон возвращался в то место, которого никогда по-настоящему не покидал.

– Сумасшедший! Идиот! – воскликнул Саксон. – Нет, это просто немыслимо! Никто не отказывается от работы у транспортировщиков!

Тс'сс наградил его мудрым, невозмутимым взглядом.

– Ты веришь в это, – сказал он. – Нуль-транспортировка много значит для тебя. Нуль-транспортировка нуждается в таких людях, как ты, – чтобы расти и развиваться, чтобы обрести величие. Тебе повезло, Саксон. Ты на гребне волны. Пройдет сто лет – ну, может, двести, – и ты окажешься в положении Хилтона. Тогда ты поймешь.

Саксон удивленно посмотрел на него:

– Что ты имеешь в виду?

– Нуль-транспортировка сейчас набирает силу, – мягко ответил Тс'сс. – Она станет по-настоящему великой – благодаря таким людям, как ты. Но и для нее тоже когда-нибудь настанет конец.

Он пожал плечами, глядя нечеловеческими фасеточными глазами на мерцающие над краем кратера точки света, которые, пусть и недолгое время, отчаянно противостояли Большой Ночи.

Только не смотрите!

Человек в коричневом костюме задумчиво разглядывал себя, отражающегося в зеркале позади барной стойки. Казалось, собственное отражение интересовало его даже больше, чем стакан со спиртным в руке. И на попытки Лимана завязать разговор человек в коричневом практически не обращал внимания. Разглядывание собственного отражения продолжалось минут, наверное, пятнадцать, после чего человек поднял стакан и сделал большой глоток.

– Только не смотрите! Только не смотрите туда! – вдруг воскликнул Лиман.

Человек в коричневом перевел взгляд на Лимана, поднял стакан повыше и сделал новый глоток. Кубики льда проскользнули ему в рот. Он поставил стакан на красно-коричневую деревянную стойку и сделал знак снова наполнить его. В конце концов человек глубоко вздохнул и повернулся к Лиману.

– Не смотреть куда? – спросил он.

– Один сидел прямо рядом с вами, – пробормотал Лиман, прищуривая уже порядком остекленевшие глаза. – Он только что вышел. Но вы, наверное, не видели его, да?

Расплатившись за выпивку, «коричневый» человек пожал плечами:

– Не видел кого? – В его голосе смешались скука, неприязнь и невольный интерес. – Вышел кто?

– О чем я рассказывал вам последние десять минут? Вы что, не слушали?

– Нет, ну почему же. Конечно слушал. Вы рассказывали о… ваннах. И о радиоприемниках. И об Орсоне Уэллсе…

– Не об Орсоне. А о Г. Д. Уэллсе. О Герберте Джордже. Орсон просто всех разыграл. А Г. Д. *знал* – ну или подозревал. Интересно, как он догадался? Чисто интуитивно? Никаких доказательств он, конечно, не имел… но вдруг раз! – и перестал писать научную фантастику! Нет, могу поспорить, он знал.

– Знал что?

– О марсианах. Да стоит ли распинаться, вы меня все равно не слушаете! Все будет только хуже. Весь фокус в том, чтобы не сыграть в ящик и… раздобыть доказательства. Убедительные доказательства. До сих пор это ни у кого не вышло. Вы ведь репортер, не так ли?

Человек в коричневом неохотно кивнул.

– Тогда вы просто обязаны изложить все это на бумаге. Я

хочу, чтобы все знали. Весь мир. Это важно. Ужасно важно. Это объясняет все. Моя жизнь в опасности, и единственный выход – распространить те сведения, которыми я владею, и заставить людей поверить.

– А почему ваша жизнь в опасности?

– Из-за марсиан, глупый вы человек. Они захватили наш мир.

«Коричневый» вздохнул.

– Стало быть, и моя газета тоже им принадлежит, – возразил он. – А значит, я вряд ли смогу напечатать то, что придется им не по вкусу.

– Об этом я как-то не подумал. – Лиман уставился на дно своего стакана, где два ледяных кубика образовали крепко спаянную парочку. – Хотя они не всемогущи. Уверен, у них есть уязвимые точки, иначе зачем бы им прятаться? Они боятся быть обнаруженными. И если наша планета получит убедительные доказательства… Слушайте, люди всегда верили написанному в газетах. Не могли бы вы…

– Ха! – многозначительно воскликнул «коричневый».

Лиман грустно забарабанил пальцами по стойке и пробормотал:

– Но ведь должен быть выход… Может, если я еще выпью…

Человек в коричневом сделал новый глоток, и это, похоже, несколько способствовало его интересу.

– Значит, марсиане, да? – спросил он. – А ну-ка, расскажите все еще раз, с самого начала. Вы хоть помните, что говорили?

– Конечно помню. Я практически ничего не забываю. Это для меня в новинку. Необычно как-то. Раньше со мной такого не было. К примеру, я слово в слово могу повторить свой последний разговор с марсианами, – гордо сообщил Лиман и бросил на «коричневого» победоносный взгляд.

– И когда же вы с ними беседовали?

– Сегодня утром.

– А я помню практически все, о чем говорил на прошлой неделе, – мягко заметил человек в коричневом. – И что с того?

– Вы не понимаете. Они заставляют нас забывать, вот в чем дело! Они отдают нам приказы, а потом мы забываем этот разговор – постгипнотическое внушение, так это, кажется, называется. Так или иначе, все их приказы мы выполняем. Мы действуем под принуждением, хотя думаем, что сами принимаем решения. Поверьте, они и в самом деле владеют миром, но об этом не знает никто, кроме меня.

– И как же вам удалось раскрыть их заговор?

– Ну, у меня что-то произошло с головой. Я возился с ультразвуковыми разрыхлителями, пытаясь изобрести хоть что-

то, что можно продать, но придуманное мной устройство сработало неправильно… с некоторой точки зрения. В общем, оно принялось испускать высокочастотные волны. Они снова и снова проходили через меня. По идее, я не должен был их слышать, но я не только слышал, но и… даже видел. Вот что я имею в виду, когда говорю, что у меня что-то произошло с головой. И после случившегося я стал видеть и слышать марсиан. С обычными мозгами у них все тип-топ, но у меня-то мозги необычные! И гипнотизировать меня марсиане тоже не могут. Они могут попытаться что-нибудь приказать мне, но я вовсе не обязан им повиноваться. В смысле, теперь. Надеюсь, они об этом не догадываются, хотя кто их знает. Нет, скорее всего, догадываются.

– С чего вы взяли?

– Я сужу по тому, как они на меня смотрят.

– А как они на вас смотрят? – Человек в коричневом потянулся за карандашом, но потом передумал и вместо этого сделал еще глоток из своего стакана. – И кстати, как вообще они выглядят?

– Я не совсем уверен… Понимаете, я могу отличить марсианина от обычного человека, но только когда этот марсианин замаскирован.

– Ну хорошо, хорошо, – терпеливо произнес «коричневый». – И как же выглядит замаскировавшийся марсианин?

– Как и любой другой человек. Почти. Просто они маскируются в… человеческую кожу. Ненастоящую, разумеется, это все имитация. Но когда марсианин снимает свое обличье… не знаю. Я пока незамаскированных марсиан не видел. Может, они становятся невидимыми даже для меня или маскируются под кого-нибудь еще. Под муравьев, сов, крыс, летучих мышей…

– В общем, под кого угодно, – торопливо закончил «коричневый».

– Да, спасибо. В общем, под кого угодно. Но когда марсиане притворяются людьми… навроде того типа, который недавно сидел рядом с вами, ну, когда я еще попросил вас не смотреть…

– Вы говорите о невидимке, которого я не видел?

– В том-то все и дело! Бóльшую часть времени они невидимы! Их никто не видит. Но иногда по какой-то причине они…

– Постойте, – запротестовал «коричневый». – Где тут смысл? Вы утверждаете, что они маскируются в человеческую кожу – и в то же время они для нас невидимы?

– Их имитация человеческой кожи очень хороша. Никто не отличит подделку. Марсиан выдает только третий глаз. Когда он закрыт, вы в жизни ничего не заподозрите и я, кстати, тоже. Ну, человек и человек… Зато когда они его открывают – хлоп! –

марсиане становятся невидимками! Мгновенно! Самыми настоящими невидимками – но не для меня. Если я вижу кого-то с третьим глазом посреди лба, то знаю: это марсианин и для остальных людей он невидим. И притворяюсь, будто тоже не замечаю его.

– Ха! – хмыкнул «коричневый». – Так можно договориться до того, что я один из ваших видимых-невидимых марсиан.

– Ох, надеюсь, что нет! – с тревогой воскликнул Лиман. – Я, конечно, выпил, но все равно мне так не кажется. Я ходил за вами по пятам целый день – чтобы убедиться. Конечно, всегда есть определенный риск. Марсианин способен выдавать себя за обычного человека очень долго – вообще сколько угодно! Подобным образом они ловят таких, как я. И я это понимаю. На самом деле я никому не должен доверять. Но мне нужно найти хоть кого-то, чтобы все рассказать и… – Последовала короткая пауза. – А может, я ошибаюсь. Когда третий глаз закрыт, ни в жизнь не определишь, марсианин перед тобой или нет. Вы не могли бы открыть для меня свой третий глаз? – Лиман упер мутный взор в лоб «коричневого».

– Извините, – пожал плечами тот. – Как-нибудь в другой раз. Ведь мы еще так мало знакомы. Ну что ж… Подытоживаю. Вы хотите, чтобы я написал об этом статью? Но почему бы вам не обратиться непосредственно к главному редактору? Ведь мою статью могут засунуть в долгий ящик или вообще выкинуть в корзину.

– Я хочу сообщить свою тайну миру, – упрямо сказал Лиман. – Вопрос в том, как далеко я успею зайти. Вполне вероятно, что марсиане убьют меня в тот же миг, как я открою рот… Поэтому, когда они рядом, я держу этот самый рот на замке. Знаете, по-моему, они не воспринимают нас всерьез. Похоже, они на Земле давным-давно, с самого рассвета истории, и со временем утратили осторожность. Они позволили Чарльзу Форту зайти очень далеко, прежде чем сломили его. Но заметьте, у них хватило предусмотрительности не дать Форту ни единого доказательства, которое смогло бы убедить обычных людей.

Человек в коричневом пробормотал себе под нос, что, дескать, неплохая получается история для «ящика».

– А чем вообще марсиане занимаются? – спросил он. – Кроме того что наряжаются в человеческую кожу и шатаются по барам?

– До конца я еще не разобрался, – тут же ответил Лиман. – Очень трудно связать все воедино. Разумеется, они правят миром, это неоспоримый факт, но зачем? – Наморщив брови, он умоляюще посмотрел на «коричневого». – Зачем?

– Ну, если они действительно правят миром, то наверняка

как-то объясняют себе это.

– Вот-вот, вы буквально перехватили мою мысль. С их точки зрения, это логично и нужно, а с нашей – тут нет никакого смысла. Мы-то сплошь и рядом поступаем нелогично, но только потому, что они нам так велят. Все, что мы делаем, ну почти все, совершенно нелогично. Эдгар Аллан По, «Демон извращенности». Демон – он же мистер Марсианин. В переносном смысле, конечно. Психологи приведут вам тысячи объяснений, почему убийцу так тянет признаться в собственных преступлениях, но все равно его реакция нелогична. Если только марсианин не приказал ему сделать это.

– Даже под гипнозом человека нельзя принудить совершить насильственные действия, противоречащие его моральным нормам, – победоносно объявил «коричневый».

Лиман нахмурился:

– Да, если гипнотизирует тоже человек, а не марсианин. Думаю, они взяли над нами верх еще тогда, когда мы находились на уровне обезьян, но на этом марсиане не успокоились, о нет! Они развивались вместе с нами, все время буквально на шаг нас опережая. Знаете, это как с воробьем, что устроился на спине у орла. Воробей сидит себе спокойненько и ждет, пока орел не достигнет своего «потолка», а потом вспархивает чуть выше и ставит рекорд высоты. Некогда марсиане захватили наш мир, но этого никто так и не понял. Марсиане с давних пор правят нами.

– Гм…

– Возьмите хотя бы дома, к примеру. Они такие неудобные, безобразные, грязные. Куда ни ткнись, все в них не так. Затем появляется какой-нибудь Фрэнк Ллойд Райт с новой, куда лучшей идеей, и вы только гляньте, как реагируют люди! Встречают это новаторство в штыки! А почему? Им марсиане так приказали.

– Послушайте, какое дело марсианам до того, в каких домах мы живем? Ну-ка, объясните мне это.

Лиман нахмурился.

– Мне не нравится нотка скептицизма, которая то и дело проскальзывает в нашем разговоре, – заявил он. – Марсианам есть дело, не сомневайтесь. Потому что они *тоже* живут в наших домах. Мы строим дома не для своих удобств, а по приказу марсиан и так, как *они* хотят. Что бы мы ни делали, их это очень даже волнует. И чем меньше смысла в наших поступках, тем больше заинтересованность марсиан в той или иной теме. Возьмем хотя бы войны. С человеческой точки зрения, война абсолютно бессмысленна. Ну кто из людей хочет воевать? И тем не менее мы постоянно ведем войны. А вот с точки зрения марсиан, войны весьма полезны. Они двигают вперед технологии,

устраняют избыток населения. Есть множество и других соображений. Колонизация, к примеру. Однако прежде всего технологии. Допустим, в мирное время кто-то изобретает реактивный двигатель. И что? Коммерсанты все отказываются – мол, слишком дорого, и изобретение пылится себе на полке. Зато в *военное* время этот двигатель очень быстро доведут до ума, и марсиане смогут использовать его, как им вздумается. Для них мы все равно что инструменты или… дополнительные конечности. И в наших войнах нет победителей – кроме марсиан.

Человек в коричневом костюме усмехнулся:

– А знаете, тут присутствует некоторый смысл. Наверное, приятная штука – быть марсианином.

– Еще бы! До сих пор ни один завоеватель не мог похвастаться столь успешными результатами. Побежденный народ всегда мог взбунтоваться или постепенно поглотить расу победителей. Если вы знаете, что вас завоевали, стало быть завоеватель уязвим. Но если мир этого не знает, а он этого не знает… Или возьмем то же радио! – вдруг воскликнул Лиман, резко меняя тему. – Ну зачем нормальному человеку слушать радио? По земным понятиям этому нет никаких разумных объяснений. Кроме одного. Марсиане заставляют нас его слушать! Радио им нравится. Или ванны, к примеру. Все согласятся: ванны абсолютно несуразны и неудобны. Но только для нас, зато для марсиан они подходят идеально. Существует множество крайне непрактичных вещей, которые мы упорно продолжаем использовать, хотя сами прекрасно понимаем, насколько они непрактичны…

– Эти дурацкие ленты в пишущих машинках! – неожиданно воскликнул «коричневый», как будто вспомнил о чем-то наболевшем. – Хотя нет, вряд ли. Не могу себе представить, чтобы кто-то, пусть даже марсианин, получал удовольствие, измазавшись по уши в черной краске.

Но сочувствия собеседника он так и не добился. Лиман продолжал говорить. Как выяснилось из следующего его заявления, теперь он знал о марсианах все, за исключением одного – их психологии.

– Я понятия не имею, зачем они делают то, что делают. Их поступки зачастую выглядят нелогично, но меня не покидает ощущение, что у поведения марсиан есть разумные мотивы. И пока я не разобрался в их мотивах, я в тупике. Ну разве что раздобуду какое-нибудь доказательство, веское доказательство. Тогда я смогу убедить хоть кого-то, заручусь помощью… Но до тех пор я вынужден таиться. Делаю, что мне велят, чтобы не вызывать подозрений, и притворяюсь, будто послушно забываю

то, что мне приказывают забыть.

– Ну, тогда вам не о чем особенно беспокоиться.

Однако Лиман пропустил его слова мимо ушей, снова начав перечислять собственные злосчастья:

– Когда я слышу, как в ванне льется вода и как марсианин там плещется, то делаю вид, будто ничего не происходит. Кровать у меня слишком короткая, и на прошлой неделе я попытался было заказать себе новую, но марсианин, который спит в моей кровати, запретил мне это. Он коротышка, как и большинство из них. То есть я думаю, что все марсиане маленького роста. Разумеется, это чистой воды допущение, поскольку я никогда не видел марсиан без маскировки. Тут остается лишь гадать. Кстати, а как насчет вашего марсианина?

Человек в коричневом костюме резко поставил стакан на стойку:

– Моего марсианина?

– Послушайте. Я, может, и пьян слегка, но с логикой у меня все нормально. Я еще могу сложить два и два. Либо вам известно о марсианах, либо нет. Может, хватит притворяться? Какой такой мой марсианин?.. Вы бы давным-давно сбежали от меня. Я знаю, что у вас есть марсианин. Ваш марсианин знает, что у вас есть марсианин. Мой марсианин это знает. Вопрос в том, знаете ли об этом вы? Прежде чем отвечать, подумайте хорошенько.

– Нет у меня никакого марсианина, – буркнул репортер и быстро сделал глоток, стукнув краем стакана о зубы.

– Нервничаете, я понимаю… – кивнул Лиман. – Конечно, у вас *есть* марсианин. И полагаю, вам об этом известно.

– Да сдался мне этот ваш марсианин! – упорно гнул свою линию «коричневый».

– Это не он вам сдался, а вы – ему. Вообще, мне кажется, у каждого человека есть свой марсианин. Человек без марсианина – это незаконно. Наверное, неомарсианенных людей и не осталось уже. А если вдруг оказывается, что марсианина у вас нет, вас тут же хватают и упекают в какое-нибудь надежное местечко, пока не выяснят, куда подевался ваш хозяин. Так что отпираться бессмысленно. У вас есть свой марсианин. Как и у меня. Как и у него, и у него… и у бармена. – Лиман принялся тыкать пальцем в присутствующих в баре людей.

– Ну хорошо. Вы меня убедили, – устало сказал «коричневый». – Однако завтра утром все марсиане вернутся на Марс, а вам, быть может, имеет смысл поискать хорошего доктора. Вас угостить?

Он повернулся к бармену, и именно в этот момент Лиман быстро наклонился к нему и настойчиво прошептал:

– Только не смотрите туда!

«Коричневый» перевел взгляд на отразившееся в зеркале побелевшее лицо Лимана.

– Все нормально, – сказал он. – Нет тут никаких мар…

Лиман с силой пнул его ногой под краем стойки:

– Молчите же! Один только что вошел! – И, вперившись взглядом в «коричневого», с наигранным жаром продолжил: – … Ну естественно, мне ничего не оставалось, кроме как лезть следом за ним на крышу. У меня ушло минут десять, чтобы спуститься вместе с ним по лестнице, но едва мы оказались внизу, как он вырвался, прыгнул мне на лицо, затем на голову, а потом снова на крышу и тут же опять принялся вопить, требуя, чтобы я его оттуда снял.

– Вы это про кого? – с вполне простительным любопытством спросил «коричневый».

– Про моего кота, разумеется. А вы что подумали? Ладно, не важно, можете не отвечать…

Лицо Лимана было повернуто к «коричневому», но уголком глаза он следил за тем, как кто-то невидимый продвигается вдоль стойки к отдельной кабинке в дальнем конце зала.

– Зачем он пришел сюда? – пробормотал он. – Мне это очень не нравится. Вы его знаете?

– Кого? Вашего кота?

– Я о том марсианине. Он не ваш, случаем? Гм, нет, вряд ли. Скорее всего, вашим был тот, который ушел в самом начале нашей с вами беседы. Но может, он ушел, чтобы доложить обо мне куда следует, а вместо себя послал вот этого? Вполне возможно. Да-да, похоже на то. Все, он достаточно далеко, теперь можете говорить, но, пожалуйста, как можно тише. И перестаньте ерзать! Хотите, чтобы он нас вычислил? Понял, что мы его видим?

– Лично я его не вижу! И не надо меня приплетать. Разбирайтесь сами со своими марсианами. У меня от вас мурашки по коже. Наверное, мне лучше уйти, и дело с концом.

Однако, несмотря на все угрозы, он не двинулся с места. Вместо этого «коричневый» то посматривал в конец зала, то вглядывался в лицо Лимана.

– Не смотрите на меня, – сказал Лиман. – И на него не смотрите. Вы сейчас очень похожи на кота.

– Почему это?

– Я ведь не зря заговорил о котах. Коты тоже могут видеть марсиан. Причем, как мне кажется, и замаскированных, и незамаскированных. Вообще они их терпеть не могут.

– Кто кого?

– Все. Друг друга. Коты могут видеть марсиан, но притворяются, будто не видят их, и это буквально сводит марсиан с ума. У меня на этот счет есть теория: до появления марсиан миром правили коты. Ладно, хватит об этом. Забудьте о котах. Все куда серьезнее, чем вы думаете. Например, мне точно известно, что сегодня вечером мой марсианин куда-то ушел, и я практически уверен, что именно ваш марсианин некоторое время назад вышел отсюда. И вы заметили, что марсиан тут нет? В этот бар все приходят без марсиан! Как вы думаете… – Голос Лимана вдруг упал до шепота. – Как вы думаете, может, *они поджидают нас снаружи?*

– О господи! – воскликнул «коричневый». – В переулке вместе с котами, надо полагать!

– Слушайте, кончайте нести эту чушь о котах. Я говорю об очень серьезных вещах, и…

Внезапно Лиман замолчал, побледнел, слегка пошатнулся на стуле и торопливо схватил стакан, чтобы скрыть свое замешательство.

– Ну а теперь что за напасть? – осведомился «коричневый».

– Ничего. – Глоток. – Ничего. Просто он… он *посмотрел* на меня. Ну, вы понимаете, о ком я.

– Давайте уточним. Я так понял, этот марсианин одет… одет как самый обычный человек?

– Естественно.

– Но он невидим для всех, кроме вас?

– Да. В данный момент он не хочет, чтобы его видели. Кроме того… – Лиман с заговорщицким видом помолчал, искоса взглянул на «коричневого» и тут же снова уткнулся в свой стакан. – Кроме того, мне почему-то кажется, что вы тоже его видите… в каком-то смысле.

На добрых полминуты «коричневый» замер, точно изваяние; даже льдинки в его стакане не позвякивали. Он как будто бы перестал дышать, – по крайней мере, за все время он ни разу не моргнул, это уж точно.

– И что заставляет вас прийти к такому выводу? – наконец совершенно нормальным голосом спросил он.

– Ну, я… А я разве что-то сказал? Уж и не припомню. – Лиман резко поставил стакан. – Пойду, пожалуй.

– Никуда вы не пойдете. – Пальцы «коричневого» сомкнулись на запястье Лимана. – Во всяком случае, сейчас. Сидите и не рыпайтесь. Что это вам вдруг приспичило? Куда вы собрались?

Лиман кивнул в дальний конец бара, указывая то ли на музыкальный автомат, то ли на дверь с надписью «ТОЛЬКО ДЛЯ МУЖЧИН».

– Мне что-то нехорошо. Может, слишком много выпил. Наверное, мне лучше…

– С вами все в порядке. Подумать только, вокруг сплошные невидимки! В общем, вы меня не убедили. Но вы останетесь здесь, пока не уйдет этот марсианин.

– Он уже уходит, – сообщил Лиман; его взгляд быстро перемещался вдоль невидимой линии, пока не уперся во входную дверь. – Видите, ушел. Ну что, теперь вы меня отпустите?

«Коричневый» бросил взгляд на дальнюю кабинку:

– Никуда он не уходил. Сидит, где сидел.

Теперь настала очередь Лимана обратиться в потрясенное изваяние – с той лишь разницей, что лед в его стакане громко позвякивал. Наконец Лиман заговорил – негромко и почти трезвым голосом:

– Вы правы. Он все еще здесь. Выходит, вы его видите?

– Он сидит спиной к нам? – спросил «коричневый».

– Значит, вы его все-таки видите. И даже лучше меня. А может, их тут больше, чем мне кажется? Может, они повсюду? Может, они всегда рядом с нами, куда б мы ни пошли, а мы даже не догадываемся об этом, пока не… – Лиман покачал головой. – Они хотят быть уверенными на все сто, – продолжал он, обращаясь скорее к самому себе. – Они отдают нам приказы, потом стирают нам память, и все же… Наверняка существуют пределы того, что можно внушить человеку. Ну, к примеру, человек никогда сам себя просто так не выдаст, заставляй его не заставляй. Поэтому иногда они за нами следят… чтобы быть уверенными на все сто.

Лиман поднял стакан и резко опрокинул его себе в рот. Лед заскользил по наклонной стеклянной поверхности, обжег холодом губы, но Лиман удерживал стакан до тех пор, пока последний бледный, пронизанный пузырьками кусочек не упал на язык. Затем Лиман поставил стакан на стойку, повернулся к «коричневому» и спросил:

– Ну?

«Коричневый» оглядел бар.

– Чуть позже, – ответил он. – Народу осталось совсем немного. Подождем еще чуточку.

– И чего же мы ждем?

«Коричневый» снова глянул в сторону кабинки и тут же отвел глаза:

– Я хочу кое-что вам показать. Но если это увидит кто-то еще…

Он покачал головой. Лиман оглядел узкое задымленное помещение. Прямо у него на глазах последний клиент, сидевший

у стойки (кроме них самих, разумеется), порылся в кармане, бросил бармену мелочь и медленно вышел.

Некоторое время они сидели в молчании. Бармен бесстрастно, без малейшего интереса поглядывал на них. Вскоре парочка, размещавшаяся в кабинке неподалеку, поднялась и также отбыла, негромко ссорясь между собой.

– Ну так что? Сколько их здесь? – спросил «коричневый» как можно тише, чтобы бармен ничего не услышал.

– Только… – Лиман не закончил, лишь кивнул в направлении задней части зала. – Но он не смотрит. Думаю, уже можно. Что вы хотели мне показать?

«Коричневый» снял наручные часы и открыл металлический корпус. Из часов выскользнули две маленькие глянцевые фотографии, и «коричневый» ногтем разделил их.

– Только сначала я хочу кое в чем убедиться, – сказал он. – Во-первых, почему вы выбрали именно меня? Не так давно вы сказали, что целый день таскались за мной, проверяя, что да как. Я этого не забыл. Ну выкладывайте.

Ерзая на стуле, Лиман хмуро поглядел на него.

– Все дело в том, как вы смотрели на вещи, – пробормотал он. – В метро сегодня утром… до сегодняшнего утра я никогда в жизни вас не видел, но сразу обратил внимание, как вы смотрите на вещи… На неправильные вещи, которых там на самом деле нет. Точно так, как смотрят коты, – глянете краешком глаза и быстро отводите взгляд… И у меня мелькнула мысль: а вдруг вы тоже видите марсиан?

– Очень интересно. Дальше, – сказал «коричневый».

– Ну я и пошел за вами. Целый день ходил, надеясь, что вы именно тот… с кем я могу поговорить, кому могу признаться. Раз я не единственный, кто может видеть марсиан, стало быть еще не все потеряно. Это, знаете ли, хуже одиночного заключения. Я уже три года их вижу. Три года! Целых три года я хранил свой секрет, и никто меня не заподозрил, даже сами марсиане. Мне столько раз хотелось покончить жизнь самоубийством, но каким-то образом я сдержался. Сам не знаю как.

– Три года? – вздрогнув, переспросил «коричневый».

– Где-то очень глубоко всегда жила крошечная надежда. Я знал, что никто мне не поверит… без доказательств. А как получить доказательства? Весь день, пока я ходил за вами, я думал: если вы их тоже видите, быть может есть и другие… навроде нас с вами… и, собравшись вместе, мы смогли бы придумать, как убедить весь остальной мир…

Пальцы «коричневого» пришли в движение. Не говоря ни слова, он подтолкнул фотографии в сторону Лимана. Пару минут

тот внимательно рассматривал снимки.

– Вы снимали это ночью? – наконец спросил он.

Это был какой-то пейзаж. По темному небу плыли белые облака. На фоне тьмы выделялись похожие на белые кружева деревья. Трава тоже выглядела белой, словно бы залитая лунным светом, а тени казались расплывчатыми, как будто мерцали.

– Наоборот, белым днем, – ответил «коричневый». – Просто в инфракрасном свете. Вообще-то, я дилетант, но в последнее время увлекся экспериментами со съемками в инфракрасном свете. И получил очень странные результаты. – (Лиман пристально смотрел на снимок.) – Видите ли, я живу неподалеку отсюда… – «Коричневый» постучал пальцем по некоему объекту на фотографии. – И часто там фотографирую, но время от времени у меня получаются весьма странные снимки. Понимаете ли, хлорофилл отражает инфракрасный свет, поэтому трава и листья на снимках получаются белыми. Небо выглядит черным, как вот здесь. В общем и целом можно добиться занятных эффектов. Сфотографируйте дерево на фоне облака, и на снимке вы не различите, где что. Зато можно фотографировать в тумане, когда обычная камера бессильна. Но пару раз, когда я снимал вот это, – он снова постучал по довольно обычному на вид объекту, – моя камера фиксировала нечто из ряда вон. Сами посмотрите. Видите человека с тремя глазами?

Лиман поднял снимок ближе к свету, потом взял со стойки вторую фотографию и принялся внимательно изучать ее. Когда он наконец положил оба снимка на стойку, на его лице играла улыбка.

– Знаете, – заговорщицким шепотом сообщил он, – профессор астрофизики одного из наиболее значительных университетов написал для «Таймс» небольшую, но очень интересную заметку. По-моему, его зовут Шпицер. Он рассуждал о жизни на Марсе, есть ли она там и каковы они, эти марсиане. Но самое интересное, он утверждает, что, даже если марсиане когда-либо и посещали Землю, доказать это все равно невозможно. Никто не поверил бы тем нескольким людям, которые видели бы этих марсиан. Разве что марсиан случайно сфотографировали бы… – Лиман задумчиво посмотрел на «коричневого». – Что и произошло. Вы сфотографировали их.

«Коричневый» кивнул, взял снимки и спрятал их обратно под крышку часов.

– Мне тоже так кажется. Правда, до сегодняшнего вечера я не был уверен. Раньше я не видел марсиан… полностью… ну, как вы. Но вовсе не обязательно обрабатывать голову ультразвуком, хотя с вами, разумеется, это произошло случайно. Просто нужно знать,

куда смотреть. Какие-то *фрагменты* марсиан я вижу всю свою жизнь. Наверное, то же самое видят и другие люди, но не отдают себе в этом отчета. Это нечто вроде движения, которое можно уловить только краешком глаза, не напрямую. Что-то, что *почти* есть, но стоит вам посмотреть в упор, и, оказывается, там ничего нет. Именно фотографии навели меня на верный путь. Этому нелегко научиться, но вполне возможно. Мы с пеленок получаем установку смотреть на вещи прямо – в особенности на те вещи, которые хотим как следует разглядеть. Может, эту установку дали нам марсиане. Заметив краешком глаза некое движение, мы сразу поворачиваем голову. А марсианина уже и след простыл.

– Выходит, видеть марсиан может… любой?

– За несколько дней я значительно продвинулся в этом направлении, – ответил «коричневый». – Ну, с тех пор, как сделал эти фотографии. Главное – тренироваться. Знаете, есть такие картинки, которые как бы составлены из нескольких других, но это становится заметно, только если внимательно изучить их. Своего рода обман зрения. Нужно просто понять, как смотреть, а иначе мы так ничего и не увидим.

– Но ведь камера их ловит.

– Камера – да. Удивительно, и как это никто до сих пор не сфотографировал марсиан. Я же вам показывал снимки – там очень четко виден этот их третий глаз.

– Ну, фотография в инфракрасном свете вещь относительно новая. И потом, спорю, марсиан нужно снимать на каком-то особенном фоне, иначе они будут неразличимы, как деревья на фоне облаков. А это сложно. В тот день, наверное, было нужное освещение, вы выбрали правильный фокус, точно навели объектив. Случилось своего рода маленькое чудо. Столь удачное совпадение может никогда не повториться. Но… не смотрите, только не смотрите!

Они разом замолчали, украдкой поглядывая в зеркало. Их взгляды скользили в сторону двери бара. Затем воцарилось долгое молчание.

– Он оглянулся на нас, – наконец сказал Лиман. – Он посмотрел на нас… третьим глазом!

«Коричневый» замер, точно к месту пригвожденный, а потом быстро допил оставшееся спиртное.

– Надеюсь, они пока ничего не заподозрили, – ответил он. – Нам нужно хранить все в тайне, пока мы не добудем неопровержимые доказательства. И тогда… Я уверен, у нас все получится – рано или поздно мы найдем способ заставить людей поверить нам.

– А ваши фотографии? Проанализировав те условия, при

которых вам удалось запечатлеть марсианина, опытный фотограф сможет воссоздать их и сделать свои снимки. Куда уж убедительнее!

– Знаете ли, убедительные доказательства могут быть опасны как для одной, так и для другой стороны, – возразил «коричневый». – *Смертельно* опасны. От всей души надеюсь, что марсиане предпочитают не убивать людей за просто так. Прежде чем убить неугодного человека, они попытаются собрать доказательства. Но… – Он выразительно постучал по своим часам.

– Что ни говорите, теперь нас двое, – успокоил его Лиман. – А значит, нужно держаться друг друга. Мы оба нарушили очень важное правило: мы начали *смотреть*…

Бармен подошел к музыкальному автомату в дальнем конце зала и отключил его.

– Напротив, без необходимости нам лучше не встречаться, – покачал головой «коричневый». – Однако, если завтра вечером, часиков этак в девять, мы оба заглянем сюда, чтобы пропустить стаканчик-другой… Вряд ли это вызовет у них какие-либо подозрения.

– А что, если… – На секунду Лиман замолчал. – Может, вы отдадите мне одну из этих фотографий?

– Зачем это?

– Ну если с одним из нас произойдет, э-э-э, несчастный случай… В общем, у второго еще будет шанс. Быть может, он встретит нужных людей, покажет им фотографию, сумеет их убедить…

«Коричневый» задумался, коротко кивнул, снова открыл корпус часов и вручил Лиману маленький снимок.

– Спрячьте его, – сказал он. – Встретимся здесь завтра. А пока будьте очень осторожны. Не забывайте: мы ведем опасную игру.

Глядя друг другу в глаза, они обменялись твердым, решительным рукопожатием. Потом «коричневый» резко поднялся со стула и зашагал к выходу из бара.

Лиман остался сидеть у стойки. Но вдруг между двумя продольными морщинками у него на лбу возникло некое шевеление, кожа задрожала и начала раздвигаться. Медленно открылся третий глаз, провожая взглядом человека в коричневом костюме.

Нет больше той любви

[33]

Пикси? Кто они вообще такие, эти пикси? То ли эльфы, то ли феи… Короче говоря, мистера Денворта одолевали пикси – по его собственной вине, но разве от этого легче? Неудачное место выбрал он для магазинной кражи. Чем только думал? Не предостерегла его и вывеска над дверью: «По королевскому назначению – Е. К. В. Оберон». Оберон… Странное имя, да и покупатели в этой пикси-лавчонке были не менее странные, но об этом Денворт узнал чуть позже.

Он был сухой, смуглый, угрюмый, лет сорока с хвостиком, красивый, как бывает красив толедский клинок, и весьма сдержанный, но за сдержанностью таился скверный нрав: Денворт терпеть не мог, когда ему перечили. Несколько лет назад он взял в жены миловидную пухленькую вдову, выглядевшую беспомощной, но оказавшуюся на диво смышленой – настолько, что план Денворта прибрать к рукам изобильное состояние Агаты Денворт и уйти на покой, увы, не увенчался успехом. В его случае предложенная и принятая любовь обернулась ненавистью, но муж и жена искусно скрывали истинные чувства под маской так называемой цивилизованности. Денворт, чьи надежды пошли прахом, загадочно поводил бровями и получал садистское удовольствие, доставляя супруге всяческие неудобства; Агата же цепко держалась за свои деньги и временами плакала, но исключительно в одиночестве, ибо ее слезы предназначались не Денворту: она оплакивала лопнувший мыльный пузырь, по ошибке принятый ею за реальность.

Денворт видел в ней паучиху, страстно желавшую пожрать своего паука, но на деле все обстояло иначе. Гордость и унижение закалили Агату; впервые в жизни она обрела твердость характера и теперь желала, чтобы ее не презирали, но ненавидели. Через несколько месяцев после свадьбы стала очевидной неприятная истина: интеллектуал и сноб, Денворт смотрел на жену с холодным презрением и видел в ней узкоспециальный инструмент, изготовленный для его ловких рук.

Дабы не уронить достоинства, Агата выделила мужу сумму, достаточную для покупки партнерства в страховой компании «Колумб», но акций у Денворта (прекрасно осознававшего мудрость трюизма «довольствуйся малым», но не любившего применять его на практике) было маловато: ни о каком контрольном пакете речь, разумеется, не шла.

Итак, сорокачетырехлетний Эдгар Денворт был женат на

женщине, которую ненавидел, без интереса трудился на номинальной должности в компании «Колумб» и страстно любил Майру Валентайн – актрису и светскую львицу столь гламурную, что она способна была потягаться с ярчайшими звездами Голливуда.

В ответ на его любовь Майра лишь смеялась.

Уже несколько месяцев в душе Денворта бушевал форменный пожар. Его лицо с высокими индейскими скулами и бледно-голубыми глазами совершенно ничего не выражало, когда он (в отлично сидящем твидовом костюме, выбранном с продуманной небрежностью) шагал по Платан-авеню: в тот судьбоносный день Четвертую улицу, по которой Денворт обычно ходил от офиса к бару «Синий вепрь», взялись ремонтировать. Поэтому Денворт свернул на тенистую зеленую Платан-авеню со множеством магазинчиков и высоких многоквартирных зданий. Настроение у него было неважное.

И не без причины. Сегодня в конторе голосовали по вопросу развития бизнеса, и Денворта переиграли его консервативные партнеры. Майра Валентайн заглядывала, чтобы указать в своем полисе нового бенефициария, и обращалась к Денворту с оскорбительной холодностью. Наконец он превысил банковский кредит, и пришлось просить денег у Агаты. Да, она глазом не моргнув выписала чек, но… Ну ее к черту!

Выхода не было. Смерть Агаты ничего не изменит (разве что к худшему), ибо Денворт унаследует лишь малую часть ее состояния. Он знал, что написано в завещании. А развод – ну уж нет! Развестись – значит выйти за пределы цитадели Агатиного богатства. В трудной ситуации жена всегда выписывала чек, а в последнее время Эдгар Денворт не вылезал из трудных ситуаций. Его инвестиции оказались столь необдуманными, что не приносили никакой прибыли.

Неприятности поджидали буквально на каждом шагу, и он оскорбился до глубины души, когда затянутое тучами небо перестало сдерживать себя и пролилось тяжелым дождем. Стиснув тонкие губы, Денворт нырнул в ближайшее укрытие, под навес магазинчика, где продавались *objets d'arte*, то есть всевозможные предметы искусства. По крайней мере, у Денворта сложилось именно такое впечатление, когда он окинул беглым взглядом многосекционную витрину.

Он зажег сигарету и стал высматривать такси. Не судьба. На улице почти не было машин, и Денворт обратил внимание на зеленую вывеску над дверью. Ее трепал ветер, с нее капал дождь, она имела форму щита, а надпись под причудливой золоченой короной гласила: «По королевскому назначению –

Е. К. В. Оберон».

Любопытно!

Денворт заглянул в витрину, где (на первый взгляд) был выложен ассортимент самой диковинной бижутерии. На скромных размеров табличке красовалась загадочная надпись:

НИЧТО НЕ ПРОДАЕТСЯ

Взгляд Денворта задержался на иероглифах. По всей очевидности, они ничего не означали. За картонкой находился некий предмет замысловатого золотого плетения – то ли большое кольцо, то ли маленький браслет, – но в достаточной мере оригинальный. Майра Валентайн не откажется от такого подарка, задумался Денворт. Он распахнул дверь и вошел в магазин – чистенький подвальчик со свежим ремонтом и неплохим освещением. Остановился на крошечной площадке с металлическими перилами вдоль лестницы, спускавшейся в торговый зал. За прилавком вроде что-то мелькнуло, словно кто-то в спешке скрылся с глаз долой, но при ближайшем рассмотрении там оказалось пусто, если не считать совершенно обычного мертвенно-бледного человека, взиравшего на Денворта оторопелыми глазами. У человека была в высшей степени усредненная внешность, и Денворт подумал, что впервые видит столь бесцветного типа: с плоской физиономией, курносым веснушчатым носом, безвольным подбородком и жиденькими волосами мышино-бурого цвета.

– Ой, – разочарованно промолвил человек, – я-то думал, вы покупатель.

Денворт кивнул. Затем на него обрушилось значение услышанных слов; он нахмурился и спросил с изумленным недовольством:

– Я что, похож на попрошайку?

– О нет, сэр. – Человек отставил в сторону метлу на длинном черенке, которой подметал пол, и улыбнулся. – Я неправильно выразился. Дело в том, что я… распознаю покупателей по звуку. То есть по виду, – тут же исправился он.

Денворт спустился в магазин, раздраженно смахнул приставшую к щеке паутинку и обвел торговый зал внимательным взглядом.

– Табличка в витрине, – сказал он спустя секунду необъяснимого замешательства. – Там написано: «Ничто не продается». В каком смысле?

– Что ж, это непросто объяснить, – пробормотал бледный мужчина. – Меня зовут Смит… Вейланд Смит… и я в каком-то смысле унаследовал этот бизнес. Ведь должен кто-то производить

эти… хм… штуковины.

– Бижутерию?

– Да, ее самую, – без промедления ответил Вейланд Смит. – По специальным заказам.

– Я хотел бы кое-что купить, – проворчал Денворт. – С витрины. Золотое кольцо. Или это браслет?

– Кольцо лозоискателя? – переспросил Смит и нервно потрогал метлу. – Я очень извиняюсь, но оно забронировано.

– Лозоискатель? – нахмурился Денворт. – Слыхал о таких. То ли воду ищут, то ли золото, то ли что-то еще. Но в толк не возьму…

– Надо же его как-то называть? – Смит, не сумев скрыть легкого недовольства, украдкой оглянулся через плечо и, по впечатлению Денворта, шепнул что-то неслышимое.

Смит явно хотел от него отделаться. Денворту это не понравилось. Особенно сегодня. Его самомнение и без того понесло тяжелые потери, а теперь ему дерзит какой-то продавец… Денворт насупился:

– В таком случае куплю что-нибудь другое. Только не говорите, что у вас все забронировано. Быть такого не может.

В глубине торгового зала зашептал тонкий голосок. Денворту отчетливо померещилось, что шепот воспринимается не ушами, а кожей. Голосок был вкрадчивый, недобрый, и посетителю он вовсе не понравился. Денворт глянул на занавески за прилавком. Те едва заметно покачивались.

– Минутку, – сообщил в пространство Смит и повернулся к Денворту. – Простите, сэр, но в данный момент я ужасно занят. Надо закончить срочный заказ, и клиент меня поторапливает. Вот. – Смит указал на металлический (похоже, медный) чарм-браслет, лежавший отдельно от остальных на небольшом столике с красной столешницей.

Денворт проигнорировал намек. Сделал шаг вперед, взглянул на браслет и заметил:

– По-моему, он готов.

– За исключением… э-э-э… еще одного чарма, – возразил Смит.

Денворт походил вдоль полок и поглазел на разнообразную бижутерию. На некоторых предметах – клипсах, брошках, медальонах – имелись надписи, все на непонятном языке. На плоской бронзовой заколке значилось загадочное «Ятч», а под ним – Т-образный крест, увенчанный кольцом.

– Занятно, – изрек Денворт снисходительным тоном.

– Мои клиенты, они со странностями, – заморгал Смит, – что вполне естественно.

– В общем, я хочу что-нибудь купить. И не говорите, что у вас высокие цены. Я и сам вижу.

– Поймите, мне очень жаль, – твердо сказал продавец, – но я попросту не могу ничего вам продать. Все мои товары забронированы.

– В таком случае оформлю штучный заказ, – раздул ноздри Денворт. – Сделаете мне браслет? Или кольцо? Копию того, что в витрине?

– Нет. Прошу меня простить…

– Слышали когда-нибудь о Федеральной комиссии по торговле? Вы ставите одних покупателей выше других, а это незаконно!

За спиной у Смита вновь зашептали.

– Извините, – буркнул он и поспешил к драпировке.

Просунул голову за шторы и сказал что-то неразборчивое.

Медный (на вид) чарм-браслет оказался у Денворта под рукой. Увы, но искушение пополам со злостью на упрямого лавочника довело нашего героя до банального магазинного воровства. Другими словами, он стырил браслет.

Секундное дело. Вещица звякнула, падая в карман. Денворт повернулся и двинулся к лестнице, а Смит, по всей видимости, не заметил кражи, так как стоял спиной к торговому залу.

Денворт помедлил, кисло улыбнулся и вышел. Дождь перестал. Капли, прозрачные и блестящие в бледном солнечном свете, рядком свисали с вывески «По королевскому назначению – Е. К. В. Оберон». Воробей обследовал близлежащую лужицу.

Приятно было бы уведомить читателя, что Денворт сожалел о необдуманном поступке. Но увы, ни о чем он не сожалел и испытывал лишь оживление, вызванное победой над упрямым торговцем, когда торопился в бар «Синий вепрь», чтобы заказать порцию горячего рома с маслом.

Склонив голову, воробей пытливыми глазами-бусинками обозрил новоявленного воришку и, трепеща перьями, бросился ему в лицо. Денворт инстинктивно пригнулся, а воробей сел ему на плечо и стал любвеобильно потираться головой о его щеку, не вызывая у ее хозяина ничего, кроме вопиющего недовольства.

Денворт отреагировал на его ласки, как сделал бы любой нормальный индивидуум. Мелкие и юркие создания обычно причиняют нам больше дискомфорта, нежели крупные и неповоротливые; человек способен невозмутимо смотреть на несущегося к нему датского дога, но растеряется из-за воробья на плече. Не говоря уже о том, что нежданный клевок в глаз весьма неприятен и от него непросто уклониться. А посему Денворт изрек невнятные хриплые звуки и смахнул птаху с плеча.

Воробей стрелой взмыл в небо, но тут же вернулся и заинтересованно зачирикал. Чтобы окончательно смутить Денворта, из ниоткуда материализовался небольшой белый пес и стал на него напрыгивать, дружелюбно повиливая хвостом. Поскольку смотрели люди, Денворт не дал псу пинка. Вместо этого он укрылся в баре «Синий вепрь», до которого, по счастью, было рукой подать, а птица и зверь остались коротать остаток дня за дверьми заведения.

Но нечто – нечто! – незримо просочилось сквозь стекло с недовольным шепотом, которого Денворт не услышал. Он навис над стойкой и потребовал рома. День выдался прохладный, и Денворт стал смачно потягивать обжигающую жидкость.

У барной стойки шумно спорили несколько мужчин. Взглянув на них, Денворт забрал стакан и отправился в кабинку, где уселся на диван, вынул из кармана чарм-браслет и внимательно его изучил. Похоже, действительно сработан из меди и украшен причудливыми фигурками; среди них отрубленная человеческая голова, стрела, проволочный узел и прочие аксессуары еще более загадочного назначения.

Денворт нацепил браслет на запястье, и в тот же миг кто-то прошипел:

– Проклятие! Клянусь прародителем Нидом, это наипаршивейший фокус! Нельзя так делать!

– Как? – машинально переспросил Денворт.

– Проклятие! – повторил голос. – Я не могу прочесть заклинание Истинной Семерки. Хотя руне Оберона это должно быть под силу.

Денворт прищурился и обвел взором кабинку. Вдумчиво заглянул под стол и наконец поманил официанта.

– Сэр?

– Эм… Принесите-ка еще один ром.

Не стоит уточнять, откуда доносятся бестелесные голоса. Скорее всего, из радиоприемника.

– Трикет-тракет-трокет-омнибандум, – вновь зазвучал жуткий шепоток. – Ин номине… Черт возьми, не получается! Дядя, зачем ты нацепил мой браслет?

Денворт не ответил. Даже не изменился в лице. Лишь плотно сжал губы. Раздался глухой удар, словно по столешнице стукнули крошечным кулаком:

– Ты глухой?

– Глас совести… Чушь какая-то! – пробурчал Денворт.

Он хлебнул рома и услышал потусторонний смешок:

– Всегда одно и то же, всегда! Вы, люди, скептики похлеще кобольдов. Неудивительно, что Оберон наделил Боттома

ослиными ушами. Все люди… – Раздался негромкий рык, напомнивший Денворту кошачье мурлыканье, после чего шепот возобновился: – Послушай. Вейланд Смит сделал этот браслет для меня. Я с ним уже расплатился. Кстати, для этого пришлось стянуть три бумажника. А ты воришка, милый друг.

Услыхав столь парадоксальное утверждение, Денворт окончательно лишился присутствия духа. Начал мямлить что-то насчет краденых денег, осекся и заозирался, но никто ничего не замечал.

– Мы имеем право воровать, – возразил голос. – Мы аморальны. Наши предки, в отличие от ваших, не вкушали плодов с Древа познания. Все пикси воруют без зазрения совести.

– Пикси, – тихо повторил Денворт.

– Меня звать Задира Тарзи, и я чистокровный пикси. А теперь отдай, пожалуйста, браслет.

– Все это мне мерещится…

– Если не возьмешься за ум, еще много чего померещится, – пригрозил шепоток. – Именем Ноденса, вот бы отправить тебя в Подгорье, хотя бы на одну ночь! Ты бы там спятил – уж поверь, я знаю, о чем говорю.

Денворт закусил губу. Галлюцинация? Нет, голосок нашептывает вполне логичные вещи. К тому же…

Вернулся официант. Он выставил перед озадаченным клиентом дюжину стаканов горячего рома с маслом. Денворт, естественно, стал задавать вопросы, но официант ослепил его улыбкой и ответил:

– Не беспокойтесь, сэр. Угощение за мой счет. Если вы не против. Потому что вы мне нравитесь.

И удалился, прежде чем Денворт успел сформулировать ответную реплику.

Вновь раздался шепот, и теперь он звенел от гнева:

– Видал? Да, браслет работает как надо. Неудивительно, что я не сумел наложить на тебя чары, мерзкий человечишко. Даже руна Оберона не действует. Я не способен причинить тебе вред.

Денворт пришел к выводу, что пора бы удалиться из бара. Этот пренеприятный шепоток действовал ему на нервы. Должно быть, из-за тональности. Он не напоминал ни змеиное шипение, ни потрескивание огня, но от него дыбились волосы на затылке.

Не успел Денворт встать, как невидимые ручонки задернули шторы, отделявшие кабинку от барного зала, и он инстинктивно отпрянул.

– Так-то лучше, – объявил шепоток. – Поговорим с глазу на глаз. Нет-нет, не вздумай уходить. Тут предостаточно спиртного… если тебе по душе это водянистое пойло. Да, раньше

было лучше. Помню, какое мы закатили празднество, когда Еву выставили из райских кущ. Знатные времена бывали в Подгорье. Не то что сейчас.

– Ты… живой? – осведомился чрезвычайно тихим голосом Денворт, которого пробирала дрожь.

– Да, – ответил невидимка. – Поживее тебя. Мы умеем поддерживать жизненную искру, не полагаясь на произведение потомства. В нашем случае она неугасима – ну, как правило. Видишь ли, человек, с тобой сейчас беседует пикси.

– Пикси, – повторил Денворт. – Я… пьян. Несомненно. Иначе не разговаривал бы сам с собой.

– Ты не с собой говоришь, а со мной. С Задирой Тарзи, – резонно заметил голос. – Ясное дело, ты настроен скептически. Но я запросто докажу, что реален. Просто сними на минутку этот браслет. Ну-ка!

Мощное чутье подсказало Денворту, что снимать браслет не стоит. Пока он теребил запястье, в воздухе росло напряжение. Он явственно ощущал, что враг затаился и ждет.

– Снимай, – повторил бестелесный шепот куда неприязненней.

Вместо этого Денворт проглотил порцию рома и откинулся на спинку дивана, на всякий случай придвинув к себе еще один стакан.

– Я слыхал о таком, – пробормотал он. – Да, безусловно. В сказках. Заповедные магазинчики…

– Сказками земля полнится. У всякой легенды есть свое начало. Теперь же будь паинькой, сними браслет.

– Зачем?

– Затем, что, пока он у тебя на руке, я не могу причинить тебе вред, – честно объяснил голос и тут же добавил: – Ох, черт! Ну вот, опять я прокололся. В магазине Смита полно всяких талисманов. Почему ты украл Талисман любви, а не что-то еще?

– Талисман любви? – Поскольку горячий ром пьянит сильнее, чем холодный, сознание Денворта уже окутали алкогольные пары и его скептицизм поуменьшился. В конце концов, бестелесный голос шептал вполне разумные вещи – если не обращать внимания на некоторые двусмысленности.

– Давай-ка все проясним, – сказал после паузы Денворт. – Такое чувство, что мне грозит опасность. Расскажи, что это за браслет. Что такое Талисман любви?

– Ну хорошо, – едва слышно вздохнул собеседник. – Эта вещица принуждает к любви. Пока ты носишь ее, тебя все любят. Не могут не любить. Не будь у тебя на руке этого браслета, я наложил бы парочку заклятий и…

Денворт даже обрадовался, что предложение осталось недосказанным. Осененный, он встал и выглянул за пределы кабинки: должно быть, Вейланд Смит выследил его и теперь развлекается чревовещанием. Да, вполне возможно. Гораздо возможнее, чем существование невидимки по имени Задира Тарзи.

Но в соседней кабинке было пусто.

– Сам подумай, – убедительно продолжил Тарзи, – ну зачем тебе этот талисман? А мне он необходим. Меня совсем никто не любит! А мне тем временем предстоит стать главным действующим лицом в одном ритуале… мм… на церемонии, где без талисмана не обойтись. Ну будь человеком, а? Взамен я расскажу, где закопан горшок с золотом.

– И много ли в нем золота?

– Не особо, – ответил Задира, – хотя больше унции. Но золото чистейшее, – добавил невидимый соблазнитель.

Денворт выпил еще рома и вспомнил недавние слова Тарзи.

– Я мог бы найти применение этому твоему талисману. Полезная штука. Говоришь, ее владельца все любят?

– Сам подумай, почему официант так расщедрился? Это безотказная вещица. На ней стрела Амура, любовный узел, голова святого Валентина, *йогам*…

– И пока он у меня на руке, ты не можешь мне навредить?

– Проклятие, вот именно! – негодующе взвился шепоток. – Как я могу тебе навредить? Ведь я люблю тебя из-за этого чертова талисмана!

– В таком случае лучше его не снимать, – благоразумно заключил Денворт. – Я не очень-то разбираюсь в пикси, но твой голос мне не нравится.

– А я обожаю твой голос! – прошипел Тарзи (похоже, стиснув зубы). – И с ума схожу от злости! Ты бы у меня попрыгал!

Беседу прервал официант. Он принес несколько бутылок гольдвассера и винтажного шампанского.

– За счет заведения, – объяснил он.

– Видал? – шепнул Тарзи.

Официант удалился, и в кабинку просунулась туповатая физиономия какого-то пропойцы. Денворт вспомнил, что этот парень сидел у барной стойки и оживленно спорил с собутыльниками. Теперь же оплывшее лицо светилось любвеобилием.

– Ты мой кореш, – заявил пропойца и положил тяжелую руку Денворту на плечо. – Кто скажет иначе, плюнь ему в глаза. Ты настоящий дженнельмен. Я вас с первого взгляда вижу, женнель… дженнель… Короче, ты мой кореш, понял?

– Именем Ноденса! – разъяренно воскликнул Задира. – Изыди, смерд! Иксандар вештрум гобланхайм!

Толстяк распахнул глаза, хрипло квакнул и схватился за воротник. К великому своему изумлению и даже ужасу, Денворт заметил на гладком лбу новоявленного кореша дымящийся рубец. Потянуло горелой кожей.

– Изыди! – взвизгнул Тарзи, и пропойца послушно скрылся из вида – с таким лицом, что Денворту сделалось нехорошо.

Стараясь, чтобы не дрожали губы, он отодвинул ведерко с шампанским.

Убедительная демонстрация. Не захочешь, а поверишь.

– Что ты сделал? – тихо спросил он.

– Жахнул его заклинанием, – отозвался Тарзи. – И тебя жахнул бы, вот только…

– Вот только не можешь, пока талисман принуждает тебя к любви. Я все понял! – Но голубые глаза Денворта оставались задумчивы и пусты.

– В силах Оберона снять чары с этого браслета, – сказал Тарзи. – Хочешь, чтобы я воззвал к нему?

– Вряд ли ты на это пойдешь. Смит сказал, что браслет не закончен. Не хватает еще одного чарма. Разумно будет предположить…

– Ты рехнулся!

– Погоди, – проигнорировал его реплику Денворт. – Дай договорить. Владелец этого амулета – человек или пикси – становится всемогущим. Как-то нелогично давать такую власть заурядному пикси. Если только не оставить лазейку… Ну да. Теперь понял. Смит не успел прицепить к нему чарм, восприимчивый к заклинаниям Оберона, так? Ну что, я прав?

Ответом ему было многозначительное молчание. Денворт удовлетворенно кивнул. Ему стало тепло и хорошо.

– То есть мне никто не указ. Даже Оберон. Интересно, насколько могуч этот талисман?

– Он принуждает всех живых существ любить тебя, – признался Тарзи. – Но не думай, что сумеешь его сохранить. Мы такого не потерпим. Ты первый человек, которому перепала вещица из магазина Вейнарда Смита. А у него хватает амулетов и посильнее. Взять, к примеру, Кольцо многообразия…

Денворт встал. Индейское лицо оставалось бесстрастным, но в бледно-голубых глазах засветился огонек. Решительно раздвинув занавески, Денворт вышел в зал. В голове у него пульсировало имя Майры Валентайн.

Майра Валентайн!

Красавица Майра, капризная и равнодушная, само

очарование, взирающая на Денворта с прохладной и даже материнской улыбкой.

Если Тарзи и вышел за ним из бара, Денворт этого не заметил: его поглотило зияющее осознание новых, невероятных средств воздействия на Майру Валентайн.

«Не дурите, Эдгар, – сказала однажды она. – С чего вы взяли, что я полюблю вас»?

Денворту это совсем не понравилось. Его самолюбие поежилось от столь болезненного укола. Он хотел обладать ею, как обладают гвоздикой в петлице пиджака, и Майра, должно быть, это чувствовала. Денворт с тревогой подозревал, что она считает его человеком второго сорта.

Но теперь у него есть Талисман любви.

И Денворт приберет к рукам Майру Валентайн.

Он шагал по мостовой, и это имя пульсировало у него в ушах. Зажигаясь, уличные фонари играли в поддавки с его тенью. На пурпурном заднике, пестревшем яркой россыпью звезд, вздымалась полная луна. Прохлады Денворт не чувствовал. Его согрел ром – и этот же ром помог принять Талисман любви как новую и всемогущую реальность.

Мощь. Майра Валентайн. Талисман любви.

Надо мыслить логически, пусть даже логика основана на допущении – безумном, но оттого не менее истинном. Допустим, Денворт завоюет сердце Майры. В этом есть свои недостатки. Должность в страховой компании «Колумб» является номинальной, и скандал нанесет его положению непоправимый ущерб. Более того, Денворт женат, и Агата…

Господи боже! Агата тоже не устоит перед действием Талисмана.

Денворт ответил на эту мысль исключительно жестокой улыбкой.

Ему уже не терпелось, и он поймал такси. В голове зарождался коварный замысел. Да, Денворт получит Майру, но сперва необходимо уладить другие дела.

Его пронзила ледяная молния нерешительности. Магия опасна. Колдовство – обоюдоострый клинок, и, если не хочешь пораниться, не следует отнимать пальцев от рукоятки и касаться лезвия. Причина очевидна: магия создает новые условия, в которых необходимо оградиться от прежней рутины. С возрастом человек обретает способность оберегать себя от всевозможных опасностей, поскольку знакомится с ними не понаслышке. Жизнь – бугристый тоннель. Стоит зазеваться, и тут же угодишь в одну из многочисленных рытвин. Почти всем известно, что в этот тоннель лучше не соваться без фонарика.

Но магия – это фонарик совершенно иного рода. Скажем, ультрафиолетовый. Или даже черный – если речь идет о черной магии. Денворт усмехнулся столь изощренной метафоре. Да… Надо пробираться с осторожностью, возводить новые бастионы, менять или укреплять старые. У волшбы своя логика, не всегда основанная на человеческой психологии, но в данном случае магический элемент воздействует на человеческих существ, и трудностей возникнуть не должно.

Чете Денвортов – вернее, Агате – принадлежал довольно большой, старомодный и весьма уютный дом в пригороде. Батлер (его рыбье лицо расплылось в неожиданной улыбке) впустил Эдгара, забрал у него пальто и ласково разгладил ткань ладонью.

– Добрый вечер, сэр. Смею надеяться, у вас все хорошо.

– Угу. Где миссис Денворт?

– В библиотеке, сэр. Нельзя ли вам услужить? Быть может, желаете выпить? Сегодня прохладный вечер. Не стоит ли развести огонь в очаге?..

– Нет.

– Не забывайте следить за здоровьем, сэр. Если заболеете, я этого не переживу.

Денворт изумленно сглотнул и ретировался в библиотеку. Временами чары талисмана становились обременительны. Денворту вспомнилась «Моя последняя герцогиня» Браунинга с ее возмутительной неразборчивостью. Она обожала все на свете: «любила все, на что падал взгляд, а взгляд ее падал куда придется». Черт-те что.

Об этом следует помнить, дабы уберечь себя от возможных неудобств.

Агата сидела у торшера с вязаньем в руках – красивая, мягкая, розовая и обманчиво беспомощная.

Она медленно подняла голову, и Денворт заметил в ее глазах то, чего не замечал много лет.

– Эдгар… – начала она.

– Здравствуй, милая. – Он наклонился и поцеловал ее.

– Это еще зачем? – оторопела она от такого приветствия.

Не ответив, Денворт уселся в кресло напротив Агаты, закурил, прищурился и стал смотреть, как голубой дым струится к потолку.

Агата с озабоченным лицом отложила вязание:

– Эдгар…

– Да?

– Я… – Она закусила губу. – Мне хотелось бы поговорить.

– Давай поговорим.

– Для начала скажи: тебе удобно? Может, тебе что-нибудь

принести?

– Спасибо, не надо. – Денворт прикрыл ладонью бездушную улыбку. – Приятно вот так расслабиться и отдохнуть.

– Милый, ты совсем заработался. Иногда кажется, что… что я не гожусь тебе в жены. Скажи, ты счастлив?

– Более или менее.

– Неправда. Сама не знаю, почему завела этот разговор. Когда ты вошел, мне показалось… – Не договорив, Агата расплакалась.

– Имеется, конечно, одна проблемка… – сказал Денворт. – Ты мне не доверяешь.

– Не доверяю? – Эти слова застали ее врасплох. Благодаря талисману Агата полюбила Денворта, но любовь и доверие – совершенно разные вещи.

Насколько силен талисман? Есть лишь один способ проверить его чары.

– Я говорю о твоем завещании, – продолжил Денворт. – Ты решила оставить деньги дальним родственникам. В конце концов, я твой муж. Ты любишь меня?

– Да.

– Докажи. Измени завещание, чтобы я стал главным бенефициарием.

На мгновение Денворту показалось, что ничего не выйдет, но он требовал подтверждения любви, и Агата не могла отказать:

– Изменю, Эдгар. Сегодня же вечером.

– Можно и завтра, – вздохнул Денворт. – Значит, ты и впрямь любишь меня?

– Раньше думала, что не люблю. Но теперь не могу ничего с собой поделать.

– Интересно, готова ли ты умереть за эту любовь… – сказал Денворт. Вернее, прошептал. Услышала ли Агата эти слова? Он не мог знать наверняка.

Вскочил, удалился в гостиную и плеснул себе неразбавленного виски.

– Ну ты и свинья, Эдгар Денворт, – тихо произнесли у него за спиной.

– Я? Что? Кто здесь? – Расплескав напиток, Денворт обернулся, но, разумеется, никого не увидел.

– Твой друг Тарзи. Задира Тарзи. Пикси, чей браслет ты присвоил, скотина мерзкая. Не будь на тебе талисмана, я в два счета отправил бы тебя в Подгорье.

– Но талисман у меня, – напомнил ему Денворт. – Так что ступай обратно в ад и не высовывайся.

– Я не могу тебе навредить, – посетовал Тарзи. – Это правда. И все из-за любви. Надо же, честный пикси вынужден любить

поганую вошь вроде тебя. Но я привел друга. Ваше величество!

– Да, Тарзи, – отозвался низкий голос, от которого веяло смертельным холодом. – Ты прав, такое никуда не годится. Со времен Адама люди изменились, и этот образец далеко не самый лучший.

– Думаю, ваши заклинания способны все исправить, – предположил Задира. – Несуществующее создание не может быть ни плохим, ни хорошим. Но браслетик оставьте. Он мне нужен.

– Хорошо, Тарзи, – прошептал Оберон, и в комнате стало тихо, но чуть позже в прозрачном воздухе загудело что-то недоступное взору, но от того не менее ужасное.

Окончательно лишившись присутствия духа, Денворт попятился и облизнул пересохшие губы.

– Бесполезно, Тарзи, – нарушил молчание Оберон. – Талисман безупречен. Я и сам люблю этого человека. Не могу причинить ему вред. Быть может, Вейланд Смит сумеет добавить серебряное звено посредством телепортации?

– Не сумеет, – еле слышно проворчал Тарзи. – Я спрашивал. А без серебряного звена чары браслета нерушимы.

Денворт глубоко вздохнул. У него вспотели ладони. Голос Тарзи звучал жутковато, но речи Оберона повергли Денворта в натуральный шок, и он не мог понять, в чем причина сего феномена. Быть может, дело в гнусности этого шепота, в его привычке к выговариванию немыслимых слогов, в том яде, коим пропиталось каждое слово. Этот шепот вовсе не походил на людскую речь и не предназначался для человеческих ушей.

В стакане оставалось спиртное, и Денворт прикончил его в два глотка, после чего обвел глазами комнату:

– Вы еще здесь?

– Да, – ответил Оберон. – Тарзи, если сумеешь заманить его в Подгорье, немедленно свяжись со мной. Думается, я получу большое удовольствие.

– Это маловероятно, ваше величество, – уныло отозвался Задира. – Снимать талисман он не станет. Он не настолько глуп. А пока не снимет – ну, сами понимаете…

– Он непременно облажается, – предсказал Оберон, нежданно перейдя на коллоквиализмы. – Снимет браслет во время мытья или что-то в этом роде. Почему бы не натравить на этого мерзавца ваших полукровок? Вдруг что получится? По крайней мере, нервы ему попортят.

– Так и сделаю, ваше величество, – заверил его Тарзи. – Дозволено ли мне завершить аудиенцию?

– Да, конечно. Еще попробуй подкупить этого червя. Всего хорошего.

В воздухе что-то промчалось, и Денворт заморгал:

– Оберон покинул нас?

– Да, покинул. Кстати говоря, подкупить тебя – не такая уж плохая мысль. Допустим, я пообещаю тебе иммунитет и несметные богатства. Вернешь талисман?

– Разве я могу тебе доверять?

– Можешь, если поклянусь холодным клинком. Ну, что скажешь?

– Нет. Лучше синица в руках… Пожалуй, оставлю браслет себе. Так спокойнее.

– Крыса ты паршивая, а не человек! – прошипел Тарзи. – Терпение мое проверяешь? Забыл, что у меня имеются кое-какие силенки…

– Которые ты не можешь ко мне применить, – любезно подхватил Денворт.

– Ах-х! – вскипел Задира. – Знаешь, что я хотел бы с тобой сотворить? Вот что! – К ужасу Денворта, ближайшее кресло вспузырилось, обрело полужидкую форму и оплыло на ковер. – И вот что! – добавил Тарзи, когда в комнату заглянул батлер:

– Мистер Денворт…

Больше он ничего не сказал. Беднягу швырнуло физиономией в пол и закрутило так, словно над ним потрудился умалишенный шведский массажист. Мелькнуло изумленное лицо, после чего батлер затих без движения. Конечности его были скручены в непостижимые узлы.

– Вот что, – пояснил Тарзи. – Видал?

Вновь облизнув сухие губы, Денворт бросился на помощь батлеру. Тот не издавал ни звука, пока его не распутали.

– Ну как вы?

– С-с-сэр, – с огромным усилием выговорил батлер, – простите, сэр… Должно быть, со мной случился припадок. Боюсь, я болен.

– Все в порядке, – заверил его Денворт. – Но вам следует прилечь. Что вы хотели?

– Сейчас вспомню… Ах да, миссис Денворт желает беседовать с вами в библиотеке.

Батлер начал было влюбленно посматривать на Денворта, но тот в спешке удалился. Пикси больше не подавал признаков существования. Может, он отказался от своей затеи?

Вряд ли. Задира Тарзи тот еще упрямец. Денворт пожал плечами и вошел в библиотеку, где Агата вскинула глаза и мечтательно улыбнулась:

– Я только что звонила адвокату, Эдгар. Он будет в течение часа. Я собираюсь изменить завещание в твою пользу.

– Так-так. – Денворту стало неуютно. Его всегда беспокоил стальной взгляд Саймона Гендерсона. Этот старик-юрист умел заглянуть прямо в душу. Что, если он начнет задавать вопросы?..

– Прости, Агата, я не могу ждать. У меня деловая встреча в центре. Ты не против?

– Конечно нет. Береги себя, милый.

Денворт кивнул и стал разворачиваться к двери, но Агата добавила:

– Извини, но если можно…

Она встала, подошла и поцеловала его. В прихожей, надевая пальто, Денворт не сумел сдержать улыбки. Талисман и впрямь обладает невероятной силой. Любопытно, имеет ли его действие кумулятивный эффект?

В такси он вспомнил, что бояться Саймона Гендерсона теперь не нужно. Чарм-браслет подействует на адвоката не хуже, чем на других живых существ. Но зачем сидеть дома, когда в «Кабанависте» дают новое представление?

Денворт чувствовал потребность в экстраверсии. Должно быть, сказывались отголоски недавнего страха. Весьма тревожно видеть, как магия открывает новые возможности, наслаиваясь на повседневную рутину. И непросто сохранить спокойствие ума, когда в твоей жизни нежданно возникает пикси.

Усевшись за столик в первом ряду, Денворт рассеянно глазел на полуобнаженных фигуристых девиц и обдумывал ситуацию, в которой оказался. Похоже, все под контролем. Со всеми признаками обожания его усадили на лучшее место в зале – к великому недоумению метрдотеля, спешно подбежавшего выяснить, в чем дело. По всей видимости, он собирался выразить негодование, но вскоре уже боготворил Денворта и отвлекся от него, лишь когда в зале появилась белокурая светская львица по имени Мари Бушвейтер, с которой Денворт был едва знаком. Мари села за его столик и окинула соперниц уничижительным взглядом.

Она была очаровательной, но взбалмошной дамой и всегда воротила нос от Денворта; тем приятнее было видеть, что теперь Мари без памяти влюблена в него. На Денворта устремились взгляды из всех концов огромного зала. Талисман любви магнитом притягивал к своему обладателю всеобщее внимание. Денворт заказал напитки и вовсе не удивился, когда ему принесли шампанское за счет заведения.

– Вы мне нравитесь, мистер Денворт, – заявила Мари Бушвейтер, многозначительно хлопая ресницами. – Боюсь, до сего дня вы держали свой, так сказать, свет под спудом. Известно ли вам, насколько вы красивы?

– Красив? О нет, – рассеянно пробормотал Денворт. – Скорее, симпатичен. Но тем не менее…

– Вы прекрасны, – настаивала Мари, умопомрачительно поглядывая на него поверх бокала. – И вы мне нравитесь. Очень сильно нравитесь.

Денворта, однако, не интересовало мнение Мари Бушвейтер. Он размышлял о зачарованном браслете и вероятном пределе его возможностей. До сих пор ему не удалось подвергнуть талисман по-настоящему серьезной проверке. И не удастся, пока Агата не изменит завещание.

– Кстати говоря, – вдруг оживился он, – не одолжите ли мне тысячу долларов? А то у меня все деньги вышли. Если можно…

– Выпишу чек, – тут же заявила Мари, печально известная своей скупостью. – И не трудитесь возвращать. – Она пошарила в сумочке, а Денворт испустил глубокий вздох. Проклятие! Не нужны ему деньги Мари, ведь их придется отрабатывать, а Бушвейтер – требовательная кобылка. Денворту хотелось лишь проверить силы талисмана, и результат его вполне устроил.

– Я пошутил, – улыбнулся он, – обойдусь без вашей помощи, Мари.

– Все равно возьмите, у меня много.

– И у меня, – признался Денворт, не трудясь перейти на будущее время. – Забудьте. Лучше выпейте еще стаканчик.

В этот момент прическа Мари Бушвейтер превратилась в извивающееся змеиное гнездо.

– Вот, – раздался над ухом Денворта знакомый шепот Задиры Тарзи, – вот что я хотел бы сделать с тобой, всеми обожаемый комок омерзительной дряни. Понял?

Заметно пожелтевший Денворт сумел, однако, сохранить присутствие духа. Мари еще не поняла, что случилось. Наверное, подумала, что растрепалась ее утонченная укладка. Вскинула руку, коснулась ужаса у себя на голове и разинула рот в безмолвном крике – так, что губы образовали правильный квадрат. С ее лба свесилась змея и пристально вгляделась в широко раскрытые глаза Мари. Та зажмурилась, захлопнула рот, бесшумно сползла под стол, и ее поглотила скатерть, из-под которой не доносилось ни звука, если не считать легкого пощипывания.

К счастью, освещение в «Кабанависте» было скверное – по той известной всем причине, что беспрепятственный взгляд на физиономию собутыльника способен уничтожить восхитительную иллюзию, навеянную спиртными напитками. У этого принципа есть разумные основания: реальность – непрошеный гость в людских мечтах. В нынешнем случае реальность оказалась

милосердна к Денворту, хоть и ненадолго.

Вскоре на него неумолимо обрушилось осознание того факта, что Тарзи явился не один. Он послушал Оберонова совета и призвал помощников.

В «Кабанависте» кишмя кишели пикси.

Разумеется, невидимые, благодаря чему многим посетителям ночного клуба удалось сохранить рассудок. По всей видимости, Тарзи привлек к делу пикси с глубин социального дна, чокнутых существ с самыми низменными порывами, чье представление о веселье заключалось (помимо прочего) в порче столового имущества: завернувшись в скатерти, эти создания беспорядочно носились по залу, словно бесформенные гарпии. Такая же участь постигла и стол Денворта: с него рывком сдернули скатерть, после чего в воздухе зависла комковатая призрачная фигура.

Кто-то завизжал.

Денворт спокойно глотнул еще шампанского. Раздался почти неслышный щебет, и злобный шепоток Задиры Тарзи объявил:

– Не будь на тебе талисмана, я швырнул бы эту скатерть в твою физиономию. Клянусь Нидом и Кроносом, сейчас ты узнаешь, что я хотел бы с тобой сотворить. Ату их, ребятки!

Ему ответил хор писклявых свистков. Мужчины и женщины стали вскакивать с мест и выкрикивать вопросы. Повсюду засновали официанты, бросавшие беспомощные взгляды на метрдотеля – стройного и симпатичного типа, чью жизнь прежде не омрачали никакие казусы. По существу, он оказался не готов к столкновению с ордой пикси и решил подавить зарождавшийся мятеж, вспрыгнув на оркестровый помост, где замахал руками и проворковал в микрофон насквозь лживые слова:

– Друзья, все в порядке, это элемент нашего шоу…

– Я вас засужу! – разгневанно взвыл кто-то под перевернутым столом, откуда бешено лягались несколько пар ног; зависшие в воздухе бутылки исторгали на них свое винное содержимое, и вокруг этой сцены неспешно кружили две скатерти, за которыми завороженно следили те, кому посчастливилось оказаться за соседними столиками.

Но успокоительный голос метрдотеля возымел свое действие, и все взгляды постепенно стянулись к оркестровому помосту. Несмотря на призрачное порхание скатертей, публике начало казаться, что проблема высосана из пальца.

И тут зашатался микрофон. Едва заметно он склонился влево, и метрдотель склонился вместе с ним. Он возвратился назад, но теперь шатнулся вправо.

И снова обратно. Микрофон закачался туда-сюда, описывая все более широкие дуги. Ошарашенный метрдотель качался

следом, походя на загипнотизированную кобру, и эффект утешительных речей оказался полностью нивелирован его экстравагантным поведением.

Когда микрофон без посторонней помощи взмыл, метрдотель запрокинул голову, нечленораздельно завопил и произвел несколько нелепых движений. Он сдался. В ресторане, черт его дери, завелись призраки, и с этим приходилось считаться. Метрдотель сделал все, что мог, но этого оказалось недостаточно, тем более что микрофон дернулся, разъединился со шнуром и загнал свою жертву в разбегавшийся оркестр, чьи инструменты брызнули в разные стороны подобно космическим телам в расширяющейся Вселенной.

Сцену на помосте заметили немногие, поскольку в обеденном зале хватало своих неприятностей. На месте остался лишь один столик, прочие были перевернуты или бесцельно катались по помещению под аккомпанемент бьющегося стекла и перезвона столовых приборов. Из-за тусклого освещения эффект усиливался необычайно. Буйные пикси оставались невидимы, и некоторые клиенты – что вполне естественно – винили в своих бедах замеченных по соседству человеческих существ, в результате чего было затеяно несколько прелюбопытнейших драк, куда по неизбежности оказались втянуты все окружающие.

Денворт заглянул под стол. Волосы Мари Бушвейтер вернулись к нормальному состоянию, но их хозяйка лежала без чувств. Вокруг Денворта бесновалась скатерть, а злобный голосок нашептывал:

– Надеюсь, подлец, тебе это по вкусу!

Денворт со вздохом встал, тщательно промокнул губы салфеткой и направился к двери, обходя клубки боровшихся тел. Поскольку гардеробщицы не оказалось на месте, пальто он нашел самостоятельно, после чего проследовал на улицу и поймал такси. Вопили полицейские сирены, но суматоха в «Кабанависте» поутихла – самым волшебным образом.

Денворт назвал таксисту свой домашний адрес и подумал, что очень устал: магия гораздо утомительнее, чем можно подумать. Такси покатило по тихим улицам, а Денворт откинулся на спинку сиденья, закурил и тихо позвал:

– Тарзи?

– Я тут, – донесся неприятный шепоток. – От меня так просто не отделаешься, понял?

– Ты один?

– В настоящий момент да. Но стоит щелкнуть пальцами, и сюда слетятся мои друзья. Ну что, щелкнуть?

– Зачем? – рассудительно спросил Денворт. – Я не дурак. Тем

переполохом в «Кабанависте» ты хотел выбить меня из колеи. Но, как видишь, не получилось.

– Тьфу ты!

– Не в силах воздействовать на меня напрямую, ты пробуешь косвенный подход. Но забываешь кое о чем. Ни одно существо на свете не имеет для меня никакого значения.

– Ну ты и сволочь, – буркнул Тарзи. – Даже не верится, что я обречен любить такую гадину.

– Пусть Вейланд Смит сделает тебе еще один браслет, – усмехнулся Денворт. – Что, не думал об этом?

– Он не сумеет, – объяснил Задира. – По закону можно делать один талисман в год. А ждать мне нельзя. Торжество уже на носу. Может, одолжишь браслет на время фестиваля? Потом верну.

Денворт не потрудился ответить. В такси было тихо, пока Тарзи не нарушил молчание искренним вопросом:

– Тебе что, нравится быть скверным человеком?

– Относительные величины… Господи! – рассмеялся Денворт. – Интересно, Тарзи, каков твой коэффициент умственного развития?

– По вторникам и четвергам триста, – угрюмо ответил пикси. – А по пятницам шестьдесят три, что вполне естественно. Что, умником себя считаешь?

– Может быть. Во всяком случае, не дураком.

– Это тебе лишь кажется. Существует понятие равновесия. Миру людей не следует соприкасаться с другими мирами. Земная логика действует в рамках собственных шаблонов. Покушаясь на…

– Продолжай.

– У каждого мира свои законы. Это Они так устроили, с самого начала, и Они же заложили правило компенсации. Они – это мойры, норны, называй как хочешь. Всего лишь символы логического правила, вступающего в силу при соприкосновении миров. Земное уравнение практически непостижимо, и визуализировать его способны только Они. Когда разводной ключ попадает в механизм, его стопорит, и в этот момент включается компенсация. Она уже прописана в уравнении. Похитив талисман, ты, Денворт, отклонился от своего жизненного шаблона. Сбился с пути истинного. И с тех пор тебя тянет обратно, хотя ты этого не понимаешь. Закон компенсации влечет тебя…

– К чему? – ласково осведомился Денворт.

– Понятия не имею, – признался Тарзи. – Но с тобой произойдет нечто ужасное. То, чего ты хочешь избежать больше всего на свете.

– Ты про свое Подгорье? Что это вообще такое?

Ответом стала тишина, тяжелая и жутковатая. Такси остановилось. Денворт вышел и полез за бумажником.

– Поездка за мой счет. – Взгляд таксиста был красноречивее всяких слов. – Если надумаете прокатиться, звоните по номеру сто семь. Для вас бесплатно.

На входе в дом Денворта окутала черная и бесформенная тень беспокойства. До сей поры он видел лишь малую толику причудливого космоса, чьи двери отомкнул магический ключ, и за этими дверьми может обнаружиться… что угодно.

Он мельком взглянул лишь на ту часть магии, что соприкоснулась с ним в его собственном мире. Часть магии, подстроенную под человека и земную логику. Все равно что выслушивать слова безумца и осознавать, сколь кромешный ад таится в глубинах помутившегося сознания.

Подгорье… Что за ужасы символизирует это слово? «То, чего ты хочешь избежать больше всего на свете». Что же это такое?

– Отправиться в Подгорье, – прошептал Денворт себе под нос, осекся и добавил после паузы: – Ну да, конечно. Что ж, буду осторожен. Тарзи?

Пикси не ответил. Из библиотеки доносились голоса. Денворт отправился туда и обнаружил, что Агата невозмутимо выслушивает аргументы Саймона Гендерсона.

– Здравствуй, любовь моя. – Женщина встала, чтобы поцеловать Денворта. – Как хорошо, что ты вернулся!

Адвокат изумленно смотрел на это проявление супружеских чувств – иссохший, долговязый, кислолицый, непоколебимо честный. Денворту он не нравился.

Ответив на поцелуй Агаты, он кивнул Гендерсону:

– Рад встрече. Не помешаю?

– Никоим образом, – тут же ответила супруга. – Присаживайся. Мы уже закончили – верно, Саймон?

– Если вы о новом завещании, – проворчал старик, – оно составлено и заверено. Но думаю, вы лишились рассудка.

– С юридической точки зрения? – улыбнулась Агата.

– Разумеется, вы не душевнобольная, – фыркнул Гендерсон. – Я лишь хочу сказать, что неразумно оставлять все состояние… мистеру Денворту.

– Закроем эту тему, – отчеканила Агата, но адвокат повернулся к Денворту и прожег его свирепым взглядом:

– Вы оказали на нее какое-то давление? Если это так… Если это так… – Он умолк и провел ладонью по перекошенному лицу. – Я… Мне… Можно стакан воды? Что-то я… – Он залпом проглотил предложенное бренди. – Спасибо. Голова закружилась. Так о чем я говорил?

– О моем давлении на Агату.

– Быть может, – глубоко вздохнул Гендерсон, – вы и надавили на нее. Но не вижу в этом никакого криминала. Мужчине требуются деньги. Агата, вы поступили совершенно правильно.

– Мне казалось… – оторопела Агата от столь резкой перемены адвокатских взглядов.

– Вам казалось, что я недолюбливаю Эдгара, – с заметным раздражением перебил ее Гендерсон. – Что ж, вы ошибались. Я чрезвычайно высокого мнения о вашем супруге. Вот бы мне такого сына!

Денворт едва не подавился от подступившего смеха и, чтобы скрыть эмоции, плеснул себе бренди, мимоходом бросив благодарный взгляд на талисман: надо же, и с Гендерсоном сработал! Стало быть, сработает с кем угодно.

Услышав легкий шорох, Денворт вздрогнул. Неужели здесь Тарзи? Невозможно сказать наверняка, но в данный момент Денворту не нужны были новые проблемы с пикси. Он улыбнулся Агате:

– У меня голова разболелась. Пожалуй, откланяюсь. Ты не против, милая?

– Любимый, я принесу тебе аспирин!

– Спасибо, обойдусь. Мне просто надо выспаться.

– Что ж, – с сомнением произнесла Агата, а у Гендерсона сделался озабоченный вид:

– Мальчик мой, не забывайте следить за здоровьем. Это не шутки! Вы и представить не можете, насколько важны для окружающих. Иной раз я смотрю на вас и думаю: вот бы мне такого сына!

– Спасибо. Доброй ночи, папаша, – отмахнулся Денворт, чмокнул Агату и вышел из библиотеки. Теперь можно позволить себе подобные жесты, думал он, взбираясь по лестнице.

Батлер не показывался. Интересно, не уволился ли он после инцидента с Тарзи? Вряд ли, подумал Денворт. Талисман держит его на крепкой привязи.

Денворт не спеша разделся и натянул пижаму, не переставая попыхивать сигаретой. Назавтра наметил собраться совет директоров страховой компании «Колумб», и у Денворта имелись планы касательно этого мероприятия. Майра Валентайн подождет. Даже если сегодня вечером она вышла замуж, это не помешает Денворту получить желаемое: сила талисмана не признает никаких границ.

Отходя ко сну, Денворт крутил в голове знакомую мелодию – песенку, услышанную много лет назад. Как там было? Ах да: «Любовь, любовь, повсюду твои чары…»

Он улыбнулся и уснул.

Сновидения оказались на редкость неприятными. Кто-то громадный и невидимый занимался чем-то загадочным и чудовищным, плел паутину, вязал и затягивал узлы; что хуже всего, эта сущность не обращала на Денворта совершенно никакого внимания, словно тот существовал лишь в качестве переменной некоего замысловатого уравнения. Денворт утратил чувство самости, собственного «я»; в глубине души рыскал всепоглощающий ужас, налегавший на возведенный против него барьер с такой силой, что преграда едва держалась, а талисман на запястье обжигал кожу, словно расплавленный металл.

– Позвольте забрать его в Подгорье, – донесся откуда-то шепот Тарзи.

Не обратив на него внимания, громадная сущность продолжила работу.

– Снимите чары с талисмана.

Работа продолжалась.

– Измените уравнение. Отдайте мне этого человека.

Сущность его не слышала.

– Уничтожьте талисман. Это в ваших силах.

Ответом было неспешное плетение паутины.

– В Подгорье ждут. Позвольте ему встать в наш хоровод. Познакомиться с нами. Узреть нашу красоту…

Ноль реакции. Тонкий шепот Тарзи сгинул в тишине. Бесформенная громадина, доступная не зрению, но неведомому восприятию, продолжала работу, реализуя чуждые Денворту замыслы. Тут барьер треснул, не выдержав натиска, и потный Денворт охнул и проснулся…

…После чего принял снотворное и с неохотой вернулся в постель, но снов больше не видел. Утром встал отдохнувший, а после холодного душа готов был приступить к реализации дальнейшего плана, чем и занялся во время завтрака.

Он заметил, что супруга выглядит необычайно хорошо: чистая кожа зарумянилась, а в уголках губ затаилась улыбка. На завтрак Агата заказала жаркое-ассорти, одно из любимейших блюд Денворта.

Они расположились на застекленной террасе. В окна лился теплый желтый свет, несомый приятно-колким воздухом ранней весны. Ветер ощущался словно вода на заре жаркого летнего дня, и по коже Денворта пробегали электрические мурашки. Тем утром он прекрасно себя чувствовал. Почему бы и нет? Наконец-то он стоит на пороге обретения желаемого – всего, о чем раньше мог лишь мечтать, – и этот трофей не упадет к нему с небес. Нет, за него надо сразиться.

Но Денворт был неуязвим. Вероятно, так ощущал себя Ахиллес, мнивший, что его невозможно ранить в битве. Неплохая аналогия, хоть и с пагубным подтекстом, ибо Денворт помнил свой сон и прозвучавшие в такси слова Тарзи. Надо соблюдать осторожность. Как бы то ни было, Денворт был уверен в себе и настроен на великие свершения. Он лениво потянулся, наслаждаясь движением мускулов под кожей.

– Как спалось, любимый? – спросила Агата.

– Неплохо. – Его чело омрачилось, но он отогнал тревогу и подцепил вилкой кусок жареной почки.

В голубых глазах вдруг поселился каменный холод.

За едой он размышлял и поглядывал на Агату. По той было видно, что талисман не утратил своих сил: в каждом ее взгляде, в каждом жесте читалось обожание. Навязанная амулетом любовь была безрассудной и самоотверженной… Самоотверженной? То есть сильнее, чем инстинкт самосохранения?

Денворта посетила мысль: а надо ли, чтобы Агата рассталась с жизнью? Все деньги в его распоряжении, стоит лишь попросить. При желании Агата даст ему развод…

Он спросил. Глаза наполнились слезами, но спустя мгновение Агата кивнула:

– Да, Эдгар. Если в этом твое счастье. Ты… действительно этого хочешь?

– Нет, милая. Конечно же нет.

Он умолк и задумался. В новых условиях жить с Агатой будет не так уж неприятно. Но в памяти всплыло лицо Майры Валентайн, и недооформленные благие намерения рассыпались в прах.

Благодаря талисману Майра станет его любовницей, но этого недостаточно. Сам того не понимая, Денворт желал обладать Майрой в качестве не женщины, но символа своего успеха, дабы компенсировать собственную неполноценность – ведь Тарзи не ошибся, когда назвал его вошью.

Тем очевиднее стала его насекомость, когда он решил не отходить от плана и избавиться от Агаты раз и навсегда. В этом уже не было необходимости, но Денворт помнил свое бессилие, раздражение, мрачную и горькую ненависть к Агате, которую почувствовал, впервые осознав, что его супруга вовсе не податливая дура; теперь же Агата должна умереть, чтобы потешить мужнино самолюбие.

Денворт смотрел на нее, втайне наслаждаясь тем, как Агата обожает и даже боготворит его, но ему недоставало утонченности, чтобы получить интеллектуальное удовлетворение от морального садизма. Его интересовали реальные вещи.

Агата должна умереть.

И он все устроил, бессердечно и тонко сыграв на эмоциях беспомощной супруги. Агата любила его. Денворт это знал. И знал, что она отдаст за него жизнь.

Поначалу Агата плакала, но в итоге набралась безвольной храбрости: да, она знает, что Эдгар несчастлив, и сама виновата, и лишь вчера поняла…

Нельзя ли начать все с чистого листа?

Нет, нельзя.

Она любит его и сделает для него что угодно. Нельзя ли дать ей еще один шанс…

Нет. Он любит Майру Валентайн.

Но…

– Ты сказала, что любишь меня больше жизни. Докажи. Покончи с собой. Чтобы все выглядело как несчастный случай. Умри за меня. Если любишь. Если ты меня любишь.

Браслет на запястье сиял в лучах утреннего солнца.

Умри за меня. Если ты меня любишь.

Она кивнула, прижав к губам мокрый носовой платок. Когда Денворт ушел с террасы, Агата долго смотрела ему вслед, понимая, что больше никогда его не увидит.

Денворт тоже знал об этом, но не обернулся. Лишь подумал, выдержит ли браслет очередную проверку.

Он выпил для храбрости, поймал такси и отправился на работу. Проезжая мимо лавки Вейланда Смита, вспомнил слова Тарзи: у Смита великое множество амулетов…

Тут же отбросил эту мысль, но не насовсем. Вскоре Денворт сидел у себя в кабинете и ждал вызова на собрание совета директоров. Дождавшись, встал и глубоко вздохнул. Ему предстояло важное дело.

Поначалу он сидел молча, пожимая удивительное множество протянутых рук и кивая в ответ на вопросы о самочувствии. Направленные в его сторону взгляды лучились дружелюбием, но дела делались своим чередом.

Пока Денворт – при обсуждении нового страхования – не повторил предложение, уже внесенное и отвергнутое днем раньше. Все слушали.

Денворт сказал, что компания чересчур консервативна, и озвучил новый план развития (да, он знал, что этот план никуда не годится, но в данных обстоятельствах решил, что имеет право высказаться). Итак, он выдвинул предложение…

И шестеро поддержали его как один.

Когда дошло до голосования, новый план приняли единогласно, тем самым отменив предыдущее решение, и

Денворт вернулся на прежнее место с довольной улыбкой: еще бы, ведь все так его любят, что не могут ни в чем отказать.

– Джо, я хочу прибавку, – повернулся он к соседу слева. – И должность получше. Замолвишь за меня словечко?

– Еще бы! Конечно! Давно пора! Ты, Эд, заслужил и прибавку, и повышение.

Члены совета не избрали его председателем – такое было попросту невозможно, – но учетверили ему жалованье, предложили должность в двух ступеньках от президентской и закрепили все это одобрительными аплодисментами.

Когда собрание подошло к концу, Денворт протолкался сквозь толпу поздравляющих, отверг множество приглашений и вернулся к себе в кабинет, но к работе не приступил. Он сидел, закинув ноги на стол, курил сигарету за сигаретой и время от времени кивал. Все идет неплохо и даже замечательно – пока что.

Он позвонил Майре Валентайн. Горничная сказала, что мисс Валентайн нет дома. Очевидная ложь, поскольку Майра никогда не вставала до полудня. Выходит, через телефонную линию талисман не действует.

– Передайте, что я буду во второй половине дня, – тонко улыбнулся Денворт и повесил трубку.

Оказавшись в зоне влияния чар, Майра станет легкой добычей. Но какова она, эта зона? Предел видимости? Какая разница…

Он вспомнил про Агату. Любопытно, она уже… Ничего, скоро он все узнает. А тем временем ему не помешает выпить.

– Не выходи из кабинета, – предупредил знакомый шепот. – А не то я такое устрою, что мало не покажется. Сам знаешь, у меня полно друзей и Оберон дал мне карт-бланш.

– Ну ладно, – откинулся на спинку кресла Денворт. – Какие будут предложения?

– Я чертовски устал от всех этих предложений, – объявил Задира. – Я люблю тебя. И хочу забрать тебя в Подгорье. Парадокс, скажи? Кто же забирает… друзей… в Подгорье?

– А что там, в Подгорье? – не сдержал любопытства Денворт.

– Для нас – всякая красота, – ответил Тарзи, – но мы же совсем не люди. Никоим образом. У вас, человеков, неверные представления о пикси. Потешные создания? Как Панч? Поверь, он тоже весьма неприятный субъект.

– Знаю, – согласился Денворт. Он всегда недолюбливал эту крючконосую куклу на разболтанных шарнирах. – На что вы похожи? Вы большие или маленькие?

– Большие, – сказал Тарзи, – но не очень. Размером с дистальную фалангу твоего мизинца. Мы бы тебе понравились,

вот только ты не способен нас увидеть.

– Художники не раз изображали пикси.

– Ты и сам можешь нарисовать картинку по моему описанию, – продолжил Задира. – Мы миниатюрные, изящные, хрупкие, с высокой скоростью основного обмена веществ, отсутствием пищеварительного тракта…

– Да ну?

– Мы цельные. Как картошка. Пожалуй, тебе непросто это осознать, ведь ты мыслишь антропоморфически. Кстати говоря, почему я все это рассказываю?

– Из-за талисмана? – предположил Денворт.

– Наверное. Слушай, приди в чувство. Верни браслет Смиту. Я с ним поговорил. Взамен он отсыплет тебе кучу бесовских амулетов!

– Это какие?

– Всякая мелочь, но тебе пригодятся. Бездонный кошель, рентгеновы очки, сканер характера. Ну, что скажешь?

– Нет, – ответил Денворт. – Они не защитят меня от врагов. А талисман защитит. Пока он у меня на руке, никто не способен причинить мне вред.

– Семь кругов ада! – возопил Тарзи. – Ты испытываешь мое терпение! И слишком далеко зашел. Я бы сделал…

– Что?

– Вот что! – хрипло выкрикнул пикси, когда в кабинет вошла секретарша Денворта.

Ее тело обмякло, словно из него извлекли все кости. Изумленно охнув, женщина осела на пол и растворилась в воздухе – целиком, вместе с одеждой.

Денворту поплохело. Он зажмурился, закусил губу и тихо позвал:

– Мисс Беннетт?

Ответом ему было хихиканье Тарзи.

– Мисс…

– Вот что я хотел бы с тобой сделать, – с удовольствием объяснил пикси. – Еще и похлеще бывают вещи, сам увидишь!

– Бесполезно. – Денворт пришел в себя, опустил ладони на столешницу и уставился в пространство. – Согласен, это неприятно, но мисс Беннетт ничего для меня не значила. Мне плевать, жива она или мертва. Ее страдания меня не касаются. Я неуязвим и намерен сохранить такое положение вещей.

– Свинья ты!

– А ты дурак, – парировал Денворт. – В конце концов, кто убил девушку? Ты!

– Это вполне укладывается в мою мораль, – сказал Тарзи. –

Человеческая жизнь для меня – пустое место. Как говорится, подливка к гусыне для гуся не годится. Каждому свое. С точки зрения этики я имею право убить девушку, но ты не можешь остаться равнодушен к ее смерти. Это безнравственно.

– Вернее сказать, аморально.

– Это уже софистика. Не умничай. Поверь, я зайду гораздо дальше, – пообещал Тарзи. – Рано или поздно ты на коленях ко мне приползешь.

– Напомни, кого ты любишь? – осклабился Денворт.

– Т-т-тебя! – промямлил Тарзи.

От возмущения он едва не лишился дара речи. Воздух едва заметно дрогнул. По всей видимости, пикси дал деру.

Денворт обдумал события последних минут. Как ни странно, его вовсе не тронуло исчезновение мисс Беннетт – возможно, из-за незавершенности. После смерти, как правило, остаются неприглядные трупы, напоминающие о несовершенстве земных существ. Они не отличаются красотой, но пробуждают эмоции, вызывая ассоциативный контраст.

Денворт покачал головой и решил, что отныне не будет испытывать эмоций. Это не так уж трудно. Если оставаться безжалостным эгоцентристом, ничто не воспрепятствует действию Талисмана любви.

Но Майра…

Он позвонил домой. Агаты не было. Нет, батлер не знал, куда она ушла. Надо ли чем-то помочь? Мистер Денворт нездоров? Он должен следить за самочувствием…

Денворт кисло улыбнулся и повесил трубку на рычаг. Сперва выпьет, а потом заедет к Майре, прежде чем она оденется и сбежит.

Так и сделал. Рыжеволосая, надменная, обворожительная Майра вышла в прихожую и сердито взглянула на служанку, без разрешения впустившую Денворта в квартиру. Сегодня ее хрипловатый голос звучал чуть резче обычного:

– С чего вы решили…

– Здравствуйте, Майра, – улыбнулся Денворт, ошеломленный ее извечной, чувственной, почти осязаемой красотой.

Как всегда, во рту у него пересохло.

– Послушайте, Эд Денворт, – повернулась к нему Майра, взмахнув бирюзово-бархатными юбками. – Я уже говорила…

И замолчала.

– О чем вы говорили?

Разглядывая его, Майра разомкнула губы, и в темных омутах ее глаз зародилось что-то новое.

– Я…

– Уйдите, – сказал Денворт служанке, а когда та послушалась, раскрыл объятия, и Майра с готовностью прильнула к нему, не задавая лишних вопросов.

Несколькими часами позже они потягивали коктейли в саду на крыше одной из высоток с видом на город. Расслабленный Денворт купался в приятном тепле. Он посматривал на Майру взглядом собственника, и ее взгляд был таким же.

– Еще по одной?

– Быть может, достаточно, любовь моя? Подумай о своем здоровье…

– Оно быстро восстанавливается, – беспечно ответил Денворт. – Кстати, я не рассказывал о повышении? – Он углубился в подробности. – Как только… мм… получу развод, мы сможем пожениться.

– Все это займет не меньше года, – заметила Майра. – Я не могу так долго ждать. Но мы непременно поженимся. Тебе, однако, придется уйти со службы. Не хочу, чтобы ты работал. У меня полно денег.

– Нет, – твердо ответил Денворт. – Так не получится. Дела пошли в гору. Вообще-то, сейчас я в самом начале пути и не готов увольняться.

– Но я люблю тебя. И не желаю, чтобы ты работал. Хочу сама о тебе заботиться.

– Ты настоящая амазонка, Майра, но я не тунеядец. У меня есть планы…

Она рассмеялась – так нежно, что Денворт поморщился. Любовь Майры оказалась до неприятного материнской. Что ж, здесь потребуется твердая рука. Иначе быть беде.

Как ни странно, Денворт не получил желаемого. Майра вбила себе в голову, что ее любовник – малое дитя и его необходимо ограждать от всевозможных трудностей. Денворту вспомнилась Агата: ей тоже хотелось узурпировать превосходство, коим мужчина наделен от природы.

Не исключено, что Майрой движет инстинкт самосохранения. Возможно, она поняла: если капитулировать и отдаться на милость победителя, пиши пропало, ведь Денворт – весьма требовательный владыка.

От ее красоты, от идеальных линий фигуры, плавно перетекавших одна в другую, захватывало дух, и Денворт обнаружил, что не способен ясно мыслить, когда она рядом. Ее присутствие опьяняло. В озерах ее глаз мог утонуть рассудок любого мужчины.

Поэтому ничего не происходило, пока Денворта не вызвали к телефону.

Снимая трубку, он ощутил резкий толчок в груди.

– Денворт у аппарата. Слушаю.

– Это шеф полиции Фенхель. Нам надо встретиться.

– Да, запросто. Что стряслось?

– Происшествие. Ваша жена…

– Агата? – Тон Денворта не соответствовал выражению его лица. – С ней что-то случилось?

– Нет, – ответил после паузы Фенхель. – Поговорим об этом позже. Я звонил вам на работу. Мне сказали, что вы сейчас в ресторане. Не против, если я подъеду?

– Нет, лучше встретимся где-нибудь еще. У меня в кабинете?

– Договорились.

Предчувствуя неприятности, Денворт рассеянно проследовал обратно к столику. Еще один из фокусов Тарзи? Что ж… «По крайней мере, я в безопасности», – думал он, ласково поглаживая браслет.

Майры не оказалось на месте. После безрезультатной беседы с официантом Денворт оплатил счет и ушел. Почему сбежала Майра? Неужто чары выдохлись? Быть того не может!

Весь в размышлениях, Денворт приехал на работу, где его ожидал шеф полиции Фенхель: невысокий седой мужчина с суровым лицом и чрезвычайно пронзительным взглядом черных глаз. Он не подал Денворту руки. Лишь указал сигарой на кресло, присел на край стола и огляделся:

– Итак, мы одни. Это хорошо. Теперь давайте поговорим, мистер Денворт.

– Да, конечно. – Денворт сел и закурил. Его лицо оставалось бесстрастным, но голубые глаза смотрели настороженно. – О каком происшествии речь?

– Ваша жена чуть было не спрыгнула с крыши небоскреба «Карнс».

Денворт выпрямился. Чуть было не спрыгнула?! Что же ей помешало? Разумеется, вслух он произнес совсем другое:

– Не понимаю… Агата… Поверить не могу!

– Я беседовал с Саймоном Гендерсоном, – пожевал сигару Фенхель. – С адвокатом вашей жены. Мы давно дружим. И он кое-что рассказал…

Денворт внутренне содрогнулся от страха, но ничем не выдал своих эмоций. Чертов Гендерсон!

– Выразил глубокую озабоченность. Оказывается, вчера вечером миссис Денворт изменила завещание, а утром Саймон навестил ее – из предосторожности – и увидел, как она выходит из дома. Миссис Денворт его не заметила. Села в такси, и Саймон последовал за ней. Она бесцельно бродила по городу. Однажды

едва не угодила под грузовик. Наконец поднялась на крышу «Карнс», взобралась на парапет и потеряла сознание.

– Но… – заморгал Денворт.

– А когда пришла в себя, Саймон поговорил с ней. У вашей жены была истерика. Миссис Денворт считала, что должна покончить с собой – ради вас. Вот только не смогла на это пойти. Она религиозный человек, и у нее серьезное предубеждение против самоубийства.

– Понятно… – вполголоса пробормотал Денворт.

Так вот в чем дело. Талисман силен, но есть вещи посильнее. По крайней мере, Агата устояла перед его чарами. Так или иначе, в ее смерти нет необходимости. Денворт без труда убедит жену отписать капиталы в его пользу. Агата не испытывает страстной тяги к богатству, и такой поступок не пойдет вразрез с ее глубинными эмоциями.

Поэтому план необходимо изменить. Никуда не денешься. Но теперь непосредственную опасность представляет Фенхель: по всей видимости, талисман на него не действует.

– Я прослежу, чтобы жена показалась врачу, – пообещал Денворт.

– Вы, случаем, не изучали гипноз? – осведомился Фенхель. – Нет? Ну ладно. – Видно было, что его не убедил отрицательный ответ.

– На что вы намекаете? – Денворт откинулся на спинку кресла. – Ищете загадку на ровном месте? В последнее время Агате нездоровилось. У нее было подавленное настроение. Бывает, люди кончают с собой.

– Знаете, что странно? – спросил Фенхель. – И Саймон, и миссис Денворт невероятно привязаны к вам. По городу ходят всяческие слухи, и у меня есть знакомые из вашего клуба… Короче говоря, вы не самый приятный парень. И Саймон терпеть вас не мог – до вчерашнего вечера.

– Что вы такое говорите?

– Я не суеверен и явился к вам потому, что Саймон беспокоится – по непонятной причине. Он высоко ценит и вас, и вашу жену, но почему-то разрывается между этими двумя эмоциями. Они диаметрально противоположны. Повторюсь, я не суеверен, мистер Денворт, но с первого взгляда понял, что вы чертовски опасный человек.

– Неужели? – Денворт подобострастно вскинул брови. – Хотите арестовать меня?

– Нет.

– Да вы и не смогли бы – верно? Ведь вы, скорее, видите во мне родного сына – так?

– Да, – ответил Фенхель, и ни одна жилка не дрогнула у него на лице. – Как ни странно, вы правы. И это меня тревожит. Подозреваю, что подле вас творится нечто весьма скверное. Обычно мои эмоции стабильны, но сейчас я выбит из равновесия, и мне это не нравится.

– Но вы не станете причинять мне вред, – с уверенностью заявил Денворт.

Его, однако, ждал сюрприз. Фенхель закусил сигару, торжественно покачал головой, и в глубоко посаженных глазах блеснул фанатизм.

– Авраам любил Исаака, помните? «И простер Авраам руку свою и взял нож, чтобы заколоть сына своего». Есть чувства посильнее любви, мистер Денворт. Например, чувство долга. Я боготворю закон.

Взгляды мужчин скрестились в безмолвном противостоянии.

– Вы мне угрожаете? – спросил Денворт.

– Я не питаю симпатии к преступникам. А вы, по-моему, или преступник, или вскоре им станете. Полагаю, дело в гипнозе. Знать наверняка я, разумеется, не могу. Но хорошенько подумайте, прежде чем… – Он не договорил.

– Не вижу смысла продолжать этот разговор, – хмыкнул Денворт и встал.

Шеф полиции тоже поднялся с места, поднес к потухшей сигаре очередную спичку и бросил на собеседника проницательный взгляд из-под кустистых бровей:

– Как пожелаете. Я всего лишь сделал предупреждение. Если вы невиновны, попрошу не обижаться на меня. Если же затеяли аферу, остановитесь. Ибо закон лишен эмоций.

– Закон, но не присяжные.

– Вы правы, – поджал губы Фенхель. – Если, черт возьми, продолжите увлекаться своим гипнозом, надеюсь, что в итоге вы совершите убийство. Поскольку в этом случае у меня будет право застрелить вас на месте.

– Выметайтесь! – крикнул Денворт.

Его ноздри побелели, он подался вперед и вцепился в край стола.

– Уже ухожу. – Фенхель открыл дверь. – Не забывайте, я слежу за вами. И вижу вас насквозь без всякого гипноза.

– Выметайтесь!

– Но больше, чем тебя, мой дорогой, люблю я долг свой, – процитировал Фенхель Ричарда Лавлейса, недобро улыбнулся, вышел и притворил за собой дверь.

Денворт рухнул в кресло и стиснул зубы так, что заныло в висках. Бросил гневный взгляд на талисман, хотел было сорвать

его с запястья, но сдержался. Так будет только хуже. Да, возможности браслета небезграничны. Рубанок не годится для обработки металла: он предназначен для иных задач. Денворт попросту переоценил чары талисмана.

Агата не покончила с собой, поскольку ее вера не приемлет самоубийство. Саймон Гендерсон рассказал обо всем Фенхелю – пусть даже и осмотрительно – из-за глубокой привязанности к Агате. Что касается шефа полиции, он…

Закон – смысл его жизни, его идол, оправдание всех его поступков, и Фенхель принесет Исаака в жертву своему божеству. Он чересчур фанатичен. Денворт поежился от страха перед этим спокойным седым коротышкой, чувствуя, что нажил себе беспощадного врага.

Как говорил Оскар Уайльд, «что любят, то и убивают», но эта цитата не добавила Денворту радости.

Что ж, талисман по-прежнему при нем, но отныне придется действовать осмотрительнее. Хотя бы первое время. Вдруг ему страстно захотелось увидеть Майру Валентайн и опьяниться ее близостью. Он сердито подошел к двери и распахнул ее, но Фенхеля за ней не оказалось.

Майра дала ему ключ. Через десять минут такси доставило Денворта к ее дому; долгие двадцать секунд спустя лифт поднял его на десятый этаж, а на поворот ключа в замке ушла целая вечность.

Денворт помнил, что служанки нет дома: Майра говорила, что во второй половине дня отпустит ее по своим делам. Он вошел в квартиру. В гостиной было пусто.

– Майра! – позвал он.

В углу что-то шевельнулось. С беспредельным ужасом Денворт увидел там стоявшую на четвереньках Майру. Она распрямилась – так медленно, будто застряла в безвременье. Ее лицо затуманили тени. Она молчала.

За спиной у Денворта звонко хихикнули, а потом раздался шепоток Задиры Тарзи:

– Значит, Денворт, ты никого не любишь? Совсем никого?

– Майра, – просипел испуганный Денворт и повторил уже громче: – Майра!

– Мы не в силах причинить тебе вред. Но ей… Мы устроили ей экскурсию в Подгорье.

В один шаг Денворт подступил к Майре, грубо схватил за руку, потащил к окну. Не сопротивляясь, женщина безвольно следовала за ним.

Ее лицо осветили красные отблески заката. В чудовищной тишине серебряным ручейком журчал довольный смех Тарзи.

Дело было в ее глазах.

Вернее, в ее взгляде.

В нем застыли воспоминания обо всем, что видели эти глаза.

– Подгорье, – посмеивался Тарзи, – она побывала в Подгорье. Повидала тамошние чудеса, заглянула в зал, где мы в ночь гнева поджарили Еву. Расскажи своему любовничку, что ты видела, Майра Валентайн.

Майра разомкнула губы и стала говорить – негромко, но четко и ясно.

– Не надо! – взмолился Денворт.

Она умолкла, но он по-прежнему не мог смотреть ей в глаза. С Майрой случилось нечто страшное.

Луч красного солнца упал на талисман. Майра увидела его, шагнула вперед и протянула руки к Денворту.

Это было невыносимо. Ему показалось, что он испытывает ужас, обуявший Еву после первородного греха. Бывают перемены столь тонкие и нелогичные, что их можно лишь почувствовать. С Майрой произошла именно такая перемена.

Денворт нетвердо отступил. Майра приблизилась. Ее влек Талисман любви.

Невидимый Тарзи злобно хихикал где-то под потолком.

Денворт развернулся и бросился к двери. Замок заело. Денворт принялся сражаться с ручкой, и тут Майра обвила руками его шею, и от ее прикосновения из тлеющих искр вспыхнуло буйное пламя безумия, и Денворт обернулся, и выкрикнул что-то нечленораздельное, и… и…

И она умерла. По рыжим волосам струилась черная кровь, стекала на пол, тянулась к упавшей на ковер тяжелой бронзовой пепельнице. Майра была мертва.

– Ну что, отдашь теперь браслетик? – прошептал Тарзи.

Денворт открыл дверь и выскользнул в коридор. Сознание утопало в ледяном пламени, но, как и в случае со спиртным, по внешности Денворта нельзя было сказать, что с ним что-то не так. Он вошел в лифт, мельком глянул на лифтера, спустился в фойе и попросил швейцара вызвать такси.

– Куда, приятель? Поездка за мой счет.

– Куда угодно. Просто покатайте меня по городу.

Он откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза. Слава богу, Тарзи исчез. Или делает вид, что исчез. Но Майра…

Денворт решил не думать о ней. У него имеются дела поважнее. Ему грозит прямая и явная опасность. Необходимо бежать из города. По крайней мере, талисман поможет ему найти друзей.

Ничего не вышло. Чар браслета оказалось недостаточно. Вот

бы раздобыть еще несколько талисманов…

Вейланд Смит!

Он подался вперед:

– Поезжайте по Платан-авеню. Дом номер восемьсот.

– О'кей, приятель.

Вейланд Смит. Ну конечно! Как же он раньше не додумался? Тарзи сказал, что Смит делает амулеты. Бездонный кошель… и что там еще? Денворт не мог вспомнить. Какая разница? Наверняка в этой пикси-лавке полно мощных оберегов, и, если Денворт сумеет заполучить хотя бы несколько вещиц, его неприятностям придет конец.

Не исключено, что нынешняя катастрофа – искусно замаскированное благо. Даже Майра… Она уже начинала проявлять инстинкт собственницы, а Денворт терпеть такого не может. Со временем все стало бы хуже некуда. Нет, без Майры жизнь будет куда счастливее. В памяти всплыло лицо Фенхеля, сразу за ним – орудие убийства. Отпечатки пальцев. Неоспоримые улики. Лифтер, швейцар – оба видели, как Денворт вошел в здание и вышел из него. Фенхель…

Такси остановилось. Ступив на тротуар, Денворт поднял глаза к вывеске с надписью «Е. К. В. Оберон» (та поскрипывала на ветру), торопливо пробрался сквозь сгущавшийся сумрак, толкнул дверь, сбежал по ступенькам…

Вейланд Смит еще не включил свет. В магазине было темно, и Денворт успел разглядеть лишь белый овал лица, прежде чем Смит развернулся и исчез за шторами в дальнем конце зала.

С улыбкой, не сулившей ничего хорошего, Денворт последовал за ним. Бильярдным шаром врезался в столик, перевернул его, и по полу зазвенели крошечные металлические предметы, а Денворт просочился за тяжелые портьеры.

Здесь, по всей очевидности, располагалась мастерская Смита. У стены стояло что-то наподобие ювелирного верстака, рядом с ним – неприбранная армейская раскладушка и уставленный грязными тарелками стол. С потолка свисала паутина. Повсюду шерстились комочки пыли. Да, Смит держал торговый зал в чистоте, однако на наведение порядка в мастерской времени не тратил.

Источниками света здесь служили три громадных окна с матированными стеклами. Что же до Смита, тот спешил к задней двери. Денворт схватил его за плечо, развернул плоским, бледным, веснушчатым, испуганным лицом к себе и осведомился:

– Что за спешка, Смит?

– Я… Я…

– Что, если я пришел вернуть браслет?

– Я знаю, зачем вы пришли, – облизнул губы Смит. – Я следил за вами. Тарзи сказал…

– Что он сказал?

– Сказал, что с вами разделается шеф полиции, но я не поверил.

– Значит, Тарзи натравил на меня Фенхеля, так? – беззвучно присвистнул Денворт. – Господи, это безумие какое-то! Каким образом?

– Через Телепатический фермуар. – Смит потрогал подбородок. – Тарзи заронил в сознание Фенхеля зерно сомнения. Но я знал, что этот фокус не сработает.

– Он сработал, – проворчал Денворт, – и теперь Фенхель сидит у меня на хвосте.

– Не совсем. – Смит украдкой взглянул на шторы. – Адвокат вашей жены позвонил Фенхелю, но тот отнесся к звонку весьма скептически. Тарзи поуменьшил его недоверие с помощью фермуара. Разумеется, подробности Фенхелю неизвестны, но теперь он в чем-то вас подозревает, а люди вроде него привыкли доверять интуиции.

– Понятно, – кивнул Денворт. – И еще мне понятно, что вы тянете время. Зачем?

– Я… Тарзи!

Ответа не последовало. Денворт улыбнулся:

– Как вижу, лучше бы поторопиться. Мне нужны амулеты, Смит. Хорошие, мощные обереги. Один для защиты от опасности. Другой для изменения внешности. Третий, чтобы у меня не переводились деньги. И еще мне потребуется оружие, незаметное и смертоносное.

– Не дам. – Смит из последних сил выпятил безвольный подбородок.

– Куда вы денетесь? Вы же любите меня, верно?

– Денворт, поймите, я не могу! Мой бизнес основан на доверии, – едва не плакал Смит. – Я попросту…

– Начнем с защиты, – проигнорировал его мольбы Денворт. – Что там у вас? – Крепко вцепившись лавочнику в плечо, он приблизился к верстаку. – Вот – что это такое?

– Подвеска хамелеона. Позволяет менять цвет кожи.

– Не годится, – помотал головой Денворт. – А это что? – Он взял с верстака кольцо, инкрустированное тремя голубыми жемчужинами.

Смит изменился в лице:

– Ничего особенного…

– Не врите. Какие у него чары?

– Это… это Кольцо многообразия. Три желания в день.

– Три желания?!

– Весьма специфических. Пока оно на пальце, вы способны менять форму.

– Достаточно лишь пожелать? – Денворт надел кольцо. – Вслух?

– Вслух или про себя, без разницы, – закусил губу Смит. – Прошу, не забирайте! Оно обещано Титании!

– Хочу стать… львом, – молвил Денворт.

Получилось. Он стоял уже не на двух ногах, но на четырех лапах и смотрел Смиту в живот. Повернув голову, он увидел мускулистое темно-желтое тело, а за ним – гибкий хвост с кисточкой на конце.

Смит бросился к двери. В один прыжок Денворт настиг его, тихонько рыкнул, подумал: «Верни мне прежний образ» – и тут же стал самим собой. Кольцо осталось у него на пальце, но две жемчужины стали угольно-черными.

– Два желания, – кивнул он. – Осталось одно, так?

– Так, – подтвердил дрожащий Смит. – До полуночи. В полночь перезарядка, и жемчужины опять поголубеют. Больше ничего не просите, Денворт. Мне нельзя. Я…

– Далее, что-нибудь для защиты от врагов, – непреклонно сказал Денворт. – Что у вас имеется?

– Нет…

В угасающем свете сверкнул браслет.

– Неужели талисман не действует? Не вынуждает вас любить меня?

– Действует. Конечно, он действует! – с гордостью ответил Смит. – Мои амулеты работают безотказно. Но прошу, больше ничего не требуйте!

– Не потребует, – злорадно сообщил знакомый шепоток. – Даже если потребует, это его не спасет. Прости за промедление, Вейланд. Пришлось повозиться с фермуаром, чтобы привести сюда Фенхеля.

– Тарзи! – охнул Смит. – Введи меня в каталепсию, быстро!

– Ладно, – согласился пикси. – Разбужу, когда закончится стрельба.

Денворт шагнул вперед. Поздно. Смит уже одеревенел и брякнулся на пол. Глаза невидяще уставились в потолок.

– Что ж, умник, я тебя предупреждал, – хихикнул Тарзи. – И поделом тебе! Отправлюсь-ка в Подгорье, пока не угодил под чары талисмана.

Что-то со свистом рассекло воздух. Денворт остался стоять, глядя в пустоту. Затем опустил глаза на неподвижную фигуру Вейланда Смита.

Итак…

Он криво улыбнулся. Тарзи опоздал. Совсем чуть-чуть, но опоздал. Здешние прилавки ломятся от амулетов. Денворт набьет ими карманы, сбежит, а позже разберется, как ими пользоваться. Быть может, изменит облик, вернется и еще раз побеседует с хозяином лавки. Быть может…

Столько перспектив! Выходит, все не так уж плохо.

Он высунулся за драпировку, оглядел темные громады застекленных витрин и отпрянул. Открылась входная дверь. Зазвучали тяжелые шаги. Денворт прищурился и выглянул из-за шторы.

Фенхель!

Света было достаточно, чтобы Денворт узнал фигуру шефа полиции. В руке у Фенхеля был пистолет, за спиной – двое крупных полисменов.

– Мы на месте, – тихо сказал Фенхель. – Таксист вспомнил, что Денворт вышел рядом с этим магазином. К счастью, я догадался заглянуть к мисс Валентайн. Интуиция!

Интуиция… Денворт выругался под нос. Не интуиция, а Тарзи с его Телепатическим фермуаром! А теперь…

Он бесшумно скользнул к задней двери. Заперто. Подбежал к телу Смита, обшарил карманы в поисках ключей.

Их не было.

Шаги стали громче.

– Денворт, вы там? – спросил Фенхель. – Если так, выходите с поднятыми руками.

– Черта с два, – прошептал Денворт.

Его взгляд упал на Кольцо многообразия. Две жемчужины черные, третья голубая. Осталось одно желание. Денворт окинул взглядом темную комнату. Образ, который не вызовет подозрений при обыске…

Всколыхнулись шторы.

«Паук», – подумал Денворт и ощутил мгновенную метаморфозу.

Он стал крошечным. Над головой заклубились мрачные тени.

Он бросился в укрытие. Нельзя, чтобы на него наступили. Паук – чрезвычайно малое создание. Он может спрятаться в любой трещине, дождаться полуночи и вновь призвать на помощь волшебное кольцо.

Денворт неустанно перебирал всеми восемью лапками. Фасеточные глаза обеспечивали ему удивительно широкое поле зрения. Он вдруг понял, что после физической перемены и Кольцо многообразия, и Талисман любви остались при нем, невидимые, но не утратившие своих чар.

Его поглотили тени. Он нашел подходящую полость в стене, забился в нее и стал ждать. Теперь он в безопасности. Денворт избежал единственной угрозы: риска гибели под чьим-нибудь каблуком. Даже в новом миниатюрном облике у него нет врагов. Он спасен.

Во тьме что-то шевельнулось, замерло, бросилось к Денворту. Узрев свое будущее, он похолодел.

Паучиха.

Паучихи крупнее и быстрее пауков. Денворт прекрасно помнил, что у них весьма неприятные привычки. С тошнотворной уверенностью он осознал, что паучиху неодолимо влечет к нему, ею повелевает инстинкт продолжения рода, и после спаривания в живых останется только она.

Ибо нет живых существ, над которыми не властен Талисман любви.

Алмазная свинка

Алмазы у Болларда похищали с пугающей регулярностью. Он попросту не успевал их штамповать. Страховые компании поставили крест на алмазной империи и уже давно занесли его фамилию в черный список. Детективные агентства с азартом стервятников наперебой предлагали свои услуги – естественно, по самой высокой ставке. Алмазы воровали денно и нощно, поэтому оплачивать услуги ищеек означало бы сливать деньги в трубу. Да и в долгосрочной перспективе это было невозможно: состояние Болларда напрямую зависело от производства алмазов. Стоимость же драгоценных камней, в свою очередь, возрастала обратно пропорционально их количеству и доступности на рынке. Боллард прекрасно понимал, что если подобная тенденция будет сохраняться, то лет через десять за свои безупречные голубоватые алмазы он не выгадает и ломаного гроша.

– В общем, для моих безупречных алмазов нужен безупречный сейф, – заявил Боллард.

Потягивая бренди, он смотрел через стол на улыбающегося Джо Гюнтера.

– Ну еще бы! – кивнул Гюнтер. – И что же ты предлагаешь?

– Я должен предлагать? Ты технарь! Вот и придумывай! За что я тебе, в конце концов, плачу?!

– Ты платишь мне за производство алмазов. И за то, что я держу язык за зубами.

– Ненавижу лодырей! – процедил Боллард. – Ты окончил институт с отличием аж в тысяча девятьсот девяностом году! И что с тех пор делал? Палец о палец ведь не ударил.

– Я исповедовал гедонизм, – возразил Гюнтер. – Зачем мне напрягать извилины, если я получаю все, чего пожелаю, просто штампуя для тебя алмазы? Вот что человеку нужно для счастья? Безопасность, свобода и возможность потакать своим прихотям. Все это у меня есть. А благодаря чему? Правильно, благодаря формуле философского камня! Не повезло Кейну – он так и не осознал потенциальных выгод своего собственного патента. Не повезло – к счастью для меня!

– Хорош языком чесать! – сказал Боллард с нажимом.

Гюнтер ухмыльнулся и окинул взглядом гигантский обеденный зал.

– Да никто тут нас не подслушивает! – Гюнтер уже немного захмелел. Прядь темных прямых волос упала на узкое лицо, чьи черты заострились в насмешке. – Кроме того, поболтать я люблю. Сразу чувствую себя точно такой же важной шишкой, как и ты. В

двух словах: бальзам на душу!

– Что ж, болтай, коли душа просит. Как закончишь свои излияния, я продолжу.

Гюнтер отхлебнул бренди.

– Я гедонист с очень высоким уровнем интеллекта. Палец о палец не ударил? Тут ты не прав! Окончив институт, я первым делом задумался о будущем: как мне содержать Джо Гюнтера и не работать? Изобретать велосипед я не стал, ибо это пустая трата времени. Мне пришло на ум, что проще всего найти уже рабочую схему, а затем ее усовершенствовать. Я отправился в патентное бюро «Эрго» и провел в архивах около двух лет. Моей золотоносной жилой стала формула Кейна! Наивный Кейн хотел внести своей теорией вклад в термодинамику… Так и не додумался, бедняга, что, развив идею, можно клепать алмазы!.. – воскликнул Гюнтер и перешел к финальной части монолога: – Двадцать лет! Можешь себе представить? Двадцать лет формула алмаза пылилась в патентном бюро, пока я не нашел ее и не продал тебе, клятвенно пообещав: ни единой живой душе в этом мире не скажу, что твои алмазы искусственные.

– Выговорился? – спросил Боллард.

– Теперь да.

– Зачем ты повторяешь мне все эти очевидные вещи из месяца в месяц?

– Очевидные вещи для очевидного! Чтоб ты не забывал! – отозвался Гюнтер. – Появись у тебя возможность, ты бы меня укокошил, даже глазом не моргнув! Как только я унесу секрет в могилу, твоя алмазная империя окажется в безопасности. И ты это прекрасно понимаешь. Уверен, время от времени ты ломаешь голову, как бы так похитрее от меня избавиться. Это очень хорошо заметно по тому, как из месяца в месяц меняются твои суждения, когда я повторяю эти самые «очевидные вещи». Вероятно, ты однажды не выдержишь и убьешь меня сгоряча, но вскоре поймешь, что это была большая ошибка. Стоит мне умереть, и формула станет всеобщим достоянием. Все смогут создавать алмазы. И что тогда будет с тобой?

Поерзав мясистым задом на стуле, Боллард сменил позу, сцепил ухоженные пальцы на затылке и холодно посмотрел на Гюнтера.

– Симбиоз, – наконец произнес он. – Ты держишь язык за зубами, потому что алмазы гарантируют не только мою финансовую безопасность, но и твою безбедную жизнь. Деньги, акции, облигации – все это в нынешней экономической обстановке может обесцениться мгновенно. А вот алмазы – нет. Все потому, что они редкие. И я хочу, чтобы они оставались

таковыми. Похищениям нужно положить конец!

– На каждый сейф найдется взломщик. Или ты забыл историю сейфостроения? Когда в дедовские времена изобрели кодовый замок, взломщики догадались, что надо слушать щелчки дисков. Диски сделали бесшумными – грабители вооружились стетоскопом. На это изобретатели ответили часовым замком, но их ответ был заглушен нитроглицерином. Тогда за дело взялись всерьез: в ход пошли специальные сплавы, а замочные механизмы стали точнее. Воры выкатили тяжелую артиллерию – термит. А один парень, приверженец бесшумного вскрытия, наловчился подкладывать под поворотную ручку лимбового замка копирку! День спустя он возвращался, вынимал копирку – и вуаля! Комбинация шифра выцарапана на невысыхающей краске на основе углерода! Сегодня для взлома активно пользуются рентгеном. Завтра придумают что-нибудь еще… И так до бесконечности.

– Идеальный сейф сконструировать можно, – не унимался Боллард.

– Но как?

– У меня есть две идеи. Первая – запереть алмазы в сейфе, который будет невозможно ни вскрыть, ни сломать.

– Такого не существует.

– Вторая – оставить алмазы под неусыпным присмотром охранников. Чтоб сидели и глаз не сводили!

– Ну, это мы тоже проходили. Не сработало. Сначала охранников усыпили газом, а во второй раз жулик вырядился детективом.

Боллард закинул в рот оливку.

– Когда я был мальчишкой, мне подарили стеклянную свинью-копилку. Монетки лежали у меня на виду, но достать их, не разбив копилку, я не мог. Вот что мне нужно! Только я хочу, чтобы эта свинка… бегала!

Гюнтер вскинул голову и пристально – хмеля ни в одном глазу – посмотрел на Болларда.

– Как-как ты сказал?..

– Свинья-копилка, способная при малейшей опасности улизнуть. Копилка, которой нет равных в искусстве побега. Как настоящее животное! Вспомни хотя бы травоядных! Берберийский олень способен улавливать движение еще до того, как оно совершено! Как тебе такое, а? Это же превентивное реагирование! А вот другой вопрос на засыпку. Может ли человек поймать лису?

– Для этого у него есть гончие и лошади.

– Угу, поэтому что делают лисы? Правильно! Они пробегают через отару овец или переплывают реку, чтобы сбить собак со

следа. Моя свинка должна уметь так же!

– Как я понимаю, ты сейчас намекаешь, что твоя свинка должна быть роботом?

– Умники из «Металмена» сделают нам единичный экземпляр с радиоатомным мозгом. Только представь себе это чудо! Двухметровый, нашпигованный алмазами робот со сверхчувствительными атомами в башке для упреждающего бегства! Искусственный интеллект!

Гюнтер потер подбородок:

– Мило, ничего не скажешь. Но есть одно «но». Искусственный интеллект и мобильность – вещи несовместимые. По крайней мере, пока. Умники из «Металмена» действительно создают машины, не уступающие в способностях человеческому мозгу… Вот только машины эти размером с городской квартал! Чем выше интеллект, тем меньше мобильность. Так будет продолжаться до тех пор, пока не вырастят аналог коллоидного мозга… Однако… – продолжал Гюнтер, разглядывая ногти. – Я думаю, что да, это возможно. Нужно задать роботу только одну линию поведения: самосохранение. Все, что он должен уметь, так это логически выстраивать пути отхода на основе базового инстинкта выживания.

– А этого точно будет достаточно?

– Да. Ключевое слово здесь «логика». Она отсутствует у зверей. Тюленя, оленя ты с легкостью можешь загнать в ловушку. И даже тигра! Тигр, заслышав позади загонщика, бьющего в барабан, очертя голову бросается вперед и проваливается в яму, которую загодя вырыли охотники. Так происходит, потому что сознание тигра способно спасать его лишь от одной угрозы единовременно – от страшного звука барабана. С лисами обстоит иначе, они чуточку хитрее. Разум позволяет лисе осознавать угрозу сзади и одновременно оценивать опасность впереди. Робот же никогда не побежит вслепую. Робота невозможно загнать. Прежде чем действовать, он все продумает и в тупиковом направлении не сделает и шагу.

– Если он будет думать, то когда же побежит?

– Сверхчувствительные атомы, про которые ты мне говорил, позволяют не только превентивно реагировать. Радиоатомные мозги еще и молниеносно мыслят. Это замечательная идея, Брюс! Озадачил ты меня что надо! И кажется, все это очень даже осуществимо. Облепленный алмазами робот, расхаживающий у всех на виду, а затем чуть что дающий деру, – узнаю твой почерк!

– Люблю хвастать, – пожал плечами Боллард. – В детстве у меня был жуткий комплекс неполноценности, вот и приходится чем-то его компенсировать. Иначе на черта мне строить этот

замок? Показухи ради! Чтобы содержать такую богадельню, нужна целая армия слуг! Больше всего я боюсь однажды сделаться ничтожеством…

– Что в твоем понимании синонимично человеку без гроша, верно? – пробормотал Гюнтер. – Брюс, ты так прозаичен! Напрочь лишен оригинальности. Даже вся твоя алмазная империя построена на подражании другим экономическим империям. Тебя хоть одна оригинальная мысль в жизни посещала?

– А как же этот робот?

– Ну, это же чистейшей воды индуктивное умозаключение. Ты обозначил для себя требования к твоему идеальному сейфу, сложил их вместе и получил результат: инкрустированный алмазами робот с инстинктом самосохранения. – Вдруг Гюнтер заколебался. – Этого инстинкта, сдается мне, будет недостаточно. Побег – защитный механизм, но иногда лучшая защита – нападение. Робот будет бежать, пока это логично. Пока это физически возможно. Но если все пути отхода окажутся отрезаны, у него должны быть на вооружении…

– Вооружение! Ты хочешь вооружить нашего робота?

– Скорее нет, чем да. Начав его вооружать, мы не сможем остановиться и в итоге получим неповоротливый танк. Робот должен оставаться мобильным и пользоваться искусственным интеллектом так, чтобы взаимодействовать с окружающими предметами. От нас требуется, чтобы у робота были на вооружении базовые шаблоны, а как ими воспользоваться, ему подскажет искусственный интеллект. Приступаю незамедлительно!

– Славно! – воскликнул Боллард и вытер салфеткой губы.

– Если ты надеешься, что, сконструировав этот сейф, я подпишу себе смертный приговор, то сильно заблуждаешься, – будничным тоном произнес Гюнтер, вставая из-за стола. – Я прекрасно сознаю риски. Когда получишь неприступный робот-сейф, у тебя отпадет нужда в алмазах, а значит, и во мне. Тех камней, которыми ты утыкаешь робота, хватит на все прихоти и капризы до конца жизни. Тебе непременно захочется убить меня, чтобы никто в мире больше не смог составить конкуренцию твоей алмазной монополии. Однако спешу тебя заверить, что это ничуть не обезопасит твою империю и даже более того – погубит. За создание робота я возьмусь незамедлительно, но не раньше, чем приму меры предосторожности. Ты же понимаешь, что в архивах патентного бюро нет формулы за авторством Кейна. И конечно же, производство твоих алмазов никак не связано с началами термодинамики.

– Разумеется, – отозвался Боллард. – Мои ищейки все

проверили. В подробности, само собой, я их не посвящал. Номер патента – твоя священная тайна…

– …которая гарантирует мне безопасность. Но если я умру, номер патента будет предан огласке и все худшие подозрения в отношении тебя моментально оправдаются. Слухи о том, что твои алмазы – подделка, уже давно будоражат умы общественности. Правда, никто до сих пор этого не доказал. Но я знаю одного парня, который с радостью бы взялся за это дело, только кость ему кинь!

– Ффулкес?

– Он самый! Берни Ффулкес из «Меркантайл эллойз». Ненавидит тебя люто. Впрочем, это у вас взаимно. Забравшись на олимп выше Ффулкеса, ты стал ему поперек горла. Брюс, он с превеликим удовольствием уничтожит тебя. Можешь не сомневаться.

– Займись уже роботом, а? – сказал Боллард, поднимаясь из-за стола. – Будет здорово, если ты закончишь раньше, чем случится очередное ограбление.

Гюнтер иронично усмехнулся. Боллард не улыбнулся в ответ, но собравшиеся морщинки в уголках глаз говорили о том, что оба мужчины понимали друг друга без лишних слов. Вероятно, оттого-то оба и были еще живы.

– Умники из «Металмена», в самом деле? – переспросил Берни Ффулкес у своего заместителя Дэнджерфилда. – Создают для Болларда усыпанного алмазами робота? Боже… Чертов показушник!

Дэнджерфилд на это ничего не ответил, и Ффулкес продолжил расспрашивать:

– Большой?

– Метра два, наверное.

– Усеян алмазами?.. Интересно, насколько плотно? Два метра… Похоже, Боллард вознамерился потратить на эту ходячую рекламу своей алмазной империи целую кучу камней! Не удивлюсь, если он выложит из них слоган в духе: «Виват, Брюс Боллард!» – Ффулкес вскочил из-за стола и стал носиться по комнате, точно огромный москит.

Это был рыжий плешивый человечек со сморщенной мордочкой – такая бывает у крысы, угодившей в крысоловку.

– Приготовиться к наступлению! Держать руку на пульсе и докладывать мне ежедневно! Составить всеобъемлющий экономический план! Да такой, чтобы мы могли наброситься на Болларда со всех сторон, как только появится шанс!

Дэнджерфилд по-прежнему молчал, но брови на его

невыразительном землистом лице вопросительно изогнулись.

Ффулкес, дрожа от негодования, насел на Дэнджерфилда с воплями:

– Что?! Мне и план самому составлять прикажешь? Всякий раз, когда мы собираемся прищучить этого Болларда, он выкручивается! Страховки, займы, еще алмазы! Но теперь ни одна страховая у него на поводу не пойдет! А его алмазное месторождение, я уверен, отнюдь не бездонное! Если только они и вправду не искусственные! А подтвердись слух, что камни поддельные, так шиш ему с маслом, а не очередной займ от кредиторов! Ты вообще понимаешь, о чем я толкую?..

Дэнджерфилд кивнул, но как-то неуверенно.

– Гм… – хмыкнул Ффулкес. – Наверняка он на этого робота налепит почти все свои камни! И когда красавца украдут, а это неизбежно, мы нанесем удар!

Дэнджерфилд поджал губы.

– Ну, ладно, ладно, – кивнул Ффулкес. – Я допускаю, что это может не сработать, как и в прошлый раз, и в позапрошлый… Но в этой игре правила простые! Весь фокус в том, чтобы наносить удары по Болларду, пока тот не даст течь. И в этот раз удача может нам улыбнуться, мы пробьем брешь! Если поймаем Болларда на неплатежеспособности, то он будет вынужден объявить себя банкротом и пойдет ко дну! В общем, мы должны попытать счастья. Готовьте полномасштабное наступление: акции и облигации коммунального, сельскохозяйственного, горнодобывающего секторов… Обложите со всех сторон! Мы заставим Болларда покупать с маржой, чтобы он никогда не смог покрыть взятую ссуду! В то же время не забудь проверить, как там наша собственная безопасность. Выплати парням премию!

Дэнджерфилд показал жестом, что все будет сделано, и удалился. Ффулкес, проводив заместителя взглядом, гаденько усмехнулся.

Это было время взлетов и падений, время нестабильной и непрогнозируемой экономики ввиду совершенно непредсказуемой действительности. Как и прежде, фундаментом экономического строя оставались человеко-часы. Правда, называть их надежной переменной язык не поворачивался. В теории все выглядело как нельзя более эффективно, но вот на практике человеко-часы, пропущенные через безжалостный социум, мутировали до неузнаваемости. И виновата в том была наука: робототехника поработила человека.

Железной удушающей хваткой олигархи держали экономику страны за горло. Каждый хотел насадить свою собственную

монополию, но из-за бесконечных войн ничего, кроме хаоса, им породить так до сих пор и не удалось. Они топили друг друга и в то же время сами отчаянно пытались удержаться на плаву. Правительство и наука были связаны по рукам и ногам власть имущими богачами, поделившими страну между своими независимыми и почти автономными промышленными империями. Их семасиологи и пропагандисты работали не покладая рук, полоскали населению мозги в сиропе обещаний. Все скоро наладится… когда Боллард… или Ффулкес… или «Олл стил»… или «Анлимитед пауэр» придет к власти. А пока…

А пока нанятые олигархами эксперты всех мастей вставляли друг другу гаечные ключи в шестеренчатые передачи и низвергали экономику в бездну. То было время, предшествовавшее очередной научной революции, очень схожей по симптомам с революцией промышленной, характеризовавшейся стремительной переоценкой экономических ценностей.

Компания «Олл стил» обладала влиянием, в основном благодаря технологическому методу Холлуэла. Но почивала на лаврах она не слишком долго. Ученые из «Анлимитед пауэр», придумав метод более совершенный, метод Холлуэла перечеркнули в два счета. Тем самым они выбили, пускай и на короткий период, почву из-под ног «Олл стил». В «Олл стил» началась безумная суматоха, реорганизация и подстройка под новую действительность. В результате эксперты «Олл стил» извлекли из рукава секретные патенты, модернизировали свои процессы и тем самым повергли в хаос Ффулкеса и его эмитент «Гатун», зиждившийся на законе спроса и предложения облигаций. Естественно, неожиданный реванш «Олл стил» перевернул рынок ценных бумаг вверх дном. Компании пытались подловить друг друга со спущенными штанами. Каждая хотела господства. Все лелеяли надежду, что настанет тот долгожданный день, когда власть сосредоточится в руках одной из этих компаний, и воцарится рай на земле, и назовут его Утопией.

Тем временем структура разрасталась, словно Вавилонская башня. Естественным путем этот процесс остановить уже было нельзя. Росла как на дрожжах и преступность.

Преступные элементы – идеальные солдаты для ведения экономической войны. Возродился старый добрый рэкет, чтобы служить интересам олигархов и защищать их добро. Так «Олл стил» платила банде Доннера щедрые гонорары, лишь бы гангстеры не вмешивались в ее дела. А если парни Доннера переключались на Ффулкеса, Болларда или «Анлимитед пауэр» и грабили их, то это было просто замечательно! Чем больше

дерзких ограблений, тем больше паника в штабах конкурентов. А чем пуще неразбериха, тем выше шансы, что акции пробьют дно рынка ценных бумаг и возникнет дефицит.

Если олигарх шел ко дну, то на нем ставили крест. Финансовые акулы разрывали его инвестиционный портфель в клочья, а самому дельцу на поверхность всплыть уже не позволяли – к чему давать второй шанс потенциально опасному конкуренту? Горе побежденным!

Но пока спрос на алмазы превышал предложение – а Боллард прилагал все усилия, чтобы ситуация оставалась таковой и впредь, – его империя оставалась на плаву.

Робот был бесполым, но обладал чертами скорее мужественными, чем женственными. Ни Боллард, ни Гюнтер не позволяли себе говорить о своем детище в среднем роде. Умники в «Металмен продактс» выполнили работу, как всегда, на «отлично», а Гюнтер, приложив свою руку, сделал робота еще лучше.

Аргус прибыл в за́мок для окончательной доводки. Удивительно, но робот оказался не такой уж и вульгарной наружности. Это была ожившая симметричная статуя из сияющего золота, с головы до ног инкрустированная алмазами. Робота сделали по образу и подобию рыцарских доспехов: золотая кираса, золотые поножи и золотые перчатки. Латы выглядели неуклюже, но первое впечатление было обманчиво. Перчатки сплошь усеяны сверхчувствительными датчиками наподобие нервных окончаний человека. Вместо глаз алмазные окуляры с исключительными преломляющими свойствами, позволяющие машине быть в курсе практически всего, что происходит вокруг. Именно поэтому Боллард нарек робота Аргусом[34].

Робот ослеплял своим великолепием. При ярком свете он напоминал скорее Аполлона, нежели Аргуса. Он был богом, сошедшим на землю. Зевсом, обратившимся в золотой дождь, чтобы окропить Данаю.

С Гюнтера семь потов сошло, прежде чем Аргуса удалось довести до ума. Пришлось ознакомиться с целой кучей поведенческих диаграмм, составленных на основе особенностей работы мозга существ, которые жили тем, что изо дня в день спасались бегством от хищников. Гюнтер добивался, чтобы Аргус, пользуясь логикой, мог отключать автоматические реакции, на которые по умолчанию был запрограммирован его мозг, – реакции, побуждающие к бегству. Самосохранение являлось главным инстинктом Аргуса, и в основе всех его действий лежала установка на выживание.

– Его и в самом деле невозможно поймать? – спросил Боллард, разглядывая Аргуса.

– Как ты себе это представляешь? – усмехнулся Гюнтер. – Мозг Аргуса автоматически выбирает наиболее логичный путь отступления и мгновенно перестраивает маршрут, если возникают какие-то препятствия. Логика и сверхбыстрое реагирование делают этого работа совершенно неуловимым.

– А базовые поведенческие шаблоны? Ты уже их загрузил?

– Ну разумеется! Дважды в день Аргус будет делать обход замка. Сам замок ни при каких обстоятельствах Аргус не покинет – это гарантия безопасности. В противном случае злоумышленники могли бы выманить его и поймать в какую-нибудь хитроумную ловушку. И даже если преступники дерзнут вторгнуться в замок, то времени, чтобы обездвижить Аргуса, у них не хватит – твоя сигнализация поднимет всех.

– А ты уверен, что этот обход – хорошая идея?

– Так это же твоя идея. Один обход днем, второй вечером. Ты сам хотел гостей удивлять! Если при обходе возникнет угроза безопасности, Аргус мгновенно скорректирует маршрут.

Боллард пробежался пальцами по алмазам на кирасе робота:

– И все равно у меня есть сомнения… А вдруг какая-нибудь диверсия?

– Ну, алмазы очень прочны, им даже сильный нагрев не страшен. Корпус под кирасой выполнен из тугоплавкого металла, устойчивого к воздействию кислот. Вечно сопротивляться деформации ползучести металл не способен, но у Аргуса будет предостаточно времени на поиск выхода из трудной ситуации. Чтобы уничтожить робота, придется долго удерживать его на месте, чего он, естественно, не допустит. Можно, конечно, выстрелить в Аргуса из огнемета, но он уйдет с линии огня в ту же секунду – только пятки сверкнут.

– Если сможет! А вдруг его загонят в угол?

– Аргус позволит загнать себя в угол только в том случае, если это будет коррелировать с его планом по спасению себя. Не стоит недооценивать радиоатомные мозги. Это мощная вычислительная машина, настроенная на самосохранение, и только на него.

– Гм…

– И что немаловажно, Аргус силен, – добавил Гюнтер. – Об этом тоже не стоит забывать. Разрежет даже металл, если найдет, на что опереться. Силен, но не всесилен. Нашпигуй мы его всем подряд, и о мобильности можно забыть – законы физики никто не отменял. Но приспосабливается Аргус прекрасно, его реакция поражает воображение. Этот робот неуязвим. И мы с тобой

единственные, кто знает, как его обездвижить.

– Что не может не радовать, – хмыкнул Боллард.

– Вроде все, – пожал плечами Гюнтер и выдернул из золотого шлема проводок. – Понадобится минута-другая, чтобы автоматика заработала. Сейчас…

Огромный робот ожил и сразу прянул в сторону. Двигался он и в самом деле так быстро, что сверкали обрезиненные пятки. Отбежав, Аргус застыл.

– Мы стояли слишком близко, – пояснил Гюнтер и облизнул губы. – Поэтому он среагировал на ритмы нашего головного мозга. Что ж, Брюс, мечты сбываются! Вот тебе твоя алмазная свинка!

Губы Болларда тронула улыбка.

– Ну что ж, проверим… – Он попытался приблизиться к Аргусу, но тот бесшумно отдалился.

– Попробуй кодовую фразу, – посоветовал Гюнтер.

– Не все то золото, что блестит[35], – прошептал Боллард и двинулся к роботу.

Аргус вновь неслышно заскользил прочь – в дальний угол.

– Скажи громче, – проворчал Гюнтер, прежде чем Боллард успел возмутиться.

– А если кто-нибудь подслушает? Это же…

– Ну и что!.. Поменяешь фразу! Шепнешь новую, как только приблизишься.

– Не все то золото, что блестит, – уже громче проговорил Боллард, и в этот раз огромный робот остался на месте.

Боллард нажал на золотом шлеме скрытую кнопку и шепнул:

– И стали жемчугом его глаза[36].

Он снова коснулся кнопки, и Аргус в один миг оказался в углу напротив.

– Ага! Работает! Все в порядке!

– На твоем месте я бы придумал что-нибудь менее очевидное, – сказал Гюнтер. – Вдруг кому-нибудь из гостей взбредет в голову цитировать Шекспира? Может, попробуешь использовать сразу несколько крылатых выражений?

Повторив процедуру, Боллард прошептал:

– Но что за блеск я вижу на балконе?[37] Не славить Цезаря, а хоронить[38] его настало время добрым людям![39]

– Ну, такое точно никому не породить случайно! – похвалил Гюнтер. – Браво, Брюс! А теперь я пойду наслаждаться одиночеством. Мне нужно расслабиться. Выпиши чек.

– Сколько?

– Пару тысяч для начала. Понадобится еще, я позвоню.

– А робота кто тестировать будет?

– Аргус работает как часы. Проверь сам. Делай с ним что хочешь!

– Ладно, ступай! Телохранителей только не забудь.

Гюнтер ухмыльнулся и направился к выходу.

Часом позже Гюнтер в сопровождении двух детин высадился из авиатакси на крыше одного из небоскребов Нью-Йорка. Без охраны своего коллегу Боллард никуда не отпускал – боялся, что похитят конкуренты. Пока Гюнтер расплачивался с таксистом, телохранители нажали на своих браслетах-трекерах красную кнопку. Каждые пять минут они информировали один из штабов Болларда, что ситуация под контролем. Если сигнал не поступал, на помощь высылался спасательный отряд оперативников. Схема на первый взгляд сложная, но на практике очень действенная. Позывные менялись каждый день, и сегодня порядок информирования был следующий: первый час – каждые пять минут; второй час – каждые восемь минут; третий час – каждые шесть минут. Если возникала опасная ситуация, то красная кнопка нажималась незамедлительно.

Но в этот раз отлаженная система сработала не так хорошо, как хотелось бы.

– Зал фонтанов! – облизнув в предвкушении губы, скомандовал Гюнтер, когда трое мужчин зашли в лифт.

Двери сдвинулись, и кабинка на умопомрачительной скорости помчалась вниз. Вдруг маленькое пространство стало стремительно заполняться анестетическим газом. Один из телохранителей все же успел стукнуть по красной кнопке трекера. Правда, когда лифт остановился на цокольном этаже, он уже лежал без чувств. Гюнтер же сообразил, что их травят газом, лишь за миг до того, как потерял сознание.

Очнулся он прикованным к металлическому стулу. Окна в комнатке отсутствовали, единственным источником света был прожектор, направленный Гюнтеру в лицо. Моргая слипшимися веками, он попытался прикинуть, сколько времени пробыл без сознания. Вывернул запястье и сощурился, вглядываясь в циферблат часов.

Внезапно, заслонив прожектор, над Гюнтером склонились двое мужчин. На одном белел халат, а второй был маленьким, рыжим и…

«Знакомая мордочка! Как у крысы, угодившей в крысоловку!..» – мелькнула мысль у Гюнтера.

– Здорово, Ффулкес! – воскликнул он. – Спас меня от похмелья!

Коротышка гаденько усмехнулся:

– Ну, наконец-то ты попался в мои сети! Бог свидетель, я давно пытался тебя увести из-под носа ищеек Болларда!

– День недели?

– Среда. Ты пробыл в отключке двадцать часов.

– Ну что ж, давай поговорим!

– С твоего позволения, я начну первым! Алмазы Болларда – искусственные?

– Неужели вы меня похитили только ради этого вопроса?

– Если предашь Болларда, я тебе дам все, что твоя душенька пожелает!

– На это я не осмелюсь, – честно ответил Гюнтер. – Кроме того, сомневаюсь, что ты сдержишь слово. Стоит мне все выложить, как ты меня убьешь. Это же логично!

– Что ж, придется воспользоваться скополамином!

– Увы, не выйдет. У меня иммунитет.

– Лестер, проверь-ка!

Мужчина в белом халате нагнулся и умело воткнул в руку Гюнтера иглу. Через пару минут он пожал плечами:

– Похоже, и в самом деле иммунитет. Скоп не действует на него, мистер Ффулкес.

– Ну, что я говорил? – улыбнулся Гюнтер.

– Намекаешь, что надо было сразу переходить к пыткам?

– Думаю, у тебя кишка тонка. За пытки и убийства предусмотрена высшая мера наказания.

Коротышка принялся нервно ходить кругами.

– Боллард знает, как создаются алмазы? Или это твой секрет?

– Секрет в том, что ни я, ни Боллард не знаем, как их делать. Алмазы создает голубая фея! По мановению своей волшебной палочки!

– Понимаю, понимаю. Что ж, до поры до времени пытать тебя не будем. Но отсюда ты не выйдешь. Еды и питья будет вдоволь. Через месяцок так надоест, что волком взвоешь и все мне выложишь.

Гюнтер на это ничего не ответил, и Ффулкес с помощником ушли. Прошел час, затем другой.

Мужчина в белом халате вернулся с подносом, сноровисто накормил пленника с ложки и вновь исчез. Гюнтер глянул на часы и озадаченно наморщил лоб.

Нервы, признаться, уже пошаливали.

Когда настало время следующего приема пищи, часы показывали 9:15. Как только человек в белом халате ушел, Гюнтер вытащил из рукава вилку, которую умыкнул с подноса. Он очень надеялся, что пропажу заметят не сразу. Несколько минут – все, что ему требовалось. Конструкцию этих электромагнитных

тюремных стульев Гюнтер знал как свои пять пальцев. Надо всего лишь устроить короткое замыкание…

Даже металлические кандалы не слишком усложнили задачу – где пролегают провода, Гюнтер знал на память. Через несколько секунд сверкнуло и раздался треск. Гюнтер выругался: обожгло пальцы. Но кандалы на руках и ногах расстегнулись.

Гюнтер встал со стула и взглянул на часы. Потом двинулся по периметру комнаты и вскоре нашел то, что искал, – пульт управления. Он понажимал кнопки, и панели глухих стен раздались в стороны, открыв вид на светящиеся небоскребы Нью-Йорка.

Гюнтер опасливо оглянулся на дверь. Открыв окно, он посмотрел вниз: высота головокружительная, но карниз достаточно широкий – сбежать можно. Гюнтер перелез через подоконник и пошел вдоль стены направо, к соседнему окну.

Заперто. Поколебавшись, Гюнтер глянул под ноги и увидел этажом ниже еще один карниз. Вряд ли получится, решил он и двинулся к следующему окну.

Заперто.

Третье окно оказалось открыто. Гюнтер вгляделся в сумрак: массивный стол, мерцающая телепанель. Облегченно вздохнув, он влез в кабинет и сверился с часами.

Гюнтер сразу же направился к телепанели и набрал номер. Когда на экране появилось лицо мужчины, он сказал всего три слова: «Докладываю: без происшествий». Отключая соединение, он уловил подозрительный щелчок.

Затем Гюнтер позвонил в замок Болларда. Ответил секретарь.

– Где Боллард?

– Сэр, его нет. Могу я…

Вспомнив щелчок, Гюнтер побледнел. Проверки ради он вновь сбросил звонок и услышал тот самый звук. Боллард!..

– Черт возьми!.. – вдруг задохнулся Гюнтер. Он подскочил к окну, вылез, повис на руках, отцепился и едва не пролетел мимо нижнего этажа. Ухватившись за карниз одними лишь пальцами, Гюнтер ободрал их в кровь, но удержался.

Он подтянулся, разбил окно ногой, запрыгнул внутрь и захрустел осколками стекла на полу. Телепанели в этом кабинете не оказалось. Из-под закрытой двери в стене напротив пробивался тусклый свет.

Гюнтер вышел в дверь, ворвался в кабинет напротив и нашел, что искал. Включив лампу, он проверил ящики стола, убедился, что прослушки нет, и только после этого набрал на телепанели номер – тот же самый, что набирал этажом выше.

На звонок никто не ответил.

– Угу… – буркнул Гюнтер и набрал другой номер.

Только он разорвал соединение, как в дверном проеме возник человек в белом халате. Раздался выстрел, и Гюнтер упал замертво с пробитой головой.

– Готов? – Ффулкес взглянул на подельника.

– Да, спекся. Пошли.

– Они отследили его звонки? – спросил Ффулкес, снимая грим и преображаясь в совершенно другого человека.

– Это не нашего ума дело. Валим.

Седовласый мужчина, крепко привязанный к стулу, выругался, когда кожу проткнула игла. Боллард выждал минуту, а затем кивнул на дверь двум телохранителям:

– На выход.

Оба беспрекословно повиновались.

– Гюнтер информировал тебя каждый день о том, что он жив. Какое сообщение ты должен был обнародовать в случае, если он не выйдет на связь? Где этот текст?

– Где Гюнтер? – вопросом на вопрос ответил седовласый охрипшим голосом, едва ворочая языком.

Скополамин уже действовал.

– Гюнтера больше нет. Мои люди установили прослушку на телелуч и отследили звонок. Где текст сообщения?

Поиски заняли у Болларда некоторое время, но в конце концов тайник он нашел. Отвинтив полую ножку стола, извлек узкую, аккуратно запечатанную катушку ленты для записи.

– Знаешь, что на ней?

– Н-нет. Нет…

Боллард открыл дверь и приказал:

– Избавьтесь от него.

Дождавшись приглушенного выстрела, он с глубоким облегчением выдохнул.

Наконец-то!..

Наконец-то он неуязвим!

Берни Ффулкес вызвал заместителя:

– Слышал, робот уже готов. Начинайте давить! Душите Болларда! Пусть он самоликвидируется! Подключайте парней Доннера, чтобы занялись роботом.

Лицо Дэнджерфилда, как всегда, оставалось невозмутимым. Он сложил указательный и большой палец колечком, дал понять Ффулкесу, что все будет о’кей.

Гюнтер не лгал, когда рассказывал Болларду, что никакого

патента Кейна с формулой термодинамики не существует. Как показала лента с записью, это был патент на процесс скручивания под высоким давлением. Принадлежал он некоему Макнамаре и имел порядковый номер R-735-V-22. Боллард крепко-накрепко запомнил эту информацию и лично отправился проверять ее в патентное бюро. Больше такими секретами он делиться ни с кем не собирался. Решил, что ему достанет ума самому разобраться во всех нюансах производства алмазов. Тем более что прессовальные станки, уже настроенные Гюнтером, дожидались своего часа в лабораториях, оборудованных в подвале замка.

Боллард сразу же столкнулся с неприятной, хоть и несерьезной загвоздкой. Процесс, заявленный Макнамарой в патенте, не имел никакого отношения к созданию искусственных алмазов. Он предлагал изменять спиновое состояние электронов внешним воздействием, а именно скручиванием и одновременным сдавливанием материала под прессом. В ходе этого процесса появлялась возможность менять характеристики вещества, из которого состоял исходный материал, до неузнаваемости. Гюнтер же применил метод, описанный Макнамарой, к чистому углероду и сумел получить настоящий, пускай и созданный искусственным путем алмаз.

Боллард не терял присутствия духа и верил, что в конце концов разгадает загадку Гюнтера. Нужно лишь немного времени, чтобы разобраться. В итоге на все про все ушло ровно две недели. Стоило только понять основы, а дальше все пошло как по маслу. Боллард приступил к изготовлению алмазов.

Правда, было одно неприятное обстоятельство. Процесс обжига занимал около месяца: если извлечь углерод из печи раньше времени, то никаких изменений с ним не произойдет. В былые времена у Гюнтера для непредвиденных случаев всегда имелся запас алмазов. Но почти все камни ушли на драгоценного робота.

Боллард откинулся на спинку стула и пожал плечами: «И месяца не пройдет, как я снова буду на коне…»

Но Боллард не успел оседлать своего алмазного коня. Ффулкес нанес удар. Причем массированный. Пропаганда, клеветнические кампании, новые патенты, которые сулили акциям Болларда обвал… Ффулкес объявил экономическую войну и открыл беспощадный огонь из всех орудий по алмазной империи Болларда.

Активы Болларда обесценивались. Рабочие на шахтах и предприятиях бастовали. В Африке вспыхнула гражданская война, акции тамошних шахт рухнули. Поползли слухи, пророчащие

империи Болларда скорую гибель.

Боллард сделал ответный ход, занял кредитные средства у биржевиков. Как ни крути, а алмазы – прекрасный залог. Так он обеспечил на время безопасность своей империи. Боллард закладывал все свои скудные запасы не жалеючи и затыкал возникающие то тут, то там течи. Маржинальная торговля уже не раз спасала его алмазную империю. Невозмутимость, с какой Боллард отвечал на возникавшие невзгоды, заставила скептиков фондового рынка усомниться в слухах. Акции Болларда даже на какое-то время окрепли. Продлилось затишье недолго: Ффулкес наносил удар за ударом, быстро и жестко.

Но Боллард не отчаивался – к концу месяца у него будет достаточно алмазов, чтобы покрыть все займы и восстановить свою кредитоспособность. А тем временем…

А тем временем банда Доннера, даже не потрудившись выяснить, на что способен Аргус, замыслила его похитить. Робот метался из комнаты в комнату, звенел сигнализацией и отражал пули своим бронекорпусом, пока у ребят Доннера не опустились руки. Решив, что ловить робота – гиблое дело, они решили смотать удочки, но не успели – прибыла полиция.

Боллард, лезший из кожи вон, чтобы удержать империю на плаву, и думать забыл о своей золотой игрушке. Банда Доннера напомнила ему об Аргусе и натолкнула на мысль. Портить робота, конечно, не хочется, но алмазы можно будет вставить потом заново! На что еще нужны накопления, как не на черный день?

Боллард приготовил холщовую сумку, прошел в комнату к Аргусу и запер дверь. Робот стоял в углу совершенно недвижный, алмазные окуляры смотрели в никуда. Боллард извлек долото, с грустным видом покачал головой и внятно продекламировал:

– Но что за блеск я вижу на балконе…

Проговорив до конца странное попурри из классических цитат, Боллард направился к Аргусу, но робот бесшумно скользнул прочь.

Боллард нетерпеливо дернул плечом и повторил кодовую фразу громче. Интересно, сколько нужно децибел, чтобы робот воспринял звуковое давление? Похоже, говорить нужно громко.

Но Аргус не послушался и вновь убежал. Боллард, не выдержав, прокричал кодовую фразу что есть мочи.

Механизмы робота продолжали функционировать. Сработала автоматическая сигнализация, и воздух пронзили оглушительные завывания сирены.

Боллард вдруг приметил, что из кирасы Аргуса торчит

маленький конверт. Машинально попытался выхватить его, но робот прянул в сторону.

Терпение Болларда лопнуло, и он погнал Аргуса по комнате. Робот держал дистанцию. Выиграл эту гонку, разумеется, неутомимый Аргус. Боллард, задыхаясь, отворил дверь и позвал на помощь. Сигнальная сирена затихла.

Когда прибежали слуги, Боллард приказал окружить робота. Живой круг постепенно смыкался. Когда Аргус осознал, что отступать некуда, он выбрал самый логичный вариант и рванул напролом, играючи расталкивая людей. Проложив себе путь, робот преодолел дверь, даже не потрудившись ее открыть: полотно из красного дерева разлетелось в щепы. Боллард, застыв на месте, молча смотрел вслед улепетывающему роботу.

Когда Аргус расправлялся с дверью, конверт выпал. Боллард подобрал его и нашел внутри короткую записку:

Дорогой Брюс,

иллюзий я не питаю. Аргус настроен таким образом, что назначенная тобой кодовая фраза обнуляется каждое утро – конечно же, если я не внесу соответствующие изменения. Перерезав мне горло, ты обречешь себя на бесконечную гонку за неуловимым Аргусом. Кроме меня, кодовой фразы не знает никто. Честность – лучшая политика.

С почтением,

Джо Гюнтер.

Разорвав записку в клочья, Боллард отпустил слуг и прошел в комнату, где замер Аргус. Спустя некоторое время он оставил робота и позвонил бывшей жене в Чикаго.

– Джесси?

– Привет, – ответила Джесси. – Что-то случилось?

– Слышала про моего золотого робота?

– Конечно. Ты можешь сколько угодно лепить золотых роботов, только не забывай платить алименты. Говорят, у тебя полоса неудач?

– Это все происки Ффулкеса, – угрюмо ответил Боллард. – Если хочешь, чтобы я платил алименты и дальше, сделай одолжение. Хочу переписать робота на твое имя. Продам тебе его за доллар. В этом случае робота не арестуют, даже если придут описывать имущество.

– Все настолько плохо?

– Если честно, вообще мрак. Но пока у меня есть робот, я в безопасности. Он стоит нескольких состояний. Мы оформим сразу два документа. Согласно второму документу, ты сразу же продашь мне робота обратно, но огласке, естественно, мы этот факт не предадим.

– Вот, значит, как ты доверяешь мне, Брюс!

– Робот, напичканный алмазами, в отличие от жены, бывшим стать не может, – сказал на это Боллард.

– Тогда я хочу два доллара! Хоть какая-то выгода с бывшего горе-муженька!.. Ладно, я согласна. Присылай свои бумаги – подпишу их, чего уж там!

Боллард выключил телелуч, соединявший его с женой, и вздохнул: могло быть и хуже. Теперь робота у него не отнимет никто – даже Ффулкес.

Если Боллард вдруг обанкротится, прежде чем истечет месяц и новые алмазы будут готовы, робот в один миг вернет ему былое величие! Правда, Аргуса надо еще поймать…

В тот день Боллард почти не отходил от телепанели – сплошные переговоры! Люди требовали залог, а брокеры – проценты по маржинальным кредитам. Боллард, пытаясь получить ссуду, лихорадочно жонглировал своими авуарами: ликвидировал, пытался распродавать…

В тот же день его удостоили визитом двое верзил, предоставлявших заемные средства по чудовищно высокой процентной ставке.

Они были наслышаны о роботе, но, прежде чем ссудить Болларду деньги, потребовали смотрин. Выражение их лиц потешило самолюбие Болларда.

– Брюс, зачем тебе кредит? Ведь эта штука вся в алмазах.

– Рука не поднимается покушаться на такую красоту! Поэтому вы мне поможете до первого числа.

– А что изменится первого числа?

– Придет новая партия алмазов.

– Гм… – засомневался тот, что повыше. – Я слышал, этот робот постоянно убегает?

– Именно! Поэтому он и называется антикражевым!

Верзилы переглянулись.

– Не будешь возражать, если мы осмотрим робота?

Только они двинулись в сторону Аргуса, как того словно ветром сдуло.

Боллард поспешил объяснить:

– Остановить робота – процесс трудоемкий. Впрочем, как и снова оживить его. Это занимает определенное время. Но можете не сомневаться, алмазы на нем идеальные!

– Шутишь? Как же не сомневаться! Вырубай питание! Или что там ему дает силы бегать от нас? Не то мы подумаем, будто ты что-то скрываешь!

– Мне нечего скрывать, – ответил Боллард. – Как я уже

сказал, остановка его механизмов займет некоторое время…

– Что-то тут нечисто, – сказал один из кредиторов. – Ты можешь рассчитывать на любую сумму, какую пожелаешь. Но не раньше, чем я проверю эти алмазы лично. Звони, как будешь готов!

И верзилы ушли.

Боллард выругался. В углу замигала телепанель, но отвечать он не стал. Суть звонка он представлял хорошо: очередные дополнительные гарантии уплаты займов. Ффулкес не дремал и делал все, чтобы добить его алмазную империю.

Боллард поджал губы, глянул на робота, круто развернулся, вызвал секретаря и отдал несколько распоряжений.

Секретарь, щеголеватый молодой человек с соломенными волосами и вечно озадаченным выражением лица, поспешил выполнять поручения. Замок вскоре заполнился рабочими и мастерами.

Боллард посоветовался с мастерами, но дельных идей, как обездвижить робота, так и не услышал. Тем не менее настроены эти люди были оптимистично, даже слишком. Им казалось, чего уж проще – поймать робота!

– Огнеметы?

Боллард задумался.

– Под золотой кирасой у робота каркас из огнеупорного сплава.

– Может, загоним его в угол и попробуем расплавить мозги? В теории должно сработать!

– Пробуйте. Если что, я даже пожертвую несколькими алмазами. Лишь бы до остальных добраться!

И Боллард стал наблюдать, как шестеро мужчин, вооруженных огнеметами, принялись маневрировать, пытаясь загнать Аргуса в угол.

– Стоп! Близко не подходить! – воскликнул он. – Иначе он просто раскидает вас.

– Есть, сэр! Готовы? На счет три! Раз… Два…

Сопла в унисон изрыгнули огонь. За долю секунды, что понадобилась пламени, чтобы преодолеть расстояние, Аргус успел присесть и благополучно выскочить из угла. Завывая сиреной, он вприсядку под оранжевыми языками прорвал цепь огнеметчиков, влетел в соседнюю комнату и замер, точно насмехаясь над жалкими попытками людей обмануть его совершенный инстинкт.

– Пробуйте еще, – буркнул Боллард, хотя сам уже прекрасно сознавал, что ничего не выйдет.

Успехом идея и вправду не увенчалась.

Люди Болларда не успевали даже прицелиться в Аргуса – реагировал тот мгновенно. Зато по дорогостоящей мебели они попадали метко и попортили ее немало.

Секретарь тронул Болларда за руку:

– Почти два часа пополудни.

– А?.. Ох, и в самом деле! Джонсон, скажи им, пускай закругляются. Люк готов?

– Да, сэр.

Аргус внезапно развернулся и направился к двери. Настало время первого за день обхода замка. Маршрут робота всегда оставался неизменным, поэтому идея с ловушкой напросилась сама собой. К слову сказать, на огнеметы Боллард особенно не рассчитывал с самого начала.

Вместе с Джонсоном он последовал за Аргусом. Робот медленно вышагивал по вычурно отделанным комнатам замка.

– Люк не выдержит веса, и робот упадет в специальную комнату под полом.

– А вдруг он из нее выберется?

– Не выберется, сэр. Стены из армированного металла.

– Это радует.

– Но, сэр… Я тут подумал… Разве он не будет метаться по этой клетушке?

– Будет, – мрачно отвечал Боллард. – Пока я не залью ее быстросхватывающимся цементом. Тогда-то уж этот сукин сын от нас никуда не денется! Цемент мы затем просверлим, и алмазы будут наши!

Джонсон нерешительно улыбнулся. Огромного, сверкающего золотом робота он побаивался.

– Ловушка сколько метров в ширину? – внезапно спросил Боллард.

– Три.

– Хорошо. Зови огнеметчиков. Скажи, чтобы следовали за нами. Если Аргус вдруг почует неладное и решит обойти ловушку, придется его туда загонять.

– Но, сэр… что ему стоит прорваться через огнеметчиков? – сомневался Джонсон.

– Сейчас и узнаем, чего это ему будет стоить! Командуй! Пускай люди встанут по обе стороны от ловушки так, чтобы роботу было некуда деваться. Живей, Джонсон!..

Секретарь умчался. Минуя комнату за комнатой, Боллард шагал за Аргусом. Наконец вернулся Джонсон. Он и еще трое огнеметчиков присоединились к Болларду, а остальные пошли окружать робота.

За следующим поворотом вся компания оказалась в длинном

узком коридоре. Посередине, под роскошным бухарским ковром, робота подстерегала ловушка. По другую сторону люка в Аргуса уже целились три огнемета.

Пара минут, и ловушка сработает!

– Врубайте, парни! – азартно воскликнул Боллард.

Шагавшие впереди три огнеметчика выпустили огненные струи.

Аргус сразу ускорился. Боллард вспомнил, что на затылке у робота имеются датчики. Впрочем, сейчас от них Аргусу никакого толку, потому что впереди…

Золотая ступня опустилась на ковер, и робот уже начал было перемещать на нее вес тела для следующего шага, как вдруг сработал инстинкт. Датчики просигнализировали о разной плотности материалов под ногами. Робот мгновенно убрал ногу и замер на краю ковра. Боллард выкрикнул «пли!», и огнеметчики дали залп Аргусу в спину.

Трое с другой стороны ловушки, поливая перед собой огнем, бросились роботу навстречу. Тот согнул ноги в коленях, поймал равновесие и прыгнул. Учитывая, что сделано это было с места, прыжок вышел что надо. Аргус обладал невероятной точностью движений, и немалый вес металлического тела был ему не помеха – инженеры наделили его недюжинной силой. Сверкнув золотом, робот с легкостью перемахнул через трехметровый люк, и даже с запасом в несколько сантиметров. Когда Аргус приземлился, его встретили три струи пламени.

Аргус задал стрекача, да такого, что различить движения ног было невозможно.

Преодолев стену огня и оставив позади огнеметчиков, он замедлился и дальше пошел своей обычной походкой – как ни в чем не бывало! Лишь когда стихла сирена, Боллард осознал, насколько громко она завывала. Прежде он ее как будто не замечал.

Для Аргуса опасность миновала. Чуть пострадал золотой корпус, тут и там оплавился металл, но и только. Никаких других повреждений Боллард не заметил.

Джонсон нервно сглотнул.

– Должно быть, он заметил очертания люка под ковром.

– Просто почувствовал, – негромко сказал Боллард, закипая от гнева. – Черт побери! Нам всего-то надо продержать эту жестянку пару минут на месте. Этого более чем достаточно, чтобы залить ее цементом!

Часом позже они предприняли еще одну попытку. Люди Болларда лили цемент сверху на подвесной потолок, пока вся

конструкция не рухнула роботу на голову. Идея заключалась в том, чтобы разбить потолочные панели о голову Аргуса и утопить его в жидком цементе. Все рассчитали верно, и потолок рухнул, когда робот был…

Где робот был, там через миг его уже и след простыл! Почувствовав нарастающее атмосферное давление, Аргус следовал своей обычной программе – удирал. Он выскочил в дверь и оставил позади ужасную разруху.

Боллард чертыхнулся:

– Мы пытаемся перехитрить самого дьявола. Дьявола, который различает малейшие изменения атмосферного давления! Не знаю, что и делать… Должен же быть какой-то выход! Джонсон! Вызови представителя «Пластик продактс»! Да поживей!

Спустя некоторое время Боллард засел у себя в кабинете вместе с представителем «Пластик продактс».

– Что-то не очень понимаю. Быстросхватывающийся цемент…

– Я хочу поливать цементом из шлангов. Смесь должна затвердевать при соприкосновении с роботом, причем мгновенно. Вот что мне нужно.

– Думаю, у нас есть именно то, что вам нужно. Цементид! Он загустевает при контакте с воздухом. Через тридцать секунд после выброса схватывается намертво.

– Похоже, то, что надо! Как скоро?

– Будет у вас завтра утром.

На следующее утро Аргуса загнали в один из огромных залов первого этажа. Тридцать человек, вооруженных брандспойтами – каждый с баком быстросхватывающегося цементида под рукой, – окружили робота. Боллард и Джонсон стояли в сторонке и наблюдали.

– Сэр, робот очень уж силен, – осмелился заметить Джонсон.

– Как и цементид, – возразил Боллард. – Мы зальем эту железку по самые уши! Он окажется в цементном коконе, который ему ни за что не разбить. Будет что твой мамонт в смоляной яме!

Джонсон щелкнул языком и просиял, – похоже, у него возникла идея.

– Придумал! Если ничего не получится и на этот раз, я бы мог…

– Джонсон, ради бога, избавь меня! – воскликнул Боллард и огляделся.

У каждого выхода стояла цепью группа людей. Как и все остальные, они были готовы извергать цементид из баков.

В центре же зала застыл в бесстрастном ожидании Аргус.

– Начали, – скомандовал Боллард.

Тридцать брандспойтов дали залп по золотому роботу.

Оглушительно заверещала сирена. Аргус закрутился вокруг своей оси.

Боллард недоуменно хлопал глазами. И это все? Робот ничего больше не предпринимал – только кружился.

Впрочем, делал он это быстро. И ничего удивительного! Все-таки эта машина обладала нечеловеческими силами. Глаз не различал ничего, кроме ослепительного пятна света: точно крошечная золотая планета, вращающаяся вокруг своей оси. Правда, в отличие от планеты, мир Аргуса ощутимым гравитационным полем похвастать не мог. Зато была центробежная сила. Эффект был такой, как если бы в работающий вентилятор забрасывали комья грязи. Цементные струи, сталкиваясь с телом Аргуса, комьями отскакивали от импровизированной робоцентрифуги. Один такой ком врезался Болларду в живот: сгусток успел затвердеть более чем достаточно, чтобы причинить ощутимую боль.

Аргус продолжал свое вращение, не предпринимая попыток к бегству. Сирена визжала так, что звенело в ушах. Люди Болларда, с головы до ног облепленные цементидом, из последних сил пытались залить робота, но все тщетно – сгустки летели обратно. Смесь начала застывать. Сцена напоминала тортометательное комедийное шоу Мака Сенетта.

Боллард командовал, надрывая горло, но шум стоял такой, что никто ничего не слышал. Между тем люди не сдавались, продолжали выполнять безнадежную задачу. Вот только не робот, а они сами с каждой секундой становились все менее подвижными.

Вскоре сирена смолкла, вращение Аргуса, от которого зрителей уже мутило, стало замедляться, а потоки цементида иссякли.

Остановившись, робот бесшумно и беспрепятственно покинул зал.

Один человек чуть не задохнулся. Цементид, залепивший ноздри и рот, едва успели извлечь. Больше пострадавших не было – если не брать в расчет Болларда, у которого сдали нервы.

Настал звездный час Джонсона. Боллард все-таки прислушался к секретарю. А предлагал тот не что иное, как зыбучий песок. Джонсон клялся и божился, что это остановит кого угодно, не говоря уже о каком-то роботе. В ходе подготовки возникли трудности: как завезти зыбучий песок в замок? Вскоре, однако, песку придумали замену и наполнили резервуар, шириной в восемь метров, липкой, как смола, массой. Дело

оставалось за малым – заманить Аргуса в ловушку.

– Гиблое дело заманивать этого робота в ловушку! – ворчал скептически настроенный Боллард. – Может, в проволочные тенета его загнать? Чтобы запутался?

– Думаю, сэр, этот замысел он в мгновение ока раскусит, – зарубил идею на корню Джонсон. – Я считаю, что загнать робота в яму, устроенную в узком коридоре, не такая уж и трудная задача.

– Но как? Опять огнеметы? Аргус, стоит ему только почуять опасность, бежит без оглядки. Заметив яму, он даст заднюю и раскидает моих людей.

– Силы робота ограниченны, ведь так? – развивал идею Джонсон. – Против танка, например, он не попрет.

Боллард задумался, а затем подхватил:

– Как насчет мини-трактора? Не то чтобы совсем уж мини – большинство коридоров в замке все же широкие… Танку, конечно, по ним не проехать, а вот трактор вполне сможет. Нужно подыскать такой, чтобы заполнил собой проход от стены до стены. Жаль все-таки, что не существует танка шириной в зал! Мы бы встали с одной стороны ямы, а танк поехал с другой… Начали бы палить из пистолета, Аргус бы замешкался и утоп в зыбучем песке!

Сделав необходимые замеры, в замок пригнали мощный трактор – в точности как описывал Боллард. Машина помещалась в коридоре, не оставляя никаких шансов к бегству – по крайней мере, к бегству робота. Если удастся загнать Аргуса в этот коридор, то обратного пути у робота уже не будет.

Трактор по совету Джонсона тщательно замаскировали, чтобы мозг Аргуса не обнаружил угрозы. И в то же время машина оставалась в полной готовности – завел и поехал.

Уловка имела все шансы на успех, но пришлось пойти на компромисс, который стал роковым. Несколько дней тому назад выяснилось, что робот может спокойно передвигаться под водой, шагая по дну. Поэтому было решено создать такую вязкость заменителя зыбучего песка, чтобы тот сохранил свои засасывающие свойства, но в то же время не был слишком жидким.

Масса получилась достаточно плотной, чтобы Аргус завяз в ней, и достаточно разреженной, чтобы немалый вес утянул его на дно.

Аргуса удалось заманить в коридор без проблем. Трактор, блокируя путь к отступлению, вкатился за ним следом. С низким рычанием машина продвигалась вперед, тесня Аргуса. Робот вел себя совершенно спокойно. Когда Аргус дошел до края ямы, он наклонился и прикоснулся золотой перчаткой к поверхности, по-

видимому проверяя вязкость.

А после робот взял и распростерся ниц! Согнув ноги по-лягушачьи, упер ступни в стену и с силой толкнулся, держа голову, точно перископ, над поверхностью.

Если бы робот попытался шагать по зыбучему песку, то он бы камнем пошел ко дну. Но Аргус оказался умнее, он максимально распределил свой вес по поверхности трясины. Разумеется, сразу же стал тонуть, но, по крайней мере, у него имелся, хоть и небольшой, запас времени для маневра.

Мощный толчок придал роботу достаточное ускорение. Аргус заскользил по поверхности трясины, как ялик по воде. Ни один человек так не смог бы. И пускай робот весил немало, сил у него было предостаточно.

Удерживаемый на плаву поверхностным натяжением и силой импульса, Аргус мчался к противоположному краю резервуара. Потеряв первоначальное ускорение, он стал тонуть; зыбучий песок вязкой хваткой вцепился в металл робота. Но цель уже была достигнута. Вытянув мощные руки, Аргус ухватился за край и вытащил себя из трясины. Впереди, в дверном проеме, стояли Боллард и Джонсон, молча наблюдая за очередным триумфом робота.

Они прянули в стороны, когда Аргус рванул прочь от резервуара. Не хватало еще оказаться на пути у этой горы металла! У робота сработал автоматический инстинкт самосохранения: бежать прочь от ловушки.

Прежде чем грязь засохла, Аргус заляпал больше дюжины роскошных ковров по всему замку. Сам же робот после купания в заменителе зыбучего песка выглядел уже далеко не так привлекательно, как раньше. Хотя его способности ничуть не пострадали.

Боллард повторил эксперимент, но с гораздо большим резервуаром. Он обработал даже стены коридора, чтобы у робота не было точки опоры. Но оказалось, что Аргус учится на своих ошибках и извлекает полезные уроки из прошлого опыта. Теперь, прежде чем войти в коридор, он оглядывался, оценивал обстановку: нет ли поблизости трактора? Боллард пришлось спрятать трактор в соседней комнате. Хвала небесам, через стены робот видеть не умел! И вот робот снова оказался в западне. Правда, на этот раз стоило трактору завестись и содрогнуться железными внутренностями, как робот пулей вылетел из коридора. Аргус, помимо прочих своих качеств, обладал еще и отменным слухом.

– Ну и… – нерешительно произнес Джонсон.

Боллард в задумчивости пожевал губами.

– А?.. Смойте-ка грязищу с робота. Увидев такого грязнулю, денег мне точно никто не даст. Аргус должен сверкать.

У Джонсона, смотревшего вслед удаляющемуся Боллярду, брови озадаченно поползли вверх.

Боллард провел переговоры с кредиторами по телесвязи, и назвать их удачными было нельзя. Враги наступали со всех сторон. Только бы дожить до конца месяца, и тогда он всем им покажет! А между тем его империя рушилась на глазах. И ведь всего-то надо было изловить треклятого робота, разгуливающего прямо у него под носом!

Отдав распоряжения, Боллард побрел наверх, в комнату Аргуса. Отмытый до блеска робот, точно фантастическое видение, стоял у окна, сияя золотом в солнечных лучах. Заметив свое отражение в зеркале, Боллард инстинктивно расправил плечи и сразу отметил, что в молчаливом присутствии Аргуса его попытка приосаниться выглядит более чем жалко. Боллард посмотрел на робота и в сердцах воскликнул:

– Да будь ты проклят! Проклят! Слышишь меня?!

Под солнцезащитным козырьком шлема бездушно сверкали алмазные окуляры. Слова хозяина ничуть не тронули Аргуса. Поддавшись прихоти, Боллард потребовал сделать робота похожим на рыцаря. Сейчас он ненавидел себя за это решение. Комплекс неполноценности, который Боллард душил в себе все эти годы, теперь угнетал, как никогда прежде.

Рыцарь во всем своем золотом великолепии возвышался над ним – Брюсом Боллардом! – точно величественная молчаливая башня. Этот робот как будто упрекал его!

Боллард напомнил себе, что это машина. Всего лишь машина, созданная человеком. «Но я же умнее какой-то там железки!»

И все-таки робот оказался умнее, Боллард прекрасно это сознавал.

В своей области, имеющей известные пределы, Аргус обладал несравненным интеллектом. Боллард в вопросах безопасности и рядом с ним не стоял! Аргус, в отличие от хозяина, был богат и неуязвим. Кроме того, Аргус не мог лишиться своего богатства, потому что олицетворял его. Этакий Мидас, чей дар не превратился в проклятье. Была в этом роботе своеобразная красота. Высокий, спокойный, ни в чем не сомневающийся, он стоял перед своим создателем как равный!

«Если бы я мог уничтожить эту чертову железку! – думал Боллард. – Тотчас бы так и поступил! Только лишь ради того, чтобы это проклятущее создание перестало меня игнорировать!»

Аргус лишил Боллarда власти, уничтожил его империю, а

вместе с тем и всю судьбу алмазного магната. И учинил он все это совершенно бессознательно. Боллард понимал и терпел злобу и ненависть других людей. Если о тебе злословят и твоя персона будоражит умы врага, значит ты чего-то стоишь. Но для робота Брюса Болларда попросту не существовало. Пустое место!

Золотая кираса сверкала на солнце, наполняя комнату бликами. Лучи света, падая на алмазы, преломлялись и пронизывали воздух радужным спектральным сиянием. Боллард поймал себя на том, что его лицо вновь исказилось в свирепой гримасе.

С той минуты события разворачивались стремительно. Экономическому краху предшествовала целая лавина событий. Но одно из самых значимых – арест замка. Алмазный король вынужден был покинуть родные пенаты. Но прежде чем оставить замок, он рискнул открыть барокамеру для выращивания алмазов на неделю раньше срока. Разумеется, ничего, кроме бесполезного углерода он там не обнаружил. Так или иначе, у Болларда не было недели, чтобы ждать. Со дня на день замок и все его содержимое должны были продать с молотка.

За исключением робота. Аргус по-прежнему принадлежал Болларду, а точнее, его жене. Они подписали с Джессикой договор о купле-продаже так, что комар носу не подточит! Документы были законны до последней запятой. Боллард добился судебного постановления, что он волен забрать робота, когда ему будет удобно. Если, конечно, он вообще найдет способ освободить замок от робота.

Он что-нибудь да придумает! Со временем. Может быть…

Ффулкес позвал Болларда на обед, который на самом деле оказался самой что ни на есть деловой встречей. Первое время Ффулкес трепался обо всем на свете, но насмешливый блеск в глазах выдавал его злобную натуру.

– Брюс, а как, кстати, у тебя дела с роботом? – наконец задал он вопрос, волновавший его больше всего.

– Все в порядке, – насторожился Боллард. – А что?

– Слышал, замок-то арестовали! Это правда?

– Правда. Но робота я могу забрать, когда захочу. Суд вынес решение в мою пользу – особые обстоятельства.

– Все мечтаешь поймать эту железяку… Я бы на твоем месте не лелеял надежды. Гюнтер был семи пядей во лбу. И уж если он сделал робота неуязвимым, так тому и быть. Бьюсь об заклад, что робота тебе не видать как своих ушей! Если только не узнаешь вдруг кодовую фразу, конечно…

– Я… – Боллард осекся, взгляд изменился. – Откуда тебе

известно…

– Что существует кодовая фраза? Гюнтер мне звонил перед… Как бы это назвать? Перед тем, как с ним произошел несчастный случай. Он подозревал, что ты планируешь его прикончить. Всех деталей трагедии Гюнтера я не знаю, но в тот вечер он со мной связался. Велел до поры до времени кодовой фразы тебе не говорить. И знаешь что? Дальновидность Гюнтера поражает воображение!

– Ты знаешь кодовую фразу? – упавшим голосом спросил Боллард.

– Конечно нет! – помотал головой Ффулкес.

– Тогда что же он тебе сказал?

– Гюнтер сказал следующее… Передай Боллярду, что кодовая фраза на ленте с записью: название и номер патента для создания искусственных алмазов.

Боллард уставился на ногти. Значит, запись на ленте. Секрет, который удалось раскрыть ценой жизни Гюнтера. Сейчас Боллард – единственный человек на всей планете, кто знает название патента: «Макнамара, процесс скручивания под высоким давлением, порядковый номер R-735-V-22». Значит, именно на такую фразу Гюнтер запрограммировал Аргуса перед своей смертью…

– Доел? – спросил Ффулкес.

– Да. – Боллард встал, комкая салфетку.

– За мой счет… Брюс, и еще один момент. Мне будет на руку, если алмазы обесценятся. Свои алмазные авуары я распродал, а вот мои конкуренты держат контрольные пакеты акций африканских шахт. И если алмазный рынок пробьет дно, я кое-что выгадаю на этом, понимаешь?

– И?..

– И быть может, ты мне подскажешь номер патента?

– Нет.

– Я так и думал, – вздохнул Ффулкес. – Что ж, прощай!

Боллард арендовал бронированный грузовик, нанял дюжину охранников и отправился в замок. Караульный у ворот приветственно кивнул:

– Желаете посетить замок, сэр?

– У меня есть разрешение…

– Да, я знаю, сэр. Проезжайте. Вы за своим роботом?

Боллард ничего не сказал. Очутившись в замке, он отметил, насколько тот стал чужим и странным. Ковры убрали, картины сняли, мебель вынесли… Это больше не его замок.

Боллард глянул на часы – пять минут третьего. Значит, Аргус

делает обход замка. Должно быть, робот сейчас в большом зале.

Боллард ринулся в большой зал и увидел на пороге золотую фигуру Аргуса, а за ним… А на расстоянии срабатывания сирены следовали двое мужчин.

Боллард, оглядев их, решил, что это судебные приставы. Он подошел и представился.

– Да, сэр, мы в курсе, кто вы такой.

– Что?.. Какого дьявола! Дэнджерфилд? Заместитель Ффулкеса? Что ты тут…

На бесстрастном лице Дэнджерфилда не дрогнул ни один мускул.

– Меня привели к присяге, и теперь я специальный представитель. Власти сочли робота слишком ценным, чтобы оставлять без охраны. Нам поручено не спускать с него глаз.

Боллард на мгновение замер, а затем произнес:

– Что ж, полагаю, вы исполнили свое поручение. Я забираю робота.

– Очень хорошо, сэр.

– Вы можете идти.

– Простите, но нет. Приказ гласит, что робота нельзя оставлять ни на мгновение без охраны.

– Это распоряжение Ффулкеса, а не суда! – воскликнул Боллард, с трудом сдерживая гнев.

– Сэр?

Боллард обратил внимание на второго пристава:

– Ты тоже шавка Ффулкеса?

– Сэр?

– Вы можете забирать робота куда угодно, – сказал Дэнджерфилд. – Но пока он тут, мы не спустим глаз с алмазов.

Препираясь, они шагали за Аргусом. Робот между тем уже перешел в следующий зал и медленно двинулся по периметру. Боллард, оббежав Аргуса, прикрыл ладонью рот и прошептал:

– Макнамара, процесс скручивания под высоким давлением, порядковый номер R-735-V-22.

Аргус продолжал свое шествие как ни в чем не бывало.

– Почему бы вам не попробовать сказать громче? – спросил Дэнджерфилд, держа наготове планшет и стилус.

Боллард, застыв на миг, бросил на людей Ффулкеса полный ненависти взгляд, а затем попытался подбежать к роботу с кодовой фразой на устах. На приближение человека Аргус отреагировал мгновенным бегством.

Подобраться к роботу вплотную, чтобы тихо, но внятно произнести пароль, не получалось никак. Скажи Боллард кодовую

фразу громче, Дэнджерфилд тотчас сообщит ее Ффулкесу. А как, в свою очередь, поступит Ффулкес? Предаст огласке процесс изготовления алмазов и обвалит рынок акций.

Терцет во главе с Аргусом продолжил шествие, а Боллард остался на месте. Что же делать? Устроить ловушку? Боллард прекрасно знал, что поймать робота в ловушку невозможно. Да и кто ему поможет? Ни замок, ни здешние слуги отныне ему не принадлежат. Были бы у него по-прежнему деньги и власть, решить эту задачку рано или поздно удалось бы, но сейчас… Сейчас время играет против него.

Если сейчас действовать решительно и быстро, он еще смог бы поднять империю из пепла. А вот уже через месяц вряд ли. Спустя каких-то тридцать дней бразды правления вырвут у него из рук, и тогда пиши пропало.

Мысли Болларда перескакивали друг через друга в лихорадочных попытках найти выход из ситуации.

Может, попытаться еще разок изготовить партию алмазов?

Попытаться можно, но он уже отнюдь не прежний Брюс Боллард. Его низринули с олигархического олимпа, и он стал уязвим. Ибо только богатство дает неприкосновенность. Ффулкес будет всюду следовать за ним тенью. Сохранить что-либо в тайне не представляется возможным. Что бы ни предпринял Боллард, Ффулкес обязательно об этом прознает. Он держит Болларда на коротком поводке. Как только тот примется выращивать алмазы, люди Ффулкеса узнают технологию изготовления, и тогда ни о каком спасении не может быть и речи.

Спасение… С какой легкостью Аргус каждый раз спасался! Боллард лишился своей неприкосновенности, а его робот остался по-прежнему неуязвимым. Боллард потерял все богатства, в то время как его робот – Мидас во железной плоти. В этот самый главный жизненный кризис не помогли ни обширные знания, ни опыт. Безумная мысль вдруг промелькнула у Болларда: а как бы на его месте поступил Аргус? Что бы сделал робот, чьи не знающие поражений металлические мозги сделали его совершеннее людей, его сотворивших?

Аргус никогда бы не оказался в подобной ситуации. Роботу ни до чего нет дела на этой планете, кроме как до своего великолепного золотого покрова, усеянного вспыхивающими каменьями. Вопреки всему, ни о чем не заботясь и не задумываясь, Аргус продолжает свой обход замка.

Боллард, судорожно втянув воздух, спустился в подвал, отыскал кувалду и отправился по следу Аргуса.

Робота он настиг в столовой. Тот неспешно, величаво

двигался через зал, и свет, лившийся в окна, ласкал его золотое облачение и взрывался радужными блестками.

Боллард весь взмок, но отнюдь не от усилий. Он встал на пути у Аргуса и произнес:

– Замри предо мной, ты… – Боллард закончил фразу непечатным словом.

Аргус, не обращая внимания, пошел в обход. И тогда Боллард громко отчеканил:

– Макнамара, процесс скручивания под высоким давлением, порядковый номер R-735-V-22.

Стилус Дэнджерфилда заметался по экрану планшета. Робот замер. Картина была из ряда вон: как если бы Боллард удалось словом остановить лавину посреди склона горы! В воцарившейся тишине раздался голос второго пристава:

– Успел?

– Да, – отозвался Дэнджерфилд. – Идем.

Люди Ффулкеса ушли. Боллард вскинул кувалду и двинулся к безмятежному и величественному Аргусу, который невидяще смотрел вдаль.

Приподнявшись на носках Боллард замахнулся. Первый удар пришелся в массивную грудь. Кувалда впечаталась в золотую кирасу – во все стороны, сверкая, брызнули алмазы. Исполненный невероятного достоинства Аргус качнулся на пятках и завалился на спину. Грохот эхом прокатился по пустому залу.

Боллард вскинул кувалду и вновь обрушил ее на Аргуса. Пробить прочнейшую металлическую оболочку, скрывавшуюся под доспехами – впрочем, как и расколоть алмазы, – ему, конечно же, было не под силу. Но, раз за разом атакуя Аргуса яростными ударами, Боллард выбивал из золотой кирасы драгоценные камни и оставлял на ней глубокие царапины и вмятины.

– Будь ты… проклята!.. – орал Боллард, охваченный жаждой бессмысленного разрушения. – Чертова… машина!..

Не сегодня, так завтра

Существо, застывшее в прозрачной глыбе, было из прошлого, не из будущего, и его чужеродность проистекала скорее из окружающей среды, нежели из родословной. У него вообще не было никаких предков, разве что, так сказать, по доверенности. ИГланны – тут нет опечатки, так называлась эта допалеолитическая раса – создали его, когда на Долину начали наступать ледники. Тем не менее иГланны все равно вымерли, и отчасти потому, что они не были людьми, никакие их артефакты так никогда и не были найдены представителями более поздней цивилизации homo sapiens, человека разумного.

ИГланны были разумными, но не людьми. И потому существо, которое они создали в свои последние дни, дни отчаянных экспериментов, было сверхиГланном. Оно не было сверхчеловеком, иначе Сэм Фессье не смог бы вступить с ним в контакт, когда обнаружил прозрачный куб.

Это произошло незадолго до Второй мировой войны.

Фессье вернулся в свою квартирку в сильнейшем возбуждении – худой рыжеволосый молодой человек двадцати восьми лет от роду, с голубыми глазами и осунувшимся от усталости лицом. В эту минуту Фессье снедало непреодолимое желание выпить. Утолив его, он обнаружил, что еще сильнее ему хочется общества, поэтому он вышел из дому, купил бутылку и отправился к Сью Дейли.

Сью, хорошенькая блондиночка, мечтала сделать карьеру. Работала она в рекламном агентстве, что служило предметом для громогласных насмешек Фессье. Сам он был карикатуристом, из тех, которые обычно видят мир как будто в кривом зеркале. Поначалу он считал своим кумиром Винзора Маккея, но со временем Маккея вытеснили такие современные тицаны, как Парч и Адамс[40] (тицаны – это тоже не опечатка, а помесь титанов с тицианами).

– Я хочу сменить имя, – сообщил Фессье после третьего коктейля. – Отныне можешь звать меня Аладдином. Хоссподи!

Сью попыталась нахмуриться:

– Фу, дурацкое слово.

– А что поделать, если большинство издателей не переносят ни малейшего намека на богохульство? Приходится быть настолько осмотрительным с подписями к рисункам, что я и разговариваю уже экивоками. И вообще, не о том речь. Я сказал, что хочу сменить имя на Аладдин.

Сью взяла шейкер для коктейля и тряхнула его:

– Давай еще по стаканчику, а потом объяснишь мне, в чем соль твоей шутки.

Она попыталась налить, но Фессье отпихнул ее руку.

– Я предвижу, что теперь мне придется сталкиваться с подобным скептицизмом повсюду. Нет, правда, Сью. Кое-что произошло.

Она посерьезнела:

– Правда, Сэм? Это не одна из твоих…

– Нет, – с отчаянием сказал он. – В том-то и беда: все решат, что это розыгрыш. Но у меня есть доказательства. Запомни это. Сью, сегодня я побывал на аукционе и кое-что купил. Стеклянную глыбу размером с твою голову.

– Да ты что! – отозвалась Сью.

Фессье, не обращая внимания на тонкости женского восприятия, продолжал:

– Внутри этой глыбы был маленький человечек или что-то в этом роде. Я купил его, потому что… – Он замялся и умолк. – Он… он смотрел на меня, – договорил Фессье сбивчиво. – Открыл свои глазки-бусинки и посмотрел на меня.

– Ясное дело, посмотрел, – поддержала разговор Сью, наполняя стакан приятеля. – Глазками-бусинками, да? Надеюсь, дальше будет интересно.

Фессье поднялся и вышел в прихожую. Вернулся он с бумажным свертком размером с голову Сью. Усевшись, он примостил сверток на коленях и принялся его распаковывать.

– Мне стало любопытно, вот и все, – сказал он. – Или… в общем, мне стало любопытно.

– Может быть, эти глазки-бусинки загипнотизировали тебя, чтобы ты его купил, – предположила Сью, с невинным видом глядя на него поверх бокала.

Рука Фессье, теребившая бечевку, замерла.

– Угу, – промычал он и вновь занялся свертком.

Из-под обертки показался прозрачный куб со стороной примерно в девять дюймов и с замурованной внутри мандрагорой. Во всяком случае, больше всего эта штука походила на корень мандрагоры или того, что китайцы называют женьшенем. Она напоминала грубовато вылепленную фигурку с руками, ногами и головой, но настолько коричневую и сморщенную, что это легко мог быть просто корешок причудливой формы. Глазки-бусинки, однако, открыты не были.

– И сколько ты заплатил за эту штуковину? – поинтересовалась Сью.

– А, ерунда, десять баксов.

– Тогда ты точно был под гипнозом. И все-таки в ней что-то

есть. Это мне?

– Нет, – грубо отрезал Фессье.

Девушка удивленно посмотрела на него:

– Ты завел себе еще одну девицу? Понятно. Она живет в мавзолее. Вместо того чтобы подарить ей цветы, ты тащишь этого уродца…

– Погоди, – оборвал ее Фессье. – По-моему, он собирается открыть глаза.

Девушка взглянула на глыбу, потом на приятеля. Ничего не произошло, и она протянула руку, чтобы взять куб и изучить его поближе, но Фессье предостерегающе покачал головой:

– Погоди минутку, Сью. Когда я увидел эту штуковину на аукционе, она была вся в пыли. Я протер ее. Тогда он и открыл глаза. Потом я принес ее домой и снова протер.

– Прямо как Аладдин, – заметила Сью.

– Он разговаривал со мной, – пробормотал Фессье.

На город начала опускаться ночь. Серость за окнами сгустилась в сумерки. Вдалеке помаргивали светящиеся вывески, но они не отвлекали – как и приглушенные звуки, доносившиеся с улицы, они были безличными. В Нью-Йорке оказаться в одиночестве не сложнее, чем в Монтане, только это одиночество несколько менее дружелюбно. Возможно, причина в том, что большой город – крайне замысловатый и сложный общественный механизм, и стоит только выбиться из ритма этой машины, как начинает ощущаться необъятность города. Это ошеломляет.

Человечек-мандрагора открыл глаза. Как Фессье и сказал, они были маленькие и походили на бусинки.

Когда Сью пришла в себя, она поняла, что существо говорит уже довольно давно. Речь его, разумеется, была полностью телепатической. Прозрачная глыба, в которую оно было заключено, не пропускала звуковые волны. Она вообще была почти непроницаемой. Сью удивилась, что не удивлена…

– …Но удивление и недоверие – обычные человеческие реакции, – говорило существо. – Даже тысячу лет назад было так. В то время представители вашей расы утверждали, что верят в ведьм и оборотней, но одно – дело верить, а другое – наяву столкнуться с конкретным проявлением сверхъестественного. Я составил схему эмоциональных реакций – последовательность, развивающуюся от недоверия до веры посредством логического процесса убедительного эмпирического доказательства, – и выработал эффективный метод сократить процесс. Я давно уже не трачу энергию попусту. Примем за данность, что вы убеждены. Я добился этого при помощи средства, которое вы можете назвать

психическим излучением. Таким способом я могу воздействовать на эмоции, но, к сожалению, мнемонический контроль мне недоступен. Ваша раса обладает неутолимым любопытством. Далее последуют вопросы.

– Далее последует коктейль, – заявил Фессье. – Сью, куда ты подевала бутылку, которую я принес?

– Она на кухне, – отозвалась девушка. – Я схожу.

Однако на кухню Сью и Фессье отправились вместе. Прислонившись к раковине, они переглянулись.

– Что самое странное, я ничуть не сомневаюсь, что он не врет, – признался Фессье. – С таким же успехом он мог бы излагать мне закон всемирного тяготения; я бы столь же безоговорочно ему поверил.

– Но кто он такой?

– Не знаю. Знаю лишь, что он… настоящий. Я убежден.

– Психическое излучение…

– Ты боишься? – тихо спросил Фессье.

Девушка взглянула в окно:

– Послушай, Сэм. Мы ведь верим в силу тяготения, но из окна слишком сильно не высовываемся.

– Э-э-э… У нас есть две возможности. Одна – уйти через черный ход и никогда больше не возвращаться. Вторая…

– Если он способен жонглировать психическим излучением, словно мячиками для пинг-понга, он может убить нас или… или превратить в двух отморозков, – заметила Сью.

– Угу. Мы могли бы уйти через черный ход, но мне не хочется даже думать о том, как стеклянный куб с корешком внутри будет гоняться за нами по всей Лексингтон-авеню. И что я здесь стою и думаю? Дай-ка…

Фессье завладел бутылкой и от души к ней приложился. После нескольких глотков возвращение к удивительной покупке показалось им напрашивающимся выходом.

– К-кто ты вообще такой? – спросил Фессье.

– Я же говорил, что далее последуют вопросы, – сказало существо. – Знаю я вашу расу. Вечное любопытство. Может быть, когда-нибудь…

– Ты опасен?

– Многие благословляли меня. Я стар. Я – легенда. Ты упоминал сказку об Аладдине. Я – прообраз джинна из бутылки. И лампы, и вещей мандрагоры, и гомункула, и сивиллы, и еще сотни прочих талисманов, которые упоминаются в ваших легендах. Но я не являюсь ничем из них. Я – сверхиГланн.

Сью и Фессье стояли перед ним, безотчетно держась за руки.

– Сверх-кто? – переспросила девушка.

– Была такая раса, – сообщило существо. – Не человеческая раса. В те времена организмы часто мутировали. ИГланны обладали разумом, но их мозг работал иначе, нежели ваш. Они могли бы дожить до современной эпохи, но их погубил ледниковый период. Вот. У вашей науки есть свои слепые пятна, потому что вы люди и обладаете человеческими ограничениями. У вас, к примеру, бинокулярное зрение и всего шесть чувств.

– Пять, – поправил Фессье.

– Шесть. У иГланнов тоже были свои ограничения. В одних отношениях они были более развитой расой, чем ваша, в других – менее. Они пытались найти способ выжить и работали над созданием формы жизни, которая обладала бы абсолютной приспособляемостью, абсолютной неуязвимостью, чтобы потом в соответствии с этим изменить свою физическую структуру, чтобы ледниковый период и прочие опасности не уничтожили их. Человек может создать сверхчеловека – обычно в результате генетического сбоя. ИГланны создали сверхиГланна. А потом вымерли.

– Ты – сверхчеловек? – уточнила Сью, слегка запутавшись.

– Нет. Я – сверхиГланн. Это из другой оперы. Сверхчеловек теоретически не будет иметь человеческих ограничений. Но, скажем, сверхсобака – будет. Я – сверхиГланн, на которого не распространяются ограничения иГланнов, но некоторые вещи, которые можете делать вы, мне не под силу. И наоборот, я – легендарный талисман, я могу исполнять ваши желания.

– Ну и где мой скептицизм? – вздохнул Фессье. – Хотя, вообще-то, при мне.

– Ты не подвергаешь сомнению мое существование. Только мои способности. Если ты думаешь, будто я могу за ночь отгрохать дворец, то будешь разочарован. Но если тебе хочется дворец, я могу подсказать тебе самый простой способ его получить.

– Что-то это начинает смахивать на «Акры алмазов»[41]. Если ты примешься рассказывать мне, как упорство и труд сделают меня президентом, мне останется только надеяться, что это сон. Хотя и во сне мне не нравится, когда меня учат жить.

– У вас бинокулярное зрение и всего шесть чувств, – сказало существо, – поэтому вы не можете ясно видеть шаги, которые приведут к определенному исходу. Я же смотрю на ваш мир и на все, что в нем происходит, как бы с высоты птичьего полета. Я вижу, какие ручьи впадают в какие реки. Так вы хотите дворец?

Оба отказались.

– А чего вы хотите?

– Не знаю, хотим ли мы чего-нибудь, – сказала Сью. – Хотим,

милый? Не забывай про бесплатный сыр.

– Человеческая «народная мудрость», основанная на подозрительности и теории зеленого винограда, – заметило существо. – Взгляните на нее трезво. Разве зло всегда бывает наказано? А я не злой в человеческом понимании этого слова. Я слишком стар, чтобы задумываться даже о правомерности подобных терминов. Я могу дать вам то, что вы хотите, но у меня есть свои пределы. Мои жизненные силы невелики. Время от времени мне нужно отдыхать и восстанавливать их.

– Ты имеешь в виду спячку? – спросил Фессье.

– Это не сон, – возразил человечек-мандрагора. – Сон мне неведом.

– Полагаю, все хотят преуспеть на своем поприще. Если бы…

– Изучай творчество Пикассо и критские памятники. – Существо назвало еще несколько видов искусства и упомянуло книгу, о которой Фессье никогда не слышал.

– Ну, так я и думал. Упорство и труд все перетрут.

– В тебе скрыты определенные силы, а также определенная самобытность и талант. Полноводность реки можно оценить количественно, но самой реке это не под силу. Я знаю, какой потенциал в тебе заложен. Запруди реку в определенных местах, выкопай новое русло или позволь ей самой пробить себе выход. Я ведь говорил, что не могу отгрохать дворец за одну ночь.

Фессье молчал, но Сью подалась вперед, губы ее приоткрылись.

– Действия Сэма никому… никому не навредят?

– Некоторым определенно навредят.

– Ну, я хочу сказать… никто не умрет, чтобы Сэм мог занять его место?

– Разумеется, нет. Возможно, при альтернативном развитии событий пострадает меньше народу, чем если бы вы никогда со мной не встретились. Думаю, существует вероятность-возможность, что в конце концов этот человек подхватит смертельную болезнь и заразит еще десяток человек.

– Ух ты, – сказал Фессье. – Предположим, я последую твоему совету.

– Тогда этого не произойдет.

– Но произойдет что-нибудь похуже?

– Не думаю… нет. С вашей точки зрения, по всем признакам результаты обещают быть лучше для всех заинтересованных лиц. – Тут телепатическая речь перешла в шепот: – Даже для меня.

Сью думала о своем:

– А мне можно поучаствовать? Мне хотелось бы сделать

успешную карьеру.

– Все, что мне под силу, – это подсказать, как обойти кое-какие естественные препятствия, которые при обычном течении событий помешали бы тебе. В следующую среду вечером отправляйся в «Chez coq» к десяти и надень зеленую шляпку.

– И все?

– Нет. Напейся. А теперь мне нужно отдохнуть.

Существо закрыло глаза и умолкло.

Оно побывало в бесчисленных мирах. В различных континуумах время текло по-разному, и существо уже не могло бы сказать, сколько лет, веков или тысячелетий миновало с тех пор, как иГланны дали ему жизнь. Внутри своей стеклянной глыбы оно лежало недвижимо, на человеческий взгляд. Однако на самом деле оно находилось не в глыбе. Глыба была лишь трехмерным окном, через которое оно могло смотреть в мир, который узнало первым.

Маленькое странное существо, менее чем в фут высотой, коричневое и сморщенное, точно корень, и столь же неподвижное. Оно покоилось, утомленно наблюдая и выжидая.

Но Фессье читал старинную книгу и штудировал Пикассо, критское искусство и прочие вопросы. В четверг вечером он сидел дома, когда раздался звонок в дверь. Это оказалась Сью Дейли, раскрасневшаяся и веселая.

– Скрести пальцы! – воскликнула она. – Похмелье было жутким, но дело того стоило. Где ты был весь день? Я звонила.

– В Метрополитен-музее, – сказал Фессье, гася сигарету. – Делал наброски. Что случилось?

Сью уселась и коснулась книги, лежавшей на кофейном столике возле нее, – небольшого томика, из которого торчало несколько десятков бумажных закладок.

– Это… а-а-а. Где наш талисман?

– Я запер его в шкафу. Он еще спит.

– Он же не знает, что такое сон, – сказала Сью. – Ты забыл? Ладно, я хотела рассказать тебе, что случилось вчера вечером.

– Да уж, неплохо бы. Раз уж ты не согласилась взять меня с собой. – В голосе Фессье послышались ревнивые нотки.

– И правильно сделала. Я познакомилась с одним человеком. Со смешным толстячком, который до ужаса сентиментален.

– Ага. И он собирается дать тебе миллион долларов?

– Не совсем, – ответила Сью. – Он был пьян в стельку. Да и я тоже, иначе не стала бы с ним разговаривать. Он подошел к моему столику и представился. Похоже, ему приглянулась моя шляпка – такая зеленая. Для него это символ. В двадцатые годы

все сходили с ума по арленовской «Зеленой шляпке»[42], и такая была на его жене, когда они познакомились. Теперь они развелись, но Пончик только что не таскает повсюду ведерко, чтобы лить туда слезы, вспоминая старые добрые деньки.

– Пончик?

– Ну да, – фыркнула Сью. – Он такой. Его зовут Роберт Коуэн Кук, и он только что купил фирму, которая делает какую-то химию. Растворитель для чернил или что-то в этом роде. Там все слишком сложно, но Пончик хочет организовать рекламную кампанию для своей новой фирмы, и когда он узнал, что я этим занимаюсь, то решил, что меня послало ему само небо. Сегодня он должен был встречаться с моим начальником, и я думаю, из этого может что-то выйти.

– Класс, – отозвался Фессье нарочито равнодушным тоном.

Сью поспешно поднялась и поцеловала его:

– Ну, Сэм!.. Не будь таким букой.

– Точно, – ухмыльнулся он. – Ты разбогатеешь и прославишься, и мне придется жениться на тебе ради денег.

– И что, не женишься?

– Еще как. Но я бы предпочел…

– Ты тоже разбогатеешь и прославишься. Помнишь? Впрочем, что я говорю? – оборвала себя Сью. – Это все совпадение. Иначе быть не может.

Фессье водил угольным карандашом в альбоме для эскизов.

– Надо думать. Я верю в нашего… крошку, но не в его способности. Пока не верю. Он позабыл убедить меня в них.

– Может, это ему не под силу. У него ведь есть свои ограничения, помнишь?

– Бедный старичок, – сказала Сью. – Он дал бы иГланнам сто очков вперед, но здесь ему приходится тяжко. Должно быть, люди кажутся ему странными.

– Все человеческое ему чуждо. – Фессье нарисовал кривую линию, стер ее, нарисовал заново.

Сью вытянула шею:

– Что это? А? – Она прищурилась. – Что-то новенькое?

– Не знаю. У меня появились кое-какие идеи. Та книжка, которую посоветовал наш талисман…

– Это она и есть? «Тристрам Шенди»[43]. Никогда не читала.

– И я тоже, – заметил Фессье. – Любопытная книжица. Автор написал ее в точности так, как и задумывал. У него был очень своеобразный взгляд на мир. Такой… чудной, знаешь ли.

Он вдруг вскочил, отпер шкаф и вытащил прозрачный куб. Поставил его на кофейный столик.

– Он… оно спит, – сказала Сью.

– Ты же сама говорила, он не знает, что такое сон.

– Значит, отдыхает.

Фессье потер куб. Человечек не шелохнулся.

– Значит, терпение и труд, да? – сдался Сэм некоторое время спустя. – Ладно. Окажем уважение табличке «Не беспокоить».

СверхиГланн отправился обратно в шкаф – до лучших времен.

Пончик, он же Роберт Коуэн Кук, воспылал огромным, хотя и платоническим интересом к Сью. Девушка приложила к этому все усилия. «Кук кемикалс инкорпорейтед» была на рынке новичком и нуждалась в рекламе. Толстяк решил, что Сью – единственная, кто способен воплотить его идеи, и настоял, чтобы рекламную кампанию отдали в ее полное ведение. Начальнику девушки это пришлось не очень-то по вкусу, но контракт был слишком выгодным, чтобы упускать его из-за недостатка дипломатичности. И потом, шеф считал, что сможет держать Сью в узде.

Он просчитался. Девушка выстроила свою кампанию в совершенно нетрадиционном духе, разрабатывая замыслы, которые за долгие годы скопились в ее записной книжке. У нее оказались недюжинные способности к рекламному делу, и, получив полную свободу действий, она развернулась так, что ее начальник рвал бы на себе волосы, будь он на двадцать лет моложе, однако с тех пор от прически у него остались одни воспоминания. Роберт Коуэн Кук сиял, одобрял все, что бы Сью ни делала, и радовался, что чутье не подвело его. И результат не заставил себя ждать. Сью Дейли определенно делала успехи и поняла это, когда другие агентства начали наперебой пытаться залучить ее к себе.

Дела Сэма Фессье тоже потихоньку шли в гору. В глубине души его всегда точил червячок сомнения, оживлявшийся всякий раз, когда Сэм заглядывал в шкаф, однако один издатель изъявил желание выпустить альбом его избранных карикатур. Ранние работы Фессье издателя не заинтересовали, а новых пока не хватало на целый том, но он без труда восполнил этот недостаток. Он учредил новый *жанр*.

Ни сами рисунки, ни подписи к ним по отдельности не могли бы объяснить эффекта карикатур Фессье. Рисунки же в сочетании с комментариями получались уморительно смешными. Он приобрел новое ви́дение и нашел новый способ выразить его как в изображении, так и в подписи. Оно было, разумеется, подражательным, но результатом стал оригинальный сплав, авторство которого принадлежало Фессье. Людей заставляло смеяться не мировосприятие Тристрама Шенди, а смешение

взглядов Шенди и Фессье, выраженное в своеобразном, будто подсмотренном в кривом зеркале рисунке. У юмора есть свои законы. Источник нашел себе новый выход, а Фессье открыл верный способ подачи своих мыслей и черпал в нем созидательную энергию.

Шесть месяцев спустя Фессье давал вечеринку. На следующий день они со Сью должны были пожениться, и это требовалось отметить. Его квартирка была недостаточно просторна, поэтому они воспользовались гостеприимством Пончика, и через два часа все приглашенные уже были изрядно навеселе. Фессье очутился в обществе химика с безумными глазами, сотрудника «Кук кемикалс инкорпорейтед».

– Универсальный растворитель, – вещал химик, которого звали Макинтайр. – Растворяет все. Все без толку… Без толку.

Фессье, примостив стакан виски с содовой и льдом на колене, попытался изобразить умное лицо:

– Почему?

– Непрактично. Думать о его использовании – не мое дело. Пропихивают этот новый удалитель запахов, изобретение Кейстера. Рекламируют его усиленно. Не хотят выпускать ничего нового, чтобы не составлять конкуренции. Сказали, надо подождать. Не везет мне. Впрочем, я его запатентовал. То есть компания запатентовала. Универсальный растворитель.

– Он растворяет все на свете? – поинтересовался Фессье.

– С ума сошли? – поразился Макинтайр. – В чем вы будете хранить такой растворитель? Я сказал: универсальный растворитель для некоторых материалов. Чисто, быстро, аккуратно. Масса применений. Наливаете его, пшик! – и готово.

– Не верю, – сказал Фессье.

В конце концов они очутились в лаборатории Макинтайра на фабрике Кука на Лонг-Айленде. Возможно, Фессье не ушел бы с вечеринки, если бы какой-то приглашенный киноактеришка не начал нахально приударять за Сью. Фессье решил, что Сью еще пожалеет, когда обнаружит его, Фессье, мертвым, и на нетвердых ногах отправился на Лонг-Айленд вместе с неугомонным химиком. Однако там они столкнулись с одним затруднением. В лаборатории имелся растворитель Макинтайра, равно как и множество других веществ, но ни капли спиртного. Следующий логический шаг был очевиден. Фессье забыл о вечеринке и, словно хорошо обученный почтовый голубь, направился к себе в квартиру в сопровождении все того же Макинтайра.

– Универсальный растворитель – для некоторых материалов, по крайней мере, – не унимался Макинтайр, который уже успел

испортить Фессье кофейный столик, пролив на него магическую жидкость. – Вот, видишь? Разъело.

– Но на металл не подействовало.

– С ума сошел? Абсолютно универсального растворителя не существует. В чем ты будешь его хранить?

– В чем-нибудь абсолютно нерастворимом? – предположил Фессье.

– Все без толку. Не везет мне.

– Полгода назад я тоже был совершенным неудачником. Все, что надо было сделать, – поменять имя на Аладдин. Почему бы тебе не назвать свое зелье «Микстура Аладдина»?

– Дурацкая идея, – с отвращением отозвался Макинтайр. – Совершенно дурацкая.

Он поднялся и принялся бродить по комнате, то и дело расплескивая свой универсальный растворитель.

Фессье, одолеваемый острой жалостью к самому себе, испытывал потребность поговорить. Он рассказал Макинтайру о человеке-мандрагоре. Химик отнесся к рассказу не просто скептически, а безразлично.

– Я сказал только, что это универсальный растворитель для некоторых вещей! – пояснил он. – И для силикона тоже. Видишь? Пшик!

– Но…

– Разъело. Ой. Наверное, это окно было тебе нужно. Держи меня!

Фессье возился с дверцами шкафчика, но Макинтайр ухитрился самостоятельно удержать равновесие. Прозрачная глыба была извлечена на свет божий и водружена на попорченный кофейный столик.

– Давай же, убеди эту дубину! – уговаривал Фессье. – Просыпайся, приятель.

Ничего не произошло. Сэм с отвращением опустошил еще один стакан. Некоторое время спустя он с удивлением обнаружил, что сидит в другом углу комнаты, не вполне в ясном сознании, и наблюдает за тем, как Макинтайр разглядывает прозрачную глыбу.

Химик плеснул на нее своим универсальным растворителем.

Фессье внезапно протрезвел. Он вскочил, пошатнулся, сориентировался, бросился к гостю и с силой отпихнул его. Макинтайр плюхнулся на диван с опустевшим флаконом в руке; вид у него был удивленный.

– Я не хотел, – ошеломленно повторял он.

– Нет, – хриплым голосом проговорил Фессье. – Нет… Нет!

Прозрачное вещество вокруг человечка таяло. Растворитель

стремительно разъедал его, подбираясь к корявой, похожей на маленький корешок, фигурке, которая неподвижно стояла внутри глыбы. Впрочем, это больше не была глыба. Она превратилась в изъеденный, неправильной формы камень, все уменьшающийся и уменьшающийся в размерах.

А потом он снова начал расти.

Одна сияющая грань за другой, кристалл нарастал вокруг человечка. Это не заняло много времени. Мерцающее сияние вспыхнуло и померкло, и на кофейном столике вновь стояла прозрачная глыба в ее первозданном виде, без каких-либо видимых изменений, с маленькой фигуркой, похожей на корень мандрагоры, внутри.

На крошечном сморщенном личике была… ярость. Жгучая ярость, малиновым огнем полыхнувшая в глазках-бусинках. Испепеляющий взгляд переместился с потрясенного Макинтайра на Фессье, затем обратно на Макинтайра. Ярость вспыхнула и померкла. Маленькие глазки потускнели, похожее на корень мандрагоры тельце, на миг, казалось, затрепетавшее пугающей жизнью, обмякло.

В разум Фессье вяло просочилась мысль сверхиГланна.

– Не вышло, – была эта мысль. – Опять не вышло. Когда снова настанет час, надо действовать быстрее. Если меня не уничтожить очень быстро, прежде чем я успею приспособиться, уничтожить меня невозможно.

Следом за ней появилась еще одна мысль, медленнее и спокойнее предыдущей:

– Позволяю тебе забыть об этом. Ты подвел меня, но я дарую тебе забвение.

Петроний рассказывает о сивилле, которую держали в стеклянной бутылке. Она была очень-очень стара. Когда школяры собирались вокруг и стучали по бутылке, они задавали вопрос: «Сивилла, чего ты хочешь?» И сивилла отвечала: «Умереть».

СверхиГланн не оправдал ожиданий своих создателей. ИГланны наделили его неуязвимостью и приспособляемостью, какой только могли, но иГланны не принадлежали к виду homo sapiens. Им не под силу было дать ему способности, какими не обладали они сами. Они могли лишь усилить таланты собственной расы. Они не обладали воображением. Не обладали творческим мышлением. Возможно, они вымерли потому, что подсознательно не хотели найти способ выжить. Никто и никогда не узнает этого наверняка.

В глубинах подсознания сверхиГланна прочно засел инстинкт самосохранения, молниеносная реакция на непосредственную

опасность, приводящая в действие его приспособляемость. Вопреки его собственному желанию.

Он был стар, этот маленький, сморщенный, коричневый корешок мандрагоры, и не способен к творчеству, даже умозрительному. Он хотел умереть. В других континуумах, к которым он имел доступ, и на Земле, на протяжении всей ее истории, он искал орудие, которое мог бы обратить против себя самого. Он не знал, что такое сон. Сивилла в бутылке была очень-очень стара.

Но его возможности были ограниченны. Находясь среди людей, он мог бы заставить их экзотическую расу служить своим целям, но он не был сверхчеловеком. Он мог лишь проследить вероятные пути развития человечества и попытаться оказаться в таком месте, где это орудие поразит его.

И он пытался. Пытался раз за разом. Он испробовал все существующие средства. Теперь сверхиГланн искал новое, искал окольными путями, на кружных тропах человеческих отношений. Сеть, которую он сплел для Сью и Фессье, была лишь одной из множества других, и каждая ее ниточка была накрепко привязана к какой-то с виду незначительной мелочи. Но когда сеть была завершена, стоило лишь потянуть за самый кончик, как все сооружение заколыхалось и в ее замысловатых переплетениях проступил четкий узор.

Сью должна надеть зеленую шляпку, провести потрясающую рекламную кампанию и устроить вечеринку в квартире Пончика Кука. Сэм должен добиться успеха, чтобы его работа могла обеспечить ему сравнимое со Сью финансовое благополучие, поскольку без этого равенства предсвадебная вечеринка могла бы никогда не состояться. Фессье не стал бы жениться на более преуспевающей, нежели он сам, женщине. Присутствие Фессье необходимо для того, чтобы он познакомился с Макинтайром, точно так же как присутствие киноактера необходимо, чтобы изгнать Фессье с вечеринки. А венцом и целью всех этих замысловатых построений был…

Очередной провал.

Замысловатые построения давным-давно утратили для сверхиГланна свою ценность и перестали забавлять его. Давным-давно, когда те, кто был марионетками в его искусных руках, еще ходили в шкурах или таскали по дорогам Рима бронзовых орлов. Но марионетки продолжали развиваться, и сверхиГланн не сдавался, а конца все не было.

Ибо семя слишком глубоко укоренилось в подсознании, которое управляло похожим на корень мандрагоры телом, но не имело власти над собственными темными закоулками. Его

действие было чистой воды рефлексом, запускающим механизм адаптивной защиты от любого оружия, какое бы ни было обращено против него. Человек может желать совершить самоубийство, но инстинктивно шарахаться от лезвия ножа. А реакции сверхиГланна были куда более действенными.

Он не мог изобрести никакого эффективного орудия самоубийства, поскольку был лишен творческого начала. Он мог лишь ждать, пока люди обучались и усовершенствовали свои технологии, – и когда появлялось новое средство уничтожения, маленький коричневый корешок сложными обходными путями устраивал так, чтобы оказаться на пути этого средства.

К нынешнему времени и сами эти попытки превратились в рефлекс, и, подчиняясь ему, кристальный куб шел на новый виток самоуничтожения. Он пробовал мир за миром и в конце концов вернулся, как вынужден был возвращаться всегда, чтобы как можно ближе прижаться к окну в тот мир, который когда-то знали иГланны. «Если где-то и получится, то только здесь, – снова и снова твердил себе он. – Только здесь…»

В бессмертном разуме сверхиГланна зародилась искорка нового замысла. Где-то глубоко забрезжила надежда отыскать новую лазейку к успеху. А если и в этот раз у него не получится…

Река оставалась все столь же полноводной. Он не мог повернуть ее вспять, зато мог чуточку подправить там и сям, при помощи того или иного Аладдина добиться того, чтобы открылись новые русла, чтобы когда-нибудь, где-нибудь, как-нибудь прекратить свое существование.

Они были женаты уже неделю. Сью облокотилась на парапет садика на крыше и сказала:

– Так лучше, чем ехать куда-то. Я хочу сказать, мы можем устроить себе такой медовый месяц, какой нам подходит, прямо здесь, в Нью-Йорке.

Фессье обнял ее:

– Конечно. Но это же просто отсрочка. Не сегодня, так завтра мы сможем поехать. Устроим себе настоящий медовый месяц попозже, когда ты перестанешь работать. Все равно ведь ты когда-нибудь уйдешь со своей работы.

Она улыбнулась в темноту:

– О, дай мне еще немножко побыть деловой женщиной. Нет нужды спешить.

– Конечно нет, – согласился он, обнял ее за плечи и нежно поцеловал. – Никакой спешки. В любом случае у нас всегда есть наш талисман.

Сью чуть нахмурилась:

– Ой… Вообще-то, больше нет. Разве я тебе не сказала?

– Э-э-э… Как это нет, Сью?

– Я сегодня отправила его в какой-то музей. В дар.

– Ты – сделала что? Отправила наш…

Она открыла рот:

– Я… ох, Сэм! Должно быть, у меня помутился рассудок! Я отослала его, отдала! Я не могла!

– Ничего страшного, милая, – спокойно сказал Фессье. – Но расскажи мне, что случилось.

– Я не знаю. То есть я знаю, но только теперь понимаю, что натворила. Я нашла в библиотеке про этот музей, завернула наш… наш талисман и отослала его туда. Но… я не знаю, почему я так поступила!

– Наверное, ты была под гипнозом. Что за музей?

Дрожа, она прижалась к нему, и они стояли вдвоем, между извечным сиянием звезд и зыбкими огнями города внизу.

– Я никогда раньше о нем не слышала, – сказала Сью. – Какой-то музей в Японии. Есть там город под названием Хиросима?

Жилищная проблема

Жаклин утверждала, что там канарейка, а я возражал: нет, в клетке, накрытой куском материи, живут попугайчики. Не может быть от одной канарейки столько шума. И потом, мне нравилось думать, что наш мрачный мистер Хенчард держит парочку попугайчиков – ну вовсе это ему не подходило. Но кто бы ни жил в клетке, стоявшей у окна, наш квартирант старательно прятал его – или их? – от посторонних глаз. Нам оставалось только гадать по звукам.

А в них не так-то легко было разобраться. Из-под кретоновой накидки доносилось шуршание, шарканье, иногда негромкие непонятные щелчки, а раза два короткие удары, от которых сотрясалась подставка из красного дерева. Мистер Хенчард, видимо, сообразил, что нас разбирает любопытство. Но когда Джеки заметила, что вот, небось, очень приятно держать дома птичек, он только буркнул в ответ:

– Чушь! Оставьте клетку в покое, ясно?

Нас это, честно говоря, здорово разозлило. Мы вообще не суемся в чужие дела, а после этакой выходки отказывались даже смотреть в сторону кретоновой накидки. А еще нам бы не хотелось расстаться с мистером Хенчардом. С жильцами в то время было туго. Наш домик стоял у прибрежного шоссе, по соседству с десятком-другим таких же, да еще были поблизости продуктовый магазин, винная лавка, почта и ресторанчик Терри. Вот вам и весь городок. По утрам мы с Джеки целый час добирались на автобусе до своего завода. Домой возвращались совершенно измотанные. Нанять прислугу было почти невозможно – на военных заводах платили куда лучше, – так что уборкой мы занимались сами. Что же касается кормежки, мы стали у Терри самыми надежными клиентами.

Зарабатывали недурно, но приходилось расплачиваться с довоенными долгами, а на это денег не хватало. Поэтому мы и сдали комнату мистеру Хенчарду. В нашей глухомани, где и автобусы почти не ходят, да еще при обязательном на побережье затемнении, заполучить жильца было совсем не просто. Мистер Хенчард подходил нам по всем статьям. С таким пожилым человеком, решили мы, особых хлопот не будет.

В один прекрасный день он возник на пороге и заплатил аванс, а потом привез свои вещи – большой саквояж и квадратную матерчатую сумку с кожаными ручками. Он был крепкий еще старичок с коротким жестким ежиком седых волос и лицом, как у Карабаса-Барабаса, только слегка подобрее. Скандалил редко,

зато ворчал не переставая. Мне казалось, что он почти всю жизнь провел в меблированных комнатах. В чужие дела он не лез и непрерывно курил сигареты, вставляя их в длинный черный мундштук. Но он был не из тех одиноких старичков, которых так и хочется пожалеть, ничего подобного! Явно не бедствовал и вполне мог о себе позаботиться. Нам он сразу понравился. Однажды, расчувствовавшись, я даже назвал его папашей, но слышали бы вы, что он на это ответил.

Встречаются люди везучие от рождения. Мистер Хенчард был как раз из таких. Он то и дело подбирал на улице оброненные деньги. Когда мы играли в домино или покер, он делал ходы почти не раздумывая и всегда выигрывал. Он не жульничал, ему просто везло.

Помню, как-то раз мы спускались по длинной деревянной лестнице, которая ведет с вершины утеса к пляжу. Мистер Хенчард пнул ботинком здоровенный камень, лежавший на ступеньке. Камень покатился вниз и проломил одну из досок. Она оказалась совсем гнилой. Так что если бы мистер Хенчард, который шел первым, наступил на нее, обрушилась бы вся лестница.

В другой раз я ехал с ним в автобусе. Только мы сели, заглох мотор. Водитель остановился у обочины. И в ту же секунду у машины, которая мчалась навстречу по шоссе, лопнуло колесо, и ее снесло в кювет. Если бы мы вовремя не остановились, было бы лобовое столкновение. А так никто не пострадал.

Мистер Хенчард не казался одиноким. Днем он, наверное, отправлялся на прогулку, а по вечерам в основном сидел у окна в своей комнате. Мы, конечно, стучали, когда приходили убирать, и иногда он говорил: «Подождите». Из-за двери доносилась торопливая возня и шуршание кретона, который набрасывали на клетку. Мы пытались отгадать, что там за птичка, и прикидывали, может ли это быть феникс. Она никогда не пела. Она издавала звуки. Странные, тихие, иногда совсем не птичьи звуки. По вечерам, вернувшись с работы, мы неизменно заставали мистера Хенчарда в его комнате. Он не выходил, пока мы убирали. По выходным он всегда оставался дома.

Так вот, про клетку.

Однажды вечером мистер Хенчард вышел из своей комнаты, вставляя в мундштук сигарету, и оглядел нас с ног до головы.

– Гм… – сказал он. – Вот что, мне надо съездить на север, с недвижимостью разобраться. Вернусь через недельку. За комнату буду платить по-прежнему.

– Да, конечно, – поспешила согласиться Джеки. – Но можно…

– Чушь, – отрезал мистер Хенчард. – Комната моя. Хочу –

оставляю ее за собой. Годится?

Мы согласились, что годится, и он в одну затяжку выкурил половину сигареты.

– Да, вот еще что. Раньше у меня была машина. Потому клетку я всегда возил с собой. На этот раз поеду на автобусе, так что придется оставить ее здесь. Вы вели себя как порядочные люди, не лезли не в свое дело. Вам можно доверять. Но только попробуйте снять накидку!

– Так ведь канарейка… – Джеки запнулась. – Она же с голоду умрет.

– Ах, канарейка? – Мистер Хенчард так и впился в Джеки змеиными глазками. – Не ваша забота. Я оставлю ей корм и воду на все время. А вы чтоб туда не лезли. Можете убирать комнату, когда нужно, но не смейте прикасаться к клетке. Понятно?

– Нас это устраивает, – ответил я.

– Вот и не забывайте, что я вам сказал! – рявкнул мистер Хенчард.

Когда на следующий день мы вернулись домой, мистера Хенчарда уже не было. Мы вошли в его комнату и увидели приколотую к кретону бумажку, на которой было написано: «Не трогать, ясно?» Из клетки послышалось «фррр». А потом едва различимый хлопок.

– Да ну ее, – сказал я. – В душ пойдешь?

– Ага, – отозвалась Джеки.

«Фррр», – донеслось из клетки. Только это были не крылья.

Бум!

На следующий день я сказал:

– Корма-то он, может, и достаточно оставил, но вода небось уже кончается.

– Эдди! – осадила меня Джеки.

– Ну да, меня разбирает любопытство, но не это главное. Птичкам, может, нечего пить…

– Но ведь мистер Хенчард сказал…

– Ну ладно, ладно. Пойдем к Терри, выясним, как там обстоят дела с бараньими котлетками.

А на следующий вечер… Ну, в общем, мы сняли накидку. Я и по сей день считаю, что мы сделали это не столько из любопытства, сколько от беспокойства. Джеки сказала, что когда-то знала человека, который бил свою канарейку.

– А вдруг окажется, что бедняжка закована в цепи? – предположила она, смахивая пыль с подоконника за клеткой.

Я выключил пылесос. «Пшш-топ-топ-топ», – раздалось из-под

кретона.

– Да-а… – сказал я. – Вот что, Джеки. У мистера Хенчарда не все дома, хотя по нему и не скажешь. Птичка – или птички, – наверное, хочет пить. Я посмотрю, что там.

– Не надо!.. Ладно. Давай вместе, Эдди. Вместе и отвечать будем.

Я взялся за кретон, а Джеки, поднырнув мне под локоть, положила руку поверх моей.

И мы приподняли край ткани. Там, внутри, что-то все время шуршало, но едва мы дотронулись до кретона, шум прекратился. Я хотел только взглянуть – и все. Но почему-то никак не мог остановиться – рука стаскивала накидку, будто собственную волю обрела.

А в клетке… В общем, там стоял домик. Совсем как настоящий. Крошечный белый домик с зелеными ставнями – они не закрывались, были приделаны просто для украшения, потому что домик выглядел вполне современно. Он напоминал уютные, добротные коттеджи, каких полно в пригородах. На окнах висели ситцевые занавески; на первом этаже горел свет. Но едва мы подняли накидку, все окна разом потемнели. Нет, не свет погас; кто-то рывком опустил шторы. Это произошло очень быстро, и мы не успели рассмотреть кто.

Я отпустил накидку и попятился, потянув за собой Джеки.

– К-кукольный домик, Эдди!

– С куклами?

Я смотрел мимо нее, на клетку, полуприкрытую кретоном.

– А можно, наверное, научить канарейку опускать шторы?

– Ой! Эдди, слышишь?

Из клетки доносились какие-то невнятные звуки. Шуршание, едва слышный хлопок. Потом царапанье.

Я подошел и полностью сдернул накидку. На этот раз я не сводил глаз с окон. Но шторы опустились, как раз когда я моргнул.

Вдруг Джеки дернула меня за рукав и указала на двускатную крышу. Там торчала крошечная кирпичная труба, а из нее тянулась сизая струйка дыма. Впрочем, струйка была такой тоненькой, что я даже не почувствовал запаха.

– У п-птичек п-печка, – пролепетала Джеки.

Мы стояли, готовые почти ко всему. Если бы из дверей высунулся бородатый карлик и взялся выполнить три любых наших желания, мы не очень бы удивились. Только ничего такого не произошло.

Больше из загадочного домика не доносилось ни звука.

Шторы были по-прежнему опущены. Я хорошенько

рассмотрел домик: сделано просто мастерски. На крылечке лежал крошечный коврик. Имелся даже электрический звонок.

Обычно клетки бывают разборными. Но эта не разбиралась. Днище было припаяно, о чем говорили пятна канифоли и какого-то тускло-серого металла. Дверца тоже была заделана намертво. Мне удалось просунуть между прутьями указательный палец, но большой не пролезал.

– Хорошенький домик, правда? – спросила Джеки дрожащим голосом. – Они, должно быть, совсем крошечные…

– Ты о ком?

– О птичках. Эдди, кто живет в этом домике?

– Посмотрим, – сказал я.

Я достал из кармана автоматический карандаш, осторожно просунул его между прутьями и ткнул в открытое окно. На нем тут же рывком подняли штору. Из глубины дома, прямо мне в глаза, ударил тонкий, как игла, луч миниатюрного фонарика, ослепив своим блеском. Я охнул, отшатнулся и услышал, как захлопнули окно и опустили штору.

– Ты видела?..

– Нет, твоя голова мешала. Но…

Тут все огни в домике погасли. Только струйка дыма говорила о том, что там кто-то есть.

– Мистер Хенчард – сумасшедший ученый, – пробормотала Джеки, – он уменьшает людей.

– А где же его расщепитель атомов? – засомневался я. – У каждого сумасшедшего ученого должен быть расщепитель атомов, чтобы вызывать искусственную молнию.

Я снова просунул карандаш между прутьями, нацелился, надавил на кнопку звонка. Раздалось тихое дребезжание.

Штору на окне у дверей торопливо отдернули, и, кажется, кто-то посмотрел на меня. Не могу сказать точно. Все произошло слишком быстро. Штору опустили на место, и больше – ни движения. Я звонил, пока не надоело.

– Можно разобрать клетку, – предложил я.

– Нет, не смей! Мистер Хенчард…

– Ладно, – сказал я. – Но когда он вернется, я выясню, что это за чертовня такая. Кто ему позволил держать дома гномиков? У нас это в договоре не прописано.

– У нас вообще нет никакого договора, – напомнила Джеки.

Я еще раз осмотрел домик. Ни звука, ни движения. Из трубы идет дым.

И если разобраться, имели ли мы право лезть в клетку? Как ни крути, проникновение в чужое жилище. Я представил себе, как крошечный человечек с крыльями, размахивая дубинкой,

задерживает меня на месте преступления. Интересно, у гномов бывают полицейские? И какие преступления гномы совершают?

Я вернул кретон на место. Через некоторое время из-под него опять послышались звуки. «Чирк, бум, скрип-скрип-скрип, хлоп». И не похожая на птичью трель, которая оборвалась на середине.

– Ужас какой, – сказала Джеки. – Пошли-ка отсюда.

Мы сразу же легли спать. Мне всю ночь снились полчища зеленых карликов, одетых в полицейскую форму, которые плясали на противной расцветки радуге и горланили веселые песни.

Утром прозвенел будильник. Я умылся, побрился, оделся, думая о том же, о чем и Джеки. Когда мы уже застегнули пальто, я поймал ее взгляд.

– А может…

– Давай, Эдди. Т-ты думаешь, они тоже уходят на работу?

– На какую это, интересно, работу? – проворчал я. – Лютики красить?

Мы на цыпочках прокрались в комнату мистера Хенчарда. Из-под кретона не доносилось ни звука. В окно ярко светило утреннее солнце. Я сдернул накидку. Домик стоял на прежнем месте. Одна штора была поднята, остальные плотно закрыты. Я прижался лицом к прутьям клетки и попытался заглянуть в открытое окно, на котором ветер шевелил ситцевые занавески.

Я увидел огромный-преогромный глаз, который смотрел на меня из глубины дома.

На сей раз Джеки, верно, решила, что мне настал конец. Она только сдавленно пискнула, когда я отлетел от клетки, крича, что там жуткий воспаленный глаз – у людей таких не бывает! Несколько минут мы стояли, прижавшись друг к другу, а потом я глянул снова.

– А-а, – голос мой звучал довольно слабо, – да это зеркало!

– Зеркало? – ахнула Джеки.

– Ну да, большое зеркало на противоположной стене. Кроме него, я ничего не вижу. К окну же не подобраться.

– Посмотри-ка на крыльцо, – вдруг сказала Джеки.

Я посмотрел. У дверей стояла бутылка молока – можете себе представить, какого размера. Она была ярко-красная. Рядом лежала почтовая марка, свернутая конвертиком.

– Красное молоко? – удивился я.

– Небось от красной коровы. Или бутылка красного стекла. А это что, газета?

Да, это была газета. Я напряг зрение, чтобы прочитать заголовки. Поперек страницы было напечатано огромными красными буквами, высотой почти в полтора миллиметра:

ПОСЛЕДНИЕ НОВОСТИ! ФОТЦПА ДОГОНЯЕТ ТУРА! Больше мы ничего не смогли разобрать.

Я аккуратно накрыл клетку кретоном. Мы отправились к Терри, чтобы успеть позавтракать до прихода автобуса.

Вечером, возвращаясь с работы, мы заранее знали, что сделаем прежде всего. Открыли дверь, убедились, что мистер Хенчард не вернулся, зажгли свет в его комнате и прислушались к звукам, долетавшим из клетки.

– Музыка, – определила Джеки.

Звуки были совсем тихими, я едва мог расслышать; и вообще это была необычная музыка. Не возьмусь вам ее описать. Кроме того, она почти сразу же смолкла. «Бум, скрип, шлеп, дзынь». Потом наступила тишина, и я сдернул кретон.

В домике темно, окна закрыты, шторы опущены. Газету и бутылку молока с крыльца забрали. На входной висит табличка; воспользовавшись лупой, я сумел прочитать: КАРАНТИН! КЛОПИЧЕСКАЯ ЛИХОРАДКА!

– Вот врать-то, – сказал я. – Спорим, нет у них никакой клопической лихорадки.

Джеки нервно захихикала:

– Ведь клопическая лихорадка бывает только в апреле, да?

– В апреле и под Новый год. Как раз в это время ее переносят лихорадочные клопы. Где мой карандаш?

Я позвонил. Кто-то приоткрыл и снова задернул штору. Но мы не видели – руку? – которая это сделала. Тишина. Даже дым не идет из трубы.

– Боишься? – спросил я.

– Нет. Как это ни смешно, не боюсь. Но какие они, однако, заносчивые, эти малявки! Кэботы беседуют только с…

– А гномы, ты хочешь сказать, беседуют только с лешим. Но они, между прочим, не имеют никакого права задирать перед нами нос. Ведь их дом стоит в нашем доме… Понимаешь, что я хочу сказать?

– Да, но что мы можем поделать?

Осторожно водя карандашом, я нацарапал на белой входной двери: ВПУСТИТЕ НАС. На большее не хватило места. Джеки хмыкнула.

– Зря ты это написал. Мы ведь не хотим, чтобы нас впустили. Мы просто хотим на них посмотреть.

– Ну, теперь уже не исправишь. Да они и так поймут, чего нам надо.

Мы стояли, глядя на домик в птичьей клетке, а он насупленно и слегка враждебно смотрел на нас. Клопическая лихорадка! Вот врать-то!

Больше в этот вечер ничего не произошло.

Утром мы обнаружили, что моя надпись тщательно смыта, табличка о карантине висит на прежнем месте, а на крылечке оставлены бутылка зеленого молока и свежая газета. На сей раз заголовок гласил: ПОСЛЕДНИЕ НОВОСТИ! ФОТЦПА ОБОШЕЛ ТУРА!

Из трубы медленно поднимался дым. Я позвонил. Никакого ответа. У дверей висел почтовый ящик размером с костяшку домино – я обратил на него внимание, потому что сквозь щель заметил внутри письма. Но ящик был заперт.

– Посмотреть бы, кому эти письма… – протянула Джеки.

– Или от кого. Это меня больше интересует.

В конце концов мы отправились на работу. Я весь день не мог собраться с мыслями и чуть было не приварил большой палец к кривоколенному валу. Вечером мы встретились с Джеки, и я понял, что ей тоже не по себе.

– Давай оставим их в покое, – предложила она, когда мы тряслись в автобусе. – Ясно ведь, что они не хотят иметь с нами дела.

– Вот еще! Так я и позволил каким-то букашкам над нами издеваться! И потом, мы ведь просто свихнемся, если не узнаем, кто там живет. Как думаешь, мистер Хенчард – волшебник?

– Скотина он, – в сердцах ответила Джеки. – Уехал и бросил на нас своих дурацких гномов!

Когда мы вернулись, в домике, как всегда, забили тревогу; едва я сдернул накидку, тихие, невнятные звуки совсем стихли. Сквозь опущенные шторы пробивался свет. На крыльце не было ничего, кроме коврика. В почтовом ящике мы разглядели желтый телеграфный бланк.

Джеки побледнела.

– Только этого не хватало! – простонала она. – Телеграмма!

– Может, и нет.

– Да, да, я же вижу. Тетушка Георгина умерла. Или Белладонна собирается в гости.

– Табличку о карантине они сняли, – заметил я. – Теперь висит новая, на ней написано: ОСТОРОЖНО, ОКРАШЕНО!

– Смотри не поцарапай их чистенькую дверь!

Я опустил кретон, выключил свет и взял Джеки за руку. Мы стояли и ждали. Через некоторое время послышалось «топ-топ-топ», а потом тихое урчание, как от закипающего чайника. И еще негромкое позвякивание.

На следующее утро на крылечке стояло двадцать шесть бутылок с желтым – ярко-желтым – молоком, а заголовок лилипутской газеты гласил: ПОСЛЕДНИЕ НОВОСТИ! ТУР

ПРИБЛИЖАЕТСЯ К ФОТЦПА!

В ящике лежали письма, но телеграмма исчезла.

Вечером все повторилось обычным порядком. Едва я снял накидку, наступило сердитое молчание. Мы почувствовали, что сквозь щели в миниатюрных шторках за нами пристально наблюдают. Постояв, мы отправились спать, но среди ночи я встал, чтобы еще раз взглянуть на таинственных жильцов. Нет, их самих я, конечно, не увидел, но в домике, похоже, затеяли вечеринку – оттуда доносились тихая странная музыка, возня и топот, которые смолкли, едва я подошел.

Утром на крылечке оказались газета и бутылка красного молока. Заголовок гласил: ПОСЛЕДНИЕ НОВОСТИ! КРАХ ФОТЦПА!

– У меня на работе ничего не клеится, – пожаловался я. – Никак не сосредоточиться, только про них и думаю. Хотел бы я знать…

– И я тоже. Нет, мы не можем так это оставить.

Я приблизился к клетке. Штору опустили столь резко, что она едва не оторвалась от катушки.

– Что они, спятили? – удивился я.

– Не исключено, – кивнула Джеки. – Спятишь тут, если тебе постоянно надоедают. Представляю, как они сидят там возле окон и в тихом бешенстве ждут, когда мы наконец уберемся восвояси. Пойдем-ка лучше, а то на автобус не успеем.

Я посмотрел на домик, и мне показалось, что он хмуро и враждебно посмотрел на меня. А, черт с ним. Мы отправились на работу.

Вечером вернулись усталые и голодные, но, даже не сняв пальто, бросились в комнату мистера Хенчарда. Там стояла тишина. Я включил свет, а Джеки стащила с клетки накидку.

Вдруг она тихо ахнула. Я в мгновение ока подскочил к клетке, ожидая увидеть зеленого чертика или еще что почище. Но все было как всегда. Даже дым не шел из трубы.

А Джеки тыкала пальцем в сторону входной двери. Там висела аккуратная табличка, на которой было написано просто, сдержанно и бесповоротно: СДАЕТСЯ ВНАЕМ.

– Ой-ой-ой, – вырвалось у Джеки.

Я проглотил застрявший в горле комок. Шторы на крошечных окнах были подняты, ситцевые занавески исчезли. Наконец-то мы смогли заглянуть в домик. Он был абсолютно, непоправимо пуст.

Нигде никакой мебели. На полированном паркете ничего, кроме нескольких выщербин и царапин. Обои без единого пятнышка; их неброский рисунок говорил о хорошем вкусе. Уезжая, жильцы оставили домик в полном порядке.

– Съехали, – констатировал я.

– Да, – отозвалась Джеки. – Съехали.

И вдруг на душе у меня стало до жути скверно. Дом – нет, не тот, который в клетке, а наш собственный – непоправимо опустел. Знаете, как бывает, когда уезжаешь на несколько дней, возвращаешься, а там – никого и ничего?

Я обхватил Джеки, прижал к себе. У нее, видимо, тоже кошки на душе скребли. Кто бы мог подумать, что малюсенькая табличка СДАЕТСЯ ВНАЕМ способна так все изменить!

– Что теперь скажет мистер Хенчард? – спросила Джеки, глядя на меня круглыми глазами.

Мистер Хенчард вернулся через два дня. Был вечер, мы сидели у камина, и вот он вошел, размахивая саквояжем и посасывая черный мундштук.

– Гм… – поздоровался он с нами.

– Добрый вечер, – ответил я не совсем уверенно. – Рады вас видеть.

– Чушь! – отрубил мистер Хенчард и двинулся в свою комнату.

Мы с Джеки переглянулись.

Мистер Хенчард буквально завизжал от ярости. Из-за двери высунулось его перекошенное лицо.

– Мерзавцы! – прорычал он. – Что вам было сказано!

– Одну минутку… – начал было я.

– Я съезжаю! – рявкнул мистер Хенчард. – Немедленно!

Его голова рывком исчезла в комнате. Дверь захлопнулась, щелкнул замок. Мы с Джеки сидели, опасаясь, что нас того и гляди выдерут, как маленьких.

Мистер Хенчард выскочил из комнаты, держа в руках саквояж, и протопал к двери. Я попытался удержать его:

– Мистер Хенчард…

– Чушь!

Джеки ухватила его за одну руку, я вцепился в другую. Вдвоем мы его кое-как остановили.

– Подождите, – сказал я. – Вы забыли… э-э-э… вашу клетку.

– Забыл, как же! – рявкнул он в ответ. – Забирайте, не жалко. Черт бы драл ваше любопытство! Сколько месяцев я строил этот домик, сколько уговаривал их в нем поселиться! А вы все испортили. Они не вернутся.

– Кто «они»? – вырвалось у Джеки.

Мистер Хенчард злобно впился в нас змеиными глазками:

– Мои жильцы. Придется строить новый домик, вот что! Но на этот раз я уж прослежу, чтобы всякие проходимцы не совали туда нос!

– Погодите, – оборвал его я. – Вы… вы волшебник?

Мистер Хенчард фыркнул:

– Я просто хороший мастер. Этого довольно. Вы с ними по-хорошему, и они с вами по-хорошему. Правда, – тут в его голосе зазвучала гордость, – не всякий сумеет построить домик, какой нужен им!

Он вроде начал немного отходить, но мой следующий вопрос снова привел его в бешенство.

– Кто они? – взревел он. – Да конечно маленький народец. Зовите их как хотите: эльфы, гномы, духи, домовые – у них много разных имен. Но они любят селиться в тихих благоустроенных местах. Дома, где донимают и дергают, пользуются дурной славой. Неудивительно, что они съехали. Впрочем – гм! – вовремя заплатили за квартиру. У маленького народца так принято, – добавил он.

– Заплатили за квартиру? – пролепетала Джеки. – Чем?

– Везением, – пояснил мистер Хенчард. – Чем бы, думаете, они стали платить – деньгами? Теперь, пока не построю новый домик, никакого особого везения мне не будет.

Он окинул нас напоследок хмурым взглядом, рывком отворил дверь и зашагал прочь. Мы смотрели ему вслед. Под горой, у бензоколонки, показался автобус, и мистер Хенчард пустился бегом.

На автобус-то он успел, но прежде шлепнулся лицом в землю.

Я притянул Джеки к себе.

– Смотри-ка, – сказала она, – вот ему уже и не повезло.

– Не совсем так, – поправил я. – Повезло, но не больше, чем всем обычным людям. Тем, кто сдает квартиры гномам, везет еще и дополнительно.

Мы долго сидели молча, глядя друг на друга. А потом, не говоря ни слова, зашли в опустевшую комнату мистера Хенчарда. Клетка была на месте. И домик тоже. И табличка: СДАЕТСЯ ВНАЕМ.

– Пойдем-ка к Терри, – предложил я.

Мы просидели в ресторане дольше обычного. Со стороны можно было подумать, что мы не хотим возвращаться домой, потому что там завелась нечистая сила. Только на самом деле все было совсем наоборот. В нашем доме не было больше нечистой силы. В нем была пугающая, холодная, безысходная пустота.

Пока мы переходили шоссе, шагали в гору, открывали дверь, я не проронил ни слова. А потом, уж не знаю зачем, мы пошли в последний раз взглянуть на пустой домик.

Кретон, который я натянул перед уходом, был на своем месте, но из-под него снова долетало: «Бум, шлеп, бац!» В домике

снова кто-то жил!

Мы невольно отшатнулись, прикрыли дверь и только после этого перевели дыхание.

– Нет, – сказала Джеки. – Нельзя туда смотреть. Никогда, ни за что мы больше не заглянем под эту накидку.

– Никогда, – подтвердил я. – А кто, как ты думаешь?..

До нас долетели чуть слышные звуки, напоминающие разудалое пение. Что ж, тем лучше. Если им весело, значит они не уедут. Мы легли спать, и мне приснилось, что я пью пиво с Рипом ван Винклем и гномами. Все они напились до положения риз.

Утром шел дождь, но это не имело никакого значения. Нам казалось, что в окна льется яркий солнечный свет. Я пел под душем. Джеки радостно мурлыкала под нос. В комнату мистера Хенчарда мы не входили.

– Может, они хотят поспать подольше, – предположил я.

В цеху всегда очень шумно, и расслышать приближение тележки, груженной грубо обработанными цилиндрическими болванками, почти невозможно. В тот самый день, часов около трех, мальчишка-чернорабочий катил такую тележку в кладовую, а я, ничего не видя и не слыша, отступил на шаг от своего станка, чтобы проверить наладку.

Большие станки типа моего – опасные штуки. Они закреплены на мощных забетонированных станинах почти в половину человеческого роста, по которым туда и обратно скользит тяжеленное стальное чудовище – рабочая часть станка.

Я сделал шаг назад, заметил тележку и плавным движением, напоминающим тур вальса, увернулся от нее. Но мальчишка шарахнулся в сторону, тележка вильнула, болванки посыпались на пол, а я, потеряв равновесие, неуклюже протанцевал еще один тур, зацепился за край опоры и убийственно точным движением кувырнулся вниз. Через мгновение я уже лежал, зажатый между стойками опоры, и ко мне с рокотом приближалась рабочая плоскость станка. Никогда в моей жизни ничто не двигалось так стремительно.

Дальше все произошло быстрее, чем я успел сообразить. Я отчаянно пытался выкарабкаться, все в цеху вопили, станок кровожадно урчал, болванки гремели по полу. Вдруг раздался треск и натужный скрежет крошащихся механизмов. Станок остановился. Мое сердце забилось снова.

Я переоделся и дождался, когда Джеки закончит смену. В автобусе, по дороге домой, я все ей рассказал.

– Просто повезло. Или чудо случилось. Один из цилиндров вовремя попал в станок. Конечно, станок здорово покорежило, но

я цел. Думаю, мы должны написать нашим… э-э-э… жильцам благодарственную записку.

Джеки кивнула, выражая свое полное согласие.

– Это они заплатили за квартиру – везением. И очень кстати, что заплатили вперед.

– Правда, пока мой станок не починят, сидеть мне без зарплаты, – добавил я.

Домой мы вернулись под проливным дождем. Из комнаты мистера Хенчарда доносился грохот, куда более громкий, чем все те звуки, которые клетка издавала раньше. Мы побежали наверх и обнаружили, что окно распахнуто настежь. Я захлопнул его. Кретон наполовину сдуло, и я стал было натягивать его на место. Джеки стояла рядом. Но едва мы взглянули на домик, рука моя застыла в воздухе.

Табличка СДАЕТСЯ ВНАЕМ исчезла. Из трубы валил густой дым. Шторы, как всегда, были плотно опущены, но в остальном многое изменилось.

В комнате попахивало едой. «Подгоревшее мясо и кислая капуста», – подумал я с отвращением. Запах явно исходил из домика. На крылечке, где раньше ни соринки не было, стояло набитое доверху мусорное ведро, оранжевый пластмассовый ящик с грязными консервными банками – каждая не больше булавочной головки – и множество пустых бутылок, явно из-под спиртного. Была, впрочем, и молочная бутылка, наполненная ядовито-голубой жидкостью. Ее еще не успели забрать, так же как и утреннюю газету. Только это была совершенно другая газета. Аршинные буквы заголовков выдавали низкопробное бульварное чтиво.

От крылечка к углу дома была протянута бельевая веревка, на которой, правда, ничего не висело.

Я рывком накрыл клетку и вслед за Джеки выскочил на кухню.

– Какой ужас! – вырвалось у меня.

– Надо было заранее посмотреть их документы, – задыхаясь, проговорила Джеки. – Это совсем не те жильцы!

– Да, не те, которые у нас раньше были, – согласился я. – Вернее, которые были у мистера Хенчарда. Нет, а ты видела мусорное ведро на крыльце?

– А бельевая веревка? – возмущалась Джеки. – Самого низкого пошиба!

– Сразу приходят на ум Джуки, Калликаки и Джитер Лестер. Они что думают, здесь Табачная дорога?

Джеки вздохнула:

– Но ты ведь помнишь – мистер Хенчард сказал, что они

больше не вернутся?

– И что из того?

Джеки медленно кивнула, точно начала догадываться.

– Ну, валяй, – сказал я.

– Я не знаю. Просто мистер Хенчард говорил, что маленький народец любит селиться в тихих благоустроенных местах. А мы своим старым жильцам постоянно надоедали. И сами виноваты, что теперь эта клетка пользуется дурной славой. Приличные гномы ни за что не станут тут жить. Здесь теперь – страшно подумать! – ну, вроде трущоб.

– Бред какой-то, – высказался я.

– А вот и нет. Я наверняка права. Помнишь, мистер Хенчард говорил, что ему придется строить новый домик? Хорошие жильцы не поедут в сомнительное место. Нам достались гномы низкого пошиба, вот и все.

Я глядел на нее, широко открыв рот.

– То-то и оно. Не жильцы, а отребье какое-то. Небось еще и гнома-козла на кухне держат, – негодовала Джеки.

– Ладно, – сказал я. – Но я этого не потерплю. Я их отсюда выставлю. Я… воды им в трубу налью! Где чайник?

Джеки вцепилась мне в рукав.

– Нет, не смей! Эдди, мы не можем их выставить. Не имеем права. Они заплатили за жилье.

И тут до меня дошло.

– Станок…

– Вот именно! – От возбуждения Джеки впилась ногтями мне в предплечье. – Если бы тебе сегодня не подкинули немножко везения, тебя бы просто убило. Может, гномы у нас и низкого пошиба, но за квартиру платят исправно.

Теперь мне все стало ясно.

– А с мистером Хенчардом было совсем не так. Помнишь, он тогда задел камень и ступенька проломилась? Вот это уж повезло так повезло. А я буду сидеть без зарплаты, пока станок не починят, хотя его заклинило, когда я в него попал. Мистер Хенчард отделался бы куда легче.

– Просто у него были жильцы поприличнее, – объяснила Джеки, отчаянно сверкая глазами. – Если бы мистер Хенчард попал в станок, наверняка сгорел бы предохранитель. У нас гномы плохонькие, ну и везение такое же.

– И теперь от них уже не избавиться, – заключил я. – В нашем доме трущоба. Пойдем-ка отсюда, выпьем у Терри по рюмочке.

Мы надели пальто и вышли за дверь, вдохнули свежий сырой воздух. Гроза бушевала с прежней силой. Я забыл фонарик, но возвращаться поленился. Мы шагали под гору, ориентируясь на

мерцавшие вдали огни ресторанчика.

Было совсем темно, потоки дождя застилали глаза. Наверное, поэтому мы и не заметили автобус, пока он не оказался буквально в двух шагах – фары едва светили из-за затемнения.

Я потянул Джеки к обочине, но поскользнулся на мокром бетоне, и мы оба полетели под откос. Я почувствовал, как Джекки перекатилась через меня, и в следующую секунду мы уже барахтались в размокшей глине кювета; автобус с ревом промчался мимо и исчез.

Мы выбрались из канавы и побрели к Терри. Бармен удивленно оглядел нас, сказал «Ого!» и без лишних слов налил две рюмки.

– Что там ни говори, – сказал я, – а нам только что спасли жизнь.

– Да, – согласилась Джеки, счищая глину с ушей. – Но с мистером Хенчардом все было бы по-другому.

Бармен покачал головой:

– В канаву свалился, Эдди? И вы тоже? Вот не повезло!

– Повезло, – убито отозвалась Джеки. – Только везение было самого низкого пошиба…

Грязная, несчастная, она подняла рюмку и посмотрела на меня. Мы чокнулись.

– Ладно, – сказал я. – За везение!

Невероятная догадка

– Итак, мистер Хутен, вам кажется, что сейчас вы тоже спите? – спросил доктор Скотт.

Тимоти Хутен, старательно избегая взгляда психиатра, погладил пальцами кожу, которой были обтянуты ручки кресла, решил, что это ощущение еще ничего не доказывает, и перевел взгляд на окно, на Эмпайр-стейт-билдинг.

– А разве это не похоже на сон? – уклончиво ответил он вопросом на вопрос.

– Что именно?

– Ну, допустим, вот это. – Хутен кивнул на остроконечную причальную мачту на вершине башни. – Представьте только, эта штуковина предназначена, чтобы к ней причаливали дирижабли. Но вы хоть один дирижабль там видели? Такое может случиться только во сне. Ну, вы понимаете… Люди строят большие планы, а потом почему-то забывают о них и затевают что-нибудь новенькое. Ох, не знаю. Все вокруг так нереально.

«Похоже, запущенный солипсизм»[44], – подумал доктор Скотт, но решил пока воздержаться от окончательных выводов.

– Что, вообще все? – уточнил он. – И даже я?

– И даже вы, – согласился Хутен. – У вас форма неправильная.

– А можно поподробнее, мистер Хутен?

– Ну, не знаю, получится ли у меня объяснить… – Хутен с виноватым и одновременно настороженным видом посмотрел на свои руки. – Видите ли, у меня форма тоже неправильная.

– И какая же форма правильная?

Хутен закрыл глаза и глубоко задумался. Затем по его лицу скользнуло выражение изумления. Он нахмурился. Доктор Скотт, внимательно следя за пациентом, делал соответствующие пометки в своем блокноте.

– Этого я не знаю, – наконец заявил Хутен, широко открывая глаза. – Даже представления не имею.

– Вы не хотите говорить об этом?

– Да… Нет… Не знаю. Просто не знаю.

– Почему вы пришли ко мне, мистер Хутен?

– По совету своего доктора. И жены тоже.

– И по-вашему, они правы?

– Лично я считаю, – с торжествующим видом заявил Хутен, – во сне может случиться что угодно. Я даже могу ходить всего на двух ногах. – С испуганным видом он замолчал. – Наверное, мне не следовало говорить этого, – добавил он чуть погодя.

Доктор Скотт еле заметно улыбнулся:

– Если бы вы рассказали мне о своем сне чуть поподробнее…

– О том сне, в котором я пребываю сейчас? Тут все неправильно, абсолютно все. Даже говорим мы не так, как надо. Неужели вы сами не чувствуете, как неправильно извивается язык? – Хутен испытующе потрогал свой подбородок, а доктор Скотт сделал еще одну пометку в блокноте. – Я сплю, вот и все.

– А вы когда-нибудь просыпаетесь?

– Только когда сплю. Странно звучит, не правда ли? Интересно, что я хотел этим сказать?

– Стало быть, все вокруг нас – это мир сна? – уточнил доктор Скотт.

– Конечно.

– Но в чем именно кроются ваши проблемы, мистер Хутен? Вы можете объяснить это словами?

– Да нет у меня никаких проблем, – удивленно ответил Хутен. – А если б и были… это ж ведь сон, стало быть и проблемы ненастоящие.

– А когда вы просыпаетесь? В бодрствующем состоянии вы ощущаете какое-то беспокойство, вас что-то тревожит?

– Полагаю, что да, – с задумчивым видом протянул пациент. – Мне почему-то кажется, в том, реальном мире я тоже посещаю психиатра. То есть в том мире, где пребывает мое сознание. Здесь, конечно, всем управляет мое *под*сознание.

– Очень интересно. Расскажите об этом чуть подробнее, пожалуйста.

Хутен снова закрыл глаза:

– Попытаюсь. Видите ли, когда я сплю, когда вижу сон, мое сознание отключено. Стало быть, здесь и сейчас оно не работает. Ну а в реальности, в мире не-сна, мой психиатр пытается исследовать мое подсознание. То самое, которое вы считаете сознанием.

– Гм… весьма любопытно, – кивнул доктор Скотт. – А этот другой психиатр… вы могли бы описать его? Что он за человек и так далее…

– Человек? Описать его? – Хутен опять открыл глаза и воззрился на доктора. Чувствовалось, что он в чем-то сомневается. Наконец Хутен покачал головой. – Нет, не могу. Я не помню, как выглядят вещи в реальном мире. Могу с уверенностью сказать лишь одно: там все по-другому. Совсем, совсем по-другому. – Он вытянул руку и задумчиво уставился на нее. Перевернул, посмотрел на линии на ладони. – Ничего себе… – пробормотал он. – Что еще они придумают?..

– Но как по-другому? Попробуйте вспомнить, приложите усилия.

– Я уже пытался, и не раз. Вы, люди из моего сна, все одинаковые: «Вспомни, вспомни, ты должен вспомнить…» Но все это без толку. Наверно, у меня в сознании блок, – с победоносным видом объявил он.

– В таком случае давайте попробуем выяснить, что это за блок. Я хотел бы предложить вам маленький тест, мистер Хутен, если не возражаете. Сейчас я покажу вам картинку, а вы расскажете о ней какую-нибудь историю.

– В смысле, я должен что-то придумать об этой картинке?

– Совершенно верно.

Доктор Скотт вручил Хутену большую карточку, на которой были изображены две расплывчатые, почти бесформенные фигуры.

– Надо же, как странно, – удивился Хутен. – У них кости внутри.

– Продолжайте.

– Тут нарисованы два психиатра, – пробормотал Хутен. – Сразу видно – вот раз, вот два. Один бодрствует, а другой спит. Один реальный, а другой – нет. И оба лечат меня. Одного зовут Скотт, а другого… другого…

– Ну-ну.

– Его зовут…

– И как же его зовут?

– Расп, – еле слышно выдохнул Хутен. – Доктор Расп. И я должен встретиться с ним сегодня в два часа. Когда проснусь.

– Стало быть, по-вашему, сейчас вы тоже спите? – мягко телепатировал доктор Расп.

Тимоти Хутен, избегая взгляда фасеточных глаз психиатра, развернул свое овальное тело таким образом, чтобы сквозь небесную щель ему был виден далекий полиэдр Кватт-Вункери. Потом он помахал щупальцем и защелкал мандибулами.

– А разве это не похоже на сон? – уклончиво поинтересовался он (не вслух, разумеется). – Чтобы к зданию Вункери плеятились кватты? О нет, такое может случиться только во сне. И не разубеждайте меня; это сон. Вообразите себе, я хожу на шести ногах, ха!

Доктор Расп нацарапал пару слов на своем левом надкрылье.

– А на скольких ногах, по-вашему, следует ходить? – спросил он.

– Вот и я этого не знаю, – откликнулся Хутен. – И пытаюсь вспомнить это всякий раз, когда просыпаюсь, но, похоже, в этом сне у меня запущенная амнезия. Я постоянно ломаю голову над этим вопросом, и все без толку. Легче приплеятить к Вункери

кватт. Полный идиотизм.

– Так что именно вас беспокоит, мистер Хутен?

– Ну, во-первых, это мое абсурдное тело. Кости не там, где должны быть. – Фасеточные глаза Хутена испуганно замерцали. – Я уже говорил это? В смысле, минуту назад? Мне что-то такое припоминается.

– Нет, не говорили. А что вам припоминается?

Хутен раздраженно поскреб живот задней ногой, издав резкий скрежет.

– Забыл, – сказал он.

– Я хотел бы предложить вам один маленький тест, – сказал доктор Расп. – Я телепатирую вам некий образ, а вы расскажете мне, какие мысли он у вас порождает. Готовы?

– Вроде бы да.

Образ напоминал какую-то изогнутую туманность. Хутен задумался.

– Это мое сознание, – заявил он в конце концов. – Или злобный скруч… ну, тот вид, знаете, что живет на Антиподах… но нет, скорее всего, это не скруч. Абсолютно точно не скруч. Это мое сознание, потому что там, в самой середине, плавает психиатр.

– Психиатр? – удивился доктор Расп.

– Который лечит мое сознание, – неуверенно попытался объяснить Хутен. – Он живет в мире бодрствования, там же, где пребывает мое сознание. А мы с вами, доктор Расп, находимся в моем подсознании, то есть здесь и сейчас. И этот другой доктор лечит нас обоих.

– Никакого другого доктора не существует! – вырвалось у доктора Распа. Однако он тут же справился с собой и продолжил уже спокойным, профессиональным тоном. – Но расскажите мне о нем поподробнее, мистер Хутен. Как он выглядит, этот психиатр? Кто он такой?

– Его зовут Тартюф, – тут же ответил Хутен. Доктор Расп постарался ничем не выдать своего изумления. – Нет, Тартан. Нет, Скотт. Да, именно так. Живущего в моем сознании психиатра зовут доктор Скотт. И я назначен к нему на прием завтра в два часа пополудни. Когда проснусь.

Тимоти Хутен смотрел в окно на Эмпайр-стейт-билдинг. Начался тест на словесные ассоциации.

– Дом, – сказал доктор Скотт.

– Эстивировать, – откликнулся Хутен.

– Секс.

– Яйца.

– Мать.
– Личинка.
– Психиатр.
– Паразит, – ответил Хутен.
После некоторой паузы доктор Скотт продолжил:
– Личинка.
– Красота неизбывности, – выпалил Хутен. – Струится.
– Паразит, – предложил доктор Скотт.
– Бодрствование.
– Неизбывность.
– Брачный полет, – мечтательно промолвил Хутен.
Доктор Скотт сделал очередную пометку.
– Паразит.
– Прием. Два часа пополудни. Доктор Расп.

– Этот человек, который говорит разные слова, – телепатировал доктор Расп. – Он то и дело всплывает в вашем сознании. Что это означает?

– Не имею ни малейшего представления, – ответил Хутен, глядя сквозь небесную щель на Кватт-Вункери.

– Но что заставляет вас думать о нем?

– Необходимость проснуться.

Доктор Расп потер правую мандибулу.

– Хочу поставить небольшой эксперимент, – заявил он. – Вы приходите сюда на протяжении вот уже почти двенадцати всполохов, а мы все еще не преодолели блок в вашем сознании. Почему вы сопротивляетесь?

– Что я могу поделать, если все это происходит во сне?

– Вот-вот. С помощью такого отношения вы пытаетесь уклониться от ответственности?

– Ни в коем разе, – с достоинством откликнулся Хутен. – Я готов нести ответственность за свои поступки – когда я бодрствую, разумеется. Но сейчас я не бодрствую. Вы нереальны. Я тоже нереален, и это мое нелепое тело нереально. А уж этот Кватт-Вункери…

– Эксперимент, который я хочу предложить, – прервал его доктор Расп, – касается квазиэстивации. Знаете, что это такое?

– Конечно, – мгновенно ответил Хутен. – Гипноз.

– Не знаю такого слова, – удивился доктор Расп. – Гип… как?

– Гипноз, иначе говоря – квазиэстивация. Сознание отключается, и на освободившееся место заступает подсознание.

Какова бы ни была реакция доктора Распа, он ничем не выдал себя.

– Очень хорошо. – Доктор Расп вытянул щупальце. – Ну,

попробуем? Просто расслабьтесь. Расслабьте надкрылья, пусть они свободно свисают. Слегка приоткройте мандибулы. Вот так, славненько. – Он скрестил одну из своих антеннок с антеннкой Хутена и устремил пристальный взгляд в фасеточные глаза пациента. – Сейчас вы эстивируете. Вы в норе. Там тепло и восхитительно душно. Вы свернулись клубочком и эстивируете. Вы эстивируете?

– Да, – монотонно телепатировал Хутен.

– В вашем сознании присутствует блок, который противостоит нашим с вами усилиям. И который заставляет вас думать, будто вы спите. Спустя какое-то время я прикажу вам проснуться. Вы послушаетесь?

– Да.

– Вы проснетесь?

– Нет.

– Почему?

– Потому что вы мне снитесь, – вяло откликнулся эстивирующий Хутен.

– Кто это сказал?

– Доктор Скотт.

– Нет никакого доктора Скотта, – твердо заявил доктор Расп. – Доктор Скотт – плод вашего воображения. Ваше подсознание создало доктора Скотта, защищая себя. Вы не хотите узнавать, в чем на самом деле состоит причина ваших тревог, поэтому создали другого психиатра в противовес мне. Однако в действительности он не существует. Как и создания, которых вы называете людьми. Вы придумали их мир. Доктор Скотт – это цензор, порожденный вашим сознанием. Он не реален. Я понятно объясняю?

Щупальце Хутена свернулось.

– Д-да… – с явной неохотой протянул он.

– Итак, повторим. Доктор Скотт реален?

– Разумеется, – ответил Хутен. – Я должен быть у него на приеме в два часа пополудни. Он собирается дать мне какой-то наркотик. Это тоже форма эстивации.

Последовала пауза.

– Вы вернетесь в этот офис в два часа пополудни, – заговорил потом доктор Расп. – Ни к какому доктору Скотту на прием вы не пойдете. И мы снова подвергнем вас квазиэстивации. Понятно?

– Но я… да.

– Когда я досчитаю до минус одного, вы проснетесь. Минус десять, минус девять…

На счете «минус один» Хутен проснулся и с тревогой посмотрел на доктора Распа.

– Что произошло? – спросил он.

– У нас наметился прогресс, – ответил психиатр. – Однако нам нельзя довольствоваться достигнутым. Лечение следует продолжить как можно скорее. Мы договорились встретиться здесь в два пополудни.

– В два пополудни? Крайне неудобное время.

– У меня есть на то серьезная причина, – сказал доктор Расп.

– Извините, что опоздал, – пробормотал Хутен, входя в офис доктора Скотта. – Похоже, я грезил наяву или что-то в этом роде.

– Все в порядке, – кивнул Скотт. – Ну, вы согласны на мое предложение?

– Наверно. Однако… у меня очень забавное ощущение.

– Какое именно?

– Что я начинаю просыпаться.

Доктора Скотта это известие, похоже, обрадовало.

– Отлично. Значит, снимайте пальто и закатайте левый рукав. Ложитесь вон туда на кушетку. Вот так. Сейчас я сделаю вам инъекцию, и вы начнете засыпать. Просто расслабьтесь, больше от вас ничего не требуется.

– Ой!

– Все-все. – Доктор Скотт вытащил иглу. – Теперь зафиксируйте на чем-нибудь свой взгляд и, когда в глазах у вас начнет расплываться, скажите мне.

– Хорошо. – Хутен послушно перевел взгляд на окно. – А знаете, Эмпайр-стейт-билдинг уже сейчас выглядит неправильно. Форма не та. Совсем не похоже на Вункери.

– Не похоже на что?

– На Вункери. Из небесной щели доктора Распа открывается отличный вид на…

– Но вы ведь понимаете, на самом деле никакого Вункери не существует? – прервал Хутена доктор Скотт с еле заметной и совсем недокторской ноткой нетерпения в голосе. – Доктор Расп – порождение вашего подсознания. Засыпая, вы просто видите сны, как и всякий нормальный человек. А Вункери и Распа вы придумали, чтобы успешнее противостоять мне и моему лечению. Вы согласны?

– Нет, я не согласен, – сонно ответил Хутен.

Доктор Скотт вздохнул:

– В глазах еще не расплывается?

– Нет, но я… Я начинаю…

– Что?

– Просыпаться, – пробормотал Хутен и закрыл глаза. – Привет, доктор Расп.

– Я уже говорил, никакого доктора Распа не существует, – раздраженно повторил доктор Скотт. – Доктор Расп – плод вашего воображения.

– А доктор Расп говорит, это вы не существуете, – с закрытыми глазами пробормотал Хутен. – Да, доктор Расп…

Хутен открыл фасеточные глаза, посмотрел сквозь небесную щель на Кватт-Вункери и ошеломленно покачал головой.

– Что такое? – спросил доктор Расп.

– Доктор Скотт сделал мне инъекцию пентотала натрия.

Психиатр что-то торопливо черкнул на своем надкрылье, затем скрестил антеннку с антенкой Хутена и начал перекачку энергии.

– Доктор Скотт – это ваша защитная реакция. Никакого доктора Скотта не существует. Как не существует пентотала натрия. Сейчас мы вас эстивируем. Слышите меня? Вы погрузитесь в глубокий сон, настолько глубокий, что никакой доктор Скотт не сможет разбудить вас. Вы будете повиноваться мне, а не доктору Скотту. Начинаю эстивацию. Вы меня слышите?

– Да… но, боюсь, это не сработает. Видите ли, если вы меня эстивируете, я проснусь в офисе доктора Скотта и…

– Нет никакого доктора Скотта! Забудьте о докторе Скотте!

– Но…

– Вы эстивируете… Эстивируете…

– Хорошо. Я уже… О, привет, доктор Скотт.

– Просто расслабьтесь, – мягко велел доктор Скотт, высвобождая иглу шприца из руки пациента.

– Знаете, все это уже начинает доставать, – раздраженно заявил Хутен. – Я словно болтаюсь где-то посредине. И если продолжать в том же духе, что-то произойдет. Не знаю, что именно, но, может, отложим наш сеанс на завтра? А доктор Расп пусть себе развлекается.

– Ваш лечащий врач – я, – заявил Скотт. – Никакого доктора Распа не существует. Если он будет еще донимать вас, отправляйте его ко мне.

– Антеннки… – пробормотал Хутен. – Я не могу… Я…

– Просто расслабьтесь, – повторил доктор Скотт. – Никакого доктора Распа нет и быть не может.

Хутен поднял руку, как будто пытаясь оттолкнуть психиатра.

– Так дальше продолжаться не может, – сонным голосом запротестовал он. – Говорю же, что-то непременно случится… Что-то плохое… Я… ох… доктор Расп продолжает эстивировать меня…

– Ну, тихо-тихо… – Доктор Скотт задумчиво поглядел на шприц.

– Вы эстивируете, – телепатировал доктор Расп.

– Осторожно! – вдруг выкрикнул Хутен. Тело его изогнулось. – Он собирается сделать мне еще один укол…

Доктор Расп покрепче обхватил своей антенкой антенку Хутена и усилил перекачку энергии.

– Вы эстивируете, – повторил он. Внезапно его осенила новая идея. – И вы тоже, доктор Скотт. Вы меня слышите? Я эстивирую вас, доктор Скотт. Расслабьтесь. Перестаньте сопротивляться. Вы в теплой, удобной, душной норе. Вы начинаете эстивировать, доктор Скотт…

– Теперь он пытается эстивировать вас, – сказал Хутен, судорожно дергаясь на кушетке.

Наклонившись чуть ниже, доктор Скотт мрачно улыбнулся и вперил в Хутена гипнотизирующий взгляд:

– Расслабьтесь. Я обращаюсь к вам, доктор Расп. Расслабьтесь и усните. Я сделаю вам еще одну инъекцию пентотала, и вы уснете. Слышите меня, доктор Расп?

– О господи… – Хутен ошарашенно замигал. – Такое чувство, будто меня вот-вот разорвет надвое. Что же будет?! Предупреждаю, нам лучше прервать сеанс, а не то…

Он взвизгнул, почувствовав, как игла доктора Скотта снова проткнула кожу, однако на этот раз шприц был наполнен абсолютно безвредным раствором, предназначенным исключительно для психосоматических целей. Еще раз вводить Хутену пентотал натрия было бы опасно – та доза, которую он уже получил, давным-давно должна была ввергнуть его в глубокий сон.

– Вы засыпаете, доктор Расп, – приказал доктор Скотт твердым, уверенным голосом.

– Вы эстивируете, доктор Скотт, – велел доктор Расп.

– Вы спите.

– Вы эстивируете.

– Спите!

– Эстивируйте!

– Ой-ой-ой! – возопил Тимоти Хутен, вскакивая на ноги в полной уверенности, что вот-вот произойдет нечто ужасное.

Прямо по центру кабинета доктора Скотта, окутанное дрожащим воздухом, стояло, пошатываясь, шестиногое, похожее на насекомое существо. Фасеточные глаза доктора Распа с изумлением и недоверием сначала обозрели окно и высившуюся за ним громаду Эмпайр-стейт-билдинг, затем переместились на нелепую двуногую фигуру Тимоти Хутена.

Пространственно-временной континуум мерцал и переливался. Доктор Скотт растерянно таращился на неизвестно откуда взявшееся чудовище, которое, чуть согнув все свои шесть ног, пялило на него фасеточные глазищи. Некая невероятная догадка мелькнула в его сознании, но он тут же отогнал ее, рассеянно бормоча себе под нос:

– Галлюцинация, конечно. Ну разумеется. Само собой. Что ж еще…

Он повернулся, надеясь, что зрелище собственного офиса вернет ему душевное спокойствие, но вместо этого взгляд его упал на небесную щель и открывающийся оттуда вид. Он никогда прежде не видел Кватт-Вункери, однако чудовищное подозрение начало закрадываться в его душу.

Соглядатай

На стене был экран, на экране – статичная картинка, в которую всматривался социолог-криминалист, а на картинке – две застывшие фигуры: один человек бил другого в сердце антикварным скальпелем. В свое время такими оперировали пациентов в больнице Джонса Хопкинса – а позже, как известно, изобрели ультрамикротом.

– Самое мудреное дело на моей памяти, – заметил социолог. – Я даже удивлюсь, если Сэм Клей не отвертится от обвинения в убийстве.

Техник повозился с рычажком воспроизведения, отмотал запись назад, и люди на экране ожили. Один (Сэм Клей) схватил со столешницы скальпель (должно быть, тот выполнял функцию ножа для бумаг) и вонзил его второму в сердце. Человек осел на пол. Клей отпрянул – очевидно, в ужасе. Затем упал на колени рядом с конвульсирующим телом, исступленно восклицая: «Я не хотел!» Убитый же выдал барабанную дробь каблуками по ковру и замер.

– Последние секунды – просто загляденье, – сказал техник.

– Что ж, надо провести предварительное исследование, – вздохнул социолог, а затем устроился в диктокресле и положил пальцы на клавиатуру. – Сомневаюсь, что найдутся хоть какие-то улики. В любом случае с анализом можно не спешить. Где сейчас Клей?

– Адвокат вытащил его на основании хабеас менс – неприкосновенности души.

– Так и знал, что нам его не удержать. Но попробовать стоило. Сам посуди: если бы мы сняли проекцию сознания, то узнали бы правду. Ну да ладно. Значит, пойдем в обход – как обычно. Будь добр, запусти трейсер. Пока не прогоним все в хронологическом порядке, не разберемся. Но надо же с чего-то начинать. По старинке, по-блэкстоновски, – добавил социолог, глядя на экран, где труп ожил и вскочил на ноги, а Клей извлек у него из груди скальпель без единого пятнышка крови. – Да, старый добрый Уильям Блэкстон… – задумчиво пробормотал социолог. – С другой стороны, я предпочел бы жить в эпоху Джорджа Джеффриса, когда убийство расценивалось как убийство.

Телепатия так и не получила серьезного развития. Не потому ли, что новая наука оказалась всемогущей и ее возможности ограничили под давлением естественного права? Конечно нет.

Телепатия – всего лишь способ заглянуть в прошлое, и не дальше чем на пятьдесят лет, так что телепат не увидит ни лучников при Азенкуре, ни гомункулов Бэкона. Зато сумеет снять с материи «отпечатки» световых и звуковых волн, расшифровать их, исследовать и воспроизвести картинку того или иного события. В конце концов, если какой-нибудь бедолага угодил под взрыв атомной бомбы, в бетон впечатывается его тень – а это уже кое-что. К тому же, кроме этой тени, ничего не остается.

Итак, у человечества появилась возможность читать прошлое как раскрытую книгу, но это не решило всех проблем. Поколение за поколением люди сглаживали острые углы и распутывали клубок противоречий, пока наконец не достигли шаткого равновесия между ветвями власти. С тех самых пор, как Каин восстал против Авеля, человек решительно отстаивал свое право на убийство. «Голос крови брата твоего вопиет ко Мне от земли», – не уставали цитировать Книгу Бытия идеалисты, но эти слова никого не остановили: лоббисты и группы влияния отвечали цитатами из Великой хартии вольностей, отчаянно защищая право на частную жизнь.

Прелюбопытнейшим результатом этих разногласий стал следующий вывод: убийство надлежит считать уголовно наказуемым деянием лишь в том случае, если доказана его умышленность. Разумеется, умерщвление человека в припадке ярости считали по меньшей мере неприличным и за него полагалось номинальное наказание (к примеру, тюремное заключение), но на практике такой подход не работал из-за обилия доступных линий защиты. Аффект, неправомерная провокация, самозащита, непредумышленное убийство, убийство второй степени, третьей, четвертой и так далее. Прокурор обязан был доказать, что преступление спланировано заранее; лишь в этом случае жюри могло признать обвиняемого виновным. Чтобы исключить предвзятость суда, присяжным требовалось отказаться от иммунитета и дать согласие на проекцию сознания. Что касается подсудимых, те от иммунитета не отказывались.

Дом человека уже не считался его крепостью: при любой необходимости Соглядатай мог войти куда угодно и снять слепок прошлого. Этот прибор не способен был интерпретировать информацию или читать мысли; он мог лишь смотреть и слушать. Следовательно, последний бастион частной жизни защищали изо всех сил. Никакой «сыворотки правды», психоанализа в состоянии гипноза, логических ловушек и допросов с пристрастием.

Если обвинение, изучив предыдущие действия подсудимого, сумеет доказать злой умысел – прекрасно. В ином случае Сэм Клей увильнет от телепатической проверки.

На первый взгляд все выглядело так, будто Эндрю Вандерман в ходе ссоры схватил шипастую плеть, свитую из шкуры электрического ската, и хлестнул Клея по лицу. Любой, кому доводилось получать ожог от физалии, поймет, что Клей может заявить о последующем состоянии аффекта и самозащите, не говоря уже о неправомерной провокации, – и, по всей вероятности, будет оправдан.

На Аляске существует весьма занятная секта флагеллантов; во время ритуалов они пользуются подобными плетьми, и никто, кроме бичующихся, не умеет сносить такую боль. Самобичевателям она даже нравится: перед обрядом они принимают наркотик, трансформирующий боль в удовольствие. Но Сэм Клей не принимал такого наркотика, и, что вполне естественно, он стал защищаться – допустим, с превышением пределов необходимой самообороны, но оправданно и вполне логично.

Никто, кроме Клея, не знал, что он давно уже планировал убить Вандермана. В том-то и беда: Клей не мог понять, почему у него так пусто на душе.

Экран мигнул и погас. Техник усмехнулся:

– Ну и ну! В четыре года его закрыли в темной кладовке. Интересно, что сказали бы древние психологи. Или как их там – знахари? Шаманы? Те, кто интерпретировал сновидения.

– Ты все перепутал. Это…

– Астрологи! Нет, не они. Те, о которых я говорю, специализировались на символизме. Крутили молельные барабаны и приговаривали: «Роза это роза это роза это роза»[45], так? Чтобы высвободить бессознательное?

– В старомодных методах психиатрии ты совершенный дилетант. Причем типичный.

– Однако в этом что-то есть. Взять, к примеру, хинин и наперстянку: племена Амазонии пользовались ими задолго до того, как эти растения стали известны науке. Но глаз тритона? Лягушачья лапка? Зачем? Чтобы произвести впечатление на пациентов?

– Нет, чтобы убедить самих себя, – объяснил социолог. – В те времена исследования психических отклонений привлекали потенциальных психов – с их атрибутикой, лишенной всякого смысла. Занимаясь лечением пациентов, эти горе-врачеватели пытались выправить собственную психику. Но современная психология – наука, а не религиозный культ. Теперь мы умеем делать поправку на индивидуальные психотические отклонения самого психиатра – то есть возрастают шансы найти, как говорится, истинный север. Ладно, давай-ка за работу. Попробуй

ультрафиолет. Хотя стоп, Клея уже выпускают. Ну ее к черту, эту кладовку. Мы и без того далеко забрались. Даже если в трехмесячном возрасте он испугался грозы, эту информацию можно скинуть в папку «Гештальт». И забыть о ней. Пойдем-ка по временно́й шкале. Покажи мне… так… покажи мне инциденты с тремя людьми. Вот их имена: Вандерман, миссис Вандерман, Жозефина Уэллс. И места действия: рабочий кабинет, квартира Вандермана, жилище Клея…

– Понял. Минутку…

– Позже перепроверим все на предмет отягчающих. Сейчас проведем поверхностный осмотр. Сперва вердикт, потом доказательства, – усмехнулся социолог. – Всего-то и надо, что обнаружить мотив…

– Как тебе вот это?

Сэм Клей разговаривал с девушкой. Фоном служила квартира категории Б-2.

– Извини, Сэм. Просто… ну, так бывает.

– Ага. Как вижу, у этого Вандермана есть что-то, чего нет у меня.

– Я люблю его.

– Смешно. Все это время я считал, что ты любишь не его, а меня.

– Я тоже так считала… поначалу.

– Ладно, проехали. Нет, Беа, я не сержусь. Даже пожелаю тебе счастья. Но ты, наверное, в точности знала, что я отреагирую именно так, а не иначе.

– Прости…

– Кстати говоря, я всегда шел у тебя на поводу. Всегда.

Но про себя (и это не отобразилось на экране) он сказал: «Шел на поводу? Потому что мне того хотелось. Гораздо проще, когда решения принимает кто-то другой. Да, она прирожденный лидер, доминирующая особь; я же не ведущий, а ведомый. Поэтому все и случилось. Снова.

Как всегда. С самого старта у меня гири на ногах. Я всегда считал, что обязан ходить по струнке, дабы не накликать беды. Вандерман… Заносчивый наглец. Кого-то он мне напоминает. Меня закрыли в темноте, я не мог дышать. Забыл. Кого же… Отца? Нет, не помню. И так всю жизнь. Он всегда держал меня под присмотром; я думал, что в один прекрасный день стану делать что хочу, – но этот день так и не наступил. Теперь же слишком поздно. Отца давно уже нет.

Он всегда был уверен, что я подчинюсь. Восстань я против него хоть однажды…

Кто-нибудь из раза в раз толкает меня в кладовку и запирает дверь, не дает мне проявить способности, доказать свою компетентность – себе, отцу, Беа, всему миру. Вот бы… Вот бы запереть Вандермана во тьме. Например, в гробу. То-то он удивится. Приятная мысль. Неплохо бы прикончить этого Эндрю Вандермана».

– Вот, зарождается наш мотив, – сказал социолог. – С другой стороны, многих бросают мужья или жены. И далеко не все брошенные становятся убийцами. Поехали дальше.

– По-моему, Беа заинтересовала Клея, потому что он хотел, чтобы им командовали, – заметил техник. – Он сдался.

– Это защитная инертность.

Бобины замедлили вращение, и на широкоформатном экране возникла новая сцена: бар «Парадиз».

В баре «Парадиз», куда ни сядь, квалифицированный робот-анализатор немедленно изучит цвет и строение твоего лица, после чего включит лампы самых правильных оттенков и нужного накала, чтобы выставить тебя в наилучшем свете. В этом заведении принято заключать сделки, ибо мошенник походил здесь на честного человека. Еще этот бар пользуется популярностью у женщин и вышедших в тираж актеров кино и телевидения.

В здешнем освещении Сэм Клей был юн, свят и аскетичен, а Эндрю Вандерман выглядел по-мрачному благородно – как Ричард Львиное Сердце, предлагающий свободу Салах-ад-Дину и в то же время понимающий, что совершает не самый мудрый поступок. *Noblesse oblige,* положение обязывает, говорила его волевая челюсть, когда он брал серебряный графин и наполнял стаканы. В обычном свете Вандерман походил на симпатичного бульдога. К тому же за пределами «Парадиза» у него, как и у всякого холерика, были румяные щеки – вернее, не щеки, а брыли.

– Что касается предмета нашего разговора, – сказал Клей, – не пойти ли тебе…

Оглушительно заорал музыкальный цензор, из-за чего конец фразы остался неслышим – как и ответ. Но освещение мгновенно подстроилось под изменившийся цвет лица Вандермана. Через пару тактов громкость вернулась на комфортный уровень.

– Обмануть цензоров проще простого, – продолжил Клей. – Они запрограммированы реагировать на сквернословие, но не понимают иносказаний. Допустим, я скажу, что набор твоих хромосом озадачил бы твоего отца… видишь?

Он был прав: громкость музыки осталась прежней.

– Ну что это за поведение? – проворчал Вандерман. – Понимаю, ты расстроен. Для начала позволь сказать…

– Хихо…

Но цензор в совершенстве владел диалектами испанского, и Вандерману не пришлось выслушивать очередное оскорбление.

– …Я предложил тебе работу, потому что ты, на мой взгляд, очень способный человек. У тебя хороший потенциал. Это не взятка. Не путай бизнес с личной жизнью.

– И все же Беа собиралась выйти за меня.

– Клей, ты что, напился?

– Да. – И Клей выплеснул свой стакан Вандерману в лицо.

Заиграл Вагнер – чрезвычайно громко. Несколько минут спустя, когда вмешались официанты, окровавленный Клей лежал на спине: нос расплющен, глаз подбит. Что до Вандермана, тот ободрал костяшки пальцев.

– Вот тебе и мотив, – сказал техник.

– Да, вполне себе мотив. Но почему Клей ждал аж полтора года? И вспомни, что произошло потом. Может, само убийство лишь символ? Если Вандерман олицетворял, скажем, гнетущую тиранию общества, синтезированную Клеем в репрезентативный образ… Нет, чушь какая-то. Очевидно, Клей пытался что-то себе доказать. Промотай-ка вперед. Хочу посмотреть в нормальной хронологии, а не в реверсивной. Что у нас следующее?

– Очень подозрительный эпизод. Клей отправился на суд над убийцей – сразу после того, как ему починили нос.

«Не могу дышать, – думал он, – здесь слишком много людей, я как в коробке, в кладовке, в гробу, меня никто не замечает, ни публика, ни присяжные, ни полномочный судья. Что бы я делал на скамье подсудимых, окажись я там вместо этого парня? Что, если его признают виновным? Они же все испортят! Очередной темный угол; унаследуй я нормальные гены, хватило бы сил побить Вандермана, но мной слишком долго помыкали.

Постоянно вспоминаю ковбойскую песенку:

> Приблудилась к стаду телка, босс велел ее прикончить.
> Жахнул я ей сковородкой – по крестцу да в самый копчик.

Смертоносное оружие не выглядит опасным, если пользуешься им каждый день. Но если такая вещица станет орудием убийства… Нет, Соглядатай все проверит. В наши дни можно скрыть только мотив. Нельзя ли разыграть все шиворот-

навыворот? Сделать так, чтобы Вандерман напал на меня, фигурально выражаясь, со сковородкой? Вернее, он подумает, что у него в руке сковородка, но мне-то известно, что это смертоносное оружие…

Суд, на котором присутствовал Сэм Клей, был вполне заурядным: один человек убил другого. Защитник обвиняемого утверждал, что убийство было совершено под влиянием момента, что доказать, по сути дела, можно лишь нападение, нанесение телесных повреждений и – в худшем случае – преступную халатность, но ее сводят на нет обстоятельства непреодолимой силы. И не важно, что подзащитный унаследовал имущество покойного в акциях компании «Маршиал ойл». Он находился в состоянии аффекта.

Обвинитель продемонстрировал предсмертный слепок событий. Действительно, покойный не был убит ударом по голове. Он был оглушен, но это случилось на уединенном пляже, а потом начался прилив…

Обстоятельства непреодолимой силы, тут же повторил защитник.

На экране появился обвиняемый. За несколько дней до преступления он просматривал новостной ролик с таблицей приливов и отливов. Более того, он посетил вышеупомянутый пляж и спросил у незнакомца, бывает ли тут людно. «Нет, – ответил незнакомец, – после заката тут никого. Сильно холодает. Но вам от того не легче, вода тоже холодная, не искупаетесь».

Защита придерживалась постулата *«Actus non facit reum, nisi mens sit rea»* – «Действие не делает виновным, если невиновна мысль», – а обвинение стояло на своем: *«Acta exteriora indicant interiora secreta»*, «О скрытой мысли судят по очевидным действиям». В каком-то смысле эти юридические максимы по-прежнему выполняли свои функции: прошлое человека оставалось неприкосновенным, но лишь при условии – вот он, джокер, – наличия у него гражданства. Любой обвиняемый в особо тяжком преступлении автоматически переставал быть гражданином до тех пор, пока его не признают невиновным.

Кроме того, в суде нельзя было представлять улики из слепков прошлого, не доказав, что они непосредственным образом связаны с преступлением, поскольку у обычных граждан имелось право на частную жизнь, исключавшее подобный трейсинг. Человек лишался этого права лишь после обвинения в серьезном преступлении, да и в этом случае любые улики дозволено было использовать лишь в корелляции с непосредственным обвинением. Разумеется, в процедуре имелись

всевозможные лазейки, но теоретически человек, оставаясь в рамках закона, был огражден от шпионажа.

Теперь же обвиняемый сидел на скамье подсудимых, и все присутствующие глазели на его прошлое. Обвинение продемонстрировало записи шантажа со стороны рыжеволосого человека. Вот он, мотив. Вердикт – «виновен». Приговоренный разрыдался, и его увели. Клей встал и вышел из зала суда. Судя по лицу, он глубоко задумался.

Так и было. Он пришел к выводу, что существует лишь один способ убить Вандермана и не поплатиться за это жизнью. Само убийство скрыть не получится, равно как не удастся замаскировать ни приведшие к нему поступки, ни сказанные или записанные слова. Скрыть можно лишь свои мысли. Никоим образом не выдав себя, Клей должен убить Вандермана так, чтобы убийство выглядело оправданным. То есть замести вчерашние следы. И завтрашние. И все последующие.

«Что ж, – думал Клей, – это можно устроить. Надо сделать так, чтобы смерть Вандермана принесла мне не выгоду, но убыток. Это очень поможет. Надо подтасовать факты. И нельзя забывать, что в настоящее время у меня есть очевидный мотив для убийства. Во-первых, Вандерман увел мою Беа. Во-вторых, он избил меня.

Надо повернуть все так, будто он не унизил меня, а сделал одолжение.

Необходимо найти возможность – нормальную, логичную, железобетонную возможность – как следует изучить Вандермана. Устроиться к нему личным секретарем. Что-то вроде этого. Соглядатай сейчас в будущем, когда все уже свершилось, но он наблюдает…

Нельзя забывать, что он наблюдает за мной прямо сейчас!

Ну хорошо. Я, как обычный человек, в данный момент непременно задумался бы об убийстве. Это не скрыть, да и не надо этого скрывать. Я постепенно выйду из этого настроения, но тем временем…»

Он улыбнулся.

Отправляясь покупать пистолет, он нервничал, словно Соглядатай был наделен даром предвидения и мог в мгновение ока вызвать полицию. Но на самом деле это око находилось в далеком будущем, за пропастью времени, и сгладить ее, эту пропасть, способны лишь естественные процессы. Если уж на то пошло, Соглядатай наблюдает за ним с самого рождения. Стоит взглянуть на проблему под этим углом, и…

Да, Клей сумеет его обмануть. Соглядатай не способен читать

мысли.

Клей приобрел пистолет и отправился в засаду: поджидать Вандермана в темном проулке. Но сперва напился допьяна – так, чтобы Соглядатай остался удовлетворен.

После этого…

– Ну что, полегчало? – Вандерман налил ему очередную чашку кофе.

Клей спрятал лицо в ладонях и глухо ответил:

– Я был не в себе. Наверное. Лучше сдай меня в полицию.

– Об этом варианте лучше не вспоминать, Клей. Ты был пьян, только и всего. А я… Что ж, я…

– Я наставил на тебя пистолет… хотел застрелить… а ты привел меня к себе домой и…

– Ты не выстрелил, Клей. Помни об этом. Ты не убийца. Это я во всем виноват. Не надо было так на тебя давить. – Несмотря на стандартно-янтарное освещение, Вандерман и теперь напоминал Ричарда Львиное Сердце.

– Я никто. Неудачник. Всякий раз, когда хочу что-то сделать, объявляется кто-нибудь вроде тебя. И справляется в два раза лучше. Я человек второго сорта.

– Клей, ну хватит уже. Понимаю, ты расстроен, но послушай: все у тебя наладится. Я за этим прослежу. Мы что-нибудь придумаем. Уже завтра. А сегодня пей кофе.

– Хороший ты парень, Эндрю, – сказал Клей.

Итак, купился наш великодушный дуралей, думал Клей с довольной улыбкой, отходя ко сну. Отлично. Это самое начало работы с Соглядатаем. Более того, первую подачу сделал Вандерман. Позволь человеку оказать тебе услугу, и он станет твоим приятелем. Что ж, Вандерман окажет мне еще массу услуг. Прежде чем я закончу, у меня будут все причины желать ему долгой и счастливой жизни.

Все причины, видимые невооруженным глазом Соглядатая.

Надо предположить, что прежде Клей не пользовался своими способностями, ведь он осуществлял план убийства так, что комар носа не подточит. Всего-то и надо было, что найти этим талантам верное применение. И еще Клею, пожалуй, необходим был чей-то патронаж. Функцию покровителя выполнял теперь Вандерман; наверное, пытался унять муки совести – ведь он увел у Клея любимую девушку. Людям вроде Вандермана требуется избегать любого подозрения в низкодушии. Сильный и безжалостный от природы, Вандерман убедил себя, что он

сентиментален, но сентиментальность эта не достигала неуютных высот, а Клей знал меру и не нарушал установленных границ.

Тем не менее он жил под беспрестанным наблюдением Соглядатая – устройства, умеющего видеть сквозь время, – и это порядком действовало ему на нервы. Месяцем позже, входя в фойе здания «В», Клей понял, что световые вибрации, отраженные его телом, навсегда впитываются в стены и пол из полированного оникса, оставляют на них фотографические оттиски, и те будут ждать, пока шпионский механизм не воскресит их для человека, живущего в этом же городе, – человека, еще не знающего о существовании парня по имени Сэм Клей. Сидя в удобном кресле спирального лифта, летевшего вдоль стен к верхним этажам, он понимал, что эти стены запечатлевают его образ, воруют его… Вроде было когда-то суеверие: дескать, фотоснимки воруют душу – или нет?

Его встретила личная секретарша Вандермана. Клей, не стесняясь, осмотрел ее опрятно одетую фигуру и молодое, умеренно привлекательное лицо. Девушка сказала, что мистер Вандерман вышел и что встреча назначена на три часа, а сейчас только два – правильно? Клей заглянул в блокнот и прищелкнул пальцами:

– Точно, мисс Уэллс, вы правы. Три часа. Почему-то я был уверен, что мы условились на два – настолько уверен, что не потрудился заглянуть в мою книжицу. Как думаете, не вернется ли он пораньше? То есть у него совещание или он ушел прогуляться?

– Прогуляться ушел, мистер Клей, – ответила мисс Уэллс. – Уж простите, но вряд ли он будет раньше трех.

– Можно подождать здесь?

– Конечно, – улыбнулась она профессиональной секретарской улыбкой. – У нас есть стереосистема, а вон в том шкафу – журнальные бобины.

Она вернулась к работе, а Клей просмотрел статью о правилах безопасности при работе с лунными пильчардами и увидел возможность завести разговор: спросил мисс Уэллс, нравятся ли ей пильчарды, и выяснил, что девушка не питает к ним совершенно никакого интереса, но лед уже был растоплен.

Коктейльное знакомство, думал Клей, случайная встреча. Пусть сердце мое разбито, но мне бывает одиноко – и это вполне естественно.

Но фокус был не в том, чтобы обручиться с мисс Уэллс. Клею необходимо было изобразить убедительную влюбленность. Соглядатай не дремлет, и Клей стал пробуждаться по ночам – нервно вздрагивал, а потом лежал, глядя в потолок. Но за тьмой

не спрячешься.

– Вопрос в том, – сказал в этот момент социолог, – играл ли Клей на публику.

– Ты про нас с тобой?

– Вот именно. Кстати говоря… тебе не кажется, что он ведет себя самым естественным образом?

– Пожалуй, да, – согласился по размышлении техник. – Разве станет человек жениться лишь для того, чтобы реализовать некий план? В браке у него появляется целый спектр новых обязанностей.

– Однако Клей еще не взял в жены Жозефину Уэллс, – возразил социолог. – Кроме того, новые обязанности… Они имели бы значение несколько веков назад, но не теперь. – Он отклонился от темы: – Вообрази себе общество, где после развода мужчина должен был содержать совершенно здоровую и трудоспособную женщину! Да, я в курсе, что это рудимент – отголосок тех времен, когда заработать на жизнь мог только мужчина, – но представь типаж женщины, охотно принимающей такие подачки! Это же реверсия к раннему детству, не будь я…

Техник покашлял.

– Ой, – сказал социолог. – Ну да. Вопрос в том, обручился бы Клей с женщиной, если на самом деле…

– Помолвку можно расторгнуть.

– Насколько нам известно – а нам известно, – эту пока не расторгли.

– Я бы предположил, что обычный, нормальный мужчина не женился бы на девушке, к которой не питает никаких чувств. Если только за этим поступком не стоит очень серьезный мотив.

– А Клей – он нормальный? Обычный? – задумался социолог. – Знал ли он заранее, что мы проверим его прошлое? Ты заметил, что он жульничал, когда раскладывал пасьянс?

– И о чем это говорит?

– Существует множество банальных поступков, которые ты не совершишь, если думаешь, что на тебя смотрят. Не подберешь монетку на улице, не будешь пить суп прямо из тарелки, кривляться перед зеркалом… Речь о всех этих дурацких мелочах, на которые падок каждый – но лишь наедине с самим собой. Клей или невиновен, или очень умен…

Он был очень умен. Не собирался доводить помолвку до свадьбы, хотя знал, что в некотором смысле женитьба стала бы дополнительной мерой предосторожности. Но если мужчина разговаривает во сне, его жена непременно обратит внимание на

этот факт. Клей решил, что при необходимости можно спать с кляпом во рту, но затем до него дошло: если он и правда разглагольствует во сне, нет никаких гарантий, что не проболтается в самый первый раз, когда рядом будет кому слушать. Неприемлемый риск. И в нем нет необходимости. Обдумав проблему, Клей пришел к выводу, что она довольно проста: надо лишь исключить возможность разговоров во сне.

Решение элементарное: Клей купил наркогипнотические курсы языков международного общения. Когда бодрствовал, изучал новые темы, а во время сна воспринимал информацию на слух. В качестве обязательного этапа подготовки ему велели зафиксировать глубину сна, чтобы наркогипноз подстроился под индивидуальные биоритмы. Клей так и сделал, причем несколько раз, а потом каждый месяц повторял эту процедуру и оставался доволен. Необходимость в кляпе отпала.

Он любил спать – при условии, что не видел снов. Через некоторое время ему пришлось принимать снотворное. Во сне он забывал, что за ним беспрестанно наблюдает Соглядатай – тот самый, что призовет его к ответу, всемогущий Соглядатай, которого нельзя одолеть в честном бою. Но Соглядатай, бывало, являлся ему в кошмарах.

Вандерман дал Клею работу в своей конторе, огромной организации, где тот чувствовал себя винтиком, мелкой сошкой, и его это вполне устраивало – до поры до времени. Он не нуждался в новых услугах – пока не выяснил, какие обязанности выполняет мисс Уэллс (оказалось, ее зовут Жозефина). На это ушло несколько месяцев, и за это время их дружба вызрела в любовь. Поэтому Клей обратился к Вандерману с просьбой о новой должности – с конкретными пожеланиями. Он просил работу, где научился бы выполнять нынешние обязанности мисс Уэллс – хоть это и не было очевидно.

Вандерман, должно быть, все еще чувствовал себя виноватым из-за Беа; он взял ее в жены, и теперь она развлекалась в лучшем казино Антарктиды. Вандерман должен был присоединиться к ней, поэтому нацарапал служебную записку, пожелал Клею удачи и отправился в Антарктиду, уже не мучимый шальными уколами совести. Клей же, не теряя времени даром, пылко ухаживал за Жозефиной.

Иногда до него доходили разговоры о новоиспеченной миссис Вандерман, и он втайне вздыхал с облегчением. Не так давно, когда Клей довольствовался пассивной ролью в отношениях, растущее господство Беа вполне устроило бы его – тогда, но не теперь. Он узнал, каково это, полагаться на самого себя – и ему это понравилось. Нынешняя Беа вела себя не самым

лучшим образом. У нее было полно денег и свободного времени. Никаких ограничений. Иной раз слухи о ней были такими, что Клей ухмылялся. Вандерману приходилось несладко. У Беа имелась склонность доминировать над окружающими, но и ее муж вовсе не был слабаком.

Через некоторое время Клей сообщил работодателю, что намерен жениться на Жозефине Уэллс.

– Хоть поквитаемся, – сказал он. – Ты увел у меня Беа, а я уведу у тебя Жози.

– Минуточку, – оторопел Вандерман, – надеюсь, ты не…

– Была твоя секретарша – стала моя невеста. Вот, собственно, и все. Дело в том, что мы с Жози любим друг друга.

Он нагнетал давление, но осторожно. Обмануть Вандермана довольно просто; обмануть Соглядатая с его искусными инженерами-техниками и криминалистами-социологами не в пример сложнее. Иногда ему вспоминались средневековые картинки с громадным глазом, а за этим образом скрывались другие, размытые и неприятные. Клей силился придать им резкости, но не мог.

У Вандермана не оставалось других вариантов, кроме как повысить Клея. Добросовестная Жозефина согласилась какое-то время поработать, пока Клей не начнет уверенно справляться с офисной рутиной, но этого почему-то не произошло. Клей внимательно следил за тем, чтобы у Жозефины не убавлялось дел. Она не обязана была брать работу на дом, но брала, и Клей, бывая в гостях у невесты, понемногу ей помогал. Работа вкупе с наркогипнотическими курсами развила у него весьма специфические организаторские способности. Бизнес Вандермана (экспорт и импорт планетарного масштаба) отличался множеством своеобразных особенностей, а Жозефина была для шефа чем-то вроде ходячего расписания. Она отслеживала целевые группы, сезонные тренды, религиозные праздники, то есть работала не на полную ставку, но на полторы, а то и две.

Они с Клеем решили отложить свадьбу. Клей – что вполне естественно – ревновал Жозефину к работе, и девушка пообещала вскоре что-нибудь придумать. Но однажды вечером она засиделась в офисе, а Клей вышел прогуляться и напился – конечно же, из-за скверного настроения. Тем вечером моросило, и Клей хватил лишку – настолько, что вернулся домой без зонта и завалился спать в мокрой одежде. Наутро он слег с простудой. Пока выздоравливал, Жозефина все поняла.

В сложившихся обстоятельствах Клей занял пост своей невесты – исключительно на первое время. На той неделе дел было невпроворот, и никто, кроме Клея, не знал, как все утрясти.

Его труды избавили Вандермана от массы неудобств, и когда ситуация разрешилась сама собой, Жозефину перевели на вспомогательную должность, а Клей стал личным секретарем Вандермана.

– Надо бы узнать его получше, – обмолвился Клей в разговоре с Жозефиной. – Наверняка у него множество привычек и человеческих слабостей, которые нельзя игнорировать. Допустим, пришло время обеда; не хотелось бы заказать копченый язык и выяснить, что у шефа на него аллергия. Какие у него хобби?

Но он был осторожен и не давил на Жозефину в полную силу: Соглядатай все видит. И по-прежнему Клей не мог уснуть без снотворного.

– Давай прервемся, – предложил социолог, потирая лоб. – Зачем одному человеку убивать другого?

– Ради той или иной выгоды.

– Ты прав, но лишь отчасти. Другая сторона медали – подсознательная потребность в наказании за какой-то проступок. Вот откуда склонность к несчастным случаям. Сам подумай: что происходит с убийцами, избежавшими приговора? Они живут с чувством вины, а это паршивая жизнь. Потому-то они и попадают под машину, отрубают себе что-нибудь топором – конечно же, по чистой случайности, – касаются оголенных проводов под напряжением…

– Ты про угрызения совести?

– Давным-давно считалось, что Бог сидит на небе, вооружившись телескопом, и следит за всеми и каждым. В Средние века люди осторожничали – я, разумеется, говорю о первом Средневековье. Затем наступила эра нигилизма, когда никто ни во что не верил… а теперь мы имеем то, что имеем. – Социолог кивнул на экран. – Вселенскую память. С некоторой натяжкой ее можно назвать вселенской – или всеобщественной – совестью. Совестью экстернализованной, совестью напоказ. Она ничем не отличается от средневековой концепции всезнающего Бога.

– Всезнающего, но не всемогущего.

– Гм…

Все полтора года Клей ни на минуту не забывал о Соглядатае. Прежде чем что-то сказать или сделать, он напоминал себе о всевидящем оке и делал все возможное, чтобы будущие судьи не углядели в его поступках мотивов для убийства. Разумеется, Соглядатай не только видел, но и слышал, хотя мысль эта была абсурдной: попробуй представь огромное ухо, висящее на стене

вместо декоративной тарелки. Но, как бы то ни было, любые слова Клея, равно как и его поступок, могут однажды стать опасной уликой. Поэтому Сэм Клей был предельно осторожен и вел себя как жена цезаря – которая, как известно, должна быть выше подозрений. Он не бросал открытый вызов Вандерману, но заманивал его в ловко расставленную ловушку.

Хотя внешностью Вандерман походил на цезаря, его тогдашняя жена, увы, не была выше подозрений – слишком уж много денег оказалось в ее распоряжении, а железная воля благоверного не давала ей возможности получать от жизни максимум удовольствия. Прирожденная глава семьи, Беа не могла не восстать против Эндрю Вандермана, да и романтики не хватало: Вандерман уделял супруге не так уж много времени. В ту пору он был занят чередой сделок, требовавших его полного внимания.

Само собой, без Клея тут не обошлось. Он проявлял самый похвальный интерес к работе. Ночами сидел за графиками и планами развития, словно ожидая, что Вандерман сделает его полноправным партнером. Он даже озвучил это предположение в разговоре с Жозефиной. Произнес под запись. Они определились с датой бракосочетания, но Клей собирался реализовать свой замысел до свадьбы: ему не хотелось вступать в брак по расчету, и надо было сделать так, чтобы необходимость в нем отпала.

Предстояла непростая задача – найти и подложить плеть, – но он справился. Вандерман был кинестетик. Во время разговора он любил держать что-нибудь в руках. Обычно это было хрустальное пресс-папье с впаянной в него имитацией грозы (если потрясти, внутри сверкала молния). Клей нарочно поставил пресс-папье так, чтобы Вандерман смахнул его со стола и хрусталь раскололся.

Клей продавил сделку с ранчо на Каллисто – лишь для того, чтобы раздобыть плеть и положить ее на стол Вандерману. Туземцы – большие мастера кожевенных и серебряных дел, в довесок к любой заключенной сделке они прилагают плеть собственного изготовления. Итак, в скором времени на столе появилась миленькая миниатюрная плеть с инициалами Вандермана: в свернутом виде она играла роль пресс-папье, и, разговаривая, хозяин кабинета любил поигрывать своим новым приобретением.

Второе оружие было уже на месте – старинный нож для бумаг, в прошлом хирургический скальпель. Клей никогда не задерживал на нем взгляда: Соглядатай не дремлет.

Прибыла еще одна плеть. Клей рассеянно сунул ее в ящик стола и притворился, что забыл о ней. Это была шипастая плеть

из тех, что плетут на Аляске флагелланты для своих церемоний, и она была нужна для изучения болеутоляющих наркотиков, популярных среди самобичевателей. Сделку, разумеется, тоже подстроил Клей, и в этом не было ничего подозрительного, ведь фирме светила немалая прибыль, а Вандерман обещал, что в конце года выплатит Клею процент со всех его сделок, весьма ощутимую сумму.

Был декабрь. С того момента, как Клей впервые осознал, что ему предстоит одурачить Соглядатая, прошло ровно полтора года.

Самочувствие у него было прекрасное. Он не злоупотреблял седативными препаратами. Нервы были, разумеется, натянуты, но не до предела. Период выдался непростой, однако Клей научил себя не оступаться. Он визуализировал око Соглядатая в стенах, в потолке, в небесах – везде, где бы он ни находился, ведь это единственный способ избежать любого риска. И уже скоро все старания окупятся. Но тянуть нельзя. Нельзя вечно жить в таком напряжении.

Оставалось несколько мелочей. Клей тщательно их утряс – под самым носом у Соглядатая – и устроил так, что в конкурирующей фирме ему предложили место с внушительным жалованьем. Он отказался.

Однажды вечером в конторе возникла ситуация, потребовавшая, чтобы Клей наведался домой к Вандерману.

Шефа не было. Зато была Беа. Она сильно поссорилась с мужем. Более того, изрядно приняла на грудь. (Клей этого ожидал.) Пройди все не по плану, он попробовал бы снова – и снова, – но в этом не было нужды.

Клей вел себя чуть вежливее, чем было нужно. Наверное, даже слишком вежливо, и Беа, эта несостоявшаяся глава семьи со склонностью подавлять чужую волю, охотно свернула на предложенную Клеем кривую дорожку. В конце концов, она вышла за Вандермана из-за денег, узнала, что муж склонен к доминированию не меньше, чем она, и теперь видела в Клее гиперболизированный символ романтики и мужского подчинения.

Деловито стрекотала камера в декоративном настенном барельефе, наматывая пленку на бобину и подтверждая, что Вандерман – подозрительный и ревнивый муж. Но Клей знал об этой камере. В подходящий момент он споткнулся и налетел на стену так, что устройство сломалось, и теперь, когда за ним наблюдал один лишь Соглядатай, Клей столь виртуозно исполнил свою роль, что подумал даже: «Жаль, что Вандерман не увидит этот мой вольтфас».

– Беа, прости, – сказал он, – но давай не будем. Ничего не выйдет. Я больше не люблю тебя. Когда-то любил, это правда, но любовь осталась в прошлом. Теперь у меня другая женщина, и тебе надо об этом знать.

– Ты все еще любишь меня, – возразила с пьяной уверенностью Беа. – Мы должны быть вместе.

– Беа, я тебя умоляю! Очень трудно такое говорить, но я благодарен Эндрю Вандерману, что он женился на тебе. Ты обрела, что хотела, а теперь я обретаю то, чего хочу. Пусть так и будет.

– Я привыкла получать желаемое, Сэм. И не терплю возражений. Тем более что знаю: на самом деле ты…

Она много чего говорила, и Клей отвечал – временами чуть грубее, чем требовалось, но надо было убедить Соглядатая, что ревность осталась в прошлом.

И у него получилось.

На следующее утро он явился на работу раньше Вандермана, привел в порядок его стол и обнаружил, что шипастая плеть все еще лежит в транспортировочной упаковке.

– Ой, – щелкнул пальцами Клей.

Ведь за ним следил Соглядатай, и это был критический момент: пожалуй, все закончится в течение часа. Отныне каждый шаг должен быть просчитан и перепросчитан. Никаких отклонений от плана. Соглядатай повсюду – в самом буквальном смысле.

Клей открыл коробку, взял плеть и отправился в святая святых: кабинет шефа. Бросил плеть Вандерману на стол – столь небрежно, что опрокинул подставку для карандашей. Вернул ее на место, оставил шипастую плеть на краю стола, а каллистянскую, серебряно-кожаную, сдвинул подальше – так, чтобы спряталась за служебным видеофоном, – после чего позволил себе окинуть столешницу небрежным взглядом. Да, скальпель на месте.

Клей отправился выпить кофе.

Получасом позже он вернулся, взял несколько документов из лотка «входящие» и направился в кабинет Вандермана. Тот, не вставая из-за стола, поднял взгляд. За эти полтора года Вандерман немного изменился: выглядел старше, уже не так благородно, и напоминал дряхлеющего бульдога. Однажды, бесстрастно подумал Клей, этот человек увел мою невесту. И побил меня.

Стоп. Не забывай про Соглядатая.

Теперь оставалось лишь следовать плану, и пусть события развиваются своим чередом. Вандерман видел записи с домашней камеры – вплоть до того момента, когда Клей завалился на стену и вывел прибор из строя. По всей видимости, он не ожидал, что Клей сегодня явится на работу. Но этот мерзавец улыбнулся, поздоровался, шагнул вперед, положил документы на стол…

Клей рассчитывал на вспыльчивый нрав Вандермана: за последние месяцы тот не стал уравновешеннее. Как видно, хозяин кабинета просто сидел за столом и крутил в голове неприятные мысли. В полном соответствии с замыслом Клея он стал теребить плеть – но сегодня это была шипастая плеть самобичевателей.

– Доброе утро, – весело бросил Клей озадаченному шефу и улыбнулся уголком рта. – Взгляни на предложение от киргизских скотоводов. Сумеем сбыть две тысячи пар декоративных рогов?

В этот момент Вандерман взревел, вскочил на ноги, замахнулся и хлестнул Клея плетью по лицу. Вряд ли на свете есть что-то больнее, чем удар шипастой плети.

Клей отшатнулся. Он и не представлял, как будет больно. На мгновение шок от травмы затмил все остальные мысли и чувства, кроме слепой ярости.

Но Соглядатай все видит!

Клей помнил об этом. Сейчас на него смотрела дюжина специально подготовленных людей. Следила за каждым его движением. Он в буквальном смысле стоял на сцене, окруженной внимательными наблюдателями. Те фиксировали каждый вдох, каждый мышечный спазм, каждое подергивание жилки у него на лице.

Через секунду Вандерман будет мертв, но Сэм Клей не останется в одиночестве. Невидимая публика из будущего разглядывает его расчетливо и бесстрастно. Осталось провернуть кое-что еще, и все, дело будет сделано. Так проворачивай – только аккуратно! – и пусть они смотрят.

Время застыло. Дело будет сделано!

Любопытно… В потайных уголках сознания он без конца репетировал эту последовательность, и теперь тело действовало самостоятельно, не нуждаясь в инструкциях. Пошатнулось от удара, восстановило равновесие, прожгло Вальдермана оскорбленно-свирепым взглядом, изготовилось броситься к скальпелю, лежавшему на самом виду.

Все это проделывала оболочка Сэма Клея, но дух его был занят совершенно иной последовательностью действий.

Дело будет сделано.

И что потом?

В глубине души будущий убийца приуныл, поняв, что

смотрит в совершенно пустое будущее. Он впервые задумался о том, что будет дальше. Его план заканчивался смертью Вандермана. Но теперь… Вандерман – единственный враг. Когда его не станет, зачем жить дальше? С какой целью? Чем заниматься? Ведь дело будет сделано, и Клей останется без работы. А ему нравится эта работа.

Вдруг он понял, насколько ему нравится эта работа. В ней он стал настоящим специалистом. Впервые в жизни у него есть профессия, в которой он преуспел.

Нельзя провести полтора года в новом окружении и не поставить перед собой новые цели. Изменения произошли незаметно. Он оказался талантливым дельцом, и чтобы доказать это самому себе, уже не требовалось убивать Вандермана. Клей и так это доказал, без всяких убийств.

В момент, когда все вокруг замерло, Клей смотрел на красную физиономию шефа и думал о Беа, и еще он думал о Вандермане, с которым успел подружиться, – и ему вдруг расхотелось убивать.

Расхотелось взглянуть на труп Вандермана. Расхотелось вернуть Беа. Сама мысль о ней была ему противна – наверное, потому, что он сменил пассивную роль на активную. Теперь он не нуждался в доминирующей женщине. Он способен был принимать решения самостоятельно. Если выбирать прямо сейчас, он выбрал бы кого-то вроде Жозефины…

Жозефина. Образ перед застывшим внутренним оком такой приятный… Жозефина с ее спокойной, неброской красотой, восхищенная успешным бизнесменом по имени Сэм Клей, восходящей звездой импорта в компании «Вандерман инкорпорейтед», Жозефина, на которой он женится… Конечно, он возьмет ее в жены, ведь он любит Жозефину, любит свою работу, и ему нужен был лишь статус – именно тот, которого он достиг. Сейчас все идеально. Вернее, было идеально – тридцать секунд назад.

То есть давным-давно. За полминуты много чего происходит. И произошло. Вандерман надвигался на него с занесенной плетью, и нервы Клея сжались, предчувствуя новый обжигающий удар по лицу. Перехватить бы руку Вандермана, прежде чем тот ударит снова… и все объяснить, да побыстрее…

С прежней кривой улыбкой на лице (то была часть поведенческого шаблона, коего Клей до конца не понимал; знал лишь, что в нем говорят условные рефлексы, отточенные за долгие месяцы суровых тренировок) он пришел в движение. Все, что происходило в его сознании, случилось наяву мгновенно, без физической паузы. Его тело знало, что делать, и выполнило свою

задачу. Оно бросилось к столу, к скальпелю, и Клей не сумел ему помешать.

Все это уже произошло в сознании – единственном месте, где Сэм Клей был по-настоящему свободен последние полтора года. За это время он заставил себя понять, что Соглядатай следит за каждым его движением, и планировал свои действия заранее, и учился доводить дело до конца. Едва ли за эти полтора года Клей позволил себе хоть один импульсивный поступок. Он был в безопасности, покуда четко следовал плану; он подверг себя индоктринации – с выдающимся успехом.

Что-то не так. Не этого он хотел. Он все еще слаб, боится неудачи…

Он налег на стол, схватил скальпель и вогнал его в сердце Вандермана, понимая, что все кончено.

– Непростое дело, – сказал социолог, обращаясь к технику. – Очень непростое.

– Прокрутить еще разок?

– Нет, не сейчас. Надо бы все обдумать. Клей… Та фирма предложила ему работу, но теперь предложение снято, так? Да, помню – они дрожат над моральным обликом своих сотрудников. Страховка? Что-то еще? Не понимаю. Мотив… Ну подкинь же мне мотив! – взмолился социолог.

– Мотив был полтора года назад, – отозвался техник. – А на прошлой неделе… Клей все потерял, но ничего не получил взамен. Потерял работу, годовую премию. Ему не интересна миссис Вандерман. А что касается тумаков, что надавал ему однажды Вандерман… Гм…

– После стычки в баре он хотел застрелить Вандермана, но не смог. Помнишь? Даром что нализался для храбрости. Но… что-то здесь не так. Слишком уж старательно Клей делал безупречный вид. Вот только я, черт побери, не могу ни к чему подкопаться.

– Мы начали с четвертого года жизни. Может, отмотаем к самому началу?

– Это было давно. Вряд ли мы найдем там что-нибудь полезное. По всей очевидности, он боялся отца. Боялся и ненавидел. Типичная картина, основы психоанализа. Отец для него воплощение судьи. Боюсь, наш Сэм Клей останется безнаказанным.

– Но если чуешь нестыковку…

– Бремя доказывания лежит на нас с тобой, – процитировал социолог один из постулатов римского права.

Пиликнул видеофон. Негромко зазвучал чей-то голос.

– Нет, ответить пока не готов. Сейчас? Хорошо, я приеду.

Он встал.

– Окружной прокурор вызывает на совещание. Но надежды мои невелики. Боюсь, штат проиграет это дело. В том-то и проблема с экстернализованной совестью…

Развивать мысль социолог не стал. Покачал головой и вышел, а техник остался задумчиво смотреть на экран, но через пять минут ему дали новое поручение (бюро испытывало нехватку персонала), и вернуться к делу Сэма Клея он смог лишь неделю спустя, когда это уже не имело никакого значения.

Потому что неделю спустя Сэм Клей вышел из зала суда свободным человеком. У подножия лестницы его ждала Беа Вандерман. Облаченная в черное. Но на сердце у нее, по всей видимости, было легко и спокойно – никаких мрачных тонов.

– Сэм, – сказала она.

Он взглянул на нее.

У него слегка кружилась голова. Все закончилось – в точном соответствии с планом. Теперь за ним никто не следит. Соглядатай закрыл глаза. Невидимая публика надела пальто, нахлобучила шляпу и покинула театр личной жизни Сэма Клея. Отныне он может делать и говорить все, что захочется, ибо вездесущий цензор отвернулся от него. Клей возвратил себе право на импульсивные поступки.

Он, одиночка Сэм Клей, сумел перехитрить общество, Соглядатая и его приспешников во всем их технологическом великолепии. Это замечательно… Но почему же у него так пусто на душе?

Он вспомнил тот абсурдный момент раскаяния перед убийством. Говорят, на пороге важного поступка – к примеру, женитьбы, да и многих других – наступает миг панического неприятия. Это был он? Или нет? Клей слыхал о другом типичном примере – каком же? Сперва он не мог вспомнить, а потом вспомнил. Час перед свадьбой и мгновение самоубийства, когда ты уже спустил курок или прыгнул с моста. Тот миг исступленного перелома в чувствах, когда ты готов что угодно отдать, лишь бы обратить необратимое. Вот только не можешь. Слишком поздно. Что сделано, то сделано.

Что ж, он выставил себя круглым дураком – перед самим собой, но, к счастью, опоздал: в обход сознания его тело, его физическая сущность довела задуманное до конца, до успеха, к которому он готовился. Что до работы – не важно, он найдет другую. Он доказал, что способен добиться чего угодно. Если перехитрил самого Соглядатая, любая работа ему по плечу – стоит лишь начать. Разве что… никому не известно, насколько он

одаренный парень, Сэм Клей. Как же проявить свои способности? Аж зло берет! Такой феноменальный успех после череды неудач – с самого рождения, – и никакой возможности насладиться заслуженной похвалой. Великое множество людей пробовали сделать то же, что и он, но потерпели неудачу там, где он преуспел. Богатые, везучие, выдающиеся люди провалили выпускной экзамен – состязание с Соглядатаем, где ставкой была их жизнь, – и только Сэм Клей прошел эту проверку, самую важную проверку на свете, но никогда не сможет объявить о своем достижении.

– …Знала, что тебя оправдают, – самодовольно говорила Беа.

– Что? – оторопел Клей.

– Рада, что тебя освободили, милый Сэм. Я знала, что тебя оправдают, не сомневалась в этом с самого начала.

Она улыбнулась, и Клей впервые понял, что Беа чем-то похожа на бульдожку. Что-то не так с нижней челюстью. Клей подумал, что, когда Беа закрывает рот, нижние зубы выдаются вперед, перекрывая верхние. Наверное. Его подмывало уточнить, но он решил, что лучше не делать этого, и спросил:

– Знала, говоришь?

Беа стиснула его руку. Какая уродливая челюсть! Странно, что он раньше этого не замечал. А за густыми ресницами – малюсенькие глазки. Очень некрасиво.

– Пойдем куда-нибудь, где можно уединиться, – вцепилась в него Беа. – Надо многое обсудить.

– Мы и так наедине, – вернулся Клей к прежним мыслям. – Никто не смотрит. – Он взглянул на небо, опустил взгляд на мозаику мостовой, сделал глубокий вдох, медленно выдохнул и повторил: – Никто.

– Мой спидер совсем рядом. Можно…

– Извини, Беа.

– В смысле?

– Я занят. У меня дела.

– Забудь о делах. Разве не понимаешь, что мы теперь свободны – мы оба?

Он понял, о чем речь, и пришел в ужас.

– Минутку, – сказал он, надеясь, что это самый верный способ закончить разговор. – Беа, ты не забыла, что я убил твоего мужа?

– Тебя оправдали. Это была самозащита. Так сказал суд.

– Это… – Он умолк, бросил взгляд на высокий Дворец правосудия и улыбнулся кособоко и безрадостно.

Все в порядке. Отныне и впредь никакого Соглядатая. За Клеем никто не следит.

– Не вздумай винить себя, даже в глубине души, – твердо

сказала Беа. – Ты не виноват. Никоим образом. Помни об этом. Ты мог убить Эндрю исключительно – подчеркиваю, исключительно! – по несчастному стечению обстоятельств, Сэм, так что…

– Что? Ты о чем?

– Ну как же? Обвинение пыталось доказать, что ты давно уже собирался убить Эндрю, но не позволяй морочить себе голову. Я же знаю тебя, Сэм. И знала Эндрю. Ты не сумел бы спланировать убийство. Даже если попробовал бы, у тебя бы ничего не вышло.

– Не вышло? – Теперь он не улыбался.

– Ну да, ты не справился бы, – пристально смотрела на него Беа. – Эндрю был лучше тебя, сильнее, умнее, и ты знаешь об этом не хуже моего. Он не угодил бы в ловушку…

– …расставленную человеком второго сорта? Вроде меня? – Клей сглотнул и поджал губы. – Или вроде тебя? Что ты хочешь сказать? Что нам, людям второго сорта, надо держаться вместе?

– Ну хватит. – Она взяла его под руку.

На мгновение Клей замер, потом нахмурился, оглянулся на Дворец правосудия и пошел к спидеру Беа.

Наконец-то у техника появилось свободное время, и он погрузился в раннее детство Клея – чисто из академического интереса, но техник любил потакать своему любопытству. Он вернулся в темную кладовку и включил ультрафиолет.

Сжавшись в углу, четырехлетний Сэм Клей тихо плакал, не отводя испуганных глаз от верхней полки.

Что стояло на той полке, техник не видел.

Не отключаясь от кладовки, он отмотал время назад. Дверь часто открывалась и закрывалась, а иногда здесь запирали наказанного Сэма Клея, но верхняя полка хранила свою тайну, пока…

В обратной съемке женщина сняла с полки какой-то предмет, попятилась к выходу из кладовки, потом вернулась в комнату Сэма Клея, к стене у двери. Это было необычно: кладовкой обычно заведовал отец Сэма.

Женщина повесила на стену раму с картинкой – в пространстве завис огромный раскрытый глаз, а под ним надпись: ТЫ БОГ, ВИДЯЩИЙ МЕНЯ.

Техник отмотал чуть дальше и включил нормальное воспроизведение. Была ночь. Ребенок, распахнув глаза, сидел в постели. Ему было страшно. С лестницы доносились мужские шаги. Сканер раскрывал все секреты – за исключением секретов разума. К Сэму поднимался отец, собираясь наказать его за какой-то детский проступок. В лунном свете стена дрогнула от тяжелой

поступи, и глаз дрогнул вместе с ней. Мальчик, по всей видимости, взял себя в руки. Уголок его рта искривился в робкой, но непокорной улыбке.

На этот раз он будет улыбаться, что бы ни случилось, и будет улыбаться, когда все закончится, – так, чтобы отец видел его улыбку, и глаз видел его улыбку; чтобы оба видели его улыбку и знали: он не сдался. Он не… Он не…

Дверь открылась.

Он ничего не мог с собой поделать. Улыбка померкла, и ее не стало.

– Итак, в чем его проблема? – осведомился техник.

– Я бы сказал, что он так и не повзрослел, – пожал плечами социолог. – Самоочевидно, что у всякого мальчика бывает период соперничества с отцом. Обычно он сублимирован: мальчик взрослеет и побеждает отца – так или иначе. Но не в случае Сэма Клея. Слишком уж рано у него появилась экстернализованная совесть. Ее воплощением стал отец, Бог, Соглядатай, общество – которое, кстати говоря, играет роль родителя. Оно защищает, но и наказывает тебя.

– И все равно это не улика.

– Улик против Сэма Клея у нас нет и не будет. Но это не означает, что убийство сошло ему с рук. Он всегда боялся взять на себя ответственность взрослого, зрелого человека. Никогда не принимал вызов, оптимальный для его способностей. Боялся преуспеть, потому что знал: символический Соглядатай – отец, глаз на стене – мигом его окоротит. В детстве он мог бы решить эту проблему, поставив своему старику подножку. Да, ему крепко досталось бы, но таким образом Клей шагнул бы к признанию собственного «я». Но в данном случае он слишком долго ждал, а потом бросил вызов не тому, кому надо. Да и какой это, в сущности, вызов? Слишком поздно. Личность Клея уже сформировалась. Знаешь, что могло бы решить его проблему? Признание виновным в убийстве. Он доказал бы всему миру, что способен дать сдачи: поставить отцу подножку, сохранить непокорную улыбку на лице, убить Эндрю Вандермана. Но его оправдали. Я же уверен, что с самого начала Клею хотелось лишь одного – признания. Доказательства, что он способен заявить о себе. Ему пришлось потрудиться, чтобы замести следы – если он вообще их оставил. Но это была часть игры, и он проиграл – в тот самый миг, когда одержал победу. Ему не сбежать от реальности, все обычные пути для него закрыты, ибо за ним всегда наблюдали: Соглядатай смотрел на него сверху.

– Значит, оправдательный приговор остается в силе?

– Ну, улик-то нет. Штат проиграл дело. Но… не думаю, что Сэм Клей выиграл этот суд. Что-то непременно случится. – Социолог вздохнул. – Боюсь, это неизбежно. За приговором следует наказание, а приговор был вынесен Клею давным-давно.

В центре стола стоял серебряный графин с бренди. Беа сидела напротив Клея. «Красивая», – с омерзением думал он. Красивая, потому что освещение бара «Парадиз» отбросило нужные тени на ее бульдожий подбородок и глазенки под густыми ресницами обрели иллюзорный размер. Но Клей понимал, что эта женщина ему противна, и барное освещение не могло этого исправить. Не могло отбросить нужные тени на сознание Клея, подправить образы в его голове.

Он думал о Жозефине. Пока ничего не придумал. Он не знал, чего хочет, но в точности знал, чего не хочет. Сомнений.

– Я нужна тебе, Сэм, – убеждала его Беа, держа наполненный до краев стакан.

– Никто мне не нужен. Сам справлюсь.

Дело было в ее снисходительном взгляде. В улыбке, обнажившей зубы. Клей ясно, как на рентгеновском снимке, видел, что верхние зубы прячутся за нижними, когда Беа закрывает рот. Мощная челюсть, цапнет и уже не отпустит. Клей смотрел на шею – до чего же она толстая – и думал о том, как Беа сидела в засаде и ждала возможности запустить бульдожьи клыки поглубже в мягкие ткани его жизни.

– Я, видишь ли, хочу жениться на Жозефине, – сказал он.

– Нет, не хочешь. Ты ей не подходишь. Я знаю эту девушку, Сэм. Да, ты убедил ее, что чего-то стоишь, что ты ловкий делец, но вскоре она непременно узнает правду. Вы будете несчастливы вместе. Сэм, милый, тебе нужна я, а не она. Ты сам не знаешь, чего хочешь. Попробовал жить самостоятельно – и смотри, что получилось. Ох, Сэм, хватит уже притворяться. Знаешь же, что никогда не умел строить планы. Ты… Что такое, Сэм?

Внезапный взрыв смеха изумил обоих. Клей хотел было ответить, но запрокинул голову и захохотал, и содрогался от смеха, пока не начал задыхаться. Он был близок, отчаянно близок к признанию в содеянном – лишь для того, чтобы эта женщина убедилась в своей неправоте, чтобы она заткнулась. Допустим, ему важно ее одобрительное мнение (важнее, чем он думал), но последнее бредовое заявление – это уже слишком. Сэм Клей не умеет строить планы? Смех, да и только.

Как же славно было насмеяться вдоволь, от души, не продумав это наперед! Снова действовать импульсивно – после

долгих месяцев подавления эмоций. За столом уже не сидела публика из будущего, не анализировала особенности его хохота, не приходила к выводу, что Клей на грани нервного срыва. Кому какое дело? После всего, что было, он заслужил передышку. Клей многим рискнул, многого добился – и в итоге остался ни с чем. Он одержал победу лишь в собственном сознании. Не выиграл ничего, кроме права на истерический хохот. Поэтому он смеялся, смеялся, смеялся. Слышал в своем смехе визгливую истерическую нотку и плевать на нее хотел.

На него стали оборачиваться. Бармен насторожился, решив привести клиента в чувство, если тот не прекратит безобразничать. Беа встала, перегнулась через стол, потрясла Клея за плечо:

– Что с тобой, Сэм? Сэм, возьми себя в руки! Ты позоришь меня, Сэм! Над чем ты вообще смеешься?

Сделав над собой чудовищное усилие, он умолк, но тяжело дышал, а в горле булькал остаточный хохот. Клей едва мог говорить, но все же выдавил слова – пожалуй, первые слова за эти полтора года, сказанные без филигранной цензуры:

– Над чем я смеюсь? Над тем, как одурачил тебя. Как всех вас одурачил. Думаешь, я не знал, что делаю в любую минуту последних полутора лет? Думаешь, я не планировал каждый шаг? Да, на это ушло восемнадцать месяцев, но я прикончил Эндрю Вандермана, убил его по злому предумышлению, и никто не сумеет этого доказать. Никогда! – Он глупо хихикнул и добавил ласково: – Просто чтобы ты знала.

Лишь после этого он вновь обрел дыхание и почувствовал восхитительное, невероятное, ни с чем не сравнимое облегчение – ведь теперь этой женщине известно, на что он способен.

Она смотрела на Клея без тени эмоций. Совершенно пустое лицо. Секунд пятнадцать над столом висела мертвая тишина. Клею казалось, что его признание прогремело на весь мир, что сюда вот-вот ворвется полиция, что его возьмут под стражу, – но на самом деле слова были сказаны совсем негромко. Их слышала одна лишь Беа.

Наконец она шевельнулась. Ответила ему, но не словами. Бульдожье лицо судорожно дернулось и разродилось хохотом.

Клей слушал этот хохот и чувствовал, как всплеск восхитительного облегчения обращается в ничто. Он видел, что Беа ему не верит. И не мог доказать, что говорит правду.

– Ох, глупый ты человечек, – выдохнула Беа, когда к ней вернулся дар речи. – Я чуть было не поверила тебе. Почти поверила. Я… – Хохот вновь оборвал ее речь – намеренно раскатистый и звонкий, привлекающий всеобщее внимание.

Это был наигранный хохот, и Клей понял: Беа что-то замышляет. Но он научился просчитывать ходы наперед и понял, что это за мысль и как ею распорядится Беа. Поэтому сказал:

– Я все-таки женюсь на Жозефине.

– Ты женишься на мне, – заявила Беа неожиданно пресным голосом. – Обязан жениться. Сэм, ты сам не понимаешь, чего хочешь. А я знаю, как лучше. Для тебя. Поэтому ты сделаешь, как я скажу. Понял, Сэм? Полицейские не поймут, что это было пустое бахвальство, – продолжила она. – Тебе поверят. Ты же не хочешь, чтобы я передала твои слова полицейским, Сэм?

Клей молча смотрел на нее и не видел другого выхода. У этой дилеммы невероятно острые рога, ведь Беа не поверила ему и не поверит, как бы ему ни хотелось ее убедить. А полиция, несомненно, поверит – и тем самым аннулирует силы и время, которые он вложил в убийство Вандермана. Ведь он признался, и его признание впечаталось в стены, и эхо его признания висит в воздухе, ожидая невидимой публики из будущего. Сейчас его никто не слышит, но Беа… Стоит ей хоть слово сказать, и полиция вновь откроет дело Вандермана.

Стоит ей хоть слово сказать.

Клей смотрел на нее и молчал, но в глубине души уже производил бесстрастные калькуляции.

Он вдруг понял, что очень устал. В мгновение ока перед ним промелькнул образ вероятного будущего: Сэм Клей отвечает «да», женится на Беа, какое-то время исполняет роль ее мужа… Он увидел, во что превратится его жизнь. Увидел, как за ним следят злобные глазки, ощутил, как сжимаются безжалостные челюсти, как Беа потихоньку превращается в тираншу – или не потихоньку, ведь скорость превращения зависит от податливости жертвы, – и в итоге он, Сэм Клей, становится рабом вдовы Эндрю Вандермана.

«Рано или поздно, – четко и ясно подумал он, – я убью ее».

Придется убить. Жизнь с такой женщиной – не жизнь для Сэма Клея, она не может продолжаться вечно. К тому же Сэм Клей доказал, что может убить человека и это сойдет ему с рук.

Но как же смерть Эндрю Вандермана?

Ведь против Клея откроют новое дело, и маятник качнется – от качественного к количественному. Если жена Сэма Клея умрет – не важно как, – он станет подозреваемым. В глазах закона – и в глазах Соглядатая – убийца остается убийцей. Социолог и техник все проверят, вернутся к этому моменту – прямо сюда, за этот столик, где Клей прокручивает в голове мысли об убийстве Беа, – отмотают на пять минут назад и услышат, как он похваляется убийством Вандермана.

Возможно, хороший адвокат сумеет его выручить. Клей может

заявить, что солгал, что сорвался на пустое хвастовство из-за слов Беа. Быть может, ему поверят. Но даже если нет? Единственным доказательством стала бы проекция сознания – а по закону Клея не могут принудить к этой процедуре.

Но… нет. Это не выход. Он почувствовал в груди что-то тошнотворное. После великолепного, но краткого мига облегчения, когда Клей признался в содеянном, все опять покатилось под откос.

Тот миг… он был целью, к которой стремился Клей, сам того не понимая – и не зная зачем, – но он прочувствовал тот миг и теперь захотел вернуть его.

Неужели его старания увенчаются жалкой немощью? Если так, Клей потерпел неудачу. Он понял, что проиграл, как бы странно это ни звучало: убийство Вандермана не решило его проблем. Клей не добился успеха. Он остался второсортным человеком, пассивным неудачником, беспомощным червем, и Беа будет контролировать его, управлять им до тех пор, пока…

– В чем дело, Сэм? – заботливо спросила она.

– Считаешь меня посредственностью, да? – спросил он. – И никогда не поверишь, что это не так. Думаешь, я убил Вандермана по случайности, да? И никогда не поверишь, что я бросил вызов…

– Чему? – спросила она, не дождавшись конца фразы, и в голосе прозвучало удивление, которого прежде не было.

– Не бросал я никакого вызова, – выговорил он. – Пригнулся, увернулся, надел на Соглядатая темные очки – ведь я боялся его, но вызова не бросал. Просто хотел доказать…

Не веря своим глазам, она вскочила на ноги.

– Сэм! – Ее голос дрогнул. – Что ты делаешь?

– Доказываю. – С кривой ухмылкой Клей поднял глаза к потолку. – Смотри в оба, – сказал он Соглядатаю, после чего взял графин и размозжил Беа голову.

Нимб

Младшего ангела вряд ли можно было упрекнуть в ошибке. Ему вручили новенький, ярко светящийся нимб и отправили на некую планету. Преисполненный гордости от столь важной миссии, он старался точно следовать полученным указаниям. Младшему ангелу впервые доверили причислить человека к лику святых.

Он снизился над Землей, определил, где находится Азия, и опустился у входа в пещеру, затерянную высоко в Гималаях. С бешено бьющимся от волнения сердцем ангел вошел в нее, чтобы материализоваться и вручить святому монаху заслуженную награду. Тибетский аскет Кай Юнг вот уже десять лет сидел неподвижно и размышлял о возвышенном. Когда-то он провел десять лет, стоя на верхушке столба, – это приумножило его заслуги перед Господом. Последние годы он жил в пещере отшельником, отрекшись от наслаждений плоти.

Младший ангел переступил порог и замер: он явно попал не по назначению. В пещере стоял сильный запах перегара. Небожитель с ужасом взглянул на маленького пьяного человечка с морщинистым лицом, сидевшего у костра и с радостной ухмылкой жарившего кусок козлятины. О ужас! – это был воплощенный порок.

Конечно, ангел был не слишком сведущ в земных делах. Ему было невдомек, что же заставило монаха пасть так низко. На самом деле отшельника сбила с пути истинного большая бутыль вина, забытая у входа в пещеру безвестным паломником. Монах поддался соблазну… потом еще раз… и еще… и теперь, без всякого сомнения, уже не мог претендовать на звание святого.

Младший ангел задумался. Ему были даны вполне определенные указания, но… этот пьяный нечестивец просто недостоин нимба! Тут монах громко икнул и налил себе вина. Это стало последней каплей: ангел гневно взмахнул крыльями и полетел прочь из пещеры.

Потом случилось вот что. В одном из западных штатов Северной Америки есть городок Тиббет. И можно ли винить ангела, слетавшего туда и после недолгих поисков обнаружившего человека, который вполне созрел для причисления к лику святых? Звали его, судя по табличке на двери маленького домика, К. Янг.

«Видно, я неправильно понял, – подумал младший ангел, – мне говорили о Кае Юнге. Но это Тиббет, так что все верно. Он и есть тот самый человек. Значит, быть по сему. Ну-ка, где у меня

нимб?»

Мистер Янг сидел на краю кровати и, опустив голову, мрачно размышлял. Печальное было зрелище, что и говорить. Через некоторое время он встал и, не прерывая раздумий, начал одеваться. Затем побрился, умылся и спустился завтракать.

Джилл Янг, его законная супруга, сидела, загородившись газетой, и не спеша потягивала апельсиновый сок. Она была маленькой, достаточно привлекательной женщиной средних лет, давно оставившей бесплодные попытки разобраться в жизни. Ведь жизнь, по мнению Джилл, была чересчур сложна и постоянно преподносила самые невероятные сюрпризы. Так что проще было оставаться в стороне и принимать все как есть. Потому-то она и не стала, например, выводить веснушки, а на голове ее мужа беспрепятственно появилось немало седых волос.

Голова мистера Янга, о которой еще не раз пойдет речь, прошедшей ночью претерпела некоторые изменения. Впрочем, сам он об этом пока не подозревал. Жена пила апельсиновый сок и рассеянно рассматривала рекламу какой-то дурацкой шляпки.

– Привет, Мерзавка! – поздоровался Янг. – Доброе утро.

Он имел в виду, конечно же, не жену, а маленькую собачонку, которая вьюном вертелась у ног хозяина и пришла в совершенный восторг, когда ее почесали за ухом. Уткнувшись мордой в ковер, она поползла по комнате, урча от удовольствия. Когда это занятие ей наскучило, собака (ее полное имя, кстати, было Настырная Мерзавка) принялась биться головой об пол, словно хотела выколотить из нее остатки мозгов.

Наконец мистер Янг отвернулся от привычной сцены к столу, сел, развернул салфетку и, что-то одобрительно пробурчав, принялся завтракать.

И вдруг заметил, что жена внимательно, с каким-то странным недоверчивым выражением лица его разглядывает. Янг быстро вытер рот салфеткой, но Джилл все так же пристально смотрела на него.

Украдкой бросив взгляд на свою рубашку, он решил было, что она, возможно, не вполне безупречна, однако пятен от соуса и яиц не заметно. Снова взглянув на жену, устремившую взор чуть выше его головы, Янг тоже поднял глаза.

Джилл слегка вздрогнула.

– Что это такое, Кеннет? – прошептала она.

Янг пригладил волосы:

– Э-э, что именно, дорогая?

– Эта штука у тебя на голове?

Он быстро ощупал макушку:

– На голове? Что ты имеешь в виду?

– Она светится, – объяснила Джилл. – Ради бога, что ты с собой сотворил?

Мистер Янг ощутил легкое раздражение:

– Ровным счетом ничего. Просто мужчины, знаешь ли, склонны лысеть.

Джилл нахмурила брови и отпила сока. Потом, с любопытством посмотрев на мужа, проговорила:

– Кеннет, я хочу, чтобы…

– Что?!

Она показала пальцем на зеркало.

Янг с сердитой гримасой поднялся и взглянул на свое отражение. Вроде бы ничего особенного: он уже много лет видел в зеркале это лицо. Не слишком запоминающееся, но, с другой стороны, и не уродливое. Обычная гладко выбритая физиономия.

Но с нимбом она выглядела жутковато.

Светящееся белое кольцо размером с блюдце неподвижно висело сантиметрах в десяти над макушкой. Пощупать его оказалось невозможно, и Янг зачарованно смотрел, как рука несколько раз прошла сквозь световой ореол.

– Это н-н… нимб, – прошептал наконец несчастный и, повернувшись, немигающими глазами уставился на жену.

Тут сияющее украшение в первый раз заметила Настырная Мерзавка и чрезвычайно им заинтересовалась. Она, конечно, и представления не имела, что это за штука, но почему-то решила непременно попробовать ее на вкус.

Мерзавка села и тихонько заскулила. Никто не обращал на нее внимания. Тогда она громко тявкнула, подпрыгнула и попыталась забраться к хозяину на колени, чтобы затем добраться до нимба и вцепиться в него зубами. Непонятная штуковина не выглядела опасной, так что игра вполне стоила свеч.

Янг схватил собаку за загривок, отнес в соседнюю комнату и швырнул на ковер; затем вернулся и вновь уставился на жену.

После долгой паузы Джилл наконец изрекла:

– Нимбы бывают у ангелов и святых.

– Разве я похож на ангела? – раздраженно возразил Янг. – Это… это просто научный феномен. Как… помнишь, та девочка, у которой сама собою раскачивалась кровать… Ты читала об этом?

Джилл, оказывается, читала.

– Она сама ее раскачивала.

– А вот я – не сам, – уверенно заявил Янг. – Да и как это можно сделать? Впрочем, многие вещи могут светиться сами по себе.

– Да-да. Гнилушки, например.

Янг поморщился и потер голову:

– Ну, спасибо, дорогая. Помощи от тебя…

– Нимбы бывают у ангелов, – вновь зачарованно прошептала Джилл.

Новоиспеченный святой опять повернулся к зеркалу:

– Извини, дорогая, не угодно ли тебе на минутку заткнуться? Я и так перепуган до чертиков…

Джилл зарыдала и выскочила из комнаты. Вскоре стало слышно, как она тихо разговаривает с собакой.

Янг залпом, не чувствуя вкуса, проглотил остатки кофе. Честно говоря, на самом деле он был не так уж сильно испуган. Случай был странным, сверхъестественным, но ни в коем случае не ужасным. Вот если бы выросли рога – тогда просто кошмар. Ну а нимб, что ж… Регулярно читая воскресное газетное приложение, мистер Янг уверился, что наука может объяснить все загадки. Он слышал, что даже мифы имеют вполне научное обоснование. Эти размышления до такой степени утешили беднягу, что он ощутил в себе достаточно сил, чтобы пойти на работу.

Янг надел котелок. К несчастью, нимб оказался слишком велик, и шляпа превратилась в цилиндр, верхняя часть которого светилась белым светом.

– Дьявол! – вскричал несчастный и стал рыться в гардеробе.

Перепробовав все шляпы, он убедился, что нимб не вмещается ни в одну. Появиться же со светящейся головой в переполненном автобусе было выше его сил.

Вдруг Янг заметил в дальнем углу шкафа что-то большое и пушистое. Он с отвращением повертел в руках огромный меховой колпак, служивший когда-то деталью бесследно исчезнувшего маскарадного костюма. В последнее время колпак с успехом служил подстилкой для Мерзавки.

Тем не менее эта штука вполне скрывала нимб. Янг осторожно напялил колпак и повернулся к зеркалу… Прошептав короткую молитву, он отворил дверь и выскользнул из дома.

Выбирать из двух зол не так-то просто. За время короткой поездки на работу, напоминавшей ночной кошмар, Янг не раз мучительно думал, что, пожалуй, ошибся. Он жаждал сорвать проклятый колпак и швырнуть его себе под ноги, но никак не мог на это решиться. Забившись в угол автобуса, несчастный внимательно изучал свои ногти и хотел только одного – поскорее умереть. Он слышал шепот, приглушенный смех и всем телом ощущал любопытные взгляды.

Наконец маленький мальчик беззастенчиво потревожил кровоточащую душу Янга своим невинным розовым пальчиком.

– Мама, – пронзительно закричал он, – посмотри на этого

смешного дядю!

– Милый, – ответил женский голос, – милый, не кричи.

– Что у него на голове? – не унимался маленький мучитель.

Последовала длинная пауза. И наконец шепот:

– Честно говоря, я не знаю.

– Зачем он это надел?

Мать не отозвалась.

– Ма-а-ма-а-а!!

– Да, солнышко.

– Он сумасшедший?

– Веди себя тихо! – попыталась урезонить его мать.

– Но что? это? такое?!

Янг почувствовал, что больше не вынесет, поднялся и, устремив взор в пустоту, с достоинством двинулся к выходу. Добравшись до задней площадки, он сделал вид, что не заметил удивленного взгляда кондуктора.

Когда автобус притормозил, Янг вдруг почувствовал, что на плечо легла чья-то рука, и, вздрогнув, обернулся.

Мамаша малыша, нахмурившись, смотрела на него.

– Ну? – резко спросил он.

– Да вот Билли… я стараюсь ничего от него не утаивать… – нерешительно вымолвила женщина. – Что же все-таки у вас на голове?

– Борода Распутина! – рявкнул Янг. – Он мне ее завещал.

Бедняга пробкой выскочил из автобуса и постарался затеряться в толпе.

Это оказалось не так-то просто – многие были не на шутку заинтересованы необычным головным убором. К счастью, до офиса было уже недалеко. Хрипло дыша, Янг ввалился в лифт, бросил убийственный взгляд на мальчишку-лифтера и сказал:

– Девятый этаж.

– Извините, мистер Янг, – бесстрастно произнес тот, – у вас на голове…

– Знаю, – последовал торопливый ответ.

Лифтер умолк. Но как только пассажир вышел из кабины, мальчик широко улыбнулся, а уже через несколько минут говорил уборщику:

– Видал мистера Янга?

– Нет. А что?

– Пьян в стельку!

– Что?! Хорош врать!

– Разрази меня гром, пьян как сапожник, клянусь!

Тем временем новоосвященный мистер Янг подошел к кабинету доктора Франча: по счастью, знакомый врач работал в

том же здании. Ждать пришлось недолго – настороженно взглянув на странный головной убор, медсестра исчезла за дверью и буквально через секунду пригласила пациента войти.

Доктор Франч, высокий рыхлый человек с большими желтыми усами, энергично вскочил из-за стола навстречу посетителю:

– Заходите, заходите. Как самочувствие? Все в порядке, надеюсь? Позвольте вашу шляпу.

– Погодите, – сказал Янг, отстраняя врача. – Понимаете, у меня на голове что-то странное.

– Рана, порез, ушиб? – не понял его доктор. – Сейчас починим!

– Я здоров, – пробормотал Янг. – Только вот, видите ли… у меня… гм… нимб.

– Нимб, говорите? – Франч рассмеялся. – Держу пари, вы его недостойны.

– А-а-а, черт возьми! – завопил несчастный, срывая колпак.

Доктор отскочил на шаг. Потом осторожно приблизился и попытался дотронуться до светящегося ободка – разумеется, тщетно.

– Чтоб меня… Да-а, странно, – вымолвил он наконец. – И вправду похож, а?

– Вот я и хочу узнать: что это за штука?!

Франч задумчиво пощипал усы:

– Н-ну, вообще-то, вопрос слегка не по моей части. Может, физик вам скажет… А он снимается?

– Нет, конечно. Его даже и потрогать нельзя.

– Ага. Понял. М-да, хотелось бы услышать мнение специалиста. А пока что, ну-ка… – Доктор стал громким голосом отдавать распоряжения.

Через некоторое время сердце, температура, кровь, слюна и кожа Янга были тщательно исследованы. Никаких отклонений не наблюдалось.

– Вы здоровы как бык. Приходите-ка завтра в десять – я соберу консилиум.

– А… а… избавиться от него, что же… нельзя?

– Сейчас лучше не стоит. Это явно что-то радиоактивное. Возможно, придется прибегнуть к лучевой терапии.

Краем уха слушая бормотание врача об альфа- и гамма-излучении, Янг разочарованно натянул свой неописуемый колпак, вышел из кабинета и побрел на рабочее место.

Рекламное агентство «Атлас» слыло самым консервативным из всех рекламных агентств. Два седоусых брата основали фирму еще в 1820 году. Респектабельные седые усы и сейчас могли бы

послужить достойной его эмблемой. Совет директоров крайне неодобрительно относился ко всяческим нововведениям. Контракты на рекламу радиопередач стали заключаться только в 1938 году, когда боссы пришли наконец к выводу, что радио явилось в мир всерьез и надолго.

Однажды подающий надежды вице-президент лишился своего места только из-за того, что надел красный галстук.

Янг проскользнул в свою комнату, которая, по счастью, была пуста, упал в кресло и, сдернув колпак, некоторое время с отвращением, его разглядывал. Тот казался теперь еще отвратительнее, чем утром, – начал линять и явственно отдавал псиной.

Убедившись, что нимб по-прежнему на месте, Янг приступил к работе. Но судьба продолжала преподносить сюрпризы: дверь распахнулась и вошел Эдвин Г. Кипп, президент агентства «Атлас». Янг тут же нырнул под стол.

Кипп был маленьким, безукоризненно одетым человеком с огромным чувством собственного достоинства. Он носил пенсне и галстук-бабочку, что придавало ему облик живого ископаемого.

– Доброе утро, мистер Янг, – произнес президент. – Э-э… где же вы?

– Доброе утро, – отозвался невидимый Янг. – Извините, я завязываю шнурок.

Кипп промолчал, только тихонько кашлянул в кулак. Шло время. Под столом было тихо.

– Мистер Янг?

– Я… еще здесь, – прохрипел бедолага. – Совсем запутался. Шнурок, я имею в виду. Вы хотели поговорить со мной?

– Да.

Кипп с нарастающим нетерпением ждал. Признаков скорого появления Янга не наблюдалось. Президент подумал, что, возможно, имеет смысл заглянуть под стол, однако, с ужасом представив, сколь неподобающе будет выглядеть такой способ ведения деловых разговоров, наконец сдался и сообщил:

– Только что звонил мистер Девлин. Он вскоре прибудет и хотел бы, судя по его словам… э-э… осмотреть город.

Невидимый Янг выдавил невразумительное «угу». Девлин – один из самых престижных клиентов. Или, точнее говоря, был до прошлого года, когда, к неудовольствию Киппа и совета директоров, вдруг стал вести дела с другой фирмой.

Президент продолжал:

– Он сказал, что испытывает сомнения по поводу нового контракта. Поначалу он намеревался заключить его с компанией «Уорлд», но потом мы решили, что этот вопрос целесообразно

будет обсудить лично. Для этого он и приезжает в наш город. – Кипп доверительно понизил голос: – Хочу уведомить вас, что мистер Девлин заявил мне о своем намерении иметь дело с менее консервативной или, как он выразился, «менее нудной» фирмой. Сегодня мы вместе ужинаем, и я постараюсь убедить его, что агентство «Атлас» – именно то, что ему нужно. Тем не менее, – Кипп снова кашлянул, – надо быть дипломатами. Поэтому я поручаю вам развлекать сегодня днем мистера Девлина.

Последние слова президента были встречены судорожным всхлипом:

– Я плохо себя чувствую. Я не могу…

– Вы больны? Нужен врач?

Врача Янг отверг, но и из-под стола не вылез.

– Нет, я… но я хочу сказать…

– Вы ведете себя весьма странно, – с нажимом произнес Кипп, – послушайте, мистер Янг. Я не хотел пока сообщать, но… Одним словом, ваша кандидатура обратила на себя внимание совета директоров. На последнем совещании мы, после некоторого обсуждения, решили предложить вам пост вице-президента фирмы.

Под столом воцарилось молчание.

– Вы пятнадцать лет достойно работали в агентстве. На вашей репутации нет ни малейшего пятнышка. Поздравляю вас, мистер Янг!

Президент шагнул к столу, протягивая руку. Навстречу вынырнула другая, ответила на пожатие и быстро исчезла.

Снова тишина. Янг упорно не покидал своего убежища. Кипп наконец понял, что ему остается только ухватить мистера Кеннета Янга за шиворот и силой вытащить из-под стола. Неодобрительно хмыкнув, он вышел из комнаты.

Несчастный выбрался на свободу, растирая затекшую спину. Ну и дела! Развлекать Девлина с нимбом над головой? И не развлекать нельзя, а то вопрос о вице-президентстве автоматически отпадет – Янг слишком хорошо знал, где работал.

Прервав ход его мыслей, на верхней полке шкафа внезапно возник ангел.

Шкаф был не очень высок, и небесный гость сидел довольно тихо, свесив ноги и сложив крылья. Ослепительно-белые одежды ангела и в особенности ярко сияющий нимб вызвали у Янга чувство непреодолимого отвращения.

– Это конец, – тихо и обреченно произнес несчастный. – Пусть нимб лишь следствие массового гипноза, но когда начинаешь видеть ангелов…

– Не пугайся, – ответил пришелец. – Я вполне реален.

Глаза Янга медленно наливались кровью.

. – Еще чего! Определенно я разговариваю с пустым местом. Это шизо… шизо… как ее там? Сгинь!

Ангел, явно смутившись, покачал ногой:

– Прямо сейчас не могу. Откровенно говоря, я совершил непростительную ошибку. Ты, верно, заметил небольшой нимб…

Бедняга горестно усмехнулся:

– Да уж. Заметил.

Не успел ангел продолжить, как отворилась дверь и в комнату заглянул Кипп. Но, увидев, что Янг занят, поспешно пробормотал: «Извините!» – и исчез.

Ангел задумчиво пригладил свои золотые кудри.

– Значит, так. Твой нимб был предназначен совсем другому человеку. Тибетскому монаху. Но стечение обстоятельств привело к тому, что я ошибочно причислил к лику святых тебя. Так что… – Ангел сделал красноречивый жест рукой.

Янг был ошеломлен.

– Я не вполне…

– Монах… ну, в общем, согрешил. А грешник не имеет права носить нимб. И как уже было сказано, я по ошибке отдал его тебе.

– Но ведь тогда ты можешь забрать его назад? – Янг просиял, но ангел отрицательно покачал головой:

– Боюсь, что нет. Я справлялся у ангела-хранителя Книги Судеб. Ты прожил безупречную жизнь и честно заслужил право на нимб.

Несчастный вскочил и замахал руками:

– Но… но…

– Да пребудут с тобой вовеки мир и благословение, – напутствовал его ангел и исчез.

Янг снова рухнул в кресло и потер занывший от боли висок. Тут отворилась дверь, и на пороге появился Кипп. К счастью, нимб в эту секунду оказался прикрыт рукой.

– Прибыл мистер Девлин, – сообщил президент. – Гм… а кто это был там, на шкафу?

Янг был настолько раздавлен, что, не сумев придумать что-нибудь более правдоподобное, пробормотал:

– Ангел.

Кипп удовлетворенно кивнул:

– Да, конечно… Что?! Вы сказали – ангел?! Ангел… О боже! – Президент, заметно побледнев, выскочил из кабинета.

Янг мрачно взглянул на меховой колпак. Злосчастный головной убор по-прежнему лежал на столе и как будто слегка покачивался под его ненавидящим взглядом. Жизнь с нимбом на голове казалась лишь чуть-чуть более невыносимой, чем с этим

ужасным колпаком.

Страдалец яростно грохнул кулаком по столу:

– Я этого не вынесу! Я… я не должен…

Внезапно он замолчал и удивленно улыбнулся:

– Так ведь и не буду… все прекрасно! Я не намерен терпеть! Если монах остался без нимба, значит его не может носить ни один грешник! – Круглое лицо Янга исказила сатанинская гримаса. – Тогда я стану грешником! Нарушу все заповеди, все…

Он запнулся, ибо смог припомнить только одну: «Не возжелай жены ближнего твоего». Бедняга представил себе жену соседа – некую миссис Пудинг, слоноподобную особу лет пятидесяти, с лицом, напоминающим подгоревший пирог. Нет, эту заповедь нарушать решительно не хотелось.

Но возможно, и один настоящий грех заставит ангела быстренько примчаться обратно и забрать нимб? Какие преступления считаются незначительными? Янг задумчиво наморщил лоб.

В голову ничего не приходило, и страдалец решил пойти прогуляться – глядишь, и представится удобный случай согрешить. Преодолевая отвращение, он натянул на голову колпак и уже дошел было до лифта, как услышал вдруг зычный голос, громко его приветствующий. По коридору быстро шел полный мужчина; Янг понял, что это мистер Девлин.

Эпитет «полный» был для мистера Девлина слишком слабым. Он был скорее пухлый: ноги, стиснутые снизу темно-желтыми ботинками, вырывались затем на свободу в виде мясистых лодыжек, далее следовали необъятные бедра, все более и более утолщавшиеся по мере продвижения взгляда к умопомрачительному животу мистера Девлина. В профиль этот человек напоминал апельсин, страдающий слоновой болезнью. Над воротником вздымалась бесформенная гора плоти, в которой Янг с трудом разглядел черты человеческого лица.

Таков был Девлин, несшийся по коридору, словно мамонт, сотрясая каблуками пол.

– Вы – Янг! – прохрипел он, тяжело дыша. – Чуть не упустили меня, да? А я ждал в конторе. – Девлин замолчал и заинтересованно посмотрел на колпак. Потом, стараясь соблюсти приличия, делано рассмеялся и отвел глаза. – Ну, я горю нетерпением!

Янг понял, что попал прямехонько между Сциллой и Харибдой: если не удастся должным образом развлечь Девлина – прощай пост вице-президента. Но на голову свинцовым обручем давил нимб. В мозгу вертелась единственная мысль: нужно во что бы то ни стало избавиться от этого святого дара. А там уж можно

будет рассчитывать на дипломатию, да еще если повезет немного… Принимать гостя в таком виде никак нельзя. Кипп сочтет это хамством – один колпак чего стоит!

– Извините, – простонал Янг. – Срочное поручение. Я скоро вернусь.

Девлин хрипло расхохотался и крепко ухватил его за руку:

– Ну уж нет! Показывайте мне город! Прямо сейчас! – В воздухе разнесся отчетливый запах винного перегара, и тут Янг нашел выход.

– Ладно, – согласился он наконец, – пойдемте. Внизу есть бар, так что выпьем немного, а?

– Вот теперь дело говоришь! – одобрительно воскликнул мистер Девлин и дружески хлопнул несчастного по спине, отчего тот чуть не упал. – О, вот и лифт пришел!

Они вошли в переполненную кабину. Янг страдальчески закрыл глаза, но все равно чувствовал сверлившие его любопытные взгляды. Он впал в какое-то оцепенение и очнулся лишь на первом этаже, когда Девлин выдернул его из лифта и потащил в ближайший бар.

План был таков: вливать в объемистое нутро мистера Девлина порцию за порцией и терпеливо ждать возможности незаметно ускользнуть. Но как немедленно выяснилось, в стройной схеме обнаружился изъян: Девлин не захотел пить в одиночку.

– Одну мне, одну тебе, – настаивал он. – Все честно. Давай еще по разику.

В силу известных обстоятельств Янг не мог отказываться. Но самое неприятное заключалось в том, что поглощаемый Девлином алкоголь равномерно распределялся по всем клеткам его обширного тела. Так что он весьма долго продолжал пребывать все в том же слегка приподнятом состоянии. А вот бедный Янг, мягко выражаясь, наклюкался.

Несчастный тихо сидел за столом, с трудом удерживая в поле зрения своего спутника. Кроме того, Янг продолжал размышлять о нимбе, перебирая в воспаленном мозгу различные грехи: поджог, ограбление, диверсия, убийство. Он попытался было умыкнуть у официанта мелочь, но тот был начеку и лишь слегка улыбнулся, поставив на стол бокал с новой порцией.

С неприязнью посмотрев на этот бокал, наш герой вдруг решился и, с трудом встав с места, поплелся к выходу. Девлин немедленно уцепился за его руку:

– Что случилось? Давай еще…

– Я должен кое-что сделать, – отрешенно проговорил Янг. Он выхватил у прохожего трость и так устрашающе замахал ею, что

тот счел за благо ретироваться. Янг мрачно озирался по сторонам.

– Какие еще дела? – громко запротестовал Девлин. – Показывай мне город.

– Очень важные! – Янг пристально посмотрел на мальчишку, который остановился было на углу, но, явно заинтересовавшись странным головным убором, медленно подходил ближе. Он чертовски напоминал маленького негодяя из автобуса.

– Важные дела? – не отставал Девлин. – Подумаешь! Ну какие, например?

– Например, избить ребенка, – отрывисто бросил Янг и, размахивая тростью, ринулся к растерянному мальчишке. Тот заорал и помчался прочь. Янг несколько метров преследовал его, но потом столкнулся с фонарным столбом, оказавшимся на редкость жестким и неуступчивым. Столб преградил дорогу и, несмотря на все усилия и красноречивую жестикуляцию преследователя, не желал отходить в сторону.

Мальчишка давно уже исчез за поворотом. Наградив столб сильным ударом трости, Янг повернул обратно.

– Боже правый, что ты творишь? – изумился Девлин. – Вот уже и фараон на нас таращится. Пошли отсюда!

– Что я творю? – усмехнулся Янг. – Разве не ясно? Я хочу совершить грех.

– С-совершить грех?

– Именно.

– Почему?

Янг выразительно постучал пальцем по колпаку, но Девлин неверно истолковал его жест:

– Ты псих?

– Заткнись! – заорал Янг в приступе внезапной ярости и швырнул трость под ноги проходившему мимо президенту соседнего банка. Тот тяжело рухнул на асфальт, но поднялся без видимых телесных повреждений. Однако его чувство собственного достоинства было уязвлено.

Янг тут же подбежал к зеркальной витрине магазина и стал самым невероятным образом вертеть свой колпак, пытаясь приподнять его и посмотреть (да так, чтобы никто не заметил!), на месте ли нимб. Наконец, громко выругавшись, бедняга повернулся и, бросив презрительный взгляд на президента банка, подхватил Девлина под руку и повлек прочь.

На ходу Янг бубнил:

– Надо согрешить… по-настоящему согрешить. По большому счету. Сжечь приют для сирот. Убить тетушку. Убить… да хоть кого-нибудь. – С этими словами он быстро взглянул на Девлина, и

тот в ужасе отшатнулся. В конце концов Янг разочарованно вздохнул: – Не пойдет. Слишком много крови и слез. Так что нож и пуля отпадают. Если только взорвать… стоп! – Он схватил Девлина за руку. – Воровство – грех, так?

– Безусловно, – дипломатично согласился тот. – Но ты ведь не собираешься…

Янг покачал головой:

– Не сейчас. Слишком много народу. Зачем садиться в тюрьму? Пошли дальше.

Он пустился бежать, Девлин – за ним. Обещание показать гостю город было выполнено с честью. Правда, впоследствии ни один из них не смог припомнить, где их носило. По дороге Девлин заскочил в бар для дозаправки и вскоре вернулся с бутылками, распиханными по всем карманам.

Минуты и часы тонули в густом алкогольном тумане. Для измученного Девлина происходящее обрело уже некоторую ирреальность. Он впал в прострацию, смутно пытаясь припомнить предшествовавшие прогулке события. Наконец, когда на улице была уже глубокая ночь, он внезапно очнулся и увидел, что стоит вместе с Янгом возле большого деревянного индейца, служащего рекламой сигарной лавчонки. Это был, наверное, последний рекламный индеец во всем городе. Памятник безвозвратно ушедшим годам – он смотрел мутными стекляшками глаз на коробку деревянных сигар, которую держал в вытянутой руке.

Колпак с головы Янга к тому времени уже куда-то исчез, и тут Девлин наконец обнаружил в облике спутника нечто необычное. Он тихо произнес:

– У тебя… у вас – нимб!

Янг слегка вздрогнул и ответил:

– Да. У меня нимб. – Потом задумчиво произнес: – Этот индеец…

Девлин неодобрительно посмотрел на деревянную фигуру. Индеец представился его затуманенному сознанию чем-то еще более ужасным, чем нимб. Зябко передернув плечами, он быстро отвел глаза.

– Воровство – грех, – прошипел Янг и с радостным криком попытался приподнять индейца, но немедленно рухнул под его тяжестью и разразился неистовыми проклятиями. Наконец он поднялся и сказал: – Тяжелый. Помоги мне!

Девлин давно уже не пытался понять смысл этих сумасшедших поступков. В итоге двое мужчин медленно побрели вниз по улице, с трудом таща на себе тяжеленного индейца.

Владелец сигарной лавочки поглядел им вслед и с нескрываемой радостью потер руки.

– Десять лет я не мог избавиться от этого хлама, – хихикая, прошептал он. – А теперь… уф! – Затем вернулся обратно в лавочку и закурил двухдолларовую «Корону», празднуя свое освобождение.

Тем временем Янг и Девлин поравнялись со стоянкой такси. Там оказалась одна-единственная машина; шофер курил сигарету и слушал радио. Янг громко окликнул его.

– Такси, сэр? – Шофер ожил, выскочил из машины и распахнул дверцу. И вдруг – замер, вытаращив ошалевшие глаза. Однако он был изрядным циником и в привидения не верил. Но, увидев чудовищно раздутого вурдалака и падшего ангела, на плечах которых покоился окоченевший труп индейца, понял вдруг с ослепительной ясностью, что под тонким слоем реальной жизни скрывается бездна первозданного хаоса. Насмерть перепуганный, с громким воплем ужаса он вскочил обратно в машину и тут же умчался в неизвестном направлении.

Девлин горестно взглянул на Янга:

– Что теперь?

– Ну, я живу не очень далеко, – ответил тот. – Кварталов десять. Пошли!

Стояла уже поздняя ночь, и попадавшиеся по пути редкие прохожие старались, дабы не подвергать свою жизнь опасности, не обращать внимания на необычную процессию. В конце концов странная троица без приключений добралась до места.

Дверь дома была заперта, и Янг никак не мог найти ключи. Будить Джилл, естественно, не хотелось. Но его не покидала странная убежденность, что украденного индейца непременно нужно спрятать. После некоторых размышлений он остановил свой выбор на подвале. Стараясь не шуметь, сообщники высадили окно, подтащили к нему деревянную фигуру и осторожно просунули ее внутрь.

– Вы и вправду здесь живете? – подозрительно спросил Девлин.

– Ш-ш-ш! – предостерегающе поднял руку Янг. – Пошли.

Он пролез в то же окно и с шумом приземлился на кучу угля. Через несколько секунд рядом рухнул Девлин, шумно сопя и потирая ушибленные места. Нимб неярко, как двадцатипятиваттная лампочка, освещал мрак подвала.

Оставив Девлина наедине с синяками, Янг принялся разыскивать индейца, который куда-то запропал. Наконец он обнаружился под старым корытом, с немалым трудом был извлечен на свет божий и поставлен в углу. Затем новоявленный грешник отступил на шаг и, слегка пошатываясь, воззрился на дело рук своих.

– Совсем неплохой грех, – подытожил он. – Кража. Дело ведь не в количестве украденного, а в самой сути поступка. И тут – что деревянный индеец, что миллион долларов – все равно. А, Девлин?

– Я бы охотно изрубил этого болвана на куски, – с чувством отозвался тот. – Ты заставил меня тащить его целых три мили. – Он замолчал и настороженно прислушался. – Черт возьми, а это еще что?

Далее началась небольшая суматоха. Настырная Мерзавка, из которой в свое время тщетно пытались сделать сторожевую собаку, получила наконец-то шанс отличиться. Услыхав доносящиеся из подвала странные звуки, она вихрем слетела вниз по ступенькам и с громким лаем набросилась на Янга. Суматошно цыкая, он пытался угомонить несносное животное, но собака яростно рычала, словно бы собиралась растерзать непрошеных гостей. Янг, потеряв равновесие, взмахнул рукой и рухнул на пол, но не успел и пошевельнуться, как Мерзавка увидела нимб и прыгнула прямо на голову своему хозяину.

Несчастный попытался защититься, но тут дали себя знать несчетные порции выпивки, опорожненные за этот долгий день. Вместо собаки Янг ухватил ногу деревянного истукана. Тот сильно зашатался. Мерзавка вскинула голову и, оценив обстановку, на всякий случай отскочила подальше. Но на полдороге вновь вспомнила о своем долге и с глухим рычанием впилась в ногу хозяина.

Бедняга неподвижно лежал на полу, судорожно стиснув деревянного индейца, а собака пыталась вырвать кусок его брюк.

Вдруг раздался оглушительный удар грома, подвал озарился ярким белым светом – и появился ангел.

У Девлина подкосились ноги. Он сел на кучу тряпья, закрыл глаза и стал что-то тихо бормотать. Мерзавка ринулась на пришельца, но, после безуспешной попытки ухватить его за тихо покачивающееся крыло, отскочила в сторону. Гость оказался разочаровывающе бесплотным.

Златовласый ангел подошел к Янгу и ласково ему улыбнулся.

– Это, – изрек он, – первое твое благое деяние с момента причисления к лику святых. – Сияющее крыло прочертило полутьму подвала, осенив мрачную фигуру индейца, и та исчезла. – Ты облегчил душу ближнему – и это стоило тебе немалых трудов. Целый день неустанно трудился ты без малейшей корысти, а утро встретишь усталым и разбитым. Следуй же и далее избранному пути, К. Янг! Нимб удержит тебя от всех земных грехов! – С этими словами младший ангел бесшумно исчез.

Это было единственное, что порадовало беднягу, ибо голова начинала болеть и повторный удар грома оказался бы совершенно излишним.

Мерзавка противно затявкала и снова ринулась в атаку на нимб. Янг, поднатужившись, с трудом встал на ноги. Пол и стены покачивались перед его глазами.

Через некоторое время он очнулся, весь в холодном поту, мечтая уснуть снова и уже никогда больше не просыпаться. Он лежал в измятой холодной постели, а в окна лился яркий солнечный свет, дробившийся в голове на тысячи маленьких острых осколков. Желудок судорожно сжимался, горло жгло огнем.

В момент пробуждения Янг осознал одновременно три вещи: он действительно встречает утро усталым и разбитым, нимб над головой по-прежнему отражается в зеркале, и еще – смысл слов, сказанных ангелом на прощание.

Несчастный мучительно застонал. Голова-то пройдет, а вот нимб – теперь уже наверняка останется навсегда. Его можно лишиться, лишь совершая грехи, а Янгу это стало теперь недоступно. Осененный сияющим нимбом, он превратился в другого человека. Все его деяния будут отныне лишь добром, всякий труд – заботой о ближнем. Он больше никогда не сможет грешить!

Железный стандарт

Кто сказал, что инопланетяне бывают или дружелюбны, или враждебны и третьего не дано? А вдруг окажется, что им попросту нет до вас никакого дела?

Уж поверьте, такое запросто способно произойти – и это упрямое безразличие может иметь для вас самые тяжелые последствия.

– Год прожить – не реку переплыть. А ведь это даже не наш год, а венерианский. – С гримасой отвращения Теркелл зачерпнул ложкой неразогретые консервированные бобы.

Руфус Мунн, капитан, отвлекся от своего занятия, каковое заключалось в вылавливании из тарелки местного таракана.

– Стив, добавь к году четыре недели. Раз уж на борт пробралась эта пакость, нас месяц продержат в карантине, прежде чем разрешат приземлиться.

Круглое, пухлое лицо Теркелла помрачнело.

– И как же мы выдержим такой срок? Ноги не протянем, оставшись на холодных бобах?

Мунн тяжело вздохнул и перевел взгляд на шлюз космического корабля «Доброжелательный». Люки были открыты, но внешний затянут прозрачной пленкой. Там, снаружи, в тумане появлялись и исчезали смутные силуэты. У капитана не было ответа на вопрос Теркелла.

Бертон Андерхилл, благодаря родительской протекции получивший на этом борту официальную должность суперкарго, а неофициальную – матроса на подхвате, скупо улыбнулся:

– А чего ты ожидал? Тратить топливо на разогрев пищи мы не рискуем – а ну как не хватит на обратную дорогу. Значит, или холодные бобы, или ничего.

– Да уж, пошиковали, – мрачно пробормотал Теркелл. – Моты безмозглые, вот мы кто. Так растранжирить продовольствие!

– Пошиковали, говоришь? – проворчал Мунн. – Мы почти все запасы раздали венерианам.

– Ну да, ну да, – негромко вставил Андерхилл. – И взамен они нас кормили – целый месяц.

– Но больше не кормят. Это настоящее эмбарго! Что они имеют против нас? – Внезапно приняв решение, Мунн вместе со стулом резко отодвинулся от стола. – Мы должны отдавать себе полный отчет в том, что дальше так продолжаться не может. Просто-напросто не хватит пищи, чтобы продержаться год. И на подножном корму не прожить…

Вжикнула застежка-молния прозрачного полога, и вошел плотного сложения мужчина с высокими скулами и носом, похожим на клюв.

– Здорово, Краснокожий, – поприветствовал его Андерхилл. – Что-нибудь нашел?

Майк Парящий Орел бросил на стол полиэтиленовый пакет:

– Шесть грибов. Неудивительно, что венериане применяют гидропонику. По-другому здесь никак. Не планета, а сущая губка, на такой могут расти только грибы, причем по большей части ядовитые. Шкипер, это не вариант.

У Мунна возле рта пролегли угрюмые складки.

– Ясно. А Бронсон чем занимается?

– Попрошайничеством. Но пока что не выклянчил ни единого фала. – Навахо кивнул на люк. – Да вот и он сам.

Миг спустя все услышали медленные шаги Бронсона. Вошел огненно-рыжий – а сейчас и с покрасневшей в тон волосам физиономией – инженер.

– Никаких вопросов! – рявкнул он. – И вообще ни слова! Я, чистокровный ирландец из Керри, униженно вымаливаю паршивый фал! Немыслимо! Какой позор! Мне от него до гроба не отмыться!

– Сочувствую твоему горю, – сказал Теркелл. – Но раз уж ты сам заговорил о фалах – что-нибудь удалось добыть?

Налитые кровью глаза негодующе зыркнули.

– Да если бы этот шагреневокожий мерзавец с железным кольцом в носу, как у дикаря с берега Убанги, сам предложил деньги, неужели ты думаешь, что я бы их взял?! – проревел инженер. – Швырнул бы в скользкую рожу, уж не сомневайся! Чтобы я да прикоснулся к грязным венерианским монетам? Дайте бобов. – Он схватил тарелку и угрюмо заработал челюстями.

Теркелл и Андерхилл переглянулись.

– Этот тоже вернулся ни с чем, – констатировал суперкарго.

Бронсон оторвался от еды и раздраженно фыркнул:

– Он спросил, состою ли я в лиге нищих. На этой планете последний бродяга должен быть членом какого-нибудь профсоюза.

Задумчивый капитан Мунн криво улыбнулся:

– Нет, Бронсон, это не похоже на профсоюзы и уж тем паче на средневековые гильдии. У таркомаров куда больше власти и куда меньше принципов. Чтобы возник профсоюз, нужна особая социально-экономическая среда, и у него есть цель: сохранение системы сдержек и противовесов, позволяющей обществу развиваться. На Земле много хороших профсоюзов, таких как у работников авиатранспорта, но есть и коррумпированные, как у

экипажей земснарядов. Таркомары – это нечто принципиально иное. Они не имеют никакого отношения к прогрессу и заботятся лишь о том, чтобы венерианское общество держалось на плаву. Застой их более чем устраивает.

– Верно, – подтвердил Теркелл. – И поскольку мы не принадлежим ни к одному таркомару, любой способ зарабатывания денег для нас недоступен. А чтобы попасть в таркомар, необходимо уплатить вступительный взнос в размере тысячи софалов.

– Не стоит чересчур налегать на бобы, – предостерег Андерхилл. – Весь наш запас – десять банок.

Наступила тишина. Ее нарушил Мунн, раздав сигареты:

– Одно ясно: надо что-то делать. Получить продовольствие можно только у венериан, а они не дают. Но тут у нас все-таки есть преимущество, юридическая лазейка: местные не могут отказаться от законной сделки, не продать то, о чем мы просим.

Хмурый Майк Парящий Орел сортировал принесенные грибы.

– Угу. Вот только как его раздобыть, товар для этой законной сделки? Здесь, на Венере, мы нищие, скоро положим зубы на полку.

Ни у кого не было ответа на этот вопрос. Шел 1964-й, минуло три года после первого успешного полета на Марс и пять – после посадки в Море Дождей корабля Дули и Гастингса. Разумеется, Луна осталась необитаемой, если не считать плодовитой, но неразумной водоросли. Марсиане, эти обладатели больших грудных клеток, мощного метаболизма и умных, но хаотично работающих мозгов, встретили землян приветливо, позволив надеяться, что две культуры неплохо поладят между собой. Что же касается Венеры, то до прибытия Мунна и его команды здесь не ступала нога человека.

«Доброжелательный» прибыл с посольской миссией. Никто не знал, существует ли на Венере разумная жизнь, вот и решили бросить пробный камень, как бросали недавно на Марс. Погрузили на борт запас в расчете более чем на год: обезвоженные, концентрированные, витаминизированные и герметично упакованные продукты. Но каждый член экипажа лелеял надежду обнаружить по прибытии гастрономическое изобилие.

Пища на Венере действительно была, ее выращивали на гидропонных фермах прямо под городами. На поверхности же планеты не произрастало ничего съедобного. Почти не водилось птиц и иной живности, так что охотничий промысел отпадал, – впрочем, оружие у землян отобрали сразу по прибытии.

После нудного космического полета длиною в год было такое

ощущение, что они попали на планету райского наслаждения, в мир бесконечных фестивалей и карнавалов. Чужая культура пленяла и восхищала. Но она оставалась чужой. Венериане оказались жуткими консерваторами. Что устраивало предков, то должно устраивать и потомков – таков был их главный жизненный принцип. Похоже, здесь никто не жаждал перемен. Многие века система работала без сбоев, спрашивается – какой смысл менять ее сейчас? А прибытие землян подразумевает перемены – это было ясно всем.

Значит, бойкот землянам!

Разумеется, бойкот был негласным. В первый месяц ничто не предвещало беды. Капитан Мунн наносил визиты главным лицам в правительстве столичного города Вайринга, на окраине которого стоял «Доброжелательный», а венериане доставляли обильную пищу – непривычные, но вкусные кушанья с гидропонных ферм. Взамен земляне щедро раздавали собственные припасы, стремительно опустошая складские отсеки. Местные продукты оказались скоропортящимися, но о способах их сохранения экипаж «Доброжелательного» не задумывался – безупречно отлаженная гидропоника обеспечивала регулярные поставки свежего продовольствия. И вот пришел момент, когда на борту остался месячный запас земных продуктов – и громадная куча гнилья вместо снеди, которая еще пару дней назад вызывала волчий аппетит.

Вот тут-то и прекратили венериане приносить быстроплесневеющие фрукты, овощи и мясные грибы. И хотя они вели себя подчеркнуто миролюбиво, всячески давая понять, что не желают землянам вреда, отныне действовал принцип «деньги вперед». И никаких кредитов или расписок. Большущий мясной гриб, способный насытить четырех человек, стоил десять фалов. Не располагая фалами, земляне не могли себе позволить мясных грибов, как и любой иной венерианской пищи.

Поначалу это не тревожило экипаж. Но однажды кто-то решил узнать, как можно на этой планете раздобыть еды. Оказалось, никак.

Они сидели на борту «Доброжелательного» и жевали холодные бобы – ни дать ни взять компания гномов: низкорослые, коренастые, широкие в кости, выносливые мужчины. Только таких и отбирали для космоса: чтобы выдержать трудный полет, нужны сильные мышцы – и мозги им под стать. Но сейчас эти мозги, из особого теста вылепленные, были для своих хозяев бесполезны. Ведь перед Мунном и его командой стояла очень простая, даже примитивная проблема. Космонавты, представители великой и могучей земной цивилизации, хотят

есть. А пищи кот наплакал, и скоро начнется голодовка. За душой у них ни фала, только золото, серебро и бумажные купюры – все это не имеет здесь никакой ценности. На корабле есть интересующий аборигенов металл, но исключительно в составе сплавов, его никак не отделить. Основа венерианской денежной системы – железный стандарт.

– Но ведь не бывает безвыходных ситуаций, – упрямо проговорил Мунн. На суровое лицо набежала тень, и он сердито отодвинул тарелку. – Опять пойду в городской совет.

– И что это даст? – поинтересовался Теркелл. – Мы в западне, и нет никакой лазейки. Все решают деньги.

– И тем не менее я попробую нанести визит Джораст, – проворчал капитан. – Вроде она неглупа.

– То-то и оно, – загадочно добавил Теркелл.

Мунн бросил на него хмурый взгляд и направился к люку, поманив Майка Парящего Орла. Вдогонку поспешил Андерхилл:

– Можно мне с вами?

– От тебя-то какой там прок? – спросил Бронсон, с мрачным видом гонявший ложкой боб по тарелке. – Куда проще выиграть у однорукого бандита… Это если бы в здешних заведениях стояли игровые автоматы и у нас бы завалялась хоть одна местная монетка. Может, собираешься рассказать здешним властям, что твой папаша – металлургический магнат, владелец огромного концерна? И они размякнут и выдадут нам талоны на бесплатный обед?

Но сказано это было вполне дружелюбным тоном, так что Андерхилл лишь ухмыльнулся.

– Иди, если хочешь, – согласился капитан Мунн, – только собирайся побыстрей, мы уже отправляемся.

Трое землян вышли в парной туман, и сразу под ногами зачавкала грязь. Впрочем, жара не причиняла особых неудобств. Сильные ветры Венеры способствовали интенсивному испарению жидкости, и благодаря этому естественному воздушному кондиционированию люди не страдали от повышенной влажности.

Мунн сверился с компасом. До окраины Вайринга какая-то жалкая миля, но туман, по обыкновению, густ, точно гороховый суп.

По венерианской поверхности всегда лучше передвигаться гуськом – такая уж тут погода. Трое молча плелись по раскисшему грунту.

– А я думал, индейцы умеют выживать на подножном корме, – обратился к навахо Андерхилл.

Недоуменно взглянув на него, Майк Парящий Орел объяснил:

– Вообще-то, я земной индеец, не венерианский. Смастерить лук и стрелы, пожалуй, могу, но что дальше? Подстрелить туземца? А если у него в кошельке не окажется софалов?

– Можно его слопать, – тихо произнес Андерхилл. – Интересно, каков на вкус жареный венерианин?

– Давай, выясни, а дома напишешь бестселлер, – хмыкнул Мунн. – Конечно, если тебе позволят вернуться домой. В Вайринге, между прочим, есть полиция.

– А вот и водяные ворота, – сказал Андерхилл, желая сменить тему. – О боже! Тут поблизости стряпают, я чую!

– Да, пахнет едой, – проворчал навахо, – но я надеялся, что никто об этом не заговорит. Идем дальше. И помалкивай, будь другом.

Окружавшая Вайринг стена была скорее дамбой, нежели фортификационным сооружением. Высокоразвитая цивилизация Венеры не делилась на нации, не знала войн и таможенных барьеров. Одна планета, одно государство. Мимо путников с шипением проносились летательные аппараты и моментально исчезали в небесном тумане. Этот туман клубился и на улицах, время от времени его рвали в клочья огромные пропеллеры. В Вайринге, отгороженном стеной от ветров, царила тяжелая духота, поэтому в помещениях не выключались кондиционеры. Городские виды напомнили Андерхиллу о Венеции, там тоже вместо улиц каналы. Мимо на самых разных скоростях двигались всевозможные плавсредства; здесь даже нищие путешествовали по воде. Вдоль каналов тянулись топкие колеистые дорожки, но никто не ходил по ним.

Никто, кроме землян, у которых не было ни фала за душой. Они неистово ругались и расплескивали грязь. Жители почти не обращали на них внимания. Вот пристало к берегу водное такси, рулевой с синей бляхой своего таркомара окликнул путников:

– Позволите ли вас подвезти?

Берт Андерхилл показал серебряный доллар:

– А то нет! Конечно, если тебя устроит наша плата.

Весь экипаж «Доброжелательного» быстро обучился местной речи – даром, что ли, в него подбирали людей со способностью к языкам, это помимо прочих талантов, необходимых для космической экспедиции. Да и венерианская фонетика не представляла собой ничего сложного. Когда таксист ответил отрицательно, его поняли все трое.

– А если накинем? – с надеждой спросил Андерхилл. – Двойная ставка – или ничего!

– Это две твои монеты, что ли? – спросил таксист. –

Серебро? – Он указал на нос своей лодки, украшенный прихотливой серебряной вязью. – Хлам!

– Бенджамин Франклин, вот кто счел бы это местечко славным, – заметил Майк Парящий Орел. – Я слышал, у него были железные зубы.

– Точно, по венерианским понятиям он таскал во рту целое состояние, – кивнул Андерхилл.

– Да не скажи.

– А вот и скажу! Целое состояние – это то, за что можно купить сытный обед из трех блюд.

Андерхилл насел на таксиста. Тот, окинув землян презрительным взглядом, отплыл искать платежеспособных пассажиров.

Упрямо продвигаясь по грязи, Мунн смахнул пот со лба.

«Славное местечко, надо же, – думал он. – Славная голодная смерть».

За полчаса тяжелой ходьбы в нем накопилась глухая злоба.

«Если Джораст откажется нас принять, пусть пеняет на себя, – мысленно посулил он. – Плевать, что у нас отобрали оружие. Зубами буду рвать этот Вайринг! И проглочу те куски, что посъедобнее!»

Им повезло – Джораст оказалась у себя в офисе и дала согласие на встречу. Землян проводили в роскошный просторный кабинет; через растворенные окна задувал прохладный ветерок. По помещению женщина разъезжала в высоком моторном кресле. Кабинет был опоясан наклонным стеллажом, должно быть служившим Джораст рабочим столом. Он был по плечо высотой, но кресло легко поднимало наездницу на нужный уровень. Мунн предположил, что утро она начинает с краю и в конце рабочего дня завершает круг.

Венерианка была стройна и седоволоса, ее кожа напоминала отменного сорта шагрень, подвижные черные глаза смотрели настороженно. Она покинула свое транспортное средство, жестом предложила посетителям рассаживаться и сама заняла сиденье попроще. Раскурила трубку, которая больше смахивала на огромный сигаретный мундштук и заправлялась желтым цилиндром прессованной растительной крошки. Потек ароматный дым. Андерхилл с завистью смотрел и нюхал.

– Будьте достойны ваших отцов, – вежливо проговорила Джораст, протягивая для рукопожатия шестипалую кисть. – Что привело вас сюда?

– Голод, – без экивоков ответил Мунн. – Похоже, нам пора поговорить начистоту.

Лицо хозяйки кабинета осталось непроницаемым.

– Я вас слушаю.

– Вы нас третируете, и мы не собираемся с этим мириться.

– Разве вам причиняют вред? – спросила глава городского совета.

Мунн вперил в нее недобрый взор:

– Давайте раскроем карты. Нас прижали к стенке – либо по вашему распоряжению, либо с вашего ведома. Мы ждем объяснений.

Джораст медлила с ответом.

– Поймите, – сказала она наконец, – моя власть не так велика, как вам кажется. Я всего лишь администратор, одна из многих. Не придумываю законы, а слежу за их соблюдением. Мы вам не враги.

– А ведь можете стать врагами, – хмуро пригрозил Мунн. – Если прилетит другая экспедиция и узнает о нашей смерти…

– Никто не собирается вас убивать. У нас нет такой традиции…

– Да-да. Вы просто позволите нам умереть от голода.

– Кто вам запрещает покупать пищу? – сузив глаза, осведомилась Джораст. – Здесь таким правом обладает любой, и не важно, с какой он планеты.

– А чем расплачиваться? – поинтересовался Мунн. – Наши деньги вы не принимаете, а ваших у нас нет.

– Ваши деньги здесь ничего не стоят, – объяснила Джораст. – В недрах Венеры предостаточно золота и серебра, добывать их легко. За дифал – двенадцать фалов – можно приобрести приличное количество продуктов. За софал – еще больше.

Мунн знал, что софал – это тысяча семьсот двадцать восемь фалов. Целая гора еды!

– И как же, по-вашему, мы раздобудем железные венерианские деньги?! – резким тоном спросил он.

– Заработайте… Здесь все зарабатывают. Тот факт, что вы с другой планеты, не снимает с вас обязанности творить посредством труда.

– Ну допустим, – гнул свою линию Мунн, – мы готовы творить. Так дайте же нам работу.

– Какую?

– Да любую! Хотя бы каналы чистить.

– А вы состоите в таркомаре чистильщиков каналов?

– Ой! – воскликнул Мунн. – И как же это я забыл туда записаться?

На сарказм Джораст не отреагировала:

– У каждой профессии свой таркомар. Вы должны состоять в одном из них.

– Ссудите тысячу софалов, и вступлю.

– Попытка получить ссуду уже была, – напомнила ему Джораст. – Заимодатели сообщили, что вы не можете предоставить необходимые гарантии.

– Не могу предоставить гарантии?! Уж не намекаете ли вы, что у нас на корабле не найдется ничего, стоящего тысячу софалов? Это шельмовство, Джораст! Один очиститель воды стоит в шесть раз дороже.

Администратор тоже взяла резкий тон, – похоже, ее обидел упрек капитана.

– Мы уже тысячу лет очищаем воду древесным углем. Сменить технологию – все равно что назвать глупцами наших предков. А они глупцами не были. Они были великими и мудрыми.

– Ну а как насчет прогресса?

– А зачем он нужен? – спросила Джораст. – Наша цивилизация во всех отношениях совершенна. Даже нищие всегда сыты. На Венере вы не встретите обездоленных. Система, созданная предками, проверена тысячелетиями. Не вижу смысла что-либо менять.

– Но…

– Любое новшество нарушает равновесие в системе, – решительно закончила Джораст и встала. – Будьте же достойны имен ваших отцов.

– Послушайте…

Но Джораст уже возвращалась к своему рабочему креслу. Земляне переглянулись, молча признали свое поражение и вышли.

– Итак, – произнес Мунн, когда делегация спускалась на лифте, – все ясно как божий день. Джораст хочет уморить нас голодом.

Андерхилл имел другое мнение на этот счет.

– Джораст не злодейка, ей наша смерть ни к чему. Она всего лишь исполнитель – сама об этом сказала. А командуют тут таркомары. Вся власть сосредоточена в их руках.

– Да, я в курсе, что никого главнее их на Венере нет, – поморщился Мунн. – Очень трудно понять психологию здешнего населения. Но судя по всему, оно категорически против любых перемен. А наш прилет – это и есть перемена. Вот и решили венериане попросту нас не замечать.

– Что толку? – спросил Андерхилл. – Даже если мы помрем, с Земли прилетят другие корабли.

– Но этот трюк может сработать и против венериан.

– Голодовка? Но…

– Пассивное сопротивление. Здесь нет закона, запрещающего венерианам деловые отношения с землянами. Но есть банальная политика закрытых дверей, и перед этими дверьми не лежит коврик с надписью «Добро пожаловать».

Дальше они шли молча, и лишь на берегу канала Майк Парящий Орел прервал затянувшуюся паузу:

– Их психология зиждется на почитании предков. Рефлекторный эгоизм? Комплекс расовой неполноценности?

Мунн покачал головой:

– Слишком сложно рассуждаешь.

– Может быть. Но все сводится к обожествлению прошлого. И к страху. Социальная культура, которую мы здесь застали, веками работала как часики. Венериане не желают пертурбаций. Это логично. Предположим, у тебя есть фабрика и она неплохо делает то, для чего предназначена. Вопрос: захочешь ли ты в ней что-нибудь улучшить?

– Почему бы и нет? – пожал плечами Мунн. – Допустим, захочу.

– С какой целью?

– Ну, например, ради экономии времени. Скажем, если новшество позволит удвоить выпуск продукции.

Навахо призадумался.

– Предположим, эта фабрика производит холодильники. В результате твоих усовершенствований сократятся трудозатраты, а это изменит структуру экономики.

– Микроскопически.

– Пусть так. Но есть еще потребительский аспект. Больше холодильников выпущено – больше куплено. Больше любителей мороженого могут его изготавливать в домашних условиях. Складские запасы мороженого распродаются за бесценок, сокращаются оптовые закупки молока. Фермеры вынуждены…

– Я понял, – перебил Мунн. – Не было гвоздя, погибло королевство. Но все-таки ты говоришь о микрокосме. В макрокосме испокон веку действует автоматическая регулировка.

– Любая развивающаяся цивилизация открыта для всего нового, склонна к экспериментам, – рассуждал Майк Парящий Орел. – Венериане же ультраконсервативны. Они убеждены, что им больше не нужно расти и меняться. Созданная ими система веками работает без сбоев. Все ее детали идеально подогнаны друг к другу. Любое вмешательство способно испортить музыку. Таркомары, сосредоточившие в своих руках огромную власть, не намерены ею поступаться.

– Стало быть, наш удел – голодная смерть? – спросил

Андерхилл.

Индеец криво улыбнулся:

– Похоже на то. Если не найдем какой-нибудь способ добыть денег.

– Должны найти, – твердо сказал Мунн. – Нас ведь выбрали за высокий уровень интеллекта, помимо прочих достоинств.

– Все эти достоинства здесь не очень-то пригодны. – Майк Парящий Орел пинком отправил камешек в канал. – Ты физик, я натуралист, Бронсон инженер, а Стив Теркелл врач. Ты, мой бесполезный юный друг, сын богача.

Андерхилл смущенно улыбнулся:

– Да, папаша у меня хват, деньги делать умеет. Но разве не это качество нам сейчас нужно?

– Кстати, на чем он разбогател?

– Биржевые операции.

– Угу, большое подспорье для нас, – буркнул Мунн. – Вот что я думаю. Лучший вариант – найти производственный процесс, в котором действительно нуждаются венериане, и продать его.

– Была бы у нас связь с Землей… – начал Андерхилл.

– Мы бы запросили помощи, и дело в шляпе, – договорил за него навахо. – У Венеры есть слой Хевисайда, так что наша рация бесполезна. Шкипер, ты все-таки попробуй что-нибудь изобрести, авось получится.

– Допустим, получится, но захотят ли венериане воспользоваться моим изобретением? – размышлял Мунн. – Сложившаяся ситуация не может сохраняться вечно. В этом нет смысла, как говаривал мой дед, а он так говаривал по любому поводу. У каждого народа в каждом поколении рождаются изобретатели. Появляются новые технологии, их приспосабливают для жизни общества. Я наверняка смогу предложить венерианам что-нибудь интересное. Как насчет надежного способа хранить продукты?

– Зачем он здесь? Гидропонные фабрики работают без перебоев.

– Гм… Эффективная ловушка для тараканов? Или что-нибудь бесполезное, но соблазнительное? Однорукий бандит?..

– Примут запрещающий закон.

– Ладно, предлагай ты.

– Непохоже, чтобы венериане много смыслили в генетике. Путем скрещивания можно получать необычные пищевые продукты… Что скажешь?

– Можно попробовать, – ответил Мунн.

Стив Теркелл глядел наружу через люк. Остальные, сидя за

столом, писали и чертили стилосами на планшетах и потягивали слабенький кофе.

– Есть идея, – сказал Теркелл.

– Знаю я твои идеи, – проворчал Мунн. – Что на сей раз?

– Все очень просто: в городе вспыхивает эпидемия, а я добываю антивирус и спасаю жителей. И в благодарность…

– Они тебе отдают власть над планетой и Джораст в жены, – подхватил Мунн. – Курам на смех!

– Не думаю, – невозмутимо продолжал Теркелл. – Если на благодарность и впрямь рассчитывать не приходится, мы придержим антитоксин и подождем, когда за него предложат деньги.

– Мне нравится наш мозговой штурм, – ухмыльнулся Майк Парящий Орел. – Единственный минус – венериане превосходно себя чувствуют.

Теркелл тяжело вздохнул:

– Я боялся, что ты об этом заговоришь. Этика превыше всего. Ну а если в порядке исключения мы поступимся ею – самую малость – и дадим толчок заболеванию? Что-нибудь вроде тифа…

– Ай да молодец! – с притворным восхищением воскликнул навахо. – Стив, из тебя получится великолепный убийца.

– Ладно, с тифом я погорячился. Не хочу никого лишать жизни. Достаточно болезненных симптомов и временной потери трудоспособности…

– Если не тиф, то что? – спросил Мунн.

– Дифтерия? – с надеждой предложил врач.

– Шикарная перспектива, – буркнул Майк Парящий Орел. – Ты кровожаден, как апач.

– Дифтерия, бери-бери, проказа, бубонная чума, – с жаром вступил в разговор Пэт Бронсон. – Какую бы дрянь вы ни выбрали, я только за! Эти проклятые лягушата у меня в печенках сидят, давайте же поквитаемся с ними!

– Предположим, что вариант с неопасной эпидемией нас устроит, – сказал врачу Мунн. – Как ты собираешься его реализовать?

– Можно запустить в водохранилище вирус…

– Откуда ты его возьмешь?

– Э-э… – Теркелл понял свою ошибку и приуныл.

– То-то и оно, – кивнул Мунн. – Никаких патологических вирусов на «Доброжелательном» не припасено. Сами мы тоже чисты – и внутри, и снаружи. Идеальная антисептика. Или ты забыл медицинские процедуры, которые мы прошли перед стартом?

Бронсон в сердцах отпустил крепкое словечко.

– Такое забудешь! Уколы, уколы, уколы! Через каждый час! А еще таблетки и микстуры, ультрафиолет и рентген – у меня даже кости позеленели.

– Меры предосторожности, – объяснил Мунн. – Как раз для того, чтобы на Венере не случилось из-за нас эпидемии. Ты не заразишь туземца даже насморком, – сказал он Теркеллу. – Так что тема закрыта. Что тебе известно о здешних анестезирующих средствах? Они хуже наших?

– Лучше, – ответил врач. – Да и применяются ограниченно – взрослые не нуждаются в них. У венерианина удивительная нейронная структура мозга, она позволяет глушить боль посредством самогипноза.

– Сульфамидные препараты?

– Я уже об этом думал. Такие лекарства тут есть.

– Как насчет гидроэлектростанций? – вмешался Бронсон. – Или плотин? В дождливую пору бывают наводнения.

– От них спасает превосходный дренаж, – возразил Мунн. – Ты сам видел каналы.

– Дай же договорить! У этих рыбокожих сукиных детей имеется гидроэнергетика, да только она неэффективная. Из-за ливней очень часто возникают быстрые реки, на них-то и возводят электростанции, но стоит дождям перебраться в другой район, скорость потока падает и от турбин уже нет проку. Считай, половина электростанций все время простаивает, а это огромные убытки. Если соорудить плотину, будет постоянный источник энергии, никак не зависящий от небесной канцелярии.

– А что, мысль неплохая, – признал Мунн.

– Я все-таки займусь скрещиванием в гидропонных садах, – сказал Майк Парящий Орел. – Авось получится гриб-бифштекс со вкусом вустерского соуса.

– Было бы неплохо. Стив?

Теркелл взъерошил себе волосы:

– Я думаю. Не торопи меня.

Мунн перевел взгляд на Андерхилла:

– Как насчет интеллектуального озарения, приятель?

– Может, позже? Сейчас в голову лезут только биржевые манипуляции.

– Без денег?

– В том-то и проблема.

– Ну а что до меня, – сказал Мунн, – то я бы занялся рекламой. Эта тема мне близка – как-никак я физик.

– И что ты намерен предложить туземцам? – поинтересовался Бронсон. – Демонстрацию расщепления атома? Силовое жонглирование?

– Уймись. На Венере есть коммерция, но нет рекламы. Забавно, да? Надеюсь, предприятия торговли с радостью ухватятся за шанс.

– Реклама тут есть, на радио.

– Да, но она ритуальная, стилизованная. Зато венерианское телевидение стосковалось по энергичному продвижению товаров. Визуальная реклама – именно то, что надо. Я знаю несколько приспособлений для демонстрации, почему бы их не изготовить?

– А я бы собрал рентгеновский аппарат, – предложил вдруг Теркелл. – Конечно, без твоей помощи, шкипер, мне не обойтись.

– О чем разговор, помогу, – пообещал Мунн. – Необходимые детали у нас есть, чертежи тоже. Завтра и начнем. По моим ощущениям, уже глубокая ночь.

На Венере не бывает рассветов, но ощущения не обманули капитана.

Пятеро космонавтов улеглись спать. Им снились сытные обеды из нескольких блюд – всем, кроме Теркелла. Врач вонзил зубы в жареную курицу, а та вдруг превратилась в венерианина и принялась уплетать его самого, начиная с ног. Теркелл проснулся в холодном поту, выругался, проглотил таблетку нембутала, и больше его кошмары не мучили.

Наутро земляне разделились.

Майк Парящий Орел, прихватив микроскоп и другие приборы, отправился на ближайшую гидропонную ферму. Он не имел права переносить споры на «Доброжелательный», но никакие законы не запрещали ему экспериментировать на территории Вайринга. Навахо надеялся ускоренно вырастить нужные культуры с помощью витаминных комплексов.

Пэт Бронсон решил встретиться со Скоттери, главным гидроэнергетиком. Этот долговязый хмурый венерианин оказался фанатиком инженерного дела. Бронсону пришлось осмотреть все модели в кабинете Скоттери, прежде чем тот снизошел до делового разговора.

– Сколько у вас электростанций? – спросил землянин.

– Четыре дюжины в третьей степени на дюжину. Конкретно в этом районе – сорок две дюжины.

Всего больше миллиона, прикинул Бронсон.

– Сколько функционирует в настоящий момент? – продолжал он.

– Порядка семнадцати дюжин.

– То есть триста… то есть двадцать пять дюжин простаивает. А ведь их надо поддерживать в рабочем состоянии. Должно быть, это хлопотно.

– Еще как хлопотно, – признал Скоттери. – Не говоря уже о том, что часть простаивающих электростанций так никогда и не заработает. Эрозия, знаете ли, – слишком интенсивно меняется рельеф. Сегодня мы ставим турбины на быстрой реке, а завтра она бежит уже по другому руслу. Ежедневно строится дюжина электростанций. Конечно, мы кое-что демонтируем и используем заново, но все же убытки огромны.

– Как насчет водохранилищ? – подсказал Бронсон.

– Вы о чем?

Землянин объяснил. Скоттери пожал плечами – это означало отрицательный ответ.

– Наша флора совершенно не похожа на земную. Поскольку на планете избыток влаги, растениям не нужны глубокие корни.

– Им что, и почва не нужна?

– Разумеется. Необходимые химические вещества они берут из воды – там всегда много примесей.

Бронсон все же растолковал, в чем польза водохранилищ.

– Предположим, вы импортируете с Земли траву, кусты и деревья и укрепите ими горные склоны. Перекроете ущелья плотинами, это позволит накапливать воду. И тогда несколько гигантских станций полностью обеспечат вас энергией, причем действовать они будут постоянно.

Обдумав услышанное, Скоттери сказал:

– Мы и так полностью обеспечены энергией.

– Да, но каковы убытки!

– Они покрываются за счет высоких тарифов.

– Можно заработать еще больше этих ваших дифалов и софалов…

– Рентабельность не меняется вот уже триста лет, – объяснил Скоттери. – Энергосистема отлажена, и она вполне устраивает нас. Вижу, вы не сумели разобраться в структуре нашей экономики. У венерианина есть все, что ему нужно, а значит, нет смысла повышать доходы – даже на один-единственный фал.

– А как же конкуренты?

– Кроме нашей компании, в гидроэнергетике заняты еще три, и они тоже вполне довольны своей прибылью.

– Что, если мой план им понравится?

– Если и понравится, – терпеливо ответил Скоттери, – то уж всяко не больше, чем мне. Спасибо, что заглянули, было интересно с вами побеседовать. Будьте же достойны имени вашего отца.

– Ах ты, рыба бездушная! – разъярился землянин. – Неужели в твоем зеленокожем теле не течет красная кровь? Или на этой планете никто не знает, что такое драка? – Он крепко ударил

кулаком по ладони. – Я не буду достоин имени Шеймуса Бронсона, если сейчас же не врежу по твоей уродливой физиономии!

Скоттери нажал кнопку, вошли два здоровенных венерианина. Главный гидроэнергетик указал на землянина:

– Выведите его.

Капитан Руфус Мунн и Берт Андерхилл находились в одной из телестудий, сидели рядом с Хаккапуем, владельцем «Витси», что можно приблизительно перевести как «Мокрые мурашки». Висящий перед ними на стене видеоэкран демонстрировал ролик, рекламирующий продукцию фирмы.

На экране проявился венерианин: руки в боки, ноги широко расставлены. Он поднял кисть, растопырил шесть пальцев.

– Все люди пьют воду. Вода – это хорошо. «Витси» – тоже хорошо. Шар с «Витси» стоит четыре фала. Это все.

Он исчез. Экран покрылся пестрой рябью, зазвучала нестройная музыка. Мунн повернулся к Хаккапую:

– Разве это реклама? Вам не привлечь покупателей такой чепухой.

– Она соответствует традиции, – вяло возразил Хаккапуй.

Мунн раскрыл стоящую возле его ног коробку, вынул высокий прозрачный стакан, попросил сферическую емкость с «Витси». Получив, перелил содержимое в свою посуду. Затем бросил туда несколько цветных шариков и кусочек сухого льда, который опустился на дно. Шарики энергично запрыгали в жидкости.

– Видите? – спросил Мунн. – Шарики немного тяжелее, чем «Витси». Это визуальный эквивалент «Мокрых мурашек». Покажите мой фокус по телевизору, сопроводив нормальным текстом, и увидите, как вырастут продажи.

На лице Хаккапуя отразился интерес.

– Даже не знаю, что и сказать…

Тут в кабинет вошел толстый венерианин:

– Будьте достойны имен ваших предков.

– Это Лориш, – представил его Хаккапуй. – Я решил, что ему следует это увидеть. Вас не затруднит повторить демонстрацию?

– Как прикажете.

Когда Мунн закончил, Хаккапуй посмотрел на Лориша, а тот медленно пожал плечами:

– Нет.

Хаккапуй надул губы:

– Такая реклама позволила бы увеличить продажи «Витси»…

– И нарушила бы экономический баланс, – перебил Лориш. – Нет, и точка.

– Что значит «нет, и точка»? – поинтересовался Мунн. – Хаккапуй – владелец «Витси», правильно? А вы кто такой? Цензор, что ли?

– Представитель рекламного таркомара, – ответил Лориш. – Видите ли, на Венере реклама имеет сугубо ритуальный характер. Она никогда не менялась. Да и с чего бы ей меняться? Если Хаккапуй применит ваши идеи, это будет нечестно по отношению к другим производителям прохладительных напитков.

– Другие производители могут делать то же самое, – возразил Мунн.

– Состязательная пирамида? Которая неизбежно рухнет и похоронит под собой весь наш уклад? Фирма Хаккапуя зарабатывает достаточно. Ты доволен прибылью, Хаккапуй?

– Пожалуй…

– Или сомневаешься в правильности политики таркомара?

Хаккапуй судорожно сглотнул, а потом зачастил:

– Нет-нет-нет! Ваша политика абсолютно разумна!

– Вот и хорошо, – глядя на него, заключил Лориш. – Что же касается вас, землянин, то не советую тратить время на продвижение вашего проекта.

Мунн покраснел от гнева:

– Вы что, угрожаете?

– Никоим образом. Просто никто не захочет использовать вашу идею, не проконсультировавшись с рекламным таркомаром, а мы наложим вето.

– Понятно, – процедил Мунн. – Ну что ж… пойдем отсюда, Бертон.

Они покинули здание и побрели берегом канала. Андерхилл молчал, уйдя в свои мысли.

– Судя по всему, таркомары обеспечивают равновесие в системе и занимаются этим с незапамятных времен, – проговорил капитан. – И хотят, чтобы все оставалось по-прежнему.

– А мы, если желаем сдвинуться с мертвой точки, должны это равновесие нарушить, – проговорил Андерхилл. – И шанс у нас есть.

– Ты о чем?

– О законах.

– О законах? – изумился Мунн. – Да они все против нас!

– Пока – да. Но традиция сделала их негибкими, неповоротливыми. Прецедент трехсотлетней давности может быть отменен только долгим судебным процессом. Если найдем лазейку в здешнем своде законов, нас никто и пальцем не тронет.

– Хорошо, ищи лазейку, – мрачно проговорил Мунн. – А я вернусь на корабль и помогу Стиву собрать рентгеновский

аппарат.

– Пойду на биржу, разведаю, что там к чему, – сказал Андерхилл.

Через неделю рентгеновская установка была готова. Мунн и Теркелл изучили законодательную базу Вайринга и выяснили: чтобы торговать техническими устройствами собственного изготовления, не обязательно принадлежать к таркомару, достаточно соблюдать некоторые требования вполне тривиального характера. Земляне напечатали и расклеили по всему городу объявления, и венериане потянулись к кораблю, подле которого Мунн и Теркелл демонстрировали возможности рентгеновских лучей.

Майк Парящий Орел в этот день вернулся раньше обычного и выкурил подряд дюжину сигарет из своего жалкого запаса. Индеец пыхал дымом, а самого аж трясло от злости. Гидропонные культуры завели его в глухой тупик.

– Это просто безумие! – жаловался он Бронсону. – Лютер Бербанк точно свихнулся бы на моем месте. И как прикажешь опылять эти образчики венерианской флоры, если в них сам черт ногу сломит?!

– Да уж, тебе не позавидуешь, – посочувствовал Бронсон. – Говоришь, восемнадцать полов?

– Восемнадцать – это только те, что я насчитал. У четырех видов вообще нет пола. Что толку скрещивать дурацкие грибы? Результаты такого скрещивания можно разве что на аукционе показывать.

– Ты так ничего и не добился?

– Э, нет, я добился многого, – с горечью ответил Майк Парящий Орел. – Получил кучу самых разнообразных диковин. Беда в том, что они нестабильны. Выращиваю гриб с ромовым привкусом, а он не дает нормальных спор, и ром меняется на скипидар.

– Раз ты на гидропонной ферме бываешь, не мог бы оттуда что-нибудь вынести? – вкрадчиво спросил Бронсон.

– Обыскивают, – коротко ответил навахо.

– Вонючие скунсы! – рявкнул Бронсон. – Да за кого они нас принимают? За мелких воришек?

– Гм… Снаружи что-то происходит. Пойдем посмотрим.

Они вышли из «Доброжелательного» и стали свидетелями жаркого спора Мунна и Джораст, которая пожелала своими глазами увидеть демонстрацию рентгеновской установки. Собралась толпа, венериане наблюдали с живейшим интересом. Мунн успел побагроветь от возмущения.

– Я изучил ваши законы, – говорил он. – Джораст, на этот раз вы меня не остановите. Я могу построить машину и продать ее за пределами города, эти действия будут считаться абсолютно легальными.

– Вы правы, – сказала Джораст, – и я не предъявляю никаких претензий на этот счет.

– Отлично. Ну а раз законы не нарушены…

Женщина поманила, и к ней вперевалку приблизился толстый венерианин.

– Патент три дюжины дюжин в квадрате – четырнадцать – две дюжины, – сообщил он. – Выдан в двенадцатом в четвертой степени году Метци-Стангу из Милоша. Изобретение – светочувствительная пленка.

– О чем это он? – спросил Мунн.

– О документе, – ответила Джораст, – совсем недавно выданном венерианскому изобретателю по имени Метци-Станг. Патент был приобретен таркомаром, и хотя он положен под сукно, вы не можете использовать охраняемое им техническое изделие.

– Намекаете, что на Венере кто-то уже изобрел рентгеновский аппарат?

– Нет. Речь идет всего лишь о светочувствительной пленке, которая является частью вашей машины. Пленкой торговать вам нельзя – значит, и машиной тоже.

Через толпу протолкался Теркелл:

– Я могу обойтись без пленки…

Его перебил толстый венерианин:

– Вибрационный патент три дюжины дюжин в квадрате – две дюжины – семь…

– Что на этот раз? – вмешался Мунн.

– Механизмы, использующие вибрацию, тоже запатентованы, – с улыбкой объяснила Джораст.

– Это же рентген! – рявкнул Теркелл.

– Излучение – не что иное, как вибрация, – возразила Джораст. – И торговать им без разрешение таркомара, купившего патент, вы не будете. А разрешение стоит… дайте прикинуть… порядка пяти тысяч софалов.

Теркелл резко повернулся и ушел на корабль, где смешал виски с содовой и погрузился в мстительные мечты о дифтерийных палочках. Через некоторое время возвратились остальные члены экипажа, вид у всех был невеселый.

– Неужели она это сделает? – спросил Теркелл.

– Конечно, – кивнул Мунн. – Уже сделала.

– Но мы же не посягаем на их патенты!

– Мы не на Земле, – объяснил капитан. – Здешнее патентное право трактуется расширительно – настолько, что, если ты изобрел ружье, уже никому не дадут разрабатывать оптический прицел. Нас опять переиграли.

– А все эти таркомары, – добавил Андерхилл. – Когда появляется новое изобретение, новый технологический процесс, они покупают патент и гасят перемены в зародыше. Мы не можем предложить никакого устройства, не посягнув при этом на тот или иной венерианский патент.

– Они не выходят за рамки закона, – указал Мунн. – Своего закона. Так что на их правовом поле нам не выиграть. Находясь на Венере, мы вынуждены подчиняться ее юрисдикции.

– А бобы между тем заканчиваются, – грустно напомнил Теркелл.

– Все продукты заканчиваются, – подтвердил капитан. – У кого-нибудь есть спасительные идеи?

Молчание. Затянувшуюся паузу прервал Андерхилл, выложив на стол сферическую посудину из-под «Витси».

– Откуда? – спросил Бронсон. – Это стоит четыре фала.

– Пустая ничего не стоит, – ответил Андерхилл. – Я ее в урне нашел. Меня заинтересовал стеклит – вещество, из которого здесь делают такие вещи.

– Продолжай.

– Удалось выяснить, как он изготавливается. Довольно сложный и дорогостоящий процесс. Стеклит не лучше нашего флексигласа и уж всяко не дешевле. Допустим, здесь появится флексигласовая фабрика…

– Допустим, и что дальше?

– Мы разорим «Объединенный стеклит»…

– До меня не доходит, – сказал Бронсон. – Что это даст?

– Ты что-нибудь слышал о кампании по распространению слухов? – спросил Андерхилл. – Мой папаша, старый чертяка, с помощью этого приема не раз побеждал на выборах. Представь: мы распустили слух о появлении на рынке дешевого и превосходного по качеству заменителя стеклита. Разве не рухнут акции концерна «Объединенный стеклит»?

– Наверное, рухнут, – сказал Мунн.

– Избавившись от конкурентов, мы можем…

– Что мы можем?

– Э-э… – Андерхилл осекся. – Деньги делают деньги. Опять все упирается в деньги!

– Вот так всегда.

– Ладно, есть другая мысль. На Венере железный денежный

стандарт, а на Земле полно дешевого железа. Что, если мы заговорим о доставке этого металла сюда? Распустим слух? Возникнет паника. Я правильно рассуждаю?

– Чтобы возникла паника, нужно сорить железом, – возразил Мунн. – Иначе противник организует контрпропаганду, а с телевидением нам не тягаться. Наша кампания по распространению слухов сорвется, даже не успев набрать обороты. Венерианскому правительству, то есть таркомарам, достаточно заявить, что Земля не обладает неограниченным запасом железа. Мы ничего не выиграем.

– Но ведь должен существовать какой-то выход! – нахмурился Андерхилл. – Его не может не быть. Давайте вот о чем подумаем. Каков базовый принцип венерианского общественного устройства?

– Отсутствие состязательности, – ответил Майк Парящий Орел. – Каждый получает то, в чем нуждается.

– На первый взгляд это так. Однако инстинкт состязательности очень силен, подавить его совсем не просто. Готов поспорить, что здесь найдется предостаточно желающих заработать лишний фал.

– И куда это нас приведет? – спросил Мунн.

– Если пойти по любимой дорожке моего папаши… Гм… Он постоянно манипулировал, дергал за ниточки, добивался, чтобы люди приходили к нему. Какое место в венерианской экономике самое слабое?

Мунн сощурился, напряженно размышляя:

– Чтобы нанести туда удар? Не вижу такого места, у нас слишком малые возможности.

Андерхилл произнес, закрыв глаза:

– На чем всегда строится экономическая и социальная система?

– На деньгах, – ответил Бронсон.

– А что такое деньги? У нас на Земле радиевый стандарт. Много лет назад он был золотым или серебряным. На Венере всеобщий эквивалент – железо. А еще есть такая вещь, как бартер. Деньги бывают разными.

– Деньги представляют природные ресурсы… – заговорил Теркелл.

– Человеко-часы, – тихо вставил Мунн.

Андерхилл аж подпрыгнул:

– Ну конечно! Вот оно, то, что нам нужно! Человеко-час – величина постоянная. Количество продукции, которую работник способен произвести за час, – это тоже относительная константа: два доллара, дюжина дифалов и так далее. Это основа любой

экономики. И это уязвимое место, по которому мы можем нанести удар. Почитание предков, таркомары – все это надстройки. Они рухнут, когда мы изменим базис.

– Не понимаю, к чему ты клонишь, – сказал Теркелл.

– Мы сделаем человеко-час переменной величиной, – пояснил Андерхилл. – Когда это произойдет, может случиться все, что угодно.

– Пусть случится что-нибудь хорошее, – пожелал Бронсон, – и побыстрее. А то продуктов почти не осталось.

– Уймись, – велел Мунн. – Кажется, парень нащупал верный путь. Изменить константу человеко-часа? Гм… Но как? Путем специальных тренировок? Накачаем мускулатуру венерианским рабочим, чтобы удвоили производственную норму? Или займемся оптимизацией труда?

– Их труд и так достаточно хорошо организован, – ответил Андерхилл. – Вот если бы ускорить движения или снизить утомляемость…

– Бензедрин, – перебил Теркелл. – А к нему побольше кофеина, витаминный комплекс и рибофлавин. Это даст и скорость, и выносливость.

Мунн медленно кивнул:

– Но никаких уколов, только таблетки. Если получится хороший стимулятор, распространять его первое время придется со всей осторожностью.

– То есть мы добьемся, чтобы венерианин вкалывал энергичнее, – сказал Бронсон. – Можно поинтересоваться, на кой черт?

– Ну как же ты не понимаешь? – щелкнул пальцами Андерхилл. – Венерианская цивилизация ультраконсервативна, экономическая система намертво закоснела. К переменам общество не приспособлено. Тут такое начнется!

– Прежде всего понадобится реклама, чтобы заинтересовать население. Практическая демонстрация. – Мунн обвел сидящих за столом взглядом и остановил его на Майке Парящем Орле. – Краснокожий, выбор падает на тебя. Из нас ты самый выносливый, если верить результатам тестов.

– Ладно, – сказал навахо. – Что мне делать?

– Работать! – ответил Андерхилл. – Работать, пока с ног не свалишься.

Демонстрация началась рано утром на главной площади Вайринга. Выбором места занимался капитан. Он узнал о намерении городских властей построить на площади центр отдыха и развлечений и решил удостовериться, что своими

действиями экипаж «Доброжелательного» на сей раз не нарушит никаких запретов.

– До начала строительства еще не одна неделя, – ответила ему Джораст. – А почему вы спрашиваете?

– Хотим выкопать там яму, – сказал Мунн. – Это не запрещено?

– Конечно нет, – улыбнулась венерианка. – Пока не начал действовать договор с подрядчиком, площадь находится в общественной собственности. Но боюсь, вам не поможет демонстрация вашей мускулатуры.

– Вы о чем?

– Я же не дура. Вам нужна работа, и вы рекламируете свои возможности, чтобы ее получить. Но почему выбран такой нелепый способ? Любой может выкопать яму, для этого не нужна какая-то особая квалификация.

Мунн обрадованно крякнул. Вот и хорошо, что Джораст пришла к такому выводу.

– Реклама себя окупает, – ответил он. – На Земле, когда работает паровой экскаватор, вокруг собирается толпа любопытных. Экскаватора у нас нет, зато…

– Ладно, поступайте как знаете, лишь бы законы не нарушали. Но все же учтите: претендовать на трудоустройство могут только члены таркомара.

– Порой мне кажется, что без таркомаров ваша планета выглядела бы куда лучше, – дерзко произнес Мунн.

– Только между нами: я тоже нередко об этом думаю, – вздохнула Джораст. – Но я всего лишь администратор, реальной властью не обладаю и делаю, что велят. Будь моя воля, охотно ссудила бы вам денег…

– Что? – растерянно посмотрел на нее Мунн. – Так почему бы не…

Женское лицо стало строгим.

– Это запрещено. Не все традиции мудры, но не мне их менять.

От ее слов у Мунна немножко полегчало на душе: оказывается, венерианин – это не обязательно враг. Воду мутят таркомары, с фанатичным рвением оберегающие свое благополучие.

Он отправился на площадь, где уже собрались остальные. Бронсон установил грифельную доску и начертил на ней таблицу с венерианскими обозначениями, разложил кирку, лопату, доски и прикатил тачку. Все это предназначалось для навахо, который стоял на холодном ветру, обнаженный по пояс, – ни дать ни взять медная статуя атлета. Поблизости на канале остановилось

несколько лодок, их пассажиры решили понаблюдать.

Мунн глянул на часы:

– Ну что ж, приступим. Краснокожий, на старт. Стив, действуй.

Андерхилл, вооружившийся барабаном, принялся отбивать ритм.

Бронсон написал на доске: «4:03:00». Венерианское время по долготе Вайринга. Теркелл подошел к раскладному столику, заваленному медикаментами, вынул из пузырька собственноручно изготовленную пилюлю и дал ее Майку Парящему Орлу. Индеец проглотил стимулятор и взялся за кирку.

Человек роет яму – казалось бы, что тут такого? Чем этот процесс всегда привлекает зевак? До сих пор никто не дал ответа на этот вопрос. И без разницы, паровой экскаватор выгребает по полтонны земли зараз или потный жилистый навахо машет шанцевым инструментом.

На канале все прибавлялось лодок, индеец знай трудился. Прошел час, другой. В регулярных коротких перерывах землекоп крутил свои инструменты, эффектно играя всеми мышцами. Разрыхлив землю киркой, он перекидывал ее лопатой в тачку, катил ту по доскам и опрастывал над растущей кучей.

Три часа. Четыре. Майк наскоро перекусил. Бронсон исправно отмечал время на грифельной доске.

Теркелл дал индейцу вторую таблетку:

– Как самочувствие?

– В норме. Я крепкий.

– Знаю, но и стимулятор поможет.

Андерхилл сидел за пишущей машинкой. Он уже отпечатал громадную кипу листов, потому что работать начал одновременно с Майком Парящим Орлом. Бронсон обнаружил в себе давно забытый талант жонглера и наспех соорудил индейские палицы и цветные шары, которыми и развлекал теперь публику. Мунну досталась швейная машинка. Шитье – дело непростое, оно не слишком нравилось капитану, но надо – значит надо, и он работал с полной отдачей. Интенсивным физическим трудом занимались все земляне, кроме Теркелла, а тот раздавал таблетки и изображал из себя алхимика. Он забрал у Мунна и Андерхилла машинописные листы и тщательно сшитые лоскуты и разложил их по выстроенным вдоль канала коробкам, написав на каждой: «Возьмите на память». На лоскутах было вышито по-венериански: «Сувенир с Земли».

Толпа росла. Земляне трудились. Бронсон жонглировал, ненадолго останавливаясь передохнуть. Отложив палицы и шары, он взялся поэкспериментировать с монетой и картами. Майк

Парящий Орел усердно копал. Мунн шил. Тарахтела пишмашинка, и венериане читали текст, набранный порхающими пальцами Андерхилла. «Даром! Даром! Даром!» – кричали листовки. «Сувенирные наволочки с Земли!» – «Бесплатное представление!» – «Смотрите, как земляне четырьмя способами демонстрируют неутомимость, ловкость и точность движений. Сколько продержатся эти работники? Целую вечность – благодаря „силовым таблеткам“! Производительность небывалая, качество продукции потрясающее! Земной медицинский препарат поможет любому венерианину зарабатывать вдвое больше софалов!»

И дальше в том же духе. Старая добрая пропаганда.

Венериане не устояли. Разносился слух о чудодейственном средстве, увеличивалась толпа. Сколько еще времени земляне выдержат такой бешеный темп?

Они держались. Стимуляторы вместе с комплексом препаратов, вколотых еще перед началом демонстрации, неплохо делали свое дело. Навахо рыл, как бобер. По блестящему медному торсу ручьями тек пот. Майк Парящий Орел часто пил воду и глотал соляные таблетки.

Капитан все шил, не пропуская ни стежка. Он знал, что его изделия тщательно изучаются на предмет неаккуратной работы. Бронсон жонглировал и показывал фокусы, он тоже ни разу не оплошал. Андерхилл печатал больными пальцами.

Пять часов. Шесть. Даже с учетом перерывов – адский труд. От скудных пайков, принесенных с «Доброжелательного», остались крохи. Каждая калория была у Теркелла на счету.

Семь часов. Восемь. На канале образовалась длинная пробка. Явился полицейский и вступил в спор с врачом, а тот посоветовал обратиться за разъяснениями к Джораст. Женщина, должно быть, устроила полицейскому разнос – вернулся он уже в роли зрителя, а не борца с нарушениями закона.

Девять часов. Десять. Десять часов каторжного труда. Люди были измотаны, но не сдавались.

И они добились своей цели! Один за другим венериане подходили к Теркеллу и спрашивали, что собой представляют «силовые таблетки», действительно ли позволяют работать быстрее и как их можно приобрести. К врачу приблизился полицейский.

– Для вас предупреждение от медицинского таркомара, – сказал он. – Если попробуете торговать этим снадобьем, отправитесь в тюрьму.

– Какая торговля? – ухмыльнулся Теркелл. – Мы всего лишь раздаем бесплатные образцы. Держи, приятель. – Он достал из мешка и вручил ближайшему венерианину «силовую таблетку». –

Два дня полноценной работы вместо одного! Приходи завтра, получишь еще! Ты тоже хочешь попробовать, друг? Возьми. И ты? Получи!

– Эй, минуточку! – воскликнул полицейский.

– Сначала попробуй раздобыть ордер, – сказал ему Теркелл. – Нет у вас закона, запрещающего делать подарки.

Появилась Джораст, а с ней дородный, грозного вида венерианин. Женщина представила его как начальника всех вайрингских таркомаров.

– Я требую все это немедленно прекратить! – рявкнул начальник.

У Теркелла уже был готов ответ. Его товарищи продолжали работать, но при этом чутко следили за разговором.

– Позволь поинтересоваться, что именно мы нарушили.

– Э-э… гм… запрет на розничную торговлю…

– А я ничего не продаю. Эта площадь – место общего пользования, и мы решили устроить бесплатное представление.

– Но эти… э-э… «силовые таблетки»…

– Безвозмездно предоставляются всем желающим, – сказал Теркелл. – Ответь-ка мне, приятель. Когда мы раздавали земное продовольствие, кто-нибудь из вас, прохвостов, хоть слово против вякнул? Черта с два, брали со всем удовольствием. Потом мы попросили вернуть часть продуктов и что услышали? Нет юридического основания претендовать на подобный возврат. Собственность – это девять статей закона и все такое, и у нас есть полное право раздаривать свое имущество. Чем мы сейчас и занимаемся. Какие претензии?

У Джораст в глазах появился необычный блеск, и она кивнула:

– Очевидно, он прав. Эти земляне находятся под защитой закона. Их действия не причиняют существенного ущерба.

«Неужели догадывается, что на самом деле происходит? – подумал наблюдавший за ней Теркелл. – Может, она на нашей стороне?»

Начальник над всеми столичными таркомарами густо позеленел, круто повернулся и ушел. Джораст окинула землян напоследок загадочным взглядом и тоже удалилась.

– Я по-прежнему как деревянный, – пожаловался через неделю на борту «Доброжелательного» Майк Парящий Орел. – И есть хочется. Долго еще нам ждать харчей?

Теркелл передал через люк венерианину «силовую таблетку» и вернулся к товарищам, потирая руки и ухмыляясь:

– Спокойствие. И терпение. Эй, шкипер, в чем дело?

Мунн кивнул на Андерхилла:

– Спроси у мальчишки. Он несколько минут назад возвратился из Вайринга.

– Там такое творится! За одну неделю все перевернулось вверх дном. Мы попали в яблочко. Венериане, зарабатывающие сдельно, заинтересовались нашими таблетками: чем выше производительность труда, тем больше фалов в кармане. Все-таки инстинкт состязательности – явление универсальное.

– Продолжай, – попросил Бронсон. – Как это понравилось большим шишкам с ящеричьими рожами?

– Совсем не понравилось. Ведь наш удар пришелся по экономической системе, которая веками оставалась неизменной. Скажем, до сих пор венерианин мог заработать ровно десять софалов в неделю, отштамповав ровно пять тысяч бутылочных крышек. А таблетки Стива позволяют сделать восемь или десять тысяч крышек, ну и выручка будет соответствующей. Парень у соседнего станка видит это и спрашивает: «Какого черта?» – и идет к нам за «силовой таблеткой». Прелесть в том, что не всякая работа может оплачиваться по принципу «от достигнутого». Например, труд оператора погодной машины измеряется потраченным временем, а не количеством дождевых капель.

Мунн кивнул:

– Ты намекаешь на зависть?

– Вот именно, – ответил Андерхилл. – Прикинь, оператор погодной машины получает десять софалов в неделю, вровень со штамповщиком бутылочных крышек на сдельщине. А теперь штамповщик зарабатывает двадцать софалов. Наш погододел считает себя несправедливо обиженным. Он готов употреблять «силовые таблетки», но это никак не отразится на его производительности. Тогда оператор идет к начальству и требует прибавки к зарплате. Если получает ее, экономика расстраивается еще сильнее. Если не получает, то собирает вокруг себя недовольных коллег и организует движение против трудовой дискриминации. Встретив отпор таркомаров, они придут в бешенство. И будут бастовать!

– Таркомары запретили работать тем, кто употребляет «силовые таблетки», – сказал Майк Парящий Орел.

– И тем не менее венериане все идут и идут сюда за стимуляторами, – возразил Теркелл. – Демонстрация удалась на славу. Я делаю таблетки послабее, потому что осталось мало сырья, но теперь на руку нам играет сила самовнушения.

Андерхилл улыбнулся:

– Итак, здешний экономический базис – человеко-час – пошел вразнос. Мы удачно подкинули гайку в мотор. Уже по всей Венере

ползут слухи, и в других городах жители спрашивают, почему у половины столичных тружеников резко повысился заработок. Нам помогает равный стандарт обмена, единая для всей планеты денежная система. Веками здесь ничего не менялось, и теперь…

– И теперь, – подхватил Мунн, – эта глыба валится. У машины с отлично подогнанными, прочно соединенными частями обнаружился роковой изъян. Не было гвоздя – подкова пропала… Таркомары утратили хватку. Разучились чинить свою машину.

– То ли еще будет, – уверенно пообещал Андерхилл. – Стив, к тебе опять за таблеткой.

Он ошибся – пришли Джораст и глава вайрингских таркомаров.

– Будьте достойны имен ваших предков, – вежливо поздоровался Мунн. – Присаживайтесь. Если желаете выпить, у нас найдется пара бутылок пива.

Джораст села, а венерианин остался на ногах. Он раздраженно качался с пятки на носок и метал в землян недобрые взгляды.

– Мальси очень расстроен, – объяснила женщина. – Столько неприятностей из-за этих ваших «силовых таблеток».

– Ну какие тут могут быть неприятности? – изобразил удивление Мунн. – Таблетки всего лишь повышают производительность труда.

– Это трюк! Хитрость! – перекосился в гримасе Мальси. – Вы злоупотребляете нашим гостеприимством!

– О каком гостеприимстве идет речь? – ехидно осведомился Бронсон.

– Вы – угроза системе! – гнул свое Мальси. – На Венере не бывает перемен! Так должно быть и впредь!

– А почему? – спросил Андерхилл. – У этого застоя есть только одна причина, и вам она известна. Любой прогресс способен пошатнуть власть таркомаров. Сколько уже веков вы, надсмотрщики, держите в руке кнут? Загнали Венеру в болото, подавляете творчество, гасите инициативу – лишь бы самим оставаться наверху. Но это не может продолжаться бесконечно. Если бы мы не дали толчок переменам, они бы начались самопроизвольно. Рано или поздно рвануло бы обязательно.

Силясь испепелить капитана взглядом, Мальси процедил:

– Прекратите раздавать «силовые таблетки».

– Параграф кодекса? – тихо спросил Теркелл. – Судебный прецедент? Право дарения – одно из старейших на Венере. Можно изменить закон, Мальси, но я не думаю, что народ это одобрит.

– Вот именно, – ухмыльнулся Мунн. – Народ не одобрит произвол таркомаров. Венериане теперь знают, что могут

зарабатывать больше. Лишите их этой возможности, и прости-прощай репутация мудрых и честных правителей, заботящихся о благе общества.

Мальси потемнел от злости:

– У нас достаточно власти, чтобы…

– Джораст, вы же администратор, – перебил его Андерхилл. – Можете подтвердить, что мы находимся под защитой ваших законов?

– Подтверждаю, – сказала женщина. – Законы священны… возможно, по той единственной причине, что они всегда предназначались для защиты таркомаров.

Мальси качнулся в ее сторону:

– Это как понимать? Вы на стороне землян?

– Ну что вы, Мальси, конечно нет. Я просто слежу за соблюдением законов, согласно данной при вступлении в должность присяге. Без малейшей предвзятости.

– Раз уж вы так настаиваете, – заговорил Мунн, – мы можем прекратить изготовление «силовых таблеток». Но предупреждаю: это будет всего лишь отсрочкой. Вам не остановить прогресс.

Его слова нисколько не убедили Мальси.

– И прекратите?

– Разумеется. Если заплатите.

– Мы не можем вам заплатить, – упрямо возразил Мальси. – Вы не состоите в таркомаре. Предлагаете нарушить закон?

– Закон, – вполголоса подсказала Джораст, – позволяет вам сделать подарок… скажем, десять тысяч софалов.

– Десять тысяч?! – вскричал Мальси. – Просто смешно!

– А ведь и правда смешно, – кивнул Андерхилл. – Пятьдесят тысяч – вот это уже посерьезнее. Их нам хватит на год.

В люк заглянул венерианин и сообщил:

– Нынче я заработал вдвое больше дифалов, чем обычно! Не подарите ли еще «силовую таблетку»?

Увидев Мальси, он пискнул от ужаса и исчез.

Пожав плечами, Мунн сказал начальнику столичных таркомаров:

– Уговаривать не стану. Если не заплатите, мы так и будем раздавать таблетки – и посмотрим, как у вас получится удержать социальную экономику в узде.

Джораст дотронулась до руки Мальси:

– Другого выхода у нас нет.

– Что значит – нет?! – От бессильного гнева тот был почти черен. – Ладно, будь по-вашему, – процедил он сквозь зубы. – Но тебе, Джораст, я это припомню.

– Во-первых, Мальси, я всего лишь слежу за исполнением

законов, – напомнила женщина. – Во-вторых, таркомары гордятся своей непогрешимостью.

Дородный венерианин ничего на это не ответил, зато выписал кредитный чек на пятьдесят тысяч софалов, валидировал его, отдал Мунну и ушел, напоследок окинув землян злобным взглядом.

– Пятьдесят тысяч! – восхитился Бронсон. – Сегодня закатим пир!

– Будьте достойны имен ваших отцов, – тихо попрощалась Джораст. У выхода она обернулась. – Жаль, что Мальси принял это так близко к сердцу.

– Еще как жаль, – лицемерно поддакнул Мунн.

Джораст сощурилась:

– Да. Вы огорчили Мальси. А ведь он возглавляет таркомары…

– И что нам теперь делать? – спросил Андерхилл.

– Ничего. У него руки связаны законом. Однако приятно сознавать, что таркомары не такие уж и всемогущие. Думаю, слух об этом дойдет до каждого жителя Венеры.

Джораст многозначительно подмигнула Мунну и ушла, с виду невинная, как котенок, – и, как котенок, потенциально опасная.

– Стало быть, конец правлению таркомаров? – проговорил Мунн.

– Может быть, – ответил Бронсон. – Но лично мне на это наплевать. Я голоден как волк и мечтаю поскорее слопать гриб-бифштекс! Где тут можно обналичить чек на пятьдесят тысяч?

Пленник разума

Ему было так холодно и плохо – неясно, невыносимо, не по-человечески плохо. Слабость проникала в кровь и кости, отдавалась в голове и сердце. Очертания окружающих предметов расплывались, будто в тумане. Зато он видел нечто… совсем иное, и видел это с головокружительной ясностью, объяснения которой не было. Теперь он различал причины и следствия так же четко, как раньше видел траву и деревья. Но все это словно бы принадлежало иному миру, далекому, равнодушному.

Перед ним выплыли очертания двери. Без единой мысли, машинально он потянулся к звонку.

Звонок отозвался короткой трелью…

Растерянно почесывая затылок, Джон Фаулер таращился на выключатель. Некоторое время назад, непонятно почему, выключатель вдруг заискрился и перегорел. А десять минут назад Фаулер отключил главный рубильник, отвинтил стенную плиту и принялся ковыряться отверткой в затейливо проложенных проводах. Но тщетные попытки ремонта только укрепили его подозрения: выключатель сломался окончательно и бесповоротно. Выключатель, как и прочая техника в доме, был устроен так, чтобы в случае поломки менялся весь предмет целиком.

В тот день Фаулер вообще был склонен раздражаться по пустякам. Он ждал одну гостью и хотел, чтобы дом выглядел на все сто. Он уже столько времени охотился за Вероникой Вуд, но сегодняшняя встреча должна была сдвинуть дело с мертвой точки. Во всяком случае, Фаулер очень на это надеялся.

Он быстренько черкнул себе напоминание не забыть купить сменные тумблеры. И не успел звонок смолкнуть, как Фаулер был уже в прихожей. С улыбкой на губах, он распахнул входную дверь. Но на пороге оказалась вовсе не Вероника Вуд. Там стоял человек без лица.

Именно так подумалось Фаулеру, и во все последующие месяцы эта фраза еще не раз возникала у него в голове. Пока же он просто стоял и смотрел на пустоту. Незнакомец тоже глядел на него, но как-то странно, словно ничего перед собой не видел. Черты лица незваного гостя были настолько обычными, что могли бы служить универсальным слепком среднего человека, – в них не было ничего запоминающегося, ничего создающего индивидуальность.

«Даже если бы мы встречались раньше, – вдруг подумалось Фаулеру, – все равно я бы его не узнал».

Ведь нельзя узнать человека, которого на самом деле не

существует. А этого человека именно что не существовало. Все признаки характера, всякие черты личности были стерты неведомой силой. Абсолютная пустота снаружи…

И судя по всему, внутри тоже, ибо незнакомец вдруг покачнулся и без сил рухнул прямо на руки Фаулеру.

Машинально подхватив падающее тело, Фаулер ужаснулся его легкости.

– Эй!.. – окликнул было он, но, осознав неуместность подобных окликов, попытался задать какие-то вопросы.

Ответов, разумеется, не последовало. Незнакомец был в глубоком обмороке.

Фаулер скривился и, выглянув в дверь, оглядел улицу. Никого. Пришлось перетащить гостя через порог и положить на кушетку.

«Просто отлично, – пронеслось у Фаулера в голове. – Вероника появится с минуты на минуту, а тут вваливается это чудо бестелесное».

Бренди, влитый в рот незнакомца, оказал магическое воздействие. Щеки неведомого гостя, правда, так и не порозовели, но глаза его распахнулись и уставились на хозяина дома пустым, непонимающим взглядом.

– Вы в порядке? – поинтересовался Фаулер, едва сдержавшись, чтобы не добавить: «Вот и отлично. Тогда вали домой».

Ответом был очередной вопросительный взгляд. Фаулер поднялся, намереваясь вызвать врача, но вдруг вспомнил, что видеофон до сих пор не привезли. Вот оно, будущее: искусственный дефицит пришел на смену реальному. Сырья было навалом, и покупатели стали слишком избалованны. Поэтому их посадили на своего рода диету, чтобы пробудить аппетит и развязать кошельки. Видеофон появится, только когда компания решит, что Фаулер уже достаточно подождал.

К счастью, всегда имелся запасной вариант. Пока есть электричество, он может включить аварийный режим и получить все, что нужно, в том числе и комплект для оказания первой помощи. Домашние средства вроде пошли на пользу нежданному пациенту. Но потом бренди, должно быть, достиг какого-то нервного центра, который отвечал за желудок. Человека вырвало.

Некоторое время спустя Фаулер вывел гостя из ванной и положил на кровать в комнате со сломанным выключателем. Вскоре незнакомцу действительно полегчало. Он сел и с надеждой уставился на Фаулера. И все. На вопросы он просто не отвечал.

Прошло десять минут, а человек без лица продолжал сидеть,

глядя перед собой пустым взглядом.

Снова зазвенел звонок. Фаулер, убедившись, что умирать его гость не собирается, почувствовал облегчение. Но вместе с этим проснулось возмущение. Какого черта этот парень вломился в его жизнь именно сейчас? Да и вообще, откуда он взялся? До ближайшего шоссе топать целую милю по грязной дороге, а на туфлях незнакомца нет и следа пыли. К тому же это отсутствие внешности вызывало непонятную, неприятную тревогу. Именно отсутствие, а как еще назвать подобное? Деревенских дурачков частенько называли неполноценными, но тут ни о каком кретинизме не могло быть и речи. Незнакомец скорее походил…

На кого?

По спине Фаулера пробежали мерзкие мурашки. Но тут повторный дверной звонок напомнил ему о Веронике.

– Подожди. Все будет хорошо. Просто подожди тут. Я скоро буду.

В тусклых глазах мелькнул вопрос.

Фаулер обвел взглядом комнату:

– Если хочешь, на полках есть книги. Или можешь разобраться вот с этим. – Он ткнул пальцем в выключатель. – Если что понадобится, зови.

С этими словами Фаулер выскользнул из комнаты и затворил за собой дверь. В конце концов, разве он сторож брату своему? И не для того он столько дней приводил дом в порядок, чтобы сейчас все его планы полетели в тартарары из-за нежданного вторжения.

Вероника ждала на крыльце.

– Привет. – Фаулер постарался принять как можно более гостеприимный вид. – Не заблудилась? Заходи, заходи.

– Твой дом торчит, как порезанный палец, – сообщила она. – Здравствуй. Значит, это и есть жилище твоей мечты?

– Оно самое. А когда я научусь наконец анализировать свои желания и мечты, мой дом станет просто идеальным.

Фаулер помог ей снять плащ, и они прошли в гостиную. Комната по форме своей напоминала жирную запятую, а ее стены были сделаны из трехслойного герметичного стекла. Поцеловать гостью Фаулер так и не решился – Вероника казалась какой-то напряженной. А жаль. Но можно попробовать предложить ей выпить…

– Да, пожалуй, – кивнула она. – А потом ты покажешь мне свое жилье.

Фаулер вступил в отважный бой с многофункциональным баром. По идее, этот бар должен был сам разливать и смешивать коктейли (в него был встроен специальный вертящийся диск), но

изнутри донеслось только бряцание бьющегося стекла. Так что пришлось Фаулеру прибегнуть к более традиционному способу.

– Виски с содовой? Вообще-то, в теории механический дом идеален для жизни. Если б только его воплощение на практике было так же идеально… К сожалению, замысел не всегда соответствует реальности.

– А мне нравится эта комната, – призналась Вероника, развалившись в воздушном кресле. С бокалом в руке, она разом почувствовала себя увереннее. – Вся такая плавная, изогнутая… И окна очень миленькие.

– Все дело в мелочах. Стоит полететь одному предохранителю, и приходится менять целую систему… А окна – я их сам выбирал.

– Вот только пейзаж не удался.

– К сожалению, тут ничего не поделаешь. Куча правил и запретов в этом строительстве. Я хотел было построить дом на холме в пяти милях отсюда, но, как выяснилось, местные законы это запрещают. А ведь это не обычный дом. Он, конечно, не венец экстравагантности, но все-таки! Однако с таким же успехом я мог бы предложить построить вычурное строение в духе Фрэнка Ллойда Райта в каком-нибудь заскорузлом Вилльямсбурге. Хотя все в моем доме устроено очень удобно и функционально…

– Вот только виски не приготовишь.

– Мелочи жизни, – отмахнулся Фаулер. – Дом – весьма сложный механизм. Конечно, вначале приходится подчищать всякие мелкие неисправности. Я их потихоньку и подправляю. Я тут прямо на все руки мастер. Может, показать дом?

– Ну, давай, – вздохнула Вероника.

Фаулер, разумеется, надеялся услышать в ее голосе больше энтузиазма, но пришлось довольствоваться и этим. Он повел гостью по дому. Изнутри особняк выглядел намного просторнее, чем снаружи. Разумеется, ничего выдающегося, но – в теории – весьма функциональная система, совершенно не похожая на традиционные коттеджи с чердаками, подвальчиками, ванными и кухнями, в которых пользы не больше, чем в аппендиксе.

– Кстати, – комментировал Фаулер, – по статистике, большинство несчастных случаев происходит в ванных комнатах и на кухнях. Но мой дом устроен так, что вероятность подобного абсолютно исключена, и…

– А это что? – поинтересовалась Вероника, открывая дверь.

Фаулер скривился:

– Гостевая комната. Единственный промах. Наверно, будет просто кладовой. Тут нет ни одного окна.

– И свет не работает.

– Ах да, совсем забыл. Это я выключил рубильник. Сейчас все будет!

И он устремился к нише с пультом управления домом, дернул рубильник, после чего стрелой полетел обратно. Вероника тем временем разглядывала комнату, со вкусом убранную под спальню. Несмотря на отсутствие окон, комнатушка благодаря тонированным и умело спрятанным флуоресцентным светильникам казалась просторной и светлой.

– А я тебя звала. Разве ты не слышал?

Фаулер с улыбкой погладил стену:

– Хорошая звукоизоляция. По всему дому. Архитектор постарался на славу, вот только с этой комнатой…

– А что с ней не так?

– Да ничего, но представь себе: ты заходишь сюда, закрываешь дверь – и вдруг заклинивает замок. Терпеть не могу закрытые пространства.

– Со страхами следует бороться.

Эту фразу Вероника явно где-то вычитала. Усилием воли Фаулер подавил зарождающееся раздражение. Иногда эти ее вечные штампы так бесили… но Вероника была настолько красива, что он был готов мириться со всеми ее недостатками.

– Тут даже кондиционер имеется. – Он нажал на другой выключатель. – Правда, похоже на прохладный весенний ветерок? Кстати, о прохладе. И прохладительных напитках. Может, тебе налить еще капельку прохладного виски?

– Давай, – согласилась Вероника, и они вернулись в изогнутую гостиную.

Уже заметно стемнело. Девушка подошла к огромному, во всю стену, окну.

– Будет буря. По радио передавали, что ожидается сильная гроза. Я, пожалуй, поеду, Джонни.

– Так рано? Ты же только пришла.

– У меня назначена встреча. Да и вообще, завтра рано на работу.

Вероника работала моделью в агентстве «Кори» и пользовалась большим успехом. Фаулер отступил от непокорного автоматического бара и взял ее за руку:

– Я хочу, чтобы ты вышла за меня замуж.

Вдруг в комнате стало тихо. Только свинцовые сумерки распластались за окном и желтые холмы дрожали под порывами невидимого ветра. Вероника смотрела прямо ему в глаза.

– Я знаю, Джонни… То есть я чувствовала, что ты меня об этом попросишь.

– Ну и?

Девушка поежилась:

– Не сейчас.

– Но почему, Вероника? Мы знаем друг друга уже несколько лет…

– Просто… я не уверена, Джонни. Иногда мне кажется, что я люблю тебя. А иногда ты меня просто бесишь.

Он нахмурился:

– Не понимаю…

– Я не могу этого объяснить. Просто я… так тебя вижу. Ты либо очень милый, либо отвратительный. И сначала я хочу определиться. А сейчас мне пора – вон дождь уже начинается.

С этими словами она выбежала на улицу. Фаулер поморщился – во рту стоял какой-то кисловатый привкус. Он налил себе еще виски и побрел к чертежной доске, на которой лепилось друг к другу множество набросков. Бред! Он неплохо зарабатывал, делая рекламу на заказ, даже смог обзавестись таким необычным домом…

Взгляд его неожиданно упал на один из эскизов. Незначительная деталька, которая потом станет частью большой композиции. С бумаги на него смотрела горгулья, прорисованная очень тщательно, со скрупулезной точностью, от которой делалось немножко не по себе. Вероника…

Но тут Фаулера озарило: гость! О нем-то он совсем позабыл! Фаулер резко поставил бокал. Во время экскурсии по дому он не стал показывать Веронике комнату, где содержался незнакомец, а потому совершенно забыл о своем странном госте. Плохо, очень плохо. Можно ведь было попросить Веронику прислать доктора.

Вот только, как выяснилось, гость совершенно не нуждался в услугах врача. Он увлеченно ковырялся в выключателе, ничуть, похоже, не заботясь о том, что его может стукнуть током.

– Осторожнее! – окликнул его Фаулер. – Эти провода под напряжением!

Незнакомец лишь наградил его пустым, ничего не значащим взглядом и снова потянулся к проводам под выключателем. Свет погас.

И вспыхнул вновь, осветив новый пасс руками.

В центре щитка не было никакого выключателя. Фаулер непонимающе заморгал:

– Что?!

Неуловимый жест. Свет погас. Еще жест.

– Что ты с ним сделал?

Никакого ответа.

Фаулер мчался в машине через шторм, бормоча проклятия в

адрес всех радио- и электролюбителей. Рядом с ним с бессмысленной улыбкой сидел гость. Сейчас Фаулер хотел только одного – сбыть парня с рук. Ну, в этом поможет местный доктор. Или полицейский. Вернее, помог бы… Фаулер резко ударил по тормозам – дальнейший путь преграждали несколько камней, упавших на дорогу.

С трудом развернувшись и бормоча ругательства, Фаулер поехал домой.

Человек без лица тихонько сидел рядом.

Целых три дня они были отрезаны от мира. По счастью, в кладовке было достаточно снеди, а подземные линии электропередачи шторм не затронул. Водоочистной фильтр исправно превращал мутный ручей в кристально чистую воду, а радио работало в любую погоду, так что заказов у Фаулера было предостаточно. Но, несмотря на это, он практически не подходил к чертежной доске. Бóльшую часть времени Фаулер посвятил изучению удивительной, просто невероятной конструкции.

Выключатель, созданный гостем, был абсолютно уникальным. Фаулер понял это, когда разобрал устройство. Гость разбил герметичный пластиковый щиток и каким-то хитроумным образом переплел несколько проводов. Подобное соединение не имело никакого смысла, и фотоэлементами, которые могли бы все объяснить, тут даже не пахло. Но факт оставался фактом: свет включался взмахом руки перед панелью выключателя и выключался, стоило махнуть рукой вниз.

Фаулер начал экспериментировать со светом. Похоже, из выключателя исходил некий невидимый луч длиной дюймов четырнадцать. На чуть большем расстоянии даже самые энергичные пассы не давали никакого эффекта.

Порядком заинтригованный, он попросил гостя поменять еще один выключатель. Вскоре свет во всем доме включался и выключался новым способом, но это отнюдь не приблизило Фаулера к пониманию проблемы. Он мог скопировать общую схему, однако сам принцип действия оставался тайной за семью печатями. От этого становилось несколько не по себе.

Так как Фаулер оставался запертым в доме целых три дня, времени на раздумья у него было предостаточно. Накормив гостя (как оказалось, пользоваться ножом и вилкой тот не умел), Фаулер попытался вызвать его на разговор. Почти безуспешно.

Но однажды незнакомец вдруг произнес:

– Забыл… забыл…

– Зато ты не забыл, как чинить проводку, – логично указал Фаулер. – Откуда ты такой взялся?

Незнакомец повернулся к нему:

– Откуда? – Молчание, а затем: – Когда? Время…

А еще как-то раз он взял в руки газету и вопросительно ткнул на год выпуска.

– Ага. – По спине Фаулера побежали мурашки. – Ты знаешь, что это за год?

– Неправильно… Забыл…

Фаулер воззрился на незнакомца. Тут его осенило: можно ведь обыскать карманы гостя! Вот только карманы отсутствовали. Костюм был вполне обычным, разве что немного странноватого фасона, но карманов в нем не было.

– Как тебя зовут?

Молчание.

– Откуда ты? Из другого времени?

Молчание.

Фаулер подумал о роботах. Он представил бездушный мир будущего, населенный автоматическими людьми. Но нет, тут дело в другом. Незнакомец, сидящий перед ним, был до ужаса нормальным. Пустым, как будто опустошенным. Нормальным?

Что такое норма? Что это за несуществующий символ, который, воплотившись в жизнь, обретает поистине чудовищное обличье? Ведь чем ближе человек к норме, тем более он безлик. Точно так же, как прямая, сокращаясь, превращается в точку, у которой нет почти никаких особенностей. Одна точка ничем не отличается от другой. Как и люди, приведенные к общему знаменателю в каком-нибудь невероятном году.

Норма.

– Ладно, – решил Фаулер. – Пока ты не вспомнишь свое имя, я буду звать тебя Норманом. Только я не верю, что ты действительно, э-э-э… точка. Ты не тупица. Уж по крайней мере, в электронике ты мастер.

Скоро Фаулер открыл для себя и другие таланты Нормана. В один прекрасный день ему надоело смотреть на бесконечный серый дождь и унылый пейзаж за окном, но когда он попытался закрыть встроенные венецианские ставни, оказалось, что и они сломались.

– Попробовал бы архитектор пожить в одном из своих домов, – фыркнул Фаулер и, заметив Нормана, показал на окно.

Норман без всяких эмоций улыбнулся.

– Этот вид из окна. Мне уже надоело смотреть на дождь, а ставни не работают. Может, сумеешь их починить? А то за окном сплошная муть…

Некоторое время Фаулер терпеливо объяснял, чего хочет. Норман внимательно слушал его, но потом повернулся и удалился в комнату, номинально считающуюся кухней, хотя куда

лучше оборудованную. Фаулеру оставалось только пожать плечами и сесть за чертежную доску. Немного погодя он поднял голову и увидел, как Норман возит по окну несколькими тряпками. Похоже, он решил покрасить окно водой. Фаулер фыркнул:

– Да я же не просил тебя его мыть! Я говорил о ставнях!

Норман поставил почти пустой таз на стол и выжидательно улыбнулся. К Фаулеру вернулась некоторая уверенность в ситуации.

– Ага, путешествия во времени, как же… Сбежал небось из сумасшедшего дома. И чем быстрее я тебя туда верну, тем лучше. Пусть только дождь прекратится… Интересно, а ты сможешь настроить видеофон? Черт, совсем забыл. У нас его пока нет. Да и подозреваю, с ним ты не справишься. С выключателем тебе просто повезло.

Он всмотрелся в дождь и подумал о Веронике. И увидел ее перед собой, смуглую и стройную, со скромной полуулыбкой.

– Что?!

Голос Фаулера сорвался на хрип. Он сморгнул. Галлюцинации? Он снова глянул в окно – настоящая Вероника все еще стояла под домом. Норман улыбнулся, кивнул и ткнул пальцем в девушку.

– Ты тоже ее видишь? – недоуменно уточнил Фаулер. – Но этого не может быть. Она под окном… И она ведь промокнет! В конце концов, что…

В итоге промок только Фаулер, выскочивший без зонта под проливной дождь. Снаружи не было ни души. Заглянув в окно, он увидел знакомую комнату и бродящего по ней Нормана.

Вернувшись, он первым делом спросил:

– Это ты нарисовал Веронику на окне? Но ты же ее никогда не видел. К тому же она была совсем как живая. Да этого не может быть! Я просто потихоньку схожу с ума. Мне нужно спокойствие. Спокойно подумать в спокойной обстановке…

Он попытался взять себя в руки, и постепенно образ Вероники стерся. Теперь окно выходило на тихую, прохладную лесную поляну. Немного поразмыслив, Фаулер понял, в чем дело. В окне отражались его мысли.

Конечно, пришел он к этому выводу не сразу. Сначала он какое-то время экспериментировал с окном, пытаясь понять, что же происходит. На все вопросы Норман, как обычно, отмалчивался. Но в конце концов Фаулер догадался: когда он смотрит на окно и четко представляет себе что-то, на «защитном экране» появляется проекция его мысли.

Как будто бросаешь камешек в воду. Сначала идут круги, а

потом водная гладь затихает. Поляна жила: в деревьях пролетал легкий ветерок, покачивая ветви, и листва играла на солнце. В голубом небе плыли облака. Внезапно Фаулер вспомнил, где он все это видел, – много лет назад в Вермонте. Только разве в Вермонте растут секвойи?

Значит, это несколько воспоминаний, собранных воедино. И данная сцена изначально была такова в его мыслях. Представляя лес, он знал, что там будет ветерок, будут покачиваться ветки. Вот они и покачивались. Правда, все медленнее и медленнее – как будто внутри картинки заканчивался механизм завода.

Он снова напряг воображение. Пусть сейчас будет берег озера в Чикаго. По дороге заскользили машины. Он хотел было заставить их ехать задом наперед, но только заработал головную боль. Возможно, он и мог изменять нормальный ход событий, но мозг его наотрез отказывался воспринимать происходящее в обратном порядке. Фаулер вновь сконцентрировался и увидел, как на стекле возник берег моря. Хорошо, подумал он, посмотрим, через какое время картинка совсем исчезнет. Где-то через час движение прекратилось, но сама картинка держалась еще около часа.

И только тогда Фаулера озарило, какие возможности это открывает.

Сколько стихов написано об отвергнутой любви, обернувшейся ненавистью! Психология вполне способна объяснить этот феномен – все дело в механизме смещения. Энергия не пропадает бесследно: если блокируется один канал, открывается другой. Нет, не то чтобы Вероника отвергла Фаулера и, уж конечно, его чувства не подверглись описанной выше алхимической трансформации (ну, разве что кто-нибудь заглянет в глубины психологии и поймет, что любовь – это второе лицо ненависти, но на таком уровне анализа можно доказать вообще что угодно).

Назовем это переориентацией. Фаулер никогда не допускал мысли, что Вероника может отвергнуть его любовь. И теперь его самолюбие было уязвлено. Разумеется, ему нужно было найти себе извинение, вернуть уверенность в себе. Бедняга Норман оказался единственным доступным козлом отпущения. С той самой минуты, когда Фаулер задумался о коммерческих возможностях, связанных с чудесным окном, Норман был обречен.

Конечно, все случилось не сразу. И узнай Фаулер, к чему приведут его действия, он пришел бы в ужас. Он не был негодяем, поскольку чистых, абсолютных негодяев просто-напросто не существует. В природе и голове правит система равновесия,

подобная той, которая существует в политике. Но равновесие это серьезно пошатнулось, когда Фаулер запер Нормана в комнате без окон (от греха подальше) и помчался в Нью-Йорк на встречу с патентным поверенным. Вначале он был осторожен. К тому времени он уже выведал принцип телепатически управляемого окна, но запатентовал лишь выключатель, реагирующий на движение руки. Правда, впоследствии он весьма корил себя за собственное невежество и поспешность, так как тут же последовала череда хитроумных плагиатов. А Фаулер не настолько разбирался в технике, чтобы защитить «свое» изобретение.

И только чудом он не выдал секрет телепатической краски. Так или иначе, время шло, а пока Норман чинил и совершенствовал дом согласно требованиям хозяина. Некоторые из его изобретений ни на что не годились, но другие представляли собой необычайно ценные и удобные устройства – оригинальные решения, стоившие немалых денег на рынке. Логика Нормана была не похожа абсолютно ни на что. Перед ним ставили задачу – он ее решал, но никогда не выказывал ни малейшей инициативы. Похоже, его вполне устраивало сидеть дома. Хотя «устраивало» – это не совсем то слово. Разве медуза думает о том, устраивает ли ее бухточка, в которой она плавает? Если Норман и руководствовался какими-то стремлениями либо порывами, они были слишком слабы. Иногда Фаулер, изучая своего странного гостя, приходил к мысли, что Норман страдает особого рода психозом, иначе называемым кататоническим ступором. Воля его была полностью подавлена, хотя, может, ее никогда и не было.

Никто никогда не описывал чувства владельца курицы, несущей золотые яйца. Сначала этот человек ломает голову над загадкой, затем предпринимает некие шаги, о которых потом жалеет. У Фаулера был более аналитический склад ума – он догадывался, что Норман способен нести золотые яйца только в том шатком состоянии, в котором сейчас пребывает. Металл податлив, пока не применишь давление, после чего он сразу теряет гибкость. Вот Фаулер и боялся надавить слишком сильно. Но куда больше он боялся не заметить какое-либо особо ценное свойство своей волшебной курочки.

Поэтому он изучал Нормана – краешком глаза, боясь вспугнуть, как будто следил за собственной тенью. Казалось, у Нормана вообще не было высших рефлексов, он вел практически растительную жизнь. Разумеется, он осознавал себя как личность, но… откуда он взялся? Что это за место и время? Или Норман просто урод, псих, мутант? Лишь одно можно было сказать с

уверенностью: часть его мозга была парализована. Воля, стремления – все это куда-то подевалось. И все это поставлял ему Фаулер, давая те или иные указания. Когда же указаний не было, Норман просто сидел, время от времени слегка вздрагивая.

Это сбивало с толку. Это увлекало.

А кроме того, таило в себе опасность. Фаулер не собирался отпускать своего пленника, но иногда его одолевали муки совести: кто он такой, как не рабовладелец? Наверно, это противозаконно. Нормана следует поместить в больницу, под наблюдение врачей. Но, с другой стороны, он обладал такими талантами!..

Чтобы несколько успокоить совесть, Фаулер перестал запирать комнату без окон. Все равно в этом не было нужды. Норман словно находился под глубоким гипнозом, так что без соответствующего приказа он никуда не ушел бы. Фаулер, весьма посредственно разбиравшийся в законах, полагал, что это может стать его будущей лазейкой. Перед его глазами стояла картина, как он, сидя на скамье подсудимых, свидетельствует под присягой, что Норман никогда не был пленником и всегда имел возможность покинуть дом.

Лишь отчаянные муки голода могли заставить Нормана ослушаться хозяина и выйти из комнаты. Да и то, пробираясь на кухню, Норман съедал там первое, что попадалось под руку, после чего послушно возвращался обратно в свою камеру.

Время шло. Фаулер, сам того не осознавая, перестраивался на новую систему ценностей. Он постепенно отказывался от работы, а потом и вовсе перестал принимать заказы. Это случилось после неудачного эксперимента, когда Фаулер попытался получить на бумаге такие же телепатические картинки, как и на стекле. Вот если бы он мог просто придумывать рисунки, а потом они появлялись на бумаге…

Как раз это оказалось для Нормана непосильной задачей.

Фаулеру страшно хотелось поделиться своей потрясающей тайной с Вероникой. Иногда он ловил себя в самый последний момент – еще чуть-чуть, и все раскрылось бы. Однако всякий раз он успевал прикусить язык. Впрочем, теперь он не особо зазывал девушку к себе в гости – по дому туда-сюда слонялся Норман, постоянно что-нибудь подлаживая в той или другой комнате. Зато в голове Фаулера проносились яркие картины прекрасного будущего. Он видел Веронику в норковой шубке и жемчугах, а себя – во главе финансовых империй, построенных на необычных талантах Нормана и на его поистине необычайном послушании.

Вполне возможно, что послушание это объяснялось физической слабостью гостя. Казалось, вся его энергия, без

остатка, уходила на дыхание и еду. А после решения какой-либо задачи Норман был вообще ни на что не способен – день или два он буквально с ног валился и, лишь как следует отдохнув, мог взяться за выполнение очередного задания. Но Фаулер ни капельки не возражал. Наоборот, самым страшным стало бы выздоровление Нормана, его приход в норму…

Деньги исправно поступали – даже притом, что Фаулер был начисто лишен какой-либо деловой жилки. Хотя при таком количестве идей это уже не имело значения.

Теперь, когда в кармане начали шуршать купюры, Фаулер почувствовал себя несколько увереннее и начал осторожно выведывать, не пропадал ли кто за последнее время. Ему нужно было убедиться, что на пороге его дома не появится откуда ни возьмись возмущенная родня с требованием вернуть денежки взад. Первым делом он пытался вызнать что-либо у Нормана, но тщетно.

Норман просто не умел говорить. В его голове не существовало понятия связности, там не было места логике. Он мог произносить слова, но не сплетать их воедино. И похоже, это его очень беспокоило. Ему как будто нужно было что-то донести до Фаулера, нечто крайне важное, поэтому всякий раз, набираясь сил, он предпринимал очередную попытку – и всякий раз терпел неудачу.

Да и Фаулер не особо жаждал его слушать. Стоило Норману немножко выкарабкаться из пропасти изнеможения, как ему тут же поручали очередную работу. Порой Фаулер и сам недоумевал: казалось бы, ну что он так боится услышать? Однако потом понял…

Норман мог пытаться рассказать, как его можно вылечить.

А вскоре Фаулер сделал еще одно весьма неприятное открытие. Несмотря ни на что, Норман с каждым днем становился сильнее.

Как-то раз он возился с новым виброшлемофоном, позднее названным «Головотроном», когда вдруг отложил инструменты в сторону и воззрился на Фаулера весьма пронзительным и живым взглядом.

– Больно, – с трудом произнес он. – Я… знаю… работа!

Это прозвучало как вызов. Решительным движением Норман отодвинул инструменты еще дальше.

У Фаулера подступил комок к горлу, и он хмуро уставился на пустоту, что посмела выйти из повиновения.

– Хорошо, Норман, – сказал он примирительно. – Хорошо. Ты закончишь работу и отдохнешь. Но сначала нужно ее закончить. Ты должен закончить работу, Норман. Понимаешь? Ты должен

закончить…

Конечно, это была чистая случайность – ну или почти случайность, – что работа оказалась гораздо сложнее, чем представлял себе Фаулер. Норман, всегда беспрекословно подчинявшийся, если ему медленно повторить приказ несколько раз, проработал допоздна.

И к концу он был так измучен, что не мог ни говорить, ни двигаться три дня кряду.

Собственно говоря, как раз «Головотрон» стал поворотным моментом в карьере Фаулера. Сначала он этого не осознал, но позднее, оглядываясь на прошлые годы, понял: то была его первая серьезная ошибка. Первая, если не считать той, когда – еще в самом начале истории – он перетащил Нормана через порог своего дома.

Фаулеру пришлось отправиться в Вашингтон разбираться с очередным нарушением патента. Некая крупная фирма прослышала о «Головотроне» и решила (по крайней мере, так считал Фаулер) украсть новинку. Фаулер был абсолютным профаном в технике, однако в своей нынешней форме «Головотрон» не мог быть запатентован, вот конкуренты и пытались протолкнуть собственное похожее – или украденное – изобретение.

Надо было как-то выкручиваться, но он, Фаулер, в Вашингтоне, а Норман… И тогда Фаулер позвонил в агентство «Кори». Междугородние видеофоны на рынок еще не выбросили, так что видеть лица Вероники он не мог. Зато он вполне способен был представить себе его выражение.

– Но у меня же работа, Джон! Я не могу все бросить и мчаться к тебе домой.

– Пойми, Вероника, это дело на сто тысяч баксов. Я… просто мне больше некому довериться.

О главной причине своего доверия ей он, разумеется, промолчал. Умом Вероника вовсе не блистала.

В результате Вероника все-таки поддалась на уговоры. Ей всегда нравились тайны, а он тонко намекнул на внутрикорпоративный шпионаж и кровавые разборки на Капитолийском холме. Он объяснил ей, где лежит ключ, и она бросила трубку. От волнения Фаулер грыз ногти и едва удерживался, чтобы не пить больше одного бокала виски с содовой в полчаса. Казалось, прошли годы, прежде чем он услышал звонок.

– Да, Вероника?

– Так, я возле дома. Ключ был на месте. Что теперь?

У Фаулера было время разработать план. Он положил

карандаш и блокнот на специальную полочку перед собой и сдвинул брови. Возможно, это рискованно, но…

Но он собирался жениться на Веронике, так что риск не так уж и велик. А до правильных ответов она никогда не додумается.

И он рассказал ей о комнате без окон.

– Там мой слуга Норман. У него не все дома, зато он отлично разбирается в механике. А еще он глуховат, так что тебе придется повторять все раза по три.

– Может, мне лучше убраться отсюда? – хмыкнула Вероника. – А то ты сейчас скажешь, что у него мания убийства.

Фаулер нервно хохотнул и продолжил:

– На кухне ты найдешь коробку. Она лежит в красном буфете с синей ручкой. Коробка тяжеловата, но, думаю, ты справишься. Принеси ее Норману и скажи, чтобы он сделал «Головотрон» с новой схемой.

– Ты что, пьян?

Фаулер чуть было не укусил трубку, однако вовремя взял себя в руки. Внутри он весь кипел.

– Вероника, это не розыгрыш. Я же тебе сказал, это очень важно. Сто тысяч – это не шутка. У тебя есть карандаш? Записывай. – Он продиктовал ей технические указания, которые осторожно выпытал у специалистов. – Передай это Норману. Скажи, что материалы и инструмент в коробке.

– Ну, если ты меня разыгрываешь… – процедила Вероника. – Ладно, не вешай трубку.

Телефон замолчал. Фаулер тщетно пытался уловить хоть что-то из происходящего за много миль от него. Он слышал какие-то звуки, но они были совершенно бессмысленны. А потом до него донесся оживленный спор.

– Вероника! – закричал Фаулер.

Никакого ответа.

Голоса несколько стихли. А потом в трубке раздалось:

– Джонни, если ты еще раз такое выдашь…

– Что стряслось?

– Держать дома полного идиота… – Она тяжело дышала.

– Он… что он натворил? Что произошло?

– Да так, ничего особенного. Просто когда я открыла дверь, твой слуга как выскочит наружу и ну мотаться по дому, будто… будто летучая мышь! И он все время что-то бормочет. Джонни, он меня напугал! – заныла Вероника.

– А где он сейчас?

– В своей комнате. Я… я его боюсь. Но я старалась не показывать этого. Я подумала, если я его заманю обратно и запру дверь… Я пыталась заговорить с ним, но он как накинулся на

меня, и, по-моему, я заорала. Он все хотел что-то мне сказать…

– Что?

– Я-то откуда знаю? Он в своей комнате, но я не знаю, куда подевался ключ. Я здесь ни на минуту не останусь. Я… он приближается!

– Вероника! Прикажи ему вернуться к себе. Но говори громко и уверенно!

Она подчинилась. До Фаулера донесся ее голос. Она повторила приказ несколько раз.

– Он меня не слушается. И собирается выйти из дому.

– Останови его!

– И не подумаю! Я с ним уже достаточно наобщалась.

– Тогда дай мне с ним поговорить, – внезапно решил Фаулер. – Меня он послушается. Приставь трубку к его уху, чтобы он слышал мой голос. – И он закричал: – Норман! А ну, иди сюда! Слушай меня!

Прохожие с удивлением оборачивались на странного человека, орущего в телефонной будке, но Фаулеру было все равно.

В трубке послышалось знакомое бормотание.

– Норман, – уже тише, но так же твердо продолжал Фаулер, – делай то, что я тебе говорю. Не выходи из дому. Не выходи из дому. Ты меня слышал?

Невнятное бурчание, а затем:

– Не могу выйти… не могу.

– Не выходи из дому. Сделай новый «Головотрон». Сейчас. Возьми нужные инструменты и собери его в гостиной, на столике с телефоном. Сейчас.

Некоторое время стояла тишина, а потом до Фаулера снова донесся срывающийся голос Вероники:

– Он идет к себе в комнату. Джонни, я… ой, он возвращается! С этой твоей коробкой…

– Дай мне еще с ним поговорить, а пока выпей что-нибудь. Смешай себе парочку коктейлей.

Вероника была его единственной надеждой, а удержать ее в доме можно было, только залив ее страх виски.

– На, тебя спрашивают.

И трубка опять заворчала голосом Нормана.

Фаулер сверился со своими записями и принялся отдавать четкие, резкие, подробные приказы. Он в деталях описал Норману, что требуется, и повторил указания несколько раз подряд.

В конце концов Норман начал паять новую схему «Головотрона», а Вероника следила за ним, описывала

происходящее и делала необходимые Фаулеру замеры. К тому времени как она слегка опьянела, процесс уже более-менее наладился. Конечно, ее замерам могло недоставать точности, поэтому Фаулер требовал, чтобы она снова и снова проверяла и перепроверяла размеры каждой детали.

Несколько раз он разговаривал с Норманом, и с каждым разом голос пленника становился все слабее. Норман усердно трудился над «Головотроном», и опасная энергия покидала его вместе с жизненными силами.

Наконец Фаулер собрал всю необходимую информацию, после чего приказал совершенно измученному Норману возвращаться в свою комнату. Вероника сказала, что Норман послушно поплелся туда и упал там прямо на пол.

– С меня норковая шуба. Спасибо и пока.

– Но…

– Мне надо бежать. Все объясню при встрече.

Патент он буквально вырвал зубами, однако предстояла еще судебная тяжба с фирмой, пытавшейся украсть изобретение. Утешало одно: его курочка пока продолжала нести золотые яйца.

И в то же время рисковать было нельзя. Нужно было по горло загрузить Нормана работой. Как только к нему вернутся силы, снова последует всплеск активности. И очень скоро никакие замки не смогут удержать Нормана…

Да, Фаулер мог запереть двери, но, если Норман задастся целью, он с легкостью вырвется из своего плена. Как только ему в голову придет мысль «задача – сбежать», его ловкие пальцы мигом соорудят какой-нибудь проникатель сквозь стены или передатчик материи, и тогда все, конец.

Но у Нормана было одно полезное свойство. Если заставить его работать – на благо Фаулера, разумеется, – все его своеволие сойдет на нет.

Розоватое освещение высокой кабинки выгодно оттеняло лицо Вероники. Она передвинула бокал с мартини и произнесла:

– Но, Джон, я не хочу за тебя замуж.

В бокале, который вертели пальчики Вероники, играли отблески света. Как все-таки она была хороша – даже для известной модели известного агентства. И Фаулер так хотел удержать ее.

– Почему же?

Она смущенно пожала плечами. С того самого дня, как она встретилась с Норманом, Вероника вела себя слегка странно. Фаулер дарил ей дорогие подарки, задабривал разговорами, и иногда это действовало, но в общем и целом он чувствовал:

с каждым днем Вероника отдалялась от него. Да, умом девушка не блистала, но у нее неплохо была развита интуиция. Которая и удерживала ее от брака с Джоном Фаулером.

– Может, мы просто слишком похожи, Джонни? – задумчиво предположила она. – Даже не знаю. Я… кстати, как поживает твой полоумный слуга?

– Тебе он все не дает покоя? – В голосе Фаулера проскользнуло раздражение. Слишком уж она заботилась о Нормане. Похоже, не надо было пускать ее в дом, вот только выбора не было. – Давай забудем о Нормане. С ним все в порядке.

– Джонни, я честно думаю, что ему надо бы обследоваться. В тот день он выглядел каким-то совсем больным. Ты уверен…

– Конечно уверен! За кого ты меня принимаешь? И вообще, он и так находится под наблюдением врача. Норман просто слабоумный. Я тебе это двадцать раз повторял. Может, ты мне все-таки поверишь? Он… регулярно ходит к врачу. Просто он слегка разнервничался, увидев тебя. А сейчас с ним все хорошо. В общем, забудем о Нормане. Мы ведь говорили о свадьбе?

– Это ты говорил, не я. Нет, Джонни. Боюсь, ничего из этого не выйдет.

Глаза Вероники слегка блеснули, отражая мягкий свет, и по ее лицу пробежала тень сомнения – или подозрения? От женщин с таким складом ума, как у Вероники, никогда не знаешь, чего ожидать. Фаулер мог найти аргументы на любое ее возражение, но аргументы были для нее пустым звуком, ибо все ее убеждения представляли собой непоколебимый монолит.

– Ты выйдешь за меня замуж, – твердо заявил он.

– Нет. – Она бросила на него тревожный взгляд и глубоко вздохнула. – Пожалуй, Джонни, сейчас я могу тебе об этом сказать. Совсем недавно я решила выйти замуж за другого человека.

– За кого это? – Ему хотелось закричать, и только неимоверным усилием воли он сдержался.

– Ты его не знаешь. Это Рэй Барнаби. Я… окончательно это решила, Джон.

– Мне это имя ничего не говорит, – ровным голосом ответил Фаулер, – но я постараюсь узнать о нем как можно больше.

– Ну, Джон, не будем ссориться. Я…

– Вероника, ты выйдешь замуж за меня, и только за меня. – Даже сам Фаулер поразился жесткости своего голоса. – Поняла?

– Не будь идиотом, Джонни. Я тебе не принадлежу.

– Я не идиот! Я просто ставлю тебя в известность.

– Джон, я буду поступать так, как сама захочу. И не будем ссориться.

До сих пор, до этой вспышки ледяной ярости, Фаулер и не осознавал, что женитьба на Веронике превратилась для него в навязчивую идею. Он отвык от неповиновения – безграничная власть над Норманом позволила ему ощутить сладкий вкус тирании. И сейчас Фаулер долго рассматривал Веронику в розоватом освещении кабинки, пытаясь совладать с голосом и не сорваться на крик.

– Что ж, Вероника, если это твое последнее слово, я позабочусь о том, чтобы ты жалела о своем решении всю жизнь, – наконец процедил он.

Она отодвинула свой недопитый бокал почти с такой же яростью, какая кипела внутри его.

– Не выводи меня из себя, Джон, – гневно заявила Вероника. – У меня тоже есть характер. Меня всегда что-то в тебе отталкивало.

– Ты обо мне еще и не такое узнаешь, если не…

– Хватит, Джон, – отрезала она и поднялась со своего места, поправляя сумочку на плече.

Даже в мягком свете было видно, как заострилось ее лицо: гневные складочки пролегли вдоль носа и рта Вероники. И в этот миг Фаулер ощутил какое-то противоестественное торжество, ведь в своей ярости она была так безобразна. Но даже эта внезапная уродливость не поколебала его намерений.

– Ты выйдешь за меня замуж, – отрезал он. – Сядь. Ты выйдешь за меня, даже если мне придется… – Вдруг он запнулся.

– Придется что? – В ее голосе кипел гнев.

Он покачал головой. Его угроза должна остаться в тайне.

«Норман поможет мне, – думал он с холодным ликованием. – Норман найдет выход».

Он только ухмыльнулся вслед девушке, гордо вышедшей из бара.

Целую неделю Фаулер ничего о ней не слышал. Он навел справки об этом самом Барнаби и без особого удивления узнал, что Вероника собирается – если это вообще правда – выйти замуж за юного брокера среднего достатка и средних же способностей. Ничтожество! Фаулер был просто в бешенстве. Они одного поля ягода и, несомненно, заслуживают друг друга! Но он был все еще одержим Вероникой: она достанется только ему, и никому больше!

Однако ничто не могло изменить ее решения. Зато можно было заставить передумать Барнаби, нужно лишь время. А сейчас Норман трудился над хитроумным устройством, позволяющим воспроизводить любое освещение, – тот розоватый свет в баре так

шел облику Вероники!

Минула целая неделя, а от Вероники не было никаких вестей. Ничего, не страшно, Фаулер мог позволить себе чуточку подождать. У него были способы держать ее на крючке. А пока он лишь наблюдал и терпеливо ждал своего часа.

Кроме того, у него имелись и другие дела. Уже были готовы к подаче на патент два новых устройства – «Волшебный замок», кодируемый отпечатками пальцев, и «Шлем-парикмахер», способный исполнить любую стрижку и, вероятно, грозящий разорением всем цирюльникам планеты. Однако тяжба по поводу «Головотрона» грозила вылиться в дорогостоящую процедуру, да и Фаулер уже привык жить не по средствам. Далеко не по средствам. Это казалось таким глупым – тратить только то, что получаешь, когда не за горами поистине сказочные богатства.

Дважды он отрывал Нормана от создания иллюзорного светильника, поручая ему мелкие задания из других областей. К тому же Норман сам по себе был большой проблемой.

Работа изнуряла его. Должна была изнурять. Это было необходимостью. Неприятной, но необходимостью. Иногда Фаулеру даже становилось немного неловко от жуткой усталости, сквозившей во взгляде Нормана. Норману приходилось несладко. Но поскольку он не мог выразить свои страдания, Фаулер утешался тем, что говорил себе: мол, это все фантазии больной совести. Легче было отмахнуться от того, что не хотелось видеть, оправдывая себя тем, что «на самом деле все это во благо».

К концу второй недели Фаулер решил больше не дожидаться Вероники. Он купил кольцо с огромным бриллиантом, чья стоимость поразила даже его самого, и в придачу к нему небольшое обручальное колечко с кругом ограненных под изумруды бриллиантиков. И, положив в карман драгоценностей на десять тысяч долларов, он отправился в город, к Веронике домой.

Дверь ему открыл Барнаби.

Как будто со стороны, Фаулер услышал свой голос:

– Э-э-э… Мисс Вуд дома?

Барнаби ухмыльнулся и покачал головой. Фаулер заранее знал, что ему ответят. Можно было не обращать внимания на дурацкое шестое чувство, которое настойчиво шептало на ушко, но эта глупая, довольная ухмылка может свидетельствовать только об одном. Впрочем, он не дал Барнаби произнести ни слова. Оттолкнув пораженного жениха, Фаулер влетел в квартиру.

– Вероника! – закричал он. – Вероника, ты где?

Она появилась из кухни, в фартуке в складочку, на лице ее были написаны одновременно опаска и вызов.

– Кажется, тебя сюда не приглашали, Джон Фаулер, – решительно заявила она.

У него за спиной возник Барнаби и начал было что-то сердито говорить, но девушка, проскользнув мимо Фаулера, успокаивающе взяла Барнаби за руку.

– Мы поженились позавчера, Джон, – сказала она.

С удивлением Фаулер обнаружил, что кровавая пелена ярости – это вовсе не фигуральное выражение. На мгновение эта самая пелена скрыла и комнату, и молодоженов. Он едва мог дышать, настолько сильным было его бешенство.

Он достал из кармана белую бархатную коробочку, открыл и повел ею перед носом Вероники. Жидкое пламя задрожало на мириадах бриллиантовых граней, и на миг зависть проступила на лице Вероники, но потом оно стало твердым под стать алмазу.

– Думаю, тебе лучше уйти, Фаулер, – сказал Барнаби.

И в полной тишине Фаулер вышел.

Теперь в иллюзорном светильнике не было никакой нужды. Для мести понадобится нечто посерьезнее. Норман отложил в сторонку уже готовое устройство и занялся другой проблемой. Ничего страшного, когда-нибудь светильник пригодится. А сейчас в голове Фаулера уже рождались новые идеи.

Воплощение этих идей стоило недешево. Все прикинув и взвесив, Фаулер решил, что настало время выбросить на рынок чудо-окно.

До сих пор он хранил это изобретение про запас. Отчасти, наверное, потому, что опасался последствий. Будучи художником, Фаулер знал, что телепатический проектор может породить новый вид искусства. Здесь таилось столько возможностей…

Но затея с окном провалилась.

Не совсем, конечно. В окне было нечто чудесное, а люди всегда готовы покупать чудеса. Но как далеко это было от мгновенного, невероятного финансового успеха, в котором так уверен был Фаулер!.. Возможно, окно оказалось слишком чудесным. Изобретатели всегда кроются в тени, пока мир не будет готов принять их творение. Мельес[46] в Париже начал снимать звуковое кино уже в 1890 году, но тогда это казалось волшебством вдвойне, и изобретение никого не затронуло. Так и телепатический экран – он выглядел чересчур роскошно. К тому же волшебное окно оказалось не таким простым или безопасным, как Фаулер думал. Далеко не все люди обладали достаточно дисциплинированным умом, чтобы создавать по своей воле всяческие картинки. А в качестве общедоступного развлечения окно походило на семейный фильм – воспоминания и мечты

других людей невыносимо скучны, пока не увидишь в них себя.

Кроме того, данная диковинка слишком попахивала телепатией, чтобы ей доверяли. Фаулер достаточно давно жил один, а потому забыл о том, насколько опасно выдавать свои мысли другим. На своем окне он мог представлять все, что угодно. Но в обычной семье это невозможно. Попросту невозможно.

Разумеется, некоторые голливудские компании и несколько миллионеров взяли окна в аренду – продавать свое изобретение Фаулер наотрез отказался. Некая киностудия сделала снимки серии нафантазированных картин и вставила их как череду снов в историю современной Золушки, но спецэффекты достигли в те годы таких высот, что окно не стало никакой сенсацией. Даже студия Диснея могла состряпать куда более внушительные иллюзии. Оставалось лишь ждать, пока не появятся художники, проецирующие свои видения профессионально.

Еще одно окно взяла в аренду группа этнологов, которая пробовала запечатлеть на стекле воспоминания стариков, дабы воссоздать повседневную жизнь недавнего прошлого. Но картинки оказались слишком расплывчатыми и неточными, полными анахронизмов. Они требовали такой тщательной перепроверки, что теряли всякую ценность. Отсюда можно было сделать вывод: средний ум слишком недисциплинирован, чтобы выступать проектором. И волшебное окно на поверку оказалось хоть и дорогой, но всего лишь игрушкой.

Доходов оно не принесло. Правда, для Фаулера окно таило в себе еще одно свойство, куда более важное, чем деньги…

Одним из свадебных подарков Веронике и Барнаби стало именно телепатическое окно. Оно пришло по почте, анонимно. Вероника и Барнаби не могли не заподозрить подвоха. Впрочем, как бы то ни было, молодая пара решила оставить окно себе. Благодаря работе моделью Вероника вращалась в достаточно обеспеченных кругах, да и у Барнаби было несколько богатых друзей. Любой из них мог взять в аренду окно и прислать молодоженам в качестве подарка. Кроме всего прочего, обладание таким окном резко поднимало их вверх по социальной лестнице. Поэтому Вероника и Барнаби решили не заглядывать дареному коню в зубы. И окно осталось у них.

Они не знали, но могли подозревать… Над созданием данного конкретного окна Норман трудился в течение многих изнурительных часов, а Фаулер все это время стоял над ним, подгоняя его постоянными приказами.

Когда новинка провалилась на рынке, Фаулер не больно-то расстроился. Существуют и другие способы заработать денег.

Пока в его распоряжении Норман, он свободен от обычных законов спроса и предложения. Привычные рамки уже не ограничивали Фаулера… Да и как они могут удержать человека, в чьем распоряжении находится неограниченный запас денег и ресурсов? От провалов Фаулер никогда по-настоящему не страдал. Страдать приходилось Норману.

К вящему своему сожалению, Фаулер не мог наблюдать за тем эффектом, который оказывал его подарок. Для этого ему бы пришлось стать незаметной тенью в квартире молодоженов. Но, зная Веронику, он мог строить догадки.

Вся задумка строилась на банальном принципе: дай ребенку нож, и он обязательно порежется.

Сначала Фаулер собирался создать окно, которое бы передавало его идеи, замаскированные под мысли влюбленной парочки. Но тут же его осенило: образы, таящиеся в головах несчастных молодоженов, могут быть куда опаснее.

– Впрочем, они ведь и так разбегутся годика через два… – сказал он себе, прокручивая в уме возможности телеокна. Он не искал себе оправданий – он в них уже не нуждался. Теперь Фаулер просто перебирал возможности. – Оба глупы, оба эгоистичны. Из такого материала хорошей семьи не создашь. Это будет совсем просто…

У каждого человека в голове таится необузданный дьявол. Все, что проходит через фильтр бессознательной цензуры, мы держим под контролем. Но на нижних уровнях психики и речи нет о морали.

Норман создал телепатическое окно, на котором иногда всплывали образы, вытащенные прямиком из глубин подсознания.

Разумеется, данным окном можно было управлять – бóльшую часть времени оно ничем не отличалось от обычного телеокна. Но стоило Фаулеру пожелать, и стекло, переключившись в новый режим, становилось в двадцать раз чувствительнее.

Перед тем как задействовать его в первый раз, он позвонил по видеофону Веронике. Вечерело. Телеокно в изысканной рамке было установлено прямо напротив видеофона, чтобы любой позвонивший сразу мог убедиться в достатке семьи Барнаби.

К счастью, на звонок ответила Вероника, хотя за ее спиной был виден и Барнаби. Муж Вероники бросил было любопытный взгляд на видеофон, но, увидев на экране Фаулера, сразу изменился в лице. Да и взгляд Вероники из вежливого превратился в сердитый, когда она узнала звонившего.

– Ну?

Фаулер усмехнулся:

– Да так, просто хотел узнать, как у вас дела.

– Спасибо, отлично. Все?

Фаулер пожал плечами:

– Если хочешь, то все.

– До свидания, – отрезала Вероника и оборвала связь.

Экран погас, и Фаулер ухмыльнулся. Ему всего-то нужно было напомнить Веронике о себе. Затем он нажал кнопку, включающую чудесное окно, и стал ждать.

Он не знал, что будет дальше. Но что-то определенно должно случиться. Фаулер надеялся, что его звонок напомнит Веронике о роскошных бриллиантах, которые он принес в последний раз. Еще он надеялся, что на окне появится образ драгоценностей, четкий, как отражение в тихой воде, и мерцающий ярким светом. На первый раз этого хватит, чтобы расстроить Барнаби. А жаркая ссора настраивает на дурное даже самый благородный ум. Молодожены придут в ужас, увидев на окне насилие и сокровенные картины ненависти, кроющейся в подсознании. Может, в огромном стекле Вероника отразится задушенной. Может, Барнаби увидит на своем лице кровь, сочащуюся из глубоких царапин, которые нанесла его ненаглядная…

Фаулер удобно расположился в кресле, наслаждаясь мечтами.

На это может понадобиться время. Возможно, годы. Но Фаулер был готов ждать.

Это заняло куда больше времени, чем он предполагал. Медленно, очень медленно проникал яд в семью Барнаби. Но в то же время по жилам Фаулера также растекалась отрава. Яд просочился настолько глубоко, что Фаулер даже не чувствовал его. Он вплотную подошел к последней черте.

Фаулер так и не смог определить, в какой день и час он возненавидел Нормана лютой ненавистью.

Наверняка владелец курицы, несущей золотые яйца, живет в постоянном страхе. Каждый день он заглядывает в курятник, опасаясь обнаружить там обычное белое яйцо, годное лишь для омлетов или выведения цыплят. Однако от наваждения ему не уйти, ведь он не может покинуть дом, в страхе потерять свое сокровище…

Норман был пленником, но этот пленник сковал своего тюремщика. Они были скованы одной цепью. Если Фаулер уедет надолго, Норман выздоровеет. Эта неминуемая опасность отметала любые поездки. И слуг Фаулер не мог завести – он жил со своим узником один на один. Иногда он представлял Нормана змеей, чьи ядовитые зубы, как только они отрастут, надо немедленно вырывать, раз за разом. Но сами железы, содержащие яд, удалять нельзя, поскольку это может повлечь за собой смерть

золотой курицы. Подобное смешение образов недвусмысленно указывало на состояние ума Фаулера.

Он был таким же пленником в своем доме, как и Норман.

В последнее время Фаулер давал Норману поручения просто в целях безопасности, уже нисколько не думая о коммерческой ценности. А тот постепенно набирался сил. Норман все еще не мог связно излагать свои мысли, но говорил теперь гораздо чаще. И все яснее проглядывало его желание донести до Фаулера какую-то важную информацию.

Конечно, Фаулер догадывался, о чем так хочет поведать ему Норман. О том, как его можно излечить. И похоже, Норман наивно считал, что стоит ему облечь эту информацию в слова, как Фаулер немедленно окажет ему всю необходимую помощь.

Когда-то подобное наивное доверие могло тронуть Фаулера. Когда-то, но не сейчас. Он слишком долго и слишком безжалостно пользовался Норманом, и теперь ему оставалось только ненавидеть – либо Нормана, либо себя. По привычке он переносил свою вину на пленника и наказывал его за это. Таинственное происхождение Нормана, его таинственные возможности – эти загадки уже не беспокоили Фаулера. Наверное, затуманенный мозг пленника где-то замыкает, и отсюда рождаются гениальные идеи. Фаулер просто принимал это и использовал.

Вполне вероятно, существовали какие-то правила, определяющие, что может и что не может сделать Норман, но правила эти Фаулер так и не смог понять. А потом и вовсе махнул на них рукой. Норман создавал невероятно сложные механизмы, но пасовал перед простейшими задачами.

Также обнаружилось еще одно умение Нормана: он мог безошибочно находить потерявшиеся в доме вещи. Фаулер выяснил это совершенно случайно и весьма порадовался своему открытию: после таких поисков Норман буквально валился с ног. Когда не удавалось придумать ничего другого, а у Нормана оставалось слишком много сил и ясности рассудка, Фаулер просто говорил ему, что где-то потерял часы, книжку или отвертку, и отправлял Нормана на поиски.

Но потом случилось нечто весьма странное и страшное, после чего Фаулер перестал давать Норману подобные поручения. Как-то раз он приказал Норману найти папку с довольно важными бумагами. Норман прошел к себе и закрыл дверь. Долгое время его не было. Наконец Фаулер, потеряв терпение, крикнул Норману, чтобы тот выходил.

Ответа не последовало. После третьей попытки докричаться до пленника Фаулер открыл дверь и заглянул в комнату. Она

была пуста. В комнате не было окон, и выбраться из нее можно было только через дверь. Но Фаулер мог поклясться, что Норман не выходил.

В панике он перерыл всю комнату, тщетно окрикивая пленника. Он обыскал весь дом в спешке и нарастающем ужасе. Нормана не было ни на кухне, ни в гостиной, ни в подвале – нигде.

Фаулер был уже на грани нервного срыва, когда дверь в комнату Нормана распахнулась и оттуда, слегка пошатываясь, появился пропавший. Его лицо было бледным и бессмысленным от усталости, но в руках он держал папку.

После этого Норман проспал три дня кряду. И Фаулер больше никогда не пользовался поиском вещей для усмирения пленника.

Шесть месяцев прошли без каких-либо значительных событий, и Фаулер послал Нормана работать над дополнительным устройством для волшебного окна Барнаби. Подкупленная приходящая служанка снабжала Фаулера новостями, кроме того, он старался быть в курсе всех сплетен от их общих друзей. Было ясно, что семью Барнаби сотрясает больше свар и пререканий, чем обычную супружескую чету, но распадаться она пока не собиралась. Волшебного окна было недостаточно.

Норман придумал незаметное приспособление, испускающее ультразвуковые волны, которые вызывали раздражительность и нервное напряжение. Служанка тайком пронесла его в квартиру. Новости, которые стали поступать после этого, куда больше понравились Фаулеру.

В целом на всю затею ушло три года.

А решила исход дела та самая подсветка, которая пришла в голову Фаулеру после достопамятной встречи, когда Вероника впервые рассказала о Барнаби.

Норман работал над прибором довольно долго. Светильники были сделаны чрезвычайно тонко. Чтобы получить нужный оттенок, пришлось изучить цвет кожи Вероники, обои в квартире, расположение окон. У Нормана была масштабная модель комнат, в которых брак Барнаби катился к разводу. Очень долго он думал, под каким углом должен падать свет, чтобы получился наихудший эффект. И конечно, это все надо было делать очень осторожно, ведь нельзя было допустить, чтобы замену светильников в доме заметили.

Наконец с помощью горничной все было сделано как надо. И теперь Вероника, приходя домой, становилась уродиной.

В новом свете она выглядела осунувшейся и усталой. Он подчеркивал каждую ее морщинку и все несовершенства. Ее кожа

казалась землистой. Новый свет заставил Барнаби гадать, как он раньше мог считать эту женщину красивой.

– Это ты виноват! – заходилась в истерике Вероника. – Это ты во всем виноват и сам это прекрасно знаешь!

– При чем тут я? – надменно ответил Фаулер.

Он с трудом сдерживал улыбку, уголки рта так и норовили приподняться.

Экран видеофона разделял их, словно оконное стекло. Вероника склонилась к аппарату. От крика у нее на шее вздулись вены. Раньше он этого не замечал. Может, это появилось у нее от постоянных скандалов этих трех лет? Еще он впервые увидел тонкие вертикальные бороздки между ее бровями. После замужества Фаулер видел Веронику всего раза два. Когда ему хотелось повидать ее, он пользовался волшебным окном – так было гораздо приятнее и безопаснее.

Сейчас перед ним было почти незнакомое лицо, незнакомая женщина. У Фаулера мелькнула мысль, что во всем виновато обезображивающее освещение. Но потом он заметил людей за спиной Вероники и понял, что она звонит из аптеки. Перед ним была реальность, а не иллюзия. Перед ним была настоящая Вероника, такая, какой ее сделали они с Норманом.

– Ты сделал это! – обвиняла она. – Не знаю как, но ты сделал это…

Когда она позвонила, Фаулер как раз читал газету. Теперь он незаметно заглянул в раздел светской хроники и обнаружил, что накануне вечером известная модель агентства «Кори» и ее муж-брокер вдрызг разругались при большом скоплении народа.

– Так что же все-таки случилось? – мягко спросил Фаулер.

– Не твое дело! – рявкнула Вероника, продемонстрировав типичную женскую логику. – Не прикидывайся, будто не знаешь! Без тебя тут не обошлось, и тебе это отлично известно. Без тебя и твоего полоумного Нормана. Думаешь, я не догадалась? Все эти ваши глупые фокусы… Я знаю, вы что-то смастерили…

– Вероника, у тебя истерика.

Конечно, у нее была истерика. Истерика, приправленная всегдашней убежденностью в том, что никакие неприятности не могут произойти по ее вине. Совершенно случайно со своими истерическими обвинениями Вероника попала в точку, но это не имело значения.

– Он тебя бросил? Да?

В ее взгляде была ненависть. Тем не менее она кивнула:

– Это твоя вина, и ты мне поможешь. Мне нужны деньги. Мне…

– Хорошо, хорошо. Ты несешь бред, но я помогу. Ты сейчас

где? Я подъеду, мы выпьем и поговорим. Все не так страшно, как кажется, крошка. Он тебе не пара. Ни о чем не волнуйся. Я буду через полчаса, и мы продолжим разговор, начатый три года назад.

Отключив видеофон, Фаулер отстраненно подумал, что не во всем покривил душой. Как ни странно, он все еще хотел жениться на Веронике. Его отталкивали ее новое лицо с сердитыми морщинами и шея со вздувшимися венами, но отбросить навязчивую идею он не мог. Фаулер три года добивался этого и теперь хотел жениться на Веронике Барнаби не меньше, чем когда-то на Веронике Вуд. А потом… Впрочем, не стоит загадывать на будущее.

Однако кое-что его пугало. Вероника оказалась не так глупа, как он решил в тот день, когда был вынужден позвать ее помочь с Норманом. Она слишком много видела, слишком много поняла, слишком много запомнила. Это было опасно. Нужно было выяснить, что же она думает о нем и Нормане.

Надо заставить ее молчать, так или иначе.

Тут Норман до боли четко произнес:

– Должен сказать тебе… должен…

– Нет, Норман, – поспешно перебил Фаулер. – Надо работать. У нас нет времени на разговоры.

– Не могу работать. Нет, должен тебе сказать…

Норман умолк, поднял трясущуюся руку к глазам и скривился, глядя на собственную ладонь. На лице его отразились отчаянные усилия и мольба. Сила, таинственным образом возвращающаяся к нему временами, сейчас почти вернула Нормана в мир людей. Пустота его лица порой наполнялась почти узнаваемой индивидуальностью.

– Не сейчас, Норман! – Фаулер услышал тревогу в собственном голосе. – Ты мне нужен. Потом мы разберемся, что ты мне хочешь сказать. Но не сейчас. Я… послушай, мы должны исправить систему освещения для Вероники. Я хочу, чтобы свет ее красил. И мне это нужно быстро, Норман. Тебе придется заняться этим прямо сейчас.

Норман смерил его пустым взглядом, и Фаулеру это не понравилось. Он отвел глаза и стал смотреть на лоб Нормана, терпеливым голосом повторяя инструкции.

Там, за этим безликим фасадом чистого лба, должно быть, билось в застенках живое существо, тщетно пытаясь освободиться… Фаулер с отвращением отбросил эту дикую мысль, еще раз повторил приказ и поспешил из дому. Вероника ждет.

Но взгляд Нормана преследовал его весь день, пока Фаулер

был в городе. Темный, пустой, отчаянный взгляд… Взгляд узника, запертого в темнице под сводом черепа, в тошнотворно замкнутом пространстве. И сколько он ни кричит, никто его не услышит… Однако пленник становится слишком сильным. В конце концов, загрузить его работой будет только милосердием: от усталости он снова впадет в оцепенение и забудет о своей жалкой доле.

Вероники на условленном месте не было. Фаулер целый час просидел в баре. Потом позвонил ей домой, но никто не ответил. Он позвонил и себе, но там вроде тоже никого не было. Фаулера охватила тревога, объяснить которую он не мог. Волнуясь все больше, он отправился домой.

Вероника ждала его на пороге.

– Вероника! Я прождал битый час! Что такое?

Она улыбнулась. В ее улыбке читалось торжество, но ни одно слово не слетело с ее губ.

Фаулер ворвался в дом, оставив Веронику на крыльце. Его преследовало ощущение, будто случилось что-то страшное. Почти машинально он позвал Нормана. Похоже, подсознание, опередив разум, первым догадалось, где скрывается самая большая опасность. Возможно, Вероника и глупа, но он забыл, какими хитрыми бывают тупицы. Сложить два и два ей было по силам. И ей вполне хватало ума вычислить причины и действовать логично, когда от этого зависело ее благополучие.

Но сегодня она просто превзошла себя.

Норман лежал на кровати в комнате без окон, и на лице его не отражалось ровным счетом ничего. Какие-то умственные и волевые усилия истощили его так, что он потерял остатки разума. Что послужило тому причиной? Неужели Вероника поставила перед ним какую-то новую задачу – совершенно неразрешимую? Уж Фаулер-то здесь точно был ни при чем. Работа, над которой по его заданию Норман трудился час назад, никак не могла довести его до такого состояния.

Но стал бы Норман подчиняться кому-либо, кроме Фаулера? В прошлый раз он проигнорировал приказы Вероники. И не сбежал только потому, что Фаулер твердо велел ему вернуться… Хотя стоп! Она же его уговорила. Фаулер начал припоминать. Она не могла командовать, но могла уговорить безликого гостя послушаться ее. Это был действенный способ. И она об этом знала.

Что же за задание она дала Норману?

Фаулер бегом кинулся в гостиную. Вероника по-прежнему стояла в дверях. Она ждала.

– Что ты сделала?

Она улыбнулась и ничего не сказала.

– Что произошло?! – выкрикнул Фаулер. – Отвечай, Вероника! Что ты сделала?

– Я поговорила с Норманом. Я… попросила его сделать для меня кое-что. Вот и все. До свидания, Джон.

– Стой! Ты не можешь так просто уйти! Мне надо знать, что случилось. Я…

– Узнаешь. – Вероника снова растянула губы в тонкой улыбке и закрыла дверь.

Фаулер услышал, как ее каблучки пару раз стукнули по дорожке, и все. Вероника ушла, и он ничего не мог с этим поделать.

Он не знал, что она сделала. Фаулер был в ужасе. Она говорила с Норманом – а сегодня Норман был почти вменяем. Если она задала нужные вопросы, то могла узнать почти все. Все о магическом окне, об ультразвуке, об освещении… О самом Нормане. И даже… И даже о некоем оружии, которое Вероника сможет использовать против Фаулера. Норман его соорудит, если ему прикажут. Он всего лишь механизм. Он не может мыслить, только подчиняться.

Значит, у нее может быть оружие. Но какое? Фаулер никогда не знал, на что способен ум Вероники. И теперь он не мог себе представить, какой способ мести она предпочла бы, получив в свое распоряжение такую всемогущую силу, как изобретательский дар Нормана. Фаулера вообще никогда не интересовал ее ум. Он не догадывался, что за существо скрывается в ее черепной коробке, так же как и что за пленник живет в голове Нормана. Единственное, что он знал наверняка о создании, обитающем в Веронике, – что эта тварь способна гаденько ухмыляться. И эта мысль бесила Фаулера.

«Узнаешь», – сказала перед уходом Вероника. Но прошло несколько дней, прежде чем он понял, что она имела в виду. Впрочем, даже тогда он не был уверен, что во всем виновата она. Все эти неприятности могли быть и несчастливым совпадением. Найти Веронику в городе он не смог, сколько ни пытался. Однако ему все время чудилось, что она следит за ним, что, если очень быстро обернуться, он успеет увидеть ее.

«Вот так и работает колдовство вуду, – в ярости сказал он себе. – Человек, который знает об угрозе, может сам запугать себя до смерти…»

Нет, в его случае смерти можно было не бояться. Это уж точно не входило в планы Вероники: убить врага, тем самым дав ему уйти. Она знала, чем сразить Фаулера: выставить его на посмешище.

Возможно, все происходящее было всего лишь чередой совпадений. Однажды он споткнулся и шлепнулся, как клоун, до упаду рассмешив очередь за билетами на поезд. При одном воспоминании об этом у Фаулера начинали гореть уши. В другой раз, хлопоча о патенте, он три раза подряд по-дурацки оговорился, когда хотел произвести впечатление на одного конгрессмена и его надутую индюшку-жену. А на обеде у Билтморов он ронял все, к чему притрагивался, – тарелки, вилки, бокалы. В конце концов все в комнате уставились на Фаулера, а метрдотель явно вознамерился выставить его за дверь…

Это было похоже на бомбу замедленного действия. Фаулер никогда не знал, что, когда и где с ним произойдет в следующий раз. И убеждал себя, что чистый, тонкий издевательский смех Вероники, который он слышит каждый раз, когда собственное тело подводит его и выставляет дураком, – это лишь игра воображения.

Фаулер пытался выбить правду из Нормана.

– Что ты сделал? – кричал он в пустое, безмолвное лицо. – Что она велела тебе? Ты что-то намудрил с моими синапсами, да? Чтобы она могла перехватывать управление моим телом, когда ей вздумается? Что ты сделал, Норман?

Норман молчал.

На третий день Вероника позвонила. У Фаулера аж колени ослабли от облегчения, когда на экране видеофона проявились ее черты. Однако, не дав ему и рта раскрыть, она отчеканила:

– Так, Джон. У меня есть только минута на тебя. Я просто хотела сообщить, что со следующей недели я возьмусь за тебя всерьез. Все, Джон. Пока.

Больше лицо Вероники на видеофоне не появлялось, сколько бы Фаулер ни колотил по нему, как бы сильно ни нажимал кнопки, набирая ее номер. Вскоре он в полном изнеможении упал на стул и уставился в стену. Ему стало по-настоящему страшно…

Уже давненько Фаулер не знал горя, которому не мог бы помочь Норман. А сейчас Норман действительно не мог помочь. Он был не способен или не хотел создавать защиту от неизвестной угрозы. Также не способен он был и намекнуть Фаулеру, что же за оружие он, Норман, вложил в прелестные ручки Вероники.

Это мог быть всего лишь блеф, однако Фаулер не мог рисковать. Он сильно изменился за эти годы, гораздо сильнее, чем сам предполагал до сих пор. Когда-то его мозг был достаточно гибок, чтобы встречать угрозу без паники и находить способ защититься. Но не сейчас. Фаулер слишком долго зависел от Нормана, решающего за него все проблемы. Он оказался

беспомощным. Разве что…

Фаулер рассмотрел эту идею, однако тут же отбросил ее как несостоятельную. За последнюю неделю она часто приходила ему в голову, но осуществить ее было совершенно невозможно. Совершенно…

Он пошел в комнату без окон, где тихо сидел Норман, устремив взгляд в пустоту. Фаулер просунул голову в дверь и посмотрел на пленника. Там, в черепе этого человека, скрывался секрет более ценный, чем все его изобретения. Мозг, разум, исток. Загадочный каприз природы, заставивший курицу нести золотые яйца.

– Ты используешь какую-то часть мозга, не работающую у других, – задумчиво проговорил Фаулер.

Норман не шелохнулся.

– Возможно, ты выродок. Возможно, мутант. Но в твоей голове есть что-то вроде термостата. Включишь его, включается и твой мозг. Мы с тобой используем разные центры мозга. Ты как мотор на холостом ходу. Включается турбонаддув, и твой мозг начинает работать по непонятным мне законам логики. Я вижу результат, но не знаю, как ты его достиг. Если бы я знал…

Он замолчал, уставившись на макушку понурившегося Нормана так пристально, будто мог разглядеть, что у него там внутри.

– Если бы я только узнал твою тайну, Норман! Тебе она только во вред. А я, с твоим секретом и моим разумом, мог бы столько всего сделать…

Даже если Норман и слышал, он не подавал виду. Но Фаулера вдруг обуяла жажда деятельности.

– Я это сделаю! Надо попробовать. Все равно терять нечего! Я заперт в этом доме с тех самых пор, как это началось, а теперь и Норман помочь не может. По крайней мере, стоит попробовать.

Он стал трясти молчащего пленника за плечо:

– Норман, проснись. Проснись же! Норман, ты слышишь меня? Проснись, Норман, нас ждет работа.

Очень медленно, как будто из далекого путешествия, пленник вернулся в свою тюрьму, съежился в костяной клетке черепа и уставился на Фаулера бессмысленным взглядом из глубоких глазниц.

И тут Фаулер с ужасом понял, что до нынешней минуты он в упор не замечал самого очевидного решения. Норман мог это сделать. Фаулер почти не сомневался. Мог и даже должен был. К такой развязке они шли с той самой минуты, когда несколько лет назад Норман позвонил в дверь. Чтобы это понять, понадобилась Вероника и вся эта передряга. Но сейчас настало время для

последнего чуда.

Фаулер станет самодостаточен.

– Скоро ты славно отдохнешь, Норман, – мягко начал он. – Ты мне поможешь… научиться думать, как ты. Понимаешь, Норман? Ты знаешь, что заставляет твой мозг работать так, как он работает? Я хочу, чтобы ты меня научил, как это делается. А потом ты уйдешь на каникулы, Норман. Долгие, сказочные каникулы. Больше ты мне не будешь нужен, Норман.

Норман работал целые сутки без отдыха. Фаулер наблюдал за ним, сдерживая нарастающее волнение. Ему казалось, что его пленник не меньше его самого захвачен последним и, пожалуй, главным заданием. Он все время что-то бормотал над замысловатой проводкой для какого-то механизма. Эта штука чем-то напоминала незамкнутую многоугольную раму с подвижными сочленениями. Норман обращался с ней предельно осторожно. Время от времени он отрывался от своего занятия и, казалось, хотел что-то сказать, чему-то возразить. Но Фаулер безжалостно приказывал ему вернуться к работе.

В законченном виде конструкция смахивала на тюрбан, как раз впору какому-нибудь султану. На лбу даже сиял драгоценный камень размером с фонарь-налобник, причем он действительно испускал свет. К нему тянулись все провода, и камень, сидящий в сплетении проводов надо лбом, испускал мягкое голубоватое сияние. Что его питало – непонятно. Фаулер подумал, что камень похож на медленно моргающий глаз. Глаз глубокомысленно смотрел на него из рук Нормана.

В последний момент Норман едва не передумал. Его лицо посерело от усталости, но он склонился, не давая Фаулеру тюрбан. Почувствовав себя Карлом Великим, Фаулер нетерпеливо выхватил механизм и водрузил себе на голову. Норман с неохотой нагнулся, чтобы поправить.

Чудесная минута предвкушения…

Тюрбан оказался легким как перышко, но там, где он прикасался к коже головы, она чуть-чуть болела, как будто кто-то тянул за волосы. Боль все росла. Тут Фаулер осознал, что дело не только в волосах…

Не только в волосах, но и в мозге…

Не только…

Сквозь туман, расползшийся по комнате, проступило приближающееся встревоженное лицо Нормана. Он почувствовал, как кто-то поднял электрический венец. Ослепленный дикой болью, Фаулер смущенно смотрел на Нормана. Тот морщился:

– Нет. Нет… неправильно… ты… неправильно.

– Я не прав?

Фаулер качнул головой, и боль отступила. Осталось только сладостное предвкушение и нетерпеливое разочарование от отсрочки. В любой момент что-то могло помешать им: например, Вероника отколет какой-нибудь новый фокус, и все будет потеряно…

– Что неправильно? – Фаулер пытался обуздать свое нетерпение. – Я? В чем я не прав, Норман? Что-нибудь случилось?

– Нет. Неправильно… ты.

– Подожди-ка. – Фаулеру уже приходилось решать такие загадки. – Так, я не прав? В чем? – Он огляделся по сторонам. – Неправильная комната? – наугад выпалил он. – Неправильный стул? Неправильное подключение? Я должен чем-то помочь? – Последний вопрос вроде бы вызвал какой-то отклик. – Как помочь? С проводами? Я должен делать что-то, когда надену шлем?

– Думать! – выпалил Норман.

– Я должен думать?

– Нет, неправильно. Думать неправильно.

– Я неправильно думаю?

Норман в отчаянии отмахнулся и двинулся в комнату, захватив с собой тюрбан.

Фаулер потер лоб, где надавили провода, и задумался о случившемся. Думать неправильно. Чушь какая-то! Он посмотрел на свое отражение в экране видеофона, отлично замещающем зеркало, потрогал красный след от проводов и тихо сказал себе: «Мышление. Что-то зависит от мышления. Что же?» Очевидно, тюрбан изменял ход его мыслей, приоткрывал дверцу, за которой таились иные законы, управляющие разумом Нормана.

Фаулер подумал, что, возможно, это как-то связано с тем, что сначала шлем стал как будто тянуть волосы, потом череп, а потом и мысли – словно кто-то гладил против шерсти. Но разгадать эту загадку Фаулер не мог. Он так устал. Все эмоциональное напряжение последних дней, угроза, по-прежнему висящая над ним, трепет перед недалеким будущим… Нет, сейчас он не в силах ни в чем разобраться. Оставим это Норману. Норман и решит эту задачу – им обоим во благо.

Так и произошло. Через несколько минут Норман вышел из своей каморки с новым, более высоким и круглым тюрбаном, светящаяся точка на нем стала более насыщенно-синей. Твердой походкой он направился к Фаулеру.

– Ты… думаешь неправильно, – с поразительной четкостью произнес он. – Очень… очень стар. Не измениться. Думаешь неправильно!

Он тревожно посмотрел на Фаулера, и тот в ответ уставился

на Нормана, ища в его глубоко посаженных глазах ключ к смыслу, скрытому в запертых камерах черепа.

– Думаю неправильно, – откликнулся Фаулер. – Очень… стар? Не понимаю. Или понимаю? Ты хочешь сказать, что мой разум утратил гибкость? – Он вспомнил мучительный момент, когда все процессы в мозгу будто пытались повернуть вспять. – Но тогда же он вообще не будет работать!

– Ага, – уверенно заявил Норман.

– Но если я слишком стар…

К возрасту это не имело никакого отношения. Не так уж стар был Фаулер. Просто все его мысли остановились, когда появился Норман. Он глубоко увяз в потворстве своим прихотям, и сейчас его мозг отказался принимать ответ, предлагаемый тюрбаном.

– Я не могу измениться, – в отчаянии выкрикнул он Норману. – Если бы я додумался до этого, когда ты только пришел, до того, как закостенел мой мозг…

Норман протянул тюрбан светящейся точкой к себе, и синеватый блик затанцевал на его лице.

– Этот будет работать, – сообщил он уверенно.

С запоздалой осторожностью Фаулер отодвинулся:

– Подожди-ка. Мне надо сначала узнать побольше… Как он действует? Ты не можешь сделать меня моложе, а я не хочу, чтобы над моим мозгом ставили эксперименты. Я…

Норман не слушал. Быстрым, уверенным движением он натянул электронный венец на Фаулера.

И вновь ощущение, будто какая-то сила рвет волосы, разрывает кожу, череп и мозг… А потом на полу мгновенно сгустились тени, на секунду в восточных окнах блеснуло солнце – и мир погрузился во тьму. Тьма подмигнула, стала лиловой, багрово-красной, обернулась светом…

Фаулер не мог шевельнуться. Он отчаянно пытался сбросить тюрбан, но что бы ни приказывал мозг, это не вызывало ни малейшего отклика в скованном теле. Он все так же стоял перед зеркалом, и синий свет все так же многозначительно подмигивал ему. Но все двигалось так быстро, что он не успевал понять, свет это или тень, ни расплывчатых движений, отражающихся в зеркале, ни того, что с ним происходит.

Это было вчера, и неделю назад, и год назад – Фаулер точно не знал. «Ты не можешь меня сделать моложе». Он смутно помнил, как когда-то сказал эти слова Норману. Мысли лениво ворочались где-то в глубине разума, верхние слои которого что-то срезало один за другим, час за часом, день за днем. Норман *мог* сделать Фаулера моложе. Мог сделать и делал. Норман тянул его назад в то время, когда мозг Фаулера был достаточно гибким,

чтобы магический тюрбан открыл ему дорогу к гениальности.

Расплывшиеся пятна в зеркале – это люди, двигающиеся с нормальной скоростью, – он сам, Норман, Вероника – вперед во времени. А Фаулер возвращался в прошлое, никем не замеченный. Однако дважды он видел, как по комнате проходил Норман нормальным шагом. Похоже, что-то искал. На глазах у Фаулера Норман залез рукой за подушку на стуле и вытянул помятую папку для бумаг – ту самую, за которой Фаулер когда-то послал своего пленника и тот исчез из запертой комнаты.

Значит, Норман и раньше путешествовал во времени. То есть его способности еще более велики и невероятны, чем думал Фаулер раньше. И теперь он, Фаулер, станет таким же могущественным, когда в голове у него снова прояснится и прекратится это слепящее мерцание.

Ночь и день мелькали, словно взмахи черного крыла. В точности как описывал Уэллс. Взмахи, которые гипнотизировали. Взмахи, которые оставляли Фаулера ослепленным и оглушенным…

Норман, с папкой в руках, поднял голову, и на мгновение Фаулер встретился взглядом с его отражением в зеркале. Потом Норман отвернулся и ушел в другое время, к новой встрече, которая затем приведет к этой же, и так раз за разом по сужающейся спирали, суть которой не понять никому…

Это не имело значения. Важно было только одно. На мгновение ясность мысли почти вернулась к Фаулеру, и он уставился на свое отражение в зеркале. Его лицо было так похоже на лицо Нормана…

Ночь и день взмахами крыла проносились мимо, а Фаулер стоял в этом безвременье беспомощный, неподвижный. С ужасом глядя на свое отражение в серой дымке утекающего времени, он знал, кто такой Норман.

Но потом его одолел милосердный сон, и больше Фаулер ничего не знал.

В мозге есть центры, которые для человека, каков он сейчас, бесполезны. Только в далеком будущем мы возмужаем настолько, чтобы совладать с этим могуществом. Человек из нашего времени может разгадать, как включить эти центры. И если он достаточно глуп, он повернет ключ и откроет дверцу к ним.

Но затем он уже ничего не сможет сделать.

Ведь современный человек недостаточно силен, чтобы справиться с необъятной энергией, необходимой для включения этих центров. Перегруженные цепи головного мозга и психика не продержатся и секунды. А потом энергия захлестнет активированные центры мозга, которые не должны

использоваться еще лет тысячу, пока не появится новое человечество. И как только распахнутся врата мозга, эта энергия разрушит каналы, сожжет соединения, разорвет связи между нейронами.

Тюрбан на голове Фаулера накалился добела и исчез. То, что когда-то случилось с Норманом, происходило и с ним. Ослепительное открытие, осушение, истощение…

Он распознал лицо Нормана, отразившееся в зеркале рядом с его, – оба бледные от истощения, оба оглушенные и опустошенные. Фаулер знал, кто такой Норман, что им двигало, по какой жестокой иронии он имел полное право эксплуатировать Нормана. Но теперь было уже слишком поздно менять будущее и прошлое.

Время все медленнее взмахивало крылами. И минувшее возвращалось – круг вот-вот замкнется. Воспоминания мерцали в голове Фаулера все более размыто, как день и ночь, как туманный, бесформенный мир, который только и оставался для него.

Ему было так холодно и плохо – неясно, невыносимо, не по-человечески плохо. Слабость проникала в кровь и кости, отдавалась в голове и сердце. Очертания окружающих предметов расплывались, будто в тумане. Зато он видел нечто… совсем иное, и видел это с головокружительной ясностью, объяснения которой не было. Теперь он различал причины и следствия так же четко, как раньше видел траву и деревья. Но все это словно бы принадлежало иному миру, далекому, равнодушному.

Ему нужна помощь. Ему необходимо что-то вспомнить. Что-то очень важное. Он должен найти помощь, сконцентрироваться на том, что может его излечить. Излечиться можно, он знал это, чувствовал сердцем. Но ему нужна была помощь.

Перед ним выплыли очертания двери. Без единой мысли он полез в карман. Но у него не было кармана. На нем был новый костюм из блестящей ткани и без карманов. Нужно постучать, позвонить. Он вспомнил…

Лицо в зеркале. Его лицо? Но и тогда оно менялось – так облако, заслоняя солнце, отнимает жизнь, цвет и душу пейзажа. Как амнезия стерла его разум, так и физическая усталость сковала его тело – травматический шок от путешествия во времени, сквозь взмахи черных крыльев, стер черты его лица, оставив только матрицу, основу, лишенную всякой индивидуальности. Это было не его лицо. У него вообще не было лица, как не было и памяти. Он знал только, что за знакомой дверью, перед которой он стоит, ему помогут. Он должен спасти себя из замкнувшейся вечности.

На этом последние обрывки памяти и сил оставили его.

Снова звонок отозвался короткой трелью… Снова круг замкнулся.

Снова безликий человек ждал, когда Джон Фаулер откроет дверь.

Мокрая магия

Это случилось в Уэльсе. Где же еще обитать фее Моргане? Хотя Артур Вудли, конечно, оказался там вовсе не в поисках сказочной волшебницы. У него была совершенно другая цель. Спасти свою шкуру.

Скалистые вершины гор окутывал густой желтоватый туман, но две «штуки»[47], преследовавшие Вудли, упорно висели на хвосте его самолета-разведчика. Пытаясь от них оторваться, он уже перепробовал все известные ему маневры. От напряжения его красивое мужественное лицо прочертили морщины.

«Так нечестно, – думал он. – Этот драндулет не создан для воздушного боя. Как и его пилот, если уж на то пошло. Очень неспортивно со стороны немцев нападать на самолеты, сконструированные для перевозки пассажиров».

Ж-ж-ж!

Очередь трассирующих пуль прошла на волосок от шлема Вудли. Почему эти «штуки» не хотят оставить его в покое? Он на встречу не напрашивался. Если бы он знал, что в небе Уэльса рыщут вражеские самолеты, то полетел бы в противоположном направлении, причем очень быстро. Ж-ж-ж! – еще очередь. «Штуки» не отставали, хоть тресни. Вудли бросил самолет в опасное пике, надеясь скрыться в тумане.

Черт возьми, в Голливуде все было гораздо проще. Вудли невесело усмехнулся. Когда он участвовал в воздушных боях на съемках фильма «Боевые эскадрильи» компании «Парадокс», у него хотя бы был подходящий самолет. Например, «спитфайр» или Р-38. И он мог…

Тра-та-та!

Черт и еще раз черт! Так он долго не продержится. Пилоты «штук» легко разгадывали все трюки Вудли. Донг! Каждое попадание пули в бронеплиту пилотского кресла отзывалось гулким звоном, напоминая о том неприятном факте, что здесь не Голливуд и немцы стреляют отнюдь не холостыми.

Тра-та-та-донг!

Будь «юнкерс» один, Вудли еще мог бы с ним потягаться. Но немцев было двое, а это означало, что в честном бою у него практически не будет шансов. А вот густой туман обещал неплохое укрытие…

Двигатель закашлял и заглох, – вероятно, одна из пуль перебила топливопровод. При этой мысли Вудли испытал едва ли не облегчение. Заложив вираж, он направил самолет в особенно плотное облако тумана, но, обернувшись, увидел, что «штуки»

и не думают отставать. Интересно, до земли далеко?

В любом случае придется рискнуть. Выбросившись из кабины с парашютом, Вудли услышал свист пуль, но ни одна из них, к счастью, его не задела. У земли туман был еще плотнее, он надежно скрыл купол парашюта, и огонь прекратился.

Где-то вдалеке самолет врезался в скалы и взорвался. Шум двигателей стал стихать – нацисты с чувством выполненного долга повернули на восток. Болтаясь на шелковых стропах, Вудли вглядывался вниз в попытке рассмотреть, куда он падает.

Оказалось, падал он на дерево. Вудли наскочил на мощную ветку – сильный удар едва не вышиб из него дух, дерево затрещало, и пилот повис на стропах, медленно вращаясь вокруг своей оси. Безмолвие тумана вновь сомкнулось вокруг него. Не было слышно ни звука, кроме тихого журчания ручейка или речушки, невидимой за серой пеленой.

Вудли выпутался из строп, спустился на землю, сделал глоток бренди из фляги и только потом огляделся по сторонам.

Смотреть оказалось особенно не на что. Туман был таким густым, что сквозь него проступали лишь призрачные силуэты деревьев. «Значит, я в лесу», – понял Вудли. Почти под самыми его ногами склон круто уходил вниз, туда, где журчал невидимый поток.

После бренди Вудли захотелось пить. Он двинулся вниз по склону и вскоре едва не свалился в воду. Утолив жажду, он осмотрелся более внимательно. Было холодно, и он зябко поежился.

Поблизости рос гигантский дуб, корявый и древний, с толстым, как у калифорнийской секвойи, стволом. Между его обнаженными эрозией корнями Вудли увидел подходящую на вид нору, скорее даже пещеру, в которой можно было, по крайней мере, укрыться от пронизывающего ветра. Вудли осторожно подошел и убедился в том, что в логове никого нет. Хоть здесь повезло!

Встав на четвереньки, он стал заползать в пещерку задом. Но далеко заползти не удалось. Что-то сильно ударило его ниже поясницы, и Вудли, описав в воздухе дугу, приземлился головой в ручей. Крича и отплевываясь, он вскочил на ноги и быстро заморгал, пытаясь избавиться от попавшей в глаза ледяной воды. Медведь?.. Но никакого медведя не было. Вудли помнил, что внимательно осмотрел пещеру и убедился в том, что там никто не прячется, разве что маленькая мышка. А мышки редко пинаются так сильно… если вообще пинаются.

Любопытство заставило Вудли вновь подойти к норе, ставшей причиной его унизительного полета. Он осторожно заглянул в

пещерку. Пусто. Никого и ничего. «Наверное, это какой-нибудь пружинистый корень распрямился и ударил меня», – решил он. Вряд ли такое повторится. Да и ветер становится все холоднее…

На этот раз Вудли попытался заползти в пещеру головой вперед – и получил в лоб.

Первое, что пришло ему на ум, когда он выскочил из ледяного ручья, – это безумная мысль о невидимых кенгуру. Вудли долго стоял столбом и таращился в абсолютно пустую пещеру. Потом решил выпить еще немного бренди.

На помощь пришла логика. Только что он пережил весьма неприятное нервное потрясение. Неудивительно, что ему мерещится всякая чушь. Тем не менее третьей попытки укрыться в логове Вудли предпринимать не стал. Вместо этого он быстро зашагал вниз по ручью. Ручей должен привести его куда-нибудь.

После жесткой посадки все тело ныло, и вскоре Вудли присел передохнуть. Из-за серых клубов тумана у него слегка кружилась голова. Темные стволы деревьев тихонько раскачивались, словно жили собственной, почти одушевленной жизнью. Вудли лег на спину и закрыл глаза. Ему не нравился Уэльс. Ему совсем не нравилась передряга, в которую он попал. Ему…

Кто-то поцеловал его в губы.

Вудли машинально ответил на поцелуй, прежде чем понял, что происходит. Открыв глаза, он увидел поднимающуюся с колен прелестную девушку. Он не слышал, как она подошла.

– Эй… – неуверенно произнес он. – Привет!

Девушка была немыслимо хороша собой. Ее темные волосы на лбу были прихвачены золотой лентой, длинное платье доходило до лодыжек, но даже этот балахон не мог скрыть достоинств ее фигуры.

– Ты пахнешь, как Мерлин, – сказала она.

– Я… что?.. Правда? – пробормотал Вудли, заподозрив, что ему только что сказали что-то обидное.

Он встал и внимательно оглядел девушку. Да, странные костюмы носят в этой местности. А может… ура! Может, он совсем не в Англии?

Вудли спросил об этом девушку, но та покачала головой:

– Мы в Уэльсе. – Она удивленно нахмурила черные брови. – Кто ты? Ты мне кого-то напоминаешь…

– Артур Вудли. Пилот Союзных экспедиционных войск, летаю на самолетах. Ты, наверное, видела меня в кино, да?

– Мерлин тоже умел летать, – загадочно произнесла она.

Совершенно сбитый с толку, Вудли смутно припомнил, что мерлин – это какая-то птица, сокол, что ли[48]. Это все объясняло.

– Я не слышал, как ты подошла. Ты здесь живешь?

Девушка мелодично рассмеялась:

– О, обычно я невидима. Никто не может видеть меня или прикоснуться ко мне, если я сама того не пожелаю. А зовут меня Вивианой.

– Какое красивое имя, – по привычке брякнул Вудли. Он всегда говорил это девушкам. – Очень тебе идет.

– Много лет я не желала мужчину, – сказала Вивиана. – Не оттого ли меня потянуло к тебе, что ты напомнил мне Мерлина? Кажется, я люблю тебя, Артур.

Вудли проглотил комок в горле. Ничего себе нравы в этом Уэльсе! Однако лучше поосторожнее подбирать слова, чтобы ненароком не обидеть девушку, – в конце концов, он ведь не знает, где находится, а она может помочь ему выбраться отсюда.

Но ему не потребовалось ничего говорить, потому что Вивиана заговорила сама:

– Я живу рядом. В озере. Мой дом, как и я сама, принадлежит тебе. Если, конечно, ты пройдешь испытание. Но раз ты умеешь летать, никакое испытание Морганы тебе не страшно, верно?

– Конечно… – Вудли замялся и окинул взглядом окружавший их холодный туман. – Конечно, я хотел бы пойти с тобой, Вивиана, – торопливо продолжил он. – Полагаю… ты живешь с родителями?

– Они давно обратились в прах. Ты пойдешь со мной по доброй воле?

– С удовольствием.

– Скажи, что идешь по доброй воле, – настойчиво повторила Вивиана, и странный огонек мелькнул в глубине ее темных глаз.

Озадаченный Вудли подчинился, решив ей не перечить. Ведь ничего с ним не случится только оттого, что он произнесет эти слова. Девушка ангельски улыбнулась.

– Теперь ты мой, – заявила она. – Вернее, станешь моим, когда пройдешь испытание Морганы. Идем же. Здесь недалеко. Или, может быть, полетим?

– Почему бы и нет? – усмехнулся Вудли. – Полетели.

Вивиана так и сделала. Она раскинула руки, поднялась на цыпочки и взлетела, медленно покачиваясь на ветерке. Вудли тупо уставился туда, где она только что стояла.

Спохватившись, он торопливо огляделся по сторонам и лишь потом крайне неохотно посмотрел вверх.

Девушка летела, держась над ущельем. Оглянувшись через плечо, она звонким, как серебряный колокольчик, голосом окликнула:

– Сюда!

Вудли повернулся и зашагал прочь. Глаза у него слегка остекленели. На ходу он уныло размышлял о галлюцинациях.

– Любовь моя… – донесся голос сверху.

Свист за спиной живо напомнил Вудли о «штуках». Он крутанулся на месте, пытаясь увернуться, и рухнул головой в ручей. Ударившись виском о речной голыш, он с облегчением провалился в беспамятство.

Очнулся он, лежа на шелковых простынях. Лоб приятно холодил пузырь со льдом. Вудли решил, что он снова дома, в Беллэре. Пузырь со льдом очень облегчал его страдания, почти избавлял от тупой пульсирующей боли. Похмелье…

Тут Вудли вспомнил. Никакого похмелья не было. Он упал и ударился головой. Но что произошло перед этим? Вивиана… Ох! Он вспомнил ее слова, и ему стало дурно: сейчас они приобрели новый, шокирующий смысл.

Но так же не бывает!

Вудли быстро поднял веки. Он действительно лежал в постели. Вот только это была не его постель. А над ним склонилась… склонилось… нечто.

На первый взгляд это была девушка, великолепную фигуру которой не прикрывала никакая одежда. Однако тело девушки состояло словно бы из зеленого желе. Распущенные, похожие на тончайшие водоросли волосы облаком окружали ее голову. Испугавшись резкого движения Вудли, она отпрянула и отдернула руку, которая холодила его лоб вместо пузыря со льдом.

– Мой господин, – произнесла девушка и низко поклонилась.

– Сон, – пробормотал Вудли. – Не иначе. Скоро проснусь. Зеленое желе… цветное кино…

Прищурившись, он огляделся. Он лежал на простынях из тончайшего мягкого шелка и был укрыт такими же простынями. В комнате не было окон, ее озарял холодный, лишенный красок свет, льющийся непонятно откуда. Воздух был прозрачным, но казался каким-то густым. Резко сев на постели, Вудли смог заметить в нем маленькие завихрения. Простыня соскользнула с его голого торса.

– С-сон, – повторил Вудли, не веря своим глазам.

– Мой господин, – сказала зеленая девушка и снова поклонилась. Ее голос был мелодичным и журчащим. – Я – Нурмала, наяда, я буду прислуживать вам.

Вудли ущипнул себя. Больно. Наклонившись, он схватил Нурмалу за руку – и едва не закричал от ужаса: наяда была не просто похожа на желе, она состояла из желе! В его руке оказался

будто бы мешочек с холодной кашей. Холодной и омерзительной.

– Леди Вивиана велела мне заботиться о вас, – сказала Нурмала как ни в чем не бывало, видимо не почувствовав никакой боли.

Ее рука вновь приобрела нормальную форму. Вудли заметил, что очертания девушки едва заметно колышутся при каждом движении.

– До захода солнца вы должны пройти испытание, которому подвергнет вас фея Моргана. Для этого вам потребуются все ваши силы и храбрость.

– Что? – спросил Вудли, совершенно не понимая, о чем речь.

– Вы должны будете сразить то, что ждет в логове за Качающейся скалой, – объяснила Нурмала. – Моргана создала его нарочно ради вас сегодня утром и поместила в логово. Я сплавала туда и посмотрела… – Девушка вдруг оборвала себя, быстро окинула взглядом комнату и прошептала: – Но чем я могу вам служить, господин?

Вудли протер глаза:

– Я… я сплю? Мне нужна одежда. И вообще, где я?

Нурмала удалилась – она скорее скользила, чем шла, – и скоро возвратилась со свертком одежды. Развернув сверток, Вудли обнаружил парчовый синий с золотом камзол до колен, белые льняные панталоны, длинные бежевые чулки с кожаными подошвами и пояс с кинжалом в ножнах. На груди камзола была вышита эмблема в виде свернувшейся кольцами змеи с угрожающе поднятой головой, над которой сияла золотая звезда.

– Не изволите ли облачиться, мой господин? Вы не спите, вовсе нет.

Но Вудли уже и так понял это. Теперь он был уверен, что не спит, и ничуть не меньше уверен, что место, где он очутился, весьма… диковинное. Вывод мог быть только один.

Тем не менее в штанах он чувствовал бы себя гораздо лучше.

– Конечно облачусь, – сказал он и стал ждать.

Нурмала тоже ждала и, склонив голову набок, смотрела на него с нескрываемым интересом. Наконец Вудли сдался и с грехом пополам, извиваясь под простыней, умудрился втиснуться в панталоны. Нурмалу этот его маневр явно разочаровал, но она ничего не сказала.

Выходит, Вивиана имела в виду в точности то, что говорила! Ну и дела! И все же… Вудли, застегивая камзол, задумчиво прищурился. Лучше будет принять исходную посылку за данность, какой бы невероятной она ни казалась. Магия… Гм. В сказках и легендах люди обычно терпят поражение в схватках с эльфами, феями и прочим волшебным народцем. Нетрудно

догадаться почему. В Голливуде продюсерам ничего не стоит заморочить голову актеру. Актер чувствует – его заставляют почувствовать! – собственные ограничения. А сверхъестественные существа имеют привычку полагаться на свое фантастическое происхождение. Тонкий психологический расчет: заставь противника нервничать, и победа, считай, у тебя в кармане.

С другой стороны, если противник не поддается на блеф, твердо стоит на ногах, работает головой, все может закончиться совсем иначе. Во всяком случае, Вудли на это надеялся. Что там говорила Вивиана, а потом и эта наяда Нурмала об испытании? Что-то зловещее…

Вудли вытянул вперед руку. Никакой дрожи. Теперь, в одежде, он чувствовал себя более уверенно.

– Где зеркало? – спросил он.

Сосредоточенность на таких вполне обыденных вещах позволит его психическому состоянию…

– Наша королева не жалует их, – прожурчала наяда. – В озере нет ни одного зеркала. Но вы выглядите великолепно, мой господин.

– Озеро? Королева? Ты имеешь в виду Вивиану?

– О нет! – воскликнула Нурмала. Предположение Вудли, похоже, потрясло ее до глубины души. – Наша королева – фея Моргана. – Наяда коснулась вышивки на груди Вудли полупрозрачным пальцем. – Царица воздуха и тьмы. Она правит, а мы, конечно, служим ей… даже леди Вивиана, которая пользуется большим расположением ее величества.

Фея Моргана. Вудли начал кое-что припоминать. Перед его внутренним взором замелькали, как в калейдоскопе, образы: рыцари в доспехах, заточенные в башни страдающие девицы, Круглый стол, Ланселот, Артур и… Вивиана! Девушка, в которую влюбился колдун Мерлин!

А фея Моргана в романах артуровского цикла была злым гением, чародейкой, ненавидевшей своего царственного брата Артура так сильно, что…

– Послушай, – сказал Вудли. – Насколько…

– Я наречен Богартом!

Слова были совершенной бессмыслицей, но тот, кому они принадлежали, по крайней мере на вид казался человеком. Мужчина с ощетинившимися от ярости рыжими усами стоял у портьеры, все еще развевающейся от его стремительного вторжения в комнату. Поверх почти такого же, как у Вудли, камзола на нем был надет блестящий металлический панцирь, а в руках незваный гость держал обнаженный меч.

Нурмала с журчанием отступила:

– Милорд Богарт…

– Молчи, наяда, – громовым голосом изрек рыцарь, пытаясь испепелить Вудли взглядом. – А тебя я называю мошенником, лакеем, льстецом и предателем! Да, тебя!

Вудли беспомощно посмотрел на Нурмалу.

– Это сэр Богарт, – с несчастным видом произнесла та. – Леди Вивиана будет в ярости.

Но сейчас Вудли куда больше беспокоила ярость сэра Богарта и, конечно, его обоюдоострый меч. Если он…

– Защищайся! – взревел рыцарь.

– Но у него нет меча, – возразила дрожащим голосом Нурмала. – Это не по правилам…

Сэр Богарт пробурчал что-то в усы и отбросил меч в сторону. Из ножен на поясе он выхватил кинжал – копию кинжала Вудли.

– Теперь мы на равных, – заявил он с плотоядной усмешкой. – Итак?

– Скажите, что вы сдаетесь, – прошептала Нурмала, обращаясь к Вудли. – Быстрее!

– Сдаюсь, – послушно произнес Вудли.

Рыцарю это явно не понравилось.

– Плут! Сдаешься без боя. Ха! Ты рыцарь?

– Нет, – не задумываясь ляпнул Вудли.

Нурмала ахнула от ужаса:

– Мой господин! Вы не рыцарь? Но теперь сэр Богарт может зарезать вас, не уронив своего достоинства!

Богарт двинулся в наступление, на его иссеченном шрамами лице играла самодовольная усмешка, кинжал угрожающе сверкал.

– Она говорит правду. Сейчас я перережу тебе глотку.

Звучало не слишком обнадеживающе. Вудли торопливо обогнул кровать, чтобы она находилась между ним и рыцарем.

– Погодите минуту, – сказал он. – Я даже не знаю, кто вы такой. Почему мы должны драться?

Сэр Богарт и не думал останавливаться.

– Трусливый пес! Ты отнял у меня леди Вивиану, а теперь пытаешься меня задобрить? Ну уж нет!

Они кружили возле кровати. Наяда, испуганно вскрикнув, выбежала из комнаты. Лишившись последней моральной поддержки, Вудли почувствовал, что у него подгибаются колени.

– Я вовсе не отнимал у вас Вивиану, – выпалил он. – Мы с ней совсем недавно познакомились.

– Много веков я прожил здесь, в озере, – процедил сквозь зубы сэр Богарт, – с тех самых пор, как Артур пал на равнине Солсбери. Тогда леди Вивиана любила меня, но через сотню лет я

ей прискучил. Ее увлекла черная магия. Но я хранил ей верность, веруя, что со временем я вновь завоюю ее сердце. Я не сомневался в этом, ибо соперников у меня не было. А теперь ты соблазнил ее, трусливый пес! А-а-а!

Кинжал распорол рукав туники Вудли, но пилот ловко уклонился, схватил с низкого столика металлическую вазу и швырнул ее в голову Богарта. Ваза отскочила, не коснувшись рыцаря.

Без сомнения, снова магия.

– Может быть, я все-таки сплю, – простонал Вудли, отпрыгнув назад.

– Поначалу мне тоже так казалось, – хладнокровно произнес Богарт, вскакивая на кровать и размахивая кинжалом. – Но потом я понял, что это не сон. Ты будешь защищаться или нет?

Вудли обнажил свой кинжал. Увернувшись от прямого удара сэра Богарта, он рубанул рыцаря по руке, но с таким же успехом мог бы ударить по стеклу. Острие скользнуло, не нанеся противнику ни малейшего вреда, зато кинжал рыцаря в ответном выпаде едва не пронзил Вудли насквозь.

Как, черт возьми, можно сражаться с магией?

– Послушайте! – воззвал он. – Не нужна мне эта ваша Вивиана!

– Как ты смеешь оскорблять мою госпожу! – взревел рыцарь и бросился вперед с побагровевшим от ярости лицом. – Клянусь шипами на хвосте Сатаны, я…

– Сэр Богарт! – услышали они бархатистый, но не терпящий возражений голос Вивианы. Она стояла у портьеры, а из-за ее плеча выглядывала дрожащая Нурмала. – Остановись!

– О нет, – пропыхтел Богарт. – Этот плут не заслуживает даже того, чтобы его скормили черным тараканам. Не волнуйтесь за меня, я зарежу его без особого труда.

– А я клянусь, что зарежу *тебя,* если ты причинишь ему вред! И тебя не спасет даже твой волшебный доспех! – воскликнула Вивиана. – Оставь его в покое, я сказала! Иначе…

Сэр Богарт остановился и настороженно посмотрел на девушку. Потом бросил взгляд на съежившегося от страха Вудли и глухо зарычал.

– Мне позвать Моргану? – поинтересовалась Вивиана.

Лицо рыцаря стало серым, как выветренный камень. Он быстро повернулся к девушке, его взгляд не выражал ничего, кроме панического страха.

– Миледи…

– До сего дня я защищала тебя в память о былых временах. Знаешь, королеве часто нужен был партнер для игры в шахматы,

и она просила отдать ей тебя. Положа руку на сердце, мне будет жаль расстаться с тобой, Богарт, в озере и так мало людей. Но Моргана уже давно не играла в шахматы.

Рыцарь медленно убрал кинжал в ножны и облизнул вдруг пересохшие губы. Потом молча шагнул к портьере, отодвинул ее и ушел.

– Может быть, сказать Блэзу, чтобы сделал ему кровопускание? – предложила Нурмала. – Сэр Богарт в последнее время стал таким раздражительным…

Гнев Вивианы вмиг улетучился. Она насмешливо посмотрела на зеленую девушку:

– Чтобы ты могла попить крови, да? Ох уж эти наяды! Ради капли человеческой крови готовы отдать последнюю рубашку… если бы, конечно, вы носили рубашки. – И она распорядилась уже другим тоном: – А теперь ступай. Мое платье должно быть готово к вечеру, потому что после испытания мы ужинаем с Морганой.

Когда Нурмала ушла, Вивиана шагнула к Вудли и обвила его шею руками:

– Простите меня, монсеньор. Сэр Богарт не будет вам больше докучать. Он страшно ревнует, но я никогда не любила его. Когда-то давно, много веков назад, он скрашивал мои дни, не более. Я люблю только тебя, мой Артур. Тебя одного.

– Послушай, – начал Вудли, – я хотел бы кое-что уточнить. Например, где я нахожусь?

– Разве ты не знаешь? – Вивиана выглядела крайне удивленной. – Когда ты сказал, что умеешь летать, я подумала, что ты волшебник, а то и кто-то еще, куда могущественнее. А когда я перенесла тебя сюда, оказалось, что ты не умеешь дышать под водой, и мне пришлось попросить Моргану изменить тебя.

– Изменить меня? – Рука Вудли против воли коснулась горла.

Девушка тихо рассмеялась:

– Не бойся, жабры у тебя не появились. Магия Морганы действует более тонко. Ты был… преобразован так, чтобы мог жить под водой. Вода стала для тебя такой же средой обитания, какой раньше был воздух. Подобным заклинанием Моргана погрузила этот замок в озеро, когда Камелот пал и долгая ночь опустилась на Британию. Это очень старое заклинание, однажды она наложила его на землю Лионесс, да так и оставила.

– А я думал, все это просто сказки, – пробормотал Вудли.

– Как мало вы, смертные, знаете! Тем не менее это правда, хотя разобраться, как такое может быть, достаточно нелегко. Моргана объясняла мне, но я не поняла. Ладно, сегодня ты сам сможешь спросить ее за ужином после испытания.

– Ах да, испытание. Мне не слишком нравится эта затея. Кстати, в чем оно заключается?

Вивиана снова удивленно посмотрела на него:

– Это древний рыцарский обычай. Прежде чем здесь поселиться, человек должен доказать свое право на это, совершив доблестный поступок. Сэру Богарту, например, выпало сразить червя, ну то есть дракона. Ему в этом помог волшебный панцирь. Сэр Богарт почти неуязвим, когда на нем эта штука.

– А что должен сделать я?

– У каждого рыцаря свое испытание. Моргана при помощи колдовства создает какое-нибудь существо и прячет его за Качающейся скалой. До заката ты должен будешь отправиться туда и убить это существо, кем бы или чем бы оно ни оказалось. К сожалению, мне неизвестно, что Моргана приготовила на сей раз, да она и не позволила бы мне рассказать это тебе, даже если бы я знала.

Вудли прищурился:

– А предположим, я откажусь сражаться…

– Ты должен, иначе Моргана убьет тебя. Но ты же не боишься, мой господин?

– Конечно нет, – торопливо успокоил он Вивиану. – Прошу, расскажи мне еще что-нибудь. Мы действительно живем под водой?

Вивиана вздохнула, усадила Вудли на кровать и удобно расположилась у него на коленях.

– Поцелуй меня, – сказал она. – Вот так! Хорошо. Когда Грааль был потерян, а Круглый стол разрушен, магия покинула Британию. В ней не осталось места для волшебного народца. Одни умерли, другие сбежали, а кто-то попрятался в разных укромных местах. Под холмами Британии скрывается много тайн, мой Артур. Моргана благодаря своим способностям стала невидимой и неосязаемой, она погрузила свой замок сюда, на дно озера, среди диких гор Уэльса. Ее слуги, конечно, не были людьми. Однажды я оказала Моргане услугу, и она отблагодарила меня. Увидев, что страной начинает править жестокость, я попросила ее унести меня туда, где нам ничто не будет угрожать. Я взяла с собой Богарта, а Моргана – друида Блэза, престарелого учителя Мерлина. С тех пор ничего не изменилось. Люди не видят и не слышат нас, не чувствуют наших прикосновений. А теперь, когда ты заколдован, это относится и к тебе тоже.

– Мерлин? – Вудли стал вспоминать легенду. – Разве ты не заточила его в дубе? – Он осекся, сообразив, что допустил faux pas[49].

Он никак не мог привыкнуть к тому, что сказка оказалась былью!

Безмятежное выражение исчезло с лица Вивианы.

– Я любила его, – сказала она, поджав губы. – Не хочу говорить об этом.

Вудли попытался все обдумать. Итак, похоже, он действительно дышит водой, не испытывая при этом никаких затруднений. Атмосфера вокруг обладала сверхъестественной… густотой и казалась какой-то стеклянистой. Более того, углы преломления были непривычными. Судя по всему, рассказ Вивианы – правда.

– Выходит, я угодил в сказку…

Она улыбнулась:

– Все это было на самом деле в некотором роде. И все сохранилось в моей памяти. Какие скандалы разыгрывались в Камелоте! Помню, как-то раз Ланселот спас девицу по имени Элейна. По ее собственным словам, Элейна долгие годы провела в заточении в башне, да еще и в ванне с кипящей водой. Лишь потом я узнала правду. Об этом судачил весь двор. Муж Элейны был старый – ну очень старый! – рыцарь, и эта дама, прознав, что Ланселот в городе, решила завлечь его. Для этого она послала к Ланселоту своего пажа, и паж наплел ему с три короба о проклятии и что ее муж – не муж вовсе, а злобный колдун. А сама Элейна тем временем заперлась и приготовила кипящую ванну. Когда Ланселот вышиб дверь и ворвался в башню, она прыгнула в ванну – в голом виде, естественно, – и принялась визжать, аки Зверь Рыкающий. Конечно, ей пришлось вытерпеть ужасную боль, но на что только не пойдешь ради осуществления своей затеи! Стоило мужу прибежать на крики, Элейна указала на него пальцем и завопила: «Колдун!» Ланселот, конечно, обнажил меч и сделал Элейну вдовой. Правда, добиться своего ей так и не удалось – Ланселота ждала в Камелоте Гвиневера. Лично я Гвиневеру не осуждаю. Как бесчестно Артур поступил с Моргаузой! Конечно, тогда он еще не был женат, но…

Вот ты говоришь, легенды, – продолжала щебетать Вивиана. – Знаю я эти легенды! Полагаю, сейчас ими приукрашивают правду. Я могла бы тебе такое порассказать… Бьюсь об заклад, вы даже из этого старого распутника Лота наверняка сделали героя. А ведь он заслуживал того, что получил. Еще как заслуживал! Я всегда знала, что его дурная кровь проявит себя. А этот король Ангвисанс, у которого был охотничий домик в лесу, где он охотился на единорогов? Ага, на единорогов, как бы не так! Я знаю, что приманить единорога можно только девственницей, но должна сказать тебе, что король Ирландии Ангвисанс не

слишком-то много рогов привозил домой! А его дочь Изольда? Вся в папашу! Спуталась с менестрелем Тристаном! Все знают, что за люди эти менестрели. На самом деле мужем Изольды был никакой не Галахад. И не Марк! Кстати, позволь рассказать тебе о Галахаде. Погибельным в его судьбе было не только злополучное сиденье. Говорят, одним жарким летом в Бедгрейнском лесу…

Ее рассказ прервал журчащий голос Нурмалы. Наяда стояла у завешенной портьерой двери.

– Госпожа, я сделала с платьем все, что могла, но теперь его нужно примерить.

– Увы, – сказала Вивиана, вставая с колен Вудли. – Я потом расскажу тебе о короле Утере и этой вдове. Десять детей, ничего себе! Послушай, к Качающейся скале тебе идти только после обеда, почему бы тебе пока не осмотреть замок?

– Подожди! – с тревогой окликнул ее Вудли. – Вивиана, это испытание…

– Все просто. Берешь меч, идешь к Качающейся скале – кто-нибудь проводит тебя – и убиваешь тварь, которую спрятала там Моргана. Потом возвращаешься на ужин.

– Только и всего? – с легкой иронией спросил Вудли. – А откуда мне знать, может, эту тварь нельзя убить мечом? А если она окажется драконом?

Нурмала едва слышно хихикнула. Вудли взглянул на наяду, припоминая, о чем она вскользь упомянула чуть раньше. Кажется, она говорила, что сплавала куда-то и увидела…

Тварь за Качающейся скалой? Вудли посмотрел на служанку с интересом. Эта наяда могла ему пригодиться!

Не сейчас, конечно. Времени у него достаточно. Будет полезно познакомиться поближе с водной жизнью замка…

– Позвать Блэза, чтобы он показал тебе замок? – спросила Вивиана.

Блэза? Колдуна-друида? Неплохая мысль. Может, удастся вытянуть из него какую-нибудь полезную информацию, да и вообще… Интересно, можно ли использовать магию для борьбы с магией?

Впрочем, Вудли не собирался идти к какой-то Качающейся скале. Он собирался смыться при первой же возможности. Плавать он умел. Если Блэз покажет ему выход из замка, то в следующее мгновение увидит лишь пару чистых пяток, быстро удаляющихся прочь.

– Отлично, – сказал Вудли. – Пошли.

Вивиана порхнула к двери:

– Нурмала проводит тебя к Блэзу. Не задерживайся, наяда,

платье должно быть готово.

Вивиана ушла. Вудли подождал, пока не стихнет звук ее шагов. Нурмала с любопытством смотрела на него:

– Мой господин…

Он остановил ее, вытянув руку, а другой рукой закрыл дверь:

– Подожди. Я хочу с тобой поговорить.

Зеленое желейное лицо наяды приобрело синеватый оттенок. Вудли понял, что она покраснела, и судорожно сглотнул.

– Я хочу, чтобы ты рассказала мне, что находится за Качающейся скалой, – быстро произнес он.

Нурмала отвернулась:

– Откуда я знаю? Это ведомо только Моргане.

– Ты плавала туда сегодня утром, верно? Мне так кажется. Послушай, я не хочу винить тебя в чрезмерном любопытстве, потому что мне нужна информация. Давай выкладывай. Что там? Дракон?

Очертания наяды задрожали.

– Нет, мой господин. Я не смею… Если Моргана узнает…

– Не узнает.

– Я не могу вам сказать!

Вудли выхватил кинжал и коснулся острием своей руки. Нурмала следила за ним голодными глазами.

– Вивиана говорила, что наяды всегда жаждут человеческой крови. Как вампиры, да? Даже если крови будет всего несколько капель…

– Нет! Нет! Я не смею…

Вудли уколол кинжалом палец.

– Ладно, – сказала наяда через некоторое время. – Будь что будет. Фея Моргана создала ундину и спрятала ее за Качающейся скалой.

– Что такое ундина?

– Она футов пятнадцать длиной и похожа на… волосы, – объяснила, облизывая губы, наяда.

– Похожа на волосы?

– Ее тело невозможно рассмотреть – оно слишком маленькое и покрыто длинными волосками, которые, если их коснуться, жгут, как огонь.

– Понятно, – сказал Вудли и мрачно кивнул. – Инфузория-переросток. Электрическая медуза. Самое то, чтобы идти на нее с мечом!

– Тварь мерзкая, но вы с легкостью ее победите.

– Да, конечно. Может быть, подскажешь как?

– Боюсь, что нет. Но я могу сказать, как ее найти. Возьмите корень мандрагоры, выдавите из него сок. Ундина непременно

появится.

– Кошачья мята… – пробормотал Вудли, хотя наяда, разумеется, не поняла его. – Ладно, по крайней мере, теперь я знаю, что меня ждет.

– Вы же не станете говорить Моргане, что я вам все рассказала? Вы обещали.

– Не стану… Гм. Интересно, а если я все же…

Нурмала так и подпрыгнула:

– Я заставляю леди Вивиану ждать! Пойдемте, мой господин. Быстрее!

Вудли с задумчивым видом прошел вслед за наядой по увешанному гобеленами залу к резной двери, которую Нурмала резко распахнула.

– Блэз! – крикнула она.

– Ик!

– Опять напился, выродок друидский, – досадливо сказала наяда. – Для тебя есть работа.

– Снова погасло пламя дракона? – раздался немного печальный скрипучий голос. – Клянусь Мидиром, надежней было бы использовать саламандру. Полагаю, вода постоянно заливает пламя. Сколько раз можно говорить этому дракону, что нельзя вдыхать слишком глубоко. Ик!

– Это монсеньор Артур Вудли. Покажи ему замок, – велела наяда и, подумав, добавила: – Имей в виду, он возлюбленный леди Вивианы.

Вудли густо покраснел.

В комнате Блэза было очень темно. Затянутая сетями водяных пауков, она здорово смахивала на древнюю лабораторию алхимика, каковой, впрочем, и являлась. Под слоем паутины скрывались горы толстенных книг, пара тиглей, несколько перегонных кубов, чучело крокодила и сам Блэз.

Сам друид оказался сморщенным старикашкой, таким щуплым, что казалось странным, отчего его не сдувает сквозняком. Его грязная седая борода колыхалась в воде перед красно-коричневым, испещренным морщинами лицом, словно вуаль. Облаченный в длинный серовато-коричневый плащ с остроконечным капюшоном, Блэз сидел по-турецки и держал в руках огромный глиняный кувшин.

– Монсеньор Артур Вудли… – проскрипел Блэз. – Приветствую… Ик! – Он отхлебнул из кувшина. – Ик!

– У вас… гм… очень уютная комната, – сказал Вудли для затравки разговора.

Чтобы заручиться помощью друида, решил он, надо сначала

завязать с ним дружеское знакомство.

Блэз небрежно махнул рукой на перегонные кубы и реторты:

– А, это… Использовал, когда занимался всякой магией. Ну, там, философский камень, понимашь? Сейчас – нет. Сейчас делаю только выпивку. Ик!

– Выпивку?

– Всех сортов. Медовуху, вино… только при помощи магии, понимашь? Настоящая выпивка не хранится долго под водой, понимашь? Ик! Ни разу не напивался с тех пор, как оказался здесь с Морганой. Магический эль не бьет в голову так, как настоящий. Увы!

– Блэз, – нетерпеливо пробормотала Нурмала.

– О да, да, да. – Колдун близоруко уставился на них сквозь бороду. – Вивиана хочет, чтобы я показал тебе замок. Не стоит. Скучное место этот замок. Может, лучше посидишь со мной, выпьешь?

Вудли предложение показалось соблазнительным, но тут вмешалась наяда.

– Я обо всем расскажу леди Вивиане, Блэз, – заявила она.

– Ох, ну ладно. – Друид неохотно встал и нетвердым шагом направился к ним. – Тогда пошли, монсеньор Артур… Артур? – Он, прищурившись, вгляделся в лицо Вудли. – На мгновение мне показалось… нет, ты не Пендрагон. Существовало поверье, что он вернется, понимаешь? Нурмала, ступай прочь, а то превращу тебя в головастика и раздавлю.

– Ты покажешь монсеньору Артуру замок?

– Покажу-покажу, – раздраженно отмахнулся Блэз.

Когда Нурмала отошла, вернее, отплыла достаточно далеко, он сердито пробурчал в бороду:

– Все меня обижают. Даже проклятые наяды. И правильно делают. – Он отхлебнул из кувшина. – Кто я такой? Конченый старый друид. А ведь это я научил Мерлина всему. Они ненавидят меня, потому что я отказываюсь для них колдовать. А с какой стати я должен это делать? Я предпочитаю заниматься вот чем. На́, выпей… Нет! – тут же спохватился он, поспешно отдернув кувшин. – Не дам. Я сам делаю выпивку, и она моя. Хотя мне все равно не напиться! Магический эль, прах его побери! Иногда я жалею, что не умер. Ик!

Он направился к двери, Вудли пошел за ним.

– Что хочешь увидеть сначала?

– Не знаю. У меня будет масса времени на осмотр замка после испытания. Ты знаешь о нем, верно?

Блэз кивнул:

– Да, конечно. Но я не знаю, что за тварь на этот раз Моргана

спрятала за Качающейся скалой. – Он посмотрел на Вудли снизу вверх пронзительным взглядом. – Прежде чем ты продолжишь, предупреждаю сразу: я не в силах тебе помочь. Я не могу вооружить тебя магией, потому что королева мне не позволит, и у меня нет ценных сведений, которые могли бы тебе пригодиться. Я могу дать тебе только меч, который я храню для… для того, кто придет потом. – Его голос странно изменился. – Ты должен встретить испытание с истинной отвагой, она и станет твоим щитом.

– Спасибо, – сказал Вудли, скривив губы.

Никаких сведений… Блэз должен знать, как выбраться из замка. Вот только как бы выведать это у него?.. Нельзя задавать вопрос в лоб…

– Итак, – сказал друид, шагая по коридору впереди Вудли. – Здание построено в виде полого куба, в центре – внутренний двор. Ни одного окна. Эти рыбы – хуже комаров. Выхватывают пищу прямо из рук. Во внутреннем дворе мы держим дракона. В качестве мусорщика. Он разбирается со всем тем, что мы выбрасываем. Ик!

Вудли вдруг смутно вспомнил, что он видел в музеях…

– Я что-то не заметил нигде рыцарских доспехов.

– Думаешь, тебе понадобятся доспехи? – Блэз гнусно захихикал. – Они лежат в арсенале, – сказал он на ходу, с какой-то мрачной целенаправленностью семеня по коридору на нетвердых ногах. – Это не замок Веселой Стражи и не замок Пылающего Сердца. Среда другая. В наших башнях нет котлов для расплавленного свинца. Нас нельзя взять в осаду. По этой причине традиционная конструкция замка на дне озера бесполезна.

– А почему здесь ничего не намокает?

– По той же самой причине, по которой вода похожа на воздух. Мокрая магия. Этот вид колдовства до совершенства был отточен в Атлантиде, мне он неподвластен, потому что я – друид. Мы в основном работаем с огнем. Дуб, огонь, терновник… – Блэз углубился в воспоминания. – Когда я был маленьким мальчиком в Стоунхендже… впрочем, ладно. Sic transit и так далее, понимашь? [50] Ик! Мидир побери этот эль, он похож на тухлую воду. Все бы отдал за каплю спиртного, сделанного на суше! Но теперь я не могу жить вне воды. На что ты смотришь? А, на это? Узнаешь? – Друид снова противно захихикал.

Вудли рассматривал огромный гобелен. Древний и потертый, но тем не менее очень красочный. Вытканные на нем сцены что-то смутно напоминали. Мужчина и женщина… дерево… змей… А на

заднем фоне – еще одна женщина, столь прекрасная, что ее красота ослепляла даже под водой.

– Лилит, – пояснил Блэз. – В этом замке полно гобеленов. На них вытканы всякие там легенды, битвы, осады, понимашь? – продолжал он, глядя на Вудли сквозь вуаль плавающей бороды. – Ars longa…[51] а то, что там дальше, к нам не совсем подходит, верно? Ик! Ну, идем! – И он за рукав потащил гостя дальше.

Экскурсию никак нельзя было назвать неспешной. Нетерпеливый Блэз соглашался притормозить, только когда ему приспичивало выпить. Вудли волей-неволей вынужден был таскаться за ним, не успевая ничего рассмотреть толком. Но с грехом пополам ему все же удалось составить некоторое представление о замке.

Это было трехэтажное строение с внутренним двором. Самая высокая башня – донжон – возвышалась на одном из углов замка. Напротив нее, через двор, находились две огромные навесные башни, барбаканы. Между барбаканами в замковой стене были прорублены ворота, защищенные опускной решеткой, через которую лениво проплывали рыбы, и бесполезным подъемным мостом, оставшимся на память о крепостном рве. Вудли увидел все это с площадки наверху донжона – это был первый раз, когда он покинул стены замка. До земли было отвратительно далеко.

Вернее, до дна. А он-то рассчитывал удрать! Чтобы выбраться отсюда, нужна дверь…

Вудли помнил, что вода для него теперь – все равно что воздух. И потому, спрыгнув с донжона, он бы, по всей видимости, добился только того, что свернул бы себе шею.

– Пошли скорее, – нетерпеливо сказал Блэз. – Пора вниз.

В замке были огромные пустые залы, соединенные галереями, кладовые и кухни, казармы и опочивальни. Небольших комнат было мало. Проходя мимо темного, облюбованного водяными пауками помещения, Вудли смог рассмотреть заваленные непонятными предметами полки, почти полностью скрытые вуалью паутины. Блэз пояснил, что фея Моргана когда-то развлекалась приготовлением зелий и ядов, но потом отказалась от использования столь примитивных средств.

В голове Вудли зародилась идея. Он стал задавать вопросы. Друид отвечал.

– Это? Перегонный куб. Это? Олений рог с гуммиарабиком. Используется обычно при родах. В этой склянке хранятся сушеные постельные клопы. Смола, кирказон змеевидный, фенхель, мандрагора, мускус, кора дерева мушмула…

Мандрагора. Вспомнив, что говорила Нурмала, Вудли

подошел ближе:

– А вот это что такое?

– Это ведьмина люлька. Используется для…

Вудли ловко присвоил мандрагору и сунул за пазуху. Пока все в порядке. Осталось только разработать способ эффективного применения корня. Жаль, что мандрагора приманивает, а не отпугивает ундин! В крайнем случае можно отвлечь внимание чудовища корнем и попытаться сбежать…

– Пошли дальше. Ик!

Потом они очутились на небольшом балконе, откуда был виден двор замка.

– Это дракон, – сказал Блэз. – Дрэдан. Имя англосаксонское. В наши дни все англосаксонское было непопулярно, включая драконов. Видишь весь этот мусор?

У стены громоздились какие-то заросшие илом руины, в центре двора виднелись развалины побольше.

– Когда-то это были конюшни, соколиные клетки, скотный двор, часовня. Правда, в ней никогда никто не молился. Эта Моргана, понимашь… Воздух и тьма. Ик! – Блэз задумчиво уставился в кувшин. – Пошли дальше.

– Подожди, – взбунтовался Вудли. – Хочу посмотреть на дракона.

На самом деле он хотел найти выход, а с балкона открывался неплохой обзор.

– А, на Дрэдана. На этого червяка… Ну, как знаешь… – Друид, прислонившись к стене, опустился на корточки и закрыл глаза. – Ик!

Но пока Вудли высматривал лазейку, его взгляд невольно раз за разом возвращался к дракону, потому что зрелище было поистине грандиозным. Дракон немного напоминал стегозавра – такой же зубчатый костяной гребень на горбатой спине и длинный шипастый хвост с шишкой на конце. Голова, однако, не была крошечной, как у травоядных динозавров. Она была похожа на голову крокодила и тираннозавра одновременно, с тремя рогами на носу и пастью, куда поместилась бы станция подземки в два вагона длиной, а высотой – вдвое больше. Желтые глаза мерцали огнем. Когда Дрэдан дышал, из ужасной пасти вырывались языки пламени.

В данный момент жуткий монстр поедал мусор, причем делал это довольно разборчиво.

Интересно, почему драконово пламя не гаснет под водой, задумался Вудли. Потом он вспомнил про магию Морганы. Вот бы соорудить что-нибудь вроде огнемета… Против огнемета ундина не устоит, только вот как его сделать… Вудли заметил, что

каждый раз, когда из пасти дракона вырывается пламя, к поверхности поднимается множество пузырьков. Тучи маленьких рыбок норовили лишить Дрэдана обеда. Неуклюже переступая на толстых, как колонны, ногах, дракон с силой фыркал огнем на маленьких воришек, и те проворно бросались в стороны.

– Несладко ему живется, – проговорил Блэз, очнувшись от дремы. – Дракон любит только сырую пищу, но, когда он наконец прогонит рыб, весь мусор окажется поджаренным. Я мог бы лишить его огненного дыхания, но для пищеварения этой твари нужен огонь в желудке. Это как-то связано с метаболизмом. Я вот никак не могу залить пламя у себя в желудке… – добавил он, после чего приложился к кувшину, задумчиво поикал и снова заснул.

Облокотившись на перила балкона, Вудли смотрел на дракона с любопытством и ужасом одновременно. Вялые движения ящера – ведь все драконы ящеры – лишь усиливали кошмарное впечатление. Дракон казался творением голливудских техников, довольно небрежным и абсолютно неубедительным…

И тут кто-то схватил Вудли за ноги чуть ниже колен, рванул вверх и перекинул через перила балкона.

Толстый слой грязи смягчил падение. Взметнув тучу ила, Вудли поспешно вскочил на ноги. Буквально в ярде от его носа неподвижно зависла, лениво перебирая плавниками в воздухе (вернее, в воде), озерная форель. Вудли, у которого сердце ушло в пятки, почудилось, что рыбина задумчиво его разглядывает. Другие рыбы, привлеченные движением, тоже подплыли к нему.

Когда облако ила осело, Вудли увидел Дрэдана. Дракон смотрел прямо на него.

Потом Дрэдан огнедышаще зевнул, поднял одну похожую на ствол дерева ногу и тяжело сдвинулся с места.

– Блэз! – взревел Вудли. – Блэз! На помощь!

Ответа не было, друид даже не икнул.

– Блэз! Проснись!

Заметив неподалеку дверь в стене, Вудли со всех ног бросился туда. Дрэдан был уже очень близко, но, к счастью, ящер двигался медленно и неуклюже.

– Блэз!

Дверь была очень надежно заперта изнутри. Вудли застонал и метнулся в сторону от неудержимо, как танк, надвигавшегося Дрэдана.

– Блэз!

На противоположной стороне двора Вудли увидел еще одну дверь и побежал к ней. За его спиной раздавалась тяжелая

поступь дракона.

Но и эта дверь оказалась заперта.

Прижавшись к ней спиной, Вудли, прищурившись, оглядел двор, прикидывая пути к спасению. Там, где он пробежал, клубился взбаламученный ил. Сквозь эти тучи, сверкая желтыми глазами, словно противотуманными фарами, на него шел Дрэдан. Из драконовой пасти вырывались языки пламени.

– Блэз! Проснись!

По-прежнему никакого ответа. Отскочив в сторону, Вудли споткнулся о камень и упал, подняв тучу ила. Когда он вскочил на ноги, у него в голове мелькнула идея.

Дымовая завеса…

Вудли побежал, шаркая ногами и поднимая клубы ила. Легкая, как у бегемота, походочка Дрэдана тоже помогала. Изредка призывая Блэза на помощь, Вудли обежал двор и повернул назад по собственному следу, скрываясь за туманной завесой. Буквально через несколько минут вода стала мутной, как гороховый суп.

Но Дрэдан и не думал сдаваться. Оглушительно топоча, он упрямо следовал за Вудли, и сверкающие диски его глаз появлялись из клубов ила пугающе часто. Вудли так запыхался, что уже не мог кричать. Но если он не остановится, а будет бегать, Дрэдан в конце концов потеряет его из виду…

Вот только у дракона нашелся свой план. Полумрак вдруг прорезал длинный язык пламени. Почти мгновенно за ним последовал второй. Вудли кинулся наутек.

Дрэдан тяжело дышал, клубы ила то и дело пронзали струи пламени. Очевидно, дракон сообразил, что существует не один способ содрать шкуру с кошки – в смысле, заполучить свой обед. Вудли понимал, что стоит только одному из этих огненных языков коснуться его – и он превратится в пепел.

«До чего нелепо – сгореть дотла под водой», – горько усмехнулся он про себя, продолжая лихорадочно метаться по двору.

В горло набился ил, Вудли закашлялся, налетел на опускную решетку и остановился, чтобы перевести дыхание. Проржавевшее железо рассыпалось под его рукой, и в решетке образовалась брешь.

Прожекторы глаз Дрэдана нашли его в полумраке. Вудли в отчаянии вцепился в прутья решетки. Они тоже были изъедены ржавчиной и легко подались. Когда дракон бросился на него, Вудли нырнул в проделанное отверстие в решетке. Пламя лишь подпалило его панталоны.

Тем не менее он по-прежнему был в ловушке: впереди путь

перекрывал подъемный мост, который нависал над пилотом, будто покосившаяся стена. Однако эта преграда оказалась чисто символической – Вудли легко протиснулся в широкую щель между краем моста и стеной. Замок остался позади, а никакого рва, который мог бы помешать бегству, не было.

Вудли стоял на дне озера. За его спиной, словно скала, возвышались стены замка феи Морганы, который еще недавно был его тюрьмой…

Вудли прислушался. Дрэдан, очевидно, прекратил погоню. А Блэз, наверное, по-прежнему спит. Самое главное – путь на свободу был открыт. Тот, кто сбросил его с балкона, оказал Вудли большую услугу, хотя сам об этом, возможно, и не помышлял.

«Ладно, я не в обиде!» Вудли облегченно вздохнул. Теперь ему не придется проходить это неприятное испытание и встречаться с ундиной. Он поспешно зашагал прочь от замка.

Камни впивались в ступни сквозь тонкие кожаные подошвы. Дно круто уходило вверх. Озеро, как понял Вудли, напоминало очень глубокую чашу. Замок располагался в самой глубокой его части.

Интересно, где находится Качающаяся скала? Не то чтобы ему хотелось пойти и посмотреть…

Вдруг Вудли понял, что ему жаль расставаться с Вивианой. Она и в самом деле очень миленькая. Перед его внутренним взором тут же появилось ее лицо, но Вудли не сбавил шага, торопливо поднимаясь по склону. Он без особого труда пересек лес водорослей, потом на него налетела стайка любопытных пескарей. Сверху струился холодный голубой свет.

Вудли поднимался все выше и выше. Высоко над головой серебрилась плоская пленка, сквозь которую просвечивало небо – поверхность. Вот уже до нее осталось всего несколько шагов. Он видел каменистый берег, деревья, причудливо искаженные фантастической перспективой. Водяной клоп нырнул, чтобы посмотреть на путника, но поспешил удалиться.

Когда голова Вудли оказалась над водой, он стал задыхаться.

Воздух хлынул в ноздри, рот, легкие, и вместе с ним пришла невыносимая боль. Вудли закашлялся, потерял равновесие и упал, погрузившись в воду с головой. Ему тут же полегчало. Он сел на дно, чтобы перевести дыхание, и стал наблюдать, как пузырьки воздуха из ноздрей и рта поднимаются к поверхности. Скоро они исчезли, и он почувствовал себя гораздо лучше.

Конечно. Этого и следовало ожидать. Но…

О господи!

Моргана изменила его так, что вода сделалась его стихией,

средой обитания! Воздух стал для него смертельным, как для рыбы!

Это было совершенно нелепо, но до ужаса логично. Вудли закрыл глаза и задумался. В прошлой жизни он делал вдох на поверхности, а выдох в воде. Он изменил порядок на обратный и, набрав полные легкие воды, встал на ноги, выпуская воду изо рта тонкой струйкой.

Он находился рядом с крутым каменистым берегом озера, окруженного высокими горами. Невдалеке по ущелью журчал ручеек. Скалы, не считая этого ущелья, выглядели отвесными и неприступными.

Вудли, забывшись, вдохнул воздуху и вынужден был опуститься под воду. Знакомый голос заставил его отвлечься от грустных мыслей.

– А, вот ты где, – сказал Блэз. – Долго же я тебя искал… Почему ты меня не разбудил, когда свалился с балкона?

Вудли с упреком посмотрел на друида, но ничего не ответил. Его план побега явно провалился. Вудли не мог покинуть озеро. И не сможет, пока с него не будет снято заклятие мокрой магии.

А снять его может только Моргана. Но вероятно, не снимет. Вивиана этого сделать точно не захочет, даже если она и умеет. Но ведь Блэз тоже волшебник. Если попробовать уговорить его снять заклятие…

– Пошли, – сказал друид. – Я оставил кувшин в замке, и меня уже мучает жажда. Ик!

Вудли поплелся за Блэзом, лихорадочно пытаясь придумать новый план. Придется вернуться в замок Морганы, а что потом? Испытание у Качающейся скалы? Вспомнив об ундине, Вудли прикусил губу. Не слишком-то обнадеживающая перспектива…

– Дрэдан не может покинуть двор, понимашь? – бубнил Блэз. – Что на тебя нашло? Зачем ты упал с балкона? Что за глупая идея?

– Я не падал, – огрызнулся Вудли. – Меня столкнули. Вероятно, сэр Богарт.

– Да ну? – Блэз фыркнул в седую бороду. – И вообще, – добавил он, нафыркавшись вдоволь, – ты можешь дышать только под водой. Даже не пытайся высунуться на поверхность.

– Когда я встретился с Вивианой, – задумчиво проговорил Вудли, – она благополучно дышала воздухом.

– Моргана научила ее этому фокусу, – пробурчал друид. – Мне это не под силу. Так и не смог научиться. Если захочется погулять по суше, обратись к Вивиане. – Он как-то мерзко усмехнулся. – Или к Моргане. Лично я думаю, что Вивиана – дочь Морганы. Это многое объясняет. Ну ладно, вот и замок. Войдем

здесь. – Он остановился у двери, повозился с засовом и отошел в сторону. – Входи быстрее, – поторопил он Вудли. – А то рыбы набьется.

Он пошел по коридору, Вудли не отставал. Вскоре они оказались в комнате Блэза, и друид выбрал себе новый кувшин из обширного запаса.

– «Камелот Х-Х-Х», – пробормотал он. – Девяносто градусов. Конечно, это совсем не то пойло, но старые этикетки напоминают мне о былых временах. – Он выпил и разразился залпом архаичных ругательств. – Самообман, не более того. Девяносто градусов, ха! Магией не создать хорошую выпивку, тут и говорить нечего. Ик! – Он сердито уставился на гостя.

Вудли задумался. Итак, Блэз не знает, как снять заклятие мокрой магии. Остаются Вивиана и Моргана. Вудли понятия не имел, как выведать у них этот секрет. Впрочем, сделать это необходимо, причем быстро. Когда должно начаться испытание? Он спросил у Блэза.

– Сейчас, – ответил друид и с трудом поднялся на ноги. – Солнце почти зашло. Пошли! – Он уставился на Вудли мутным взглядом. – Вивиана приготовила для тебя меч. Не Экскалибур, конечно, но сойдет.

Они вошли в зал, где их ждали Вивиана и сэр Богарт. У рыцаря при виде Вудли отвисла челюсть, но он взял себя в руки и надменно проронил:

– Вы опоздали, монсеньор.

– Лучше поздно, чем никогда, – ответил Вудли и с удовольствием отметил, что Богарт отвел глаза.

Вивиана вышла вперед с огромным мечом в руках:

– Мой господин! Прими же оружие сие из моих рук! Я буду ждать твоего возвращения от Качающейся скалы. – Ее взгляд обещал так много, что сэр Богарт принялся злобно жевать свои рыжие усы.

Вудли ощупал корень мандрагоры за пазухой. Тут его посетила одна весьма удачная мысль, и пилот злорадно улыбнулся…

– По рукам, – сказал он. – Я готов.

Вивиана хлопнула в ладоши:

– Благодарю, мой доблестный рыцарь! Я вызову Нурмалу, которая проводит тебя…

– Не стоит беспокоиться, – перебил ее Вудли. – Я предпочел бы, чтобы дорогу мне показал сэр Богарт.

Рыцарь едва не поперхнулся:

– Я не лакей!

– Фи, – презрительно произнесла Вивиана. – Отказывать в

такой ничтожной просьбе…

– Ничего. – Вудли пожал плечами. – Если сэр Богарт боится… Я могу понять его чувства. Даже волшебный панцирь не может защитить от несчастного случая. Нет, оставайтесь здесь, у камина, сэр Богарт. Здесь вам ничего не грозит.

Богарт побагровел. Разумеется, он мог дать только один ответ. И десять минут спустя Вудли уже шагал рядом с рыжеусым рыцарем по илистому дну озера к теряющейся в зеленой дымке каменной вершине.

Сэр Богарт хранил молчание, хотя внутренне клокотал от ярости. Он даже разок загремел мечом в ножнах, но Вудли сделал вид, что не услышал.

– Интересно, – заметил он, – что ждет меня у Качающейся скалы? Есть идеи?

– Моргана не посвящает меня в свои секреты.

– Угу. Скорее всего, что-то очень опасное, да?

Богарт улыбнулся, злобно оскалив зубы:

– Надеюсь.

Вудли пожал плечами:

– Вероятно, придется воспользоваться магией. Меча может оказаться недостаточно.

Рыцарь повернулся и уставился на него:

– Черной магией?

– Конечно, я же волшебник. А ты не знал?

– Вивиана говорила… Но я не думал…

Во взгляде Богарта появилось больше уважения и еще больше страха. Вудли беззаботно хмыкнул, хотя чувствовал себя отнюдь не беззаботно.

– Я знаю несколько фокусов. Например, как стать невидимым.

– При помощи спор папоротника? Я слышал об этом.

– Лично я использую сок корня мандрагоры, – объяснил Вудли. – Если подумать, сейчас этот трюк может пригодиться. Принимая во внимание то, что может оказаться за Качающейся скалой. – И он принялся совершать в воздухе замысловатые пассы, приговаривая: – Саскачеван, Виннипег, Мауч-Чанк, Филадельфия, Каламазу…

При этом Вудли незаметно доставал из-за пазухи мандрагору. Богарту, глядевшему на его манипуляции с открытым ртом, показалось, что уродливый корень возник из пустоты.

– Клянусь Аттисом! – воскликнул пораженный рыцарь. – Такого я еще не видел!

Вудли поднес корень к глазам и притворился, будто

задумался:

– Подожди. Может быть, лучше и тебя сделать…

– Тоже невидимым? – Богарт нервно поглядел на Качающуюся скалу и с радостью согласился: – Да, думаю, это хорошая мысль.

– Хорошо, давай свой шлем. Гм… Может быть, ты даже поможешь мне победить это чудовище… Хотя вряд ли мне понадобится помощь.

Рыжие усы Богарта не могли скрыть злорадную усмешку.

– Посмотрим. Мой меч остер.

Но лесть, даже столь грубая, усыпила бдительность рыцаря. Он передал свой головной убор Вудли и стал смотреть, как тот, перевернув шлем, рукояткой кинжала толчет в нем, как пестиком в ступке, корень мандрагоры.

– Вот и все. Надень шлем так, чтобы ничего не высыпалось, и станешь невидимым.

Сэр Богарт повиновался и опустил взгляд на собственные ноги:

– Ничего не получилось.

Вудли принялся тупо озираться:

– Ты где? Я… Сэр Богарт!

Рыцарь опешил:

– Я здесь! Но я вижу себя не хуже, чем всегда.

– Конечно, – пустился в объяснения Вудли, стараясь не смотреть на рыцаря. – Ты видишь, а больше никто не видит. Так действует заклинание мандрагоры.

– О! Ну ладно. Теперь сделай невидимым себя.

– Возиться лень, – небрежно отмахнулся Вудли. – Да и неспортивно как-то… Какой тогда интерес драться с чудовищем? Если станет туго, я что-нибудь наколдую, но, думаю, обойдусь и мечом. Ага, я смотрю, вот и Качающаяся скала.

Высоко над ними волны озера раскачивали огромный камень на вершине утеса. Вудли заметил в нескольких ярдах от него небольшую пещеру и остановился.

Встал и сэр Богарт, который явно занервничал:

– Я дальше не пойду.

– Ладно, – сказал Вудли пересохшими губами. – Подожди меня здесь. Вернусь через минуту. Кстати, ты не одолжишь мне свой панцирь?

– Нет.

– Я так и думал. Ладно… adios[52].

Вудли еще с минуту постоял, глядя на темный зев пещеры, но пути назад не было. Оставалось надеяться, что уловка сработает. Нурмала уверяла, что сок корня мандрагоры притягивает ундин…

Он оставил опирающегося на свой меч сэра Богарта и смело

вошел в тень Качающейся скалы. Дальше дно под ногами резко уходило вниз, и он стал двигаться более осторожно. Смотреть здесь, общем-то, было не на что. Под скалой было слишком темно.

Затем Вудли заметил какое-то движение в зеленоватом сумраке. Огромный волосяной шар, проплывавший мимо, замер на мгновение, потом с поразительной точностью двинулся прямо на Вудли. Это была ундина.

Длиной футов пятнадцать, похожая на раздутую подводную лодку, она плыла в облаке тончайших волосков – ближе к кончикам они сужались настолько, что становились почти невидимыми. Из-за этого невозможно было различить, где кончаются щупальца, и очертания твари казались расплывчатыми. Плыла она, шевеля волосками, как ресничная инфузория, причем двигалась гораздо быстрее, чем ожидал Вудли. Не успел он и оглянуться, как ундина подплыла к нему почти вплотную. Один волосок коснулся его щеки и обжег, как оголенный провод, по которому пропущен сверхсильный электрический ток.

Вудли машинально выхватил меч, но здравомыслие не позволило пустить его в дело. Сталь не могла нанести этой твари ни малейшего вреда. Кроме того, у Вудли был более безопасный план. Если еще не слишком поздно…

Он повернулся и со всех ног бросился бежать вокруг Качающейся скалы. Сэр Богарт по-прежнему стоял там, где они расстались, но, увидев Вудли, тоже повернулся и побежал, напрочь забыв о своей «невидимости».

Зев пещеры был широким, как улыбка добряка, и Вудли нырнул в него головой вперед. Очутившись в пещере, он несколько раз перевернулся и выронил меч. Когда ему все-таки удалось остановиться, он торопливо обернулся и посмотрел, что происходит. Погонится ли ундина за ним? Или почует сок мандрагоры, которым благоухает сэр Богарт?

Облако извивающихся волосков шло по следу. Ундина летела за рыцарем, словно самонаводящаяся торпеда.

Вудли глубоко вздохнул. Подобрав меч, он вернулся к устью пещеры и стал ждать развязки. Ундина уже догнала сэра Богарта. Ее смертоносные волоски, конечно, не могли причинить вреда защищенному волшебным доспехом рыцарю. Но оказаться в объятиях ундины наверняка было неприятно…

Сверкнул меч – сэр Богарт вынужден был вступить в схватку. Вудли усмехнулся. Он надеялся, что ундина не продержится долго, а то он уже проголодался, но на ужин можно будет отправиться лишь тогда, когда… он пройдет испытание феи

Морганы.

Из задумчивости его вывели крики Богарта:

– Ты обманул меня! Мошенник и плут! Я разрублю тебя от макушки до задницы! Ты сделал меня своим орудием…

– Эй, погоди! – попытался остановить его Вудли, ловко уклоняясь от ударов.

Он по-прежнему держал в руке меч, и, когда Богарт снова атаковал, Вудли машинально парировал удар. Ундина, как он успел заметить, валялась мертвая футах в двадцати ниже по склону. К ней уже подплывали стайки мелких рыб.

– Трусливый пес!

– Да подожди ты! Что скажет Вивиана, если мой труп найдут с отрубленной головой? Что скажет Моргана?

Его слова отрезвили сэра Богарта. Рыцарь замер как был, с занесенным для удара мечом, и только его рыжие усы шевелились от ярости. Его лицо стало свекольно-красным. Однако нападать он перестал.

Вудли опустил свой меч и быстро заговорил:

– Не забудь, я слышал, как Вивиана говорила, что натравит на тебя Моргану. Я помню, как ты испугался. Вивиана хочет, чтобы я остался в живых, и если она узнает, что ты убил меня, – а она обязательно узнает…

– Ты колдун! – прорычал сэр Богарт. – Чертов колдун!

Но на его щеках уже появились предательские бледные пятна.

Вудли убрал свой меч в ножны:

– Да что ты так разволновался? Ты ведь не пострадал, верно? У тебя же есть волшебный панцирь. А теперь посмотри на меня! – Он провел указательным пальцем по багровому рубцу, который шел от виска к подбородку. – Ундина отметила меня, а на тебе – ни царапины.

– Ты обманул меня, сделал своим орудием, – угрюмо повторил Богарт.

Вудли взял рыцаря под руку:

– Забудь об этом. Мы можем пригодиться друг другу, если ты подыграешь мне, а я – тебе. Если ты не станешь… Видишь ли, Вивиана ко мне прислушивается. Хочешь, чтобы я кое-что шепнул ей на ушко?

– Ты сущий дьявол, – проворчал рыцарь, но он был побежден и прекрасно понимал это. – Я оставлю тебя в живых. Но за это ты защитишь меня от Морганы. – Он оживился. – Да! Скажи Вивиане, что я друг тебе. Тогда…

Вудли усмехнулся:

– А если я скажу ей, что ты столкнул меня во двор к Дрэдану?

– Но, монсеньор! – Богарт схватил его за плечи. – Нет! Я этого

не делал! Ты не сможешь доказать, что это был я…

– Хотя это был ты, верно? Вивиана поверит мне, а не тебе. Но успокойся. Я ничего не скажу. Если ты, в свою очередь, кое о чем *не* забудешь.

Богарт облизал губы:

– О чем именно?

– О том, что ундину убил я.

– Три тысячи чертей! Впрочем, у меня нет выбора. Если я не соглашусь, ты используешь свое влияние на Вивиану. Она весьма своенравна, а Моргана часто просила ее… – Рыцарь проглотил комок в горле и начал снова: – Моргана хочет меня уничтожить. До сих пор Вивиана спасала меня. Давай договоримся. Ты скажешь, что убил ундину, то есть что прошел испытание, а взамен настоишь на том, чтобы Моргана оставила меня в покое, если возникнет опасность.

– Согласен.

– Но если Моргана узнает, как мы ее обманули, мы оба умрем страшной смертью. Она не умеет прощать.

– Она не узнает.

– Если узнает, даже Вивиана не сможет нас спасти.

Вудли нахмурился. Риск никогда не привлекал его. Но сейчас придется рисковать. Кроме того, Моргана ведь никогда не узнает…

– Договорились, – сказал сэр Богарт. – Но помни, вздумаешь когда-нибудь предать меня, сам погибнешь. Теперь наши жизни связаны. Если я начну тонуть, то потащу тебя за собой, потому что заговорю. И Вивиане придется оплакивать если не меня, то тебя уж точно.

Вудли поежился, но поспешно выбросил из головы мысли о грозящей ему страшной участи.

– Забудь об этом, – сказал он. – Нас ждет ужин. А нам еще нужно дотащить до замка ундину.

Сделать это оказалось совсем нетрудно, потому что дохлое чудовище не волочилось по дну, а плыло. Шагая по дну озера к замку, Вудли приободрился. Он коснулся рукой эфеса меча. Когда он размахивал мечом, защищаясь от Богарта, его охватило удивительно приятное чувство. А если бы он не заставил Богарта обманом помочь ему? Если бы он сам сразился с ундиной? Вудли на секунду пожалел, что не попытался совершить этот подвиг.

Хотя это было бы слишком опасно. Слишком. Кроме того, не было никакой необходимости рисковать собственной шкурой, и он доказал это на практике. Самое главное – хладнокровие и рассудительность. Рано или поздно они помогут ему покинуть замок, освободиться от гибельного заклятия Морганы и вернуться

на сушу.

Он прошел испытание, и пока ему нечего опасаться. А сейчас надо выведать заклинание мокрой магии, которое возвращает способность дышать воздухом.

Вудли дернул зажатый в кулаке пучок волосков ундины. За озерным чудовищем, словно хвост кометы, тянулись стайки рыбешек. Впереди показался замок…

– Помни! – уже в который раз предупредил его сэр Богарт. – Теперь наши жизни едины. Блэз идет. Прикуси язык, в замке говорить небезопасно.

Дно озера окутывали ночные тени. Видимо, солнце уже зашло. Сэр Богарт отпрянул в сторону и исчез. У подножия башни, рядом с дверью, виднелся силуэт Блэза в коричневом плаще.

– Вот мой трофей, – крикнул Вудли. – Забери его!

Друид подошел к нему, поднимая тучи ила. Его глаза сверкали сквозь белую вуаль бороды.

– Ундина. Ты сразил ее…

Вудли взглянул чародею в глаза и вдруг устыдился своего обмана. Но это же нелепо! Почему он должен смущаться того, что не пошел на верную смерть? Проклятье!

– Я говорил тебе, что храбрость станет твоим мечом и щитом, – медленно произнес Блэз. – Магия не может устоять перед ним. А теперь я… – Он замолчал и сделал рукой какое-то странное вялое движение. – Груз прожитых лет тяготит меня. Когда я увидел, как ты идешь к замку с добычей, мне показалось, что я стою у стен Камелота и смотрю на Артура Пендрагона… – Его слабый голос становился все тише. – Он был и пребудет вечно.

Из оцепенения Вудли вывел голос Нурмалы. Наяда выплыла из замковых ворот с зажженным фонарем в руке:

– О! Монсеньор Артур Вудли сразил чудовище! Мой господин! – Она низко поклонилась. – Сегодня будет великий пир. Стол уже накрыт.

Блэз, похоже, очнулся от воспоминаний и снова превратился в брюзжащего пьяницу.

– Понятно, – рявкнул он.

Наяда поспешила скрыться в башне. Вудли заметил, что свет фонаря пронизывал жидкий изумруд ее тела. Это выглядело довольно красиво, но жутковато.

– Эти наяды – хуже пироманьяков, – заметил Блэз, доставая откуда-то кувшин и делая глоток. – Никак не могут оставить огонь в покое. В замке фонари ни к чему, он освещается магией.

Наяды могут думать только об огне и крови. Мерзкие мокрые жидкие твари! – закончил он в приступе старческой ярости. – Всех ненавижу. Всех до единой. Пошли! Ундину можешь бросить здесь – никуда она не денется.

Вудли поймал взгляд старого друида – удивительно острый, проницательный взгляд. Полно, да так ли уж пьян этот Блэз? Вероятно, да, потому что каждый его шаг по коридору сопровождался ругательствами, стонами и икотой. Блэз отвел Вудли в его комнату, где тот торопливо привел себя в порядок, насколько это было возможно – когда вода как воздух, не умоешься, – и поспешил следом за провожатым в главный зал замка. Здесь Вудли бывать еще не доводилось.

Зал был поистине огромным, вдоль одной из его стен поверху тянулась галерея. Стены были увешаны гобеленами, пол застлан циновками, которые, очевидно, были прижаты грузами, чтобы не всплывали, а у дальней стены находилось возвышение. Там, за не слишком большим столом, восседала Вивиана. Она выглядела поразительно красивой в светло-зеленом, расшитом жемчугом атласном платье. В ее косы тоже были вплетены нити жемчуга, а талия перетянута украшенным драгоценными камнями поясом. Она была само воплощение волшебства.

– Милорд! – воскликнула она, подбегая к Вудли. – Мне сообщили, что ты вернулся с победой. Но твоя бедная щека… о! Ужасная ундина…

– Ничего особенного. Уже не болит.

– Ничего особенного! Победить ундину… Впрочем, я знала, что ты доблестный рыцарь. Садись рядом со мной, любовь моя, чтобы мы могли беседовать за ужином.

Вивиана так пожирала Вудли взглядом, что тот почувствовал себя неловко.

Что-то раздраженно бормоча, Блэз занял свое место и принялся рассматривать застланный скатертью стол.

– Не хочу рыбы, – сказал он. – Меня тошнит от нее.

– Будет жареный поросенок, – бросив взгляд на друида, сказала Вивиана. – Детеныш морской свинки, естественно. Дичь и пирог с мясом… Ах, милорд! Теперь, когда ты прошел испытание Морганы, ты и я будем жить здесь вечно.

Вудли не успел ответить, потому что в этот момент грянула музыка. Певучая мелодия доносилась с галереи, но никаких музыкантов не было видно. Вивиана заметила, куда смотрит Вудли:

– Что, милый? Ах да, Моргана сделала музыкантов невидимыми. Это элементали, они такие уродливые, что могут

испортить аппетит. Королева присоединится к нам через некоторое время. Она никогда не ест.

Занавес за возвышением раздвинулся, и появились наяды. На взгляд Вудли, все они как две капли воды походили на Нурмалу. Служанки, не проронив ни слова, внесли блюда и подносы. Бóльшая часть еды была знакомой, но у некоторых блюд был весьма странный вкус. Компот, например, оказался просто отвратительным. А еще Вудли не понравилась присутствующая буквально во всех блюдах миндальная приправа.

Тем не менее ел он с аппетитом, потому что страшно проголодался. Кроме того, ему нужны были силы, чтобы осуществить свой план – выведать заклинание мокрой магии у Вивианы или, может быть, у Морганы.

Блэз непрерывно пил, Вивиана ела нехотя и бросала томные взгляды на своего избранника. Она настояла на том, чтобы Вудли соблюдал за столом этикет, принятый во времена короля Артура.

– Нам надлежит есть из одной тарелки, монсеньор, – сказала она, с притворной робостью потупив взор. – Ты должен выбирать самые вкусные кусочки и предлагать их мне на острие ножа. Я… о боже! Сэр Богарт явился.

Действительно, рыцарь шагал прямо к столу. В устремленном на Вудли взгляде Богарта читалось предостережение.

– Прошу прощения за опоздание, миледи, – сказал он. – Я не думал, что монсеньор Артур так быстро расправится с чудовищем и вернется в замок.

Вивиана с холодцой предложила рыцарю присоединиться к ним, и вскоре Богарт уже обгладывал баранью ногу, изредка бросая косые взгляды на Вудли. Ужин продолжался в тишине, которую нарушали лишь невидимые музыканты. Наконец подали десерт, состоявший из орехов, фруктов с пряностями и вина, которое Вудли нашел слишком легким и безвкусным. Тем не менее после такого количества пряностей даже купорос показался бы молоком, и Вудли с удовольствием потягивал вино. Ему казалось, что у него в животе бушует пламя, почти как у Дрэдана.

Наяды убрали скатерть, под которой оказалась полированная столешница с инкрустированной шахматной доской. Вудли, утолив голод, откинулся на спинку стула. Он заслужил отдых. Можно было бы заняться решением насущной проблемы, то есть попытаться выведать у Вивианы секрет, но пока ему было лень. Лучше добиться расположения девушки, подыграть ей, так нежно положившей милую головку ему на плечо…

– Да, я начала рассказывать тебе об Утере, – прощебетала она. – И о вдове. Десять детей, как я сказала. Этот Утер был таким негодяем. Мне кажется…

И она исчезла в облаке сплетен и скандалов. Блэз пил. Сэр Богарт все время ерзал, словно что-то не давало ему покоя. Вудли задремал. Вивиана открывала ему секреты далекого прошлого, музыканты играли…

Вдруг Вудли понял, что Вивиана замолчала. Он вздрогнул и резко выпрямился, ощутив необъяснимый ужас. Затем на мгновение у него закружилась голова и возникло ощущение, будто плоть сползает с костей.

За стол напротив него садилась женщина.

Она была одета в очень простое белое платье с длинными и просторными рукавами и цветами из драгоценных камней вокруг тонкой талии. Мерцающие, как звезды, цветы украшали и ее волнистые черные волосы с редкими бронзовыми прядями. Ее лицо было молодым и прекрасным. Вудли вдруг заметил, что ему никак не удается рассмотреть ее анфас, только в профиль. Почему?

Он… он не мог увидеть ее глаза.

Он просто не мог посмотреть в них. Было совершенно невозможно встретиться с ней взглядом. Вудли не находил этому никаких объяснений. Когда ему удавалось повернуть голову так, чтобы заглянуть в глаза феи Морганы, то собственные глаза не слушались его. Бунтовали на самой грани повиновения. Похоже, тело Вудли не подчинялось командам, отдаваемым мозгом.

Тем не менее он достаточно хорошо рассмотрел ее лицо, пусть не анфас, а только в профиль, и оно показалось ему странно знакомым. Где он видел его раньше?

Конечно! Гобелен с деревом и змеем. У Морганы было лицо Лилит…

Вудли встал и несколько неуклюже поклонился:

– Ваше величество…

– Нет, – рассеянно сказала Моргана тихим голосом. – Не нужно вставать. Я – Моргана, называй меня так. А я буду звать тебя… Артуром. – Она чуть помедлила, прежде чем произнести имя, словно оно было ей неприятно.

Вудли сел. За столом повисло неловкое молчание. Он снова попытался посмотреть в глаза Морганы и снова потерпел неудачу.

– Ты победил ундину? – спросила она. – Если ты не прошел мое испытание честно, тебя ничто не спасет. Тем более что тебя зовут Артур. Мне не нравится это имя…

Вудли поймал умоляющий взгляд сэра Богарта и проглотил комок во внезапно пересохшем горле.

– Я убил ундину, – сказал он. – И разумеется, честно.

– Очень хорошо, – промолвила царица воздуха и тьмы. – Забудем об этом. Давно я не видела никого с поверхности.

Насколько я помню, последним был сэр Галаходин.

Богарт нервно закашлялся. Моргана улыбнулась ему и забарабанила тонкими пальцами по столу.

– Он играл со мной в шахматы, – сказала она с почти неприкрытой угрозой. – Понимаешь… Артур… когда я только поселилась здесь, первые лет сто или около того, я время от времени приглашала к себе гостей. Чтобы поиграть с ними в шахматы. Потом мне это наскучило, но недавно я вновь ощутила… тягу к игре. Впрочем, это ничего не значит. Я не собираюсь покидать озеро по такой ничтожной прихоти. Здесь есть сэр Богарт… кстати, Вивиана, он еще не надоел тебе?

– Надоел, причем давно, – честно ответила девушка. – Но я привыкла к сэру Богарту и его манерам.

– У тебя теперь новый любовник, – проворковала Моргана. – Почему бы тебе не лишить своего покровительства старого?

Сэр Богарт совсем сник.

– Вивиана, – торопливо произнес Артур, – я надеюсь… я хочу сказать, Богарт обещал многое показать мне, объяснить, как биться на рыцарском поединке и все такое прочее. Ты же не…

– Со временем тебе надоест и новый любовник, – тихим и ласковым голосом сказала Вивиане Моргана. – И ты не будешь плакать, если я приглашу его поиграть со мной в шахматы.

Вудли едва не поперхнулся.

– Я всегда буду любить монсеньора Артура, – решительно заявила Вивиана. – Когда я впервые увидела его, он напомнил мне Мерлина. И если компания сэра Богарта устраивает моего господина…

Моргана рассмеялась:

– Мерлина! Горе мне! Хорошо, я не буду трогать сэра Богарта без твоего разрешения, но… – Она пожала плечами. – Лично я предпочла бы Артура. Может быть, оттого, что его имя навевает воспоминания…

– Э… – начал Вудли.

Моргана посмотрела на него:

– Тебе ничто не грозит. Пока Вивиана здесь, а она никуда не собирается уходить, у нее должны быть свои игрушки. Но она – человек, к тому же женщина, и, значит, капризная. Настанет время, и ты тоже наскучишь ей, Артур, и мы сыграем с тобой в шахматы.

– Я… я не очень-то хороший игрок, – промямлил Вудли, но его оборвал оглушительный хохот Блэза.

Друид, правда, тут же умолк и приложился к бокалу.

– Тот, кто играет в шахматы с Морганой, всегда проигрывает, чем бы ни закончилась партия, – пояснил он.

Вудли снова вспомнил гобелен с изображением Эдема. Да, заклинание мокрой магии можно выпытать только у Вивианы. На Моргану рассчитывать не приходится. Слишком уж она… зловещая.

– Пока я здесь, монсеньор Артур не будет играть в шахматы, – твердо сказала Вивиана.

Моргана снова улыбнулась.

– Все когда-нибудь кончается, – загадочно изрекла она. – Давайте сменим тему. Артур, мир забыл обо мне?

– О нет. Вы остались в произведениях Теннисона, Мэлори, однажды про вас даже сняли кино.

– Кино?

Вудли объяснил. Моргана покачала головой:

– Надо же, меня считают сказочной героиней.

– Моргана, что ты говорила мне об истории и преданиях? – спросила Вивиана. – Я хотела объяснить монсеньору Артуру, но сама не слишком-то в этом разбираюсь. Он не понимает, как легенда может быть правдой, и я тоже.

– Блэз, расскажи, – велела королева.

Друид выпил еще вина и неспешно начал:

– О, все довольно просто. Это связано с изменчивостью времени. Исторического Пендрагона звали Арториусом, и был он вождем небольшого племени, сражавшегося с римлянами в пятисотых годах. Тогда не было никаких рыцарей, никаких замков вроде этого. То, что есть сейчас, идет от Плантагенета.

Вудли непонимающе уставился на друида. Недоумение его было совершенно искренним.

– Но я думал…

– Легенды способны влиять на прошлое. Тебе доводилось что-нибудь сочинять?

– Я как-то раз-другой пробовал написать сценарий.

– Так вот, ты непременно возвращался назад, чтобы внести изменения или сделать вставки. Предположим, ты пишешь историю мира. Занимаешься Арториусом и его временем, а несколько тысяч слов спустя тебе в голову приходит удачная мысль. Ты решаешь сделать Арториуса великим королем, сочинить героическую сагу о рыцарстве и Круглом столе, о Блэзе и Гвиневере, о Мерлине и так далее. Ты возвращаешься назад и делаешь вставки в текст. Как-нибудь потом один из твоих персонажей, скажем Мэлори, делает ряд ссылок на артуровский цикл. Закон корректировки и пересмотра, – непонятно добавил он.

– Но ведь речь не о вымысле, – не сдавался Вудли. – Мы говорим о реальных событиях. Жизнь – не чье-то сочинение.

Воцарилась тишина, которую нарушила Вивиана, начав рассказывать о давно забытом скандале, касающемся Изольды и Грустного Рыцаря. Вудли, как всегда, задремал. Последним, что он запомнил, было прекрасное, загадочное и ужасное лицо Морганы.

Проснулся он в постели и сразу же заметил выглядывающую из-за портьеры Нурмалу.

– Мы рано завтракаем, мой господин, – забулькала наяда. – Не желаете встать?

– Уже утро?

– Над озером светит солнце.

Вудли хмыкнул и повторил процедуру надевания панталон под простыней.

Это почему-то расстроило Нурмалу, и она поспешила покинуть комнату. При взгляде на ее зеленую желейную спину у Вудли проснулся голод.

В главном зале он нашел только Вивиану. У него немного болела голова, и, ответив на просьбу девушки поцеловать ее, он накинулся на эль, мясной рулет и соленую рыбу. Вместо эля он предпочел бы томатный сок. Невидимого оркестра на галерее не было.

– Уютная комнатка, – заметил Вудли, немного поеживаясь. – Никогда не завтракал на Центральном вокзале.

Вивиана поняла, что он имеет в виду:

– Во всех замках есть главный зал. Потом, если хочешь, мы будем завтракать в личных покоях. В старые времена здесь часто пировали. Вместо столов были доски, положенные на козлы. Даже сейчас мы иногда устраиваем банкеты.

– Что? Здесь бывают гости? – недоверчиво спросил Вудли.

– Моргана воскрешает мертвых, – объяснила Вивиана. – Ей это кажется забавным.

– А мне нет, – с ужасом признался Вудли. – А где сейчас Моргана?

– Она… занята. Блэз? Пытается напиться, я думаю. Совсем сбрендил на старости лет.

– Ладно, а где сэр Богарт? – поинтересовался Вудли.

Вивиана как-то странно посмотрела на него:

– Вчера, когда ты уснул, а Богарт ушел в свою комнату, Блэз рассказал мне, что этот подлый рыцарь сбросил тебя с балкона во двор к дракону. Поэтому я лишила его своего покровительства. Сейчас он играет в шахматы с Морганой.

Вудли поперхнулся элем:

– О мой бог… Вивиана, где он?

– Играет в шахматы с Морганой. Ты его больше не увидишь.

Вудли положил рог на стол. Под ложечкой у него образовался мерзкий холодный комок. Значит, произошло самое худшее. Блэз вспомнил и заговорил. Теперь…

– Вивиана! Я думал, ты хотела сохранить Богарту жизнь. Ты должна спасти его!

– После того, как он пытался убить тебя? Ни за что! Кроме того, поздно что-либо менять. Игра… закончится только на закате, но сэра Богарта уже не спасти.

Девушка нахмурила темные брови:

– Да, чуть не забыла! Моргана хочет видеть тебя.

– П-правда?

– Она сказала, чтобы ты пришел к ней вечером. Не знаю зачем. Сказала, что сэр Богарт рассказал ей о чем-то. Какой-то пустяк…

– Неужели… – пробормотал Вудли, допивая эль.

Выпивка не принесла утешения. Он слишком ясно представлял, что его ждет. Богарт перед смертью открыл Моргане правду об ундине. А что сказала Моргана вчера за ужином? «Если ты не прошел мое испытание честно, тебя ничто не спасет».

Значит, решающий час пробьет сегодня вечером. У Вудли оставалось время только до заката или, может быть, чуть больше.

Один день, чтобы выведать у Вивианы заклинание мокрой магии!

Вудли вдруг бросился действовать очертя голову. Нападение – лучшая оборона.

– Вивиана, – сказал он, – я хочу вернуться.

Ни один мускул не дрогнул на ее лице.

– Ты останешься со мной навсегда.

– А если Моргана что-нибудь сделает со мной?

– Не сделает. И… – Глаза Вивианы потемнели. – И… лучше это, чем отпустить тебя на поверхность, где тобой будут обладать другие женщины. Артур, теперь ты не можешь дышать над водой. Изменить это подвластно только Моргане и мне. На суше ты умрешь. Ни я, ни Моргана не поможем тебе покинуть озеро. А если ты попытаешься сделать это, я верну тебя, монсеньор. Слушай меня. – Она наклонилась над столом, поставив локти на шахматную доску. – Для людей ты невидим и неосязаем. Ты – один из нас. Твой голос могут услышать только волшебные существа.

– Но ты могла бы все изменить, Вивиана!

– Чтобы отдать тебя другим женщинам? Я лучше увижу тебя мертвым. Никогда больше не говори об этом, монсеньор, иначе я скажу Моргане, что она может поиграть с тобой в шахматы!

– Не волнуйся, – процедил сквозь зубы Вудли. – Моргана и так своего не упустит.

Но он понимал, что зашел слишком далеко, повел себя с Вивианой неправильно. Он попытался успокоить девушку, и она на удивление благосклонно восприняла это. Наконец, положив голову ему на плечо, она стала рассказывать о сэре Пеллиноре и Звере Рыкающем.

– Зверя звали Глатиссант, – сказала она, и ее голосок снова стал нежным. – Старому Пеллинору надоела жена, и он сказал, что должен отправиться на поиски зверя. Так, дескать, требует долг. И ушел бродить по Британии. Никто не видел зверя, кроме Пеллинора, но многие юные девицы, на свою беду, слушали рассказы Пеллинора. И в самом деле! Через девять месяцев путь Пеллинора стало нетрудно проследить. Я всегда говорила…

Вудли не слушал ее. Он пытался срочно придумать план побега. Теперь он со всей определенностью знал, что должен выбраться из озера до наступления темноты. Моргана… в ней нет ни капли человеческого. А эта игра в шахматы! Что за кошмар скрывался под этим эвфемизмом, Вудли не знал. Но точно знал, что не хочет играть в шахматы с царицей воздуха и тьмы, как играл сейчас бедняга Богарт. Вудли снова вспомнил гобелен с изображением Эдема…

Как же сбежать?

Он был невидим, неосязаем и нем для людей. Никто не мог увидеть или услышать его, равно как и почувствовать его прикосновение. За исключением всяких волшебных созданий. Более того, он задохнется, стоит ему только покинуть озеро.

Стоп! Вудли ухватился за последнюю мысль. Люди могут дышать под водой в водолазных костюмах. Вероятно, Вудли сможет жить на поверхности, если будет постоянно дышать водой.

О водолазном костюме нечего и думать. Но ведь достаточно же постоянно носить с собой миску с водой! При этой мысли Вудли едва не улыбнулся, но вовремя спохватился.

В здешней гористой местности мало ручьев, вернее, всего один, который впадает в озеро. Но… Вудли не собирался всю оставшуюся жизнь дышать водой, это попросту неудобно.

И Вивиана будет преследовать его. Она умеет летать…

Вудли напряг память. Неужели в легенде об Артуре не было ничего, что могло бы ему помочь? У него родилась смутная догадка… Мерлин!

Впав в детство, Мерлин влюбился в Вивиану и преследовал ее по всей Британии. В конце концов девушка, устав от дряхлого любовника, выведала у него заклинание и с его помощью

заточила волшебника в стволе дуба. Если бы найти Мерлина…

– О боже! – воскликнул Вудли и резко выпрямился. – У… о… ничего, любимая. Меня кто-то укусил.

– Бедненький, – сказала Вивиана, крепче прижимаясь к нему. – После схватки с этой противной ундиной… Так вот, как я уже сказала, рыцарь спустился с башни и спрятался в крепостном рву…

Вудли стал вспоминать, что с ним произошло перед встречей с Вивианой, – пещеру в корнях дуба, где кто-то дал ему пинка под зад. А вскоре после этого Вивиана сказала, что он пахнет, как Мерлин.

Конечно! Мерлин заточен в том дереве!

И без сомнения, он очень зол на Вивиану. Вудли вспомнил, что у Мэлори Мерлин и фея Моргана были злейшими врагами. Побеждал обычно Мерлин.

Если Вудли удастся освободить волшебника, тот из благодарности наверняка поможет ему. Мерлину определенно по силам снять с Вудли заклятие, сделать так, чтобы он снова мог дышать воздухом, и защитить его от Морганы и Вивианы. Конечно, проторчать в дубе несколько веков… ха!

Все было логично. Оставалось только узнать заклинание, которое освободит Мерлина.

В этом может помочь Блэз.

– Дорогая, – вдруг сказал Вудли, – а что стало с одеждой, в которой я был, когда попал сюда?

– Зачем она тебе? – Вивиана посмотрела на него с подозрением.

– Мне нужны сигареты.

Вудли объяснил ей, что такое табак. Девушка кивнула:

– Конечно, Моргана может сделать его при помощи магии, но на поиски нужного заклинания потребуется время. Твою одежду сейчас принесут. Нурмала!

Полупрозрачная девушка возникла из-за портьеры, выслушала поручение Вивианы, ушла и скоро вернулась с военной формой Вудли. Он порылся в карманах и нашел сигареты, которые волшебным образом оказались сухими. Конечно, курить под водой невозможно, но… Вудли выпустил дым кольцами.

– Дорогая, не хочешь попробовать? – коварно предложил Вудли.

Под его руководством девушка познакомилась с табаком поближе. Через десять минут ее лицо приобрело синеватый оттенок, и она, прервав рассказ о Гвиневере и Борре, выбежала из зала. Назад она не вернулась.

Дрожа от возбуждения, Вудли нашел в кармане кителя флягу. Она была полна почти наполовину!

Он направился к комнате Блэза. По пути он прихватил глазурованную глиняную миску и оставил ее рядом с дверью в комнату друида.

– Можно войти?

– Ик!

Вудли решил считать ответ положительным. Войдя, он увидел, что Блэз склонился над ретортой и снимает пробу с очередного кувшина.

– Сточная вода! – заверещал Блэз. – Помои! Кашка для сосунков! Я столько времени потратил на заклинание, что не сомневался – в этом пойле будет градусов двадцать. Да раздробит Сатана все мои кости! Нет! – добавил он торопливо. – Беру свои слова назад!

– Попробуй это, – предложил Вудли, протягивая ему флягу. – Вылетело из головы, что она у меня сохранилась.

Глаза Блэза, полускрытые вуалью плавучей бороды, сверкнули, его костлявая рука метнулась к фляге.

– Выпивка с суши? Монсеньор Артур, я тебя обожаю! Вино? Эль?

– Бренди. Попробуй.

Блэз сделал глоток. Потом опустил флягу, запрокинул голову и зачмокал губами. Из его горла вырвался блаженный мурлыкающий стон.

– Бренди, – с наслаждением произнес друид. Открыв глаза, он алчно уставился на флягу. – Я напьюсь! Напьюсь впервые за много веков!

– Нет, – сказал Вудли, отбирая у него бренди. – Извини. Больше не получишь.

– Но… – У Блэза отвисла челюсть. – Монсеньор Вудли! Ты, верно, шутишь!

– Отнюдь нет, – мрачно произнес Вудли.

– Подожди, – торопливо произнес Блэз, глотая слюнки. – Я сделаю тебе вино! Медовуху. Эль. Сколько угодно! Я дам тебе все, что хочешь!

Вудли ждал. Наконец он решил, что Блэз дошел до нужной кондиции.

– Хорошо, – сказал он. – Я оставлю тебе бренди. Но хочу получить кое-что взамен. Ты должен сказать мне одно заклинание.

– Заклинание, которое позволит подводному жителю дышать воздухом? – хитро прищурился Блэз. – Хорошо.

– Нет, – резко оборвал его Вудли, убирая флягу. – Ты говорил, что не знаешь этого заклинания. Прекрати увиливать.

– Ладно, – хмуро произнес Блэз. – Что тебе нужно?

– Мерлин знает… знал заклинание мокрой магии?

– Да, знал. Мерлин был моим учеником, но он намного превзошел своего учителя. А что?

Вудли облегченно вздохнул:

– Ничего. Ты знаешь заклинание, способное освободить человека, заточенного в ствол дуба?

Блэз долго молчал. Потом подскочил к столу, схватил стоявший на нем кувшин и жадно сделал несколько глотков. Грязно выругавшись, он расколотил посудину об пол.

– Помои! – закричал он. – Я не могу пить эту гадость вечно! Заклинание дуба? Дуб – дерево друидов. Конечно знаю.

– Тогда скажи мне его, – предложил Вудли. – Взамен получишь бренди.

Жадность восторжествовала. Блэз открыл ему заклинание.

– Оно правильное?

– Конечно. Ик! Давай сюда бренди!

– Поклянись… Мидиром.

– Клянусь Мидиром, – сердито произнес Блэз. – Ты дурак, монсеньор Артур. Впрочем, поступай как знаешь. Если Моргана убьет меня, по крайней мере, помру пьяным.

Он глотнул бренди. Вудли повернулся, чтобы уйти.

Его остановил голос друида:

– Подожди. У меня возникла одна мысль.

Блэз тряс косматой бородой и часто мигал водянистыми глазами.

– Этот бренди прочистил мой разум. Странно. Я столько времени провел в полупьяном состоянии… Минуту.

Он снова выпил.

Вудли не хотел ждать, памятуя о том, что скоро ему придется предстать перед Морганой, но друид вцепился в него костлявой рукой и посмотрел прямо в глаза уже затуманивающимся взором:

– Артур… мне следовало подумать об этом раньше. Когда увидел тебя вчера с ундиной… Да, похоже, с годами я совсем потерял разум. Но теперь я все вспомнил. – Он еще крепче сжал руку Вудли. – Ты должен выслушать меня. Это очень важно. Может быть, потому, что ты не понравился Моргане, а еще потому, что тебя зовут Артур. Выслушай меня! Помнишь, я говорил тебе о том, что историю можно переписать, что время изменчиво?

– Да. Ну и что?

– Сильные персонажи направляют перо автора и изменяют

само повествование. Арториус Британский сделал это. Он был всего лишь вождем маленького племени, но он был сильным и храбрым. Таким сильным, что взял на себя более значительную роль, чем та, что была уготована ему изначально. Так он изменил историю. Этот мелкий вождь взял в руки Экскалибур и создал легенду. Став Артуром Пендрагоном, он спас Англию от сил тьмы.

Вудли нетерпеливо посмотрел на дверь – время поджимало.

– Ну и что?

– На гробнице Артура начертаны слова: «Король былого и грядущего». Существует легенда, что Артур вернется, когда Англия будет в опасности, вернется, чтобы снова спасти ее. Неужели этот день настал?

– Тогда… – Вудли облизал губы и уставился на Блэза.

– Выслушай меня! – Костлявые пальцы друида впились в руку Вудли, словно хищные когти. – Любой человек может стать Артуром, если он достаточно силен, чтобы направлять перо автора. Любой человек может стать Артуром, если посмеет взять в руку Экскалибур. А тебя зовут… Твоя жизнь, может быть, не отличалась величием до этого момента. Это не имеет значения. Арториус не был великим, пока не взял в руки Экскалибур. Ты знаешь, почему я здесь? Почему Моргана держит меня в заточении?

– Почему?

– Я – хранитель Экскалибура, – сказал Блэз. – Когда Мерлин исчез, его обязанности перешли ко мне. Артур покоится на острове Авалон. Но предсказание гласит, что, когда для Англии настанет час испытаний, он вернется и я должен буду передать ему Экскалибур. Я пытался найти Пендрагона, – тихим голосом продолжил друид. – Я забыл, что когда-то Пендрагон был простым Арториусом. Теперь этот час наступил. Ты не случайно оказался под озером. Экскалибур лежит здесь, достаточно только взять его. С ним ты можешь стать Артуром.

У Вудли загорелись глаза.

– Блэз… – начал он, но умолк и прикусил губу. – А Моргана?

– С Экскалибуром в руках ты сможешь победить ее, и не только ее. Человек, у которого в руке Разрубающий Сталь, спасет Англию!

– Почему же ты сам не воспользовался им, чтобы победить Моргану? – спросил Вудли.

– Я его хранитель, единственный человек на земле, который не может к нему прикоснуться.

Голос Блэза был проникнут глубокой печалью. Друид и сам понимал, как нелепо он выглядит в своем замызганном плаще,

заявляя о том, что он такая значительная фигура…

– Я знаю, о чем ты думаешь, – сказал друид. – О бегстве и безопасности. Но это неверный путь. Экскалибур ждет, чтобы ты взял его. Я видел знамения и полагаю, час наступил. Помни, любой человек может стать Артуром. Если у него достанет отваги взять в руки меч и взмахнуть им. Артур обладал такой отвагой, а вот сын Моргаузы Гавейн – нет. Разрубающий Сталь был предложен ему первому, но он испугался. А теперь…

– Я… возможно, я мог бы стать Артуром, – очень тихо сказал Вудли.

– Тебе под силу изменить прошлое, настоящее и будущее. Тот, у кого достанет силы и отваги, может переписать историю. И не важно, какой была твоя жизнь раньше. Если ты возьмешь Экскалибур, твое прошлое будет… пересмотрено.

Вудли долго молчал. Он вспомнил, как лежал в его ладони эфес меча, как странное восхитительное чувство охватило его, когда они скрестили клинки с Богартом. Держать в руке Экскалибур…

Быть Артуром!

– Ты можешь стать этим человеком, – гнул свое Блэз. – Ты победил ундину. Я должен был сразу догадаться, что ты тот, кого я так долго ждал.

Но Вудли не сражался с ундиной. Под ложечкой у него опять заворочался ледяной червяк.

– А если я возьму… Экскалибур, что я должен сделать?

Тщедушное тело Блэза тряслось от возбуждения.

– Ты поймешь. Сначала убей Моргану. Потом твоя звезда укажет тебе путь.

Убить Моргану?

Почему-то меч, пусть даже сам Экскалибур, казался Вудли жалким оружием против ужаса, который таился во взгляде чародейки. Возможно, как раз в эту минуту она разделывается с Богартом и предвкушает встречу с новой жертвой…

А если Вудли возьмет Экскалибур, но не сможет победить Моргану? А если сражаться волшебным мечом окажется ему не по плечу? В конце концов, ундину ведь убил не он. Он положился на хитрость, которая порой оказывается вернее, чем отвага.

Если бы у Вудли не было иного пути, он сразился бы с Морганой и сделал все, чтобы ее победить. По крайней мере, ему хотелось в это верить. Но другой путь был, причем гораздо менее рискованный.

А еще – он не был Артуром!

Впрочем, трусом он тоже не был. Но предложение Блэза было

чистой воды авантюрой. И почему он, Вудли, должен в ней участвовать? Зачем ставить на карту свою жизнь? Заточенный в дубе Мерлин сохранил свою магическую силу и наверняка может помериться ею с феей Морганой. Вот он – логичный, менее опасный и куда менее рискованный путь.

И все же предложение Блэза было весьма соблазнительным. Экскалибур! Взять в руки легендарный меч! При одной мысли об этом у Вудли на миг закружилась голова. С волшебным мечом не страшна даже царица воздуха и тьмы!

Но вот незадача – все это только при условии, что он сможет взять в руки Разрубающий Сталь. А вдруг он окажется не тем человеком? Сам он определенно не чувствовал себя Артуром Пендрагоном. Попав не в те руки, Экскалибур окажется бессильным или даже хуже… Что, если неподходящий человек не сможет даже поднять его? У Вудли побежали мурашки по спине, когда он представил, как будет стоять перед Морганой с бесполезной железкой в руках.

Нет, риск был слишком велик. Предложение заманчивое, но Вудли понимал: если он его примет, пути к бегству будут отрезаны. А уверенности, что меч сможет защитить его, у него не было. Не стоит ставить на кон так много. Зато план с освобождением Мерлина сулил хорошие шансы на спасение.

Друид наклонился к Вудли, сверкая глазами:

– Экскалибур спрятан в таком месте, куда посмеет войти только Артур. Позволь мне проводить тебя к нему.

Вудли сделал глубокий вдох.

– Блэз, – сказал он. Голос его предательски дрогнул. – Думаю, у меня есть идея получше. По крайней мере, я хочу рискнуть. Если не получится, вернусь, чтобы сразиться с Морганой.

Друид сник, отчего, казалось, стал еще меньше. Он выпустил руку Вудли и отошел на шаг.

– Гавейн, – сказал он. – Экскалибур не предлагают дважды.

– Но я сражусь с Морганой, если придется. Только…

Ответом ему была гробовая тишина. Вудли почувствовал себя так, словно провалил какой-то важный экзамен. Он повернулся и направился к двери, оставив Блэза допивать бренди.

Минуту назад старик имел на удивление величественный вид – как ни странно, но от бренди он протрезвел или, по крайней мере, сделался менее пьяным, чем обычно. Впрочем, теперь друид снова превратился в грязного старикашку, плечи его безвольно поникли.

– Прощай, дурак, – сказал Блэз. – Ик!

Вудли кивнул, вышел за портьеру и, подобрав с пола

глиняную миску, отправился на поиски двери, через которую они с Блэзом вчера вошли в замок. Предложение старого друида никак не шло у него из головы. Он почти жалел о принятом решении.

Но сейчас важнее было не попасться на глаза никому из обитателей замка. А если он столкнется с Вивианой? Или даже с самой Морганой? Однако ему повезло: он не встретил даже наяды и через десять минут уже шел по дну озера.

Мимо проплывали рыбы. Вудли упорно шагал вперед, и скоро его голова показалась на поверхности.

Что ж, он принял решение, и теперь оставалось лишь надеяться, что оно окажется правильным. Проверить можно было только одним способом…

Вудли наполнил миску водой и, когда захотел сделать вдох, погрузил в нее лицо. Получилось.

Повторив процедуру раз пять, он удостоверился, что не задохнется, и направился к берегу. В нескольких сотнях шагов виднелось ущелье, по которому тек ручей. Приблизившись, Вудли обнаружил, что берега здесь, конечно, крутые, но вполне преодолимые.

Он оглянулся. За его спиной сверкала серебром под полуденным солнцем гладь озера. Что это? У него бешено заколотилось сердце. Что-то поднималось из глубин… Неужели?..

Слава богу, это оказалась всего лишь рыба. Но пережитый страх напомнил Вудли о том, что следует поторопиться. Он машинально вдохнул воздух и долго кашлял и отплевывался, опустив лицо в воду. Отдышавшись, он направился к ущелью.

Поднимался он быстро. Идти пришлось недолго, с полмили или даже меньше, пока он не дошел до места, где впервые встретился с Вивианой. До дуба оставалось всего несколько сотен ярдов.

Что-то заставило его поднять взгляд. Высоко над головой, в стороне озера, в небе парила птица. Нет, не птица – Вивиана!

– О боже! – охнул Вудли и спрятался под выступом скалы.

Когда он осмелился высунуться, Вивианы не было видно. Если ему повезло, она не заметила свою жертву.

В любом случае Моргана, видимо, еще ни о чем не знает. Уже неплохо. Вудли поспешил дальше по ущелью. Дышать становилось все труднее. Вскоре вода в миске уже не насыщала легкие, и ему пришлось набрать новой из ручья. Наконец он увидел дуб.

Таким он и запомнил это старое дерево с небольшой пещерой между корнями. Вот где заточен Мерлин!

Теперь за дело. Вудли еще раз наполнил миску свежей водой,

поднялся по склону и осторожно подошел к дубу. Вивианы пока нигде не было видно.

Кожа за время пути высохла и стала горячей. Вудли хотелось погрузиться в воду, но ручей был слишком мелок, да и время поджимало. Пора было использовать заклинание, которое выдал Блэз…

Вудли сорвал семь дубовых листьев и положил их в ряд перед дубом. Потом опустил лицо в миску, сделал глубокий вдох и поднял голову. Итак…

Вся кожа горела огнем. Вудли понимал, что должен вернуться в воду, иначе он сморщится, как выброшенная на берег медуза.

Заклинание было довольно коротким. Он прочитал его, отчетливо произнося каждое слово.

Прогремел гром, ударила молния, и ствол дуба с оглушительным треском раскололся.

Вудли на мгновение испугался, что шум может привлечь внимание Вивианы. Ствол дуба оказался полым, из него вышел человек.

Это был Мерлин Амброзий собственной персоной – высокий осанистый мужчина с орлиным носом и длинной седой бородой. Он здорово смахивал на профессора истории, впечатление портил только коричневый плащ с капюшоном.

– Мерлин! – облегченно воскликнул Вудли и сразу же опустил лицо в миску.

Теперь он не боялся Вивианы! Мерлин был свободен!

– Ну и ну, – проворчал волшебник. – Ты ведь не Артур? Конечно нет, сам вижу. Почему люди постоянно суют нос не в свои дела? Тебе что, больше нечем заняться?

– Я… я освободил тебя из дуба, в который тебя заточила Вивиана, – обескураженно попытался объясниться Вудли.

Мерлин воздел руки:

– Откуда, скажи на милость, у тебя возникла такая дурацкая идея? Наслушался рассказов Вивианы? Разумеется, она не хочет, чтобы кто-нибудь узнал правду. Клянусь Мидиром! Уже много веков она пытается найти этот дуб, пытается отыскать меня, с тех пор как я от нее спрятался.

– Так вы… спрятались сами?

– Полагаю, ты уже познакомился с Вивианой, – сказал Мерлин. Видно было, что он кипит от злости, но пока сдерживается. – Прелестная девушка. Просто очаровательная. Только трещит как сорока. Сплетни, сплетни, сплетни, утром, днем и вечером, даже по воскресеньям! Она преследовала меня по всей Британии, я никак не мог от нее отделаться. Как она любила

меня! И как она болтала! Я потерял способность здраво мыслить. Каждый раз, когда я пытался придумать заклинание, она начинала болтать о какой-нибудь интрижке между герцогом Таким-то и госпожой Сякой-то. О нет! – воскликнул Мерлин. – Вивиана не заточала меня в этот дуб, я сам в нем спрятался и с тех пор чудесно провожу время, за исключением тех случаев, когда поблизости появляется эта девица. Я сплю, когда хочу, а в остальное время занимаюсь столь любезной моему сердцу магией. И лишь одно меня тревожило – страх, что когда-нибудь эта прекрасная безмозглая болтливая сорока найдет меня и снова превратит мою жизнь в ад.

Но нет, – твердо заявил Мерлин. – Я придумал новое заклинание, которое невозможно обратить вспять. «Somnus eternatis» – вот как оно начинается, и я воспользуюсь им, чтобы снова спрятаться в дубе. И тогда сам дьявол не сможет вытащить меня отсюда. Давно нужно было так поступить, но я думал, что несколько веков не имеют большого значения.

– Но как же!.. – воскликнул Вудли, который то опускал лицо в миску, то смотрел на Мерлина. – Неужели вы мне не поможете?

– Я помогу тебе, – проворчал волшебник. – Это совсем просто. Я сниму с тебя заклятие мокрой магии и защищу от Вивианы и Морганы – тебе ведь это нужно? Мне не потребуется много времени. А потом я удалюсь в свое любимое дерево и запрусь снаружи и изнутри. Я никогда не смогу выйти, и никто никогда не сможет ко мне войти. Артуру, когда он появится, я все равно не понадоблюсь. У него есть Экскалибур.

Что-то засвистело в воздухе за спиной Вудли. Он обернулся и увидел летящую к нему Вивиану, чьи волосы развевались на ветру, – значит, раскат грома все-таки привлек ее!

– Монсеньор Артур! – кричала она. – Вот вы где!

Мерлин уныло застонал и шагнул обратно в дуб. Затем быстро и громко заговорил:

– Somnus eternatis…

– Мерлин! – пронзительно взвизгнула Вивиана, заметив его. – О возлюбленный мой Мерлин! Наконец-то!

Она пролетела мимо Вудли, выбив миску у него из рук. Мерлин отчаянно пытался закончить заклинание. Но Вивиана уже подлетела к нему, обвила руками шею отчаянно отбивавшегося волшебника и принялась покрывать страстными поцелуями его небритые щеки.

Сверкнула молния, прогремел гром, и ствол дуба захлопнулся, как двухстворчатая дверь. Вудли уставился на дерево, уже привычно задержав дыхание. Мерлин и Вивиана исчезли.

Миска, к счастью, при падении не разбилась. Подобрав ее, он бросился к ручью набрать воды. Все тело горело, и он принялся обливаться. Затем, наполнив миску водой, поднялся к дубу и сорвал семь листьев.

Он повторил заклинание Блэза, но ничего не произошло. Он повторял его снова и снова, шесть раз подряд. Никакого эффекта. Мерлин и Вивиана оказались заточены внутри дуба.

Вудли вернулся к ручью и сел в неглубокий омут, иногда опуская голову в воду, чтобы набрать в легкие воды. Мучительно болели все участки тела, оставшиеся на поверхности. Ему хотелось погрузиться в ручей с головой, но омут был слишком мелким, и Вудли мог только поливать себя водой из миски. Это не слишком помогало.

Если бы Мерлин успел снять с него заклятие мокрой магии, если бы Вивиана прилетела чуть позже…

Вудли кусал губы. Если бы кто-нибудь мог помочь ему…

Если бы он согласился с Блэзом и взял Экскалибур…

Помощи ждать было неоткуда. Вудли знал, что должен все время находиться рядом с водой, чтобы наполнять миску. Можно было бы насыщать воду в миске кислородом при помощи тростинки, но он все равно не мог долго оставаться на суше. Воздух и солнце были для него губительны, как для медузы.

Вот бы найти глубокий омут…

Но таких омутов здесь не было. Мелкий ручей стремительно несся по ущелью. Вудли мог выжить только в озере.

«Нет, – подумал он. – Я останусь здесь. Смерть будет менее мучительной. Богарт…»

Но плоть слаба. С каждой минутой боль становилась все сильнее. Наконец она стала нестерпимой.

Выхода не было. Он должен вернуться в озеро. К фее Моргане.

Вудли начал спускаться по ущелью. В конце концов он может и не возвращаться в замок. Может спрятаться где-нибудь под водой, где Моргана его не найдет…

Он дошел до конца ущелья и стал погружаться в воду.

И тут перед его глазами возникло видение. Ему показалось, что из глади озера появилась рука в рукаве из тяжелого шелка. Рука сжимала меч, его клинок ослепительно сверкал на солнце…

Потом она исчезла. Вудли пошел дальше. Всего лишь галлюцинация.

Больше ничего необычного он не видел. В прохладной воде кожа перестала гореть. Вудли лег на дно, с наслаждением чувствуя, как проходит мучительная боль в горле и легких. Он

долго лежал без движения, отрешившись от всего вокруг. Ему необходимо было просто расслабиться. Становилось темнее. Солнце скрылось за вершинами гор. Любопытная форель пощипала Вудли за волосы, но метнулась прочь, стоило ему пошевелиться.

Мерлин… Блэз… Не следовало рассчитывать на их помощь. Нужно найти укрытие. Может быть, пещера в Качающейся скале? Возможно, Моргана не найдет его там…

Кожа совсем перестала гореть. Вудли медленно встал и направился вниз по дну озера. Его окружал зеленоватый полумрак. И вдруг он заметил под ногами какое-то движение. Что-то шевелилось на дне…

От потрясения Вудли не сразу поверил своим глазам. Ему стало дурно. Тошнотворен был не сам вид этой… твари, а то, что она, несомненно, еще недавно была сэром Богартом.

И тварь была живой. До некоторой степени.

Шахматная партия Морганы завершилась.

Вудли плотно зажмурил глаза и попытался утихомирить желудок, взбунтовавшийся при виде того, что сделала с Богартом колдунья.

Так, стоя с закрытыми глазами, он услышал:

– Сейчас она играет в шахматы с Блэзом.

Вудли попытался что-то сказать, но не смог. Тварь, которая вроде бы не могла иметь голоса, меж тем гнусаво говорила:

– Она не смела убить его прежде, потому что он хранил Экскалибур для Артура. Но теперь час возвращения Артура миновал и бояться ей больше нечего – так она сказала, прежде чем убить меня.

Больше существо не проронило ни слова, потому что рассыпалось в прах.

Вудли открыл глаза. Зеленый полумрак сгустился, уже почти ничего не возможно было разглядеть, кроме далекого темного силуэта – замка Морганы. Справа виднелось другое темное пятно – вероятно, Качающаяся скала.

Там можно спрятаться…

Нет. Моргана найдет его. Вудли едва не пошел назад по собственным следам, но вспомнил, какие муки испытал на суше, и остановился. Во второй раз ему этого не выдержать.

И все же лучше муки, чем партия в шахматы с Морганой. Теперь-то Вудли понял, что скрывалось за этим эвфемизмом. Бедняга Блэз!

Вудли попытался выкинуть подобные мысли и воспоминания о Богарте из головы. Он знал, как должен поступить. Был только один выход. Решение всех проблем – удар острой сталью в сердце.

Это станет точкой в длинной череде его ошибок.

Вудли опустил руку к поясу, но меча не нашел. Ну конечно, он же оставил клинок в своей комнате после поединка с ундиной!.. Ладно, значит, кинжал.

Кинжала тоже не было. Вудли был безоружен.

Снова накатила мучительная тошнота. Если он не убьет себя, то разделит участь Богарта. Нет, только не это. Уже в который раз Вудли оглянулся назад, туда, где остался берег.

Но покинуть озеро означало умереть в муках. Вудли твердо решил, что найдет другой способ покончить с собой, даже если придется вернуться в замок…

В итоге он так и сделал. Иного выхода не было. Здесь, в озере, оружие можно найти только в цитадели Морганы. Как попасть в замок, Вудли знал – Блэз показал ему. Вудли утешал себя мыслью, что случайная встреча с Морганой ему вряд ли грозит: чародейка сейчас слишком занята.

Тем не менее он старался держаться в тени, когда крадучись пробирался по коридору к своей комнате. Казалось, странная тьма опустилась на замок. Слабый, льющийся из ниоткуда свет стал совсем тусклым. В замке царила полная тишина.

По пути Вудли не встретил никого, даже Нурмалы. Но оружия в комнате не оказалось. Его куда-то унесли.

Арсенал?

Вудли шел по замку, и с каждым шагом страх все сильнее сжимал его сердце. Что-то таилось в темноте, постоянно наблюдало за ним. И не давала покоя мысль о том, что где-то рядом Моргана играет в шахматы с Блэзом.

Блэз… Богарт… Моргана!

В конце коридора Вудли увидел приоткрытую дверь, за которой поблескивала сталь. Арсенал! Вудли бросился туда, но на полпути замер как вкопанный, разглядев вышивку на белой портьере, которая закрывала проход в одну из соседних комнат: свернувшаяся змея с угрожающе поднятой головой и золотой звездой над ней. Там, за портьерой, были покои Морганы.

Не помня себя от страха, Вудли на цыпочках прокрался мимо, прошмыгнул в арсенал и наугад схватил меч. Самый обычный клинок, но достаточно острый. Не Экскалибур, конечно, подумал Вудли с горькой усмешкой.

Смерть будет быстрой и чистой. Может быть, лучше использовать кинжал. Вудли взял и его.

Но пальцы не хотели выпускать меч. Вудли почти забыл, какое это удовольствие – держать в руках клинок. Оружие словно стало продолжением его руки, и это чувство наполняло его

энергией и решимостью, придавало сил. Никогда прежде он не испытывал ничего подобного.

Взглянув на кинжал, Вудли сунул его за пояс, потом взвесил на руке меч, внимательно осмотрел его.

Жаль, это не Экскалибур. Никогда ему не держать в руке Разрубающего Сталь. Никогда не победить Моргану, даже не вызвать ее на бой…

Выражение лица Вудли изменилось, рука крепче сжала меч. Он вспомнил, как совсем недавно сказал Блэзу: «Думаю, у меня есть идея получше. По крайней мере, я хочу рискнуть. Если не получится, вернусь, чтобы сразиться с Морганой».

Сразиться с ней? Без Экскалибура? Даже мысль об этом казалось нелепой. Тем не менее в сердце Вудли медленно набирала силу незнакомая, не испытанная еще ярость.

С самого начала Моргана делала что хотела. Все боялись ее. Под защитой своей черной магии она творила все, что заблагорассудится, безжалостно растаптывая тех, кто оказывался на ее пути. Возможно, она немного опасалась, что Артур может вернуться и уничтожить ее. Но сейчас эта угроза исчезла, и Моргана почувствовала себя увереннее – и ее можно понять.

Никто не смел противостоять ей. Мысль о торжестве Морганы вдруг стала для Вудли невыносимой. Моргана даже не удосужилась найти и умертвить его. Знала, что он приползет назад или убьет себя и ей не придется тратить силы даже на то, чтобы уничтожить его… раздавить, как муху.

Блэз… Богарт… То, во что превратился Богарт…

Почему дверь в арсенал была открыта? Неужели Моргана догадалась о намерениях Вудли?

От гнева кровь бросилась ему в лицо. Будь она проклята! Да, он не выдержал испытания. Хорошо. Пусть. Он должен умереть, спасения нет. Но по крайней мере, он сделает так, чтобы Моргана потрудилась убить его сама!

Пылая гневом, Вудли развернулся и зашагал по коридору обратно. У задернутой белой портьерой двери он мгновение помедлил, потом отбросил ткань в сторону и шагнул через порог.

За дверью оказалась пустая комната. Дальняя ее стена была не совсем стеной. Вудли показалось, что она представляла собой сплошной, от потолка до пола, занавес из черной паутины. Или этот занавес был соткан из неосязаемой, переменчивой тьмы, из мрачных чар Морганы?

Будь она проклята!

Вудли решительно двинулся вперед. Из-за занавеса вышли два рыцаря в доспехах, их лица были скрыты забралами. В

зловещей тишине рыцари подняли мечи.

Вудли усмехнулся. Ему пришлось скрестить меч с сэром Богартом, и он не собирался дать заколоть себя, как свинью. Моргане придется потрудиться, чтобы убить его.

Он не стал ждать атаки, а сам побежал вперед, легко, как кошка, и сделал обманный выпад в сторону одного из рыцарей. Ничем не обоснованная уверенность наполняла его благодаря ощущению меча в руке. Должно быть, давным-давно так чувствовал себя Артур, когда брал в руки Разрубающегой Сталь. Рыцарь попытался обрушить на него свой клинок, но Вудли, которому не мешали доспехи, отскочил в сторону и нанес удар. Острие его меча скользнуло в прорези забрала рыцаря и застряло, наткнувшись на кость.

Второй рыцарь взмахнул клинком… Времени вытаскивать свой меч у Вудли не было, а оружие поверженного рыцаря, упав на пол, рассыпалось в пыль. Вудли почувствовал резкую боль в руке. Он метнулся вперед, прижался к холодной твердой стали доспехов и нашарил рукоять кинжала за поясом. Его нога словно по собственной воле сделала подсечку, и оба противника рухнули на пол. Оглушительно загремели рыцарские латы.

Кинжал Вудли заскрежетал по стали и нащупал самое уязвимое место панциря – под мышкой. Панцирь подвел своего хозяина. Острое лезвие вонзилось в плоть, и еще раз, и еще…

Выхватив меч из руки умирающего рыцаря, Вудли вскочил на ноги. Из-за темного занавеса паутины появилась, сворачиваясь блестящими кольцами, змея. Сверкающая точка танцевала над ее головой. Эмблема Морганы и ее ближайший друг.

Вудли не стал ждать, пока огромные кольца задушат его: их вполне можно было разрубить мечом. Густая кровь ручьем полилась из раны в змеином боку, но тварь уже бросилась в атаку, ее гигантское тело обвилось вокруг Вудли. Он стал рубить вслепую.

Плиты пола были скользкими от крови, когда он встал на ноги и сбросил с себя потерявшие силу кольца змеи. Звезда над головой твари погасла.

На нетвердых ногах Вудли двинулся навстречу хохочущему кроваво-красному чудовищу, которое отдаленно напоминало человека. После поединка монстр стал еще более кровавым, но уже не смеялся.

Больше из-за занавеса никто не вышел.

За ним были видны лишь тусклый красный свет и какие-то неясные силуэты. Отбросив занавес, Вудли увидел в багровом сумраке Моргану – чародейка поднималась из-за стола. Напротив нее сидел Блэз. Увидев Вудли, он поднял голову и недоверчиво

уставился на него. Друид был бледен, однако на первый взгляд невредим. И все же он не произнес ни слова.

Моргана обратила свой ужасный взгляд на непрошеного гостя. Взгляд Вудли, как всегда, скользнул в сторону. Он не мог посмотреть ей в глаза, но заметил, что прекрасное нездешней красотой лицо осталось совершенно бесстрашным. Она не была напугана. Ей нечего было бояться. Никто и ничто не могло причинить ей вреда…

Держа меч наготове, Вудли двинулся через полутемную комнату. Моргана взмахнула рукой, и его клинок рассыпался в пыль. Вудли тупо посмотрел на опустевшую ладонь, и снова ярость вытеснила боль и отчаяние из его души. Выхватив кинжал, он бросился вперед.

Моргана воздела руку, и кинжал обратился в прах.

Оставшись безоружным, Вудли смотрел на Моргану сквозь вихри багровых теней. Но уверенность, которую вселил в него меч, не покидала его. Страха не было. Отвага и сила Вудли не исчезли вместе с клинком.

Он сделал широкий шаг вперед. Моргана вспыхнула ослепительным белым светом, вся комната засияла вместе с ней. Вудли смотрел на бледный свет, мерцающий на ее шее, и пальцы его скрючились, словно когти. Он заставил себя сделать еще один шаг.

Он наткнулся коленом на что-то громоздкое и опустил взгляд. Это оказалась каменная наковальня, из камня торчал погруженный туда едва ли не по рукоять меч.

Оружие! Оружие против Морганы! Не задумываясь, Вудли схватился за меч, его пальцы любовно сомкнулись на украшенном драгоценными камнями эфесе. Помедлив мгновение, клинок плавно выскользнул из камня. Эфес подрагивал в ладони, словно живой.

И когда Вудли воздел меч над головой, ему показалось, что он поднял пылающий факел.

Новый хозяин Экскалибура замер, щурясь от испускаемого мечом ослепительного света и чувствуя, как сила, бежавшая когда-то по жилам Артура Пендрагона, наполняет его тело. Бледное сияние Разрубающего Сталь обратило в бегство клубившиеся в комнате тени. Блэз сполз со стула, пал на колени и склонил голову перед священным огнем.

Тишина была полной.

И вдруг раздался голос Морганы:

– Мой заклятый враг, ты снова явился ко мне. Сейчас моя магия бессильна перед тобой. Озеро перестало быть твоей темницей. Твоя звезда взошла. Великий меч Экскалибур вновь

обнажен во имя Англии, и никому не будет от него пощады. – Ее голос стал низким, наполнился жаждой отмщения. – Но тебе не удастся насладиться триумфом, Артур, враг мой! Прикосновение эфеса Экскалибура не менее смертельно, чем прикосновение его острия. В тот день, когда все победы будут одержаны, ты умрешь.

Меч пламенел живительным светом. Человек, сжимавший его в руке, ответил не сразу.

– Да, – сказал он очень тихо. – Но ты умрешь сейчас.

И сделал шаг вперед.

Андроид

Брэдли уставился на директора. К горлу подступил ком, закружилась голова. Он понял: чтобы не выдать себя, нужно справиться с волнением. Брэдли вынул из кармана пачку сигарет и горсть мелочи и как будто случайно уронил их на ковер.

– О-ох, – протянул он, тут же нагнувшись.

Брэдли знал, что при головокружении надо наклонить голову, что и сделал. Ему полегчало. Конечно, мгновение спустя ему придется встать и посмотреть директору в лицо, однако к тому времени он намеревался совладать со своими чувствами. Но какого черта голова директора снова на своем месте – после вчерашней-то ночи?

И тут Брэдли осенило: ведь вчера вечером он был в маске и директор никак не может его узнать! С другой стороны, после случившегося директор корпорации «Нью продактс» должен был расстаться с жизнью, а не то что о чем-либо помнить… Ведь Брэдли оставил тело этого человека в одном углу комнаты, а голову – в другом.

Впрочем, почему – человека?

Неимоверным усилием воли Брэдли взял себя в руки. Подобрал последнюю монетку и выпрямился. Его лицо пылало.

– Простите. Я пришел, чтобы представить отчет о проекте по индуцированной мутации, а не разбрасываться содержимым своих карманов.

Брэдли бросил пристальный взгляд на директорскую шею и тут же отвел его. За высоким воротничком ничего не видно, никаких следов от бритвенно-острого клинка, который вчера с такой легкостью рассек плоть и кости. Может быть, директор скрывает их под воротником? Возможно, но осенью 2060 года неудобные вещи вышли из моды, и яркий, расшитый золотом балахон с высоким воротом, который носил директор, выглядел вполне обычным. У самого Брэдли был такой же.

«О боже, – в отчаянии подумал Брэдли, – неужели этих… тварей невозможно убить?»

Артур Корт, директор, вежливо улыбнулся начальнику отдела:

– Похмелье? Пройдите химиотерапию. Врачи всегда рады пустить в ход свои новинки. Боюсь, наш персонал слишком здоров для них.

Он еще и разговаривал!

В голове Брэдли пронеслась безумная мысль: двойник? Действительно ли человек, сидящий за столом, – Корт? Нет, такое

объяснение не проходит. Это Корт, тот самый Артур Корт, которого он убил несколько часов назад. Если это можно назвать убийством, ведь Корта нельзя считать живым… по крайней мере, в человеческом понимании.

Брэдли заставил себя прекратить опасные рассуждения и снова стать опытным начальником организационного отдела:

– С похмельем не поспоришь. Вот последние данные…

– А что с тем переменным фактором? Как я понял, в расчетах неизбежна определенная погрешность?

– Так и есть, – ответил Брэдли. – Но это всего лишь теоретическая величина. Она абсолютно не скажется на практике, поскольку мы не пытаемся вызвать мутации у людей. И нет никаких отклонений от обычного процента бесплодных особей у дрозофил или клубники.

– Но у людей такие отклонения наблюдаются?

Корт быстро пролистал бумаги, которые принес Брэдли:

– Ну да. Мы можем с этим справиться, но это недешево и не принесет быстрых результатов. Вам решать, сэр.

– Однако, когда речь идет не о людях, мы можем предсказать последствия с достаточной точностью, не так ли?

Брэдли кивнул:

– Два процента погрешности. Достаточно, чтобы создать картофель двадцати футов в длину со вкусом ростбифа, не опасаясь, что он вырастет в полдюйма размером и на вкус будет подобен цианиду.

– А у животных кривая патологий возрастает?

– Нет, только у людей. Мы можем выращивать цыплят, которые будут состоять из одного только белого мяса и иметь кубическую форму для удобства при их разделывании. На самом деле мы могли бы менять и людей, если бы это не было противозаконно, – но тогда, как я уже говорил, резко возрастает фактор неопределенности. Слишком многие становятся бесплодными, вместо того чтобы дать потомство, в котором сохранятся вызванные нами изменения.

– Хм, – промычал Корт и погрузился в размышления. – Значит, придется забыть о людях. В этом нет никакой выгоды. Продолжайте работу в остальных направлениях, идет?

– Хорошо, – согласился Брэдли.

Он ожидал, что тема разговора будет исчерпана именно на этом, однако после событий прошлой ночи никак не думал, что принимать решение будет Корт. Брэдли обнаружил, что до сих пор держит в руке незажженную сигарету. Он сунул ее в рот и пошел к двери. На пороге он обернулся:

– Это все?

Брэдли смотрел, как Корт поворачивает голову, и чувствовал нелепый страх, что она отвалится. Но этого не случилось.

– Да, пока все, – вежливо ответил Корт.

Брэдли вышел, пытаясь позабыть узкую красную полоску на шее директора. Ему показалось, что он видел ее, когда Корт повернул голову.

Итак, их не убить обезглавливанием. Но их можно уничтожить. Их можно растворить в кислоте, расплющить молотом, развинтить, сжечь…

Проблема в том, что их нельзя безошибочно вычислить. Подсказкой может служить наступление бесплодия после незначительного облучения, но ведь и люди могут стать бесплодными; правда, обычно для этого недостаточно столь малой дозы гамма-радиации. К тому же некоторые люди стерильны от природы.

Все, чем располагал Брэдли, – это общий метод экранирования. В остальном же, вычисляя нелюдей, ему приходилось опираться только на психологию. Он знал, что обычно они занимают ключевые посты, в том числе во властных структурах, и могут влиять на принятие важнейших решений. Как Артур Корт, например: будучи директором корпорации «Нью продактс», выпускающей принципиально новые товары, он обладал огромным влиянием на общество, ведь цивилизацию формируют технологии, которыми она пользуется.

Брэдли содрогнулся.

Вчера ночью он отрезал Артуру Корту голову.

Артур Корт – андроид.

– И что ты собираешься с этим делать? – спросил себя Брэдли, выйдя из кабинета директора.

С каким-то отстраненным научным интересом он взглянул на свою руку: она дрожала так, что документы в ней шелестели. Что он может с этим поделать? Он или кто-то другой?

Бороться с андроидами на равных невозможно. Скорее всего, их интеллект значительно превосходит человеческий, здесь шансов нет совсем: эти супермашины способны решать задачи, которые не под силу ограниченному человеческому разуму. Вчера ночью Брэдли был в маске, но если холодный металлический мозг Корта поставит перед собой задачу вычислить личность нападавшего, то рано или поздно придет к правильному ответу.

Или уже пришел?

Брэдли постарался взять себя в руки и не поддаваться паническому желанию бросить все и убежать. За дверью стояла мертвая тишина. Насколько он знал, *их* зрение способно проникать сквозь предметы, так что Корт в данный момент мог

видеть Брэдли, как если бы тот стоял за стеклом, а также заглянуть ему в мозг и прочесть его мысли, даже те, которые еще до конца не оформились у него в голове.

«Они всего лишь андроиды, – напомнил он себе, усилием воли стараясь держаться с внешним спокойствием. – Если бы они были столь могущественны, я бы здесь не стоял».

Несмотря ни на что, его снедало желание узнать, что же случилось вчера ночью, после того как он покинул квартиру Корта. Брэдли представил себе Корта, неподвижно лежащего рядом с тяжелым стальным лезвием. Оно было запачкано жидкостью, похожей на кровь, но это была отнюдь не человеческая кровь.

Может быть, когда Брэдли ушел, Корт сам себя починил? Именно починил – не вылечил. Вылечить можно только человека. Наверное, дело в том, где у андроидов расположен мозг. Ведь мозгу совсем необязательно располагаться в голове, там он слишком уязвим. В человеческом организме много несовершенств, которые следовало бы исправить. Может, андроиды так и поступили? Может, мозг Корта находится где-то в таинственных недрах его синтетического тела и бесстрастные, слаженные мысли продолжали рождаться все то время, пока Брэдли стоял, потрясенный, над телом своей… жертвы?

Кто здесь был жертвой, а кто охотником?

Несомненно, после того, как робот был обезглавлен, все жизненные процессы в нем остановились. Ни дыхания, ни биения сердца. Однако, возможно, внутри металлический мозг продолжал свою планомерную работу, порождая мысли настолько холодные, что все искусственное тепло искусственной крови не смогло бы и на йоту приблизить их к нормальной человеческой температуре.

Либо тело Корта поднялось после ухода Брэдли и заново приварило себе голову, либо на помощь пришел кто-то еще… Возможно, каждый робот, пока функционирует нормально, постоянно посылает некий сигнал, например энергетический луч, и, когда тот прекращается, к данному андроиду сразу высылают аварийную бригаду. Если это так, то хорошо, что Брэдли не задержался в комнате, где не произошло никакого убийства, пусть голова Корта и лежала вдалеке от его неподвижного тела.

«От таких мыслей крыша у меня скоро окончательно поедет», – язвительно сказал себе Брэдли. Конечно, ему предстоит тяжелое испытание – доказывать всем, что он не сошел с ума. А доказывать придется. Ведь больше невозможно противостоять этому в одиночку. Он зашел слишком далеко, чтобы хранить секрет. Ведь когда он, как раз ради того, чтобы найти

доказательства, отсек андроиду голову, то выдал себя. Рано или поздно они вычислят, кто же скрывался под маской. И прежде чем это произойдет, надо передать информацию кому-то еще.

Однако это тоже было рискованно. Андроиды, когда поймают Брэдли, не проявят ни малейшей жалости. Но чего он мог ожидать от своих соплеменников, поведав им такую неправдоподобную историю?

«Я закончу в психушке, – подумал он. – А они будут множиться, пока…»

Пока что? Пока их число не превысит числа людей и они не захватят власть? Впрочем, вполне возможно, что это уже произошло. Может, после убийства, которое на поверку не было убийством, с Брэдли еще не расправились только потому, что он единственный человек, оставшийся во всем цивилизованном мире… И таким образом, совершенно безобиден для них. Может…

«Да заткнись же», – раздраженно одернул себя Брэдли.

– Ну, значит, вы хотя бы меня не считаете… андроидом? – строго спросил доктор Уоллинджер.

Он немного нервничал – а кто бы на его месте не занервничал, просидев минут десять под дулом пистолета, направленного в живот? Ситуация была абсолютно нелепой: таинственный незнакомец в маске и шитом золотом балахоне, почти полностью скрывающем его фигуру, расселся в библиотеке доктора и заставляет слушать свои безумные бредни.

– У вас есть дети, – глуховато донесся голос Брэдли из-под маски. – Так что я уверен в вас.

– Но послушайте… – возразил Уоллинджер. – Я физик-ядерщик. Думаю, психолог вам бы помог больше…

– Вы хотите сказать, психиатр?

– Нет, ну что вы! Конечно нет. Но…

– Все равно вы думаете, что я сошел с ума. Хорошо. Я ожидал этого. Думаю, я бы сам не доверял вам, если бы вы все приняли на веру. Ваша реакция вполне естественна. Но постарайтесь же меня понять! Взгляните на вещи беспристрастно. Разве то, о чем я говорю, невозможно?

Уоллинджер, не сводя глаз с пистолета, сомкнул кончики пальцев и сжал губы:

– Хм, возможно… Ну разумеется, определенного порога тут нет. Хотя доза в одну сотую рентгена в день считается безопасной, если только гамма-облучению не подвергались оба родителя. Вы спрашиваете о времени восстановления? Знаете, даже при очень высоких дозах облучения измененные гены менее

подвержены делению и постепенно замещаются нормальными.

– Вы не говорите мне ничего нового. – Брэдли едва сдерживал нетерпение. – Я толкую о том, что гамма-излучение, вызывающее мутации у людей, не влияет на роботов, которые к тому же стерильны. Если бы одни лишь андроиды были стерильны, все было бы просто, но гамма-лучи ведут к бесплодию и у людей. У вас есть дети. С вами все хорошо. Но…

– Подождите. А разве не может быть детей-андроидов? Раз они собирают взрослых, почему бы им не собрать и искусственных детей?

– Нет. Я думал об этом. Дети слишком быстро растут. Им пришлось бы обновлять ребенка-андроида каждые две недели, менять все внутренние и внешние размеры, все переделывать. Думаю, это отняло бы слишком много времени и сил. Пока, если мои расчеты верны, они не могут себе этого позволить. Их не так много. А потом, когда смогут, это уже будет не нужно. Понимаете? К тому времени, когда они смогут справиться с задачей, им станет все равно, ведь андроиды окажутся в большинстве. И им больше не потребуется нас обманывать. Они…

Брэдли сделал паузу. Голос плохо слушался его. И все же он должен был оставаться хладнокровным и спокойным.

– Есть еще один аспект, – продолжил он. – Думаю, ребенок-андроид не обманет наших детей. Настоящих детей. Слишком по-разному они смотрят на мир. Мозг андроида настроен на разум взрослого. Они отлично с этим справились, но даже сейчас, если знать правду, их можно поймать на психологическом несоответствии. Они никогда никого не запугивают и не пытаются самоутвердиться за счет других. Зачем? Они идеально функционирующие эффективные механизмы. Им не надо ничего доказывать. Они слишком адекватны, чтобы быть настоящими людьми.

– А почему бы им не настроиться на разум ребенка?

– По той же причине, по которой они не могут создать ребенка, развивающегося физически. Ведь мозг детей слишком отличается от взрослого и, как и тело, быстро меняется. Тоже растет. В любом случае – зачем? Им это не нужно. Они обманывали нас до сих пор, и даже если кто-то один знает правду, что он может с этим поделать? Вот вы ведь не хотите меня слушать. Вы…

– Я слушаю, – мягко перебил Уоллинджер. – В любом случае ваше предположение довольно любопытно. Скажите, а что вас изначально натолкнуло на такую идею?

Брэдли чуть было не сболтнул: «Это было моей работой. Я имел возможность сравнить много данных, и все сводилось к

неизвестному фактору». Но он ничего не сказал. Он хотел сохранить инкогнито, пока не будет уверен в своей безопасности. Подобная информация запросто выведет на его след.

– Я… это просчитал… У меня есть друзья, работающие в разных областях, так вот они рассказывали о незначительных неувязках. Мне стало интересно. Все начало складываться в систему. Бывали случаи, когда пациенты должны были умереть, иногда даже умирали, а потом возвращались к жизни. Это объясняли уколами адреналина и тому подобным, но слишком уж часто такое происходило. И всегда с влиятельными людьми. Не знаю, как нелюди это делали, – может, настоящий человек умирал, а андроид-двойник занимал его место. Они обладают здоровьем машины, но и машина может сломаться. Порежь руку – и из нее польется кровь, но…

Брэдли остановился и подозрительно посмотрел на Уоллинджера, оценивая его реакцию.

– Хорошо, – внезапно заявил он. – Я вам расскажу, что произошло на самом деле. Пожалуйста, постарайтесь выслушать без предрассудков. Это было полгода назад. Я был один в… лаборатории… с моим другом.

Тем другом был директор Артур Корт. Именно тогда Брэдли впервые что-то заподозрил.

– Прибор, который он осматривал, захлопнулся и порезал ему руку до самой кости. Он не знал, что я это видел. А я видел, но не верил своим глазам: на раненой кисти выступила кровь, были видны мышцы, но под ними – провода и металл! Говорю вам, я их *видел*! Но это был не протез, а настоящая рука. Протезы не покрыты мышцами и кожей.

– И что он сделал?

– О, он себя выдал. Он спрятал руку в карман, пробормотал какое-то невнятное объяснение и ушел из комнаты. Он не хотел, чтобы я знал о ранении, потому что ему пришлось бы вызвать врача, а никого из *них* не было рядом. Он не мог позволить человеку даже перевязать свою руку. Да, они во многом уязвимы. И сейчас пришло время нанести им удар, пока они не справились со своей уязвимостью. Сейчас… – Брэдли снова замолчал, потому что его голос дрогнул.

– Так что же вы предлагаете? – спокойно спросил Уоллинджер.

Брэдли не мог понять, удалось ли ему хоть в чем-то убедить собеседника.

– Не знаю. – Брэдли ссутулился под расшитым балахоном. – Поэтому я к вам и пришел. Я подумал… Выслушайте меня. Есть одна возможность. Надо найти безошибочный способ их

выявлять. Психология неплоха, но занимает слишком много времени. Мне надо побольше узнать про их жизнь и привычки. Они могут выдать себя строгой логичностью мышления, не свойственной людям. Однако…

– Но есть же и физические параметры, – неожиданно предложил Уоллинджер. – Об этом вы не думали? Возможно… – Уоллинджер запнулся. – Продолжайте.

Лицо Брэдли, скрытое под маской, расплылось в широкой улыбке. Это был первый шаг. Ему удалось поставить перед физиком гипотетическую проблему, и тот мгновенно заинтересовался. Пока все это было только теорией, но Уоллинджер задумался. Лишь это и было важно. Брэдли продолжил с возросшим энтузиазмом:

– Именно. Машиной ведь кто-то управляет. Где-то должен быть источник питания. Может, он встроен в них, а может, они получают энергию извне. Наверняка это можно выяснить. Что-нибудь типа тиратронного прибора в часто посещаемых ими местах, или счетчик Гейгера, или…

– Вы думаете, их можно поймать благодаря ионизирующей радиации?

– Даже не знаю. Может, все дело в ядерном делении. Это может быть что угодно. Поэтому мне и нужна помощь кого-то вроде вас. Кого-то, кто разбирается в этом лучше меня.

Уоллинджер уставился себе на руки:

– Понимаете, я не могу. Мне нужно гораздо больше информации, чем вы можете дать. Вы попросили меня непредвзято вас выслушать. А теперь послушайте меня. Будь вы на моем месте, неужели вы не потребовали бы более весомых доказательств, чем слова незнакомца? Мне понадобится уйма времени и бесчисленные эксперименты, чтобы построить гипотетический прибор для определения ваших гипотетических андроидов, особенно учитывая тот факт, что вы не можете точно сказать, как они устроены. Вы не думали о чем-то более практичном – например, как вам рентген? Человеческий организм невероятно сложен. Сомневаюсь, что его можно полностью воспроизвести.

Брэдли пожал плечами:

– Рентген показывает только свет и тень. Эти… существа устроены так, чтобы их рентгеновские снимки были нормальными. Единственный надежный способ – хирургия, но как это можно устроить? Они никогда не болеют. Если бы вы видели то же, что и я…

Брэдли запнулся. Не мог же он сказать: «Если бы вы отрубили Артуру Корту голову и увидели провода, пластиковые трубки и

стальные позвонки…» Признайся Брэдли, как далеко он зашел в поисках неопровержимых доказательств, Уоллинджер окончательно счел бы его сумасшедшим.

– Частично они состоят из плоти и крови, а частично – из механизмов, – осторожно начал Брэдли. – Возможно, механизмы нужны, чтобы поддерживать работу живых тканей. Однако мы никогда не докажем этого без применения силы. Они все взрослые, все занимают высокие должности. Для операции понадобится их согласие, а они, разумеется, его не дадут. Разве что…

Брэдли помолчал. В его голове пронеслась мысль, на мгновение заставившая забыть об Уоллинджере. Возможно, способ все же есть…

– А теперь выслушайте меня, – терпеливо повторил Уоллинджер, по-прежнему пристально глядя на пистолет. – В моих словах тоже есть логика. У вас интересная идея, но пока недостаточно доказательств. Почему бы вам не вернуться на свою работу, какой бы она ни была, и не собрать дополнительную информацию? А потом, когда вы…

– Я боюсь идти на работу, – слабым голосом сказал Брэдли.

Уоллинджер не успел ответить, поскольку раздался осторожный стук в дверь. Раньше чем Брэдли обернулся, в комнату вбежал котенок. За ним последовали девочка и совсем маленький мальчик. Котенок принялся скакать по ковру на прямых лапах, держа хвост трубой, – с точки зрения кошки, эти ужимки всех смешат. Девочка, заметив Брэдли, остановилась, а мальчик был слишком занят питомцем, чтобы обращать внимание на что-то еще.

Голос Уоллинджера изменился до неузнаваемости:

– Дети, марш наверх! Живо!

Лицо его посерело. Он избегал смотреть на Брэдли.

В этот момент котенок плюхнулся на пол и стал боксировать мягкими лапками с ладонью мальчика. Повисшая было в комнате тишина сменилась довольным урчанием.

– Джерри, забери котенка и ступай наверх, – сказал Уоллинджер. – Ты меня слышишь? Сью, ты знаешь, что нельзя входить в кабинет без стука. Все наверх.

– А мы стучали.

Девочка смотрела на Брэдли, который спрятал пистолет под балахон.

Когда он увидел детей, его посетила какая-то смутная догадка, но он никак не мог ее сформулировать. Их каким-то образом можно использовать. Он поднялся и увидел, как Уоллинджер напрягся. Физик был в ужасе. Вдруг Брэдли понял

почему.

Девочка круглыми пытливыми глазами взирала на незнакомца. Мальчик и кот одновременно заметили его и одновременно смутились. Котенок вскочил и приготовился дорого продать свою жизнь. Мальчик заозирался, прикидывая, куда бы спрятаться. Девочка, напротив, явно намеревалась покрасоваться. Ей было лет семь, прикинул Брэдли. Он обвел глазами семью Уоллинджер и улыбнулся:

– Все в порядке. Мне уже пора идти, доктор. Я свяжусь с вами.

– Разумеется, – чересчур радушно ответил тот.

Сейчас Уоллинджера явно интересовало только одно: как избавить детей от опасного соседства с гостем. Он прошел за Брэдли в прихожую, втолкнул детей, увязавшихся за ними, обратно в библиотеку и запер за собой дверь.

– Я… – Он даже слегка заикался.

– Все в порядке. За кого вы меня принимаете? У вас чудесные дети.

Уоллинджер вздохнул:

– Как мне с вами связаться?

– Никак. Я вам принесу обещанное доказательство. Под кожей этих существ – механизмы, и я найду какой-нибудь способ заставить вас поверить. Думаю, сразу после моего ухода вы вызовете полицию. Ничего не поделаешь.

– Нет, что вы, – соврал Уоллинджер.

– Хорошо. Еще одно: я сказал, что боюсь идти на работу. Это правда. Я сделал… кое-что, что может меня выдать. Мне нужны были доказательства… А сейчас это как лотерея: кто успеет обнаружить цель первым, я или они. Доктор Уоллинджер, я запишу имена и факты – то, чего я не могу рассказать вам сейчас. Если вы их получите, то знайте, что андроиды нашли меня первыми. И это само по себе должно вас убедить. Если это случится, значит меня не стало. И тогда все будет зависеть от вас.

– Не переживайте. Я уверен…

– Хорошо, хорошо, – оборвал Брэдли. – Поживем – увидим. Всего хорошего, доктор, я не прощаюсь.

На улице он несколько раз обернулся на дом Уоллинджера. Оттуда никто не вышел. Брэдли свернул за угол, зашел в аптеку и протолкался между рядами телефонных кабинок к окну. Оттуда было видно окно библиотеки Уоллинджера. В окне человек за письменным столом говорил по телефону, отчаянно жестикулируя.

Брэдли вздохнул. По крайней мере, Уоллинджер не видел его лица и не знает его имени. Все, что доктор может предъявить полиции, – это собственные догадки, слишком невероятные,

чтобы в них поверили, и косвенные улики. Брэдли же теперь оказался между двух огней, ведь опасность грозила ему с обеих сторон.

Брэдли глубоко вздохнул, расправил плечи и отправился обратно в офис, где его ждал Артур Корт.

У стола Корта спиной к двери стояли два человека. Брэдли насторожился и замер на пороге: что-то в них было не так. От этих двоих исходило такое мощное ощущение угрозы, что интуиция Брэдли немедленно забила тревогу.

Один из них точно не являлся человеком. Второго звали Джонсон, и он тоже вполне мог принадлежать к чужой расе.

Брэдли несколько раз порывался начать говорить, но в горле пересохло, и голос не слушался.

– Вызывали, сэр?

Корт с улыбкой обернулся. Высокий воротничок скрывал след, оставшийся после того, как Брэдли отрубил ему голову, но ее прикрепили обратно. Улыбка Корта выглядела как обычная человеческая улыбка, но Брэдли казалось, что до него доносится тихое жужжание микроскопических механизмов, приводящих в движение челюсть андроида.

– Посмотрите, Брэдли. Вам знаком этот предмет?

Брэдли посмотрел. Внезапно кровь застыла у него в жилах, голова закружилась, перед глазами поплыла серая пелена. Но сейчас он не мог сделать вид, будто что-то уронил, или просто выждать и успокоиться. Двое пристально следили за ним. Невероятным усилием воли он подавил дрожь в голосе и с видимым спокойствием спросил:

– Какой предмет?

Но ответ был ему известен.

Корт поднял острый клинок, который трое суток назад отсек ему голову. Несомненно, это было то самое оружие, которое Брэдли купил в лавке старьевщика за два дня до нападения на директора. Он узнал его по резьбе на рукояти, по зазубрине на лезвии, появившейся, когда сталь наткнулась на какой-то сверхпрочный металл в шее Артура Корта. В последний раз Брэдли видел этот клинок, стоя рядом с телом андроида и глядя, как тот истекает поддельной кровью.

– Вам знаком этот предмет? – снова спросил Корт.

– Кажется, нет, – произнес Брэдли с напускным спокойствием. – По крайней мере, не помню, чтобы я его где-нибудь видел. А что?

Собеседники многозначительно посмотрели на него, и по тому, что их взгляды были совершенно одинаковыми, Брэдли

понял – они оба не люди. Что-то в этих взглядах показалось ему знакомым. Потом Брэдли вспомнил: так на него смотрел котенок Уоллинджера – пристально, не враждебно, но настороженно. Это был взгляд, которым один вид смотрит на другой, оценивая степень опасности. Внезапно Брэдли представил, каким он, должно быть, выглядел с точки зрения маленького зверька: огромная, возвышающаяся над тобой фигура… Наверное, таким же странным и чуждым казался он и андроидам. Интересно, цвета они воспринимают так же, как люди, или совсем иначе? И насколько же слабым и беззащитным существом из плоти и костей он должен казаться этим искусственным созданиям!

Андроиды выдержали долгую продуманную паузу, во время которой даже не шевелились. Потом они отвели свои холодные стеклянные глаза от его лица, причем так синхронно, словно ими управляли с помощью одного рычага. Это было ошибкой, решил Брэдли, ведь так они выдают себя. Но тут же подумал: а может, они не считают нужным притворяться… Они знают, что он знает.

Корт нарочито медленно повернулся и что-то записал в блокноте, лежавшем на столе.

– Хорошо, Брэдли, спасибо. Минуточку, вы будете у себя в течение получаса? Я хотел бы продолжить разговор.

Брэдли кивнул, сказать что-нибудь вслух он не решался из опасения, что голос опять его подведет. Вдруг он ощутил острое унижение оттого, что выполняет приказы машин. Говорить «сэр» штуковине, состоящей из рычагов и прово́дки, – это же ни в какие ворота не лезет…

Брэдли сидел за столом, уставившись себе на руки. Прошло десять минут. В запасе осталось только двадцать, необходимо действовать! Они знают. Не случайно они позвали его посмотреть на зазубренный клинок. Он не мог представить, как они вышли на него, но их холодный, расчетливый разум следовал логике, о которой Брэдли не имел никакого представления. Несомненно, они его без труда перехитрили. Несмотря на все предосторожности, запутывание следов – они знают. А если и не знают, то их подозрения настолько сильны, что это нельзя игнорировать. За несколько минут нужно что-то решить. Необходимо действовать. Но Брэдли был не в состоянии что-либо предпринять. Он с горечью сознавал, что уже проиграл. Как он может справиться с андроидами, если даже соплеменники-люди считают его ненормальным? И еще неизвестно, сможет ли человечество, если узнает правду и начнет действовать сообща, одолеть андроидов. Как далеко они зашли в своей подготовке? Сколько их? В любом случае слишком много для одного. Брэдли

подумал об истории. Преодолев бессчетные тысячелетия седой древности, пять тысяч лет медленного накопления знаний, долгие века возмужания, человечество подошло к сегодняшнему дню. Дню, когда люди оказались в железных, обтянутых синтетической плотью руках андроидов. Что роботы сделают с бесценным наследием человечества? Используют ли они культуру, которую мы так долго и мучительно создавали, или она для них ничего не значит и они просто отбросят ее и построят собственную бездушную цивилизацию, ни на миг не оглядываясь на потраченные впустую века?

«Но как же все это началось? – спрашивал себя Брэдли. – И почему? Почему?»

И логика человеческого разума подсказала ему ответ: «С того дня, когда человеку впервые удалось сконструировать андроида, человечество было обречено».

Потому что создать андроида – значит построить машину, неотличимую от человека, способную создавать себе подобных, самостоятельно мыслить и действовать. Какую цель преследовал первый робот, прародитель механического племени? Может, его создатель заложил в него какую-то команду, которая и привела – преднамеренно или случайно – к таким последствиям? Может, первому андроиду отдали такой приказ, что выполнить его можно было, лишь размножившись, и в результате в организм человечества все больше и больше внедряются металлические клетки андроидов?

Вполне возможно. Может быть, тот первый робот до сих пор жив, а может, умер – развалился от старости, погиб в аварии или пал от рук им самим же созданных чудовищ Франкенштейна. А андроиды по-прежнему продолжают множиться, продвигаясь по разветвляющимся путям туда, где на бесконечности лежит их непостижимая для человеческого разума цель.

«Они прикончат меня, – обреченно сказал себе Брэдли. – Даже если они меня еще не подозревают, то скоро начнут. И я никак не могу их остановить. Уоллинджер мне не поверил. И никто не поверит. Андроиды будут преследовать меня, пока не поймают, и не важно, как далеко я смогу уйти. А когда они со мной покончат, то усовершенствуются так, что их уже нельзя будет распознать, даже зная то, что знаю я. Они на это способны. Они могут проанализировать каждую ситуацию, вызвавшую у меня подозрения, и исправить все несоответствия своего поведения с человеческим. Они ведь машины, это часть их задания. Они справятся с задачей, если зададутся такой целью, – может, сейчас они именно этим и заняты… Возможно, к тому времени, как они со мной покончат…

Ну, нет!»

Брэдли ударил кулаком по столу и поднялся.

У него оставалось пятнадцать минут.

На столе Артура Корта зазвонил телефон. Искусственная рука потянулась к трубке, и в механизме зазвучал механический голос. Брэдли говорил негромко, но отчетливо:

– Сэр, это Брэдли. Вы не заняты? Случилось нечто странное. Думаю, вы должны первым об этом узнать. Ума не приложу, что делать.

– Что случилось? О чем вы?

– Это не телефонный разговор.

– Вы где?

– Вы знаете гриль-бар «Зеленая дверь» через улицу?

– Я же вас просил подождать в кабинете, Брэдли.

– Когда вы услышите мою новость, – Брэдли сделал паузу, стараясь совладать с гневом, который вызывала у него холодная надменность робота, – то поймете. Вы можете прийти?

– Оставайтесь на месте. Я буду через пять минут.

Брэдли сидел в машине, пригнувшись к рулю и ощущая мерное урчание мотора. Его взгляд был устремлен на офисное здание через дорогу. Пальцы вцепились в шину, сердце бешено колотилось. Артур Корт вышел из вращающихся дверей. Оглянулся по сторонам. Повернул налево и направился к переулку, где располагался бар «Зеленая дверь». Брэдли, глядя на Корта и на поток машин, ждал своего часа.

Все складывалось как нельзя лучше. В переулке оказались только три пешехода. Все трое шли в одном направлении. Огромные грузовики, припаркованные вдоль узкой улочки, заслоняли обзор. Артур Корт петлял между грузовиками, не подозревая, что встреча с Брэдли состоится вдали от посторонних глаз, в одном из закутков между этими машинами.

Автомобиль Брэдли ворвался в узкий переулок, рыча, как тигр. Корт переходил дорогу. Надо все точно рассчитать, напомнил себе Брэдли. Необходимо дождаться, когда Корт дойдет до угла. Тогда он не сможет убежать, несмотря на свою мгновенную реакцию, несмотря на огромную скорость, с какой импульсы передаются по стальным проводам в его теле. Тогда Корт окажется в ловушке.

Машина чуть присела на задние колеса и рванула вперед. Рев мотора ворвался в тишину переулка, и Корт обернулся. Холодные стеклянные глаза встретились с человеческими, и Брэдли еще раз убедился, что перед ним робот. Брэдли слился с автомобилем в единое целое, машина стала послушным орудием в его руках, как

некогда клинок, снесший Корту голову. Только на этот раз он не допустит ошибки.

Брэдли постарался получше прицелиться, чтобы Корт оказался как раз по центру капота. Позади Корта был борт грузовика. Человек и созданная человеком машина стали одним мощным орудием, влетели в машину, созданную машиной, и расплющили ее по стальной стенке…

Он видел, как лицо Корта потеряло осмысленное выражение. Механическое тело медленно поползло вниз. Брэдли немного подождал, готовый при необходимости вновь завести мотор…

– Все хорошо, – успокоительно сказал Брэдли.

Корт дергался и что-то бормотал на соседнем сиденье.

– Нет, Корт, все в порядке. Успокойтесь. Вы попали в аварию, но не волнуйтесь. Я везу вас не к врачу…

Корт пробормотал: «Нет…» Брэдли вздохнул и свернул на обочину. Он надеялся, что ему не придется делать укол, но сейчас это было необходимо. Конечно, риск был велик. Организм андроида мог и не поддаться снотворному, предназначенному для человека. Но Брэдли рассчитывал, что оно подействует хоть ненадолго. Ведь андроиды постарались как можно тщательнее подогнать себя под людей, и их рефлексы были скопированы с людских реакций. Порежь палец – потечет кровь. Отрежь голову – остановятся дыхание и кровообращение. Так что надежда, что, если ввести сильное успокоительное, андроид заснет…

Корт заснул.

Только робот мог, несмотря на лошадиную дозу снотворного, пытаться перебирать ногами, пока Брэдли тащил его к крыльцу Уоллинджера. На этот раз Брэдли явился к нему без маски. Теперь все поставлено на карту. Если он проиграет сейчас, скрывать свое лицо все равно не будет смысла.

Дверь открыла девочка.

– Папа у соседей, – заявила она, с интересом, но без тревоги глядя на сонного, спотыкающегося Корта. – Он скоро будет. Проходите, – пригласила малышка, старательно демонстрируя хорошие манеры.

Но было заметно, что впустить незнакомца ее заставило только любопытство, а не заученная вежливость. К тому же девочка совсем не испугалась, – видимо, ей еще не приходилось сталкиваться с опасностями этого мира.

Брэдли протащил свою ношу через прихожую в библиотеку. На кушетке у стены развалился котенок. Ласково стряхнув котенка на пол, Брэдли опустил андроида на подушки. Несмотря на серьезность ситуации, ему пришло в голову, что на взгляд

машины кот, наверное, неотличим от подушки и только человек не сможет грубо обойтись с этим маленьким существом. Котенок зевнул, проснулся, обнаружил, что лежит на полу, а над ним – двое незнакомцев, и в мгновение ока выбежал за дверь. Но вскоре с любопытством заглянул в комнату, а за ним появилось смущенное, но заинтересованное лицо Уоллинджера-младшего. Брэдли постарался вспомнить его имя.

– Привет, Джерри, – сказал он, устраивая Корта на кушетке. – Папа уже пришел?

Мальчик промолчал, но мгновением позже в комнате появилась его сестра и ответила за него:

– Я позвонила папе, он скоро вернется. А что с этим дядей?

– Он… попал в аварию. С ним все будет хорошо.

Девочка без стеснения разглядывала Корта. Тот начал приходить в себя. Он беспокойно мотал головой и что-то невнятно бормотал. Мальчик, девочка и котенок смотрели на него из-за двери, и в их взглядах читалось почти пугающее равнодушие. Очевидно, никому из этой троицы пока не доводилось испытывать настоящего сочувствия. Взрослые и их страдания были для детей чем-то далеким, не имеющим к ним отношения. В глазах всех троих было только холодное любопытство.

Но почему они должны ставить себя на место андроида? Брэдли вспомнились его мысли на этот счет: верно, детей андроидам не обмануть! Ведь дети не отягощены предрассудками, которые ослепили взрослых, допустивших это страшное вторжение в наш мир.

Дети должны знать правду.

– Сью, тебя ведь так зовут? Послушай. Я хочу сказать тебе кое-что очень важное. Я… я хочу услышать, что ты думаешь.

Брэдли отчаянно пытался вспомнить себя в семилетнем возрасте. Эгоцентризм, непоседливость, ожидание похвалы, интерес лишь к своим играм, когда во внешнем мире тебя может заинтересовать только что-то из ряда вон выходящее… Как же привлечь внимание девочки?

– Сью, ты одна можешь мне помочь. Я хочу узнать, что ты знаешь о… – Он снова помолчал. – Так, хорошо. Ты знаешь, что существуют…

Какие же слова подобрать? Как он может узнать, видела ли она андроидов среди знакомых взрослых?

Видела ли она их вообще? От ее ответа многое зависело, ведь если окажется, что об андроидах знает даже ребенок, то их гораздо больше, чем ожидал Брэдли.

– Сью, ты знаешь о людях вроде него? – Он показал на

беспокойно ворочающегося андроида. – Ты знаешь, что в мире есть два вида людей?

Он затаил дыхание в ожидании ответа.

Девочка насторожилась. Ее взгляд словно говорил: поди пойми этих взрослых, смеются они над тобой или говорят всерьез!

– Нет, я серьезно. Я не хочу… я просто хочу узнать, что *ты* знаешь. Не все дети могут увидеть разницу, и я…

– Ах, вы об этом! О таком все дети знают. – В ее голосе послышалась насмешка.

– Знают… о чем?

– О них.

У Брэдли перехватило дыхание. Все дети знают о них…

– А твой папа знает? – услышал он свой слабый голос.

Сью снова смерила его подозрительным взглядом, проверяя, не дразнится ли он. Похоже, вид гостя ее успокоил, и девочка рассмеялась:

– Думаю, да. А что, кто-то не знает?

Перед глазами у Брэдли все поплыло. Их так много, гораздо больше, чем он думал…

– Но другие, – его голос звучал почти просительно, – другие люди! Сколько их?..

В прихожей раздались голоса. Один из них принадлежал Уоллинджеру, второй был незнакомый.

– Сюда, офицер, – говорил Уоллинджер. – Идите сюда! Поторопитесь!

– Сколько их в мире? – Сью закончила за Брэдли и рассмеялась. – Мы проходили в школе, но я не помню. Но я могу сказать, сколько настоящих людей в этой комнате. Один! Только один!

– Ты скажешь это папе? – попросил Брэдли в спешке. – Когда он войдет, ты скажешь ему, что здесь только один настоящий человек? Сью, ты…

– Сьюзен, уходи.

Уоллинджер показался на пороге. Он был мрачен, отчего казался значительно старше. Первым делом он взглянул на своих детей – не пострадали ли они? За его спиной виднелся румяный человек в форме, бдительно осматривавший комнату через плечо доктора. Полицейский явно был готов к самым решительным действиям.

На какое-то время в библиотеке повисла тишина.

Внезапно Корт тихо застонал и попытался сесть. Уоллинджер поспешил ему на помощь.

– Что вы с ним сделали? – спросил он у Брэдли. – Безумец,

как далеко вы зашли?

– С ним все в порядке, – помедлив, ответил Брэдли. – Он… *им* нельзя причинить вред!

Уоллинджер посмотрел на него поверх головы Корта:

– Значит, это вы. Я узнал вас даже через улицу, хоть вы сегодня и без маски… Откроете нам свое имя?

– Брэдли, – решительно ответил он. – Джеймс Филипс Брэдли.

Игра в прятки закончилась. Брэдли не ожидал увидеть здесь полицейского – будет тяжело все объяснить в присутствии этой огромной недоверчивой туши, – но если Сью повторит то, что сказала ему, возможно, их удастся убедить…

– Спросите о *них* у своей дочери, – потребовал Брэдли. – Она знает. Уоллинджер, говорю вам, она знает! Помните, я говорил вам о детях? Что *им* не удастся обмануть детей? Сью говорит, все дети это знают…

– Я хочу вас предупредить, Брэдли. У Сью очень богатое воображение. Я не знаю, что за сказки она тут рассказывала, но… Офицер, не могли бы вы…

– Подождите!

Весь план летел в тартарары. Брэдли постарался говорить как можно убедительнее:

– Вы обещали выслушать меня, Уоллинджер. Помните, вы обещали? Я знаю, что тогда у меня был пистолет, но, пожалуйста, дайте мне только минуту – я расскажу вам все, что знаю. Этот человек – один из них.

Брэдли облизал пересохшие губы. Уоллинджер ему нисколько не верил…

– Он не пострадал. Я говорил вам, что вернусь с доказательством, и вот оно. Этот человек. Я просто не мог привести его сюда по-другому. Говорю вам, их не повредить! Под кожей он – сплошь провода и металл. Я докажу это! Я…

Он оборвал речь на полуслове, потому что полицейский схватил его за руки. На лице Уоллинджера читались жалость и ужас. Бесполезно. Надо было заранее сделать надрез на синтетической коже Корта. А сейчас они, конечно, этого не позволят. Для них он всего лишь сумасшедший, готовый зарезать невинную жертву ради своих бредней.

– А теперь, молодой человек, просто успокойтесь, – мягко пробасил полицейский. – Мы пройдемся на свежем воздухе, и…

– Нет! Подождите!

Собственный голос показался Брэдли полным отчаяния. Он постарался взять себя в руки, чтобы сделать последнюю попытку. Ведь доказательство так близко…

Корт следил за ним стеклянными глазами из-под насупленных бровей. Где-то в этом холодном нечеловеческом теле работал безжалостный нечеловеческий мозг. Он даже не смеялся над поражением противника – откуда машине знать, как смеяться?

Эта машина так близко, так близко… Их отделяет всего несколько футов и тонкий слой синтетической кожи, скрывающей механическое тело.

– Подождите! – снова сказал Брэдли, повернулся к Уоллинджеру и попытался вложить в свой голос всю энергию, чтобы силой убеждения пробить броню предрассудков, ослепивших всех взрослых в этой комнате. – Уоллинджер, послушайте! Когда я уйду, вы поговорите со своей дочкой, ладно? Вы дадите мне хоть эту возможность оправдаться? Она знает! И это не фантазии! Все дети знают. Вы думаете, *вы* будете в безопасности, когда Корт уйдет? Они вам не доверяют. Не могут доверять. Они будут опасаться, что когда-нибудь ночью вы проснетесь и поймете, что я был прав. Подумайте о своей дочери, Уоллинджер! Корт все слышит. Он знает, что она его распознала. Не рискуйте *ее* жизнью, Уоллинджер! Если хотите, не думайте о своей, но не забывайте о Сью!

По лицу Уоллинджера пробежала первая тень тревоги. Хватка полицейского немного ослабла. Он нетерпеливо передернул плечами. Минутное сомнение физика, наверное, передалось офицеру, а может, и отчаянное убеждение в голосе Брэдли сделало свое дело. Он решил воспользоваться моментом.

– Подумайте о Сью! – продолжал он. – Корт не решится что-либо предпринять, но вы же не знаете, сколько их. Вы же не знаете! Вы даже не догадываетесь! Может, такие, как Корт, – просто брак, они так несовершенны, что могут выдать себя. Наверняка они создали новых, настолько похожих на людей, что никто не заподозрит неладного. Эти новые много опаснее, Уоллинджер! Даже если существует всего один такой робот, он будет знать, что, пока вы живы, он в опасности. Я вам слишком многое рассказал…

– Хорошо, офицер, – сказал Уоллинджер с легким вздохом. – Простите, Брэдли, но вы должны понять.

Брэдли снова взглянул на Корта. Андроид неподвижно сидел на кушетке. Робот, собранный из шестеренок и проводов, в своей искусственной плоти он чувствовал себя как в кольчуге. Все законы защищают плоть. Люди сделали ее неприкосновенной и вот теперь отдали в железные руки врагов. Если бы только ему позволили сделать один надрез на податливой, обманчивой коже, которая отнюдь не была ею… Вдруг Брэдли рассмеялся.

Даже робота несколько удивил этот смех, а полицейский глухо зарычал, несомненно приняв смех за припадок. Но на самом деле Брэдли понял, что делать. Теперь он сможет убедить даже Уоллинджера.

– Автокатастрофа!

Он использовал автомобиль как таран. Он знал. Помнил. Каждый, кто сражается, всегда знает, слегка ли он задел врага или попал в точку. До сих пор это не имело значения. Не до того было. Но Корт, зажатый между машиной и стеной, не ушел невредимым. Он упал совсем как человек, но сейчас он сидел совсем не по-человечески – выпрямившись и беззвучно дыша…

Брэдли помнил, как подались ребра, как он услышал звук гнущегося металла там, где не должно быть ничего металлического. Ни один человек не будет так сидеть после того, как был вжат в стену автомобилем, а ведь именно это Брэдли сделал с Артуром Кортом.

Брэдли рванулся так неожиданно, что полицейский разжал руки. Он побежал через комнату и рванул куртку Корта, прежде чем его жертва успела понять, что он задумал.

Офицер охнул и в один скачок настиг его. Массивное тело оттолкнуло Брэдли в сторону. Оставалось всего полсекунды. Но Брэдли успел. Его руки вцепились в куртку и рубашку Корта, когда полицейский навалился на него, и они оба полетели в сторону, порвав ткань.

Короткая куртка Корта распахнулась, и Брэдли инстинктивно заслонился рукой. Куртка и рубашка порвались, и на один бесконечно долгий миг в комнате воцарилась полная тишина. Казалось, никто даже не дышал. Брэдли показалось, что вместе с дыханием замерло и его сердце, ведь до этой последней проверки он не мог быть уверен…

Под рубашкой обнаружился загорелый торс, гладкая искусственная кожа. Но радиаторная решетка автомобиля оставила свой след. В момент удара Брэдли слышал металлический скрежет. Теперь он видел. Видел блестящий стальной каркас в груди, где не должно быть никакого металла, а в середине – переплетение проводов и маленькие прозрачные трубки, по которым текла красная жидкость…

Это был мозг андроида.

В глубине, под погнутой сталью, виднелось нечто маленькое и блестящее. Оттуда бил пульсирующий свет, зловеще освещавший грудную клетку робота. Жидкость окрашивала его в красные тона, и на металлических ребрах плясали кровавые блики. В тех местах, где жидкость была озарена этим светом, она текла быстрее, и по ней пробегали пузырьки. Этот источник света,

мерцавший в разбитой грудной клетке, вполне мог быть и сердцем, и мозгом.

Брэдли даже не успел подумать. Он действовал чисто рефлекторно. Невероятное зрелище на секунду парализовало полицейского, и никто не мог помешать Брэдли.

Он прыгнул вперед, вытянув руки, и одним ударом кулака выбил светящийся предмет из корпуса андроида.

На какую-то долю секунды Брэдли как в тумане увидел свою руку в недрах пустой груди автомата, увидел, как волны от его удара, словно круги по воде, проходят по ребрам, увидел свои пальцы в неярком алом свете, исходящем из прозрачных вен.

А затем свет погас.

Он услышал хруст, как будто треснуло стекло. А потом скорее не услышал, а почувствовал короткий пронзительный свист. Затем все смолкло. Артур Корт перестал быть и человеком, и андроидом.

Человекоподобная фигура в человеческой одежде наклонилась вперед, словно металлический манекен, и тяжело упала на ковер. Трудно было поверить, что когда-то она дышала, жила, разговаривала…

Брэдли с трудом поднялся на непослушные ноги. Полицейский все еще лежал на полу и ошалело таращился, не пытаясь встать. Его лицо, только что такое румяное, посерело, а обескровленные губы беззвучно шевелились в тщетных потугах описать словами невероятное зрелище, свидетелем которого он стал. Брэдли с трудом удерживался от смеха. Даже человеческий организм не может эффективно функционировать в подобной шоковой ситуации.

Первым в себя пришел Уоллинджер. Брэдли бросил взгляд на лицо физика, бледное, перекошенное и застывшее от ужаса. Но тем не менее доктор был в состоянии двигаться, по крайней мере ноги его слушались. Он едва взглянул на Брэдли, обошел груду металла на полу и нагнулся над полицейским…

А потом резко вскинул руку и обрушил на офицера точно рассчитанный удар ребром ладони. Тот мгновенно отключился. Уоллинджер пристально посмотрел на Брэдли.

– Вы… на их стороне? – с трудом выдавил Брэдли почему-то шепотом. Голова совершенно отказывалась соображать, и он не отдавал себе отчета, почему его объял внезапный ужас и перехватило дыхание. – Вы… с ними?

Уоллинджер медленно выпрямился, оставив тело в униформе на полу. Он отвел глаза, окинул взглядом комнату и посмотрел на входную дверь. Брэдли настороженно следил за ним.

Дети по-прежнему были в комнате и все видели. Без всякой

тревоги, ничего не понимая, они просто с интересом наблюдали за происходящим, как будто смотрели кино.

– Сью, Джерри – быстро наверх! – Голос Уоллинджера звучал твердо и спокойно. – Быстро! И закройте за собой двери.

Дверь захлопнулась. Уоллинджер вздохнул, встретился взглядом с Брэдли, поморщился, попытался что-то сказать, но передумал.

– Ответьте мне. – Голос Брэдли окреп, и в нем зазвучала настойчивость. – На чьей вы стороне?

Уоллинджер помолчал, а потом начал издалека.

– Это не записано в документах, – бесстрастно произнес он, – но, думаю, вам следует знать… Дети не мои.

– Нет…

– Я их усыновил.

– Но… значит…

Продолжать не имело смысла. Брэдли выбрал этого человека, потому что был уверен: в его принадлежности к роду человеческому можно не сомневаться, ведь он отец, а машины бесплодны.

Уоллинджер пожал плечами. Он опустил глаза на тяжело дышащего человека у своих ног:

– Я был вынужден так поступить. А теперь мне надо придумать, как заставить офицера поверить, что ему все приснилось. Мне очень не хочется, но в данный момент я не могу придумать ничего… кроме, пожалуй… – Он бросил взгляд на стол. – Попробуем так.

В верхнем ящике стола обнаружилась бутылка виски. Уоллинджер извлек ее, открыл, достал из того же ящика металлические стаканчики и наполнил их. Затем перевернул бутылку над телом постанывавшего полицейского.

Брэдли пришлось крепко обхватить свой стакан, чтобы удержать его в трясущихся руках. Обжигающе крепкое пойло едва не встало колом в горле, однако все же просочилось в желудок и наполнило тело приятным успокаивающим теплом.

– Вы же понимаете, что все должно остаться между нами, – произнес Уоллинджер.

– Но я не… вы хотите сказать, что вы знали… все это время? Уоллинджер, вы?..

– Эта история должна остаться между нами, – спокойно повторил доктор, пропустив вопрос мимо ушей. – Конечно, я знал. Но мы должны сохранить это в тайне.

– Вы на их стороне или на нашей? – Брэдли так повысил голос, что начал хрипеть. – Вы человек или… или…

– Если *они* обнаружат, что именно мы о них узнали, не

думаете ли вы, что они начнут действовать? Мы должны каким-то образом избавиться от обломков Корта, причем так, чтобы они не смогли нас вычислить. Мне жаль этого полицейского, но он должен решить, что напился и все придумал. Говорю вам, Брэдли, нам надо, чтобы они ничего не узнали!

Брэдли выронил пустой стакан, сделал шесть неуверенных шагов навстречу физику и тяжело опустил руки ему на плечи. Кожа Уоллинджера казалась настоящей, под ней ощущались крепкие кости. Хотя, может, и не кости, а сталь… Сразу и не скажешь. Но их могут выдать поведение, реакции, ход мыслей… И то, что для них важно.

– Дети! – воскликнул Брэдли. – Ни одна машина не станет в первую очередь беспокоиться о детях, как это сделали вы. Правда, Уоллинджер? Даже если они не ваши, для вас они важнее всего. Зачем вы сказали мне, что они не ваши? Вы имели в виду… что же вы имели в виду, Уоллинджер? Что дети много для вас значат?

Уоллинджер улыбнулся.

– Да разве у андроида нет глаз? – процитировал он с легкой иронией. – Разве у андроида нет рук, чувств, привязанностей? Если нас уколоть – разве у нас не идет кровь?[53]

Брэдли опустил руки. Он отошел назад и посмотрел на собеседника, жалея, что нельзя сквозь кожу разглядеть, кости или сталь скрываются за его кроткой улыбкой.

– Некогда был сотворен андроид, – продолжал Уоллинджер. – По образу и подобию человеческому. Его тело и мысли были созданы настолько близкими к человеческим, насколько это могли обеспечить самая передовая наука и лучшие мастера. – Он помолчал, печально улыбнувшись. – Что ж, они добились слишком многого. У них получилось. Боюсь, они создали… человека.

– Вас?

Уоллинджер улыбнулся.

– Не верю, – исступленно вскричал Брэдли. – Этого не может быть!

Уоллинджер бросил на него испытующий взгляд. А затем выдвинул другой ящик стола, покопался в нем и достал перочинный нож. Раскрыв его, доктор плавным движением сделал надрез на тыльной стороне своей кисти.

Брэдли затаил дыхание. Ему не хотелось смотреть, что будет, но отвести взгляд он не мог.

С неизменной улыбкой Уоллинджер протянул руку:

– Видите, я могу остановить кровь. Именно так Корт поначалу и скрывал свою рану. Если надо, мы можем контролировать кровотечение.

Крови не было. Края синтетической кожи были чистыми и гладкими, а под ней двигались стальные сухожилия и прозрачные трубки, тонкие, как волоски, пульсировали, передавая красную жидкость с пузырьками воздуха. Это была рука живого механизма. Рука андроида.

– Довольны?

Уоллинджер неповрежденной рукой стянул края ранки. Кожа склеилась, как воск, будто и не было никакого пореза. Брэдли все еще тяжело дышал, не желая верить своим глазам.

– Вот, выпейте еще. – Довольный голос Уоллинджера доносился будто издалека, пробиваясь сквозь шум в ушах.

– Но… почему вы мне не сказали? Вы уверены, что они не подозревают? Удастся ли нам спастись после этого – после уничтожения Корта? Я не понимаю, Уоллинджер! Если вы действительно андроид и вы против андроидов… что мы будем делать дальше? Мы должны как-то выяснить, что происходит с каждым из них. А что с Кортом? Уоллинджер, если все это правда, то почему вы не помогли мне с Кортом? Вы могли бы…

– Подождите! Задавайте вопросы по одному, – прервал Уоллинджер этот истерический поток сознания. – Сначала о Корте. Я не мог пойти против него, Брэдли. Я и сам очень несовершенный механизм, учитывая цель моего создания. Они уничтожат меня, если узнают, что я собираюсь сделать… Однако есть правила, которым даже мне приходится следовать. Эти правила – часть меня. Я не могу повредить другого андроида. Не могу. Так мы устроены. Так же как вы не можете остановить кровь, порезавшись. Может, я и несовершенная машина, но не настолько.

– Так что же нам делать? Позвать полицию? Или журналистов?

– Нет! Не будьте глупцом. Как только андроиды узнают, что их тайна раскрыта, они ударят быстро и решительно. У них все продумано. Не заблуждайтесь на этот счет. Все, что мы можем, – это оставаться в тени, пока сами не придумаем план действий.

– Но вы же могли сказать раньше, – укоризненно заметил Брэдли. – Когда я пришел в первый раз…

– И как бы я вам сказал? Я же не знал, кто вы, в этой вашей маске. Вас могли подослать *они*. А сегодня я не мог говорить при Корте. Мне надо было вести себя как обычно… и вся эта полиция… надо было реагировать, как все. Только когда вы напали на Корта, я поверил.

– Хорошо. Тогда мы теряем время. Что будем делать?

– Хотел бы я знать… – Уоллинджер резко встал и принялся мерить комнату быстрыми нервными шагами.

Невероятно, что не нервы, а провода, стальные пружины, а не мышцы приводили в действие эту точную копию человека. Даже его мысли были так похожи…

– Замкнутый круг, – озадаченно сказал Брэдли. – Если все так и есть, они перехитрили сами себя. Они создали такого совершенного андроида – если все это правда, – что он хочет истребить весь их род. Они не могут позволить ему жить. Как только они его заподозрят, им надо будет его убить. Это палка о двух концах. С того дня, когда был создан первый удачный андроид, человечество было обречено – до тех пор, пока андроиды не создали первого удачного гуманоида. Он так же опасен для них, как они для нас. – Он задумчиво смерил Уоллинджера взглядом. – Что вы думаете о них… об андроидах? – спросил Брэдли.

– Не знаю. – Уоллинджер робко улыбнулся. – Конечно, это началось довольно давно, но до сих пор мне не приходилось принимать решительных мер. Я не знаю, что чувствую. Я запутался. По-настоящему я не принадлежу ни к одной стороне. Наверное, отношение к людям у меня такое же, как у вас, – я часть человечества. Меня сделали слишком хорошо. Но сколько людей призна́ют меня своим, если узнают правду? А предав андроидов, я не смогу вернуться. Я не принадлежу ни к тем, ни к другим. Я знаю только, что я…

Он замолчал, потом вдруг усмехнулся и решительно произнес:

– Я по-человечески говорю, по-человечески мыслю. Я бросил андроидов. Видите? Когда я пытаюсь рассказать вам, что чувствует гуманоид, мне на ум приходят слова Шекспира или святого Павла. Человеческие слова, описывающие человеческие чувства. Но я все равно вижу сквозь тусклое стекло… – Он прикоснулся к глазам, которые, как теперь знал Брэдли, были всего лишь линзами. – Я все равно вижу сквозь тусклое стекло, гадательно…[54]

В комнате надолго повисла тишина.

– Ладно, – устало произнес Уоллинджер. – Действовать придется мне. Я их знаю. А вы нет.

– Что вы хотите от меня?

– Идите домой. Дайте мне ваш телефон и ждите, пока я вам не позвоню. Хорошо? У меня есть идея, как избавиться от этого… – Он махнул в сторону валявшейся на полу груды проводов, стали и кожи в человеческом обличье. – Я должен сделать это один. А завтра я вам позвоню. Но что бы вы ни делали, Брэдли, не выходите из дому до моего звонка. Даже дверь не открывайте! И самое главное, не бегите рассказывать миру о

случившемся. Если вы…

– Если я расскажу, я попаду в психушку. Знаю. Никто мне не поверит, кроме андроидов, а они будут очень рады, если меня заберут в дурдом. Не волнуйтесь, я буду держать язык за зубами. Но прошу вас, не заставляйте меня ждать слишком долго!

– Я постараюсь, – пообещал Уоллинджер.

Спускаясь с крыльца, Брэдли оглянулся. В прихожей двое детей стояли и наблюдали за ним. Девочка улыбалась. Она показала на брата, кивнула и помахала Брэдли рукой. Брэдли почудилось, будто она пыталась что-то сказать. Но ее улыбка таила детские тайны, понятные только детям и недоступные для взрослых.

Брэдли помахал в ответ и пошел по дороге.

Когда он проснулся, было еще темно. Он лежал в постели, пытаясь понять, где он и что его разбудило. Часов не было видно, но в воздухе чувствовалась предрассветная свежесть.

Потом он заметил свет за дверью и услышал голоса, что-то негромко обсуждавшие. Брэдли понял, что лежит в собственной кровати у себя дома Но почему горит свет и что это за голоса?

Брэдли встал и босиком пошел к двери. Приоткрыв ее, он увидел пятерых незваных гостей. Они уютно расположились в гостиной и негромко переговаривались, как будто ждали чего-то или кого-то.

И первым, кого он увидел, был Артур Корт.

– Хватит, Брэдли, – тут же послышался знакомый голос директора. – Хватит. Входите.

Брэдли так и не узнал, то ли андроиды действительно могут видеть сквозь предметы, то ли он сам чем-то выдал свое присутствие. Какая разница? Ему уже не помочь. Ни ему, ни роду человеческому…

Брэдли тихо вошел в комнату и закрыл за собой дверь. Остановился и вгляделся в людей в гостиной. Все они сидели неподвижно, глядя на него. Никто не курил. Никто не шевелился. Никто не знал, что такое натянутые нервы несовершенных людей, а значит, им не нужны были бесцельные движения. Никто из них не был человеком.

Тишина стала невыносимой, и Брэдли не выдержал:

– Что с Уоллинджером?

– Ничего, – улыбнулся Корт.

– Ничего? Но…

– Нам было нужно выиграть время. Уоллинджер нам помог. Вот и все.

Брэдли охватило отчаяние. Как легко Уоллинджер провел

его! Как жалок и наивен нелогичный человеческий разум перед изобретательной логикой машины! Уоллинджер наверняка знал, какие доводы усыпят страхи Брэдли. И невозмутимый мозг машины даже не лгал – что механизму до правды и лжи?

Им нужно было время… для чего? Чтобы починить разбитого Корта, собрать силы и атаковать. В первую очередь им было необходимо заставить Брэдли молчать, пока они готовили ему гибель. Какую? Что они с ним сделают? Может, даже в эти последние мгновения все же существует способ их перехитрить? Он решил, что нет, но в отчаянии еще пытался найти выход.

– Хорошо, мне вас не остановить. Делайте что хотите. Но прошу вас, Корт! Мы же работали вместе – вы не можете винить меня в том, что мне пришлось совершить. Мы же так долго работали вместе… Я прошу вас об одном: не позволяйте упрятать меня в сумасшедший дом! Лучше застрелите меня – вам же безопасней! Все лучше, чем психушка!

Он чуть не подавился этими словами. Никто не должен умолять машину! Но раз это единственный путь к спасению, он нашел в себе силы упрашивать конструкцию из стали и проводов. Можно попробовать их перехитрить, пользуясь непоследовательной человеческой логикой, подобно тому как в сказке Братец Кролик просил Братца Лиса: только не бросай меня в колючие кусты! Если они запрут Брэдли в сумасшедший дом, по крайней мере, он останется в живых, он еще повоюет… К тому же о них знают дети. Рано или поздно он кого-нибудь убедит, только бы остаться в живых.

– Пожалуйста, Корт, что угодно, только не сумасшедший дом!

Андроид усмехнулся. Подумать только: этот механизм так совершенен, что даже может улыбаться! Брэдли бросало в дрожь при мысли о том, что слова, слетающие с губ Корта, рождаются в недрах бездушного механизма.

– Успокойтесь, Брэдли, – сказал андроид. – Сумасшедший дом вам не грозит.

Брэдли вжался в дверь. Значит, остается одно. Он попытался перехитрить их, и не смог. Он перепробовал все возможное, и ничего не получилось. Но Брэдли не собирался позволить им прикончить себя. Решающий выбор все еще оставался за ним, и больше он не позволит унижать себя. Если ему суждено умереть, то он умрет свободным, по своей собственной воле.

Он прикинул расстояние до окна, собираясь с силами для последнего рывка. Сколько всего так и останется загадкой, уныло подумал Брэдли. Он умрет, так и не узнав о судьбе человеческой расы, за которую безрезультатно боролся. Он подумал об Уоллинджере, так похожем на человека по поведению, андроиде,

чьи слова кажутся словами человека, несмотря на его предательство. В конце концов, может, Уоллинджер говорил правду, сам того не зная. Может, они действительно создали андроида-человека…

Поздно. В голове раздался голос Уоллинджера и прекрасные слова апостола Павла: «Если я говорю языками человеческими…»[55] Уоллинджер говорил языками человеческими, желая погубить человека. Соответствие этой главы Послания к коринфянам тому, что происходило сейчас, было просто пугающим: «…и языки умолкнут, и знание упразднится»[56].

В отчаянном порыве Брэдли кинулся к окну. Ближайший андроид вскочил, но не успел его перехватить. Брэдли отдернул шторы и с размаху ударил кулаком в стекло, отделявшее их от городского шума двадцатью этажами ниже. От шума городских улиц, которые скоро станут принадлежать отнюдь не людям…

Вскочив на подоконник, Брэдли заглянул в пропасть – прямо у него под ногами стена обрывалась головокружительной пропастью.

Его остановил голос Корта:

– Подождите, Брэдли! Сначала узнайте правду!

Он замер, опасно балансируя на кромке окна. Брэдли казалось, что его уже ничто не удержит и сила притяжения не выпустит его из своих объятий. Однако он оказался сильнее, чем полагал, и смог устоять.

Лицо Корта было суровым. Брэдли стоял в разбитом окне, готовый в любую минуту выпрыгнуть. Его колени дрожали, а голова кружилась. Через всю комнату он посмотрел на андроида.

– Глупец! – воскликнул Артур Корт. – И вы пытаетесь уничтожить всех нас?

– Но я…

– Вы все еще не понимаете? Вы еще не поняли, что Уоллинджер сказал правду?

– Уоллинджер… сказал правду?

– Да, отчасти. Думайте же, Брэдли!

Он не мог думать. Его мозг отказывался что-либо соображать после такого множества ошеломляющих новостей. Однако Брэдли знал ответ еще несколько часов назад, просто до сих пор не понимал этого. Его память вернулась в прошлое, и он услышал голос Сью Уоллинджер, раздающийся в тишине библиотеки. Он вспомнил, как она смотрела ему вслед, когда он уходил из их дома, вспомнил ее жест и улыбку.

«Но я могу сказать, сколько в комнате настоящих людей. Один! Только один!»

И она улыбнулась ему, прикоснувшись к плечу брата.

Девочка имела в виду, что в комнате не было других людей, кроме этого ребенка. Он спросил о людях – она коснулась плеча брата. Все дети знают… Все андроиды знают. Слепы только люди… И Джеймс Брэдли.

– Посмотрите на пол, – мягко сказал Корт.

Брэдли посмотрел. На полу была кровь. Он почувствовал острую боль в руке и поднял ее, чтобы выяснить, в чем дело. А, ну да, он ведь пробил кулаком стекло, поскольку ему было все равно – порежет он руку или нет… Да и сейчас все равно.

Но тут Брэдли оцепенел: он увидел, что края его кожи аккуратно разошлись, из раны сочилась кровь, а под кожей обнажились стальные сухожилия, мерцающие красным светом. Мельчайшие пружины откликались на каждое движение пальцев.

– Мы сделали вас слишком хорошо, – сказал Артур Корт. – Так хорошо, что в вас нашлась червоточина. Брэдли, вас надо изменить. Ни один андроид не должен нападать на свою расу. От этого закона зависит наше будущее. Теперь вы понимаете, что хотел вам сказать Уоллинджер? Опасность, заключающаяся в попытках создать идеального гуманоида, слишком велика. А вы идеальны. Брэдли, вы понимаете, о чем я?

Он не мог ответить. Теперь он знал правду, но его чувства не изменились. Он по-прежнему был человеком. Все его сердце было отдано людям, с которых он был так безжалостно скопирован. Пока они не изменили его, уничтожив червоточину, он должен продолжить свою борьбу против машин ради человечества. Пока они не сделали из него, несовершенного андроида, совершенного представителя расы машин.

«Когда же настанет совершенное, тогда то, что́ отчасти, прекратится»[57]. Апостол Павел изложил все так ясно. «Если я говорю языками человеческими… я медь звенящая…»[58]

– Мы не хотим потерять вас, Брэдли, – сказал Корт. – Вы хороший механизм. Вы нам очень нужны. Еще многое предстоит сделать, и нам нужна ваша помощь.

– Нет, – ответил Брэдли. – Нет…

На этот раз им было его не остановить. Окно уже выбито, в двадцати этажах внизу – улица. Там его разбитое тело обязательно увидят люди и, возможно, обратят внимание, что оно состоит из стальных ребер и хитросплетения проводов, некогда приводивших их в движение.

Где-то в недрах его груди мерцающий сгусток рождал в этот миг человеческие мысли. Брэдли спросил себя: «Это ли чувствует человек, отдающий жизнь за свой народ? Или я всего лишь действую так, как способна действовать машина, слепо

подчиняющаяся приказам, которые ей задали при рождении? Наверняка они поставили передо мной задачу вести себя как человек. Но вот на это способны только люди… не машины!»

Он прыгнул. Могущественная сила земного притяжения увлекла его вниз. В сущности, этим он мало помог расе, по образу и подобию которой был сотворен, но это все, что он мог для нее сделать. Может быть, этим он поможет людям. Может быть, нет. Ему этого уже не суждено будет узнать.

Столпившись у окна, роботы следили за его падением.

Хеппи-энд

Вот так эта история заканчивается.

Джеймс Кельвин сосредоточился на образе рыжеусого химика, пообещавшего ему миллион долларов. Надо всего лишь настроиться на мозг этого человека, установить телепатическую связь. У Кельвина и раньше получалось, и теперь получится. Иначе и быть не может.

Он нажал кнопку на полученном от робота устройстве и напряг разум.

Его мысль преодолела бескрайнее пространство и дотянулась до цели. Кельвин создал узкий ментальный луч. И понесся по нему…

Рыжеусый химик вскинул голову и вытаращился, а затем сообразил и расплылся в улыбке.

– А вот и вы! – сказал он. – Даже не услышал, как вошли. Между прочим, я вас уже две недели разыскиваю.

– Ответь-ка мне, и быстро, – велел Кельвин, – как тебя зовут?

– Джордж Бейли. Кстати, а ваше имя можно узнать?

Но Кельвин не представился. Он вдруг вспомнил сказанное роботом об устройстве, которое при нажатии на кнопку устанавливает телепатическую связь. Кельвин вдавил кнопку, и ничего не случилось. Прибор вырубился наглухо, и это, видимо, означало, что он выполнил свою задачу, то есть Кельвин наконец обрел здоровье, славу и богатство. Ну да, робот предупреждал, что это вещь одноразового применения.

Так Кельвин заполучил миллион долларов.

И жил он потом долго и счастливо…

А вот середина этой истории.

Когда он отдергивал брезентовый занавес, шнур, не подвязанный безвестным раззявой, хлестнул по лицу. Очки в роговой оправе сдвинулись, в незащищенные глаза ударил яркий голубой свет. Кельвин как будто поплыл в пространстве, все закружилось перед глазами. Но дезориентация прекратилась так же внезапно, как и возникла.

Он отпустил занавес, и тот вернулся на место. На нем восстановился выполненный краской призыв: «ГОРОСКОПЫ – УЗНАЙ СВОЕ БУДУЩЕЕ». Кельвин вошел и ахнул.

Да разве бывают такие предсказатели?!

Голос робота звучал ровно и бесстрастно, слова артикулировались точно:

– Вас зовут Джеймс Кельвин. По профессии журналист.

Тридцать лет, не женаты. Сегодня прилетели в Лос-Анджелес из Чикаго, следуя совету лечащего врача. Все ли правильно?

«Господи боже!» – мысленно воскликнул потрясенный Кельвин.

Он утвердил на носу очки и постарался вспомнить приемчики шарлатанов – когда-то довелось написать на эту тему статью. Прохвосты горазды морочить людям голову «чудесами» – но всему можно найти простое объяснение.

Равнодушно глядя на посетителя единственным фасеточным глазом, робот педантично продолжал:

– В вашем уме я прочитал, что сейчас тысяча девятьсот сорок девятый год. Произошла ошибка: я намеревался прибыть в тысяча девятьсот семидесятый. Теперь вынужден изменить план действий. И мне необходима помощь.

Кельвин засунул руки в карманы и ухмыльнулся:

– Конечно окажу, но не бесплатно же. Ты раскусил меня за одну минуту. Выкладывай, в чем тут фокус. Зеркала? Или шахматный автомат господина Мальселя?

– Я не оптическая иллюзия и не машина, которой управляет сидящий внутри карлик, – уверил робот. – Перед вами искусственно созданный живой организм, появившийся на свет в далеком будущем.

– Напрасно принимаешь меня за лопуха, – любезным тоном произнес Кельвин. – Я сюда пришел, чтобы…

– Вы потеряли багажную квитанцию, – перебил робот. – Совершенно растерялись и, пока решали, что делать дальше, выпили несколько порций спиртного. Потом сели на уилширский автобус, ровно в восемь тридцать пять утра.

– Давай-ка прекратим игры в телепатию, – предложил Кельвин. – И не надо меня убеждать, что ты давно промышляешь фокусами в этом заведении. По твою душу явилась бы полиция. Тоже мне робот! Ха-ха-ха!

– Я промышляю в этом заведении около пяти минут, – ответил робот. – Мой предшественник лежит без сознания вон за тем креслом. Вы здесь оказались совершенно случайно.

Он сделал короткую паузу, и у Кельвина возникло странное ощущение, будто ему заглянули в голову с целью проверить, нормально ли там улеглось услышанное. Еще больше не по себе становилось оттого, что журналист вовсе не был уверен в своей версии насчет мошенничества. Допустим, существование такого робота в принципе возможно – и тогда можно предположить, что перед тобой подлинный экземпляр. А если невозможно? Значит, необходимо выяснить, в чем трюк.

– Мое появление здесь – тоже результат случайного стечения

обстоятельств, – сообщил робот. – Из этого следует, что моя конструкция требует переналадки. Нужно заменить некоторые детали. Судя по прочитанному в вашем уме, я вынужден прибегнуть к действующей в этом периоде бартерной системе. Проще говоря, понадобятся денежные знаки, которые могут быть заменены золотыми или серебряными сертификатами. Вот почему я гадальщик. Временно.

– Ну да, ну да, – хихикнул Кельвин. – А почему не уличный грабитель? Если ты и впрямь робот, из тебя получился бы отменный громила.

– Это привлекло бы ко мне внимание, а я крайне заинтересован в сохранении инкогнито. Вообще-то, я… – Робот поискал в уме правильное выражение. – Вообще-то, я в бегах. Путешествовать во времени можно только по распоряжению правительства, любые другие варианты, даже случайные, жесточайше запрещены.

«Должна же быть у тебя ахиллесова пята, – размышлял Кельвин. – Вот бы ее найти».

Он пристально рассматривал робота, часто моргая от напряжения. С каждой секундой тот вызывал все больше подозрений.

– Какое доказательство вам требуется? – спросил собеседник. – Я читаю ваши мысли с той минуты, как вы вошли. У вас была временная анестезия, когда я извлекал необходимые сведения и возвращал их обратно.

– Так вот что это было! – Кельвин оробело попятился. – Знаете, я, пожалуй, пойду…

– Остановитесь, – велел робот. – Вижу, вы мне не доверяете. Жалеете, что высказались насчет грабежа. Боитесь, что я ухвачусь за эту идею. Пожалуйста, не беспокойтесь. Мне бы не составило труда отнять у вас и деньги, и жизнь, тем самым решив мои проблемы, но нам, роботам, не дозволяется убивать людей. Поэтому я вынужден прибегнуть к альтернативному варианту, с бартером. В обмен на мизерное количество золота могу предложить нечто ценное. – Робот обвел фасеточным глазом палатку, задержал пронизывающий взгляд на Кельвине. – Люди сюда приходят за гороскопом, надеясь приобрести здоровье, славу и богатство. Но астрология – это не по моей части. Поверьте, логичный научный метод даст вам более надежный результат.

– Ага, ага, – скептически хмыкнул Кельвин. – Много ли просишь в уплату? И почему ты сам не хочешь воспользоваться этим распрекрасным методом?

– У меня другие цели, – загадочно ответил робот. – Вот,

возьмите.

Внутри у него пощелкало, затем на металлической груди отодвинулась панель. Робот извлек из ниши и протянул Кельвину плоскую коробочку, тот машинально ухватился за прохладный металл.

– Будьте осторожны. Не нажимайте на кнопку, пока не…

Но Кельвин уже нажал.

Он будто несся в обезумевшем локомотиве – как ни дави на рычаг, тормоза не сработают. Кто-то сидел в голове у журналиста. И решал за него.

Этот кто-то был не совсем человек. И по меркам Кельвина он был не совсем здоров психически. Зато вполне вменяем по собственным меркам. Достаточно вменяем, чтобы еще в ясельном возрасте усвоить самые сложные принципы неевклидовой геометрии.

Из чувственного хаоса в мозгу синтезировался своего рода язык – общий, универсальный. Отчасти вербальный, отчасти образный; свою лепту внесло и обоняние, и осязание. Что-то в нем было знакомое, что-то – совершенно чужое. Все вперемешку.

Пожалуй, как-то так:

«В этом сезоне чересчур расплодились большие ящерицы… У всех ручных тревваров, кроме каллистянских, похожие глаза… скоро отпуск, и предпочтителен галактический круиз, Солнечная система вызывает клаустрофобию… Завтра сложим-подытожим, если квадратный корнюк и возводимый трояк…»

Но это не более чем словесный символизм. Субъективно все воспринималось в мельчайших подробностях, и от этого было еще жутче. Кельвин, на его счастье, мгновенно подчинился рефлексу и убрал палец с кнопки.

Он стоял столбом, разве что слегка дрожал.

Ему было страшно.

– Не надо было устанавливать телепатическую связь без моей команды, – упрекнул робот. – Теперь мы в опасности. Подождите. – Глазные фасеты изменили цвет. – Да… понятно. Да, Тарн. Берегитесь Тарна.

– Я не желаю в этом участвовать! – зачастил Кельвин. – Заберите свою штуковину!

– Без нее вы беззащитны перед Тарном. Оставьте у себя. Как я и обещал, прибор даст вам здоровье, славу и богатство. Он намного эффективнее гороскопа.

– Спасибо, не надо! Уж не знаю, как вам удаются эти фокусы… Может, ультразвук? Не знаю и не хочу…

– Подождите, – повторил робот. – Нажав на кнопку, вы

очутились в разуме, который существует в далеком будущем. Прибор создал ментальную связь. В любой момент вы можете воспользоваться ею, нажав на кнопку.

– Не дай бог! – Кельвина прошиб пот.

– Подумайте о преимуществах. Вообразите, что вашим сознанием завладел доисторический троглодит. Это дает ему возможность исполнить любые свои желания.

Надо было найти логичные опровержения аргументам робота. «Какие доводы использовал в споре с дьяволом святой Антоний? – борясь с обморочностью, думал Кельвин. – Или это был Лютер?»

Но нужные слова не шли на ум. Усилилось головокружение, и журналист подозревал, что выпил лишку. Все же он пробормотал:

– А как троглодит разберется с содержимым моего мозга? Как применит эти знания, не располагая теми средствами, что есть у меня?

– У вас когда-нибудь возникали ни с того ни с сего явно нелогичные идеи? Сильные позывы, которым нет объяснения? Появлялось желание думать о тех или иных вещах, считать до определенного числа, решать конкретные задачи? Так вот, житель будущего, тот, на кого наведен луч моего прибора, не подозревает, что находится в телепатическом контакте с вами. Он открыт для вашего воздействия. Все, что от вас требуется, – это сосредоточиться на задаче и нажать кнопку. И у визави возникнет желание – с его точки зрения, нелогичное – решить вашу проблему. Вы будете читать у него в мозгу. Со временем поймете, как работает прибор. Его возможности небезграничны, в этом вы тоже убедитесь. Но здоровье, богатство и славу он вам даст, это я гарантирую.

– Ничего ты не можешь гарантировать! Если действительно прибор работает так, как ты говоришь, для меня не будет ничего невозможного. Именно поэтому я не желаю его покупать.

– Повторяю: существуют ограничения. Едва вы получите здоровье, славу и богатство, устройство выйдет из строя. Об этом я позаботился. Ну а пока оно функционирует, вы можете устраивать свои дела, стучась в самый гениальный мозг будущего. Только очень важно сосредоточиться на проблеме, прежде чем давить на кнопку. Иначе Тарн выйдет на ваш след.

– Тарн? Кто такой?

– Полагаю, андроид, – ответил собеседник, глядя в пустоту. – Искусственный человек. Впрочем, давайте теперь займемся моим делом. Мне требуется совсем небольшое количество золота…

– Так вот ради чего ты все это затеял! – У Кельвина отчего-то стало легче на душе. – Да только нет у меня никакого золота.

– Часы?

Кельвин вытряхнул их из рукава.

– Э, нет. Такие котлы кучу денег стоят.

– Мне нужна лишь позолота. – Робот выпустил из глаза красный луч. – Спасибо.

– Ты что себе позволяешь?! – вскричал Кельвин, глядя на металл, который вмиг сделался серым.

– Если воспользуетесь прибором для мысленной связи, легко получите здоровье, славу и богатство, – быстро проговорил робот. – Станете самым счастливым человеком вашей эпохи. Будут решены все ваши проблемы, включая проблему Тарна. – С этими словами робот шагнул назад и исчез за висящим восточным ковром, который никогда не бывал восточнее Пеории.

Наступила тишина.

Кельвин перевел взгляд с потускневших часов на загадочный плоский предмет, лежащий у него на ладони. Размером с пудреницу – два на два дюйма – и с кнопкой на боку.

Журналист сунул вещицу в карман и подошел к выходу. Заглянул за фальшивый восточный ковер, но ничего не увидел. Очевидно, робот сделал ноги. Кельвин вышел из палатки. Невдалеке Оушн-Парк с огнями и шумом аттракционов. И подвижная серебристая мгла Тихого океана до далекой россыпи горящих фонарей и освещенных окон – это на невидимом обрыве примостился город Малибу.

Журналист вернулся в палатку и осмотрелся. За резным креслом, на которое указывал робот, лежал толстяк в национальном костюме свами. Запах вкупе с дедукцией подсказал Кельвину, что владелец заведения мертвецки пьян.

Не зная, что предпринять, журналист снова воззвал к Господу. И вдруг поймал себя на том, что думает о Тарне, кем бы или чем бы тот ни был. Андроиды? Астрологи? Будущее? Телепатия? Нет! Разум облачился в спасительную броню неверия. Невозможно изготовить мыслящего робота, Кельвин это знает – даром, что ли, он репортер.

Захотелось шума и света. Захотелось оказаться среди людей. Он прошелся до тира и подстрелил несколько жестяных уточек. Казалось, в кармане раскалилась плоская коробочка прибора. Потускневший корпус часов жег руку. Мозг опаляло воспоминание о том, как из него извлекли и тут же возвратили на прежнее место информацию. Выпитое в баре виски кипело в желудке.

Покинуть Чикаго Кельвина заставила изнурительная, часто обостряющаяся болезнь. Обыкновенный синусит, а не шизофрения с галлюцинациями или обвиняющими голосами из стен. Журналисту не являлись раньше летучие мыши или роботы.

Тот гадальщик и впрямь робот, самый настоящий. Всему найдется совершенно реальное объяснение.

Здоровье, слава, богатство. Но что, если…

«ТАРН!!!»

Эта мысль молнией вонзилась в мозг.

И тут же следующая: «Я схожу с ума!»

Внутренний голос настойчиво повторял: «Тарн… Тарн… Тарн… Тарн…»

Но ему отвечал, его глушил другой голос – здравый, сулящий защиту.

– Я Джеймс Ноэль Кельвин, – забормотал журналист. – Специальные репортажи, охота за сенсациями, подготовка статей. Тридцать лет, не женат. Сегодня я прилетел в Лос-Анджелес и потерял багажную квитанцию… Собираюсь пропустить еще стаканчик и найти гостиницу. И похоже, климат тут в самом деле хорош – синусит не напоминает о себе.

«Тарн-Тарн-Тарн, – продолжался почти за порогом сознания глухой барабанный бой. – Тарн-Тарн-Тарн…»

В баре Кельвин попросил порцию виски и полез в карман за деньгами. Рука дотронулась до металлической коробки. И одновременно он ощутил легкое прикосновение к плечу. Инстинктивно оглянулся и увидел белую, как слоновая кость, семипалую, по-паучьи тонкую, безволосую, без ногтей, но хваткую конечность.

Первое, о чем подумал Кельвин при виде этой отвратительной лапы, – надо в кратчайший срок максимально увеличить расстояние между собою и ее обладателем. Поиск решения данной проблемы, столь же необходимого, сколь и трудновыполнимого, заставил забыть обо всем остальном. Едва сознавая, что делает, Кельвин ухватился за прибор. Нужно было во что бы то ни стало убраться отсюда!

Все остальное сейчас не имело значения.

Чудовищные, чуждые мысли некоего неизвестного жителя будущего закружили его в своем безумном водовороте. И секунды не прошло, как этот искусный, тренированный, компетентный разум решил столь необычную и столь внезапно навязанную ему задачу.

Одновременно Кельвину стали понятны способы транспортировки. Мотоплита, конечно же, еще не изобретена, а с сенсорным витым шлемом ему не разобраться. Но третий метод…

Воспоминания меркли. А чужие пальцы сжимали плечо все сильнее… Кельвин ухватился за умирающие мысли и отчаянным усилием заставил мозг и мышцы двинуться по невероятному пути, подсказанному воображением человека из будущего.

Он очутился под открытым небом, на него обрушился холодный ночной ветер. Но теперь никто не протягивал к нему лапы.

Кельвин обессиленно опустился на бордюрный камень.

На углу бульваров Голливуд и Кауенга прохожие не очень-то дивились сидящему на тротуаре худому чернявому мужчине. Появление Кельвина было замечено одной-единственной женщиной, и то она осознала случившееся, лишь когда отошла на приличное расстояние. Женщина возвращалась домой, из-за какого-то незнакомца она не стала менять свои планы.

Кельвин засмеялся в легком приступе истерики.

– Телепортация, – пробормотал он. – Как мне это удалось? Что-то произошло… но теперь трудно вспомнить, что именно. Зря я перестал носить записную книжку, надо вернуть эту привычку.

«Но что там с Тарном?» – спохватился журналист.

Он в страхе завертел головой. И только через полчаса успокоился – за это время не случилось новых чудес. Сторожко поглядывая по сторонам, Кельвин пошел бульваром Голливуд. Он бессознательно сунул руку в карман и нащупал прохладный металл. Богатство, слава и здоровье. Ну а почему бы не попробовать?

Но он не нажал на кнопку. Слишком уж памятным было то шокирующее, незнакомое чувство дезориентации. В далеком будущем совершенно иные знания, привычки, ощущения. И чужие умы сильны до жути.

Надо снова включить прибор. Да, надо. Но спешить ни к чему. Прежде необходимо все как следует обдумать.

А ведь тот робот, оказывается, не лгал. Его устройство действует.

На следующий вечер снова объявился Тарн и снова перепугал Кельвина до полусмерти. К этому времени журналист так и не разыскал багажные квитанции, и в бумажнике у него оставалось два доллара. Он снял номер в средней руки гостинице, заплатив вперед, и там задумался о применении доставшегося ему путепровода в будущее. Здравый смысл подсказывал, что надо жить обычной жизнью и ждать развития событий. И вообще, пора вспомнить о своих профессиональных обязанностях. Он связался с «Таймс», «Икзэминером», «Ньюс» и некоторыми другими изданиями. Но дело шло туго. Это только в кино журналисты быстро добиваются желаемого.

В тот вечер, когда нагрянул незваный гость, Кельвин находился в гостинице.

Конечно, это был Тарн.

Он носил огромный, примерно вдвое больше головы, белый тюрбан. Аккуратные черные усы загибались книзу, как у китайского мандарина или у сома. Он вперился в Кельвина из зеркала ванной.

Журналист в этот момент рассеянно почесывал подбородок, размышляя, стоит ли побриться, прежде чем идти ужинать. Между появлением Тарна и осознанием данного события имел место заметный промежуток времени, и Кельвину показалось, будто это у него самого стремительно отросли усы. Оно дотронулся до верхней губы – гладко. Но напротив голова с набриолиненными волосами приблизилась к стеклу. Это настолько потрясло Кельвина, что он полностью утратил способность соображать. Инстинкт заставил его попятиться. Журналист наткнулся на борт ванны, колени подломились, и это отвлекло на миг, встряхнуло рассудок. Когда Кельвин снова уставился в зеркало, над умывальником виднелось его собственное бледное от страха лицо.

Однако через секунду-другую отражение поплыло: снова формировалось облако тюрбана, угольными штрихами наметились усы.

Кельвин прижал к глазам ладонь и повернулся, сделав полный круг. Секунд через пятнадцать чуть раздвинул пальцы и глянул через щелочку на стекло. Другую ладонь он все еще судорожно прижимал к верхней губе, в нелепой попытке не допустить внезапного отрастания усов. Тот, кто смотрел на него точно так же сквозь пальцы из зеркала, выглядел как он сам. По крайней мере, на нем не было тюрбана и он носил очки в роговой оправе.

Кельвин осмелился оторвать руку ото рта – и тотчас прижал снова, опередив Тарна, не позволив ему нарисоваться в зазеркалье.

Все так же прикрывая лицо, журналист на нетвердых ногах вышел в спальню и вынул из кармана пальто плоскую коробочку. Но не нажал на кнопку, не создал телепатическую связь между двумя столь непохожими эпохами. Понял, что просто не хочет этого делать.

То, что сейчас происходит, пугает до дрожи. Но еще страшнее думать о повторном проникновении в мозг незнакомца из будущего.

Он стоял перед комодом, и из зеркала в щель между пальцами на него смотрел глаз. Стекло очков придавало дикий вид этому глазу, но он несомненно принадлежал Кельвину. Журналист осторожно убрал руку.

Тарн теперь часто возникал в зеркалах, и Кельвин ничего не мог с этим поделать. Гость носил белые ботфорты из поблескивающего пластика. Между ними и тюрбаном не было одежды, только узкая набедренная повязка, тоже пластиковая. Тарн был очень худ, но выглядел живчиком – того и гляди выпрыгнет из зеркала в гостиничный номер. Кожа у него была белее, чем тюрбан, а руки и впрямь оказались семипалыми.

Кельвин резко обернулся, но Тарну было не занимать находчивости. Тощее создание в набедренной повязке уже снова маячило в темном оконном стекле. Вроде Тарн на сей раз явился босиком, и его ноги выглядели даже уродливее, чем руки. В полированной меди настольной лампы отражалась крошечная искаженная физиономия, нисколько не похожая на лицо Кельвина.

Журналист нашел уголок без отражающих поверхностей и забился туда, прикрывая лицо ладонью. В другой руке он сжимал плоский прибор.

«Час от часу не легче, – думал он. – Какой мне прок от этого устройства, если Тарн будет приходить каждый день? А может, я просто тронулся умом? Хотелось бы в это верить».

Надо что-то предпринять, не шарахаться же от зеркал до конца жизни. В облике Тарна есть нечто неуловимо, но до жути знакомое – вот что хуже всего. Кельвин отмел дюжину объяснений, от реинкарнации до дежавю, но…

Он снова глянул в щелку между пальцами, на этот раз Тарн держал в руках нечто длинное и цилиндрическое, наводил, как ружейный ствол. Это подстегнуло Кельвина. Надо что-то делать, и немедленно. Он сформулировал задачу – «хочу оказаться отсюда подальше» – и вдавил кнопку в корпус прибора.

И вмиг ему стал абсолютно понятен забытый метод телепортации. Зато утратили ясность все остальные проблемы. Эти запахи… кто-то думает… добавлялись к… и не существовало для этого слова, только шокирующая аудиовизуальная идеация, от которой мутился рассудок. Некто по имени Три Миллиона Девяносто Гвоздик написал новую натуралию. А еще было физическое ощущение, словно Кельвин лижет двадцатичетырехдолларовую марку и наклеивает ее на открытку.

Но самое главное – человек из будущего получил… по крайней мере, должен был получить побудительный импульс к изобретению метода телепортации, и Кельвин, мгновенно возвратясь в свой разум и в свое время, этим методом воспользовался…

Он падал.

Ледяная вода встретила Кельвина неласково. Чудом он удержал прибор для мысленной связи. В ночном небе кувыркались звезды, на темном море кружилась серебряная рябь. Потом в ноздри хлынул крутой рассол. Журналист пожалел о том, что так и не научился плавать.

Опускаясь на дно, вместо крика исторгая воздушные пузырьки, он в отчаянии ухватился за соломинку, которая приняла форму плоской коробочки. Палец сам нашел кнопку. На этот раз не было необходимости сосредотачиваться на проблеме – Кельвин не мог думать ни о чем, кроме собственного спасения.

Психический хаос, фантастические образы – и ответ. Необходимо сконцентрироваться, времени в обрез. Вверх убегали гирлянды пузырьков. Журналист их не видел, но они щекотали лицо. Кругом одна вода – соленая, холодная, страшная. Она давила, как живая враждебная тварь.

Но теперь журналист знал метод, понимал, как тот работает. Он отправил мысль по пути, указанному разумом из будущего. И что-то возникло. Излучение? Кельвин подобрал самое подходящее слово: пусть будет излучение. Оно хлынуло из его мозга и что-то сделало с легочной тканью. Молниеносно адаптировались клетки крови…

Смертельная угроза миновала – он дышал водой.

Но Кельвин понял также, что этот спасительный эффект продлится недолго. Без телепортации не обойтись никак. И он, конечно же, способен вспомнить процедуру. Ведь не далее как минуту назад воспользовался ею для бегства от Тарна.

Но вспомнить не удавалось. Сведения были тщательно стерты из памяти. Ничего не оставалось, как снова нажать на кнопку, и с крайней неохотой Кельвин это сделал.

Он стоял на улице, и с него стекала вода. Пусть улица незнакомая, зато он, несомненно, в своем времени и на родной планете. На его счастье, у телепортации есть ограничения.

Дул холодный ветер. Вокруг ботинок быстро росла лужица.

Он осмотрелся. Заметил вывеску турецкой бани и направился туда, чавкая мокрой обувью и думая о самом простом и насущном.

Судя по всему, Кельвин перенесся в Новый Орлеан. Как-то раз он здесь хорошенько набрался. Мысли ходили кругами, и все они сводились к шотландскому виски. Отличный паллиатив, превосходный тормоз. Надо вернуть контроль над собой. Ему досталась поистине божественная власть, и следует распорядиться ею с толком, прежде чем опять случится нечто

неожиданное. Тарн…

Он сидел в гостиничном номере и потягивал виски. Надо рассуждать логически.

Кельвин чихнул.

Разумеется, проблема заключается в том, что у его разума и у разума человека из будущего слишком мало точек соприкосновения. Паче того, телепатическая связь возникает только в критический момент. С таким же успехом можно ежедневно посещать Александрийскую библиотеку, но всякий раз проводить там не более пяти секунд. За это время не успеешь даже приступить к переводу…

Здоровье, слава, богатство. Он снова чихнул. Робот все-таки обманул, здоровья уж точно не прибавляется. Кстати, о роботе. Как он оказался во все это замешан? Сказал, что провалился в эпоху Кельвина из прошлого, но ведь роботы знатные лжецы. Надо рассуждать логически…

Очевидно, в будущем водятся существа сродни тому чудовищу из киноленты про Франкенштейна. Андроиды, роботы и так называемые люди – с умом, разительно отличающимся от современного.

Апчхи! И еще глоток виски.

Робот утверждал, что прибор выйдет из строя, после того как его пользователь получит здоровье, славу и богатство. А это очень плохо. Предположим, Кельвин достигнет своей цели, но тут явится Тарн, и нажатие на кнопку уже не спасет. Какой ужас! Напрашивается очередная стопка.

Трезвость не лучшая помощница в ситуации, которая легко заткнет за пояс белую горячку. Пусть даже существование науки, с которой столкнулся Кельвин, теоретически вполне возможно. Но сегодня этой науки нет, и точка. Апчхи!

От прибора мало пользы, когда ты тонешь или когда тебе угрожает усатый андроид со зловещим цилиндром в семипалых руках. Что, если поставить перед собой правильную задачу и включить устройство в нормальной обстановке?

Надо найти ее, эту задачу…

Тот разум, из будущего… Как же он страшен!

И тут пришло пьяное озарение: а ведь будущее, этот смутный, укутанный тенями мир, влечет к себе!

Кельвин не знал, как устроен этот грядущий мир, но каким-то образом его чувствовал. Знал, что там хорошо, гораздо уютней, гармоничней, чем здесь. Если он станет тем незнакомцем, что живет в будущем, все моментально наладится. Любить надо лучшее[59], подумал он с кривой усмешкой.

Ух ты! Он встряхнул бутылку. Это сколько уже выпито? А

самочувствие отменное.

Надо быть логичным.

За окном мигали уличные фонари. Неон выписывал в ночи надписи на гоблинском языке. Все казалось Кельвину чужим, даже собственное тело. Он засмеялся, но тут же остро захотелось чихнуть, и смех прекратился.

«Все, чего я желаю, – это здоровье, богатство и слава. Получу их – и остепенюсь, буду жить счастливо, без забот и хлопот. Больше мне эта волшебная штучка и не понадобится. Хеппи-энд!»

Он импульсивно достал коробочку, вгляделся в нее. Безуспешно попытался открыть. Палец завис над кнопкой.

«Как я могу?..» – подумал он, и палец опустился на полдюйма.

На этот раз он был пьян, и ощущения оказались не столь чуждыми. Жителя будущего звали Кварра Ви. Странно, что Кельвин не узнал этого раньше, но разве часто человек мысленно произносит собственное имя? Кварра Ви играл во что-то отдаленно похожее на шахматы, а его партнер находился на планете Сириус. Игроки не были знакомы друг с другом.

В мозгу у Кварры Ви мгновенно складывались сложнейшие пространственно-временные гамбиты. Кельвин терпеливо наблюдал, и в подходящий момент его задача устремилась в атаку, Кварра Ви ощутил сильнейший позыв к действию, и…

…И все смешалось. На самом деле задач было две. Первая – вылечить острый насморк и стать здоровым, богатым и знаменитым в доисторической, с точки зрения Кварры Ви, эпохе. Собственно говоря, пустяковая проблема для такого гения. Он ее решил и вернулся к игре с обитателем Сириуса.

Кельвин снова очутился в новоорлеанской гостинице. Он был пьян в стельку, иначе нипочем бы не решился на такую авантюру. Метод, к которому он прибегнул, не сработал бы, не будь мозг человека из будущего точно настроен на ту же волну, что и мозг человека из двадцатого столетия. Чтобы это произошло, должны были удачно сложиться многочисленные факторы: опыт, вероятность, местонахождение, знание, воображение, честность и так далее. В конце концов у него появилось три варианта, и он, поразмыслив, выбрал тот, что на три тысячных ближе к оптимуму. Не протрезвев ни на йоту, Кельвин включил телепортацию и по узкому телепатическому лучу перенесся через всю Америку в отлично обустроенную лабораторию, где сидел за чтением мужчина.

Человек этот был лыс и носил щетку рыжих усов.

Произведенный Кельвином шум вывел его из равновесия.

– Эй! – воскликнул он. – Как вы сюда попали?

– Ищу Кварру Ви, – ответил Кельвин.

– Кто вы? И что вам нужно?

Рыжеусый отложил книгу. Кельвин напряг мозг, но воспоминание ускользало. Он моментально воспользовался прибором и освежил память. На сей раз происходящее не доставляло неприятных ощущений. Журналист уже мало-мальски понимал, в каком мире живет Кварра Ви. Тут неплохо. Кельвин предположил, что знал об этом раньше, но забыл.

– Улучшить молекулу Вудворда, аналог природного белка, – сказал он рыжеусому. – Простейший синтез.

– Кто вы, черт побери?!

– Зовите меня Джим, – предложил Кельвин. – И не задавайте вопросов, а слушайте. – Он принялся втолковывать ему, как глупому ребенку, забыв о том, что перед ним один из знаменитейших американских химиков. – Белки делаются из аминокислот. Этих аминокислот всего тридцать три…

– Это не так!

– Это так! Помолчите и послушайте. Можно как угодно выстраивать молекулы, получается бесконечное множество белков. Все живые существа состоят из белка в той или иной форме. Абсолютный синтез – это когда создается цепь аминокислот, достаточно длинная, чтобы в ней безошибочно узнавалась белковая молекула. В этом-то и кроется проблема.

Человек с рыжими усами проявил живейший интерес.

– Фишер синтезировал восемнадцатичленный полипептид, – сказал он, задумчиво моргая. – Абдергальдену удалось получить молекулу из девятнадцати аминокислот, ну а Вудворд создавал цепи из десяти тысяч звеньев. Но вот повторить эти эксперименты…

– Полная молекула белка – это полная последовательность аминокислотных остатков. Но если изучить лишь одно или два звена аналога природного белка, нельзя быть уверенным в том, что остальные звенья такие же. Секундочку! – Кельвин снова воспользовался прибором для телепатической связи. – Так, понятно. Синтез белка позволяет нам получить все, что угодно. Шелк, шерсть, человеческий волос. Но самое главное, конечно, – добавил он, чихнув, – это лекарство от насморка.

– Послушайте… – заговорил было рыжеусый.

– Некоторые вирусы – это цепочки аминокислот, правильно? Ну так измените их структуру. Сделайте их безвредными. И бактерии тоже. Синтезируйте антибиотики.

– Да я бы с радостью. Но видите ли, мистер…

– Просто Джим.

– Хорошо. Сведения, приведенные вами, устарели…

– Берите карандаш, – потребовал Кельвин. – С этого момента – все серьезно, по-научному. Метод синтеза и контроля состоит в следующем…

Он объяснил тщательно и очень доступно, лишь два раза прибегнув к помощи телепатического прибора. А когда Кельвин закончил, рыжеусый отложил карандаш и вытаращился на собеседника.

– Невероятно, – сказал он. – Если это работает…

– Еще как работает, – уверил его Кельвин и решительно добавил: – Мне нужны здоровье, слава и богатство.

– Да, но… послушайте, уважаемый…

Но Кельвин был упрям. На его счастье, телепатическое тестирование личности рыжеусого дало хорошие показатели честности и уступчивости, и в конце концов химик согласился подписать с журналистом договор о партнерстве. Технология сулила практически безграничные коммерческие возможности. Ее бы с радостью приобрел концерн «Дюпон» или «Дженерал моторс».

– Я хочу кучу денег! Богатство!

– Вы на этом заработаете миллион долларов, – терпеливо отвечал рыжеусый.

– Давайте расписку! Черным по белому! Если только не хотите выложить миллион прямо сейчас.

Химик нахмурился и отрицательно покачал головой:

– Необходимо провести эксперименты, открыть торговлю… Но вы не волнуйтесь. Ваше открытие стоит никак не меньше миллиона. И знаменитым вы станете.

– И здоровым?

– Вскоре исчезнут вообще все болезни, – благоговейно ответил химик. – Это же подлинное чудо!

– Расписку! – потребовал Кельвин.

– Хорошо-хорошо. Завтра составим договор о партнерстве, а пока вот вам расписка. Временная, конечно. Честь открытия принадлежит вам, это бесспорно…

– Чернилами! Карандаш не годится.

– В таком случае прошу минутку подождать. – Рыжеусый пошел искать чернила.

Сияя от счастья, Кельвин осмотрел лабораторию. В трех футах от него материализовался Тарн и направил длинный цилиндр.

Кельвин моментально запустил руку в карман, где лежал прибор, показал андроиду нос и телепортировался далеко-далеко.

Он очутился на кукурузном поле. Но к кукурузе журналист был равнодушен, если только она не прошла процесс брожения и дистилляции. Он снова включил прибор и на этот раз добрался до Сиэтла.

И начался монументальный двухнедельный запой в сочетании с бегами. Мысли, обуревавшие в это время Кельвина, были не из приятных. Не радовали и обстоятельства – убийственное похмелье, десять центов в кармане и неоплаченные гостиничные счета. Только благодаря телепортации удавалось опережать Тарна на один прыжок. Но это очень сильно действовало на нервы, и приходилось лечить их спиртным.

А теперь и оно не помогало. Кельвин не мог забыться во хмелю, зато чувствовал себя ходячим мертвецом.

Он застонал и беспомощно заморгал. Снял и протер очки, но это не помогло. Какой же он дурак!

Ведь он даже не знает имени химика!

Сразу за углом его ждут здоровье, богатство и слава, но где он, этот угол? Может, однажды рыжеусый и объявится, когда газеты сообщат о новом синтетическом белке, но сколько этого ждать? И как быть с Тарном?

Химик тоже не может найти Кельвина. Ведь тот назвался Джимом. Тогда казалось разумным скрыть настоящее имя, но если бы он знал…

Кельвин вынул из кармана прибор и уставился на него красными глазами. Кварра Ви, вроде так зовут рыжеусого? Этот Кварра Ви показался Кельвину неплохим парнем. Да вот незадача, самое большее через полчаса после контакта журналист забывает все подробности.

В нескольких футах возник Тарн, и на этот раз Кельвин нажал на кнопку, не промедлив ни секунды.

Снова телепортация. Кругом пустыня: песок, кактусы, юкки. Да еще багряный кряж вдали. Зато нет Тарна.

Давала о себе знать жажда. Что, если прибор уже вышел из строя? Нет, такого просто не может быть! Решение, зревшее целую неделю, наконец оформилось окончательно, и было оно настолько простым, что хоть по голове себя лупи за тугодумство. Проще не бывает! Ну почему Кельвин сразу его не увидел?!

Он сосредоточился на проблеме: «Как бы мне избавиться от Тарна?»

Нажал на кнопку…

И уже через мгновение знал ответ. И правда, проще некуда.

Внезапно возникла острая потребность что-то сделать. И это,

похоже, породило свежий поток мыслей. Все стало абсолютно понятным.

Он ждал Тарна.

И долго ждать не пришлось. Задрожал и замерцал воздух, и в материальном мире возникла бледная фигура в тюрбане.

Свое оружие андроид держал на изготовку.

Кельвин, чтобы не испытывать судьбу, поставил перед собой задачу и нажал на кнопку. И мгновенно успокоился: метод ясен! Просто надо мыслить по-особенному, так сказал Кварра Ви.

Тарн прыгнул следом за Кельвином и очутился в нескольких футах. На усатом лице раскрылся рот.

– Не надо! – выкрикнул андроид. – Я ведь пытаюсь…

Кельвин еще тщательней сфокусировал мысль. И почувствовал, как в направлении андроида хлынула психическая энергия.

– Я пытаюсь… – прохрипел Тарн. – Но ты… не даешь мне… шанса…

Тарн неподвижно лежал на горячем песке, уперев в небо невидящий взор. Искусственная жизнь, заставлявшая андроида двигаться, ушла. Кельвин знал, что она не вернется. Теперь он в безопасности. Журналист закрыл свой ум для всех мыслей, кроме одной. Надо решить единственную проблему.

«Как мне найти рыжеусого?»

Кельвин нажал на кнопку.

Вот он, момент, с которого начинается этот рассказ.

Кварра Ви сидел в темпоральной складке вместе со своим андроидом Тарном. Он был занят последней проверкой.

– Как я выгляжу? – спросил он.

– Сойдет, – ответил Тарн. – В той эпохе, куда ты отправишься, ни у кого не возникнет подозрений. Мне не составило труда синтезировать снаряжение.

– Да, это не отняло много времени. Одежда сделана из тканей, вполне похожих на натуральную шерсть и лен. Часы, деньги – тоже в порядке. Надо же, какой анахронизм – наручные часы. Сложно представить человека, которому требуется техника, чтобы узнавать время.

– Не забудь очки, – сказал Тарн.

Кварра Ви последовал совету.

– Надел. Но вряд ли…

– Так надежней. У линз особые оптические свойства, защищающие от психического излучения. Не снимай очки, не то робот провернет какой-нибудь фокус.

– Пусть только попробует! Он же в бегах. Интересно, какая муха его укусила? Всегда был чем-нибудь недоволен, но, по крайней мере, знал свое место. Сейчас жалею, что сконструировал его. Надо поймать негодника и вернуть домой, пока он дров не наломал в доисторическом мире.

– Робот в палатке гадальщика, – выглянув из темпоральной складки, сказал Тарн. – Только что перенесся туда. Надо захватить его врасплох. Вот тут-то тебе и пригодится недюжинный ум. Но уж постарайся не впадать в глубокую задумчивость, а то знаю я твою привычку. Отвлечешься – быть беде. Робот, если дать ему возможность, обязательно применит грязный приемчик. Не знаю, какими способностями он успел обзавестись самостоятельно, но ты собственноручно сделал его специалистом по гипнозу и стиранию памяти. Зевнешь, и он выдернет из твоего мозга воспоминание и заменит фальшивым. Так что не снимай очки. Я в случае чего приду на выручку с восстанавливающим излучателем.

И он показал длинный цилиндрический прибор.

Кварра Ви кивнул:

– Не беспокойся, я вернусь, даже глазом моргнуть не успеешь. Мы с сирианином условились сегодня вечером доиграть партию.

Партия осталась недоигранной.

Кварра Ви вышел из хроноскладки и зашагал по променаду к палатке гадальщика. На ходу ежился – слишком туго сидела грубая, неудобная одежда. А вот и палатка с размалеванным пологом.

Когда он отдергивал брезентовый занавес, шнур, не подвязанный безвестным раззявой, хлестнул по лицу. Очки в роговой оправе сдвинулись, в незащищенные глаза ударил яркий голубой свет. Кельвин как будто поплыл в пространстве, все закружилось перед глазами. Но дезориентация прекратилась так же внезапно, как и возникла.

– Вас зовут Джеймс Кельвин, – сказал робот.

И вечность впереди…

Сэм Дайсон открыл секрет бессмертия через пятьсот лет после Взрыва. В те времена подобного рода исследования были под запретом, и потому он не на шутку испугался, когда к нему в кабинет зашел чиновник из администрации и этак небрежно заявил, что бессмертие вовсе не ново под луной.

– Это совершенно секретная информация. – Представитель администрации бросил пачку документов на стол Дайсона. – Разумеется, не эти бумаги, а то, что я вам расскажу, и то, что вам предстоит увидеть. Мы практически никого не посвящаем в эту тайну. Для вас решено сделать исключение, поскольку вы, пожалуй, единственный, кто способен провести необходимые эксперименты и интерпретировать результаты. В вашей работе так много тонкостей, что мы не можем выделить вам помощников.

Дайсон в то время работал над направленными мутациями мозга. Именно эти исследования и подтолкнули его к открытию бессмертия. Он откинулся в кресле и уставился на чиновника, стараясь не выдать своего смятения:

– Я думал, что Архивы…

– Архивы – пропагандистская выдумка. Нет никаких Архивов. Несколько разрозненных артефактов, вот и все, чем мы располагаем. После Взрыва мало что уцелело, кроме самого человечества.

А ведь Архивы, находящиеся в ведении государства, считались источником всех знаний!

– Это государственная тайна, Дайсон. Но вы не проговоритесь. Иногда нам приходится стирать память отдельным болтунам, однако среди тех, кто имеет допуск вашего уровня, болтунов нет. Вы умеете держать язык за зубами. Итак, суть дела в том, что все обрывки научных знаний, накопленных человечеством до Взрыва, мы почерпнули из человеческого мозга. Из голов тех, кто выжил, когда бушевала радиация. Мы изолировали бессмертных старцев, чтобы мир не узнал об их существовании. Иначе появилось бы много недовольных.

Дайсон почувствовал, как по спине у него стекает холодный пот.

– До меня, конечно, доходили слухи о бессмертных…

– В Смутные времена, наступившие после Взрыва, зародилось множество легенд. И чтобы не допустить распространения той из них, что имела под собой правдивую основу, мы создали серию лживых. Простое отрицание ни к чему бы не привело. Вот мы и

запустили слухи о существовании бессмертных, только в нашей версии продолжительность их жизни не превышала несколько столетий, и к тому же жуткая мутация напрочь лишила бедолаг рассудка. Те, кто верит этим сплетням, бессмертным не завидует. Кстати, о легендах – вы никогда не слышали о Незримом Змее, карающем за плотский грех? Только заново открыв микроскоп, мы поняли, что Змей – это спирохета. В мифах часто скрыта истина, но подчас разумнее сохранить ее в тайне.

Дайсон мучительно гадал, известно ли администрации о его противозаконных исследованиях. Он не знал о существовании бессмертных, только скрупулезное изучение народных преданий да собственные опыты с направленной радиацией и мутациями мозга указали ему путь к открытию.

Представитель администрации еще немного поразглагольствовал, а потом посоветовал связаться по видеофону с Роджером Пизли, который приходился Дайсону дядей.

– Пизли был в приюте и видел бессмертных. Не удивляйтесь, – конечно же, он поклялся молчать. Но сейчас он все вам расскажет – он знает, что вам предстоит посетить… мм… Архивы.

Дайсон сидел как на иголках, пока странный посетитель не ушел, и тогда сразу позвонил дяде, большой шишке в отделе радиации.

– Думаю, ты будешь удивлен, – сочувственно улыбнулся Пизли. – Возможно, по возвращении тебе даже придется пройти психологическую реабилитацию. То, что тебе предстоит, здорово выбивает из колеи. С другой стороны, пока мы не умеем путешествовать во времени, это единственный способ вернуться в дни до Взрыва.

– Я и подумать не мог, что…

– Разумеется, не мог. Что ж, вскоре ты увидишь приют своими глазами. У тебя будет переводчик, который расскажет все, что необходимо знать. Кстати, получишь полезный жизненный опыт. Ты ведь едешь в «Уютный уголок», да?

– Кажется, да… А что, их несколько?

Пизли кивнул:

– Возможно, ты встретишь там кого-нибудь из своих предков. Насколько я знаю, в «Уютном уголке» живет одна из твоих прапрабабушек. Это действительно странно: разговаривать с человеком, который пятьсот лет назад сделал то, благодаря чему в конце концов на свет появился ты. Но не говори ей, что она твой предок.

– Почему?

– Таковы правила. Переводчик все объяснит. Тут необходимы разнообразные меры предосторожности. Существуют целые школы психологов, специализирующиеся на приютах. А сейчас меня ждут дела, Сэм. Увидимся, когда вернешься. Слышал, ты собрался жениться?

– Так и есть. И мы оба с государственными сертификатами.

Улыбка Дайсона при этих словах вышла несколько натянутой.

– Бунтарь, – усмехнулся Пизли и отключился.

Изображение померкло, сменившись медленным калейдоскопом приглушенных цветовых пятен. Дайсон откинулся на спинку стула и задумался.

По-видимому, рассуждал Дайсон, неорадар не обнаружил его тайной лаборатории, иначе бы не удалось так просто отделаться. Нет, конечно, серьезных гонений можно не опасаться. Нынешняя администрация с ее отеческой заботой о людях на такое не пойдет. Провинившегося заставят участвовать в дискуссиях, где профессиональные демагоги будут упражняться в казуистике, пока он не обнаружит, что сам оспаривает собственную точку зрения. Эти люди знают, как вывернуть логику наизнанку. И вероятно, они в чем-то правы. Если власти запретили исследовать некоторые области радиогенетики, значит у них были на то причины – весомые, как тяжелая вода.

Бессмертие…

Конечно, не абсолютное. Принципы полураспада и энтропии никто не отменял. Ничто не вечно. Но все относительно. По нынешним меркам открытие Дайсона можно было назвать бессмертием.

Итак, однажды отдельным людям уже удалось обрести жизнь вечную, пусть и непреднамеренно, по несчастливой случайности. По той самой случайности, которая повергла планету в хаос на много сотен лет и создала новую цивилизацию на слишком шаткой основе. Как будто какой-то архитектор заново построил дом без чертежей, использовав камни и балки рухнувшего старого здания. Отсюда и многочисленные трещины, и пропавшие перистили…[60]

Дайсон поворошил свои записи, лежащие на столе. В них были намечены основные направления и проблемы исследований – нет, не запретных опытов в тайной лаборатории, а проекта, одобренного правительством: изучения направленных мутаций мозга. Несведущему человеку некоторые термины показались бы китайской грамотой, но Дайсон был отличным специалистом в своей области.

Параграф 24. Изучение психопатологии гениев эпохи до Взрыва и последующих лет вплоть до нашего времени…

Он оставил сообщение переводчику, надел плащ и, воспользовавшись планером, отправился к Марте Халлам. Марта, хорошенькая хрупкая девушка, пила мате на веранде. Она поцеловала Дайсона и тут же вставила серебряную соломинку во второй калебас[61]. Дайсон сел рядом и задумчиво потер лоб.

– До нашего отпуска осталась всего пара недель, – заметила Марта. – Ты слишком много работаешь. Я позабочусь, чтобы уж в отпуске ты отдохнул.

Он взглянул на невесту и увидел ее сквозь дымку времени – спустя тысячи и тысячи лет. Марта постарела, однако оставалась по-прежнему хороша собой. И сам Дайсон тоже постарел. Но они не умерли. А ведь бессмертие не означает стерильности. Перенаселения Земли можно избежать, если человечество начнет завоевывать космос. Ракетное топливо уже открыли заново… Вернее, просто узнали о нем в одном из приютов, подумал Дайсон.

Его размышления прервал голос Марты:

– Отчего ты так мрачен? Нашел себе другую невесту?

Он знал только один способ ответить…

Немного погодя Дайсон проворчал, что его тошнит при воспоминании о том, как его проверили и поставили штамп, будто и не человек он, а бутылка молока.

– Когда у нас будут дети, ты порадуешься, что получил сертификат, – возразила Марта. – Если бы наши гены были не в порядке, это могло сказаться на малышах.

– Знаю. Просто мне не нравится…

– Послушай меня. – Она посмотрела ему в глаза. – В худшем случае нам пришлось бы пройти курс лечения, чтобы на потомстве не сказался отрицательный резус-фактор или что-нибудь в этом роде. Ну или наших детей поместили бы в инкубаторную клинику. Максимум год-два разлуки с ними. Это можно и потерпеть, зато из клиники дети выйдут уже здоровыми.

– Все было бы гораздо проще, если бы не было никакого Взрыва, – уклончиво ответил Дайсон.

– Все было бы гораздо проще, если бы мы были одноклеточными бактериями, – передразнила его невеста. – Всегда приходится выбирать – либо вкусное печенье, либо здоровые зубы.

– А ты, оказывается, философ. Ладно, бог с ним. Я вот думаю…

Он так и не закончил фразы. Некоторое время Дайсон просто сидел, потягивал мате и любовался точеным профилем Марты,

вырисовывающимся на фоне темнеющего неба. Вскоре объявился переводчик, который получил оставленное сообщение, и они вышли из дому в ночную прохладу.

Пятьсот лет назад ученые расщепили атом, что нарушило баланс сил. Если до этого открытия некоторым людям нравилось, образно выражаясь, играть в перетягивание каната, то с изобретением атомной бомбы у них появились ножи, и кто-то догадался, что можно перерезать канат… Слишком поздно они поняли, что игра шла на вершине скалы, со всех сторон обрывающейся в бездонную пропасть.

Ножи оказались одновременно и ключами, открывающими двери, за которыми ждали фантастические возможности. В результате произошел Взрыв. Был бы это простой ядерный взрыв, человечество смогло бы подняться на ноги гораздо раньше – конечно, если б на планете вообще уцелела жизнь. Но одна из открытых дверей вела в странный и опасный мир, где не действуют законы физики. Истина, как оказалось, – величина переменная. И когда на рынке появилась безграничная мощь ядерной энергии, человечество научилось менять значение этой переменной.

Это могло повлечь за собой буквально все, что угодно. И на деле повлекло очень многое. Хотите, называйте это войной. Хотите – хаосом. Взрывом. Калейдоскопом, где узоры постоянно пребывают в движении. Когда в конце концов все улеглось, человек догладывал кости последних крыс, но все же оставался разумным животным. И едва он почувствовал твердую землю под ногами, он начал возрождать культуру.

Это оказалось нелегко. Прошли сотни лет, и от прежней цивилизации остались жалкие крохи.

Только представьте себе всю пирамиду человеческих знаний: пенициллин открыли, потому что кто-то изобрел микроскоп, а появление микроскопа стало возможным, потому что еще кто-то понял, как гранить стекло, – понял благодаря тому, что люди научились это самое стекло плавить, потому что научились разводить костер… После Взрыва эта цепь оказалась разорвана, многих звеньев не хватало. Если бы планета сгорела в пламени ядерной войны, если бы ядерная зима опустошила ее, то разрушение было бы быстрым – и, возможно, непоправимым. Однако если бы жизнь все же уцелела, то сохранились бы и следы прошлой деятельности человека, его изделия и записи. Но Взрыв был растянут во времени – время само было лишь переменной в этой смертоносной, самоубийственной, братоубийственной борьбе – и уничтожил накопленные человечеством знания.

Точнее, их бóльшую часть. А те знания, что уцелели, были слишком беспорядочны и разрозненны. В конце концов города возродились из руин, и все же в новой науке оставалось слишком много нелепых белых пятен. Некоторые из них затянулись сами собой, к тому же иногда при раскопках попадались ценные находки, но единственной настоящей нитью к утраченным знаниям прежней эпохи оставалось то единственное, что смогло пережить атомный катаклизм изменчивой реальности.

Коллоид человеческого мозга.

Живые свидетели.

Бессмертные старцы из секретных приютов, живущие на свете уже более пятисот лет.

Уилл Макензи, переводчик, оказался худощавым веснушчатым мужчиной лет сорока, с медленными плавными движениями, которые скорее бы подошли человеку покрепче и поупитаннее. Взгляд его голубых глаз лениво переползал с предмета на предмет, мурлыкающий голос убаюкивал, а когда Дайсон запутался в непривычном костюме, Макензи помог ему ленивым, но сноровистым движением.

– Галстук? – спросил Дайсон. – Это ведь так называется, да?

– Ну да, галстук, – подтвердил Макензи. – Не спрашивайте, зачем он нужен. Среди старцев есть такие, кто не обращает внимания на подобные мелочи, но большинство из них очень капризны. Когда разменяешь вторую сотню лет, знаете ли, становишься несколько консервативным.

Дайсон поборол чувство неловкости, возникшее у него, и вознамерился достойно исполнить свою роль. Пусть даже администрация пронюхала о его тайных опытах, ему нет причин бояться. Самое страшное, что его ждет, – зверски убедительные доводы демагогов. А может, никто вообще ни о чем и не подозревает. Кроме того, внезапно осенило Дайсона, в любом споре есть две стороны, а значит, остается возможность, что ему удастся отстоять свою точку зрения, пусть раньше это никому и не удавалось. А пока его задача – раздобыть нужную информацию у бессмертных старцев и… Собственно, и все.

Он во все глаза уставился на огромный гардероб с рядами нелепых костюмов:

– Вы хотите сказать, они все время ходят… вот в этом?!

– Угу, – кивнул Макензи. Он стащил с себя замечательную практичную одежду, чтобы облачиться в такой же наряд, как у Дайсона. – К такому быстро привыкаешь. Я должен вам кое-что рассказать. Времени у нас достаточно. Бессмертные старцы рано ложатся спать, так что ваша работа начнется только завтра. Да и

то на многое не рассчитывайте – поначалу они всегда настроены довольно подозрительно.

– Так зачем мне эта одежда сейчас?

– Чтобы вы к ней привыкли. Садитесь. Поддерните штанины на коленях, вот так. А теперь садитесь.

Дайсон натянул грубую непривычную ткань, уселся и взял сигарету. Макензи опустился на стул с такой элегантной непринужденностью, что Дайсон только позавидовал, и нажал кнопки, после чего из ниши в стене появились стаканы и скользнули на стол.

– Пока что мы не в самом «Уютном уголке», – сказал переводчик. – Это зона адаптации, здесь же расположен диспетчерский пост. Ни один старец не догадывается о жизни снаружи. Они думают, что там до сих пор идет война.

– Но…

– Вы раньше никогда не были в приюте. Так что запомните: все бессмертные немного чокнутые. – Он пожал плечами. – В общем, сами увидите. Но я обязан прочитать вам лекцию, так что начнем. Итак, во время Взрыва радиация вызвала различные мутации. В результате одной из них и появились так называемые бессмертные. На самом деле они вовсе не вечны…

На этот счет Дайсон уже провел свои исследования. Радий со временем превращается в свинец. Рано или поздно энергетические показатели бессмертных опустятся ниже уровня, необходимого для поддержания жизни. По меркам вселенной это произойдет довольно быстро, но с точки зрения человека, пройдет почти вечность. Возможно, целых сто тысяч лет. Выяснить это со всей достоверностью можно только опытным путем.

Макензи тем временем говорил:

– Многие бессмертные погибли во время Взрыва. У них невероятно высокий иммунитет, но от несчастных случаев он не спасает. Только после Взрыва и начала реконструкции люди узнали о природе бессмертных старцев. А сначала об этом лишь шептались в отдельных племенах – ну, знаете, слухи, что местный шаман живет вечно и тому подобное. Мы собрали эти легенды, нашли в них зерно истины и изучили феномен. Бессмертных старцев исследовали в лабораториях. Технические подробности мне неизвестны, но я знаю, что эти люди подверглись какому-то особенному облучению и их организмы изменились.

Дайсон поинтересовался:

– А сколько им примерно лет?

– В среднем около пятисот. Они живут с тех самых пор, когда бушевала радиация. По наследству бессмертие не передается, а

тот особенный тип излучения, который его вызывает, с тех пор больше нигде не проявлялся, если не считать нескольких областей с запаздывающей радиоактивностью.

Вопрос явно выбил Макензи из накатанной колеи. Он отпил из стакана и продолжил:

– Вы все поймете, когда увидите старцев. Нам приходится содержать их здесь в изоляции. У них есть знания, которые необходимы нам. И хотя мозг бессмертного похож на огромную беспорядочную библиотеку, это единственная наша связь с эпохой до Взрыва. Конечно, нам приходится делать все, чтобы старцы были счастливы и довольны, а это отнюдь не легко. Они очень чувствительны и капризны…

Переводчик взял новый стакан и нажал кнопку.

Дайсон спросил:

– Но они же остались людьми?

– Физически – безусловно. Правда, все страшны как смертный грех. Однако они страдают весьма странными психическими отклонениями.

– В приюте содержится одна из моих родственниц.

Макензи посмотрел на него как-то странно:

– Не встречайтесь с ней. Там есть человек, Фелл, во время Взрыва он занимался точными науками. Есть еще женщина по имени Хобсон – она видела кое-что из того, что вы исследуете. Может, вам будет достаточно поговорить с ними. Не идите на поводу у любопытства.

– Почему? Мне действительно интересно.

Макензи залпом осушил бокал.

– Чтобы работать переводчиком, нужна специальная подготовка. А те, кто отвечает за то, чтобы старцы были довольны жизнью, сиделки… Такое вообще может выдержать далеко не всякий.

И он поделился с Дайсоном еще некоторыми фактами.

На следующее утро Макензи показал гостю маленькое устройство, которое вставлялось в ухо: наушник, позволяющий незаметно переговариваться, просто формируя слова в мыслях. Естественные шумы тела обеспечивали нужный уровень громкости, и, как только Дайсон привык постоянно слышать биение собственного сердца, наушник показался ему весьма удобным.

– Им очень не нравится, когда в их присутствии говорят на эсперанто, – сообщил Макензи. – Так что постарайтесь изъясняться на английском. Если вам нужно сказать что-нибудь мне конфиденциально, используйте наушник. Иначе они решат,

что мы обсуждаем их. Готовы?

– Конечно.

Дайсон нервно поправил галстук. Следом за переводчиком он прошел через мембрану люка, спустился по пандусу и миновал еще один люк. Теплые отфильтрованные лучи солнца обрушились на Дайсона. Он стоял на ступеньке эскалатора, который медленно вез их вниз к деревушке, которая и была приютом «Уютный уголок».

Приют окружала высокая стена, небо над ним было затянуто зелено-коричневой маскировочной сетью. Дайсон вспомнил: бессмертным старцам говорят, что война еще не закончилась. Под сеткой проглядывали извилистые улочки, парки и дома.

Дайсон был поражен:

– Их так много? Макензи, тут же добрая сотня домов!

– В некоторых живут переводчики, психологи, сиделки и гости. Старцев не так уж много – человек сорок – пятьдесят.

– Похоже, они в неплохой форме. – Дайсон смотрел на фигуры, движущиеся по улицам. – Я не заметил никаких машин.

– И планеров тоже, – подтвердил Макензи. – Здесь приходится пользоваться только эскалаторами и пневмотуннелями. Впрочем, тут все равно особенно негде разгуляться. Мы всячески стараемся угождать старцам, а если им дать побольше места, многие захотят ездить на собственных автомобилях. Но реакция у них замедленна, никакие меры безопасности не помогут избежать аварий. Давайте спустимся. С кем вы хотите поговорить вначале, с Феллом или Хобсон?

– Ну… Фелл технарь, правда? Давайте попробуем пообщаться с ним.

– Приехали, – объявил Макензи, и они сошли с эскалатора.

Пока они спускались, Дайсон разглядывал деревню с высоты и успел заметить, что, кроме вполне современных зданий, там разместились настоящие гости из прошлого: деревянный коттедж, чудовищное строение из красного кирпича, уродливое сооружение из стекла и бетона с кривыми поверхностями и углами… Но обитатели приюта заинтересовали его гораздо больше.

Во время спуска пейзаж все время заслоняли деревья, а заканчивался эскалатор на мощенной плиткой площади, по периметру которой были расставлены скамейки с мягкими сиденьями. Какой-то человек стоял неподалеку и во все глаза наблюдал за прибытием гостей. Дайсон с любопытством взглянул на него.

В ухе раздался голос:

– Это один из бессмертных. – Это Макензи включил

незаметный наушник.

Человек на площади был стар. Пятисотлетний старик, подумал Дайсон. Эта мысль неожиданно потрясла его. Пять столетий минуло с тех пор, как этот человек появился на свет, а он все еще жив. И так и будет жить, ничуть не меняясь, а время будет течь мимо, не задевая его.

И как же сказалось бессмертие на этом человеке?

Он вовсе не обрел вечную молодость. Это опровергло бы фундаментальные законы физики. Он старился, но с каждым годом все медленнее. Он был очень сутулым (Дайсону объяснили, что сутулость – неотъемлемая черта всех бессмертных), его тело, казалось, болталось на ключицах, как одежда на вешалке. Абсолютно лысая голова безвольно свешивалась на грудь, но маленькие близорукие глазки с любопытством следили за Дайсоном. Нос и уши старца были нелепо большими. И все же он выглядел просто стариком, а отнюдь не чудовищем.

Он сказал что-то, но Дайсон ничего не разобрал. В интонации ему послышался вопрос, и наугад он ответил:

– Здравствуйте, меня зовут Дайсон…

– Замолчите!!! – рявкнул голос в ухе, и Макензи поспешил перехватить старика, направившегося к эскалатору.

Переводчик что-то затараторил, и старец ответил ему. Иногда Дайсон улавливал знакомые слова, но в целом разговор казался полной бессмыслицей.

Вдруг старик повернулся и поспешно заковылял прочь. Макензи пожал плечами:

– Надеюсь, он не разобрал, как вас зовут. Нет, думаю, не разобрал. Тут живет женщина с такой же фамилией – вы же сказали, что ваша родственница находится в «Уютном уголке», верно? Мы стараемся, чтобы старцы не вели счет годам. Это может травмировать их. Если Мэндер расскажет ей… – Переводчик покачал головой. – Да нет, пожалуй, не расскажет. Память у них дырявая… Давайте-ка поищем Фелла.

Он повел Дайсона по тенистым дорожкам. Множество блестящих глаз с любопытством следили за ними из темных дверных проемов. Большинство прохожих были служащими приюта, которых невозможно было спутать с их подопечными, но попадались и бессмертные.

– А чего хотел Мэндер? – поинтересовался Дайсон.

– Наружу, – кратко сказал Макензи. – Ему всего сотни две лет. Результат внезапного всплеска радиации в некоторых районах двести лет назад.

– Он говорил по-английски?

– Да, но по-своему. Видите ли, им непонятна забота о других.

Старцы забывают подумать о том, как их слова звучат для собеседника. Они глотают и путают звуки, потому для разговора с ними нужен опытный переводчик. Вот и дом Фелла.

Они взошли на крыльцо, прикоснулись к сенсорной панели, и дверь отворилась. На пороге появился молодой человек.

– Здравствуйте! – кивнул он Макензи. – По какому делу?

– Научные исследования. Как Фелл?

Медбрат выразительно скривился:

– Входите, сами увидите. Он сейчас завтракает, но…

Они вошли. Фелл сидел у камина – сгорбленный, съежившийся старичок. Его голова свесилась так низко, что лица не было видно, только блестящая лысая макушка. Медбрат вышел, и Макензи указал Дайсону на стул, а сам подошел к старцу.

– Профессор Фелл, – мягко позвал он. – Профессор Фелл. Профессор Фелл…

Так продолжалось долго, бесконечно долго. Дайсон напрягся. Он осматривался в комнате, уловив затхлый запах, от которого не спасал даже воздушный фильтр. Тут не было и речи о человеке, достойно встретившем преклонные годы. Только дурнопахнущий горбатый старик, съежившийся в своем кресле. Фелл устало приподнял голову и тут же вновь уронил ее на грудь. Он заговорил, но Дайсон не разобрал ни слова.

– Профессор Фелл, – произнес Макензи, – нам нужно поговорить. Профессор…

Голова поднялась, послышалась череда звуков.

Макензи пояснил, используя наушник:

– Они понимают английский – по крайней мере, некоторые. Фелл не похож на Мэндера. Скоро он заговорит.

Но заговорил он совсем не скоро, и к тому времени, когда Фелл выдал первые крохи информации, голова у Дайсона просто раскалывалась. Бессмертный старец совершенно не различал, что важно, а что нет. Вернее, у него имелось собственное представление на этот счет. Он никак не мог придерживаться темы. Макензи старался передавать только нужные сведения, но это было нелегко.

Тем не менее этот старик жил на свете уже пятьсот лет.

Дайсону вспомнилась соломинка для мате с несколькими дырочками на конце. Фелл был такой соломинкой, погруженной в таинственное прошлое, и в нем тоже были тысячи дырочек, через которые болезненными конвульсивными толчками просачивалась абсолютно ненужная информация. Кто-то когда-то приготовил яичницу… Цены на шерсть зашкаливали… Какой-то неизвестный

политик совсем сгорбился… похоже, артрит… Как там звали этого мальчика? Тим, Том, что-то навроде… такой талантливый мальчик, но жаль его… в прежние-то времена теплее было…

Кто? Не морочьте мне голову! Не помню. Не трогайте меня, говорю! Вот что я вам скажу, я как-то создал такой реагент…

Кошмар, да и только. Упомянутый реагент был известен любому школьнику. Но Макензи вынужден был сидеть и слушать бесконечную историю – Дайсона переводчик великодушно освободил от большей части старческой болтовни. Наконец Макензи удалось исподволь вернуть Фелла к интересующей гостя теме.

О, такой талантливый мальчик… Он заработал мигрень. Никакие лекарства не помогали. Медицине еще развиваться и развиваться. Вот я помню…

Дайсон делал заметки.

Больше всего его интересовали генетические отклонения психосоматики гениев, вызванные Взрывом. В те времена Фелл был большим ученым. Но естественно, все его записи пропали в хаосе после Взрыва, когда с таким трудом восстановленная цивилизация вновь превратилась в руины и человечество растеряло воспоминания. Однажды Фелл начал говорить почти связно, и Дайсон принялся тщательно конспектировать его слова, но потом понял, что старик дает химическую формулу мартини.

Вскоре Фелл стал раздражительным. Он вяло постучал по подлокотнику кресла и потребовал гоголь-моголь. Макензи пожал плечами, встал и препоручил старика заботе медбрата. Переводчик с Дайсоном вышли на улицу под фильтрованные солнечные лучи.

– Ну как?

– Кое-что есть. – Дайсон сверился с записями. – Но сплошные обрывки.

– Учтите, старцы часто преувеличивают. Все их утверждения приходится перепроверять. По счастью, Фелл не относится к патологическим лжецам, как некоторые. Хотите зайти к этой Хобсон?

Дайсон кивнул, и они пошли через селение. Ученый чувствовал внимательные, настороженные взгляды, направленные на него, но большинство бессмертных старцев занимались своими делами.

– А над чем вы работаете? – спросил Макензи. – Или это секретная информация?

– Мы пытаемся найти способ наращивать интеллект, – начал объяснять Дайсон. – Помните, какие были способности у детей,

родившихся сразу после Взрыва? Хотя бы легенды вы наверняка слышали.

– Гении… Ага. Некоторые были сумасшедшими, как мартовские зайцы, верно?

– И это тоже. Вы, должно быть, слышали об Ахмеде. Гений в военном деле, он так и не смог прийти в себя после окончания войны. Он умер абсолютно счастливым, играя в оловянных солдатиков в отдельной больничной палате. Проблема в том, Макензи, что существует естественное равновесие, нарушать которое опасно. Нельзя искусственно нарастить интеллект, не качнув стрелку весов. Тут столько подводных камней… Мы пытаемся увеличить умственные способности без ущерба в других областях. Обычно чем человек умнее, тем менее устойчива его психика. Такие люди склонны найти себе занятие по душе и посвятить ему всю жизнь. Я слышал о некоем Фергюсоне, родившемся триста лет назад. Он был почти сверхчеловеком, но увлекся шахматами и забыл обо всем остальном.

– Бессмертные старцы не играют в игры, особенно соревновательные. Но они уж точно не гении.

– Ни один?

– С наступлением климакса их рассудок коченеет, полностью теряя гибкость, – пояснил Макензи. – Именно это позволяет определять их возраст. Прически, одежда, лексикон – все остается таким, какими застал их климакс. Думаю, старость – это просто остановка.

Дайсон задумался о периоде полураспада, но отвлекся, услышав дребезжащий звук, который разнесся по всей деревне. Почти мгновенно улицы заполнились людьми. Бессмертные старцы сбивались в толпы и шли на звук.

– Пожар, – пояснил Макензи.

– А как же противопожарная безопасность?

– От поджога никакие меры не спасут. Наверное, какой-нибудь идиот решил, что его преследуют или игнорируют, и в отместку устроил пожар. Давайте…

Тут толпа оттеснила переводчика от Дайсона. Затхлый запах стал просто невыносимым. Дайсон, зажатый со всех сторон гротескными изуродованными фигурами старцев, отчаянно твердил себе, что внешность – не главное. Если б только он чаще сталкивался с уродством…

Он протиснулся на свободное пространство, как вдруг почувствовал, что его взяли под руку. Он посмотрел вниз и увидел лицо Мэндера, бессмертного, которого они встретили у эскалатора. Мэндер отчаянно кивал и подмигивал. Его невнятное бормотание звучало очень настойчиво. Он потянул Дайсона за

руку.

Дайсон оглядывался в поисках Макензи, однако переводчика нигде не было видно. Старец все бормотал, и попытки вставить в его монолог хоть слово ни к чему не привели. Так что Дайсон позволил оттащить себя на несколько ярдов в сторону и остановился.

– Макензи, – медленно произнес он. – Где Макензи?

Лицо Мэндера скривилось в попытке понять, потом старец закивал лысой головой. Он куда-то показал, снова схватил Дайсона за руку и повел прочь. Дайсон, терзаемый тяжелыми предчувствиями, отправился следом. Действительно ли старик его понял?

Место, куда так настойчиво тащил ученого Мэндер, оказалось совсем недалеко. Это был старинный деревянный дом. Дайсон, конечно, не ожидал, что переводчик ждет его в этой развалине, но в нем вдруг разгорелось любопытство. Они вошли в темную комнату, по которой разносился противный сладковатый запах (позже Дайсон понял, что это был запах пачули). Бесформенная груда тряпья в кресле, почувствовав его взгляд, шевельнулась и подняла голову. Все лицо оказалось белым, заплывшим жиром, с синими дорожками вен. Жирные обвислые щеки затряслись, когда существо открыло рот и заговорило.

В комнате почти не было света. Мебель – копии старинных предметов, сделанных по описанию старцев, – темнела вдоль стен жутковатыми силуэтами. Сквозь аромат пачули пробились и другие запахи, неописуемые и неуместные в чистом, стерильном, современном мире.

– Я… м… с… н… – пролепетала женщина.

Дайсон сказал:

– Простите, я ищу Макензи…

Мэндер больно сжал его руку, и два старца отчаянно заспорили. Пронзительный голос женщины заставил Мэндера замолкнуть. Она поманила Дайсона пальцем, и он подошел ближе. Ее рот с трудом шевельнулся, и она выдавила:

– Я Джейн Дайсон. Мэндер сказал, что ты здесь.

Его прапрабабка. Дайсон воззрился на старуху. Он не заметил никакого внешнего сходства и уж точно не испытал никакого ощущения родства, но почувствовал себя так, словно его ущипнуло окоченевшее прошлое. Эта женщина родилась пятьсот лет назад, а он был ее прямым потомком, плоть от плоти.

Слова застряли у Дайсона в горле – он понятия не имел, что можно сказать в такой невообразимой ситуации. Мэндер снова болботал, а Джейн Дайсон подалась вперед и прошипела:

– Им меня не обмануть… нет никакой войны… Я знаю, что нет никакой войны! А меня держат здесь. Помоги мне выбраться!

– Но… подождите! Давайте я приведу Макензи…

Мэндер опять пронзительно заговорил. Джейн Дайсон вяло пошевелилась. Казалось, она улыбнулась.

– Некуда торопиться. Я ведь твоя тетя, в конце-то концов. Выпьем чая.

Мэндер подкатил столик. На нем уже все было готово к чаепитию: напиток был разлит по термокружкам, где он долго мог оставаться горячим.

– Чашку чая? – настаивала Джейн. – Мы все обсудим. Ну? Садись же!!!

Дайсону хотелось одного: бежать. Он раньше и не думал, что может так мучиться от неловкости при встрече с престарелой родственницей – с настолько престарелой… Но он сел, взял чашку и сказал:

– Меня ждут дела, так что мне скоро придется уйти. Может, в другой раз…

– Ты можешь вытащить нас отсюда. Существуют специальные двери – мы знаем, где они, но не можем открыть. На них смешные металлические пластины…

В аварийных выходах не было ничего необычного, но почему бессмертные старцы не могут их открыть? Может, замки запрограммированы не реагировать на химизм бессмертных? Пытаясь придумать, как сбежать от прапрабабки, Дайсон отхлебнул обжигающего горького чая…

У старцев уже атрофировались вкусовые ощущения – им не разобрать, вкусна ли еда. Среди них нет гурманов. Острый карри, чили…

И тут наркотик, подмешанный в чай, подействовал, в голове у Дайсона помутилось, и медленные, вязкие волны сна поглотили его.

Несомненно, это было какое-то психотропное средство. Мозг Дайсона бодрствовал, но тело не подчинялось ему. Он стал роботом. Автоматом. Он помнил, как его затащили в какое-то темное помещение и оставили до прихода ночи. Потом он помнил, как его вели по улицам к выходу. Как его руки ловко открывают замок. Эти двери должны были использоваться в чрезвычайных ситуациях, но сопротивляться он не мог. Он вышел под лунный свет с Джейн Дайсон и Мэндером.

Вокруг приюта расстилались дикие земли. Беглецы не подозревали, что автотрасс больше не существует, они собирались выбраться на шоссе и по нему добраться до города.

Беспрестанно перебраниваясь, они увлекали Дайсона все дальше вглубь безжизненных земель.

У них была цель. Джейн Дайсон, обладавшая более сильной волей, отметала робкие возражения Мэндера. Она шла домой, к мужу и детям. Но подчас она забывала об этом и задавала Дайсону вопросы, на которые он не мог ответить.

Все происходящее не казалось ему сном, не было окутано дымкой. Напротив, он видел все с безжалостной четкостью: двое стариков, пыхтящих и хромающих рядом, ведут его куда-то, что-то бормочут на своем странном неразборчивом языке, и он, не способный предупредить их, не способный сказать ни слова – только отвечающий на прямые приказы. Потом он узнал, что наркотик являлся одной из производных пентотала.

– Я видела, как его используют, – просипела Джейн. – Я вошла и взяла бутылочку. Мне повезло. Но я же знала, что делаю. Они меня за идиотку держали…

Понять Мэндера Дайсон не мог, но Джейн нашла общий язык со своим потомком, хотя она не все слова произносила достаточно четко.

– Им нас не обмануть… не запереть! Мы все устроим. Я вернусь к семье… ох. Надо передохнуть…

Она была неимоверно толстой, а Мэндер, сгорбленный в дугу, хромал и страдал от судорог. В четком лунном свете это выглядело особенно гротескно. Это просто не могло происходить на самом деле. Но старики упорно брели вперед, с трудом сползали в овражки, поднимались на холмы. Почему-то они решили двигаться на север. Спустя какое-то время их руки уже не толкали Дайсона, но опирались на него. Старцы совсем выдохлись и цеплялись за пленника. Они приказали ему продолжать путь, навалились на него с двух сторон, однако не остановились.

Впереди показалось расчищенное поле. Дом. Свет в окнах. Джейн Дайсон нетерпеливо постучала. Дверь отворилась, и путники увидели на пороге девчушку лет семи с гладкими волосами. Девочка вопросительно смотрела на гостей. Дайсон, парализованный наркотиком, заметил, как в глазах ее появились удивление и испуг.

Впрочем, малышка сразу успокоилась, когда вперед выдвинулась Джейн Дайсон и проскрипела:

– Мама дома? Позови маму, девочка. Вот что нам нужно.

Девчушка ответила:

– Дома никого нет. Все вернутся только к одиннадцати.

Старуха протиснулась в дверь, потом Мэндер протолкнул Дайсона через порог. Девочка отступила назад, не сводя взгляда с

Джейн, – та, тяжело дыша, плюхнулась в кресло:

– Надо передохнуть. Где твоя мама? Позови ее. Вот что нам нужно. Мне бы чашку хорошего чая.

Девочка зачарованно смотрела на беспомощного Дайсона. Она чувствовала: что-то не так, но делать выводы пока не умела. Не найдя другого выхода, она решила быть вежливой:

– Я могу принести вам мате, мэм.

– Чай? О да. Поторопись, Бетти.

Девочка ушла. Мэндер свернулся у батареи, что-то бормоча. Дайсон стоял столбом, по спине у него бегали мурашки.

Джейн Дайсон пробубнила:

– Как хорошо снова быть дома. Бетти – моя четвертая. Говорят, радиация небезопасна… Этот идиот-ученый заявил, что я в группе риска, но с детьми-то все в порядке. Всю мебель зачем-то переставили… Где же Том? – Она посмотрела на Дайсона. – Нет, ты не Том. Я… что это такое?

Девочка вернулась с тремя калебасами. Джейн жадно схватила свой.

– Нельзя слишком долго кипятить воду, Бетти, – заметила она.

– Я знаю. Это выводит воздух…

– А сейчас успокойся. Сядь и помолчи.

Джейн с хлюпаньем принялась за питье, ничего не говоря по его поводу. Дайсону пришла в голову мысль, что пути этой женщины и ребенка на один миг пересеклись во временно́м измерении. Они были во многом похожи. У девочки было слишком мало опыта, у старухи – слишком много, но ее опыт давно стал бесполезен. И несмотря на это, они не смогут поладить: единственным преимуществом Джейн был возраст, она была не способна снизойти до уважения к ребенку или даже просто общаться с ним на равных.

Джейн Дайсон задремала. Девочка тихонько сидела, смотрела на нее и ждала, лишь изредка бросая озадаченные взгляды на Мэндера и Дайсона. Один раз Джейн приказала ей пересесть на другой стул, чтобы ее не продуло у окна, которое, кстати, было закрыто. Дайсон думал о бессмертии, понимая, каким глупцом был.

Потому что человек развивается лишь до определенных пределов как в трех пространственных измерениях, так и в четвертом, временно́м. Когда он достигает этих пределов, то перестает расти и совершенствоваться, а лишь заполняет собой жесткую форму ограничивающих стен. Развитие останавливается, а это, если окружающий мир не стоит на месте, ведет к деградации. Тот, кто уперся в свой потолок, со временем

становится неполноценным. Бессмертие может принести пользу, только если человек шагнет дальше и превратится в сверхчеловека как в пространстве, так и во времени.

Мозг Дайсона, единственный по-прежнему подчиняющийся ему орган, продолжал работать. Возможно, правильный ответ кроется не вовне, а внутри… Бессмертия можно достичь и не раздвигая рамок жизни. Если мысль достаточно быстра, то размышления, на которые обычному человеку нужен год, займут лишь день или даже минуту…

Например, каждая нынешняя минута длится сто лет.

Джейн Дайсон вдруг проснулась и поднялась на ноги.

– Нам нельзя здесь оставаться. Мне надо быть дома к обеду. Скажи маме… – буркнула она и поковыляла к выходу.

Мэндер последовал за ней, безразличный и молчаливый. О Дайсоне вспомнила только Джейн, которая и позвала его с порога. Девочка во все глаза смотрела, как Дайсон неуклюже двинулся за стариками.

Они шли и шли, но больше домов не попадалось. Наконец бессмертных одолела усталость, и они устроились на отдых в канаве. Мэндер свернулся под кустом и попытался заснуть, но вскоре замерз. Он встал, похромал назад и стянул со слабо сопротивляющейся женщины плащ. Отвоевав плащ, старик вернулся к кусту и захрапел. Дайсону же оставалось только неподвижно стоять.

Джейн засыпала, просыпалась, что-то говорила и вновь погружалась в сон. В ее памяти возникали разрозненные, ничего не значащие обрывки прошлого, и она предлагала Дайсону оценить их. Ей необычайно повезло: слушатель не мог ни прервать ее, ни уйти.

– Думают, они могут надурить меня. Но я не так стара. Делать из меня старую каргу… Разве я карга? Как-то мне пришлось пережить тяжелое время. Где Том? Да оставьте же меня в покое…

Заявить мне, что я буду жить вечно! Ох уж эти ученые! Но он оказался прав. Я узнала об этом. Я действительно была восприимчива к радиации. И это меня напугало. Все вокруг разрушалось, Том умер, а я все жила… Я раздобыла таблетки. Много раз я хотела проглотить их. Ведь, выпив яд, ты не будешь жить вечно. Но я не так проста. Я решила подождать. У тебя же вечность впереди, сказала я себе. Холодно тут…

Ее жирные морщинистые щеки задрожали. Дайсон ждал. Он начинал приходить в себя. Действие наркотика заканчивалось.

Со стороны невидимого в темноте Мэндера доносился тяжелый громкий храп. По канаве гулял холодный ветер.

Заплывшее лицо Джейн Дайсон белело в слабом свете далеких безразличных звезд. Она шевельнулась и звонко рассмеялась:

– Мне приснилась такая глупость. Как будто Том умер, а я состарилась…

Через полчаса Дайсона с бессмертными старцами нашел вертолет. Но никаких объяснений не последовало, пока он не вернулся в город. И даже тогда власти дождались, пока Дайсон не съездит в свою секретную лабораторию и не вернется. А потом к нему в квартиру пришел его дядя Роджер Пизли. Он сел, не дожидаясь приглашения, и сочувственно посмотрел на племянника.

Дайсон был страшно бледен и обливался потом. Он поставил стакан, до краев наполненный виски, и взглянул на Пизли:

– Все было запланировано, да?

Пизли кивнул:

– С помощью логики можно убедить человека в ошибке, если использовать правильные аргументы. А иногда таких аргументов не найти.

– Когда администрация послала меня в приют, я подумал, что они проведали о моих поисках бессмертия.

– Так и есть. И как только они узнали об этом, тут же отправили тебя в «Уютный уголок». Это и был аргумент.

– Что ж, очень убедительно. Целая ночь в компании этих…

Дайсон сделал глоток виски, но даже не почувствовал его. Он все еще был смертельно бледен.

– Как ты понял, побег тоже устроили мы, – сообщил Пизли. – Но мы все время наблюдали за тобой и старцами, чтобы чего не вышло.

– Для них это был удар.

– Вовсе нет. Они решат, что все им только снилось. Бóльшую часть времени они не подозревают о своем возрасте. Просто защитный механизм старости. Что же до девочки, признаюсь, это не входило в наши планы. Но ничего страшного не произошло. Бессмертные старцы не поразили и не испугали ее. Кроме того, ей никто не поверит, что тоже неплохо, потому что миф об Архивах нам пока нужен.

Дайсон молчал. Пизли пристально посмотрел на него:

– Не принимай это слишком близко к сердцу, Сэм. Ты проиграл в споре, только и всего. Ты теперь знаешь, что, если нет движения вперед, от дополнительных лет жизни нет никакого прока. Ты должен продолжать работу. Застой неизбежен. Но если мы найдем, как преодолеть его, то сможем без всякого риска сделать бессмертными многих людей. Ты согласен со мной?

– Согласен.

– Мы хотим посмотреть на твою лабораторию, прежде чем уничтожить ее. Где она?

Дайсон рассказал, потом налил себе еще виски, залпом проглотил его и встал. Он взял со стола лист бумаги и бросил его дяде:

– Может, вам это тоже пригодится. Я сделал несколько анализов в лаборатории. И их результаты пугают меня.

– Хм?

– Джейн Дайсон была чрезвычайно восприимчива к тем видам радиации, которые вызывают бессмертие. Ну, бывают же люди, восприимчивые к раку. Сама болезнь по наследству не передается, зато передается предрасположенность к ней. И я вспомнил, что много работал с такой радиацией в тайной лаборатории. Тогда я проверился.

Пизли приоткрыл рот, но ничего не сказал.

– Для большинства эта радиация абсолютно безвредна, – продолжал Дайсон. – Но по наследству от Джейн я получил особую восприимчивость. Просто случайность. Однако… я работал с этой радиацией. Так что же администрация до сих пор не пришла за мной?

– Ты имеешь в виду… – медленно проговорил Пизли.

И Дайсон отвернулся, увидев, как в глубине дядиных глаз появляется особенное выражение…

Час спустя он стоял один в ванной, сжимая в руке острое лезвие. Зеркало вопрошающе взирало на него. Он напился, но не слишком – отныне ему будет тяжело стать достаточно пьяным. *Отныне…*

Он приложил нож к запястью. Один порез – и из бессмертного тела хлынет кровь, его бессмертное сердце остановится, и он превратится из бессмертного человека во вполне мертвое тело. Его лицо заострилось. Даже привкус виски во рту не мог искоренить мускусный запах старости.

В голове пронеслось: «А как же Марта? Девяносто – это нормальный возраст. Если я распрощаюсь с жизнью прямо сейчас, то потеряю столько лет… Вот доживу до девяноста – и хватит. Лучше мне пожить еще немного, жениться на Марте…»

Дайсон перевел взгляд с ножа на зеркало и вслух пообещал:

– В девяносто я совершу самоубийство.

Его молодое лицо, обтянутое здоровой и упругой кожей, загадочно посмотрело на него из зеркала. Конечно, годы возьмут свое. Что же до смерти… У него впереди еще целая вечность – пройдет шестьдесят лет, прежде чем он посмотрит в зеркало и

увидит, что больше уже не взрослеет, не становится лучше, а катится в темные годы старости. И тогда он поймет, что время пришло. Конечно поймет!

В «Уютном уголке» Джейн Дайсон стонала во сне – ей снилось, будто она состарилась.

Ярость

Предисловие Кэтрин Мур

Это история о том, как писался роман «Ярость». Думаю, она вполне годится на роль предисловия к данному изданию.

Мы с Генри Каттнером зарабатывали на жизнь писательским трудом, так что за «Ярость», конечно же, взялись главным образом ради денег. Но поскольку столь мучительный способ сводить концы с концами был выбран нами осознанно, очень хотелось получать от него нечто помимо прожиточных средств. Что мы и делали.

У многих литературных произведений есть чудесное свойство: после того как появились герои и общая канва, сюжет начинает развиваться самостоятельно. Тут работает подсознание автора. Все его глубинные верования, страхи и надежды весело всплывают на поверхность и берут командование на себя, и у него остается одна-единственная функция: как можно быстрее стучать по клавишам пишмашинки, чтобы угнаться за фантазией.

К сожалению, эта благостная ситуация не так уж широко распространена. Но если она складывается, жизнь становится куда приятней.

Объясняется это, конечно же, тем (помимо финансового фактора), что такая работа дает писателю восхитительное чувство свободного падения, своего рода катарсис бессознательного.

Персонажи являются персонификациями самых сокровенных убеждений и ценностей; все это проверяется действием в вымышленном мире. Вы даже не осознаете, что происходит; вы просто чувствуете себя чудесно. Лишь гораздо позже, перечитывая написанное, понимаете, что кроется сразу под поверхностью.

Вчера я перечитала «Ярость» после многолетнего перерыва и без удивления, но с интересом отметила две повторяющиеся темы, которые вполне откровенно звучат почти во всем, что нами написано в соавторстве. У Хэнка есть базовый принцип, звучит он примерно так: «Власть – это опасно, и я никогда с ней не смирюсь». Мое же главное убеждение таково: в жизни нет ничего опаснее любви. Обе эти идеи лежат в основе всего, что происходит в «Ярости». Уже по ним одним я могу распознать то, что написано мной, а что Хэнком.

Практически над всеми произведениями мы работали вместе, но соотношение наших трудов всегда бывало разным. В «Ярости» это примерно один к восьми. Вот как это происходило. После того

как в долгом споре были созданы основные идеи, мир и герои, один из нас уселся за пишмашинку. Когда он выложился полностью, второй, свеженький, уже знал, о чем будет писать, и сменял первого. Так продолжалось до самого конца. Этот прием здорово ускоряет работу.

В процессе мы слегка редактировали написанное друг другом, переделывали отдельные фразы, чтобы улучшить стиль. Но серьезных споров при этом у нас не возникало. Самый острый конфликт мнений, помнится, завершился тем, что один из нас сказал: «Ладно, я, конечно, против, но раз уж для тебя это важно, черт с ним, пусть будет». (Поджимающий срок оплаты жилья быстро улаживает такие разногласия.)

В «Ярости» – хорошем образчике вышеописанного процесса – мой вклад сравнительно невелик. Концепцию разрабатывал Хэнк, я особо не вмешивалась. У Сэма Рида, главного героя, нет ничего общего со мной. Но даже спустя все эти годы я мгновенно узнаю то, что написано моей рукой. Это те места, где преобладают цветовые образы, и те, где появляется мой любимый мрачный драматизм.

Перечитав сейчас роман, я получила огромное удовольствие. Ловлю себя на том, что мне близка тема «Ярости». Я могу даже примириться с Сэмом. Сказать по правде, меня страшат даже не его деяния, а мое личное восприятие того, чем он является. По нашему черновому замыслу Сэм совершенно безжалостен, ужасающе умен и чрезвычайно уязвимым. Ему суждено ежечасно бороться за выживание, пуская в ход самые грязные средства, без колебаний предавая и убивая, чтобы достичь цели, которую он даже не представляет себе толком.

Исходная идея романа такова. В будущем человечество поселилось в роскошном раю, не оставив себе шанса на перемены, и с тех пор оно медленно чахнет, угнетаемое собственной бездеятельностью. Но вдруг откуда ни возьмись появляется мессия с огненным мечом, чтобы повести род людской к возрождению.

А среда обитания на венерианских континентах почти невыносима. Это царство безмозглых зверей, хищных растений и беспощадных насекомых. Даже в почве и воздухе кишат свирепые микроорганизмы, непрестанно сражающиеся за выживание с прочими туземными формами жизни.

О том, как Сэм выполнит свое предназначение, исходя из худших побуждений и применяя самые изощренные методы, и расскажет вам «Ярость».

Иногда я задумываюсь над последней фразой романа. И гадаю: а что же дальше?

Пролог

Стояла белая ночь на Земле, и был сумеречный рассвет на Венере.

Все люди знали о сияющей тьме, что превратила Землю в звезду на облачном небе. Но мало кто понимал, что и венерианский рассвет незаметно сменяется тьмой. Подводные огни горели все ярче, превращая огненные башни в зачарованные цитадели под поверхностью мелкого моря.

Но семьсот лет назад эти огни горели еще ярче. Шестьсот лет миновало с момента гибели Земли. Шел двадцать седьмой век.

Время замедлилось. Вначале оно двигалось гораздо быстрее. Многое предстояло сделать. Венера оказалась непригодной для жизни, но люди были вынуждены здесь поселиться.

На Земле юрский период миновал задолго до того, как приматы эволюционировали в разумный вид. Человек одновременно прочен и хрупок. Насколько хрупок, он сознает лишь при извержении вулкана или землетрясении. Насколько прочен, можно понять, если учесть, что колонии просуществовали не менее двух месяцев на континентах Венеры.

Человек никогда не знал ярости земной юры. На Венере этот период был гораздо хуже. Человек не имел подходящих средств для завоевания поверхности планеты. Его оружие было либо слишком мощным, либо слишком слабым. Оно могло либо полностью уничтожать, либо легко ранить и не давало человеку возможности выжить на поверхности; здесь он встретился с совершенно новым противником.

Он встретился с яростью… И бежал.

Безопасность ждала его под водой. Наука усовершенствовала межпланетные путешествия и уничтожила Землю; наука смогла создать искусственную среду на дне океана. Были построены купола из импервиума, под ними росли города.

Города были завершены… И как только это случилось, рассвет на Венере сменился сумерками. Человек вернулся в море, из которого когда-то вышел.

Часть первая

Забудь заклятья.
Пусть дьявол, чьим слугой ты был доныне,
Тебе шепнет, что вырезан до срока
Ножом из чрева матери Макдуф.

В. Шекспир. Макбет. Перевод Ю. Корнеева

Рождение Сэма Харкера было двойным пророчеством. Оно говорило о том, как сложится судьба огромных башен, где все еще горели огни цивилизации, и предрекало жизнь Сэма в этих крепостях под водой и вне их. Его мать Бесси была миловидной, но хрупкого сложения, с узкими бедрами; ей не следовало иметь детей. Она умерла при кесаревом сечении, выпустив Сэма в мир, который он должен был сокрушить, чтобы мир не сокрушил его самого.

Именно поэтому Блейз Харкер ненавидел сына такой слепой и злобной ненавистью. Блейз не в силах был подумать о мальчишке, не вспомнив произошедшего той ночью. Он не мог слышать голос сына, не вспоминая тонких стонов перепуганной Бесси. Местная анестезия не имела возможности помочь, поскольку Бесси и психологически (а не только физически) не годилась для материнства.

Блейз и Бесси… Это была история Ромео и Джульетты со счастливым концом – случившимся к тому времени, когда был зачат Сэм. Они были гедонистами, жили без цели и забот. В башнях приходилось выбирать: либо технология или искусство – удел целеустремленных и вдохновенных, либо гедонизм – для пассивных и умиротворенных. Технология предоставляла широкие возможности – от телассополитики до строго ограниченной ядерной физики. Но куда приятней пассивный образ жизни, если вы можете себе его позволить. Ну а если не можете, лотос в башнях дешев. Вы просто не предаетесь дорогим развлечениям вроде тех, что предлагают олимпийские залы и арены.

Блейз и Бесси могли позволить себе самое лучшее. Их идиллия обещала превратиться в гедонистическую сагу. Казалось, у нее будет счастливый финал, потому что в башнях платят не индивидуумы. Платит весь народ.

После смерти Бесси у Блейза не осталось ничего, кроме ненависти.

Род Харкеров существовал уже несколько поколений: Джеффри родил Рауля, Рауль родил Захарию, Захария родил Блейза, Блейз родил Сэма.

Блейз, развалившись в мягком кресле, смотрел на своего прадеда.

– Можете убираться к дьяволу! – сказал он. – Вы все.

Джеффри был высок, мускулист, светловолос, с удивительно большими ушами и ногами.

– Ты так говоришь просто потому, что молод. Сколько тебе лет? Ведь не двадцать!

– Это мое дело, – отрезал Блейз.

– Через двадцать лет мне стукнет двести, – сказал Джеффри, – и мне хватило благоразумия подождать до пятидесяти, прежде чем обзавестись сыном. И я не использовал для этого законную жену, не совершил такой глупости. Чем провинился ребенок?

Блейз упрямо смотрел на свои пальцы.

Его отец Захария, который до этого сидел молча и смотрел негодующе, вскочил на ноги:

– Да он просто псих! Его место в психиатрической лечебнице. Там из него вытянут правду!

Блейз улыбнулся.

– Я принял меры предосторожности, отец, – заговорил он спокойно. – Сегодня, прежде чем явиться сюда, я прошел через множество тестов. Администрация подтвердила мой коэффициент интеллекта и нормальное психическое состояние. Я в здравом уме и твердой памяти, и закон на моей стороне. Вы ничего не можете сделать, и вы это знаете.

– Даже двухлетний ребенок обладает гражданскими правами, – сказал Рауль, худой и смуглый, облаченный в мягкий, элегантного кроя целлофлекс.

Казалось, его забавляет эта сцена.

– Ты был осторожен, Блейз? Ничего не признал?

– Да, я был очень осторожен.

Джеффри свел бычьи плечи, встретил взгляд Блейза холодным взглядом голубых глаз и спросил:

– Где мальчик?

– Не знаю.

Захария яростно произнес:

– Мой внук! Мы найдем его! Не сомневайся! Если он в башне Делавэр – найдем! Нигде на Венере ты его от нас не спрячешь!

– Точно, – подтвердил Рауль. – У Харкеров большая власть, Блейз. Уж тебе ли не знать? Именно поэтому ты до сих пор мог делать все, что хотел. А теперь этому придет конец.

– Не думаю, – возразил Блейз. – У меня предостаточно собственных денег. А вот вам в ваших поисках придется трудновато.

– Мы могущественная семья, – сказал Джеффри.

– Это верно, – согласился Блейз, ухмыляясь. – Но как вы узнаете мальчика, даже если найдете его?

Вначале он добыл средство для уничтожения волос.

Невыносимой была мысль, что к перекрашенным волосам мальчика вернется рыжий цвет. Редкий пушок на голове ребенка исчез, он уже никогда не отрастет.

Культура, склонная к гедонизму, имеет свою извращенную науку. А Блейз мог хорошо заплатить. Не один техник был сломлен стремлением к удовольствиям. Такие люди, когда они трезвы, способны на многое. И Блейз отыскал женщину, которая была на многое способна, но не жила. Жила она лишь тогда, когда носила «плащ счастья». Долго ей не протянуть – пристрастившиеся к «плащу» в среднем выдерживали два года. Этот «плащ» – биологически адаптированный организм, найденный в венерианских морях. После того как были обнаружены его потенциальные возможности, их стали нелегально развивать. В диком состоянии это существо ловило добычу, просто прикасаясь к ней. После того как устанавливался нейроконтакт, добыча была вполне довольна тем, что ее пожирают.

Это было прекрасное одеяние: цвета живого жемчуга, играющее нежными переливами света, по собственной воле колышущееся жуткими экстатическими волнами, когда устанавливался смертоносный симбиоз. Оно великолепно смотрелось на женщине-технике, пока та передвигалась по ярко освещенной тихой комнате, с гипнотической сосредоточенностью выполняя задание, оплата за которое позволит ей убить себя за два года. Превосходный эндокринолог, она потрудилась на совесть, и Сэм Харкер лишился всего, что унаследовал от родителей. Была установлена новая генетическая матрица, точнее, подверглись изменениям исходные паттерны оригинала.

Мозжечок, щитовидная железа, шишковидный отросток – крошечные комочки ткани… Некоторые уже активны, другие ждут, когда их приведет в действие приближающаяся зрелость. Сам ребенок представлял собой тоже комок ткани, только большой и бесформенный, с хрящами вместо костей и грубыми швами на мягком черепе.

– Он не чудовище, – пробормотал Блейз, постоянно думавший о Бесси. – Ничего такого, чтобы из ряда вон. Маленький, мясистый… толстый!

Забинтованный ком лежал на операционном столе под направленными лучами бактерицидных ламп.

Женщина, купающаяся в вожделенном экстазе, сумела дотронуться до кнопки вызова. Затем спокойно улеглась на пол, полностью предавшись ласкам сияющего жемчужного одеяния. Зачарованный взор пустых и гладких, как зеркало, глаз был устремлен вверх. Вошедший мужчина осторожно обогнул ее и

приступил к послеоперационной рутине.

Старшие Харкеры следили за Блейзом, надеясь отыскать ребенка через отца. Но слишком уж тщательно Блейз разработал свой план, чтобы не учесть такой возможности. В тайнике он хранил отпечатки пальцев и снимки сетчатки глаз Сэма и знал, что по ним в любое время найдет сына. Он не торопился. Что должно случиться, то случится. Теперь это уже неизбежно. Нужно только задать исходные данные, и для Сэма Харкера не останется никакой надежды.

Блейз мог бы установить в своем мозгу тревожный сигнал, который будет молчать много лет. Но сейчас, впервые в жизни столкнувшись с жестокой реальностью, он изо всех сил старался снова забыть о ней. Но не мог забыть Бесси, как ни пытался.

И он снова бросился в эйфорический водоворот гедонизма.

Ранние годы были погружены в прошлое, воспоминания о котором не сохранились. Время в ту пору двигалось для Сэма очень медленно, еле тянулись часы и дни. Мужчина и женщина, которых он считал своими родителями, даже тогда не имели с ним ничего общего. Ведь операция не изменила его мозг – свой интеллект он унаследовал от мутировавших предков. Хотя эта мутация сказалась лишь на длительности жизни, она позволила Харкерам господствовать на Венере. Они, конечно же, были не единственными долгожителями: несколько сот человек в зависимости от различных сложных факторов могли прожить от двухсот до семисот лет. Но наследственность никуда не делась – этих людей было несложно отличить от других.

Он помнил тот карнавальный сезон, когда его родители неуклюже нарядились в праздничное и влились в толпу. Сэм уже был достаточно большой, чтобы кое-что понимать.

Карнавал был почетной традицией. Вся башня Делавэр сияла; цветные дымы висели, как туман, над движущимися Путями, цепляясь к веселым прохожим. В эту ночь смешивались все классы.

Официально низших классов не существовало. На самом же деле…

Он увидел женщину – красавицу, каких еще никогда не встречал. На ней было синее платье, но это слово не описывает всю полноту цветового тона. Густая синева, широкий диапазон оттенков, и такая бархатная гладкость, что мальчику остро захотелось прикоснуться. Он был слишком мал, чтобы оценить утонченность покроя, резкость и правильность линий, соответствие цвета пшеничным волосам женщины. Он увидел ее

издали – и вмиг исполнился сильнейшего желания узнать о ней как можно больше.

Приемная мать не могла рассказать о том, что его интересовало.

– Это Кедре Уолтон. Ей сейчас лет двести, а то и триста.

– Ага… – Годы для него ничего не значили. – Но кто она?

– Ну… она ведает очень многим.

– Это прощальная вечеринка, дорогой, – говорила тем временем женщина своему спутнику.

– Так быстро?

– Шестнадцать лет – разве этого мало?

– Кедре, Кедре… Иногда я жалею, что наша жизнь такая длинная.

Она улыбнулась:

– Будь иначе, мы бы не встретились. Это произошло потому, что бессмертных тянет друг к другу.

Захария Харкер взял ее за руку. Под их террасой башня сверкала карнавальными цветами.

– Опять все заново? – печально спросил он.

– А что будет, если мы останемся вместе? Только представь себе эту неразрывную связь на сотни лет!

Захария устремил на нее задумчивый взгляд.

– Наверное, это вопрос меры, – сказал он. – Бессмертным не следует жить в башнях. Эти ограничения… Чем ты старше, тем больше хочется простора.

– Вообще-то, мне вполне просторно.

– Но наш простор ограничен башнями. Юные и короткоживущие не замечают окружающих их стен. А мы, прожившие долго, замечаем. Кедре, мне страшно. Мы уже достигли своих пределов.

– Неужели?

– Во всяком случае, близки к ним. Мы бессмертные. Но я боюсь интеллектуальной смерти. Что толку в долголетии, если нет возможности применять накопленные знания и власть? Мы начинаем закукливаться.

– Что же тогда? Покорение космоса?

– Возможно. Но и на Марсе нам понадобятся башни. И на иных планетах. Я думаю о межзвездных перелетах.

– Это невозможно.

– Это было невозможно, Кедре, когда человек только добрался до Венеры. А сегодня теоретически возможно. Но пока еще не практически. У нас нет… стартовой платформы. Нельзя построить и испытать межзвездный корабль. Я выражаюсь

символически.

– Дорогой, – сказала она, – перед нами все время мира. Мы еще поговорим об этом… через пятьдесят лет.

– И до тех пор я тебя не увижу?

– Конечно, ты увидишь меня, Захария. Но не более того. Этот срок – наш отпуск. Зато потом, когда мы снова встретимся…

Кедре встала. Они поцеловались, и это тоже было символично. Оба знали, что их страсть меркнет, как угли в костре. Но они любили друг друга и были достаточно мудры и терпеливы, чтобы подождать, пока огонь разгорится снова.

До сих пор это получалось. Пройдет полвека, и они вновь станут любовниками.

Сэм Харкер смотрел на худого серолицего человека, целеустремленно двигавшегося через толпу. Незнакомец тоже облачился в пестрый целлофлекс, но маскировка получилась так себе – житель башни когда-то так сильно загорел, что и века, проведенные под водой, не стерли этого загара. Его рот кривился в презрительной усмешке.

– Кто это?

– Что? Где? Не знаю. Не мешай.

Он ненавидел компромисс, заставивший его надеть целлофлекс. Но старый мундир выглядел бы слишком подозрительно. Скалясь от злости и страдая от унижения, он позволил Пути нести его мимо огромного глобуса, покрытого слоем черного пластика. В каждой башне земной шар служил напоминанием о величайшем достижении человечества.

Он прошел в сад, обнесенный стеной, и сунул в зарешеченное окошко идентифицирующий диск. Вскоре его впустили.

Вот он, храм Истины!

Какая красота, какое величие! Он проникся уважением к техникам – логикам, логистам… Нет, логисты остались в прошлом. Жрец ввел его в келью и указал на стул:

– Вы Робин Хейл?

– Да.

– Что ж, вы собрали и предоставили нам все необходимые данные. Но осталось несколько уточняющих вопросов. Их задаст сам Логик.

Жрец вышел. Внизу, в гидропонном саду, увлеченно возился с растениями высокий, тощий человек с костлявым лицом.

– Нужен Логик. Робин Хейл ждет.

– О черт! – выругался тощий, поставив лейку и почесав длинный подбородок. – Мне нечего сказать этому бедняге. Ему

крышка.

– Сэр!

– Ну-ну, полегче. Я поговорю с ним. Идите и успокойтесь. Его документы готовы?

– Да, сэр.

– Хорошо, я скоро буду. Не торопите меня.

Бормоча под нос, Логик двинулся к лифту. Вскоре он уже находился в зале управления, через видеофон смотрел на худого загорелого человека, в неудобной позе сидящего на стуле.

– Робин Хейл. – Теперь голос Логика звучал по-новому: низко, важно.

Хейл невольно напрягся:

– Да.

– Вы бессмертный. Это значит, что вы можете прожить не менее семисот лет. Но у вас нет работы, верно?

– Верно.

– Что случилось с вашей работой?

– А что случилось с Вольными Компаниями?

Они исчезли. Прекратили свое существование, когда башни объединились под одним правительством и войны между ними потеряли смысл. В прежние времена вольные компаньоны были воинами, их нанимали башни для сражений, в которые не рисковали вступать сами.

– Среди вольных компаньонов бессмертных было немного, – сказал Логик. – И сама их организация осталась в далеком прошлом. Вы пережили свое ремесло, Хейл.

– Знаю.

– Хотите, чтобы я нашел вам занятие?

– Вы не можете этого сделать, – с горечью проговорил Хейл. – А я не могу выдержать века безделья. Предаваться удовольствиям? Я не гедонист.

– Могу предложить легкий выход, – сказал Логик. – Умрите.

Повисло молчание.

– Не возьмусь советовать вам, как это сделать, – продолжил Логик. Вы боец. Вы предпочли бы умереть, борясь за жизнь. А еще лучше – борясь за то, во что вы верите.

Он умолк. Когда заговорил, голос опять изменился:

– Мне нужно ненадолго выйти. Ждите.

Чуть позже его высокая фигура, похожая на огородное пугало, появилась из-за занавешенного проема в стене.

Хейл вскочил на ноги и уставился на Логика. Тот указал на стул.

– К счастью, я здесь хозяин, – сказал он. – Эти жрецы не

позволили бы мне с вами встретиться, если б могли. Но что они могут без меня? Ведь я Логик. Садитесь.

Он придвинул другой стул, достал из кармана непривычного вида вещицу – старинную трубку – и набил ее табаком.

– Сам выращиваю, – пояснил он. – Послушайте, Хейл, вся эта фальшь хороша для башен, но зачем она вам?

Хейл изумленно уставился на Логика:

– Но как же… храм?.. Это же храм Истины! Вы хотите сказать, это все…

– Фальшь? Нет, здесь одна лишь правда. Беда в том, что правда не всегда выглядит пристойно. Взять хотя бы древние статуи Истины – она всегда голая. Взгляните на меня – то еще зрелище, верно? Было время, когда мы действовали в открытую и ничего путного из этого не выходило. Люди считали, что я просто высказываю свое мнение. Я похож на обычного человека, но внешность обманчива. На самом деле я мутант, причем непростой. Мы прошли полный круг: от Платона, Аристотеля, Бэкона, Коржибски до машин истины – и вернулись в отправную точку. Теперь для решения человеческих проблем мы используем логику. Я нахожу ответы. Правильные ответы.

Хейлу трудно было понять Логика.

– Но… вы не можете быть непогрешимым. У вас какая-то система?

– Пробовал я и системы, – кивнул Логик. – Уйму четырехразрядных слов. Но все и всегда сводится к одному – к здравому смыслу.

Хейл оторопело моргал. Логик разжег трубку.

– Мне тысяча лет, – сказал он. – Знаю, в это трудно поверить. Говорю вам, я особый мутант. Друг мой, я родился на Земле. Помню атомные войны. Не самые первые – я тогда только успел появиться на свет, и мои родители попали под вторичную радиацию. Я ближе всех к истинному бессмертию. Но мой главный талант… Вы читали о Пророке Бене? Нет? Кого-кого, а пророков в те времена хватало с лихвой. Многие догадывались о том, что их ждет, особой логики для этого не требовалось. Так вот, я и был Пророком Беном. К счастью, некоторые влиятельные люди вняли моим советам и начали колонизацию Венеры. Когда взорвалась Земля, я уже был здесь. Техники подвергли меня изучению и обнаружили, что мой мозг не совсем обычный. Есть какое-то новое чувство, а может, инстинкт, никому так и не удалось разобраться. Но это то же самое, что позволяет машинам давать правильные ответы. Вот только у них получается не всегда, а я, друг мой, не умею отвечать неправильно.

– Вам тысяча лет? – растерянно переспросил Хейл,

уцепившись за этот единственный доступный его пониманию нюанс.

– Без малого. Я видел, как приходят и уходят века. С легкостью мог бы прибрать к рукам верховную власть, если бы захотел. Но не приведи господи! Я же вижу последствия, и они мне не нравятся. Поэтому я просто сижу здесь, в храме Истины, и отвечаю на вопросы.

Хейл растерянно пробормотал:

– Но мы всегда считали… что здесь машина…

– Да, я знаю. Забавно: люди скорее поверят машине, чем похожему на них человеку. А может, и не забавно. Послушайте, друг мой, что бы вы обо мне ни думали, я умею находить ответы. Я кручу-верчу в голове информацию и очень скоро понимаю, что следует предпринять. Просто здравый смысл. Единственное требование: я должен знать все о вас и о вашей проблеме.

– Значит, вы предвидите будущее?

– Будущее многовариантно, – ответил Логик. – Кстати, надеюсь, вы не станете рассказывать обо мне. Жрецам бы это не понравилось. Каждый раз, когда я решаю заняться с клиентом и спускаюсь с пьедестала, они поднимают такой шум, что у храма трясется крыша. Впрочем, можете рассказывать, если хотите. Никто не поверит, что непогрешимый оракул – не сверхмашина. – Он улыбнулся. – Главное, друг мой, у меня есть идея. Вы уже поняли, что я складываю циферки п получаю решения. Но иногда решение бывает не одно. Почему бы вам не отправиться на поверхность?

– Что?!

– В самом деле, почему? Вы крепкий парень. Может быть, там найдете свою смерть. Да-да, имеется такая вероятность. Но вы погибнете в борьбе. Здесь, в башнях, вам бороться не за что. Однако есть люди, разделяющие ваши мысли. Вольные компаньоны, а среди них и бессмертные. Найдите их и отправляйтесь на поверхность.

– Это невозможно, – сказал Хейл.

– Вольные компаньоны построили там крепости, вы в курсе?

– Потребовались большие отряды техников, чтобы отвоевать территорию у джунглей. А звери? Мы постоянно вели войну. Что же до крепостей, от них почти ничего не осталось.

– Выберите одну и восстановите.

– А что потом?

– Возможно, вы станете верховным правителем, – спокойно сказал Логик. – Верховным правителем Венеры.

Наступило молчание. Хейл изменился в лице.

– Достаточно, – констатировал Логик, вставая и протягивая

руку. – Кстати, меня зовут Бен Кроувелл. Приходите, когда встретитесь с затруднениями, а может, я сам загляну к вам. Но в этом случае не слишком рассчитывайте на мои мозги.

Он подмигнул и зашаркал к выходу, посасывая трубку.

Жизнь в башнях была очень похожа на шахматы. На ферме у домашней птицы социальное превосходство измеряется сроком жизни; длительность существования – птичье богатство. У пешки «жизнь» коротка, у коня, слона и ладьи она больше. Официально существовала трехмерная демократия, но автократия простиралась в четвертом измерении – во времени. Теперь стало ясно, почему библейские патриархи-долгожители обретали власть: они могли ее удержать.

Само собой, в башнях бессмертные знали больше, чем короткоживущие. В те практичные времена бессмертных не обожествляли, но им подчинялись. Добровольно, как дети подчиняются родителям. У родителей всегда есть преимущество перед детьми – зрелость. А еще опыт. И мало-помалу короткоживущие обитатели башен привыкли к своей зависимости от бессмертных.

Дело еще и в том, что у человека есть достойная осуждения привычка перекладывать на других неприятную ответственность. Правда, за века общество отошло от индивидуализма. Социальная ответственность достигла уровня, когда каждый сделался сторожем брату своему. Постепенно все встали в круг и взялись за руки. Бессмертные, зная, что впереди у них долгие столетия, позаботились о том, чтобы эти столетия не были пустыми. Они учились. Времени на учебу у них было вдоволь.

Приобретя знания и опыт, они стали брать на себя ответственность, которую с такой легкостью уступало большинство.

Так возникла новая культура – достаточно стабильная для умирающей расы.

Он вечно попадал в неприятности. Его увлекало все новое – об этом позаботились хромосомы Харкеров. Хотя его звали Сэм Рид.

Он снова и снова бился о невидимые преграды, пытаясь вырваться из плена отмеренных ему лет. Сэму было известно, что их всего лишь девяносто. Какая-то частичка его разума, доставшаяся по наследству, лишенная логики, мучительно искала выход. Что можно успеть за девяносто лет?

Однажды он попытался устроиться в большой гидропонный сад. Простецкое, с грубыми чертами лицо, лысина, рано

развившийся ум – все это давало ему возможность убедительно лгать насчет своего возраста. Некоторое время он добросовестно работал, но потом его одолело любопытство и он начал экспериментировать с ботаническими культурами. Поскольку знаний у него не было, он загубил немалый урожай.

Но перед этим он обнаружил в одном из резервуаров синий цветок, который напомнил о женщине, виденной на карнавале. Ее платье было точно такого же цвета. Он спросил у ближайшего работника о цветке.

– Проклятые сорняки, – ответил тот. – Сотни лет с ними боремся, а они все лезут и лезут. Впрочем, с этим не так уж много хлопот, росичка кровяная гораздо хуже.

Он выдернул сорняк и швырнул в сторону, а Сэм подобрал. Позже он узнал, что это фиалка. Скромной красоты растеньице не шло ни в какое сравнение с великолепными гибридными цветами, выращиваемыми в секциях гидропоники. Он хранил цветок, пока тот не рассыпался в прах. Но и после Сэм помнил о нем, как помнил о женщине в голубом платье.

Однажды он отправился за Мелководное море, в башню Канада. Раньше он никогда не бывал за пределами своей башни, и теперь его очаровал вид большой прозрачной сферы, которая двигалась вверх в пузырящейся воде. Он путешествовал с человеком, нанятым за украденные деньги и выдававшем себя за его отца. Но едва они добрались до башни Канада, «отец» исчез, и Сэм с тех пор его не встречал.

В двенадцатилетнем возрасте он был предприимчив, перепробовал множество способов заработка. Но ни один его не удовлетворил, все были слишком скучными. Блейз Харкер знал, что делает, когда оставил нетронутым мозг в хилом деформированном теле. Впрочем, оно было хилым только по меркам того времени. Длинноногие, рослые бессмертные установили свои стандарты красоты. Безобразными считались приземистые, коренастые, ширококостные короткоживущие.

В Сэме засело крепкое, мощное семя неудовлетворенности, не дававшее ему покоя. Оно не могло развиваться нормально, потому что это было семя бессмертного, а Сэм явно не был бессмертным. Он просто не мог претендовать на работу, которая требовала вековой подготовки. Даже полувековой…

Он шел трудным путем, потому что других путей для него не существовало. И обрел учителя – своего Хирона, своего Фейгина, – когда встретил Щипача.

У толстого старого пройдохи были кустистые седые волосы, прыщавый красный нос и собственная философия. Сам Щипач никогда не предлагал советов, но давал их, если просили.

– Людям нужны развлечения, – говорил он мальчику. – Большинству из них. И они не хотят смотреть на то, что ранит их нежные чувства. Работай головой, парень. Воровством многого не добьешься. Лучше стать полезным для тех, у кого власть. Возьмем банду Джима Шеффилда. Джим обслуживает правильных людей. Не задавай вопросов, выполняй то, что тебе поручают, но вначале установи нужные связи. – Он чихнул и заморгал водянистыми глазами. – Я говорил о тебе с Джимом. Повидайся с ним. – Щипач сунул в ладонь Сэма пластиковый диск. – Я не стал бы этого делать, если бы не разглядел в тебе кое-что. Ступай к Джиму.

У двери он придержал Сэма:

– Ты далеко пойдешь. И ведь не забудешь старину Щипача? Некоторые забывали. Но я умею причинять неприятности так же легко, как делать одолжения.

Сэм вышел, провожаемый чиханием и хихиканьем толстого ехидного старика.

Он увиделся с Джимом Шеффилдом. Тогда ему было четырнадцать, и он был низок, силен и мрачен. Шеффилд оказался сильнее и крупнее. Ему было семнадцать, этому выпускнику школы Щипача, независимому и хитрому дельцу, чья банда уже приобрела известность. Человеческий фактор всегда играл важную роль в интригах башен. Это была не только политика; социальный быт той эпохи своей педантичностью и сложностью не уступал общественным отношениям в Макиавеллиевой Италии. Голая правда не только находилась вне закона, но и считалась дурным вкусом. Над всем царила интрига. В постоянно меняющемся равновесии властей выживал тот, кто хитрее и изворотливей. Обмануть противника, запутать его в собственной паутине, заставить уничтожить самого себя – вот в чем заключалась игра.

Банда Шеффилда работала по найму. Вскоре Сэм Рид (о фамилии Харкер он знал лишь то, что она принадлежит одной из самых влиятельных семей бессмертных) получил первое задание: спуститься вместе с более опытным подельником и собрать образцы синеватой водоросли, запрещенной в башнях. Возвратясь через тайный ход, он опешил, увидев Щипача. Тот ждал с портативным излучателем в руках. Маленькое помещение было герметично закупорено.

На Щипаче был защитный костюм. Голос его доносился через диафрагму.

– Стойте на месте, парни. Лови! – Он бросил излучатель Сэму. – Облучи-ка этот пластиковый контейнер. Он закрыт? Хорошо. Облучай сверху. Так, а теперь медленно переворачивай.

– Эй, ты чего?.. – начал другой парень.

Щипач фыркнул:

– Делай, что говорю, или сломаю твою тощую шею. – И перешел обратно на спокойный тон. – Поднимите руки. Поворачивайтесь медленно, я и вас облучу. Вот так…

Потом они втроем встретились с Джимом Шеффилдом. Джим едва сдерживал возмущение. Он попытался спорить со Щипачом. Тот чихнул и пригладил седые волосы.

– Заткнись, – сказал он. – Что, думаешь, ты уже совсем взрослый? Так вот тебе совет на будущее: когда захочешь попробовать что-нибудь новенькое, найди время посоветоваться со мной – это убережет тебя от неприятностей. – Он хлопнул по пластиковому контейнеру, который Сэм поставил на стол. – Знаешь, почему эта водоросль запрещена в башне? И разве заказчик не предупредил, что с ней нужно обращаться осторожно?

Широкие губы Шеффилда скривились:

– Я был осторожен.

– Обращаться с ней без риска можно только в лабораторных условиях, – сказал Щипач. – Это металлоед, он растворяет все металлическое. Когда у тебя под рукой нужные реактивы, он не опасен. А иначе освободится и наделает бед. Расследование приведет к тебе, и ты загремишь в Психотерапию. Ясно? Если бы ты сразу пришел ко мне, то узнал бы, что нужно взять ультрафиолетовую установку и облучить водоросль. Она могла прилипнуть к костюмам парней. В следующий раз так легко не отделаешься. Я не хочу из-за тебя оказаться в Психотерапии, Джим.

Старик казался совершенно безобидным, однако Шеффилд потупил взгляд. Неохотно выразив согласие, он встал, забрал контейнер и вышел, поманив ребят. Сэм на мгновение задержался. Щипач подмигнул ему:

– Наделаешь уйму ошибок, парень, если не будешь слушаться советов.

Это был лишь один из многих эпизодов внешней жизни Сэма. Внутренне он был не по годам развит, аморален и мятежен. Прежде всего – мятежен. Он бунтовал против краткосрочности жизни – стоило подумать о бессмертных, и любое обучение казалось напрасным. Он бунтовал против собственного тела – ширококостного, приземистого, плебейского. Это был бунт подсознательный, без понимания причин – бунт против неуклонной судьбы, которую он обрел, когда появился на свет.

В мире всегда существовали яростные люди.

Иногда ярость созидательна, как у пророка Ильи, – это огонь Господень. Человек остается в истории как святой, как реформатор, который своим гневом сворачивал горы, чтобы улучшить род людской. Иногда ярость разрушительна – появляются великие полководцы, чтобы уничтожать народы. Эта ярость изливается вовне, ей не нужно пожирать своего хозяина.

А ярость Сэма Рида была направлена против таких вечных явлений, как время и судьба, и единственной целью, на которую она могла обрушиться, был сам Сэм Рид. Разумеется, такая ярость ненормальна для человека. Но Сэм Рид и не был нормальным. И его отец не был нормальным, иначе не стал бы так жестоко карать невинного младенца. Порок, затаившийся в крови Харкеров, – вот что породило лютость, обуревавшую и отца, и сына. Пусть они жили порознь, но гнев не отпускал их ни на миг, вскипая по любой причине, из которых главной была сама жизнь.

Сэм в этой скрытой борьбе прошел через множество фаз – узнав о них, изумились бы и Щипач, и Джим Шеффилд, и другие, с кем он тогда был связан. Поскольку мозг у него был устроен сложнее, чем у остальных, Сэм мог существовать далеко не в единственной плоскости бытия – и таить это. Открыв для себя обширные библиотеки башен, он пристрастился к чтению. Но так и не стал интеллектуалом; душевная неуемность мешала ему воспользоваться единственным преимуществом, которым он обладал, – мощным мозгом – и повысить собственный статус в обществе. Но он пожирал книги, как огонь пожирает топливо, как собственная неудовлетворенность пожирала его самого. Он читал от корки до корки толстые фолианты, зарывался в любые темы, отправлял на бессмысленное хранение в мозг любые знания.

Иногда эти знания помогали ему провернуть аферу или совершить убийство. Чаще же они просто спали в мозгу, предназначенном для хранения полутысячелетнего опыта, но обреченном исчезнуть меньше чем через век. Хуже всего то, что Сэм Рид так и не узнал, что его на самом деле гложет. Он всю жизнь боролся с собственным разумом, пытаясь избавиться от подсознательного знания о тайном наследии. Было время, когда он надеялся найти ответ в книгах…

В те ранние дни книги дали ему отсрочку от эскапизма, который позже он изведал во многих формах (пример – частые переселения из башни в башню), пока не набрел на столь же великую, сколь и невероятную задачу, решение которой стало главной целью его жизни.

Затем на протяжении пятнадцати лет он глотал книги в библиотеках всех башен, где ему случалось бывать, благодаря чему оставалось совсем мало времени на противозаконную

деятельность. Глубокое презрение к людям, которых он прямо или косвенно обманывал, сочеталось в нем с презрением к подельникам. Сэм Рид ни в коей мере не был приятным человеком.

Он не мог предсказывать даже собственные поступки. Когда в нем разгоралось пламя ненависти к себе, его криминальная деятельность принимала самые резкие формы. Он приобрел дурную репутацию. Никто не доверял ему – да и как можно доверять тому, кто сам себе не доверяет? Но мозг и руки Сэма Рида были настолько искусны, что всегда пользовались большим спросом, хотя, случалось, проливали кровь, когда Сэм Рид давал волю своему внутреннему огню.

Многие находили его весьма интригующей личностью. Заказов хватало.

Жизнь в башнях протекала слишком спокойно, а покой не свойственен человеческой натуре. В очень и очень многих людях тлел подсознательный огонек – родственник мятежного пламени, что постоянно жгло Сэма Рида, – и этот огонек нет-нет да и прорывался на поверхность. Психологические проекции горазды принимать странные формы, такие как мода на кровожадные баллады, захватившая башни в годы взросления Сэма Рида. Не менее странным, хоть и столь же показательным было повальное увлечение, на грани религиозного поклонения, последним романтическим периодом истории человечества.

Где-то на самом дне человеческого сознания жила уверенность, что война – заманчивая штука. Хотя очень немногим довелось увидеть ее воочию, и случилось это тысячу лет назад, и была та последняя война поистине ужасной. Но легенда оказалась живучей – возможно, потому, что сам по себе ужас чем-то манит многих из нас, будит в душах нечто порочно-сладостное – то, что мы предпочитаем не называть настоящим именем.

Вольные компаньоны, эти простые труженики войны, спустя века в общественном воображении обернулись рыцарями в блистающих доспехах, и редкому мужчине не случалось взгрустнуть о том, что он не родился в ту эпоху головокружительных приключений.

Люди пели на новый лад скорбные баллады, которые были в ходу у вольных компаньонов в начальном периоде освоения Венеры; первоначальные же версии этих баллад остались в невообразимо далеком земном прошлом. Придуманные жителями башен вольные компаньоны – артисты в нарядах, не соответствующих эпохе, – исполняли эти песни перед раскачивающейся в трансе публикой, а та, повторяя каждую

интонацию певцов, даже не подозревала, насколько фальшиво это звучит.

И в словах, и в ритме напрочь отсутствовала экспрессия. Потому что в башнях царил застой, а люди, жившие в этом застое, не умели смеяться от всей души. Их юмор был тонок и хитер, он вызывал ехидные смешки, но не гомерический хохот. Зиждился этот неискренний юмор на лукавстве и недомолвках, а не на душевном веселье.

И смех постепенно становился все менее добрым, все более глумливым. Казалось, близится время, когда кровожадные баллады снова будут звучать, как в далекую старину, а смех опять сделается громогласным – на чью-то беду. Единственной альтернативой смеху станут слезы – слезы, означающие поражение. Только покорителям диких просторов, людям примитивной натуры, было свойственно смеяться от полноты чувств. В башнях никто не слышал настоящего смеха, жестокого и дерзкого, кроме, быть может, старейших жителей, помнивших давние времена.

Сэм Рид восхищался вольными компаньонами, оставшимися, казалось, в той же древности, что и земные динозавры. Слава, героизм, романтика – все это будоражило и его воображение. Но он осознавал причины этого душевного увлечения и мог посмеяться над собой. Дело не в подвигах вольных компаньонов, а в мечтах о свободе, которые в последнее время обуревали всех.

На самом деле люди в башнях не изнемогали от жажды свободы. Свобода труднодостижима и опасна; очень немногие готовы были заплатить за нее стабильностью и благополучием. Однако ностальгия обладает своим шармом, и общество упивалось ею на всю катушку.

О первом этапе покорения Венеры Сэм читал взахлеб. Оказывается, человек может всего себя отдать борьбе с таким соперником, как дикая планета, встретившая первопоселенцев в штыки. Еще он с острой тоской читал о старой Земле, о ее широких просторах. И напевал земные песни, и пытался вообразить ночное небо – должно быть, усеянное космическими мирами, оно выглядело жутко.

Проблема заключалась в том, что его собственный мир был примитивен. Этот мир усложнили искусственно, только ради изощренных интриг, но так, чтобы никто не мог, войдя в раж, ринуться на штурм его границ. Тоже искусственные, эти границы могли не устоять. Когда бьешь в стену одной рукой, другой эту стену нужно удерживать.

Единственным достойным противником, которого удалось

найти Сэму Риду, было время – длинная, сложная цепь веков, которые ему не суждено прожить. Поэтому он ненавидел мужчин и женщин, ненавидел весь мир и себя самого. Не имея врага, с которым можно было бы вести осмысленную борьбу, он сражался со всеми без разбора.

Так продолжалось сорок лет.

И все это время сохранялось одно обстоятельство, которое он едва осознавал и к которому не испытывал интереса: ничто не воздействовало на его психику так же сильно, как синий цвет. Он предположил, что причиной тому засевшие в памяти истории о старой Земле, о ее невероятно синем небе.

Здесь же кругом царила вода. Воздух наверху был тяжелым от влаги, облака провисали, и в морях, серым одеялом покрывавших башни, воды содержалось совсем ненамного больше, чем в воздухе и облаках. Поэтому голубизна утраченного неба прочно связалась в сознании Сэма со свободой.

Первой женщиной, с которой он вступил в брак, была миниатюрная танцовщица. Когда Сэм впервые увидел ее в одном из кафе, расположенных на Пути, она выступала в скудном наряде из синих перьев. Глаза у нее тоже были синие, хотя и не такие яркие, как перья или незабвенные земные небеса. Сэм снял квартирку на окраинной улочке в башне Монтана, и там супруги прожили полгода, ссорясь не чаще, чем другие пары.

Однажды утром он вернулся после ночного дела с бандой Шеффилда и, открыв дверь, уловил незнакомый запах. В воздухе висела тяжелая сладость, а еще был резкий, густой, кислый аромат – распознать его в те декадентские времена могли очень немногие жители башни.

Маленькая танцовщица, съежившись, лежала у стены. Огромный бледно окрашенный цветок прильнул к ее лицу, обхватив голову лепестками, как пальцами. Цветок был желтый, но прожилки десятка лепестков покраснели, и алая жидкость стекала на синее платье.

Рядом на полу лежали цветочный горшок и разорванная зеленая обертка, в которой прибыл подарок. Сэм так и не узнал, чьих рук это дело. Возможно, некий враг отомстил за причиненную обиду; возможно, кто-то из друзей, – некоторое время Сэм подозревал Щипача – встревожился, что жена возьмет над Ридом слишком много власти и отвлечет от темного, но выгодного бизнеса. А может, это была соперница-танцовщица, потому что среди людей этой профессии не прекращалась борьба за малочисленные рабочие места в башне Монтана.

Сэм провел расследование, узнал все, что хотел узнать, и хладнокровно покарал тех, кого счел виновными. Впрочем, все это было проделано скорее для проформы. Жена оказалась не более приятной в общении, чем он сам. Просто она устраивала Сэма и у нее были синие глаза. Разбираясь с ее убийцами, Сэм всего лишь заботился о собственной репутации.

После нее были другие женщины. Сэм снял новую квартирку, потом нашел жилье получше в соседнем квартале. Выполнив чрезвычайно выгодный заказ, он оставил квартиру очередной брошенной сожительнице и перебрался в довольно элегантные апартаменты с видом на середину Пути. Подыскал хорошенькую синеглазую певичку, чтобы делить с ней кров.

К началу этой истории у него было три квартиры в трех башнях: исключительно дорогая, средней стоимости и дешевая, но очень тщательно выбранная в портовом районе, в самой темной секции башни Виргиния. Жители соответствовали этим квартирам. Сэм по-своему был эпикурейцем. Теперь он мог себе это позволить.

В дорогой квартире было две комнаты, куда он никого не пускал. Там содержались растущая библиотека и коллекция музыкальных записей, а также запас изысканных напитков и наркотиков. Об этом его коллеги по бизнесу не знали. Он приходил сюда под другим именем, и его принимали за богатого коммерсанта из отдаленной башни. Сэм Рид максимально приблизился к той жизни, которую Сэм Харкер вел бы по праву…

И королева мрака
Воскликнула, скорбя:
«О юный мой убийца,
Ждет завтра смерть тебя!»

А. Хаусмен. Ее исчезли чары.

Перевод Г. Бена

В первый день ежегодного карнавала, который проводился в последний год жизни Сэма Рида, тот сидел за столиком и разговаривал о любви и деньгах с девушкой в розовом бархате. Было, вероятно, около полудня, потому что тусклый свет пробивался сквозь Мелководное море и заполнял огромный купол башни. Но все часы останавливались на трое суток карнавала, чтобы никто никуда не спешил.

У того, кто не привык с детства к такому явлению, как карусельное кафе, движение города вызывало бы тошноту. Под

негромкую музыку зал медленно вращался внутри прозрачной цилиндрической стены. Столики тоже кружились вокруг своей оси вместе со стульями. За мягким облаком девичьих волос Сэм видел всю башню, проходящую внизу торжественным парадом.

Цветной дым проплывал мимо них длинной ажурной лентой. Сэм ощутил на лице крошечные капли благоухающей влаги. Он отогнал дым раздраженным мановением руки и посмотрел на девушку:

– Итак?

Девушка улыбнулась и склонилась над узкой двурогой лирой, украшенной цветными лентами. У нее были нежные голубые глаза, затененные такими густыми и длинными ресницами, что иногда казались черными.

– Мне выступать через минуту, – сообщила она. – Я отвечу позже.

– Отвечай сейчас, – сказал Сэм не грубо, как он обычно разговаривал с женщинами, но жестко.

Дорогая квартира в верхней части респектабельной башни пустовала, и Сэм считал, что девушка может стать там очередной жиличкой. И возможно, постоянной. Что-то беспокоило его, когда он думал о Розат. Ему не нравилось, что женщина способна вызвать у него такую сильную привязанность.

Розат улыбнулась. У нее был маленький мягкий рот и темные волосы; коротко подстриженные, они окружали голову туманным ореолом. Бывало, выражение ее лица вдруг становилось насмешливым. В васильковых глазах угадывался недюжинный интеллект, а пела она голосом бархатным, как ее розовое платье. Приятный трепет этого голоса щекотал слушателям нервы.

Сэм Рид побаивался ее. Но он не был бы самим собой, если бы не ринулся в эту западню. Он привык встречать опасность лицом к лицу, а потому решил: если невозможно изгнать из мыслей это бархатное создание, то нужно пресытиться им. И как можно скорее.

Розат задумчиво коснулась струны:

– Я слышала сегодня утром кое-что интересное. Джим Шеффилд больше тебя не жалует. Это правда?

Сэм бесстрастно проговорил:

– Я задал вопрос.

– Я тоже.

– Хорошо. Насчет Джима правда. Я завещаю тебе мой годовой доход на случай, если он доберется до меня первым. Тебя именно это заботит?

Она вспыхнула и так дернула струну, что та исчезла в яростной вибрации.

– Сэм Рид, за такое дают пощечину! Ты же знаешь, что я могу заработать на жизнь.

Сэм вздохнул. Она действительно могла заработать, и это делало разговор особенно трудным.

Розат популярная певица. Если она согласится жить с Сэмом, то не из-за денег. И это тоже делает ее опасной для его душевного спокойствия.

Медленный ритм музыки соответствовал медленным поворотам комнаты. А когда мелодия зазвучала громче, заставив дрожать все ароматные струйки в зале, Розат встала и прижала к бедру узкую, высокую лиру.

– Это меня, – сказала она. – Я подумаю, Сэм. Дай мне несколько дней… Я могу оказаться совсем не подходящей для тебя.

– Не сомневаюсь в этом. Иди, пой свою песню. Увидимся после карнавала, но не ради ответа. Я знаю ответ: ты будешь со мной.

Она рассмеялась и отошла, на ходу трогая струны и напевая. Вслед ей оборачивались восхищенные лица.

Он встал и покинул вращающийся зал, провожаемый бархатными трелями: Розат пела ламентацию по мифической Женевьев[62]. Ни одной фальшивой ноты. Она блестяще преодолевала трудные бемоли, которые придавали старинной балладе минорную жалостливость.

«О Женевьев, о милая, приходят дни, уходят дни…» – выводила Розат, глядя на уходящего Сэма.

Допев, она быстро прошла в свою уборную и набрала на коммуникаторе номер Шеффилда.

– Слушай, Джим, – быстро заговорила девушка, когда на экране появилось его смуглое хмурое лицо, – я только что разговаривала с Сэмом…

Если бы Сэм это услышал, то, вероятно, убил бы ее на месте. Но он, конечно же, не слышал. Когда шел этот разговор, произошло нечто важное, резко изменившее курс его жизни.

Он встретил очередную женщину в синем. Прогуливаясь по движущемуся Пути, она подняла руку и набросила край своего тончайшего платья на голову, словно вуаль. Глаза Сэма уловили движение и цвет, и он остановился так внезапно, что люди, шедшие с обеих сторон, столкнулись с ним, и один даже повернулся к нему с руганью, готовый затеять ссору. Но увидев узкое лицо с гранитными челюстями, с суровыми складками возле рта, этот человек стушевался, сам не понимая почему. Поскольку образ Розат еще не померк в сознании, Сэм

рассматривал женщину с меньшим энтузиазмом, чем делал бы это несколькими днями ранее. Из глубины памяти всплыло воспоминание. Ветерок, вызываемый движением Пути, шевелил ткань вокруг ее лица, отчего появлялись и исчезали тени – голубые тени от голубой ткани в лазурной синеве ее глаз. Она была прекрасна.

Сэм отогнал розовое облако карнавального дыма, поколебался, что было ему совсем не свойственно, затем решительно оправил золоченый пояс и пошел вперед широким шагом, по привычке ступая мягко и неслышно. Сэм не знал, почему лицо женщины и синее платье так сильно вывели его из равновесия. Он забыл тот давний карнавал, на котором увидел ее впервые.

Во время карнавала не существует социальных барьеров, по крайней мере в теории. Сэм подошел к незнакомке по движущейся ленте и, не улыбаясь, посмотрел ей в лицо. Стоя на одном уровне с ним, она казалась выше – очень стройная и элегантная, с чарующим налетом истомы, столь популярным в башнях. Оставалось лишь догадываться, дань ли это моде, или чарующая истома естественна для нее.

Платье туго обтягивало гибкий золотой корсет, который блестел сквозь прозрачную ткань. Иссиня-черные вьющиеся волосы, прихваченные широкой золотистой лентой, ниспадали до самой талии. С мочек ушей, проколотых нарочито грубо, свисали золотые колокольчики – тогдашняя мода имитировала варварскую витальность. Следующий сезон может потребовать золотое кольцо в носу, и эта женщина будет его носить с такой же точно элегантной надменностью.

Сэм Рид не обратил внимания на эту надменность и произнес спокойным, но твердым тоном:

– Позвольте предложить вам мою компанию.

И приглашающе поднял согнутую в локте руку.

Женщина вскинула голову и посмотрела на него. Вроде бы она улыбнулась – точно сказать было нельзя, поскольку изящный рот под узким носом был от природы слегка изогнут, как на изображениях древних египтян. Если и была улыбка, то высокомерная. Казалось, тяжелая шевелюра еще больше оттягивает ее голову назад. Что же до взгляда, то в нем ясно читалось и обеспокоенность, и надменность, и даже откровенное презрение.

Несколько мгновений она простояла так неподвижно, что даже колокольчики не звенели.

На первый взгляд Сэм выглядел обыкновенным приземистым плебеем. Второй же взгляд открывал для внимательного

наблюдателя немало контрастов. Сэм прожил без малого сорок лет со своей неугасимой яростью. Отпечаток этой ярости он носил на лице и, даже отдыхая, выглядел так, будто вел какую-то напряженную внутреннюю борьбу. Это напряжение придавало особую выразительность и энергичность его чертам, убавляя их грубость.

Другое любопытное обстоятельство: он был совершенно лишен волос. Плешивость была в порядке вещей, но Сэм с его голым как яйцо черепом вообще не казался лысым. Форма его головы была классической, причем классической абсолютно, и на этой безупречной выпуклости волосы смотрелись бы анахронизмом. Сорок лет назад ребенку был нанесен большой вред, но по вине «плаща счастья» делалось это впопыхах, небрежно, так что остались точеные уши, плотно прилегающие к благородному черепу, и правильные линии подбородка – наследие Харкеров.

Толстая шея, исчезающая в кричаще алой рубашке, была не харкеровской. Ни один Харкер не облачился бы с ног до головы в алый бархат даже на карнавал, не нацепил бы позолоченный пояс с позолоченными ножнами. Но если бы все же Харкер надел этот костюм, он стал бы похож – пусть едва уловимо – на Сэма.

Толстое тело, бочкообразная грудь, нелепое раскачивание при ходьбе… И тем не менее у Сэма в жилах текла кровь Харкеров, она постоянно выдавала себя в мелочах. Никто не мог понять, как удается Сэму носить одежду с такой элегантностью и двигаться с такой уверенностью вопреки коренастости, столь презираемой у высших классов.

Бархатный рукав сполз с его согнутой руки. Сэм стоял неподвижно и глядел на женщину сузившимися глазами.

Стальные глаза на румяном лице.

Спустя мгновение, повинуясь неосознанному порыву, женщина снисходительно улыбнулась ему. Резким движением плеча откинула рукав, вытянула изящную тонкокостную руку, унизанную широкими золотыми браслетами, очень нежно положила ладонь на запястье Сэма Рида и шагнула к нему. На его мускулистой руке, поросшей рыжими волосами, ее кисть казалась восковой, нереальной. Женщина почувствовала, как от ее прикосновения напряглись его мышцы, и улыбка стала еще снисходительнее.

Сэм сказал:

– В прошлый раз, когда я видел вас на карнавале, волосы были не черными.

Она искоса взглянула на него, не снизойдя до ответа. Сэм разглядывал ее не улыбаясь – черту за чертой, как будто это был

портрет, а не живая красавица, оказавшаяся здесь лишь по капризу случая.

– Они были желтыми, – наконец решительно сказал он.

Извлеченный из памяти образ прояснился в мельчайших деталях, и Сэм понял, как сильно был впечатлен им в детстве.

– Это случилось… тридцать лет назад. В тот день вы тоже были в синем, я хорошо помню.

Женщина равнодушно произнесла, повернув голову так, будто разговаривала с кем-то другим:

– Вероятно, это была дочь моей дочери.

Сэм едва не ахнул. Конечно, он многое знал о долгоживущих аристократах, но еще ни с одним ему не доводилось разговаривать без посредников. На человека, чей жизненный срок исчисляется десятками лет, первая встреча с тем, кто ведет счет на столетия, действует ошеломляюще.

Он грубо хохотнул. Женщина посмотрела на него с легким интересом, она никогда не слышала такого смеха из уст представителей низших классов. Это был смех самоуверенного человека, довольного собой и не заботящегося о манерах.

Многие женщины до Кедре Уолтон находили в Сэме Риде таинственный шарм, но мало кто из них обладал такой же, как у нее, проницательностью. Кедре поняла сразу: это же то самое качество, в подражании которому и она, и все модницы из ее круга носят дикарские украшения в проколотых ушах и поют заунывные безыскусные баллады о смерти, кровопролитии, жестокости и тому подобных вещах, не вникая в значение слов. Это жизнестойкость, сила характера, мужество – свойства, давно утраченные людьми.

Она холодно взглянула на Сэма, слегка повернув голову так, что черный водопад омыл плечи, и спросила:

– Как тебя зовут?

Рыжие брови Сэма сошлись над носом.

– Вам незачем это знать, – ответил он с нарочитой бесцеремонностью.

На мгновение она опешила. Потом будто горячая волна прокатилась по мышцам и нервам, растопив лед отчужденности. Она глубоко вздохнула; унизанная перстнями кисть скользнула по рыжим волоскам на руке Сэма.

Отведя взгляд, женщина предложила:

– Можешь рассказывать о себе, пока мне не станет скучно.

– Вам легко наскучить?

– Очень.

Сэм Рид окинул ее взглядом с головы до ног. Увиденное ему понравилось, и он вроде бы понял почему. За сорок лет Сэм

накопил огромный запас разрозненных знаний о жизни башен – не только о быте аристократов, который у всех на виду, но и о тех тайных средствах, которыми пользуются бессмертные, чтобы подогревать слабеющий интерес к бесконечной жизни. Он решил, что сможет заинтересовать эту женщину.

– Идемте, – сказал он.

Это случилось в первый день карнавала. А на третий – и последний – день Кедре намекнула, что случайная связь может не прерваться с окончанием празднества. Сэм удивился, но не обрадовался. Во-первых, как быть с Розат? А во-вторых, он заключен в тюрьму, из которой никогда не сможет вырваться, а теперь ему предлагают вдобавок надеть кандалы.

Повиснув в невесомости, пустоте и мраке, Кедре и Сэм следили за трехмерным изображением. Это было чрезвычайно дорогое удовольствие, оно требовало искусных операторов и как минимум одного роботизированного самолета с мощными фото- и телекамерами. Самолет летел высоко над континентом, направив приборы на происходящее внизу.

Там зверь боролся с растением.

Он был огромен, этот зверь, и отменно приспособлен для борьбы. Но его тело было мокрым не только от воды, но и от крови, струившейся из ран, нанесенных кривыми, как сабля, шипами. Ветви хлестали с поразительной точностью, разбрызгивая капли яда, который блестел во влажном сером воздухе. Звучала музыка, ловко подстраиваясь под ритм схватки.

Кедре коснулась кнопки, и музыка стихла. Самолет парил где-то над битвой, импровизатор неслышно перебирал клавиши. В темноте с шелковистым шелестом повернулась женская голова.

– Я ошибалась.

Сэм хотел досмотреть конец схватки. Он отрывисто спросил:

– В чем?

– В тебе. – Кедре легонько коснулась его щеки. – Я тебя недооценила, Сэм, или переоценила. А может, и то и другое.

Он качнул головой, чтобы прервать прикосновение, а затем сам протянул в темноте руку и провел пальцами по гладкой щеке, по черным локонам. Добравшись до золотого обруча, грубо покачал голову Кедре из стороны в сторону. Мягкие волосы скользили по его руке.

– Хватит гладить, – сказал он, – я тебе не собачонка. Скажи, что ты имеешь в виду.

Она язвительно рассмеялась:

– Если бы ты не был так молод…

Сэм столь резко отпустил обруч, что Кедре, сидевшая рядом

на кушетке, едва не свалилась; ей пришлось ухватиться за его плечо. Он молчал некоторое время. Наконец холодно спросил:

– Сколько же тебе лет?

– Двести двадцать.

– Я тебе наскучил. Я ребенок.

На этот раз смех прозвучал ласково.

– Ты не ребенок, Сэм! Вовсе не ребенок! Но у нас такие разные взгляды на жизнь. И ты мне не наскучил. Это-то и беспокоит меня. Уж лучше бы наскучил. Тогда я смогла бы расстаться с тобой сейчас же и забыть о случившемся. В тебе, Сэм, что-то есть. А что, не знаю…

Ее голос стал задумчив. Музыка, игравшая позади нее, вырастала в оглушительное крещендо – далеко внизу на болоте кто-то из поединщиков торжествовал победу.

– Может, ты действительно тот, кем кажешься, – проговорила Кедре Уолтон. – У тебя отличный ум. Как жаль, что пользоваться им тебе суждено недолго. Как жаль, что ты простолюдин… Будь иначе, я вышла бы за тебя замуж… на время.

– Каково это – чувствовать себя богом? – мрачно спросил Сэм.

– Прости за высокомерный тон. Ты заслуживаешь лучшей участи… Каково нам, спрашиваешь? Ну, мы ведь практически бессмертные. С этим ничего нельзя сделать. Это хорошо… но и жутко. Это ответственность. Ты же знаешь, мы не только развлекаемся. Первые сто лет я училась, путешествовала, знакомилась с людьми и миром. Потом сто лет увлекалась интригами. Например, наловчилась дергать за ниточки, чтобы склонять на мою сторону Совет. Что-то вроде ментального джиу-джитсу – хватаешь человека за самолюбие, тянешь в нужную тебе сторону. Может, ты и сам хорошо знаешь эти приемчики, но все-таки не сможешь овладеть ими так, как я. Жаль. Что-то в тебе есть… Я… Ну, не важно.

– Не говори о браке. Я не женюсь на тебе.

– Женился бы, если бы я согласилась. А ведь я могу попробовать, хоть ты и простолюдин. Да, могу…

Сэм перегнулся через ее колени и нажал выключатель. Послышался щелчок, и в маленькой комнате с мягкой мебелью вспыхнул свет. Кедре заморгала прекрасными нестареющими глазами и засмеялась то ли протестующе, то ли изумленно:

– Сэм! Я ослепла. Не нужно.

Она потянулась, чтобы выключить свет. Сэм схватил ее за руку и сдавил пальцы с тяжелыми золотыми перстнями:

– Нет! Слушай меня. Сейчас я уйду и никогда не захочу увидеть тебя снова. Понятно? У тебя нет того, что мне нужно.

Он резко встал.

Кедре взвилась на ноги, и было нечто грациозно-змеиное в этом движении; многочисленные блестки на платье сверкнули, как чешуя.

– Подожди! Да подожди же! Забудь все это, Сэм. Я хочу тебе кое-что показать. Сэм, давай мы вместе отправимся на Небо. У меня есть заказ – как раз для тебя.

Он холодно смотрел на нее. Под грубыми кустистыми бровями, между рыжими ресницами его глаза казались стальными полосками. Он назвал сумму, за которую согласен выслушать, и Кедре сказала, что заплатит. Едва различимая египетская улыбка задержалась на ее лице.

Он вышел вслед за женщиной из комнаты.

Небо оказалось данью памяти полузабытой родины человечества. Это была Земля, вернее, ее неточное романтическое подобие: гигантская полусфера, покрытая, как сотами, кабинками, нависавшими над гигантским залом. Кабинка могла дать иллюзию полной изоляции либо, благодаря перенаправлению просвечивающих лучей, иллюзию пребывания в огромной толпе. А еще можно было в соответствии с изначальным замыслом архитектора наслаждаться земным окружением.

Пальмы и сосны якобы росли по ночам из суррогатной почвы, виноградные лозы, розовые кусты и цветущие плодовые деревья теснились друг к другу. Но никого не смущало, что они ненастоящие; заметить разницу смог бы только ученый. Времена года давно стали экзотической частью истории.

Это было дивное, пленительное зрелище. Ритмично чередовались равноденствия, земная поверхность меняла цвета от зеленого и коричневого к блистающему синевато-белому, а потом пробивались бледно-зеленые лезвия травы, лопались почки… И все это было таким естественным, нисколько не похожим на контролируемую гидропонную растительность.

Кедре Уолтон и Сэм Рид вошли в Небо. Из прохода открылся вид на огромную полусферу, усеянную блестящими ячейками. Словно клочки яркого сновидения, они перемещались плавно и рывками вверх и вниз в хитросплетении световых потоков. В самом низу, очень далеко, виднелся бар – змееобразная черная лента. Выстроившиеся у стойки мужчины и женщины сделали ее похожей на многоножку.

Кедре заговорила в микрофон. Одна из кружащих кабинок покинула свою орбиту и мягко опустилась перед вновь прибывшими. Те вошли, и покачивающийся под ногами пол подсказал Сэму, что они с Кедре плывут в воздухе.

У низкого столика на подушках сидели двое. Сэм сразу узнал мужчину: Захария Харкер, глава самой большой семьи бессмертных.

Он был высок и хорошо сложен, с длинными конечностями и красивым лицом, носившим на себе диковинную коллекцию отпечатков – нет, не возраста, а опыта, зрелости, – и эти отпечатки контрастировали со свежестью юности, с отсутствием морщин. Свежесть исходила изнутри, и это ей он был обязан непоколебимой уверенностью, безупречным обаянием и спокойной мудростью.

А женщина…

– Сари, дорогая, – заговорила Кедре, – я привела гостя. Сари – моя внучка. Захария, это… Не знаю фамилии, он мне не сказал.

У Сари Уолтон было нежное надменное лицо – очевидно, семейная черта; длинные волосы невероятного зеленовато-золотистого цвета в тщательно организованном беспорядке падали на обнаженные плечи. Платье было сшито из очень тонкого меха зверя, добытого на поверхности, с темными полосами, как тигриная шкура. Легкое и гибкое, словно шелковое, оно облегало тело от шеи до колен и широкими складками расширялось вокруг лодыжек.

Двое бессмертных подняли голову, в глазах мелькнуло удивление. Сэм понял, что оба подавили приступ негодования. Ему сразу стало не по себе: он так уродлив, так не похож на этих аристократов. И примитивен. Как ребенок злится на взрослых, Сэм злился на высшее знание, которым обладали эти люди с красивыми лицами.

– Садись, – указала на подушку Кедре, и Сэм неуклюже опустился, принял напиток и посмотрел на хозяев с неприязнью, которую и не пытался скрыть.

Да и зачем скрывать?

Кедре сказала:

– Я думала о вольном компаньоне, когда вела сюда этого человека. Ты… Как тебя зовут? Или я сама должна придумать тебе имя?

Сэм угрюмо назвался. Она удобно устроилась на подушках; золотые браслеты мягко блеснули, когда ее рука подняла бокал. Кедре выглядела абсолютно безмятежной, но Сэм улавливал легкое напряжение. Интересно, подумал он, улавливают ли другие?

– Пожалуй, нужно сразу сказать тебе, Сэм Рид, что вот уже двадцать лет я живу в созерцании.

Сэм знал, что она имеет в виду. Нечто вроде интеллектуального женского монашества, высокую религию

разума. Послушница отрекается от мира, стремясь найти… то, для чего и слова-то нет? Нирвану? Нет… Стазис? Может, мир? Равновесие?

Он знал о бессмертных немало – вероятно, куда больше, чем, по их мнению, полагалось знать простолюдину. Он понимал – насколько может понимать короткоживущий, – как совершенна жизнь, которая будет продолжаться тысячу лет. Успеет сформироваться очень необычный характер – огромная и сложная мозаика из фрагментов такой же величины, что и те, которые составляют самую обычную жизнь. Ты можешь прожить тысячу лет, но секунда – это всегда секунда. А периоды созерцания нужны, чтобы сохранить душевное равновесие.

– И чем же вам не угодил этот вольный компаньон? – резко спросил Сэм.

Он знал, что общественный интерес в последнее время сосредоточился на Робине Хейле, последнем воине, окружив его искусственным ореолом славы. Глубокая неудовлетворенность, вызывавшая стремление ко всему примитивному, привела к тому, что проект бывшего вольного компаньона – колонизация поверхности – овладел умами. Всем не терпится приступить к его реализации… Вернее, всем так кажется, пока проект остается на бумаге. Когда же дойдет до настоящей борьбы с дикой бестией – континентальной Венерой… Реалисты подозревали, что энтузиазм быстро остынет. Но сейчас идея крестового похода все сильнее разжигала иррациональный ажиотаж.

– Чем он нам не угодил? – повторил Захария Харкер. – Тем, что его затея обречена на провал. А вы, Сэм Рид, считаете иначе?

Сэм посмотрел на него, насупив рыжие брови. Потом хмыкнул и отрицательно покачал головой, решив не тратить слов. Его все сильнее подмывало вызвать разногласия у этих лощеных бессмертных.

– Выйдя из созерцания, – сказала Кедре, – я обнаружила, что проект Вольных Компаний – самое интересное из случившегося. И самое опасное. По многим причинам мы считаем, что в настоящее время попытка колонизации будет гибельной.

– Почему? – буркнул Сэм.

Захария Харкер склонился к столику, чтобы поставить напиток.

– Мы еще не созрели для этого, – спокойно произнес он. – Требуется тщательное планирование, технологическая и психологическая подготовка. Не забывай, Сэм: мы угасающая раса. Мы не можем позволить себе ошибку. Этот проект обречен на фиаско. Нельзя дать ему ни шанса. – Он поднял голову и задумчиво посмотрел на Сэма.

Сэм сощурился. У него появилось неприятное чувство, будто эти спокойные мудрые глаза могут прочесть на его лице то, что он предпочел бы скрыть. Он не понимает этих людей. Они слишком долго прожили. Возможно, слишком много знают.

Он спросил напрямик:

– Хотите, чтобы я убил его?

В кабинке на миг повисла тишина. У Сэма появилось ощущение, что этого вопроса от него не ждали, что они не намеревались зайти так далеко. Казалось, бессмертные молча разговаривают друг с другом, быстро обмениваются мыслями. Может, и впрямь люди, прожившие века, наработали навык чтения мыслей, хотя бы по работе лицевой мускулатуры?

И вот трое бессмертных, похоже, пришли к решению втайне от Сэма.

– Да, – сказала Кедре. – Да, убей, если сможешь.

– Это самый лучший выход из ситуации, – медленно добавил Захария. – Сделайте это сейчас… не позднее чем через сорок восемь часов. События развиваются слишком быстро. Если убрать Хейла сегодня, некому будет занять его место – место лидера. Завтра, возможно, кто-нибудь найдется. Вы справитесь с этим, Сэм Рид?

Сэм презрительно спросил:

– Неужели вы настолько глупы? Или знаете обо мне больше, чем я думаю?

Кедре рассмеялась:

– Кое-что знаем. Три дня прошло, дорогой. Неужели ты думаешь, что я вовлекла бы в это дело человека, о котором мне ничего не известно? В первый же вечер я выяснила твою фамилию. Уже утром у меня были подробные сведения. Я поняла, что тебе можно дать такой заказ. Ты справишься, если хорошо заплатим.

Сэм вспыхнул. Теперь он ненавидел эту женщину осознанно. Да и кому может понравиться, что из него сделали дурака?

– Вам это обойдется вдвое дороже, чем заплатил бы любой другой потенциальный заказчик в башне. – И он назвал очень высокую цену.

– Ну уж нет! – возмутился Захария. – Да за такие деньги…

– Захария, успокойся, – подняла руку Кедре. – Я заплачу. У меня есть причина.

Сэм обеспокоенно взглянул на нее. Эта причина легко читались на ее лице. Захария оторопело заморгал. Он-то надеялся, что их брак без обязательств, прервавшийся, когда Кедре погрузилась в созерцание, вскоре возобновится. Но, видя, как она смотрит на Сэма, Захария понял, что это случится не

скоро.

Сари наклонилась вперед и положила бледную, узкую ладонь на его руку.

– Захария, – заговорила она предостерегающим тоном собственницы, – пусть она делает что хочет, дорогой. Времени хватит на все.

Бабушка и внучка – практически зеркальные отражения друг друга – обменялись взглядами, в которых Сэм, ничего не пропускавший, прочел и ревность, и понимание.

– Взгляните туда. – Захария вытянул руку, и стена стала прозрачной.

Одна кабинка держалась вдали от скопления себе подобных, и в ней сидел мужчина. Он был высок, худ, смугл и хмур и носил коричневый костюм тусклого оттенка.

– Он здесь уже два часа, – пояснил Захария.

– Я его знаю. – Сэм встал, и пол слегка качнулся от этого движения. – Спустите меня на площадку. Я займусь им.

Он нашел свободное место возле барной стойки и заказал выпивку. Бармен посмотрел человека с откровенно плебейской внешностью неласково: здесь отдыхали бессмертные и сливки общества смертных. Но мрачное лицо посетителя и его властный тон встревожили бармена, и, пробормотав «Да, сэр», он подал заказ.

Сэм просидел долго. Он еще дважды брал выпивку, а огромная раковина гудела и вращалась над ним, и толпа заполняла ее музыкой и невнятным шепотом. Сэм следил за кабинкой с коричневым силуэтом внутри, бесцельно плывшей по широкому кругу. Он ждал, когда бессмертный спустится, и в его голове стремительно проносились мысли.

Ему было очень не по себе. Опасно вмешиваться в дела бессмертных, даже если это голая политика. А уж вовлекаться эмоционально – чистой воды самоубийство. У Сэма не было никаких иллюзий насчет шансов выжить после того, как он станет не нужен. Он помнил, с каким задумчивым выражением рассматривал его Захария Харкер…

К тому моменту, когда кабинка вольного компаньона опустилась, Сэм Рид уже принял решение. Он заявил без околичностей:

– Хейл, меня только что наняли, чтобы убить вас.

Спустя час, когда банда Шеффилда вышла на след Сэма, они с Хейлом покидали Небо.

Сэм Рид никогда бы не продвинулся так далеко в своей

карьере, если бы не обладал талантом убеждать людей.

Робин Хейл очень часто становился целью мастеров убеждения с тех пор, как огласил свой проект, и умел давать им укорот. Но сейчас молчаливо заговорила кровь Харкеров, вызвав отклик у бессмертного Хейла. И хотя Сэм объяснил успех своим ораторским искусством, на самом деле сработала глубинная уверенность, доставшаяся ему от бессмертных предков.

Сэм говорил очень быстро и в то же время спокойно. Он знал, что отныне его жизнь и жизнь Хейла крепко связаны одной веревочкой, причем очень короткой – длиной в сорок восемь часов. Пока не истек этот срок, они в безопасности. А потом обоим придется умереть, если они не придумают нечто чрезвычайно умное. Голос Сэма, объяснявшего это, был полон искренней убежденности.

В этот момент их обнаружили парни Шеффилда. Двое вышли из портала Неба и ступили на ленту медленно движущегося Пути. Здесь толпа на мгновение разделила Сэма и Хейла. Проталкиваясь к спутнику, Сэм слишком поздно увидел поднесенную к его лицу черную грушу – и вдохнул тошнотворно пахнущую пудру, не успев задержать дыхание.

Кто-то схватил его за руку.

Все вокруг замедлилось и остановилось.

Его повели по Пути. Фонари и лампы бросали пятна света на улицу, пока она не повернула. Здесь огни слились в один сгусток гипнотически окрашенного света. Путь мягко скользил и светился, ароматные дымы клубились, образуя туманные ограждения. Но Сэму все это виделось статичным. Смутно он осознавал, что сам допустил роковую ошибку – позволил Кедре отвлечь себя. Взялся за новое дело, не закончив старое, которое требовало полной сосредоточенности. И за это он теперь расплачивается.

Вдруг что-то похожее на медленный вихрь нарушило ровное движение Пути. Сэм смутно воспринимал толчки, крики, удары кулаков. Он не успевал рассмотреть лица, но снова и снова узнавал лицо вольного компаньона; оно накладывалась на другие – смутно знакомые, орущие. Будто во сне он видел, как обладатели этих других лиц отступают на медленно движущийся съезд, как проносятся обочь ускорившегося Пути огни освещения. Робин Хейл схватил Сэма за руку, и тот позволил вести себя. Сэм перемещался в пространстве и в то же время оставался неподвижен. Его мозг почти прекратил функционировать. Сэм едва замечал, как они переходят на пандус и поднимаются к одной из гидропонных ферм, как Хейл со звоном бросает на ладонь дежурному монеты. И вот он стоит перед резервуаром, в

котором теснится тяжелая серо-зеленая листва.

Откуда-то издалека доносился голос Хейла:

– Обычно он растет на этом кустарнике. Будем надеяться, вам не успели дать слишком большую дозу. Иначе уже ничего не поможет. Вот! – Раздался звук скребущих ногтей, затем Хейл растер в ладонях какой-то голубоватый лишайник и бросил порошок Сэму в лицо.

Внезапно все кругом бешено ускорилось, сразу войдя в ритм с чиханием Сэма. Жалящая боль возникла в лобных пазухах и добралась до мозга. Там она взорвалась, но уже в следующий миг исчезла.

Потея и дрожа, Сэм обнаружил, что снова может говорить. Время и движения стали нормальными, и он, растерянно моргая, уставился на Хейла.

– Все в порядке? – спросил вольный компаньон.

– Да… кажется. – Сэм вытер глаза.

– Что это было? – равнодушно спросил Хейл.

– Моя ошибка, – коротко ответил Сэм. – Личное дело. Займусь им позже, если выживу.

Хейл рассмеялся:

– Идемте ко мне. Хочу с вами поговорить.

– Они не понимают, что их ждет, – угрюмо произнес вольный компаньон. – Никого не получается убедить. Все грезят романтическим крестовым походом, но хоть бы один из тысячи ступил на сухую землю.

– Убедите меня, – предложил Сэм.

– Я виделся с Логиком, – сказал Хейл. – Крестовый поход – это его идея. Я за нее ухватился, мне требовалось хоть что-нибудь. А теперь начинаю ее бояться. Она уходит из моих рук. Люди слишком эмоциональны, они по натуре авантюристы. Идут и идут ко мне, точно нищие, и клянчат романтики. Но все, что я могу им обещать, – это лишения, каких им даже не вообразить, и надежда на успех для следующих поколений. Наш народ приобрел это качество за века, прожитые в башнях. Может, дело в том, что подводные горизонты слишком узки. Что происходит за ними, мы не знаем. Мы не видим дальше собственного носа. – Он добавил с улыбкой: – Я несу не мир, но меч. И мне никто не верит.

– Я никогда не был наверху, – сказал Сэм. – Каково там?

– Вы, как и большинство людей, видели съемки с самолетов. Вот только смотреть сверху – это неправильно. С высоты джунгли выглядят довольно мило, но если поставить камеру внизу, на болоте, чтобы она показала и грязевых волков, внезапно

выпрыгивающих из тины, и хлещущие ядом ветви… Если это сделать, вся затея с колонизацией тотчас рухнет. – Он пожал плечами. – Знаете, я уже начинал в старом форте Дун, – продолжал он. – Но туда снова вернулись джунгли. Защитные барьеры теперь бесполезны, грандиозная технология мертва. В старых стенах полно червей, змей и ядовитых кустарников. Мы расчистили место, но не смогли его удержать – на это у нас просто-напросто нет ресурсов. Лишайники разъедают и дерево, и стекло, и сталь, и плоть, а кроме лишайников еще столько всякого… Мы очень мало знаем о джунглях. Здесь, на Венере, у экологии нет земных аналогов. Да что толку просто удерживать аванпост? Он должен сам себя обеспечивать.

– Для колонизации нужны деньги и поддержка власть имущих, – напомнил Сэм Хейлу. – Семьи теперь категорически против.

– Знаю. Думаю, они не правы. И Логик тоже.

– Вы занимаетесь этим один?

Хейл кивнул:

– Пока что да.

– Но почему? Хороший пиарщик мог бы вам помочь.

– Где взять хорошего пиарщика? Да если бы он и нашелся… Я не стану мошенничать, Рид. Для меня это крестовый поход. Как можно довериться человеку, который возьмется за этот гуж, зная правду?

В мозгу у Сэма возникла идея и стала быстро приобретать элегантную форму. Он спросил:

– А мне вы сможете довериться?

– С чего бы?

Сэм напряг память: много ли правды он успел открыть Хейлу? Не слишком много. Можно продолжать без опаски.

– Ведь я рискнул головой, чтобы вас предупредить. Если бы выполнил заказ Харкеров, то сейчас купался бы в деньгах. Но этого не произошло. Я еще не объяснил вам почему. Я хочу принять участие в осуществлении вашего плана. Не стану отрицать, что смогу заработать на этом, но это будут совсем не те деньги, что я получил бы за убийство.

– Я только что вам сказал: мой проект нереализуем, – проговорил Хейл.

Но его глаза блеснули.

«Попался!» – подумал Сэм, а вслух произнес:

– Думаю, вы ошибаетесь. Думаю, вам нужна мощная поддержка, и я могу ее обеспечить. Мы дадим крестоносцам другую цель, отвлекающую, – то, чего они смогли бы достичь на своем веку. И это не будет обманом. Что скажете?

Хейл задумчиво пощипывал подбородок. Наконец он встал:

– Идемте к Логику.

Сэм боялся Логика, не желал подставлять свою истинную мотивацию под луч мощного разума. Но Хейл, даром что романтик по натуре, имел за плечами несколько веков опыта. Спор продлился больше часа.

А потом Сэм отправился с Хейлом к Логику.

К ним обратился сияющий белый шар, лежащий на железном пьедестале:

– Я говорил вам, Хейл, что не могу предсказывать будущее.

– Но вы знаете верные ответы.

– Верный для многих ответ может оказаться неверным для Сэма Рида.

Сэм беспокойно зашевелился.

– Тогда пусть будут два ответа, – сказал он.

Он думал, что разговаривает с машиной, и поэтому слегка ослабил бдительность, ведь машины – не люди. Волей-неволей ему пришлось сообщить затребованные шаром данные. Теперь он настороженно ждал, чувствуя, как истекают минуты, оставшиеся до назначенного срока. Кедре и Захария Харкер все еще ждут сообщения о смерти вольного компаньона.

В серебряном шаре плавали тени – искаженные отражения длинного лица с неизменной саркастической миной. Робин Хейл улавливал сходство, но знал, что человеку, не знающему секрета, эти тени ничего не скажут.

– Жители башен не годятся для покорения дикой природы, – сказал Логик через некоторое время. – Вам нужны добровольцы из заключенных.

– Нам нужны хорошие люди, – возразил Хейл.

– Большинство преступников – хорошие люди. Они просто оказались не в своей социальной группе или не в своем времени. Любой антисоциальный индивидуум может стать просоциальным в надлежащем окружении. Бунтари и преступники вас не подведут. Вам понадобятся геологи, природоведы, биологи.

– Придется платить огромные деньги, чтобы получить хотя бы второсортных специалистов, – проворчал Сэм.

– Не придется. Вы удивитесь, обнаружив, как много недовольных даже среди лучших специалистов. Башни – слишком ограниченные миры. Хороший работник не бывает счастлив, если не может использовать свои возможности полностью. А кто из жителей башен имел полную свободу творчества с тех пор, как был покорен подводный мир?

– Так вы полагаете, что мы можем действовать? – спросил

Хейл.

– Если вам с Ридом удастся избавиться от непосредственной угрозы, обратитесь ко мне снова.

– Хейл сказал мне, – вмешался Сэм, – что Логик не согласен с семьями насчет колонизации. Почему же вы не хотите принять нашу сторону?

В шаре зашевелились тени – Логик качал головой:

– Я не всемогущ. Семьи хотят как лучше, у них есть возможность заглядывать далеко вперед. Считается, что Совет абсолютно независим, но за ним стоят семьи, они формируют политику, интригами и влиянием определяют решения Совета, а потом следят, чтобы эти решения выполнялись. Номинально башнями правят Советы и губернаторы. В действительности же власть принадлежит бессмертным. У них все в порядке с социальной ответственностью, но они безжалостны. Законы, которые они проталкивают, короткоживущим могут показаться слишком жестокими, но внуки жертв этих законов должны благодарить бессмертных за их твердость. С точки зрения семей, общее благо требует долгого срока. Думаю, в этом случае они ошибаются. Народ быстро идет к упадку. Семьи считают, что мы не выдержим еще одной попытки колонизации. Что мы даже не предпримем ее – для этого нет ни ресурсов, ни воли. Нельзя ждать, когда они насторожатся, когда решат, что успех не исключен. Повторяю: они заблуждаются. Катастрофа надвигается быстрей, чем им кажется. Ждать их согласия нам пришлось бы слишком долго… Но этой планетой правят семьи, а не Логик. Я слишком часто оппонировал им в других вопросах, и теперь они не верят мне. Считают, что я во всем против них.

Робин Хейл пока ничего нового для себя не услышал. Когда шар умолк, он нетерпеливо спросил:

– Можете дать нам прогноз, Логик? Есть у нас шансы на успех?

Некоторое время Логик молчал, затем раздался неожиданный звук – хихиканье, перешедшее в хохот. Хейла это удивило, а Сэма Рида изумило. Невероятно, что машина способна смеяться.

– Хейл, поверхность должна быть колонизирована, – сказал Логик, все еще смеясь, – и у вас есть шанс. Хороший шанс. Очень хороший, если с вами Рид. Вот и все, что я могу сказать, друг мой. Думаю, этого достаточно.

Сэм замер, глядя на тени, плавающие в шаре. Все его умопостроения мигом перемешались в голове. Неужели Логик шарлатан? Неужели он предлагает лишь догадки? И если он ошибся относительно Сэма, какова цена остальных его слов?

– Спасибо, Логик, – проговорил вольный компаньон.

Сэм удивленно взглянул на Робина Хейла. Почему он благодарит машину, да еще ту, которая только что доказала свою несостоятельность?

Шар глухо захихикал, когда люди повернулись, чтобы уйти. Хихиканье переросло в хохот, который сопровождал их по всему залу. В хохоте звучали одновременно симпатия и ирония.

Логик с высоты своего тысячелетнего опыта насмехался над будущим Сэма Рида…

– Если вам удастся избавиться от непосредственной угрозы… – процитировал Рид Логика.

Они сидели за прозрачным пластиковым столом, покрытым толстым слоем пыли, в сумрачной комнате Щипача. Пока они здесь, опасность им не угрожает, но нельзя же прятаться целую вечность.

Сэм подумал о том, скольким же тайным слугам семей поручено следить за передвижением его и Хейла.

– Есть идеи? – спросил Хейл.

– Вы не очень-то обеспокоены. В чем дело? Не верите мне?

– Отчего же? Спору нет, меня не могла не насторожить встреча с незнакомцем, который подошел ко мне в толпе и заявил, что нанялся убить меня. Чем не легенда, чтобы втереться в доверие? Но я уже ожидал решительных ходов со стороны семей… и я верю Логику. Ну так что же, есть у вас какие-нибудь идеи?

Сэм смотрел на собеседника, хмуря рыжие брови. Он был готов возненавидеть Хейла за уступчивость. Он рассчитывал на нее, нуждался в ней, но ему не нравилась мотивация вольного компаньона. Почему Хейл с такой легкостью ставит успех или неуспех своего крестового похода в зависимость от сомнительного продвиженца, каковую роль взял на себя Сэм? Пусть машина, опираясь на свою дефектную логику, дала благоприятный прогноз и пусть Хейл безоговорочно верит ей, есть еще один непреложный факт: Робин Хейл – бессмертный.

То, что сквозило в поведении Уолтон и Харкеров и что вызывало ненависть у Сэма, он заметил и у Хейла. Крайнюю самоуверенность. Этот человек – не раб времени; напротив, время служит ему. Прожив не одну сотню лет, он наверняка сталкивался практически со всеми социальными обстоятельствами, которые только могли возникнуть. У него было вдоволь времени для экспериментов, для тщательного анализа их результатов, для выработки оптимальной линии поведения в любых обстоятельствах.

Это несправедливо, с детской обидой подумал Сэм.

Проблемы, с которыми не суждено справиться короткоживущим, бессмертные, обладающие почти безграничными ресурсами, знают вдоль и поперек. Несправедливо и другое: там, где обычные люди вынуждены платить огромную цену или идти на мучительные компромиссы, бессмертные справляются благодаря простому ожиданию. Бессмертные так любят с уверенностью повторять: «И это пройдет…»

Следовательно, бессмертные – это неизвестные переменные. Они обладают протяженностью во времени – тем, чего короткоживущим не постичь. Чтобы постичь, надо прожить такую же долгую-предолгую жизнь…

Сэм глубоко вздохнул и ответил Хейлу уклончиво:

– Семьи – я имею в виду конкретно Уолтонов и Харкеров – не станут бить открыто. Они не хотят, чтобы общество осуждало их за вашу смерть. Массы им не страшны, потому что не организованы. Мятежей пока не случалось, потому что для них не было причин. Семьи правят справедливо. Лишь такая опасная перспектива, как ваш крестовый поход, способна лишить их гибкости, и тогда возникнет угроза восстания. Я надеюсь, это будет очень серьезная угроза: впервые массы смогут организоваться, воодушевившись идеей колонизации. – Он сощурил глаза, глядя на Хейла. – Есть у меня мысль, как этим воспользоваться, но… – Сэм посмотрел на стену, где висел пыльный телевизионный экран. – Пока я не могу объяснить.

– Хорошо. – Судя по тону, Хейл нисколько не волновался.

«Это вполне нормально», – сказал себе Сэм. У него резко ускорился пульс, стоило подумать, что для этого человека война – славная эпоха, оставшаяся в прошлом часть родовой истории. Его семья видела убийства и сама проливала кровь. Угроза смерти так давно знакома ему, что он смотрит ей в лицо без малейших колебаний. Сэм возненавидел его с новой силой.

– Тем не менее, – он заставил себя говорить ровно, – я предлагаю вам мое участие в крестовом походе. Вы готовы меня выслушать?

Хейл с улыбкой кивнул.

– Перед нами стоит уникальная проблема: необходимо привлечь людей. Не завербовать их, а воодушевить. Нужна рабочая сила, нужны администраторы, которые будут ею управлять. Администраторы стоят недешево, это во-первых. А во-вторых… Вы сможете их защитить?

– Только не от скуки. И не от некоторых враждебных факторов. К примеру, лишайник способен пробраться через вентиляцию и сожрать человека заживо. А еще есть микробы, мутирующие под воздействием ультрафиолета. Нас ждет вовсе не

развлекательная прогулка.

– Значит, нужен тщательный отбор. Привлечем недовольных. Тех, кто в ладах с техникой, но не преуспел в личной жизни.

– Согласен – до определенной степени. Что еще вы можете предложить?

Лаконичный ответ вызвал у Сэма неосознанное негодование. Подумалось, что этот человек уже знает большинство решений, что он ведет Сэма на поводу, экзаменует его, не без расчета на то, что у собеседника возникнут ценные идеи, которые можно будет использовать к собственной выгоде. И все-таки за уверенностью, за всем огромным опытом Хейла проглядывала иногда такая наивность, что Сэм не терял надежды. По сути своей Хейл был крестоносцем. По сути своей он был самоотверженным мечтателем. Но даже миллион прожитых лет не дал бы ему того, что Сэм получил при рождении. Да, попытаться стоит…

– Конечно, нам нужны не только недовольные, – продолжал Сэм. – Мы должны выяснить, чем именно они недовольны. У вас были техники в те времена, когда велись войны?

– Да, – кивнул Хейл. – Но за ними стояли традиции вольных компаньонов.

– Мы начнем новую традицию. Я пока не знаю какую. – Сэм задумался. – Вы имеете доступ к психозаписям и личным делам этих техников?

– Некоторые, должно быть, сохранились, и добраться до них, пожалуй, я смогу. Но зачем?

– На будущее. Думаю, ответ кроется в этом. Найдите факторы, способствовавшие их успеху. Воспользуйтесь мощными интегрирующими устройствами. Потом выясните факторы, которые влияют на настроения современных техников. Особое внимание уделите недовольным. Икс – это успешный техник военных времен. Плюс эквивалент прежней традиции. Найдите тех, у кого сегодня есть этот икс, и дайте им новую традицию. Я займусь пропагандой и смысловым наполнением. Все, что нам нужно, – это верно направить общественное мнение. Понадобится лозунг, символ, может быть, новый Петр Амьенский. У тогдашних крестоносцев с пиаром был полный порядок. Как решить проблему техников, я вам подсказал, а теперь что касается рабочей силы и финансовой поддержки. – Сэм посмотрел в спокойное лицо бессмертного и отвел взгляд, но продолжил: – Кого попало мы брать не можем, не так уж много сильных людей осталось у человеческой расы. Нам нужны те, кто не дрогнет при первой же опасности. Каждого потенциального колониста подвергнем очень строгому тестированию. При необходимости обманем их. Один набор ответов – для публики, другой – для нас.

Нельзя открыто отбраковывать человека из-за потенциальной трусости, иначе остальные откажутся проходить тест. Но мы должны знать.

– Ну что ж, неплохо, – сказал Хейл. – А деньги?

– Много их у вас?

Хейл пожал плечами:

– Гроши. У нас есть плацдарм, мы расчистили форт Дун. Но потребуются серьезные деньги, чтобы удержать его.

– Учредите компанию, продавайте акции. Люди вечно играют в азартные игры. Особенно если игра стоит свеч. Дивиденды, которые им нужны, – это не только деньги. Еще слава. Азарт. Романтика, по которой они стосковались. От романтики «из вторых рук» они тоже не откажутся.

– Станут ли отвергнутые добровольцы покупать акции?

Сэм рассмеялся:

– Не сомневаюсь. Каждая акция принесет дивиденды в форме тревог и волнений. Каждое событие в жизни колонистов будет показано по телевизору – и держателю акции не придется скучать.

Хейл бросил на собеседника взгляд, в котором смешались гнев и восхищение. Сэму даже показалось, что он уловил нечто вроде одобрения. Но ответ разочаровал его:

– Нет, не годится. Обманывать нехорошо. Колонизация – не римские каникулы для любителей острых ощущений. Я уже сказал вам: это тяжелая работа, рутина, мытарство. Никакой романтики.

– Но она может быть и увлекательной, – возразил Сэм. – Может и должна. Придется идти на компромиссы. Люди платят за волнующие новости. Что мешает поставить их на коммерческую ногу?

Хейл беспокойно пожал плечами:

– Мне это не нравится.

– Нравится, не нравится – это нужно сделать. Чисто теоретический вопрос: можно ли уже сейчас использовать что-нибудь из происходящего на поверхности?

После паузы Хейл ответил:

– У нас проблема с ходячим растением. Оно термотропичное, его привлекает температура человеческого тела. Рефрижераторные установки в джунглях его сдерживают, а еще можно применять что-нибудь зажигательное, например термитные шашки. Оно спешит к теплу и сгорает.

– Как оно выглядит?

Хейл описал. Сэм откинулся на стуле, довольный:

– То, что нужно. Нисколько не опасно, но производит

чертовски жуткое впечатление. Поможет нам с отбором добровольцев – напугаем их в первый же день. Ваши люди выключают рефрижераторы и дают растениям бой, а кто-нибудь стоит наготове с термитом, не попадая в кадр. Мы сообщаем, что растения прорвались, показываем «катастрофу» по телевизору… Это обязательно подействует.

– Нет, – повторил Хейл.

– Начало крестового похода надо сопроводить мощным пиаром, – проговорил Сэм.

Но решил не настаивать. Лишь указал, что они оба будут мертвы через шесть часов, если ничего не придумают. Он видел мерцание на стенном экране. Пора переходить к следующему вопросу повестки дня.

– Семьи найдут возможность избавиться от нас без своего видимого вмешательства. Например, заразят микробами. Чтобы этого не допустить, необходимо предпринять нечто экстраординарное. Моя идея в том, чтобы напрочь сбить их с толку. И прежде, чем они опомнятся, наш план начнет работать.

– Что вы предлагаете?

– Семьи очень заботятся о своем престиже, чтобы удерживать власть. Это реальная власть, хоть и не бросающаяся в глаза; ее залог – долголетие. Общество верит в ее незыблемость, потому-то бессмертные и остаются наверху. Ударьте по этой вере. Ударьте так, чтобы им пришлось защищаться.

– И каким же образом?

– Вы популярны. Харкер дал мне всего лишь сорок восемь часов, потому что боится, как бы кто-нибудь из ваших сторонников не занял вашего места, если вас выведут из игры. – Сэм ударил себя в грудь. – Этот сторонник – я, и не потому, что мне так хочется, а потому, что я вынужден спасать собственную шкуру. Но и для вас это выход. Мы разделим опасность пополам, если станем взаимозаменяемы. Пусть одного из нас убьют – это не сорвет крестовый поход.

– Но как, черт возьми, вы сумеете за считаные часы завоевать такую популярность? – Хейл был не на шутку заинтригован.

Сэм снисходительно ухмыльнулся и хлопнул ладонью по ножке своего стула. В стене открылось отверстие, вошел Щипач.

Он опустил свое громоздкое тело на стул и с любопытством взглянул на Хейла.

Сэм заговорил:

– Первое: за мной охотится банда Шеффилда. Сейчас я не могу себе позволить борьбу с ней, у меня есть дело поважнее. Сможешь отвлечь ее?

– Попробую, – ответил Щипач.

Это была гарантия. Старый ловчила все еще был главным авторитетом в криминальном мире башен.

– Спасибо. – Сэм развернулся вместе с креслом, чтобы смотреть Щипачу в лицо. – Теперь самое насущное. Нужно быстро подделать звуковую дорожку.

– Это легко, – уверил его Щипач, чихнув.

– И чтобы лица соответствовали.

– Это труднее. Чьи лица?

– Захарии Харкера и любого из Харкеров или Уолтонов. Но Захарии обязательно.

Щипач впился в Сэма взглядом, даже забыв чихнуть.

– Харкер? – переспросил он. И вдруг расчихался. – Что ж, устрою. Но обойдется недешево. К какому сроку?

Подделка звукозаписи – невероятно старый трюк, почти такой же старый, как сама звукозапись. Нужен минимальный навык, чтобы вырезать слова и расставить их в новой последовательности. Но лишь недавно была создана техника, позволяющая фальсифицировать речь целиком. Требуется очень искусный и опытный оператор, чтобы разложить речь на звуковые компоненты и затем из этих компонентов соорудить совершенно новый фрагмент речи. Перевести с одного языка на другой нельзя из-за различий в артикуляции, но из отрезка речи достаточной длины можно извлечь все необходимое, чтобы сконструировать любую фразу.

Отсюда, конечно, далеко до подделки изображения говорящего. Движение губ, артикулирующих звук, делится на крошечные отрезки, затем создается другое движение и сопоставляется со звуком. Результат поразителен для уха и глаза.

Конечно, приходится многократно расширять и сокращать, чтобы лицевая мимика, запечатлевавшаяся в разные моменты, соответствовала имитированной речи.

Уже разрабатывается технология, позволяющая сразу подстраивать артикуляцию под речь. Для этого из двухмерных полных профилей лица или профилей на три четверти создается объемное изображение и фотографируется заново. И тем не менее требуется высочайшее мастерство, чтобы довести результат до нужной степени убедительности.

У Щипача был выход на такого специалиста, большого знатока своего дела. В хранилище имелось достаточное количество записей выступлений Харкеров и Уолтонов. Но Сэм знал, что его затея исключительно опасна.

С другой стороны, у него не было выбора. Потребовалось пять часов, чтобы уговорить Хейла. Вначале Сэм убедил его, что нельзя

легкомысленно относиться к непосредственной угрозе. В здание, где они скрываются, в любой момент могут ворваться агенты семей; с этим Хейл не спорил. Куда сложнее было внушить ему, что Сэму можно доверять. Это удалось благодаря применению устройства, сопоставляющего аргументы Сэма с реакцией его кровеносной системы на сознательную ложь. Сэму пришлось мобилизовать всю свою изворотливость, поскольку ему было что скрывать.

– Мы с вами без пяти минут покойники, – говорил он Хейлу, а стрелки полиграфа показывали, что он не лукавит. – Разумеется, это опасный план. Возможно, даже самоубийственный. Но раз уж мне предстоит умереть, я не намерен сдаться без боя. Это наш единственный шанс, конечно, если вы не предложите что-нибудь получше. Есть идеи?

У бессмертного их не было.

Вечером по телевизору сообщили: сейчас Робин Хейл сделает важное заявление насчет колонии. Повсюду в башнях зажигались экраны. Люди ждали, не подозревая, что на самом деле им предстоит увидеть сфальсифицированную запись выступления Харкеров и Уолтонов.

У бессмертных никогда не было по-настоящему личной жизни, а Щипач располагал агентурной сетью, действовавшей весьма эффективно. Слух о том, что выступит не только Хейл, но и бессмертные, подогрел общественный интерес.

И вот на больших публичных экранах и на бесчисленных малых частных появилось лицо Робина Хейла. Одетый для пребывания на поверхности, он говорил неохотно и торопливо, и это придавало его словам особую убедительность.

Он заявил, что собирался подробно изложить великолепную идею его друга Сэма Рида, позволяющую безотлагательно начать колонизацию. Но на поверхности произошли непредвиденные события, и его срочно вызвали туда. Люди, которым угрожает новая смертельная опасность, хотят воспользоваться опытом старого вольного компаньона. Затем он четко отдал зрителям честь и исчез с экранов.

Появилось лицо Захарии Харкера. Потребовалось бы нечто большее, чем опытный глаз эксперта, чтобы уловить мельчайшие несоответствия, выдававшие синтез звуковых и световых волн. Даже Захария, глядевший на экран, едва не поверил, что говорит он сам: каждый звук, каждое движение были естественными.

Синтетическая речь была высшим достижением семантики. Верный своим принципам Сэм, пускаясь в опасную авантюру, не только страховал себя и Хейла, но и продвигал проект

колонизации.

Харкер назвал имя Сэма Рида, и тот, скромно войдя в кадр, стал позади бессмертного, охарактеризовавшего его как общественного деятеля и смелого филантропа, не жалеющего сил и средств для того, чтобы колонизация осуществилась.

Сэм Рид, человек из народа, живущий недолго, но видящий далеко, пойдет за Робином Хейлом и поведет романтиков и энтузиастов в великий крестовый поход. Будущее человеческой расы – на поверхности планеты. Даже нас, Харкеров, сказал Захария, в конце концов убедила логика Сэма и Хейла. Впереди грандиозное приключение. Скоро начнется набор добровольцев. Per aspera ad astra![63]

Он говорил об опасности. Вдавался в детали, тщательно подбирая слова. Старался вызвать недовольство публики, намекая на застой в башнях, на ускорившуюся деградацию населения, на повысившуюся восприимчивость к болезням. А хуже всего то, что человек перестал эволюционировать. Ведь цель человечества – не прозябание в башнях. Великая цивилизация Земли не должна найти свой конец в морях плодородной планеты. Ad astra!

Захария исчез с экрана, и вперед выступил Сэм, чтобы сказать главное. Под маской спокойствия он прятал сильное волнение и нервозность. Сделав решающий шаг, он мучился сомнениями. Что сделают Харкеры, узнав, как фантастически их обвели вокруг пальца? Как дерзко их глубочайшие убеждения были извращены и обращены против них же на виду у всех башен? Должно быть, Харкеры уже действуют – семьи умеют реагировать быстро. И неизвестно, какие меры они принимают.

С экрана Сэм говорил спокойно и убежденно. Он подчеркнул, что принять участие в крестовом походе может любой, внести вклад если не личным трудом, то финансовой поддержкой. Красочно описал, какие опасности и лишения ждут человека на поверхности. А значит, только самым храбрым и стойким следует идти в добровольцы. Эффектно завершая свою речь, он сделал главное заявление.

То, что до сегодняшнего дня могло принадлежать только богатым, теперь предлагается всем, кто послужит величайшему делу человечества. Каждый спонсор будет знать, на что расходуются его деньги, и самым непосредственным образом следить за волнующими событиями на поверхности.

– Взгляните!

На экране появилось пестрое изображение джунглей и с головокружительной быстротой взмыло к зрителю. Круг бархатно-черной грязи был испещрен, как цветочным узором, кронами деревьев. Когда он приблизился, стала видна

переливчатая змея, скользящая по черному болоту. В следующий миг жижа взорвалась и челюсти грязевого волка сомкнулись на теле змеи. Рыча и неистово расплескивая грязь, сражающиеся исчезли из виду, и бархатная топь успокоилась, только круги пробегали по ней да розовые пузыри вспухали и глухо лопались, и этот звук слышался во всех башнях.

Сэм поблагодарил аудиторию и попросил потенциальных добровольцев потерпеть еще несколько дней, пока формируется первая отборочная комиссия. Он заметил с вызывающей скромностью, что надеется заслужить доверие общества честным служением ему и вольному компаньону, который передал ему все дела в башнях, а сам сражается на поверхности, в джунглях, которые он так хорошо знает.

– Мы все, – закончил Сэм, – скоро станем очевидцами этой борьбы, и теперь уже не чудовищам, а людям будем сочувствовать – людям, бесстрашно пытающимся завоевать Венеру, как наши предки некогда завоевали Старую Землю…

Семьи ничего не предпринимали.

И это очень сильно тревожило Сэма. Потому что ему не с чем было бороться. Конечно же, он не доверял тишине. Попытки проинтервьюировать кого-нибудь из бессмертных по вопросу, занимавшему все умы, ни к чему не привели. Бессмертные улыбались, кивали, но отказывались давать комментарии.

Однако планы осуществлялись с головокружительной быстротой. В конце концов, говорил себе Сэм, что могут сделать Харкеры? Заявить во всеуслышание, что захватывающая новая игра способна привести к катастрофе? Но нельзя дать ребенку погремушку, а потом отобрать ее, не вызвав истошного визга. Обитатели башен гораздо опаснее детей, и они привыкли к тому, что семьи держат их в отеческих объятиях. Лишив их этой опоры, нужно ждать неприятностей.

Сэм знал, что выиграл лишь гамбит, но не партию. Однако у него было слишком много забот, чтобы беспокоиться о будущем. Конечно, весь план – сплошное мошенничество. Но ведь так было задумано с самого начала. Парадоксально, но Сэм надеялся на рассудительность Харкеров. Они полагают, что попытка колонизации не удастся. Наверняка они правы. Логик считает иначе, и обычно он не ошибается. Разве может ошибаться машина? Но машина очень грубо ошиблась в оценке Сэма, так что стоит ли вообще полагаться на нее?

Единственный способ реализовать задуманное – это гарантировать, что колонизация сорвется. Сэм охотится за большими деньгами. Публика завелась, она вовсю покупает, а он

вовсю продает.

Он продал триста процентов акций.

А теперь пузырь должен лопнуть. Если Сэм вложит деньги в строительство на поверхности, ничего не останется ему. Да и как можно выплатить дивиденды по тремстам процентам акций?!

Но на бумаге все выглядело прекрасно. В поисках новых источников снабжения расцветающая цивилизация стряхивала воду с гигантских плеч и широкими шагами устремлялась к берегу. Следующая задача – межпланетные и межзвездные полеты.

Ad astra – волшебный сон. Сэм выкачает из него все, что можно.

Прошло два месяца. Розат, как и прочие плоды успеха, сама упала ему в руки. Сэм продал все три квартиры и вместе с певицей нашел новое место, полное неслыханной роскоши. Окна выходили на гидропонный сад, цветущий так же пышно, хотя и не так опасно, как джунгли над головой. Из этих окон Сэм мог видеть огни всей башни, где каждый житель плясал под его дудку. Мир – шизоидная фантазия, мир – мечта мегаломана, мир – воплощенный волшебный сон. И все это – настоящее.

Сэм еще не осознавал случившегося, хотя, оглянувшись назад, он бы понял. Но его все быстрее кружил водоворот событий, уже вышедших из-под его контроля. Если бы у него было время сделать паузу, спокойно подумать и подвести итоги! Но времени не было.

Когда наступил финал, Розат сидела на пуфике у ног Сэма и тихо напевала. Юбки ее сине-фиолетового платья расстелились по полу, образовав круг, голова с прической-облаком склонилась над лирой.

– Войдя неспешно, тихо в дверь…

До чего же восхитительно взмыл ее нежный голос! Кто только не пробовал себя в исполнении старинных баллад, но куда им было состязаться с таким идеальным инструментом, как горло Розат!

– Она рекла: «Поверьте, о юный друг, что вам теперь…» – пропела она текучим голосом, и ее прервала музыкальная трель телевизора.

Сэм понял: дело важное, иначе бы его не тревожили в столь поздний час. Он неохотно встал.

Розат не подняла головы. Она сидела совершенно неподвижно, как будто звонок заморозил ее. Затем, не поднимая глаз, тронула струны лакированными ногтями и пропела

последнюю строчку:

– …Остался час до смерти»[64].

Сэм нажал кнопку, и появившееся на экране лицо едва не заставило его отшатнуться. Это была Кедре Уолтон, причем разъяренная. Бессмертная так резко придвинулась к экрану, что черные локоны взвились, точно змеи Медузы. Похоже, она разговаривала с кем-то, ожидая ответа на вызов, и ее гнев был адресован не только Сэму.

– Сэм Рид, ты болван, – без всякого вступления заявила она. Египетское спокойствие бесследно исчезло с узкого высокомерного лица, а в голосе не осталось даже высокомерия. – Неужели веришь, что тебе это сойдет с рук?

– Еще как сойдет, – пообещал Сэм.

Он не сомневался, что все идет точно по плану.

– Бедный глупец! Ты просто никогда не связывался с бессмертными. Наши планы реализуются медленно, мы можем себе это позволить. Но ты, надеюсь, не внушил себе, что Харкер оставит тебя в живых после того, что ты натворил? Он…

Голос за ее спиной произнес:

– Кедре, дорогая, позволь мне сказать самому. – И на экране появилось юношески гладкое лицо Захарии. Взгляд был задумчив. – Кое за что я должен поблагодарить вас, Рид, – продолжал бессмертный. – Вы действовали умно. У вас оказалось больше талантов, чем я ожидал. Вы заставили меня поднапрячься и тем самым доставили немалое удовольствие. К тому же вы поставили под удар Хейла и весь его амбициозный проект. Спасибо от всей души. Видите, я бываю честен, когда могу себе это позволить.

Это было лицо человека, глядящего на нечто неодушевленное, не вызывающее абсолютно никаких чувств. Глядящего из невообразимых глубин времени, пространства и опыта. У Сэма мороз пошел по коже – должно быть, для Харкера он уже все равно что покойник. То же самое, что разделяет живых и мертвых, разделяло Захарию Харкера и Сэма Рида.

И в этот момент глубочайшего прозрения, потрясшего все, чем жил и во что верил Сэм Рид, он осознал: так было задумано с самого начала. Харкер не сомневался, что Сэм переметнется к Хейлу, а потом и Хейла обведет вокруг пальца. Сэм станет звеном цепи – единственным слабым звеном, которое, лопнув, сорвет весь крестовый поход.

До сих пор Сэм был убежден, что никто не разоблачит его.

– Прощайте, Рид, – сказал ровный голос. – Кедре, дорогая, твоя очередь.

На экране снова появилось женское лицо. Кедре по-прежнему

сердилась, но, когда ее взгляд встретился со взглядом Сэма Рида, на длинных полуопущенных ресницах блеснули слезы.

– Прощай, Сэм, – сказала она. – Прощай.

Теперь ее синие глаза смотрели куда-то за его плечо.

Сэму хватило времени, чтобы повернуться и заметить угрозу, но не хватило, чтобы ее остановить.

Потому что Розат стояла за его спиной. И когда Сэм повернулся, ее пальцы оторвались от струн арфы и метнулись к его лицу.

Сэм ощутил сладкий и страшный запах; защипало в ноздрях. Он шатнулся к предательнице и вытянул руки, чтобы сломать ей шею, но она уплыла прочь, и вся комната закружилась, и вот уже Розат стоит и смотрит на него сверху, издалека, и в ее глазах тоже блестят слезы.

Аромат заглушил все чувства.

Сонная пыль, наркотик для безболезненного ухода из жизни.

Последнее, что Сэм увидел, – два женских лица, две пары влажных глаз.

Должно быть, эти женщины любят его, раз плачут. Но они вместе принесли ему гибель…

Сэм очнулся. В носу больше не щипало. Было темно. Он понял, что упирается плечом в стену, и неуклюже встал. Кругом темнота, лишь в отдалении чуть посветлее. Там выход из переулка, сообразил он. Мимо то и дело проходили невидимые люди. В ногах возникла боль. Что с обувью? Сэм обнаружил, что одет в лохмотья, башмаки расхлябаны, подметки в трещинах – он голой кожей касается дорожного покрытия. В смрадном воздухе ощущался аромат сонной пыли, которой его усыпили. Он заковылял к выходу из переулка. Прохожий взглянул на него с любопытством и отвращением. Сэм схватил его за воротник.

– Колония, – прохрипел он. – Ее открыли?

Прохожий сбросил его руку.

– Что еще за колония? – раздраженно спросил он.

– Колония! Колония на поверхности!

– А, вот ты о чем! – Прохожий рассмеялся. – Малость опоздал, приятель. – Очевидно, он решил, что Сэм пьян. – Ее уже давно открыли, теперь от нее мало что осталось.

– Когда?

– Сорок лет назад.

На выходе из переулка стоял торговый автомат. Сэм доплелся до него и, чтобы не упасть, вцепился в рукоятку рычага. Обмякшие колени совсем не держали.

В зеркальном корпусе автомата он увидел вечно юное, рыжебровое, без единой морщинки лицо Сэма Харкера.

– Сорок лет… – Сорок лет… – бормотал Сэм Харкер.

Часть вторая

И в самом деле: есть еще время
Туману желтому красться вдоль домов,
Почесывая спину о выступы углов.
Есть еще время, есть еще время
Для встречи новых лиц создать себе лицо.
Есть время и убить, и вновь создать,
Есть время для трудов и дней тех рук,
Что пред тобой вопрос на стол роняют…

Т. С. Элиот. Любовная песнь Дж. Альфреда Пруфрока.

Перевод Н. Берберовой

Город двигался мимо него медленно опускающейся спиралью. Сэм Харкер тупо смотрел, не воспринимая деталей. Мозг был слишком полон и в то же время слишком пуст, он просто-напросто отказывался соображать. Очень уж много на него навалилось. Начисто выпал из памяти промежуток между тем мгновением, когда Сэм увидел в стекле свое невероятно юное лицо, и мигом пробуждения.

Под разбитыми подметками слабо вибрировал Путь, и виды города, постепенно открывающиеся взору по мере продвижения спирали, были знакомы. Но не за что было уцепиться, не на чем сосредоточить потрясенный разум.

Нужно выпить, решил Сэм.

И даже эта мысль пришла тяжело, будто продралась по закисшим за сорок лет бездействия каналам. Ощупав рваные карманы, он убедился, что они пусты. Ни денег, ни памяти. Ни даже прошлого.

«Ничего не осталось? – вяло спросил он себя. – Ничего? – И впервые подумал о том, что увидел в зеркале. – Я бессмертный!»

Это не могло быть правдой. Это фантазия, навеянная сонной пылью. Но дрожащие пальцы осязают гладкость щек и твердость шейных мышц. Нет, это не фантазия. Это реальность. Значит, нереальность – прошедшие сорок лет. И тот прохожий солгал. Сэм припомнил, что человек глядел на него как-то странно. А может, это не случайный встречный? Может, незнакомец ждал Сэма, готовый уйти или остаться, в зависимости от того, как Сэм себя поведет?

Сэм попытался восстановить в памяти его лицо и не смог. Пятно, смотревшее на него и говорившее с ним. Но во взгляде был интерес, как будто не праздный, а прозвучавшие слова теперь не кажутся случайными.

Вот такой была первая сознательная мысль, сформировавшаяся в затуманенном мозгу Сэма, и ее воздействие оказалось очень сильным. Незнакомец находился в переулке по какой-то причине. И причина эта связана с Сэмом.

– Сорок лет? – пробормотал Сэм. – Что ж, это можно проверить.

Город выглядит совсем как прежде, но это не критерий. Башни не менялись никогда. Далеко впереди едва не касается зданий громадный шар – труп Земли в черном пластиковом саване. С его помощью Сэму удалось сориентироваться, и кругом все улицы и дома встали на свои места. Он знает город. Он знает, где те роскошные апартаменты с видом на блистающие дороги. Он помнит синеглазую девушку, бросившую ему в лицо порошок.

Будто наяву возникло лицо Кедре на экране, слезы на глазах, ее последний взгляд – безмолвный роковой приказ. Кедре и Розат. Значит, у него есть дело. Нет сомнений, что на самом деле не Кедре нанесла ему удар и не Розат. Захария Харкер, вот кто за всем этим стоит. Он поплатится. И Кедре, конечно, тоже. И Розат… Сэм сжал кулаки. Он верил Розат. Ее преступление самое тяжкое – предательство. Но постойте! Сорок лет? Может, время уже рассчиталось за него?

«Твое счастье, если ты уже мертва», – мысленно обратился Сэм к певице.

Прежде всего нужно узнать, который нынче год.

Движущаяся дорога несла Сэма к большому общественному экрану, – наверное, он прочитает дату, когда приблизится. Впрочем, в этом не было необходимости – Сэм ощущал минувшее время. Город остался прежним, но изменились люди. Слегка. Некоторые мужчины носят бороду – это новшество. У одежды более смелый покрой, чем прежде. Мода меняется в том же ритме, что и социальное устройство, не абы как, а по определенным законам. Уже одно это позволило бы определить срок, если бы четче работал мозг.

Путь медленно повернул, и появился край экрана. Сэм заметил, как мало людских взоров обращено к телевизору. А ведь было время, когда все вытягивали шею и толкали друг друга, стремясь поскорее узнать новости. Странно. Апатия, так резко контрастирующая с новым, крайне радикальным стилем одежды, читалась на каждом лице. Никто, кроме Сэма, не повернул голову, чтобы не упустить из виду изображение.

Значит, и вправду прошло сорок лет.

И вдруг будто взрыв полыхнул в середке его мозга. Бессмертие! Бессмертие! Все возможности, все опасности, вся слава расстелились перед ним, залитые ослепительным светом. Но вот сияние ослабло, и Сэм на мгновение испугался зрелости, этого дара, превосходящего все, о чем он когда-то мечтал. В тот же миг вернулись сомнения, и он стал неистово вспоминать, существует ли наркотик или какое-нибудь иное средство, способное вызвать подобную каталепсию, задержать на сорок лет старение организма. Ничего такого он не знал. Нет, мир вокруг него реален. Этого не может быть, и все же это правда.

Но бессмертие подождет. Сэм сухо рассмеялся. Уж с чем с чем, а с этим можно не спешить. Есть более срочные вопросы. С ним произошло нечто необыкновенное, и вот результат: сорок лет сна, затем бессмертие. Но что же было причиной?

Сонная пыль. Ее запах все еще держится в ноздрях. Вдобавок пересохло в горле – под языком зарождается жажда, которую не утолит никакой напиток.

«Нужно вылечиться. Прежде всего нужно вылечиться!»

Он знал свойства сонной пыли. Пострадавший от нее способен исцелиться, но очень легко возникает зависимость. Попав под власть этого зелья, освободиться уже невозможно. Не существует периода, в течение которого можно обратиться за помощью. Нужно, чтобы организм выработал антитела, а это занимает почти весь срок жизни. Но даже в этом случае вирус мутирует и ты снова погрузишься в сон, а потом умрешь.

Сэма охватила паника. Долго ли продлится бодрствование? В любой момент вирус атакует и заново обретенное сознание исчезнет. Что проку от бессмертия, если приходится все время спать?

Он должен вылечиться.

Стоило понять, что означает эта жажда, как она усилилась стократ. Лечение требует денег. Несколько тысяч кориум-кредитов, и это самое малое. А у него ни гроша. Бессмертие – величайшее из богатств, но этих так нежданно свалившихся на него бесчисленных лет запросто можно лишиться из-за отсутствия денег, материального богатства. Парадокс. Паника опасна, Сэм это знал. Он заставил себя успокоиться, собраться с мыслями. Что необходимо выяснить? Как затем поступить? Прежде всего надо разобраться с двумя вещами: бессмертием и наркотиком.

Деньги?

Их нет.

Бессмертие?

Оно сулит прекрасное будущее, но неизвестно, как можно распорядиться им сейчас. Поэтому пока надо держать его в тайне.

Каким образом?

Замаскироваться.

Под кого?

Под самого себя, разумеется. Под Сэма Рида, смертного. Под Сэма Рида, каким бы он выглядел в восьмидесятилетнем возрасте.

И тут опять встает проблема денег. Единственный способ их раздобыть – вспомнить старые навыки, вернуться к прежнему ремеслу. И при этом не раскрыть своей самой важной тайны. Вот уже в голове зашевелились мысли, как этой тайной воспользоваться. Позже. Времени потом будет вволю, если его хватит сейчас.

Но сначала – немного денег, немного сведений.

Сведения получить легче и безопасней. Так что в первую очередь надо заняться этим. Поскорее узнать, что случилось за четыре десятилетия в мире и что происходило с Сэмом, когда он исчез из публичной жизни. Ясно, что он перестал быть политической фигурой, но где же провел эти сорок лет?

Сэм свернул на перекрестке и направился к ближайшей библиотеке. По пути он размышлял о деньгах. Когда Розат бросила ему в лицо сонную пыль, он был очень богат. Некоторые вклады сделал на свое имя, но четыре крупные суммы – на предъявителя. Возможно, хоть один вклад сохранился в тайне. Вот только удастся ли получить эти деньги? Впрочем, если они ждали сорок лет, то подождут еще несколько часов.

Пока же у него не было даже нескольких центов, чтобы взять отдельную кабинку в библиотеке. Поэтому он устроился за длинным столом, пряча лицо за поглощающими звук перегородками, отделявшими его от соседей. Опустив взгляд на экран, нажал кнопку.

Перед ним разворачивался общий обзор новостей сорокалетней давности – за последнюю неделю, которую он помнил.

Рип Ван Винкль разобрался бы в ситуации, читая газеты двадцатилетней давности. Они бы рассказали, что произошло за эти годы, но не убедили бы его в прочности мира, в котором он проснулся. А сейчас во всей башне, на всей планете только старый дайджест мог дать прочную почву Сэму Риду. За пределами библиотеки его повсюду подстерегали опасности, потому что сильно изменился быт.

Больше всего это касалось моды, обычаев и сленга. Но такие перемены и заметить легче.

Перед Сэмом так ярко разворачивалось прошлое, что он едва ли не ощутил заново, как в нос ударил брошенная Розат сонная пыль. Стоило об этом подумать, и вернулась удушающая сухость в горле, напомнив о необходимости действовать быстро. Он нажал кнопку, и события ускорились.

Сэм Рид усыплен сонной пылью!

Тонкий голос из прошлого звучал в ушах, трехмерные картины мелькали на экране.

Сегодня завершилась карьера Сэма Рида, известного промоутера наземной колонии. К изумлению всех, кто его знает, он был обнаружен уснувшим под воздействием сонной пыли…

Здесь было все. Расследование, возбужденное после его очевидного самоубийства; скандал, когда вскрылась афера. Через четыре дня после исчезновения Сэма Рида мыльный пузырь строительства колонии лопнул.

Робин Хейл, вольный компаньон, не сделал никаких заявлений. Да и что он мог сказать?

Было продано триста процентов акций, и этот факт громче всех прочих говорил о том, что Рид сам не верил в успех колонии. Хейл предпринял единственно возможное: попытался успокоить бурю, как уже много раз ему приходилось делать на его долгом веку. Унимал бури, поднятые людьми в башнях, и природные бури на поверхности… Конечно, ничего не вышло. Слишком накалились страсти. Слишком многие люди успели поверить в успех.

Когда пузырь лопнул, не осталось почти ничего.

В основном позор пришелся на долю Сэма Рида. Он не только оказался шарлатаном – он трусливо сбежал: все бросил и скрылся в самоубийственном сне. И это, похоже, никого не удивило.

Поступок был нелогичен, но умники, освещавшие событие в прессе, не позволили обществу задуматься над этим. Будь колония заведомо обречена, Сэму следовало бы всего лишь залечь на дно и спокойно дождаться своих трехсот процентов прибыли. Самоубийство говорит о том, что он опасался успешной реализации проекта. Второй вариант не обсуждался – все решили, что Сэм, опасаясь разоблачения, избрал самый легкий выход.

В ходе расследования были найдены его тайные вклады. Оказывается, он спрятал деньги недостаточно тщательно. Дайджест новостей сообщал подробности этого поиска.

Сэм откинулся назад и растерянно заморгал в тусклом свете библиотеки.

Итак, он нищий.

Он видел за событиями сорокалетней давности руку Харкеров. Лицо Захарии встало перед ним, как будто и часа не

прошло после того рокового разговора, – гладкое улыбающееся лицо бога, следящего со своего облака за эфемерными успехами смертного. Захария, конечно же, знал, что делал. И это было лишь начало игры. Сэм в этой игре послужил пешкой, первой сделавшей ход и сброшенной с доски.

Он снова устремил взгляд на экран, чтобы узнать, какими были следующие ходы.

Сэм поразился, узнав, что Робин Хейл продолжил свое дело – основал наземную колонию почти без поддержки, но при активном противодействии врагов.

Да, колония жила, однако новостей о ней поступало удивительно мало.

У Сэма осталось одно-единственное оружие: свидетельство о праве на участок венерианской поверхности. Аннулировать его правительство не могло, да и не пыталось, поскольку украденные Сэмом деньги были благополучно возвращены. Что ж, это не так уж и мало.

Надо упорно двигаться вперед, строить далеко идущие планы, как это делают бессмертные. Он справится с насущными проблемами и начнет жизнь заново, и сойдется в бою с семьями, и отвоюет у них нынешнее поколение короткоживущих, как отвоевал тогдашнее…

Итак, колония существует. Но как же мало сведений поступает о ней…

В башне Делавэр произошло сенсационное убийство… С аншлагами идет новая пьеса, вся подводная Венера ломится за билетами… Сэм просматривал дайджест неделю за неделей и находил лишь кратчайшие сообщения о колонии. Конечно же, это не случайно: Харкеры знают, что делают.

Сэм выключил экран и задумался. Придется изменить первоначальный план, но не радикально. Он по-прежнему остро нуждается в деньгах.

Он судорожно сглотнул, перебарывая сухость в горле. Сбережения исчезли. Что же осталось? Только он сам, его опыт, его бесценная тайна, которую он пока не может открыть. А что еще? Документы на землю, оформленные на его имя сорок лет назад, действительны, по закону они не подлежат отмене. Но под своим именем он не рискнет продать это имущество, а под другим – не сможет. Ну, этим он займется позже.

Прежде всего – деньги. Губы Сэма сжались в тонкую прямую черту. Он встал и бодрым шагом вышел из библиотеки. Отправился на поиски оружия и жертвы. Грабежом не добудешь несколько тысяч кредитов без сложной подготовки, но если повезет, он отберет где-нибудь в переулке у прохожего десятку-

другую.

Ему повезло. И тому человеку, которого он оглушил, тоже, потому что череп не раскололся от удара носком, набитым камешками. Сэм действовал очень аккуратно и был приятно удивлен, обнаружив, что находится в гораздо лучшей физической форме, чем можно было ожидать. Большинство жертв сонной пыли становились к моменту своей кончины мумиями – мешками с костями. Еще одна загадка: как же он провел эти сонные десятилетия?

Снова Сэм вспомнил о том первом встречном. Была бы тогда голова ясной, он схватил бы незнакомца за горло и вытряс информацию. Ну да ладно, разобраться в ситуации он еще успеет.

С сорока тремя кредитами в кармане он направился в заведение, которое посещал сорок лет назад. Тамошний персонал привык держать язык за зубами и обслуживать споро, а в башнях не происходит быстрых изменений. По пути Сэму встретилось несколько больших новых салонов, где мужчинам и женщинам придавали идеальную красоту. Запросы явно повысились – щегольство бросалось в глаза на каждом шагу. Мужчины обзавелись тщательно завитыми бородами и кудрями. Сэму же требовались скромность и незаметность.

Он не удивился, увидев, что полулегальное заведение еще действует.

С дрожащими от напряжения нервами Сэм стоял перед входом. Не похоже, что кто-то опознал его по пути. Сорок лет назад его лицо было знакомо всем в башнях, но теперь…

Размышления в мозгу человека строятся по определенным схемам. Если ему на глаза попадется нечто знакомое, он автоматически решит, что это случайное сходство, не более того. Подсознание всегда толкает сознание по накатанным колеям опыта к наиболее логичному заключению. Иногда сходство оказывается не случайным, это вполне естественно. Но совершенно неестественно увидеть на Пути Сэма Рида, нисколько не изменившегося за сорок лет. Многие из тех, мимо кого он проезжал, родились после краха колонии и увидели изображение Сэма в детстве, когда он был им неинтересен. Те же, кто запомнил его, успели состариться, у них ослабло зрение, да и множество других лиц наложилось на тусклое воспоминание.

Нет, если что и грозит ему, то это роковая случайность.

Он прошел через стеклянную дверь и обратился к администратору с обычным заказом.

– Перманент? Или времянка?

– Времянка, – ответил Сэм после короткой паузы.

– Экспресс?

Так называлась быстрая смена внешности, популярная у клиентов этого заведения.

– Да.

Художник принялся за работу. Специализируясь на гримировке, он разбирался и в анатомии, и в психологии. Макушку Сэма он оставил лысой, рыжие ресницы и брови подкрасил и осветлил. Для бороды был выбран грязно-белый цвет.

Он изменил нос и уши Сэма так, как их изменило бы время. Наложив суррогатную ткань, сделал несколько морщин в нужных местах. Борода не скрыла лицо, и когда художник закончил, из зеркала на Сэма глядели сорок лишних лет нелегкой жизни.

– В экстренной ситуации, – посоветовал художник, – снимите бороду и измените выражение лица. Убрать суррогатную ткань быстро не получится, но можно разгладить морщины напряжением лицевых мышц. Пробуйте. – Он заставил Сэма тренироваться перед зеркалом, пока результат не удовлетворил обоих.

– Порядок, – сказал наконец Сэм. – Еще мне нужен костюм.

Решено было заменить только шляпу, плащ и башмаки. Простота и быстрота – вот факторы, определившие выбор. Каждый предмет одежды был непрост. Шляпа легко меняла форму. Плащ был темный, но из ткани настолько тонкой, что, сжатый в комок, помещался в кармане. Он мог скрыть то обстоятельство, что под ним не старческое тело. Обувь – неброского цвета, как шляпа, но в тусклых массивных пряжках скрывались пышные голубые банты.

Сэм вышел через черный ход, двигаясь неуклюже, как под бременем восьмидесяти лет. Он вернулся в библиотеку. Замечая свое отражение в окнах, решил, что маскировка хороша. Крепкий, здоровый старик. То, что надо.

Теперь нужно узнать события последнего времени.

В некотором смысле преступные группы похожи на стада, если посмотреть со стороны, как это сейчас делал Сэм. Они движутся туда, где есть корм, перемещаются с опустевшего пастбища на зеленое. Глядя на экран, Сэм видел, что криминальная деятельность изменилась слабо. Основа осталась прежней. Порок более устойчив к воздействию времени, чем добродетель.

Наконец Сэм обнаружил «зеленое пастбище». Он купил бутылочку водорастворимой красной краски и мощную дымовую шашку. Инструкция объясняла, как применить шашку в

гидропонном саду для уничтожения вредных насекомых. Сэм не читал – он уже пользовался этим средством раньше.

Теперь нужно было выбрать место для ловушки.

Для этого подходили два переулка, расположенные поблизости и выходящие на не слишком оживленный участок Пути. В одном из переулков, как помнил Сэм, был подвал. Сейчас, как и раньше, он пустовал. У входа Сэм спрятал несколько кусков металла размером с кулак, а в подвале – дымовую шашку.

Теперь можно сделать следующий шаг. Он не позволял себе думать, сколько еще будет этих шагов. Если все же возникала такая мысль, Сэм вспоминал, что теперь у него впереди вечность, и от этого приходил в ликующее, пьяное настроение, затмевающее острую необходимость срочно обеспечить свое будущее. То есть добыть деньги на лечение от последствий наркотического сна.

Сэм отправился на «зеленое пастбище». Там пил дрянное виски, самое дешевое из доступных, и ни на минуту не забывал, что он глубокий старик. Образ требовал ухищрений. Нельзя щедро наполнять легкие воздухом, когда говоришь, – у пожилых слабое дыхание, от этого голосу недостает звучности.

С речью получалось убедительно. К тому же Сэм двигался медленно и осторожно, заставлял себя заранее обдумывать каждое движение. Хромота сама по себе не говорит о возрасте, но она красноречива, когда обусловлена деятельностью одряхлевшего мозга. Старик двигается неторопливо, так как постоянно вынужден решать, смогут ли его неловкие руки и ноги справиться с очередной задачей. Мир для пожилых так же суров, как и для младенцев. Но младенцы еще не знают, чем опасна гравитация.

Поэтому Сэм не изображал хромоту, а лишь двигался заторможенно. В «Жемчужине Венеры» пил виски и заметно хмелел самый настоящий старик.

Это было злачное местечко – дешевое, но колоритное. В имперском Риме, наверное, хватало таких – с пестротой нарядов и обычаев, спустившихся сюда с более высоких социальных ярусов. Тут блеснет позолоченный пояс, там мелькнет кроваво-алая шляпа с перьями, где-нибудь еще взвихрится радужный плащ…

Изначально «Жемчужина Венеры» предназначалась для пьянства, азартных игр и других предосудительных способов времяпрепровождения. На верхних ярусах в распоряжении аристократии имелись фантастические устройства, самым хитрым образом усовершенствованная игровая техника древности, например рулетка со слегка радиоактивным шариком

и счетчиками Гейгера или «Империя» с причудливыми картами и карточными столами, на которых разыгрывались придуманные галактические королевства.

В «Жемчужине Венеры» были и игральные автоматы, однако преобладали традиционные кости и карты. Лица не были знакомы Сэму, но он прекрасно знал типажи. Некоторым посетителям все равно где сидеть, другие обязательно устраиваются лицом к двери. Именно эти другие интересовали Сэма.

Заинтересовала его и карточная игра. Она была в самом разгаре, и участники слишком сильно опьянели, чтобы осторожничать. Сэм постоял, потягивая виски и следя за ходом партии, а к следующей присоединился. Он с удивлением обнаружил, что карты уже не те, к которым он привык. Эти гораздо крупнее; вместо королей, дам и валетов – эзотерические рисунки Таро. Сорок лет назад как раз начали входить в моду карты из туманного прошлого Земли, и до чего же сильно они изменились за этот срок!

К выбору партнеров он подошел серьезно, с тем расчетом, чтобы выигрывать не слишком заметно. Хотя в этом ему помогали сами карты – слишком вычурные рисунки отвлекали от игры. Вместо бубен и червей – Пентакли и Кубки.

А впрочем, если рассуждать объективно, Таро теперь никакая не экзотика.

Ставки были невысоки, но Сэм и не рассчитывал на крупный выигрыш. В любом случае карты – слишком ненадежное средство. Ему нужно лишь создать впечатление, что его карманы набиты деньгами. В этом изменчивом мире бедный наряд вовсе не означает, что его владелец прочно сидит на финансовой мели.

После очередной партии Сэм встал из-за стола, скрипучим старческим голосом выразив недовольство. Вышел из «Жемчужины Венеры» и постоял, слегка шатаясь. Последовавшему за ним мужчине он показался совсем пьяным.

– Слышь, дед, хочешь сыграть по-серьезному?

Сэм подозрительно осмотрел его:

– В «утопленника», что ли?

– Нет.

Сэма это обрадовало: в «утопленнике» слишком высока обязательная ставка. Он позволил себя уговорить, но держался подчеркнуто настороже, пока не убедился, что его ведут не в темный переулок, а в третьеразрядный игорный дом, который на его памяти был рестораном.

Здесь играли в покер, причем привычными картами, и партнеры были трезвые. Сэм не шулерил, поэтому лишился всех

денег и вдобавок наделал долгов. Как обычно, Сэм «проиграл» триста процентов своего капитала.

И вот его привели к Доку Малларду. Так называл себя низкорослый, лишенный шеи человек с курчавыми светлыми волосами и бронзовой от ароматного масла физиономией. Док Маллард холодно взглянул на Сэма:

– В чем дело? Мне не нужны расписки.

Сэма вдруг осенила странная догадка, что сорок лет назад этот тип был зеленым юнцом, только начавшим изучать ремесло, в котором Сэм уже давно достиг совершенства. Даже возникло на миг жутковатое чувство, будто Сэм смотрит на Малларда с огромной высоты. С высоты бессмертия…

Он бессмертен, но уязвим. Сэм убрал из голоса пьяные интонации, но не старческую надтреснутость, и сказал:

– Поговорим с глазу на глаз.

Маллард взирал на незнакомца с такой откровенной расчетливостью, что тот едва удержался от улыбки. Их оставили наедине, и Сэм спросил:

– Слышал когда-нибудь о Сэме Риде?

– Рид? Рид… А, тот, что продвигал колонию. Конечно слышал. Загнулся от сонной пыли?

– Не загнулся, а только уснул. Но на очень долгий срок. Сэм Рид – это я.

Маллард какое-то время молчал – должно быть, рылся в памяти, искал подробности скандала, забытого обществом еще в пору его детства. Но поскольку афера с колонией была уникальной в истории башни, он все-таки вспомнил.

– Рид мертв, – заявил он. – Это всем известно…

– Я Сэм Рид. И я не мертв. Да, меня отравили сонной пылью, но это излечимо. Я долго находился на поверхности. И теперь вернулся.

– Ну и что?

– Ничего особенного. Я упомянул об этом, чтобы доказать: мои расписки имеют цену.

Маллард фыркнул:

– Ничего ты не доказал. С поверхности еще никто не вернулся богачом.

– Деньги я оставил здесь перед уходом.

– Да помню я эту историю. Правительство отыскало все тайники, у тебя ни гроша не осталось.

Сэм понял, что его пытаются взять на слабо, и изобразил возмущение:

– По-твоему, семьдесят тысяч кредитов – это ни гроша?

Маллард улыбнулся легкости, с которой он подловил старого дурака.

– Как я могу убедиться, что ты Сэм Рид? Чем докажешь?

– Отпечатки пальцев…

– Слишком легко подделать. Впрочем, сетчатка глаза…

Маллард колебался – похоже, не мог выбрать одно решение из двух. Наконец повернулся и заговорил в микрофон. Открылась дверь, и вошел человек с громоздким фотоаппаратом. По его требованию Сэм посмотрел в объектив и чуть не ослеп от вспышки. Потом они долго ждали в молчании.

Наконец зазвенел настольный экран перед Маллардом. Тонкий голос произнес:

– Порядок, Док. Снимок сверен с материалами картотеки. Этот человек – тот, за кого себя выдает.

Маллард щелкнул переключателем и сказал:

– Ладно, парни, заходите.

Двери открылись, и вошли четверо. Маллард бросил через плечо:

– Это Сэм Рид. Хочет отдать нам семьдесят тысяч кредитов. Поговорите с ним об этом.

Четверо уверенно двинулись к Сэму Риду.

Методы допроса третьей степени не изменились. Здесь, на Скид-Роу, они основывались главным образом на физической боли и обычно действовали. Подействовали они и на Сэма Рида. Он терпел, сколько может вытерпеть старик, а потом заговорил.

Поначалу он боялся, что его выдаст борода. Но художник знал свое дело – суррогатная ткань будет держаться прочно, пока Сэм не применит жидкость из бутылки, которую принес в кармане.

Дыша коротко и тяжело, он отвечал на вопросы Дока Малларда.

– У меня есть тайник… Открывается кориумным ключом…

– Сколько кориума?

– Фунт… и три четверти…

– Почему ты до сих пор не забрал эти деньги?

– Я только что вернулся с поверхности. Все остальные тайники нашли… но не этот. И я не смогу открыть его без кориумного ключа. Где мне… взять столько кориума? Я на мели. Семьдесят тысяч… а я не могу купить ключ, чтобы открыть замок!

Маллард почесал за ухом.

– Много кориума, – заметил он. – Впрочем, это самый безопасный замок в мире.

Сэм кивнул со старческой гордостью:

– Его не открыть без точной дозы излучения… направленной на замок. Я был хитер в те давние времена. Нужно знать точный вес…

– Фунт и три четверти, – прервал его Маллард и обратился к одному из подручных: – Выясни, сколько это стоит.

Сэм откинулся на спинку стула, пряча улыбку в бороде. Это была холодная улыбка. Ему не нравился Маллард и его методы. Старый гнев, с которым Сэм прожил сорок лет, возвращался – яростное нетерпение, желание уничтожить все, что стоит на пути. Теперь Маллард…

Сэм сжал кулак, думая о том, как приятно было бы сдавить лоснящуюся шею Малларда.

И вдруг пришла новая мысль. Разве убийство – достойное бессмертного мщение? Перед ним открылись и другие возможности. Можно ждать, следя за тем, как медленно умирает твой враг. Можно позволить ему состариться.

Он поиграл с этой мыслью. Время… как много его впереди – и как мало! Но нужно предпринять все необходимое, чтобы иметь возможность использовать свое бессмертие.

Первым делом надо добраться до тайника. Сэм пойдет туда вместе с бандой.

Пойдет жесткой походкой восьмидесятилетнего старца.

В подвале Сэм нехотя показал, где следует обнажить кориумный ключ. Кориум – активированный ураном-233 торий – не игрушка. Он находился в изолированном контейнере, слишком большом, чтобы поместиться в кармане. Вместе с ним Док принес складную ширму для защиты от однократного облучения. Он поставил ящик в указанное Сэмом место.

Кроме Сэма, в подвал спустились четверо: Док Маллард и трое его громил. И все, кроме Сэма, были вооружены. Снаружи, в переулке, остался еще один. Единственное приготовление, которое успел сделать Сэм, заключалось в том, что он смочил открепляющей жидкостью в бороду. Теперь ее можно будет снять одним легким рывком.

Было так тихо, что явственно слышались вздохи. Сэм задышал глубоко, насыщая кровь кислородом: это скоро понадобится. Он следил за тем, как Маллард тщательно размещает ширму и контейнер. Ящик был очень похож на фотоаппарат – и, как фотоаппарат, имел затвор и устройство типа диафрагмы.

– Здесь? – спросил Маллард, тыча пальцем в пластиковую стену.

Сэм кивнул.

Маллард нажал кнопку и отступил за щит.

Щелк!

И ничего.

Сэм торопливо проговорил:

– Тайник здесь, выше замка.

Он заковылял вперед, но один из сопровождающих схватил его за плечо.

– Просто покажи, – велел он. – Может, вместе с деньгами там лежит пистолет.

Сэм показал. Маллард ощупал кирпич пальцами и удовлетворенно хмыкнул.

– Что ж, похоже… – начал он и потянул на себя кирпич.

Сэм сделал глубокий вдох. Он держал глаза открытыми, пока не увидел, как облако дыма вырвалось из тайника. При этом ящик с кориумом оставался на краю поля зрения. В этот момент Сэм крепко сжал веки.

Двигался он быстро. Услышал удивленные возгласы, затем выстрел. Луч не тронул его. Вот он нащупал угол ящика с кориумом и, наклонившись, другой рукой вынул из стены еще один кирпич. Ящик исчез в тайнике, и кирпич плотно лег на свое место.

– Не стрелять! – кричал Маллард. – Всем к двери! Поллард! Не входи сюда! Задержи Рида!

Сэм был уже у двери. Открыв глаза, он ничего не увидел в густом дыму, валившем через проем, но услышал чей-то возглас: «Поллард?!» Он согнулся, зашарил в поисках куска металла, который положил заранее. Куда запропастился?! Да вот же он! Пальцы любовно сжали холодный, твердый сплав. Сквозь дым Сэм увидел Полларда.

Тот вскинул пистолет. Сэм спросил:

– Где Рид? Он что, уже…

Этого было достаточно. Палец замер на спусковом крючке, Поллард пытался рассмотреть, кто возник перед ним. Сэм не упустил шанса. Раздался треск кости и сдавленный вскрик, и Поллард, получивший удар в лицо, опрокинулся навзничь. Не дожидаясь, когда он растянется на полу, Сэм перепрыгнул через него. Пробежав четырнадцать футов, он завернул за угол и сдернул плащ и бороду. Вещи отправились в карманы, не образовав заметных утолщений. Затем, все так же на бегу, Сэм сорвал с головы шляпу, ловко изменил ее форму и цвет и снова надел. Сев на тротуар, двумя молниеносными движениями расстегнул пряжки на башмаках; вырвавшиеся наружу яркие банты изменили обувь до неузнаваемости. Надобность в красной краске отпала: руки были в крови Полларда. Сэм обмазал ею рот

и подбородок.

Он оглянулся назад, заслышав топот.

Дон Маллард и один из его бандитов выбежали из-за угла. Они остановились, заозирались, увидели Сэма и бросились к нему. Вот еще один выбежал в переулок и пустился вдогонку за главарем, размахивая пистолетом.

Сэм хлопал глазами, ощупывал подбородок и слабо махал рукой вперед.

– Ч… что… это было?.. – Его голос резко помолодел.

В переулок выбежал четвертый бандит.

– Поллард мертв! – прокричал он.

– Заткнись! – сказал Маллард, скривив рот, и посмотрел на Сэма. – Куда пошел старик?

– Туда… – сказал Сэм. – Он… налетел на меня из-за угла. Я… У меня кровь идет из носа. – Он посмотрел на свои окровавленные пальцы. – Да! Вон туда.

Маллард не колебался. Окликнув своих людей, он кинулся в указанном направлении. Сэм осмотрелся. На Пути народу было немного, но один человек двигался прямиком к Сэму.

Сэм встал и жестом велел доброму самаритянину идти своей дорогой.

– Все в порядке, я не ранен.

Вытерев кровь с лица, Сэм пошел. Он не спеша свернул в тот переулок, откуда только что выбежал. Особой необходимости торопиться нет. Маллард гонится за стариком, уверенный, что тот никуда не денется. Бандиты, конечно, вернутся в подвал, но не сейчас.

Дым все еще валил. Сэм споткнулся о тело Полларда и благодаря этому определил, где дверь. Потом сориентировался в темноте и отыскал незакрепленный кирпич. Достав ящик с кориумом, вернул кирпич на место. Минуту спустя самый быстрый Путь уносил Сэма от Дока Малларда и его компании.

Что дальше?

Кориум можно продать. Но только при условии, что покупатель не станет задавать вопросы. Добычу придется реализовать нелегальным путем.

В облике Сэма ничего не осталось от старика, одурачившего Малларда. И все же сейчас опасно приступать к сделке, сначала надо укрепить свои позиции. Маллард теперь будет следить за подпольной торговлей кориумом.

Какие каналы сбыта могли продержаться сорок лет?

Те же, но управляемые другими людьми.

Плохо, что другими. В подобных сделках нужно хорошо знать

того, с кем имеешь дело. А такие люди, конечно же, не имели шансов сорок лет оставаться наверху. Конечно, к Харкерам это не относится. Сэм улыбнулся и облизнул губы, снова ощутив сухость в горле.

Кто же?

Он три часа разъезжал по Путям, ломая голову над этой простой проблемой, снова и снова приходя в ярость.

Он обвел вокруг пальца Дока Малларда и заполучил кориум. Но что толку, если утрачены все прежние связи?

Пришел голод, да и жажда все крепла. И денег не было – Сэм все проиграл в карты. Унизительно отвлекаться из-за такой ерунды. Он же бессмертный!

Но ведь и бессмертный может умереть с голоду.

Как это бесит! Перед ним дорога в вечность, он так много должен сделать – и не может начать, пока не избавится от влияния сонной пыли.

Но вот, ломая голову, он наконец вспомнил человека, который заменил ему отца много лет назад.

Его не удивило то, что Щипач живет, где и жил, в сумрачном углу башни. Удивительно было, что старик все еще жив.

Сэм не ожидал этого. Подсознательно не был готов – настолько не готов, что не потрудился снова замаскироваться.

Щипач лежал в постели, его чудовищно рыхлое тело утопало в матрацах, опухшее лицо посинело. Он мучительно чихал.

Маленькие злобные глазки оглядели Сэма.

– Ага, – сказал он. – Ну, входи, сынок.

В комнате было грязно. Старик в постели пыхтел, ворочался, силился приподняться. В конце концов он отказался от этой безнадежной затеи, расслабился и попросил выпить.

Сэм нашел на столе бутылку, откупорил. Щипач глотал с жадностью. На обвисших щеках появился румянец.

– Эта баба никогда не делает, как я велю, – пробормотал он. – Что тебе нужно?

Сэм удивленно рассматривал его. Чудовищное существо казалось таким же бессмертным, как и члены аристократических семей. Но такого бессмертия, как это, не пожелает ни один здравомыслящий человек. Сэм с уважением предположил, что старику уже больше ста лет.

Он подошел и забрал из вялой руки Щипача бутылку.

– Сначала ответь на несколько вопросов.

– Выпивка… Дай сюда.

– Когда услышу то, что мне нужно.

Старик пошарил в грязной постели. В его руке появился

пистолет-игольник.

– Дай, сынок, – негромко потребовал Щипач.

Сэм пожал плечами и вернул бутылку. Старик не потерял своей хватки. Кажется, Сэм все-таки нашел того, кто ему нужен.

– Щипач, ты в курсе, как давно мы не виделись?

– Очень давно, сынок. Тридцать… нет, почти сорок лет.

– Но ты узнал меня. Я не изменился. Не постарел. А ты ничуть не удивлен. Должно быть, что-то знаешь обо мне. Где я был?

Утробный смех потряс громоздкую тушу. Кровать заскрипела.

– Думаешь, ты реален? – спросил Щипач. – Не будь дураком! Я сплю, и ты мне снишься. – Он протянул руку и коснулся разноцветного шара размером с мужской кулак. – Вот он, сынок. Зачем страдать от боли, когда есть «оранжевый дьявол»?

Сэм подошел поближе, чтобы разглядеть оранжевый порошок в шаре.

– Понятно, – сказал он.

Сквозь тонкие щели в рыхлой плоти на него смотрели хитрые глазки. Взгляд слегка прояснился.

– Ты все-таки реален? – пробормотал Щипач. – Да, похоже на то. Что ж, сынок, вот теперь-то я удивлен.

Сэм смотрел на оранжевый порошок. Он знал, что это. Сильный наркотик, ослабляющий связи между объективным и субъективным, так что образы, созданные воображением, становятся почти осязаемыми. Надежда, на мгновение появившаяся у Сэма, исчезла. Нет, ему не узнать сейчас, где он провел сорок лет.

– Что с тобой случилось, Сэм? – спросил Щипач. – Ты давно должен был умереть.

– Последнее, что я помню, – как мне в лицо бросили сонную пыль. Это было сорок лет назад. Но я нисколько не изменился за этот срок!

– Сонная пыль? Она не сохраняет молодость.

– А что сохраняет? Что могло меня вот так сохранить?

Кровать снова затряслась от громового хохота.

– Родись от правильных родителей – проживешь тысячу лет!

– Что ты имеешь в виду? – Сэм вдруг обнаружил, что дрожит.

До сих пор у него не было возможности как следует обдумать то обстоятельство, что он проснулся, что он молод, тогда как должен быть стар, – следовательно, он бессмертен. Но каким образом это произошло? Благодаря чему? Из неведомого источника, таящегося в глубине подсознания, Сэм черпал уверенность, что у него, как у длинноногих и длинноруких бессмертных, впереди тысячелетия. Но все бессмертные стройны,

высоки, красивы…

– Ты всегда был плешив? – неожиданно спросил Щипач. Получив утвердительный кивок Сэма, он продолжил: – Должно быть, в детстве чем-то переболел. А может, причина другая. Когда я тебя впервые увидел, у тебя было несколько шрамиков, здесь и здесь. Вижу, они почти исчезли. Щипач не глуп, сынок. До меня доходили кое-какие слухи, но я не связывал их с тобой. Будто бы одна женщина, техник, прооперировала ребенка и в награду получила плащ счастья.

– Что за операция?

– В основном на железах. Это говорит тебе о чем-нибудь?

– Да.

Голос у Сэма стал хриплым. В горле пересохло, кровь застучала в висках и шее. Он сделал два шага вперед, подхватил пластиковый стул и со всего маху ударил им о колено. Прочный пластик разрезал ему руки, оставил ссадину на ноге, и Сэму полегчало. С чудовищным усилием он подавил в себе бесполезный гнев, усыпил его, как волк Фенрир, решив, что час мести еще придет. Затем осторожно поставил стул и посмотрел Щипачу в лицо.

– Я бессмертный, – сказал он. – Вот оно что. Я бы рос, как все бессмертные дети, если бы… если бы кто-то не пустил в ход медицину. От кого та женщина получила плащ?

Огромный сейсмический толчок сотряс кровать.

– Чего не знаю, того не знаю, – проревел Щипач. – Дай хлебнуть!

– Ты уже выпил всю бутылку, – заметил Сэм. – Ладно, Щипач, забудем пока о бессмертии. Я пришел по другому поводу. У тебя сохранились связи?

– Сохранились, – ответил Щипач и перевернул бутылку над открытым ртом.

Сэм продемонстрировал ящик, похищенный у Дока Малларда.

– Это кориум. Мне нужно две тысячи кредитов. Все, что сверху, оставь себе. Сможешь продать так, чтобы не засветить меня?

– У кого стянул? – спросил Щипач. – Лучше скажи, чтобы я мог сориентироваться.

– У Дока Малларда.

Щипач хихикнул:

– Конечно устрою, сынок. Видишь экран? Направь его на меня.

– Я тороплюсь.

– Возвращайся через час.

– Хорошо. Еще одно. Только ты знаешь, что я не стар. – Сэм достал из кармана и нацепил бороду.

– Понятно, сынок. На Щипача можешь положиться. Увидимся через час.

Сэм вышел.

В больнице ему придется назвать свое имя. Неужели в нем узнают человека, провернувшего когда-то аферу с колонией? Этого нельзя исключать. Снимок его глазного дна сохранился в архиве, а может, там есть и другие данные. Средний человек, уловив во внешности Сэма что-то знакомое, скорее всего, объяснит это случайностью. Но в больнице Сэм будет находиться под более тщательным наблюдением. Нелепо пытаться сохранить внешность восьмидесятилетнего старика.

Вдруг Сэму пришло в голову, что может существовать человек, очень похожий на него и к тому же соответствующий по возрасту. Его собственный сын.

Правда, у него нет сыновей. Но он мог бы их иметь. И все знают, что низкорослый плебей не может быть бессмертен. Значит, объяснится и его молодой вид. Он сохранит свою драгоценную тайну при минимальной маскировке, выдав себя за сына Сэма Рида.

Имя? Из глубины всего прочитанного, занявшего в свое время годы, теперь казавшиеся часом, он извлек воспоминание о пророке Самуиле, старшего сына которого звали Иоиль.

Хорошее имя. Не хуже других. Итак, он Иоиль Рид.

Тридцать пять минут спустя он стоял в приемном покое, оцепенев от изумления. Потрясение было слишком сильным. Он мог лишь тупо спрашивать:

– Что? Что вы сказали?

Молодой дежурный за стойкой нетерпеливо повторил:

– Мы выписали вас сегодня утром как вылечившегося.

Сэм открыл рот и снова закрыл, не произнеся ни звука.

Дежурный задумчиво рассматривал его.

– Амнезия? – предположил он. – Вряд ли… А впрочем, может, покажетесь доктору?

Сэм кивнул.

– Шесть недель назад, – спокойно объяснили ему, – вас привел сюда человек, назвавшийся Эвансом. Он не оставил адреса, сказал лишь, что он здесь проездом, поселился в гостинице. Можете поискать его, если желаете. Плата за регуляционную терапию поступила перед самым вашим

появлением, ее доставил курьер. В момент прибытия вы находились в хорошем физическом состоянии. – Врач просмотрел лежавшие перед ним бумаги. – Вероятно, к вам уже применяли соответствующее лечение в период вашего сна. Сегодня утром вас выписали. Вы себя вели совершенно нормально. За вами явился человек – другой, хотя он назвался тем же именем. Вот и все, что я могу сказать вам, мистер Рид.

– Но… – Сэм задумчиво потер лоб, – почему я не помню? Что это значит? Я…

– К сожалению, на подпольном рынке продается немало препаратов, вызывающих амнезию, – сказал врач. – Но вы отсюда вышли в хорошем костюме, с сотней кредитов в кармане. Когда очнулись, одежда и деньги были при вас?

– Нет, я…

– Вероятно, вас ограбили.

– Э-э… Да… Конечно, так и было.

Мало ли существует способов лишить человека сознания в темном переулке, подумал Сэм. Горсть порошка в лицо, удар по голове…

Грабители редко заботятся о том, чтобы переодеть жертву в собственные лохмотья, но в остальном история выглядела бы довольно правдоподобно…

Не будь того незнакомца, который ждал пробуждения Сэма.

Сэм встал, все еще борясь с растерянностью:

– Не дадите ли мне адрес, названный вторым Эвансом?

Он стоял на узкой ленте Пути, уносящей его из больницы. Адрес никуда не приведет, в этом не было сомнений. Тот, кто выстроил всю цепочку чудес, должен был тщательно замести следы.

Кто-то кормил сорок лет Сэма, пока тот находился под действием сонной пыли. Захария Харкер? Сигнал подала Кедре Уолтон, но за ней стоял Захария.

Голос Иакова, но рука Исаака.

Неужели Харкер следил за Сэмом сорок лет?

Или Кедре? Кто-то, по словам доктора, постарался на совесть. Кто-то заплатил, чтобы Сэма вылечили, а потом ограбил и раздел. Чтобы Сэм, очнувшись, имел столько же, сколько было у него, когда родился.

Даже меньше, ведь у него не было права по рождению. Впрочем, нельзя сказать, что этого права его лишили совсем. Сэм вдруг с гордостью осознал, что, если бы существовал Иоиль Рид, он стоял бы рядом с отцом на длинных, стройных ногах, красивый и элегантный, как сам Захария, – бессмертный не

только по праву рождения, но и по облику.

Сэм испытывал едва ли не боль, когда пытался вообразить простершуюся перед ним вечность. А вспомнив Щипача, взглянул на его жизнь с нового ракурса, и ему стало страшно. Наверное, так можно смотреть на судьбу кошки или собаки. Отныне Сэма всегда будет преследовать мысль о кратковременности жизни обычного человека.

Неудивительно, что семьи создали тесный союз. К кому можно испытывать чувство дружбы и любви без примеси жалости? Только к равному. Это древняя пропасть между богами и людьми. Бессмертный – значит чужой. И наоборот.

Впрочем, текущей проблемы новообретенное бессмертие не решает. Сэм здесь по чьей-то милости. По чьей? Как жаль, что тогда в переулке он не мог схватить за грудки незнакомца и вытрясти из него ответы… Кто-то намеренно вернул Сэма из небытия, выпустил в мир без гроша в рваном кармане….. С какой целью? Посмотреть, что Сэм предпримет? Так мог бы поступить бог.

Захария? Сэм беспомощно оглядывал заполненные пассажирами Пути. Никому нет до него дела. Неужели за напускным безразличием один из этих людей прячет интерес к поведению Сэма? Или неизвестный соглядатай притомился и прекратил слежку? Что ж, в свое время Сэм узнает это. Или не узнает никогда.

Великолепный результат усилий, предпринятых в последние часы, лежал у него в кармане – две тысячи кредитов. Первый шаг сделан. Теперь нужно кое-что выяснить и заплатить по старым счетам. А потом – бессмертие! Сэм запретил себе думать об этом. Разум трепетал от страха перед грандиозной сложностью, перед фантастическими перспективами новой, невероятно удлинившейся жизни…

Итак, два человека назвались именем Эванс. Эти люди доставили Сэма в больницу, а после забрали оттуда. Надо попросить Щипача, чтобы организовал расследование. Надо разыскать Розат, с этим Щипач тоже посодействует. Остальное придется делать самому.

В горле было сухо. Сэм беззвучно рассмеялся. Нет, это не ложная жажда, вызываемая сонной пылью. Он обманывал себя. Вода в любой момент утолила бы жажду, но он не позволял себе поверить в это.

Сойдя с Пути, он направился к ближайшей станции Общественной помощи. Там до отказа напился холодной, восхитительно освежающей воды.

Сэм смотрел на блистающий Путь, на высящиеся за ним

здания в мерцании огней, и что-то внутри его начало расширяться. Оно все росло и росло, и казалось, башня не сможет вместить эту таинственную громаду. Сэм глядел вверх, на купол из импервиума, и представлял себе раскинувшиеся кругом мелководные просторы, а выше – облака, а за ними мигающие звезды, которых он никогда не видел.

Так много нужно сделать. И нет необходимости спешить. Время у него есть. Все время в мире.

Время убивать.

> Кости его наполнены грехами юности его, и с ним лягут они в прах. Если сладко во рту его зло, и он таит его под языком своим…
>
> *Иов 20: 11*

Увлекшись созерцанием города, Сэм не заметил, как к нему вплотную приблизились двое в форменной одежде, сошедшие с Пути на платформу. Мундир не изменился. Это была частная полиция, и Сэм раньше, чем прозвучало первое слово, понял: спорить бесполезно.

В каком-то смысле он даже обрадовался, когда полицейский постарше показал ему жетон и буркнул:

– Пройдемте.

Тот, кто за всем этим стоит, наконец-то сделал явный шаг. Возможно, теперь Сэм получит ответы на некоторые из терзающих его вопросов.

Скоростная лента понесла их к центру башни. Встречные с любопытством поглядывали на проезжающую мимо троицу. Сэм держался за перила, чтобы стоять прямо. Встречный ветер обдувал лицо и трепал рыжий парик; ощущение было непривычным. С интересом и волнением Сэм смотрел на приближающееся обиталище аристократов.

В каждой башне бессмертные жили в группе высоких разноцветных зданий, построенных в центре города и окруженных кольцом стен и садов. Полицейские привели Сэма прямо к пышному дворцу Харкеров. Сэм не удивился. Казалось невероятным, что Захария, приказавший убить Сэма, за сорок лет так и не узнал, что тот остался жив. Впрочем, столь же невероятным выглядело то обстоятельство, что Захария намеренно позволил ему жить. Сэм пожал плечами: он скоро узнает правду.

Его провели через дверцу в задней стене самой высокой башни и дальше вниз по прозрачной пластиковой лестнице, под которой к садам бежал поток серой воды. В воде мелькали

красные и золотые рыбы, длинной синей лентой извивалась мурена, тянулись длинные космы водорослей.

У основания лестницы ждал миниатюрный позолоченный лифт. Полицейские затолкали Сэма в кабину и без единого слова закрыли за ним стеклянную дверь. За стеклом скользнули вниз бесстрастные лица. И вот он один, в слегка покачивающейся кабине поднимается к верхним этажам резиденции Харкеров.

Кабина была облицована зеркалами. Сэм вспомнил о своей роли Иоиля Рида и почувствовал себя довольно глупо. Знает ли тот, кто ждет наверху, что к нему едет Сэм Рид? Маскировка хороша, Сэм не выглядит точной копией своего «отца», но все же естественное сходство велико. Рыжий парик соответствует густым рыжим бровям, которые теперь подстрижены и прилизаны. Накладные зубы изменили форму нижней половины лица. Благодаря контактным линзам глаза теперь не серые, а синие. Больше никаких перемен.

Контактные линзы давали тот же эффект, что и темные очки, – подсознательное ощущение, будто на лице маска. Ты можешь смотреть наружу, но никто не может заглянуть внутрь. Трудно выдержать прямой взгляд, когда ты не защищен и тебе есть что скрывать.

Давление на подошвы уменьшилось: лифт замедлялся. Вот дверь открылась, и Сэм оказался в длинном зале. Здесь из стен изливался мягкий искусственный дневной свет, под полом находились гидропонные бассейны, из них кверху тянулись лианы, образуя над головой плотный свод. От легкого ветерка шелестела листва, раскачивались цветы и плоды. Для человека, выросшего на нижних ярусах башни, это было невероятной экзотикой. Сэм осторожно пошел по залу, чуть морщась, когда листья касались лица. Как и все жители Венеры, он боялся организмов, переселенных в башни с опасной поверхности.

С противоположного конца зала доносились приятное журчание и плеск падающей воды. В проеме шпалеры, отделявшей от зала следующую комнату, Сэм остановился в изумлении.

Эта комната тоже была увита зеленью. Свисавшие со стен и потолка лозы сплошь покрыты цветами, воздух насыщен их ароматом. Пол залит водой глубиной примерно в фут. В ней отражались цветы; некоторые плавали. Крошечные рыбки мелькали среди распластанных листьев. В голубой воде висело несколько медуз, шевеля опасной на вид бахромой.

Филигранный стеклянный мостик, на вид хрупкий, как будто сотканный из инея, был перекинут через бассейн. Он начинался у ног Сэма и заканчивался у низкой платформы, покрытой

подушками. Среди подушек лежала женщина, подперев рукой голову; другая рука праздно плескалась в воде. Лицо скрывалось под волосами, завитые локоны окунались в воду. Увлажненные волосы очень бледного зеленовато-золотого оттенка казались нереально роскошными.

Сэм узнал ее.

Длинные линии тела, томная грация, форма головы и рук – все так знакомо… Почему она здесь, в башне Харкеров? И почему распорядилась, чтобы Сэма доставили к ней?

– Кедре?

Она подняла голову. На миг у Сэма все закружилось перед глазами. Эта женщина – Кедре… или нет? То же узкое надменное лицо с темными глазницами и подведенными глазами, загадочные египетские черты… Но нет, это другой человек смотрит на него. Злобная, неуравновешенная натура, понял он тотчас.

– Нет, я Сари, – ответила бледноволосая женщина, недобро улыбаясь. – Кедре – моя бабушка, помнишь?

Сэм помнил Сари Уолтон, которая прижималась к плечу Захарии Харкера, пока Захария говорил с ним об убийстве Робина Хейла. Сэм тогда едва уделил ей внимание. Он быстро порылся в памяти. Вот оно: ему тогда сразу бросился в глаза антагонизм. Антагонизм между Сари и Кедре, скрытый, но мощный. Вот что он ощутил, когда прекрасные женщины с лицами, похожими как зеркальные отражения, посмотрели друг на друга.

– И что это значит?

Сэм ни на миг не забывал о том, что Иоиль Рид не мог помнить сцену, в которой участвовал Сэм Рид. Следовательно, Сари знает, кто он. Знает и то, что он бессмертный.

– Подойди, – сказала Сари, сопроводив приглашение жестом белой руки, с которой капала вода, и села, подобрав ноги.

Сэм с сомнением посмотрел на ажурный мостик.

– Он выдержит. Подойди. – В голосе звучала насмешка.

Мостик выдержал, хотя и отвечал слабым звоном на каждый шаг. По знаку Сари Сэм опустился рядом с ней на подушку, держась напряженно. Ему не внушал доверия этот фантастический будуар с бассейном вместо пола.

– Как ты меня нашла?

Она рассмеялась, склонив набок голову, так что зеленовато-золотистые волосы закрыли лицо подобно вуали. Что-то в ее взгляде и смехе совсем не понравилось Сэму.

– Кедре следила за тобой все эти сорок лет, – сказала она. – Думаю, кто-то разыскал в библиотечных архивах снимки твоей сетчатки. В общем, не важно, как тебя нашли, важно, что это

случилось. Верно?

– Почему здесь нет Кедре?

Сари опять рассмеялась:

– Она не знает о нашей встрече, вот почему. Никто не знает, кроме нас с тобой.

Сэм задумчиво рассматривал женщину. В ее глазах был вызов, в поведении – непредсказуемая капризность. В прежние времена он знал только одно решение подобных проблем. Стремительно приблизившись, Сэм обвил пальцами ее запястье и рванул на себя. Потеряв равновесие, она упала на колени, но сделала это с почти змеиной грацией. А затем стала извиваться, пугающе гибкая, в его объятьях, и презрительно смеяться.

Совсем не женская агрессивная решительность сквозила в том, как она сжала ладонями его голову и потянула к себе. Сэм позволил ей поцелуй, но постарался сделать его жестоким, а затем оттолкнул ее и вонзил в нее гневный взгляд.

Сари снова рассмеялась.

– Кедре вовсе не глупа, – сказала она, проводя пальцем по его губам.

Сэм вскочил, пинком отшвырнул подушку. Ни слова не говоря, ступил на звенящий мостик и направился к выходу. Краем глаза уловил змеиное движение – это встала Сари Уолтон.

– Вернись, – сказала она.

Сэм не оглянулся. И услышал слабый свист, и почувствовал волну жара от выстрела игольника. Он мгновенно замер, чтобы не вызвать второго выстрела. Второй выстрел ожег ему ухо.

«Слишком метко», – подумал Сэм. Не поворачивая головы, он сказал:

– Ладно, я возвращаюсь. Брось оружие.

Пистолет глухо шлепнулся на подушку. Сари негромко рассмеялась. Сэм подошел к ней и взглянул в глаза.

Эта женщина не нравилась ему. А особенно не нравилась самоуверенная агрессивность, испокон веков больше присущая мужчинам. Сари выглядит такой же хрупкой, как этот инеистый мостик, и очень нежной и женственной, но она бессмертна, и мир принадлежит ей и ее племени. Многие прожитые годы укрепили ее самомнение и злобность.

Или…

Возможно ли такое?

Сэм смотрел на нее, задумчиво щурясь. У него начала формироваться догадка, вмиг затмившая все, что его заботило и тревожило. В противоположность Кедре это прекрасное создание казалось удивительно незрелым. Вот что это такое: незрелость. Вот объяснение этой капризности, этой злобе, которую ощутил

Сэм. У бессмертных зрелость достигается в очень позднем возрасте. Вероятно, он и сам еще юнец, но ранние испытания закалили его и придали ему черты взрослого.

Сари надежно защищена, живет в роскоши, обладает почти божественной властью. Что же странного в том, что она выглядит психически нестабильной в годы, которые по меркам бессмертных следует считать подростковыми?

Возможно, такой она и останется, подумалось Сэму. Она нестабильна от природы. Ее никогда не будут любить, ей никогда не смогут верить. Она уязвима, причем больше, чем ей кажется. А у Сэма в памяти хранилось немало изощренных способов использования слабости противника.

– Сядь, – велел Сэм.

Она подняла руки над золотисто-зеленой головой и сорвала с лозы бледную гроздь, похожую на виноградную. Пальцы зарылись нее; внутри ягод синеватые косточки складывались в тенистые узоры.

Сари улыбнулась и с кошачьей пластикой, как будто у нее вовсе не было костей, опустилась на колени.

Сэм смотрел на нее сверху вниз.

– Ладно, – сказал он, – говори, зачем я тебе понадобился. Если здесь заправляет Кедре, почему я говорю не с ней, а с тобой?

Сари раскусила бледную ягоду и выплюнула семечки.

– Кедре не в курсе. – Она глядела на Сэма из-под густых ресниц. Глаза у нее были посветлее, чем у матери. – На этой неделе она в башне Невада.

– Ты ей не сообщила?

Сари покачала головой, взмахнув роскошными локонами:

– Я никому не сообщила. Если бы Захария узнал, взбесился бы. Он…

– Захария приказал усыпить меня сонной пылью, – прервал ее Сэм, желая поскорее прояснить ситуацию. – За этим стояла Кедре?

– Захария приказал отравить тебя, – возразила Сари с улыбкой. – Он желал тебе смерти. Кедре была против, и они сильно поссорились. – Казалось, Сари наслаждается, воспоминая. – Кедре настояла на применении сонной пыли, – сказала она спустя миг. – Никто не понял почему. Для нее не было пользы от тебя – ни от живого, ни от мертвого, ни от молодого, ни от старого…

Голос затих; она сидела, сжимая в руке прозрачную гроздь, и не двигалась. У Сэма возникло ошеломляющее подозрение. Он опустился на колени, поднял ей голову и заглянул в зрачки.

– Наркотик! – негромко воскликнул он. – Будь я проклят!

Наркотик!

Сари захлебнулась смехом, затем потерлась о плечо Сэма лбом; специфический блеск в глазах безошибочно указывал на ее порок.

Это объясняло многое: и неуравновешенность, и странное равнодушие, и тот факт, что она еще не осознала удивительной молодости Сэма.

«Как странно, – подумал он. – И как символично: оба человека, которые помнят меня, живут во власти наркотических иллюзий».

Сари оттолкнула его. Она рассеянно сунула ягоду в рот, выплюнула семечки и улыбнулась Сэму со злорадством, в котором не было смысла. Да, его молодость не удивила ее. Она привыкла видеть вокруг себя десятилетиями не меняющиеся лица. И под влиянием наркотиков воспринимала это как данность. Но в любой момент ее сознание может проясниться, а Сэму нужно узнать еще очень многое.

– Кедре подменила яд сонной пылью, – сказал он. – Поручила ли она кому-то следить за мной после этого?

– Она хотела так сделать, да. Захария помешал. А когда ее люди отправились искать тебя, ты исчез. И с тех пор о тебе ничего не было известно. Где ты пропадал, Сэм Рид? Наверное, ты мне нравишься. Кажется, я понимаю, почему Кедре решила найти тебя и вылечить. Я…

– Что ты делаешь в доме Харкеров?

– Я здесь живу, – рассмеялась Сари, и это был неприятный смех. Она вдруг стиснула гроздь в узкой ладони. – Я живу с Захарией. А он хочет Кедре. Но она недоступна, и Захария довольствуется мною. Наверное, я когда-нибудь убью его.

Сари вновь улыбнулась, и Сэм подумал: а известно ли Захарии о ее чувствах к себе и о том, что она наркоманка? Об этой взрывоопасной комбинации? Вряд ли известно. Он начал осознавать, какие возможности открываются перед ним, но в следующий миг пришли знакомые сомнения.

Что прячется за событиями, последовавшими за его пробуждением? Есть ли разумное объяснение появлению незнакомца в переулке? Тот человек знал, что происходит.

– Почему ты послала за мной? – спросил Сэм.

Сари опустила руку в воду, чтобы смыть липкий сок. Сэму пришлось дважды повторить вопрос, прежде чем она услышала. Посмотрев на него, Сари улыбнулась ясной, холодной улыбкой:

– Я любопытна. Все время слежу за Кедре через секретную камеру. Она не догадывается. Когда я узнала, что ты обнаружен… решила, что смогу тебя использовать. Против Кедре или против

Захарии… Я еще не выбрала. Потом буду думать об этом. А сейчас я думаю о Захарии. И о Харкерах. Я ненавижу Харкеров, Сэм. Всех Харкеров. Даже себя ненавижу, потому что я наполовину Харкер. Да, пожалуй, я использую тебя против Захарии. – Она наклонилась вперед, коснувшись зеленовато-золотистыми волосами лица Сэма, и сказала, глядя ему в глаза сквозь густые ресницы: – Ты ведь тоже ненавидишь Захарию, Сэм. Наверняка ненавидишь. Он хотел тебя прикончить. Как считаешь, где у него самое уязвимое место? Теперь, когда Кедре знает, что ты жив и молод… Молод?

Она задумчиво сдвинула брови. Но эта тема требовала умственных усилий, а Сари не была способна на них. Сейчас ее мозг мог работать лишь на самом примитивном уровне, машинально, не напрягаясь.

Вдруг она откинула голову и рассмеялась:

– Как здорово! Я накажу их обоих! Теперь, когда ты снова жив, Захария будет ждать, пока ты не наскучишь Кедре. А Кедре не заполучит тебя – она не знает, где ты. Сэм, ты сможешь спрятаться? Там, где тебя не найдут ее ищейки? О, пожалуйста, Сэм, спрячься! Ради Сари! Сари будет так счастлива!

Сэм встал. Мостик мелодично звенел под его ногами, и эта музыка сопровождалась смехом Сари. В лицо дул ароматный ветерок, когда Сэм шел по решетчатому залу. Кабина ждала там, где он ее оставил. Когда он вышел из лифта, внизу никого не было. Сэм прошагал над потоком и оказался на улице.

Как в тумане, ступил он на ближайший Путь и позволил везти себя в неизвестность.

Сэму пришлось убеждать себя в реальности только что пережитого – оно имело все качества сна. Но мысли о счастливом шансе не оставляли его.

У Харкеров есть слабое звено, о котором они даже не подозревают, – Сари. А за этим кроется еще бóльшая уязвимость, если Сари действительно Харкер.

Она явно ненормальна. Наркозависимость и незрелость ума лишь частично объясняют неуравновешенность, которая составляет самую сущность ее натуры. Это открывает перед Сэмом новые горизонты. Значит, даже бессмертные уязвимы, даже в крепостной стене их наследственности можно найти слабые места.

Есть два пути, на которых он может устроить Харкерам засаду. Оба требуют тщательного изучения. Этим Сэм займется позже.

Самое важное сейчас – спрятаться. И чем дольше Сэм размышлял, тем больше склонялся к идее посетить колонию, где

правит Робин Хейл.

Иоиль Рид? Никто не знает о Сэме, кроме Сари. Надо действовать безотлагательно.

Так он и поступил.

Самым удивительным в колонии было то, что она практически находилась на дне моря.

Ни разу с тех пор, как Сэм покинул башню, он не видел над головой открытое небо.

Сначала импервиумный купол и миля воды над ним. Потом самолет с корпусом из металла и пластика. Далее огромные шлюзы колонии, защищенные от проникновения инфекций ультрафиолетовыми облучателями и распылителями кислоты. И вот, наконец, он стоит на почве Венеры, над головой прозрачный купол радужно окрашивается там, куда падают лучи солнца, сумевшие прорваться сквозь толстый облачный покров. Воздух пахнет по-прежнему. В атмосфере Венеры мало кислорода и много двуокиси углерода; эта смесь пригодна для дыхания, но не очень приятна. Здесь, под куполом, компоненты воздушной смеси тщательно сбалансированы. Конечно, это продиктовано необходимостью, как необходим и импервиумный купол для защиты от буйства жизни, царящей на поверхности Венеры. Флора и фауна рвутся к свету в самоубийственно-братоубийственном стремлении опыляться и спариваться, рожать и почковаться в среде, чья потрясающая плодородность – залог ее собственной невероятной нестабильности.

На берегу стояло фортификационное сооружение – старая крепость Вольной Компании Дун. Заново заселенная, она тоже была покрыта импервиумом – куполом диаметром в четверть мили. Тут и там стояли домики, построенные явно без планировки: всех форм, размеров и цветов. Отсутствие дождей и ветров развязало архитекторам руки. Если что и ограничивало строителей, так это естественная гравитация, но парагравитационные щиты позволяли возводить башни даже в пизанском стиле. И все же ни в материалах, ни в дизайне не наблюдалось излишней вычурности. На всей колонии лежал легкий отпечаток обветшалости.

Открытой земли под куполом не наблюдалось. Вся поверхность была покрыта пластиком. Защита от лишайников? Возможно. В больших гидропонных бассейнах росли сады, немногочисленные мелкие резервуары содержали стерилизованную почву. Люди работали явно не напрягаясь. Это смахивало на сиесту.

Сэм пошел по дороге, куда указывал знак «Администрация».

Давала о себе знать агорафобия. Всю жизнь он провел под полупрозрачным куполом, зная о лежащей сверху толще воды. Здесь же сквозь прозрачный колпак проникало солнце, и это освещение не было искусственным, хоть и казалось плохой имитацией работы ламп дневного света.

Сэм напряженно размышлял. Он тщательно впитывал увиденное, оценивая и классифицируя факты и впечатления, – рано или поздно все это понадобится. На время он забыл о Сари и Харкерах.

Пусть идеи созревают в подсознании. А сейчас необходимо решить, кто предстанет перед Робином Хейлом, Сэм Рид или его сын? Он не считал, что чем-то обязан Хейлу. Сэм никогда не мыслил подобными категориями. Единственное, что его занимало, – это вопрос: а что будет иметь Сэм Рид? Интуиция подсказывала: колония опять сулит выгоду.

Девушка в розовой блузе, склонившаяся к резервуару с растениями, взглянула на Сэма, когда он проходил мимо. Любопытно было видеть, как воздействует даже рассеянный солнечный свет на жителей поверхности. Кожа у нее была кремовой, а не молочно-белой, как у Сари. Гладко зачесанные каштановые волосы, глаза карие – у жителей башни таких не бывает. Ее тоже на протяжении всей жизни защищал импервиумный купол, но через него пробивается солнце и норовят пробиться джунгли – хищная, голодная флора и фауна, а не мертвый вес морской воды. По глазам было видно, что девушка понимает это.

Сэм чуть задержался:

– Где администрация?

– Вон там. – У нее был приятный голос.

– Вам здесь нравится?

Она пожала плечами:

– Я здесь родилась. В башнях, должно быть, восхитительно, но я там ни разу не была.

– Вы бы даже не заметили разницы, – заверил девушку Сэм, одолеваемый тревожными мыслями.

Она родилась здесь. Ей больше двадцати лет. Хорошенькая, но не совсем в его вкусе. И тут его осенило: если у нее есть хоть что-то от тех качеств, которые ему нравятся в женщинах, он может дождаться, когда вырастет ее дочь или внучка. Если тщательно подбирать родителей… Бессмертный способен выводить породы людей, как смертный выводит изящных кошек или беговых лошадей. Он поразмыслил над этим, создавая себе гарем не только в воображаемом пространстве, но и во времени. А ведь было бы здорово!

Вопреки его ожиданиям, губернатор не тонул в бытовых заботах. Через минуту после того, как Сэм сообщил свое вымышленное имя, дверь открылась и он вошел в кабинет Робина Хейла.

– Иоиль Рид? – медленно произнес Хейл.

Взгляд был проницательным, и Сэму потребовалась вся сила воли, чтобы встретить его уверенно.

– Да. Сэм Рид был моим отцом.

– Садитесь.

Сэм смотрел на Хейла сквозь слабую защиту контактных линз. Как будто они виделись вчера. Хейл не изменился. Вернее, изменился, но настолько мало, что глазу трудно уловить разницу. Ее выдавал только голос. Но это был все тот же худой, загорелый, спокойный человек, приученный к терпению годами, оставшимися позади, и веками, лежащими впереди. Любое поражение он воспримет как временную неудачу, любую победу – как дар, который не удержать.

Перемены в его облике тоже были временными, но от этого не менее реальными. Из голоса и манер исчез давешний спокойный энтузиазм. То, к чему Хейл стремился с такой надеждой, – теперь свершившийся факт, и этот факт его разочаровал. Впрочем, это столь краткий эпизод в жизни бессмертного…

Робин Хейл помнил дни Вольных Компаний, долгие годы войны, послевоенный период, когда жалкие остатки человечества были вольны заселять моря, вольны встречать опасность лицом к лицу. Сэм знал: тогда это было продиктовано необходимостью. Бизнес, а не романтика лихих первопроходцев. Но все же эмоции хлестали через край, ведь вольные компаньоны вели кочевую жизнь, они были последними кочевниками в истории человечества, которое вскоре укрылось в подводных башнях, погрузилось в застой. Башни стали могилой – или утробой? – или и тем и другим для людей Венеры, которые начинали свою историю, как дикие кочевники Земли.

– Вы доброволец? – спросил Робин Хейл.

Сэм очнулся:

– Нет.

– Я не знал, что у Сэма был сын.

Хейл не сводил спокойного, задумчивого взгляда, от которого Сэму было не по себе. Неужели бессмертный знает ответ? Неужели он способен видеть сквозь маскировку? Угадывать истину по мелким деталям поведения, которые никак не скрыть? Возможно. Но к Сэму это не относится. Он еще не стал бессмертным – в смысле, таким же, как Хейл и ему подобные. Он

еще не обрел той материости, которую дают многие-премногие годы жизни.

– Я сам узнал об этом лишь недавно, – сказал он. – После того скандала из-за аферы с колонией моя мать сменила фамилию.

– Понятно. – Это прозвучало бесстрастно.

– Знаете ли вы, что случилось с моим отцом?

Опасный момент. Но если Хейл скажет: «Да, Сэм Рид – это вы», по крайней мере, исчезнет неопределенность.

Хейл этого не сказал. Впрочем, это не означало, что он не узнал Рида.

Вольный компаньон покачал головой:

– Его усыпили сонной пылью. Полагаю, он уже умер. У него было много врагов, и еще больше их стало после скандала.

– Я знаю. Вы… должно быть, один из них?

Хейл снова покачал головой, чуть улыбнувшись. Невозможно любить или ненавидеть эфемерных короткоживущих. Временное раздражение – вот самое худшее, что они могут вызвать.

Тем не менее Сэм не собирался открываться. У олимпийцев есть божественная привилегия – непредсказуемость. Зевс бросал свои молнии, повинуясь случайным порывам.

– Это не вина Сэма Рида, – сказал Хейл. – Он не мог не стать мошенником. Это частично объясняется наследственностью, частично той средой, где ему пришлось жить. И по большому счету он был всего лишь орудием. У меня нет ненависти к нему.

Сэм трудно сглотнул. Что ж, он сам затронул эту тему. Он решительно перешел к следующему пункту:

– Мне нужен ваш совет, губернатор Хейл. Я лишь недавно узнал, чей я сын. Мой отец был жуликом, аферистом, но правительство разыскало его тайники и оплатило все его долги. Это так?

– Да.

– Он мне ничего не оставил, даже имени. Но я провел собственное расследование. Существует ценное имущество, приобретенное моим отцом перед его уходом из жизни, – имущество, которое не могло быть отчуждено. Это земля. Сорок лет назад правительство выдало ему свидетельство о праве владения кое-какими участками на поверхности Венеры, и этот документ по-прежнему в силе. Я хочу узнать, стоит ли он сейчас хоть чего-нибудь?

Хейл барабанил пальцами по столу.

– Почему вы пришли с этим именно ко мне?

– Отец был с вами, когда началась колонизация. Я решил, что вы в курсе. Должны это помнить, ведь вы бессмертный.

– Конечно, я в курсе. Я пытался изъять эту землю. Но свидетельство оформлено на вашего отца, а такие документы не подлежат отмене. И на это у правительства есть причина. Существование всех венерианских колоний должно зависеть от башен, чтобы при необходимости можно было с легкостью отрезать их от источников снабжения. Так вы, стало быть, унаследовали эту землю?

– Она имеет какую-нибудь ценность?

– Да. Харкеры немало заплатят вам за сокрытие этой информации.

– Харкеры? Почему?

– Чтобы я не смог основать новую колонию, – сказал Хейл, и его тугой кулак, лежавший на столе, медленно разжался. – Я поселился здесь после того, как ваш отец… после того, как он исчез. Тогда я не сдался. Прекрасная реклама, которой сопровождался проект, обернулась против нас. Пришлось начинать заново с горсткой тех, кто верил в меня. Из них уже почти никого не осталось в живых. На первых порах тут было нелегко.

– Сейчас все выглядит иначе, – заметил Сэм.

– Сейчас? Да, иначе. Колония слаба. Видите ли… Харкеры мешали мне приступить к ее созданию – и не справились с задачей. А после того, как колония появилась, Харкеры не посмели ее погубить. Они ведь тоже намерены со временем колонизировать Венеру и не желают, чтобы психологический эффект от краха нашего проекта помешал им. Но они и не дают нам двигаться вперед. И вот…

– И вот?

– Мы сидим на голодном пайке. Мы упорно трудились в первые годы. Мы не победили джунгли, но положили начало. Мы расчистили место и построили колонию. Мы сражались за каждую пядь земли, а джунгли отчаянно сопротивлялись. Но мы продвигались вперед. И когда мы уже были готовы расшириться, создать новый плацдарм, вмешались Харкеры. Они лишили нас снабжения. Они лишили нас добровольцев. По договору мы должны ежегодно поставлять продукцию в башню, иначе правительство может взять руководство колонией в свои руки. Харкеры не сумели отстранить меня, но зато устроили так, что колония не дает прибыли. Это произошло тридцать четыре года назад. С тех пор здесь распоряжается правительство, поддерживая статус-кво. Нам дают ровно столько припасов, чтобы мы не погибли. Но этого недостаточно, чтобы мы могли пойти вперед. Они не хотят, чтобы мы расширялись, потому что расширение может закончиться катастрофой. Они хотят дождаться, когда риск

сойдет на нет. А это время никогда не наступит.

Хейл смотрел на Сэма, и в его глазах разгорался гнев. С Иоилем он разговаривает или с Сэмом? Поди угадай. Но он сказал, несомненно, больше, чем сказал бы случайному посетителю.

– У меня связаны руки, – продолжал Хейл. – Номинально я губернатор. Но здесь царит застой. Если бы у меня был другой участок… Если бы я мог основать новую колонию… – Он замолчал, глядя на Сэма из-под сдвинутых бровей. – Но мне не дадут землю! Понимаете теперь, как важно ваше свидетельство? Харкеры не пожалеют денег за него.

Так вот почему Хейл разоткровенничался.

Губернатор неподвижно сидел за столом и не смотрел на Сэма. Не просил, не спорил. Ждал.

Что он может предложить сидящему перед ним человеку? Деньги? Но Харкеры дадут больше. Участие в жизни колонии? Короткоживущему нипочем не дожить до того дня, когда она начнет приносить прибыль.

Подчиняясь внезапному порыву, Сэм спросил:

– А будь у вас эта земля, губернатор, что бы вы сделали?

– Просто начал бы заново. Я не могу дать вам достойную цену. Взять землю в аренду? Слишком долго пришлось бы ждать прибыли. Такой проект требует серьезных ресурсов. На Венере колонии должны жить энергично, расширяться. Это единственный путь. Теперь я в этом уверен.

– А если у вас ничего не получится? Ведь тогда правительство снова возьмет руководство на себя.

Хейл промолчал.

Сэм задумчиво произнес:

– Нужны большие средства, чтобы основать новую колонию. Вы…

– А я и не спорю, – перебил его Хейл. – Сказал же: Харкеры дадут больше.

Настала очередь Сэма помолчать. Десятки вариантов возникали в его мозгу – десятки возможностей раздобыть деньги, перехитрить Харкеров, развернуть пропаганду и сделать следующую колонию успешной, несмотря на противодействие. Он справится. У него теперь все время в мире. И есть смысл вложить это время в колонию. Есть смысл сделать ее успешной.

Хейл следил за ним, и через фаталистическую апатию уже пробивалась надежда. Снова этот человек удивил Сэма. Проживший такую долгую жизнь, обладающий таким потрясающим опытом, он однажды связался с Сэмом Ридом – и готов связаться снова. А ведь Сэм Рид, в сущности, младенец в

глазах бессмертного. Хейл готов отказаться от главного дела своей жизни из-за отсутствия идей и инициативы, и это случится, если ему не поможет короткоживущий человек с кругозором не шире, чем у кошки.

Почему?

В памяти всплыла смутная параллель. Когда-то Сэм читал, что в давние времена монгольские орды были настолько изнурены своей чудовищной экспансией, что уже больше не могли играть активную роль в истории. Обладая гигантскими территориями и ресурсами, монголы не имели сил, чтобы удерживать инициативу или хотя бы защищаться от соседей, у которых, в отличие от них, в душе не погас огонь, зовущий на подвиги. Возможно, то же произошло и с Робином Хейлом. Он единственный из ныне живущих, кто сражался вместе с вольными компаньонами. Не растратил ли он в те суровые, жестокие годы свою энергию? За века он заматерел, накопил громадный запас опыта и знаний, но у него нет единственного качества, которое бы позволило пустить все это в ход.

Этой энергией безусловно обладает Сэм, ее у него вволю. А что, если он один такой? У Хейла долгая жизнь, но нет воли для ее применения. Остальные бессмертные достаточно инициативны, но…

– Если мы будем ждать согласия семей, то время действовать никогда не наступит, – проговорил Сэм и удивился: почему эта мысль раньше не приходила ему в голову?

– Все верно, – спокойно подтвердил Хейл. – И возможно, уже слишком поздно.

Сэм его почти не слушал.

– Семьи считают, что они правы, – продолжал он, обдумывая новую идею. – Но не хотят перемен. Будут ждать и наконец даже сами поймут, что прождали слишком долго, и тогда, быть может, даже вздохнут с облегчением. Они консервативны. Люди у власти всегда консервативны. Для них любая перемена – беда.

– Это относится и к населению башен, – сказал Хейл. – Что мы можем предложить людям такого, что сравнилось бы с тем, чем они уже обладают? Комфорт, безопасность, вдоволь развлечений? Цивилизованную жизнь? У нас тут опасности, тяжелый труд и надежда спустя века получить условия, в которых они живут сейчас под водой, не прилагая никаких усилий. Никто из них не увидит плодов своего труда, даже если они поймут необходимость перемен.

– Однажды они откликнулись, – задумчиво напомнил Сэм. – Когда мой отец предложил первый план создания колонии.

– Ну да, недовольных и теперь хватает. И они понимают: им

кое-чего недостает. Но одно дело – мечтать о романтике и приключениях, и совсем другое – подвергаться реальным опасностям, испытывать настоящие тяготы. Этим людям не хватает драйва. Покорителями диких просторов люди становятся потому, что дома условия невыносимы, или потому, что условия в другом месте выглядят заманчивее, или… или им обещают Грааль, Святую землю, нечто в этом роде. В данном случае речь идет о такой простой вещи, как спасение человеческой расы, а не о неосязаемой абстракции.

Сэм поднял рыжие брови.

– Спасение человеческой расы? – переспросил он.

– Если колонизация не начнется в ближайшее время, она уже никогда не начнется. Нам не хватит кориума, чтобы обеспечивать ее. Мне приходилось повторять этот довод так часто, что теперь он выскакивает автоматически, стоит открыть рот. Через несколько веков человеческая раса, спрятавшаяся в своих надежных утробах-башнях, вымрет без остатка. Истощаются ресурсы, слабеет воля к жизни. Но семьи сопротивляются каждому моему ходу. И будут сопротивляться, пока не станет слишком поздно. – Хейл пожал плечами. – Старая история. Мне говорят, что в башнях даже думать не хотят об этом.

Сэм искоса смотрел на губернатора. В голосе бессмертного звучала уверенность. Сэм верил Хейлу. И хотя судьба человеческой расы не слишком беспокоила его, увеличение продолжительности жизни изменило его отношение к следующим нескольким векам. К тому же у него были свои счеты с Харкерами.

А проект колонизации поверхности сулит неисчислимые возможности, если им будет руководить такой человек, как Сэм Рид.

У него в голове уже зрела блестящая идея.

– Свидетельство ваше, – отрывисто произнес он. – Теперь слушайте…

Робин Хейл закрыл за собой обшарпанную дверь административного здания и побрел по пластиковой дорожке. Над головой серость венерианского дня на мгновение уступила небесной синеве и солнцу, проглядывавшим между тучами. Хейл поднял голову и поморщился от яркого света, вспоминая давние дни.

Неподалеку впереди человек в коричневом комбинезоне рыхлил вокруг растения сверхплодородную почву Венеры. Он двигался размеренно, пожалуй, чуть скованно, но было видно, что работать ему нравится. Вот он поднял худое, с вытянутым

подбородком лицо, когда Хейл задержался у неглубокого резервуара.

– Минутка найдется? – спросил Хейл.

Человек улыбнулся.

– Сколько угодно, – сказал он. – Что вас беспокоит?

Хейл поставил ногу на борт резервуара и скрестил руки на колене. Старик удобно оперся на черенок тяпки. Несколько секунд они смотрели друг на друга, и еле заметные улыбки на лицах говорили о чем-то общем. Лишь эти двое на Венере помнили жизнь под открытым небом, смену дня и ночи, солнца и луны, естественный ритм нерукотворного мира.

Только Логик помнил те времена, когда земля под открытым небом не была смертельным врагом человека. Только он мог неторопливо, в охотку мотыжить почву, зная, что она не безвредна. Все остальные не были способны смотреть на нее без страха. Они привыкли, что почва таит опасность, видимую и невидимую, ведомую и неведомую: ядовитые грибы, невесть на что гораздые бактерии, удивительных насекомых и крошечных зверьков, которые выскакивают из своих нор под ударами заступа. Конечно, здесь грунт был стерилен, но условности умирают с трудом. Никто, кроме Логика, не любил грядки и клумбы с открытым грунтом.

Хейл лишь самую малость удивился, когда подумал, что ему знакома тощая фигура садовника. Было это несколько недель назад. Он остановился у грядки, велев помощникам идти дальше, а старик распрямился и бросил на губернатора острый иронический взгляд.

– Вы же… – нерешительно начал Хейл.

– Он самый, – улыбнулся Логик. – Мне уже давно следовало подняться на поверхность, но требовалось закончить одну работу. Здравствуйте, Хейл. Как поживаете?

Хейл сказал что-то резкое. Логик засмеялся.

– На Земле я был простым фермером, – объяснил он. – И крестьянская тяга никуда не делась. Но это лишь одна из причин. Здесь я в добровольческом контингенте. Кстати, под собственным именем. Вы не заметили?

Хейл не заметил. Многое произошло с тех пор, как он побывал в храме Истины и услышал голос, доносившийся из шара оракула. Его взгляд не зацепился за имя Бена Кроувелла, хотя списки добровольцев теперь были настолько коротки, что он мог цитировать их по памяти.

– Почему-то я не очень удивлен, – сказал Хейл.

– А с чего бы вам удивляться? Мы с вами, Хейл, единственные из живых, кто помнит жизнь под открытым небом. – Логик

принюхался и неодобрительно взглянул на импервиумный купол. – Вам встречались другие вольные компаньоны?

Хейл покачал головой:

– Я последний.

– Что ж… – Кроувелл срубил тяпкой случайный росток. – Я в любом случае какое-то время пробуду здесь. Но неофициально. На вопросы не отвечаю.

– Вы не отвечали и в храме, – с обидой напомнил Хейл. – За последние сорок лет я приходил туда не менее десяти раз и не получил ни одной аудиенции. – Он посмотрел на Логика, и в голосе вдруг зазвучала надежда. – Что заставило вас подняться сюда? Что-то должно случиться?

– Может быть, может быть. – Кроувелл вернулся к рыхлению. – Всегда что-нибудь случается – раньше или позже. Если ждать достаточно долго.

И это было все, чего Хейл смог от него добиться.

Сейчас, рассказывая Логику о случившемся, Хейл вспомнил тот разговор.

– Вы поэтому здесь? – спросил он, закончив рассказ. – Вы знали?

– Хейл, я не могу ответить на ваш вопрос. Не могу.

– Вы знали?

– Ничего не выйдет. Вы забываете: ни один талант не лишен изъянов. Я предвижу не будущее, а лишь его вероятность, что ненадежно по определению. – Кроувелл выглядел несколько раздраженным. – Я не Господь Бог. Не уподобляйтесь жителям башен, готовым снять с себя всякую ответственность. Фатализм, это «пусть оно само как-нибудь уладится» – вот что самое плохое в сегодняшней жизни Венеры. Фатализм тоже не Всевышний. Да и сам Бог не может изменить будущее. А если бы и мог, все равно не знал бы, что произойдет дальше. В тот самый миг, когда Он вмешается, в уравнении появится новая переменная.

– Но…

– Вообще-то, я вмешивался пару раз, – сказал Логик. – Даже убил однажды человека, потому что знал: если этого не сделать, он причинит великий вред. И я тогда оказался прав. Но я не вмешиваюсь, если не уверен, что могу помочь. Вмешавшись, я сам становлюсь переменной и, будучи включен в уравнение, уже не имею возможности увидеть его. Я не могу предсказывать мои собственные реакции, понимаете?

– Более или менее, – задумчиво произнес Хейл. – Но все-таки вы вмешиваетесь, когда это необходимо.

– Только в крайних случаях. И потом стараюсь принять меры,

чтобы события развивались естественно. Главное – равновесие. Если я делаю шаг вправо, равновесие сдвигается в этом же направлении. Значит, надо шагнуть влево – и икс останется равным иксу. Если я добавлю игрек с одной стороны, то не забуду вычесть игрек с другой. Знаю, с вашей точки зрения, это не выглядит вполне разумным, но с моего шестка – совсем другое дело. Еще раз повторю: я не Бог. Да и нуждаются ли нынче жители башен в Боге? Разве что согласятся, чтобы Он спустился и покрутил их на вращающемся стуле.

Логик вздохнул и посмотрел на импервиумный купол, на полоску голубого неба, освещенного солнцем.

– Чего хочет Рид? – спросил он. – У него есть идеи? Какие?

– Не знаю, стоит ли говорить, – раздраженно произнес Хейл. – Вам, должно быть, известно об этом больше, чем мне.

Логик легонько ударил кулаком по черенку тяпки.

– Что я знаю, о том не скажу, – проворчал он, – и поверьте, на то есть очень серьезные причины. Когда-нибудь, возможно, все объясню. А сейчас мне нужно услышать, чего хочет молодой Рид.

– Мы смотрели на картах. Он владеет территорией почти в триста квадратных миль, причем около ста миль приходится на морской берег. Побережье интересует нас в первую очередь, потому что там стоит один из фортов Вольных Компаний. Вполне годится для базы. Помнится, это место выбрали из-за гавани. Ее прикрывает цепь островов, выгибаясь к западу. – Неожиданно для себя Хейл заговорил быстрее: – Над этой колонией мы не поставим импервиумный купол. Будем адаптироваться. Невозможно иметь сбалансированную экологию, когда внутри одна атмосфера, а снаружи другая. Но нам, конечно, потребуется защита от поверхностной жизни. Думаю, лучше всего на эту роль годится вода. Острова представляют собой естественные каменные ступени. Мы будем осваивать их один за другим.

– Гм… – Логик задумчиво сморщил длинный нос. – Ну а что помешает семьям проделать те же трюки, при помощи которых они убили эту колонию?

Хейл закашлялся.

– Посмотрим, – сказал он.

Даже у наступления ночи есть свое экзотическое очарование для выросшего в башне человека… Сэм сжимал подлокотники сиденья в самолете, несшем его в направлении башни Делавэр, и зачарованно смотрел на сгущавшуюся над морем тьму. Атмосфера Венеры изменчива и коварна, самолеты летают здесь только по необходимости, да и то их рейсы коротки. Ландшафт внизу он мог видеть лишь фрагментарно, и тряска размывала

контуры, но в надвигающейся тьме различалось далекое сияние подводной башни. Этот свет вырывался из-под воды, и Сэм испытывал объяснимую эмоциональную тягу. Там, внизу, его дом; там безопасность, уют, музыка, смех. Оставшаяся позади колония кажется теперь полной противоположностью родного дома, она таит в себе смертельный риск и неизбежное поражение.

Нельзя этому поддаваться. Нужно думать о чем-нибудь хорошем, чтобы сопротивляться эмоциям, унаследованным и Сэмом Ридом, и тысячами других обитателей башен. Первопроходец должен терпеть тяготы и лишения, мечтая преодолеть все препятствия и добраться до Святого Грааля или до Эльдорадо. Надо тянуть и надо толкать, размышлял Сэм. Но сейчас все плохие условия легли на одну чашу весов. Для того чтобы другая перевесила, требуется что-то предпринять. Для победы нужен кориум. Нужны добровольцы-энтузиасты и согласие Харкеров, если не прямая поддержка. Пока ничего этого нет, а действовать необходимо быстро. Сразу по прибытии Сэм Харкер может снова встретиться с частной полицией – и исчезнуть, возможно, на этот раз навсегда. У него мало денег, нет влияния, нет друзей, кроме пройдохи, умирающего от наркотиков и старости; и даже его дружбу надо покупать.

Сэм негромко рассмеялся. Он был в отличной форме. Вера в успех граничила с экстазом.

– Первое, что я должен сделать, – сказал он Щипачу, – это появиться перед публикой на телеэкранах. Мне плевать, как ты это устроишь, но поспеши, чтобы семьи не успели добраться до меня раньше. Надо, чтобы все поняли: если я исчезну, это будет делом рук бессмертных.

Щипач кряхтел и чихал. В комнатке было душно, но сравнительно безопасно. Пока Сэм скрывается здесь, в родном для него криминальном мире, ему почти не грозит опасность очутиться в крепости Харкеров. Когда же он выйдет наружу, риск возрастет тысячекратно.

– Дай выпить, – сказал Щипач.

– У меня есть две тысячи кредитов, – сообщил Сэм, подавая бутылку. – И Хейл, возможно, наберет еще пару. Вот с этого и начнем. Подскажи, как их лучше истратить. Мне понадобится телевизионное время и хороший спичрайтер. Когда приступим, деньги сами к нам потекут. И на этот раз я не собираюсь прятать их в крысиных норах. Вложу туда, где они принесут максимум прибыли.

– Это куда же? – спросил Щипач.

– Во флот, – угрюмо ответил Сэм. – Новая колония будет

островной. Нам нужна мобильность. Предстоит сражаться с морскими животными, укреплять и заселять острова. Потребуются крепкие корабли, оснащенные мощным оружием. Вот на что пойдут деньги.

Щипач ничего на это не сказал и присосался к бутылке.

Сэм не стал ждать, когда начнет окупаться его пиар-кампания, и приступил к оснащению кораблей. Он экономил как только мог, но имеющиеся четыре тысячи кредитов очень скоро разошлись по секретным каналам для оплаты материалов, которые Хейл счел необходимыми на первом этапе.

Одновременно набирала обороты пропагандистская машина.

Сэм охотно предпочел бы длительную подготовку с тщательно продуманными песнями, восхваляющими романтику наземной жизни: открытое небо, звезды, смена дня и ночи и тому подобное. Успешная пьеса, модная книга с точно рассчитанными посылами тоже облегчили бы дело. Но у Сэма не было ни времени, ни финансовых средств для хитрых психологических игр.

По телевизору крутили оплаченные им рекламные ролики. В них Робин Хейл объявлял о создании новой колонии на территории, предоставленной частным владельцем. И смело, откровенно, за неимением возможности что-либо утаить, было объявлено об участии Иоиля Рида в этом проекте.

Иоиль с экрана честно рассказал об афере, организованной Сэмом Ридом.

– Я никогда не знал отца, – заявил он, вложив в эту исповедь всю присущую ему убедительность, – но я верю в новую колонию. Надеюсь, большинство из вас поймет меня. Я бы не осмелился предстать перед вами под моей настоящей фамилией, если бы не сомневался в успехе. Мыслимо ли, чтобы фамилия Рид снова зазвучала в этом проекте? Но это случилось! А случилось потому, что я не сомневаюсь в победе! Если колония потерпит крах, это станет и моим личным поражением. Не станет! На сей раз все получится!

В его спокойном голосе звучала непоколебимая решительность; его энтузиазм передавался слушателям. Он назвал свою подлинную фамилию, и это сработало. Многие поверили ему.

Те обстоятельства и побудительные мотивы, которые привели к возникновению первой колонии, действовали по-прежнему. Люди подсознательно понимали, чего их лишают башни. В глубине души они тосковали по утраченному наследию, и эта тоска давала Хейлу и Сэму средства на их первостепенные нужды

– не много, но достаточно.

Общество ждало, когда его убедят.

Сэм приступил к убеждению.

Харкеры, конечно, не сидели сложа руки. После первых часов растерянности они тоже начали действовать, и очень быстро. Но преимущество было не на их стороне. Они не смели открыто противостоять проекту. Ведь считалось, что семьи за колонизацию. Они не могли допустить, чтобы колония потерпела окончательный крах. Все, что им оставалось, – это развернуть контрпропаганду.

Распространялись слухи о вирулентной мутировавшей бацилле, появившейся на поверхности. Роботизированный самолет рухнул на глазах у телезрителей, разорванный на куски мощным атмосферным потоком. Все более усиливались толки о риске жизни на поверхности. Там слишком непредсказуемо, слишком опасно!

И тут Сэм сделал следующий смелый шаг. Почти открыто напал на Харкеров. Почти прямо обвинил их в нынешнем плачевном состоянии колонии.

– Есть высшие круги, – заявил Сэм, – которые хотят предотвратить колонизацию поверхности. Несложно понять почему. Поставьте себя на место влиятельного человека, на место влиятельной группы. Если вы правите башней, разве вам не хочется, чтобы это продолжалось и дальше? Неужели вы будете мечтать о переменах? Неужели не сделаете все от вас зависящее, чтобы помешать нам, простым людям, осваивать новые земли? – Сэм на экране наклонился, устремив на зрителей напряженный взгляд. – Разве вы не попытаетесь лишить нас малейшего шанса? – спросил он, уже готовый к тому, что его отключат, не дав договорить.

Но этого не случилось. Возможно, техники были слишком ошеломлены. Возможно, даже Харкеры не решились открыто бросить вызов общественному мнению. Сэм решил продолжать, пока есть возможность.

– Я надеюсь и впредь работать на пользу новой колонии. Да, у меня есть собственный интерес, я этого не отрицаю, но я тружусь и ради всех вас, тех, кто не правит башнями. И буду трудиться, пока жив. И если завтра я не выступлю вновь с сообщением о наших дальнейших планах, то вы, жители башен, конечно же, поймете, кто мне помешал.

Сэм отключился, но его слова повисли в воздухе и породили необычный тихий ропот на улицах башни Делавэр – ропот скорее удивленный, чем угрожающий. Впервые за много десятилетий

перед большими общественными экранами вновь собирались толпы, и это нельзя было игнорировать.

Харкеры услышали ропот. И решили дождаться своего часа. У них было так много времени, что они могли позволить себе ожидание.

Итак, пока что Сэму не нужно было опасаться частной полиции. Он быстро принимал меры для укрепления своей позиции. В борьбе с Харкерами ему требовалась прочная опора – прочнее, чем непредсказуемое поведение масс.

Единственным ключом к успеху была Сари. Сари Уолтон, наполовину Харкер по крови, явно ненормальная психически. В чем причина ее ненормальности? Сэм усиленно искал ответ на этот вопрос.

В архивах было очень мало материалов о бессмертных – только статистические данные, имена и краткие биографии. Конечно, благодаря своему долголетию аристократы избегали множества стрессов, которые приводили короткоживущих к неврозам. Но что, если долгая жизнь сопряжена со стрессами иного рода, которые не способен себе представить обычный человек?

Сэм искал и думал, думал и искал. Он проверил множество ниточек, но все они вели в тупик. Наконец обнаружил малоизвестный факт, который выглядел многообещающим. Он не давал полного ответа, а лишь на что-то указывал. На нечто любопытное.

Цикл воспроизводства бессмертных показался Сэму весьма необычным. У них были периоды плодовитости, обычно короткие и разделенные интервалами от пятидесяти до семидесяти лет. Ребенок, рожденный двумя бессмертными, всегда сам оказывался бессмертным. Но эти дети росли очень слабыми. У них был очень высок уровень смертности, и большинство из них почти всю жизнь проводили в тепличных условиях.

Сэм обнаружил, что одновременно с Сари Уолтон в семье Харкеров родился сын, мальчик по имени Блейз. Эти два ребенка были единственными выжившими потомками бессмертных, обитавших тогда в башне Делавэр. И Блейз Харкер впоследствии исчез.

С увеличивающимся интересом Сэм изучал записи, выискивая объяснения того, что случилось с Блейзом. Дата смерти отсутствовала. Обычные сведения об образовании, о различных обязанностях и предприятиях неожиданно оборвались примерно семьдесят лет назад. После этого ничего не было.

Сильно разволновавшись, Сэм запомнил эту информацию.

– Вот что нужно сделать, – сказал вольный компаньон, отступая на шаг от прибора. – Смотрите.

Сэм неуверенно пересек качающуюся палубу и склонился к окуляру. Он был словно пьяный в непривычной атмосфере, на борту движущегося корабля, ощущая лицом влажный бриз. Как же много открытого пространства вокруг, и даже легкий ветерок вызывает тревогу! В башне ветер совсем не такой, как на поверхности.

Молочно-белая вода вздымалась под молочно-белым небом. На берегу огромный пятнистый остов старого форта, казалось, шатался под напором победивших его джунглей. Из зарослей постоянно доносился гул, в котором различались отдельные крики, свист, визг, рев невидимых животных. Море шумно льнуло к бортам корабля. Ветер бессмысленно голосил в ушах Сэма. Рожденному в башне нелегко привыкнуть к жизни на поверхности…

Сэм прильнул глазом к окуляру и посмотрел вниз.

Перед ним возник новый мир, мир колеблющегося света и качающихся водорослей, между которыми петляли силуэты подводной живности: рыб с трепещущими плавниками, инеистых нитей сифонофор, медуз, пульсирующих в собственном ритме. С сонной неспешностью сжимались в блистающие полосатые кулаки анемоны. В случайных потоках качали огромными крыльями ярко раскрашенные губки.

В этой пестроте, в этом колыхании смутно проглядывали контуры затонувшего корабля. Третьего из тех, которые Хейл счел стоящими подъема.

– Он лучше сохранился, чем кажется, – уверил губернатор Хейла. – Потому что сделан из прочных сплавов. В старину удавалось восстанавливать и не таких утопленников. – Он умолк в задумчивости, оглядывая серые просторы.

Как будто явственно видел на них флоты Вольных Компаний; как будто и не миновали с той поры века и века. Башни и тогда были надежно защищены – только под импервиумными куполами могла выжить цивилизация. Но между ними на поверхности морей разыгрывались символические войны, эскадры наемников сходились в бою. Башня, чей флот проигрывал, платила контрибуцию кориумом. Иногда победители сбрасывали глубинную бомбу, чтобы напомнить подводному народу о его уязвимости.

Все осталось в прошлом. Джунгли расправились с большими фортами, а дредноуты затонули у своих причалов. Но они не

истлели – теперь Сэм убедился в этом. Они лишь увились водорослями, обросли ракушками, но прочный металл остался невредим.

Хейл и Сэм осматривали берега Венеры, где раньше стояли форты. Хейл посещал эти сооружения, когда в них еще теплилась жизнь. Он помнил гавани; он и сейчас мог перечислить боевые суда Компаний. Два первых корабля, которые удалось поднять, были вполне пригодны для плавания. В голосе и глазах Хейла появился энтузиазм.

– На этот раз нас не загонят под импервиум, – говорил он Сэму, держась за планшир и морщась от летящих в лицо брызг. – На этот раз мы сохраним мобильность, чего бы нам это ни стоило.

– Это дорого, – напомнил ему Сэм. – У нас нет таких средств. И не будет, если мы не предпримем что-нибудь чрезвычайное.

– Что именно?

Сэм задумчиво смотрел на губернатора, размышляя, не пора ли раскрыть свой замысел. Он уже несколько недель действовал исподволь, шаг за шагом подводя Хейла к решению, которое тот немедленно отверг бы при их первом знакомстве.

Сэм решал текущие проблемы методами, схожими с теми, которые применил – практически инстинктивно – сразу после того, как очнулся в переулке и ощутил на языке вкус сонной пыли. Он сделал карьеру, аналогичную его карьере в предыдущей жизни. Только теперь достижения, накопленные за сорок лет, уложились в несколько недель. Дважды он входил в этот жестокий мир нищим и беззащитным, не имея ни единого друга, и дважды добивался зыбкого успеха. Но он поставил ногу на первую ступеньку лестницы, которая упирается в звезды.

Сэм убедил себя, что поднимется наверх. Поражение для него немыслимо.

Хитростью он добыл запас кориума, необходимый, чтобы начать восхождение. А теперь кориум потребовался вновь, однако род Харкеров – куда более серьезный противник, чем Док Маллард.

Вспоминая трюк, проделанный с бандитами, Сэм пытался изобрести какую-нибудь уловку, которая сработает с Харкерами. Но ничего такого не приходило в голову. Харкеров ничем не соблазнить, у них и так есть все, чего только можно пожелать; получается, что их позиция несокрушима. Правда, есть Сари. Что, если как-нибудь незаметно разжечь в ней недовольство да вдобавок в нужный момент подсунуть наркотик? Тогда она, придя в ярость, почти наверняка убьет либо Захарию, либо себя. А может, погибнут оба. Да, Сари – это оружие, вот только очень уж ненадежное и, пожалуй, чрезмерно мощное. Конечно, Сэм

намеревался убить Захарию – когда-нибудь. Но прямо сейчас смерть Харкера не решит проблему.

Было кое-что общее между теми средствами борьбы, что имел Сэм Рид, и теми, которые колонисты могли применить для завоевания поверхности Венеры. В обоих случаях доступные виды оружия были либо слишком слабыми, либо слишком сильными. Полное уничтожение не годилось, но единственная альтернатива оставляла соперника практически невредимым.

Сэм понимал, что он должен либо отказаться от своих замыслов, либо сделать отчаянный шаг, который будет означать или полный успех, или полное поражение.

– Хейл, – хмуро заговорил он, – чтобы получить достаточно кориума для колонизации поверхности, мы должны сделать то, что никогда не делалось. Мы должны сбросить бомбы на башни.

Хейл искоса взглянул на него и рассмеялся:

– Шутите.

Сэм пожал плечами и взглянул на форт:

– Вы знаете способ получше?

– Я не знаю ничего хуже. – Голос Хейла звучал резко. – Я не убийца, Рид.

– Вы были вольным компаньоном.

– Это совсем другое дело. Мы…

– Вы сражались, подчиняясь башням. Вы участвовали в убийствах и грабежах. В самом настоящем пиратстве. Проигрывая, башни откупались кориумом – чтобы их не разбомбили. Вероятно, это был блеф, ни одна башня не подверглась бомбардировке. Я тоже предлагаю блеф. Семьи будут знать это. Мы тоже будем знать, но мы их перехитрим.

– Каким образом?

– Что мы теряем? Преимущество на нашей стороне: они могут потерять все. Мы можем все выиграть.

– Но они будут уверены, что мы не осмелимся на бомбардировку. Население даже не воспримет всерьез нашу угрозу. Вы знаете жителей башен. Они инертны. Они никогда не подвергались опасности. Их невозможно убедить, что мы способны напасть. Нас просто поднимут на смех. Человечество изжило страх смерти. Нам придется разрушить башню, убить тысячи людей, чтобы остальные поняли, что мы не шутим. Я не…

Смех Сэма прервал его.

– Изжит страх смерти? Я в этом не уверен. Мы все еще люди. Правда, уже много веков не было ни войн, ни других бедствий, но человек по-прежнему просыпается среди ночи от безотчетного страха, как первая обезьяна, осмелившаяся навсегда слезть с дерева. И наши ноздри по-прежнему раздуваются в гневе, потому

что раньше нужно было как-то дышать, когда рот полон вражьего мяса.

– Я не согласен, – коротко сказал ему Хейл. – Это заходит слишком далеко. Все, не обсуждается.

Угроза, впервые прозвучавшая с экрана, произвела эффект, равнозначный самому́ взрыву бомбы. Во всех башнях наступила мертвая тишина. Потом зазвучал ропот. Потом смех.

Хейл был прав. Отчасти. Никто не поверил в угрозу возрождения флота. Само существование колоний зависело от поддержки, которую оказывали башни. Кто же посмеет бомбить свой источник снабжения? Но даже если действительно возможно такое безумие…

В первые минуты каждый житель решил, что угрозе подвергается какая-нибудь другая башня, а не его собственная.

И тогда Сэм с общественных экранов назвал башню: Делавэр. Назвал время: сейчас! И цену пощады: кориум.

И началась битва воли.

У Сэма было оружие, которым он запасся до начала своей игры и которое придавало ему уверенности. Это было не очень сильное оружие, а значит, просто требовалось применять его с умом. Если оно не поможет одержать победу, отыграть назад уже не удастся.

Он нашел Блейза Харкера.

По большому счету вся борьба сводилась к конфликту двух людей – Захарии и Сэма. Семьи бессмертных правили башнями, Харкеры подавали пример остальным семьям, а Захария был главой клана Харкеров.

Захария мог и не знать, где сосредоточено главное напряжение, но Сэм это знал. Он все поставил на кон в надежде, что с помощью этого рычага и тщательно разработанного плана одолеет Захарию Харкера.

Конечно, он сознавал, что семьи наверняка строят собственные планы. В прошлый раз они действовали тайно, терпеливо дожидаясь возможности нанести неотразимый удар, и в результате все замыслы Сэма пошли прахом. На этот раз будет по-другому.

Блейза для Сэма отыскал Щипач.

Получив сообщение, Сэм безотлагательно отправился в тесную, смрадную берлогу Щипача в трущобах башни Делавэр. Старик покоился в объятиях «оранжевого дьявола». В течение нескольких минут он обращался к Сэму, называя его именем Клану, и невнятно рассказывал о давних преступлениях, которых

не помнил даже Сэм.

Сэм дал Щипачу выпить, и наркотический туман рассеялся, огромная туша приподнялась на постели, хихикая и чихая.

– Кстати, о Харкере, сынок. Я достал адрес. – Щипач вручил Сэму бумажку.

Сэм устремился к двери.

– Минутку, сынок! Не спеши. Куда ты собрался?

– К Блейзу.

– Тебе к нему не попасть. Квартал охраняется.

– Проберусь!

– На это уйдет шесть недель. Придется отыскать кого-нибудь, кто берет на лапу. Необходимо завербовать там как минимум одного «крота». А потом нужно будет как-то выбраться оттуда. И еще…

– Ладно, ладно, я понял. Ты можешь все устроить?

– Я могу попытаться.

– Начинай. Сколько времени потребуется? Я не могу ждать полтора месяца. Уложишься в три недели? – Сэм замолчал, прерванный громовым, все усиливающимся смехом, отчего одеяло заходило волнами, как при землетрясении.

– Забудь, малыш. Все уже готово.

Сэм удивленно посмотрел на Щипача. Тот захлебывался смехом.

– Старческие руки еще не утратили ловкости, сынок. Не думай, что дельце было простым, но оно обтяпано. Подними-ка вон ту шторку и выключи свет. А теперь смотри.

На дальней стене тускло засветился квадрат. По нему двигались тени, искаженные неровной поверхностью. Демонстрировался фильм, снятый шпионской камерой, очевидно, укрепленной на поясе человека, который двигался с непостоянной скоростью.

В первые секунды камера смотрела на железную решетку, стоящую очень близко к объективу. В кадре возникли ноги в белых брюках, брусья решетки разошлись, и тотчас появилась парковая дорожка с фонтанами по бокам. Вероятно, это был один из дворцов бессмертных.

Было нечто опасливое, нервозное в движениях камеры, в том, как резко она поворачивалась из стороны в сторону – человек снимал то, что его окружало. Дважды экран темнел на несколько секунд – должно быть, человек был вынужден прятаться за дверью или гардиной. Куда дольше он передвигался по коридорам – скрытно, короткими перебежками.

Вдруг скорость увеличилась – человек побежал со всех ног. Стены качались вверх-вниз, резко надвигались на поворотах.

Экран стал почти черен, но Сэм все же понял, что очередной коридор ведет вниз. Стеклянные стенки кабины лифта. Опять коридоры. И снова бег.

Человек остановился перед очередной решетчатой дверью – узорчатой, с толстыми брусьями. Брусья увеличились, потеряли четкость, исчезли – камеру просунули в решетку.

И эта сцена, самая важная, промелькнула стремительно. Сэм успел мельком увидеть пышное убранство комнаты. В ней находились трое. Похоже, двое боролись с третьим.

Вдруг камера пошла вбок, да так резко, что изображение затряслось. В кадре появился верх стены, край потолка; затем – близко к объективу – лицо со свирепой гримасой. Затем поднятая рука; в ней что-то сверкнуло.

Квадрат побелел, проектор шумно потрещал и выключился.

Показ возобновился, но не с того момента, на котором был прерван. Объектив вновь приближался к расплывающимся прутьям решетки, на этот раз очень медленно. Еще медленней, как в кошмарном сне, позволяющем изучить все до малейшей детали, в кадре возникла комната. Вся обстановка в ней была мягкой, без острых углов; стены на высоту человеческого роста обиты изящно простеганным бархатом. Ковер глубоко проминался под ногами людей.

Человек, который сопротивлялся, был высок, строен, тонкокостен, с красивой формой головы. Даже его дерганые движения не были лишены удивительной грациозности. Различить черты лица было сложно, потому что на нем часто сменяли друг друга свирепые гримасы. Глаза были закачены так, что исчезли зрачки, из прокушенных губ текла кровь.

Двое противников старались надеть на него смирительную рубашку.

Мало-помалу они одерживали верх. Все происходило до того заторможенно, что казалось сценой, исполняемой в точно рассчитанном ритме, балетом, лишенным самомалейшей спонтанности. Высокий бил себя по бокам связанными руками, запрокидывал голову, исторгая дикий беззвучный смех. Этот смех вдруг сменился яростным ревом. Высокий обманул противников: ринулся вбок и увлек одного из них за собой; оба рухнули. Второй склонился над буяном, но тут сцена заходила ходуном, а в следующий миг пленка кончилась.

– Это Блейз Харкер, – произнес в наступившем молчании Щипач. – Дай-ка выпить, сынок. Хлебни и сам – вижу, тебе это нужно.

– Так что решайте, – говорил Сэм тысячам зрителей. – Дайте

нам кориум, на который мы имеем право, или вам несдобровать. Время торга и уговоров закончилось. Это ультиматум. Каков же будет ваш ответ, Харкер?

Под всеми морями, под всеми импервиумными куполами люди, затаив дыхание, смотрели на лицо Сэма, размноженное экранами, и ждали, что будет дальше. Пауза затягивалась, в девятнадцати башнях разрастался ропот. Проблема их населению пока казалась чисто академической.

Совсем иначе дело обстояло в Делавэре. Здесь вмиг умолкли голоса и впервые, наверное, за все время существования башни можно было услышать глухой, мягкий гул Путей, наматывающих бесчисленные круги.

Захария заставил ждать довольно долго. Идеально рассчитав момент, когда у противной стороны должно было иссякнуть терпение, он вышел в эфир из далекой студии. На экранах черты Сэма расплылись и отступили на задний план, словно тень; на них наложилось лицо Харкера, как всегда, красивое и безмятежное.

– Рид, вы глупец. – Голос Захарии звучал спокойно, даже беспечно. – Всем же понятно, что это детский блеф.

Лицо Захарии сделалось прозрачным; лицо Сэма вмиг обрело четкость.

– Я ожидал такого ответа. Но вам придется поверить. Убедить вас – мой долг. Времени мало, так что смотрите.

Лица Сэма и Захарии померкли, исчезли с экрана. Появилось море. Просачиваясь сквозь облака, солнечный свет рассыпал по серым водам голубые блестки. И эту гладь разрезала бронированными носами эскадра из пяти кораблей. Она шла прямо на камеру.

Корабли были невелики, но ничуть не походили на игрушечные. С плавными обводами, низкие, быстроходные, они выглядели опасно. Они и были опасны. А особенно внушало страх то обстоятельство, что они выглядели совершенно безжизненными. Только смутные тени целеустремленно двигались под прозрачными раковинами из импервиума.

Эти машины были созданы ради разрушения, и они приближались, чтобы выполнить свое предназначение.

Экраны произнесли бестелесным голосом Сэма: «Смотрите!» Миг спустя вдали в кильватере последнего корабля вскипело море, вздыбилось белой пеной, устремилось к небу, рассыпалось алмазными брызгами.

Корабли потускнели, исчезли. Экраны пустовали недолго. Вот уже на них подводный мир, зеленовато-зеленый, потому что

поверхность совсем рядом, зыбь испещрила ее светотенями. В кадр вторгаются остроконечные силуэты – один, два, три, четыре, пять.

Темное сияние брони меркнет, кили кораблей исчезают наверху, а камера устремляется вниз, вслед за черным цилиндрическим предметом, сброшенным с борта последнего корабля. Строго держась в фокусе, бомба погружается в венерианское море. У каждого зрителя по коже ползут ледяные мурашки. Каждый в ужасе гадает: чья башня – мишень?

Море здесь глубокое, и кажется, бомба падает целую вечность. Очень немногие смотрят прямо на нее, большинство взоров устремлены на нижнюю кромку экрана. Вот сейчас покажется купол…

Показывается песок.

Как только происходит взрыв, камера отдаляется, чтобы продемонстрировать его результаты. Правда, смотреть особо не на что. Пожалуй, от этого даже страшнее. На дне моря воцарился хаос, экраны заволокло мутью и мглой, динамики исторгают далекий, но явственный грохот.

В башне Делавэр взрыв услышали не только благодаря динамикам. Сквозь толщу воды набежала звуковая волна и ударила по импервиумному куполу.

Что это за слабая вибрация? Неужели трясется башня?

Да разве может она хоть на миллиметр пошатнуться, даже если подводный титан обрушит на нее свой молот?

Грохот стихает. Мертвая тишина.

Далеко наверху, на флагманском корабле, Сэм задвинул звукопоглощающие панели и повернулся к вспомогательному экрану, чтобы получить донесение.

Ничье лицо не прислал на этот экран узкий направленный луч. Не зазвучал ничей голос. Но автоматика перевела шифрованное сообщение в читаемый текст:

«Час назад Кедре Уолтон покинула башню Монтана. Она только что прибыла в башню Делавэр».

Сэм инстинктивно посмотрел вниз. И воспользовался собственной шифровальной машиной:

«Она знает, что происходит?»

«Возможно, еще нет. Но узнает в Делавэре из теленовостей».

«Получила ли Сари препарат?»

«Как только стало известно об отъезде Кедре из Монтаны. Уже принимает его».

Настойчиво зажужжал другой экран. Динамик заговорил голосом Робина Хейла:

– Рид, вы уладили дело?

– Все в порядке, – ответил Сэм и вернулся к телекамере.

Но секунду подождал, глядя в лицо Захарии и приводя в порядок мысли. Он не смог удержаться от кривой торжествующей ухмылки при виде этой напускной божественной невозмутимости.

Все идет по его плану. Он рассчитал безупречно. И вот настал решающий час: Кедре Уолтон возвращается в башню Делавэр. Удар психологического молота подействует на бессмертных куда сильнее, чем любой подводный взрыв.

Сейчас Сари держит в руках наркотик, которым ее очень своевременно обеспечил Сэм, воспользовавшись своими новыми криминальными связями. Наркозависимые не задают лишних вопросов.

Сари воспользовалась снадобьем, едва оно оказалось в ее руках.

Этот наркотик ей привычен. Но к нему подмешано кое-что еще.

Должно быть, она получает одну нервную встряску за другой.

Ее мозг работает на полную мощность, но цемент логики, скреплявший кирпичики здравомыслия, рассыпался. Она уже готова взорваться, надо только тронуть спусковой механизм. И это будет направленный взрыв, а направление задано ее собственными условиями жизни, ее собственной окружающей средой. Вдобавок она родилась под той же планетой, что и Блейз Харкер. И это не Марс, а куда более зловещее небесное тело – Земля, холодно взирающая сквозь венерианские облака. Планета, от которой Сари получила роковое наследство – психическую нестабильность.

– Рид, – спокойно произнес Захария, – мы не поддадимся на шантаж. Вы не разрушите Делавэр.

– Это был первый взрыв, – сказал Сэм. – Мы идем к Делавэру. Каждые пять минут будем сбрасывать бомбу, пока не остановимся над вами. Но и тогда не прекратим.

– Вы подумали о последствиях?

– Да, – сказал Сэм. – У нас есть радары и средства противовоздушной обороны. Есть и управляемые снаряды. А из башен ни одна не вооружена. К тому же они находятся под водой. Под водой не опасно – пока вас не атакуют. А если это все-таки случится, чем ответить? Остается только ждать смерти.

Публичное телевещание повсюду разносило его голос. Сэм включил дополнительный канал, чтобы видеть огромный общественный экран, установленный на развязке Путей. Как он и ожидал, перед экраном собралась толпа.

Во всех башнях люди стекаются к точкам вещания. И это простые обыватели, не аристократы. Со всех сторон дороги везли

людей к точке вещания. Это красные кровяные тельца, не белые. Строители, а не воины. Что ж, для колонизации Венеры как раз строители и нужны.

Правда, сейчас приходится воевать с башнями.

Сэм слегка забеспокоился из-за Хейла. Он не был уверен в том, как поведет себя вольный компаньон. Если не останется другого выхода, сможет ли он сбросить бомбу на Делавэр?

А сможет ли так поступить Сэм?

Нет, этой крайности допустить нельзя.

Должно быть, Кедре сейчас приближается к дворцу Харкеров. Она знает, что случилось: во всех башнях по телевидению транслируют новости. Кедре торопится поддержать Захарию, которого любила на протяжении веков. Эта любовь сравнима не с ровным сиянием радиевой лампы, а с движением планеты: она достигает ближайшей к солнцу точки и устремляется прочь, к другим планетам, чтобы спустя какой-то срок, подчиняясь законам небесной механики, снова лететь к перигелию. Да, вполне закономерно, что в этом кризисе Кедре хочет быть рядом с Харкером.

– Еще бомбу, – приказал Сэм.

И опять сменилась камера. Опять вниз пошла бомба. На этот раз она ударила в материю породу. Грохот долго исторгался из динамиков, и порожденные взрывом внутренние волны раскачивали парализованных страхом людей, как водоросли.

В этот раз ни у кого не осталось сомнений. Очень уж ощутимо дрожала башня Делавэр.

Воцарилось молчание, слышался лишь механический гул Путей. Жители башни ждали. В такие огромные толпы они не собирались с тех пор, как первый человек достиг Венеры. Стадо, опекаемое бессмертными пастухами, следило за поединком Захарии Харкера и пирата.

– Что будет, если вы сдадитесь? – заговорил Сэм. – Кое-что потеряют семьи – но не простые люди. Аристократы, вы боитесь отпустить короткоживущих на поверхность? Боитесь, что там не сможете ими управлять?

– Любой человек, пожелавший перебраться в вашу колонию, волен сделать это, – сказал Захария. – Любой человек в башнях свободен. Вы пытаетесь заполучить рабов. Еще не пришло время селиться наверху, там слишком опасно. К вам не идут добровольцы, вот в чем проблема. Говорите, вам нужен только кориум? Уверен, это только первый пункт в списке. Дальше будут принудительная мобилизация и кабала.

– Время отвлеченных споров миновало, – произнес Сэм, зная,

что его голос звучит во всех башнях Венеры. – Слушайте! Отдайте нам кориум, или мы разбомбим башню Делавэр!

– Вы не будете бомбить башню. Вы не убьете полмиллиона людей.

– Для вас это небольшая цена, чтобы помешать колонии, не так ли? Возможно, вы предпочтете погибнуть вместе с башней, но как остальные бессмертные Делавэра? Ходит слух, что все Харкеры, кроме вас, уже эвакуировались из Делавэра, а сами вы держите наготове судно. Откуда вы сейчас говорите?

Захария не рискнул проигнорировать вызов. Рядом с ним, как было известно Сэму, стоял экран, показывающий толпы в башне. Престиж Харкеров – престиж всех бессмертных – целиком зависел от доверия короткоживущих.

Простолюдины не пойдут за теми, кого не считают надежными поводырями.

Захария повернул голову и отдал краткий приказ. А потом обратился к Сэму и жителям башен:

– Ни один бессмертный не покинул Делавэр. Я нахожусь в доме семьи Харкер, в совещательном зале. Убедитесь в этом.

На экране появился хорошо всем знакомый совещательный зал, но в нем не было никого, кроме Захарии, который сидел во главе длинного стола перед камерой.

В следующий миг отворилась дверь и начали входить мужчины и женщины. Сэм узнал Рауля. Но его интересовало другое знакомое лицо.

Верно ли рассчитано время?

– Что до остальных семей, – заговорил Захария, – мы быстро проверим, все ли они на месте.

На экране появлялись другие совещательные залы в обиталищах великих семей башни Делавэр. Все спешили показаться: Рэндольфы, Вуды, Дэвидсоны, Моусоны. Но все знали, что настоящие правители Делавэра – Харкеры.

Захария вернулся в кадр. Теперь вместе с ним за столом сидели Джеффри, Рауль и еще несколько членов семьи. Сэм нашел наконец Сари. Плохо, что она так далеко от камеры, – толком не разглядеть. Приняла ли она наркотик?

Сари сидела неподвижно. И вдруг ее кисти, лежавшие на столе, резко сжались в кулаки. Сэм понял: началось.

– Блеф не сработает, – процедил Захария. – Ни один бессмертный не сбежал из башни.

– Значит, вы готовы скорее умереть, чем поделиться с нами кориумом? – осведомился Сэм. – Это ваше дело, аристократы, оно касается только ваших жизней. Но кориум принадлежит не вам, а народу башни. Он принадлежит тем, кто его создал. Вы не вправе

распоряжаться жизнью и смертью народа.

– Народ – это мы все, – возразил Захария.

– Лжете! – отрезал Сэм? – Что вы знаете о нас? Вы боги. Вы не имеете ни малейшего представления о жизни простолюдинов, обреченных трудиться до гробовой доски и не получать за свой труд вознаграждения. Это вознаграждение присваиваете вы! Потому что способны, палец о палец не ударив, дождаться, когда простолюдин умрет, когда умрут его дети и внуки. Вы не спешите с колонизацией поверхности, поскольку родились очень давно и успели походить под звездами и солнцем; вы знаете, как жилось на Земле в те времена. Настанет срок, и вы сядете на корабли и улетите к другим планетам. Опять присвоите то, что создано не вами. А как насчет нас? Мы умрем, и умрут наши дети, и умрут наши внуки, так и не увидев вершину пирамиды, которую в поте лица строили всю жизнь. Нет, аристократы, вы – не народ! – Голос Сэма вырос до крика. – Вы даже не люди! Вы – бессмертные!

– Мы правим по воле народа. Потому что наиболее пригодны для этой миссии.

– Наиболее пригодны? – переспросил Сэм, а затем воскликнул: – Где Блейз Харкер?!

– В настоящий момент он отсутствует в башне Делавэр…

– С глазу на глаз, – потребовал Сэм.

Возникла пауза. Затем Захария дал знак, и во всех башнях померкли экраны. Только на двух остались изображения: Сэм и Харкер.

– Я знаю, где находится Блейз Харкер, – заявил Сэм. – У меня есть видеозаписи, и я покажу их всем. Догадываетесь, что случится с престижем Харкеров, если народ узнает, что бессмертный может свихнуться?

За спиной у Сэма застрекотала шифровальная машина. Он обернулся и прочел: «Кедре Уолтон входит в дом Харкеров».

Почти вовремя.

Машина застрекотала снова. Недоумевая, Сэм прочел: «Слушайте башни! Настройтесь на них! Слушайте!»

Он не хотел слушать. Очень уж многое зависело от его точного, до секунды, расчета времени, а также от удачи, от счастливого шанса. Малейший сбой, и все рухнет! Он не хотел отвлекаться на то, чего не ждал. Надо давить на Харкеров, нельзя дать им ни мгновения передышки.

Но все же Сэм включил свой секретный канал – и застыл, весь обратившись в слух.

Внизу, в башнях, экраны померкли. Народ, зачарованно внимавший сверхважному спору, оказался отрезан от него в

момент кульминации.

И народу это не понравилось.

Над многотысячными скоплениями людей взмыл гневный ропот. Толпы тяжело заколыхались, закрутились живые водовороты вокруг экранов, как будто от напора на них изображение могло вернуться. И с каждой секундой ропот нарастал. Вот уже различаются отдельные тонкие крики – властные требования толпы. Не ответить нельзя. И отвечать нужно без малейшего промедления.

Сэм резко повернулся к экрану, который показывал совещательный зал. В этом зале звучало далекое эхо гневного ропота смертных. Харкеры тоже наблюдали за поведением толп. Они тоже поняли, что время понеслось вскачь. Сэм ухмыльнулся: все отлично, лучше и быть не может. Он вывел Харкеров из равновесия, хотя они сами о том не догадываются. До сего дня никто из бессмертных не подвергался такому давлению. Они не знают, как этому противостоять. А у Сэма вся жизнь – сплошной стресс. Сэм привык думать быстро.

– Престиж бессмертных! – быстро заговорил он, обращаясь к Харкерам. – Да вы потеряли всякую связь с человеческими существами. Что вы, аристократы, можете знать о человеческих чувствах? Вера, верность? Так ли уж сильно они изменились за несколько веков? Я счастлив, что я короткоживущий!

Сделав паузу, чтобы отдышаться, он встретил недоуменный взгляд Захарии. Тирада прозвучала не совсем так, как было задумано, и Харкер вмиг уловил фальшивую нотку. Одно дело – ораторствовать перед заинтересованной толпой, и совсем другое – ударяться в высокопарные абстракции перед крошечной и весьма критически настроенной аудиторией. Ложный пафос хорошо действует на слабые умы, чьи мысли перед тобой как на ладони. А разве в этом зале найдется хоть один слабый ум?

На лице бессмертного вдруг отразилась догадка, но было уже слишком поздно. Сэму оставалось отправить в эфир лишь несколько слов, но пока он собирался это сделать, позади Захарии распахнулась дверь.

Надо же, секунда в секунду!

– Так, значит, для таких как вы это нормально? – проревел он. – Это нормально – дурачить женщину, вышвыривать ее, когда вы готовы вернуться к…

В совещательном зале появилась Кедре Уолтон. Краем глаза Сэм поймал вспышку зеленовато-золотистых волос, когда Сари подняла голову; увидел, как напряглись ее плечи под поблескивающей шалью. Но его взгляд был устремлен на Кедре.

Она как будто не слышала сказанного им. Высокая, безупречно сложенная, быстро пересекла комнату, чуть запрокинув голову, как будто каскад ее волос был слишком тяжелым для тонкой шеи. На ходу расстегнула застежку длинного плаща и позволила ему соскользнуть, улечься на полу лоснящимися складками. Кедре шла прямо к Захарии, простерев тонкие белые руки.

Сэм не сомневался, что так и произойдет. Слишком долго Кедре и Захария были близки, чтобы она не явилась сейчас. За несколько веков их разумы слились в один, и этот общий разум работал с наивысшей эффективностью, когда они бывали вместе. А сейчас как раз такой момент, когда Захария остро нуждается в этом. И Кедре, ни минуты не медля, отправилась на его зов.

Сэм перевел взгляд на Сари. Захария тоже – но слишком поздно. Ее уже было не остановить. Расчет оказался верным. Сари получала шок за шоком, а ведь ее нервная энергия уже была истощена борьбой с измененным Сэмом наркотиком. Сари ненавидела Захарию и Кедре. И вот эта ненависть набрала критическую массу.

Сари родилась под звездой, в которую превратилась Земля. Теперь и ей пришел черед взорваться, и волна безумия и ярости ударит в том направлении, которое выбрал Сэм.

Через секунду совещательный зал превратился в сцену схватки. Бессмертные пытались оторвать руки Сари от горла Кедре.

Сэм нажал кнопку, его лицо появилось на экранах общественных телевизоров далеко внизу, в башнях. Недобрый гомон толпы, нараставший медленно, но неуклонно, оборвался, как только зазвучал голос Сэма.

– Харкеры! Харкеры! – позвал он. – Не могу связаться с вами! Выйдите в эфир!

Ответа не последовало. Харкерам было не до того.

– Харкеры! Харкеры! Вы покинули башню?

Взорвалась еще одна глубинная бомба. И перекрывая ее громовые раскаты и зловещий скрип импервиума, Сэм снова воззвал:

– Харкеры, где вы? Если сбежали, чья теперь власть? Отвечайте!

Внезапно на экране появилось лицо Захарии. Он тяжело дышал, из длинной царапины на щеке текла кровь. Но на лице отражалось ледяное спокойствие.

– Мы не сбежали из башни. Мы…

Он не закончил – голос потонул в реве толпы.

Ревела башня Монтана. Впервые в венерианской истории

голос толпы набрал такую силу; впервые с тех пор, как бессмертные взяли в свои руки управление обществом, общество осмелилось усомниться в их праве на это.

Толпе казалось, что башня уже рушится. Захария, вынужденный отвлечься на какой-то непонятный для масс конфликт, вернулся на экраны. Он тяжело дышал, по лицу бежала кровь – выглядело это жутко. Рот шевелился, но слова тонули в могучем нечленораздельном реве толпы.

Ударные волны снова и снова заставляли стонать купол. И впервые на лице бессмертного сквозь невозмутимость пробилась паника.

Толпы были охвачены ужасом. Они требовали сдаться; их рев все нарастал.

И тут Сэм допустил первую ошибку.

Он должен был отступить, позволив событиям идти своим путем. Но поведение Захарии, даже в такой обстановке сохранившего ледяное спокойствие, вызывало сильнейшее желание расквасить это гладкое, вечно молодое лицо, вырвать признание поражения у несгибаемого бессмертного.

Наброситься с кулаками на Захарию было невозможно, и поэтому Сэм сорвался на крик.

Первые несколько слов, которые он проревел, никто не услышал. Но едва на экранах появилось его простецкое рыжебровое лицо, толпы чуть притихли и его выкрики стали разборчивы.

– …Сдавайтесь немедленно! – ревел Сэм. – Никто из Харкеров не годится для власти! Дайте то, чего мы требуем, и покажите, что происходит в совещательном зале. Покажите! Мы хотим убедиться, что Харкеры в кризис не ведут себя как безумцы! Не хотите? Ладно, тогда я сам покажу! Жители башен, сейчас вы увидите Блейза Харкера! Увидите, что он…

Силуэт Захарии сделал нетерпеливый жест, и лицо Сэма ушло на задний план, голос зазвучал тише. Харкер укрупнился и обрел четкость; подавшийся вперед, он казался богом, разглядывающим сверху охваченную паникой толпу.

– У меня есть для вас новости, жители башен, – спокойно сказал он. – Вы в безопасности. Ни одна бомба не упала на башни – и не упадет. Этот человек не тот, за кого он себя выдает. До сего дня я хранил тайну, но теперь придется ее раскрыть. Иоиль Рид сказал вам, что никогда не видел своего отца. Он поклялся смыть позор со своей фамилии и дать нам еще одну возможность колонизировать поверхность, возможность, которой вас лишил Сэм Рид.

Выдержав паузу, Захария заявил:

– Но этот человек и есть Сэм Рид!

Наступила тишина, ее сменил недоуменный гул. Дав паузе повисеть, Захария поднял руку:

– Мы нашли неоспоримые доказательства: отпечатки пальцев и снимки сетчатки глаз. Наши следователи не ошиблись. Это Сэм Рид, аферист, проходимец, уже обещавший нам однажды фантастические блага. Разве можно верить хоть одному его слову? Сэм Рид, обратитесь к народу! Поговорите с теми, кого вы обманули. Или станете все отрицать? Или мы услышим новые посулы? Нам что, предъявить доказательства? Отвечайте же, Сэм Рид!

Лицо Сэма вернулось в фокус изображения. В тени позади него ждал Захария, приоткрыв рот, тяжело дыша; по щеке струилась кровь.

Захария потерял самообладание. И миг спустя это стало ясно всем, кто на него смотрел.

Сэм понял: сейчас необходимо думать так быстро, как ему еще ни разу в жизни не приходилось. Есть пятнадцать секунд, которые могут сойти за намеренную паузу, а потом придется говорить. Где-то на задворках разума уже возник ответ.

Но его никак не удавалось выловить.

Десять секунд…

Двенадцать…

И тут до Сэма дошло! Захария допустил огромную, поистине фатальную ошибку. Харкеры не привыкли к быстрому мышлению. Слишком много веков миновало с тех пор, когда им приходилось в один миг всесторонне оценивать опасную ситуацию и отыскивать самый верный выход из нее. Будучи бессмертным, Захария не умел думать, как короткоживущий. Потому что не жил сегодняшним днем.

Сэм рассмеялся.

– Нет, – сказал он. – Я не стану отрицать. Напротив, сам приведу доказательства. Потому что я в долгу перед вами. Я совершил огромную ошибку и теперь хочу ее исправить. Харкер прав: я бессмертный!

Он сделал паузу, чтобы все усвоили сказанное им.

– Сорок лет назад мне в лицо в лицо бросили сонную пыль, – продолжал Сэм. – Сорок лет я отсутствовал. Как по-вашему, похож я на восьмидесятилетнего? А ведь мне восемьдесят!

Он опустил голову и вынул контактные линзы. Он выплюнул накладные зубы. Он сорвал с головы рыжий парик и улыбнулся зрителям, лучась уверенностью в себе, которую отзеркалили тысячи экранов.

Все увидели квадратное, волевое, с резкими чертами лицо. И

на этом лице – ни единой морщинки. И лысина не как у пожилых, а форма черепа слишком грубая, в ней не углядишь признаков наследственности Харкеров.

Это лицо сильного, жизнеспособного, энергичного человека. Но это определенно не лицо бессмертного.

– Смотрите на меня! – потребовал Сэм. – Вы видите, что я не бессмертный? Я такой же человек, как и любой из вас. Не бывает бессмертных с телосложением, как у меня. Но я прожил восемьдесят лет.

Он чуть отошел назад и помолчал, устремив на зрителей пронзительный, яростный взгляд.

– Я был обычным человеком! Но я жил на поверхности. И там я совершил великое открытие. Я узнал, почему бессмертные не хотят колонизации. Всем вам известно, как они старались помешать нам. Теперь я скажу почему. Вы все можете стать бессмертными!

Прошло без малого пять минут, прежде чем стих гомон. Наверное, один лишь Сэм услышал, как Захария Харкер устало произнес:

– Ладно, Рид, черт с вами. Вы получите кориум. И что теперь? Новая афера? Если нет, валяйте, подарите им бессмертие.

Когда Всевышний даровал
Израилю Исход,
Он беглецам дорогу дал
По дну морскому – вброд…
. . . . . .
Издалека смотрю туда,
Куда мне нет пути;
В страну, куда мне никогда
Не суждено войти.

А. Хаусмен. Когда Всевышний даровал.

Перевод Р. Торпусман

Стена была покрыта фресками, на которых фантастические моря – зеленые, в багровых и белых пятнах – омывали подошвы бархатисто-коричневых холмов. Эти берега существовали давным-давно в раскаленном мире. Художник, расписывавший стены, никогда не видел обнаженных холмов или разноцветных морей. Поэтому было нечто неестественное в этом надуманном пейзаже, что особенно бросалось в глаза, если смотреть в центр фрески, на квадрат с ярко оттененными движущимися силуэтами, на подлинное море и подлинный берег, покрытый густыми джунглями, и на корабль, что мчался вперед, оставляя за собой расходящиеся клином волны.

Двое в ярко раскрашенной комнате молча следили за событиями, происходившими далеко наверху. Кедре Уолтон, сидевшая на полу по-турецки на плоской подушке, раскладывала в пасьянсе карты Таро и лишь изредка поглядывала экран. А вот Захария Харкер, утонувший в большом кресле, не сводил с корабля глаз.

– Плывите, глупцы несчастные, плывите, – очень тихо проговорил Захария.

В руке он держал курильницу с тлеющим порошком лозы и время от времени проводил ею перед носом. Эта лоза росла на поверхности и имела манеру капать белой ядовитой смолой на оказавшееся под ней существо. Будучи высушена, она при горении давала приятный наркотический дым, который смягчал чувства и успокаивал мозг. Захария глубоко вдохнул дым и пустил его струйкой в направлении экрана.

– На этот раз, – сказал он, – Сэм Рид откусил больше, чем сможет проглотить.

– Как вульгарно, – прошептала Кедре, сверкнув улыбкой.

Сверкнув в прямом смысле, поскольку эта женщина неуклонно следовала моде. Ее тяжелые черные локоны тоже блистали – каждый волос был покрыт золотой пленкой и уложен в замысловатую прическу, которая подобно короне возвышалась над узким египетским лицом. Даже брови стали тонкими золотыми дужками, и золотая бусинка свисала с каждой ресницы.

– Нелепо выглядишь, – сказал ей, моргая, Захария.

– Конечно нелепо. Я всего лишь выясняю, насколько далеко могу зайти. Любая женщина в…

– Смотри! – Захария резко выпрямился в кресле, впившись взглядом в экран.

Кедре обернулась, не донеся карту до столика. Оба сидели совершенно неподвижно, глядя на беззвучно разворачивающееся на экране действо. Оно казалось не вполне реальным.

Корабль двигался вдоль длинной дуги волнореза туда, где в море вдавалась белая пристань. На борту было десять пассажиров, десять молодых мужчин и женщин, стремившихся к обещанному им бессмертию. Они нервно вертели головой, рассматривая диковинный верхний мир, который для жителей башен всегда означал опасность и невероятную романтику. Подобно юношам и девушкам, приносимым в жертву Минотавру, они с волнением и страхом взирали на мощную стену джунглей, которая все приближалась, и на низкие, гладкие белые стены колонии Плимут, окружавшие первый из покоряемых островов.

Вдруг из воды впереди возник Минотавр, и он был полон решимости получить свою жертву. Эти моря изобиловали ящероподобными чудовищами; немногие из них имели названия, и тот, что взвился из молочных волн на пути корабля, не был знаком никому из очевидцев. С жуткой ленивой грацией на двадцать футов вытянулась темная блестящая шея. Вода, как клочья шелка, слетала с этой грандиозной арки. Чудовище раскрыло пасть, способную заглотить человеческую голову, и засвистело. Челюсти были усажены клыками, плотными, как крепостные частоколы.

Над водой разнесся хор тонких возгласов и воплей. Корабль поворачивал, перепуганные пассажиры кинулись к противоположному борту. Голова чудовища устремилась к ним, шея вилась за ней, как толстый канат. Чудовище, надо отдать ему должное, двигалось с изумительным изяществом. Похоже, оно облюбовало девушку, стоявшую ближе к носу корабля, – желтоволосая, в платье цвета красной розы, та ярким пятном

выделялась на фоне бледного моря.

На маленьком корабле воцарился сущий ад. И тут рулевой, двигаясь с расчетливо-пренебрежительной точностью, наклонился и сдвинул рычаг. Над обоими бортами выросли прозрачные стены, сблизились наверху, соединились со щелчком; пассажиры и экипаж теперь были защищены сверхпрочной импервиумной раковиной.

Голова ящера с грохотом обрушилась на нее. Корабль накренился так, что импервиумная створка легла на воду; люди свалились с ног; на палубе образовалась мельтешащая куча мала. Сверкнул в дневном свете острый киль, и на него напоролась темная шея чудовища.

Пронзительный вой пронесся над волнами, и усаженная клыками пасть взмыла к облакам. Шея резко распрямилась, из раны фонтаном ударила кровь, такая же ярко-красная, как и платье девушки.

Крик повторился, и был он еще пронзительней. Кровь била теперь не только из рассеченной шеи, но и из разинутой пасти. Дважды голова ударилась о воду, а затем погрузилась, исчезла. На том месте, где утонул ящер, осталось только красивое карминное пятно. Корабль выпрямился и направился к пристани.

Кедре рассмеялась и положила карту на столик.

– Бедняжка рулевой! – сказала она. – Как же ему все это надоело! Я бы не удивилась, узнав, что Сэм Рид решил устроить новым добровольцам эффектный прием и специально привязал там монстра. Им теперь будет о чем рассказать.

– Не следует недооценивать Сэма Рида, дорогая, – мрачно проговорил Захария, снова поднеся к носу курительницу. – Он бы именно так и поступил и даже придумал что-нибудь пострашнее, если бы усмотрел в том выгоду. Он очень опасен, Кедре… Не потому, что изобретателен, а потому, что невменяем.

Кедре качнула сверкающей «короной».

– Конечно, ты прав. Нам сейчас не до смеха. Кто бы мог подумать, что Рид зайдет так далеко? Настоящее пиратство… Наверное, если кто-нибудь встанет у Сэма на пути и Сэм не сможет устранить его легальным способом, мы увидим новый акт насилия. Перед нами сложная проблема, Захария.

– Значит, он тебе разонравился, дорогая?

Кедре не подняла головы, услышав вопросительную нотку. Вместо этого она мешала лежащие карты заостренным ногтем, пока не отыскала Повешенного. Эта карта, как и все остальные, была чрезвычайно изящной. Казненный был подвешен за правую лодыжку к Т-образному дереву на фоне задника с тонким

золотым узором. Золотой нимб окружал его голову со свисающими рыжими волосами и безмятежным лицом. Кедре подняла карту и задумчиво посмотрела на рисунок.

– Не спрашивай меня об этом, Захария.

– Но тебе придется однажды ответить самой себе, милая. Это уже не мимолетный каприз. Сэм Рид – бессмертный.

– Я знаю.

– Ты знаешь, кто он?

Кедре бросила на собеседника взгляд:

– А ты?

Захария кивнул, вдохнул дым и развеял облачко перед лицом.

– Он Харкер, Кедре. Ты в курсе насчет Блейза?

– Теперь – да. Вероятно, уже все в курсе. Сэм оставил слишком мало места для сомнений, когда решил уничтожить престиж Харкеров. А сам-то он знает, Захария?

Бессмертный негромко рассмеялся:

– Отменный парадокс. Нет, он не знает. Он не жалеет энергии, пытаясь дискредитировать нас, чтобы больше никто никогда не поверил Харкерам. Когда же он поймет, что будет уничтожено и его собственное имя, я с удовольствием посмотрю на его физиономию.

– Уничтожено? Подходит ли здесь это слово?

– Ну, все не так уж и безнадежно. Мы снова завоюем авторитет. У нас могут случаться ошибки – мне уже кажется, что такой ошибкой было сопротивление колонизации, – но наши дальние умыслы всегда прочны, и уверен, все это понимают. Пока я склонен наблюдать и ждать. Мы удлиним поводок. Пусть колонии развиваются успешно. Как ни противна мне эта мысль, но придется поработать вместе с Ридом.

Кедре перевернула карту. Хотела было положить ее на столик, но вдруг замерла, глядя на рисунок со слабой улыбкой.

– Что ж, поработаем – до поры до времени. Сэм Рид плохой человек. Какие бы чувства я к нему ни испытывала, его натуру я знаю. Дадим ему пройти весь маршрут, но не позволим взобраться на вершину. Пока Сэм не на вершине, он справляется лучше, чем любой из нас. Движимый самыми худшими побуждениями, он совершит настоящий подвиг, создаст под собой прочную пирамиду, фундамент для своей власти, базу для эффективной социальной системы. Но только базу. Дальше он пойти не сможет. У него нет созидательной концепции. Нам придется остановить его.

– Я знаю. Как это сделать?

– Боюсь, придется применить его методы. Воспользоваться

слабостью Сэма, обратив его сильные стороны против него самого. Подсунем приманку, на которую он не сможет не клюнуть, а потом… – Она улыбнулась и щелкнула по карте изящным пальцем.

Захария ждал.

– У меня еще нет плана, – сказала Кедре, – но похоже, он начинает складываться. Мне нужно поразмыслить. Возможно, существует оружие, против которого у Сэма нет защиты.

– И что же это за оружие?

Она подняла позолоченную бровь и посмотрела на Захарию, чуть изогнув рот в своей египетской улыбке, больше похожей на гримасу боли. Золотые брови уподобляли ее лицо маске. Кедре снова щелкнула по карте. Как ни хорошо изучил эту женщину Захария, он не мог догадаться, что за мысли рождаются сейчас в ее голове. Он еще никогда не видел такого выражения на ее лице.

Захария молча наклонился к столику и взглянул на карту. Это была Десятка Мечей. Она изображала аморфный серый морской берег и темное закатное небо с четкими рукоятями на его фоне. Мечи стояли вертикально, вонзенные в мертвеца.

И вот колония Плимут полностью получила свою первую квоту добровольцев. Сэм ждал этого дня с нетерпением и тревогой, но нетерпение было сильнее. Он предпочитал сразу браться за решение задачи – возможно потому, что в прошлом многие его враги оказывались возмутительно увертливыми. Нынешняя проблема была чисто психологической. Он должен произнести речь, сказать то, чего от него с нетерпением ждут тысячи искателей бессмертия.

Он наполнил легкие воздухом, глядя на ряд экранов, изучая свою аудиторию. И начал:

– Вы специально подобранная группа. Каждый из вас был тщательно изучен, прошел основные тесты, а они были трудными. Нам нужны самые здоровые, умные, сильные жители башен. Вы – штурмовой отряд бессмертия.

Он помолчал, переводя взгляд с экрана на экран. Тысячи людей ловили каждое его слово.

– Не любой человек может стать бессмертным. После определенного периода биологической жизни начинается старение. Оно проявляется не сразу, к некоторым приходит раньше, чем к другим. Мы еще не знаем, отчего возникает этот процесс, хотя уже нашли способ остановить его. Может быть, старость – это просто результат работы вируса. Рано или поздно выясним. В данный момент мы располагаем фактом: есть фактор, прекращающий старение. Но он редко действует на людей старше

сорока лет – возможно, потому, что равновесие уже нарушено в пользу старости.

Сэм снова пробежался взглядом по экранам. Эти зачарованные тысячи таят в себе опасность. Он держит в руке гранату. И держать ее придется до последней возможности.

– Все вы проверены физически и психологически. Вы цвет башен. Вы первыми получите бессмертие. Позже его обретут и остальные, но вы – авангард. Вы сделаете бессмертие безопасным для остальных, и они получат его; тогда и вы будете наслаждаться плодами своего труда. Скажу правду: это тяжелый труд. Вам придется прожить на поверхности несколько лет, прежде чем вы получите бессмертие.

Пять лет, подумал он. Может, и больше. Но пять – это максимум, который он позволил себе. Держа в уме этот срок, он контролировал тестирование, отбирал добровольцев по главным критериям.

Проверка тысяч – позже это будут миллионы – рутина, которая заняла бы очень много времени, если бы Сэм не имел в своем распоряжении технику. Бюро жизненной статистики хранило разнообразные сведения о населении, включая информацию о психологии, наследственности, вероятной продолжительности жизни, а также очень важные данные о патологических наклонностях. Сэму нужны были крепкие и сообразительные мужчины и женщины. Но был еще один исключительно значимый фактор, и от него зависел успех всего плана.

Требовалась молодежь, только что достигшая зрелого возраста. Именно у таких людей старческие изменения, накапливающиеся за пять лет, незаметны.

– Вы должны жить на поверхности. Помните, я провел здесь почти сорок лет. Среднестатистическому взрослому человеку требуется от трех до шести лет, чтобы получить защиту от старости. Поскольку возможно, что старость имеет вирусную природу, чем старше человек, тем больше нужно времени, чтобы уничтожить вирус. Если ребенок подвергается радиации с момента рождения, как было с детьми бессмертных, то он почти не нуждается в лечении. Не исключено, что это из-за отсутствия вируса в теле новорожденного. Такой ребенок растет, достигает зрелого возраста и на этом останавливается. Живет веками, но не стареет.

В будущем дети, родившиеся в башнях, получат такую возможность. Со взрослыми же дело обстоит иначе. Вы тоже получите шанс, но за него предстоит побороться. Вы должны постоянно подвергаться воздействию радиации в течение шести

или семи лет, а в башнях это неосуществимо.

Мы пока мало знаем о радиации. Радиоактивные элементы присутствуют в почве и атмосфере Венеры, но в микроскопических количествах. По неясным пока причинам человеческому организму необходимо подвергнуться солнечному и космическому облучению. Пока мы знаем только одно: чтобы получить бессмертие, нужно провести годы на поверхности; лишь в этом случае действие радиации станет кумулятивным. Процесс этот слишком сложен, чтобы объяснить подробности. Радиации подвержены только люди – в этом мы убедились. Она, подобно древней бацилле проказы, не воздействует на животных. Морскую свинку невозможно заразить проказой. Вот почему врачи долго не могли найти средство против этой болезни.

Бессмертие – для людей, для вас. Для всех жителей башен. Каждый, кто не слишком стар, может получить его. Но для этого нужно пожить на поверхности.

В Плимуте не хватит места для всех желающих. Придется создавать новые колонии. Это единственный выход. Мы думали о ротации населения с интервалом в семь лет. Честно говоря, мы могли бы принимать и более старых, кого еще можно вылечить радиацией. Эти люди законсервировались бы в своем возрасте, в то время как молодым пришлось бы стареть. Поэтому мы предпочитаем набирать людей в расцвете физических и психических сил, чтобы они оставались такими сотни лет. Мы не хотим, чтобы остальные ждали по семь или четырнадцать лет своей очереди. Как только ваша колония укрепится, из башен прибудет следующая партия – и расширит колонию. Вот так все получат равные возможности.

Сэм изучал экраны. Проглотят. Возможно, через пять лет и возникнут вопросы, но до тех пор перемены во внешности не будут заметны, а если и будут, то их можно объяснить влиянием новой окружающей среды. Колонизация поверхности Венеры, разумеется, естественным образом изменит облик человека.

– Вы должны заслужить бессмертие, – говорил Сэм тысячам внимавших. – Возможно, вам, переселившимся из башен, не сразу удастся адаптироваться к здешним условиям. Администрация постарается помочь с этим. Но помните: надо прожить на поверхности не менее шести лет, и только подчиняясь порядкам колонии, вы сможете это сделать.

Руководить будут те, кто уже знаком с местными проблемами, и вы обязаны подчиняться им. У нас есть законы, и они не такие, как в башнях. Это поверхность. Она враждебна; она старается убить человека ежеминутно и круглосуточно. Теперь вы

колонисты, а не жители башен, и на вас распространяются законы колонии. В соответствии с подписанным вами контрактом вы не можете вернуться назад без согласия здешних властей. Это согласие вы получите, когда станете бессмертными.

Вообще-то, приспособиться не так уж и трудно. Изучите свои обязанности. Будьте готовы заменить работающего рядом. Изучите обязанности своего начальника. В колонии продвигаются быстро, будьте готовы к этому.

Бессмертие нужно заслужить. Следующие несколько лет будут для вас нелегкими. Но вы отдадите колонии не десятую часть жизни, а менее сотой. Помните об этом. Семь лет в колонии эквивалентны месяцу жизни бессмертного.

Помните об этом!

Каждый раз, когда упадете духом, вспомните! Вы станете бессмертными. И не существует такой тяжелой работы, которую сильный человек не способен выдержать в течение одного-единственного месяца.

Сэм выключил телекамеру. Он был один в комнате. Секунду или две просидел молча, следя за толпами, которые больше не могли ни видеть, ни слышать его. Затем негромко сказал:

– Проглотят. Подслащенную пилюлю проглотить легче.

Люди продолжали смотреть на экраны. Сейчас они получат распоряжения от своих непосредственных начальников – первопоселенцев колонии Плимут, крепких, опытных, долго проработавших с Хейлом и Сэмом. И сплотят ряды – в прямом и переносном смысле.

Расширению колонии быть. Как малина протягивает корни и выпускает поросль, так же будет расти и колония. И не пять лет, а гораздо дольше. Все новые и новые поселения будут возникать на берегу, поддерживаемые Плимутом, пока не смогут перейти на самообеспечение. А Плимут должен остаться компактным и сильным.

Эти другие колонии…

Да, есть проблема. Они должны сделаться неуязвимыми, иначе им не устоять против яростного натиска континента. Неуязвимыми – но не для Сэма.

А вот колония Плимут должна стать неуязвимой абсолютно.

Для этого у Сэма есть всего-навсего пять лет, прежде чем на него набросится озверевшая толпа и растерзает в клочья.

Звено за звеном ковали они островную цепь. Для отдыха времени не оставалось, каждая минута тратилась на дело. И все же Сэму казалось, что Хейл намеренно избегает его.

Обнаружив кабинет вольного компаньона в очередной раз

пустым, он гневно фыркнул и включил настольный телеэкран:

– Где губернатор?

– Руководит очисткой Шестого острова.

– Соедините.

Экран потемнел. Вероятно, там, где находился Хейл, не было телепередатчика.

– Хейл слушает.

– Сэм Рид. У нас назначена встреча.

– А-а… – Тон Хейла изменился. – Простите. Ситуация меняется так быстро. Мы получили новое оборудование, его нужно испытать. Я хочу сделать это на Шестом острове. Увидимся позже.

Сэм хмыкнул и отключился. Выйдя наружу, он вызвал водный флиттер. Теперь он не сомневался, что Хейл избегает его.

Рулевой был из первых колонистов Плимута. Он козырнул Сэму и направил машину к морю. Они быстро описали полукруг и помчались вперед.

Острова, мимо которых проплывал Сэм, были уже колонизированы. Чудовищные леса исчезли, появились культурные растения. Тут и там виднелись дома. Пристани, окаймленные частоколами, располагались через одинаковые промежутки. Острова с Первого по Пятый представляли собой диковинное сочетание аграрности и милитаризма.

Пять островов, всего лишь пять, противостояли огромным континентам Венеры, кишевшим свирепой жизнью. Но это только начало. Шаг за шагом наступление будет продолжаться.

Сэм ничего не мог прочесть на лице рулевого. Вряд ли стоит опасаться первопоселенцев Плимута. Недовольны будут те, кого позднее набрали в башнях. Но это и случится не в ближайшие годы, надеялся Сэм. К тому времени он установит надежный контроль.

А Хейл?

Чью сторону примет Хейл? С кем он будет через пять лет? Эта мысль изрядно беспокоила Сэма. С семьями, хозяевами башен, он справится: это явные враги. Но у Робина Хейла есть не только возможности бессмертного, но и позиции, которые становятся крайне опасными для Сэма. Внешне эти двое действуют как партнеры, делают общее дело. Но заглянуть Хейлу в душу Сэм не может. В этом и заключается главная трудность.

Что известно вольному компаньону и о чем он догадывается? Знал ли Хейл с самого начала, что Иоиль Рид и есть Сэм Рид? Подозревает ли Хейл, что обещание бессмертия – обман?

С точки зрения Хейла, Сэм может быть прав. Что, если дети бессмертных с момента рождения подвергаются воздействию

радиации? Так это или нет, неизвестно. Но вольный компаньон не из легковерных. Даже его готовность пойти за Сэмом выглядит подозрительно. Конечно, пассивность Хейла может быть следствием усталости, накопившейся за трудные годы. Но даже усталость металла – дело поправимое. Недаром орала перековывали в мечи.

Металл, металл… У Сэма возникла новая мысль. Добровольцы из башен – крепкие, сильные – пока так податливы в его руках. Им придется выдержать жестокие битвы с поверхностью. Когда металл закален…

Опять мысль о мече…

«Мне нужно защитить и спину», – подумал Сэм.

Приближался Шестой остров. Лишь высокий холм на его краю не был покрыт джунглями.

На вершине стоял вертолет, и на фоне жемчужного неба вырисовывался человеческий силуэт. Возле временных причалов двигались баржи и боевые корабли.

Сэм указал место, рулевой кивнул и развернул флиттер. Ловко виляя, тот пробирался среди судов; на ветровой экран сыпались брызги.

«Сегодня дождя не будет, – подумал Сэм, взглянув на облачный покров. – Это хорошо».

Метеорология играла важную роль в Плимуте – условия на поверхности были достаточно тяжелые даже в отсутствие яростных проливных дождей. Всю работу приходилось планировать в соответствии с прогнозами метеорологов. Для того чтобы основать базу на Шестом острове, требуется несколько ясных дней. Гораздо позже будет протянут мост к Пятому острову и цепь увеличится еще на одно звено.

Сэм встал, когда флиттер прижался бортом к причалу. Он легко перепрыгнул на помост и оказался в самом центре энергичной, но не суетливой деятельности. С баржи съехала огромная гусеничная рубильная машина, и берег, казалось, прогнулся под ее чудовищной тяжестью. За ней последовали куда менее громоздкие вездеходы на высоких колесах, оснащенные специальным вооружением для борьбы с джунглями. Люди ходили в легких защитных костюмах и респираторах. Громоздкая экипировка на берегу была только помехой.

Человек в маске, похожей на морду тапира, протянул Сэму сверток.

– Советую надеть, сэр. На этом клочке земли еще попадаются насекомые, да и растения очень ядовиты.

– Ладно, – согласился Сэм и, надев костюм и респиратор,

спросил. – Мне нужен губернатор. Это он там, на холме?

– Да, сэр. Туда еще нет дороги. Он добрался на вертолете.

– Так найдите и для меня вертолет.

Подумав секунду-другую, человек повернулся и прокричал вопрос. Вскоре прибыла двухвинтовая машина.

Полет продлился четыре минуты. Сэм спрыгнул на вершину холма с зависшего вертолета и взмахом руки отпустил пилота.

На Хейле не было ни защитного костюма, ни респиратора, поэтому Сэм снял свои. Здесь, высоко над джунглями, риск заразиться был минимален. К тому же за последние месяцы Хейл и Сэм приобрели изрядный иммунитет.

Хейл кивнул Сэму. Он держал бинокль и портативный микрофон, провод от которого уходил к вертолету. Других приборов у губернатора не было. На походном столе лежала приколотая крупномасштабная карта.

– Как дела? – спросил Сэм.

– Прекрасно, – ответил Хейл. – Пятикратное опрыскивание уничтожило большинство жуков, но, к сожалению, пока не всех.

Все, что ползало под ногами, классифицировалось как жуки. Остальные представители фауны назывались тварями, а флоры – зеленявками. Опрыскивание не оказало желаемого воздействия, поскольку звери были огромны, а растительность крайне агрессивна и непредсказуема.

Но все же колонисты многому научились, пока заселяли пять островов. Первый шаг – полив острова растворами, которые не по нраву жукам. Вдобавок один из препаратов поражал лишайники, а другой наносил значительный ущерб прочей флоре. Твари в лучшем случае слегка болели. Они набрасывались на людей, но их можно было подстрелить, если не зевать. Зато у них не было гадкой привычки проникать к человеку в легкие и быстро разрастаться там комковатой массой, парализуя дыхательный аппарат.

Шестой остров не был похож на колонизированные ранее. Он производил впечатление тяжелобольного.

Джунгли больше не были буйным морем сияющей зелени. Казалось, они свисают, как испанский мох, сплошь покрывший высокие скалы, и лишь изредка летаргически пошевеливаются. Сэму захотелось разглядеть их получше.

– В кабине есть другой бинокль, – предложил Хейл.

Сэм изучал с холма остров. Рассматривал людей. Было в их движениях нечто особенное – живость, нетипичная для первой колонии и уж точно неизвестная в башнях. Интерес Сэма к джунглям был поверхностным и побочным. На самом деле его

интересовали только люди, он подолгу размышлял над их мотивацией и искал в поступках то, что могло бы пригодиться ему, Сэму Риду.

Этим людям работа была в радость. Необычное для Венеры явление. Сэм знал, что у них ноют мышцы от непривычного труда, что под защитным костюмом ручьями льется пот. Каждый вздох, каждый шаг сопряжен со смертельным риском. Но это не мешало им быть счастливыми, полностью отдаваясь новой, увлекательной работе. Чтобы оценить ее результаты, достаточно было просто оглянуться назад. В поте лица своего бороться с хаосом и создавать порядок – разве это не достойное для человека занятие? Люди слишком долго были лишены возможности получать удовольствие от физического труда.

Сэм отогнал мысль о том, когда же это удовольствие сменится скукой.

Он искоса взглянул на Хейла. Тот держал бинокль у глаз, чтобы скрыть, что он рассматривает партнера.

Сэм хмуро произнес:

– Хейл, что будем делать с Харкерами?

Губернатор сказал несколько слов в микрофон, зачем-то помахал рукой в сторону невидимой рубильной машины и повернулся к Сэму.

– А что вы предлагаете? – кротко спросил он.

– Очень уж они тихие. Позволили нам выиграть… Не слишком ли легко сдались? Однажды они заставили нас поверить, что мы победили, и втайне подготовили удар. Да, не спорю, это моя ошибка. Тогда я был молод и глуп. Но с тех пор поумнел. Потому-то и не доверяю Харкерам.

На лице Хейла оставалось спокойное, ничего не говорящее выражение.

– Может быть, – загадочно произнес он. – У вас уже есть далеко идущие планы?

Наступила очередь Сэма уклониться от ответа.

– Что вы имеете в виду?

– Я имею в виду, что через несколько лет – пять или десять – у нас возникнут неприятности. Вы и это предусмотрели?

Сэм вздохнул с облегчением. Итак, тайное стало явным. Со времен его телевизионного триумфа, когда он вырвал победу у семей, пообещав населению башен бессмертие, они с Хейлом не разговаривали начистоту.

Виноват в этом был Хейл. Он заботился о том, чтобы при их встречах всегда присутствовали посторонние. И Сэму ни разу не представилась возможность спросить партнера, догадывается ли тот о новой афере. Сэм испытывал определенное психологическое

давление, и это ему, конечно же, не нравилось. Он не ожидал, что Хейл окажется настолько сильной личностью. Но сейчас, по крайней мере, прояснится вопрос о бессмертии. Хейл знает правду. До сих пор он молчаливо терпел. Использовал добровольцев, которых нельзя было заполучить другими путями. Он позволил связать свое имя с аферой, по сравнению с которой первоначальное мошенничество Сэма сущий пустяк.

Осознав это наконец, Сэм почувствовал себя увереннее.

– Да, я все предусмотрел, – сказал он. – Жалею, что пошел на обман, но цель оправдывает средства – иным способом мы бы ничего не добились.

Услышав местоимение «мы», Хейл слегка приподнял брови. Но возразить ему было нечем. Он получил выгоду от обмана и теперь не мог отказаться от своей доли ответственности.

– Да, не добились бы, – кивнул он. – Что сделано, то сделано. Позже мы увидим, стоила ли овчинка выделки. Увидим, никуда не денемся. Рид, вы думали о том, как встретить кризис?

Конечно, Сэм думал. Но предостережение было четким: Хейл пойдет с ним не до конца. Что ж, тогда он не до конца узнает и планы Сэма.

– Есть несколько вариантов, – осторожно ответил Сэм. – Обсудим их позже, когда будет время.

Выход имеется лишь один, сказал он себе, и Хейл глупец, если не понимает этого. Когда выяснится, что обещанного бессмертия никто не получит, колонисты будут до крайности возмущены. Сэм был намерен подготовиться к этому дню. Если Хейл разочаруется в своем решении – что ж, пусть он останется в одиночестве и получит все последствия. Сэм Рид будет действовать только в интересах Сэма Рида. И если Хейл попробует вмешаться, в колонии Плимут возникнет конфликт.

Сэму не давала покоя мысль, что Хейл может преподнести ему сюрприз, оказавшись очень серьезным противником.

Пожалуй, стоит сменить тему. Сэм узнал то, что хотел узнать, но предлог, который привел его сюда, остался нерассмотренным, а он тоже важен.

– Что касается Харкеров, – сказал он. – Думаю, в этот раз стоит поддерживать с ними связь. Будем сотрудничать, и это позволит нам следить за их действиями. Пока я не вижу, что они могут противопоставить нашим планам. Но Харкеры понимают: чтобы колонизация удалась в целом, она сначала должна преуспеть здесь, в Плимуте. Если же мы потерпим неудачу, то другой попытки не будет.

– Конечно, вы правы. Думаю, это теперь понимают все

бессмертные.

– Им придется идти к цели вместе с нами, если они не солгали насчет своей мотивации. Мы победили, и мне кажется, это мы должны сделать первый шаг к объединению.

– И какой же это шаг?

Сэм помолчал.

– Сам я не рискну, – заявил он наконец в порыве откровенности. – Мы с Захарией Харкером не выносим друг друга. Как увижу его, хочется врезать. Вы больше подходите на роль дипломата. Вы бессмертный. И давно знаете их всех. Возьметесь?

Хейл, в свою очередь, заколебался. Затем уклончиво сказал:

– Вы тоже бессмертный, Рид.

– Допускаю, что это так. Но мое бессмертие другого рода. Когда появится время, я постараюсь с этим разобраться, а сейчас есть дела поважнее. Так возьметесь?

Хейл молчал, обдумывая ответ. В его руке запищала рация. Он прижал устройство к уху, обрадовавшись помехе.

Некоторое время губернатор слушал, вглядываясь в джунгли и видя раскачивающиеся кроны деревьев. Там трудилась невидимая рубильная машина.

– Возьмите бинокль, – сказал он Сэму, – и посмотрите вон туда, на просеку. Это стоит увидеть – машина движется к сирене.

Казалось, бинокль мощным толчком подбросил джунгли в направлении Сэма и вверх. Рубильная машина разделила остров на четыре части, проторив широкие полосы, между которыми остались клинья джунглей, с краями, брызжущими ядовитым соком, сверкающими бриллиантовой росой – но уже бледнея, тускнея. Ближайший участок джунглей был почти уничтожен, и на другой кромке этой пустоши Сэм видел методично продвигающуюся машину. Настоящее чудовище, покрытое толстой броней, приплясывало на гусеницах в грозном ритме. И не сказать, что эта колесница Джаггернаута, созданная для уничтожения венерианских джунглей, выглядела здесь инородным телом. У венерианских гигантских ящеров поступь была такой же быстрой и хищной, их бронированные бока так же величаво колыхались между деревьями.

Лианы цеплялись за машину, плотно опутывали ее плечи и бока. Некоторые даже слабо извивались, пытаясь всадить в металл похожие на клыки шипы.

Сэм слышал отдаленный рокот машины. Отчетливо доносились и треск ломающихся деревьев, и возбужденные крики людей, побежавших на шум.

Глаза Сэма поймали вспышку яркого света перед машиной, и казалось, все его чувства замерли на миг. Он уже не слышал происходящего далеко внизу, не ощущал прижатого к лицу бинокля, не осязал жесткой атмосферы, к которой никак не мог привыкнуть. Осталось только цветное пятно, сверкавшее прямо перед газами. Вот оно поблекло, а затем вспыхнуло другим цветом, сильнее, чем прежде.

Сэм стоял неподвижно, а эти два цвета слились вместе, образовали новый, третий, и он раскинулся вокруг бледными полосами, которые задвигались в слабом гипнотизирующем ритме. Смотреть на это было почти физически больно.

Сэм резко опустил бинокль и вопросительно взглянул на Хейла. Вольный компаньон слабо улыбался, увиденное явно ему понравилось.

– У вас сильный характер, – неохотно признал губернатор. – Еще никто на моей памяти не вырывался так быстро из сети сирены. Вы плохой объект для гипнотизера.

– Это так, – угрюмо подтвердил Сэм. – Уже проверено. Что это за диво?

– Отдаленный родич «плаща счастья». Помните, «плащи» делают из подводных существ, которые вступают в нейроконтакт с жертвой и поедают ее заживо? При этом жертва не пытается убежать от хищника, она разделяет удовольствие с «плащом». Сеть сирены действует так же. Это наземная версия. Смотрите.

Сэм на этот раз тщательно подогнал окуляры, и существо оказалось совсем близко. Вначале невозможно было рассмотреть, что же это за сеть, потому что Сэм снова впал в оцепенение, позволявшее ему только с мучительным восторгом любоваться сменой красок.

Потом он напряг волю, освободился от гипноза и взглянул как бы со стороны. Вероятно, это очень старая сеть – насколько возможно дожить до старости в хищных венерианских джунглях. Судя по количеству людей, бежавших к машине, существо имело не менее десяти футов в диаметре. Паутина сплелась между двумя деревьями над небольшой поляной, прикрепившись прочными нитями к ветвям деревьев и стеблям лоз.

В ее центре находилось нечто вроде туго натянутой пленки. Оно слегка вибрировало – не от ветра, а само по себе – и вспыхивало разными цветами, причем каждая вспышка была еще более чарующей, чем предыдущая; и все быстрее краски разбегались по дрожащей паутине.

Сэм уловил слабый звон. Поскольку звук доходил гораздо медленнее, чем свет, он накладывался на следующую вибрацию. Звон этот не мог показаться мелодичным человеку, но в нем был

какой-то глубинный музыкальный ритм, пронзительная певучесть, достигавшая не только ушей, но и нервов и заставлявшая их экстатически вибрировать в тон паутине.

Сирена напрягала всю свою гипнотическую мощь, полыхала самыми яркими красками перед равнодушной мордой машины, пытаясь проникнуть в проволочные нервы и парализовать металлического гиганта.

На мгновение Сэму показалось, что даже эта конструкция из стали и импервиума не устоит против колдовского гипноза.

Если машина покорится сирене, то людям, бегущим за ней, несдобровать. Сэм улавливал лишь отдельные звуки, но и от них мозг работал с перерывами, и в перерывах вспышки норовили окончательно парализовать сознание. Он понял, что если бы оказался среди этих людей, то и сам слепо побежал бы навстречу зловещим объятиям сирены.

«Такое случалось и раньше, – вяло подумал он. – Давным-давно, в Греции, если верить Гомеру».

Все закончилось через несколько секунд. В последний раз вспыхнув и завизжав, сирена раскинула свою сеть во всю ширь. Затем нос рубильной машины придвинулся вплотную и коснулся центра паутины.

Мембрана мигом напряглась, прыгнула вперед, окутала кабину. Нити натянулись и затрепетали в триумфальном экстазе. Вероятно, по ним прошел слабый электрический импульс, который должен был парализовать добычу. Казалось, машина дрогнула, когда сверкающие тенета оплели ее корпус. Казалось, ее броневые плиты задрожали в нервном восторге от соприкосновения с сиреной.

Но гигантский механизм не остановился. Нити паутины натягивались, утончались. По мере роста напряжения менялся их цвет, терял интенсивность. Они пели так пронзительно, что ухо не могло вытерпеть, зато нервы продолжали вибрировать в упоении под натиском ультразвуковых волн.

Нити разорвались. Сеть конвульсивно сжалась в последней попытке уничтожить металлического врага, краски заполыхали в фантастической разладице. Затем нити повисли, вяло заскользили по бронированной кабине. Гусеницы подхватывали их, безжалостно вдавливали в землю, рвали в клочья.

Сирена, эта колдовская сеть, эта рубашка кентавра Несса, мигом лишилась своих гипнотических красок. Казалось, под гусеничными траками вминается в зеленую пульпу, конвульсивно корчится кусок резины мерзкого серого оттенка.

Сэм облегченно вздохнул и опустил бинокль. Некоторое время он молчал, затем шагнул вперед и положил бинокль на

походный столик, снова доказав, что он трудный объект для гипнотизера.

– Насчет Харкера, – сказал он. – Когда вы встретитесь с ним?

Хейл тоже вздохнул:

– Я не могу.

Сэм нахмурился:

– Это очень важно, Хейл. Кроме вас, не справится никто.

– Есть только одно место, Рид, где я действительно незаменим, – это здесь. Никто лучше меня не знает поверхность. Я не дипломат. Это вы – наш человек для контактов, так что извините.

В этих словах было нечто большее. Сэм понял, что Хейл решительно отмежевывается от него, не желая принимать участие в афере. Он готов получить лишь результат аферы – выгоду. Власть над людьми. На это губернатор согласен, но черную работу предоставляет Сэму.

И Сэм ничего не мог с этим поделать.

Впервые ему в голову пришла эта неприятная мысль: до сего момента он себя считал движущей силой колонизации. Он дергал за ниточки марионетку, Робина Хейла. Но теперь неизвестно, кто тут кукловод, а кто кукла.

Он пожал плечами:

– Ну что ж… сделаю, раз надо. Но не вините меня, если последуют неприятности.

– Не буду.

Сэм сжал зубы. Тема еще не исчерпана. Теперь он знает, кто его истинный соперник. Знает и то, что конфликт только начинается.

Свет был холодным и чистым, как хрусталь. Комната предназначалась для работы, для обдумывания, для планирования. Она была создана бессмертными для бессмертных. Все детали функциональны, но не навязчивы: они плавно переходят друг в друга, а кристаллические плоские цветы и движущиеся картины на стенах – тоже части общего уютного убранства. Но если все же взгляд цеплялся за медленно меняющиеся краски или за плавно расцветающий искусственный бутон, непоседливые мысли тоже задерживались, чтобы после, быть может, двинуться новым путем.

В этом прохладном, тихом помещении, залитом ярким светом из невидимых источников, за длинным столом сидели бок о бок Захария и Кедре. Женщина тонкими пальцами с позолоченными ногтями листала лежавшее перед ней досье.

– Тебе следует увидеться с Ридом, – сказал Захария.

Кедре изящно пожала плечами:

– На поверхности? О нет, только не это!

– Разве не ты лучше всех подходишь для контактов с ним?

– А стоит ли вообще иметь с ним дело?

Захария кивком указал на стол:

– У тебя есть план, но Рид не дурак. Он сам не раз применял такие трюки. Нам нужны два плана: настоящий и ложный, чтобы отвлечь его внимание.

– Ты не знаешь, что я задумала.

– Но догадываюсь. Ты исходишь из того, что сейчас Рид необходим, но позже станет опасен.

Кедре кивнула.

Захария взял ее за руку и легонько провел пальцем по золотистым ногтям.

– И когда же Сэм станет опасен? Этого мы не знаем. А до тех пор он будет последовательно укреплять свои позиции. Возможно, сейчас он уязвим, но позже мы лишимся этого преимущества. С другой стороны, мы пока не можем нанести удар. Не можем, если хотим, чтобы поверхность Венеры была колонизирована.

– Хейл был прав, и ты это знаешь, – мелодично произнесла Кедре. – Мы слишком долго ждали.

– Не совсем так… Впрочем, одна ошибка еще не означает поражения. Вопрос в том, кто пешка, а кто игрок. Рид думает, что игрок он. Пусть продолжает верить в это, пока…

– Пока?

Захария смотрел на хрустальное растение на стене и ответил не прежде, чем оно выпустило бутон и расцвело.

– Пока он обеспечивает развитие колоний. Точный срок назвать невозможно. Но нам потребуется мина. Заложить ее нужно сейчас, и пусть она ждет своего часа.

– Да, мой план таков, – подтвердила Кедре. – Единственная мина, которую бессмертный может применить против бессмертного, – это мина замедленного действия.

– Продолжай?

– Какую мину мы можем применить против Сэма? Чтобы она постоянно находилась рядом с ним, пребывая в боевой готовности, скажем, двадцать лет? Этого времени будет достаточно. И Рид сам должен хотеть, чтобы мина была рядом. Это будет нечто такое, в чем он нуждается. Нечто, выполненное по специальному заказу, конкретно под его потребности. И чтобы он ничего не заподозрил. Мина будет выглядеть совершенно безвредной, она выдержит все проверки, которым подвергнет ее Сэм. Даже если ему удастся выяснить подробности ее

конструирования.

Захария усмехнулся:

– Конструирование?

– Рождение.

– Ну конечно! Человеческая мина замедленного действия. Как ты сказала? Единственное оружие, которое бессмертный может применить против бессмертного. Каковы же затруднения?

– Мне нужна твоя помощь, Захария. Нам необходимо начать задолго до рождения. Мы будем выращивать мину из гена. Мы будем обучать ее на каждом этапе. И мы будем тщательно заметать следы. Кажется, я знаю, как все это проделать. Но вначале… вначале дедукция, затем индукция. Вот актуальная информация о Сэме Риде.

– Не из общественных архивов?

– И из них, и из наших частных. Сэм Рид даже не подозревает, как много мы знаем о нем. Психологически он нами изучен досконально.

– Он может измениться через пять лет. Или через пятьдесят.

– Мы можем построить графики прогноза. Основные элементы не меняются. Известно, что он всегда будет питать слабость к синему цвету. У нашей мины будут синие глаза.

Захария рассмеялся. Но Кедре даже не улыбнулась. Она сделала раздраженный жест и взяла фотографию.

Посерьезнев, Захария испытующе посмотрел на женщину.

– Хотелось бы знать, Кедре, что тобою движет, – сказал он. – Знаешь ли это ты сама?

Она спокойно ответила:

– Я выделила множество фактов и составила типаж человека, с которым Сэм захочет сблизиться, скажем, через восемнадцать лет. В своем прогнозе я, естественно, исхожу из того, что колонизация будет успешной. Над этим мы с Сэмом должны работать вместе. Наша мина будет специально подготовлена, чтобы ее таланты и навыки оказались необходимы ему. Черты характера и физические данные тоже очень важны. Сэм предпочитает определенные типы голосов и лиц. Есть и те, что ему не нравятся. И я нашла портрет того, кто нам нужен. – Кедре взяла из папки другую фотографию. – После этого я приступила к изучению статистических данных в поисках подходящей родительской пары. Я проверила наследственность и вообще абсолютно все. Могу точно предсказать, каким будет ребенок, особенно если он родится в конкретных условиях, которые мы организуем, само собой, нелегально.

Харкер взял фотографии юноши и девушки:

– Они знакомы друг с другом?

– Еще нет. Но познакомятся. Мужчина болел. Я заразила его – он хотел переселиться в колонию. Он будет содержаться здесь, и мы устроим его встречу с девушкой. Но наша роль ни в коем случае не может быть раскрыта.

Захария заинтересовался. Наклонившись к столику, он рассматривал многочисленные таблицы и диаграммы.

– Чем он занимается? А… вижу. Дай ему что-нибудь интересное. И нужно позаботиться о том, чтобы он остался в Делавэре. Потянем за нужные ниточки. Да, уверен, у нас получится. Мы организуем их знакомство и брак… А рождение ребенка?

– Очень просто. Нам известно ее окно фертильности.

– Я не о том… Что, если родится не мальчик, а девочка?

– Она окажется еще привлекательнее для Сэма Рида, – прошептала Кедре и замолчала на некоторое время. И вдруг отбросила фотографию девушки. – Психодинамика – вот ответ на все вопросы, – резко проговорила она. – Ребенок – хоть мальчик, хоть девочка – с самого рождения подвергнется психодинамической обработке. Втайне, разумеется. Даже родители не узнают. Воспоминание о каждом сеансе будет сразу же стираться, ребенок будет находиться под постоянным глубоким гипнозом. К восемнадцати годам в его сознании закрепятся команды, которым он не сможет сопротивляться.

– Убивать?

Кедре пожала плечами:

– Разрушать. Пока невозможно сказать, что будет эффективнее. Конечно, гипнозом нельзя принудить человека к поступку, который он не может совершить сознательно. Мальчика нужно подготовить так, чтобы у него не возникало никаких угрызений совести в отношении Сэма Рида. Должен существовать некий спусковой механизм, и мы создадим его гипнотически. Этот механизм не будет реагировать на посторонние факторы; он сработает лишь тогда, когда это нам понадобится.

Захария задумчиво кивнул:

– Хорошо. Мудреный путь, конечно. Вокруг амбара Робин Гуда. – Харкер употребил этот странный фразеологизм машинально, без малейшей мысли о его забытом происхождении. – А ты уверена, что мы не переоцениваем этого человека?

– Я прекрасно изучила Сэма Рида. Не забывай о его прошлом. В ту пору, когда формируется личность, он считал себя короткоживущим. А жизнь в башнях выработала у него чрезвычайно сильный инстинкт самосохранения. Он всегда начеку, как дикий зверь. Вероятно, мы могли бы убить его прямо

сейчас, но мы этого не хотим. Он нам полезен. Вся наша цивилизация нуждается в нем. Но позже, когда он станет слишком опасен, придется его уничтожить.

Захария, следя за медленно распускавшимся минеральным цветком, произнес:

– Да, логика в этом есть. Каждый автократ должен понимать, сколь ненадежно его положение. Мы бы лучше правили башнями, если бы всегда помнили об этом. А Сэму, чтобы выжить, необходимо стать автократом.

– Даже сейчас было бы очень трудно добраться на него, – сказала Кедре, – а через десять-двадцать лет он сделается по-настоящему неуязвим. И все это время он будет сражаться – с Венерой, с нами, с собственными людьми, со всем народом. Он даже не станет жить в колонии Плимут, которую мы видим только по телевизору. Здесь, в башнях, ничего не меняется, поэтому нам трудно психологически приспособиться к изменениям, ежечасно происходящим на поверхности. Наша собственная технология сделает его неуязвимым – защитные устройства, психологические барьеры, проверки благонадежности… Да, я думаю, нам требуется нечто вроде мины замедленного действия, чтобы избавиться от него в конце концов.

– Пожалуй, я зря упомянул амбар Робин Гуда, – сказал Захария. – План по-своему чрезвычайно прост. Он стал таким, как только мы признали необходимость в кружном пути. Сэм будет ждать самого изощренного удара. Ему и в голову не придет, что наше оружие – это пистолет в руках мальчишки.

– Может потребоваться пятьдесят лет, – сказала Кедре. – Не уверена, что получится с первого раза или даже со второго. План, вероятно, придется изменить, но начинать нужно сейчас.

– А ты поднимешься на поверхность, чтобы встретиться с ним?

Она покачала золотистой «короной»:

– Я не хочу на поверхность, Захария. Почему ты настаиваешь?

– Он гадает, что мы предпримем. Что ж, дадим ему ответ. Не правдивый. Сэм не дурак, но если заставим его подозревать нас в меньших подвохах, то он упустит из виду главный.

– Отправляйся туда сам.

Захария улыбнулся:

– У меня тоже есть личные причины, дорогая. Я хочу, чтобы ты увиделась с Сэмом Ридом. Он больше не слабак, которого ничего не стоит раздавить. Он меняется. Я хочу, чтобы ты пообщалась с новым Сэмом Ридом – с бессмертным.

Кедре бросила на него странный взгляд. С ее волос лилось золотое сияние, поблескивали бисеринки на кончиках ресниц.

– Хорошо. Я поднимусь, но как бы тебе потом не пожалеть об этом.

Хейл рассматривал центр Шестого острова, расчищенный участок, где выросло здание администрации. Колония развивалась успешно. В прибрежных джунглях все еще рокотали рубильные машины, но здесь теперь царила созидательная, а не разрушительная активность. На четырех акрах пни были выкорчеваны, земля вспахана. Напряженно трудились топографы.

Неподалеку работал старик. Узнав Логика, Хейл направился к нему. Бен Кроувелл распрямился, его морщинистое лицо было задумчиво.

– Привет, губернатор, – сказал он. – Тут, похоже, добрая почва. – Он растер комок земли загрубевшими пальцами.

– Вы слишком ценны, чтобы находиться здесь, – заметил Хейл. – Впрочем, думаю, приказывать вам бесполезно.

Кроувелл улыбнулся:

– Это верно. Я и сам угадываю, когда не стоит заходить слишком далеко. – Он вгляделся в измельченную землю. – Она ядовита, но это поправимо. Скоро возьмутся за дело анаэробные бактерии…

– Сначала мы начиним почву бактериофагами, – напомнил Хейл.

Бригады землекопов и топографов работали достаточно далеко, чтобы Хейл и Логик могли говорить без риска быть услышанными. Губернатор добавил:

– В почве еще слишком много опасных жуков.

– Но все же она хороша. Пожалуй, даже чересчур богатая. Западнее почва кислая, придется известковать. На этом острове можно выращивать добрые урожаи.

Человек с ранцевым резервуаром, держащий в руках приспособление, похожее на огромный шприц, ступил на выровненный участок и начал втыкать в землю телескопическую «иглу».

– Одно из пяти средств? – спросил Кроувелл.

– Причем из самых мощных. Корни вырастают до двадцати футов в длину и уходят на глубину десять футов. Единственный способ уничтожить их – накачать ядом.

– Нечто подобное росло и на Земле. Мы его прозвали подземником, а как по-научному, не знаю. Там мы применяли керосин. На Земле ничто не росло так быстро, как на Венере. Сейчас это неудобство, но, когда посадим культурные растения, оно обернется преимуществом. Снимать урожай злаковых через двадцать дней после сева – разве плохо? – Логик покачал головой,

посмеиваясь.

– Если сумеем уничтожить сорняки.

– Есть лишь один действенный способ – прополка. Хотя можно проверить в деле росичку кровяную. Росичке даже венерианский сорняк нипочем. А ведь и правда, почему бы не посеять ее, вместо того чтобы травить почву? Спорим, она прорастет!

– Проверю, – сказал Хейл. – Спасибо. Нет ли еще идей? Или это против ваших правил?

Логик рассмеялся:

– Чепуха. Такие советы давать я могу, они не изменят будущего. Кто-нибудь наверняка бы догадался рано или поздно посеять росичку. Это только в большие проблемы я не должен вмешиваться. Даже если пока они выглядят пустяковыми.

Он посмотрел над валом из выкорчеванных пней в сторону моря. Далеко за бухтой лежал материк, где высился похожий на утес старый форт Дун. Сейчас на его увитых лианами, испятнанных лишайником стенах наблюдалась необычная активность. Тут и там мелькали яркие вспышки. От материка к Первому острову и обратно сновали суда.

– Что это там? – спросил Кроувелл. – Восстанавливаете форт?

– Идея Сэма, – ответил Хейл. – Похоже, он боится, что я перехвачу инициативу. Я начал работы на островах без предварительного обсуждения с ним. И теперь он поступил так же.

Кроувелл призадумался:

– Вот как… И что же он делает?

– Расчищает форт. Это большой объем работ, а мы еще не готовы взяться за материк. Впрочем, думаю, все получится. Хотя считал бы иначе, не закрепись мы здесь. Дун построен как надо. Я помню… – Хейл тоже посмотрел на море, и выражение лица слегка изменилось. – Там постоянно находилась обслуживающая команда. Джунгли всегда готовы нас поглотить, им только дай шанс. Что растения, что животные… Но в то время башня снабжала нас всем необходимым. Ультрафиолетовые батареи, тепловые излучатели, кислота… Вольные компаньоны постоянно вели войну на два фронта. Сражались с другими Компаниями и отбивались от джунглей.

– Может, Сэм слишком широко размахнулся? – предположил Логик.

– Нет, у него есть рабочая сила и материальные средства. Очистив форт и обеспечив его необходимой техникой, Сэм смог бы углубиться в материк, но пока этого не хочет. Сказал, что сделает форт вспомогательной базой и двинется по архипелагу

навстречу мне. Это сбережет время – колонизация будет вестись с обоих концов островной цепи. Неплохая идея!

– У него много людей?

– Пять тысяч, – ответил Хейл. – Этого достаточно, но впритык. У нас тут небольшой излишек рабочей силы, да только приходится держать этот резерв на всякий экстренный случай. Джунгли вечно норовят преподнести сюрприз. Расчистив очередную милю, мы вынуждены оставлять на ней бригаду чистильщиков. Сейчас на острове пять тысяч человек, а чтобы получить новых, надо освободить место для их размещения и использования.

– Конфликтов еще не было? – спросил Кроувелл.

Хейл пристально взглянул на него:

– Ожидаете неприятностей?

– Не сочти за пророчество, сынок. Пять тысяч работяг, вкалывающих без передыху, и еще новички. И всем подавай обещанное бессмертие. Их нельзя вечно держать в ожидании. Может полыхнуть.

– Что вы знаете об этом деле с бессмертием? – спросил Хейл, оглянувшись по сторонам.

Логик только улыбнулся.

Хейл смотрел вдаль, туда, где очищающие сполохи огнеметов гуляли по стенам старого форта. Он сказал:

– Мы с вами знаем правду. Но больше никто не знает. Никто, кроме Сэма. Он утверждает, что можно получить бессмертие, подвергаясь воздействию радиации на Венере. А вы родились на Земле.

– Ну, на Земле радиации хватало – перед тем, как планета взорвалась, – возразил Кроувелл.

– Будут проблемы. Вы понимаете, о чем я. Это может случиться и здесь. Людям пришлось оставить Землю и перебраться на Венеру. Если такое произойдет снова…

– Как тут не вспомнить рака-отшельника. Он перерастает свою раковину, выползает из нее и находит другую. Наша раковина может сделаться тесной по разным причинам. Из-за быстрого роста населения, как было на Земле. Эти люди… – Кроувелл указал на рабочих. – Да, они переросли свои башни, хоть и не отдают себе в этом отчет. Как ни крути, человек не может довольствоваться малым.

– Вы останетесь в колонии? – спросил Хейл.

– На какое-то время. В глубине души я ведь фермер. А что?

– Я вовсе не потому спрашиваю, что вы Логик. Вы бессмертный, как и я. А кругом короткоживущие… Бессмертному

нельзя слишком вовлекаться в их дела… Семьи в башнях, Сэм… Вы единственный человек на Венере, кому я могу доверять.

– Мы оба провели лучшую часть своей жизни под открытым небом, сынок, – сказал Кроувелл. – И наши ноги ходили по доброй бурой почве. Не самая долгая, но лучшая часть жизни. У меня была Земля, у вас – Венера, но суть одна. Я знаю, что вы имеете в виду. Рядом с вами я себя чувствую как дома, хотя вы иногда поступаете по-дурацки.

Они снова посмотрели на рабочих. Потом, следуя своей мысли, Хейл сказал:

– Нам не избежать милитаризации. Это предложил Рид, но я и сам подумывал.

– Они не выглядят опасными, – возразил Кроувелл, рассматривая ближайшую бригаду.

– Дело не только в них. Нам вообще нужна военная организация. Военная дисциплина. Вроде той, что была раньше в Компаниях. Понадобится форменная одежда и все прочее.

– Вы действительно считаете, что это необходимо?

– Когда у человека отбирают свободу, ему нужно предоставить что-то взамен – даже Церберу бросали подачку. Должна быть какая-никакая реализация для индивидуальности. Человек и рад бы носить тончайший целофлекс, но здесь это невозможно, здесь нужны прочные защитные ткани. Значит, надо дать ему красивый мундир, знаки различия и отличия, рекреационные средства. И позаботиться о четкой организации и контроле, чтобы все было по уставу. Одного обещания бессмертия недостаточно, как недостаточно и одной милитаризации, но вместе они немного отдалят взрыв. С вольными компаньонами было по-другому: мы знали, что с нами будет, если объединимся, – и объединялись, потому что хотели этого. Мы не рассчитывали ни на какое вознаграждение, кроме самой жизни. Просто жить дальше, вот чего мы хотели. А эти добровольцы… Думаю, милитаризация даст серьезный психологический эффект. – Хейл исподволь, но чутко смотрел в лицо Логику. – Мне не дает покоя вопрос: почему Сэм предложил эту идею? Хотелось бы знать все его мотивы. Его планы на будущее.

Кроувелл хохотнул:

– Узнаете, сынок, непременно узнаете.

Хейл пнул хрупкого, длиной в фут, крылатого жука, и тот полетел, кувыркаясь, через площадку к груде других блестящих мертвых насекомых, приготовленных к сожжению. Одним из первых результатов опрыскивания острова стал шелестящий радужный град – насекомые падали с листвы. Некоторые были достаточно крупны и увесисты, чтобы оглушить человека.

– Вы обязаны рассказать мне, – упрямо заявил Хейл. – Это спасет так много…

– Ошибаетесь, сынок. – Голос Кроувелла внезапно стал резким. – Кажется, я уже говорил, что предвидение будущего не означает способности его изменить. Позвольте прочесть небольшую лекцию о предвидении.

Кроувелл подтянул пояс и ковырнул мыском башмака землю. Оценивающе пригляделся к вывернутому кому и раздавил подошвой. Его тон и впрямь сменился на лекторский.

– Правда заключается в том, что поверхностные течения событий ничего не значат. Приливы важны, но далеко не сразу они становятся достаточно высоки, чтобы можно было заметить, а тогда их уже не остановить. Стена не защитит берег, пока существует та сила, что порождает прилив снова и снова.

В двадцатом веке на Земле многие понимали, к чему все идет. Они говорили об этом, говорили громко и часто. И это были люди, имевшие вес в обществе. Им следовало верить. Возможно, многие верили. Но далеко не все. Умы людей продолжали работать по старым шаблонам. Так мы потеряли Землю.

Если ты способен предвидеть будущее, ты должен оставаться свидетелем, и не более того. Помните Кассандру? Она знала будущее, но цена, которую ей пришлось заплатить, сделала этот дар бесполезным – никто ей не верил. Пророческий талант автоматически аннулирует твое участие. Ты видишь, что определенные переменные складываются в уравнение. Добавь еще одну переменную, твое участие, – и уравнение изменится. Да-да, твое участие не поддается точному измерению. Понимаете, сынок, почему оракулы говорили загадками? В истории всегда хватало ясновидящих, но им приходилось наводить тень на плетень, иначе их пророчества не сбывались.

Вот смотрите. Допустим, перед вами две важные возможности. Вы можете завтра отправиться в башню Невада и заключить сделку, которая принесет вам миллион кредитов. Или вы останетесь дома и будете убиты. Вы приходите ко мне и спрашиваете, как поступить: поехать или остаться. И я вижу, как будут развиваться оба варианта, но у меня связаны руки.

Потому что оба результата зависят исключительно от ваших личных мотивов и реакций. В первом случае вы отправляетесь в башню Невада, не посоветовавшись со мной, и в вашем мозгу уже существует определенный набор реакций. Отвечая этими реакциями на определенный набор обстоятельств, вы возвращаетесь с миллионом кредитов.

Но вы все-таки решаете обратиться ко мне. Я говорю: ну ладно, посетите в Неваду, почему бы и нет. И вы это делаете, но

уже с иными психологическими параметрами. Вы решили, что вас ждет нечто приятное, и путешествуете в соответствующем настрое. Верите, что мешок с деньгами сам свалится в руки, тогда как возможность его получить зависит от бдительности и напористости. Понятно?

Рассмотрим другую ситуацию. Вам отчего-то не хочется ехать. Вы обдумываете мой совет, но желание остаться пересиливает, и вы решаете, что либо я лжец, либо на самом деле я посоветовал остаться. И вас убивают.

Поэтому моя задача – сохранять уравнения неизменными, не катализировать будущее собственными пророчествами. Действовать приходится очень тонко, досконально учитывая психологию. А это совсем не просто, ведь у меня крайне ограниченная информация. Пророчества основываются на законах логики. Это не колдовство. Зная вас, я должен подобрать определенные идеи, семантические разряды, которые повлияют на ваше решение так, что вы о том и знать не будете, и не изменят ваше исходное эмоциональное состояние. Поскольку это состояние является одной из переменных, составляющих уравнение.

Поэтому я не могу сказать: «Отправляйтесь в башню Невада!» Это приведет к тому, что в башне вы будете вести себя пассивно. Я должен облечь совет в загадочную форму, используя то, что знаю о вас. Я мог бы сказать: «У дерева хефт голубые листья». В вашей памяти всплывет некое событие, причем воспоминание будет совершенно естественным, что, в свою очередь, вызовет желание на некоторое время отлучиться из дома. Вот так, окольным путем – в этом я достаточно поднаторел, – я ввожу новый элемент в ваше эмоциональное состояние. Вы отправляетесь в башню Невада, и при этом вы готовы действовать в соответствии со своим первоначальным набором реакций. И получите миллион кредитов.

Теперь вы знаете, почему оракулы говорят загадками. Будущее зависит от многих факторов, не поддающихся учету, поэтому оно может быть легко изменено словом. В тот самый момент, когда оракул предсказывает, его предсказание теряет смысл.

Логик разровнял башмаком землю. Затем сухо улыбнулся и добавил, глядя в небо:

– Хотя кто сказал, что в долговременном аспекте получить миллион для вас предпочтительней? Может, гораздо лучше было бы остаться дома и погибнуть?

Хейл смотрел на пламя, очищающее стены форта Дун. Некоторое время он молчал.

– Кажется, я вас понял, – произнес он наконец. – Только… очень не по себе, когда ответы так близко, а дотянуться до них ты не можешь.

– Я мог бы подсказать решение каждой проблемы, с которой вам предстоит столкнуться, – сказал Логик. – Вручил бы блокнотик, а вам бы оставалось только листать страницы и читать ответы. Но что хорошего это даст? Я предсказываю только в определенных рамках. Я не в силах спрогнозировать любое развитие событий; вижу лишь те варианты, по которым имею полную информацию. Если существует какой-нибудь неизвестный фактор – переменная икс, – я не обнаружу в будущем ничего определенного. А икс есть. Я не знаю, что он собой представляет, и никогда не узнаю. Если бы дело обстояло иначе, я был бы богом и мы бы жили в Утопии. Эту неизвестную величину я могу обнаружить только по ее влиянию на другие переменные. Но это вовсе не моя задача. И не ваша. Я и не заморачиваюсь. Моя задача – заглядывать в будущее, но не вмешиваться. Будущее – это человеческий разум. Не атомная энергия уничтожила Землю. Это сделал образ мышления. Проще контролировать планету, чем пылинку, несомую воздушными потоками, которых мы даже не ощущаем. Когда протягиваешь руку к этой пылинке, намереваясь управлять ее движением, ты создаешь новый поток. Этот поток – мысль, а пылинка – будущее человечества.

Огромный жемчужный изгиб за огромным жемчужным изгибом – словно выточенные из скал приливными волнами, над джунглями высились стены форта Дун. Сэму, стоявшему на расчищенном белом покрытии главного крепостного двора, они казались невероятно мощными. Эти стены как будто держали в нежных объятиях доверенный им очаг цивилизации.

Гладкие, закругленные, они поднимались тремя ярусами. В них были прорезаны окна; перекрывающиеся световые экраны не пропускали внутрь видимых и невидимых жуков. Такие крепости, во многом похожие на средневековые замки, предназначались для штурмов и обстрелов. Только не вражеские воины их штурмовали, а джунгли, и не огненные стрелы летели по воздуху, а бактерии и микробы. В свои ранние годы венерианская цивилизация не знала авианалетов. И Вольные Компании не посягали на чужие цитадели. И воздушные путешествия тогда – впрочем, как и сейчас – были крайне неупорядоченными, поскольку на планете буйствовали ураганы.

В форте Дун кипела жизнь. К обширной изогнутой поверхности стены были пристроены бараки и мастерские; там мельтешили люди. В больших высоких домах размещались

госпиталь, лаборатории и квартиры офицеров.

В открытом барбикане поднялась суматоха, хотя Сэм еще не заметил этого. Мужчины и женщины, успевшие покрыться загаром от фильтруемого солнечного света, прекращали работу, чтобы откровенно потаращиться на гостью. Впрочем, они не смели приближаться, поскольку унаследовали от прежних поколений уважение к бессмертным.

Кедре с непринужденным видом прошла на двор, улыбаясь зрителям, то и дело называя кого-нибудь по имени. Бессмертные выпестовали в себе феноменальную память. Не менее феноменальной была и приспосабливаемость. Наряд из тех, что Кедре обычно носила в башнях, выглядел бы чрезмерно аляповатым в дневном свете, и она была слишком умна, чтобы не понимать этого. Поэтому облачилась в длинный плащ прямого кроя, жемчужно-белый, как стены форта, и в белый же тюрбан, уложенный так искусно, что почти не скрадывал ее красоты. День выдался туманный; казалось, крепость и Кедре сияли перламутром, как будто вобрав в себя весь солнечный свет.

– Привет, Сэм, – произнесла она ровным тоном.

Он сцепил кисти и чуть склонился – этот жест, отдаленно напоминающий восточный поклон, уже давно заменил рукопожатие. Впервые Сэм приветствовал Кедре как равный. Теперь он мог себе это позволить.

Она засмеялась и положила узкую ладонь на его руки.

– Я представляю здесь всех наших, – сказала она. – Мы надеемся, что отныне сможем мирно работать вместе. Я… Господи, Сэм, как ты можешь дышать этим воздухом?

Наступила его очередь рассмеяться. Он свистнул, и юноша с блокнотом и авторучкой, ходивший за ним на почтительном расстоянии, приблизился.

– Принеси померандер, – распорядился Сэм.

Юноша вернулся бегом, и Сэм вручил Кедре шарик. Тот был наполнен свежими лепестками, и тепло женских ладоней высвободило густой аромат, сделавший воздух более приятным.

– Привыкнешь, – заверил ее Сэм, улыбаясь. – Мы все привыкли. Я не ожидал такой чести. Планировал сам навестить тебя.

– Ты был занят, – томно произнесла она и слегка сжала его руку, за которую держалась. – Покажи мне все. Я так любознательна!

– Подожди немного. Всего лишь двадцать лет. Джунгли еще густы, выделяют слишком много двуокиси углерода. Но обещаю, станет лучше.

Кедре медленно шла рядом с ним, края ее безупречно чистого

плаща скользили по белой мостовой.

– Я верю тебе, Сэм, – сказала она. – И мы склонны считать, что ты был прав. Время для колонизации настало, не надо ждать следующего поколения. У тебя гадкие методы, но победителей не судят. Уверена, ты станешь победителем, если согласишься на сотрудничество с нами. Ты глупый упрямец, Сэм. Всегда им был.

– Сорок лет назад, Кедре, тебя это вполне устраивало… И я, пожалуй, должен наконец поблагодарить за подмененную сонную пыль. А может, еще и за то, что ты заботилась обо мне, пока я спал. – Говоря это, Сэм не смотрел на женщину, но по внезапной дрожи ее пальцев, по тому, как она подняла голову, понял, что его догадка неверна.

– Нет, Сэм, о тебе заботилась не я. Я намеревалась это делать, но ты исчез. Хочешь сказать, что не знаешь, где провел все это время? Я поручу моим людям выяснить. Может быть, вместе с тобой мы доберемся до истины.

– Как пожелаешь. Но вряд ли твои люди смогут узнать что-нибудь сверх того, что узнали мои.

– Все-таки это довольно жутко, не находишь? Ведь кто-то же опекал тебя. Ты не мог просто выпасть из мира на сорок лет. Кто бы это мог быть, а, Сэм?

– Когда-нибудь узнаю. Смотри, это джунгли. Настоящие, а не картинка на экране.

Они поднялись по белым ступеням на стену. Сэм остановился и, облокотившись о парапет, посмотрел на полосу вспаханной земли, окружавшую форт, и на сплошную зеленую стену за ней. Исходящие из нее звуки, слабые шевеления то в одном, то в другом месте внушали страх – джунгли все еще оставались таинственными и опасными. Человек успел лишь царапнуть поверхность венерианской суши; планета по-прежнему была для него чужой.

Кедре бросила короткий взгляд и отвернулась:

– Джунгли мне неинтересны. Они не имеют никакого значения. В отличие от этого. – Она указала вниз, на заполненный людьми внутренний двор. – Сэм, ты проделал грандиозную работу. К тому же практически в одиночку. Я знаю, что Робин Хейл непосредственно управлял бригадами, но ведь это такая мелочь. Ты позволишь нам подключиться? Мы накопили огромный опыт руководства…

Сэм рассмеялся:

– С чего ты взяла, что я могу поверить кому-нибудь из вас?

– Конечно не можешь. Мы тоже не доверяем тебе. Но, работая вместе, мы не спустим друг с друга глаз. Тебе нужна поддержка, а

нам необходим толчок. Что скажешь, Сэм?

Он молча смотрел на нее и вспоминал. За миг до того, как сонная пыль изъяла его из бытия, он видел лицо этой женщины на экране, видел руку, давшую роковой сигнал. Сэм догадывался, что Кедре явилась сюда по причине очень далекой от той, которую она огласила. Он привык с подозрением относиться к людям и уж подавно не был склонен доверять бессмертным. Если и допускал, крайне опасливо, возможность сотрудничества с ними, то теперь эта мысль показалась ему абсурдной. С малых лет Сэм убеждался снова и снова: верить нельзя никому.

– Не выйдет. Слишком разные у нас мотивации.

– Зато цель одна.

– Нет. Я всегда действовал в одиночку. Так будет и впредь. Я не верю тебе, Кедре.

– Я и не надеялась, что поверишь. Иди своим путем, но помни: мы хотим одного и того же. А именно успешного освоения поверхности. И если через несколько лет убедишься, что наши цели совпадают, вспомни, Сэм, что это ты отказался от сотрудничества, а не мы. – В ее голосе явственно зазвучала угроза. – И когда наступит этот день, у тебя возникнут очень большие проблемы.

Сэм пожал плечами. Не сознавая того, он сделал первый шаг к изоляции своего разума и тела. Первый шаг на пути к катастрофе.

– Итак, прошло пять лет, – сказал Бен Кроувелл. – Как я и рассчитывал.

Шедший рядом с ним офицер полиции Френч спросил:

– Вы хотите сказать, как мы рассчитывали?

Кроувелл пожал плечами и махнул рукой. Возможно, указывал на тьму за крепостной стеной, по которой они шагали. Тьма скрывала в себе освобожденные от джунглей, усеянные коробками зданий земли, по которым человек мог безопасно идти три дня.

Пять лет потребовалось на расчистку круга диаметром семьдесят пять миль, в центре которого стоял форт.

За стенами форта увидеть можно было немногое: прожектора, сетчатую ограду под током – защиту от фототропичных жуков – и полоску расчищенной территории.

Форт тоже изменился. Казалось, чрезвычайно опасный зверь окаменел на берегу – такой огромный, что, будучи живым, не смог бы ходить по земле Венеры.

Любопытное словосочетание – земля Венеры. Парадокс. Человечество будет носить в себе земное наследство, даже когда

создаст колонии за созвездием Лебедя. Старые миры, старые мысли…

Старые мотивации.

Полицейский коснулся руки Кроувелла, и они повернули к пологой рампе, пошли мимо замаскированных стволов необычного вида пушек. Френч указал на них:

– Видите?

– Что это?

– Скоро узнаете. Идем дальше.

Как всегда, на дворе, залитом ярким светом прожекторов, кипела работа. Кроувелл и Френч решительно пробирались сквозь толчею; только скрытность подозрительна, а их уверенные действия служили лучшей маскировкой. Френч шагал впереди. Форт уже давно представлял собой лабиринт. Надворное строение, в которое они вскоре вошли, считалось складским, но в данный момент служило другим целям. Здесь собралось почти пятьдесят человек – представители всех слоев колониального общества. Кто-то негромко произнес пароль.

– Привет, Курт, – сказал Френч. – Это Бен Кроувелл, я за него ручаюсь. Садитесь сюда, Кроувелл, и слушайте.

Сам он направился в середину помещения, то и дело кого-нибудь приветствуя.

– Все в сборе? Закройте дверь. Охрана на месте.

Кто-то сказал:

– Побыстрее бы, Френч. Некоторым скоро на дежурство.

– Много времени это не займет. Приступаем. Нынче с нами десяток новеньких, верно? Новенькие, поднимите руку.

Кроувелл был одним из поднявших руку.

– Хорошо, – сказал Френч. – Сегодняшний разговор в основном для вас. Вы поверили нам, иначе бы вас здесь не было. И выйдя отсюда, вы не распустите язык: каждого из вас мы тщательно протестировали. – Он помедлил, осматриваясь. – Главный вопрос: верит ли кто-нибудь из вас в блеф Рида о бессмертии? В обман насчет вечной юности?

Послышался голос:

– Однако доказательств нет, офицер.

– Я прибыл сюда пять лет назад, – ответил Френч. – Мне было двадцать. Только что был расчищен Пятый остров. Все обсуждали великие планы на будущее. Бессмертие для каждого. Предполагалось, что облучение должно продолжаться шесть-семь лет.

– Но ведь прошло только пять!

– Не нужно ждать сто лет, чтобы убедиться. Некоторых из нас осматривали врачи из башен. Мы стареем. Все до одного. Есть

возможность проверить. Например, по отложениям кальция в кровеносных сосудах. Средство, разрекламированное Ридом, – туфта! Я твердо знаю, что сейчас я на пять лет старше, чем в тот день, когда прибыл в Плимут, и то же самое относится к любому из вас. Рид натянул нам нос. Поинтересуйтесь его биографией – и вы убедитесь, что ему нельзя верить ни на грош. Пять лет я надрываюсь здесь, а мог бы куда лучше провести это время в башнях.

– Мне нравится жить на поверхности, – сказал Бен Кроувелл, набивая трубку.

– Да и нам жилось бы неплохо, – возразил Френч, – но не в таких же условиях. Мы знаем только одно: каторжную работу. И ради чего? Ради Сэма Рида и Робина Хейла? Строить, строить, строить без передышки? Хейл бессмертный. Может, и Рид собирается прожить семьсот лет – кто его знает. Возраст на нем вроде не сказывается. Но если он и нашел источник молодости, то приберег его для себя одного. Догадываетесь, что нас ждет? Работа! Работа до самой смерти! И дети наши, когда придет их время, тоже впрягутся в эту лямку. А Сэм Рид так и будет болтаться тут и ждать веками, когда мы обустроим для него райский уголок. Мне не нужна такая судьба.

Послышался новый голос:

– Все верно! Я согласен с тобой. Но Рид сильно укрепил форт. Ты был здесь пять лет назад – помнишь, каким Дун был раньше?

– Рид слишком торопится. Эта чертова дисциплина – с ней явный перебор. У него есть какой-то план, но нам о том знать не положено. Колонизация поверхности – это далеко не все. Спору нет, пять лет назад нам был нужен этот форт, и укреплять его стоило. Но зачем набивать его оружием под завязку, да еще тайком? Для чего предназначены все эти новые пушки, электробластеры, газометы?

– Для защиты от джунглей!

– До них отсюда семьдесят пять миль! – хмыкнул Френч. – И кое-что из вооружения выглядит просто бессмысленным! Календар, ты у нас за материально-техническое снабжение отвечаешь. Объясни!

Встал Календар, приземистый, коренастый, в аккуратном синем мундире.

– Эти штуки годятся для обороны от людей. Например, могут отразить танковую атаку. Но это чрезмерно мощное оружие даже против громоящера. Вдобавок орудия дальнобойные, способные закинуть снаряд на дистанцию пятьсот миль. И чем только они не обеспечены – от радарных устройств артиллерийской наводки до видоусилителей. Против кого можно их использовать? Разве

существует хоть одна батарея, направленная на форт? А свеженький план строительства самолета? Для колонизации самолеты не годятся!

– Верно! Чего ожидает Рид? – спросил Френч. – Нападения из башен? Тамошний народ живет в свое удовольствие, пока мы тут загибаемся от непосильного труда.

Послышался возмущенный гул. Люди, сидевшие в этом помещении, не любили жителей башен. Возможно, причиной тому была зависть.

Ропот, как и само это тайное собрание, говорил о том, что на Венере возникло нечто новое. Такого результата Сэм Рид не ожидал. Он привык иметь дело с обитателями башен, а колониальная жизнь выпестовала характеры совсем другого сорта.

Бен Кроувелл пыхал трубкой и внимательно слушал.

Разгорелся яростный спор. Заговорщики возбуждены, это естественная реакция на дисциплину. В жаркой дискуссии, а не в делах они дают выход эмоциям. А вот когда прекратят говорить, вулкан может взорваться. Бен Кроувелл уселся поудобнее, прислонясь спиной к упаковочному ящику.

– …Что бы ни планировал Рид…

– …Пусть и жители башен поработают…

– …Сколько еще времени мы дадим Риду?..

– …И долго мы собираемся сидеть без дела?…

Френч постучал, требуя тишины.

– Есть несколько вариантов, но все их нужно как следует продумать. Допустим, мы убьем Рида…

– По-твоему, это просто? Он не даст нам ни шанса!

– Ему не победить, если против него выступит большинство колонистов. А так и будет. Мы расширим нашу организацию. Избавившись от Рида и Хейла, получим власть. Форт будет наш. А на Венере нет такой силы, что смогла бы уничтожить его.

– Хейл не дурак, Рид – тоже. Если они прознают…

– Каждый, кто бывает на наших собраниях, перед уходом проверяется на детекторе лжи, – сказал Френч. – Ни один изменник не останется в живых.

– Я бы не прожил тысячу лет, – сказал Логик, – если бы не умел обманывать детектор лжи.

Хейл отвернулся от зарешеченного светом окна, обращенного к далеким стенам, которые некогда казались такими высокими, и холодно произнес:

– Мне уже сообщили, что вы посетили собрание. У меня есть информаторы.

– Ваш информатор узнал меня?

– Он никого не узнал. Он побывал в комнате позже и учуял запах вашего табака. В общем, мне кое-что известно о происходящем.

– Что, например?

– Что падает дисциплина. Люди небрежно отдают честь, не чистят нарукавные знаки. Я приучился к дисциплине в Вольных Компаниях. Помню, как разложилась компания Мендеса, прежде чем его убили собственные подчиненные. Тревожные признаки стали заметны еще несколько месяцев назад. Тогда-то я и обзавелся информаторами. Знал, чего следует ожидать, и оказался прав.

– И чего же?

– Мятежа. Я выяснил имена предводителей. Но не все.

– Сэм Рид в курсе?

– Я обсуждал с ним проблему. Но мне кажется, Сэм недооценивает ее. Он так тщательно оберегает себя, будто мнит, что его личная безопасность – это безопасность всей колонии. Пожалуйста, расскажите, что будет дальше. Знаю, вы можете. Получать информацию я способен и самостоятельно, но обсуждать ее хотелось бы с вами.

– Что ж, я не против, – сказал Кроувелл. – Ждал, когда вы ко мне обратитесь… Надеялся на это, поскольку самому предлагать помощь – значит менять ход событий. Как вам известно, в этом отношении я пассивен. Надо думать, выгляжу недовольным… Бог знает почему… Хотя нет, я и сам знаю. А вы? – Он сощурился, глядя на Хейла поверх руки, державшей трубку.

Хейл покачал головой:

– Нет… Впрочем, может, и знаю.

Он снова подошел к окну и посмотрел на дворы, где бурлила деятельность. Чего-чего, а деятельности в колонии Плимут теперь гораздо больше, чем пять лет назад. Добровольная дисциплина превратилась в ежовые рукавицы. И среднестатистическому человеку кажется, что успехи в покорении поверхности делают потребность в суровых ограничениях все более сомнительной.

– У Сэма свои соображения, – проговорил Хейл. – Не знаю, каковы они, но догадываюсь. Его время кончается. Равновесие рушится слишком быстро. Люди утрачивают веру в бессмертие – и задают вопросы. Сэм не может этого не замечать, но вряд ли он понимает, что равновесие зависит не от него. Теперь все решают люди. И не жители башен, а люди вроде нас с вами, узнавшие вкус свободы. Неудивительно, что они и вас сочли недовольным. Вам довелось пожить в мире, где каждый мог выбирать свою судьбу, идти к успеху или к провалу. Так было и со мной.

– Все верно, – ухмыльнулся Кроувелл. – Жители башен предпочитают, чтобы за них думали их властители. А на поверхности колонисты вынуждены соображать самостоятельно, иначе им просто не выжить. Вернулась эпоха покорителей диких просторов, сынок, и вместе с ней ощущения, которые мне очень по нраву. Проблем не избежать, но я их не боюсь.

– Да, проблемы будут, и серьезные, если мы вовремя не примем меры.

– Сейчас? – Кроувелл пристально смотрел на вольного компаньона.

– Чуть позже, – ответил Хейл, и улыбка Логика поблекла, но осталась удовлетворенной. – Отчасти потому, что мне хочется посмотреть, насколько далеко это зайдет. Как с тем растением, подземником, – надо добраться до корней… Хотя… Я не знаю точно, как это выразить. Мне кажется, в заговорах и мятежах есть нечто такое, что не следует уничтожать. Дух покорителей диких просторов… Я понимаю, о чем вы говорите. Мятеж – не решение, но по-своему это хорошее предзнаменование.

– Вы позволите им победить?

– Нет, я не могу. Они еще нуждаются и в Сэме, и во мне, пусть и не отдают себе в этом отчета. Если мятежники возьмут верх, они вернутся в башни и погрязнут в прежней апатии. Сейчас критический период. И у Сэма есть четкий план, которого я пока не разгадал. Но готов побиться об заклад, что Сэм добивается абсолютной власти. Он способен позаботиться о себе. Если сочтет угрозу мятежа серьезной, то постарается ликвидировать ее самым беспощадным образом. Но это будет означать, что он погубит дух покорителей диких просторов. Мне нужно все обдумать, Кроувелл. Конечно, не имеет смысла спрашивать, что вы можете предложить?

Кроувелл вглядывался в погасшую трубку. Зачем-то покопался в ней мозолистым пальцем.

– Сынок, – заговорил он медленно, – не думаю, что вам нужны мои советы. Вы на правильном пути. Не вмешивайтесь в события больше, чем необходимо. Они идут естественным путем, и чем дольше это продлится, тем лучше. Сказать по правде, мне кажется, что само пребывание здесь, наверху, идет людям на пользу. Они вновь открыли для себя время. Внизу, под водой, слова «день» и «ночь» лишены смысла; здесь же мы буквально видим течение времени. Эти мальчишки и девчонки, когда начинали работать на поверхности, свято верили, что будут жить вечно. Не сомневались, что все у них получится, и надеялись через двести-триста насладиться плодами своего труда. Но время течет, и вера слабеет. У них открываются глаза на правду. На

вашем месте я бы предоставил естественным процессам разобраться со всем этим. Вы сами сказали: Сэм Рид способен позаботиться о себе.

– Я дам ему такую возможность, – пробормотал Хейл. – А вы присмотрите за нашими заговорщиками? Мне известно, что они обсуждают самые разные варианты, но у них нет ни одного плана, близкого к завершению.

– Пока они выпускают пар. Действовать начнут, но еще не скоро.

– Следите за ними. Я пока ничего не буду предпринимать. Подожду. Пусть Сэм начнет первым.

И Сэм начал первым.

Как обычно, он тщательно рассчитал время, учел каждую мелочь, и его ходы были эффектны. И это заставляло некоторых людей задуматься: что же он для нас приготовил? Конечно, они могли лишь догадываться. А другие вовсе ни о чем не подозревали, даже когда разыгрался фантастический гамбит.

Гамбит был весьма удачен – пусть и не вышел мат, но уж точно получился шах. Мир уподобился той шахматной доске ночей и дней, которая вообразилась древнему поэту[65]. Что же до Рока, этого невидимого противника, то даже Сэму не удалось вникнуть в сей мистический символизм.

Кто же он, Рок?

Харкеры? Венера? Другая сторона самого Сэма?

Он знает обо всем… Он знает… Знает…

От этой мысли кровь стыла в жилах, хоть Сэм и понимал: нет его, того, кто «знает обо всем». Уж точно это не будущее. И даже в настоящем трудно разглядеть каждую деталь, каждую тенденцию.

И все же Сэм был готов.

Пробил час. Тайная подготовка была завершена. Он сидел в большой башне, которую отвел исключительно для собственных нужд. Часть помещений башни была засекречена. Но не кабинет Сэма. Слева окна выходили на море. За ними виднелся архипелаг, теперь покрытый фермами и мелкими поселками, пока под защитными куполами.

Избегая взгляда Хейла, Сэм рассматривал стоящую на столе вещицу, похожую на глубокую рамку для фотографии. Но содержалась в ней не фотография, а паутина с живой сиреной в центре; она сияла, постепенно меняя цвет с розового на темно-малиновый. Сэм вынул из ящика стола серебряную коробочку, из нее извлек насекомое и через дверку бросил сирене. В воздухе разлился слабый аромат, послышался низкий пульсирующий гул.

– Уберите, – попросил Хейл. – Этим запахом я надышался

досыта! Так что насчет Кроувелла?

Сэм отодвинул клетку с сиреной в сторону:

– Я не знал, что Кроувелл работает на вас. Решил, что он в числе мятежников, вот и арестовал заодно с остальными.

– А почему вы это проделали, не предупредив меня? Пока я был в инспекционной поездке, в сорока милях от форта?

– Вы прибыли через полчаса, – парировал Сэм. – И вообще, мне пришлось действовать экстренно. Судя по вашим словам, я знаю о заговоре больше, чем вы. Допускаю, что Кроувелл в самом деле ваш человек, но он плохой шпион.

– Я требую освободить его.

Сэм пожал плечами:

– Без проблем. Но он теперь для вас бесполезен.

– Не уверен.

– Мы могли бы это решить по дальней связи. Не было никакой необходимости возвращаться.

– Я не мог допустить, чтобы Кроувелл пострадал. Мало ли что… Неточный приказ… Или точный, но неправильно понятый полицией…

– Никогда не видел, чтобы вы о ком-нибудь так заботились. Чем для вас ценен Кроувелл?

Хейл колебался. Наконец сказал:

– Я… верю ему.

Настала очередь Сэма помолчать. Потом он мягко спросил:

– Верите? И не перестанете верить, даже если к вашей голове он приставит пистолет?

Хейл кивнул.

– Может быть, когда-нибудь и я найду такого человека, – сухо проговорил Сэм. – До сих пор не нашел. Что ж, освободим Кроувелла. Вот-вот начнется суд.

– Сегодня вы его будете вести?

– Да. Совершенно неожиданно я узнал о существовании нескольких угроз. И они гораздо серьезнее, чем можно было ожидать. Оказывается, наши недруги прекрасно вооружены. Возможно, они получают помощь от башен. И у меня не было времени рассказать вам об этом. Все уже готово. Я обеспечил всепланетную трансляцию судебного процесса, она начнется с минуты на минуту. Идемте.

Но он задержался, чтобы скормить сирене еще одно насекомое. Хейл спросил с явным нетерпением:

– Где вы раздобыли ее?

– А? Это трофей.

– Совсем маленькая. Решили держать у себя? Она вырастет…

– Я знаю.

– …и станет опасной. Это сирена, Сэм.

Сэм улыбнулся:

– Представьте ее диаметром в двадцать футов. На этой стене.

– И вы идете к ней в пасть…

– Я не подвержен гипнозу, помните? И уж конечно, приму меры предосторожности, когда она подрастет. Поляризованное стекло или стробоскопическое устройство, специальный фильтрующий тонометр для ее песни и какая-нибудь штуковина, чтобы удерживать запах на безопасном уровне. Идемте же. Суд начинается.

Они вышли вместе.

– Сколько мятежников вы задержали? – спросил Хейл.

– Около семидесяти. Некоторым найдется применение в других местах. Кое-кого слишком опасно оставлять в живых…

Сэм умолк. Понял, что уже и так сказал слишком много.

Вначале они освободили Кроувелла, а потом отправились в помещение, отведенное для суда. Там были установлены экраны. Всюду маячили охранники. Свыше семидесяти подсудимых без наручников загнали в отгороженную часть.

Сэм начал резко. Он говорил, обращаясь не только к пленным, но и ко всей колонии, и к башням. Начал с описания деятельности недовольных, рассказал о том, как росли его подозрения. Колонии день ото дня увеличивают свою территорию, приближая тот день, когда люди смогут жить под открытым небом Венеры, и тут возникает подпольная организация, угрожающая все погубить. Он арестовал злоумышленников. Но организация успела пустить многочисленные глубокие корни. Поражает масштаб тайных краж. Похищались важное оборудование, снаряжение, материалы для производства оружия. С какой целью?

Телекамеры направились на клетку.

– У зла кошачьи лапы, – сказал подсудимым Сэм. – Этот несостоявшийся мятеж готовили вы, но за вами кто-то стоит. Тот, кто предпочитает оставаться в тени. Либо вы его не знаете, либо не хотите выдать. Вас уже допрашивали. Кто ваш тайный предводитель?

Молчание.

– У нас есть доказательства. Взять хотя бы хищения. Есть и другие улики. Мы найдем и предводителя, и остальных заговорщиков. Ваша организация опасна не только для колоний, но и для башен. И если ваши кукловоды захватят власть…

Невысказанная угроза повисла над Венерой.

– Да, мы обязательно их разыщем. И башни помогут нам в

этом. А сейчас вы обвиняетесь в измене. Вы намеревались свергнуть правительство колонии и захватить власть. Следующий шаг – установление контроля над башнями. Кто у вас старший?

Из толпы пленников выступил человек. Голос его тонко зазвучал с экранов:

– Я старший… Мы все тут старше, чем были! Где обещанное бессмертие?

Сэм презрительно ответил:

– Я не настолько глуп, офицер Френч. С чего бы мне давать вам бессмертие? Чтобы вы и дальше плели заговоры? Уже много месяцев ни один из вас не подвергался радиационному облучению. Вы получали минимальные дозы, чтобы у вас не возникло подозрений, но бессмертие – не для предателей! – Лицо Сэма затвердело. – Мы с губернатором Хейлом терпеливо ждали, надеясь выявить руководителей вашей организации. Но известные события вынудили нас принять срочные меры. Мы по-прежнему намерены найти главаря и обезвредить его, а пока нужно решить вопрос, что делать с изменниками. Я приговариваю вас к смерти!

Ответом ему было молчание, дольше продержавшееся на поверхности, чем в башнях. Колонисты теперь знали, что такое время.

Сэм сделал легкий жест:

– Вас отконвоируют в любую выбранную вами башню. Никто из вас больше не вернется в колонии. Бессмертие не для вас. Вы получили возможность прожить тысячу лет, но предпочли ей короткую стезю предателя. Вам не причинят вреда. Вы умрете в башнях, но не через тысячу лет, а через тридцать-сорок, в лучшем случае через пятьдесят. Я лишаю вас бессмертия и таким образом обрекаю на смерть по естественным причинам. Возвращайтесь в башни. Здесь вы больше не нужны.

Сэм сплел кисти рук в надлежащем жесте. Суд был окончен.

– Обращаемся ко всем башням! Вы больше не должны платить дань кориумом колонии Плимут. Вы должны платить ее правительству Венеры. Мы берем в свои руки контроль над планетой. И мы располагаем средствами, которые сделают наши требования убедительными…

– Обращаемся к колонии Плимут! Немедленно приземлите все ваши самолеты, иначе они будут уничтожены…

Найти передатчик с помощью триангуляции не удалось, он все время перемещался, причем по морю. Возможно, сообщение транслировалось с самолета на самолет, хотя радары не обнаружили ни одного незарегистрированного летательного аппарата в атмосфере Венеры. Ответ Сэма на вызов был краток:

– Сдавайтесь!

– Мы располагаем средствами, которые сделают наши требования убедительными…

На всех экранах башен и колоний появилось лицо Сэма.

– Колония Плимут подвергается широкомасштабному враждебному нападению. Впервые мятежники выступили открыто. Теперь мы можем их найти и разгромить. И мы это сделаем! Смотрите телевизионные репортажи. Наши специальные корабли и самолеты патрулируют над каждой башней. Мы принимаем все необходимые меры предосторожности. Неопознанный летательный аппарат, приблизившийся к колонии Плимут, был обстрелян и повернул к югу. Я вынужден приступить к оперативному руководству. Один из наших офицеров будет постоянно информировать вас.

Сэм был один в своей башне. За несколько месяцев под его контролем здесь была установлена аппаратура, позволяющая управлять колонией в одиночку. Некоторые задачи он смог доверить подчиненным, но самую главную должен был выполнить сам.

И она не обещала быть легкой. С моря пришло очередное послание:

– Колония Плимут! Приземлите ваши самолеты! Вы не выдержите атомной атаки!

Все, кто это услышал, тотчас вспомнили имеющийся в каждой башне мемориал, заламинированный черным пластиком земной шар. Атомная энергия на Венере?! Немыслимо! Ведь она так легко выходит из-под контроля!..

Экраны давали инфракрасные и радарные изображения джунглей. Над сушей и морем барражировали самолеты Сэма, хитрые приборы пытались проникнуть в темные тайники непокоренной планеты, искали врагов, именовавших себя Временным правительством Венеры.

– Это ультиматум. Вам дается сорок восемь часов. После этого одна из башен будет уничтожена.

Атомная бомба.

Старый кошмар. Ужасный рок, постигший человеческую расу семьсот лет назад. А ведь в башнях годы ничего не значат. Год – такое же бессмысленное понятие, как и день, в котором нет часов.

Двое суток?

Время наконец вернулось в башни.

Два самолета, подлетевшие слишком близко, были сбиты – силовые лучи притянули их к земле. Взрывов не последовало, но угроза атомной бомбардировки оставалась реальной. Сэм

объявил:

– Мы вынуждены максимально сосредоточиться, а потому отзываем наших людей, занятых расширением колонии.

Его усталое, напряженное лицо исчезло с экрана, сменившись изображением обширного расчищенного участка морского берега с привычной стеной джунглей на заднем плане. Там уже была возведена часть нужных зданий, другие стояли недостроенными; надувные фундаменты были не полностью покрыты защитным пластиком. Аккуратными штабелями лежало оборудование. К причалам, где ждали моторные баржи, тянулись стройные колонны людей.

– Мятежники еще не запеленгованы, наши самолеты продолжают поиск…

– Сорок семь часов. У вас осталось сорок семь часов. Колония Плимут, приземлите ваши самолеты.

Время…

– У вас осталось сорок шесть часов…

Страх объял башни. Все Пути заполнились людьми, толпы скапливались на развязках, где стояли большие общественные экраны.

– Политическое тело – не просто фигура речи, – объяснял Захария Харкер Кедре. – Пути – это кровеносная система. Слишком большие толпы на них можно сравнить с кровяными сгустками. Возникает опасность аневризмы.

– Захария… – прошептала Кедре.

Он взял ее за руку:

– Не знаю, дорогая. Пока не знаю. Но мы что-нибудь придумаем. У нас еще сорок пять часов.

– У вас сорок четыре часа…

– Еще один самолет был сбит силовыми лучами в тридцати милях от колонии Плимут. Атомного взрыва не произошло. Самолет управлялся по радио. Передача ведется с моря, рация постоянно перемещается с квадрата на квадрат.

Хейл посмотрел на Логика.

– Наладится. – Бен Кроувелл набивал табаком свою трубку.

– Вам легко говорить. Вы знаете ответы, в отличие от меня.

– Время для настоящего беспокойства еще не пришло, – изрек Кроувелл. – Вы видите самолеты, которые отсюда кажутся такими маленькими, такими безобидными, и не думаете о подземнике с корнями в двадцать футов длиной, дожидающемся своего часа. Прямо сейчас… – Он взглянул на ближайший экран. – Ведь не

похоже, что я вмешиваюсь?

– Не похоже. Но вы бы куда заметней волновались, будь угроза ядерной войны реальной. Даже Вольные Компании считали атомное оружие неприемлемым. Даже для обороны.

– У вас сорок три часа, – сообщил экран.

– У вас двадцать четыре часа.

– У вас двадцать часов.

– У вас шестнадцать часов.

– Говорит Сэм Рид. Мы нашли негодяев.

На экране появились снимаемые сверху джунгли – зеленые, пышные, кишащие жизнью. И тут началась бомбардировка. Кислота, огонь, лучи – вся ярость человечества столкнулась с яростью Венеры.

Зелень сменилась чернотой. Джунгли корчились в смертельной агонии, вопили, выбрасывали в небо длинные канаты лиан. От эпицентра чудовищной бойни тучами уносились во все стороны летающие твари. Вот вытянул кверху высоченную, как колонна, шею громоящер, распахнул красную пасть; сквозь непрестанный рев канонады прорезался шипящий визг зверя.

– Сдавайтесь! Мы уничтожим башни! Без малейших колебаний! Прекратите атаку…

На месте джунглей теперь была дымящаяся почерневшая земля. Почва крошилась и текла, как лава. Росло раскаленное добела озеро. В него били силовые лучи, расплавленный камень вскидывался сверкающими гейзерами… И что-то выпирало из истекающих паром недр. Уровень лавы в озере понизился, показалась гладкая серая выпуклость.

На экранах возникло лицо Сэма.

– Перед вами секретный штаб мятежников, – заявил он. – Сейчас вы увидите его уничтожение.

– Мы разрушим башни! – прокричал голос. – Прекратите атаку!!!

Посреди белого от жара озера мрачно высился серый купол.

К нему полетел черный длинный цилиндр. Купол был прочен, он выдержал взрыв. Но упала вторая бомба. Третья…

Не успевал вырасти один ядерный гриб, как на том же месте рождался новый. И эта точная бомбардировка велась непрерывно, без малейшей паузы. Размеренные удары гигантского молота. Четыре, пять, шесть…

Сэм сбросил сорок восемь бомб. По одной за каждый час, предоставленный ему Временным правительством Венеры.

Экраны заволокло дымом. А когда он рассеялся, появилась картина разрушения, которую не смогли бы сотворить

венерианские джунгли в самом крайнем своем неистовстве. Подземник наконец был выкорчеван.

А двести подводных лодок выпустили по защитным импервиумным куполам башен торпеды с очень специфической боевой частью.

Шесть часов спустя Захария Харкер обратился к башням:

– Мятежники уничтожены Сэмом Ридом. Но у них был флот самоубийц. Погибая, они мстили нам. Империвумный купол над Делавэром теперь радиоактивен. То же относится и ко всем остальным башням. Минутку…

Он исчез, но через несколько секунд появился снова.

– Я только что получил новое сообщение. Уничтожены не все мятежники, кое-кому удалось выжить. Непосредственной угрозы они не представляют, но будут потенциально опасны до тех пор, пока мы не искореним организацию полностью. К сожалению, их удар оказался успешным. Через неделю будет достигнут опасный уровень радиации, что сделает башни непригодными для обитания. Не следует опасаться, что активированный импервиум наберет критическую массу, – это совершенно исключено. Но остановить атомную реакцию невозможно, и через неделю башни превратятся в ловушки; люди, оставшиеся в них, умрут медленной смертью. Остается только один выход. Построить новые импервиумные купола под водой мы не успеваем. Вероятно, когда-нибудь займемся этим, но сейчас их можно быстро возвести на поверхности. Здесь Сэм Рид, он огласит свой план.

На экранах появился Сэм и почти беспечным тоном сообщил:

– Мы сделали от нас зависящее, чтобы спасти положение, но последнее слово осталось за негодяями. Теперь всем вам придется покинуть башни или умереть. Я уже говорил, что мы планировали расширение колонии. Были расчищены большие территории, туда завезено оборудование. Все это теперь к вашим услугам. Мы останемся в Плимуте или приступим к строительству новых поселений. В час опасности нам необходимо действовать вместе. Мы один народ. В течение недели вы сможете доставить наверх все нужные вам материалы. Жизнь предстоит нелегкая, но это все-таки жизнь. Мы, колония Плимут, готовы оказать вам всемерную поддержку. Желаю удачи.

Сэм и Захария перешли на секретный канал.

– А вы сможете за неделю эвакуировать население башен?

– С легкостью. За неимением другого выхода.

– Хорошо. Теперь нам придется работать вместе. Мне это

предлагала Кедре, но я отказался. Теперь предлагаю сам. Мы пришлем специалистов, они помогут с отбором необходимого оборудования. Главная проблема на расчищенных территориях – медицинская. Мы предоставим врачей-администраторов, они посодействуют с акклиматизацией на поверхности, да и вообще помогут выжить. Нельзя слишком полагаться на импервиумные купола. С мятежниками еще не покончено, и то, что им удалось однажды, они захотят повторить. Под импервиумом вы будете уязвимы…

– Жизнь на поверхности будет особенно тяжелой для стариков и больных.

– Тем больше работы достанется здоровым. Но хватает и задач, которые не требуют физической силы. Поручите их старым и немощным; тем самым вы освободите молодых и сильных для более важных дел. Придется много расчищать и строить.

– Наши техники оценивают период полураспада возбужденного тория в двенадцать лет. Когда минует этот срок, мы сможем вернуться в башни.

– Но до тех пор нужно еще дожить. И не забывайте об уцелевших мятежниках. Если мы их не выловим, они смогут восстановить купола башен. Двенадцать лет – долгий срок.

– Да, – сказал Захария, глядя в задумчивое лицо своего внука. – Да, я думаю, срок будет очень долгим.

> И сказал Господь… «И введу вас в ту землю, о которой Я, подняв руку Мою, клялся дать ее Аврааму… в землю хорошую и пространную, где течет молоко и мед…» И пошли сыны Израилевы среди моря по суше: воды же были им стеною по правую руку и по левую сторону.
>
> *Исход 6: 8*

Семьсот лет назад случился последний исход человеческой расы. Сегодня начался новый. Перемещение огромных масс населения было слишком сложным, чтобы им мог руководить один человек, и впоследствии люди, оглядываясь назад, могли вспомнить лишь страшное смятение, истерию, близкую к панике, слепой протест против судьбы, но и в то же время целенаправленное движение, подчиненное общему замыслу. Жители башен научились послушанию. Теперь они делали то, что им приказывали; пусть неохотно, пусть в страхе, но подчинялись тем, кто приказывал достаточно властно.

Еще несколько дней назад никто бы не поверил, что такой грандиозный исход когда-нибудь случится. А впоследствии никто

не сможет понять, как его вообще удалось осуществить. Семьсот лет, прожитых населением на одном месте, – это громадная инерция; чтобы преодолеть ее, нужна еще большая сила обстоятельств.

Нуклон. Частица невесомая, по какой шкале ее ни измеряй. Но ее тяжести хватило, чтобы вывести мир из равновесия. Никакой другой фактор не справился бы с этим. В центре каждой башни висел символ погибшей Земли, черный шар, и каждый житель башни, двигаясь по Путям, видел его бессчетное число раз. И у каждого в мозгу засел безотчетный ужас.

Кедре в последний раз, не спеша, осмотрела свое роскошное жилье. Ее взгляд был таким же спокойным, как убранство этой комнаты.

– Мы не вернемся, – сказала она.

Захария Харкер, ожидавший в дверях, сдержанно спросил:

– Почему?

– Ты знаешь почему. И хорошо, что не вернемся. Ненавижу Сэма Рида. Он всегда заставлял меня глядеть в лицо жестокой правде, хоть и делал это по своим собственным, далеким от моих интересов соображениям. Не потому, что его когда-нибудь заботило выживание народа. Что бы он ни предпринимал, цель всегда одна: создать монумент своему «я». Ни о чем другом он думать не способен.

– Сможем ли мы когда-нибудь это доказать?

Кедре пожала плечами:

– Сейчас уже не имеет значения. Мы знаем методы Сэма. В отчаянных ситуациях он принимает отчаянные меры. Надо отдать ему должное: учится он быстро. Нет, думаю, доказать мы ничего не сможем.

– Ты готова, дорогая? Лифт ждет.

– Да. – Она вздохнула, поворачиваясь к двери. – У меня нет предчувствия, что я отправляюсь на смерть. Нет, я всего лишь докажу себе, что существую, – тем, что начну жить! Там, наверху, неуютно, а может, даже опасно, хотя, пожалуй, опасности меня пугают меньше, чем неудобства. Как ни крути, то, что мы делаем сейчас, надо было сделать давным-давно. Но до чего же тошно оттого, что нас к этому вынудили!

Он рассмеялся:

– У меня такие же ощущения. Надо думать, как у первых беспозвоночных, которые выползали на сушу из доисторических морей; им была ненавистна каждая минута новой жизни. Вот и человечеству пришла пора выбраться из воды и вновь основаться на твердой почве. Но даже Сэм Рид не в силах добиться, чтобы

нам это нравилось.

– Он за все поплатится. – Кедре застегнула плащ у горла и медленно пересекла комнату, сосредоточенно ощущая, как под ногами мягко пружинит пол, по которому она уже никогда не пройдет.

Ну, разве что лет через сто, ностальгии ради.

«И до чего же чуждым все это покажется тогда, – размышляла она. – После такого долгого пребывания под открытым небом здесь мне будет темно и душно. Даже подумается: как же я вообще могла это выносить? Ох, Сэм Рид, лучше бы тебе не родиться на свет…»

Захария придержал для нее дверь.

– Наверху мы не откажемся от нашего плана, – сказал он. – Родители уже там, работают на защищенной территории.

– Пусть это будет мальчик, – потребовала Кедре. – Мальчик – более надежное оружие. И конечно же, не единственное в нашем арсенале. Сэма необходимо остановить. Да, это грязный трюк, но ведь и Сэм, играя против нас, применял грязные трюки. У нас есть союзник: время.

Захария промолчал, глядя ей в лицо.

– Когда вы позволили уйти мятежникам, я понял: у вас есть какой-то план, – сказал Хейл. – Вы никогда не выбрасывали то, чему могли найти применение.

Сэм взглянул на него из-под сошедшихся бровей:

– Вы хотели колонизировать поверхность, и теперь она колонизирована.

– Подводные лодки без экипажей, самолеты без пилотов, дистанционное управление – все это было заготовлено задолго до того, как применено, – с улыбкой проговорил Хейл. – Ну что ж, вы своего добились. Никто другой во всем мире с такой задачей не справился бы.

– Через двенадцать лет, – спокойно пообещал Сэм, – люди полностью акклиматизируются. А еще через двенадцать, ну, или через двадцать четыре, им здесь так понравится, что уже и не прогонишь. Помните, вы мне как-то говорили, что делает людей покорителями диких просторов? Их надо тянуть и толкать. Дома – невыносимые условия, где-то еще – Святой Грааль. Одного Грааля мало.

С минуту Сэма пристально рассматривали глаза, так много повидавшие на Венере.

– Помните, что в итоге случилось с Моисеем, Сэм? – спросил Робин Хейл и, не дожидаясь ответа, повернулся и вышел.

Народ пустил корни в венерианскую сушу. Народ рос – поначалу медленно, вяло, но постепенно набираясь сил.

Внизу, в брошенных башнях, в первые дни после исхода тысяч и тысяч, все еще теплилась жизнь.

Там остались те, кто решил не покидать умирающие города. Старики, всю жизнь прожившие под водой и не мыслившие иного существования. Больные, которые предпочли медленное угасание в комфорте, заботливо для них созданном. Наркозависимые. Безмолвными призраками они бродили внутри гигантских раковин. Могильная тишина, какой не бывало в башнях за всю их историю, нарушалась только их шагами, слабым гулом замедлившихся Путей да невнятными звуками моря, проникавшими сквозь импервиумную скорлупу.

А вскоре шаги утихли.

Толстые стены сотрясались под натиском ударных волн; над бумагой плясало стило; шатался пол; ритмично вздрагивали авторучка и кресло.

Сидящий в кресле Сэм раздраженно кривился, не отдавая себе в этом отчета. Уже третий день кряду он заставлял себя не замечать мелкие неудобства, причиняемые бомбардировкой. Молодая женщина в строгом коричневом костюме, наклонившись вперед, следила за движениями авторучки; недлинные черные пряди свисали, закрывая ее лицо. Как только Сэм закончил, она взяла лист и пошла по трясущемуся полу к собственному столу, где стоял телеэкран. Женщина внятной скороговоркой произнесла в микрофон несколько слов.

– Ну что ж… – устало произнес Сэм. – Сигна, пригласите Захарию.

С безупречной грацией, радующей глаз, она быстро направилась к двери. Та вела не в приемную, а в небольшой тамбур, просвечиваемый устройствами, способными обнаружить у входящего оружие. Сэм не желал испытывать судьбу. Впрочем, сейчас эта мера предосторожности была излишней. Пожалуй, он слишком долго путал свою личную безопасность с общественной.

Снова загрохотали разрывы, и вот первая трещина светящейся медленной молнией прочертила стену. Какой прок от тамбура, если сами стены уже не выдерживают? Но пока он есть, пусть послужит.

Сигна дала знак, и в тамбур ввели арестанта. Двое охранников подождали, пока он примет невидимую лучевую ванну, и провели его в кабинет. За ними вошли еще двое конвоиров.

Ни наручники, ни багровый кровоподтек во всю щеку не

лишили Захарию его знаменитого самообладания. Кожа осталась юношески свежей, разве что приобрела легкий загар. Он по-прежнему возглавлял клан Харкеров, а Харкеры не утратили статуса самой влиятельной семьи на Венере. Но если трюк Сэма с похищением предводителя атакующих войск и повлиял как-то на ситуацию, Захария этого ничем не выдал.

Двадцать лет – не слишком большой срок.

Башни были все еще необитаемы. На суше люди адаптировались очень медленно, но теперь этот процесс был завершен. Об этом всем сообщили в тот день, когда приборы наконец показали: венерианская атмосфера пришла к экологическому балансу, сопоставимому с земным. Росичка кровяная, а также земные растения, рекордными темпами вырабатывающие кислород, выполнили свою задачу. В ботаническом аспекте континент стал самодостаточен. Избыток в воздухе двуокиси углерода, питавшего буйную венерианскую флору, устранен. То, что нормально для растений земного происхождения, ядовито для здешних существ, которые зачастую не растения и не животные, а смертоносный симбиоз тех и других.

Именно этого дня дожидались расширившиеся колонии.

Именно в этот день разразилась война.

– Захария, – хмуро проговорил Сэм, – я требую, чтобы вы приказали вашей армии отступить.

Захария смотрел на него в упор, смотрел недобро, пытаясь, как он делал часто и тщетно, найти признаки кровного родства с Харкерами.

– С чего вы взяли, Сэм, что я соглашусь?

– Вы не в том положении, чтобы торговаться. Я вас расстреляю, если военные действия не прекратятся к полудню. Подойдите, мой передатчик в вашем распоряжении.

– Нет, Сэм. В этот раз вы не выиграете. Вам конец.

– Я всегда выигрывал. Смогу и сейчас.

– Нет, – повторил Захария и умолк, вспомнив, сколько раз выигрывал Сэм – легко, с презрительной ухмылочкой, благодаря несокрушимой обороне, столь коварно созданной им за мирные годы. Когда вскрылась афера с бессмертием, начались плохо организованные, отчаянные, всегда обреченные на провал попытки захватить белую крепость, где засел самый могущественный человек на Венере.

– Мы не партизаны, – тихо проговорил Захария. – Мы готовились к этому штурму с того самого дня, как вы отняли у нас кориум под угрозой применения глубинных бомб. Помните, Сэм? Вы не допускали серьезных стратегических просчетов, но

вам следовало лучше учитывать оборудование, которое мы, перебираясь на поверхность, вывозили из башен. Вот и нашлось ему применение. – Он взглянул на зубчатую трещину, неумолимо расползавшуюся по стене. – И на этот раз победа будет за нами, Сэм. Вы долго готовились к обороне, но еще дольше мы готовились к нападению.

– Вы кое-что упустили из виду. – У Сэма болела голова от непрерывной тряски, это затрудняло его речь. – А именно собственную судьбу. Неужели для вас расстрел предпочтительнее прекращения войны?

– Неужели вы не способны меня понять?

Сэм раздраженно покачал головой:

– Будь вы так сильны, как притворяетесь, напали бы двадцать лет назад. Вам не обмануть меня, Харкер. Я никогда не проигрываю.

– Двадцать лет назад, Сэм, мы нуждались в вас. Вы получили отсрочку. Теперь она закончилось. Штурм – это не только взрывы снарядов. Это давление человеческих эмоций, которые вы так долго угнетали.

Сэм гневно ударил кулаком по дрожащему столу.

– Замолчите! – приказал он. – Меня уже тошнит от болтовни. Даю минуту на принятие решения, Харкер. Если откажетесь, вы покойник.

Но, говоря это, он ощущал тяжесть в мозгу, природу которой не мог определить.

А еще ему не давала покоя мысль, что слишком уж легко удалось пленить Захарию.

Он нервно осмотрел комнату; взгляд на мгновение, как бывало очень часто, остановился на синеглазой девушке, сидевшей за столом в противоположном углу. Плотно сжав губы, она следила за происходящим, старалась ничего не упустить. Сэм знал, что может доверять ей. Эта уверенность согревала ему сердце. Она подкреплялась исчерпывающим психологическим и неврологическим тестированием, на котором были отсеяны все кандидаты, кроме шести.

Когда Сигна поселилась в форте и устроилась рядовым клерком, ей было восемнадцать лет. Родилась она в башне, но выросла на поверхности. Все вновь прибывшие, разумеется, тщательно проверялись. Всем им психологи Сэма впечатывали в сознание инструкции. Но Сигна росла в карьере быстрее остальных. Через год она стала заместителем секретаря в тщательно охраняемом здании администрации. Еще через полгода получила должность секретаря и собственный кабинет. Однажды Сэм, подбирая людей в свою личную команду,

обнаружил среди прошедших самый строгий кастинг женское имя. При первой же встрече он выбрал Сигну.

Теперь ей двадцать пять лет. Она не стала наложницей Сэма, хотя мало кто в форте поверил бы в это.

Сэм видел: ее что-то беспокоит. Он так хорошо изучил ее лицо, что замечал на нем мельчайшую перемену. Когда она смотрела на Захарию, между бровями пролегала складка, а лицо приобретало слегка неуверенное выражение, как будто она ждала, сама не зная чего.

Сэм взглянул на часы.

– Сорок секунд, – сказал он и отодвинулся от стола вместе с креслом.

Все находившиеся в комнате следили за ним. Он подошел к дальней стене, той, где ширилась трещина, и нажал кнопку на раме широкой, шесть на шесть футов, зашторенной ниши. Шторы стали медленно раздвигаться, из ниши полился тишайший, нежнейший, неуловимо соблазнительный гул. Сэм потянулся к крышке коробочки, прикрепленной к стене рядом с нишей, но его остановил звонок вызова.

– Это вас, Сэм, – сказала Сигна. – Хейл.

Он снова нажал кнопку, закрыв нишу, и быстро вернулся к столу. С наклоненного экрана на него смотрело нестареющее загорелое лицо вольного компаньона.

– Вы один, Сэм?

– Нет. Подождите, я переключусь на наушники.

Лицо дрогнуло в раздраженной гримасе. Сэм заставил его исчезнуть, и в ушах зазвучал голос Хейла, который больше никто не мог услышать.

– Пролом, – отрывисто произнес Хейл.

– Большой?

– Очень. Это из-за вибрации – я же вам говорил, что пластик слишком жесткий. Они уже захватили несколько наших орудий, сейчас направляют их на нас. Через пять минут займутся верхней стеной. Сэм, похоже, нас кто-то предал. Иначе как они могли узнать принцип действия игольных пушек?

Сэм молчал, торопливо перебирая в уме подозреваемых. Самого Хейла нельзя исключить из их числа. Давным-давно прошли те времена, когда Сэм доверял вольному компаньону. Лояльность Хейла он обеспечил не самым достойным путем – сделал так, что в общественном мнении два лидера колонизации оказались крепко связаны одной веревочкой. Хейл получал выгоду от их сотрудничества, и Сэм постарался, чтобы об этом узнала вся Венера. Раскрыл роль партнера в реализации непопулярных мероприятий, в том числе аферы с бессмертием.

Это позволяло надеяться, что Хейл будет поддерживать Сэма в любых делах, лишь бы спасти собственную шкуру.

– У меня здесь Захария, – сказал Сэм в микрофон. – Вы придете? – Он снял наушники и повернулся к пленнику: – Ваша минута истекла.

Захария, похоже, колебался. Наконец произнес:

– Я буду говорить с вами, Сэм. Одно условие: с глазу на глаз.

Сэм выдвинул ящик стола, достал плоский пистолет и положил на дрожащий стол.

– Захария Харкер, вы будете говорить здесь и сейчас или получите пулю между глаз. – Он посмотрел над стволом в безмятежное лицо бессмертного, полускрытое синеватой сталью.

Захария молчал. Издалека, приглушенный стенами, донесся безошибочно узнаваемый вой игольной пушки. Удар, гром, долгий треск.

Захария сказал:

– Лучше бы нам все-таки поговорить наедине, Сэм. Впрочем, если хотите стрелять, стреляйте. При свидетелях я ничего не скажу.

Сэм колебался недолго. Он только теперь понял, насколько сильно потрясен, – будь иначе, не поддался бы на блеф. Но все же медленно опустил пистолет и кивнул.

Сигна встала.

– Вы свободны, – сказала она охранникам.

Те повернулись и вышли через все еще работающий шлюз. Сигна вопросительно взглянула на Сэма:

– Мне тоже уйти?

– Нет, – твердо ответил Сэм.

– Сэм… может, все-таки… – Ее голос звучал неуверенно, и Сэму это показалось странным.

Но тут заговорил Захария:

– Останьтесь, пожалуйста.

Сигна бросила на него странный взгляд: недоумевающий, настороженный.

Сэм следил за ними, опираясь руками на стол и ощущая почти непрерывную вибрацию от обстрела. Снова и снова игольные лучи с воем пронзали воздух, и не хотелось думать, что творится с оборонительными сооружениями верхнего яруса.

– Ладно, Харкер, – сказал он. – Что у вас? Говорите быстрее, мне некогда.

Захария, с которого так и не сняли наручники, пересек комнату и остановился у окна, обрамлявшего далекое море.

– Идите сюда, – сказал он. – Я покажу.

Сэм прошагал по дрожащему полу и нетерпеливо спросил:

– Что? Что покажете? – Он остановился на безопасном расстоянии от бессмертного, потому что привык ни на секунду не забывать об осторожности. – Я ничего не вижу.

Захария просвистел начальные такты «Лиллибуллеро».

Комната наполнилась грохотом.

У Сэма кружилась голова, он задыхался, кашлял и совершенно не понимал, что происходит.

«Выстрел игольной пушки, – пришла страшная мысль. – Но тогда здесь были бы руины».

А пострадал, похоже, только он.

Опираясь плечом на стену, Сэм тряс головой и тяжело дышал.

Он поднял взгляд. Захария все так же стоял у окна, но теперь глядел на Сэма и, казалось, усилием воли подавлял жалость. В комнате все оставалось по-прежнему. Но что-то произошло с плечом Сэма.

Он вспомнил, как получил удар. Дотронулся до онемевшего плеча и недоумевающе посмотрел на ладонь. Она стала красной. Что-то двигалось по груди. Опустив голову, он увидел кровь. Пуля попала в область ключицы.

Прозвучал мягкий, чистый голос Сигны:

– Сэм… Сэм!

– Ничего… Все в порядке, – успокаивающе произнес он.

А когда поднял голову, вздрогнул. Она стояла позади стола и держала плоский пистолет трясущимися руками. Круглые от страха, почти безумные глаза смотрели то на Сэма, то на Захарию.

– Это… я стреляла, Сэм, – проговорила она хриплым шепотом. – Не знаю почему… но должна быть причина. Я не понимаю…

Харкер мягко прервал ее:

– Этого недостаточно, Сигма. Вы знаете, что нужно закончить дело. И поскорей, пока он не опомнился.

– Я знаю… знаю… – Она задыхалась.

Обычно Сигна стреляла очень быстро и метко, но сейчас поднимала пистолет двумя руками – робко, как школьница. Сэм увидел, как ее палец притронулся к курку.

Он не мог больше ждать. Резко опустив руку, через ткань костюма нащупал в кармане игольный пистолет – и выстрелил.

И не промахнулся.

Еще какое-то мгновение ее широко раскрытые глаза удивленно смотрели на него. Сэм едва услышал звук упавшего пистолета. Он смотрел ей в лицо и вспоминал другую девушку с синими глазами, которая когда-то столкнула его в бездну

беспамятства.

– Розат, – проговорил он наконец и повернулся к Захарии.

Захария, Розат, Сэм Рид. И сейчас такой же треугольник. Но в этот раз…

Пальцы вновь сомкнулись на игольном пистолете. Прошипел выстрел. Захария даже не шелохнулся. Но в шести дюймах от его груди луч будто взорвался. Взвизгнула высвободившаяся энергия, вспыхнуло пламя, подобное маленькой звезде. Захария стоял невредимый и улыбался, глядя Сэму в лицо.

А в следующий миг он повысил голос:

– Что ж, Хейл, теперь ваша очередь.

У Сэма не было времени удивляться. Скрипнув зубами, он выхватил пистолет из прожженного кармана и прицелился в лицо Захарии. Здесь у бессмертного не может быть защиты.

Но выжать спуск он не успел. Позади устало прозвучал знакомый голос:

– Вы выиграли, Харкер.

И Сэму в глаза ударил ослепительный свет.

Сэм знал, что это за штука. Они с вольным компаньоном всегда имели при себе миниатюрные излучатели для подавления бунта вместо смертельного оружия. Зрение, как правило, не пропадает навсегда, но возвращается оно не скоро.

В окутавшей его тьме Сэм услышал голос Захарии:

– Спасибо, Хейл. Я не сомневался в вас, но все же… смерть была совсем близко.

Вольный компаньон произнес:

– Простите, Сэм.

И это последнее, что Сэм Рид услышал в колонии Плимут.

> И взошел Моисей с равнин Моавитских на гору Нево… И сказал ему Господь: вот земля… Я дал тебе увидеть ее глазами твоими, но в нее ты не войдешь. И умер там Моисей… в земле Моавитской… и никто не знает места погребения его…
>
> *Второзаконие*

Клубящаяся мгла, рев ветра. Зыбкие разводы света постепенно превратились в голову и торс. Лукавое выражение на морщинистом лице… Сэм узнал его. Позади старика – голая металлическая стена. Откуда-то пробивается тусклый свет.

Сэм попытался сесть – не вышло. Попытался опять. Он не мог даже пошевелиться. Его охватила паника. Старик улыбнулся:

– Полегче, сынок. Так и должно быть.

Говоря, он набивал трубку табаком. Поднес огонь, раскурил,

выдохнул дым. Его мягкий взгляд сосредоточился на Сэме.

– Я кое-что расскажу тебе, сынок, – сказал он. – Уже пора это сделать. Ты пробыл здесь несколько недель, подлечился, отдохнул. Никто, кроме меня, не знает…

– Где? – Сэм попытался повернуть голову, чтобы найти источник света, рассмотреть комнату.

– Я давно подготовил это убежище, – продолжал Кроувелл, попыхивая трубкой. – Решил, что оно может пригодиться для чего-нибудь такого. Мы под моим огородом. Я уже много лет выращиваю картошку. Может, сто лет, а может, и пятьсот. Да, я бессмертный. Что, не похоже? А ведь я родился на Земле.

Он выпустил облако сизого дыма.

– Эх, старушка Земля… На ней было много хорошего. Но уже тогда я видел, что приближается. Я видел тебя, Сэм Рид. Нет, не о лице твоем речь и не об имени – но я знал, что ты появишься. Человек вроде тебя всегда появляется в нужное время. Я могу предсказать твое будущее, Сэм. Есть у меня такой дар. Но я не могу вмешаться, иначе в будущем случится то, чего я не предвижу… Да, о чем это я?

Сэм ценой огромного усилия пошевелил пальцем. Перед глазами плясали цветные пятна. Он едва слышал бормотание старика.

– Легче, легче, – успокаивающе проговорил Кроувелл. – Постарайся меня выслушать. Я Логик, Сэм. Помнишь храм Истины? Ты тогда не поверил оракулу, верно? А я оказался прав. Этой машиной, не совершающей ошибок, был я. Ты сорок лет провел в храме, Сэм, но ничего не помнишь. Ты спал под действием сонной пыли.

Сонная пыль? Сознание полностью вернулось к Сэму Риду. Он напряженно слушал. Неужели это ответ, который он так долго искал? Ответ, пришедший с такой легкостью, когда он уже ничего не значит? Кроувелл – неизвестный хранитель? Но как?.. Почему?..

– Захария решил убить тебя. Я это предвидел. И знал, что у него получится, если я не вмешаюсь. И я вмешался, а это значительно спутало карты. Я уже не могу точно предсказывать будущее – надо было ждать, когда выровняется ход событий. И я прождал сорок лет.

Вот почему я разбудил тебя в переулке, оставив без денег и без памяти. Чтобы выровнять ход событий, сынок. Он требовал, чтобы я, давая тебе хороший подарок, одновременно дал и другой. Иначе бы у нас ничего путного не вышло.

Тебе пришлось решить кое-какие личные проблемы, и с этим ты справился. А заодно и мне помог: я снова стал видеть будущее.

Сэма услышанное не заинтересовало. Вот бы справиться с параличом… И он должен справиться! Раньше всегда удавалось черпать силу из какого-то глубинного источника, которым не обладает больше никто. И сейчас получится!..

Не получалось.

– Ты не Сэм Рид, – произнес Логик. – Помнишь Блейза Харкера? У него родился сын. Уже тогда Блейз был не в своем уме, иначе бы он не возненавидел своего ребенка и не обрек его на такую ужасную судьбу. Ты вырос похожим на короткоживущего, но твоя настоящая фамилия – не Рид.

Блейз Харкер. Блейз Харкер, человек с искаженным лицом, бьющийся в смирительной рубашке…

«Я его отпустил! А ведь мог убить! Это же он… А я его отпустил!..»

Блейз Харкер!

Харкер!

Сэм – Харкер!

– Я не мог сказать тебе раньше, – продолжал Кроувелл. – Иначе будущее свернуло бы в другое, не самое лучшее русло. До сих пор мы нуждались в тебе, Сэм. Время от времени должна появляться сильная личность, такой парень, как ты, чтобы двигать мир вперед. Не спорю, есть и другие люди, обладающие нужными качествами, например Роб Хейл. Но по большому счету он бы не справился. Он способен выполнить часть работы, но не всю. Есть задачи, которые ему не по плечу.

А вот тебя, сынок, ничто не может остановить. Ничто, если ты сам не захочешь остановиться. Не родись ты на свет, не сделай Блейз с тобой того, что сделал, человечество до сих пор жило бы в башнях. И через несколько веков или через тысячу лет оно бы исчезло. Я это видел ясно. Но теперь мы вышли на поверхность. Мы закончили колонизацию Венеры. А когда-нибудь начнем осваивать Вселенную. Только ты мог справиться, Сэм. И мы тебе очень обязаны. Ты великий человек. Но твое время вышло. Ты взял власть силой, и ты правил, как большинство диктаторов. Других методов, кроме тех, что позволили тебе подняться наверх, не признавал. Только насилие, только принуждение. И когда ты оказался на самом верху, для тебя не осталось иного пути, кроме пути вниз. В тебе, сынок, кипит та самая побудительная мощь, что заставила формы жизни впервые выбраться из воды на сушу. Но мы больше не можем использовать эту мощь, Сэм.

Мощь? Это ярость! Ослепительным белым пламенем горела она в Сэме. Настолько жаркая, что чудом не сжигала путы паралича. Казалось странным, что такой накал ярости не бросает Сэма на Кроувелла. Выбраться наружу, уничтожить Хейла,

уничтожить Харкеров…

Харкеры?.. Но ведь он тоже Харкер!

– Люди, подобные тебе, исключительно редки, Сэм, – продолжал Кроувелл. – В определенных обстоятельствах они – спасение для человечества. Но нужно, чтобы наступило их время – время большой беды. В вашем брате никогда не угаснет ярость. Вашему брату необходимо постоянно карабкаться наверх. Либо ты заберешься туда, либо умрешь. Если у тебя не будет врагов, ты начнешь бороться с друзьями. До сих пор твоим врагом была Венера, и ты победил ее. С кем же станешь сражаться сейчас?

– С людьми.

– Наступает долгий период мира. Бессмертные взяли руководство на себя. Они будут править хорошо. Ты создал надежный фундамент для их власти. Но тебе пора уходить.

Кроувелл вдруг хохотнул.

– Ты думал, что лгал, когда утверждал, что на поверхности людей ждет бессмертие? Но это оказалось правдой! Они получат бессмертие. Понимаешь? Человечество умирало в башнях. Здесь, наверху, оно будет жить не вечно, но все же долго… очень долго. Раса получила бессмертие – из твоих рук, Сэм.

Он затянулся, выпустил дым и сквозь него задумчиво посмотрел на Сэма.

– Я редко вмешиваюсь в ход событий. Только один раз мне пришлось убить человека. Это было совершенно необходимо – я достаточно ясно видел, что произойдет, если этот человек останется жить, – видел и не мог думать ни о чем другом. Мое вмешательство так сильно повлияло на ход событий, что будущее скрылось от меня на долгий срок. Теперь я вмешиваюсь снова, потому что знаю, каким оно станет. Это означает, что опять некоторое время я не смогу заглядывать вперед, но потом ход событий выровняется и ко мне вернется мой дар.

В этот раз я обойдусь без убийства. Теперь я намного старше и знаю намного больше… К тому же ты бессмертный. Можешь без вреда для себя проспать уйму лет. Все, что тебе придется делать, сынок, – это спать. Надеюсь, ты умрешь во сне. Надеюсь, мне не придется тебя будить. Если все-таки придется, это будет означать, что дела опять очень плохи. Нам с тобой суждено прожить века, а за века всякое может случиться. И мы будем рядом – решая проблемы, защищая людей, покуда хватит сил.

Я кое-что вижу. Не то, что обязательно произойдет, а вероятности. Смутно вижу, как возвращаются джунгли, как появляются новые формы жизни, мутанты – Венера коварна. И ведь мы не останемся здесь навсегда. Это только первая колония. Мы отправимся к другим планетам. Там тоже возникнет риск

катастрофы, мы и глазом не успеем моргнуть. Может, кто-нибудь попытается колонизировать наш мир, как мы колонизируем чужие. И тогда нам снова понадобится такой человек, как ты, Сэм. И тогда я разбужу тебя.

Сквозь дым Сэм смотрел в лукавое коричневое лицо старика. В эти дружелюбные и жестокие – справедливые – глаза.

– А сейчас ты уснешь, – сказал Кроувелл. Ты выполнил свою задачу. Крепкого тебе сна, сынок.

Сэм лежал неподвижно. Свет потускнел, но не было уверенности, что это так. Возможно, просто потемнело в глазах.

Столь многое нужно обдумать, а времени осталось всего ничего. Он бессмертный. Он должен жить…

Сэм Харкер, бессмертный. Харкер. Харкер…

Он слышал музыку карнавала в башне Делавэр, видел яркие ленты на движущихся Путях, вдыхал наплывающие запахи, улыбался, глядя в лицо Кедре…

Какое-то мгновение он отчаянно цеплялся за край скалы. Но эта жизнь и сознание ломались на куски под его ладонями.

Тьма и тишина заполнили погребенную комнату. Подземник, глубоко погрузив корни в землю, наконец уснул.

Эпилог

Сэм проснулся…

notes

Примечания

1

Харви Криппен (1862–1910) – фигурант громкого судебного процесса, американский врач-гомеопат и дантист, убивший в Англии свою жену.

2

Букв.: под розой *(лат.)*. *Здесь:* конфиденциально, между нами.

З

Джордж Джеффрис, барон Уэмский (1645–1689) – английский государственный деятель, судья, прозванный Судьей-Вешателем за свою роль в суде над участниками восстания Монмута.

4

Лимерик Эдварда Лира цитируется в переводе М. Фрейдкина.

5

Очень хорошо *(исп.)*.

6

Строка из арии Канио в опере Р. Леонкавалло «Паяцы».

7

Строка из знаменитой одноименной песни, исполнявшейся оркестром Виктора Ардена и Фила Омана.

8

Первая строка песни «Утраченный аккорд» композитора Артура Салливана на стихи Аделейд Энн Проктер.

9

«Она пойдет вокруг горы» – американская народная песня в жанре спиричуэлз.

10

«Фрэнки и Джонни» — американская народная песня.

11

Песня Джонни Кэша «Пей за меня лишь глазами одними».

12

Пусть покупатель будет осмотрителен *(лат.)*.

13

Притч. 20: 1.

14

Истина в вине *(лат.)*.

15

Первая строка стихотворения Р. Киплинга «Дэнни Дивер», в котором рассказывается о казни солдата. Перевод С. Тхоржевского.

16

«Сент-Джеймсская больница» – американский блюз неизвестного происхождения, прославившийся в исполнении Луиса Армстронга.

17

В книге Льюиса Кэрролла «Алиса в Зазеркалье».

18

Строки из сборника Э. Фицджеральда «Рубайят Омара Хайяма» в переводе О. Румера.

19

Напиток с добавлением психоактивного вещества, например хлоралгидрата. Своим названием он обязан чикагскому бармену Майку Финну, который обвинялся в использовании нокаутирующих препаратов с целью ограбления клиентов.

20

Часть латинского выражения «Deus ex machina» (*букв*. «бог из машины»).

21

Строка из «Берклианского лимерика» Роберта Нокса. Стихотворение иллюстрирует теорию Джорджа Беркли о материальных объектах.

22

«Весьма умно для черепахи» – строка из сатирического стихотворения «Черепаха» Огдена Нэша.

23

Формат в $^1/_8$ бумажного листа.

24

Всегда счастлив *(фр.)*.

25

Феликс Бонфис – знаменитый французский фотограф и писатель.

26

Гарри Лиллис (Бинг) Кросби (1903–1977) – американский певец и актер.

27

Эогиппус – ископаемая примитивная лошадь.

28

Эдна Сент-Винсент Миллей (1892–1950) – американская поэтесса и драматург.

29

Из глубины *(лат.)*.

30

Палимпсест – древняя рукопись, обычно на пергаменте, написанная поверх смытого или соскобленного старого текста.

31

Эхолалия – неосмысленное повторение услышанного детьми, душевнобольными и животными.

32

Суперкарго – лицо, ведающее погрузкой на судне; обычно второй помощник капитана.

33

Евангелие от Иоанна, глава 15: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих».

34

Аргус – многоглазый великан из древнегреческих мифов. *(Примеч. перев.)*

35

У. Шекспир. Венецианский купец.

36

У. Шекспир. Буря.

37

У. Шекспир. Ромео и Джульетта.

38

Не славить пришел я Цезаря, а хоронить. – У. Шекспир. Юлий Цезарь.

39

Настало время всем добрым людям прийти на помощь своей стране. Фраза, предложенная инструктором Чарльзом Э. Веллером в качестве упражнения для набора текста на пишущей машинке.

40

Винзор Маккей (1871–1934) – американский художник-карикатурист, создатель газетных комиксов и пионер мультипликации. *Вирджил Парч* (1916–1984) – известный американский карикатурист. *Чарльз Адамс* (1912–1988) – карикатурист, известный своим черным юмором и жутковатыми персонажами, создатель «Семейки Адамс».

41

«Акры алмазов» – знаменитая книга американца Рассела Конвелла (1843–1925), баптистского проповедника, адвоката, писателя и выдающегося оратора. Главная мысль книги заключается в том, что в США каждый человек благодаря своим силам, умениям и энергии может достичь большего, чем мог бы где-либо еще.

42

Майкл Арлен (1895–1956) – английский писатель армянского происхождения. Роман «Зеленая шляпка», вышедший в 1924 г., в 1928 г. был экранизирован, главную роль в нем сыграла Грета Гарбо.

43

«Тристрам Шенди» – роман Лоренца Стерна; опубликован в 1760–1767 гг. Текст романа наполнен грубоватым юмором и отсылками к произведениям знаменитых писателей и мыслителей XVII–XVIII вв.

44

Солипсизм – признание единственной реальностью своего «я», индивидуального сознания, отрицание существования внешнего мира.

45

Строка из стихотворения Гертруды Штайн «Священная Эмилия».

46

Жорж Мельес (1861–1938) – кинопродюсер и режиссер, один из родоначальников французского кино. Работал в кинематографе с 1896 по 1912 год. Изобретатель стоп-кадра. Картины Мельеса – это по большей части сказки и феерии, изобилующие трюками и тем, что сейчас принято называть спецэффектами. Интересно, что в эпоху черно-белого кино почти все его фильмы были цветными, раскрашенными от руки. А вот о том, чтобы он снимал звуковое кино, киноэнциклопедии не упоминают. Считается, что звуковое кино было изобретено в двадцатых годах двадцатого же века. Либо у Каттнера другие сведения, либо он перепутал звуковое кино с цветным.

47

«Штука» (*нем.* Stuka) – так пилоты Второй мировой называли немецкий пикирующий бомбардировщик «Юнкерс-87».

Merlin – кречет *(англ.)*.

Бестактность *(фр.)*.

Sic transit gloria mundi. – Так проходит земная слава *(лат.)*.

51

Ars longa, vita brevis. – Искусство вечно, жизнь коротка *(лат.)*.

Прощайте *(исп.)*.

53

Частично перефразированная цитата из пьесы Шекспира «Венецианский купец». В переводе Т. Щепкиной-Куперник: «Да разве у жида нет глаз? Разве у жида нет рук, органов, членов тела, чувств, привязанностей, страстей? Разве не та же самая пища насыщает его, разве не то же оружие ранит его, разве он не подвержен тем же недугам, разве не те же лекарства исцеляют его, разве не согревают и не студят его те же лето и зима, как и христианина? Если нас уколоть – разве у нас не идет кровь? Если нас пощекотать – разве мы не смеемся? Если нас отравить – разве мы не умираем? А если нас оскорбляют – разве мы не должны мстить? Если мы во всем похожи на вас, то мы хотим походить и в этом».

1 Кор. 13: 12.

55

1 Кор. 13: 1.

56

1 Кор. 13: 8.

1 Кор. 13: 10.

58

1 Кор. 13: 1.

59

Крылатая цитата из «Королевских идиллий» А. Теннисона.

Перистиль – прямоугольный двор, сад или площадь, окруженные колоннадой; часто использовался в архитектуре Античности.

Калебас – сосуд из выдолбленной тыквы.

62

«Милая Женевьев», ностальгическая любовная песня на стихи Джорджа Купера, впервые прозвучала в 1869 г.

Через тернии – к звездам! *(лат.)*

«Прекрасная Барбара Аллен», шотландская народная баллада.

65

«Нас на доске ночей и дней вперед / И в стороны, как пешки, Рок ведет; / Порою вместе сталкивает, бьет / И друг за другом в ящик вновь кладет». – Э. Фитцджеральд. Рубайят Омара Хайяма (пер. О. Румера).